

РИМСКИЕ ОРЛЫ И САРМАТСКИЕ ДРАКОНЫ

Вооружение римской армии эпохи принципата
Шлемы сарматского времени из Восточной Европы
Погребальный комплекс в Западном Казахстане
О находках глазчатых фибул в Беларуси
Браславское Поозерье в первых веках нашей эры
Исследования комплексов ранней фазы могильника Березовка
Случайная находка из музея в Варшаве
Сосуды с яйцевидным туловом в позднеримскую эпоху
Глиняные кубки в черняховской культуре
О северной границе распространения «кинжалов с вырезами»
Погребение эпохи переселения народов в Концештах

Ответственный редактор — Олег В. Шаров

E-ISSN: 1857-3533

Category B

Stratum plus. Nr. 4.

Archaeology and Cultural Anthropology

Roman Eagles and Sarmatian Dragons

Armament of the Roman Army during the Principate
Helmets of Sarmatian Time from Eastern Europe
Funeral Complex in Western Kazakhstan
Finds of Eye-Fibulae in Belarus
Braslav Poozerye in the First Centuries AD
Studies of Early Complexes from Berezovka Cemetery
Stray Find from Warsaw Museum
Obovoid Vessels in Late Roman Time
Clay Beakers in Chernyakhov Culture
Northern Extremity of 'Cutaway Daggers'
Migration Period Burial in Concești

Editor-in-Charge — Oleg V. Sharov

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2014

Stratum plus. Nr. 4.

Arheologie și antropologie culturală

Acvile romane și dragoni sarmatici

Armamentul armatei romane din epoca Principatului
Coifuri din perioada sarmatică din Europa de Est
Un complex funerar spectaculos din Kazahstanul de Vest
Despre descoperirile de fibule „cu ochi” din Belarus
Regiunea lacurilor Braslau în primele secole ale erei noastre
Cercetările fazei timpurii ale necropolei Berezovka
O descoperire fortuită din colecțiile Muzeului din Varșovia
Vasele cu corpul ovoidal din perioada romană târzie
Cupele de lut din cadrul culturii Cerneahov
Despre limita nordică de răspândire a „pumnalelor cu șlițuri”
Mormântul din epoca migrațiilor de la Concești

Redactor responsabil — Oleg V. Sharov

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2014

Editor-in-Chief — doctor of history **Mark E. Tkachuk**
Coordinating Editor — doctor of history **Roman A. Rabinovici**
Responsible Secretary — doctor of history **Leonid A. Mosionjnic**
Administration and promoting — **Alexander N. Burean**

Founder — **Alexei S. Tulbure**

Editorial Advisory Board:

M. B. Shchukin. *Through the Decision of the Senate of the High Anthropological School and Stratum plus editorial board, the name of Mark B. Shchukin shall be recorded forever in the list of editors of this journal in memory of his outstanding merits.*

- G. Atanasov** — doctor of historical sciences (Regional History Museum, Silistra, Bulgaria).
M. Babeş — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).
S. Beletsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
Yu. Berezkin — professor, doctor of historical sciences (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (the Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia).
V. Borshevich — doctor habilitat of physical-mathematical sciences (Moldovan Branch of the UN International Academy of Informatization, Kishinev, Moldova).
I. Bruyako — doctor of historical sciences (Odessa Archaeological Museum of Ukraine National Academy of Sciences, Odessa, Ukraine).
V. Cavruc — doctor of history (Eastern Carpathians National Museum, Sfântu Gheorghe, Romania).
S. Covalenco — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
V. Dergacev — doctor habilitat of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
A. Dobrolyubsky — doctor of historical sciences (South Ukraine Pedagogical University, Odessa, Ukraine).
E. Girya — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
B. Govedarica — professor, doctor habilitat (Free University of Berlin, Berlin, Germany).
S. Hansen — professor, doctor habilitat (German Archaeological Institute, Eurasia Department, Berlin, Germany).
M. Kazansky — doctor of historical sciences (CNRS — French National Center for Scientific Research, Center for Studies in History and Civilization of Byzantium, Paris, France).
V. Kirilko — candidate of historical sciences (Crimea Branch of the Archaeology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine, Simferopol).
A. Kovalev — member correspondent of the German Archaeological Institute, leader of Central Asian International Archaeological Expedition (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
I. Manzura — doctor of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
K. Marchenko — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
S. Monachov — doctor of historical sciences (Institute of Archeology and Cultural Heritage of the N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia).
V. Myts — candidate of historical sciences (The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia).
E. Nicolae — doctor of history (Institute of Archaeology “Vasile Pârvan”, Bucharest, Romania).
L. Nikolova — PhD, professor (International Institute of Anthropology, Salt Lake City, USA).
K. Randsborg — professor in archaeology (University of Copenhagen, Copenhagen, Denmark).
N. Russev — doctor habilitat of history (High Anthropological School University, Kishinev, Moldova).
O. Sharov — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
P. Shuvalov — candidate of historical sciences (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia).
O. Shcheglova — candidate of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
N. Telnov — doctor of history (Institute of Cultural Heritage of the Academy of Sciences of Moldova, Kishinev, Moldova).
L. Vishnyatsky — doctor of historical sciences (Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia).
V. Zuev — candidate of historical sciences (Saint Petersburg, Russia).

Redactor șef — doctor în istorie **Mark E. Tkachuk**

Redactor coordonator — doctor în istorie **Roman A. Rabinovici**

Secretar responsabil — doctor în istorie **Leonid A. Mosionjnic**

Administrare și promovare — **Alexander N. Burean**

Fondator — **Alexei S. Tulbure**

Colegiul redacțional:

M. B. Shchukin. *Prin Decizia Senatului Universității „Școala Antropologică Superioară” și a redacției revistei „Stratum plus”, în memoria meritelor savantului de seamă Mark B. Shchukin, numele său a fost înscris pe veci în componența colegiului redacțional.*

G. Atanasov — doctor în științe istorice (Muzeul regional de istorie, Silistra, Bulgaria).

M. Babeș — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

S. Beletsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

Yu. Berezkin — profesor, doctor în științe istorice (Muzeul de antropologie și etnografie „Petr cel Mare” al Academiei de Științe a Rusiei (Kunstkamera), Sankt Petersburg, Rusia).

V. Borșevici — doctor habilitat în fizică și matematică (Filiala Republicii Moldova al Academiei internaționale de informatizare pe lângă ONU, Chișinău, Moldova).

I. Bruyako — doctor în științe istorice (Museul de arheologie din Odesa, Academia Națională de Științe a Ucrainei, Odesa, Ucraina).

V. Cavruc — doctor în istorie (Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni, Sfântu Gheorghe, România).

S. Covalenco — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

V. Dergacev — doctor habilitat în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

A. Dobrolyubsky — doctor în științe istorice (Universitatea pedagogică din Ucraina de Sud, Odesa, Ucraina).

E. Girya — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

B. Govedarica — profesor universitar, doctor habilitat, (Universitatea Liberă din Berlin, Germania).

S. Hansen — profesor universitar, doctor habilitat (Institutul German de Arheologie, Departamentul de Eurazie, Berlin, Germania).

M. Kazanski — doctor în științe istorice (Centrul Național pentru Cercetări Științifice din Franța, Centrul pentru Studii în Istorie și Civilizație Bizantină, Paris, Franța).

V. Kirilko — candidat în științe istorice (Institutul de arheologie, filiala Crimeea, al Academiei Naționale de Științe din Ucraina, Simferopol).

A. Kovalev — membru corespondent al Institutului German de Arheologie, conducător al Expediției arheologice internaționale în Azia Centrală (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

I. Manzura — doctor în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

K. Marchenko — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

S. Monachov — doctor în științe istorice (Institutul de arheologie și patrimoniul cultural, Universitatea de Stat din Saratov „N. G. Cernișevskii”, Saratov, Rusia).

V. Myts — candidat în științe istorice (Muzeul de Stat Hermitage, Sankt Petersburg, Rusia).

E. Nicolae — doctor în istorie (Institutul de arheologie „Vasile Pârvan”, București, România).

L. Nikolova — doctor, profesor (Institutul Internațional de Antropologie, Salt Lake City, SUA).

K. Randsborg — profesor în arheologie (Universitatea din Copenhaga, Copenhaga, Danemarca).

N. Russev — doctor habilitat în istorie (Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, Chișinău, Moldova).

O. Sharov — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

P. Shuvalov — candidat în științe istorice (Universitatea de Stat din Sankt Petersburg, Rusia).

O. Shcheglova — candidat în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

N. Telnov — doctor în istorie (Institutul patrimoniului cultural al Academiei de Științe a Moldovei, Chișinău, Moldova).

L. Vishnyatsky — doctor în științe istorice (Institutul de istorie a culturii materiale, Academia de Științe a Rusiei, Sankt Petersburg, Rusia).

V. Zuev — candidat în științe istorice (Sankt Petersburg, Rusia).

Adresa: str. Zimbrului 10a, Chișinău, MD-2024, Moldova

Universitatea „Școala Antropologică Superioară”, revista „Stratum plus”.

Tel./fax: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Главный редактор — доктор истории **Марк Е. Ткачук**

Редактор-координатор — доктор истории **Роман А. Рабинович**

Ответственный секретарь — доктор истории **Леонид А. Мосионжник**

Управление и продвижение — **Александр Н. Бурян**

Основатель журнала — **Алексей С. Тулбуре**

Редколлегия:

М.Б. Щукин. Решением Сената университета «Высшая антропологическая школа» и редакции журнала «Stratum plus» имя Марка Борисовича Щукина в память о его выдающихся заслугах навсегда вписано в состав редколлегии этого издания.

Г.Г. Атанасов — доктор исторических наук (Региональный исторический музей, Силистра, Болгария).

М. Бабеш — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).

С.В. Белецкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Ю.Е. Березкин — профессор, доктор исторических наук (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской Академии наук (Кунсткамера), Санкт-Петербург, Россия).

В.И. Боршевич — доктор хабилитат физико-математических наук (Молдавское отделение Международной Академии информатизации при ООН, Кишинёв, Молдова).

И.В. Бруяко — доктор исторических наук (Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины, Одесса, Украина).

Л.Б. Вишняцкий — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Е.Ю. Гирия — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Б. Говедарица — профессор, доктор хабилитат (Свободный университет Берлина, Берлин, Германия).

В.А. Дергачев — доктор хабилитат истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

А.О. Добролюбский — доктор исторических наук (Южноукраинский педагогический университет, Одесса, Украина).

В.Ю. Зуев — кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия).

В. Каврук — доктор истории (Национальный музей Восточных Карпат, Сфынту-Георге, Румыния).

М. Казанский — доктор исторических наук (Национальный центр научных исследований, Центр по изучению истории и цивилизации Византии, Париж, Франция).

В.П. Кирилко — кандидат исторических наук (Крымский филиал Института археологии Национальной Академии наук Украины, Симферополь).

А.А. Ковалев — член-корреспондент Немецкого Археологического института, руководитель Центрально-Азиатской международной археологической экспедиции (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

С.И. Коваленко — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

И.В. Манзура — доктор истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).

К.К. Марченко — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

С.Ю. Монахов — доктор исторических наук (Институт археологии и культурного наследия Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия).

В.Л. Мыц — кандидат исторических наук (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия).

Л. Николова — доктор, профессор (Международный Институт антропологии, Солт-Лейк-Сити, США).

Е. Николае — доктор истории (Институт археологии «Василе Пырван», Бухарест, Румыния).

К. Рандсборг — профессор археологии (Копенгагенский университет, Копенгаген, Дания).

Н.Д. Руссес — доктор хабилитат истории (Университет «Высшая антропологическая школа», Кишинев, Молдова).

Н.П. Тельнов — доктор истории (Институт культурного наследия Академии наук Республики Молдова, Кишинев, Молдова).

С. Ханзен — профессор, доктор хабилитат (Немецкий археологический институт, Евразийское отделение, Берлин, Германия).

О.В. Шаров — доктор исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

П.В. Шувалов — кандидат исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия).

О.А. Щеглова — кандидат исторических наук (Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: ул. Зимбрулуй 10а, Кишинев, MD-2024, Республика Молдова
Университет «Высшая антропологическая школа», журнал «Stratum plus».

Тел./факс: (+373 22) 92-66-63; **E-mail:** stratumplus@gmail.com; **E-shop:** www.e-anthropology.com

Издан при поддержке
Ольги Витальевны Свиридовой,
Олега Алексеевича Тюренкова
и Алексея Александровича Рыбалко

Stratum plus. Археология и культурная антропология (сокращенно *Stratum plus*) — международный рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным проблемам археологии и культурной антропологии. Издаётся университетом «Высшая антропологическая школа» с 1999 года. Выходит на русском языке.

Тематика публикаций журнала не ограничена ни регионально, ни хронологически. Публикуемые материалы — результаты аналитических исследований, интерпретации, качественная публикация новых источников. Помимо материалов по археологии и культурной антропологии, принимаются к публикации материалы по истории, этнологии, нумизматике, эпиграфике и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Журнал выходит шесть раз в год в виде тематических номеров, каждый из которых посвящается отдельной исторической эпохе. Последний, 6-й номер годового цикла включает статьи по нумизматике и эпиграфике разных периодов, а также статьи по культурной антропологии, этнологии, истории позднего средневековья и начала нового времени. Каждый вышедший номер имеет свое собственное уникальное название, характеризующее содержание номера.

Электронная версия журнала (e-ISSN 1857-3533) доступна на сайте www.e-anthropology.com. Здесь же можно ознакомиться с полным архивом журнала.

Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology (abridged as *Stratum plus*) is an international peer-reviewed academic journal covering topical issues of archaeology and cultural anthropology, published by the High Anthropological School University since 1999. The journal comes out in the Russian language. All papers are supplemented by abstracts in English, Russian and Moldovan languages.

Subjects are not limited either regionally or chronologically. They include results of analytical research, interpretations or a high-quality publication of new sources. Contributions on history, ethnology, numismatics, epigraphics and other auxiliary historical disciplines are accepted along with papers on archaeology and cultural anthropology.

The Journal comes out six times a year in subject-oriented volumes dedicated to a specific historical age. The last, the sixth issue includes papers on numismatics and epigraphics of different periods, as well as papers on cultural anthropology, ethnology, history of late Middle Ages and early New Time. Each volume has its own unique title relevant to its content.

Online journal (e-ISSN 1857-3533) and **full archive** are available on www.e-anthropology.com.

Все права защищены.

- © Университет «Высшая антропологическая школа», Р.Р. «Stratum plus», журнал «Stratum plus. Археология и культурная антропология»
- © Обложка: Д.А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина
Перевод на государственный язык Республики Молдова: С. Черна
Технический координатор: Ж.Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжик, Г.В. Засыпкина
Редактор карт: Л.А. Мосионжик
Корректор: Г.В. Засыпкина

Статьи этого журнала доступны учреждениям-подписчикам базы данных EBSCOhost.com

Содержание номеров журнала доступно также и в научной базе данных Elibrary.ru

Article level content of this publication is available to subscribing institutions via EBSCOhost.com databases

Article level content of this publication is also available via Elibrary.ru scientific databases

СОДЕРЖАНИЕ

МОНОГРАФИЯ В ЖУРНАЛЕ

А. Е. Негин (Нижний Новгород, Россия). Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения	15
Введение	16
Глава 1. Обеспечение армии эпохи принципата вооружением: вопросы логистики и финансирования	24
1.1. Римская военная логистика: основные параметры и принципы организации	24
1.2. Расходы государственной казны на вооружение армии	31
1.3. Стоимость предметов вооружения	37
Глава 2. Организация распределения, хранения и обслуживания вооружения	39
2.1. Личное снаряжение солдата и казенное вооружение легиона	39
2.2. Перераспределение трофейного оружия и вооружения погибших	42
2.3. Организация хранения оружия в <i>armamentaria</i> постоянных лагерей	44
Глава 3. Организация производства вооружения	53
3.1. Контролируемые государством оружейные производства (мастерские)	53
3.2. Частные локальные оружейные мастерские и продукция «бродячих» оружейников	62
3.3. Легионные оружейные мастерские: их эволюция и деятельность	66
Глава 4. Технология производства вооружения	77
4.1. Ремесло оружейника в эпоху Империи	77
4.2. Инструменты и приспособления	79
4.3. Технологические особенности работы с железом, бронзовыми сплавами и латунью	84
4.3.1. Производство наступательного вооружения (меч, копье, метательные снаряды)	91
4.3.2. Производство оборонительного вооружения (доспех, шлемы, щиты)	96
4.4. Использование кожи, ткани и иных материалов при изготовлении воинского снаряжения	100
4.5. Контроль за качеством изготовленного оружия и доспехов	106
Заключение	112
Источники и литература	115
Античные литературные и юридические источники	115
Публикации надписей, папирусов, острака	115
Издания античных литературных и юридических источников на языке оригинала	116
Переводы античных литературных и юридических источников на русский язык	117
Литература	118
References	128

МИРЫ. КУЛЬТУРЫ. ХРОНОЛОГИЯ

М. К. Сейткалиев (Алматы, Казахстан). Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане.	141
А. А. Егорейченко (Минск, Беларусь). Браславское Поозерье в первых веках н. э.	149
Г. В. Белевец (Минск, Беларусь). О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь	159
Ю. В. Ширин (Новокузнецк, Россия). К атрибуции одной случайной находки из коллекции Национального археологического музея в Варшаве	179
А. С. Милашевский (Киев, Украина). Сосуды типа IA по классификации Р. Волонгевича в черняховской культуре	189

К. Н. Скворцов (<i>Калининград, Россия</i>). Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году	213
О. А. Радюш (<i>Москва, Россия</i>). О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами»	231

РИМ И ВАРВАРЫ

А. В. Симоненко (<i>Киев, Украина</i>). Шлемы сарматского времени из Восточной Европы.	249
К. Г. Варачёва (<i>Харьков, Украина</i>). К вопросу о распространении глиняных кубков усеченно-конической формы в черняховской культуре (погребение 125 могильника Войтенки)	285
М. М. Казанский (<i>Париж, Франция</i>). Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция	299

ПРЕЗЕНТАЦИИ

Л. А. Мосионжник (<i>Кишинев, Молдова</i>). Rausch S. 2013. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologisches Institut: Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH. — VIII, 444 S. ISBN 978-3-8053-4658-0 . . .	339
Список сокращений.	347
Авторам «Stratum plus»	349

CONTENTS

MONOGRAPH INSIDE THE JOURNAL

- A. E. Negin** (*Nizhny Novgorod, Russia*). **Armament of the Roman Army during the Principate: Economic, Technological and Organizational Aspects of Production and Supply** 15

WORLDS. CULTURES. CHRONOLOGY

- M. K. Seitkaliyev** (*Almaty, Kazakhstan*). **Extraordinary Burial Complex from Karatobe Burial Ground in West Kazakhstan** 141
- A. A. Yegoreichenko** (*Minsk, Belarus*). **Braslav Lake District in the First Centuries AD** 149
- V. G. Beliavets** (*Minsk, Belarus*). **On Finds of Eye Fibulae of O. Almgren Group III on the Territory of the Republic of Belarus** 159
- Yu. V. Shirin** (*Novokuznetsk, Russia*). **Towards Attribution of a Random Find from the Collection of the National Museum of Archaeology in Warsaw** . . 179
- A. S. Mylashevskiy** (*Kiev, Ukraine*). **Vessels of IA Type after R. Wołagiewicz in the Chernyakhov Culture** 189
- K. N. Skvorzov** (*Kaliningrad, Russia*). **Excavations of the Early Zone of Berezovka Burial Ground (2nd—12th Cent.) (Kaliningradskaya Oblast, Russia) in 2004** 213
- O. A. Radjush** (*Moscow, Russia*). **On the Northern Extremity of So-Called Daggers with Cutouts** 231

ROME AND BARBARIANS

- O. V. Symonenko** (*Kiev, Ukraine*). **Sarmatian Age Helmets from Eastern Europe** 249
- K. G. Varachova** (*Kharkiv, Ukraine*). **On Distribution of Truncated Conical Clay Beakers in Chernyakhov Culture (burial 125 of Voitenki cemetery)** . . . 285
- M. M. Kazanski** (*Paris, France*). **A Burial of the Migration Period in Concești: Inventory, Dating, Funeral Rites, Social Status and Ethno-Cultural Attribution** 299

PRESENTATIONS

- L. A. Mosionjnic** (*Kishinev, Moldova*). **Rausch S. 2013. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologisches Institut: Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH. — VIII, 444 S. ISBN 978-3-8053-4658-0** . . . 339
- List of Abbreviations** 347
- Submissions** 354

CUPRINS

MONOGRAFIE

- A. E. Negin (*Nijni Novgorod, Rusia*). Armamentul armatei romane din epoca Principatului: aspectele economice, tehnologice și organizatorice ale producției și aprovizionării 15

CIVILIZAȚII. CULTURI. CRONOLOGIE

- M. K. Seitkaliyev (*Almatî, Kazahstan*). Un complex funerar spectaculos din necropola Karatobe din Kazahstanul de Vest 141
- A. A. Yegoreichenko (*Minsk, Belarus*). Regiunea lacustră Braslav în primele secole d. Hr. 149
- V. G. Beliavets (*Minsk, Belarus*). Despre descoperirile de fibule „cu ochi” din grupul III după Almgren de pe teritoriul Republicii Belarus. 159
- Yu. V. Shirin (*Novokuzneţk, Rusia*). Despre atribuirea cultural-cronologică a unei descoperiri fortuite din colecția Muzeului Național de Arheologie din Varșovia. 179
- A. S. Mylashevskiyi (*Kiev, Ucraina*). Vasele de tip I A după R. Wołagiewicz în cultura Cerneahov. 189
- K. N. Skvorzov (*Kaliningrad, Rusia*). Cercetările sectorului timpuriu al necropolei din sec. II—XII de la Beriozovka (regiunea Kalinigrad, Rusia) din anul 2004 213
- O. A. Radjush (*Moscova, Rusia*). Despre limita nordică de răspândire a așa-numitelor „pumnale cu șlițuri” 231

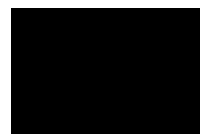
ROMA ȘI BARBARI

- O. V. Symonenko (*Kiev, Ucraina*). Coifurile din epoca sarmatică din Europa de Est 249
- K. G. Varachova (*Harkov, Ucraina*). Despre răspândirea cupelor din lut de formă conică în cultura Cerneahov (mormântul nr. 125 din necropola de la Voitenki) 285
- M. M. Kazanski (*Paris, Franța*). Mormântul din epoca migrațiilor de la Concești: inventarul funerar, datarea, ritul funerar, statutul social și atribuirea etnoculturală 299

PREZENTĂRI

- L. A. Mosionjnic (*Chișinău, Moldova*). Rausch S. 2013. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Eurasien-Abteilung des Deutsches Archäologisches Institut: Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH. — VIII, 444 S. ISBN 978-3-8053-4658-0 . . . 339
- Listă de abrevieri 347
- Submissions 354

Монография в журнале

Monograph
Monografie

A. E. Негин

Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения

Keywords: Roman army, armament, military reform, military-industrial complex.

Cuvinte cheie: armata romană, armament, reformă militară, complex de producție militară.

Ключевые слова: римская армия, вооружение, военная реформа, военно-производственный комплекс.

A. E. Negin

Armament of the Roman Army during the Principate: Economic, Technological and Organizational Aspects of Production and Supply

The author studies production of arms and armour for the Roman Imperial Army during the Principate, as well as considers specific economic relations and factors connected with Roman Imperial Army and describes the economic role of the Roman government in ensuring effectiveness of the military machine. Moreover, he considers production activities, structure and hierarchy of legionary armory shops. Description of arms and armour supplying system is based on different types of historical sources. Furthermore, the author analyses activities of private and state-owned arms manufacturers and “vagrant” groups of craftsmen. Special chapters are devoted to organizational and technological aspects of arms and armour production.

Problems related to the armament production for the Roman army are important for those studying combat effectiveness of the Roman military machine, economic and technological level of the Romans, and complex organization of arms and armour supplying. Armament production of the Principate seems to be a complex phenomenon. One can conclude that the main armament production was focused on those areas that have been well provided with the raw material base and had a long-standing tradition of the armory craft. In addition, areas of armament production were placed in the strategically important sectors of the Roman frontier region. However, regional features in the armour decoration show how products of private craftsmen and their workshops were in demand among individual customers. These workshops of the Principate favorably differed from the later state armories, because late Roman workshops performed standardized large-scale orders to meet the needs of the increasing army.

A. E. Negin

Armamentul armatei romane din epoca Principatului: aspectele economice, tehnologice și organizatorice ale producției și aprovizionării

În prezenta monografie, autorul studiază producția de armament defensiv și ofensiv a armatei romane din epoca Principatului. Este focalizată atenția asupra specificului relațiilor economice și a factorilor, care determinau funcționarea armatei romane imperiale, precum și asupra rolului economic al statului în menținerea eficacității mecanismului militar. Pe lângă acestea, sunt analizate activitatea de producție, componența și ierarhia serviciilor, legate de producția armamentului pentru legiune. În baza diferitor tipuri de surse, este descris sistemul de aprovizionare cu armament al armatei. De asemenea, este analizată activitatea producătorilor privați și statali ai armamentului, precum și politica statului în relația cu aceștia. Capitole separate sunt dedicate aspectelor organizatorice și tehnologice ale producției de armament.

Problemele, legate de studiul producției de armament pentru armata romană, sunt importante pentru cercetarea eficacității de luptă a mecanismului militar roman, nivelului economic și tehnologic, atins de către romani, precum și a sistemului organizatoric complex de aprovizionare a trupelor romane cu armament.

Producția de armament în Imperiul Roman în perioada Principatului este un fenomen destul de complex. Producția de bază era concentrată pe acele teritorii, care erau bine aprovizionate cu materie primă și aveau în spate o tradiție îndelungată de realizare a armamentului. Pe lângă aceasta, arealele de producție a armamentului erau concentrate și pe sectoarele frontierei romane, importante din punct de vedere strategic. În același timp, particularitățile regionale ale ornamentației armamentului arată, cât de solicitată era producția atelierelor private, a căror activitate era orientată doar spre moda militară și gusturile clientului. Prin aceasta, atelierelor de armament din epoca Principatului se deosebesc de fabricile de stat din perioadele mai târzii, care executau comenzi standardizate într-un volum mare, pentru satisfacerea necesităților tot mai crescute ale armatei, care devenea tot mai numeroasă.

A. E. Негин

Вооружение римской армии эпохи принципата: экономические, технологические и организационные аспекты производства и снабжения

В данной монографии автор рассматривает производство доспехов и оружия для римской армии эпохи принципата. В исследовании уделено внимание специфике экономических отношений и факторов, определявших функцио-

нирование римской императорской армии, экономической роли государства в поддержании эффективности военной машины. Кроме того, рассматривается производственная деятельность, состав и иерархия оружейных служб легиона. Описание системы снабжения вооружением базируется на анализе различного вида источников. Также анализируется деятельность частных и казенных производителей оружия и государственная политика по отношению к ним. Специальные главы посвящены организационным и технологическим аспектам оружейного производства.

Вопросы, связанные с изучением производства вооружения для римской армии, важны для изучения боевой эффективности римской военной машины, экономического и технологического уровня, достигнутого римлянами, и сложной организационной системы снабжения войск оружием.

Оружейное производство Римской империи эпохи принципата представляется сложным феноменом. Основное оружейное производство было сосредоточено на тех территориях, которые наилучшим образом были обеспечены сырьевой базой и имели давнюю оружейную традицию. Кроме того, ареалы оружейного производства находились на стратегически важных участках римского приграничья. Вместе с тем, региональные особенности в декоре вооружения показывают, насколько была востребована продукция частных мастерских, ориентировавшихся в своей деятельности только на военную моду и вкусы заказчика. Этим оружейные цеха и мастерские эпохи принципата выгодно отличались от более поздних государственных оружейных фабрик, выполнявших стандартизированные заказы большого объема для удовлетворения все возрастающих потребностей увеличивающейся в численности армии.

Введение

Развитие вооружения, которое является одной из основ любой военной организации, может и должно рассматриваться не только как чрезвычайно важный фактор военного искусства и показатель общего технологического и экономического уровня того или иного общества, но и исследоваться в более широком общеисторическом контексте — как один из значимых компонентов человеческой культуры, как феномен, имеющий соприкосновение и с религиозными воззрениями, и с государственной идеологией, с торговыми контактами, миграционными процессами, военным правом и другими сферами жизнедеятельности армии и общества в целом. Производство вооружения и снабжение им армии организуется в развитых социумах прежде всего государством. Эта многогранная деятельность (включающая конструирование, планирование развития, собственно производство, распределение и использование вооружения, накопление его запасов, хранение, утилизацию устаревших образцов, а также перераспределение оружия и военной техники путем торговли на внутренних и мировых рынках) имеет целью обеспечение максимальной боеспособности вооруженных сил как важнейшего компонента и фактора проведения государственной внешней и внутренней политики.

Римляне самостоятельно создавали разнообразные средства ведения боя и вместе с тем успешно адаптировали многие идеи и изобретения своих соседей и противников в военнотехнической области, благодаря чему римское вооружение (как наступательное, так и защитное) было в свое время самым передовым, что, несомненно, являлось одним из важных факторов успехов римской армии на полях сражений.

Организация производства и снабжения армии военным снаряжением и оружием в ранний имперский период — чрезвычайно слож-

ная, комплексная тема, в изучении которой остается много неясных деталей. Однако на сегодняшний момент в распоряжении исследователей есть достаточное количество свидетельств, которые позволяют не только изучать отдельные частные вопросы, но и рассматривать некоторые более широкие аспекты данной проблематики (такие, как уровень технологического развития общества и степень его милитаризации) в контексте тех социально-экономических, политических и идеологических процессов, которые определяли историю ранней Империи.

Обращение к вопросам производства вооружения в названных ракурсах является актуальной задачей современного антиковедения и оружиеведения, поскольку позволяет последовательно раскрыть целую цепочку взаимосвязанных проблем, проанализировать не только сугубо технические моменты, но и общественно-экономические аспекты взаимоотношений армии и социума. Исследование всех этих вопросов, связанных с производством оружия для римской армии, имеет междисциплинарный характер и предполагает использование данных, методических подходов и приемов разных исторических дисциплин, начиная с эпиграфики и заканчивая археологией.

Данная работа затрагивает целый комплекс проблем, которые в настоящее время привлекают пристальное внимание историков, изучающих военное дело античного мира: это, прежде всего, специфика экономических отношений и факторов, определявших функционирование римской императорской армии, экономическая роль государства, которая в наибольшей степени проявлялась в системе мер, направленных на поддержание эффективности военной машины. Научная актуальность темы заключается в том, что, несмотря на появление в последние годы ряда отдель-

ных специальных исследований, посвященных производству оружия в Римской империи (Lang 1988: 199—216; Sim 1992: 105—119; 1997: 359—371; Sim, Ridge 2002), в изучении данной проблематики остается много нерешенных и дискуссионных вопросов. В частности, до сих пор не делалось попыток рассматривать технологические аспекты производства вооружения в совокупности с экономической составляющей этого процесса (себестоимость оружия, государственные расходы на перевооружение армии), а также попыток территориально выделить промышленные районы, в которых в силу традиции или же с точки зрения экономической выгоды была сконцентрирована большая часть оружейных мастерских. Решение указанной задачи требует применения как методик различных источниковедческих и вспомогательных дисциплин, так и современных подходов в области собственно военной истории и в исследовании историко-экономических проблем. Именно на комплексное, междисциплинарное изучение в исторической динамике различных аспектов производства вооружения и организации оружейных служб римской императорской армии нацелено это исследование.

В качестве объекта исследования выступает комплекс индивидуальной воинской экипировки (наступательное и защитное вооружение воина), а также оружейные производства и службы, существовавшие в римской армии эпохи принципата. Объект исследования рассматривается как структура, состоящая из взаимосвязанных частей, представляющих собой единое функционирующее целое. Мы не можем рассматривать государственную политику в области оборота оружия в отрыве от оружейного производства, составляющего её органическую часть, а оружейное производство в отрыве от его человеческих и собственно экономических факторов — оружейников-профессионалов и персонала легионных оружейных мастерских, экономики производства, технологических решений римских оружейников.

Предметом исследования является производственная деятельность, состав и иерархия оружейных служб легиона, система снабжения личного состава различными видами вооружения, государственная политика в отношении частных производителей оружия, а также организационные и технологические аспекты оружейного производства.

Следует отметить, что за рамками исследования остаются вопросы, связанные с организацией и обслуживанием инженерного парка римской армии. Подробный анализ тех-

нологии изготовления метательных машин, которые не являются оружием индивидуального назначения, не единожды являлся предметом самого пристального внимания со стороны исследователей (Schramm 1918; Marsden 1969—1971; Baatz 1994a; Wilkins 2003; Campbell 2003; Rihll 2007) и интересен как объект отдельного изучения. Поскольку данное исследование посвящено деятельности римских оружейников, то вопросы, связанные с производством осадной техники, парка метательных машин и постройкой военных кораблей, выходят за рамки заявленной темы.

Хронологические рамки охватывают в основном период ранней Империи, с последней четверти I в. до н.э. по III в.н.э. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что в начале эпохи принципата в структуре оружейных служб и системе снабжения армии, как и в римской военной организации в целом, происходят существенные изменения по сравнению с республиканским периодом, а с другой стороны, именно первые века нашей эры наиболее полно и разносторонне освещены различными источниками. Верхняя хронологическая граница исследования ограничивается временем правления императора Диоклетиана (284—305 гг.), при котором были созданы крупные государственные оружейные мастерские. С их появлением старая система производства вооружения практически полностью исчезла, что повлекло за собой изменение в структуре оружейных служб и даже в технологическом процессе изготовления вооружения. Последнее в своей массе всё более удешевлялось в целях экономии, так как нужно было обеспечивать потребность увеличивающихся в численности армий.

Таким образом, целью работы является разностороннее изучение деятельности римского военно-производственного комплекса в целом и его отдельных составных частей, включая различные виды и уровни, технологию производства оружия, особенности его организации на территории крупных производственных ареалов и в рамках оружейных служб в частях римской императорской армии.

Данная работа по сравнению с другими имеет ряд отличий, которыми во многом обусловлена новизна полученных результатов. Рассматриваемой проблеме в мировом антиковедении ранее не посвящалось ни одного специального обобщающего труда, а имеющиеся отдельные статьи и главы монографий носят ограниченный по спектру рассматриваемых вопросов характер, так как не рассматривают всех наиболее значимых

проблем, связанных с изучением производства оружия в эпоху принципата, в комплексе. Таким образом, в данной работе впервые предпринято комплексное исследование деятельности всех оружейных служб легиона, ответственных не только за снабжение военнослужащих вооружением, но и за его починку, хранение и перераспределение. Также освещаются такие малоизученные аспекты, как снабжение армии вооружением из государственного фонда, крупными производственными центрами метрополий и мелкими мастерскими частных оружейников. На основе данных письменных источников, эпиграфики и археологических исследований реконструируется территориальное расположение крупнейших ареалов металлообработки и производства оружия в эпоху принципата. Кроме того, на основе междисциплинарного подхода с привлечением данных археологии и естественнонаучных дисциплин рассматриваются технологии древнеримских оружейников.

Только в соединении сведений, сообщаемых письменными источниками, с данными, предоставляемыми археологией, геологией и естественнонаучными методами, можно рассмотреть производственный процесс комплексно: начиная от добычи и переработки сырья и заканчивая техническими особенностями выпускаемой продукции, её распределением и утилизацией вышедшего из употребления оружия.

Источниковая база исследования включает в себя как литературные свидетельства, так и целый спектр данных вспомогательных исторических дисциплин.

Литературные источники, хотя и немногочисленны, но являются ценными для изучения данного вопроса, поскольку существенно дополняют сведения, содержащиеся в надписях и канцелярской документации. Для исследуемой темы важны свидетельства памятников римского права, таких как «Дигесты Юстиниана». Известно, что 60% их объема составляют выдержки из произведений юристов северовского периода (Смышляев 1975: 62) и, таким образом, относятся к хронологическим рамкам нашего исследования. В их числе следует назвать, прежде всего, сочинения Таррунтена Патерна, который был префектом в правление императора Коммода (180—192 гг.н.э.). Орывок из его труда, включенный в «Дигесты Юстиниана», упоминает так называемых «иммунов», т.е. рядовых солдат, освобожденных от ежедневных нарядов для выполнения определенных работ, в том числе и в оружейных цехах (D. L, 6, 7).

Другое литературное упоминание персонала военных цехов оставил Вегеций, скомпилировавший в IV в. труды по меньшей мере четырёх разновременных авторов, начиная с республиканского периода (Parker 1932: 137—149; Sander 1929: 1230—1231; 1932: 369—375). Несмотря на то, что основную часть материала Вегеций черпал из источников республиканского времени или эпохи принципата, в тексте содержится большое количество аллюзий на современные автору реалии. Точная датировка труда Вегеция спорна, однако в ряде исследований сочинение датируется 390—410 гг. н.э. (Греческие полиоркетик 1996: 154, прим. 1; Банников 2002b: 344, прим. 1). В связи с этим, а также с тем, что Вегеций не был человеком военным и в своей книге пересказывает взятое им из разных источников, явно идеализируя «древний легион», но, вместе с тем, привнося в описание реалии своего времени, при обращении к этому труду непростою проблемой остается выяснение вопроса о том, как соотносятся характеристики военной организации ранней Империи (I—II вв. н.э.) с тем, что описано у Вегеция. Но при внимательном анализе текста, всё же, возможно отделить то, что касалось современной автору эпохи, от того, что было взято им из источников прошлого (Банников 2002: 333).

Различные сведения, относящиеся к теме исследования, разбросаны по сочинениям, написанным не только в разных жанрах, но и представляющим взгляды сильно отличающихся по социальному статусу авторов. Это и непосредственно связанный с военным делом Юлий Цезарь, и друг императора Августа — Тит Ливий, а также состоявшие на государственной службе и не понаслышке знакомые с административной деятельностью Тацит и Светоний, придворный поэт Стаций и биографы-авторы жизнеописаний Августов, и даже риторы Лактанций и Либаний. Сведения, сообщаемые этими авторами, достаточно разнородны и отрывочны, но, рассматриваемые в комплексе, они способны помочь при реконструкции устройства и функционирования римского военно-производственного комплекса.

При исследовании технологических аспектов производства оружия некоторые полезные и интересные сведения можно почерпнуть в «Естественной истории» Плиния Старшего. Любопытный энциклопедист, конечно же, напрямую не описывает процесс производства оружия, однако в его труде встречается описание некоторых технологических приемов обработки металлов. Вместе с тем, читая

Плиния Старшего, конечно же, следует помнить, что он не был профессиональным металлургом или мастером-оружейником. Поэтому в его работе может присутствовать недостоверная информация о технологических особенностях работы с железом. Например, достаточно важным фактором при закалке железа он считает качество воды, что не соответствует действительности (Plin. HN. XXXIV, 142).

Не менее интересные сведения можно почерпнуть из сочинений греческих историков или авторов иного происхождения, писавших на греческом языке: Арриана, Диона Кассия, Геродиана, Диона Хрисостома, Иоанна Малалы. Ценность сведений, сообщаемых греческими авторами, заключается в том, что они представляют собой взгляд на римскую военную организацию со стороны иной культурной традиции (Махлаюк 2000: 259—272). Даже если это был Арриан, непосредственно знакомый с римскими военными реалиями, он всё же, обращаясь к грекоязычному читателю, акцентировал внимание на таких деталях, которым сами римляне не придавали должного значения, вследствие того, что таковые казались им очевидными¹.

Интересные и важные для нашего исследования данные содержатся в *Notitia Dignitatum* (сокращённо ND, русск. «Список должностей») — табели о рангах, относящейся к эпохе поздней Римской империи (конец IV или начало V вв.). Хотя речь там ведётся о системе снабжения армии вооружением из крупных государственных оружейных мастерских (*fabricae*), создание которых приписывается императору Диоклетиану, этот документ даёт важные сведения о территориальном размещении и специализации этих производств, что позволяет провести сравнение этой дислокации с теми данными, которые имеются для времени принципата.

Эпиграфические материалы зачастую устраняют сомнения относительно свидетельств нарративных источников, дополняя их важной информацией о процессах, происходивших в политической, социальной, духовной сферах общественной жизни Римской империи. Применительно к теме нашего ис-

следования данные латинской эпиграфики позволяют установить терминологию и примерный состав должностей в системе оружейных служб. Надписи называют имена оружейников, упоминая и тех, кто работал индивидуально, и тех, кто имел собственные мастерские, и тех, кто входил в состав коллегий мастеров, занимающихся обработкой металлов в крупных городских центрах. Большая группа надписей упоминает имена торговцев, часть из которых была непосредственно связана с торговлей оружием.

Неоценимую роль играют также данные папирологии, так как некоторые из латинских папирусов и деревянные таблички сохранили сведения об активности военных цехов по изготовлению различного воинского снаряжения и экипировки, а также боевых машин (артиллерийских и осадных) и гужевого транспорта². Несмотря на тот факт, что основная масса папирусов происходит из Египта, хотя их находки есть и в других регионах (Дура-Европос), имеющиеся в них сведения важны для понимания производственной системы не только этих местностей, но и других районов Римской империи. Данные папирусов, содержащих отчётную канцелярскую документацию, позволяют реконструировать деятельность армейских оружейных служб и представить объём производимой ими продукции.

Таким образом, совокупность эпиграфических материалов, несмотря на нередкие и серьезные сложности восстановления и прочтения текстов, позволяет реконструировать некоторые детали, связанные с производством вооружения в Римской империи.

Археологические свидетельства дают возможность рассмотреть материальную сторону изучаемого вопроса, поскольку позволяют выявить помещения, в которых действовали оружейные мастерские, изучить инструментарий, которым пользовались оружейники,

¹ Говоря о творчестве Арриана, Ф. Стадтер утверждает, что его работы: «отражают двойное гражданство этого неординарного человека, помещают его между миром прошлого и настоящего, литературой и военным искусством, греческой любознательностью и римской компетентностью» (Stadter 1978: 117; 1980: 41—49). Иными словами, Арриан хотел казаться одинаково понятным как римскому, так и греческому читателю (ср.: Перевалов 2010: 32).

² Таблички из Виндоланды (Великобритания), датируемые концом I — первой четвертью II в. н. э., дают, в частности, информацию о закупке, а также производстве изделий при участии военных. Одна табличка упоминает ремонт обуви и людей, занимающихся этим (T. Vindol. 184), другие — закупку гвоздей (T. Vindol. 186) и железа (T. Vindol. 182, 183); имеются упоминания кожевников и плотников, которые изготавливали запасные части для телег (T. Vindol. 309). Несколько табличек рассказывают об обработке железа и ремонте оружия (T. Vindol. 160 и 184: упомянуты *scutarii*, *gladiarii*, обладающие иммунитетом, и *fabri*), другие упоминают присутствие определенных единиц солдат и специализированных строительных отрядов (T. Vindol. 155, 156, 258).

и, конечно, результат их деятельности в виде готовой продукции. Это наиболее информативный вид источников по нашей теме, поскольку только археологические данные восполняют огромные лакуны, оставленные нарративными и документальными свидетельствами, и подтверждают или опровергают те или иные выводы предшествующих поколений историков, чье мнение базировалось в основном на античных текстах, руинах римских архитектурных сооружений и изображениях на немногочисленных сохранившихся до наших дней монументальных памятниках. С развитием археологии и выделением военной археологии в отдельную специализированную отрасль произошел качественный скачок в изучении реалий римской армии. Эти реалии наиболее хорошо исследованы на примере западных регионов Римской империи. Здесь ещё в XVIII в. началось систематическое изучение военных опорных пунктов и приграничных укреплений Адрианова вала (Horsley 1732) и германского лимеса, а также гражданских поселений (Kemkes 2006: 266—267). Именно отсюда происходит основной массив археологического материала, позволяющий существенно дополнить сведения античных письменных источников об оружейном производстве в Римской империи. Южные границы Империи исследованы хуже, прежде всего по причине климатических условий пустынных местностей, затрудняющих планомерное обследование местности.

Привлекаемые в этом исследовании археологические источники опубликованы в специальной литературе: монографиях, археологических отчетах и периодических изданиях. С учётом того, что в публикациях присутствует интерпретация их автора, многие из рассматриваемых археологических источников по-новому переосмысливаются в данном исследовании, а в некоторых случаях привлекаются только в качестве статистического материала.

Накопленный к настоящему времени богатый и разнообразный материал, относящийся к римскому оружию, позволяет делать обобщающие выводы, касающиеся не только его типологии, но и особенностей изготовления.

Античное (в том числе и древнеримское) вооружение интересовало антикваров и учёных во все времена. Стоит отметить, что уже в средние века и эпоху Возрождения появляется изобразительная традиция, связанная сначала с христианской иконографией, а затем с копированием художниками эпохи Ренессанса античных монументов с изображением древнеримского воинского снаряже-

ния. Так, Андреа Мантенья тщательно изучал на древних рельефах доспехи римских легионеров для того, чтобы изобразить стражников святого Иакова на фресках падуанской церкви. Вместе с тем, памятники, находившиеся в менее доступных для средневекового художника местностях и ныне утраченные, привлекали к себе гораздо меньше внимания³. С другой стороны, антикварные увлечения и распространившаяся в Западной Европе в XVII—XVIII вв. мода на произведения античного искусства привели к появлению большого числа подделок, лишь внешне копирующих античные оригиналы. Вплоть до середины XIX в. поддельные артефакты были широко распространены, особенно в Италии, что сильно запутывало исследователей, которым приходилось проделывать огромную работу по отсеиванию подлинных вещей от «продукции» алчных до наживы торговцев антиквариатом.

Вместе с тем уже в XVI—XVII в. появляются первые исследования о римской армии, где были затронуты и вопросы, связанные с вооружением (Gentilis 1599; Lipsius 1614). Они целиком и полностью базировались на изобразительных и нарративных источниках. Вскоре, однако, эвристические возможности литературных источников оказались исчерпаны. Античным же изобразительным источникам всё ещё не уделялось должного внимания. Лишь на заре становления археологии как науки в конце XVIII в. появляются первые специальные публикации отдельных находок римского вооружения (Towneley 1800).

Новый всплеск интереса к римскому оружию отмечен в середине XIX в., когда музейные и частные коллекции пополнились благодаря большому количеству находок, обнаруженных в европейских реках (Рейн, Дунай) в ходе их обустройства, предпринятого в связи с расширением судоходства, а также при мелиорационных работах на датских болотах (Lindenschmit 1858; Engelhardt 1863; 1865; 1869). С тех пор введенные в научный оборот и постоянно пополняемые археологические данные становятся объектом самого пристального внимания исследователей.

³ Однако именно благодаря зарисовкам художников мы теперь имеем представление о том, как выглядело вооружение, изображенное на разрушенной колонне Аркадия, которую старательно запечатлели в серии рисунков 1479—1480 гг. Джентиле Беллини и Николя де Николя (по другой версии — Мельхиор Лорих) (см.: Freshfield 1922: 87—104).

В развитии современной историографии римского военного снаряжения, на наш взгляд, можно выделить три крупных этапа. Первый из них начался приблизительно в 1880-е гг. и продолжался по 40-е гг. XX в. Это было время накопления и первоначальной систематизации археологического материала. Первые опыты исследователей ещё носили, как правило, описательный характер и в большей степени опирались на сопоставление найденных предметов с древними изображениями, нежели на детальное исследование самих артефактов и попытку их систематизации⁴. На втором этапе — условно назовем его «археологическим» — был существенно пополнен корпус находок и подготовлена благодатная почва для современных углубленных исследований. В отличие от предшествующего этапа, были значительно расширены рамки исследований за счёт привлечения новых методов обработки археологического материала. Этот этап закончился в самом начале 1970-х гг. Третий, новейший этап, начавшийся в 1970-е гг. и ознаменовавшийся появлением множества скрупулезных исследований, посвящённых, в том числе, детальной реконструкции различных сторон римского военного быта и вооружения, продолжается и в настоящее время⁵.

На протяжении последних десятилетий появились и стали активно изучаться не только отдельные многочисленные археологические находки, но и целые комплексы, открытые в составе кладов⁶, в контексте захоронений и скоплений металлического лома на территориях римских крепостей (Hermann 1969: 129—141; Garbsch 1978: 51—53). Эти материалы не только корректируют выводы исследователей предыдущих поколений, но и позволяют расширить наши знания за счёт изучения целого комплекса вопросов, связанных с данными находками. На смену простому описанию, систематизации и типологизации приходит комплексный подход, позволяющий

связать чисто оружейно-технические проблемы с другими областями исторической науки, участвующими в истории экономики, техники и ремесла, религии и мораль античного общества, главным образом за счёт применения различных методов исследования.

Одной из важнейших тенденций в современной историографии римского вооружения является появление узкоспециализированных исследований, посвященных тому или иному предмету воинского снаряжения с углубленным изучением его эволюции, конструктивных особенностей и технологии производства. В опубликованной диссертации К. Микса подробно рассматривались все типы римских мечей (Miks 2007), Ю. Обманн изучал кинжалы (Obmann 2000), А. Наббефельд посвятил свою диссертацию (также опубликованную в виде двухтомной книги) (Nabbefeld 2008), М. Бишоп писал о ламинарных доспехах (Bishop 2002), шлемы стали главным объектом внимания со стороны сразу нескольких исследователей (Klumbach 1974; Feugère 1994; Junkelmann 2000; Meijers, Willer 2007; Miks 2008).

Вопросы оружейной технологии и производства иногда затрагиваются и в обобщающих работах по истории римского оружия. Среди них стоит выделить две работы. Первая принадлежит перу французского исследователя М. Фежера (Feugère 2002). Хотя он и рассматривает вооружение римского периода, но, тем не менее, совершает экскурсы в прошлое, отмечая греческое, кельтское и этрусское влияние на эволюцию римского оружия. Но вооружение — это только одна из составляющих его книги. Автор также описывает военные карьеры и инсигнии, кастратацию и кавалерийские турниры. Более подробно и четко археологические находки рассмотрены в энциклопедическом по охвату материала пособии для всех интересующихся историей римского оружия — книге М. Бишоп и Й. Коулстона «Римское военное снаряжение», выдержавшей уже два издания (Bishop, Coulston 1993; 2006)⁷. Авторы не ограничиваются лишь описанием и типологизацией найденных артефактов и стараются дать их комплексный анализ, рассматривая предметы вооружения в контексте религии (погребения, votivные приношения) и производства (материалы и технологии).

В последние годы римское военное снаряжение начинают изучать в тех странах, где ранее особого интереса к нему не наблюдалось.

⁴ Значимыми работами этого периода были труды Л. Линденшмита и П. Куиссена (см.: Lindenschmit 1882; Couissin 1926).

⁵ Определяющей работой, открывшей этот этап изучения римского вооружения, является знаменитая книга Г.Р. Робинсона о римском доспехе (Robinson 1975). Она представляет собой великолепное сочетание информативности и богатства иллюстративного материала и является и по сей день примером написания оружейно-технического исследования.

⁶ Литература о кладах с римским вооружением более чем обширна (см., например: Keim, Klumbach 1951; Garbsch 1978: 47—51; Kellner, Zahlhaas 1984; Willems 1992: 57—66; Негин 2005: 60—63).

⁷ Рецензия на эту книгу: Колобов 1996: 273—277.

Подобные публикации появились и в России, что свидетельствует о заметном росте интереса у отечественных авторов к ранее непопулярной теме. Причём появляются не только публикации новых находок с периферии римского мира (Новиченкова 1998: 51—67; Трейстер 2000: 156—163; Айбабин 2003: 37—52; Дорошко 2005: 447—453; Костромичев 2005: 94—118; 2006: 43—128; Радюш 2007: 52—56), всё чаще обнаруживаемых в контексте варварских погребений, но и обобщающие исследования (Негин 2007: 335—359; Негин, Димитров 2008: 116—125). В данном контексте изучение оружия, оказавшегося за пределами Империи, тесно связано с проблемой взаимоотношений между обществами, находящимися на разных уровнях развития, в том числе и технологического (Erdrich 1994: 199—209).

Экспериментальная археология помогает при реконструкции артефактов, так как дает наглядные представления о наиболее вероятных методах производства. Кроме того, экспериментаторы проводят тестирование реконструированных предметов, с целью определить их эффективность в боевом использовании. Тестирование дает количественную оценку качества продукции (прочность брони и её долговечность). Это позволяет делать выводы о производственном процессе и его эргономичности, о возвратных отходах материала, расходе топлива в ходе производственного процесса, а также относительно потребности в рабочей силе. Таким образом, экспериментальная археология является важным подспорьем для понимания природы римской военно-производственной системы.

Вопросы, связанные с производством вооружения римской армии, являются предметом самого серьезного интереса уже целое столетие, на протяжении которого исследователи соединяют данные различных письменных источников и археологии. До этого времени ученые обращались исключительно к письменным источникам, число которых было незначительным для какого-либо серьезного исследования⁸. Более того, письменные источники, лежавшие в основе этих работ, мало что говорили о республиканском периоде и эпохе принципата, вследствие чего данные труды в основном знакомили читате-

ля с положением дел более позднего периода⁹. Только с началом широкомасштабных раскопок на римских лимесах в Германии, Австрии, а затем в Голландии и в ряде балканских стран появилась возможность дополнять сохранившиеся письменные свидетельства данными археологических исследований. С этого времени выходит большое количество специальных работ, рассматривающих деятельность легионных цехов, оружейных складов и их персонала. Самое пристальное внимание к данной теме проявил Г. фон Петриковиц в 1970-х гг. (Petrikovits 1974a: 1—23; 1974b: 399—407; 1975). В центре внимания исследователя оказались открытые археологами помещения на территории римских военных лагерей, территориально расположенные в той зоне, которую Псевдо-Гигин отводил именно под мастерские, и на площади которых иногда прослеживаются следы ремесленного производства. Другим вопросом, интересовавшим Г. фон Петриковица, был состав и иерархия работников этих легионных цехов. Данные, касавшиеся эпохи принципата, были дополнены более поздними данными (Petrikovits 1981a: 285—306), что позволило рассмотреть персонал мастерских в динамике развития.

В числе исследователей, много и плодотворно занимавшихся обозначенными вопросами, следует назвать М. Бишопа, который собрал для своих работ практически весь доступный корпус источников и тщательно их проанализировал (Bishop 1985: 1—42). В новейшей историографии вопроса наметились тенденции отделения разного рода источников друг от друга, и появляются работы, которые концентрируют внимание главным образом на обширном археологическом материале (Van Daele 1999: 125—136). Это наиболее информативный вид источников по нашей теме, восполняющий огромные лакуны в нарративных и документальных свидетельствах.

Другим динамично развивающимся в последнее время направлением изучения римской армии становятся исследования военной экономики Рима (The Roman Army and the Economy 2002)¹⁰. Начиная с работы

⁸ В конце XIX в. в самых общих чертах производство оружия в римской армии было рассмотрено в нескольких небольших статьях, среди которых можно выделить заметку о военных оружейных цехах (*fabricae*) в словаре античности Даремберга и Сальо (см.: Julian 1896: 959—961).

⁹ Данное обстоятельство обусловлено интенсивным изучением *Notitia Dignitatum* и отсутствием, в то же время, подобного разностороннего описания системы производства вооружения в более ранний период, сведения о котором приходилось извлекать буквально по крупицам из письменных свидетельств и эпиграфики.

¹⁰ Данный сборник состоит из статей ведущих специалистов в области военной экономики Римской империи. Рассматриваются многие аспекты, связан-

Л. Виршовского (Wierschowski 1984), развивается планомерное изучение экономических аспектов функционирования римской армии с упором на исследования в области логистики (Kissel 1995; Roth 1999; Adams 2001: 465—472). Ранее, как правило, в исследованиях по римской армии не указывалось, как огромные людские ресурсы обеспечивались в ходе боевых действий продовольствием и вооружением. В большинстве случаев предпочитали ссылаться на то, что легионеры несли всё самое необходимое на себе, а остальное материальное обеспечение вёз обоз. Однако это наиболее простое объяснение верно лишь отчасти, так как требовалось постоянное пополнение пищевых запасов, а также оружия, которое в ходе боевых действий в определенном количестве оказывалось утраченным или поврежденным. Только новые серьезные исследования в области римской военной логистики позволили понять эти механизмы обеспечения армии всем необходимым для её боеспособности.

С помощью этого нового, но чрезвычайно перспективного направления можно решить и некоторые вопросы, связанные с производством и перемещением вооружения в пределах Империи, а также исследовать финансовый аспект проблемы (государственные расходы на перевооружение армии) (James 1988: 257—331; Негин 2008: 171—177).

Однако следует констатировать, что на сегодняшний день по этой теме не создано комплексного труда, который бы охватывал все аспекты производства и эксплуатации оружия в римской армии. Так, по-прежнему отсутствуют специальные монографии по технологии производства оружия в римский период¹¹. Этот вопрос достаточно хорошо изучен для средневековья (Ffoulkes 1912; Maryon 1912; Lillico 1930; Art of the Armourer 1963), но относительно римского времени нет ни одного

обобщающего труда. Всё ограничивается разбросанными по различным археологическим журналам и сборникам отдельными публикациями по тому или иному аспекту вопроса.

Таким образом, подводя итог нашего обзора изучения древнеримского вооружения, можно наметить в общих чертах наиболее значимые проблемы, которые стоят не только перед оружейоведами, археологами, но и перед историками, поскольку только их совместными усилиями они могут быть разрешены.

Очевидно, что только скрупулезный разносторонний анализ путей заимствования новых типов оружия в ходе военных столкновений или культурного обмена способен приблизить к разрешению интереснейшей проблемы — географического размещения центров производства оружия, социального статуса персонала римских оружейных фабрик, соотношения различных источников пополнения арсеналов оружия¹². Исходя из детального рассмотрения предметов вооружения, также можно будет сделать определенные выводы о подверженности различных предметов римского военного снаряжения моде и вкусам в пределах отдельной провинциальной армейской группы, воинской части или даже подразделения. Для достижения поставленной цели необходимо привлечение тех данных, которые получены с помощью новых технологий: электронных микроскопов, рентгеновских установок и сложной вычислительной техники, рентгеноскопического (рентгенофлуоресцентного) анализа и других технических средств, которые позволяют детально изучить структуру артефактов. Только с помощью этих данных возможна реконструкция технологий древних ремесленников.

Таким образом, в данном исследовании предпринимается попытка последовательно рассмотреть те организационные, экономические и технологические составляющие изучаемого вопроса, которые лежали в основе той эффективной системы оружейного производства, которая без каких-либо значительных изменений функционировала в течение эпохи принципата.

ные со снабжением армии в мирное и в военное время, состоянием инфраструктуры и даже положением дел в отдельно взятых провинциях. Но, к сожалению, вопросам, связанным с «логистикой оружия», т.е. с проблемами снабжения армии вооружением, даже в таком капитальном издании отводится всего лишь несколько строк.

¹¹ Технологиям производства оружия посвящены научно-популярные книги Д. Сима, И. Ридж и Дж. Камински, а также Х. и Дж. Тревис (Sim, Ridge 2002; Sim, Kaminski 2012; Travis, Travis 2011). Однако в этих работах рассматриваются лишь технологические аспекты оружейного производства, при этом основное внимание уделяется оружию из железа, в то время как работа с другими металлами и материалами интересует авторов в меньшей степени.

¹² Сведения о привлечении к изготовлению оружия для римской армии гражданского населения провинций и вновь завоеванных территорий относятся ещё к республиканскому периоду. Есть сведения, что к производству вооружения привлекали даже пленных ремесленников (Liv. XXVI, 47, 2). По сообщению Цицерона, Кальпурний Пизон основал в Македонии *officina armorum* (Cic. In Piso. 87). Подобные оружейные цеха поставляли оружие и обмундирование войскам в Испанию на контрактной основе (Liv. XXVII, 10, 11).

Предлагаемая читателю монография является дополненным и переработанным вариантом кандидатской диссертации, защищенной автором в октябре 2011 г. Структура работы осталась прежней, однако сам текст был несколько изменен и адаптирован для его лучшего восприятия. Кроме того, уже после написания и защиты диссертации одновременно появились два важных исследования, рассматривающие вопросы, связанные с производством вооружения для римской армии (Travis, Travis 2011; Sim, Kaminski 2012). Написаны они на разных исследовательских уровнях, но оба касаются главным образом технологических вопросов изготовления оружия. Авторы независимо друг от друга произвели серию экспериментальных реконструкций, что позволило уточнить некоторые

спорные моменты производственного процесса, а также сформулировать новые исследовательские задачи. Соответственно, автор не мог обойти вниманием эти новые работы, что повлекло за собой включение в текст ряда дополнений.

В ходе защиты диссертации автору было высказано немало полезных замечаний и советов со стороны официальных оппонентов, а также тех, кто ознакомился с текстом работы.

Пользуясь случаем, автор благодарит за ценные советы и разностороннюю помощь при написании и обсуждении работы д. и. н. А. В. Махлаюка, д. и. н. В. Н. Парфенова, А. Л. Смышляева, д. и. н. В. В. Дементьеву, О. А. Радюша, к. и. н. В. П. Никонорова, М. Бишоп (PhD), К. Микса (PhD).

Глава 1.

Обеспечение армии эпохи принципата вооружением: вопросы логистики и финансирования

1.1. Римская военная логистика: основные параметры и принципы организации

Вегеций писал: «Одна из первейших задач вождя — позаботиться, находится ли войско в лагере или в городе, чтобы выпасы для животных, подвоз зерна и других видов продовольствия, получение воды, дров и фуража могли производиться безопасно от нападений врагов. А добиться этого можно не иначе, как расположив в удобных местах на том пути, по которому движется наш подвоз, охранные отряды в укреплениях, будь то города, или крепости, огражденные стенами» (Veget. III, 8; пер. С. П. Кондратьева). В другом месте своего труда он уточняет: «Во всяком походе лучшее твоё оружие — чтобы у тебя было в изобилии пищи, а враги страдали от голода. Итак, прежде чем начать войну, должно всесторонне рассмотреть, сколько нужно запастись и какие будут расходы, чтобы затем своевременно завезти фураж, зерно и остальные виды продовольствия, которые обычно поставляются из провинций; затем следует их сложить в удобных для доставки и укрепленных местах, собрав всего этого больше, чем требуется по расчётам. Если обязательных поставок не хватает, нужно ходатайствовать о выдаче денег и всё заготовить» (Veget. III, 3; пер. С. П. Кондратьева). Историк Дион Кассий передает слова Цезаря о том, что деньги и оружие — два важнейших фактора войны, сплачивающие армию (Dio Cass. XLII, 49,

5). Александр Север говорил: «Воин не внушает опасения, если он одет, вооружен, обут, сыт и имеет кое-что в поясе» (SHA. Alex. Sev. LII, 3; пер. С. П. Кондратьева). Все эти цитаты показывают, какое значение этому вопросу придавали не только государственные деятели и сами военные, но и теоретики, и писатели. А это значит, что сами римляне хорошо осознавали преимущество своих сытых и экипированных воинов в сравнении с войсками многих своих противников, не имевших подобных структур снабжения армий.

Снабжение армии вооружением также входило в ответственность занятых армейскими логистическими операциями чиновников, чьей задачей было максимально эффективно обеспечить доставку оружия из производственных центров, снабдить всем необходимым легионных оружейников и организовать утилизацию вышедшего из строя вооружения.

Организация и механизмы действия римской военной логистики стали в последние десятилетия темой многочисленных исследований. Первой значительной работой в данной области стало диссертационное исследование Дж. П. Адамса, посвященное вопросам снабжения армии эпохи принципата в ходе военных кампаний (Adams 1976). В 1984 г. выходит труд Л. Виршовски (Wierschowski 1984), в котором автор хотя и ограничил временные рамки своей работы эпохой принципата, но поставил перед собой задачу рассмотреть римскую военную логистику в совокупности всех её проявлений. Между тем, исследова-

телям стало понятно, что рамки одной обобщающей работы не могут вместить в себя все возможные временные и территориальные особенности снабжения римской армии. Вследствие этого появилась необходимость в систематизации материала на примере какой-либо одной территории или провинции. Вскоре такие исследования осуществили Х. Ремесаль Родригес (Remesal Rodriguez 1986: 760—767), Дж. Д. Андерсон (Anderson 1992), Д. Бриз (Breeze 1993), Т. Киссель (Kissel 1995), К. Адамс (Adams 1999: 119—126), К. Литц (Lietz 1999), Дж. Дэвис (Davies 2002: 169—203), Б. Онкен (Onken 2003). Вместе с тем, следует отметить, что, несмотря на такую территориальную дробность исследования римской военной логистики, некоторые её аспекты остаются малоизученными. В первую очередь это относится к снабжению армии оружием. Этот вопрос ещё не был предметом специального изучения, и исследователи касались его в своих работах лишь в самых общих чертах¹³.

Основы римской военной логистической системы (Middleton 1979: 81—97; Adams 1995: 119—124; 2001: 465—472; Erdkamp 1998; Roth 1998; Herz 2002: 19—46; Carreras Monfort 2002: 70—89; Whittaker 2002: 204—234; Remesal Rodriguez 2002: 77—92; Funari 2002: 235—263; Erdkamp 2002: 49—69) были заложены ещё в республиканский период, но претерпели коренные изменения во времена правления Октавиана Августа, что было связано с реорганизацией армии. Хотя Август и сохранил некоторые элементы республиканского управления, но поскольку происходило усиление централизации римского государства, то и снабжение армии было отдано в ведение имперских чиновников (Kerrie 1984: 145—171; Kissel 1995: 121—124). Наметился постепенный переход от системы, распространённой в годы гражданских войн, к более бюрократизированной организации, жизнедеятельность которой находилась в руках императорских вольноотпущенников. Поскольку теперь сам император являлся главнокомандующим всех вооружённых сил, то именно он принимал все важные стратегические решения: когда и как начинать военные действия, какие ресурсы выделить участвующим в войне легионам, а также осуществлял жизнеобеспечение армии в целом. Октавиан Август учредил специальную военную казну (*aerarium militare*), которую он

контролировал лично (Suet. Aug. 49; Dio. Cass. LV, 23, 24, 25, 32). Источники упоминают, что и другие императоры считали своим долгом лично отслеживать, насколько эффективно налажено снабжение армии (SHA. Hadr. 10, 8; 11, 1; Dio Cass. LXIX, 9, 2; LXXI, 2, 3). Придворное ведомство по управлению финансами (*a rationibus*) проводило все необходимые расчёты¹⁴. Имперскую казну — фиск контролировал специальный чиновник (*procurator a rationibus*) (Stat. Silv. III, 3, 86). При Октавиане Августе этот пост занимали вольноотпущенники, но в эпоху Флавиев эта должность была отдана всадникам (Millar 1977: 73—75, 105). В его обязанности входило выделение денег на вооружение солдат и строительство крепостей (Stat. Silv. III, 3, 98), а также отслеживание оплат за поставки для армии и выплат жалования солдатам (Kehne 2007: 327).

Вместе с тем, изучение организации военной логистики на уровне центрального государственного управления достаточно проблематично, поскольку не сохранилось ни одного архива или косвенной документации, которые позволяли бы выявить механизм и организацию центрального управления снабжением армий.

Доказательством существования в Риме этого ведомства могут служить лишь надгробия в окрестностях города, упоминающие *copiis militaribus* (CIL VI, 28538; 28539; 28540), которые могли являться его штатными бухгалтерами или писцами (Rickman 1971: 273). С точки зрения Д. Ван Берхема, этих данных мало для доказательства деятельности префекта и особого учреждения, а по сути, и самого существования какого-либо централизованного снабжения армий до введения системы военной анноны (Van Berchem 1937: 143—145). Однако отсутствие этого связующего звена между императором как главнокомандующим, возложившим на себя ответственность за материальное обеспечение армии, и провинциальной администрацией, занимающейся решением проблем обеспечения на местах, совершенно нелогично. Скорее всего, в III в. ранее существовавшая, но не вполне понятная нам на данный момент система лишь была упорядочена и модернизирована.

Несомненно, что провинциальная администрация являлась в этой системе незаме-

¹³ Редким исключением можно назвать аналитическую статью П. Косме (Cosme 2007: 239—260).

¹⁴ Предполагают также, что придворное ведомство для управления финансами (*a rationibus*) вплоть до III в. занималось поставками вооружения в армию (Kehne 2007: 327).

нимым звеном, обеспечивая сбор налогов и тем самым снабжение армии. К прокураторам провинций стекалась информация от командующих, предоставлявших финансовые отчеты и заказы на военные поставки (Dio Cass. LX, 24. 5)¹⁵. При этом довольно сложно представить всю цепочку вовлеченных в этот процесс должностных лиц, хотя надписи и упоминают некоторых из них. Однако сведения эти отрывочны и менее информативны, чем те, которые имеются в нашем распоряжении относительно военного времени. Различные источники, описывая военные кампании, перечисляют не только должности, но и имена ответственных за снабжение сражающихся легионов (см., например: Stat. Silv. IV, 9, 17—19; AE 1934, 2; ILS 1740; Dio Cass. LXXI, 2, 2).

При организации крупных экспедиций и походов на специальные посты *curator copiarum exercitus* («попечитель снабжения войска») или *praepositus annonae expeditionis* («начальник снабжения похода») ставили квалифицированных офицеров, но эти посты были временными и ограничены конкретной задачей (Adams 1976: 220; Kissel 1995: 131, 264, 271; Roth 1998: 261; Herz 2002: 24; Kehne 2007: 330). Тацит упоминает о назначении знатного римского всадника Тиберия Александра в помощь командующему Корбулону в качестве *minister bello*, возможно, связанного с военным снабжением (Tac. Ann. XV, 28). Dispensator Плиния Старшего (Plin. HN. VII, 129), по-видимому, являлся императорским вольноотпущенником, ответственным за выплаты по закупкам провизии и других поставок в армию (ср. CIL VI, 8541). Во время дунайских войн Домициана ответственным за часть военной *annona* и снабжение продовольствием *stationes viarum* вдоль дорог, ведущих в зону боевых действий, был трибун латиклавий Плотий Грисп (Stat. Silv. IV, 9, 17—19). В дакийской кампании Траяна Гай Целий Марциал ведал *copiarum cura*, «попечением о продовольствии» (AE 1934, 2). Снабжением войск Луция Вера в парфянском походе занимался *comes Augusti* («спутник императора») Луций Аврелий Никомед, бывший префект *vehiculorum*, он ведал *cura copiarum exercitus*, вероятно, под прямым наблюдением императора в его ставке, располагавшейся в Антиохии (ILS 1740; Dio Cass. LXXI, 2, 2). Во время второй Маркоманнской вой-

ны Марка Аврелия пост *praepositus copiarum expeditionis Germanicae secundae* занимал Тиберий Клавдий Кандид (ILS 1140).

Сложнее дело обстоит с выявлением круга должностных лиц, отвечавших за организацию снабжения армии в мирное время. Некоторые из должностных лиц, упомянутых в надписях начала II в., как представляется, отвечали за поставки в армию не только в военное время (CIL VIII, 619 = ILS 2747; CIL II, 1180 = ILS 1403). В конце II—III вв. офицер, ведавший вопросами военной логистики, упоминается уже как *praepositus copiarum* (CIL II, 4114 = ILS 1140) или *praepositus annonae* (CIL IX, 1582 = ILS 1343; CIL XI, 3104 = ILS 2765) (Van Berchem 1937: 145; Kissel 1995: 271—276), что может быть непосредственно связано с реорганизацией системы *annona militaris*.

На уровне войсковой части ответственность за материально-техническое обеспечение лежала на полевых командирах. Со времени Октавиана Августа ключевой фигурой становится легионный легат (*legatus Augusti legionis*), отныне ответственный за тактическое и административное управление вверенной ему воинской части. Ко времени правления императора Домициана у каждого легиона имелся свой *praefectus castrorum* (Kerrie 1984: 177). Вегетий возлагает ответственность за денежное довольствие и солдатские пайки на «префекта легиона» (Veget. II, 9), но так как эта должность появляется лишь во II в., то наиболее вероятно, что до этого те же самые обязанности были возложены на префекта лагеря.

Реконструкция логистической администрации воинского подразделения (легиона, когорты или алы) представляется довольно сложной задачей. Тем не менее, источники сообщают о большом количестве материально-технических должностей. Тут были и лагерный счетовод (*rationibus castrensibus*) (ILS 1648, 1650; CIL VI, 8519, 8521, 8522; VIII, 2702, 18250), и хранитель амбаров (*horrearius*) (D. IX, 3, 5, 3; X, 4, 5; XIX, 2, 60, 9), и кладовщик зерновых (*ensor frumenti*) (CIL V, 936 = ILS 2423), и ответственный за доставку и хранение фуража (*cibariator*) (SB XXIV 16233—16250)¹⁶.

Контроль за распределением провианта по подразделениям осуществлял целый штат лиц; в каждом из них имелся свой «фи-

¹⁵ О большой роли наместника в управленческих делах вверенных ему территорий, а также о штате «службы наместника» (Смышляев 1979: 60—81; Колосовская 1988: 20—37).

¹⁶ Начиная с эпохи Септимия Севера, похоже, что все эти обязанности были переданы одному ответственному лицу, которое в источниках именуется *salararius* (CIL V, 8275).

нансист». Иногда эту функцию выполняли табулярии или сигниферы (Veget. II, 20; PSI 1603), хотя обычно снабжением занимались эвокаты и сигниферы (CIL VIII, 18224). Квестор (*quaestor*) проводил платежи, а актарий (*actarius*) фиксировал проведенные платежи в расходных книгах. Судя по записям на дощечках из Виндоланды, иногда обязанность следить за расходными книгами поручалась опционам (Tab. Vindol. 127). В военное время ответственность за контроль поставок (как оружия, снаряжения, так и продовольствия) возлагалась на делегированных из воинских частей в тыловые порты примипилов (или *centurio frumentarius*) (Kehne 2007: 331).

При изучении системы снабжения римской армии возникает несколько вопросов, от ответа на которые зависит понимание всего логистического механизма в целом, а также его составляющих, изменявшихся с течением времени.

Во-первых, занимались ли сами военные исключительно всеми вопросами поставок в армию продовольствия и необходимого снаряжения, или часть из них была передана по контракту в ведение гражданских поставщиков?

Во-вторых, были ли поставки в армию по большей части организованы из крупных производственных центров, порой находящихся за многие тысячи километров от места дислокации того или иного подразделения, либо в основном воинская часть снабжалась местными жителями и находящимися неподалеку производителями? Иными словами, кто получал экономическую выгоду от поставок в армию — «большой бизнес» или местные предприниматели и поставщики?

В-третьих, изымались ли необходимые товары и продовольствие в качестве налогов или же их приобретали за деньги?

Наконец, следует задаться вопросом о вкладе в систему поставок в армию со стороны варваров, живущих за пределами Империи в приграничных районах.

Исходя из численности римских вооруженных сил, можно представить себе объем вкладываемых государством денежных средств и величину потребляемого армией продовольствия, а также требующегося ей снаряжения и технического оснащения, с распределением и доставкой которого до пункта назначения центральные ведомства без организации локальных логистических систем и организаций вряд ли справились бы. На границах, удаленных от продовольственных житниц Империи, обеспечение провиантом и вооружением в значительной степени было переложено на плечи

самой армии. С этой целью была введена система военных заказов, при которой сами воинские части, получая необходимое финансирование со стороны государства, могли заключать долгосрочные контракты с частными поставщиками, действовавшими по соседству, ибо это приносило некоторую экономию в сравнении с тем, если бы все поставки совершались государственными органами (ведомствами *a rationibus* и *annona*) из каких-либо централизованных и удаленных баз.

На стадии активной оккупации, т.е. в тот период, пока происходило утверждение римского господства на завоеванной территории, размещение производственных мощностей внутри крепостных стен было важнейшим условием обеспечения их безопасности, поэтому внутри лагеря имелось всё необходимое для жизнеобеспечения и собственного производства. В дальнейшем, когда военные действия на близлежащих территориях прекращались, то в условиях мирного существования хозяйственная деятельность и производства легиона естественным образом частично перемещались за пределы лагерных стен, в ремесленные мастерские посёлков-канаб, но оружейные мастерские воинской части оставались внутри лагеря и в дальнейшем.

Немаловажная особенность снабжения армии заключается в приоритете выбора водного пути доставки грузов; для перевозок по морю нанимали частные суда (Roth 1998: 255, 278). Речные артерии использовались не менее активно, чем переброска грузов по морю (Roth 1998: 301). Именно на берегах крупных рек, таких как Рейн и Дунай, были сконцентрированы большие военные группировки.

Для доставки по суше организовывали обозы, которые необходимо было как следует охранять, так как передвигавшиеся по дорогам транспорты часто являлись целью для разбойников и врагов империи (рис. 1). По мере осознания того факта, что передвижение по дорогам не так безопасно, как хотелось бы, вдоль путей начали строить оборонительные сооружения и ставить военные лагеря. Размещенная в таких *stationes* вооруженная стража следила за порядком на дорогах (Suet. Aug. 32, 1; Tib. 37, 1). Разбойники беспокоили даже жителей Италии, не говоря уже о провинциях (Grünwald 2004). Так, известно, что при Августе была создана система караулов в Италии, для того чтобы остановить разгул разбойников (Suet. Aug. 32, 1). В Северной Африке Коммод приказал соорудить «сторожевые башни для защиты путников» (CIL VIII, 2494; 2495). В III в. сеть таких полицейских постов-*stationes*, была ещё более

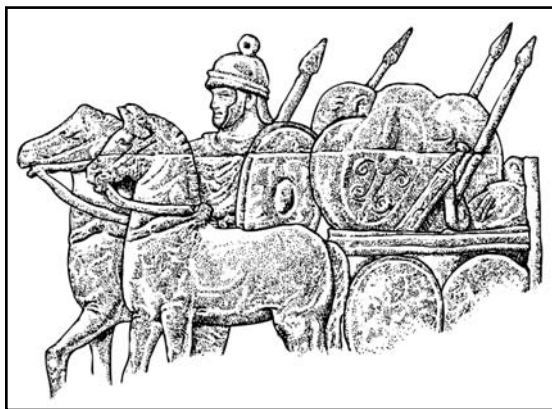

Рис. 1. Транспортировка оружия в сопровождении военного эскорта. Рельеф с колонны Марка Аврелия (рисунок автора).

Fig. 1. Transportation of armament accompanied by a military escort. A relief from Marcus Aurelius column (drawing by the author).

расширена и покрывала на всей протяженности основные имперские дороги (Tert. Apol. 2, 8), однако они не стали более безопасными. Кризис III в. только ещё более усугубил ситуацию, когда количество бандитов (*latrones*) значительно возросло. Несмотря на эффективные операции Гнея Помпея и предпринятые Октавианом Августом меры, продолжало существовать и пиратство (Braund 1993: 195—212).

Вследствие неэффективности мер по искоренению бандитизма, армия всегда старалась выделять для транспортов вооружённый эскорт из числа военнослужащих (Tab. Vindol. 180—184). Источники показывают, насколько подобная практика была распространена. Сохранившаяся отчетная документация свидетельствует о том, что военнослужащие не только самостоятельно обеспечивали сопровождение поставок провианта и снаряжения в собственную воинскую часть, но и откомандировывались начальством на работы по улучшению транспортной инфраструктуры (строительство дорог, обустройство рек для улучшения судоходства). Данные отдельного послужного списка четырёх человек из III Киренайского легиона 80—87 гг. н.э. (P. Gen. Lat. 1 recto part II = Daris, 10 (3) = RMR 10) являются довольно наглядной тому иллюстрацией.

Своей заботой государство считало поддержание в надлежащем виде всех элементов тыловой инфраструктуры: дорог, мостов, портов, каналов, речных дамб, судов и складов. Но ответственность за доставку по ним грузов соответствующие ведомства стремились вверить кому угодно — самим воинским частям

или местному населению. Одно из фрагментарно сохранившихся писем из Виндоланды упоминает некие затраты — возможно, претензии на дорожные расходы (*viaticum*), — связанные с поездками в различные военные лагеря за продуктами питания, кормами и воинским снаряжением (Tab. Vindol. 185). Другая запись из Виндоланды упоминает офицера, вернувшегося из поездки в Галлию, задачей которого была доставка одежды (Tab. Vindol. 255). В папирусе Ханта (P. Lond. 2851) также есть упоминание о поездках солдат *in Gallia vestitum*, что позволяет предполагать наличие в Галлии крупных производственных центров, изготовлявших предметы одежды.

Следует отметить, что специальными уполномоченными лицами, которые от имени той или иной воинской части вели переговоры с торговыми посредниками (*negotiatores*) или доставляли товары, могли быть не только военнослужащие. В этом процессе мог быть задействован и такой персонаж, как *lix*, часто ассоциируемый с маркитантом (Ivanov 1990: 131—136). Однако следует сказать, что данная интерпретация термина далеко не бесспорна, тем более что Ноний Марцелл (48, 17) и Исидор Севильский (Etym. s. v. *Lixae*) прямо называют *lixae* «водоносами», а Саллюстий называет этим же термином солдатских слуг, впрочем, иногда намекая на то, что они приторговывали награбленным (Sall. B. Jug. 44, 5; 45, 2) (Roth 1998: 93—96). Рабы действительно могли заниматься закупкой товаров по поручению своих хозяев-солдат, о чем свидетельствует текст на одной из дощечек, найденных в Виндоланде. В этом тексте упоминается раб претория, ведущий закупки по поручению префекта Юлия Верикунда (Tab. Vindol. 302). Однако участие рабов в снабжении армии оружием трудно себе представить.

При обсуждении схемы поставок в армию из крупных производственных центров Д. Бриз (Breeze 2000: 60) предложил четыре возможных варианта транспортировки. 1. Города, поставлявшие провиант и снаряжение (или те, у которых они были реквизированы), своими силами организовывали транспорт. 2. Города нанимали подрядчиков, чтобы транспортировать товары. 3. Военные сами организовывали транспорт от места сбора провианта. 4. Армия нанимала подрядчиков. Например, в Египте и других областях ответственность за доставку «натурального налога» до региональных *horrea militaria* была возложена на сами общины. Зато дальнейшая транспортировка в определенную воинскую часть возлагалась уже на её непосредственных представителей, либо нанятых ими

транспортных подрядчиков (Kolb 2000: 228, 237, 240).

Сохранились документы, подробно описывающие заказы со стороны армии. В них перечисляются товары, на поставку которых были заключены договоры, или те, которые непосредственно приобретались у местных производителей или посредников¹⁷.

Как образец одной из таких торговых сделок приведем текст папируса из Египта, датированного 138 г.н.э. (BGU 1564 = SP 395):

«Копия заказа для оплаты. Аммоний, сын Полидевка, Сирион, сын Гераса, Гераклид, сын Гераклида — все трое сборщики одежды (в ходе реквизиций), — и Гермес, бывший писец-нотариус (*ex-agoranomos*), банкиру Гераклиду желают здравствовать.

Заплачено Гераклиду, сыну Горгия, Герону, вольноотпущеннику Публия Мевия, и Диоскору, вольноотпущеннику могущественного бога Сераписа, ткачам из деревни Филадельфия, им и другим ткачам из той же самой деревни, в качестве аванса за стоимость одежды, которая является частью того, что Его светлость префект Авидий Гелиодор приказал подготовить для нужд солдат в Каппадокии: за одну белую тунику с поясом в три кубита длины, три кубита и четыре дактиля шириной, а весом в 33/4 мины — 24 драхмы по счёту; за четыре белых сирийских плаща, каждый в шесть кубитов длины и четыре кубита ширины, а весом в 33/4 мины — по 24 драхмы за каждый; всего 96 драхм; а всё вместе 120 драхм; для нужд лазарета в лагере императорского войска — за одно простое белое одеяло шести кубитов длины и четырёх кубитов ширины, весом в четыре мины — 28 драхм по счёту; всего же 148 серебряных драхмы; но из аванса в 28 драхм за одеяло, 6 драхм были вычтены для имперского казначейства. Договариваемся, что они должны изготовить всю одежду из красивой мягкой белой шерсти без примесей, и все это должно быть крепко и качественно соткано, с хорошо обработанным краем, приятным на ощупь и без повреждений, чтобы ценилось не ниже тех денег, которые были выплачены авансом.

Если при передаче обнаружится, что какая-либо одежда отсутствует или имеет низшую стоимость, они будут нести взаимную ответ-

ственность и возместят стоимость отсутствующей одежды, вместе с пошлинами и расходами, а также разницу в стоимости более дешёвой одежды.

А также они должны поставить их быстро, в соответствии с установленными размерами и весом, независимо от другой одежды, которую они подрядились изготовить. Составлено во второй год правления императора Цезаря Тита Элия Адриана Антонина Августа Пия, 12-го дня месяца “тот”».

Данный документ составлен по всем правилам коммерческих сделок и предусматривает полное возмещение возможного ущерба в случае поставок некачественного товара либо срыва поставки в установленные сроки.

Индивидуально же солдаты могли покупать продовольствие и другие товары на рынке или у частных торговцев, подрядчиков и снабженцев армии, о деятельности которых свидетельствует большое количество надписей, относящихся к периоду ранней Империи. По данным К. Вербовена, 326 надписей сохранили имена двухсот сорока торговцев. Почти 32 % из них происходит из галльских и германских областей или с территории Великобритании. В Италии их только 17%, в Придунавье и Далмации — 12%. В испанских и африканских областях сведения о них фактически отсутствуют (1,84%, и 2,76% соответственно). В Италии надписи сконцентрированы главным образом в Лации и Кампании, а также в северных областях. В I в.н.э. торговцы и посредники были преимущественно римлянами, и здесь большая свобода была предоставлена частной инициативе самих солдат. Когда же местные торговцы и производители занялись обеспечением военных рынков, они стремительно стали перенимать римский опыт (Verboven 2007: 295—314)¹⁸ (рис. 2).

Роль частных подрядчиков и посредников в снабжении армии ещё не выяснена до конца, но можно предполагать, что их участие, в большинстве случаев, ограничивалось организацией переговоров между государственными чиновниками и местными общинами; они также были ответственны за доставку всего необходимого на военные склады (Тас. Agr. 19). Хотя представляется, что контроль над дальними перемещениями грузов по водным путям был достаточно проблематичен для такого рода посредников, и, по сути, в этом случае доставка грузов ложилась на плечи военного флота (Allen, Fulford 1999: 163—184).

¹⁷ См.: Daris, №48—65; туники: BGU 1564; P. Ryl. 189; плащи: BGU 1564; P. Ryl. 189; одеяла: BGU 1564; P. Oxy. 2230, 2760; одежда: P. Giess. 69; пальмы: BGU 1612; Stud. Pal. xxii, 137; масло: PSI 683; вооружение: Stud. Pal. xxii, 92; ср.: Dio Cass. LXIX, 12; Tac. Hist. II, 82; шкуры: PSI 465; BGU 655; P. Grenf. 51; ср.: Tac. Ann. IV, 72; солома: O. Tait 1641 ff.

¹⁸ Торговцам посвящена ещё одна обстоятельная работа этого же автора (Verboven 2006).

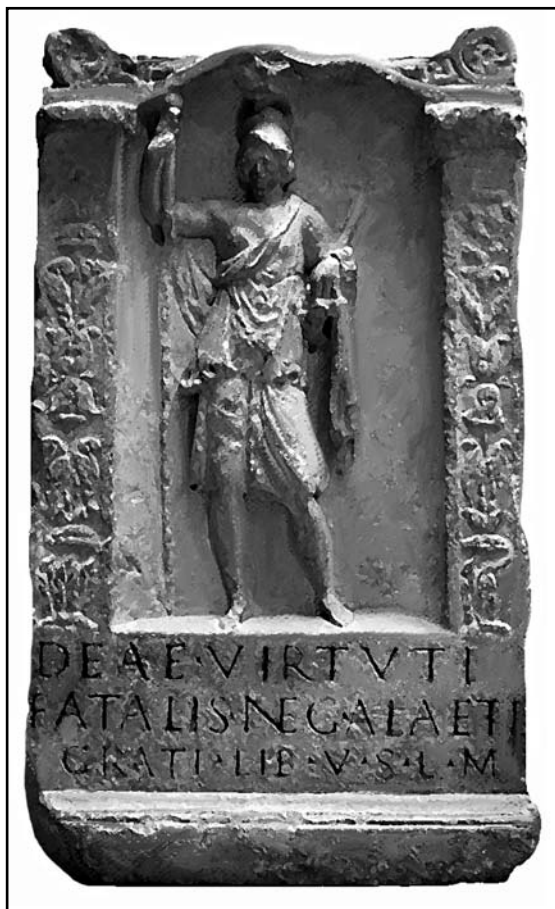

Рис. 2. Стела с посвятельной надписью богине Виртус, поставленная торговцем, который, скорее всего, служил в армии. III в. н.э. Кёльн, Римско-германский музей. Надпись: «DEAE VIRTVTI FATALIS NEG(OTIATOR) A(ULI) LAETI GRATI LIB(ERTUS) V(OTUM) S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO)» (рисунок автора).

Fig. 2. Stele with dedicatory inscription to the goddess Virtus, erected by a tradesman who likely served in the army. 3rd century AD. Cologne, Roman-Germanic Museum. Inscription: "DEAE VIRTVTI FATALIS NEG(OTIATOR) A(ULI) LAETI GRATI LIB(ERTUS) V(OTUM) S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO)" (drawing by the author).

Кроме того, гражданские торговцы напрямую были связаны с установившейся к началу III в. системой *annona militaris*¹⁹, когда частично вместо денег солдат стали снабжать некоторыми товарами, а поселенцы-дедитиции были прикреплены к определенным гарнизонам пограничных лагерей и кастреллов и должны были снабжать солдат всем необходимым (продовольствием, деньгами и вооружением). В установлении такой системы расчётов сыграли роль девальвация

денег и неуёмные аппетиты торговых посредников, которые привели к уменьшению покупательной способности солдат.

Городам и общинам, которые обеспечивали близлежащие войска продовольствием, фуражом и другими необходимыми товарами, имперское казначейство возмещало их расходы, но зачастую расплачивалось не по рыночным ценам²⁰. В дополнение к этому нередко муниципальная элита жертвовала в пользу армии некоторые средства (Breeze 2000: 59; Erdkamp 2002: 60).

Если же солдаты были расквартированы прямо в больших городах, как это часто наблюдалось в восточных провинциях, то владелец домохозяйства обязан был кормить их за собственный счёт. Эта форма *hospitium* значительно облегчала задачи римских армейских снабженцев в этих областях, так как им не нужно было беспокоиться об организации транспортировок провианта (Kehne 2007: 327). Кроме того, присутствие в крупном городе, где было множество мастеров-оружейников и размещались крупные оружейные производства, являлось удобным с точки зрения обеспечения солдат снаряжением, ведь мастера трудились в безопасности под защитой городских стен, и не нужно было организовывать охраняемые транспорты, чтобы доставлять оружие из производственного центра в места дислокации военных частей.

В эпоху принципата региональный контроль над распределением денег и продовольствия для армии был возложен на наместников, которые должны были помогать солдатам в осуществлении закупок продовольствия и сбора фуража, а также обязаны были вмешаться в ход дел, если видели, что все эти мероприятия осуществляются неумело или в системе сбора и транспортировки провинциального зерна для войска процветает коррупция (Tas. Agric. 19, 4).

Таким образом, мы видим, что для снабжения армии была разработана довольно продуманная многоуровневая система. На каждом уровне присутствовали ответственные контролирующие лица, призванные следить за нормальным функционированием тех или иных механизмов системы. Римская военная логистика была более прогрессивна, нежели

¹⁹ Для дополнительных и подробных сведений об *annona militaris* отсылаем к специальным работам (Van Berchem 1937: 117—202; Katsari 2002: 1—6; Mitthof 2001).

²⁰ В то же время есть и упоминания о приобретении некоторых товаров и по рыночным ценам. Одним из таких свидетельств является указание посланному на рынок рабу выбирать товар получше (Tab. Vindol. 302), ведь сомнительно, чтобы и хорошие продукты, и те, что похуже, продавались по одной фиксированной стоимости (Lo Cascio 2007: 202).

примитивное снабжение варварских войск, которые, за редким исключением, полагались лишь на реквизиции у местного населения и фуражировку. Римляне же использовали при снабжении своей армии любые возможные способы, с одинаковым успехом используя водный и гужевой транспорт, а в ходе военных кампаний — и фуражировку. Они развивали инфраструктуру, активно вовлекали в процесс не только государственные службы, но и саму армию, а также жителей империи.

Осознание того, что солдаты — это люди, которые проводят большую часть своей жизни вдали от родных мест, постоянно ею рискуя, и что они не должны испытывать никакой нужды, ощущая на себе непрестанную заботу со стороны государства, было достойной чертой римских правителей и их администраций, занимавшихся не только «покупкой лояльности» воинов, но и понимавших, что «сытый воин — счастливый воин».

Однако при рассмотрении поставок в армию оружия возникают определенные трудности, так как, в отличие от хорошо документированной системы поставок в армию провианта, в отношении вооружения источники крайне малочисленны и скупы на содержащиеся в них сведения. Кроме того, большую проблему при исследовании вопроса представляет то отличие римской армии от современных, благодаря которому можно было бы провести определенные параллели между римской и современными армиями, а именно — отсутствие у римлян военной униформы, что затрудняет идентификацию экипировки легионеров и солдат вспомогательных войск. Следствием этого является невозможность четкого разграничения поставок вооружения для разных родов войск и выделения особенностей снабжения собственно легионов и вспомогательных войск. Также довольно интересен вопрос о передаче новобранцам снаряжения ветеранов, ушедших в отставку. Иными словами, сколько времени вооружение могло служить, переходя от одного владельца к другому? Такие немаловажные факторы, как его изнашиваемость, а также выход из моды и моральное устаревание, должны были оказывать самое непосредственное влияние на срок службы. Изменения в римской военной моде прослеживаются по археологическому материалу, но вопрос о длительности бытования тех или иных модификаций военного снаряжения не так уж прост. Так, например, появление новых разновидностей пластинчатого ламинарного доспеха происходило нечасто. На протяжении трёхсот лет, по имеющимся на сегодняшний день данным, сменилось

три модификации доспеха (сегментные лорикки типов Калькризе, Корбридж и Ньюстед). Гораздо более частыми были изменения в модификациях шлемов и их деталях, приводившие к видоизменению внешнего облика типов шлемов с периодичностью примерно в два десятилетия. Это вполне согласуется с установленным со времени Августа сроком военной службы в двадцать лет, и можно полагать, что каждое новое поколение военнослужащих приносило какие-либо новые модные элементы, в результате чего происходила постепенная модификация предметов воинского снаряжения. При этом следует отметить, что фактически едва ли не большинство солдат оставалось под знаменами дольше этого срока (не говоря уже о воинах вспомогательных войск). А из этого следует, что общую закономерность здесь установить все же довольно сложно: наступательное оружие теоретически могло либо служить своему владельцу весь срок службы, либо заменяться при поломке или получении (приобретении) более престижного экземпляра. Оружие рядового солдата-новобранца, естественно, отличалось от оружия унтер-офицерского и офицерского состава, и военнослужащий, продвигаясь по служебной лестнице, должен был заменять вооружение более дорогостоящим и престижным, чтобы соответствовать своему новому статусу. А в этом случае оценки исследователей о необходимости масштабного пополнения армейского фонда оружия хотя бы раз в десятилетие выглядят не такими уж необоснованными (Mann 1963: 483—489; Oldenstein 1985: 84). Этот процесс нельзя было оставить без внимательного контроля со стороны государственных структур, поскольку в этом случае снабжение армии вооружением требовало значительных финансовых расходов.

1.2. Расходы государственной казны на вооружение армии

Об исключительных тратах римского государства на армию уже написано довольно много (Grant 1990: 8; Duncan-Jones 1994: 45). Действительно, крупнейшему милитаристскому государству античности для поддержания своих военных ресурсов было необходимо расходовать огромные средства. Вычисление римского военного бюджета является довольно трудной и далеко не бесспорной задачей, поскольку до нашего времени дошли лишь отрывочные свидетельства о жаловании солдат и расходах на подготовку и проведение военных кампаний. Не сохранилось никаких отчетов римской администрации, благо-

даря которым можно было бы уверенно назвать цифры ежегодного римского военного бюджета. Только из Египта происходит довольно большой корпус финансовых отчетов на папирусах и остраконах I—III вв., содержащий главным образом сведения о поставках продовольствия и сырья, который можно дополнить немногочисленной документацией из Виндоланды (Bowman, Thomas 1983: №1), Виндониссы (Speidel 1996), Бу Нджема (Marichal 1992)²¹ и Дура-Европос (Welles et al. 1959), а также отдельными надписями с солдатских надгробий. Более существенные данные о военной экономике Рима могут дать лишь археологические раскопки.

Тем не менее, предпринимались неоднократные попытки вычисления общих сумм, потраченных римским государством на нужды армии. В исследованиях называют различные цифры, но все сходятся на том, что для доиндустриальной экономики Рима с преобладанием сельского хозяйства военные расходы были весьма существенным бременем. Фактически все налоги и арендные платы, получаемые имперским правительством, тратились на военных: в 150 г. это составляло приблизительно 80% имперского бюджета (Duncan-Jones 1994: 45). Согласно одному из расчётов, эти военные расходы составляли приблизительно 2,5% валового национального продукта империи (Goldsmith 1984: 263—288). По подсчётам Р. Данкан-Джонса, в середине II в. н. э. ежегодный военный бюджет Империи составлял приблизительно 670 000 000 сестерциев (Duncan-Jones 1994: 45)²². Эти расчёты не учитывают нерегулярных платежей (*donativa*), стоимость артиллерии и транспортов, выплаты высшему офицерскому составу и основаны на условии, что денежные выплаты при выходе в отставку (*praemia militiae*) не распространялись на ауксилиариев и моряков. Однако в эту сумму, кроме жалования и расходов на довольствие военнослужащих, следует включить и различные технические расходы, направленные на поддержание постоянной боеготовности армии. Исходя из этого, довольно интересно попытаться рассмотреть механизмы регулирования в военном бюджете Империи, связан-

ные с закупкой, производством и техническим обслуживанием вооружения. Безусловно, всякие расчёты, не подкреплённые сохранившейся обобщающей документацией, могут быть лишь гипотетическими и крайне приближительными. Дело усложняется и ростом инфляции, имевшим место в течение эпохи принципата, а также многими другими факторами, из-за отсутствия достоверных данных о которых невозможно называть какие-либо определённые цифры. Важно отметить роль государства в вооружении армии, поскольку, хотя сами солдаты и выплачивали стоимость приобретенного личного вооружения из своего жалования, но поддержание общевойскового баланса вооружения лежало на государстве²³. Ведь не следует забывать, что, кроме личного снаряжения солдата, войску были необходимы и боеприпасы, а также парк метательных машин и осадная техника. Помимо того, что государство снабжало солдат пайками, одеждой, палатками (или расквартировывало их), а кавалеристов ещё и лошадьми вместе с фуражом, было необходимо содержать фонд запасного снаряжения, производившегося по государственному заказу для бесперебойного пополнения утерянных и повреждённых предметов вооружения. О существовании такого государственного фонда вооружения свидетельствует Тацит, описывая события, связанные со смертью Гальбы. Он упоминает об арсенале в Риме, где, скорее всего, хранилось произведенное за государственный счёт запасное оружие (Tac. Hist. I, 38) (Robinson 1975: 9). Повествуя о событиях «года четырёх императоров», Тацит пишет, что Отон приказал открыть государственный

²¹ Об этой документации см.: Rebuffat 2000: 227—259.

²² Данная сумма рассчитана исходя из численности армии. По подсчётам Э. Бёрли, около 150 г. н. э. римские вооружённые силы включали в себя 140 000 легионеров, 224 000 солдат вспомогательных войск и 30 000 матросов (Birley 1981: 42; см. также: MacMullen 1980a: 451—460; 1984b: 571—580).

²³ Хотя известно, что в республиканский период полководцы брали на себя расходы по вооружению своих легионов. Например, Цезарь заботился, чтобы его воины имели дорогое оружие, украшенное золотом и серебром, как для внушительности, так и для того, чтобы они крепче его держали в бою, опасаясь потерять столь дорогостоящую вещь (Suet. Div. Iul. 67; Polyae. VIII, 23, 20). Плутарх указывает, что Брут не жалел денег на экипировку своих воинов, у которых оружие было украшено золотом и серебром (Plut. Brut. 38, 5—6). О том, как, будучи юношей, Октавиан Август снарядил войско на собственные средства для освобождения республики, упомянуто в «Деяниях божественного Августа» (RgdA. 1, 1). Отголоски данной традиции можно предполагать и в эпоху принципата, когда эта обязанность могла формально стать прерогативой принцепса, который считался защитником отечества (ср.: Suet. Cal. 43; Tac. Ann. I, 25). Можно даже говорить об установлении фактической монополии принцепса на снабжение и награждение войск. При этом и жалование, и различные льготы, и донативы стали рассматриваться как исключительная прерогатива императора (подробнее см.: Махлаук 2006: 273).

арсенал (*armamentarium*), откуда толпа воинов беспорядочно расхватала оружие преторианцев, легионеров, ауксилиариев. С определенной степенью осторожности, как свидетельство в пользу существования подобного оружейного фонда, можно трактовать сообщение Аппиана, по словам которого, когда осенью 44 г. до н.э. уже набранные Октавианом ветераны Цезаря узнали, что их собираются вести против Антония, то отправились домой якобы за собственным оружием, заявив, что пользоваться чужим они не могут (App. BC. III, 42. 170). Однако если учесть осторожное поведение сената, боявшегося разрыва с Антонием, на стороне которого были и сила, и право, можно предположить, что Октавиану вплоть до следующего года приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы и средства. Вслед за изменением ситуации после 7 января 43 г. до н.э. (*dies accepti imperii* Октавиана) наследник Цезаря и тем более новые консулы, Гирций и Панса, получили возможность снабжения новобранцев оружием из *armamentarium* в Риме, но точные сведения о том, из каких источников вооружались правительственные войска, которые должны были действовать в Мутинской войне против Антония, всё же отсутствуют.

Тацит также упоминает о сдаче преторианцами оружия своим трибунам (*arma ad tribunos suos deferebant*) (Tac. Hist. II, 67), что вполне можно трактовать как использование запасного воинского снаряжения. Это снаряжение было предназначено для экстраординарных ситуаций, когда было необходимо в кратчайшие сроки мобилизовать дополнительные силы, хотя иногда оно могло выдаваться высшим офицерам на время службы с последующим возвратом (SHA. Claud. 14, 5—6).

Важно также не забывать и о том, что армии требовалось постоянно пополнять запасы одноразового оружия, расходовавшегося во время боя (стрелы, пилумы и т.д.), часть которого неизбежно терялась из-за поломки. М. Фулфорд на основе раскопок в крепости Ход Хилл (Дорсет, Великобритания) попытался приблизительно вычислить количество потерянных в ходе боя стрел для баллисты, основываясь на их количестве в почве поля боя. Он называет впечатляющие цифры, считая, что всего лишь один легион мог тратить около 40 000 единиц боеприпасов для баллист (Fulford 2000: 45—46). Ещё более впечатляющими должны были быть потери обычных стрел (если гипотетически исключить возможность их собирания на поле боя, либо если учитывать только не подлежащие ремонту экзем-

пляры)²⁴. Кроме того, не следует исключать возможность массовых повреждений защитного вооружения (щитов и доспехов) (Fulford 2000: 45) в ходе боевых действий, а также их утраты по иным причинам²⁵. Солдаты, конечно, возмещали стоимость выданного им на замену утраченного снаряжения²⁶, но для фонда запасного вооружения нужно было такое количество предметов, которое должно было превышать возможные потери. Особенно это было актуально в ходе военных кампаний, когда было необходимо обеспечить бесперебойное пополнение армейских arsenалов.

Теоретически можно определить совокупный ежегодный спрос в области производства оружия, но подобные оценки сомнительны и не могут соответствовать фактической системе поставки вооружения в армию в силу отсутствия каких-либо документальных свидетельств.

С учетом обозначенных выше проблем рассмотрим круг возможных затрат Империи на производство государственного фонда вооружений, не называя конкретных цифр, но выделив основные направления финансовых вливаний римского государства и те меры, которые оно предпринимало для контроля за сферой производства и распределения вооружения.

Вопросы, связанные со стоимостью вооружения, механизмами оплаты солдатом полученного оружия и финансирования оружейного производства для нужд армии, ещё

²⁴ О количестве истраченных только в одном бою стрел повествует Светоний, говоря о сражении при Диррахии, в котором четыре легиона Помпея истратили за несколько часов около 130 000 стрел (Suet. Div. Iul. 68, 3). О том же событии написано и у Цезаря, однако он называет цифру лишь в 30 000 стрел (Caes. B. civ. III, 53). Однако в силу того, что количество лучников в легионе со временем изменялось, даже гипотетически довольно трудно говорить о каких-либо определенных цифрах. Для общего представления о масштабах используемых в ходе боя стрел можно взять гипотетическое число, при котором число лучников или ауксилиариев, приписанных к каждому легиону, мы обозначим в 100 чел. Таким образом, при скорострельности каждого лучника в 12 стрел в минуту, в течение пяти минут расходовалось до 6000 стрел.

²⁵ Римские военные отчеты не указывали причину утраты вооружения, как это, например, можно видеть на найденной в Карлайле дощечке с отчетом декуриона (см.: Tomlin 1998: 55—63).

²⁶ Исходя из находок множества фрагментов от поврежденного вооружения около солдатских бараков, исследователи делают вывод о том, что солдаты ремонтировали поврежденное снаряжение до тех пор, пока это было возможно, экономя на покупке новых предметов вооружения (см.: Klumbach, Baatz 1970: 73—83; Frere, St. Joseph 1974: 32; Bishop 1985: 12).

далеки от разрешения. По общепринятой сей-час гипотезе (см., например: MacMullen 1960: 24—25; Wesch-Klein 1998: 63—67, с литературой; Feugère 2002: 263—264; Bishop, Coulston 2006: 262; Ле Боэж 2001: 176), солдаты в рас-срочку выкупали у государства базовый ком-плект вооружения. Сверх того, они могли при-обретать для себя и более роскошные пред-меты вооружения у частного производителя в индивидуальном порядке, которые долж-ны были становиться частью воинского пеку-лия (*peculium castrense*)²⁷. В пользу таких при-обретений могут свидетельствовать записи на папирусах, в которых упоминаются неза-планированные покупки оружия, для осу-ществления которых солдатам приходилось брать деньги в долг с последующим возме-щением из жалования (P. Fouad 45; P. Fay. 105). Государство вмешивалось только в том слу-чае, если солдат не имел достаточных лич-ных накоплений, чтобы покупать необходи-мое вооружение. Также это мог сделать и лю-бой желающий оказать финансовую помощь, заплатив из своих личных средств (Plin. Ep. VI, 25, 2—3). В необходимых случаях деньги могли выдаваться из военной казны (*aerarium militare*), созданной Октавианом Августом, фонд которой формировался из введённого принципом пятипроцентного налога на на-следство. Таким образом, очевидно, что рас-ходы на производство вооружения могли так-же оплачиваться налогоплательщиками, как и другие поставки для армии (Rathbone 2007: 169). Р. МакМаллен (MacMullen 1960: 26) справедливо отмечает, что источники не до-несли до нас никаких сведений об особых на-логах, шедших на оружие для армии; ведь бо-лее вероятно иная схема, при которой эти рас-ходы покрывались за счёт других косвенных налогов. С начала III в. н. э. был введен налог по снабжению войск лимеса (*annona militaris*), в результате чего поселенцы были прикрепле-ны к определенным гарнизонам пограничных лагерей и кастеллов и должны были снабжать солдат всем необходимым (продовольствием, деньгами и т.д.)²⁸. С другой стороны, воин-ские части, вероятно, не всегда были полно-стью укомплектованы, и правительство могло покрывать часть затрат на производство оружия и экипировку солдат за счёт отчис-

лений из солдатского жалования (Campbell 2002: 84).

При производстве оружия государство, в немалой степени, было заинтересовано в экономии, ведь приходилось расходовать огромные средства, начиная уже с добычи сырья для нужд оружейников. Только на из-готовление экипировки одного солдата шло от 12 до 15 кг железа²⁹. По самым скромным подсчётам, ежегодная трата железа на инди-видуальную экипировку новобранцев, воору-жавшихся из имперского оружейного фонда, составляла около 300 т³⁰, что составляло 0,4 % от общей ежегодной добычи и переработки железа в Римской империи³¹. Каковы были за-траты материалов на производство торсион-ных машин для легионов, а также расходую-мых боеприпасов, подсчитать не представля-ется возможным.

Как мы можем видеть на различных рим-ских пропагандистских памятниках, и особен-но на рельефах колонн Траяна (Florescu 1969) и Марка Аврелия (Vogel 1973), два основных вида доспеха римских воинов и приписанных к ним вспомогательных подразделений — это

²⁹ Вычислен вес уже готового вооружения, без уче-та производственных отходов. Комплект снаряжения легионеров весил 12 кг: шлем типа Вайзенау (1,4 кг); лорика сегментата или чешуйчатый доспех (6 кг); меч (700 г); пояс (цингулом) (500 г); кинжал (300 г); умбон и оковка щита (600 г); пилум (в среднем 500 г без древка); наконечник копья (300 г); киркомотыга (*dolabra*) (700 г) и мелкая железная фурнитура, включая гвозди, которыми подбиты подошвы калиг. Комплект снаряжения солдата вспомогательных войск рассчитан с учётом веса кольчуги (9 кг). Вес вооружения дан при-близительно, но с учётом измерения данных реальных находок и параметров изготовленных на их основе со-временных реконструкций. Данные вычисления были произведены автором (Негин 2008: 175).

³⁰ В относительно мирные времена, когда боевые потери были незначительны, из легиона численностью в 5000 человек увольнялись ежегодно до 40 % легионе-ров, прослуживших более 25 лет, и около 15 % уволь-нялись со службы по инвалидности. Следовательно, каждый год для поддержания полного состава легио-ну требовалось пополнение из 280—300 новобранцев. См. по этому вопросу различные мнения (Wierschowski 1984: 214; Scheidel 1996: 117—124). Таким образом, ежегодно в легионы призывалось 8000—9000 солдат, в ауксилиии — 10000—12000, преторианская гвардия пополнялась примерно на 300 воинов ежегодно.

³¹ Дж. Хили полагает, что потребление железа Им-перией в целом составляло 82 500 т в год (Healy 1978: 196). Объём труда, необходимый для поддержания этого уровня производства, был очень высок. По неко-торым подсчётам, в обработке железа и кузнечных работах было занято приблизительно 50 000 чел., ещё 150 000 чел. (4,2 % населения Империи) обеспечивали отрасль всем необходимым (одежда, питание, охрана и т.д.) (Sim, Ridge 2002: 23—24).

²⁷ Об этом косвенно свидетельствует завещание воина Аммония своей матери 210 денариев, вклю-чающих стоимость его вооружения (P. Columbia 325). О военном пекулии см.: Fitting 1872; Махлаук 2007: 130—142.

²⁸ Подробнее об анноне, которая могла покрывать и расходы на вооружение см.: Katsari 2002: 1, 2.

кольчуга и так называемая лорика сегментата³². Очевидно, что, при отсутствии строгой унификации и относительной свободе солдат в выборе собственного снаряжения, эти доспехи были наиболее популярными и, находясь в массовом производстве, должны были составлять основную часть запасов доспехов в римской армии. Массовому распространению того или иного вида доспеха должно было способствовать сразу несколько факторов: надежность, удобство, легкость и простота изготовления. Несомненно, кольчуга (*lorica hamata*) тяжела (8—9 кг) (Junkelmann 1986: 166), но это самый удобный вид доспеха, так как совершенно не стесняет движений, да и вес её распределяется как на плечи, так и на поясницу за счёт стягивающего пояса. Вкупе с поддоспешником кольчужное плетение обеспечивает неплохую защиту даже от стрел, пущенных с расстояния в 5—10 м (как и у чешуйчатого доспеха, стрелы проникают всего на 4 мм)³³. Чешуйчатый доспех (*lorica squamata*) является самым легким видом доспеха. При толщине пластин в 0,3 мм его вес составляет около 6 кг (Junkelmann 1996: 169), так что, хотя вес и приходится на плечи, носить этот доспех не тяжело, хотя он довольно плотен и поэтому немного стесняет движения торса. Его защитные свойства довольно высоки, так как каждая из пластин перекрывается соседней, за счёт чего образуется тройной слой латуни толщиной около 1 мм. Однако изготовление чешуйчатого доспеха практически так же трудоемко, как и кольчуги. Лорика сегментата (*lorica segmentata*) чуть легче кольчуги (её вес при толщине пластин чуть больше 1 мм составляет в среднем около 6 кг)³⁴. Из всех перечисленных типов доспеха — этот самый неудобный. Если сегментный до-

спех не подогнан на конкретного пользователя, то носить его просто мучительно. Кроме того, весь его вес сконцентрирован на плечах. С другой стороны, видимо, это наиболее дешёвый в изготовлении доспех, что вкупе с неплохими защитными свойствами обеспечило его массовое распространение (он появился в римской армии после столкновений с парфянами³⁵). На основе следов прямых линий на фрагментах римских сегментных доспехов высказывается осторожное предположение, что при их изготовлении использовался прокатный станок (Fulford et al. 2005: 245, 247). В этом случае, за счёт простоты изготовления, лорика сегментата могла переориентировать римских оружейников на производство более надежного с защитной точки зрения, но менее трудоемкого в изготовлении вида защитного снаряжения. Даже в наши дни кольчуги, изготавливаемые для военно-исторических клубов, собираемые из штампованных и клепаных колец без соблюдения древней технологии производства, стоят дороже современными же методами изготовленных сегментных панцирей, которые из готовой листовой стали сделать нетрудно, а кольчуга — это трудоемкий проект. Хотя её изготовление под силу даже неквалифицированному рабочему, что подтверждают собственные опыты автора в изготовлении данного типа доспеха, но при совершении всех технологических процессов одним человеком без помощников неизбежны большие затраты времени (Burgess 1953a: 193—202; 1953b: 28—55). Согласно экспериментальным подсчётам, на изготовление одной кольчуги, состоящей из 170 353 колечек диаметром в 6 мм, путем ручной сборки должно было потребоваться 4813 часов (1,3 года, учитывая 10-часовой рабочий день) (Sim 1997: 370)³⁶. Тем не менее, качество римских кольчужных колец настолько высокое,

³² Следует отметить, что на колонне Траяна легионеры носят лорику сегментату, а воины вспомогательных войск — кольчугу, но это можно объяснить как пропагандистским характером памятника, так и художественной условностью. На монументе Адамклизис (представляющем ту же дакийскую кампанию) и надгробиях сегментные доспехи отсутствуют, а солдаты изображены в кольчугах и чешуйчатых доспехах. Но объяснить отсутствие лорики сегментаты можно её дешевизной и непрестижностью и, вследствие этого, стремлением солдат показать себя на памятниках в более достойном свете.

³³ См. результаты экспериментов, опубликованных М. Юнкельманном (Junkelmann 1996: 51—52).

³⁴ Реплики этого типа доспеха имеют вес от 5 до 9 кг, однако превалирует вес в 6 кг (см.: Bishop 2002: 94). По замечанию М. Юнкельманна, современные реконструкции римского сегментного доспеха всегда легче современной же версии римской кольчуги на 2—3 кг (Junkelmann 1986: 168).

³⁵ Точное время появления в римской армии лорики сегментаты ещё не выяснено, но самые ранние находки деталей этого панциря отмечены на рубеже эр (на месте предполагаемого разгрома легионов Квинтилия Вара у Калькризе, в Дангстеттене, Страсбурге и Виндониссе) (Bishop 2002: 23). Ламинарный доспех в виде наручей (*manicae*), с которым римляне познакомились, скорее всего, в битвах при Тигранокерте и Каррах, также появляется на некоторых памятниках I в. н. э. (Simkins 1990: 23—26).

³⁶ Следует заметить, что результат вычислений Д. Сима кажется слишком неправдоподобным. Цифра в 170 353 колечек для одной кольчужной рубашки представляется завышенной. В другой своей работе тот же автор приводит иную, более правдоподобную цифру, вычислив усредненный вариант, при котором для производства одной кольчуги из колец диаметром в 7 мм требовалось около 35 000 колец (Sim, Ridge 2002: 98).

что предполагается использование римскими оружейниками неизвестных нам приспособлений, которые обеспечивали быстроту изготовления и качество изделия (Sim 1997: 371). Переходом на сегментные доспехи достигалась экономия, поскольку простота изготовления должна была обеспечить довольно невысокую стоимость, которая играла приоритетную роль при массовом производстве для государственного оружейного фонда.

Стремление солдат экипировать себя дорогостоящим вооружением обеспечивалось главным образом частными производителями и при помощи императорских донатив. Если же воин получал подарок правителя, то благодарность солдата могла проявляться в изображении императора-патрона на предметах защитного вооружения (как можно это видеть на шлемах из Неймегена (Curlе 1915: 81—86, Pl. 6f; Beck, Chew 1991: 29) и Ксантен-Вардта (Beck, Chew 1991: 135—138; Junkelmann 1996: 30, Abb. 48), которые относятся к дорогой парадной экипировке. Основной же фонд вооружения состоял из более дешёвой продукции, которую государство заказывало у частных производителей и субсидировало его производство в армейских производственных комплексах. В случае со сторонним производителем стоимость вооружения устанавливалась государством как заказчиком. Оно закупало продукцию не по местным рыночным ценам, а по собственным невысоким, но отнюдь и не мизерным ценам, поднимая расценки в соответствии с ростом инфляции. Однако это должно было касаться только недорогого вооружения массового производства, а дорогостоящие богато украшенные предметы оружейник продавал по собственным ценам в индивидуальном порядке³⁷.

Государство стремилось ограничить влияние инфляции на стоимость оружия, для чего принимались различные ограничения для посредников³⁸ и даже производителей³⁹. Однако цены неуклонно повышались, что заставило к концу периода принцепата принимать решительные меры. В первую очередь был установлен государственный максимум цен. К. Штаде

в своей диссертации даже выдвинул концепцию, что тарификация Диоклетиана выражала прежде всего интересы армии, страдающей от спекулянтов (Stade 1926). Его гипотезу подтверждают проникновенные слова вступительной статьи эдикта Диоклетиана о ценах: «Кто не знает враждебную общественному благу наглость, с которой в форме ростовщичества встречаются наши войска, перебрасываемые по соображениям общественной безопасности не только по деревням, но и по городам, на всем пути своего следования ростовщики назначают цены на продаваемые предметы не только в четырёхкратном или восьмикратном размере, но и в таком размере, что никакими словами это нельзя выразить. Кто не знает, что иногда воины ценной почетного подарка и жалованья приобретают один предмет. Кто не знает, что жертвы всего государства на содержание войск идут на пользу хищников спекулянтов.

Таким образом, оказывается, что наши воины награды за военную службу и свои пенсии ветеранов передают хищникам. Так и получается, что хищники изо дня в день грабят государство, сколько желают» (*Edictum de pretiis rerum venalium*. Praef. I, II; пер. С. И. Архангельского. Цит. по: Архангельский 1928).

Другим шагом к государственному контролю над стоимостью предметов вооружения стала организация централизованных государственных оружейных фабрик, сменивших частного производителя и посредников. С их обустройством государство получало в свои руки контроль над стоимостью вооружения. Но оружейные цеха, хотя и реорганизовывались иногда из старых легионных оружейных мастерских, уже не могли поддерживать высокие стандарты более раннего времени. Сказалось их значительное укрупнение за счёт привлечения массы ещё менее квалифицированных, чем прежние иммуны, рабочих, включая рабов⁴⁰, а также значительное увеличение спроса на продукцию в связи с увеличением армии.

Согласно гипотезе С. Джеймса (James 1988: 257—331), приток малоквалифицированной рабочей силы был следствием денежно-кредитных девальваций III в. н. э. и возникшего вследствие этого разрушения нормальных систем оплат изготовителей и поставщиков, что привело государство

³⁷ О покупке дорогостоящего вооружения, когда военнотружущим даже приходилось брать деньги в долг, свидетельствуют данные папирусов (P. Fouad 45; P. Fay. 105; P. Vindob. L 135).

³⁸ О торговцах см.: Verboven 2006: 1—25; 2007: 295—313.

³⁹ Вершиной этой политики ограничений стал эдикт Диоклетиана о ценах, в котором была установлена максимальная ежедневная заработная плата для оружейников в 50 денариев.

⁴⁰ Упоминание о рабах-ремесленниках в оружейной мастерской есть у Либания, хотя была ли это оружейная фабрика, сказать сложно, так как он говорит лишь о нескольких работавших в ней рабах-оружейниках (Liban. Or. XLII, 21—37).

к необходимости комплектовать оружейное производство дешёвой рабочей силой⁴¹. Но это не единственная причина, как уже было отмечено выше. Гораздо более действенным фактором послужило стремление государства к экономии в условиях всё возрастающего военного бюджета.

В заключение отметим, что рассмотренные аспекты экономической составляющей римского военно-производственного комплекса довольно спорны из-за отрывочности и неоднозначности некоторых из дошедших до нашего времени источников. Тем не менее, они позволяют сделать некоторые интересные выводы. Даже с учетом невозможности точных расчётов цен, а соответственно, и затрат в целом на государственном уровне, можно говорить о значительности государственных затрат на производство вооружения. Эти расходы отчасти компенсировались за счёт выплаты солдатами стоимости их индивидуального снаряжения, а расходы, связанные с производством и эксплуатацией парка метательных машин, приданного легионам, а также расходы на боеприпасы (расходуемое метательное оружие) должны были возмещать налогоплательщики, для чего и была предназначена военная аннона и другие, собираемые в пользу военного бюджета (военной казны), налоги. Для сдерживания роста размера налогов, часть которых шла непосредственно на боевое оснащение армии, государство было заинтересовано в экономии на производстве вооружения и изготавляло стандартизированный и недорогой в производстве фонд оружия, из которого новобранцы получали вооружение в рассрочку. Это совсем не означает, что это оружие было менее качественным. Экономия достигалась иным путем — за счёт производства именно тех видов вооружения, которые требовали менее дорогих технологий изготовления. С другой стороны, государству были необходимы фиксированные цены на закупаемое у частных производителей вооружение. Несмотря на это, к концу эпохи принципата произошло удорожание вооружения. Это было связано со стремлением воинов к роскоши и увеличением их жалования, чем можно объяснить большое количество парадного вооружения,

находимого археологами. При этом численность армии всё увеличивалась, и понадобились более радикальные меры, в числе которых была реорганизация всей производственной системы военно-производственного комплекса Империи в конце эпохи принципата.

1.3. Стоимость предметов вооружения

Свое снаряжение (включая доспехи), а также теплые вещи солдатам приходилось оплачивать из собственного жалования (Polyb. VI, 39; Tac. Ann. I, 17, 2; Bishop, Coulston 2006: 198—201; Speidel 1992: 131—136)⁴². Среди археологических находок встречается и недорогое оружие массового производства, и настоящие произведения оружейного искусства, украшенные драгоценными металлами. Соответственно, такие разные по качеству предметы сильно отличались друг от друга по стоимости. Далеко не каждый солдат мог позволить себе приобретение дорогостоящего оружия и довольствовался самым обычным вооружением. Первоначально полученный базовый комплект воинского снаряжения, по всей видимости, оплачивался из т.н. дорожных денег (*viaticum*), которые новобранец получал сразу же после призыва. Эта выплата, хорошо известная из сохранившихся документов, оставалась неизменной, по крайней мере, до времени правления императора Септимия Севера, и, составляя немалую сумму — 75 денариев (треть годового жалования⁴³), была одинаковой и для легионеров, и для воинов вспомогательных войск (Watson 1969: 44). Подтверждением того, что эти деньги не были простым покрытием дорожных расходов направляющегося к месту прохождения воинской службы, а использовались на экипировку, служит тот факт, что эта сумма выплачивалась не сразу после записи на службу, но лишь только после прибытия в лагерь воинской части (BGU II, 423). Косвенным подтверждением служит датированный правлением Домициана папирус из Египта (P. Gen. Lat. I = RMR 68), в котором содержатся суммы годовых выплат двух солдат вспомогательных войск за обувь и одежду. Они получили на руки за три выплаты годовое жалование в размере 744 драхм. При каждой выплате

⁴¹ Тем не менее, на этих оружейных фабриках работали и квалифицированные оружейники, изготовлявшие дорогостоящее вооружение. Некоторые сведения об их работе содержит Кодекс Феодосия (CTh. VII, 8, 8; X, 22, 1). Причем существовала определенная норма выработки. Так, ремесленник, занимавшийся отделкой шлема, должен был в течение месяца покрыть бронзой, золотом или серебром восемь шлемов и забрал.

⁴² Подборку эпиграфических свидетельств приобретения солдатами вооружения см. в работе А. фон Премерштайна (Premerstein 1903: 1—46).

⁴³ Расчёт произведён без учета *quartum stipendium* Домициана, т. е. доведения этим императором годичной платы до 300 денариев рядовому солдату.

за обувь они вносили по 12 драхм, а за одежду один вносил в первую выплату 60, а в третью 146 драхм, а другой — соответственно 100 и 146 драхм. Поскольку оружие в этой ведомости не упоминается, было сделано предположение, что его стоимость выплачивалась в начале службы и полностью, а не частями (Parker 1928: 218). В таком случае стоимость базового комплекта воинского снаряжения, получаемого новобранцем, не должна была превышать этой суммы.

При потере какого-либо предмета воинского снаряжения или оружия каждый солдат нес персональную ответственность. Об этом может свидетельствовать отчет, обнаруженный на одной из табличек в Карлайле (AE 1998, 839), перечисляющий потерянное военнотружущими вооружение в т.ч. ланцеи (*lanciae*), мечи (*gladia instituta*) и поддоспешники (*subarmales*) (Tomlin 1998: 55—63, No. 16). При этом провинившиеся перечислены поименно. С одной стороны, такой список мог быть представлением к взысканию, однако М. Спейдель считает, что префект алы вряд ли хотел знать имена этих всадников, дабы наказать их за потерю оружия, а скорее для того, чтобы проконтролировать приобретение ими нового снаряжения (Speidel 2007: 239). Таким образом, утерянное или вышедшее из строя вооружение следовало восполнить за свой счёт, приобретя либо в арсенале воинской части, либо самостоятельно у торговца оружием, либо заказав оружейнику. Скорее всего, именно такие расходы отражены в отчетах и расписках на некоторых папирусах, где также указаны суммы, потраченные на приобретение вооружения.

Закупки вооружения для определенного подразделения упоминаются в папирусе неизвестного происхождения (P. Princ. II 57), однако, исходя из общих сумм, перечисленных там, невозможно даже приблизительно вычислить стоимость того или иного предмета снаряжения. Папирус из Фаюмского оазиса (P. Fay. 105), составленный около 180 г., содержит запись о сумме в 103 денария на покупку вооружения, кредитованной заёмщику — воину Дионисию. Согласно записи на папирусе P. Berol. 6866 (ок. 192 г.), ауксиларий отчисляет 75 драхм на панцирь при каждой выплате жалования⁴⁴.

Как показывают папирусные документы, воины были вполне готовы использовать свое воинское снаряжение в качестве обеспечения по кредитам. Один папирус упоминает сумму в 50 денариев, одолженную кавалеристом из *ala veterana Gallica* «in pretium armorum» («в счёт стоимости снаряжения») (P. Fouad 1, 45)⁴⁵.

Папирус P. Columbia 325 регистрирует возврат лагерного пекулия (*peculium castrense*) матери умершего солдата Аммония в 143 г.н.э., включая суммы за оружие (21 денарий и 21 1/2 обولا) и долю в стоимости палатки, равную 20 денариям. Все вышеперечисленные источники не называют стоимость отдельных предметов вооружения, однако сохранились и такие записи, в которых упоминаются конкретные цены.

Интересные данные о стоимости предметов вооружения содержатся в папирусе, датированном 27 г.н.э. (P. Vindob. L135). Упомянутый в нем Л. Цецилий Секунд, всадник алы Пауллины, стоявшей гарнизоном в Никополе под Александрией, просит в долг 400 драхм для того, чтобы заплатить за посеребрённый шлем и ножны для кинжала, отделанные серебром и слоновой костью (Hartauer, Seider 1979: 109—120). В другом папирусе (P. Giess. 47), датированном приблизительно 117 г., упоминается «панцирь из прекрасной желтой меди, прекрасно сплетенный и очень лёгкий, так что не отягощает того, кто его носит — 360 драхм, хотя и достойный намного большей суммы», а также «т.н. итальянский меч, также достойный намного большей суммы — 80 драхм». Ещё один документ (ChLA X, 446) упоминает отложенные на хранение деньги, в том числе и за панцирь и шлем, но плохая сохранность документа также не позволяет с уверенностью назвать стоимость этого снаряжения. В то же время указанные суммы в 24 и 23 денария заставляют вспомнить цифры, указанные в P. Columbia 325, что может указывать на минимальную стоимость воинского снаряжения, получаемого новобранцем; и снаряжение этой категории должно было превалировать. Если же воин желал носить доспехи и амуницию, изготовленную и украшенную согласно его вкусам, то стоимость могла многократно возрастать, и её даже усреднённую цифру вычислить совершенно невозможно. К сожалению, сведения вышеперечисленных залоговых свидетельств недостаточны для каких-либо выводов о цене полного комплек-

⁴⁴ В тексте, однако, имеется сокращение «*loric. dep.*», вследствие чего возможно двоякое толкование фразы. Не исключено, что речь здесь может идти о статуе в панцире, которую солдаты сооружали по подписке.

⁴⁵ Расписка заверена *custos armorum* II Траянова легиона.

та снаряжения или каких-то его отдельных элементов. Некоторые расписки (например, P. Fouad 45, P. Vindob. L135) вообще могут свидетельствовать лишь о том, что вооружение стоило не меньше 50 денариев (во втором случае 400 драхм), так как солдат занял эти деньги, но неизвестна реальная стоимость закладываемых вещей. Подобные разрозненные данные, конечно, всегда очень интересны, но, к сожалению, в них нет связующего звена, и на основании их анализа практически невозможно назвать точную стоимость того или иного предмета. Ясно, однако, что воинская экипировка стоила недешево. Если военнослужащий приобретал дорогостоящее оружие и качественную, — порой богато украшенную, — одежду, то эти его расходы могли быть довольно значительными. Например, в начале второго столетия Плиний Младший дал своему приятелю-горожанину Метилию Криспу 10 000 денариев «*ad instruendum se ornandumque*» («для снаряжения и украшения себя»), когда тот занял должность центуриона (Plin. Epist. VI, 25, 2—3). Однако желание выделиться, не только находясь среди гражданских на улицах города, где само при-

сутствие солдата должно было внушать трепет и уважение к его персоне, но и среди своих сослуживцев в воинской части, могло победить любую скупость.

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что система снабжения армии всем необходимым, включая и воинское снаряжение, была четко структурирована. Финансирование поставки в армию вооружения обеспечивало государство, субсидировавшее средства на закупку оружия. В то же время, на уровне воинских частей ответственность за пополнение оружейного фонда ложилась на специальных уполномоченных лиц из состава конкретного подразделения, которое должно было заботиться о комплектовании своего арсенала самостоятельно. Кроме того, солдаты могли приобретать предметы вооружения за собственный счёт. В отличие от стандартизированного вооружения, предоставляемого государством, в личное пользование могли покупаться более дорогие предметы воинского снаряжения. Главной же задачей государства являлось пополнение государственного фонда оружия, не находившегося в собственности военнослужащего.

Глава 2.

Организация распределения, хранения и обслуживания вооружения

2.1. Личное снаряжение солдата и казенное вооружение легиона

Нет никаких сомнений в том, что существовало вооружение частное и общественное, что подтверждается письменными источниками: «*Arma omnia privata ac publica in domum Galloni contulit*» — «также все частное и общественное оружие в дом Галлония было перевезено» (Caes. B. civ. II, 18, 2).

Элементы воинской экипировки были особым знаком, выделявшим военнослужащих как отдельную социальную группу, являясь средством их индивидуальной и статусной самоидентификации (как в жизни, так и посмертно — на надгробных памятниках, на которых солдаты, как правило, изображались в экипировке, соответствовавшей их рангу и роду оружия), выступавшей своего рода визуальным образом (*habitus*) солдата⁴⁶.

Следует также подчеркнуть, что качество и характерные детали оружия и доспехов, так же как и некоторые знаки отличия (*insignia, dona militaria*), надевавшиеся в бой, служили наглядным выражением воинского ранга, prestasi и заслуг их обладателя, подчеркивая его место в иерархическом воинском сообществе: чем ниже были статус и боевые заслуги воина, тем скромнее было убранство его оружия и экипировки (Негин 2009: 119—123; 2010: 6—10).

Как уже было отмечено выше, можно сказать с относительной уверенностью, что к концу республиканского периода государство взяло на себя снабжение своих солдат вооружением. Речь не идет об экипировке воинских формирований за счёт так называемого «общественного оружия» (*arma publica*), которые имели место, судя по сообщениям Дионисия, Ливия и Авла Геллия (Dion. Hal. Ant. Rom. III, 57; Liv. III, 42; Aul. Gel. NA. XVI, 10, 12), а так-

⁴⁶ Статус римского военного обывал его выделяться среди *tunicatus popellus* («народишки в туниках») и «штатских» (*pagani*, как стали называть людей невоенных в период Империи), когда тот находился вне стен военного лагеря в отпуске, в увольнении, в пути к ме-

сту службы или же на выполнении наряда. Подробнее о *habitus* в современной научной трактовке, которая подразумевает более широкое толкование термина, см. (Phang 2008: 34—35, 71).

же о вооружении солдат за счёт военачальника (Liv. VI, 2; Plut. Brut. 38, 5—6; Suet. Div. Iul. 67; RgdA. 1, 1). Имеется в виду своего рода субсидирование на приобретение необходимого вооружения и снаряжения, выдававшегося новобранцу в виде «дорожных денег» (*viaticum*)⁴⁷. Эта помощь со стороны государства была облечена в форму денежного довольствия, передававшегося в ту военную часть, куда направлялся новобранец, что отражено в ряде сохранившихся расписок на папирусах⁴⁸.

На первый взгляд может показаться, что солдаты менее дорожили этим вооружением, чем тем, которое приобрели за свой счёт. С одной стороны, несомненно, дорогая вещь, приобретенная на заработанные тяжким ратным трудом деньги, хранилась более бережно. Но, с другой стороны, известно, что за утерю оружия солдатом предусматривалось наказание. За это, согласно римскому военно-уголовному праву, полагалась смертная казнь, которая, однако, из соображений гуманности могла быть заменена переводом виновного в другую часть с понижением в ранге (*militiam mutat*) (D. XLIX, 16, 3, 13; Ex Ruffo leg. mil. 29, 56). Сурово наказывалась и кража вооружения у сослуживца (D. XLIX, 16, 3, 14). Продавший свой доспех приравнялся к дезертиру, а если виновный продал гамашу (*fascia crurales*) или плащ (*sagum*), то должен был быть наказан розгами (D. XLIX, 16, 14, 1). Новобранцам за продажу своего снаряжения делали поблажки и наказывали не так сурово, как остальных. В случае же потери какого-то предмета воинского снаряжения солдаты да-

леко не всегда спешили раскошелиться, приобретая новое снаряжение из своих накоплений. Те, у кого была такая возможность, просили из дома прислать замену. Среди писем Клавдия Теренциана к его отцу Клавдию Тибериану, обнаруженных в Каранисе, есть послание, в котором содержится просьба выслать из дома некоторые предметы одежды и военного снаряжения: «Прошу и умоляю тебя, отец, дорожке которого у меня нет никого, кроме богов, пришли мне с Валерием меч [...], кирку, железную кошку, два наилучших копья, которые только найдутся, [...] плащ, и подпоясанную тунику, вместе с моими штанами ...» (P. Mich. VIII, 467). При этом, судя по содержанию текста, отец не просто должен выслать, но ещё и приобрести эти вещи для сына⁴⁹. Выходит, что замена вооружения (а, следовательно, и дополнительные расходы) в большинстве случаев была для воина лишь вынужденным шагом, что косвенно подтверждают данные археологии, ведь находки утерянного снаряжения довольно редки. Следует заметить, что чаще его находят в качестве votivных приношений или как ритуальные жертвы варваров, отданные воде⁵⁰. Отсюда преобладание речных и болотных находок (Oldenstein 1990: 36; Bishop, Coulston 2006: 30—31), хотя не исключено, что некоторые предметы могли попадать в воду случайно, будучи потерянными при форсировании рек или при транспортировке. Оружие же, которое находят на местах римских военных лагерей, зачастую является испорченным и непригодным к применению; почти всегда можно говорить о его утилизации при передислокации (Manning 1972: 243—246). Находки кладов с оружием также немногочисленны и, как правило, являются следствием каких-либо катастрофических событий, подобных нашествию аламаннов на Рецию, в результате которого появилась серия кладов с богато украшенным парадным снаряжением (Негин 2005: 60—63). Таким образом, утрата вооружения с заменой его новым являлась скорее исключением из правила, нежели широко распространенным явлением. Исключение составляли лишь те случаи, когда военному служащему требовалось приобрести понравившееся оружие.

⁴⁷ Более точным, в данном случае, будет определение «аренда вооружения». Введение и широкое использование в специализированной литературе этого термина могло бы заметно упростить понимание вопросов, связанных с собственностью на оружие в римской армии, четко отграничив частное и общественное (т.е. фактически числящееся на балансе армии) вооружение. В противном случае происходит смешение понятий, при котором временное владение оружием, за утерю которого военный закон налагал наказание (D. XLIX, 16, 3, 13), становится неотделимым от собственности личного снаряжения, купленного военным служащим у частных оружейников или же полученного в качестве *dona militaria*.

⁴⁸ Например, см. папирус из Египта, датированный 117 г., содержащий несколько расписок сигниферов. Текст одной из них гласит: «Лонгин Лонг, сигнифер первой когорты лузитанов, из центурии Титулея, шлет привет Лонгину Титулею, доктору (?) центуриону. Получил от тебя 423 денария, 20 оболов для первого взноса двадцати азиатским новобранцам, приписанным к центурии. В двадцать первый год правления нашего господина императора цезаря Нервы Траяна, Наилучшего Императора. В шестое число месяца “тот”» (PSI IX 1063 = SP 368 = RMR 74).

⁴⁹ Этот вывод следует из формулировки самой просьбы: «...два наилучших копья, которые только найдутся».

⁵⁰ На приграничной варварской территории известно более двадцати находок вооружения в болотах Швеции, Дании и Шлезвиг-Гольштейна (см.: Engelhardt 1863; 1865; 1867; 1869; Ilkjær, Lønstrup 1982: 95—103; Rald 1994: 227—241).

Рассуждая об оружии, находящемся в собственности солдат, нельзя не упомянуть о солдатском (или лагерном) пекулии (*castrense peculium*), частью которого могла являться воинская экипировка, независимо от того, была ли она куплена самим солдатом, или предоставлена ему его родственниками или же каким-нибудь благодетелем. Лагерный пекулий был особой привилегией военных, по которой любые вещи, приобретенные на военной службе и в связи с ней, принадлежали военнотружущему⁵¹, а не его отцу или деду, который являлся, как отец семейства, верховным собственником всего семейного достояния. Вследствие этого военный мог распоряжаться вещами по своему усмотрению и в своем завещании, и в других случаях (Махлаук 2007: 130—142). Возможно, именно это понимание воинского пекулия лежит в основе воли Аммония⁵², который завещал 15 денариев одному душеприказчику, 10 другому, и 210 денариев 14¹/₂ оболы своей матери (в том числе сумму *in armis* — «на вооружение») (P. Fouad 1. 45).

Как бы то ни было, подтверждая свое право собственности, солдаты зачастую указывали на предметах снаряжения (пунктирными или процарапанными надписями) свои имена и части подразделений, где проходили службу. В некоторых случаях имеется информация о нескольких владельцах, последовательно сменявших друг друга⁵³. Это свидетельствует о том, что оружие служило довольно продолжительное время и могло передаваться либо в аренду из армейского арсенала, либо по завещанию от одного владельца другому как частная собственность. Один из примеров — шлем из Тайленхофена, где располагалась *Cohors III Bracaraugustanorum*. Надписи на шлеме называют не только эту когорту, но и поочередно трёх владельцев из разных подразделений: T. PATERCLIANA ATTONIS;

ALITUANDI COHOR. III BRACARAV. T. NONI; T. ATAVLVANI FL. FLAVIANI, т.е. шлем был изготовлен для Аттона из турмы Патеркла, а затем использовался Аликвандом из турмы Нония и Флавием Флавианом из турмы Атавлуана (Garbsch 1978: 56, Taf. 10). Другие надписи следуют похожей схеме. Почти всегда имя владельца (в родительном падеже) следует после имени командира подразделения (*decurio*); хотя последовательность иногда меняется. Только на нагрудных пластинах из Манхинга (Garbsch 1978: 54, Taf. 8: 1), конском налобнике из Айнинга (Garbsch 1978: 46) и шлеме из Навы (Garbsch 1978: 61, Taf. 16)⁵⁴ имя владельца написано в именительном падеже.

На использование вооружения разными временными владельцами указывают надписи на двух поножах из Штраубинга: T. MOD. LVCAN и T. MORONI. Поножами по очереди пользовались: Лукан из турмы Модеста и неизвестный кавалерист из турмы Морона (Garbsch 1978: 33, 49, Taf. 3: 3)⁵⁵. Три подразделения *Cohors I Flavia Canathenorum* из Штраубинга упомянуты также на коленной секции одной из поножей (Garbsch 1978: 33, 49), а также на тулье шлема из Штраубинга (Garbsch 1978: 33, 48); два эскадрона отмечены на маске из Решки (Garbsch 1978: 70, Taf. 24: 2). Ярким примером длительного срока службы и частой смены владельца является конский налобник из Айнинга (Garbsch 1978: 33, 46), который, согласно надписям, использовался поочередно шестью кавалеристами разных подразделений (Turma BASSI RVFVS, Turma MVTI TRIVISTI, Turma RVDENDI PATRVINI, Turma VICToris MODesti, Turma TERTi PERONI, Turma SENTI IVLI)⁵⁶. Но как объяснить такую частую смену владельцев некоторых найденных археологами предметов экипировки? Можно предположить, что всё это оружие, выкупавшееся у уходивших в отставку военнотружущих и вновь продававшееся новобранцам, было собственностью конкретного воинского подразделения⁵⁷. Согласно этой схеме, явным будет преоблада-

⁵¹ Хотя следует иметь в виду, что воинский пекулий принадлежал только солдатам — сыновьям семейства, т.е. эта привилегия распространялась не на всех солдат.

⁵² Правовой статус Аммония точно не известен, поэтому нет уверенности в том, что он являлся *filius familias*, а не был лицом своего права; и речь здесь может идти о привилегии воинского завещания.

⁵³ В случае с интерпретацией конкретных находок можно утверждать, что предметы, носящие на себе одно единственное упоминание имени владельца, в отличие от подписанных сразу несколькими именами, являлись личным снаряжением, которое не было после выхода военнотружущего в отставку передано на баланс военного подразделения, а также не было перепродано или завещано другому солдату.

⁵⁴ На данном экземпляре в именительном падеже написано имя оружейника, изготовившего шлем.

⁵⁵ Не исключено, что в данном случае подразумевается смена командира турмы.

⁵⁶ Подборка подобных надписей на оружии представлена в работе Р. Макмаллена (MacMullen 1960: 23—40).

⁵⁷ Хотя в некоторых случаях нельзя исключать и возможность наследования частного вооружения, на котором мы видим сразу несколько надписей с именами воинов.

ние в армии общественного снаряжения, сдаваемого в аренду. Правда, неизвестно, выплачивалась ли при выходе в отставку реальная стоимость предметов вооружения или же, с учётом изношенности, его цена уменьшалась. Также, по-видимому, не всё оружие выкупалось у выходивших в отставку или переходило в собственность воинского подразделения в связи со смертью военнослужащего, ведь известны воинские погребения с оружием⁵⁸.

К категории «общественного» снаряжения относились те предметы, которые хранились и использовались либо совместно (как, например, ручные жернова, палатки⁵⁹ и пр.), т. е. не относились к сугубо индивидуальному снаряжению, либо являлись частью фонда запасного оружия.

Согласно административной структуре, следующим уровнем собственности в римской армии была экипировка и снаряжение контубернии (ср.: CIL XIII, 11954a) (Gilliam 1967: 238).

В пользу существования собственности центурии свидетельствует надпись на бронзовом котле из Британии с упоминанием центурий Аттия Севера и Каприлия (RIB 2415, 58)⁶⁰. Кроме того, указание на некоторых предметах вооружения наименования центурии и имени её командира, наряду с именем воина, можно трактовать и как указание на фонд оружия, из которого солдат мог быть экипирован, несмотря на тот факт, что наименование по центурии и имени командира зачастую используется в других контекстах (в различных надписях, эпитафиях, списках и т. п.), где оно служит средством для точной идентификации конкретного солдата⁶¹. Дополнительным свидетельством о су-

ществовании находящихся в собственности центурии предметах вооружения является надпись на умбоне, найденном неподалеку от станции Холтон Честерс в окрестностях Адрианова вала (CIL VII, 570)⁶². О собственности на уровне когорты и легиона говорить сложнее, хотя сохранились надписи на различных предметах военного снаряжения, упоминающие лишь названия воинских единиц, без указания конкретных имен владельцев⁶³. Собственностью легиона были повозки, вьючный скот, а также вся осадная техника и метательные машины, которые, как правило, изготавливали и обслуживали легионные специалисты.

2.2. Перераспределение трофейного оружия и вооружения погибших

Идеология победы для греков и римлян была немыслима без возведённого в культ захвата вражеского оружия после победоносного сражения, когда победители снимали с убитых врагов доспехи. Без этого победа казалась неполной, ведь только имея в руках фактическое доказательство победы, воин заслуживал почестей. Добытые трофеи (*spolia*) (подробнее о *spolia* см.: Picard 1957: 131—133; Latte 1967: 204—205; Rüpke 1990: 217—222; Дементьева 2007: 5—11) посвящались Вулкану и другим божествам и ими украшали храмы (Liv. IV, 20. 5—11; Dio. Cass. LIV, 8, 2; Flor. 22, 24). Их изображения появлялись на триумфальных арках, портиках и прочих общественных постройках (Val. Max. VIII, 6. 1; Sil. Ital. X, 599; Bishop, Coulston 2006: 149,

⁵⁸ Несмотря на то, что помещение оружия в могилу для римлян было нетипично, всё же изредка в погребениях находят оружие (могилы в Лионе и Кентербери). В захоронениях ауксилариев оружие встречается чаще (Камелон, Чаталка, Шаснар, Визе и пр.) (см.: Breeze et al. 1976: 73—95; Bishop, Coulston 2006: 33—34).

⁵⁹ Прямое указание на общую собственность на палатку имеется в папирусе P. Columbia 325, где отмечена доля в стоимости палатки, равная 20 денариям.

⁶⁰ Ср.: на кольях для палисада, которым огораживался походный лагерь, найденных в Оберадене, было указано лишь наименование центурии, которой они принадлежали (Das Römerlager in Oberaden 1938: Taf. 21).

⁶¹ Тот факт, что эмблематика и наименование воинских подразделений, начертанные на предметах снаряжения, могли использоваться для идентификации погибших воинов, не противоречит возможности его сбора на поле боя и отправки в соответствующее под-

разделение (Peretz 2005: 123—138). О щитах как средстве идентификации со своим подразделением пишет Вегетий: «они [легионеры] рисовали на щитах различные знаки для разных когорт, *digmata*, как они сами их называют; и даже теперь существует обычай так делать» (Veget. II, 18; ср.: Dio Cass. LXVII, 10, 1; Amm. Marc. XVI, 12, 6; см.: Maxfield 1981: 141—143; MacMullen 1984a: 446; Lee 1996: 208). Впрочем, Дж. Коулстон возражает против атрибуции эмблем на щитах определённым подразделениям (Coulston 1989: 33—34).

⁶² Правда, следует отметить плохую сохранность надписи, предполагающую различное её прочтение. Существуют варианты: RVSP I QVINTI, либо DON SP OVINTI, либо AVIDI QVINCT (см.: Franks 1858: 55—58; Hoffiler 1912: 63).

⁶³ Например, на ножнах кинжала из Рейна у Майнца упоминается лишь *Legio XXII Primigenia* (см.: Lindenschmit 1900: Taf. 11: 3). На кожаных чехлах щитов из Виндониссы указаны LEG XI и COH I, а на чехле щита из Румбурга имеется наименование *Cohors XV Voluntarium* (см.: Gansser-Burckhardt 1942: 73—88, Abb. 60, 70; Driel-Murray 1999: 47—52, fig. 2: 4, 5).

188—189; D'Amato, Sumner 2009: 160, 260). Частные лица украшали трофеями свои жилища (Polyb. VI, 39), выставляя их напоказ в атрии или вестибуле (Cic. Phil. II, 28; Suet. Nero. 38; Virg. Aen. II, 504, III, 286; Propert. III, 9, 26; Ovid. Ar. Am. II, 743; Sil. Ital. VI, 446). Трофеи считались священными и в случае продажи дома переходили к новому владельцу (Plin. HN. XXXV, 7)⁶⁴.

Однако вполне возможно, что иногда захваченное у неприятеля вооружение могло применяться римскими legionерами по своему непосредственному назначению. Несомненно, что захваченное в бою варварское оружие, вплоть до времени развитого принципата, было интересно римскому солдату главным образом как трофей, снятый с поверженного врага, который не предназначался к повторному использованию римским гражданином. Варварским оружием не принято было пользоваться. Избежавшее сожжения на поле битвы военное снаряжение врага считалось носителем вражеской, потенциально деструктивной энергии, это были отнятые *sacra*, так как оружие наделялось сакральной сущностью. Вследствие их сакрального статуса появляется и запрет на их реставрацию и переделку. Трактую вопрос о запрете на реставрацию и переиспользование вражеских доспехов, Плутарх совершенно определенно фиксирует сакральный запрет, объясняющий, почему римляне оставляют их погибать от времени (Plut. Q. R. 37).

Однако в случае победы римлянам могло достаться и оружие римского образца, которым зачастую была вооружена часть неприятеля (Tac. Ann. III, 43; XII, 16). В ходе же гражданских войн случаи использования захваченного у неприятеля вооружения были нередки. Несмотря на случаи негодования солдат, подчас утверждавших, будто они могут пользоваться лишь своим собственным оружием, но никак не захваченным у врага (App. B. C. III, 42), военачальники экипировали их таковым вооружением (App. B. C. III, 36), и трофейное оружие беззастенчиво использовалось, ведь у обеих противоборствующих

сторон оно было совершенно одинаковым (Graczkowski 2009: 167).

Именно гражданские войны, видимо, стали тем поворотным моментом в сознании римских солдат, после которого использовать трофейное вооружение стало уже не зазорно, и строгое соблюдение сакрального запрета стало постепенно уходить в прошлое. В результате гражданских войн оружие переходило от побежденных к победителям в большом количестве, и источники отмечают его переход в новые руки как нечто само собой разумеющееся и не оставляющее сомнения в его дальнейшей судьбе (Tac. Ann. I, 1; SHA. Prob. 8, 2). Впрочем, можно предполагать, что и сами солдаты теперь ещё более охотно, чем прежде, стали захватывать себе добычу в виде оружия у врага (Tac. Hist. III, 17).

Ко времени позднего принципата уже имеются сведения об экипировке целых армейских подразделений трофейными доспехами. Так, Элий Лампридий, со ссылкой на сенатские протоколы, сообщает: «Мы разбили сто двадцать тысяч их всадников — конников-панцирников, тех, кого они называют клибанариями, — мы убили во время войны десять тысяч; их оружием мы вооружили своих» (SHA. Alex. Sev. 56, 5). При всей фантастичности сообщаемых цифр, приводимых в данном свидетельстве, нельзя полностью исключать возможности вооружения римских войск трофейным оружием. Несмотря на довольно осторожное отношение к сведениям, сообщаемым «Авторами жизнеописаний Августов», следует признать, что не все упомянутые там факты являются вымышленными, в противном случае гиперкритический подход может привести к полному игнорированию этого произведения как исторического источника. Обычай сжигать оружие побеждённых (Flor. I, 24, 9), неукоснительно соблюдавшийся в республиканское время (за редким исключением, когда видом горючего оружия, снятого с тел убитых врагов, следовало устрашить ещё не покорившихся), в императорское время постепенно забывался, и римские воины иногда получали захваченное у противника вооружение и доспехи. Поэтому некоторые ещё экзотические в эпоху Траяна и Адриана подразделения (такие, как катафрактарии и клибанарии) имели в своем арсенале доспехи, совершенно отличные от римского образца (Negin 1998: 65—75; Негин 2004: 45—49; D'Amato, Sumner 2009: 198—200).

Однако, несмотря на использование, начиная с эпохи позднего принципата, в некоторых случаях трофейного вооружения, эта

⁶⁴ По мнению Й. Рюпке, ввоз в городскую черту «заряженных энергией» вражеских доспехов мог быть осуществлен только при серьезных мерах предосторожности со стороны высшего магистрата. Фиксация в каком-то определенном месте ввезённых частным образом в пределы померия захваченных у собственноручно убитого врага доспехов была необходима для того, чтобы это оружие сохранялось нетронутым. Именно поэтому при смене места жительства их «добытчика» сполни оставались на своем месте (Rüpke 1990: 222).

практика не получила широкого распространения. Даже если оружие и снаряжение врага было настолько удобным и практичным, что возникало желание экипировать им собственных воинов, римляне старались наладить производство в своих производственных центрах, о чём свидетельствует серийный выпуск двухчастных шлемов с продольным рантом-гребнем (Klumbach 1973; Негин 2007: 335—359), созданных под влиянием восточных прототипов (Alföldi 1932: 9). Начало массового производства этой модификации шлема, усовершенствованной римлянами согласно их оружейной традиции, приходится на рубеж эпох принципата и домината и связано с преобразованиями Диоклетиана, реформировавшего систему производства и поставок вооружения в римскую армию (Негин 2010а: 239—244).

2.3. Организация хранения оружия в *armamentaria* постоянных лагерей

Условия хранения вооружения в римских крепостях ещё достаточно плохо изучены, и есть много вопросов, которые не имеют ответов совсем, либо разные исследователи дают на них противоречивые ответы. Крепостные арсеналы известны по ряду надписей и сообщений римских авторов (Iuv. Sat. XIII, 83; Varro. LL. V, 128; Liv. XXIX, 22, 3; RIB 1092 = CIL VII, 446; RIB 1091, 1234; CIL XIII, 11504, 8824; ChLA XI 485), но археологически выделить их довольно сложно. Если принять в расчёт несколько обнаруженных надписей, упоминающих *armamentaria*, то можно предположить, что арсеналы располагались в помещениях вокруг внутренних дворов принципий (ср.: Cagnat 1913: 493—496; Petrikovits 1970: 235; Petrikovits 1975: 73). Такая интерпретация, однако, ставится под сомнение надписью из Ланчестера, которая отмечает одновременное восстановление принципии и арсенала, которые могли являться совершенно разными зданиями (CIL VII, 446 = RIB 1092 = AE 1991, 1142)⁶⁵. Как бы то ни было, иногда в пределах прин-

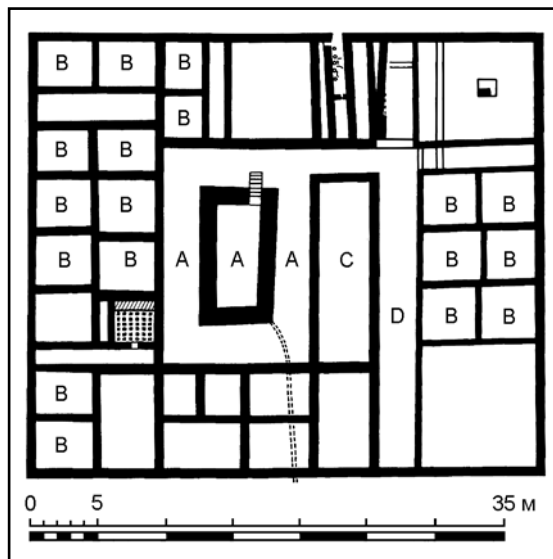

Рис. 3. Каменный легионный цех в Висбадене. В центре комплекса находится внутренний двор с большой цистерной (А). Вокруг размещены спаренные комнаты (В), которые могли являться цехами и связанными с ними складскими помещениями. Большая расположенная в центре комната (С) могла быть монтажным залом. Доступ к внутреннему двору цеха обычно осуществлялся длинным прямым коридором (D) (по Bishop 1985: 4, fig. 1).

Fig. 3. A stone legionary workshop in Wiesbaden. There is a courtyard with a large watertank (A) at the centre of the complex. Along its periphery there are pairs of rooms (B) that could be workshops with their associated storage space. The large, centrally located room (C) could be an assembly hall. The courtyard was typically accessed via a long and straight corridor (D) (after Bishop 1985: 4, fig. 1).

ципий находят отдельные предметы вооружения. Например, в Ламбезисе военные склады размещались в нескольких комнатах, выходящих на внутренний двор принципии (Cagnat 1913: 496). В одной из них были найдены около 6000 терракотовых снарядов для пращи и 300 каменных ядер, в то время как в смежной комнате находился алтарь с посвящениями хранителей оружия (*custodes armorum*). Другое посвящение в той же самой части здания упоминало опциона, который именовал себя *curator operis armamentarii* (CIL VIII, 2563) (Cagnat 1908: 43). Находки вооружения на территории принципии отмечены и в меньших по размеру фортах типа Кюнцинга, Пфюнца и Ветера I⁶⁶. Все вышеперечисленные находки могут являться дополнительным свидетельством такого местоположения крепостного арсенала (рис. 3; 4; 5).

⁶⁵ Текст гласит: «Imp(erator) Caesar M(arcus) Antonius/Gordianus P(ius) F(elix) Aug(ustus)/principia et armamen/taria conlapsa restitu/it per Maecilius Fuscum leg(atum)/Aug(usti) pr(o) pr(aetore) curante M(arco) Aur(elio)/Quirino pr(aefecto) coh(ortis) I L(ingonum) Gor(dianae)». Хотя следует отметить, что из надписи непонятно, были ли это два совершенно разных здания или же принципия и арсенал занимали разные помещения одного здания.

⁶⁶ См.: Кюнцинг (Robinson 1975: 188, pl. 512; Негин 2005: 62), Пфюнц (Robinson 1975: 160—161, fig. 163, 164, 168; Winkelmann, Jacobs 1914: Nr. 73, Taf. XV: 11—15), Ветера I (Hanel 1995: 53—60, 63).

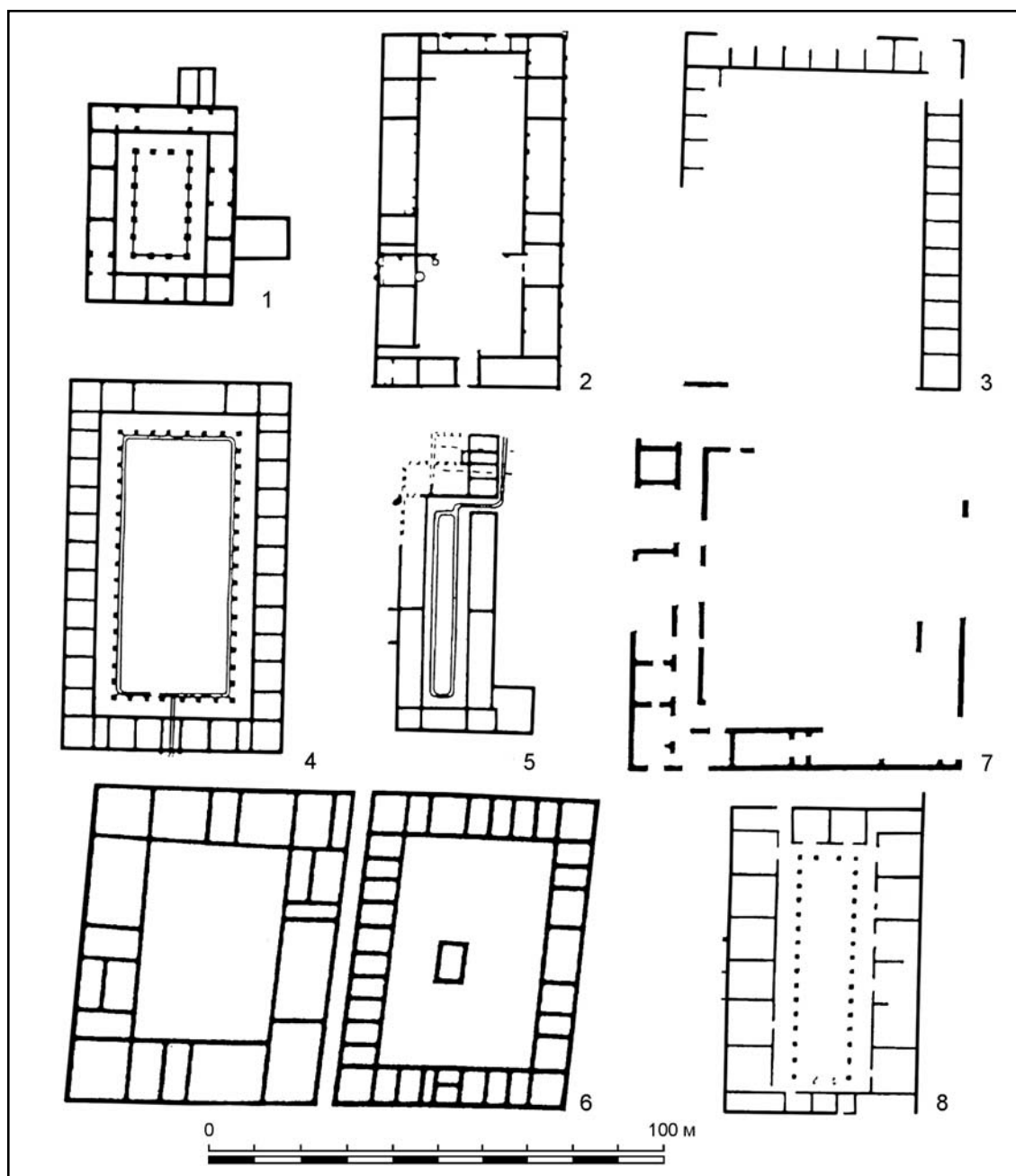

Рис. 4. Планы складов (horrea) с центральным двором: 1—2 — Нойс; 3 — Бонн; 4—5 — Виндонисса; 6 — Карнунт; 7 — Аквинк; 8 — Ламбезис (по Petrikovits 1975: 84).

Fig. 4. Plans of warehouses with a central courtyard (horrea): 1—2 — Neuss; 3 — Bonn; 4—5 — Vindonissa; 6 — Carnuntum; 7 — Aquincum; 8 — Lambaesis (after Petrikovits 1975: 84).

С другой стороны, практически нет сомнений в функционировании в качестве арсеналов помещений со множеством найденного вооружения в Карнунте и Карлеоне (Иска) (Nash-Williams 1931: 126—133; Charman 2002: 33—43) (рис. 6). В обоих случаях здания размещались у внутренней стороны вала. Так называемый *Waffenmagazin* в Карнунте, раскопанный австрийским полковником М. фон Гроллером, имел четыре комнаты, где было найдено более чем 1000 фрагментов оружия

и доспехов. Среди них фрагменты 38 наконечников копий, 11 пилумов, 209 наконечников стрел, 121 фрагмент чешуйчатого доспеха, 302 фрагмента лорики сегментаты, 16 кусков кольчужного плетения, 10 наручей, а также 62 фрагмента щитов и 58 шлемов. В комнате I находились наконечники стрел и умбона щитов, комната L содержала копья, комната M — шлемы и лорики сегментаты, а всё остальное снаряжение находилось в комнате K (Groller 1901: 85—132). В Иске здание со-

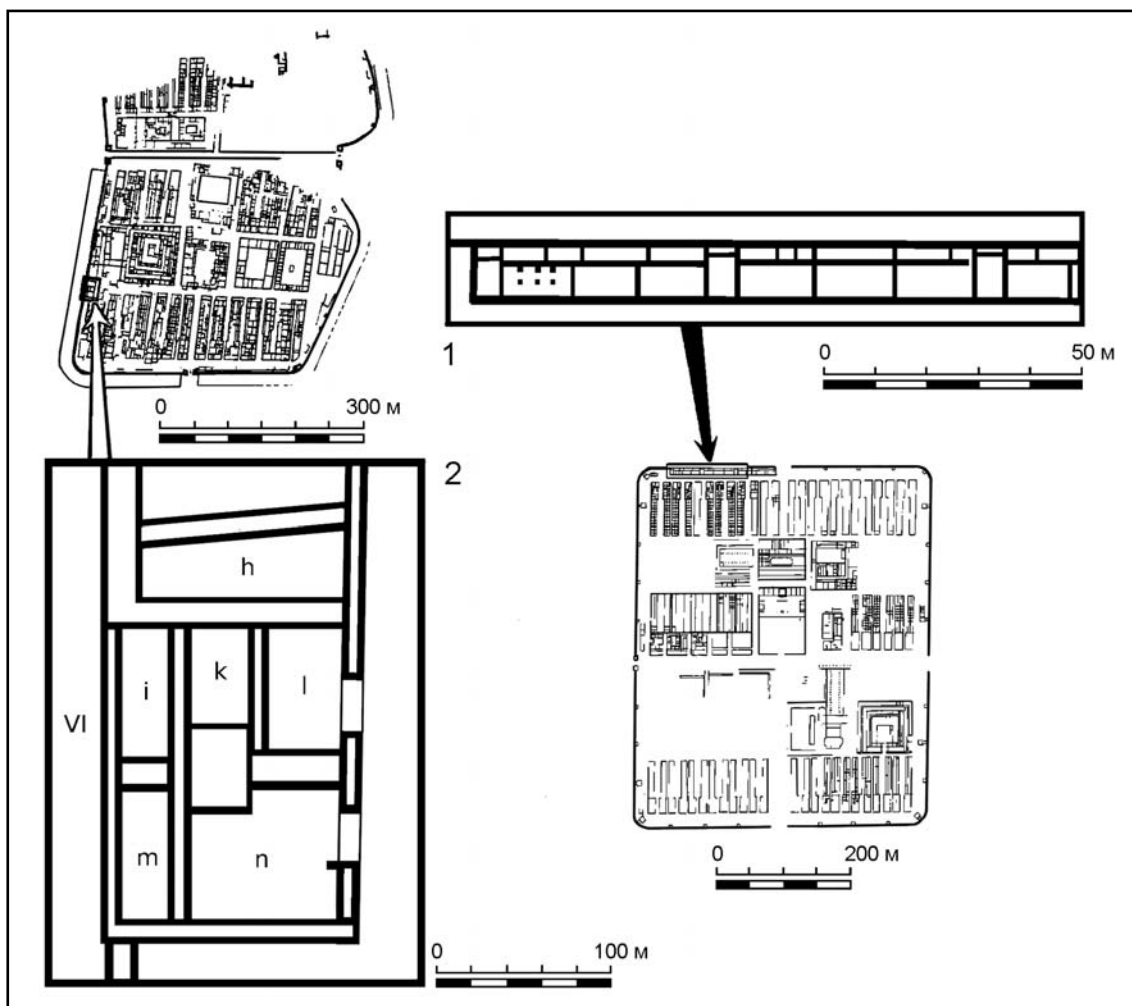

Рис. 5. 1 — план так называемого Waffenmagazin в Карнунте (по: Bishop, Coulston 2006: 263, fig. 152); 2 — арсенал в Карлеоне (Иска) (по Bishop, Coulston 2006: 264, fig. 153).

Fig. 5. 1 — plan of so-called Waffenmagazin at Carnuntum (after Bishop, Coulston 2006: 263, fig. 152); 2 — plan of rampart-back building at Caerleon (Isca) (after Bishop, Coulston 2006: 264, fig. 153).

держало подобный диапазон материала, при этом некоторые части здания, скорее всего, также использовались как оружейный цех. Именно этот факт и смущает исследователей. Действительно, помещения со скоплением вооружения, размещавшиеся у внутренней стороны лагерного вала, более логично определить как легионные цеха, совмещенные с оружейными складами, где оружие изготовлялось, ремонтировалось и временно складировалось. В подтверждение такой функции данных помещений следует привести норму, упомянутую Псевдо-Гигином в сочинении «Об устройстве военных лагерей», где рекомендовано располагать мастерские (*fabricae*) подальше от госпиталя (*valetudinarium*), поскольку выздоравливающим необходима тишина (Ps.-Hug. De munit cast. IV). Помещения у лагерного вала располагаются достаточно далеко от последнего, в то время как принци-

пия находится, как правило, рядом с госпиталем (рис. 7; 8; 9).

Из-за сложности идентификации функций крепостных арсеналов имеется версия, что всё вооружение хранилось у солдат в казармах. Так, в своей брошюре «Римская крепость» П. Коннолли отказал постоянному военному лагерю в подобном помещении и предположил, что вооружение воины хранили прямо в казармах (Connolly 1911: 68) (рис. 10). Действительно, из пассажей Вегеция можно предположить, что вооружение хранилось в солдатских бараках, т.к. на центуриона или декуриона возлагалась обязанность следить за тем, чтобы солдаты содержали свое оружие в надлежащем виде, постоянно чистя его (Veget. II, 14). Однако, если такое предположение и верно, то лишь отчасти, поскольку указание Вегеция совсем не противоречит наличию в крепости арсенала, где хранилось

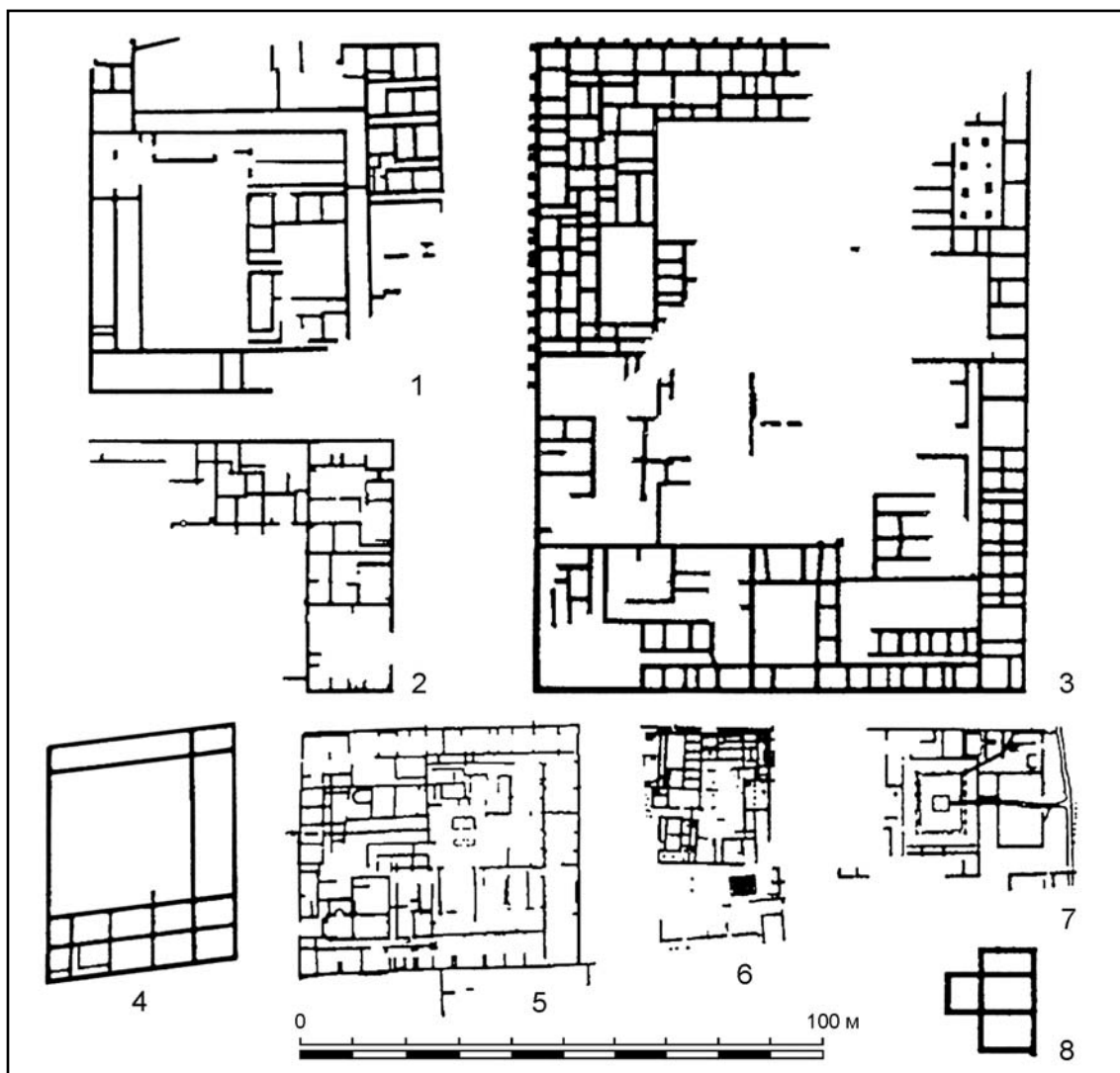

Рис. 6. Военные *fabricae* планировки «bazartyp»: 1 — Карлеон; 2 — Нойс; 3 — Ветера; 4 — Лавриак; 5 — Хальтерн; 6 — Хофхайм; 7 — Оберстимм; 8 — Нидерберг (по: Petrikovits 1975: 95).

Fig. 6. Military *fabricae* of «bazartyp»: 1 — Caerleon; 2 — Neuss; 3 — Vetera; 4 — Lauriacum; 5 — Haltern; 6 — Hofheim; 7 — Oberstimm; 8 — Niederberg (after Petrikovits 1975: 95).

запасное вооружение легиона, а также расходимые боеприпасы. Даже личное вооружение целесообразнее было хранить в специально отведенных для этого местах по нескольким причинам. Во-первых, это было полезно с точки зрения безопасности на случай солдатских мятежей. При этом, когда оружие хранилось в централизованных арсеналах, появлялась возможность минимального контроля хода событий, по крайней мере, на начальном этапе, когда ещё можно было повлиять на солдат, не прибегая к жестоким репрессиям. Во-вторых, исходя из практичности, т.к. в специально оборудованном помещении, при соблюдении соответствующих условий хранения, срок службы вооружения значительно увеличивался. И, в-третьих, чистку и починку вооружения легионерами также было

проще проводить в специально оборудованных для этого местах, снабженных всем необходимым для этого инструментарием. В ряде случаев помещения, ассоциируемые с арсеналами, имели специальные комнаты, в которых проводилась починка оружия, о чём свидетельствуют находки фрагментов испорченного вооружения и инструментов⁶⁷. С другой

⁶⁷ М. Спейдель доказал, что восковая табличка из Виндониссы, адресованная в *armamentarium* Юлия Агила (CIL XIII, 11504), содержит имя человека, который упомянут на votивной табличке (посвященной Марсу) как *gladiatorius* — поставщик мечей в армию (см.: Speidel 1983: 33). Это подтверждает то, что производство вооружения было сконцентрировано в легионных цехах (*fabricae*) или частных мастерских, а арсеналы только складировали его и производили мелкий ремонт.

стороны, маленькие очаги и духовки были найдены и в контуберниях (*contubernia*) (например, казармы в Дормагене), что позволяет предполагать починку незначительных повреждений непосредственно в казармах (Van Daele 1999: 133). Но и в этом случае оружие всё же сдавалось ответственному за его хранение (*custos armorum*). Именно на это указывает выдержка из текста Павла о военных наказаниях, где говорится об ответственности хранителя оружия, если он выдал солдату оружие в неурочное время, а тот его продал (D. XLIX, 16, 14, 1). Таким образом, можно предположить, что вооружение, даже будучи оплачено солдатом, всё равно хранилось в крепостном арсенале. При этом его хранение можно сравнить с хранением вооружения в современных армиях. В связи с этим иногда оспаривается эффективность распределения оружия в момент какой-либо экстраординарной ситуации (Robinson 1975: 9), о чем, кажется, свидетельствует сообщение Тацита, описывавшего события, связанные со смертью Гальбы (Tac. Hist. I, 38). Однако в данном сообщении речь идет об арсенале в Риме⁶⁸, который нельзя назвать подготовленным для быстрого реагирования. В этом арсенале хранилось, скорее всего, вооружение не столько частей, расквартированных в окрестностях Рима, и преторианцев, сколько оружие, произведенное за государственный счёт, т.е. запасное оружие. В пределах же постоянного лагеря организация хранения вооружения должна была быть организована с учётом необходимости мобильного распределения вооружения среди военнослужащих. В пользу такой организации свидетельствуют некоторые особенности хранения вооружения, ставшие известными благодаря археологическим раскопкам.

Как было отмечено выше, в Ламбезисе находки оружия были сконцентрированы в нескольких комнатах. Там же было найдено несколько фрагментированных надписей наподобие *arma antesignana XXX* и *postsignana XIV*. Р. Макмаллен предположил, что изначально они были прикреплены к дверям помещений в арсенале, указывая солдатам, откуда те могли забрать свое вооружение, когда это было необходимо (MacMullen 1960: 23, Not. 2; ср.: Brunnnow, Domaszewski 1909:

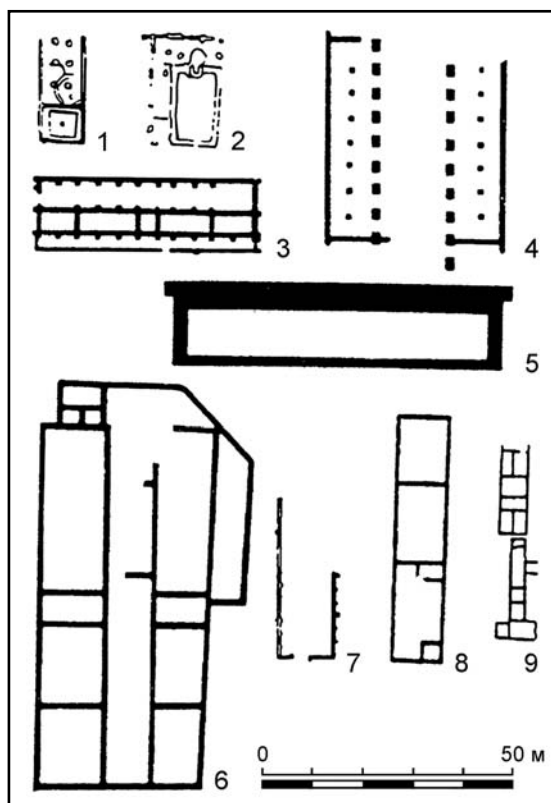

Рис. 7. 1 — продолговатые в планировке *fabricae*: 1 — Эксетер; 2 — Дангстеттен; 3 — Новиомаг; 4 — Виндонисса; 5 — Регенсбург; 6, 7 — Карнунт; 8 — Хаустед; 9 — Фишборн (по Petrikovits 1975: 90).

Fig. 7. 1 — Rectangular, oblong *fabricae*: 1 — Exeter; 2 — Dangstetten; 3 — Noviomagus; 4 — Vindonissa; 5 — Regensburg; 6, 7 — Carnuntum; 8 — Housesteads; 9 — Fishbourne (after Petrikovits 1975: 90).

187—188; Cagnat 1913: 495)⁶⁹. А поскольку предметы снаряжения часто несли на себе имена их владельцев, включая наименование того подразделения, в котором те проходили службу, их трудно было перепутать. Как уже упоминалось выше, на некоторых предметах вооружения имеется информация о нескольких владельцах, последовательно сменявших друг друга (причем, как правило, такие надписи чаще встречаются на защитном снаряжении). Такая черед подписей появлялась на казённом (находящемся на балансе воинского подразделения) вооружении, которое выдавалось новобранцам «в прокат» на срок службы или до приобретения ими своего собственного

⁶⁸ Среди надписей из Рима имеются упоминания о хранителях оружия (*custos armorum*) (AE 1991, 269; CIL VI, 225, 227, 228, 2408, 3199, 3247a, 3248, 3304, 3318, 33009, 32797, 32800a), в том числе и из состава *equites singulares Augusti* (CIL VI, 3263, 3274), которые обслуживали арсенал преторианской гвардии.

⁶⁹ Вместе с тем, существует и критика данной теории, согласно которой каменные блоки с этими надписями изначально не принадлежали к раскопанному помещению, так как один из них был обнаружен у восточных ворот крепости, а написание букв в целом близко монументальному шрифту времени правления Траяна и Антонинов (Bishop, Coulston 2006: 263—264).

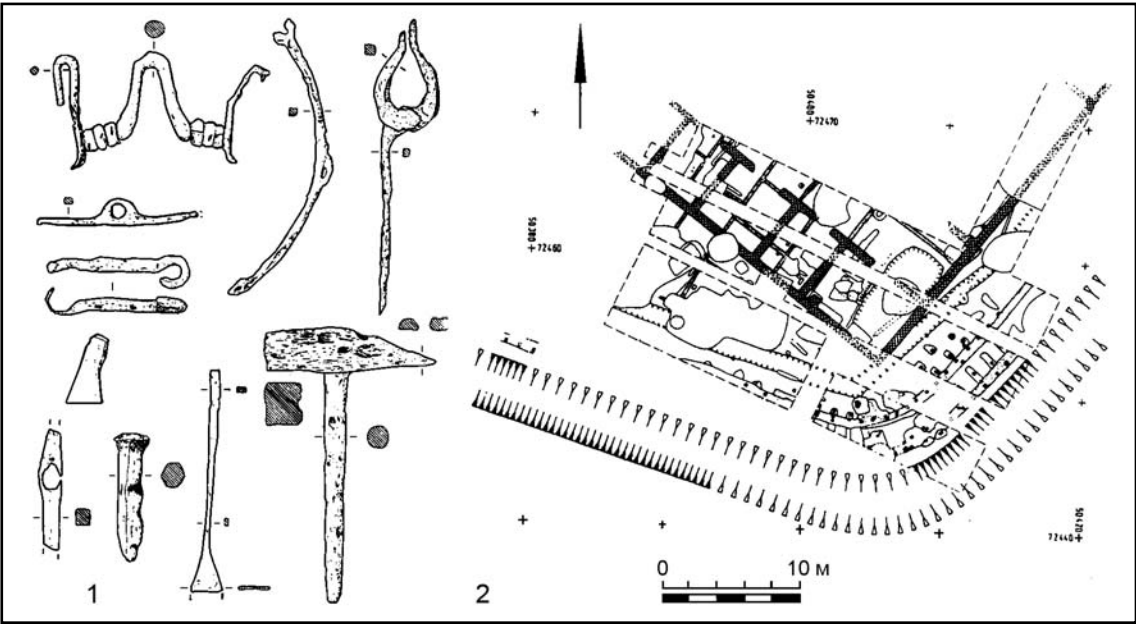

Рис. 8. 1 — кузнечные инструменты из легионного лагеря Ветера I (по Hanel 1995: Taf. 52); 2 — мастерские в Нойсе (по Van Daele 1999: 129, fig. 8).

Fig. 8. 1 — iron tools from Vetera I (after Hanel 1995: Taf. 52); 2 — Novaesium fabricae (after Van Daele 1999: 129, fig. 8).

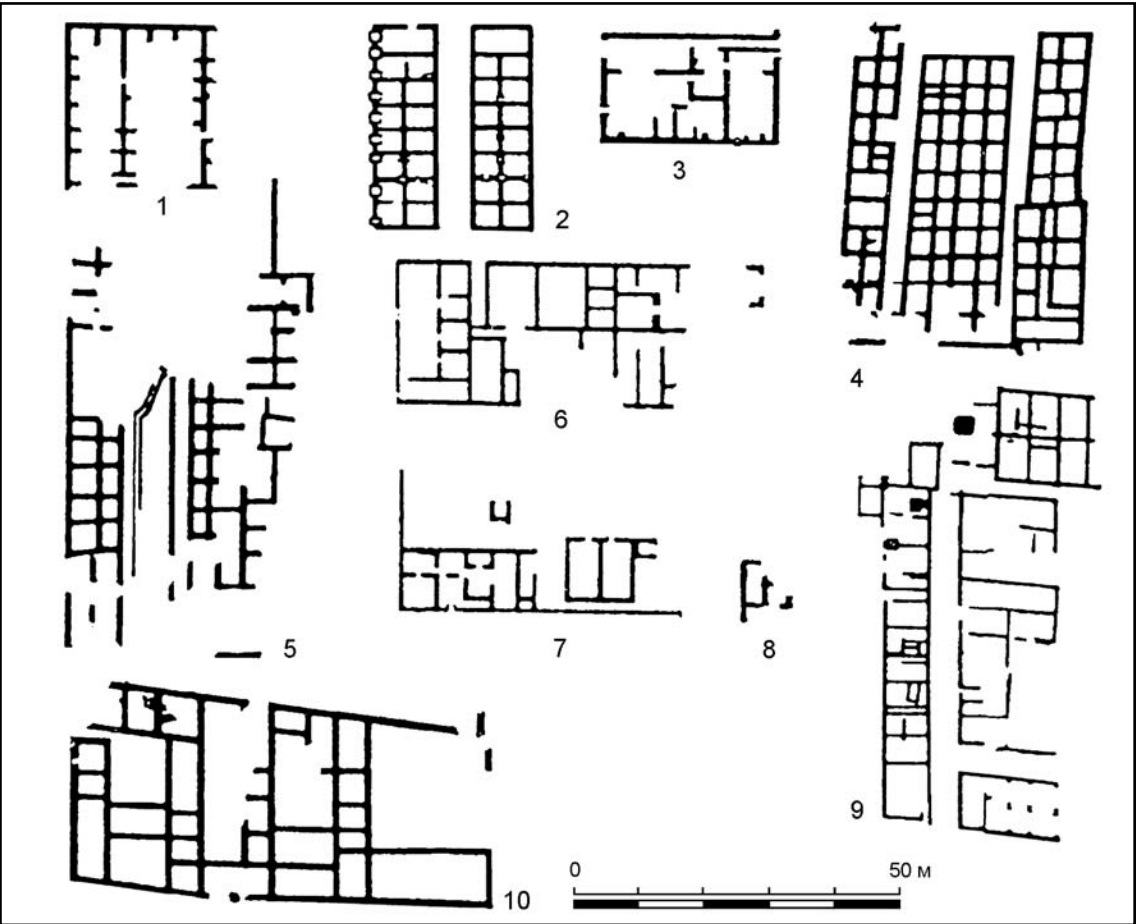

Рис. 9. Казармы военных кузнецов (immunes), расположенные вблизи мастерских: 1—3 — Нойс; 4, 5 — Виндонисса; 6, 7 — Ламбезис; 8 — Эксетер; 9 — Хальтерн; 10 — Лавриак (по Petrikovits 1975: 45).

Fig. 9. Barracks of the military blacksmiths (immunes) located near the workshops: 1—3 — Neuss; 4, 5 — Vindonissa; 6, 7 — Lambaesis; 8 — Exeter; 9 — Haltern; 10 — Lauriacum (after Petrikovits 1975: 45).

Рис. 10. Условия хранения вооружения в казармах. Реконструкция в музее римской крепости Заальбург (Saalburg) (фото: Römerkastell Saalburg, http://www.einzigartige-museen.de/2012/11/roemerkastell-saalburg-bad-homburg/12-8175_4_11_10x15_300dpi/).

Fig. 10. Storage of weapons in the military barracks. Reconstruction in the Roman Fortress Museum, Saalburg (photo: Römerkastell Saalburg, http://www.einzigartige-museen.de/2012/11/roemerkastell-saalburg-bad-homburg/12-8175_4_11_10x15_300dpi/).

оружия⁷⁰. Эти же надписи помогали не путать собственность того или иного владельца, содержать предметы в строгом порядке и вести отчетную документацию. При этом может показаться, что наличие сразу нескольких имен на одном предмете способно лишь внести путаницу при его хранении в арсенале. Однако вышеописанная организация арсенала, когда у каждого подразделения могло быть свое помещение для хранения оружия, а также разновременность надписей должны были свести возможную путаницу к минимуму, если не исключить её полностью. Действительно, довольно трудно представить такое стечение обстоятельств, когда в одном и том же подразделении служили двое или более человек с одинаковыми именами. Снабжением арсеналов занимались *conductores armamentarii* — подрядчики, бравшие у государства подряды

на обеспечение войск вооружением (CIL III, 1121). Они действовали на уровне провинциальных арсеналов (Speidel, Dimitrova-Milceva 1978: 1552), из которых вооружение, в свою очередь, распределялось в более мелкие арсеналы легионов.

Всеми операциями, связанными с хранением и распределением содержимого арсенала, заведовал хранитель оружия (*custos armorum*) (MacMullen 1960: 23—24; Domaszewski 1967: 44, 55; Speidel, Dimitrova-Milceva 1978: 1551—1553; Bishop, Coulston 2006: 266). Сохранилось множество надписей, упоминающих эту должность (рис. 11)⁷¹. О его должност-

⁷⁰ Появление сразу нескольких имен владельцев на предметах вооружения можно объяснить, видимо, только так. Например, в случае завещания имущества сослуживцу, в силу развитых в воинских частях дружеских связей (см., например: Saller, Shaw 1984: 134), на предметах вооружения можно предположить наличие двух, максимум трёх имен.

⁷¹ Например, надпись из Нов (AE 1978, 707) упоминает, наряду с гениями арсеналов, и их хранителя: Marti [et]/Genio a[r]mamen[t](arii)/[V]al(erius) Cresc(ens)/c(ustos) a(rmorum) — «Марсу и Гению арсеналариума Валерий Кресценс хранитель оружия» (см.: Speidel, Dimitrova-Milceva 1978: 1542—1555). Аналогичное посвящение найдено в Турде (Potaissa) (AE 2004, 1195). Среди других упоминаний отметим: AE 1900, 45; AE 1937, 112; AE 1948, 79; AE 1954, 78; AE 1957, 283; AE 1962, 112; AE 1971, 405; AE 1980, 740 = AE 1987, 834; AE 1989, 893 = AE 1992, 1867b; AE 1995, 1220; AE 1997, 01302; AE 2000, 1177; AE 1992, 1440; AE 1957, 88; CIL III, 1138, 3400, 3457, 3549, 3635, 4238, 4323, 5106; CIL V, 5270.

ных обязанностях до сих пор ведутся горячие дискуссии. Было высказано предположение, что в его ведении находились централизованные оружейные склады и снабжение оружием всего легиона (Masquelez 1873: 438). Но так как каждая центурия или турма, кажется, имела такую должность (Domaszewski 1967: 44)⁷², можно предположить, что это был ответственный за хранение и распределение вооружения солдат своего подразделения. Однако может быть предложен более сложный вариант, при котором хранитель оружия был ответственен ещё и за снабжение военнотружущих своего подразделения всем требуемым снаряжением. Он продавал комплекты вооружения новобранцам, а также выкупал оружие у выходящих в отставку. Кроме того, несмотря на слова Вегеция, логично предположить, что в его обязанности входил контроль за состоянием снаряжения и его починкой⁷³.

Что касается условий хранения вооружения, то наилучшим образом они обеспечивались в пределах оружейных складов, так как хорошо известно, что для содержания оружия в том состоянии, которое исключает преждевременное разрушение, прежде всего следует обеспечить помещение, в котором оно будет храниться с соблюдением необходимого режима температуры и влажности. Соответственно, если в походных условиях оружие хранилось в контуберниях, исходя из необходимости быстрого доступа к нему, то в условиях постоянных лагерей хранить доспехи в казармах было нецелесообразно. В предполагаемом арсенале военного лагеря в Висбадене прослежены помещения, разделенные деревянными перегородками и, возможно, имевшие деревянные шкафы (*armarium*) для хранения доспехов и оружия (Curle 1911: 57). Деревянные сундуки, в которых хранили и транспортировали предметы вооружения, иногда вместе с инструментами для их починки, найдены в Корбридже

Рис. 11. Стела хранителя оружия Марция Проба из Бергамо (рисунок автора).

Fig. 11. Stele of P. Marcus Probus, a custos armorum (Bergamo) (drawing by the author).

⁷² Анализ двух надписей-посвящений хранителей оружия (*custodes armorum*) гению центурии (*Genius centuriae*) можно найти в работе Е. Форбека (Vorbeck 1954: 66, 69). Подобные посвящения найдены в Майнце (AE 1979, 422; CIL XIII, 6680, 6683, 6710), Аквинке (CIL III, 3457), Виндобоне (CIL III, 14359, 26a).

⁷³ Об этом может свидетельствовать надпись из Ламбезиса, в которой опцион называет себя *curator operis armamentaria*, т. е. смотрителем за работами оружейного склада. Если слово *operis* здесь трактовать именно как производственную деятельность арсенала, а не работы по строительству, следовательно, можно говорить о существовании должности, соответствующей, например, заместителю по технической части в современной армии.

и Вайсенбурге⁷⁴. Дополнительно всё вооружение упаковывалось в ткань или кожаные чехлы, предохранявшие от сырости. Шлем из Виндониссы был найден вместе с минерализованными остатками органического материала на внутренней и на внешней части ту-

⁷⁴ О кладе из Корбриджа, где оружие было приготовлено для транспортировки и лежало в сундуке, завернутое в ткань, см.: Bishop, Coulston 2006: 29—30. В кладе из Вайсенбурга, найденном в лавке торговца на главной улице вика, преобладало парадное защитное вооружение, сложенное в деревянном сундуке (судя по остаткам древесины) (Kellner, Zählhaas 1984).

Рис. 12. Римский легионер, чистящий доспех (по Connolly 1988: 22).

Fig. 12. Roman legionnaire cleaning armour (after Connolly 1988: 22).

льи. Если материал внутри шлема мог быть подшлемником, то органика на внешней стороне когда-то была частью кожаного чехла для хранения шлема (Waurick 1994: 645). Чехлами из козлиной кожи, простроченными по краям, во время хранения были закрыты и щиты. На наружной части чехла писали имя легионера и название подразделения, в котором он служил (Bishop, Coulston 2006: 92). Уход за оружием, возложенный на его владельца, строго контролировался со стороны командного состава подразделения. Чистка доспехов и оружия производилась с использованием уксуса и песка⁷⁵ (рис. 12).

⁷⁵ Способ чистки доспехов и снятия с них слоя ржавчины известен с древнейших времен и незна-

От поврежденного снаряжения, скапливавшегося в арсеналах, предпочитали избавляться, закапывая в окрестностях⁷⁶, вместо того чтобы транспортировать его куда-либо для утилизации или ремонта (Manning 1972: 246). Кроме того, ямы с оружием образовывались на территории лагерей в связи с постоянной модернизацией, когда при перестройке помещений требовалось освобождать их от скопившегося хлама. Именно благодаря такой практике археологи и обнаруживают в римских лагерях залежи вооружения.

Все рассмотренные данные многое дополняют в наших знаниях о деятельности арсеналов в римских постоянных лагерях. На основании рассмотренных данных напрашивается вывод, что унифицированного расположения арсеналов на территории различных лагерей не прослеживается. Центральный арсенал, в котором, судя по находкам, складировалось, в основном, казённое вооружение (главным образом метательные снаряды для артиллерии), размещался в принципии. Остальные склады оружия, выполнявшие также функции оружейных мастерских, могли находиться в разных местах лагерей. Расположение, скорее всего, зависело лишь от индивидуальной планировки того или иного лагеря.

Сами оружейные склады на территории постоянного лагеря делились по их назначению и функциям на: склады для вооружения военнослужащих, склады с запасным оружием, выкупленным у вышедших в отставку, а также с казённым вооружением и арсеналы с функцией оружейных мастерских, в которых складировалось поврежденное снаряжение. Деятельность арсеналов была строго регламентирована, и на должности хранителей оружия избирались наиболее ответственные и авторитетные военнослужащие. Таким образом, очевидно, что оружейные хранилища постоянных лагерей выполняли важную функцию поддержания в надлежащем виде всего комплекса вооружений, находящихся на месте дислокации того или иного подразделения. А подобное бережное отношение

чительно изменился лишь в средние века, когда всё чаще стали использовать деревянное или горное масло. О том, как предохраняли изделия из металлов от ржавчины в античное время, см., например: Plin. HN. XXXIV, 43.

⁷⁶ В расписании нарядов военнослужащих III Киренаикского легиона указан в т. ч. и арсенал (ChLA I 7), где солдаты выполняли какие-то работы, вполне возможно, связанные с ремонтом помещения или очисткой его от ненужного хлама.

влекло за собой большую экономию в рамках Империи, так как предметы вооружения в римской армии находились в эксплуатации довольно длительное время, и государству не приходилось вкладывать дополнительные средства в постоянное перевооружение армии.

Суммируя вышесказанное, следует отметить четкую организацию хранения и обслуживания вооружения в римской армии. Это, в равной степени, относится и к казённому оружию, и к снаряжению, находящемуся в собственности солдат. Создание благоприятных условий хранения оружия служило залогом его продолжительной службы, на которую указывает анализ некоторых найденных археологами предметов вооружения. Забота о сохранности оружия была не просто нормой, прописанной в военном законодатель-

стве, но и практическим воплощением римской заботы о своем оружии, которая отражается в создании определенных условий для хранения воинской экипировки и даже, как это ни парадоксально, в её утилизации в случае гипотетической опасности попадания в руки врага. Экономическая выгода государства вследствие продолжительной службы вооружения вполне очевидна, ведь оружейный парк обновлялся гораздо реже. Случаи использования трофейного оружия, о которых говорилось выше, также свидетельствуют о желании экономить на производстве нового оружия за счёт захваченного у врага. И если ещё в республиканский период боевой трофей являлся священным и неприкосновенным, то во времена Империи отношение к нему уже не столь однозначное, а скорее, более практичное.

Глава 3.

Организация производства вооружения

3.1. Контролируемые государством оружейные производства (мастерские)

Одним из наименее изученных аспектов, связанных с производством вооружения в эпоху принципата, является вопрос о том, пыталось ли государство каким-либо образом регулировать производство и торговлю оружием частными оружейниками. В специальной литературе сколько-нибудь внятных попыток изучения этого вопроса не проводилось. Безусловно, главным препятствием здесь служит крайне скудная источниковая база, не позволяющая реконструировать эту сторону взаимоотношений государства и армии с поставщиками вооружения и воинского снаряжения. Имеющихся сведений настолько мало, что делать выводы можно лишь с большой долей вероятности. Тем не менее, чтобы понять, какое место в системе производства оружия занимали легионные мастерские, а также какой была политика государства в отношении частных производителей оружия, коснуться этого вопроса всё равно необходимо.

Как известно, в конце эпохи принципата государство взяло в свои руки контроль над оружейным производством. Небольшие мастерские по большей части перестали существовать⁷⁷. Трудно сказать, что стало главной

причиной прекращения их деятельности — экономический кризис как составляющая того исторического процесса, который получил в историографии название «кризис III века», или же целенаправленное стремление государственных структур полностью подчинить своему контролю весь оружейный оборот Империи. А если допустить, что именно последний фактор играл главенствующую роль, то интересно выяснить, какие попытки в данном направлении предпринимало государство в течение первых веков н. э. Трудно поверить, что лишь император Диоклетиан, «национализировав» оружейные производства, смог контролировать деятельность частного сектора. Были ли в эпоху принципата такие попытки, какие-либо запреты и прямой контроль в области производственных технологий и стоимости продукции частного производителя? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть, какие виды оружейных производств существовали и как они вписывались в «индустриальный комплекс» на уровне таких территориально-административных единиц, как провинция, и в рамках *prata legionis*. Совершенно очевидно, что контроль за каждым из мелких производителей был крайне затруднён, зато он был возможен над крупны-

⁷⁷ Причиной разорения мелких частных оружейных мастерских исследователи видят в кризисе III в., когда рост инфляции привел к введению натурального

налога (*anonna militaris*), а всё сокращавшиеся доходы оружейников (так как солдаты начали испытывать финансовые затруднения и совершали меньше покупок у частного производителя) привели к трудностям в приобретении сырья (Seeck 1909: 1926; James 1988: 271).

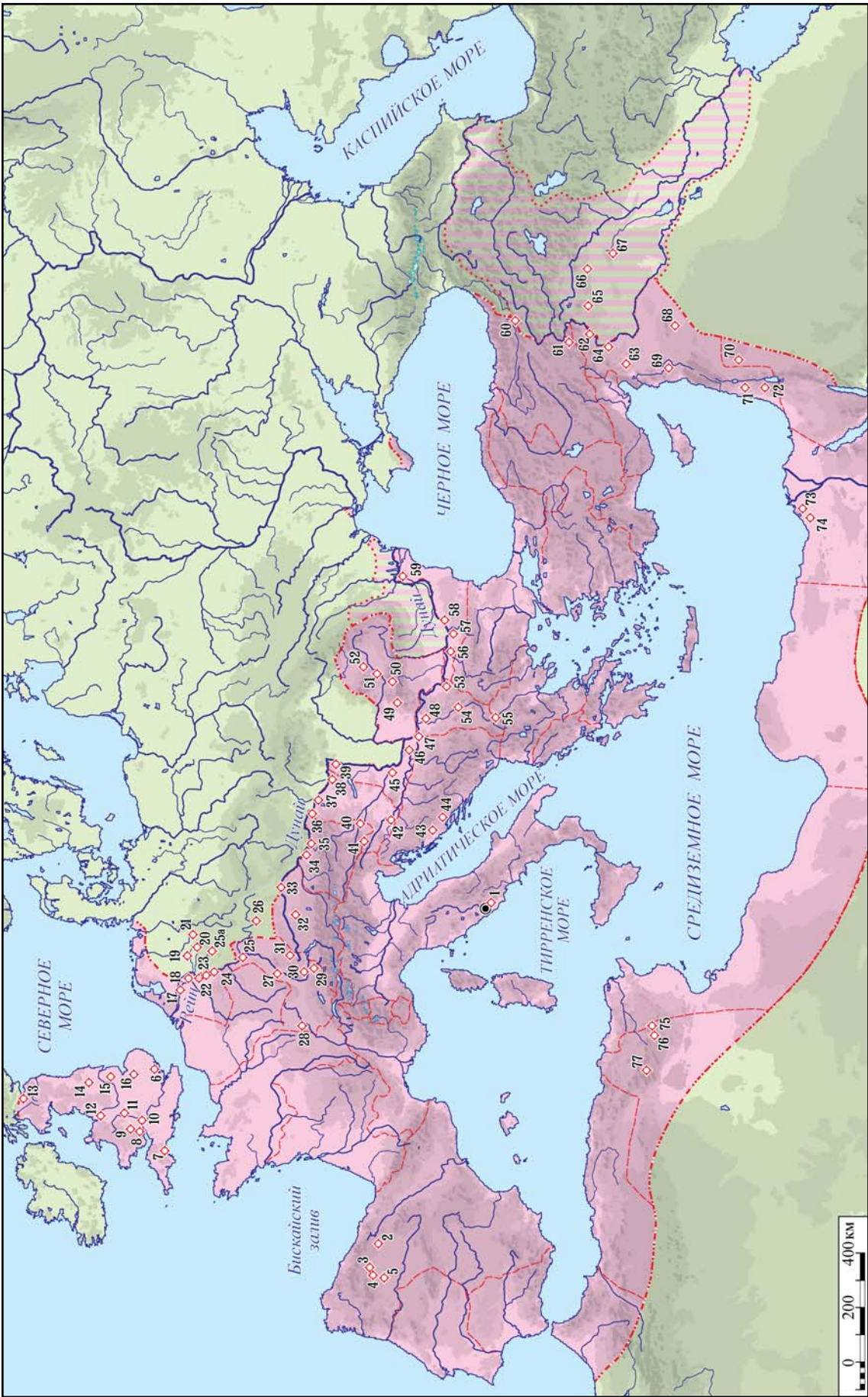

Рис. 13. Карта легионных крепостей и лагерей легионов Римской империи со времени правления императора Октавиана Августа до эпохи тетрархии (по Hanel 2007: 396).

1 — Альбано (Castra Albana), Италия; 2 — Эрпера-де-Писуэрга (Pisoraca), Испания; 3 — Леон (castra legionis VII Geminae), Испания; 4 — Асторга (Asturica Augusta), Испания; 5 — Росинос де Видриалис (Petavonium), Испания; 6 — Колчестер (Camulodunum), Великобритания; 7 — Эксетер (Isca Dumnoniorum), Великобритания; 8 — Карлеон (Isca Silurum), Великобритания; 9 — Аск, Великобритания; 10 — Глостер (Glevum), Великобритания; 11 — Роксетер (Viroconium), Великобритания; 12 — Честер (Deva), Великобритания; 13 — Инкхатил (Victoria?), Великобритания; 14 — Йорк (Eboracum), Великобритания; 15 — Линкольн (Lindum), Великобритания; 16 — Лонгторп, Великобритания; 17 — Неймеген (Noviomagus), Нидерланды; 18 — Ксентен (Vetera castra), Германия; 19 — Хальтерн, Германия; 20 — Обераден, Германия; 21 — Анреппен, Германия; 22 — Нойс (Novaesium), Германия; 23 — Кёльн (oppidum Ubiorum), Германия; 24 — Бонн (Bonna), Германия; 25 — Майнц (Moguntiacum), Германия; 25a — Ланан-Дорлар, Германия; 26 — Марктбрайт, Германия; 27 — Страсбург (Argentorate), Франция; 28 — Миребо, Франция; 29 — Бругг/Виндиш (Vindonissa), Швейцария; 30 — Дангстеттен, Германия; 31 — Роттвиль I (Arae Flaviae), Германия; 32 — Аугсбург (Augusta Vindelicorum), Германия; 33 — Регенсбург (castra Regina), Германия; 34 — Лорх (Lauriacum), Австрия; 35 — Альбинг, Австрия; 36 — Вена (Vindobona), Австрия; 37 — Бад-Дойч-Альтенбург (Carnuntum), Австрия; 38 — Коморн/Сень (Brigetio), Венгрия; 39 — Будапешт (Aquincum), Венгрия; 40 — Птуй (Poetovio), Словения; 41 — Лочика, Словения; 42 — Сисак (Siscia), Хорватия; 43 — Щупла Крква (Burnum), Хорватия; 44 — Гардун у Триля (Tilurium), Хорватия; 45 — Осиек (Mursa), Хорватия; 46 — Сремска Митровица (Sirmium), Сербия; 47 — Белград (Singidunum), Сербия; 48 — Пожаревац (Viminacium), Сербия; 49 — Решица (Berzobis?), Румыния; 50 — окрестности Хацера (Sarmizegetusa), Румыния; 51 — Алба-Юлия (Aululum), Румыния; 52 — Турда (Potaissa), Румыния; 53 — Арчар (Ratiaria), Болгария; 54 — Ниш (Naissus), Сербия; 55 — Скопье (Scupi), Македония; 56 — Гиген (Oescus), Болгария; 57 — Стеклен (Novae), Болгария; 58 — Силистра (Durostorum), Болгария; 59 — Иглица (Troesimis), Румыния; 60 — Садак (Satala), Турция; 61 — Эски Малатия (Melitene), Турция; 62 — Самсат (Samosata), Турция; 63 — Кирос, Сирия; 64 — Белкис (Zeugma), Сирия; 65 — Тель-Фахария (Resaina), Сирия; 66 — Белед Синьяр (Singara), Ирак; 67 — Нусайбин (Nisibis), Турция; 68 — Тадмор (Palmyra), Сирия; 69 — Рафнийя, Сирия; 70 — Босра (Bostra), Сирия; 71 — Кефар Отнай (Caparcotna/legio), Израиль; 72 — Иерусалим (Aelia Capitolina), Израиль; 73 — Никополь (Alexandria), Египет; 74 — Аль-Бурдан, Египет; 75 — Хайдра (Ammaedara), Тунис; 76 — Тебесса (Theveste), Алжир; 77 — Тазу-Ламбез (Lambaesis), Алжир.

Fig. 13. Legionary fortresses and camps with legionary troops in the Roman Empire to Augustus until the Tetrarchy (after Hanel 2007: 396).

1 — Albano (Castra Albana), Italy; 2 — Herrera de Pisuerga (Pisoraca), Spain; 3 — León (castra legionis VII Geminae), Spain; 4 — Astorga (Asturica Augusta), Spain; 5 — Rosinos de Vidriales (Petavonium), Spain; 6 — Colchester (Camulodunum), Great Britain; 7 — Exeter (Isca Dumnoniorum), Great Britain; 8 — Caerleon (Isca Silurum), Great Britain; 9 — Usk, Great Britain; 10 — Gloucester (Glevum), Great Britain; 11 — Wroxeter (Viroconium), Great Britain; 12 — Chester (Deva), Great Britain; 13 — Inchtuthil (Victoria?), Great Britain; 14 — York (Eboracum), Great Britain; 15 — Lincoln (Lindum), Great Britain; 16 — Longthorpe, Great Britain; 17 — Nijmegen (Noviomagus), Netherlands; 18 — Xanten (Vetera castra), Germany; 19 — Haltern, Germany; 20 — Oberaden, Germany; 21 — Anreppen, Germany; 22 — Neuss (Novaesium), Germany; 23 — Köln (oppidum Ubiorum), Germany; 24 — Bonn (Bonna), Germany; 25 — Mainz (Moguntiacum), Germany; 25a — Lahnau-Dorlar, Germany; 26 — Marktbreit, Germany; 27 — Strasbourg (Argentorate), France; 28 — Mirebeau, France; 29 — Brugg/Windisch (Vindonissa), Switzerland; 30 — Dangstetten, Germany; 31 — Rottweil I (Arae Flaviae), Germany; 32 — Augsburg (Augusta Vindelicorum), Germany; 33 — Regensburg (castra Regina), Germany; 34 — Lorch (Lauriacum), Austria; 35 — Albing, Austria; 36 — Wien (Vindobona), Austria; 37 — Bad Deutsch-Altenburg (Carnuntum), Austria; 38 — Komárom/Szőny (Brigetio), Hungary; 39 — Budapest (Aquincum), Hungary; 40 — Ptuj (Poetovio), Slovenia; 41 — Ločica, Slovenia; 42 — Sisak (Siscia), Croatia; 43 — Šuplja Crkva (Burnum), Croatia; 44 — Gardun bei Trilj (Tilurium), Croatia; 45 — Osijek (Mursa), Croatia; 46 — Sremska Mitrovica (Sirmium), Serbia; 47 — Belgrade (Singidunum), Serbia; 48 — Požarevac (Viminacium), Serbia; 49 — Reșița (Berzobis?), Romania; 50 — Near Hatseg (Sarmizegetusa), Romania; 51 — Alba Iulia (Aululum), Romania; 52 — Turda (Potaissa), Romania; 53 — Archar (Ratiaria), Bulgaria; 54 — Niš (Naissus), Serbia; 55 — Skopje (Scupi), Macedonia; 56 — Gigen (Oescus), Bulgaria; 57 — Steklen (Novae), Bulgaria; 58 — Silistra (Durostorum), Bulgaria; 59 — Iglitsa (Troesimis), Romania; 60 — Sadak (Satala), Turkey; 61 — Eski Malateja (Melitene), Turkey; 62 — Samsat (Samosata), Turkey; 63 — Cyrrhus, Syria; 64 — Belkis (Zeugma), Syria; 65 — Tel Fakhariya (Resaina), Syria; 66 — Beled Sinjar (Singara), Iraq; 67 — Nusaybin (Nisibis), Turkey; 68 — Tadmor (Palmyra), Syria; 69 — Rafnīyē, Syria; 70 — Bosra (Bostra), Syria; 71 — Kefar Otnay (Caparcotna/legio), Israel; 72 — Jerusalem (Aelia Capitolina), Israel; 73 — Nikopolis (Alexandria), Egypt; 74 — al Burdān, Egypt; 75 — al Haidra (Ammaedara), Tunisia; 76 — Tébessa (Theveste), Algeria; 77 — Tazoult-Lambèse (Lambaesis), Algeria.

ми производством, размещавшимися в городах, а также при крупных поставках оружия. В связи с этим необходимо определить, с одной стороны, районы с наибольшей концентрацией оружейного производства, а с другой — характер и степень контроля над оружейным производством со стороны государства в эпоху принципата.

Нельзя не согласиться с тезисом о том, что присутствие армии было катализатором развития производства на территориях, прилегающих к местам дислокации воинских частей, не говоря уже о собственно землях легионов

(*prata legionis*)⁷⁸. Кроме пастбищ, на *prata* находились различные производственные ком-

⁷⁸ Жизненное пространство легиона не ограничивалось территорией легионного лагеря, который был центром отведенной легиону территории, включавшей в себя гораздо большее пространство, прилегающее к лагерю. Эта территория была обозначена межевыми камнями с надписями *prata* или *territorium legionis* (*cohortis*) (ILS 5968=CIL III, 13250; CIL III, 14356 (3a)=ILS 9103; CIL III 10489; CIL III, 10305) (см.: Schulten 1894: 481—516; Egger 1951: 206—232; Mócsy 1953: 179—199; 1967: 211—214; 1972: 133—167; Mason 1988: 163—190; Колобов 1990: 41—44; 2000: 43—50).

плексы, игравшие важную роль в системе обеспечения войск необходимым продовольствием, строительными материалами и т.д. (Mason 1988: 163—189). К таковым причисляются близкие к лагерю сооружения со следами хозяйственной деятельности, акведуки, мастерские, шахты, каменоломни и т.д. Причем некоторые из них могли представлять интерес не только для самих воинов, но и для соседних муниципий, как, например, широко известное производство легионерами кирпичей, на которые ставились штампы с именами их непосредственных изготовителей, несущих ответственность за качество продукции. И эта продукция могла использоваться при строительстве гражданских объектов в близлежащих населенных пунктах (Kurzmann 2005: 405—414) (рис. 13).

В местах постоянной дислокации римских войск развивалась добыча железа и металлургия (Davies 2002: 185—188). Как правило, ареалы добычи металлов охранялись войсками. На территории Норика добыча железа производилась в Гурине, Лёллинге, Хюттенберге, Землахе, Визенау. Некоторые надписи (CIL III, 4797, 4800 = ILS 4198; CIL III, 4828) могут свидетельствовать об императорском контроле над добычей металлов, кроме того, в надписи также упомянут *conductor ferrarium Noricarum*, который мог быть ответственен за разработку рудников (CIL III, 5036) (рис. 14).

В Паннонии, Далмации, Верхней Мёзии и Фракии у крупных месторождений железа также были размещены войска. Лагерь IX Испанского легиона находился в непосредственной близости от сети рудников, простиравшихся от окрестностей Топуско к востоку от Сисака (Siscia) до Салоны (где была организована позднеримская оружейная мастерская). В Осиеке (Mursa), где располагался лагерь XIII Сдвоенного Марсова Победоносного легиона, была найдена надпись с упоминанием *conductor ferrarium* (AE 1973, 411). Возможно, ещё одно месторождение находилось в окрестностях современного г. Куманово, неподалеку от современной столицы Македонии Скопье. В Скупе также размещался легионный лагерь VII Клавдиева легиона (Dušanić 2010: 58). Такая дислокация легионов может свидетельствовать не только о том, что месторождения были надежно защищены армией, но и о том, что армейские чиновники выполняли там функцию контролирующих органов.

Месторождение серебра Авалы в 15 километрах от легионного лагеря в Сингидуне, по всей видимости, находилось под импер-

ским контролем. По крайней мере, сохранилась надпись о том, что ветеран IV Флавиева легиона был ответственен за это месторождение (AE 1910, 172 = AE 1911, 165).

В этих районах была хорошо развита инфраструктура. Для вывоза добытого металла были построены хорошие дороги, а также использовались речные артерии. На дорогах были оборудованы специальные платные станции (*stationes*), где взимались налоги на слитки металла с месторождений, которые не принадлежали римскому государству или не были подконтрольны римской армии (Hirt 2010: 60—63).

Крупнейшие месторождения в Мёзии находились на месте современной деревни Равна (Timacum Minus) и города Михайловграда (Montana). Первое из них контролировалось VII Клавдиевым легионом и частями вспомогательных войск, размещенных на пути от Дуная к Нишу. Рудники же Монтаны, судя по сохранившимся votivным надписям, обращенным к богине Диане, были под управлением *beneficiarius consularis legio I Italica* и *ag(ens) t(erritorio) M(ontanensium)* (AE 1987, 881). Также сохранились упоминания об особой контролирующей роли *optio leg(ionis) XI Cl(audiae) agens r(egione) Mont[an(ensium)]* (AE 1957, 341).

На территории провинции Дакия расквартированный в Алба-Юлия (Aululum) XIII Сдвоенный легион охранял месторождения золота в Ампеле и железа в Миции⁷⁹. В Испании золотое месторождение в Лас Медулас было под защитой расквартированных в Асторге (Asturica Augusta) воинов VII Сдвоенного легиона и вспомогательных войск (CIL II, 2389 = AE 1907, 150; AE 1980, 582) (Wahl 1993: 142). Месторождение серебра в Чартерхаус-на-Мендипе находилось поблизости от Эксетера (Isca Dumnoniorum), в котором размещался II Августов легион. Разрабатываемые месторождения металлов отмечены и в непосредственной близости от мест дислокации вспомогательных войск в Алене и Бухе на рецгийском отрезке лимеса.

Связь добычи металла с организацией его обработки на этой же самой территории⁸⁰

⁷⁹ В Миции, возможно, также находился *statio beneficiarius consularis*, связанный с месторождением (AE 1931, 119 = AE 1933, 9).

⁸⁰ По соображениям экономической целесообразности дешевле было получать металлическое железо из руды непосредственно вблизи месторождений. Однако на деле это не всегда было возможно. Так, например, на острове Эльба, богатом высококачественными рудами, вырубали густые леса для поддержания огня в печах для выплавки, но топлива всё равно не хватало,

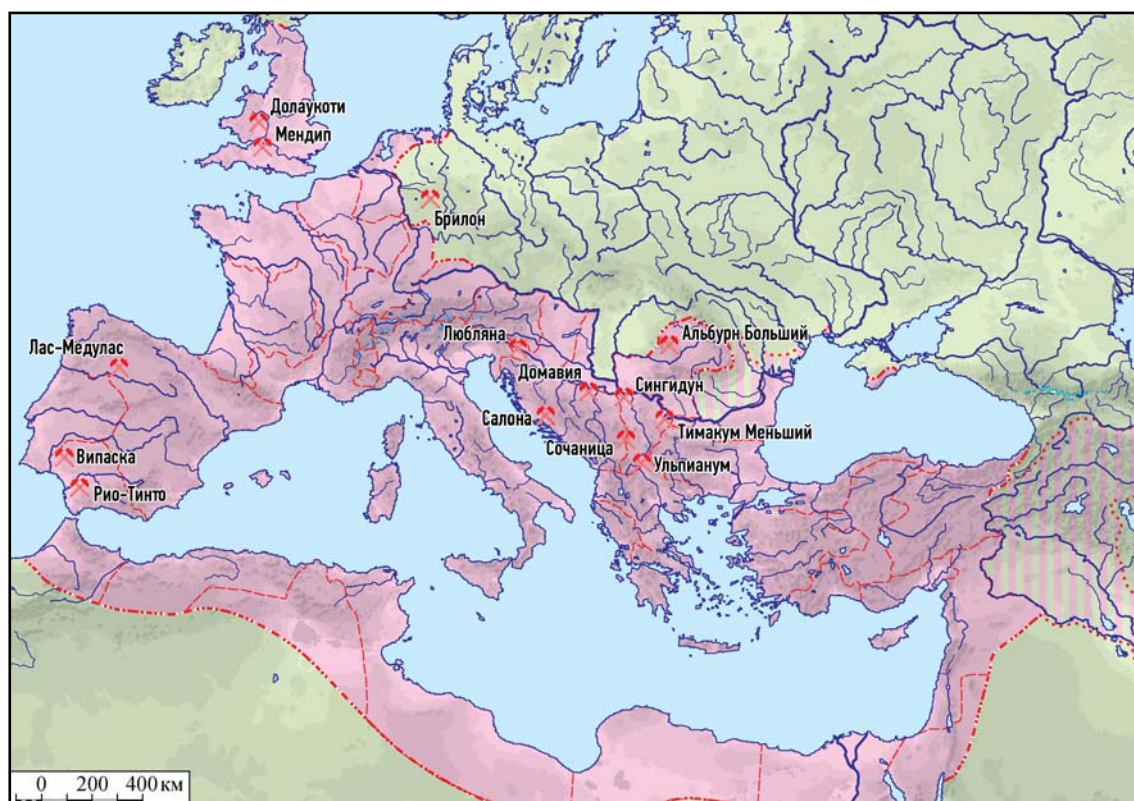

Рис. 14. Расположение крупнейших рудников Римской империи (по Hirt 2010: fig. 1).

Fig. 14. Location of the largest mines of the Roman Empire (after Hirt 2010: fig. 1).

(включая и изготовление оружия) не вызывает сомнения, поскольку остатки оружейного производства археологически зафиксированы в Эксетере, Нише и Асторге, а более поздняя по времени оружейная мастерская в Салоне упомянута в *Notitia Dignitatum*. В случае с оружейным производством в Нише можно говорить о его появлении на месте старой легионной мастерской, но во всех случаях вышеперечисленные мастерские размещались в крупных городских центрах.

Такое расположение в городских центрах было вполне закономерным, так как крупные поселения были способны обеспечить оружейные производства всем необходимым (древесиной, углем, кожами и т.п.). Кроме того, они обеспечивали прямой доступ к сети дорог, по которым продукция крупных городских оружейных производств распространялась в разных направлениях, ведь все эти города были расположены в узловых точках дорожной системы, а многие находились и на судоходных путях. Сами же работники этих производств без труда находили всё необходимое для жизни в пределах город-

ских стен (еду, одежду), и главное, они чувствовали себя надежно защищёнными (James 1988: 267—268).

Подобные производства (*armorum officina*), находившиеся под защитой крепостных стен крупных средиземноморских городов, известны ещё с республиканского времени (Caes. B. civ. I, 34; Cic. In Piso. 87, 6; Cic. Phil. VII, 4, 7, 13, 3; Flor. I, XXXI, II, 10). В период принципата, согласно сообщению Диона Хрисостома, оружие продолжали изготавливать в восточных метрополиях, таких, как Антиохия (Dio. Chrys. Or. 77/78, 12). Поэтому существует стойкое мнение о том, что, по крайней мере на востоке Империи, главенствующая роль в снабжении армии вооружением принадлежала оружейникам крупных городских центров (MacMullen 1960: 25; Robinson 1975: 8).

Однако и в других частях Империи в крупных городах размещались оружейные производства, коллегии или объединения бронзовых дел мастеров (*collegium aerariorum*) (CIL V, 5847; CIL V, 5892 = ILS 6731; CIL II, 7334 = AE 1971, 181; CIL XIII, 7378), а также существовало большое количество индивидуально работающих мастеров бронзовых дел (*aerarii*) (например, в Немавзе (CIL XII, 3333), Балаклаве (AE 1995, 1351), Кордове (CIL II, 7341), Беневенте (CIL IX, 1723),

и руду приходилось перевозить на материк, где углем были богаты Лигурийские горы (Forbes 1958: 18).

Плаценции (CIL XI, 1234), Америке (CIL XI, 4428), Нице (CIL XIII, 7378), Камулоне (RIB 194), Бригетоне (AE 2003, 1369)). Город Медиолан претендовал именоваться центром оружейного производства в Цизальпийской Галлии⁸¹. Другие известные оружейные производства находились в городах, расположенных в непосредственной близости от районов интенсивной разработки месторождений металлических руд. Активная добыча железа отмечается в районе Монтаны, Сингидуна, Ульпианы, Сочаницы, Рошия-Монтанэ, Домавии, Любии (в провинциях Мезия, Дакия, Паннония и Далмация) (Hirt 2010: 11, fig. 1). Многие рудники принадлежали муниципиям или же частным лицам (Suet. Tib. 49; CIL VII, 220; CIL XII, 4398, 3336; CIL XIII, 1576, 1577), организовавшим не только добычу металлов, но и их переработку. Поэтому городские оружейные производства, в избытке снабжаемые сырьём и имеющие в своём штате самых разнообразных высокопрофессиональных мастеров по работе с металлом, от кузнецов (*fabri ferrarii*) до золотых и серебряных дел мастеров (CIL XII, 4456; CIL XIII, 2024, 5154), а также специалистов узкого профиля: шлемовщиков (*cassidarii*) (CIL VI, 01952 = AE 2001; ILTG 00355 = AE 1923, 00020), бронников (*loricarii*) (CIL XIII, 2828 = ILS 7047) и т. п., являлись более надёжным оптовым поставщиком вооружения в армию⁸². Их продукция распространялась оружейными торговцами, например, *gladiarii* (CIL VI, 1952, 9942; IX, 3962; X, 3986), или же снабженцами легионов — *seplarii* (CIL XIII, 6778)⁸³. О практике закупок снаря-

жения в той или иной мере отдалённых от военной базы центрах производства свидетельствуют некоторые сохранившиеся документы (Tab. Vindol. 185; Tab. Vindol. 255; Fink 1971: 63)⁸⁴. Данное сообщение подтверждает возможность самостоятельных закупок товаров той или иной воинской частью непосредственно у производителей, даже если они находились в весьма отдалённых провинциях.

Если соединить данные письменных источников с результатами археологических раскопок, можно выделить основные и самые крупные ареалы производства оружия. Учитывая расположение основных месторождений металлов, дислокацию войск и данные *Notitia Dignitatum* (отражающие более поздние реалии, но показывающие некую преемственность территориального расположения позднеримских оружейных производств), можно с уверенностью говорить о трёх основных производственных ареалах — в Галлии, Подунавье и в крупных метрополиях азиатских провинций. Не подлежит сомнению концентрация этих производств в наиболее проблемных стратегических направлениях, там, где римские границы подвергались наибольшей опасности и считались потенциально уязвимыми⁸⁵. Наибольшая концентрация оружей-

⁸¹ Эта аргументация основана на надписи CIL XIII, 6763 (см.: Garnsey 1976: 13—27).

⁸² В ходе реорганизации системы оружейного производства, проведённой Диоклетианом, на месте большинства оружейных производств в муниципиях были основаны новые крупные государственные оружейные фабрики (ND. Or. XI, 16—36; Occ. IX, 14—37).

⁸³ О деятельности таких снабженцев армии свидетельствует большое количество надписей. См., например: CIL XIII, 8513 (на надгробии изображен человек в плаще, шлеме, при мече и с копьем). Е. Зандер считает, что этот торговец оружием (*negotiator*) состоял на военной службе. См.: Sander 1962: 155). Главный торговый агент I Вспомогательного (Adiutrix) легиона в Майнце упомянут в надписи CIL XIII, 6778: *Voto suscepto L. Vireius Dexter seplasiarius in leg. I Adiutrix v.s.l.l.m.* Различная специализация этих снабженцев, поставлявших отдельные виды оружия, прослеживается в ряде надписей. Например: *gladiarii* (CIL VI, 1952; 9942; CIL IX, 3962=ILS 7640; CIL X, 3986); *scutarius* (CIL X, 3971=ILS 7641); *parmularius* (*parmularius*) (CIL VI, 2 196=ILS 4969); *spat(h)arii* (CIL VI, 9043; 9898). Торговцы мечами (*negotiator gladiarius*), поставлявшие мечи в легионы: C. Gentilius Victor vet. leg. XXII Pr.p. f., m.h.m. (CIL XIII, 6677=ILS 2472) и Юлий Агил (CIL XIII, 11504).

⁸⁴ Следы металлургии — рудники, печи, шлаки, изделия, мастерские с наборами соответствующих орудий труда и приспособлений — обнаруживаются почти в каждой общине Галлии. Оружие местного производства снабжались не только нижнегерманские легионы (Tac. Hist. I, 64), но, по-видимому, и вся рейнская группировка войск (о развитии металлургии в Галлии см.: Lantier 1950: 228; Белова 1972: 56—72). О большой популярности продукции галльских оружейников среди римских военнослужащих эпохи принципата может свидетельствовать тот факт, что именно отсюда распространилась мода на шлемы типа Вайзенау, привнесённые в римскую армию воинами кельтских вспомогательных подразделений и быстро заслужившие признание легионеров, высоко ценивших удобство и превосходные защитные качества галльских шлемов. Развитию галльских оружейных производств также способствовало территориальное расположение Галлии, благодаря которому она была лучше других провинций защищена от неприятельских нападений. По территории Галлии проходила большая имперская дорога (от Рима к устью Бетиса), являвшаяся главной сухопутной артерией торговли провинции. Другие римские дороги вели к галльской столице, а также к большим военным лагерям на Рейне и в направлении Британии. Кроме того, на месте старых галльских оружейных производств во время правления Диоклетиана были основаны новые государственные оружейные фабрики в городах Аргентомаг, Матиско, Августодун, Свессон, Реймс, Амьен, Треверы (ND. Occ. IX, 29—37).

⁸⁵ В то же время, по соображениям безопасности, эти крупные оружейные производства были отодвинуты на некоторое расстояние от лимеса. Исключение составляли мастерские в Рациарии, Аквинке, Карнунте и Лавриаке.

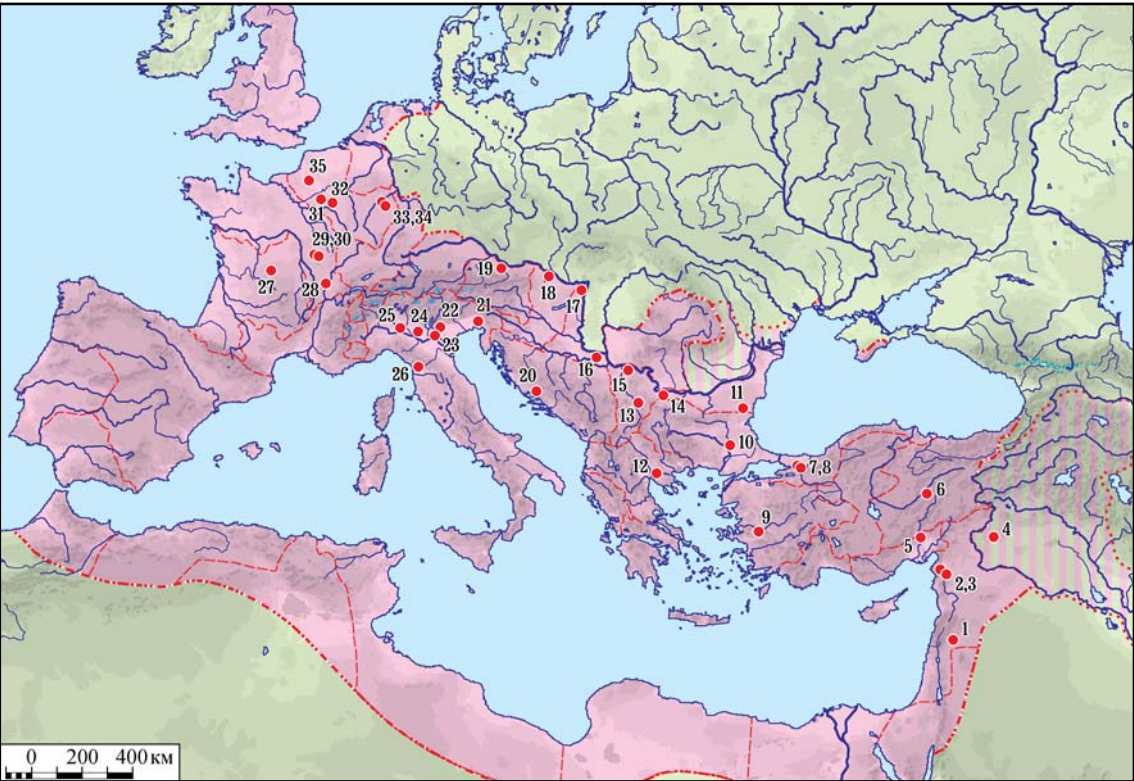

Рис. 15. Позднеримские оружейные мастерские согласно Notitia Dignitatum.

Fig. 15. Late Roman military *fabricae* according to Notitia Dignitatum.

Восточная Римская империя			Западная Римская империя		
1	Дамаск	scutaria et armorum	16	Сирмий	scutorum, scordiscorum et armorum
2	Антиохия	scutaria et armorum	17	Аквинк	scutaria
3	Антиохия	clibanaria	18	Карнунт	scutaria
4	Эдесса	scutaria et armorum	19	Лавриак	scutaria
5	Иренополь	hastaria	20	Салона	armorum
6	Цезаря	clibanaria	21	Конкордия	sagittaria
7	Никомедия	scutaria et armorum	22	Верона	scutaria et armorum
8	Никомедия	clibanaria	23	Мантуя	loricaria
9	Сарды	scutaria et armorum	24	Кремона	scutaria
10	Адрианополь	scutaria et armorum	25	Тицинум	arcuaria
11	Марцианополь	scutaria et armorum	26	Лука	spatharia
12	Фессалоника	?	27	Аргентомаг	armorum omnium
13	Ниш (Наисс)	?	28	Матиско	sagittaria
14	Рациария	?	29	Августодун	loricaria, ballistaria et clibanaria
15	Марг	scutaria	30	Августодун	scutaria
			31	Свессиион	?
			32	Реми	spatharia
			33	Треверы	scutaria
			34	Треверы	ballistaria
			35	Амбиан	spatharia

ного производства отмечается на территории Галлии. Это подтверждается не только вышеуказанными данными о поездках туда специально откомандированных военнослужащих чуть ли ни со всех концов Империи с целью закупок снаряжения и значительного развития на этой территории металлургии, но и расположением там 9 из 35 оружейных фабрик, упо-

мянутых в *Notitia Dignitatum* (рис. 15). По мнению О. Зеека, у широкого развития оружейного производства на территории Галлии в эпоху принципата была не только экономическая подоплека, обусловленная наличием на этой территории великолепной оружейной традиции, но и имелась необходимость снабжать оружием Британию, в которой отсутство-

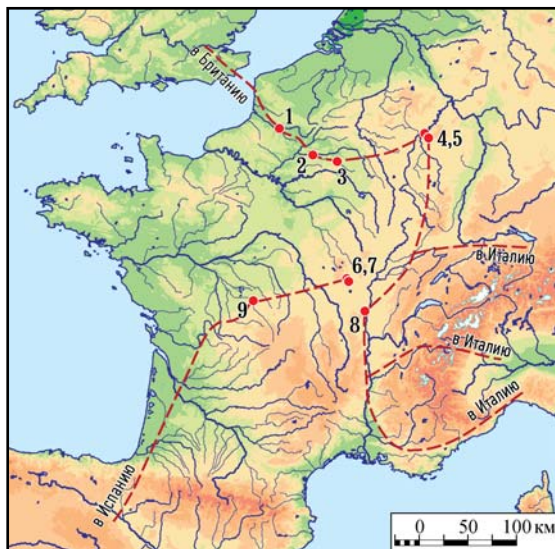

Рис. 16. Расположение оружейных мастерских в Галлии на главных римских дорогах: 1 — Амбиан; 2 — Свессиион; 3 — Реми; 4, 5 — Треверы; 6, 7 — Августодун; 8 — Матиско; 9 — Аргентомаг.

Fig. 16. Location of *fabricae* in Gaul on the main Roman roads: 1 — Ambianum; 2 — Suessiones; 3 — Remi; 4, 5 — Treberi; 6, 7 — Augustodunum; 8 — Matisco; 9 — Argentomagus.

вали сколько-либо значительные оружейные производства, так что оружие приходилось доставлять из соседней Галлии (Seesk 1909: 1925). Несмотря на следы производства оружия на территориях военных лагерей в Британии, найденные в ходе археологических раскопок, всё же пока нет оснований говорить о присутствии в этой провинции крупных производств. Если обратить внимание на расположение позднеримских *fabricae* согласно *Notitia Dignitatum*, то можно отметить что в большинстве случаев они были дислоцированы вдоль главных региональных стратегических дорог. Это особенно явно демонстрируют оружейные производства в Северной Италии, где все, кроме одной, *fabricae* находились на основной дороге из Аквилеи и дунайских провинций на восток, в Милан и к альпийским перевалам на западе. Также и все крупные оружейные производства Северной Галлии находились вдоль дороги, которая заворачивала на запад, а затем к северу от Трира в Булонь, а в конечном итоге связывала римские гарнизоны в Британии с их поставщиками оружия из Галлии (рис. 16).

Остальные 10 оружейных мастерских, отмеченных в *Notitia Dignitatum* для западных провинций, обеспечивали вооружением войска, размещенные в Подунавье. Несмотря на то, что эти данные относятся к более позднему времени, не возникает сомнений в пре-

емственности концентрации производства ещё со времени принципата. В азиатских провинциях, согласно *Notitia Dignitatum*, имелось 15 оружейных фабрик. Это показывает, что, несмотря на угрозу с Востока, где активизировалась Сасанидская Персия, более проблемными оставались западные границы. С другой стороны, большое количество оружейных фабрик в Галлии, Северной Италии и Подунавье являются преемницами оружейных производств эпохи принципата, когда их наибольшая концентрация должна была быть именно на западе, а не на востоке Империи.

Структура управления вышеописанными крупными оружейными производствами, в отличие от неплохо изученного контроля со стороны государства над добычей железных руд и выплавкой металла, остается малопонятной из-за отсутствия достаточного количества письменных источников. Как же обстояло дело с подобным контролем над работой производителей вооружения? К сожалению, о нем можно судить лишь по крайне скудным свидетельствам и с достаточной долей гипотетичности.

Из сообщений Тацита и Диона Кассия об изготовлении оружия для римской армии в городских центрах восточных провинций можно заключить, что речь идет о специально организованных производствах, находившихся под непосредственным контролем со стороны римской администрации (Tac. Hist. II, 82; Dio Cass. LXIX, 12, 2). Однако в чём выражался такой контроль, сказать сложно. Сохранились лишь две надписи, представляющие исключительный интерес, поскольку они дают некоторую информацию о контроле за работой оружейных мастерских. Первая надпись (CIL XIII, 2828 = ILS 7047)⁸⁶ сообщает о переводе центуриона М. Ульпия Авита из III Августова в III Флавиев легион и его назначении ответственным за контроль над работой изготовителей панцирей в область эдучев. Вторая надпись (CIL XIII, 6763 = AE 1888, 80 = AE 1893, 73 = ILS 1188)⁸⁷ упоминает

⁸⁶ M(arco) Ulpio Avito | (centurioni)/leg(ionis) III Aug(ustae) IIII Fl(aviae)/opifices lori/cari(i) qui in Aeduis consist(entes)/et vico Brivae/Sugnutiae res/pondent quiq(u)/sub cura eius fu(erunt) erga ibs(os)/[b(ene)m] er(ito) po[suer](unt)].

⁸⁷ I(ovi) O(ptimo) M(aximo) ceterisque dis de[ab]u[sque] omnibus/[pro] salute a [tque]/[incolumitat]e et victo[ria]/[d(omini) n(ostri) Imp(eratoris) G]ordiani Pii [Fel(icis) Aug(usti)]/[atque] S[abiniae] Tranqu[illinae]/[totiusque] d(omus) d(ivinae) eorum/[Ius L(uci) f(ilius) Fab(ia) Annian[us]/[Xvir st]itibus iudicandi[s] trib(unus) mil(itum)]/[leg(ionum) XXX Ulpiae] V(ictoris) et I Min(erviae) Gordianarum in [quo ho]/[nore vi]c(es)

Анниана, трибуна XXX легиона, назначенного в 242 г. контролировать набор рекрутов и производство оружия в Медиолане. По мнению Р. МакМаллена, в этом случае речь идет лишь о чрезвычайной ситуации, когда в кратчайшие сроки требовалось произвести набор новобранцев и обеспечить их необходимым вооружением (MacMullen 1960: 26). Подобный случай внешнего управления работой оружейных мастерских в военных условиях отмечен Тацитом (Hist. II, 82), но и в мирное время, как свидетельствует назначение М. Ульпия Авита, контроль продолжал осуществляться, хотя задачи его были несколько другими. По сути, контролировалась не сама работа, а, вероятно, лишь соблюдение условий контракта поставки продукции.

Кроме того, логично предполагать стремление отслеживать количество изготовленного оружия, поскольку оно могло быть продано врагам и направлено против римских воинов. Например, Тацит, повествуя о восстании Сакровира, специально упоминает о тайно изготовленном в Галлии оружии (Ann. III, 43)⁸⁸. Тем более в данном контексте интересен вопрос о находках римского военного снаряжения за пределами границ Римской империи, являющийся одним из самых дискутируемых среди оружейников, занимающихся изучением римских военных древностей (Biborski 1993: 91—130; 1994: 169—197). Попытки ответить на вопрос о том, каким путем попадали в Барбарикум обнаруженные археологами предметы, привели к более пристальному анализу римского законодательства и права. В результате исследования комментария римского юриста конца II — начала III вв. Квинта Цервудия Сцевола к закону *Lex Iulia maiestatis* (введен Юлием Цезарем в 46 г. до н.э. и ещё

раз Августом в 8 г. до н.э.) (D. XLVIII, 4, 4)⁸⁹ Б. Ранков делает заключение, что никакого конкретного запрещения на экспорт оружия за пределы Империи в эпоху принципата не существовало (Rankov 1999: 115—120). Однако исследователь, ссылаясь на отсутствие в тексте прямого указания, не учёл такого важного момента, как элементарная невозможность отследить продажу оружия мелкими производителями, в отношении которых подобное запрещение также невозможно было применить. Даже если на оружии римского образца, захваченном у противника, и обнаруживались единичные клейма частных оружейников, доказать торговлю с врагами государства было практически невозможно. Появление единичных предметов в руках варварских воинов всегда можно было списать на захваченные у римлян трофеи. Но при наличии целой партии оружия с одинаковыми клеймами доказать факт сделки было гораздо проще, так же как и проследить всю цепочку поставки (если между производителем и покупателем имелись посредники). В этом случае комментарий Сцевола уже не кажется таким «неопределённым», и упомянутые поставки оружия врагам в этом свете начинают рассматриваться как измена, вполне вписываясь в непосредственный смысл закона.

Дион Хрисостом рассуждает о неправомерных завышениях цен на продукцию оружейников, ссылаясь на то, что только они могут быть себе судьями, если попадут в плен, не снабдив воинов оружием из-за своей жадности (Dio. Chrys. Or. 77/78, 12). Эти слова могут свидетельствовать о свободных ценах на оружие и фактическом отсутствии государственного контроля в этой области.

leg(ati) sustinuit q(uaestor) pr(o) [pr(aetore)]/[e]tiam c(urator?) c(ensibus?) civit(atium) adm(inistrandis) li[mitis] (?)/[Germ]an(iae) Haliq(uensium?) et Chalitano[rum?]/[s]evir turm(ae) I eq(uitum) [Rom(anorum)] ad [I]/[nt] [] praef(ectus) fr(umentis) dan[d(i) pl]eb(i) Ro[m(anae)] cur(ator)/[]nt(ium) et missus adv(ersus) h(ostes) p(ublicos) in reg(ionem) Tral/[nsp]lad(anam) tir(onibus) legend(is) et arm(is) fabr(icandis) in [ur(be)]/[Me]diol(anio) iurid(icus) per Calabriam/[Luc]an(iam) et Bruttios leg(atus) leg(ionis) XXI [I]/[Pri](migeniae) P(iae) F(idelis) Gordianae vo[tum] solvit Kal(endis) Iul(iis)/[Att]ico et Praetextato co(n)s(ulibus).

⁸⁸ Это было оружие римского образца, и этот факт свидетельствует о том, что уже в начале I в. н.э. в Галлии находились оружейные мастерские, ориентированные на производство оружия по римскому образцу и поставлявшие его в римскую армию, видимо, по заказу; отсюда и тайно изготовленное помимо военного заказа вооружение.

⁸⁹ «Сцевола в 4-й книге “Правил”, или вследствие злого умысла которого кто-нибудь приведен к присяге, чтобы действовать против государства; или вследствие злого умысла которого войско римского народа будет приведено в засаду или предано неприятелю; или о ком утверждается, что вследствие его злого умысла сделано так, чтобы враги не попали под власть римского народа; или усилиями и по злему умыслу которого врагам римского народа будет оказана помощь провиантом, военным снаряжением, оружием, лошадьми, деньгами или чем-нибудь другим или (будет сделано так), чтобы друзья римского народа стали врагами; или вследствие злого умысла которого будет сделано так, чтобы царь чужеземного народа не повиновался римскому народу; или усилиями и по злему умыслу которого будет сделано так, чтобы врагам римского народа были даны заложники, деньги, выючный скот против государства. Равным образом и тот, кто освободит (преступника), признанного в суде виновным и вследствие этого заключенного в оковы. §1. От этого обвинения сенат освободил того, кто расплавил не одобренные статуи императора» (пер. А.В. Щеголева).

Несомненно, что желание поставить под контроль частного производителя у государственных структур имелось, но осуществить это удалось волевым решением только во время правления императора Диоклетиана⁹⁰.

Специализация позднеримских оружейных производств в постдиоклетиановское время демонстрирует как раз такое стремление со стороны государства контролировать выпускаемую продукцию⁹¹. Укрупнение и специализация оружейных цехов приносили государству некоторую экономию, ведь теперь сырьевые поставки производились согласно специфике производства, а кроме того, узкая специализация персонала позволяла добиться большей производительности по сравнению с той, которая была на смешанных производствах, где сравнительно небольшие коллективы изготавливали самые различные виды вооружений.

3.2. Частные локальные оружейные мастерские и продукция «бродячих» оружейников

По сравнению с рассмотренными в предыдущем параграфе крупными оружейными производствами в городах мелкие оружей-

ные мастерские были более многочисленны и охватывали своей продукцией гораздо большие территории: ведь они работали с непосредственным заказчиком и не занимались крупными поставками своих изделий. Соответственно, этим многочисленным оружейникам приходилось искать рынки сбыта самостоятельно⁹².

В ряде исследований мелкие оружейные мастерские и частные оружейники даже рассматривались как основные поставщики вооружения в римскую армию эпохи принципата (Wierschowski 1984: 173—196; Kissel 1995: 177)⁹³. В подтверждение данной гипотезы приводится тезис о невозможности производства большого количества продукции только лишь силами военных специалистов и солдат-иммунов под их руководством (Onken 2003: 152).

Археологические раскопки предоставили в распоряжение историков многочисленные свидетельства существования мелких производственных центров на территориях военных лагерей и в сопутствующих им гражданских поселениях (Petrikovits 1975: 88—97; 1976: 611—619; Johnson 1983: 183—188; Van Daele 1999: 129—130), что говорит в пользу наличия целой сети небольших частных оружейных мастерских, раскинувшихся по всей территории Римского государства. Этот факт послужил формированию двух противоположных точек зрения на организацию оружейного производства. Одни отстаивают приоритет крупных оружейных производств (Cagnat 1913: 336—337; Toynbee, Clarke 1948: 20—27; Bishop, Coulston 2006: 233), в то время как другие считают немаловажной деятельность частных оружейников в процессе производства и снабжения армии вооружением (Parker 1928: 218; MacMullen 1960: 26, Note 33; Robinson 1975: 8). Если второй подход правомерен, то наиболее весомым доказательством здесь может служить выделение региональных особенностей продукции оружейников, действовавших в отдаленных друг от друга уголках огромной империи. В этом случае ре-

⁹⁰ «Эдикт Диоклетиана о максимуме цен» (*Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium*) в параграфе о заработной плате металлостроителей (*De aeramento*) регламентировал расценки труда оружейников. Интересно, что и здесь установлен максимум заработной платы, но не фиксировались цены на самые востребованные предметы вооружения. Специально оговорена лишь стоимость ножен меча-спаты и топора. В остальных случаях указываются расценки на починку старого вооружения. В сравнении с расценками труда людей других специальностей, тарифы на услуги оружейников всё же продолжают оставаться довольно высокими и показывают, что продуктивно работающий высококвалифицированный мастер своего дела мог ежедневно заработать больше обычного кузнеца или медника, работающего с аурихалком или красной медью. Если заработная плата кузнеца составляла 50 денариев (цены указаны в разменном денарии, который равнялся 1/50 000 фунта золота), а медника от 6 до 8, то за починку и полировку старого шлема (*in casside ex usu*) и старого меча (*in spatha ex usu*) требовалось заплатить по 25 денариев, стоимость же ножен меча была установлена в 100 денариев.

⁹¹ Не существует никаких прямых доказательств даты создания большинства позднеримских *fabricae*. По сообщению Иоанна Малалы, Диоклетиан построил по одной *fabricae* в Эдессе, Дамаске и три в Антиохии (Ioh. Mal. Chron. XII, 308), а Лактанций повествует об основании оружейного производства в Никомедии (Lact. De mort. pers. VII, 2). Главным образом на основе этих сведений широко распространилось мнение о том, что возникновение новой системы производства вооружения тесно связано с эпохой тетрархии (см.: MacMullen 1976: 156—157; Letki 2009: 55).

⁹² О поисках рынка сбыта и частных сделках повествуют некоторые эпиграфические источники. Надпись конца II в. н. э. сообщает о переговорах ветерана Гентилия Виктора, ставшего гладиатором (*gladiatorius*), со своими бывшими сослуживцами (CIL XIII, 6677). Клавдий Теренциан просит своего отца найти и приобрести в частном порядке меч и копье (P. Mich. VIII, 467) (ср.: Coulston 1998: 170).

⁹³ Ср. мнение Й. Скотта, который на основании изучения римских кинжалов считает, что они изготовлены в частных оружейных мастерских (Scott 1985: 175).

гиональные особенности должны были иметь место в связи с разными оружейными традициями народов, населявших Римскую империю. Декор оружия должен был отражать не только различные национальные и личные вкусы владельцев оружия, но и — в случае с портретно реалистичными масками на парадных шлемах — в ряде случаев даже характерные антропологические черты лиц разных этносов. В таком случае, каким же образом объяснить наличие находок в различных провинциях Империи ряда совершенно аналогичных предметов вооружения, причем не относящихся к числу массовой продукции, изготовленных на совершенно профессиональном уровне и дорогостоящих? Порой эти вещи столь стилистически близки друг к другу, что создается впечатление того, что созданы они одной и той же рукой.

В числе прочих версий, связанных с особенностями распределения и эксплуатации оружия и предметов воинского снаряжения в римской армии эпохи принципата, выделяется высказанная ещё более тридцати лет назад гипотеза, по каким-то причинам до сих пор не подвергнутая обстоятельному критическому анализу и, вследствие этого, воспроизводимая в более новых исследованиях, хотя её положения требуют более внимательного рассмотрения. Данная теория была высказана Г. Клумбахом (Klumbach 1977: 199—206) на основе предположения о происхождении совершенно аналогичных треугольных votivных блях, которые использовались в процессиях культа Юпитера Долихена и часто встречаются на дунайском лимесе (например, в Трайсмауере и Бригедоне). Поскольку имеет место довольно тесное стилистическое сходство изображений на этих предметах, исследователем был сделан вывод о том, что все эти votивные пластины могли быть изготовлены одними и теми же мастерами. Г. Клумбах сравнил стиль этих находок с сохранившимися предметами парадного воинского снаряжения и приписал находки обоих видов к произведениям кузнецов, которые снабжали, по меньшей мере, контингенты крепостей Дунайского лимеса от Реции до Мёзии. Й. Гарбш предположил, что бродячие группы ремесленников (*wandernde Handwerkergruppen*) перемещались из гарнизона в гарнизон, пополняя там арсеналы, и по мере насыщения местного рынка отправлялись на следующую военную базу, унося с собой образцы отдельных элементов декора, чтобы на местах компоновать их согласно пожеланиям заказчика (Garbsch 1978: 17—18).

Насколько же обоснованы эти выводы в отношении географического распространения стилистически аналогичных предметов в разных провинциях Римской империи? Например, находки совершенно аналогичных масок от парадно-турнирных шлемов типа Силиста (по классификации М. Юнкельманна) и смешанных типов с элементами декора других типов масок (Born, Junkelmann 1997: 32—41; Негин 2010b: 112—118) распространены практически по всей протяженности римского пограничья, хотя наибольшая их концентрация отмечена в провинции Нижняя Мёзия⁹⁴ (рис. 17). Могли ли вообще функционировать подобные артели, перемещаясь на такие большие расстояния?

С одной стороны, имеются надписи, упоминающие оружейников, работающих по найму под присмотром офицеров (CIL XIII, 2828 = ILS 7047). Причем в некоторых надписях, упоминающих кузнецов и оружейников, присутствуют следующие выражения: *«pago... consistentes»* или же *«in aeduis consistunt et vico respondent»*, которые свидетельствуют о том, что упомянутые кузнецы и изготовители доспехов не являлись местными уроженцами, а лишь проживали в данной местности и работали в местных оружейных мастерских (CIL XIII, 2828 = ILS 7047; CIL XIII, 5475). Это может свидетельствовать как о том, что в источниках упоминаются именно странствующие оружейники, так и о том, что пришедшие мастерские могли переселиться сюда из других мест в зависимости от каких-то личных обстоятельств (такая же практика наблюдалась и среди свободных гончаров).

При этом очень сомнительно, чтобы одни и те же оружейники вели кочевой образ жизни, успев поработать буквально в каждой западной провинции Римской империи. Перемещения такой производственной группы сопровождалась рядом трудностей, ведь прийти такой кузнец-оружейник со своими помощниками должен был не на пустое место.

⁹⁴ Географическое распространение 19 известных находок следующее: пять экземпляров найдены на территории римской провинции Нижняя Мёзия, три обнаружены непосредственно в Италии, по два экземпляра происходят из Британии, Реции и Верхней Паннонии, по одной находке сделано в Верхней и Нижней Германии, Верхней Мёзии, Нижней Дакии и во Фракии. Кроме того, в частных коллекциях имеются экземпляры, точное место находки которых не установлено. Маска, якобы найденная в Сирии, находится в коллекции П. Гетти. Две маски, по некоторым сведениям происходящие с территории Болгарии, были приобретены А. Гуттманом (AG 450 и 813) (Junkelmann 1999: 81—85).

Рис. 17. Карта территориального распространения масок парадно-турнирных шлемов типа Силистра.

Fig. 17. Territorial distribution of face-masks of Silistra type helmets for parades and tournaments.

К его услугам должна была быть предоставлена передельная кузница с кузнечным горном и оборудованием. Кроме того, пришлые мастера нарушали местные устои и не могли не испытывать давление со стороны проживавших там ремесленников, которым составляли конкуренцию. Не было особой нужды принимать пришельцев и у воинского начальства того или иного легионного лагеря, разве что с целью обучения премудростям профессии военнослужащих. Известно, что функционировали легионные оружейные мастерские, обслуживаемые персоналом из числа так называемых иммунов. Это были военнослужащие, которых трудно назвать профессионалами, но они получали важную привилегию — иммунитет от тяжелой хозяйственной работы, выполняемой легионерами. Естественно, при таком положении дел среди них трудно было найти специалиста, мастеру по работе с бронзой (*aerarius*) или серебром и с золотом (*barbaricarius*). Самое интересное, что косвенное подтверждение этому мы находим на табличках из Виндоланды (T. Vind. 160) и папирусах (P. Berlin. 6765). Среди перечисленного там вооружения нет упоминания о доспехах (за исключением

изготовления их деталей в виде пластин) и шлемах. Производство этих вещей требовало большого умения, а их парадные образцы предполагали не просто знание дела, но и высокохудожественный вкус при навыках художника и скульптора⁹⁵.

Есть масса свидетельств, отразивших деятельность частных мастерских и независимых мастеров. Имена таких гражданских оружейников запечатлены на ножнах мечей из Виндониссы (Ettlenger, Hartmann 1984: 7, 8) и Страсбурга (Ettlenger, Hartmann 1984: 38), а также на ножнах кинжала из Обермергау (Ulbert 1971: 44—49). Кроме того, имя руководителя одной из частных оружейных мастерских известно из надписей на конском налобнике из Штраубинга: PROCLI M(atemi) O(f)F(i)C(ina), т. е. мастерская Прокла Матерна (Garbsch 1978: 18). Порой деятельность частных оружейных мастерских недооценивается, и их пытаются рассматривать вне рамок римского «военно-производственного комплек-

⁹⁵ Единственным подтверждением изготовления парадного вооружения в пределах военного лагеря служит найденная при раскопках в Хальтерне заготовка маски для шлема, прикипевшая к наковальне (Kropatscheck 1909: 351, №12, Taf. 39: 2).

са»⁹⁶. На самом деле доля продукции этих предприятий в общей массе римского оружия, по-видимому, была довольно велика. Об этом свидетельствует широкий спектр оружия, выпускаемого ими, поскольку известно, что они снабжали своей продукцией не только армию, но и гладиаторские школы, причем качество их изделий было чрезвычайно высоким⁹⁷. Их роскошные изделия пользовались спросом, в первую очередь, среди командного состава, способного выложить немалые деньги на свою экипировку. Такие специалисты своего дела могли выполнять подряды для армии и обучать азам оружейного ремесла рабочих легионных мастерских, однако трудно представить себе оружейника и его производственную группу, состоящую, по крайней мере, из трёх-четырёх человек, исколесивших всё пограничье⁹⁸. Мобильность подобных групп была крайне ограниченной и зона деятельности такой ремесленной группы вряд ли могла выйти за территориальные рамки одной провинции. Согласно версии Г. Клумбаха и Й. Гарбша, ареал распространения стилистически сходных изделий кузнецов, снабжавших контингенты крепостей дунайского лимеса,

простирался от Реции до Мёзии. На этом участке лимеса находилось восемь легионных лагерей, в которых должны были размещаться собственные оружейные производства⁹⁹. Кроме того, на этой же территории располагалось 46 военных лагерей и крепостей вспомогательных войск. Чтобы обеспечить нужды всех этих подразделений силами одного или двух странствующих оружейников, требовалось довольно много времени и усилий. Судя по данным источников, специалист-оружейник высокой квалификации стремился не к количеству изготавливаемой продукции, а к её качеству, что отмечено даже для оружейников эпохи постдиоклетиановских государственных оружейных фабрик, в которых приоритетным было изготовление большого количества вооружения для увеличивающихся в количестве позднеимперских армий. Так, *barbaricarii* должны были изготавливать по шесть и украшать декором по восемь шлемов в месяц (СTh. 10, 22, 1)¹⁰⁰. Вследствие вышеуказанных причин мастерам оружейникам высокой квалификации совсем не обязательно было мигрировать, стараясь охватить своим присутствием как можно большие территории соседних провинций, а было достаточно через определенный промежуток времени возвращаться в некогда посещенные крепости, где за это время уже сменился контингент. Таким образом, мы считаем, что вклад наемных оружейников (входивших в состав какой-либо путешествующей ремесленной группы) в широкое распространение по территории Римской империи унифицированных предметов вооружения, таких, как украшенные декором шлемы и маски, был невелик. Несомненно, более простые и незамысловатые предметы могли изготавливать менее искусные в оружейном ремесле армейские оружейники в легионных мастерских, но широкое распространение совершенно схожих и виртуозно сработанных образцов вооружения вдоль границ римского государства является заслугой торговцев оружием, вывозивших их из городских оружей-

⁹⁶ М. Бишоп считает, что качество и количество вооружения, производимого частными оружейниками, оставляло желать лучшего, поскольку производительность человека, который работал в одиночку, была мала (Bishop 1985: 13). Однако это утверждение верно лишь отчасти. Обычно оружейники содержали частные мастерские с целым штатом помощников. В этом случае можно говорить о большей производительности. Относительно качества выпускаемой продукции можно предположить, что частные оружейники компенсировали малое количество изделий их качеством, подписывая их своим именем, чтобы «держать марку».

⁹⁷ На гладиаторских шлемах и других предметах защитного вооружения из Помпей сохранилось несколько надписей «MCP», а также «ONIA», «P. CAR» и «EX OF» (=EX OFFICINA). Это могут быть имена конкретных изготовителей шлемов, либо их владельца. При этом в одном случае есть указание на производство шлема в специализированной оружейной мастерской.

⁹⁸ Известно, что кузнецы работали, по меньшей мере, с одним помощником или молотобойцем. Помощник-молотобоец работал массивным молотом с длинным молотовищем, дающим возможность вести работу обеими руками и тем самым увеличить силу удара. Именно его усилия обеспечивали необходимую мощь ударов, приводящих железо к требуемой форме. Сам же кузнец держал заготовку и ударами своего молотка указывал направление удара молотобойцу. При обычном режиме работы максимальное количество молотобойцев — три человека, так как разместить вокруг одной наковальни более четырёх активно работающих человек достаточно проблематично. Ещё один подмастерье присматривал за функционированием кузнечно-го горна.

⁹⁹ Лавриак, Альбинг, Виндобона, Карнунт, Бригцион, Аквинк, Сингидун, Виминаций. Судя по данным *Notitia Dignitatum* (ND. Occ. IX, 17—19), в эпоху домината продолжали функционировать крупные оружейные производства, возникшие на месте легионных оружейных мастерских в Аквинке, Карнунте и Лавриаке.

¹⁰⁰ «Так как в Антиохии и Константинополе шесть шлемов за период 30-ти дней покрываются бронзой, а нащёчники к ним в Антиохии покрываются серебром или позолотой за тот же период времени, то мы постановляем, чтобы и в Константинополе подобным способом украшались за 30 дней не три пары нащёчников, а шесть».

ных мастерских. Кроме того, в индивидуальном порядке солдаты могли покупать предметы своей экипировки у частных торговцев, подрядчиков и снабженцев армии, о деятельности которых свидетельствуют эпиграфические надписи, появившиеся в эпоху ранней Империи¹⁰¹.

Однако был и иной немаловажный фактор, способствовавший распространению продукции одной и той же оружейной мастерской или даже конкретного мастера-оружейника по просторам Империи. Скрупулезный анализ таких предметов вооружения, как парадные шлемы с масками, показывает, что, даже будучи типологически схожими, некоторые образцы всё же несут на себе отпечаток индивидуальных пожеланий заказчика¹⁰². Таким образом, различные предметы римского военного снаряжения были подвержены определенному влиянию моды и вкусов в пределах отдельной провинциальной армейской группы, воинской части или даже подразделения. Следовательно, движение армий или переброска в экстренных случаях целых формирований приводила к взаимному обмену идеями и вкусами. Такая гипотеза объясняет, почему круг тем и сюжетов, изображаемых на оружии, был довольно широк, почему в сами модификации вносились различные усовершенствования, более свойственные свободной имитации, чем строгому копированию учрежденного образца. Но в результате таких перемещений подразделений военнослужащие увозили принадлежащие им предметы вооружения на отдаленные от места их изготовления территории, расширяя тем самым ареал распространения тех или иных типов воору-

жения, которые уже только номинально могли считаться унифицированными, так как границы типов стирались и появлялись некие переходные вариации. Благодаря такой форме распространения первоначально унифицированной продукции, сопровождающейся её постепенным видоизменением, становится очевидной деятельность локальных легионных оружейных цехов и частных мастерских, которые ориентировались в своей деятельности только на военную моду и вкусы заказчика. Этим оружейные цеха и мастерские эпохи принципата выгодно отличались от более поздних государственных оружейных фабрик, выполнявших стандартизированные заказы большого объема для удовлетворения всё возрастающих потребностей увеличивающейся в численности армии, когда красота и практичность защитного вооружения были отринуты в угоду простоте и массовости изготовления.

Либаний сообщает, что даже в конце IV в. оружейники-частники всё ещё составляли конкуренцию государственным оружейным производствам (Liban. Or. XLII, 21; 32; 34; 39). Но так как они потеряли самого важного клиента в лице армии, они уже не имели возможности расширить свои производства и совершать коммерческие сделки в тех объемах, которые имели место до организации государственных оружейных заводов.

3.3. Легионные оружейные мастерские: их эволюция и деятельность

В последнее время исследователи всё чаще рассуждают об огромных трудностях, связанных с доставкой вооружения в армию из каких-либо центров производства в эпоху раннего принципата. Небезосновательно говорится о неразвитости инфраструктуры Империи и опасности нападения на военные транспорты в приграничных районах на пути их следования в зону военных действий (Roth 1998: 292—293). Поэтому очевидно, что говорить лишь о снабжении армии вооружением из каких-либо центров по производству вооружения не всегда корректно.

По словам Вегеция, «кроме того, легион имеет ещё обслуживающий персонал: плотников, каменщиков, каретников, кузнецов, маляров и других ремесленников для постройки барачных на зимних квартирах; они изготавливают машины, деревянные башни и всё остальное, что необходимо для завоевания вражеских городов или для защиты своих; их держат для того, чтобы они или заново делали

¹⁰¹ См. подробнее на с. 30 (Verboven 2007: 299, 300).

¹⁰² Примером может служить шлем из Ксантен-Вардта, плакированный серебряным, а местами ещё и позолоченным листом толщиной 1 мм. Х. фон Приттвиц-унд-Гаффрон, который изучал этот шлем, отмечает, что лёгкий перекося осевой симметрии является результатом не случайной деформации, а асимметричного монтажа. Видимо, владелец, по заказу которого был изготовлен этот шлем, страдал от врожденного порока, мешающего ему носить экземпляр серийного производства (Prittwitz und Gaffron 1991: 225—241). Если это действительно так, то и декор шлема должен был быть выполнен с учетом пожеланий владельца. В этом случае оливковый венчик, опоясывающий тулью, а также налбонный медальон, изображающий, по-видимому, императора — Калигулу или Клавдия, как предполагает М. Фежер (Feugère 1994: 107) могут быть отражением статуса владельца для демонстрации в ходе армейских церемоний (*ovatio* или участие в триумфе). Несмотря на свой недуг, владелец данного экземпляра сделал неплохую воинскую карьеру и хвастался своими наградами, изобразив их на своем шлеме.

повозки и всякого рода метательные орудия, или поправляли разбитые. Имелись ещё мастерские для выделки щитов, панцирей, луков; в них изготовлялись стрелы, метательные дротики, шлемы и всякого рода другое оружие» (II. 11; пер. С. П. Кондратьева). Эти слова подтверждают хорошо осознанную римлянами необходимость создания собственной производственной базы экспедиционных сил, располагавшихся во вражеском окружении или на покоренных территориях. Любое утерянное или поврежденное оружие нужно было восстановить или заменить новым; тут-то и требовалось наличие собственной производственной базы, расположенной непосредственно в военном лагере под надежной защитой стен. С этой целью и были организованы в пределах каждого военного лагеря оружейные мастерские, следы которых прослеживаются археологами.

Данные археологии позволяют утверждать, что создание легионных фабрик тесным образом было связано с размещением легионов по римским границам и строительством постоянных лагерей в эпоху Юлиев-Клавдиев. Совершенно очевидно, что производство оружия не могло быть сколько-либо серьезным в палаточном лагере и развернулось лишь в связи со строительством деревянных, а затем и каменных крепостей (Thomas 2004: 156; ср.: Scott 1985: 178—179).

Оружейные мастерские создавались на пустом месте там, где не было готовой инфраструктуры, на северной границе, в то время как на восточных рубежах империи продолжала существовать хорошо отлаженная система снабжения войск оружием из производственных центров в городах. На западе Империи такая система была организована в провинции Галлия. Однако мощностей только лишь галльских оружейных производств было недостаточно для полного оснащения рейнских и дунайских группировок войск, а также контингентов в Британии.

Вероятно, легионные оружейные мастерские находились на территории так называемых зимних лагерей (*castra hiberna*) (Bishop 1985: 11), а на территории летних лагерей, небольших крепостей и на месте дислокации подразделений вспомогательных войск могли находиться небольшие кузницы, где мог производиться ремонт вышедшего из строя снаряжения, как в мирное время, так и в ходе военных действий (Bishop 1985: 12).

Признаками присутствия на военных объектах оружейных мастерских являются остатки металлургической обработки в виде нахонок шлаков, сырья и фрагментов повреж-

денного снаряжения¹⁰³. В связи с лучшей археологической изученностью римских памятников на территории Англии и Германии, основные данные связаны именно с этими территориями. И наоборот, плохая изученность римских памятников в Африке не позволяет делать какие-либо выводы о системе оружейного производства в африканских провинциях Римской империи¹⁰⁴.

Эти обнаруженные на территории военных лагерей мастерские (*fabricae*) стали предметом довольно детальных изысканий в нескольких исследованиях (Petrikovits 1970; 1974a: 1—23; 1974b: 399—407; 1975; Johnson 1983; Bishop 1985: 1—42; Schönberger 1979: 135—141; Driel-Murray, Gechter 1983: 1—83; James 1988: 257—331; Van Daele 1999: 125—136). Были и попытки изучить персонал, который работал в этих цехах (Petrikovits 1970: 246—247), но чтобы понять его роль в производстве военного снаряжения, необходимо критически исследовать не только археологический, но и литературный материал, а также сохранившуюся отчетную документацию римской армии.

К сожалению, и письменные источники, и археологические данные, взятые по отдельности, не позволяют рассмотреть систему производства вооружения в пределах римских военных лагерей. Единственно верной здесь будет попытка соединения анализа текстов источников с результатами археологических исследований, которое, однако, также не может дать всеобъемлющего представления обо всех аспектах оружейного производства самими армейскими подразделениями, но способно пролить свет на многие немаловажные вопросы, позволяющие, в итоге, дать общую характеристику военных производственных комплексов.

Обращаясь к письменным источникам, заметим, что наиболее значимые для изучения рассматриваемого вопроса относятся либо

¹⁰³ М. Бишоп уверен, что металлолом использовался в качестве сырья для армейских оружейных мастерских. Им приводятся в пример залежи лома в Ньюстедде. С целью доказать важную роль металлолома в процессе изготовления вооружения, исследователь создает схему циклической рециркуляции сырья и лома, использовавшегося римскими оружейниками для производства нового воинского снаряжения (см. рис. 39). В любом форте или крепости всегда должен был быть запас лома на случай переработки в мастерской, однако, когда дело доходило до эвакуации из военного лагеря, увозить с собой этот лом было нецелесообразно, и его ликвидировали, зарывая в землю (см.: Bishop 1985: 13—14, fig. 3; 1986: 717).

¹⁰⁴ С относительной уверенностью можно говорить лишь о присутствии римской военной фабрики в Ламбезисе (Le Bohec 1989: 191; Taylor 1997: 267—271).

Рис. 18. Берлинский папирус №6765 с двухдневным расписанием работы легионного оружейного цеха (по Bishop, Coulston 2006: 42, fig. 17).

Fig. 18. Papyrus P. Berlin inv. 6765 detailing a two-day production in a legionary *fabrica* (after Bishop, Coulston 2006: 42, fig. 17).

к области юриспруденции, либо к области военной теории и, следовательно, дают лишь самую общую информацию о составе персонала, работавшего в мастерских военных подразделений. Свидетельства Таррунтена Паттерна из «Дигест Юстиниана» об оружейниках-«иммунах»¹⁰⁵ дополняют компиляции Вегеция, использовавшего в IV в. труды по мень-

¹⁰⁵ *Immunes* занимались не только изготовлением и починкой оружия и военного снаряжения. Сохранилось множество археологических свидетельств и надписей, которые говорят о довольно широком спектре работ, выполняемых иммунами. Так, например, в Ламбезисе мы видим присутствие инспектора (*ensor*), нивелировщика (*librator*), штукатур (*polio*) (CIL VIII, 2564), вместе со скотобойней (CIL VIII, 18.224). Солдаты I Минервина легиона принимали участие в строительстве около Гааги (Нидерланды) (CIL XIII, 8828), а около Страсбурга (Франция) подразделения VIII Августова легиона разрабатывали каменный карьер (CIL XIII, 5989).

шей мере четырёх contemporaneous авторов, начиная с республиканского периода (Parker 1932: 137—149; Sander 1929: 1230—1231; 1932: 369—375). Значительные дебаты развернулись вокруг вопроса об источниках Вегеция для его описания военных цехов¹⁰⁶. Именно компиляция источников республиканского и раннеимператорского периода стала причиной путаницы у Вегеция, который смешивает обязанности республиканского *praefectus fabrum* и более поздней должности *praefectus castrorum* (II, 10—11).

К этому надо добавить сведения из нескольких латинских папирусов и острака из Бу-Нджема (O. Bu Njem 1—62), которые сообщают об активности военных цехов по изготовлению различного воинского снаряжения и экипировки, а также боевых машин (артиллерийских и осадных) и гужевого транспорта.

Наиболее интересны для нас свидетельства из Виндоланды (T. Vind. 155) (Bowman 1983: No 1) со списком получивших наряд на работу в военном цехе, а также папирус с двухдневным расписанием одного из таких цехов (P. Berlin. Inv. 6765) (Bruckner, Marichal 1979: No 409). Табличка из Виндоланды говорит, что 25-го апреля в цехе работали 343 человека¹⁰⁷ (рис. 18).

Берлинский папирус (ChLA X, 409) подробно освещает двухдневную работу военного цеха, где 100 работников, включая легионеров (*immunis*), ауксилиариев (*cohortales*), гражданских специалистов, а также рабов солдат (*galliarii*), изготовляли мечи,

¹⁰⁶ Наиболее вероятно, что это были Таррунтен Паттерн, Юлий Фронтин и Корнелий Цельс (которые, как полагают, использовали труды Катона Цензора). Более того, эти источники в своей работе упоминает сам Вегеций (I, 8) (см.: Schenk 1930: 8—83; Sander 1932: 374).

¹⁰⁷ Это сообщение особенно интересно, поскольку известно, что в это время в Виндоланде была размещена первая когорта тунгров (*cohors I Tungrorum*), насчитывающая 265 человек, дислоцированных непосредственно в Виндоланде и пригодных к выполнению работ (см.: Tab. Vindol. 154). Свидетельство о том, что в цехе работали одновременно 343 человека, может говорить либо о том, что в Виндоланде было размещено ещё какое-то пока неизвестное подразделение, либо подтверждает предположение, что к работам в военном цехе могли привлекаться и гражданские специалисты (возможно, ветераны), жившие в окрестностях. Табличка ничего не говорит о том, кто были эти люди, называя только выполняемые ими обязанности (сапожники, строители и т.п.), поэтому последнее предположение не противоречит здравому смыслу. Эту табличку дополняют другие фрагментированные таблички из Виндоланды, которые указывают и специалистов-оружейников (*scutarii*, *gladiarii*) (Tab. Vindol. 160).

щиты, луки и запчасти для артиллерийских машин¹⁰⁸.

Данные вышеперечисленных источников дополняют многочисленные археологические находки, которые локализуют расположение легионных цехов в пределах военных лагерей и уточняют технический аспект производства (починки) вооружения, наглядно демонстрируя инструментарий, которым пользовались римские оружейники. Именно археологические находки являются тем подспорьем, которое позволяет изучить не столько производственный контингент, сколько вопросы, связанные с материальной составляющей всей системы; а именно — с наличием или отсутствием мастерских в тех или иных, различных по территории лагерях, их устройством и технологическими возможностями, инфраструктурой оружейного производства, которая выражается в выделении промышленных ареалов и их связей с областями разработки месторождений железных руд.

Результаты раскопок в легионных лагерях и местах дислокации подразделений вспомогательных войск показывают наличие в них различных по размеру производственных комплексов. Эти мастерские могли заниматься не только изготовлением оружия, но и всего необходимого для жизнедеятельности воинской части¹⁰⁹, поэтому, если на том или ином памятнике отсутствуют следы обработки железа, спецификацию такой мастерской определить крайне затруднительно.

Подтверждением изготовления оружия в легионных мастерских служат находки на их территории металлических слитков¹¹⁰, а иногда вместе с ними находят куски шлака и древесный уголь (Schnurbein 1971: 132). Редкой находкой, напрямую свидетельствующей

Рис. 19. Заготовка маски из легионного лагеря Хальтерн, прикипевшая к наковальне (по Kropatscheck 1909: Taf. XXXIX: 2).

Fig. 19. Unfinished face-mask corroded to the anvil, found in Haltern legion camp (after Kropatscheck 1909: Taf. XXXIX: 2).

о присутствии оружейника в римском военном лагере, является найденная в Хальтерне заготовка маски для турнирно-парадного шлема, прикипевшая непосредственно к наковальне (Kropatscheck 1909: 351, №12, Taf. 39: 2) (рис. 19). Менее явные свидетельства, опирающиеся в основном на находки следов металлургической обработки и помещений, идентифицируемых с мастерскими, имеются в целом ряде легионных лагерей. Индустриальный комплекс в Шипен возле Колчестера снабжал оружием легионную крепость (Niblett 1985: 112—116). В Эксетере, помимо помещения мастерской, найдены четыре казармы, предположительно отведенные для работавших в цехе иммунов, а также имеются следы металлургической деятельности (Wilson et al. 1974: 452). Помещения, интерпретированные как мастерские, а также находки предметов вооружения и прочих металлических изделий имеются также в Карлеоне (Petrikovits 1975: 91—92; Zienkiewicz 1993: 54—57), Акке (Brewer 2000: 14), Инклатиле (Pitts, St. Joseph 1985: 106; Shirley 1996: 113, 117, 119). В Бонне мастерские располагались не только на территории самого лагеря (где их выделяют пять) (Petrikovits 1976: 404), но и на прилегающей территории (наиболее изучена мастерская на Боннер Берг (Driel-Murray, Gechter 1983: 1—83) (рис. 20). Помещение военной мастерской и казармы их обслуживающего персонала обнаружены в Лорхе (Lauriacum)

¹⁰⁸ Все перечисленные категории солдат и гражданских, работая в легионном цехе (*operati sunt in fabricam legionis*), изготовили в первый день: 10 мечей, 6 ещё чего-то (неразборчиво в документе) и 125 ещё каких-то деталей (также неразборчиво). Кроме того, в списке значатся *lamnae levisatares* — легкие полосы (?) в количестве 10 шт., которые вполне могли быть составляющими пластинчатого доспеха, более известного под названием *lorica segmentata* (Bruckner, Marichal 1979: 6—7). Во второй день были изготовлены щиты двух видов: *planata* (плоские) и *talaria* (плетеные?), а также *lamnae levisatares*, несколько луков и *capitula ballistaria* (рама для баллисты).

¹⁰⁹ В мастерских трудились различные по рангу и специализации работники: от инженеров до кузнецов, кожевников и резчиков по камню (Ср.: Veget. II, 11; Stoll 2001: 395—420).

¹¹⁰ Слитки найдены в Хальтерне и Нойсе (Schnurbein 1971: 132; Horn 1987: 115—116).

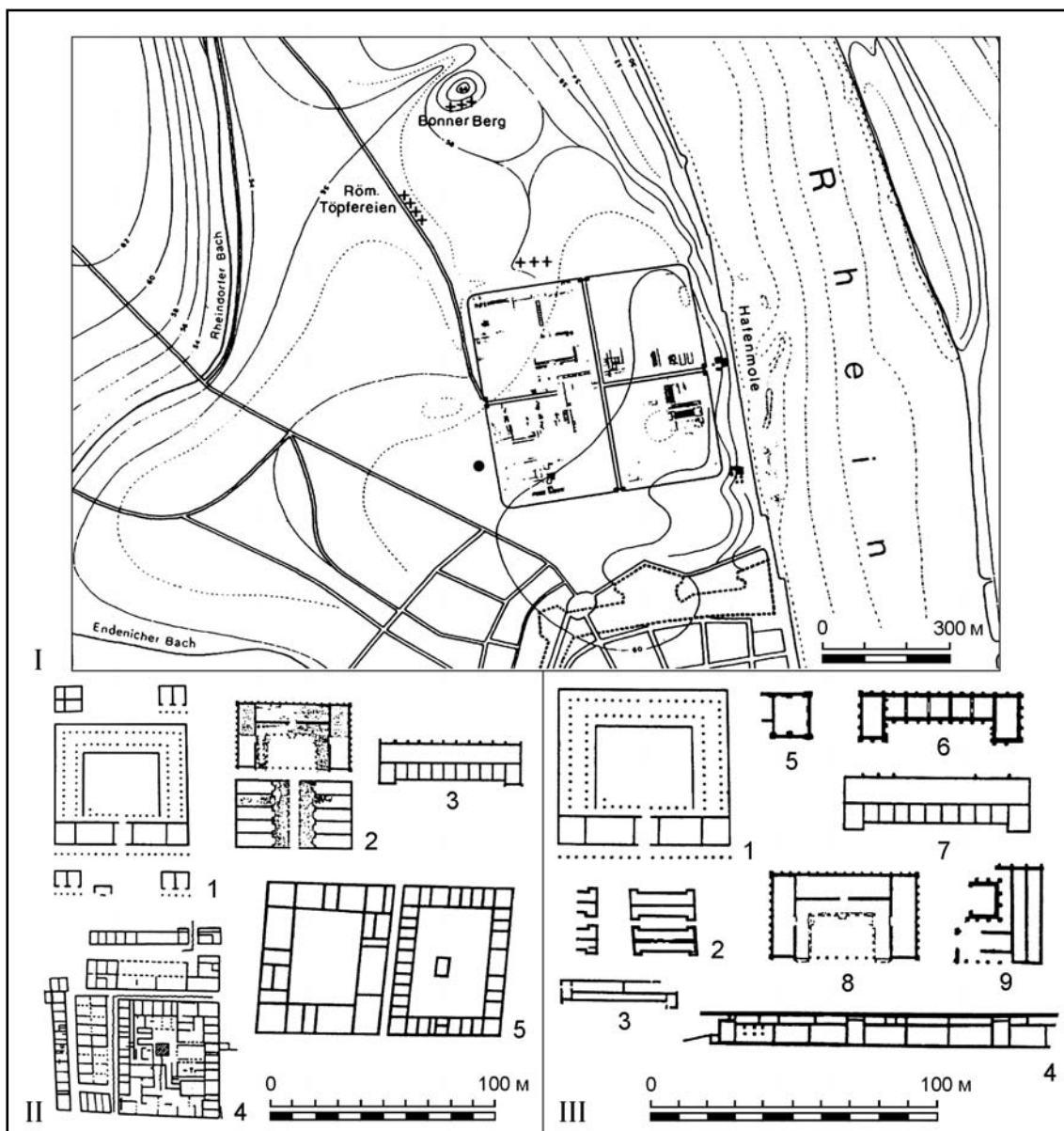

Рис. 20. I — мастерская на Боннер Берг (по Van Daele 1999: 131, fig. 11); II — производственные комплексы в римских крепостях: 1 — Инктатил; 2 — Ламбезис; 3 — Бонн; 4 — Хальтерн; 5 — Карнунт (по Petrikovits 1974a: 3); III — *fabricae* П-образной планировки: 1 — Инктатил; 2 — Корстопит; 3 — Саут-Шилдс; 4 — Карлеон; 5 — Ветера; 6 — Нойс; 7 — Бонн; 8 — Ламбезис; 9 — Виндонисса (по Petrikovits 1975: 92).

Fig. 20. I — Workshop on Bonner Berg (after Van Daele 1999: 131, fig. 11); II — industrial complexes in the Roman fortresses: 1 — Inchtuthil; 2 — Lambaesis; 3 — Bonn; 4 — Haltern; 5 — Carnuntum (after Petrikovits 1974a: 3); III — *fabricae* with protruding ends (U-shaped): 1 — Inchtuthil; 2 — Corstopitum; 3 — South Shields; 4 — Caerleon; 5 — Vetera; 6 — Novaesium; 7 — Bonna; 8 — Lambaesis; 9 — Vindonissa (after Petrikovits 1975: 92).

(Petrikovits 1975: 45, 95). Мастерская в 15 км от Честера работала на нужды легионеров XX Валериева Победоносного легиона (Dark 2001: 24). В крепости Ветера I Х. фон Петриковиц определил строение G как большую мастерскую (Petrikovits 1975: 94). Склады с центральным двором, похожие по планировке на мастерские, исследованы в Будапеште (Aquincum) (Petrikovits 1975: 84). Кроме того, следы мастерских прослеживаются в легионных лагерях в Неймергене (Bechert

1982: 94), Бад-Дойч-Альтенбурге (Carnuntum) (Petrikovits 1974a: 3), Нойсе (Sauer 1996: 86—87), Регенсбурге (Schmidts 2000: 21), Майнце (Heising 2003: 68—70), Марктбрайге (Todd 1992: 326), Дангстегтене (Fingerlin 1999: 3—18), Турде (Potaissa) (Benea 2008: 378—379), Коморн/Сень (Brigetio) (Bonis 1986: 301—307; Borhy 1996: 311—321), Лионе (Muñoz Villarejo, Aurecoechea 2002: 15—28), Миребо (Goguey 2008: 235), Страсбурге (Argentorate) (Ettliger, Hartmann 1984:

5—46), Арчаре (Ratiaria)¹¹¹, Нише (Naissus) (Дрча 1983: 18—19), Стеклене (Novae) (Sarpowski 1985: 521—540). Присутствие оружейного производства в Гигене (Oescus) можно предполагать исходя из данных надписи с упоминанием *collegia fabrum* (CIL III, 14416).

Следы производственных помещений прослежены не только в легионных лагерях, но и в фортах вспомогательных войск. Там также имелись свои оружейные мастерские, либо в них присутствовали работавшие по найму оружейники, о чем свидетельствует, например, находка в Корбридже ящика с доспехом, оружием и различными кузнечными инструментами (Robinson 1975: 174) (рис. 21).

На территории многих римских военных объектов в северной Англии были найдены следы обработки металла. Таковые отмечены в местах дислокации подразделений вспомогательных войск в Бенвелле (Simpson, Richmond 1941: 21), Бинчестере (Ferris, Jones 1991: 103), Карлайле (McCarthy et al. 2002: 120), Виндоланде (Birley 1994: 113), Корбридже (Daniels 1968: 115—126), Эбчестере (Maxfield, Reed 1975: 43), Хай Брантоне (Woodfield 1965: 87—200), Инклатиле (Pitts, St. Joseph 1985: 105—112), Киркби Топе (Collingwood, Richmond 1969: 297), Ньюстедде (Curlie 1911: 285), Йорке (Cool 2002: 1—13), Бирдосвальде (Biggins et al. 1999: 92), Олчестере (Keppie et al. 2001: 355; Sauer 2001: 189—191; Sauer et al. 2000: 1—78), Энвиронсе¹¹², Рибчестере (Buxton, Howard-Davis 2000: 124—125), Хаустедде (Petrikovits 1975: 92), Саут-Шилдсе (Petrikovits 1975: 90).

Из 18 раскопанных в Шотландии крепостей эпохи правления Флавиев только в трёх были обнаружены следы металлургической деятельности: это Брумхолм (Truckell 1956: 13), Элгинхо (Hanson et al. 2007: 86—92) и Драмкасл (Maxwell 1983: 171). И ещё в двух: Кардин (Robertson 1972: 2) и Фендок (Richmond 1938—1939: 137), — вероятно, также были мастерские. Из шести фортов антониновского времени только в одном отмечены следы обработки железа — в форте Бишоптон (Newall 1953: 14), и ещё в одном, предположительно, такая деятельность также имела место — это Карзилд (Truckell 1955: 10—11). Среди тринадцати фортов, да-

тируемых одновременно эпохами Флавиев, Антонинов и Северов (для Крамонда), на шести подтверждено наличие металлообработывающего производства: Берта (The Roman Gask Project), Бирренс (Wilson, Wright 1968: 179), Кэслдайкс (Robertson 1964: 167—168), Крамонд (Rae, Rae 1974: 181—186), Кроуфорд (Maxwell 1971—1972: 176—177), Страджет (Frere, Wilkes 1989: 53, 80, 92, 110—111, 175—176), — а ещё на двух: Ардок (Christison, Cunningham 1898: 460—465) и Лоудан Хилл (Wright 1947: 165—166, 180) — такое производство также могло иметь место.

При этом важно различать наличие мастерских (*fabricae*) и следов металлообработки в целом. Только три из вышеперечисленных памятников имеют прямые свидетельства существования на их территории мастерских (Бирренс, Элгинхо и Страджет). Три других (Крамонд, Кроуфорд и Кэслдайкс) имеют свидетельства того, что в них могли размещаться мастерские, в которых производилась обработка железа, но авторы раскопок предпочли не конкретизировать, были ли это именно мастерские или в помещениях производился обычный мелкий ремонт снаряжения. В Берте и Бишоптоне также имеются следы металлообработки, но они не ограничены пространством какого-либо конкретного здания.

Подобные производственные комплексы исследованы на территории фортов германского лимеса в Валкенбурге (Johnson 1983: 183—188), Оберстимме (Johnson 1983: 183—188), Цваммердаме (Haalebos 1977: 31—32), Зальбурге (Der Limes 2009: 18—20, No.3), Шнеппенбауме (Die römische Reichsgrenze... 1995: 63—64), Хофхайме (Petrikovits 1975: 95), Нидерберге (Petrikovits 1975: 95).

На дунайском лимесе, на его участке от Реции до Мезии, находилось 46 военных лагерей и крепостей вспомогательных войск. На этом же участке лимеса было размещено восемь легионных лагерей, в которых должны были размещаться собственные оружейные производства¹¹³. В канабе Виндобоны обнаружены следы возможного производства мечей (Wilkes 2005: 174), есть доказательства и для производства аналогичного характера в Бригационе (Wilkes 2005: 174). На территории Дакии большие залежи железного лома обнаружены в римской крепости Сидова

¹¹¹ В Рацирии существовала коллегия мастеровых (*collegia fabrorum*) (CIL III, 12650), а также имеются находки, позволяющие говорить о существовании там армейской мастерской (Velkov 1980: 61—83).

¹¹² Предположительно найдено помещение мастерской (Hopewell et al. 2005: 250).

¹¹³ Лавриак, Альбинг, Виндобона, Карнунт, Бригацион, Аквинк, Сингидун, Виминаций. Судя по данным *Notitia Dignitatum* (ND. Осс. IX, 17—19) в эпоху домината продолжали функционировать крупные оружейные производства, возникшие на месте легионных оружейных мастерских в Аквинке, Карнунте и Лавриаке.

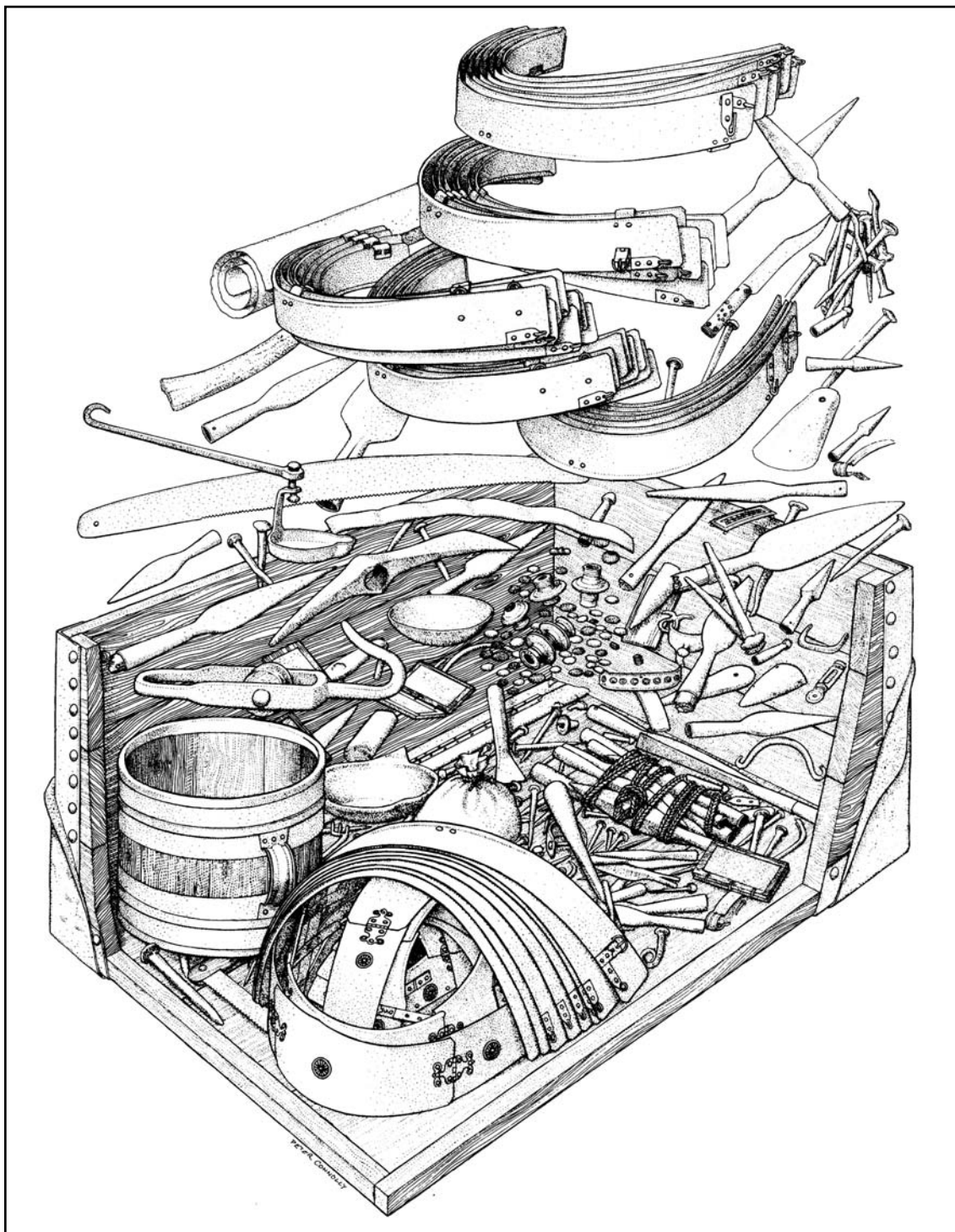

Рис. 21. Клад, найденный в Корбридже, состоял из различных кузнечных инструментов и оружия, приготовленного для транспортировки в сундуке (рис. П. Коннолли; по Bishop, Coulston 2006: fig. 11).

Fig. 21. The Corbridge hoard, consisted of various forging tools and armament prepared for transportation in a wooden chest (drawing by P. Connolly; after Bishop, Coulston 2006: fig. 11).

у Зимнича (Zimnicea), что отражает высокий уровень переработки металлов даже в горной области. Находки готовой бронзовой продукции, включающей в себя и предметы вооружения, имеются в Стеклене (Novae), Вируне, Сольве и Сингидуне (Wilkes 2005: 174).

В зависимости от планировки выделяют три типа мастерских военных лагерей. Большинство из них состояло из рядов маленьких комнат, окружавших центральный внутренний двор или выходивших на общий коридор. Некоторые из них были П-образ-

ными в планировке с навесами для защиты рабочих от солнечных лучей или дождя. Эти здания иногда выстроены попарно и имеют общий центральный двор, или же обращены друг к другу своими тыльными сторонами. Вместе с тем, те мастерские, которые имели внутренний дворик, в ходе раскопок бывает трудно отличить от обычных складских помещений (см. рис. 3; 4). Второй тип мастерских представлен продолговатыми зданиями с более разнообразной планировкой внутренних помещений (см. рис. 7). К третьему типу относятся комплексы с более сложной структурой; они выделены в так называемый «bazartyp» (Petrikovits 1975: 89, 93) (см. рис. 6).

Возможно, такое же расположение имели мастерские за пределами крепостных стен в канабах и виках (Petrikovits 1981b: 71). Вместе с тем, следует заметить, что планировка мастерских совсем не обязательно строго соответствует этим трем категориям. Те здания, которые были раскопаны за пределами крепостных стен, меньше по размеру, чем находящиеся в пределах лагеря. Кроме того, они, как правило, размещались в продолговатых прямоугольных зданиях по бокам улиц в виках и канабах (Van Daele 1999: 130). Не было какой-либо стандартной планировки и у мастерских, расположенных на *prata legionis* поодаль от военного лагеря (Van Daele 1999: 130).

Идентификация зданий как мастерских (*fabricae*) зависит главным образом от наличия в них печей или присутствия находок отходов производства (таких как шлаки, необожженная глиняная посуда, фрагменты кожи), инструментов или незаконченных изделий (Petrikovits 1974a: 400).

В большинстве случаев *fabricae* были сконцентрированы в своего рода индустриальной зоне, например, как в Нойсе и Бонне, у внутренней стороны крепостного вала из соображений безопасности из-за риска пожара и приносящих неудобства шума и запаха. Идентификация зданий в центральной части лагерей как мастерских (*fabricae*) опирается, в основном, на указание Псевдо-Гигина (Ps.-Hug. De munit cast. IV) и результаты раскопок легионных крепостей, поэтому в начале XX в., когда велось наиболее интенсивное исследование лимеса в Германии, археологи иногда неправильно интерпретировали назначение раскапываемых помещений; вместо мастерских они фактически имели дело со складами или другими видами построек, такими, как лазареты или арсеналы. И по сей день функциональное назначение некоторых зданий остается предметом обсуждения (например, в Ветера I) (Van Daele 1999: 130).

Вне лагерей различие между гражданскими и армейскими *fabricae* также не всегда ясно. Поэтому для интерпретации зданий как мастерских используются главным образом три критерия: их местонахождение, планировка и находки внутри них. Дополнительным признаком мастерских может быть наличие водных резервуаров (цистерн), так как многим видам производств для их нормального функционирования было необходимо большое количество воды (Bishop 1985: 5). Следы печей всех видов также помогают в идентификации мастерских (подробнее о планировке цехов см.: Van Daele 1999: 125—136).

Сами военные цеха, судя по источникам, называли в честь армейской единицы (CIL VII, 49), по имени куратора цеха (CIL VII, 9120), или с использованием обоих этих наименований одновременно (CIL III, 6489), или по названию поселения (AE 1953, 140).

По сравнению с мастерскими вспомогательных фортов, легионные мастерские имели в своем распоряжении большее количество самых разнообразных специалистов, которые не только чинили поврежденное воинское снаряжение, но и строили и обслуживали осадную технику и метательные машины (Watson 1969: 144—145; Thomas 2004: 143). Однако, иногда высказывается недоумение относительно того, каким образом на площадях помещений в центральной части военных лагерей, ассоциируемых с мастерскими, было организовано производство, в котором одновременно могло трудиться такое количество человек, как, например, указано на одной из дощечек из Виндоланды (Tab. Vindol. 160)¹¹⁴. Мастерские легионных лагерей могли быть большими и многочисленными, но что касается лагерей вспомогательных войск, то они не могли иметь таких больших мастерских на своей территории¹¹⁵.

При рассмотрении вопросов, связанных с составом и иерархией персонала данных цехов, немаловажно помнить о том, что часто солдаты, вне зависимости от размера своих доходов, старались экономить, становясь производителями всего необходимого. Таким образом, легион мог стать на позиции самообеспечения, как о том писал Вегетий (Veget. II. 11). Для нас важно выяснить, соответствует ли данный тезис истине, и насколько

¹¹⁴ Там идёт речь о 343 рабочих.

¹¹⁵ Выдвинуто предположение, что на территории фортов вспомогательных войск могли размещаться только оружейные склады, но никак не производства (Bailey 1994: 310).

весомым был вклад в процесс экипировки легиона централизованных государственных оружейных цехов, а также частных оружейников.

М. Бишоп, на основании своих теоретических выкладок, дает список персонала, необходимого для обеспечения процесса производства вооружения рабочими руками (Bishop 1985: 10—11). Например, согласно его расчётам, для производства такого простого в изготовлении предмета вооружения, как копье, нужны:

1) Дровосек, столяр (которые контролировали сбор древесины требуемой формы и качества), а также лесники-проводники низкой квалификации.

2) Кузнец (со средней квалификацией), способный изготовить наконечник, заклепки и подток; а также помощники, которые будут подносить сырьё, топливо для кузнечного горна, воду и раздувать меха.

3) Плотник, чтобы формовать и обрабатывать древесину; его помощники.

4) Контролер, который проводит приемку готовых изделий, а также кладовщики.

Весь процесс изготовления, несомненно, мог бы выполнить один квалифицированный специалист, но в целях экономии времени гораздо эффективнее привлекать помощников¹¹⁶.

Исходя из этих гипотетических списков, видно, что персонал делился на квалифицированных оружейников и неквалифицированных помощников. Вопрос состоит в том, чтобы выяснить, принадлежали ли квалифицированные оружейники к числу *immunis*, входя в состав легиона, или это были независимые мастера. Во втором случае напрашивается вывод, что в легионных цехах они могли работать только по найму. Интересно, что косвенное подтверждение этому мы находим в вышеупомянутых табличках из Виндоланды и папирусах. Среди перечисленных там вооружения нет упоминания о доспехах (за исключением изготовления пластин) и шлемах. Производство этих вещей требовало большого умения, а их парадные образцы предполагали не просто знание дела, но и высокохудожественный вкус при навыках художника и скульптора. Поэтому более логично предположить, что в легионных цехах проводились не все виды работ.

Соответственно, часть вооружения поступала от стороннего производителя¹¹⁷.

Руководство легионным цехом было передано в руки *praefectus castrorum* (у Вегетия *praefectus fabrorum*) (Webster 1979: 117). Под его началом был целый штат цехового персонала. Наиболее старшим по званию, возможно, был *optio fabricae* (MacMullen 1960: 28, No. 49). Хотя его точный статус остается неизвестным, но, вероятно, именно он возглавлял легионный цех (рис. 22).

Ядро штата цеха составляли люди, которых мы уже обозначили как «иммунов». Есть тенденция рассматривать этих специалистов в качестве отдельных юридических лиц в пределах их подразделений (Petrikovits 1975: 122—123), возможно, даже проживавших в отдельном бараке около цеха (Petrikovits 1975: 49). Ссылаясь на сообщение Таррунтена Патерна (D. L. 6, 7), указывают на широкий диапазон специальных навыков этих людей, которые были призваны экипировать легион всем необходимым. Но есть все основания сомневаться, что всё вооружение изготавливалось исключительно этими мастерами. Например, унифицированные шлемы с масками-личинами, когда черты лиц, изображаемые на масках, очень похожи друг на друга, требовали от мастера большого умения, ведь лица изображены очень реалистично и изящно. Скорее всего, их изготовили либо в крупных городских мастерских (ср.: Drexel 1924: 55—72), либо те оружейники-профессионалы, которые работали в легионных мастерских¹¹⁸. Одной из основных задач легионных мастеров-«иммунов», наряду с массовым изготовлением новых дешевых предметов снаряжения, мы считаем починку поврежденного вооружения и его переделку для нужд вспомогательных войск¹¹⁹, о чем может свидетельствовать огромное количество поврежденного вооружения, которое находят археологи в легионных цехах и в непо-

¹¹⁷ О деятельности таких снабженцев армии свидетельствует множество надписей (см. прим. 12, 14). Дион Кассий (Dio. Cass. LXIX, 12, 2) пишет, что в покоренных областях местные ремесленники могли изготавливать оружие по римскому заказу. Однако их продукция проходила строгий отбор, не всегда соответствуя римским требованиям качества.

¹¹⁸ Оружейники-профессионалы, работавшие в армейских мастерских, также могли обучать премудростям своей профессии солдат-иммунов.

¹¹⁹ Бытует мнение, что устаревшее вооружение легионеров передавалось воинам вспомогательных частей, основанное на римских изображениях, на которых ауксилиарии практически всегда изображены в архаичном для легионов доспехе.

¹¹⁶ М. Бишоп дает также список персонала, требуемого для выполнения более квалифицированной работы при изготовлении доспеха (Bishop 1985: 10).

средственной близости от них (ср.: Garbsch 1978: 47).

Наряду с иммунами, в легионных фабриках работали также и местные жители (Jones 1990: 103). Кроме того, в берлинском папирусе среди рабочих значатся восемь *pagani* и неуточненное количество рабов (*gallarii*) (ChLA X, 409). Если проанализировать более поздние надписи, относящиеся ко времени создания крупных государственных оружейных производств, то предположительно можно сказать, что в реорганизованном производстве трудились и ветераны (CIL V, 8742; Bull. épigr. 1966, п. 257), но работали ли они по найму в легионных мастерских в эпоху принципата, с уверенностью утверждать нельзя (ср.: Wierschowski 1982: 31—48). Конечно же, в ходе реформы перевод работников старых легионных мастерских в новые государственные должен был быть номинальным, вследствие чего состав контингента не претерпел существенных изменений, что, однако, не может быть главным аргументом широкого использования труда ветеранов в легионном производстве.

В конце эпохи принципата легионные оружейные мастерские либо прекратили свое существование, либо, самые крупные из них, были реформированы в государственные оружейные производства. Отныне абсолютно все без исключения работники в таких государственных мастерских тоже считались на военной службе и подчинялись военному распорядку. Для кузнецов-оружейников были введены дополнительные правила. Во всяком случае, они имели своего рода постоянную приписку и не могли покинуть свою работу до окончания срока службы, после чего, подобно воинам, их ждало почетное увольнение и награды. При приеме на службу кузнецов-оружейников клеймили. В Кодексе Феодосия по этому поводу сказано: «Императоры Аркадий и Гонорий августы — магистру официй Озию. Оружейным мастерам надлежит выжигать на руках клеймо как официальный знак по образцу того же типа, что и знак, который выжигают рекрутам, чтобы по нему можно было узнать тех, кто уклоняется от кузнечных работ в государственных мастерских. Имеющие их [таковые знаки], или их дети, без сомнения, должны быть возвращены мастерской (*fabricae*), хотя бы они путем какого-нибудь обмана уклонились и перешли, приняв присягу [к другому занятию]. Дано в XVIII календы января в Константинополе, в 4-й год консульства августа Гонория и Евтихия [398 г.]» (CTh. X, 22, 4).

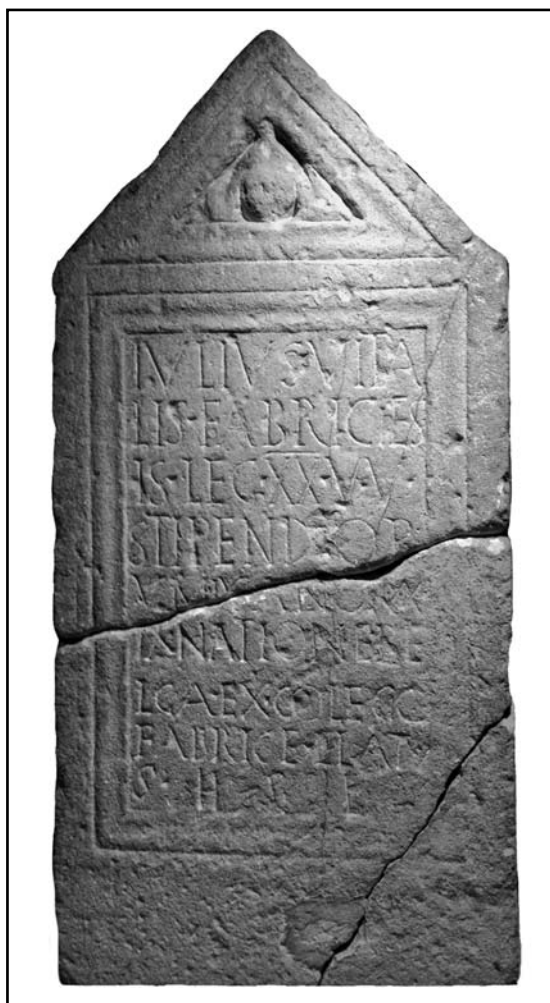

Рис. 22. Надгробие оружейника XX Валериева Победоносного легиона Юлия Виталиса, найденное в Бате. Юлий Виталис принадлежал к коллегии оружейников (*fabri*), которая и установила надгробие за свой счет (фото Т. О'Доннелл; <http://tierneystravels.blogspot.ru/2013/06/june-19-2013.html>).

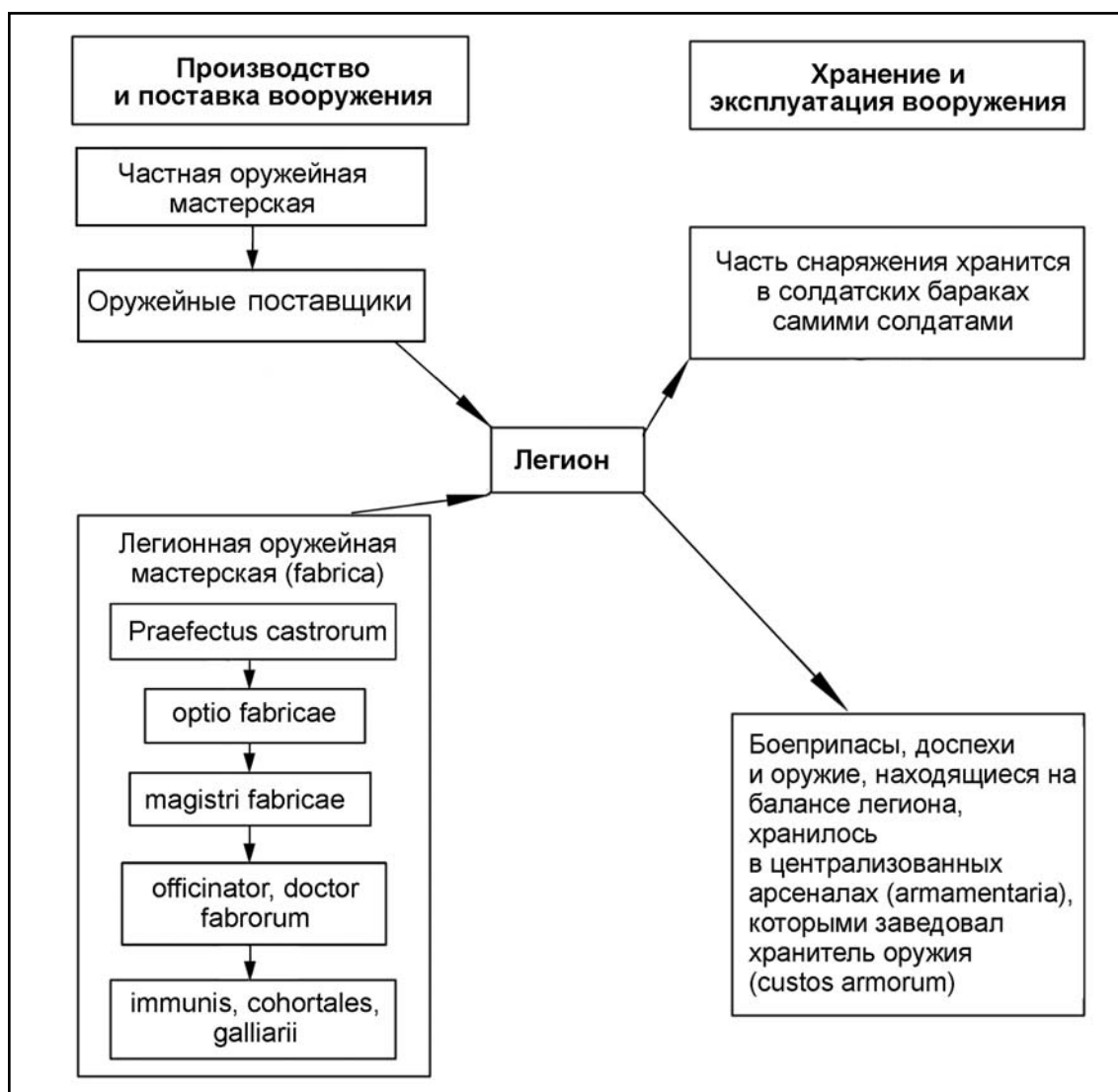
Fig. 22. Tombstone of armourer Julius Vitalis of Legio XX Valeria Victrix, Bath. Julius Vitalis belonged to the college of armourer (*fabri*) (photo by T. O'Donnell; <http://tierneystravels.blogspot.ru/2013/06/june-19-2013.html>).

Оружие в новых оружейных мастерских изготовлялось в соответствии с местными традициями, о чем может свидетельствовать как территориальное деление, согласно которому в восточной части Империи размещались производства доспехов для тяжело-вооруженной конницы (*clibanaria*)¹²⁰. Кроме того, по предположениям некоторых авторов, мастерские, находившиеся в восточных

¹²⁰ Мастерские, специализировавшиеся на вооружении для клибанариев и катафрактариев, находились большей частью на востоке Империи, где их было 14. В западной части зафиксировано только 3 из них (James 1988: 261).

Таблица 1.

Схема деятельности и взаимодействия оружейных служб легиона эпохи принципата, а также поставщиков изделий частных производителей

провинциях, могли производить чешуйчатые доспехи, тогда как мастерские из западных провинций продолжали эллинистическую и кельтскую оружейные традиции, изготавливая кольчуги и панцири (см., например: Банников 2002а: 173—174).

По данным *Notitia Dignitatum*, в западной части Империи находилось 20 оружейных мастерских, а в восточной — 15. Они располагались в местах наибольшей дислокации войск — на Рейне и Дунае, а также на всём протяжении восточной границы (James 1988: 263). На каждом основном участке границы находилось по два оружейных центра (James 1988: 263), что наглядно демонстрирует не стихийный характер возникновения оружейных мастерских, а намеренное планирование их дислокации (Southern, Dixon 1996: 90).

Государственные оружейные «фабрики» римлян не были, однако, фабриками в нашем понимании. Это были прежние мастерские, но значительно укрупненные и специализирующиеся теперь на производстве определенного вооружения, однако их детальное рассмотрение не входит в нашу задачу, так как с учреждением новой системы производства и распределения вооружения рассматриваемая нами организация оружейного производства времен принципата перестала существовать.

Подводя общий итог, необходимо ещё раз подчеркнуть, что сложившееся взаимодействие трёх составных частей римского оружейного производства эпохи принципата — крупных оружейных мастерских городских центров, большого количества небольших частных мастерских оружейников и армейских легионных мастерских — обеспечива-

ло функционирование всей системы, бесперебойно снабжавшей римские вооруженные силы вплоть до начала кризиса III века, когда в результате инфляции и других факторов хорошо отлаженная система начала давать сбой. Деятельность частных производителей оружия стала всё больше выходить из-под контроля государства, которое было уже не в состоянии сдерживать рост цен на предметы воинского снаряжения. Вследствие этого была сделана ставка на значительное увеличение продукции крупных мастерских, оказавшихся более жизнеспособными в сложившихся

условиях. В то же время и прежние легионные мастерские были преобразованы в новые крупные государственные предприятия. Это доказывает то, что и в эпоху принципата (как и в последующую эпоху домината) основными поставщиками оружия в армию были именно оружейные производства, располагавшиеся в крупных метрополиях Римской империи, причем в тех районах, которые являлись традиционными ареалами производства вооружения в силу сложившихся там оружейных традиций, либо по соображениям экономической эффективности.

Глава 4.

Технология производства вооружения

4.1. Ремесло оружейника в эпоху Империи

Отличительной особенностью новых изданий, посвященных изучению римского вооружения, является наличие практически во всех из них глав, подробно рассматривающих технологию его изготовления (Born, Junkelmann 1997; Hanel et al. 2000: 243—274; Sim, Ridge 2002; Achter het Zilveren Masker 2007: 31—68) на основе методов естественных наук (Fulford et al. 2005: 241—250). Применение этих методов и специальных высокоточных приборов позволяет исследовать не только металлы, но и органику, благодаря чему появляется возможность узнать, как и с применением каких материалов изготовлялось оружие.

Это, в свою очередь, помогает изготовить точные реконструкции изучаемых предметов. Ранее в оружейведческой литературе преобладали гипотетические реконструкции, выполненные в основном графически. В новых исследованиях и экспериментах зачастую проводится кропотливая работа по натурной реконструкции с применением аутентичных технологических приемов и материалов. В этом плане экспериментальная археология является очень важной отраслью археологических исследований, так как с её помощью могут быть получены важные выводы о древних производственных технологиях. Очевидно, такое единение высокими технологиями и экспериментальной археологии открывает широкие возможности и горизонты познания античных технологий (прежде всего металлургии и кузнечного ремесла).

Обращение к вопросам производства вооружения в названных ракурсах является актуальной задачей современного антиковедения и оружейведения, поскольку позволя-

ет последовательно раскрыть целую цепочку взаимосвязанных проблем, проанализировать не только сугубо технические моменты, но и общественно-экономические аспекты взаимоотношений армии и социума.

Деятельность оружейника достаточно хорошо изучена для средневековья (Boeheim 1897; Gelli, Moretti 1992), но никогда не привлекала к себе особого внимания исследователей римской армии. По не вполне понятным причинам, никто не считал нужным посвятить время изучению искусства и социального статуса римского оружейника. Возможно, сказалась крайняя скудость для римского периода каких-либо документальных свидетельств и ограниченность известного археологии материала. Однако в последнее время детальное исследование этих немногочисленных свидетельств развития римского оружейного искусства позволило более полно понять технологии, которые использовали при изготовлении древнеримского вооружения.

Исследования, проведенные совместными усилиями специалистов Музея древностей капеллы дворца Валкхоф в Неймегене и Музея Рейнской земли в Бонне, показали всю глубину знаний особенностей материалов, использовавшихся для производства оружия, и квалификацию римских оружейников, изготовивших богато украшенное вооружение.

Прежде чем непосредственно рассмотреть особенности производственной деятельности кузнеца и оружейника, следует сказать несколько слов о профессии оружейника и его социальном положении. Хотя следует отметить, что, ввиду недостаточности источников, можно затронуть только самые общие аспекты данной темы. Именно в связи с этим в литературе отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию жизни

и общественного статуса римских оружейников. Из-за недостатка достаточно репрезентативного источникового материала, касающегося их социального положения, невозможно убедительно раскрыть и истолковать многие действительно важные темы и вопросы, с ними связанные.

С одной стороны, в римской религии, как и у большинства других языческих народов, имелся бог-кузнец Вулкан (Гефест), что должно было предполагать высокий статус и огромное уважение к этому виду деятельности. Однако же, как справедливо отметил А. Айано (Aiano 1975: 48), кузнец был работником и торговцем, обслуживавшим не только правящий класс, но и многие отрасли хозяйственной деятельности — отсюда его сравнительно низкий статус, презируемый богачами (ср.: SHA. Tug. Trig. 8, 8—10). Как бы то ни было, однажды оружейник даже вззошел на императорский престол. В сборнике императорских биографий в числе так называемых «тридцати тиранов» рассказывается о деятельном человеке, известном под именами Марий, Мамурий или Ветурий, который поднялся по всем ступеням военной службы до звания императора (SHA. Tug. Trig. 8, 1—13). Даже став на короткое время императором, Марий не стыдился своего ремесла, а наоборот, гордился тем, что посреди никчемной роскоши появился человек, который делал оружие, устранившее аламаннов и всю Германию (SHA. Tug. Trig. 8, 11). По иронии судьбы, этот человек нашел свою смерть от меча, им же самим и сделанного (SHA. Tug. Trig. 8, 7). Есть сведения, что изобретательством новых видов оружия занимался император Валентиниан ([Aur. Vict.] Epit. XLV, 6), правда, сам он оружие не изготавливал. К рассматриваемому нами периоду относится весьма интересное свидетельство. Светоний, повествуя о репрессиях Домициана, упоминает, что наместник Британии Саллустий Лукулл был казнен будто бы за то, что позволил копья нового типа называть в свою честь: «*Sallustium Lucullum, Britanniae legatum, quos lanceas novae formae appellari Luculleas passus esset*» (Suet. Dom. 10, 3). А это говорит о том, что страсть к изобретательству новых модификаций оружия была явлением широко распространенным среди той прослойки римского общества, которая так или иначе была связана с военным делом. Таким образом, видна двойственность в общественном отношении к представителям профессии оружейника, да и имущественное положение самих оружейников могло сильно отличаться. Некоторые из них могли быть богаты и специализироваться на дорогостоящих заказах армейской

элиты, о чём свидетельствуют иногда находимые археологами великолепные украшенные самым разнообразным декором, позолотой и серебрением предметы воинского снаряжения.

Некоторые оружейники специализировались на изготовлении какого-то одного вида вооружения. В источниках упоминаются гладиарии (*gladiarii*), изготавливавшие и продававшие мечи (AE 1978, 216; 2004, 1579; CIL VI, 9442; IX, 3962; X, 3780, 3986; XI, 7125; XIII, 6677, 11504), шлемники (*cassidarii*) (CIL VI, 1952 (p 3232) = AE 2001, 0169; ILTG 355 = AE 1923, 20), доспешники (*loricarii*) (CIL XIII, 2828), щитники (*scutarii*) (Veget. II. 11; Tab. Vindol. 160). Однако масштабы производства требовали большого количества рабочих рук, в то время как специалистов широкого профиля, которые бы с одинаковым умением справлялись с изготовлением самых разных видов оружия, было не так уж много. Чтобы овладеть всеми премудростями оружейного мастерства, необходимы были годы упорного труда. Как и в обычном кузнечном деле, среди специалистов-оружейников, вероятно, было много потомственных мастеров. Подобная ситуация наблюдалась и в средневековье, ведь зачастую отец обучал сына профессии с малых лет, а тот, когда подрастал и набирался опыта, продолжал дело своего отца. Гораздо легче было обучить какому-либо ограниченному количеству операций и отточить технику человека в их исполнении практически до автоматизма. Кроме того, это было выгоднее и в экономическом плане, так как «набивший руку» мастер делает меньше ошибок в процессе производства, и, соответственно, в этом случае процент брака будет гораздо меньшим. Как показывают данные *Notitia Dignitatum*, согласно которым наблюдалась специализация вновь созданных в эпоху тетрархии государственных оружейных фабрик, римские чиновники прекрасно осознавали экономическую и практическую выгоду от такой узкой специализации. Вполне возможно, что эта тенденция в период перехода римского оружейного производства к системе крупных государственных производств лишь получила свое развитие на основе существовавших в эпоху принципата объединений шлемовщиков, щитников и т.д., хотя относительно этого в нашем распоряжении нет каких-либо конкретных свидетельств, и об этом можно говорить лишь на основании косвенных свидетельств, таких, как надписи с упоминанием коллегий бронзовых дел мастеров (*collegium aerariorum*) (CIL V, 5847; CIL V, 5892 = ILS

6731; CIL II, 7334 = AE 1971, 181; CIL XIII, 7378).

Остается неизвестным, применяли ли владельцы оружейных мастерских на своих предприятиях исключительно труд рабов, по меньшей мере, в республиканский период, когда рабский труд был особенно широко распространен не только в сельском хозяйстве, но и в ремесленном производстве. Вполне возможно, что италийское производство вооружения, по крайней мере, до установления гегемонии Рима на полуострове, было организовано за счёт свободнорожденных мастеров-оружейников. В то же время источники свидетельствуют об участии рабов и вольноотпущенников в собственно металлургическом производстве (ILTG 65; CIL XII, 1572). Для обеспечения производства большого количества оружия мастерам, несомненно, нужны были помощники, часть которых могла быть рабами. Однако, как бы то ни было, основной производственный процесс не лежал на плечах рабов или неквалифицированной рабочей силы, которые, скорее всего, выполняли вспомогательные работы. Организующим началом здесь могли быть только знания и умения настоящих профессионалов.

4.2. Инструменты и приспособления

Инструмент служил символом профессии. Подобно тому, как его можно видеть на гербах средневековых ремесленных гильдий, точно так же мы видим его и на надгробиях римских ремесленников. Если изображены молот и клещи, то перед нами, несомненно, надгробный памятник кузнецу (*faber ferrarius orifex*) — например, стела из Дрингхауэса и погребальный монумент из Аквилеи (рис. 23; 24). Инструментарий оружейника мало чем отличался от того, чем работал кузнец. С момента своего изобретения молот, наковальня, тиски, зубило и клещи сохранили свои функции и были лишь незначительно усовершенствованы с течением времени. Об этом свидетельствуют не только археологические находки реальных вещей, но и некоторые дошедшие до наших дней изображения обстановки оружейной мастерской и её инвентаря.

Прежде всего, сохранившиеся иконографические источники изображают в мастерской оружейника кузнечный горн. Печь почти всегда изображена приподнятой на платформе из камня или кирпича, с закрытым очагом и дополнена парой воздушных

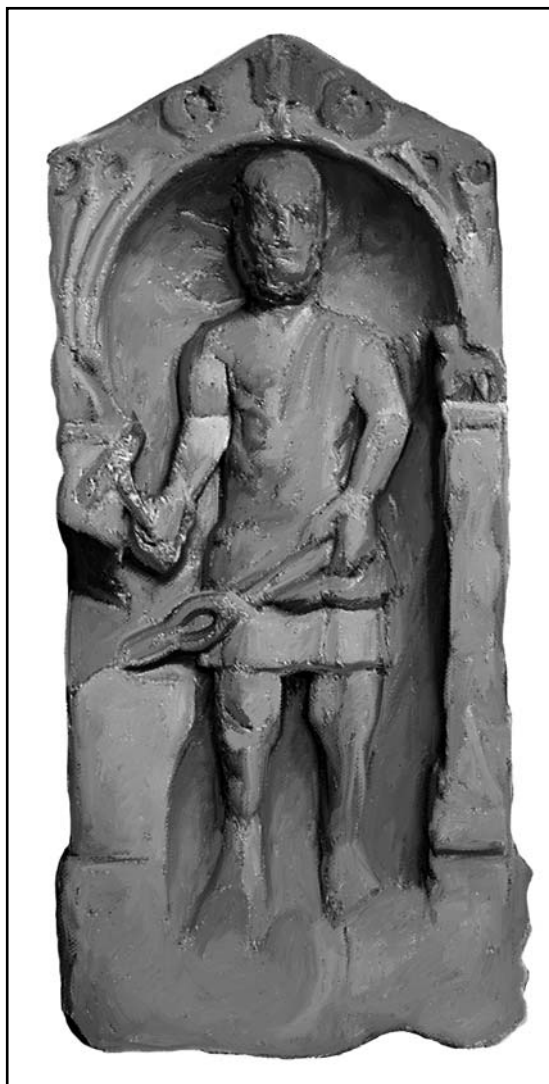

Рис. 23. Надгробие кузнеца из Дрингхауэса. Музей Йоркшира, Йорк (рисунок автора).

Fig. 23. Gravestone of a blacksmith, found at Dringhauses. Museum of York (drawing by the author).

мехов, которыми управляет помощник кузнеца¹²¹ (рис. 25). Фрагментарно сохранившаяся фреска из Помпей, находящаяся теперь в Археологическом музее в Неаполе, изображает Венеру в кузнице Вулкана (Zschietzschmann 1959: 191; Ling 1991: 126) (рис. 26). Там мы видим изображение оружейника, сидящего за наковальней (*incus*), которая установлена на деревянный блок. Вокруг разбросаны инструменты: клещи (*forcipula*) и молотки (*malleus*). В музее Терм в Риме (Инв. №900) имеется мраморный саркофаг, на котором также можно видеть изображение

¹²¹ Например, граффито из катакомб Домициллы в Риме.

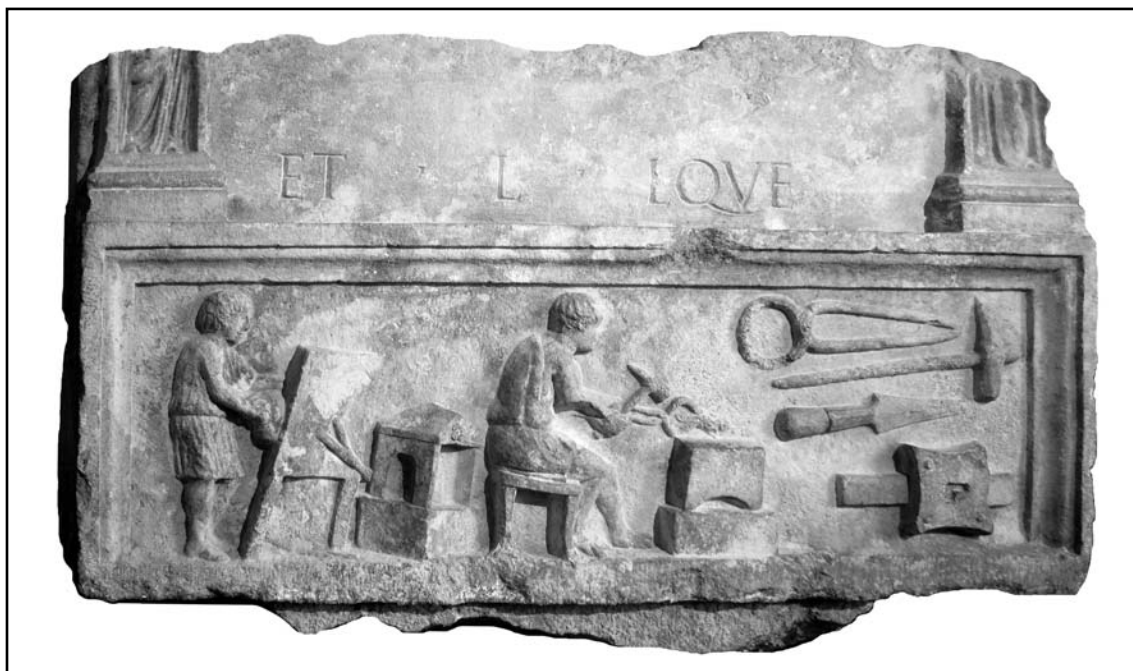

Рис. 24. Рельеф с погребального монумента I—II вв. с изображением мастерской кузнеца. Археологический музей Аквилии (фото W. Sauber; по Sim, Ridge 2002: fig. 9).

Fig. 24. Funerary relief of I—II centuries AD depicting a forge. Aquileia Archaeological Museum (photo by W. Sauber; after Sim, Ridge 2002: fig. 9).

Рис. 25. Граффити из катакомб Домициллы в Риме с изображением кузнеца и его помощника (по Paddock 1993: 49).

Fig. 25. Graffiti in Domitilla catacombs in Rome depicting a blacksmith and his assistant (after Paddock 1993: 49).

оружейной мастерской, в которой работают путти (*putti*, мн. ч. от лат. *putus* — маленький мальчик — образ мальчика с крыльями, то же, что и Эрот). Слева виден кузнечный горн, рядом с которым два путти куют заготовку нагретого металла на наковальне, в то время как третий, сидящий рядом, удерживает заготовку клещами. Сидящий по соседству путти занят изготовлением щита (рис. 27). Ещё один рельеф, датированный временем Адриана, хранящийся в музее Дворца Консерваторов (Palazzo dei Conservatori) в Риме, показывает Гефеста за работой над доспехами Ахилла

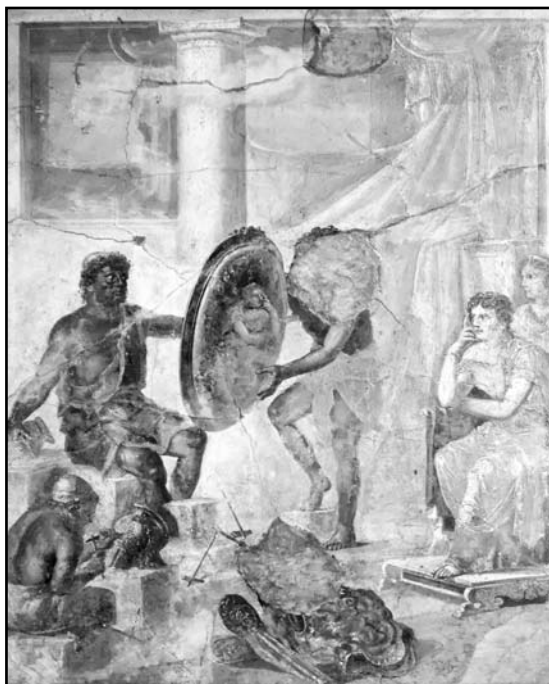

Рис. 26. Венера в кузнице Вулкана. Фреска из Помпей. I в. до н.э. Неаполь, Национальный археологический музей (фото L. Pedicini; http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/82/Achilles_weapons_MNA_Naples.jpg).

Fig. 26. Venus in Vulcan's Forge. Fresco from Pompeii. I century BC. Naples, National Archaeological Museum (photo by L. Pedicini; http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/82/Achilles_weapons_MNA_Naples.jpg).

Рис. 27. Эроты в кузнице. Настенная роспись в Доме Веттиев, Помпеи (по Sim, Ridge 2002: pl. 3)

Fig. 27. Eroses smiths. Wall painting in the House of Vettii, Pompeii (after Sim, Ridge 2002: pl. 3).

Рис. 28. Рельеф с изображением Гефеста, работающего над доспехами Ахилла. Музей Дворец Консерваторов (по Sim, Ridge 2002: 56, fig. 11).

Fig. 28. Relief depicting Hephaestus work on the armor for Achilles. Palazzo dei Conservatori (after Sim, Ridge 2002: 56, fig. 11).

(Zschietzschmann 1959: 190). Он сидит за наковальней, на которой лежит щит. В его правой руке небольшой молоточек, левой же рукой Гефест поворачивает заготовку щита. Стоящие вокруг нее помощники с большими молотами, по-видимому, принимали участие в начальных этапах изготовления щита (рис. 28).

Кузнецов и их инструментарий также можно видеть и на некоторых других образительных памятниках. В Корбридже был найден глиняный фрагмент, на котором изображен кузнец с клещами и молотом (Webster 1989: 18, fig. 5, 49) (рис. 29). Надгробие из Дрингхаузе (см. рис. 23), находящееся в музее Йоркшира, также изображает кузне-

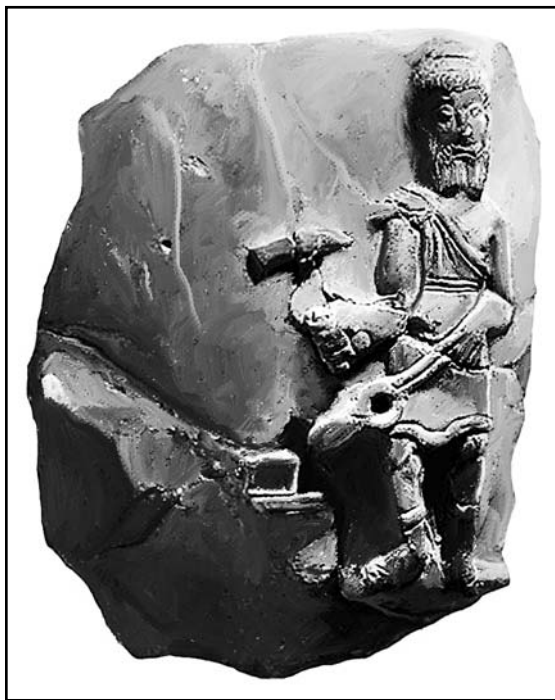

Рис. 29. Глиняное изображение кузнеца за работой, найденное в Корбридже (рисунок автора).

Fig. 29. Clay image of a blacksmith at work found in Corbridge (drawing by the author).

ца с молотом и клещами¹²². На фрагменте погребальной стелы из Аквилеи (см. рис. 24) (Bianchi Bandinelli 1971: pl. 99) изображен кузнец, сидящий на табуретке и бьющий молотком по куску железа, который он держит клещами, положив на наковальню. Позади него подмастерье раздувает мехами огонь в горне; для защиты от печного жара мехи прикрыты щитом (вроде каминного экрана). На правой стороне рельефа показаны кузнечные инструменты и изделия: клещи, молоток, наконечник копья и замок.

В дополнение к изобразительным источникам имеются реальные находки инструментов римского оружейника, причем многие из них очень похожи на те, с которыми

¹²² В некоторых исследованиях не только керамический фрагмент из Корбриджа, но и стела из Дрингхаузея трактуются как изображения богов-кузнецов (см.: Royal Commission 1962: pl. 53, 96; Webster 1989: 15—18), но аргументация в пользу такой интерпретации в основном сводится к факту наличия у изображенного персонажа бороды и усов, что якобы характерно для изображений таких богов, а также конусообразной войлочной шапки (*pilleus*), в которой изображали Гефеста (Вулкана). Однако в подобных шапках изображались отнюдь не только боги-кузнецы; например, на фреске из Помпей, где показана кузница Вулкана, все работники носят такие шапки.

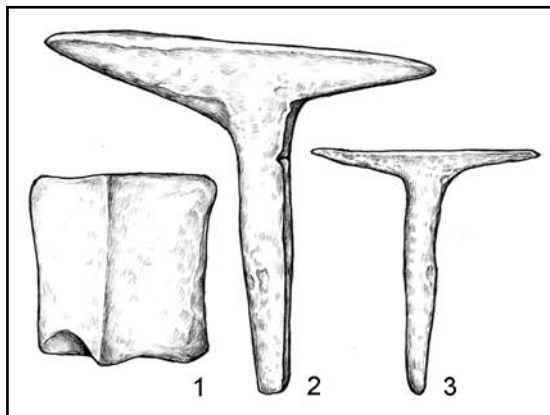

Рис. 30. Римские наковальни: 1, 3 — Помпеи; 2 — Силчестер (рисунок автора).

Fig. 30. Roman anvil: 1, 3 — Pompeii; 2 — Silchester (drawing by the author).

работает кузнец и в наши дни. Таковыми, например, являются инструменты, найденные при раскопках в Нуманции (Schulten 1929: 207), Силчестере (Evans 1894: 139—156), Ньюстеде (Curle 1911: 285—286). Римские наковальни из Гейдельберга (Lindenschmit 1911: 787, Taf. 46), Сен-Дье-де-Вож (Burnand 1980: 432—433), Силчестера (Evans 1894: 142), Уолтемского аббатства (Manning 1985: 4—5) и из Помпей (Flinders Petrie 1917: 40, pl. XLIII: 45) имеют Т-образную форму и также практически неотличимы от современной двурогой наковальни (*bickiron*). Такие небольшие по размеру переносные наковальни могли быть полезны в полевых условиях во время похода, когда было необходимо отремонтировать поврежденное в бою вооружение (рис. 30).

Исследования внутренней поверхности сохранившихся экземпляров римских доспехов способны дать дополнительные данные о том, какие именно молотки использовались на завершающих этапах производства, ведь, в отличие от тщательно отполированной наружной поверхности, на ней сохранились отметины, оставшиеся от формовки листового металла. Молотки, найденные в Грит Честерфорде (Cornwallis-Neville 1856: 6, pl. 1), Силчестере (Evans 1894: 145, fig. 8—9) и в яме XVI в Ньюстеде (Curle 1911: 285, pl. LXIII: 1, 11), мало отличаются от своих современных аналогов, и лишь молоток с закругленным бойком (*ballpein*) в древности не был известен. Порой сходство настолько близкое, что экземпляр из крепости в Саут-Шилдсе (Allason-Jones, Miket 1984: 288) имеет те же размеры, что и обычный современный молоток (рис. 31).

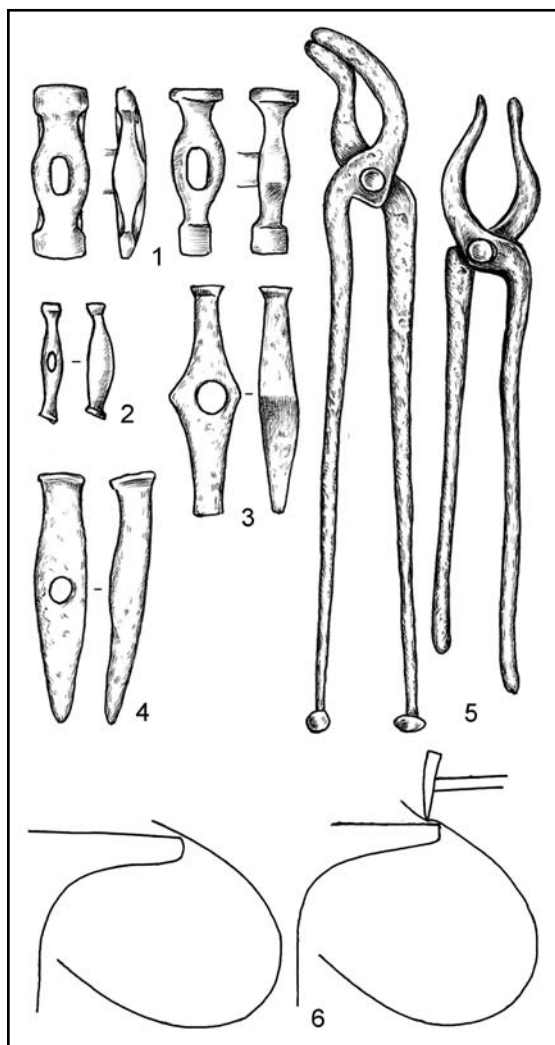

Рис. 31. Римский кузнечный инструмент: 1 — современные молотки; 2 — римский молоток из Ход Хилл; 3 — Ньюстед; 4 — Силчестер; 5 — клещи из Ньюстеда; 6 — метод изготовления тульи шлема на наковальне (по Paddock 1993: 57, fig. 4).

Fig. 31. Roman blacksmith tool: 1 — modern hammers, 2 — Roman hammer from Hos Hill; 3 — Newstead; 4 — Silchester; 5 — tongs from Newstead, 6 — method used for creating an indented brow-band on the anvil (after Paddock 1993: 57, fig. 4).

Клещи служили для извлечения поковки из горна, удержания и поворачивания её на наковальне. Клещи делались из двух половинок, скрепленных осью. Форма клещей была различна, ведь одними надо было вытаскивать и удерживать небольшие предметы, а другими — широкие и массивные вещи. На памятниках республиканского и императорского времени найдены клещи разных форм и размеров. Большинство из них имеют длинные рукояти и немного выгнутые на концах захваты. Такие экземпляры найдены в Помпеях (Flinders Petrie 1917: 41,

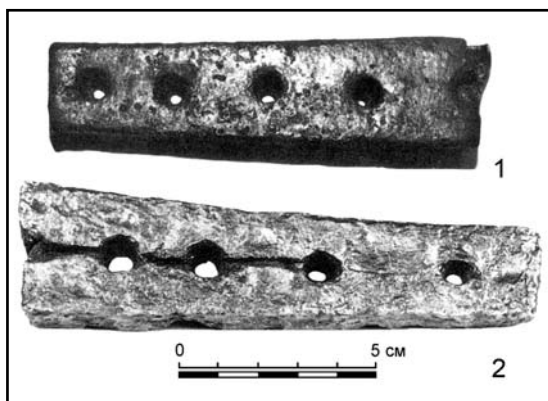

Рис. 32. Приспособления для изготовления кольчужной проволоки: 1 — Виндоланда; 2 — Альтена (по Sim 1997: pl. XXXIII).

Fig. 32. Draw-plate for making chain mail wire: 1 — Vindolanda; 2 — Altena (after Sim 1997: pl. XXXIII).

pl. XLV), Ньюстед (Curle 1911: 286, pl. LXIII: 2, 4), Силчестере (Evans 1984: 146, fig. 10), Лондоне (Manning 1985: 6, pl. 2) и во многих других местах, а также они представлены на изображениях оружейников.

Зубила, пробойники и напильники, тоже имевшие большое значение в работе оружейника, также известны различных форм — квадратные и круглые в сечении (Gaitsch 1980: 346; Ulbert 1969: 53, Taf. 48). При отделочных работах, таких, как чеканка, гравировка и штамповка (*repousse*), использовали молоточки и чеканы, штихели, зубильца и сечки. Некоторые из этих инструментов были найдены в Лондоне (Manning 1985: 11).

Среди неперенных приспособлений при работе над кольчужным доспехом было устройство для изготовления тянутой проволоки, которая была более качественной, чем проволока, выкованная до определенного диаметра. При этом кузнец тянул тонкую часть железного прута через металлический конус, уменьшая таким образом диаметр прута. Эта процедура повторялась несколько раз, до тех пор, пока не получалась проволока нужного диаметра. Имеются находки римских приспособлений для вытяжки проволоки, обнаруженные в Альтене и Виндоланде (Sim 1997: 368—370, pl. XXXIII). Они представляют собой металлические пластины, в которых прорублены несколько конусовидных отверстий разного диаметра (наименьший — около 3 мм). Эти отверстия на найденных экземплярах не идеально круглые, однако качество изготовленной проволоки всё равно было лучшим, чем у кованой (рис. 32).

4.3. Технологические особенности работы с железом, бронзовыми сплавами и латунью

Как показали новейшие исследования (Born, Junkelmann 1997; Hanel et al. 2000: 243—274; Sim, Ridge 2002; Meijers, Willer 2007; Sim, Kaminski 2012), для производства предметов вооружения римские оружейники использовали великолепные по качеству металлические сплавы, очень похожие на те, которые в наше время используются при изготовлении корпусов двигателей, карданных валов, автомобильных радиаторов.

При анализе сохранившихся фрагментов римских доспехов, обнаруженных археологами разных стран, выяснилось, что железо, из которого были изготовлены артефакты, имеет сходные характеристики, а это свидетельствует о том, что в разных регионах Римской империи производственный процесс был одинаковым (Sim, Kaminski 2012: 19).

Исследование сохранившихся фрагментов римских доспехов показало, что большая их часть была изготовлена из черного металла с минимальными включениями шлака (Sim, Kaminski 2012: 18—23). В некоторых случаях шлак отсутствует вообще. При кричном способе производства железа в готовом продукте оставалось 2—4% шлака, который нельзя было удалить даже повторным нагреванием и выколачиванием. В связи с данным фактом выдвигается гипотеза о том, что в некоторых случаях доспехи изготавливались из железа, способ производства которого остается непонятен. По всей видимости, римляне были хорошо знакомы с технологиями получения жидкого металла (Vetters 1996; Sim, Kaminski 2012: 22). При этом количество производившихся высококачественных металлов было поистине огромным, на что определенно указывает количество свинца, попадающего в атмосферу в процессе металлургических операций, судя по которому общий уровень римской экономики в период Империи превосходил уровень средневековой Европы. Исследования отложений тяжелых металлов в ледниках Гренландии показали огромные объемы металлургического производства в Римской империи (Hong et al. 1996: 233—244; Rosman et al. 1997: 3413—3416; Wilson 2002: 25—27).

Кроме железа, производившегося на территории Римской империи, туда также ввозилось высококачественное импортное сырьё. Имеются данные о поставках высококачественной стали из Индии (Schoff 1915; Bronson 1986; Craddock 1995: 245). По мне-

нию Плиния Старшего, лучшее железо происходит из земли серов — Серики (Plin. HN. XXXIV, 145)¹²³. Д. Хили предполагает, что Плиний путает железо из Китая с индийскими тиглевыми булатами (вуц, англ. wootz) (Healy 1978: 215). Сталь вуц получали из руды, добываемой в центральной и южной части древней Индии и Шри Ланки. Эту руду плавил с помощью специальных тиглей с добавлением необходимых присадок, включая большое количество углерода (до уровня примерно 1,5%, в то время как в обычное железо добавлялось всего 0,1%). На второе место по качеству Плиний Старший ставит железо из Парфии (Plin. HN. XXXIV, 145). Свидетельства развитого металлургического производства «маргианской стали», упоминаемой Плутархом (Plut. Crass: 24), подтверждены археологически, так как на многих поселениях Маргианы найдены железные крицы, а в Мерве исследованы остатки обширной мастерской, в которой создавались оружие и доспехи (Кошеленко 1977: 35). Справедливости ради следует отметить, что Плиний также восхвалял качество железа, добытого на территории Римской империи. Одним из лучших он называл железо с территории провинции Норик (Plin. HN. XXXIV, 145). Анализ железа из этого региона современной Австрии демонстрирует высокое содержание марганца в руде (Tylecote 1987: 169). Марганец повышает прочность, твердость, улучшает способность к закаливанию, устойчивость к коррозии. Таким образом, высокая оценка качества железа с территории Норика, данная Плинием, подтверждается современными исследованиями (Bailey 1967: 68).

Ковка металла является древней формой металлообработки, с практически не изменившимися методами и по сей день. Углевывжигательная печь была важной частью оружейного производства, поскольку железо получали путем восстановления его из окиси. Руду перемешивали с древесным углем и закладывали в печь. Созданная горением угля высокая температура способствовала тому, что углерод начинал соединяться не только с атмосферным кислородом, но и с тем, который был связан с атомами железа. В результате этого процесса образовывалась кричная масса — твёрдая губчатая масса железа (с низким содержанием углерода, серы, фосфора и кремния) со шлаковыми включениями, заполняющими поры и полости. Крицу потом снова разогревали и подвергали долгой обра-

¹²³ Плиний считал, что оно доставлялось из Китая по суше через сеть посредников

Таблица 2.
Размеры и вес железных заготовок,
происходящих из крепостей
легионов в Страджете и Ньюстед*

Памятник	Размеры (мм)	Вес (кг)
Страджет	300 × 65 × 65	7,3
	360 × 60 × 60 (на каждом конце сужается до 40 × 40)	5,7
	450 × 60 × 70 (на каждом конце сужается до 30 × 30)	6,9
	340 × 60 × 60 (на каждом конце сужается до 50 × 50)	7,4
Ньюстед	390 × 60 × 60	7,0
	340 × 60 × 50	6,0
	340 × 60 × 50	6,5

* По Sim, Ridge 2002: 68.

ботке ковкой, выколачивая из нее ненужный шлак. Таким образом, эти бруски (или прутья) железа служили своего рода полуфабрикатом, из которого затем кузнецы изготавливали вещи. Некоторые римские железные бруски сохранили на своей поверхности клейма с именем их производителя¹²⁴, что, несомненно, является признаком качественной выделки. Такое уже подготовленное к дальнейшей работе сырьё позволяло упорядочить процессковки и было очень удобным для удовлетворения армейских нужд, ведь организовывать собственную выплавку металла силами военнослужащих было более хлопотно, чем приобретать уже готовое к переработке сырьё, носящее на себе знак качества. Например, на табличке из Виндоланды, содержащей расходный счёт, сообщается о приобретении железа для нужд воинской части (Tab. Vindol. 182). С другой стороны, закупленное сырьё дополнительно очищалось от шлака уже на месте производства в оружейных мастерских, о чём свидетельствует находка богатых шлаками заготовок из железа в крепости Страджет в Шотландии (Clough 1989: 176).

На примере найденных на территории римских военных баз образцов видно, что эти заготовки были достаточно однородными по размеру и форме и, соответственно, удобными в обработке. Они были небольшими по размеру, поскольку бессмысленно было изготавливать большие болванки, ведь в процессе производства их всё равно нужно было бы делить на части, а это привело бы к потере неко-

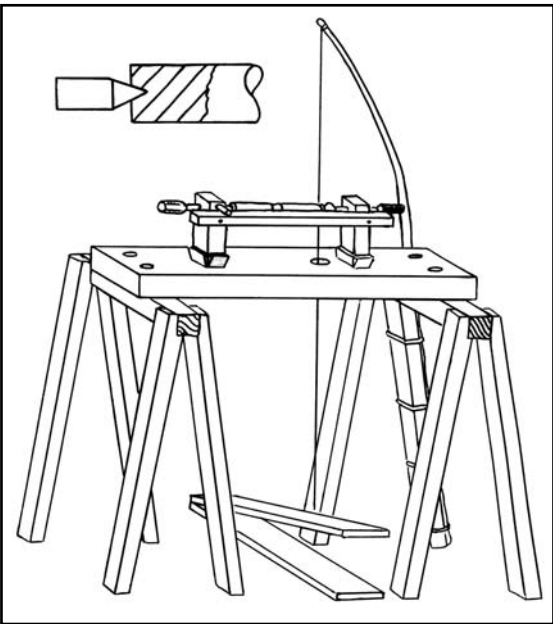

Рис. 33. Реконструкция римского токарного станка (по Sim, Ridge 2002: 77, fig. 26).

Fig. 33. Reconstruction of the Roman pole lathe (after Sim, Ridge 2002: 77, fig. 26).

того количества материала¹²⁵. В тех немногочисленных случаях, когда было необходимо изготовление крупных вещей, несколько железных болванок сваривали друг с другом в единое целое.

Существует три основных метода изготовления изделий из металла: литьё, механическая обработка и ковка. Большинство артефактов изготовлено из ковкого железа или стали (железа, обогащенного углеродом).

Метод механической обработки с удалением с поверхности заготовки лишнего слоя металла (стружки) был недоступен, поскольку тогда ещё не были известны фрезерные станки. Римляне, однако, применяли токарный станок, способный вращать куски древесины, и хотя этот инструмент нельзя было использовать для удаления с заготовки большого количества металла, его можно было использовать для окончательной отделки металлических объектов, таких, как умбоны щитов или шлемы (Sim, Ridge 2002: 76) (рис. 33).

Работа с железом представляла собой довольно трудоёмкий процесс, но эти труды стоили всех затрат, ведь изделия из железа были существенно более крепкими, чем бронзо-

¹²⁴ Как это можно видеть на двух слитках из Мартинсберга в окрестностях Андернаха (Германия) (Бонн, Музей Рейнской земли, Inv. Nr. 3703). Клеймо производителя C. RVBELLVS нанесено с четырёх сторон слитка, являясь своего рода брендом изделия.

¹²⁵ Кроме того, во времяковки заготовки теряли 20% своего веса и около 85% объёма. Это было вызвано тем, что шлак и воздух снова выколачивался из заготовки, а также окислением металла при нагреве (Sim, Ridge 2002: 70—71).

Таблица 3.

**Количественные показатели атомно-абсорбционной спектрометрии (AAS)
предметов вооружения из коллекции Акселя Гуттмана***

	% меди (Cu)	% олова (Sn)	% свинца (Pb)	% цинка (Zn)
Турнирный шлем/тулья шлема AG 451	98,27	1,062	0,111	0,0069
Турнирный шлем/тулья шлема AG 471	82,48	2,769	1,629	12,4662
Турнирный шлем/тулья шлема AG 599	77,65	0,43	0,27	21,398
Маска от шлема AG 599	77,84	0,55	0,21	21,269
Маска от шлема AG 369	76,78	< 0,25	0,142	22,0032
Маска от шлема AG 439	83,24	0,98	0,1	15,357
Маска от шлема AG 709	80,15	1,05	0,24	18,193
Поножь AG 307	84,39	5,374	0,307	8,6062
Поножь AG 711	81,50	2,531	0,159	14,978
Поножь AG 712	84,77	14,508	0,163	0,1513
Нагрудная пластина AG 713	82,62	2,868	0,2	13,3399
Нагрудная пластина AG 716	86,29	3,628	0,189	9,0557
Нагрудная пластина AG 544	80,51	5,94	0,88	12,101
Нагрудная пластина AG 593	82,01	1,84	0,24	15,427
Конский наглавник AG 595	81,88	4,54	0,22	12,887
Умбон щита AG 598	79,46	5,24	0,3	14,304

* Данные приведены по: Born, Junkelmann 1997: 166.

вые. Чтобы получить крепкую сталь, приходилось много раз прокалывать и проковывать железную крицу с углём, а кроме того, создавались и многослойные изделия. Так, наличие нескольких слоев металла было обнаружено при исследовании шлемов из Неймегена (Meijers, Willer 2007: 37—39). Под микроскопом была исследована структура металла одной из масок, найденных вместе со шлемами. При этом было выявлено несколько слоев, образовавшихся из-за неоднократного складывания и сварки железа во время кузнечнойковки. Благодаря этому был изготовлен лист железа из восьми слоев, возникших благодаря трёхкратной сварке (Meijers, Willer 2007: 37, Abb. 5, 8). Данная технология была необходима для укрепления мягкого низкоуглеродистого железа, и оружейникам приходилось добиваться наиболее оптимального результата в прочности путем правильного расположения слоев металлического изделия и его последующей проковкой. Исследования показали, что изучаемые маски проковывались изнутри уже в остывшем состоянии, на последнем этапе кузнечных работ.

Для проверки защитных свойств такого железа был выкован аналогичный по своим характеристикам железный лист толщиной 1,5 мм, который затем был подвергнут экспериментальному испытанию (Meijers et al. 2007: 69—76). Наряду с современным листом железа такой же толщины, он был обстрелян с расстояния семи метров из реконструкции римской ручной метательной машины

(*manuballista*), металлическую оковку от которой обнаружили в Ксантене. Кроме того, та же процедура была проделана и с бронзовым листом толщиной 2,5 мм (состав 94% меди и 6% олова), похожим на тот, из которого была изготовлена маска, найденная при раскопках в Дормегене (Hanel et al. 2000: 258—263). В результате эксперимента стрела оставила глубокую вмятину на современном листовом железе и лишь поцарапала железо и бронзу, близкие по своим характеристикам к римским образцам.

В бронзовых сплавах основным компонентом являлась медь, мягкий ковкий металл, который в большей или меньшей пропорции легировали оловом. Кроме того, олово влияет на изменения механических свойств результирующего сплава и придает ему большую твердость. Олово добавляется в пропорции не более 13,2%. Если эта величина превышена, то сплав будет слишком хрупким и малопригодным для последующей его холодной обработки иликовки (Brown 1976: 25). Средняя доля в доспехах составляет от 8 до 10% (Craddock 1977: 111). Свинец также часто встречается в бронзовых сплавах, поскольку он увеличивает пластичность сплава. Анализ древних бронз показывает, что доля свинца может достигать 30%. Предметы, которые должны быть доработаны после отливки, редко содержат более 10% свинца, так как большее его содержание делает металл слишком мягким. Вследствие этого, такие предметы защитного снаряжения, как шлемы, ста-

Таблица 4.

Количественные показатели анализа методом рентгенофлуоресцентной спектрометрии (RFA) римских шлемов с масками

	% меди (Cu)	% олова (Sn)	% свинца (Pb)	% цинка (Zn)
Парадный шлем из Тайленхофена ¹	—	80	15	—
Маска от шлема из Вайсенбурга №1 ²	82,5	6,7	0,5	9,5
Маска от шлема из Вайсенбурга №2 ²	81,9	0,9	0,2	15,8
Маска от шлема из Вайсенбурга №3 ²	83,7	2,1	0,9	11,1
Маска от шлема из Вайсенбурга №4 ²	87,2	2,3	1,2	6,8
Маска от шлема из Хелланжа ³	76,9	0,40	—	22,2
Маска от шлема из Кельна ⁴	98,98	0,283	0,034	0,0184
Маска от шлема из Дормагена ⁴	97,00	2,06	0,21	0,59
Маска от шлема из Неймегена ⁵	6,3	<0,1	0,3	0,69

¹ Данные по: Garbsch 1978: 16.

² Данные по: Born, Junkelmann 1997: 167.

³ Данные по: Beck, Chew 1991: 150.

⁴ Данные по: Hanel, Peltz, Willer 2000: 248, 258.

⁵ Данные по: Achter het Zilveren Masker 2007: 52.

рались делать с низким содержанием свинца (не более 4%)¹²⁶.

Некоторые детали воинского снаряжения (украшения конской сбруи — бляхи-накладки, бляхи-подвески, распределители и наконечники ремней, а также ременные накладки на воинскую португею, модиолусы для стрелометов) изготавливали при помощи литья, которое производилось либо методом потеряннного воска (Tylecote 1962: 110), либо в двухчастных литейных формах (Tylecote 1962: 107—110). В первом случае изготовленная деталь требует гораздо меньшей доделки, вследствие того, что у неё отсутствуют швы, образованные затеканием металла между частями составной отливочной формы. Но, с другой стороны, такие формы были одноразовыми, так как для извлечения из них готовой отливки требовалось разбить саму форму. Двухчастные же формы при частом использовании быстро приходили в негодность (рис. 34).

В эпоху принципата начинают использовать аурихалк (*aurichalcum*), из которого делали шлемы вплоть до III в.¹²⁷, так как с ним было легче работать, нежели с бронзой, хотя и труднее, чем с медью. Этот термин, восходящий к слову *orichalcum*, употребленному Гесиодом (около 700 г. до н.э.) для описания материала, из которого изготавливали поножи (Hesiod. Aspis. 122), обозначает высокоцинковую латунь.

При помощи латуни, являющейся цветным металлом, достигали эффекта сильного золотого блеска предмета, заменяя настоящее золото. Как следствие, латунь в производстве доспехов в значительной мере стала вытеснять бронзу. Это было обусловлено, прежде всего, гораздо большей доступностью в природе цинка, чем олова, а также тем, что латунь по многим свойствам не уступала бронзе. Латунь, таким образом, явилась дешёвой заменой бронзы. Этот материал массово применялся в производстве парадного вооружения, изготовление которого требовало большого мастерства и трудозатрат¹²⁸.

¹²⁶ Анализы вооружения коллекции Акселя Гуттманна (см.: Born 1989: 99—115; Born, Junkelmann 1997: 166), а также опубликованные и доступные металлографические анализы других коллекций (Craddock 1984: 211—271; Born, Junkelmann 1997: 167) указывают на использование сплавов меди, цинка и олова. Тем не менее, отчетливая картина указанного сплава цинка и меди скорее в исключительных случаях даёт в итоге сплав меди, цинка и олова. Часто это всё же латунь с высоким содержанием цинка и олова. Только в двух случаях имеются указания на почти чистую медь (шлем AG 451), а также на характерную искусственную оловянную бронзу (поножь AG 712). Свинец не играет почти никакой роли и присутствует только в одном случае с долей не более чем 1,6% (шлем AG 471). Очень похожая картина сложилась и при изучении предметов из других коллекций.

¹²⁷ Шлемы III в., изготовленные с применением этого материала, происходят из Уэртинга и Буха.

¹²⁸ Это подтверждают приблизительные расчеты, произведенные в ходе археологического эксперимента по реконструкции шлемов с масками из Неймегена. Согласно этим вычислениям, железную заготовку маски опытный оружейник мог изготовить примерно за 10 часов, на изготовление серебряной обкладки могло потребоваться ещё 12—15 часов. На изготовление шарнирного крепления и других элементов крепления маски к шлему понадобилось бы ещё около трёх часов. Для монтирования серебряной обкладки на железную основу также понадобилось бы около трёх часов. Таким образом, на изготовление каждой маски требовалось примерно 30 рабочих часов (Meijers, Willer 2007: 45).

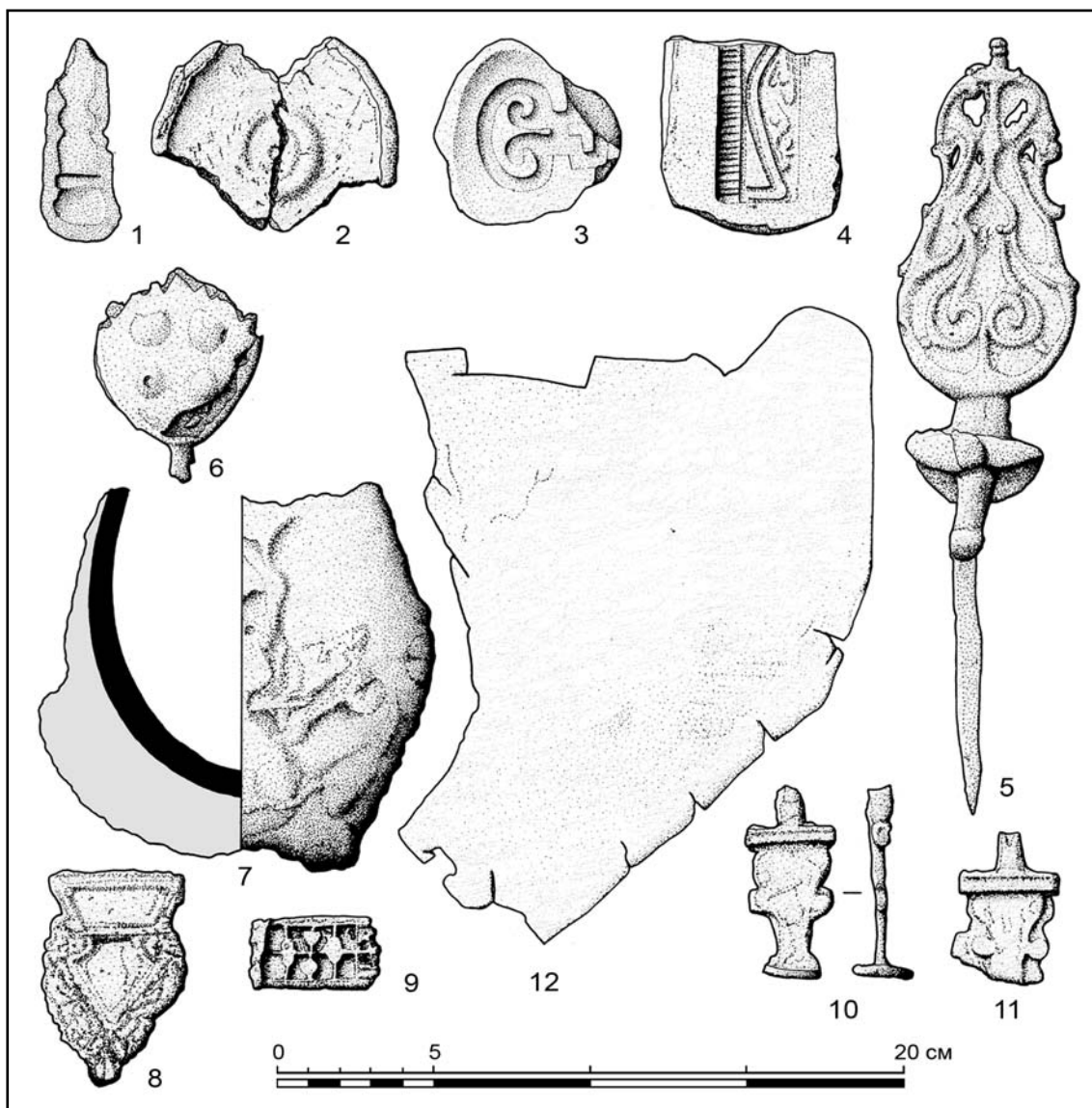

Рис. 34. Литейные формы, тигли и незаконченные изделия с территории римских военных объектов: 1—2 — Алезия; 3 — Тибискум; 4 — Эммерих-Прест; 5, 9 — Бригетцион; 6 — Корбридж; 7 — Колчестер Шипен; 8 — Бонн; 10—11 — Рейнгёххайм; 12 — Айнинг (по Bishop, Coulston 2006: 237, fig. 145).

Fig. 34. Molds, crucibles and unfinished products from the territory of the Roman military sites: 1—2 — Alesia; 3 — Tibiscum; 4 — Emmerich Praest; 5, 9 — Brigetio; 6 — Corbridge; 7 — Colchester Sheepen; 8 — Bonn; 10—11 — Rheingönheim; 12 — Eining (after Bishop, Coulston 2006: 237, fig. 145).

Само определение «парадное вооружение» как бы уже подразумевает то, что оно исключительно дорогостоящее и изготовлено с обильным использованием золота и серебра. Ранее так и считали, однако металлографические исследования последних лет показали, что в большинстве случаев для придания драгоценного блеска изделиям их просто лудили. Это подтверждено, например, для шлема из Тайленхофена, где состав покрытия включал 80% олова, примерно 15% свинца и менее чем 5% серебра (Garbsch 1978: 16). В сочетании с первоначально блестящей латуной или бронзой получалось довольно роскошное

сочетание, создававшее впечатление серебряния и позолоты.

Были и немногочисленные исключения, изготовлявшиеся из настоящего серебра (маска из болота в Торсбьерге (Engelhardt 1863: 24, Taf. 5: 3; Benndorf 1878: Taf. 15: 3a)) или обтягивавшиеся серебряной фольгой. Такие шлемы изредка встречаются в погребениях, и этим они несколько выделяются из группы парадного вооружения.

В старой литературе (Drexel 1924; Keim, Klumbach 1951) можно встретить утверждение о том, что почти всё парадное вооружение изготовлено из бронзы, но к нему

надо относиться с крайней осторожностью. Металлографические анализы показывают, что в большинстве случаев предметы изготовлены из сплава меди, цинка и олова, который должен классифицироваться как «латунь с содержанием цинка». Эта латунь блестит как золото, однако имеет зеленоватый оттенок.

Украшение доспехов изображениями производилось при помощи таких технических приемов, как гравировка и чеканка, которые были весьма удобны при работе с бронзой и латунью, но пригодны и для обработки железных изделий.

В эпоху раннего принципата для украшения поверхностей поясных накладок применялась техника черни или ниелло (итал. *niello*, от лат. *nigellus*, уменьшительное от *niger* — чёрный). Этот сплав серебра, свинца, серы и других варьирующихся компонентов наносился на гравированную поверхность металла, который затем подвергался обжигу, после чего на нём появлялся чёрный или тёмно-серый рисунок, прочно сплавленный с основой (La Niece 1983: 279—297). Начиная со II в. становится популярным украшать оружие эмалью (Bishop, Coulston 2006: 244).

Чеканка могла производиться и с помощью штампов. Штамп для изготовления поясных накладок был найден в Колчестер Шипен (Bishop, Coulston 2006: 245, fig. 149) (рис. 35). Аналогичный штамп, используемый для изготовления декоративных заклепок, применявшихся на шлемах и лорике сегментате, обнаружен в Аултоне (Jackson 1990: 456—458).

Работа с железом требовала применения, ещё на стадии изготовления, некоторых технологических приемов, которые должны были продлить срок эксплуатации предмета вооружения и защитить его от коррозии. Для этого римские оружейники могли окрашивать железные шлемы или, во всяком случае, воронить, т.е. придавали им синеватый оттенок. Как показали исследования последних лет, у римлян была особенно популярна чёрная окраска поверхностей. Судя по находкам в Карлайле, даже лорика сегментата окрашивалась в чёрный цвет (Howard-Davis 2010: 496). Именно для I в. н.э. характерно полихромное сочетание чёрного цвета в контрасте с серебряными, медными и латунными вставками (Born, Junkelmann 1997: 175). Чёрное воронение получалось при обжиге изделия в горячей золе.

Кроме того, возможно, применялась грунтовка поверхности с добавлением свинца или извести и раскрашивание, чтобы предотвратить быстрое потускнение и, прежде все-

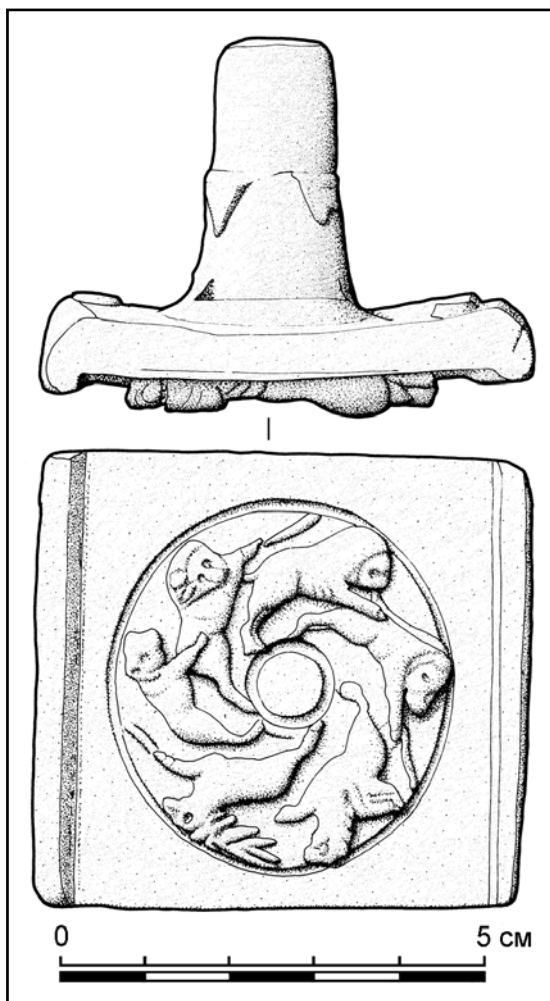

Рис. 35. Матрица для штамповки поясных накладок из Колчестер Шипен (по Bishop, Coulston 2006: 245, fig. 149).

Fig. 35. Belt-plate manufacture, stamp from Colchester Sheepen (after Bishop, Coulston 2006: 245, fig. 149).

го, образование ржавчины. В связи с этим интересно указание Плиния на использование свинцовых белил и гипса (HN. XXXIV, 150).

Для ещё большей надёжности дополнительно могла производиться закалка, хотя в процессе изготовления дорогостоящих предметов снаряжения возникала большая опасность испортить результаты труда, так как при какой-либо оплошности и даже частичном перегреве могла произойти диффузия (т.е. сплав) материалов.

Кроме того, для защиты от коррозии и для придания им более нарядного вида готовые изделия лудили или покрывали позолотой, серебрением или же оковывали серебряным листом.

Лужение поверхности придавало предмету торжественный блеск. Уже Гомер говорит в VIII в. до н.э. о применении олова

Рис. 36. Шлем из Ксентен-Вардта (рисунки автора).

Fig. 36. Helmet from Xanten-Wardt (drawing by the author).

при изготовлении поножей Ахилла (Ном. II, XVIII, 613). Приблизительно с VI в. до н.э. можно отметить sporadическое применение лужения в металлообработке народов Средиземноморья. Однако только в I в. н.э. металлические изделия и предметы вооружения стали лудить в больших количествах, что может быть объяснено стремлением заменить дорогостоящее серебро, использовавшееся при отделке вооружения, менее дорогим, но очень практичным оловом. Блеск луженых поверхностей очень напоминал блеск серебра, но, в отличие от последнего, тускнел очень медленно. Олово практически не портится от воздуха и воды, оно устойчиво и к воздействию многих кислот (Born, Junkelmann 1997: 192).

Железные изделия лудили редко (Brown 1976: 39), хотя пластины лорики сегментаты из Ксанта, вероятно, были лужёные (Schalles, Schreiter 1993: 50, 228, Taf. 47, 84). В начале принципата лужение использовали при производстве шлемов, ножен мечей и ремённых накладок.

Иногда предметы могут быть также покрыты оболочкой из другого металла, но это уловка в чистом виде, ведь имитация кудрей из медных сплавов, которая покрывала железные кавалерийские шлемы эпохи раннего принципата, нисколько не защищала железо от коррозии и являлась лишь элементом декора. Позже римские шлемы стали покрывать позолотой или серебром.

Золочение предметов вооружения производилось при помощи так называемого огневого золочения (Meijers, Willer 2007: 35). Это процесс, при котором применялась амальгама золота (сплав металла с ртутью), которая наносилась на поверхность, после чего ртуть постепенно испарялась, оставляя на поверхности пленку золота.

Плиний Старший в «Естественной истории» даёт косвенное указание на популярность серебра в среде военных и смысл серебрения военного снаряжения. Он описывает серебряные значки легионов, объясняя, что они должны сверкать на поле боя, дабы их видели все воины независимо от местонахождения (HN. XXXIII, 58). Такое же свойство должны были иметь и доспехи военачальников. Однако недостаток серебра хорошо известен. При постоянной чистке слой серебрения быстро тускнеет и стирается. Вследствие этого поверхности доспехов и другого вооружения часто оковывали тонким серебряным листом (0,2—0,3 мм), который дополнительно крепился свинцово-оловянным припоем. В некоторых случаях серебряный лист приклеивался битумным клеем (Meijers, Willer 2007: 37).

Склеивание металла — операция трудоёмкая, но эта весьма сложная задача (даже в наше время, когда применяются клеящие субстанции на неорганической основе) была удачно решена римлянами ещё 2000 лет назад. Древнеримский клей был обнаружен случайно. Во время изучения и реставрации железного шлема, найденного в 1985 г. на месте гравийного карьера неподалеку от Ксанта-Вардта (рис. 36), археологи из боннского музея земли Северный Рейн-Вестфалия отпилили от него небольшой кусочек для проведения металлографического исследования. В этот момент из-за нагрева серебряные листья, прикрепленные к железной тулье шлема, отошли, открыв взору изумленных исследователей нитевидные полосы клея.

Как правило, металлические предметы корродируют так сильно, что определить, каким способом соединялись различные их элементы, невозможно. Но в этом случае вещество, с помощью которого награжденный венец (*corona civica*) из серебряных дубовых листьев был прикреплен к шлему, удалось подвергнуть сложному анализу. В результате было выяснено, что «суперклей» состоял из битума, дёгтя и животного жира. Все эти компоненты были известны и применялись с древности. Битум является остаточным продуктом от переработки нефти, либо его добывали в естественных озокеритовых месторождениях на тер-

ритории Италии, Англии (Нортумберленд и Уэльс), Шотландии и Галиции (украинского и польского Прикарпатья), а древесный дёготь выделялся из древесины (хвойных или других пород) в процессе карбонизации в обжиговых печах. Вместе с тем секрет клея пока полностью не разгадан, ввиду того что ещё не выяснено вещество, использованное в качестве добавки-загустителя. Предположительно это был либо кварцевый песок, либо сажа. Будущие эксперименты должны установить правильные пропорции смешивания составляющих и выявить все возможности древнего клея для металла. Одно ясно уже сейчас: этот клей был просто замечателен, ведь он удержал вместе металлические детали шлема две тысячи лет!

4.3.1. Производство наступательного вооружения (меч, копье, метательные снаряды)

Римская армия была первой в истории, которая применяла парк метательных машин в столь широких масштабах (Schramm 1918; Marsden 1969—1971; Baatz 1994a; Wilkins 2003; Campbell 2003; Rihl 2007). Метательные орудия применялись и в сухопутных войсках, ими же были оснащены корабли военного флота (App. B. C. V, 118; Dio. Cass. L, 32, 8; L, 34, 2; Plut. Ant. 66, 2) (Marsden 1969: 164). В армии, где два, три, четыре или даже большее количество легионов было вовлечено в боевые действия, общее количество приписанной к ним метательной техники было огромно. Например, при осаде иудейской крепости Иотапата Веспасианом в 67 г.н.э. три римских легиона использовали 160 единиц метательных машин (Jos. B. Iud. III, 7, 9). Кстати, это количество орудий хорошо согласуется с более поздним свидетельством Вегетия (II, 25), который пишет, что каждый легион должен иметь 55 стрелометных карробалист и 10 камнеметных онагров (это явная модернизация, несомненно, в его собственном источнике речь идёт о стрелометных катапультах и камнеметных баллистах).

Также Вегетий сообщает, что метательные машины изготавливались в легионных мастерских (II, 11). Археологические и эпиграфические источники подтверждают изготовление, по крайней мере, деталей для метательных орудий легионными мастерами. На папирусе II—III вв. из Египта (P. Berlin 6765 = ChLA 10, 409) говорится о том, что в легионной мастерской II Траянова легиона 19 апреля изготавливали *capitula ballistaria* (рамы для баллист). Таррунтен Патерн упо-

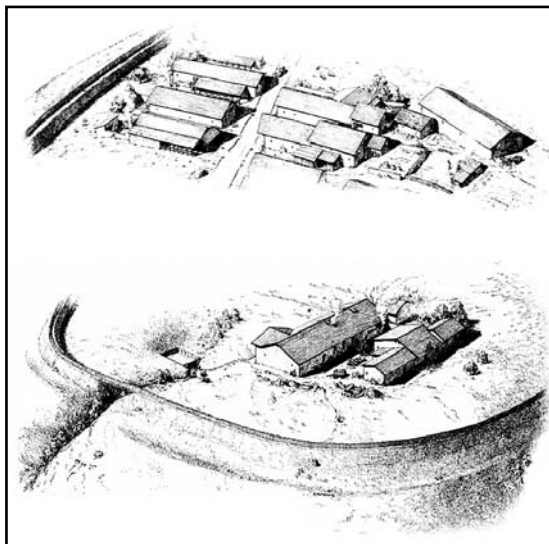

Рис. 37. Графическая реконструкция производственного комплекса в Ауэрберге (по Ulbert, Zanier 1997: Taf. I, II).

Fig. 37. Graphic reconstruction of the industrial complex at Auerberg (after Ulbert, Zanier 1997: Taf. I, II).

минает баллистариев среди иммунов, и это также может свидетельствовать о том, что в обязанности последних входила починка обслуживаемых ими орудий (D. L, 6, 7). Однако такие производства могли быть и полностью специализированными. К тому же из *Notitia Dignitatum* известно такое производство (*fabrica ballistaria*) в Трире (ND. Or. IX, 36), хотя в Августодуне (совр. Отён) метательные машины изготавливались вместе с доспехами в рамках одного производственного комплекса (ND. Or. IX, 31). Таким же образом, и в производственном комплексе I в.н.э., раскопанном в Ауэрберге, литейные формы для изготовления бронзовых натяжных втулок, модиолусов, для стрелометов (Drescher 1994: 113—171; Baatz 1994b: 173—187), соседствовали с остатками стекольного, гончарного и ткацкого производства (Ulbert 2006: 35). Сам характер памятника определяется как гражданский, но ремесленники, вне всякого сомнения, трудились и на нужды армии. Об этом свидетельствует то, что при возведении укрепленного вала поселения, скорее похожего на аналогичные укрепления римского походного лагеря, в работах участвовали военные, а также развертывание производства на непродолжительный срок времени (соответствующий времени покорения Реции), ведь функционировало оно, по данным дендрохронологии, около 30 лет (между 14—40 гг.н.э.) и было эвакуировано по невыясненным причинам (Ulbert 2006: 36) (рис. 37).

Кроме того, производства метательных орудий могли находиться в крупных городах. В Риме было обнаружено надгробие Г. Веденния Модерата (CIL VI, 2725 = ILS 2034), который был назван в надписи инженером торсионных машин императорского арсенала (*architectus armamentarium imperatoris*). Судя по всему, он служил не только на производстве метательных машин, но и выполнял обязанности организатора их починки и технического обслуживания в арсенале преторианской гвардии. Кроме того, есть мнение, что баллисты могли использоваться в Риме при тушении пожаров, находясь в распоряжении когорт ночной стражи (*vigiles*) (Martino 2007: 279). В этом случае требовались не столько большие и стационарные орудия, сколько те, которые обеспечивали бы высокую мобильность и могли быть в кратчайшие сроки переброшены с одного участка городской застройки в другой. Осознавая необходимость изготовления машин удобных в транспортировке, Герон Александрийский (Heron. Bel. W90) советовал изготавливать их легко собирающимися и разбирающимися. Поэтому конструкция даже небольших машин позволяла разбирать их на три составные части (лафет, ствол и натяжную раму).

При производстве метательных машин требовался труд плотника (*carpentarius*), который работал с деревянными частями, литейщика (*conflator*), отливавшего бронзовые детали рам, и кузнеца (*ferrarius*), который ковал железные и стальные детали зарядно-спускового механизма, торсионные пружины и т.п. Таким образом, можно предположить существование как специализированных производств (таковые могли находиться в Риме и других крупных городах), в которых метательные машины изготавливались и собирались полностью, так и производств, изготавливавших отдельные детали, из которых орудия могли собирать непосредственно легионные специалисты.

Другим видом метательного оружия, использовавшимся специальными подразделениями римской армии, был лук. Археологические находки свидетельствуют в пользу того, что в римской армии использовали сложносоставной лук (Coulston 1985: 220—366; Bishop, Coulston 2006: 88, 123, 164, 205, 206, 216, 236—238). Такие луки изготавливали из дерева, усиленного изнутри изгиба накладками из пластинок рога и других твердых материалов, а снаружи — путём привязывания или приклеивания пучков сухожилий. Концы лука усиливались роговыми наконечниками, к которым крепилась тетива.

Изготовление такого лука было процессом долговременным и чрезвычайно трудным. Иногда в различных источниках встречаются утверждения, будто изготовление одного лука занимало несколько лет (Al-Baklamishi Al-Yunani Taybugha 1970: 8, 15—16; Luschan 1899: 233). Это верно только при условии, если учитывать полный цикл производства: от заготовки древесины до появления готового оружия в руках бойца. Сам же процесс изготовления лука из уже имеющихся в наличии деталей должен был занимать несколько часов, с учетом практики мастеров того времени.

Й. Коулстон, изучавший снаряжение римского лучника, проводил аналогию в изготовлении луков римскими мастерами с тем процессом, который описал мамелюкский командир Тайбуга в XIV в. (Al-Baklamishi Al-Yunani Taybugha 1970: 8, 15—16; Coulston 1985: 249—250), и даже с тем процессом, который был подробно описан на примере деятельности мастерской в Чэнду (Rausing 1967: 22—26), изготавливавшей китайские луки (Coulston 1985: 256). С учетом того, что сама технология изготовления сложносоставного лука мало менялась на протяжении последующего времени, такое сравнение может иметь место. Но, с другой стороны, не стоит забывать о невозможности полноценной реконструкции особенностей изготовления луков и организации их производства для римской армии при отсутствии источников, позволяющих это сделать. Конечно же, на основании изучения некоторых производственных центров можно делать выводы об изготовлении в них луков и стрел, но реконструировать в полной мере по этим находкам и скудным сообщениям античных авторов организацию труда римских изготовителей луков и стрел пока не представляется возможным. Ясно одно — это были хорошо подготовленные специалисты, обучение которых должно было начинаться их отцами ещё в детском возрасте. Только после долгих лет работы можно было стать настоящим мастером своего дела. Недаром источники специально выделяют мастеров по лукам (*arcuarii*) и даже изготовителей стрел (*sagittarii*) среди прочих работавших в легионных мастерских (D. L., 6, 7). Их деятельность в рамках этих предприятий в эпоху принцепата подтверждается данными археологии, поскольку заготовки костяных накладок найдены в Корбридже (Coulston 1985: 225—226), Карлеоне (Coulston 1985: 227—229), Интерцизе (Salamon 1976: 50). С образованием государственных оружейных заводов были открыты специализированные производства луков и стрел в Конкордии (совр. Конкордия Саджитария), Тицине (совр.

Павия) и Матиско (совр. Макон) (ND. Ос. IX, 22, 26, 30) (рис. 38; 39).

При производстве расходуемого вооружения (Sim 1992: 105—119), такого, как стрелы, либо даже пилумы, необходимо принимать во внимание два немаловажных критерия: эффективность в производительности и себестоимость продукции. Проблема перерасхода материала, часть которого в ходе процесса неминуемо утрачивалась и шла на лом, решалась за счёт того, что всё это оружие выковывалось из одного куска железа, совершенно без швов и с использованием минимального количества металла (рис. 40). Его производством могли заниматься даже малоквалифицированные работники, поскольку обучить изготовлению этого требовавшегося в больших количествах оружия было гораздо проще, чем ковке доспеха или шлема. При этом масштабы производства расходуемого оружия могли быть очень большими. В этой связи интересно захоронение металлического лома, обнаруженное в крепости Инктитил, в котором содержалось около одного миллиона гвоздей, чей вес составляет семь тонн (Angus et al. 1962: 956—968; Mapelli et al. 2009: 51—58). Данная находка свидетельствует о практике массового производства вещей под конкретные нужды, и несомненно, что, подобно гвоздям, расходуемое оружие также заготавливалось впрок и складировалось с соблюдением необходимых предосторожностей, предотвращавших ржавление (обработка жидкими смолами, битумом, свинцовым суриком или свинцовыми белилами и гипсом) (Plin. HN. XXXIV, 43).

Как показали исследования римских наконечников копий, они не были закалены (Gilmore, Tylecote 1986: 242). Д. Сим предположил, что отсутствие практики закаливания расходуемого оружия являлось целенаправленной политикой римлян, которые очень часто сражались с противником, не защищенным доспехом (Sim, Ridge 2002: 89). Вследствие этого, такой незакаленный наконечник всё равно поражал незащищенного вражеского воина, но если бы это оружие изготавливали из закаленной стали, тогда для его производства и возможной починки после использования потребовались бы навыки более опытного кузнеца (Sim, Ridge 2002: 89).

В отличие от изготовления стрел и копий,ковка меча представляла собой более сложный процесс (рис. 41; 42), ведь оружейнику нужно было добиться сочетания двух немаловажных особенностей, присущих этому виду оружия. Во-первых, меч

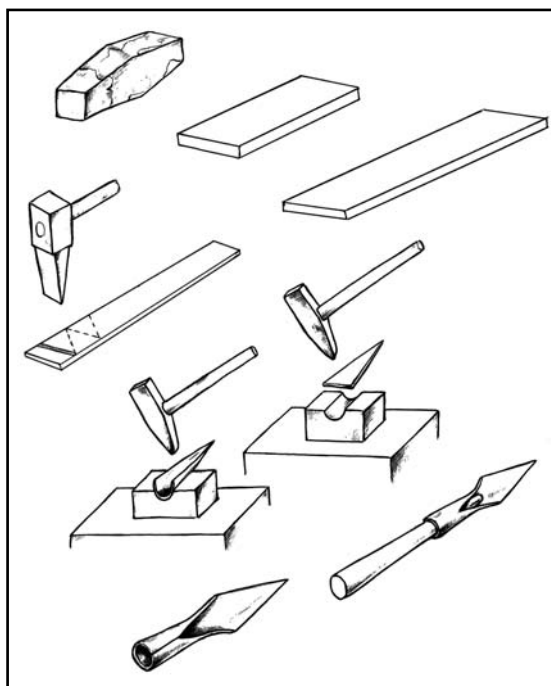

Рис. 38. Изготовление наконечника стрелы (рисунок автора, по Sim, Ridge 2002: 80, fig. 27).

Fig. 38. Manufacture of an arrowhead (drawing by the author, after Sim, Ridge 2002: 80, fig. 27).

должен быть достаточно твердым, чтобы его лезвие как можно меньше деформировалось, и он не стал бы непригоден к использованию вскоре после его изготовления. Во-вторых, меч должен быть гибким, ибо излишне жесткий клинок был слишком хрупок и постоянно подвергался риску быть сломанным в бою. В то же время было важно, чтобы лезвие не сгибалось при сильном ударе, а было упругим. Это особенно было актуальным при изготовлении мечей с длинным лезвием (*spatha*).

В римский период таких характеристик твердости железа можно было достигнуть двумя способами:

- 1) Сделать лезвие меча из ламинированной стали, т.е. путем сковывания вместе различных по жесткости кусков металла;

- 2) Провести цементацию готовой детали из мягкой стали, т.е. увеличить в ней содержание углерода. В последнем процессе материал накапливает углерод за 6 часов на глубину до 2 мм. Резкое падение температуры горячего металла в процессе закалки приводит к упрочнению слоев науглероженной стали. Последующий повторный нагрев заготовки до 320°C и повторное её (теперь уже умеренное) охлаждение называются отжигом. В результате этого осуществляются процессы возврата (отдыха металлов), рекристаллизации

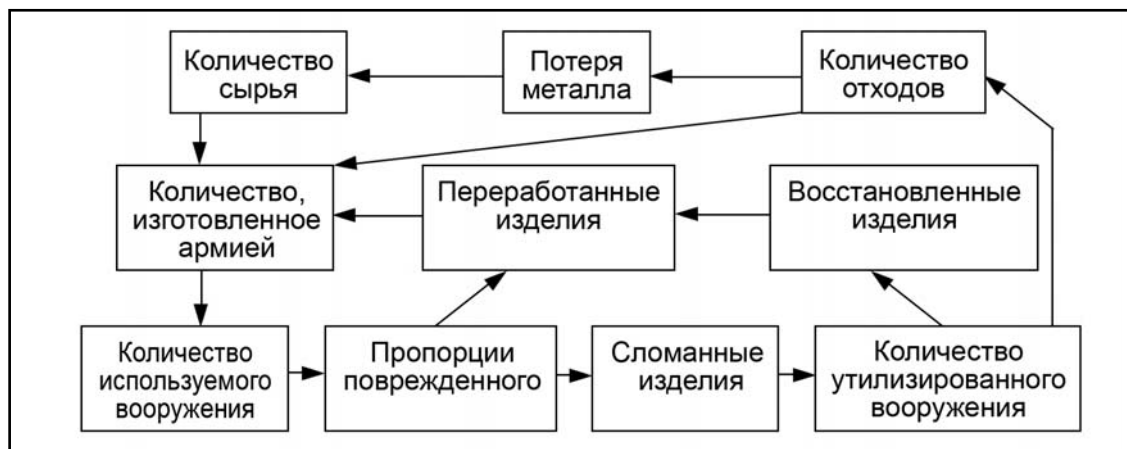

Рис. 39. Схема рециркуляции сырья и металлического лома, используемого в производстве вооружения легионными мастерскими (по Bishop 1985: 14, fig. 3).

Fig. 39. Recycling scheme of raw materials and scrap metal, used for manufacture of armament in legionary workshops (drawing after Bishop 1985: 14, fig. 3).

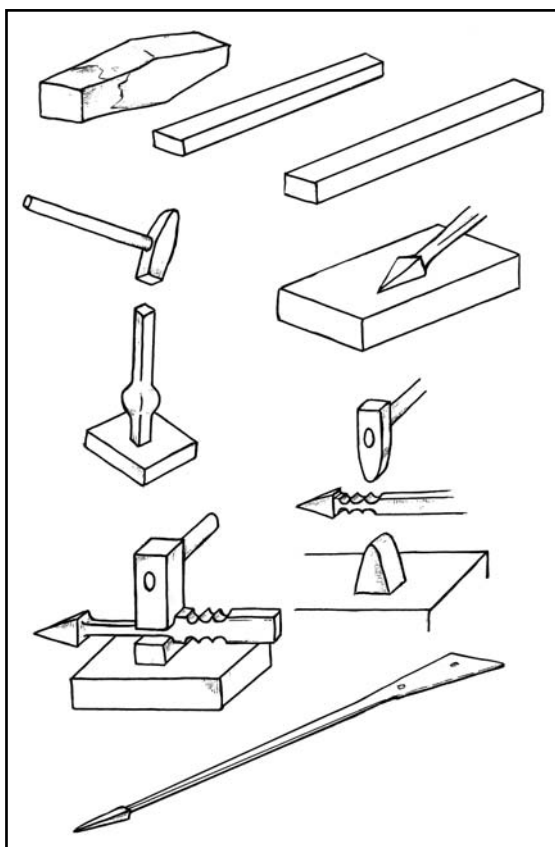

Рис. 40. Изготовление пилума (рисунок автора, по Sim, Ridge 2002: 86, fig. 34).

Fig. 40. Manufacture of a pilum (drawing by the author, after Sim, Ridge 2002: 86, fig. 34).

и гомогенизации; при этом происходит снижение твёрдости для повышения обрабатываемости, улучшение структуры, достижение большей однородности металла и снятие внутренних напряжений.

Во время цементации очень сложно контролировать твердость однородного материала. Вероятно, поэтому римские оружейники предпочитали изготавливать клинки из отличающихся друг от друга по твердости кусков металла (подробнее см.: Biborski 1993: 91—130; 1994: 169—197). Их расположение определяло распределение твердости зон в заготовке. Стратиграфия расположения слоев могла быть как горизонтальной, так и вертикальной (Miks 2007: 53).

В результате экспериментов со смешением слоев появилась так называемая «узорчатая ковка» или «узорная сварка» (дамаскирование) (Maryon 1960: 25—60). Лезвие меча состояло из множества тоненьких брусков (полос) железа, которое раскаляли до бела, обложив углями, до тех пор, пока его поверхность не впитывала достаточное количество углерода, превратившись в сталь (хотя основа при этом оставалась железной). Сердцевина брусков была тёмной, а стальная поверхность — более светлой. Затем, чтобы равномерно распределить сталь, железные полосы складывали вдвое, охлаждали различными способами, а затем проковывали; потом снова складывали вдвое и снова проковывали. После этого пучок перекрученных брусочков сваривали, получив из них центральную часть клинка. К ней приваривали две полоски из наилучшей стали, которые образовывали режущие края. В ходе этого процесса в центральной части клинка образовывался узор из переплетённых полос стали и простого железа, который выглядел как сплетение перевитых между собой светлых и тёмных волн, напоминающих извивающихся змей или сплетенные ветви (рис. 42).

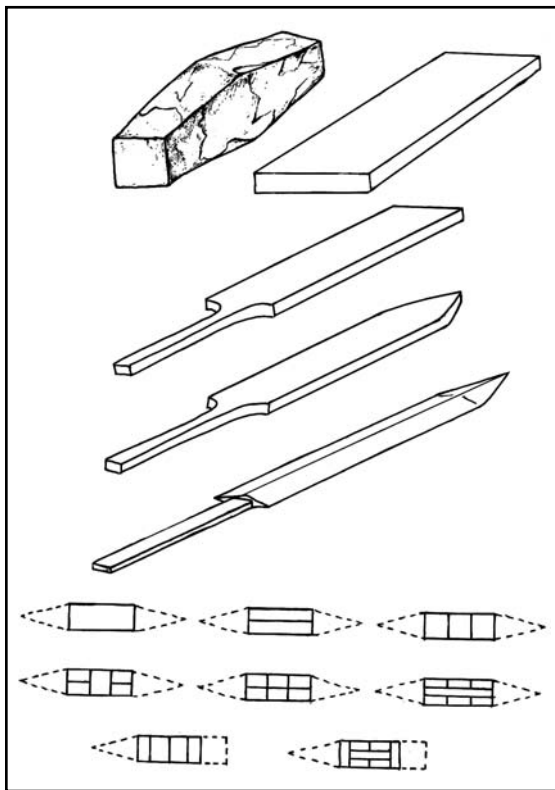

Рис. 41. Изготовление меча-гладуса (рисунок автора, по Sim, Ridge 2002: 91, fig. 36).

Fig. 41. Manufacture of a gladius-sword (drawing by the author, after Sim, Ridge 2002: 91, fig. 36).

Три четверти мечей из болотных находок в Нидаме имеют дамаскированные клинки (Bemmann, Bemmann 1998: 158), аналогичные мечи происходят из торфяников Иллеруп (Ilkjær, Lønstrup 1983: 102, 107) и Эйсбел (Ørsnes 1988: Taf. 66—69). И хотя большинство находок таких римских мечей датируется IV в. н. э., часть из них найдена в одной из залежей оружия в Иллерупе, которая датируется фазами А и В (первая половина III в. н. э.), а это позволяет предположить, что массовое производство таких «узорных» мечей началось уже в начале III в. н. э. (Miks 2007: 55).

Однако, как показывают результаты металлографических исследований римских мечей, вышеописанные методы, необходимые для наилучшего результата в достижении оптимальной твердости клинка в сочетании с необходимой упругостью, использовались оружейниками не повсеместно, а также не всегда правильно применялись. Металлографический анализ некоторых римских мечей первых веков н. э. выявил нарушения в технологии изготовления. Например, меч из Чичестера был неравномерно цементирован, и на этом же самом участке имеются свидетельства обезуглероживания (Lang 1988: 208). При изготовле-

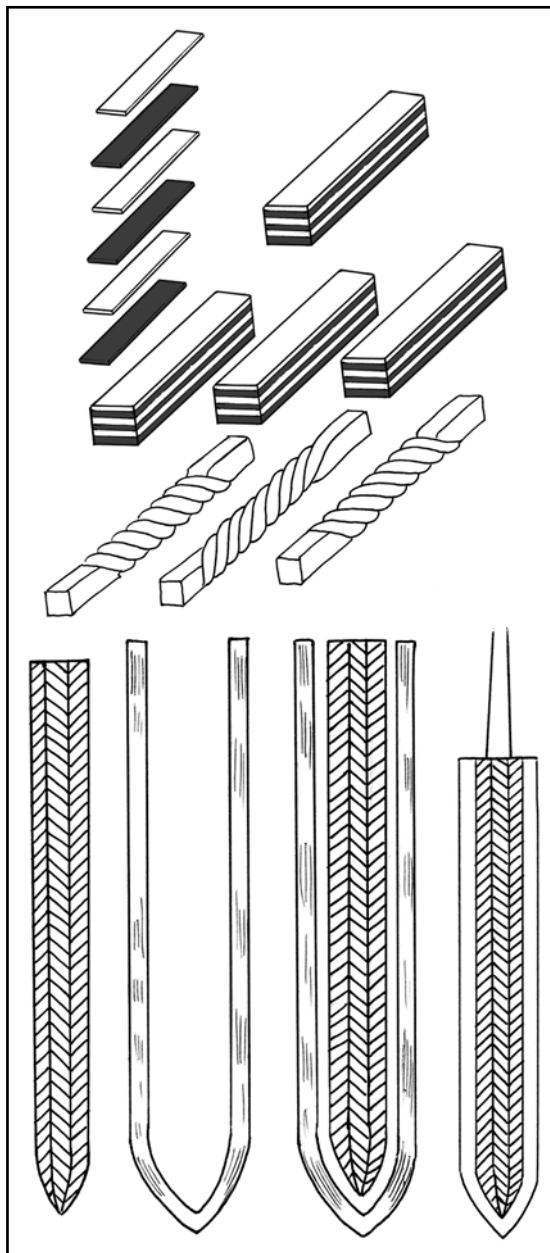

Рис. 42. Изготовление меча-спаты с дамаскированным клинком (рисунок автора, по Sim, Ridge 2002: 94, fig. 38).

Fig. 42. Manufacture of a pattern welded sword (drawing by the author, after Sim, Ridge 2002: 94, fig. 38).

нии меча из Фулхэма технология также была нарушена: не был соблюден температурный режим, и температура опустилась ниже отметки АЗ¹²⁹, в результате чего фаза образования мягкого феррита началась ещё до закалки. На переднем крае так называемого «меча Тиберия» кузнец удалил внешний слой ме-

¹²⁹ АЗ — линия GOS (переменная температура, зависящая от содержания углерода в сплаве).

талла, богатый углеродом, который был бы самой твердой частью лезвия после закалки (Lang 1988: 209). Эти факты свидетельствуют о том, что процесс не всегда адекватно контролировался. Кроме того, напрашивается вывод об изготовлении экземпляров худшего качества оружейниками низкой квалификации, такими, как иммуны-кузнецы, основной сферой деятельности которых была починка вооружения, а не изготовление нового. Либо это допущенная при работе халатность. В любом случае, судя по исследованным экземплярам, такие образцы всё же доделывали и пускали в оборот.

4.3.2. Производство оборонительного вооружения (доспех, шлемы, щиты)

Римские доспехи, чья средняя толщина составляет 1,26 мм, были тоньше средневековых (ср.: Brewer 1981: 1—8). При этом, однако, их защитные свойства были ничем не хуже. Металл, из которого были сделанные подвергнутые исследованию образцы, был относительно чист и содержал лишь незначительные включения шлака (Fulford et al. 2005: 246).

Дифференциальная твердость участков между внутренней и внешней поверхностями была обнаружена на фрагменте чешуйчатого доспеха из Карлайла, где наружная поверхность была более твердой (сталь). Этот эффект был достигнут путем преднамеренной карбонизации одной из сторон панциря, на заключительном этапе работы с предметом. Сочетания жесткого наружного слоя с более гибким внутренним, поглощающим силу удара, демонстрирует высокий профессионализм римских оружейников, чье знание материалов, с которыми они работали, было исключительно многогранным.

Анализ ламинарного (пластинчатого) доспеха (*lorica segmentata*), который состоял из горизонтально расположенных широких стальных полос, скрепленных между собой посредством системы кожаных полос и ремешков, проведенный А. Уильямсом (Williams 1977: 77), показал, что железные пластины не были закалены, хотя римляне, безусловно, знали, как это делать. В связи с этим исследователь сделал вывод о том, что имелось сознательное стремление создать «мягкий» доспех, который должен был поглощать энергию удара. Такое объяснение полностью соответствует нашим знаниям о конструкции этого типа доспеха.

Исследования, проведенные с помощью современной техники, показывают, что рим-

ские оружейные технологии были более сложными, чем представлялось прежде. Так, металлографический анализ фрагмента панциря из Виндоланды свидетельствует о том, что он был сделан из двухслойного железного листа, изготовленного методом кузнечной сварки слоев, наложенных друг на друга (Fulford et al. 2005: 245). Кроме того, на этом фрагменте были обнаружены следы прямых линий, которые могли остаться на заготовке в результате использования большого молота или прокатного станка. В своей недавней работе Д. Сим и Дж. Камински предлагают гипотетическую реконструкцию такого «прокатного стана» римлян, устройство которого они выводят из технических возможностей, которыми обладали римляне. Авторы полагают, что ролики были или бронзовыми, или каменными, вследствие чего их невозможно идентифицировать среди археологического материала (Sim, Kaminski 2012: 54, 55).

Кольчуга являлась одним из самых популярных и самых массовых видов доспеха в римской армии. В начале эпохи принципата этот вид защитного снаряжения изрядно потеснили упомянутые выше сегментные ламинарные панцири (*lorica segmentata*), однако до конца так и не вытеснили, поскольку кольчатый панцирь был самым удобным типом доспеха и совершенно не стеснял движений одетого в него воина. Кроме того, вкупе с поддоспешником, он обеспечивал довольно надёжную защиту.

Ко времени принципата у римских оружейников накопился солидный опыт в изготовлении кольчатого доспеха. Большей частью в ходу были железные кольчуги, но найдены и образцы из бронзовых колец. Фрагменты бронзовых экземпляров происходят из Ньюстеда и Люнта (Robinson 1975: 171—173). Биметаллическая кольчуга с вплетёнными медными или бронзовыми кольцами найдена в Вимозе (Engelhardt 1869: 12, Taf. 4).

Утверждение о том, будто римские кольчуги всегда изготавливали из сплетения сведённых и склёпанных (*hami*) с вырубленными кольцами (*circuli*), когда ряды плоских вырубленных колец перемежались с рядами заклёпанных, является неверным (Engelhardt 1869: 171), так как имеются находки кольчуг из склёпанных и сварных колец, найденные в Ньюстеде (Curle 1911: 161) и в залежах оружия из датских болот (Engelhardt 1863: 26). По-видимому, один экземпляр римской кольчуги с вырубленными кольцами происходит из Карлингуорк-Лока (Piggott 1952—1953: 74) (рис. 43).

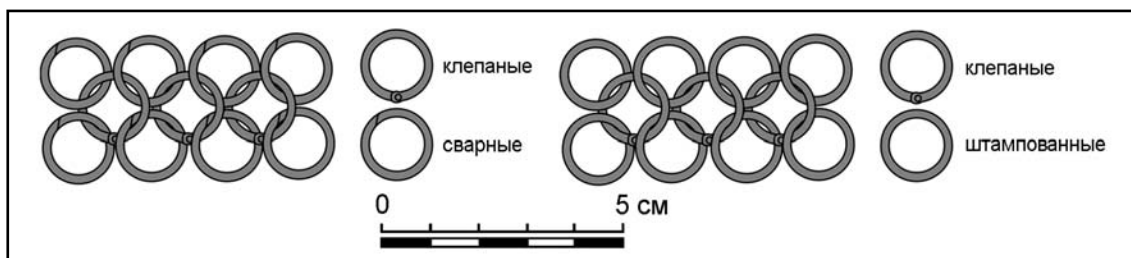

Рис. 43. Схема сборки римских кольчуг (рисунок автора).

Fig. 43. Manufacture of Roman chain mail (drawing by the author).

Количество обоих видов колец, необходимых для изготовления одной кольчуги зависело от её размера и длины, а также от размера самих колец. В I—II вв. н. э. кольчуги изготавливали из колец диаметром от 3 до 10 мм. При этом в каждой кольчужной рубашке могло быть сплетено от 30 000 до 100 000 железных колец. Вес такого доспеха в I в. н. э. приблизительно равнялся 9—15 кг (Cowan 2003: 32), а во II в. н. э. — 6—10 кг¹³⁰. Д. Сим вычислил усредненный вариант, при котором для производства одной кольчуги из колец диаметром в 7 мм требовалось около 35 000 колец (для чего расходовалось 760 м проволоки весом около 6,6 кг) (Sim, Ridge 2002: 98). Метод вырубания (штамповки) колец для кольчуги Д. Сим испытал опытным путем, а затем описал в своих работах. По его утверждению, изготовить такое кольцо можно было при помощи всего пары ударов, если имелся простейший штамп для его штамповки (Sim 1997: 365—368). Этот метод должен был заметно сокращать время изготовления кольчужной рубашки. Однако имеются находки кольчужных колец, чей диаметр не превышает 3—4 мм. В Виндониссе обнаружен фрагмент кольчужного плетения размером 10×1 см (Gansser-Burckhardt 1942: 47; D'Amato, Sumner 2009: 129, fig. 162). Он состоит из шести рядов очень мелких бронзовых колечек диаметром 0,5 см и толщиной 0,5 мм. Такие ко-

лечки, несомненно, служат подтверждением высочайшего мастерства изготовителя, однако, с другой стороны, в письменных источниках нет никаких указаний на специализацию мастеров-кольчужников, которые не упоминаются подобно шлемникам (CIL VI, 1952 = AE 2001, 169; D.L. 6, 7), щитникам (Veget. II, 11; Tab. Vindol. 160), изготовителям стрел и луков (D. L. 6, 7). Изготовители кольчуг, по-видимому, подпадали под категорию изготовителей доспехов (*loricarii*) (CIL XIII, 2828). Протянуть проволоку, вырубить кольца и даже склепать кольца могли неспециалисты¹³¹. Таким образом, за счёт вовлечения в процесс изготовления кольчуг большого количества работников могли достигаться объемы производства, способные в достаточной мере удовлетворить потребности армии в этом популярном элементе защитного снаряжения.

Для изготовления тех изящных экземпляров комбинированных панцирей в виде кольчуг, усиленных чешуйчатым набором (*lorica plumata*¹³²), фрагменты которых найдены в Ньюстедте, Аугсбурге, Ауддорпе (рис. 44) (Robinson 1975: 172—173, pl. 481, 484) и Аске (Price 1983: 12—13), требовались уже большие умение и навыки. Колечки и чешуйки были настолько малы (диаметр колец 3 мм, размер чешуек 1×7 мм), что от мастера, изготавливавшего их, требовалась наметанная рука (рис. 45).

Пожалуй, самые большие изменения в течение всей римской истории претерпел римский шлем. Небывало популярный в эпоху Республики монтефортинский шлем начинает вытесняться новыми, более совершенными

¹³⁰ Вес кольчуги зависел не только от сечения проволоки, из которой она была сделана, но и от конструкции и размера рубашки (главным образом длины). Римские образцы периода республики изготавливались в виде безрукавной рубахи и были снабжены дополнительным наплечником (скреплявшимся на груди при помощи бронзовых или железных крючков, установленных на расположенных по краям наплечников заклёпках), схожим с тем, который можно видеть на изображениях греческих анатомических кирас и лигнотраксов. На рубеже I в. н. э. под влиянием галльских образцов появился наплечник в виде пелерины. В таком виде и несколько укороченная кольчуга сохранялась до конца I в., затем наплечник исчезает и появляется вновь лишь в конце III в. (подробнее о римской кольчуге эпохи принципата см.: Robinson 1975: 164—173).

¹³¹ Автор, основываясь на собственном опыте изготовления кольчужного плетения, утверждает, что с этой работой мог справиться работник без специальных познаний в кузнечном ремесле.

¹³² В узком смысле название этого типа панциря происходит от латинского *pluma* — перо, и обозначает доспех из чешуек, напоминающих по своему виду птичьи перья (с закругленным или заостренным нижним краем и центральным продольным ребром).

Рис. 44. Фрагменты римского комбинированного панциря из кольчужного полотна и чешуек (*lorica plumata*) из Ауддорпа (фото из Rijksmuseum van Oudheden — Государственного музея древностей в Лейдене).

Fig. 44. Fragments of *lorica plumata* from Ouddorpe (photo from Rijksmuseum van Oudheden — Dutch National Museum of Antiquities at Leiden).

с защитной точки зрения, кельтскими шлемами, изрядно модифицированными римскими оружейниками.

В конце республиканского периода на шлемах появляются надписи, упоминающие либо изготовивших их оружейников, либо их владельцев. Это свидетельствует о значительном увеличении массы выпускаемой продукции, что было, в свою очередь, результатом увеличения армии за счёт тех, кто ранее к военной службе не допускался. Это подтверждается и введением в I в. до н.э. в оружейном производстве способа изготовления полых тел вращения из листовых или из полых заготовок методом ротационной вытяжки (*metal spinning*)¹³³. Преимущества этого метода стали очевидны только тогда, когда резко увеличились масштабы производства.

Отголоски эллинистической оружейной традиции прослеживаются на шлемах с масками и кавалерийских шлемах I—II вв. н.э.,

которые зачастую были богато украшены декором с изображением кудрей, а также иногда имели довольно специфическую имитацию такого декора в виде настоящих волосных париков.

В эпоху принципата произошли некоторые изменения в технологии производства шлемов. Первые надёжно датированные экземпляры раннеимператорского времени происходят с рейнского пограничья и демонстрируют значительное повышение их качества, при том, что в то же самое время распространяются методы массового производства, которые, казалось бы, должны резко ухудшить качество изготавливаемых предметов. Отмечается некоторое различие в технологиях, при котором шлемы легионеров почти всегда изготовлены более добротно, чем шлемы солдат вспомогательных подразделений, которые делали посредством отжима листа отожженной бронзы на шаблон во время его вращения (аналог токарного станка), о чем могут свидетельствовать концентрические линии, иногда видимые по всей окружности касок, а также отсутствие следов ударов молотка изнутри (Paddock 1985: 146). При таком способе производства практически невозможна подгонка шлема по голове. Но он значительно ускоряет и удешевляет процесс изготовления.

¹³³ О применении римлянами токарных станков говорят античные авторы (Plin. HN. XIX, 90; Vit. De Arch. X, 1, 5; 4, 1), правда, в их сообщениях нет прямых указаний на использование станков оружейниками. Гипотезу о применении вращения при изготовлении шлемов выдвинул Дж. Пэддок (Paddock 1993: 61, 69, 71, 72—75).

Однако железные шлемы, должно быть, ковались, так как в римском железе имелось слишком много примесей, не позволяющих предположить выдавливание вращением. Кроме того, первые железные римские шлемы массового производства имели овальный, а не полусферический купол и, таким образом, не могли быть сделаны методом выдавливания вращением (Paddock 1985: 147) (рис. 46).

На некоторых экземплярах отмечается абсолютно неудовлетворительное качество сборки. Так, на шлеме из Флюрена нижний край боковых стенок, переходящий в назатыльник, с каждой стороны имеет разный уклон. Кроме того, на левой стороне заклепки, удерживающие шарнир нащёчника, расположены вертикально одна над другой, в то время как на правой — горизонтально (Robinson 1975: 83). Существуют экземпляры, у которых нащёчники вообще разной длины. Эти дешевые изделия практически никогда не украшали каким-либо декором, и их единственным достоинством было простое и быстрое изготовление.

На шлемах имперского периода появляется целый набор усиливающих тулью элементов: козырёк, накладки над ушными вырезами, очень широкий назатыльник, большие нащёчники, а начиная с эпохи Дакийских войн также усиливающие крестообразно расположенные рёбра на макушке тульи. Выступающие плоскости — козырёк и перекрещивающиеся рёбра, назначением которых является погашение силы удара, на экземплярах III в. н. э. становятся неоправданно большими, что сказывалось на весе шлема и повлияло на последующее развитие римских шлемов, приведшее к частичному уменьшению веса за счёт потери некоторых защитных качеств, а также к удешевлению технологического процесса в массовом производстве.

Таким же непременным снаряжением воина, как меч, шлем и доспех, был и его щит. Несомненно, что на протяжении римской истории этот элемент защитного снаряжения претерпевал некоторые изменения. В начале I в. н. э. при Октавиане Августе овальный skutum (Eichberg 1987), популярный в республиканский период и подобный тому, что обнаружили в Каср-Эль-Харит в Фаюмском оазисе в Египте, был вытеснен более коротким прямоугольным щитом, который сохранил прежнее название. В эпоху раннего принципата новая модификация skutuma ещё напоминала своего предшественника, имея лишь срезанные верхний и нижний края (Garlick 1992: 160—161). Но со временем боковые края тоже стали прямыми, о чем свидетельствуют изо-

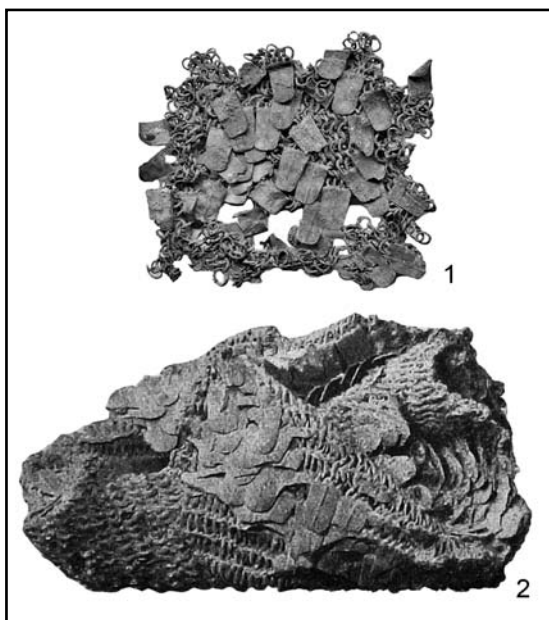

Рис. 45. 1 — фрагменты римского комбинированного панциря из кольчужного полотна и чешуек (*lorica plumata*), место находки неизвестно, частная коллекция (фото: Д. С. Петерсон); 2 — *lorica plumata* из коллекции Музея древностей в Берлине (по Rose 1906: 41, Abb. 14a).

Fig. 45. 1 — fragments of *lorica plumata*, unknown origin, private collection (photo by D.S. Peterson); 2 — *lorica plumata* from collection of Alte Museum, Berlin (after Rose 1906: 41, Abb. 14a).

бражения и единственный дошедший до нас экземпляр из Дура-Европос. Судя по этому образцу, технология изготовления skutuma практически не изменилась, и его по-прежнему делали из трёх крест-накрест склеенных слоев платановых дощечек. Если говорить обо всех разновидностях щитов, то со временем их дизайн становился другим, их форма и вес менялась, но конструкция оставалась практически без изменений; они изготавливались из склеенных между собой деревянных досок и имели центрально расположенную рукоять для захвата рукой, снаружи закрытую металлическим умбоном. Как правило, щиты покрывали с обеих сторон кожей, а края обивали тонкими накладными полосками металла. Как следует из дошедших до нас источников, изготовлением щитов занимались специально обученные щитники (*scutarii*) (Tab. Vindol. 160; CIL X, 3971 = ILS 7641)¹³⁴. Процесс этот был действительно непрост, ведь необходимо было уметь работать одновременно и с деревом, и с металлом, и с органическими материала-

¹³⁴ Благодаря табличкам из Виндоланды, даже стало известно имя одного из работавших там щитников — Луция (Tab. Vindol. 184).

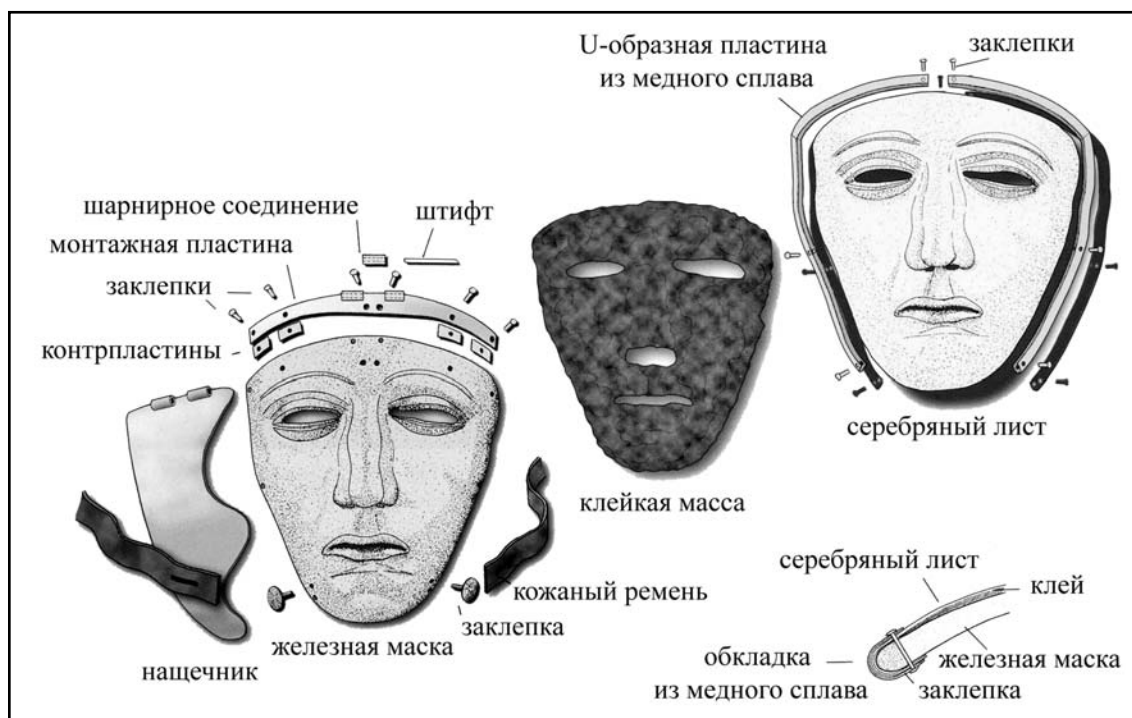

Рис. 46. Схема сборки маски от турнирно-парадного шлема типа Калькризе (по Meijers, Willer 2007: 36).

Fig. 46. Manufacture of face-mask of Kalkries type (after Meijers, Willer 2007: 36).

ми — кожей и клеями. Судя по некоторым сохранившимся умбонам, а также основываясь на некоторых иконографических источниках¹³⁵, можно предположить, что римляне уже в эпоху принципата могли изготавливать выгнутыми не только прямоугольные skutумы (имевшие изгиб в горизонтальной плоскости), но и овальные щиты (сохранившиеся образцы которых, датируемые эпохой принципата, все плоские)¹³⁶. Изготавливались таковые из до-

сок с непараллельными гранями, изогнутых над паром, а также выструганных до определенной кривизны. А это уже было довольно затруднительно для работников без специальных знаний.

4.4. Использование кожи, ткани и иных материалов при изготовлении воинского снаряжения

С древнейших времен кожу использовали для изготовления защитного снаряжения, поскольку кожаные доспехи относятся к простейшим типам защитного снаряжения и благодаря доступности материалов, а также простоте изготовления, являлись наиболее

¹³⁵ Например, небольшую кривизну в вертикальной плоскости, кроме ярко выраженного изгиба в горизонтальной, имеют цилиндрические skutумы, изображенные на рельефе с пьедестала колонны из претория в Майнце (60-е гг. н. э.) и на надгробии Гая Валерия Криспа из Висбадена (около 85—90 гг. н. э.).

¹³⁶ В последние годы сторонников существования в период принципата выгнутых щитов становится всё больше (Ratsdorf 2009: 343—351). На основании исследований серии умбон Х. Ратсдорф вычислил угол между полями умбона и шейкой, который всегда был больше 90°, что, по его мнению, противоречит гипотезе о плоских овальных щитах. В подтверждение своему выводу автор приводит найденные *in situ* гвозди или заклепки, оставшиеся в некоторых умбонах. Их шляпки или загнутые части точно соблюдают наклон полей умбона, а этот факт можно объяснить только наклоном самих досок щита и, следовательно, его выгнутостью. Однако, несмотря на эти доводы, следует отметить недостаточную надёжность аргументации сторонников выгнутости щитов, поскольку пока ещё не найдены реальные образцы с выгнутыми досками. Фрагменты щитов, найденные среди принесённого в жертву водному

божеству оружия в датских болотах (Иллеруп, Нидам), являются плоскими. Вместе с тем, там же обнаружено немало умбон с наклонными полями, причем у многих из них наклон полей достигает 95°. На некоторых умбонах имеется наклон полей около 120°. Единственный сохранившийся гвоздь от умбона с наклоном полей около 120° своей формой и длиной свидетельствует скорее о том, что данный умбон был приколот к плоскому полю щита. Кроме того, если бы поле щита было выгнутое, то обкладки рукоятей щитов должны были бы иметь загнутые широкие концы. Однако все обнаруженные до сих пор концы деревянных рукоятей являются плоскими, а не выгнутыми параллельно краям умбона.

дешевой и распространенной боевой защитой тела.

Кожа использовалась не только для изготовления собственно доспехов, но из неё делали чехлы на щиты и шлемы, защищавшие их от воздействия сырости. Кожаными были поддоспешники, воинские портупей и военная обувь — калиги, сёдла и конская узда (рис. 47; 48; 49).

О востребованности кожаных доспехов в римской армии до сих пор продолжают бурные дискуссии. Этот вопрос немаловажен при исследовании функционирования римского оружейного производства, ведь возникает вполне закономерный вопрос о масштабах производства кожаных доспехов и о существовании специализации оружейников, работавших с кожей.

Как известно, все доспехи прошли эволюцию, начиная с конструкций из мягких материалов. Первоначально это было защитное снаряжение из ткани или кожи. Затем их начали частично усиливать накладными металлическими пластинами, и лишь потом пришли к изготовлению собственно металлических доспехов. Но при этом кожу или ткань всё равно продолжали применять или в виде подкладки, или как элемент соединения доспеха.

Многочисленные находки металлических доспехов убеждают в том, что римская армия была экипирована ими в достатке, и легионеры, по-видимому, отдавали свое предпочтение именно металлическим доспехам. В то же время источники свидетельствуют и об использовании кожаных изделий. На основании анализа письменных источников считают, что термин *galea* обозначал кожаный шлем (Smith 1875: 565—566; Reinach 1896: 1429). Именно так называли древнейшие римские шлемы, которые, согласно литературной традиции, считались кожаными или сшитыми из шкур, о чем говорят такие определения, как *galea lupina* (Propert. 14, 10, 20) и *galea hirsuta* (Propert. 4, 10), которые, видимо, обозначают боевые наголовья, сшитые из волчьих шкур.

То, что шлемы позднереспубликанского времени и эпохи принципата могли хотя бы частично изготавливать из кожи, подтверждают иконографические источники и данные археологии. Большинство шлемов типа Монтефортино, широко распространенного в позднереспубликанский период, найдено без нащёчников, а немногочисленные находки с сохранившимися нащёчниками относятся либо к наиболее ранним, либо наиболее поздним модификациям. Два таких экземпляра IV в. до н.э. хранятся в Национальном му-

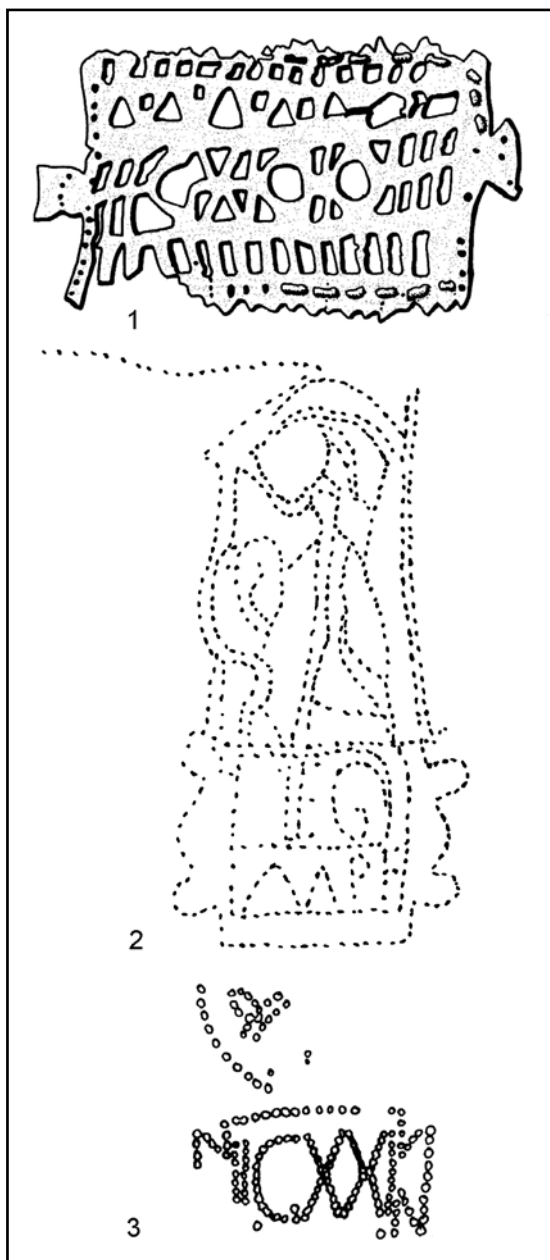

Рис. 47. Надписи на кожаных чехлах щитов: 1, 3 — Виндонисса; 2 — Боннер Берг (по Bishop, Coulston 2006: 46, fig. 20).

Fig. 47. Inscriptions on leather shields covers: 1, 3 — Vindonissa; 2 — Bonner Berg (after Bishop, Coulston 2006: 46, fig. 20).

зее античности в Парме (Robinson 1975: 17, pl. 4) и в музее замка Сан-Анджело в Риме (Robinson 1975: 17, pl. 5), а наиболее поздний экземпляр типа Монтефортино был поднят из реки По у Кремоны (Robinson 1975: 24—25, pl. 34—36). Это обстоятельство позволяет предполагать, что шлем в ряде случаев был оснащен только подбородочным ремнём. Однако все шлемы имеют в височной области парные отверстия под заклёпки, которые

Рис. 48. Кожаный конский налобник из Ньюстеда. Национальный музей Шотландии (по Curle 1911: pl. XXI).

Fig. 48. Leather horse chamfron from Newstead. National Museum of Scotland (after Curle 1911: pl. XXI).

ми могли крепиться шарниры, а в ряде случаев и приклепанные трубчатые детали шарниров. Единственная альтернатива металлическим нащёчникам — кожаные нащёчники (Bartuol, Sauzade 1969: 24). По крайней мере, их использованием можно объяснить крайне редкие находки металлических нащёчников вместе со шлемами. Можно предположить, что шлемы на алтаре Гнея Домиция Агенобарба в Лувре изображены именно с кожаными нащёчниками. В подтверждение данной гипотезы кожаные нащёчники шлема (или подкладка нащёчников) были обнаружены при раскопках крепости Виндониисса (Gansser-Burckhardt 1942: fig. 28c) (рис. 50). Кроме того, в Виндонииссе были найдены и другие изготовленные из кожи предметы, такие, как остатки кожаных рубах, подчас интерпретируемых как поддоспешники, и фрагменты, считающиеся деталями кожаных доспехов (D'Amato, Sumner 2009: 137—138, 146) (рис. 51; 52; 53). Фрагмент кожаных доспехов происходит из римского слоя крепости Каср-Ибрим, Египет (Британский музей, Inv.80.1.21/75) (D'Amato, Sumner 2009: 144, fig. 191) (рис. 54). Он изготовлен из куска кожи, как бы нарезанной горизонтальными полосами, связывавшимися спереди при помощи пропущенного через них шнура. Этот предмет очень напоминает некоторые иконографические воспроизведения ламинарного доспеха (*lorica segmentata*). Вследствие этого Р. Д'Амато высказывает предположение о существовании и широком распространении сре-

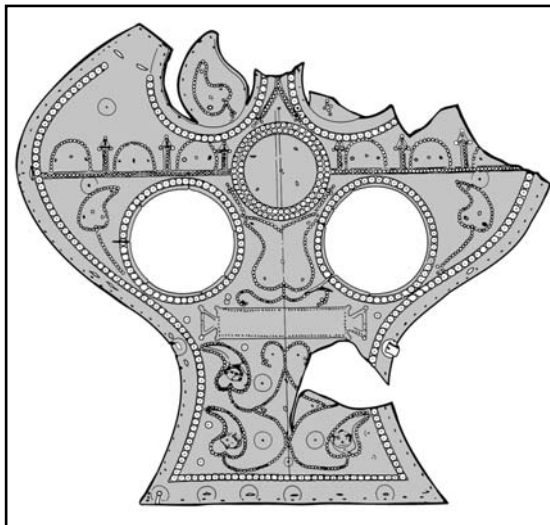

Рис. 49. Кожаный конский налобник из Виндоланды (рисунок автора, по Негин 2010: 160, рис. 223).

Fig. 49. Leather horse chamfron from Vindolanda (drawing by the author, after Негин 2010: 160, рис. 223).

ди римских военнотружущих изготовленного из кожи варианта *lorica segmentata*. Не оспаривая возможности существования подобного доспеха, выскажем некоторые соображения относительно того, насколько массовым было распространение этой разновидности кожаного защитного снаряжения в римской армии. Несомненно, следует помнить о том, что кожаный доспех стоил дешевле металлического, поэтому его могли чаще носить воины-пехотинцы вспомогательных войск, чей жалование было немного меньшим (Speidel 1973: 141—147). Но насколько доспехи из кожи были интересны легионерам? Их *habitus*¹³⁷ должен был отличаться от внешнего облика тех, чей статус был ниже, и им незачем было уподобляться воинам вспомогательных подразделений, которых они продолжали считать варварами. Чтобы продемонстрировать свой более высокий статус (Негин 2009: 119—123), легионеры стремились во всем превосходить их — и в поведении, и в дисциплине, и в качестве и стоимости доспеха¹³⁸. Если вопрос

¹³⁷ Облик (*habitus*) военного формировался внешним видом его доспехов и экипировки, которые одновременно определяли то, что называется *esprit de corps* (корпоративный дух и «честь мундира»), а в более узком смысле демонстрировали статусное состояние владельца, в особенности на различных парадах и других торжественных мероприятиях. Подробнее о *habitus* в современной научной трактовке, которая подразумевает более широкое толкование термина смотри у С. Фанг (Phang 2008: 34—35, 71).

¹³⁸ Вместе с тем, несмотря на указание Тацита, что вооружение легионеров, солдат вспомогательных

Рис. 50. Кожаная подкладка нащечников шлема, найденная в Виндониссе (по Gansser-Burckhardt 1942: Abb. 28c).

Fig. 50. Fragments of leather lining for cheekpieces from Vindonissa (after Gansser-Burckhardt 1942: Abb. 28c).

о массовом использовании кожаного варианта сегментного панциря остается открытым¹³⁹, то можно с уверенностью говорить о применении в римской армии кожаных доспехов в целом. Пусть они были и не слишком популярны, но об их использовании свидетельствуют фрагменты кожаных ламеллярных набедренников, найденных в ходе раскопок Дура-Европос.

войск и преторианцев отличалось друг от друга (Тас. Hist. 1, 38), археологические находки, в основной своей массе, не позволяют различать вооружение по родам войск. Дело усложняется, когда одинаковые типы доспехов можно видеть на изображениях как легионеров, так и солдат вспомогательных войск. Существует мнение об умалении статуса ауксилариев, которые до середины II в. н. э. не получали императорских донатив (ср.: Dio Cass. LIX, 2, 3), вплоть до III в. н. э. зачастую выходили в отставку без наградных (*praemia militiae*) и имели более низкое по сравнению с воинами легионов жалование. Исходя из этого, некоторые исследователи делают вывод о дешёвых и подчас устаревших доспехах солдат вспомогательной пехоты. Действительно, на некоторых иконографических памятниках, таких, как рельефы времени правления Веспасиана из претория в Майнце, можно видеть ауксилариев в тех же самых модификациях шлемов, которые носили легионеры в первой половине I в. н. э. Появилась даже гипотеза о передаче устаревшего вооружения из легионов солдатам вспомогательных войск (см.: Robinson 1975: 82). Но, похоже, никаких убедительных доказательств существования данной практики нет. С этой точки зрения было бы заманчиво рассматривать кожаную лорику сегментату как элемент защитного снаряжения пехотинцев вспомогательных войск, но на сегодняшний момент, кроме находки фрагмента в Каср-Ибриме, нет никаких доказательств сколько-нибудь массового применения кожаной лорики сегментаты в римской армии.

¹³⁹ Более подробная дискуссия о распространенности в римской армии доспехов из кожи и органических материалов представлена в книге Р. Д'Амато и Г. Самнера (D'Amato, Sumner 2009: 135—144).

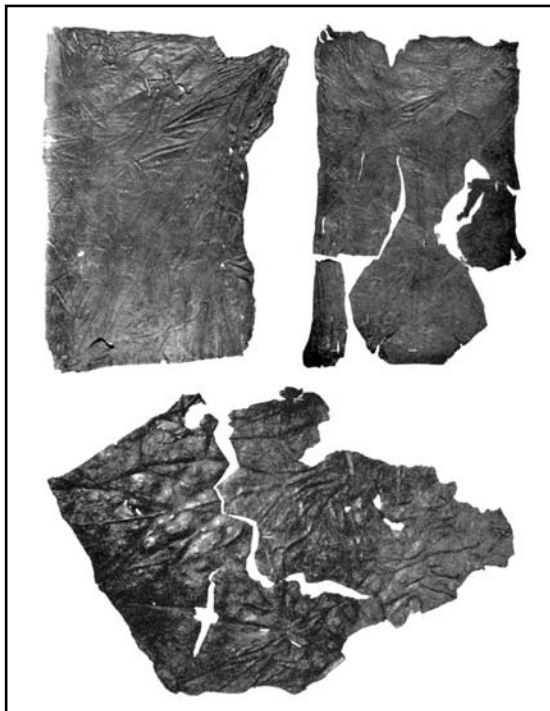

Рис. 51. Фрагменты предполагаемого кожаного панциря из Виндониссы (по Gansser-Burckhardt 1942: Abb. 28).

Fig. 51. Fragments of leather armour from Vindonissa (after Gansser-Burckhardt 1942: Abb. 28).

Как бы то ни было, кожи являлись насущным сырьём для армии, поэтому обязанность их поставки являлась своего рода налогом с гражданского населения внутренних районов и приграничных территорий Империи. Во всяком случае, Тацит упоминает, как Друз наложил на фризов обязанность поставлять кожи для военных нужд (Тас. Ann. IV, 72, 1: *in usus militares*; ср.: Tab. Vindol. 343). Чтобы представить объем расходуемого на изготовление амуниции сырья, следует вспомнить, что на изготовление каждого чехла для щита требовалось 1,5—2 козьих шкуры (Van Driel-Murray 1985: 46). Следовательно, чтобы оснастить военнослужащих лишь одного легиона всем необходимым снаряжением из кожи, могло потребоваться приблизительно 54 000 телячьих шкур (Petrikovits 1976: 598). Изготовление кожаного снаряжения могло происходить непосредственно в легионных мастерских. В одной из табличек из Виндоланды в числе работников мастерских упомянуты и изготовители обуви (*sutores*) (Tab. Vindol. 155). Но, кроме обуви, на местах дислокации военных контингентов было удобно изготавливать также и другую необходимую кожаную фурнитуру.

Кроме собственно кожаного снаряжения, использовалась защитная экипировка из других органических материалов (кость, холсти-

Рис. 52. 1 — фрагменты кожаного поддоспешника (?) из Виндониссы; 2 — реконструкция кожаного снаряжения из Виндониссы (по Gansser-Burckhardt 1942: 38).

Fig. 52. 1 — fragments of leather jerkin worn under cuirass (?) from Vindonissa; 2 — reconstruction of leather garment from Vindonissa (after Gansser-Burckhardt 1942: 38).

на, войлок, шерсть) (D'Amato, Sumner 2009: 135, 139—149).

Под доспехи надевали рубахи из шерсти, войлока, льна. В письменных источниках упоминается торакомах (*thoracomachus*), являвшийся аналогом средневекового акетона (Bishop 1995: 1—3), подробно описанный анонимным реформатором в трактате «О военном деле» (Лазарев 1999: 102—117). Автор, в частности, пишет: «Среди всего того, что предусмотрительная древность придумала потомкам для военных целей, одним из самых удивительных изобретений является средство, облегчающее ношение тяжёлых и неровных доспехов. В самом деле, этот род одежды, ко-

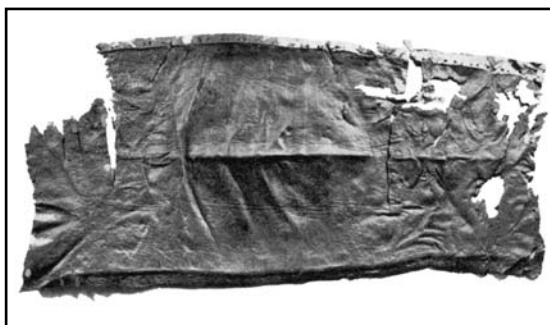

Рис. 53. Фрагмент вероятной кожаной подкладки поножи из Виндониссы (по D'Amato, Sumner 2009: 151, fig. 207).

Fig. 53. Fragment of a possible leather lining for greave from Vindonissa (after D'Amato, Sumner 2009: 151, fig. 207).

Рис. 54. Фрагмент кожаных доспехов из римского слоя крепости Каср-Ибрим, Египет (Британский музей, Inv. 80.1.21/75) (по D'Amato, Sumner 2009: 144, fig. 191).

Fig. 54. Piece of leather armour found in fortress Qasr Ibrim, Egypt (British Museum, Inv. 80.1.21/75) (after D'Amato, Sumner 2009: 144, fig. 191).

торый делается из войлока по размеру грудной клетки человека и для её защиты, искусной рукодельницей шьётся из мягкой шерстяной ткани таким образом, чтобы, впервые надев панцирь, кольчугу или тому подобное солдат не испытывал страха натереть своё брненное тело неровностью тяжёлых доспехов. Во время войн плотно облегающая одежда помогает телу выдержать колебание погоды от солнцепёка до мороза, поддерживая боеспособность. 2. Чтобы торакомах не тяжелел от хлещущего дождя и тем самым не изнурял носящего его воина, следует благоразумно покрыть его сверху прокладкой, изготовленной из хорошо обработанной ливийской кожи по подобию

того же торакомаха. 3. Итак, как мы уже сказали, воин, после того как наденет торакомах (название которого было взято из греческого языка и означает «защиту тела»), наденет также сокки, то есть обувь, железные наголенники, возьмет дротики, возложит на голову шлем, а к боку приладит щит или меч, он будет вполне вооружен для того, чтобы вступить в сухопутное сражение» (Anon. De reb. Bell. XVI, 1—3). Из этого сообщения следует, что на момент составления трактата торакомах уже считался старинным изобретением, правда, насколько древним — неизвестно, автор это не уточняет. Несомненно, что поддоспешники, в том или ином виде, являлись ровесниками металлических доспехов, но время появления самого торакомаха остается невыясненным; его изображения появляются только на рубеже эр (D'Amato, Sumner 2009: 112, fig. 128). Из текста сложно понять и то, как носили прокладку из ливийской кожи: между торакомахом и панцирем или поверх панциря, надетого на торакомах.

Есть мнение, что в эпоху раннего принципата торакомах был известен под другим названием (Sumner 2009: 170, 173), и его называли не иначе как поддоспешник (*subarmalis*). Именно этот термин упоминается в списке одежды на табличках из Виндоланды (Tab. Vindol. 184) и Карлайла (AE 1998, 0839), а также употребляется при описании экипировки преторианцев (SHA. Alex. Sev. 6, 11). К упоминаниям этого же типа защитного снаряжения можно отнести пассаж из описания противостояния Цезаря и Помпея под Диррахием: «Многие из наших солдат были ранены, и неприятельских стрел стали так бояться, что почти все солдаты начали делать себе из войлока, из тряпок или из кож рубашки и фуфайки для защиты от стрел» (Caes. B. civ. III, 44). Из этого сообщения следует, что изготовление поддоспешников было под силу самим солдатам и их производство могло размещаться непосредственно на территории военных баз, хотя, по всей видимости, существовали специальные мастерские, предназначенные для производства таких доспехов. Эпиграфические источники упоминают корпорации *lanarii coactores*, работавшие в городе Бриксия (современная Брешиа) (CIL V, 4504, 4505; VI 9494); в Помпеях обнаружен цех М. Вецилия Верикунда (CIL IV, 7839, 9084, 9085) и ещё три мастерских по выделке шерсти (*officinae coactiliariae*) (CIL IV, 7809, 7838, 8058) (Angelone 1986: 55). Там производили войлок, уплотняя шерсть животных: сырьё заливали теплой водой и держали до образования тестообразной массы, которую затем

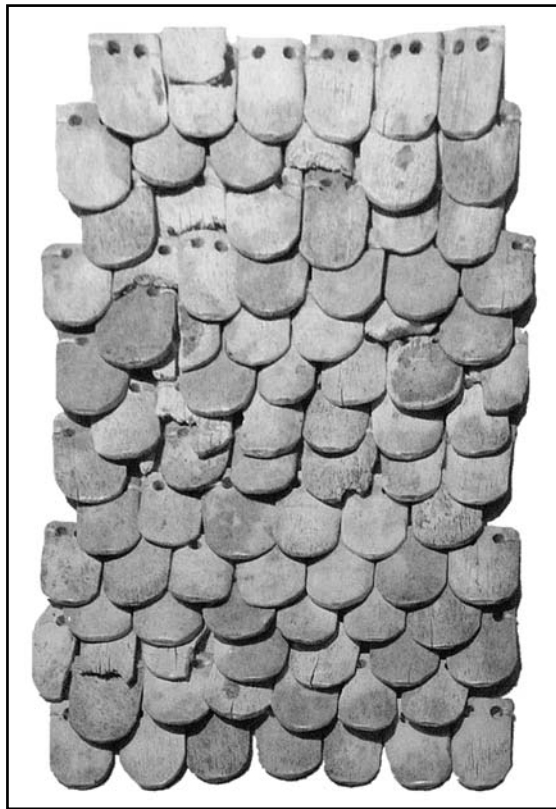

Рис. 55. Фрагмент чешуйчатого доспеха из костяных позолоченных чешуек, найденный при раскопках в Помпеях (по D'Amato, Sumner 2009: 141, fig. 187).

Fig. 55. Fragment of gilded ivory scale armour found in Pompeii (after D'Amato, Sumner 2009: 141, fig. 187).

раскладывали тонким ровным слоем на полотно, сворачивали его и раскатывали до образования плотного материала, использовавшегося для изготовления шапок, туфель и солдатских панцирей (Giordani 2001: 11—12).

О панцирях из войлока (*coactile*) или уплотненной шерсти (*cento*), которые не пробивались железным оружием, писал Плиний Старший (Plin. HN. VIII, 192: «*lanae et per se coactae vestem faciunt et, si addatur acetum, etiam ferrum resistent*»). Из простёганной многослойной материи делали наручи для гладиаторов (*manica centonata*) (Junkelmann 2000: 89). Доспехи изготавливали также и из других органических материалов. Фрагмент чешуйчатого доспеха из костяных позолоченных чешуек найден при раскопках в Помпеях (Saglio 1900: 1315, fig. 4553; Avvisati 2003: fig. 11; D'Amato, Sumner 2009: 141, fig. 187) (рис. 55). У римлян доспехи из костяных пластин являлись скорее исключением, но они были распространены у древних кочевых народов Евразии (Горелик 2003: 95, 108, 110), противников Рима. Арриан упоминает сарматские доспехи, изготовленные из рога (Arr. Tact. 4, 1). В других источ-

никах также говорится о сарматских панцирях из пластин, нарезанных из рога (Amm. Marc. XVII, 12) или лошадиных копыт (Paus. I, 21. 6). Панцири из костяных пластин прослеживаются и на этнографическом материале¹⁴⁰. Однако римские авторы рассматривали доспехи, изготовленные из кости, как нечто чужеродное, и совершенно нет упоминаний о распространении таковых среди римских солдат. Хотя не исключено, что подобный доспех могли использовать, например, те же сарматские всадники из числа состоявших на римской службе (первоначально конные формирования вспомогательных войск рекрутировались из варваров или жителей восточных провинций империи). Археологи не располагают никакими свидетельствами массового производства костяных доспехов в оружейных мастерских легионов, а находка в Помпеях продолжает оставаться уникальным образцом, на основании которой нельзя утверждать о широком распространении чешуйчатого доспеха из кости, как это делает Р. Д'Амато (D'Amato, Sumner 2009: 142). Из кости римские мастера изготавливали рукояти мечей, а с конца II в. н. э. костяными стали делать бутеролы и скобы для ремня на ножнах (Greep 1983: 16—21). Кость для изготовления упомянутых деталей воинского снаряжения обычно была частью метаподия — среднего отдела конечностей крупного рогатого скота (Greep 1983: 20). Из рога и кости также изготавливали обкладки для луков, крепившиеся на концах и в середине деревянной кибиты (Greep 1983: 16—18).

В середине I тыс. до н. э. полотняные панцири получили широкое распространение в Средиземноморье (Aen. Tact. 29, 4; Strab. III, 3, 6; Paus. VI, 19, 7). На основании интерпретации некоторых изобразительных источников республиканского периода можно предположить, что ими пользовались и римские воины. Флавий Арриан в своем «Тактическом искусстве» упоминает льняной панцирь (4, 1) и «киммерийский хитонион» (34, 6). Если с льняным панцирем всё более или менее понятно, то относительно интерпретации «разноцветных киммерийских хитонионов» кавалеристов, участвующих в *hippika gymnasia*, существуют разные мнения. Ф. Кихле считает, что название хитона связано с эллини-

стическим термином, обозначающим скифский льняной панцирь, который был привнесён в римскую конницу фракийцами (Kiechle 1964: 118—120). М. Юнкельманн, напротив, полагает, что это название связано с одеянием амазонок, в том виде, как его представляли себе римляне (Junkelmann 1996: 71), однако приводит реконструкцию одеяния для кавалерийского турнира на основе льняного панциря (Junkelmann 1996: Abb. 118, 126—130).

Текстиль также мог применяться в качестве подкладки с внутренней стороны доспехов. Следы грубой ткани прослеживаются с внутренней стороны нащёчника из Ход Хилл (Brailsford 1962: 5). Внутри парадно-турнирного шлема из Ньюстеда сохранилось покрытие из какого-то липкого вещества, возможно, смолы, которая могла выступать в качестве клея, удерживающего шерстяную подкладку (Curle 1911: 170).

При производстве защитного снаряжения ткань применялась и для изготовления различных покрытий на доспех, предохранявших его от воздействия влаги. Например, шлемы предохраняли от влаги органические парики и чехлы-шапочки, известные по находкам из Неймегена (Willems 1992: 132, fig. 6) и Виндониссы (Waurick 1994: 645).

Их натурная реконструкция была проведена в рамках проекта по изучению шлемов из Неймегена и Ксантен-Вардта на основании детального обследования сохранившихся фрагментов (Koster, Swinkels 2007: 5—8). В ходе эксперимента выяснилось, что на изготовление париков с их дополнительным украшением в виде ленточек и зигзагообразного плетения потребовалось не менее 150 часов упорного труда, что свидетельствует о том, что украшение парадно-турнирных шлемов было занятием отнюдь не лёгким и требующим определенных навыков. Для монтажа такого парика к тулье шлема понадобилось ещё, по меньшей мере, 50 часов (Mitschke 2007: 81—100). Всё это говорит о том, что подобные изделия выделялись из общей массы продукции оружейников и стоили по сравнению с ней гораздо дороже.

4.5. Контроль за качеством изготовленного оружия и доспехов

Цицерон удивительно точно подметил: «Оружие для солдата всё равно что часть тела» (Tusc. Disp. II, 16, 37). С помощью меча воин защищал себя в бою, но он также должен был доверять свою жизнь и доспехам, поэтому вопрос эффективности защитного вооружения был одним из важнейших во всём про-

¹⁴⁰ Ещё совсем недавно панцири из костяных пластин применяли чукчи, эскимосы Аляски и североамериканские индейцы (см.: Nough 1893: 632 ff.). Этнографии известны и роговые панцири, хотя последние всё же крайне редки. Панцири, изготовленные из рога, упоминаются в китайских источниках (см.: Laufer 1914: 191, 192).

цессе его производства. Естественно, воин желал получить гарантии его надёжности, и испытания изготовленного доспеха производились со всей тщательностью и с применением самого мощного на тот момент оружия (чаще всего метательного). Источники, которые рассказывали бы о самом процессе испытаний, крайне редки¹⁴¹. В основном приходится довольствоваться косвенными данными, свидетельствующими о существовании некоей системы контроля за качеством производимого вооружения. Однако, несмотря на незначительное количество свидетельств, совершенно очевидно, что эта система была довольно хорошо налажена и могла эффективно отслеживать качество больших партий вооружения, поступавших в армию по контрактам. Подтверждением тому служит сообщение Диона Кассия, в котором говорится о строгом контроле над качеством оружия, произведенного для римской армии в полисах восточных провинций, когда в случае обнаружения бракованных или изготовленных без соблюдения всех технических требований изделий к производителю принимались самые строгие меры, вплоть до отказа от уже изготовленной партии вооружения (Dio Cass. LXIX, 12, 2).

В сохранившихся источниках имеются некоторые намеки на то, что назначались особые лица, ответственные за контроль качества изготавливаемой для армии продукции. Надпись начала IV в. на надгробном памятнике Флавия Хризантия, являвшегося одним из высших офицеров (*ducenarii*) оружейной фабрики в Сардах, именует его художником (*zographos*) (Foss 1979: 279). Судя по дороговому надгробию, он был человеком очень обеспеченным, вследствие чего отождествление его с рядовым художником, расписывающим щиты, маловероятно (Foss 1979: 282). Скорее всего, как считает С. Джеймс, это был великолепно специалист с отменным художественным вкусом, настоящий мастер своего дела, в обязанности которого входил кон-

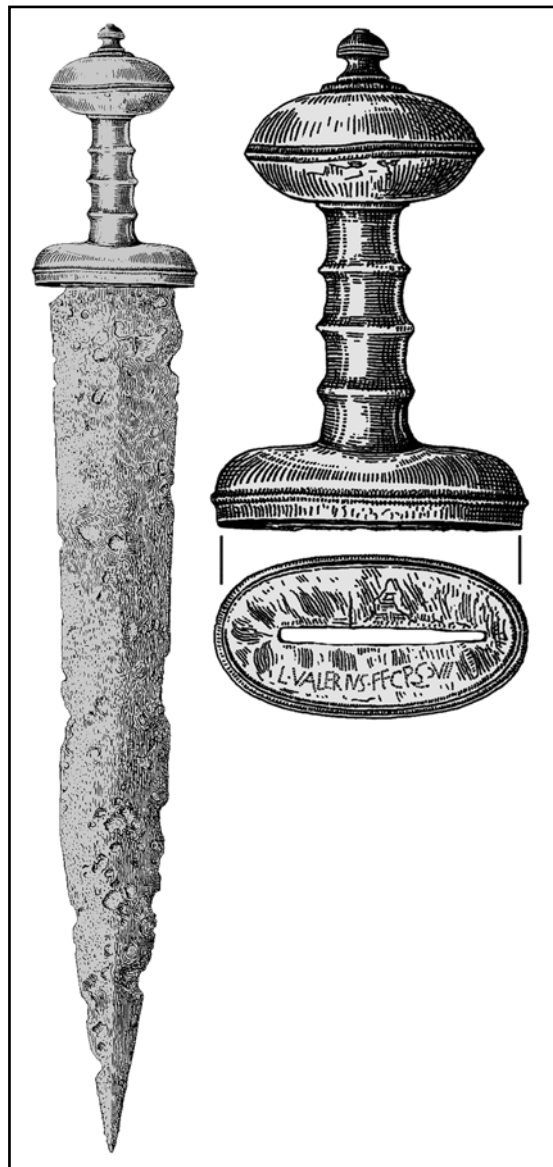

Рис. 56. Меч из Райнгёнгхайма с надписью на гарде с именем изготовителя и указанием веса серебра, использованного при изготовлении (по Ulbert 1969: 44—45).

Fig. 56. Sword from Rheingönheim with an inscription on the guard with the name of the manufacturer and specifying the weight of silver used in the manufacture (after Ulbert 1969: 44—45).

¹⁴¹ Чуть ли не единственным подробным описанием испытания качества оружия является относящееся к республиканскому периоду сообщение о способе проверки качества иберийского меча: «Когда они хотят проверить, насколько они хороши, они берут рукоять правой рукой, а острие левой рукой, и кладут плашмя на голову. Они сгибают его так, чтобы оба его конца касались плеч. Затем они внезапно отпускают меч. Лезвие, будучи отпущенным, вновь принимает свою первоначальную форму, так что не остается никакого намёка на его изгиб. Даже если они повторяют этот процесс многократно, меч остается прямым» (Philon. Bel. IV, 46).

троль за качеством работы персонала, занятого росписью щитов (James 1988: 275).

Аммиан Марцеллин сообщает о том, что император Валентиниан приказал казнить начальника оружейного завода, преподнесшего ему великолепно отполированный панцирь, когда выяснилось, что это железное изделие весило несколько меньше, чем было предписано (Amm. Marc. XXIX, 3, 4). Упоминание факта проверки качества изготовленного доспеха какими-то контролерами, оценивавшими-

Рис. 57. Клейма и надписи на римском оружии: 1 — надпись на умбоне щита из Холтон Честерс (рисунок автора, по Franks 1858: 58); 2 — клеймо ALF на мече из Эйсбела (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 146, 10); 3 — клеймо SF на мече из Стабю (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 546); 4 — клеймо SF на мече из Эгге (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 142); 5 — клеймо VISIM на хвостовике меча из Бьярса (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 51); 6 — клеймо IMI или IMP на мече из Стараховице (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 686); 7 — клеймо SEX VOL MF на мече из Белла (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 44); 8 — клеймо SABINI на хвостовике меча из Бонна (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 61).

Fig. 57. Stamps and inscriptions on Roman armament: 1 — inscription on the shield boss from Holton Chesters (drawing by the author, after Franks 1858: 58); 2 — “ALF” on the sword from Ejsbøl (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 146, 10); 3 — “SF” on the sword from Stabia (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 546); 4 — “SF” on the sword from Egge (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 142); 5 — “VISIM” on the sword from Bjärs (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 51); 6 — “IMI” or “IMP” on the sword from Starachowice (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 686); 7 — “SEX VOL MF” on the sword from Bell (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 44); 8 — “SABINI” on the sword from Bonn (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 61).

ми изделие согласно установленным нормативам, также свидетельствует в пользу наличия строгого контроля за деятельностью оружейников, особенно тех, кто поставлял вооружение по контрактам. С этой точки зрения показателен ещё один дошедший до наших дней источник, подтверждающий и дополняющий сообщение Аммиана Марцеллина. На мече из Райнгёххайма, датированном периодом правления Октавиана Августа, была посеребрена рукоять, что и было отражено

в надписи на гарде: L(ucius) Valerivus fec(it) p(ondo) £ (semuncia) (sicilicus) VII («Луций Валерий сделал это, семь половин и одна четверть унции весом», т.е. $3\frac{3}{4}$ римской унции или 102 г) (Ulbert 1969: 44, 45). Указание веса использованного серебра в данном случае не только подтверждение стоимости меча, но и залог честности производителя, свидетельствующий о возможной проверке соответствия веса и качества изготовленного предмета (рис. 56).

Рис. 58. Клейма и надписи на римском оружии: 1 — клеймо RANVICI на мече из Эйнанга (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 144); 2 — клеймо NATALIS M(anu) на хвостовике меча из Грабице (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 238); 3 — клеймо COLA на мече из Иллемозе (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 320); 4 — клеймо ACT на мече из Красуше Головешы (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 385); 5 — клеймо RICCIM Ricci m(anu) или (...)ricci m(anu) на мече из Нидама (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 536, 42); 6 — клеймо COCILLVS на хвостовике меча из Нидама (рисунок автора, по CIL XIII, 10036, 39); 7 — клеймо IVN на мече с территории Польши (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 211); 8 — клеймо MARCI M(anu) на мече из Эдесхёга (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 543); 9 — клеймо CAXI на хвостовике меча из Вимозе (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A. 762, 5); 10 — клеймо C(aius) ANTONIVS F(ecit) на кинжале из Обераммергау (рисунок автора, по Bishop, Coulston 2006: fig. 18, 2); 11 — надпись Q(uintus) NONIENVVS PVDES AD ARA(m) F(ecit) на ножнах меча из Страсбурга (рисунок автора, по CIL XIII, 10027, 197).

Fig. 58. Stamps and inscriptions on Roman armament: 1 — “RANVICI” on the sword from Einang (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 144); 2 — “NATALIS M(anu)” on the sword from Grabice (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 238); 3 — “COLA” on the sword from Illemose (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 320); 4 — “ACT” on the sword from Krasusze Golowierzchy (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 385); 5 — “RICCIM Ricci m(anu)” or “(...)ricci m(anu)” on the sword from Nydam (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 536, 42); 6 — “COCILLVS” on the sword from Nydam (drawing by the author, after CIL XIII, 10036, 39); 7 — “IVN” on the sword from Poland (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 211); 8 — “MARCI M(anu)” on the sword from Ödeshög (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 543); 9 — “CAXI” on the sword from Vimose (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A. 762, 5); 10 — “C(aius) ANTONIVS F(ecit)” on the dagger from Oberammergau (drawing by the author, after Bishop, Coulston 2006: fig. 18, 2); 11 — “Q(uintus) NONIENVVS PVDES AD ARA(m) F(ecit)” on the sword scabbard from Strasbourg (drawing by the author, after CIL XIII, 10027, 197).

М. Бишоп считает, что качество и количество вооружения, производимого частными оружейниками, оставляло желать лучшего, поскольку производительность человека, ко-

торый работал в одиночку, была мала (Bishop 1985: 13). Однако это утверждение верно лишь отчасти. Как мы уже показали, некоторые из оружейников содержали частные ма-

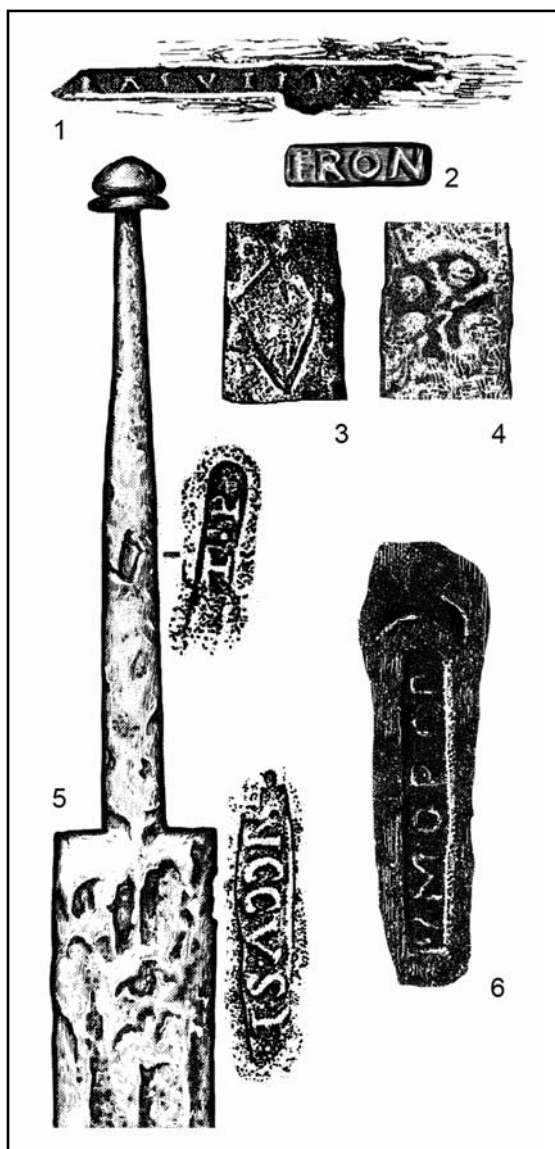

Рис. 59. Клейма и надписи на римском оружии: 1 — клеймо IASVIT на мече из Вимозе (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 762, 9); 2 — клеймо FRON на шлеме из коллекции Мейрика (Британский музей) (рисунок автора, по Paddock 1993: № 123); 3 — клеймо на мече из Арнема (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 19); 4 — клеймо XV или LX на мече из Арнема Малбургена (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 20); 5 — клеймо RICCVS F и T P на мече из Пазевалька (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 566, 1); 6 — клеймо VMOFCP или VMORCD или VMORCI на мече из Нидама (рисунок автора, по CIL XIII, 10036, 41).

Fig. 59. Stamps and inscriptions on Roman armament: 1 — “IASVIT” on the sword of Vimose (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 762, 9); 2 — “FRON” on the helmet from Meyrick collection (British Museum) (drawing by the author, after Paddock 1993: № 123); 3 — stamp on the sword from Arnhem (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 19); 4 — “XV” or “LX” on the sword from Arnhem-Malburgen (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 20); 5 — “RICCVS F” and “TP” on the sword from Pasewalk (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 566, 1); 6 — “VMOFCP VMORCD VMORCI” on the sword from Nydam (drawing by the author, after CIL XIII, 10036, 41).

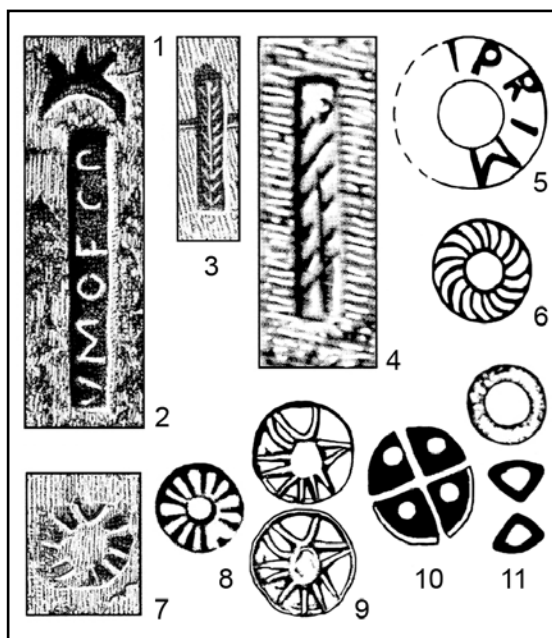

Рис. 60. Клейма и надписи на римском оружии: 1—3, 10 — клейма на мечах из Нидама; 4 — клеймо на мече из Бучхайна; 5—6, 9, 11 — клейма мечей из Вимозе; 7—8 — Эйнанг (рисунок автора, по Miks 2007: Abb. 14).

Fig. 60. Stamps and inscriptions on Roman armament: 1—3, 10 — on the sword from Nydam; 4 — stamp on the sword from Buchhain; 5—6, 9, 11 — on the swords from Vimose; 7—8 — Einang (drawing by the author, after Miks 2007: Abb. 14).

стерские с целым штатом помощников. В этом случае можно говорить о большей производительности, основанной на простом разделении труда. Что касается качества выпускаемой продукции, то здесь можно предположить, что частные оружейники компенсировали малое количество изделий их качеством, подписывая их своим именем, чтобы «держать марку»¹⁴². Однако, несмотря на такие «знаки качества», общую массу поступающего в армию оружия (по крайней мере, того, которое поступало в государственные арсеналы) необходимо было время от времени проверять (рис. 57; 58; 59; 60; 61; 62).

В качестве общего итога следует отметить, что технология должна рассматриваться как часть оружейного производства, способ-

¹⁴² На некоторых предметах вооружения сохранились клейма римских оружейников. Особенно много их на лезвиях и хвостовиках мечей, хотя изредка они встречаются и на деталях защитного снаряжения. Некоторые из них, например, чеканные (как на ножнах меча из Виндониссы) или же отчеканенные пунктиром могли быть свидетельством работы частного оружейника, в то время как прямоугольные штампованные клейма логичнее связывать с массовым производством в крупных оружейных мастерских.

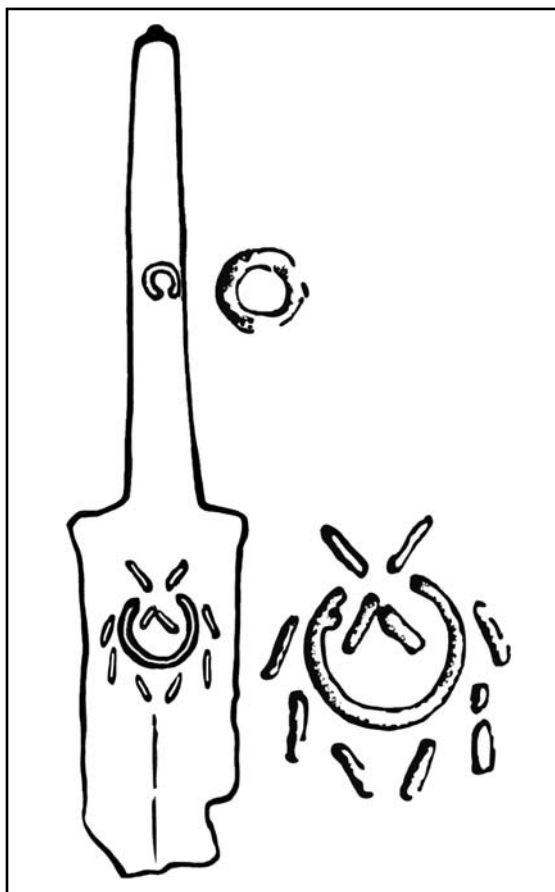

Рис. 61. Клеймо на хвостовике меча из Бялы (рисунок автора, по Miks 2007: Kat. A 48)

Fig. 61. Armourer stamp on sword from Biala (drawing by the author, after Miks 2007: Kat. A 48).

ная значительно углубить наши познания, и, благодаря комплексному рассмотрению данных письменных источников с детальнейшим изучением найденных артефактов, мы всё больше узнаем о технологической стороне римского оружейного производства. Если письменные источники довольно скудно освещают ремесло оружейника, практически не сообщая об особенностях этой профессии, то в результате детального изучения археологических находок выясняются довольно интересные особенности приемов работы с металлами, деревом, костью и кожей. Ещё недавно практически ничего нельзя было сказать о применении в оружейном производстве ткани. Теперь же можно утверждать о довольно широком её применении в качестве покрытия доспехов, защищавшего их от воздействия влаги.

На основании косвенных данных можно предполагать, что в крупных мастерских при изготовлении оружия применяли различного вида токарные станки, а возможно, даже и про-

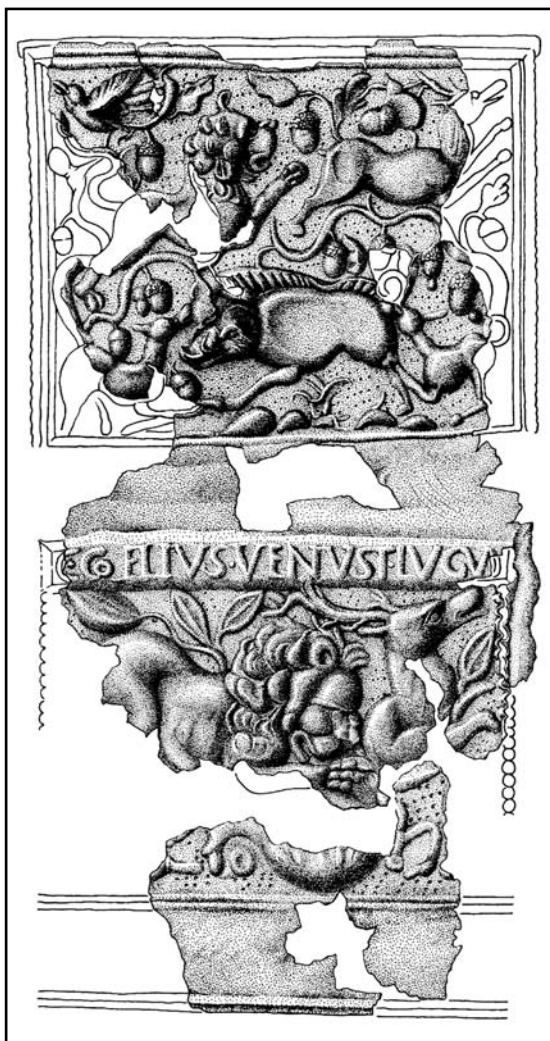

Рис. 62. Надпись «C(aius) COELINVS VENVST(us) LVGVD(un)o (fecit)» на ножнах меча типа Майнц из Виндониссы (по Ettlinger, Hartmann 1984: 11, Abb. 2).

Fig. 62. Inscription "C(aius) COELINVS VENVST(us) LVGVD(un)o (fecit)" on the scabbard of the sword of the Mainz type from Vindonissa (after Ettlinger, Hartmann 1984: 11, Abb. 2).

катный станок, об использовании которого могут свидетельствовать специфические отметины на листовом железе римского производства (однако это пока единственный аргумент в пользу существования прокатного станка в античном мире). В ряде случаев анализ технологий позволяет говорить и об особом качестве выпускаемой продукции, помечаемой клеймами производителей. Рассмотренный материал, как представляется, показывает, насколько важным для римлян было качество их вооружения, какими сложными были их оружейные технологии, и насколько квалифицированными были их мастера-оружейники, чьё искусство поражает и поныне.

Заключение

Подводя общие итоги, необходимо констатировать следующее. Оружие, являющееся чутким индикатором многих явлений социально-политического и экономического характера, в некоторых случаях само стимулировало появление и развитие целого ряда существенных процессов в обществе. Обеспечение материальной основы военной организации стало одной из важнейших функций производства, стимулировавшего появление определённых форм социальной структуры.

Производство оружия в Римской империи эпохи принципата имело более сложную структуру, чем это казалось предшествующим поколениям исследователей. Сама по себе эта производственная система являлась плодом усовершенствования республиканских оружейных мастерских, отныне ставших составной частью более сложной производственной системы, приспособленной к требованиям реорганизованной на рубеже эр армии. И хотя трудно говорить о существовании в Римской империи организаций, аналогичных современным научно-исследовательским и испытательным организациям, так как их деятельность в имеющихся в нашем распоряжении источниках не рассматривается, но как мы показали, проектирование и испытания новых видов вооружения имели место, причем разработкой новых видов оружия занимался даже император Валентиниан. Также можно говорить о существовании ведомства (по всей видимости, это было придворное ведомство по управлению финансами — *a rationibus*), в ведении которого была военная логистика и принятие решений об общем перевооружении армии, которое было полномочно делать госзаказы на производство оружия для государственного фонда оружия.

Деятельность следующего компонента оружейного производства, которое сейчас бы назвали оборонным производством, подтверждается источниками и археологическими находками. При более детальном и комплексном рассмотрении различных его составляющих выявляются три его основных уровня, тесно взаимосвязанных. Первый уровень — собственно легионные (армейские) оружейные мастерские, которые, впрочем, были ориентированы в большей степени на починку поврежденного оружия, либо на изготовление расходуемого оружия (боеприпасов) и обслуживание парка метательных и осадных машин, нежели на производство новых комплектов вооружения. Это совсем не значит,

что в легионных мастерских совершенно не изготавливали предметы защитного вооружения, но если таковые и изготавливались, то это были самые обычные и, в большинстве случаев, дешёвые предметы. Такая ситуация сложилась вследствие того, что штат легионных (и, в более широком смысле, армейских) мастерских пополнялся за счёт солдат-иммунов, вследствие занимаемых должностей, как правило, технического характера, освобожденных от рутинных обязанностей, то есть, фактически обычных легионеров, о присутствии у большинства из которых профессиональных навыков оружейников говорить не приходится. Таким образом, одним из важных выводов, основанным на результатах проведенной нами работы, является то обстоятельство, что Вегеций был прав, описывая легион как вполне самостоятельный в удовлетворении своих потребностей «организм», в том числе в вооружении и снаряжении, поскольку у легиона имелись собственные мастерские, в которых солдаты могли изготавливать новое вооружение под контролем более опытных специалистов, нанятых по контракту. Также (что не менее важно), в них производился ремонт поврежденного оружия под пристальным наблюдением хранителя арсенала (*custos armorum*), роль которого в циркуляции вооружения в легионе и вспомогательных частях была очень значительной, так как организация рециркуляции и хранения оружия была немаловажной для экономии средств не только государства, но и солдат, плативших за своё вооружение и экипировку. Вместе с тем, система снабжения легиона оружием была более сложной, нежели она представляется исходя из описания Вегеция, ведь наличие множества частных мастерских свидетельствует о том, что большая масса оружия поступала в армию от частного производителя.

Второй уровень — сеть мелких оружейных мастерских, действовавших, как правило, поблизости от непосредственного рынка сбыта; зачастую они располагались на прилагерной территории — в канабах и виках. Солдаты могли самостоятельно приобретать понравившееся им оружие у таких оружейников, среди которых были бывшие военнослужащие, организовавшие по выходе в отставку собственное дело. Однако и эти оружейники не были способны удовлетворить имеющийся спрос, поскольку кустарный способ производства этих мастерских с небольшим коллективом работников был не в состоянии обеспечить изготовление больших

по объему заказов, и ремесленники работали главным образом на определённых заказчиков, состоя в непосредственных личных отношениях с покупателями. Вследствие этого, третий уровень — кустарная промышленность, сконцентрированная в крупных метрополиях, где были организованы различные по составу и количеству работников коллегии, занимавшиеся обработкой металлов и изготовлением оружия, — был наиболее важной составляющей производства вооружения для римской армии. Эти мастерские работали или на неопределённого покупателя — на рынок, в широком или узком смысле, или же сбывали свои произведения особым скупщикам, забиравшим товар оптом, а затем поставлявшим его в армию.

Таким образом, основное оружейное производство было сосредоточено на тех территориях, которые наилучшим образом были обеспечены сырьевой базой, имели давнюю оружейную традицию, а кроме того, находились на стратегически важных участках римского приграничья. Именно в таких центрах могла производиться большая часть самого качественного и дорогого оружия, множество находок которого изучено благодаря археологическим раскопкам. Исходя из анализа предметов вооружения, также можно констатировать, что воинское снаряжение эпохи принципата определённым образом отражало те модные тенденции, которые варьировали в зависимости от территориального расположения той или иной воинской части. Следовательно, движение армий или переброска в экстренных случаях целых формирований приводила к взаимному обмену идеями. Но вместе с тем эти региональные особенности в декоре вооружения показывают, насколько была востребована продукция частных мастерских, ориентировавшихся в своей деятельности только на военную моду и вкусы заказчика. Этим оружейные цеха и мастерские эпохи принципата выгодно отличались от более поздних государственных оружейных фабрик, выполнявших стандартизированные заказы большого объема для удовлетворения всё возрастающих потребностей увеличивающейся в численности армии, когда красота и практичность защитного вооружения были отринуты в угоду простоте и массовости изготовления.

В качестве общего итога необходимо отметить, что вооружение совершенствовалось и по своим внутренним законам, ставших следствием извечного противостояния двух стихий войны — нападения и защиты. Появление какого-нибудь нового вида наступательного оружия всегда приводило к от-

ветным мерам — изобреталось эффективное средство защиты. Между тем, уровень и качество вооруженности того или иного общества напрямую зависит от эффективности организации оружейного производства. И это обусловлено не только военными потребностями, но и уровнем экономического развития. Военная необходимость, вне всяких сомнений, становилась тем движущим фактором, который влиял на уровень военно-технического оснащения, но при этом, даже у народов, стоящих на разных уровнях общественно-экономической организации, но находящихся на одной производственно-технологической стадии, как правило, достигался одинаковый уровень вооруженности в случае их военного конфликта. В противном случае постоянно наблюдалось бы уничтожение остальных обществ более развитыми, что в ходе человеческой истории, однако, случалось далеко не всегда. Можно привести немало примеров, когда перед угрозой порабощения «варвары» умели перестроить характер своей военной тактики и начинали производить более совершенное оружие, способное противостоять военной мощи своих более сильных «цивилизованных» соседей. Но общество, не шагнувшее на соответствующую производственно-технологическую стадию, как правило, неминуемо проигрывает в военном отношении и, в конечном счёте, в самой борьбе за свою самостоятельность, а может быть, и за свое существование. Поэтому осознание необходимости постоянной поддержки организационно-технологической составляющей военного производства определяет уровень развития того или иного общества и его готовность не только отстаивать свою безопасность, но и диктовать окружающим народам свои политические и экономические интересы.

Масштабы оружейного производства и степень его влияния на внешнюю и внутреннюю политику зачастую берутся за основу оценки уровня милитаризации определенной страны. Милитаризация общества подразумевает не только существование определенной идеологии и набора ценностей, но его неотъемлемой частью является формирование целых отраслей производства, ориентированного на производство вооружений, обеспечивающих работой определенную часть населения страны. Одним из критериев милитаризации признается такой показатель, как величина расходов на оборону. Как мы показали, в Римской империи военные расходы являлись одной из самых главных статей расхода государственного бюджета.

Таким образом, исходя из вышесказанного, можно заключить, что оружейное производство Римской империи являлось в высшей степени продуманным, хорошо организованным и поддерживаемым государством, по-

скольку римляне прекрасно осознавали необходимость своего превосходства в военнотехническом плане, без которого создание и расширение *Pax Romana* было бы невозможным.

Каталог оружейных клейм на предметах римского военного снаряжения

1. Клеймо SABINI на хвостовике и SVLLA на лезвии меча типа Помпеи из Рейна у Бонна (CIL XIII, 10028, 9).

2. Надпись Q(uintus) NONIENVVS PVDES AD ARA(m) F(ecit) на ножнах меча из Страсбурга (CIL XIII, 10027, 197). Это же имя имеется и на бронзовой патере PVDES F (CIL XIII, 10027, 38).

3. Надпись CARNVS FCET на ножнах кинжала найденного у Камбрэ (CIL XIII, 10027, 206).

4. Клеймо C(aius) ANTONIVS F(ecit) на кинжале из Обераммергау (Ulbert 1971: 44—49).

5. Надпись FF внутри шлема из р. Сава, возможно, именно fecit, хотя надпись сделана пунктиром (CIL III, 12031, 5).

6. Надпись C(aius) COELINVS VENVST(us) LVGVD(un) (fecit) на ножнах меча типа Майнц из Виндониссы (Ettlinger, Hartmann 1984: 5—46).

7. Надпись L(ucius) Valerivus fec(it) p(ondo) £ (semuncia) (sicilicus) VII на гарде меча из Райнгёххайма (CIL XIII, 10026, 17).

8. Клеймо MARCI M(anu) на мече из Эдесхёга (CIL XIII, 10036, 64).

9. Клеймо NATALIS M(anu) на хвостовике меча из Граблице (CIL XIII, 10036, 84).

10. Клеймо RICCIM Ricci m(anu) или (...)ricci m(anu) на мече из Нидама (CIL XIII, 10036, 40).

11. Клеймо RICVS на хвостовике меча из Нидама (CIL XIII, 10036, 42).

12. Надпись MARA на железном позолоченном и посеребренном умбоне из Галлии (CIL XIII, 10026, 16).

13. Клеймо RANVICI на мече из Эйнанга (CIL XIII, 10036, 67).

14. Надпись TITVS на наконечнике стрелы из Трира (CIL XIII, 10028, 15).

15. Надпись AE на мече из Вехтена (CIL XIII, 10028, 18).

16. Надпись XX на обломке хвостовика из Нидама (CIL XIII, 10036, 43).

17. Клеймо COCILLVS на хвостовике меча из Нидама (CIL XIII, 10036, 39).

18. Надпись FERCDIOI на мече из Майнца (CIL XIII, 10028, 22).

19. Клеймо PETRONI на бронзовом шлеме из Колчестера (CIL VII, 1296).

20. Клеймо SF на мече из Эгге (Miks 2007: 568, Kat. A 142).

21. Клеймо SF на мече из Стабю (CIL XIII, 10036, 69).

22. Надпись VI///SVS///IcIc на мече из Намюра

по следам букв можно восстановить как VICSVS FICI или VRSVS FICI (fici от feci(t)) (CIL XIII, 10028, 23).

23. Надпись PETRVCILI AN VIII на мече из р. Сава близ Сисака, указывает вес изделия (CIL III, 12031, 8).

24. Надпись IMP CAES AVG VI RNF(ecit) на поножи из окрестностей Лиона (Steyert 1895: 427, fig. 539—540).

25. Надпись PR MATERNI OFC PRIMNI и PROCLI M(ater)ni OF(fi)C(ina) на конском налобнике из Штраубинга (Keim, Klumbach 1951: 26, No. 22).

26. Клеймо VMOFCP или VMORCD или VMORCI на мече из Нидама (CIL XIII, 10036, 41).

27. Клеймо на хвостовике меча из Бялы (Miks 2007: 544, Kat. A 48).

28. Клеймо ACT на мече из Красуше Головешкы (Miks 2007: 642, Kat. A 385).

29. Клеймо COLA на мече из Иллемозе (Miks 2007: 618, Kat. A. 320).

30. Клеймо ACIROMIC или ACIROM или SACIROMIOF на мече из Иллемозе (CIL XIII, 10036, 68).

31. Клеймо (officina) IMP(eratoris) или (legio) I M(inervia) P(ia fidelis) на мече из Стараховице (Miks 2007: 731, Kat. A 686).

32. Клеймо ALF на мече из Эйсбела (Miks 2007: 570, Kat. A 146, 10).

33. Клеймо VISIM на хвостовике меча из Бьярса (Miks 2007: 545, Kat. A 51).

34. Клеймо SEX VOL MF на мече из Белла (Miks 2007: 543, Kat. A 44).

35. Клеймо IVN на мече с территории Польши (Miks 2007: 590—591, Kat. A 211).

36. Клеймо SAXI на хвостовике меча из Вимозе (Miks 2007: 752—753, Kat. A 762, 5).

37. Клеймо IASVIT на мече из Вимозе (Miks 2007: 753, Kat. A 762, 9).

38. Клеймо FRON на шлеме из коллекции Мейрика (Британский музей) (Paddock 1993: №123).

39. Надпись M. MACTORIVS BARBARVS F(eci)T на шлеме из Телль Оум Хаурана (Garbsch 1978: 61).

40. Клеймо на мече из Арнема (Miks 2007: 536, Kat. A 19).

41. Клеймо XV или LX на мече из Арнема Малбургена (Miks 2007: 536, Kat. A 20).

42. Клеймо RICCVS F и T P на мече из Пазевалька (Miks 2007: 700, Kat. A 566, 1).

Источники и литература

Античные литературные и юридические источники

- Aen. Tact. — Эней Тактик. *О перенесении осад.*
 Amm. Marc. — Аммиан Марцеллин. *Римская история.*
 Anon. De reb. Bell. — *О военном деле* (трактат анонимного реформатора).
 App. B. C. — Аппиан. «Гражданские войны».
 Arr. Tact. — Арриан. *Тактическое искусство.*
 Aul. Gel. NA. — Авл Геллий. *Аттические ночи.*
 [Aur. Vict.]. Epit. — Псевдо-Аврелий Виктор. *Эпитома о цезарях.*
 Caes. B. civ. — Цезарь. *Записки о гражданской войне.*
 Cic. In Piso. — Цицерон. *Против Пизона.*
 Cic. Phil. — Цицерон. *Филиппики.*
 Cic. Tusc. Disp. — Цицерон. *Тускуланские беседы.*
 CTh. — *Кодекс Феодосия.*
 D. — *Дигесты Юстиниана.*
 Dio Cass. — Дион Кассий. *Римская история.*
 Dio. Chrys. Or. — Дион Хрисостом. *Речи.*
 Dion. Hal. Ant. Rom. — Дионисий Галикарнасский. *Римские древности.*
 Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium — *Эдикт Диоклетиана о максимальных ценах.*
 Ex Ruffo leg. mil. — *Военные законы от Руффа.*
 Flor. — Флор. *Эпитома римской истории.*
 Heron. Bel. — Герон Александрийский. *Беллопоэтика.*
 Hesiod. Aspis. — Гесиод. *Щит Геракла.*
 Hom. Il. — Гомер. *Илиада.*
 Ioh. Mal. Chron. — Иоанн Малала. *Хронография.*
 Ios. B. Iud. — Иосиф Флавий. *Иудейская война.*
 Isid. Etym. — Исидор Севильский. *Этимологии, или Начала.*
 Iuv. Sat. — Ювенал. *Сатиры.*
 Lact. De mort. pers. — Лактанций. *О смертях гонимых.*
 Liban. Or. — Либаний. *Речи.*
 Liv. — Ливий. *История Рима от основания Города.*
 N. D. — *Notitia Dignitatum* — *Список должностей.*
 Non. Marc. — Ноний Марцелл. *О всеобъемлющем знании.*
 Ovid. Ar. Am. — Овидий. *Искусство любви.*
 Paus. — Павсаний. *Описание Эллады.*
 Philon. Bel. — Филон Византийский. *О метательных машинах.*
 Plin. Ep. — Плиний Младший. *Письма.*
 Plin. HN. — Плиний Старший. *Естественная история.*
 Plut. Ant. — Плутарх. *Жизнеописание Марка Антония.*
 Plut. Brut. — Плутарх. *Жизнеописание Брута.*
 Plut. Q. R. — Плутарх. *Римские вопросы.*
 Polyæn. — Полиэн. *Военные хитрости.*
 Polyb. — Полибий. *Всеобщая история.*
 Prop. — Проперций. *Стихотворения.*
 Ps.-Hyg. De munit. cast. — Псевдо-Гигин. *Об устройстве военного лагеря.*
 RgdA. — *Деяния Божественного Августа.*
 Sall. B. Iug. — Саллюстий. *Югуртинская война.*
 SHA — *Scriptores Historiae Augustae* — *Писатели истории Августов.*
 SHA. Alex. Sev. — *Жизнеописание Александра Севера.*
 SHA. Claud. — *Божественный Клавдий.*
 SHA. Hadr. — *Жизнеописание Адриана.*
 SHA. Prob. — *Жизнеописание Проба.*
 SHA. Tyr. Trig. — *Тридцать тиранов.*
 Sil. Ital. — Силий Италик. *Пуническая война.*
 Stat. Silv. — Стаций. *Леса.*
 Strab. — Страбон. *География.*

- Suet. Div. Iul. — Светоний. *Жизнеописание божественного Цезаря.*
 Suet. Aug. — Светоний. *Жизнеописание Августа.*
 Suet. Calig. — Светоний. *Жизнеописание Калигулы.*
 Suet. Claud. — Светоний. *Жизнеописание Клавдия.*
 Suet. Nero. — Светоний. *Жизнеописание Нерона.*
 Tac. Agr. — Тацит. *Жизнеописание Юлия Агриколы.*
 Tac. Ann. — Тацит. *Анналы.*
 Tac. Hist. — Тацит. *История.*
 Tert. Apol. — Тертуллиан. *Апологетик.*
 Val. Max. — Валерий Максим. *Замечательные изречения и деяния.*
 Varro. L. L. — Варрон. *О латинском языке.*
 Veget. — Вегеций. *Краткое изложение военного дела.*
 Verg. Aen. — Вергилий. *Энеида.*

Публикации надписей, папирусов, острака

- AE — L'année épigraphique.
 BGU — Berliner griechische Urkunden. Aegyptische Urkunden aus den königlichen Museen zu Berlin. 1892—1937. Bd. 1—9. Berlin.
 Bull. épigr. — Robert L., Robert J. 1966. *Bulletin épigraphique. Revue des études grecques* 79.
 ChLA — Bruckner A., Marichal R. 1979. *Chartae latinae antiquiores. Facsimile-edition of the Latin charters prior to the ninth century Germany.* Zürich: Urs Graf-Verlag.
 CIL — Degraffi A. (Hrsg.). *Corpus inscriptionum Latinarum.* Berlin, 1863 — ...; N.S.: 1981 — ...
 Daris — Daris S. 1964. *Documenti per la storia dell'esercito romano in Egitto.* Milano: Società editrice vita e pensiero.
 ILS — Inscriptiones Latinae selectae. In: Dessau H. (Hrsg.). *Inscriptiones Latinae selectae* 1—3. 1892—1916. Berolini: apud Weidmannos.
 ILTG. — Willeumier P. 1963. *Inscriptions latines des Trois Gaules, XVII supplement à «Gallia».* Paris: C.N.R.S.
 O. Tait — Greek Ostraca in the Bodleian Library at Oxford and Various Other Collections. 1930. In: Tait J.G., Préaux C. (eds.). *Greek Ostraca in the Bodleian Library at Oxford and Various Other Collections. Vol. I.* London: Egypt Exploration Society.
 P. Berlin. — Bruckner A., Marichal R. 1979. *Chartae latinae antiquiores. Facsimile-edition of the Latin charters prior to the ninth century Germany.* Zürich: Urs Graf-Verlag.
 P. Berol. R. — Marichal R. 1945. *L'occupation de la basse Égypte: le statut des auxilia: P. Berlin 6866 et P. Lond. 1196 — Fay. 105.* Paris: Droz.
 P. Columbia — Gilliam J.F. 1967. The deposita of an auxiliary soldier (P. Columbia inv. 325). *BJ* 167, 233—243.
 P. Fay. — Grenfell B.P., Hunt A.S., Hogarth D.G. 1900. *Fayum Towns and their Papyri.* London: Egypt Exploration Fund.
 P. Fouad — Cavenaile R. 1958. *Corpus Papyrorum Latinarum.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
 P. Gen. Lat. — Nicole J., Morel C. 1900. *Archives militaires du 1er siècle. (Texte inédit du Papyrus Latin de Genève No. 1).* Geneva: H. Kündig.
 P. Giess. — Eger O. 1910—1912. *Griechische Papyri im Museum des oberhessischen Geschichtsvereins zu Giessen.* Leipzig; Berlin: B.G. Teubner.
 P. Grenf. — Grenfell B.P., Hunt A.S. 1896. *Greek Papyri. An Alexandrian Erotic Fragment, and Other Greek Pa-*

- papyri, Chiefly Ptolemaic*. Oxford: Clarendon Press.
- P. Mich — *Papyri in the University of Michigan Collection*. 1931—... Ann Arbor: Michigan University Press.
- P. Oxy. — *The Oxyrhynchus papyri*. 1898—... London: Egypt Exploration Fund.
- P. Princ. — Kase E. H. 1936. *Papyri in the Princeton University Collections*. Vol. II. Princeton: Princeton University Press.
- P. Ryl. — Johnson J. de M., Martin V., Hunt A. S. 1915. *Catalogue of the Greek and Latin Papyri in the John Rylands Library, Manchester*. Vol. II. *Documents of the Ptolemaic and Roman Periods*. Manchester: Manchester University Press.
- P. Vindob. — Harrauer H., Seider R. 1977. Ein neuer lateinischer Schuldschein: P. Vindob. L135. *ZPE* 36, 109—120.
- PSI — *Papiri greci e latini*. (Pubblicazioni della Società Italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto). 1912—1932. Firenze: Felice le Monnier.
- RIB — Collingwood R. G., White R. 1965. *Roman Inscriptions of Britain*. Vol. I. Oxford: Stroud.
- RMR — Fink R. O. 1971. *Roman military records on papyrus*. Ann Arbor: Michigan University Press.
- SB — Rupprecht H.-A., Preisigke F. 2003. *Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten* 24. Wiesbaden: Harrassowitz.
- SP — Hunt A. S., Edgar C. C. 1970—1977. *Select papyri: In 5 volumes with an English translation*. London: Harvard University.
- Smallwood — Smallwood E. M. 1966. *Documents illustrating the principate of Nerva, Trajan and Hadrian*. Cambridge: Cambridge: University Press.
- Stud. Pal. — Wessely K. 1901—1924. *Studien zur Palaeographie und Papyruskunde*. Bd. I—XXIII. Leipzig: E. Avenarius.
- Tab. Vindol. — Tabulae Vindolandenses. In: Bowman A. K., Thomas J. D. 1983. *Vindolanda: The Latin Writing Tablets*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Youtie and Winter 1951 — Youtie H. C., Winter J. G. 1951. *Michigan Papyri* 8. Ann Arbor: Michigan University Press.
- supersunt*. 1885. Vol. I. Lipsiae: Teubner.
- Dionysii Halicarnessensis Antiquitatum Romanorum quae supersunt*. 1888. Vol. II. Lipsiae: Teubner.
- Dionysii Halicarnessensis Antiquitatum Romanorum quae supersunt*. 1891. Vol. III. Lipsiae: Teubner.
- Dionysii Halicarnessensis Antiquitatum Romanorum quae supersunt*. 1905. Vol. IV. Lipsiae: Teubner.
- Ecloga Leonis et Constantini*. 1889. Cum appendice. Edidit A. G. Monferratus. Gr. Athenis.
- Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium*. 1893. Th. Mommsen (ed.). Seorsum impressum ex C. I. L. vol. III. suppl. (Der Maximaltarif des Diocletian, erläutert von H. Blümner.). Berlin: Weidmann.
- Florus, L. Annaeus. 1928. *Epitome of Roman history with an English translation by E. S. Forster*. London: Harvard Univ. Press.
- Heron Belopoiika. 1918. Übersetz. von H. Diels, E. Schramm. *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-Historische Klasse)* 2. Berlin: Verlag der Akademie der Wissenschaften, 5—55.
- Hesiod. 1914. *The Homeric Hymns and Homerica with an English Translation by H. G. Evelyn-White*. Cambridge: Harvard University Press; London: Heinemann.
- Homeri Ilias*. 2000. Volumen alterum rhapsodias XIII—XXIV continens, recensuit Martin L. West. Munich: K. G. Saur.
- Homeri Ilias*. 1998. Volumen prius rhapsodias I—XII continens, recensuit Martin L. West. Leipzig: Teubner.
- Hyginus Gromaticus. 1879. *Hygini Gromatici liber de munitionibus castrorum ex recensione Guilelmi Gemoll*. Lipsiae: Teubner.
- Ioannis Malalae Chronographia ex recensione Ludovici Dindorfii*. 1831. Accedunt Chilmeadi Hodiique annotationes et Ric. Bentleii epistola ad Io. Millium. Bonnae: Impensis Ed. Weberi.
- Iosephus Flavius. 1885—1895. *Flavii Iosephi Opera*. Bd. 1—7. Berlin: Weidmann.
- Juvenalis Decimus Julius, Persius Aulus Flaccus. 1940. *Works with an English translation by G. G. Ramsay*. London: Heinemann.
- Lactantius, L. Celsius Firmanus. 1890. De morte persecutorum. In: Brandt S. (ed.). *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum* XIX. Vindobona: Tempsky.
- Libanii Opera*. 1903—1908. Vol. I—IV. Lipsiae: Teubner.
- Livius Titus. 1926—1943. *History: In 13 volumes with an English translation by B. O. Fister*. London: Harvard Univ. Press.
- Nonius Marcellus. 2003. De Compendiosa Doctrina Libri XX. In: *Oniansianis copiis usus edidit Wallace M. Lindsay. Editio stereotypa editionis prioris (MC-MIII)* I. München: K. G. Saur.
- Notitia dignitatum: accedunt Notitia urbis Constantinopolitanae et Laterculi provinciarum*. 1876. Berlin: Weidmann.
- Ovidius. 1867—1871. *P. Ovidi Nasonis Opera*. Ex rec. Merkelii. Vol. I—III. Lipsiae: Teubner.
- P. Vergilii Maronis Opera omnia*. 1873—1875. P. I—III. Lipsiae: Teubner.
- Pausaniae Graeciae descriptio*. 1989—1990. Vol. I—III. Leipzig: Teubner.
- Philonis mechanicae syntaxis libri quartus et quintus*. 1893. Berlin: Typis et impensis G. Reimeri.
- Plinii, C. Caecilii Secundi Epistularum libri novem. Epistularum ad Traianum liber. Panegyricus*. 1952. Lipsiae: Teubner.
- Plinius, C. Secundus (Maior). 1969—1979. *Natural History: In 10 volumes with an English translation by*

Издания античных литературных и юридических источников на языке оригинала

- Aulus Gellius. 1990. *A. Gellii Noctes Atticae*. Recognovit brevique adnotatione critica instruxit P. K. Marshall. Vol. 1—2. Oxford: Oxford University Press.
- Caesar. 1957. C. Iulii Caesaris Commentarii rerum gestarum. In: Seel O. (ed.). *Commentarii belli civilis. Editio stereotypa correctior editionis alterius. Addenda et corrigenda collegit et adiecit W. Trillitzsch* II. Lipsiae: Teubner.
- Cicero M. Tullius. 1906. *M. Tullii Ciceronis Tusculanum disputationes*. Lipsiae: Teubner.
- Cicero M. Tullius. 1970—... In 28 volumes with an English translation. London: Heinemann.
- Corpus Iuris Civilis*. 1954. Mommsen Th., Krüger P. (Hrsg.). Vol. I. *Institutiones, Digestae*. Vol. II. *Codex Justinianus*. Berlin: Weidmann.
- Dio Cassius. 1914—1927. *Dio's Roman History*. In 9 volumes with an English translation by E. Cary. *On the basis of the version of Herbert Baldwin Foster*. London: Heinemann.
- Dio Chrysostom. 1961—1977. In 5 volumes with an English translation by J. W. Cohoon. London: Harvard.
- Dionysii Halicarnessensis Antiquitatum Romanorum quae*

- H. Rackham. London: Heinemann.
- Plutarchi Vitae parallelae*. 1960—1968. Vol. I—IV. Lipsiae: Teubner.
- Plutarch's Moralia in nine volumes with an English translation by F. C. Babbitt*. 1931—1948. London: Heinemann.
- Polyaeni Strategematon libri octo*. 1887. Lipsiae: Teubner.
- Polybii Historia*. 1866—1868. Vol. I—IV. Lipsiae: Teubner.
- Res gestae divi Augusti. Ex monumentis Ancyranis et Aponioniensi*. 1865. Berlin: Weidmann.
- S. Isidorus Hispalensis. 1911. *Origines sive Etymologiae*. Vol. 1—2. Oxford: Clarendon.
- Sallustius. 1957. *C. Sallusti Crispi Catilina. Iugurtha. Fragmenta ampliora*. Lipsiae: Teubner.
- Scriptores Historiae Augustae*. 1955—1965. Lipsiae: Teubner.
- Sex. Propertii elegiarum libri IV*. 1979. Leipzig: Teubner.
- Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus. Praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus urbis Romae, subsequitur epitome de Caesaribus*. 1966. Lipsiae: Teubner.
- Silius Italicus. 1983—1989. *Punica*: In two volumes with an English translation by J. D. Duff. London: Harvard Univ. Press.
- Statius. 2003. *Silvae with an English translation by D. R. Shackleton Bailey*. Cambridge: Harvard University Press.
- Strabonis *Geographica*. 1844—1852. Vol. I—III. Berolini: Prostat in libraria F. Nicolai.
- Suetonius. 1908. *C. Suetonii Tranquilli Caesares*. Lipsiae: Teubner.
- Tacitus, P. Cornelius. 1957—1969. *P. Cornelii Taciti Libri qui supersunt*. Vol. I—II. Lipsiae: Teubner.
- Tertullianus. 1890—1957. *Q. S. Florentis Tertulliani Opera*. Partes I—IV. Vindobonae.
- Theodosiani libri XVI: cum Constitutionibus Sirmondianis et Leges novellae ad Theodosianum pertinentes; consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae borussicae ediderunt Th. Mommsen et Paulus M. Meyer*. 1905. Berlin: Weismann.
- Valerii Maximi Factorum et dictorum memorabilium libri novem. Julii Pari et Ianuarii Nepotiani epitomis adiectis*. 1865. Lipsiae: Teubner.
- Varro M. Terentius. 1977—1979. *On the Latin language*: In 2 volumes with an English translation by R. G. Kent. London: Heinemann.
- Vegetius. 1869. *Flavii Vegetii Renati Epitoma rei militaris*. Lipsiae: Teubner.
- речения. Пер. и комм.: Трохачев С. Ю. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Вергилий Марон П. 1979. *Буколики. Георгики. Энеида*. Пер. с лат.: Гаспаров М. Москва: Художественная литература.
- Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана*. 1992. Пер. с лат.: Кондратьев С. П. Москва: Наука.
- Гесиод. 1985. *Щит Геракла*. Пер. с греч.: Цыбенко О. П. *ВДИ* (3), 200—220.
- Гомер. 1949. *Илиада*. Пер. с греч.: Вересаев В. Москва; Ленинград: Гослитиздат.
- Греческие полиоркеттики. Флавий Вегеций Ренат*. 1996. Пер. А. В. Мишулина. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Деяния божественного Августа. 1987. Пер. с лат.: Смышляев А. Л. В: Кузищин В. И. (отв. ред.). *Хрестоматия по истории Древнего Рима: Учеб. пособие*. Москва: Высшая школа, 166—176.
- Дигесты Юстиниана*. 2002—2006. Т. I—VII. Пер. с лат.; отв. ред.: Кофанов Л. Л. Москва: Статут.
- Дионисий Галикарнасский. 2005. *Римские древности*. В 3 т. Пер. с греч.: Майорова Н. Г., Маяк И. Л., Кофанов Л. Л., Сморгачев А. М., Токмаков В. Н., Тыхов А. Я., Щеголев А. В. Москва: ИД Рубежи XXI.
- Иосиф Флавий. 1993. *Иудейская война*. Пер. с греч.: Финкельберг М., Вдовиченко А. Москва: Еврейский университет.
- Кучма В. В. Νόμος отратпωτικός (К вопросу о связи трёх памятников византийского военного права). 2001. В: Кучма В. В. *Военная организация Византийской империи*. Санкт-Петербург: Алетейя, 243—258.
- Лактанций. 1998. *О смертях преследователей*. Пер. с лат.: Тюленев В. М. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Либаний. 1914—1916. *Речи*. В 2 т. Пер. с греч.: Шестаков С. Казань.
- Ливий Тит. 1989—1993. *История Рима от основания Города*. Т. 1—3. Голубцова Е. С. (отв. ред.). Пер. В. М. Смирнова, Н. А. Поздняковой, Г. Ч. Гусейнова, С. А. Иванова, Н. Н. Казанского, Н. В. Брагинской, Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеевко, Г. С. Кнабе, А. И. Солопова, Э. Г. Юнца, И. И. Маханькова, В. Н. Чемберджи, М. П. Федорова, И. Ф. Макаренко, Н. П. Гринцера, Т. И. Давыдовой, М. М. Сокольской, О. Л. Левинской, А. В. Короленкова. Москва: Наука.
- Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампейл. Памятная книжка*. 1995. Пер. с лат.: Немировский А. И. Москва: Ладомир.
- Овидий Назон П. 1994. *Собрание сочинений*. В 2 т. Пер. М. Л. Гаспарова. Санкт-Петербург: Биографический институт «Студия биографика».
- Павсаний. 1938—1940. *Описание Эллады*. Т. 1—2. Пер.: Кондратьев С. П. Москва: Искусство.
- Плиний Младший. 1984. *Письма Плиния Младшего*. Пер. Сергеевко М. Е., Доватур А. И. 2-е изд. Москва: Наука.
- Плутарх. 1999. *Моралии: Сочинения*. Пер. Я. М. Боровского, М. Н. Ботвинника, Н. В. Брагинской, М. Л. Гаспарова, И. И. Ковалевой, О. Л. Левинской. Москва; Харьков: ЭКСМО-Пресс; Фолио.
- Плутарх. 1994. *Сравнительные жизнеописания*. В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Аверинцев С. С. (отв. ред.). Пер. С. П. Маркиша, М. Е. Грабарь-Пассек, С. И. Соболевского. Москва: Наука.
- Полибий. 1994—1995. *Всеобщая история*. Пер. с греч.: Мищенко Ф. Г. Т. I—III. Санкт-Петербург: Наука; Ювента.

Переводы античных литературных и юридических источников на русский язык

- Авл Геллий. 2007—2008. *Античные ночи*. Т. I, II. Тыхов А. Я., Бехтер А. П. (ред.). Пер. А. Б. Егорова, А. П. Бехтер, А. Г. Грушевого, О. Ю. Бойцовой. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия.
- Аврелий Виктор. 1997. *О цезарях. Извлечения о жизни и нравах римских императоров. Происхождение римского народа. О знаменитых людях*. Пер. с лат.: Соколов В. С. В: *Римские историки IV века*. Москва: Росспэн, 77—224.
- Аммиан Марцеллин. 1996. *Римская история*. Пер. с лат.: Кулаковский Ю. А., Сони А. И. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Аппиан Александрийский. 1994. *Римские войны*. Пер. с греч.: Кондратьев С. П. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Валерий Максим. 2007. *Достопамятные деяния и из-*

- Полиэн. 2002. *Стратегемы*. Пер. с греч., общ. ред: А. К. Нефедкин. Санкт-Петербург: Евразия.
- Проперций Секст. 2004. *Элегии в четырёх книгах*. Пер. с лат., примеч.: Любжин А. И. Москва: Греко-латинский кабинет.
- Псевдо-Гигин. 2002. Об устройстве военных лагерей. Пер. с лат.: Колобов А. В. В: *Древность и средневековые Европы*. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Пермский университет, 108—130.
- Саллюстий Крисп Г. 1981. *Сочинения*. Пер. с лат., ст. и коммент.: Горенштейн В. О. Москва: Наука.
- Светоний Транквилл Г. 1993. *Жизнь двенадцати цезарей*. Изд. подгот. Гаспаров М. Л., Штаерман Е. М. Пер. М. Л. Гаспарова. Москва: Наука.
- Страбон. 1964. *География*. Пер. с греч., ст. и комм.: Стратановский Г. А. Москва: Наука.
- Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов*. 2010. Пер. с греч., комм.: Перевалов С. М. Москва: Памятники исторической мысли.
- Тацит Корнелий. 1993. *Сочинения в двух томах*. Т. I. *Анналы*. *Малые произведения*. Т. II. *История*. Пер. с лат., комм.: Бобович А. С. Москва: Ладомир.
- Тертуллиан Кв. Септимий Флорент. 1994. *Избранные сочинения*. Пер. с лат.: Столяров А. А. Москва: Издат. группа «Прогресс», «Культура».
- Трактат Анонимного реформатора «О военном деле». 1999. Пер. с лат.: Лазарев С. А. В: *Уржумка* 1 (5). Челябинск, 102—117.
- Указ Диоклетиана о таксах*. 1928. Архангельский С. (ред.). Пер. С. И. Архангельского. Нижний Новгород.
- Цезарь Г. Юлий. 1948. *Записки*. Пер. с лат. Покровский М. М. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Цицерон М. Туллий. 2000. *Избранные сочинения*. Пер. с лат.: Кнабе Г. Москва: АСТ.
- Цицерон М. Туллий. 1901. *Полное собрание речей в русском переводе (отчасти В. А. Алексеева, отчасти Ф. Ф. Зелинского)*. В 2 т. Санкт-Петербург: Издание А. Я. Либермана.
- Эней Тактик. 2003. О перенесении осад. Пер. с греч., ст. и прим.: Беляев В. Ф. В: *Военное искусство античности*. Москва: Эксмо, 38—106.
- Ювенал. 1994. *Сатиры*. Пер. с лат.: Недович Д. С., Петровский Ф. А. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Греческие полиоркетикеты 1996: *Греческие полиоркетикеты*. Флавий Вегетий Ренат. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Дементьева В. В. 2007. Spolia opima Корнелия Косса: проблемы интерпретации античной традиции. В: *Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки* 4, 5—11.
- Дорошко В. В. 2005. Новые находки римского военного снаряжения с территории Южного Крыма. В: *Сугдейский сборник* II, 447—453.
- Дрча С. 1983. *Наисус — Сирмијум, обрада метала*. Ниш: Народни музеј.
- Колобов А. В. 1990. Использование «территории легиона» в западных провинциях Римской империи I в. н. э. В: *Областная отчетная студенческая научная конференция. Секция исторических наук: Тезисы докладов*. Пермь: Изд-во ПГУ, 41—44.
- Колобов А. В. 1996. [Рец.:] М. С. Bishop, J. C. N. Coulston. Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome. London: B. T. Batsford Ltd., 1993. 256 p. В: Нюркаева А. З., Маяк И. Л. (ред.). *Античность и средневековые Европы*. Пермь: ПГУ, 273—277.
- Колобов А. В. 2000. «Военная территория» эпохи принципата: историографический миф или реальность? В: *Ius antiquum. Древнее право* 6 (1), 43—50.
- Колосовская Ю. К. 1988. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии. *ВДИ* (4), 20—37.
- Костромичев Д. А. 2005. Три погребения римских солдат из некрополя Херсонеса. *МАИЭТ* XI, 94—118.
- Костромичев Д. А. 2008. Римское военное снаряжение из Херсонеса. *МАИЭТ* XII (1), 43—128.
- Кошеленко Г. А. 1977. *Родина парфян*. Москва: Советский художник.
- Лазарев С. А. 1999. Трактат Анонимного реформатора «О военном деле». В: *Уржумка* (1), 102—117.
- Ле Бозк Я. 2001. *Римская армия эпохи Ранней Империи*. Москва: Российская политическая энциклопедия.
- Махлаюк А. В. 2000. Военная организация Рима в оценке греческих авторов и вопрос о своеобразии римской цивилизации. В: Хвостова К. В. (отв. ред.). *Сравнительное изучение цивилизаций мира (междисциплинарный подход)*. Москва: Институт Всеобщей истории РАН, 259—272.
- Махлаюк А. В. 2006. *Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Акра.
- Махлаюк А. В. 2007. Подвластный сын на военной службе: patria potestas, peculium castrense и социальный статус легионеров в эпоху Империи. *ВДИ* (1), 130—142.
- Негин А. Е. 2004. К вопросу о защитном вооружении римских катафрактариев и клибанариев. В: Молев Е. А. (отв. ред.). *IX Чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова*. Нижний Новгород, ННГУ, 29—30 октября 2004 г. Нижний Новгород: ННГУ, 45—49.
- Негин А. Е. 2005. Клады римского парадного вооружения в провинции Реция. В: Софронова Л. В. (отв. ред.). *Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С. И. Архангельского: XIV чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского*, 25—26 февраля 2005 г. Ч. 1. Нижний Новгород: НГПУ, 60—63.

Литература

- Айбабин А. И. 2003. Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого. *МАИЭТ* IX, 37—52.
- Архангельский С. И. 1928. Указ Диоклетиана о таксах. *Известия Нижегородского государственного университета* 2, 365—401.
- Банников А. В. 2002а. Военные реформы Диоклетиана. В: Фролов Э. Д. (отв. ред.). *Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 169—182.
- Банников А. В. 2002b. Датировка трактата Вегетия *Eritoma rei militaris*. В: Фролов Э. Д. (отв. ред.). *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 333—344.
- Белова Н. Н. 1972. Рабы ремесленных и непродовольственных профессий в Римской Галлии (преимущественно по эпиграфическим данным). В: *Античная древность и средние века* 8, 56—72.
- Горелик М. В. 2003. *Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие IV в. до н. э.)*. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург: ТПГ «Атлант».

- Негин А. Е. 2007. Позднеримские шлемы: проблемы генезиса. В: *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал* (2). *Война, армия и военное дело в античном мире*. Саратов: Саратовский университет, 335—359.
- Негин А. Е. 2008. Об экономических аспектах оружейного производства в Риме эпохи принципата. *Вестник Нижегородского государственного университета* (6), 171—177.
- Негин А. Е. 2009. Вооружение как идентификатор военного и социального статуса римского военнослужащего. В: Николаи Ф. В., Хазина А. В. (отв. ред.). *Время, событие, исторический опыт в дискурсе современного историка: XVI чтения памяти члена-корреспондента АН СССР С. И. Архангельского*, 15—17 апреля 2009 г. Нижний Новгород: НГПУ, 119—123.
- Негин А. Е. 2010а. К вопросу о времени появления в позднеримской армии шлемов с продольным гребнем. *Вестник ННГУ* (3), 239—244.
- Негин А. Е. 2010б. *Римское церемониальное и турнирное вооружение*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История.
- Негин А. Е., Дмитриев С. 2008. Нагрудная панцирная пластина от римского панциря из частной болгарской коллекции. *Из истории античного общества* 11, 116—125.
- Новиченкова Н. Г. 1998. Римское военное снаряжение из святылища у перевала Гурзуфское Седло. *ВДИ* (2), 51—67.
- Перевалов С. М. 2010. *Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов*. Москва: Памятники исторической мысли.
- Радюш О. А. 2007. Новая находка римского меча в Сочинском районе Краснодарского края. *ВДИ* (3), 52—56.
- Смышляев А. Л. 1975. Септимий Север и римская юриспруденция. *Правоведение* (5), 62—69.
- Смышляев А. Л. 1979. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи. *ВДИ* (3), 60—81.
- Трейстер М. Ю. 2000. К находкам металлических деталей римского военного снаряжения и конской сбруи в Северном Причерноморье. *РА* (2), 156—163.
- Achter het Zilveren Masker 2007. Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme). Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland.
- Adams J. P. 1976. *The Logistics of the Roman Imperial Army: Major Campaigns on the Eastern Front in the First Three Centuries AD*. PhD Diss. New Haven: Yale University.
- Adams C. E. P. 1995. Supplying the Roman Army: O. Petr. 245. *ZPE* 109, 119—124.
- Adams C. E. P. 1999. Supplying the Roman army: bureaucracy in Roman Egypt. In: Goldsworthy A. K., Haynes I. (eds.). *The Roman Army as a Community*. Portsmouth: Journal of Roman Archaeology, 119—126.
- Adams C. E. P. 2001. Feeding the wolf: logistics and the Roman army. *JRA* 14, 465—472.
- Al-Baklamishi Al-Yunani Taybugha 1970. *Saracen archery: an English version and exposition of a Mameluke work on archery (ca. A.D. 1368)*. London: Holland Press.
- Alföldi A. 1932. The helmet of Constantine with the Christian monogram. *JRS* 22, 8—16.
- Allason-Jones L., Milet R. 1984. *The Catalogue of Small Finds from South Shields Roman Fort*. Newcastle: Society of Antiquaries of Newcastle upon Tyne.
- Allen J. R. L., Fulford M. G. 1999. Fort building and military supply: late second and third centuries. *Britannia* 30, 163—184.
- Anderson J. D. 1992. *Roman Military Supply in North-East England. An analysis and an alternative to the Piercebridge Formula*. Oxford: BAR 224.
- Angelone R. 1986. *L'Officina coactiliaria di M. Vecilio Vercundo a Pompei*. Napoli: Arte Tipografica.
- Angus et al. 1962: Angus N. S., Brown G. T., Cleere H. F. 1962. The iron nails from the legionary fortress at Inchtuthil, Perthshire. *Journal of Iron and Steel Institute* 200, 956—968.
- Art of the Armourer 1963. *Art of the Armourer*. Exh. cat. Victoria & Albert Museum. 19 April 5 May 1963. London: Arms and Armour Society.
- Avvisati C. 2003. *Pompei, mestieri e botteghe 2000 anni fa*. Rome: Bardi.
- Baatz D. 1994a. *Bauten und Katapulte des römischen Heeres*. Stuttgart: F. Steiner.
- Baatz D. 1994b. Katapult-Spannbuchsen vom Auerberg. In: Ulbert G. (Hrsg.). *Der Auerberg I. Topographie, Forschungsgeschichte und Wallgrabungen*. München: Beck, 173—187.
- Bailey F. W. J. 1967. *Fundamentals of Engineering Metallurgy*. London: Cassell.
- Bailey G. B. 1994. The provision of fort — annexes on the Antonine Wall. *PSAS* 124, 299—314.
- Barruol G., Sauzade G. 1969. Une tombe de guerrier à Saint-Laurent-des-Arbres (Gard). Contribution à l'étude des sépultures du 1er siècle av. J.-C. dans la basse vallée du Rhone. *RSL* 35, 15—89.
- Bechert T. 1982. *Römisches Germanien zwischen Rhein und Maas. Die Provinz Germania Inferior*. München: Hirmer.
- Beck F., Chew H. 1991. *Masques de fer. Un officier romain du temps de Caligula*. Musée des Antiquités Nationales, St. Germain en Laye, Paris, 6 nov. 1991, 4 février 1992. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux.
- Bemmann G., Bemmann J. 1998. *Der Opferplatz von Nydam. Die Funde aus älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II*. Bd. 2. *Katalog und Tafeln*. Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Benea D. 2008. Ateliere militare în Dacia Romană (106—271). In: Benea D. (ed.). *Dacia în sistemul socio-economic roman. Cu privire la atelierele meșteșugărești locale*. Timișoara: Excelsior Art, 376—388.
- Benndorf O. 1878. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. *DAW* 28.
- Berchem D. van. 1937. L'annonce militaire dans l'empire romain au IIIe siècle. *Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France* 8 serie X, 117—202.
- Bianchi Bandinelli R. 1971. *Rome. The late empire. Roman art, A.D. 200—400*. London: Thames & Hudson.
- Biborski M. 1993. Die Schwerter des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. aus dem römischen Imperium und dem Barbaricum. *Specimina Nova* 9, 91—130.
- Biborski M. 1994. Römische Schwerter im Gebiet des europäischen Barbaricum. *JRMES* 5, 169—197.
- Birley A. R. 1981. The economic effects of Roman frontier policy. In: King A., Henig M. (eds.). *The Roman West in the Third Century: Contributions from Archaeology and History*. BAR 109. Oxford: BAR, 39—53.
- Birley R. 1994. *Vindolanda Research Reports: the excava-*

- tions of 1973—1976 and 1985—1989, with some additional details from the excavations of 1991—1993. Hexham: Roman Army Museum Publications for the Vindolanda Trust.
- Bishop M. C. 1985. The military fabrica and the production of arms in the early principate. In: Bishop M. C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR International Series 275. Oxford: BAR, 1—42.
- Bishop M. C. 1986. The distribution of military equipment within Roman forts of the first century A.D. In: Unz C. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. 13. internationaler Limeskongreß Aalen 1983. Stuttgart: Theiss, 717—723.
- Bishop M. C. 1995. Aketon, Thoracomachus, and Lorica Segmentata. *Exercitus: the Bulletin of the Ermine Street Guard* 3 (1), 1—3.
- Bishop M. C. 2002. *Lorica Segmentata*. Vol. I. *A Handbook of Articulated Roman Plate Armour*. Chirside: The Armatura Press.
- Bishop M. C., Coulston J. C. N. 1993. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London: Batsford.
- Bishop M. C., Coulston J. C. N. 2006. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. 2nd ed. Oxford: Oxbow.
- Boeheim W. 1897. *Meister der Waffenschmiedekunst vom XIV. bis ins XVIII. Jhd.* Berlin: Moeser.
- Bonis E. B. 1986. Das Militärhandwerk der Legio I Adiutrix in Brigetio. In: Unz C. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. Stuttgart: Das Amt, 301—307.
- Borhy L. 1996. Zur Tätigkeit einer Fabrica Falsaria in Brigetio (Komárom/Szöny, Ungarn). *Archaeologisches Korrespondenzblatt* 26, 311—321.
- Born H. 1989. Antike Herstellungstechniken: Gegossene Brustpanzer und Helme aus Italien. *APA* 21, 99—115.
- Born H., Junkelmann M. 1997. *Römische Kampf- und Turnerrüstungen*. Mainz am Rhein: Von Zabern.
- Bowman A. K., Thomas J. D. 1983. Vindolanda: The Latin Writing Tablets. *Britannia Monograph Series* 4. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Brailsford J. W. 1962. *Hod Hill*. Vol. 1. *Antiquities from Hod Hill in the Durden collection*. London: British Museum.
- Braund D. 1993. Piracy under the principate and the ideology of imperial eradication. In: Rich J., Shipley G. (eds.). *War and Society in the Roman World*. London: Routledge, 195—212.
- Breeze D. J. 1993. Demand and supply on the northern frontier. In: Dobson B., Breeze D. (eds.). *Roman Officers and Frontiers (Mavors X)*. Stuttgart: Mavors.
- Breeze D. J. 2000. Supplying the army. In: Alföldy G., Dobson B., Eck W. (Hrsg.). *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 59—64.
- Breeze et al. 1976: Breeze D. J., Close-Brooks J., Ritchie J. N. G., Scott I. R., Young A. 1976. Soldiers' Burials at Camelon, Stirlingshire, 1922 and 1975. *Britannia* (7), 73—95.
- Brewer C. W. 1981. Metallographic examination of Medieval and Post-Medieval Iron Armour. *Journal of the Historical Metallurgy Society* 15, 1—8.
- Bronson B. 1986. The Making and Selling of Wootz, a crucible steel of India. *Archeomaterials* (1), 13—52.
- Brown D. 1976. Bronze and Pewter. In: Strong D. E., Brown D. (eds.). *Roman Crafts*. London: Duckworth, 25—41.
- Brunnow R., Domaszewski A. von. 1909. *Die Provincia Arabia. Aufgrund zweier in den Jahren 1897 und 1898 unternommenen Reisen und der Berichte früherer Reisender*. Bd. II. *Der äußere Limes und die Römerstrassen von El Maan bis Bosra*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Burgess E. M. 1953a. Further Research into the Construction of Mail Garments. *The Antiquaries Journal* 33, 193—202.
- Burgess E. M. 1953b. The Mail-Maker's Technique. *The Antiquaries Journal* 33, 28—55.
- Burnand Y. 1980. Circonscriptions de Lorraine. *Gallia* 38: 2, 432—433.
- Buxton K., Howard-Davis C. L. E. 2000. *Bremetenacum: Excavations at Roman Ribchester, 1980, 1989—1990*. Lancaster: Lancaster University Archaeological Unit.
- Cagnat R. 1908. *Les deux Camps de la Légion IIIe Auguste à Lambèse d'après les fouilles récentes*. Paris: C. Klincksieck.
- Cagnat R. 1913. *L'Armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les Empereurs*. Paris: Ministère de l'Instruction Publique.
- Campbell B. 2002. *War and society in Imperial Rome, 31 BC — AD 284*. London: Routledge.
- Campbell D. B. 2003. *Greek and Roman Artillery 399 BC — AD 363*. Oxford: Osprey.
- Carreras Monfort C. 2002. The Roman military supply during the Principate. Transportation and staples. In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 70—89.
- Chapman E. M. 2002. Evidence of armamentarium at Carleon? The Prysg Field rampart buildings. In: Aldhouse-Green M., Webster P. (eds.). *Artefacts and Archaeology. Aspects of the Celtic and Roman World*. Cardiff, 33—43.
- Christison D., Cunningham J. H. 1898. An Account of the Excavation of the Roman Station at Ardoch, Perthshire. *PSAS* 32, 399—476.
- Clough R. 1989. The iron billets. In: Frere S. S., Wilkes J. J. (eds.). *Strageath. Excavations within the Roman fort 1973—1986, Society for the Promotion of Roman Studies*. Britannia Monograph Series 9, 176.
- Collingwood R. G., Richmond I. 1969. *The Archaeology of Roman Britain*. London: Methuen.
- Connolly P. 1988. *The Legionary*. Oxford: Oxford University Press.
- Connolly P. 1991. *The Roman Fort*. Oxford: Oxford University Press.
- Cool H. 2002. Craft and industry in Roman York. In: Wilson P., Price J. (eds.). *Aspects of industry in Roman Yorkshire and the north*. Oxford: Oxbow, 1—13.
- Cornwallis-Neville R. 1856. Description of a remarkable deposit of Roman Antiquities of iron, discovered at Great Chesterford, Essex in 1854. *The Archaeological Journal* XII, 1—13.
- Cosme P. 2007. Les fournitures d'armes aux soldats romains. In: de Blois L., Lo Cascio E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C.A.D. 476), Capri, Italy, March 29 — April 2, 2005. Leiden: Brill Academic Publishers, 239—260.
- Couissin P. 1926. *Les Armes Romaines. Essai sur les origines et l'évolution des armes individuelles du légion-*

- naire romain. Paris: H. Champion.
- Coulston J.C. 1985. Roman Archery Equipment. In: Bishop M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR IS 275. Oxford: BAR, 220—336.
- Coulston J.C.N. 1989. The Value of Trajan's Column as a source for military equipment. In: Driel-Murray C. van (ed.). *Roman Military Equipment: The Sources of Evidence*. Oxford: BAR, 33—34.
- Coulston J.C.N. 1998. How to arm a Roman Soldier. In: Austin M.N., Harries J.D., Smith C.J. (eds.). *Modus Operandi. How the Ancient World Worked. Papers Presented to Geoffrey Rickman*. London: Institute of Classical Studies, School of Advanced Study, University of London, 167—190.
- Cowan R. 2003. *Roman Legionary 58 BC — AD 69*. Oxford: Osprey publishing.
- Craddock P.T. 1977. The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilisations II. *Journal of Archaeological Science* (4), 103—123.
- Craddock P.T. 1984. The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze. *Studi Etruschi* 52, 211—271.
- Craddock P.T. 1995. *Early metal mining and production*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Curle J. 1911. *A Roman frontier post and its people*. Glasgow: Maclehose.
- Curle J. 1915. On a Roman visor helmet recently discovered near Nijmegen, Holland. *JRS* (5), 81—86.
- D'Amato R., Sumner G. 2009. *Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier: From Marius to Commodus, 112 BC — AD 192*. London: Frontline Books.
- Daele B. van. 1999. The Military Fabricae in Germania Inferior from Augustus to A.D. 260/270. *JRMES* 10, 125—136.
- Daniels Ch. M. 1968. A hoard of iron and other materials from Corbridge. *Archaeologia Aeliana* 46, 115—126.
- Daremborg Ch., Saglio E. (eds.). 1873—1919. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. I—V. Paris: Hachette.
- Dark K. 2001. Proto-industrialization and the Economy of the Roman Empire. In: Polfer M. (dir.). *L'artisanat romain: évolutions, continuités et ruptures (Italie et provinces occidentales)*. Actes du 2e colloque d'Erpeldange, 26—28 octobre 2001. Monographies Instrumentum 20. Montagnac: Editions Monique Mergoil, 19—30.
- Das Römerlager in Oberaden 1938. Das Römerlager in Oberaden und das Uferkastell in Beckinghausen a.d. Lippe. In: Albrecht Chr. (Hrsg.). *Veröffentlichungen aus dem Städtischen Museum für Vor- und Frühgeschichte Dortmund*. 2. Heft 1: *Bodenbefund, Münzen, Sigillaten, Inschriften, bearbeitet*. Dortmund: Verlag Fr. Wilh. Ruhfus.
- Davies J.L. 2002. Soldiers, peasants, industry and towns. The Roman army in Britain. A Welsh perspective. In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 169—203.
- Der Limes* 2009 (3), 18—20. URL: <http://www.deutsches-limeskommission.de/index.php?id=368&L=1>
- Die römische Reichsgrenze... 1995: Bechert T., Willems W.J.H. (Hrsg.). *Die römische Reichsgrenze zwischen Mosel und Nordseeküste*. Stuttgart: Theiss Verlag.
- Domaszewski A. von. 1967. Die Rangordnung des römischen Heeres. Einführung, Berichtigungen und Nachträge von Brian Dobson. 2. Durchgesehene Aufl. *Bonner Jahrbücher* 14. Köln: Bohlau.
- Drescher H. 1994. Römische Gießereifunde vom Auerberg. In: Ulbert G. (Hrsg.). *Der Auerberg I. Topographie, Forschungsgeschichte und Wallgrabungen*. München: Beck, 113—171.
- Drexel F. 1924. Römische Paraderüstung. In: Abramčić M., Hoffiller V. (Hrsg.). *Strena Buliciana*. Zagreb: Štampala Znak tiskare Narodnih novina, 55—72.
- Driel-Murray C. van. 1985 The Production and Supply of Military Leatherwork in the First and Second Centuries A.D. In: Bishop M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR IS 275. Oxford: BAR, 43—75.
- Driel-Murray C. van. 1999. A rectangular shield cover of the Coh. XV Voluntariorum C. R. *JRMES* 10, 45—54.
- Driel-Murray C. van., Gechter M. 1983. Funde aus der Fabrika der legio I Minervia aus Bonner Berg. *Rheinische Ausgrabungen* 23, 1—83.
- Duncan-Jones R. 1994. *Money and government in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dušanić S. 2004. Roman mining in Illyricum: Historical aspects. In: Urso G. (ed.). *Dall'Adriatico al Danubio. L'Illyrico nell'età greca e romana*. Atti del convegno internazionale Cividale del Friuli, 25—27 settembre 2003. Pisa: ETS, 247—270.
- Egger R. 1951. Bemerkungen zum Territorium pannonischer Festungen. *Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften* 88, 206—232.
- Eichberg M. 1987. *Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars*. Frankfurt: Peter Lang.
- Engelhardt C. 1863. *Thorsbjerg Mosefund. Sønderjyske og fynske mosefund*. København: Kbh.
- Engelhardt C. 1865. *Nydam Mosefund*. København: Kbh.
- Engelhardt C. 1867. *Kragehul Mosefund*. København: Kbh.
- Engelhardt C. 1869. *Viemose Fundet. Sønderjyske og fynske mosefund 2*. København: Kbh.
- Erdkamp P. 1998. *Hunger and the Sword: Warfare and Food Supply in Roman Republican Wars (264—30 BC)*. Amsterdam: Brill Academic Publishers.
- Erdkamp P. 2002. The corn supply of the Roman armies during the principate (27 BC — 235 AD). In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Gieben, 49—69.
- Erdrich M. 1994. Waffen in mitteleuropäischen Barbaricum: Handel oder Politik? *JRMES* 5, 199—209.
- Ettlinger E., Hartmann M. 1984. Fragmente einer Schwertscheide aus Vindonissa und ihre Gegenstücke vom Grossen St. Bernhard. *Gesellschaft pro Vindonissa. Jahresbericht*, 5—46.
- Evans J. 1894. Some iron tools and other articles formed of iron found at Silchester in the year 1890. *Archaeologia* 54, 139—156.
- Ferris I.M., Jones R.F. 1991. Binchester a northern fort and vicus. In: Jones R.F. (ed.). *Roman Britain: Recent Trends*. Sheffield: Collis, 103—113.
- Feugère M. 1994. *Les casques antiques: Visages de la guerre de Mycènes à l'Antiquité tardive*. Paris: Editions Errance.
- Feugère M. 2002. *The Weapons of the Romans*. Stroud: The History Press Ltd.
- Ffoulkes Ch. 1912. *The Armourer and his Craft: From the XIth to the XVIth Century*. London: Methuen.
- Fingerlin G. 1999. Römische und keltische Reiter im Lager der XIX. Legion von Dangstetten am Hochrhein.

- Archäologische Nachrichten aus Baden, Forderkreis Archäologie in Baden 60, 3—18.
- Fink R. O. 1971. *Roman military records on papyrus*. Ann Arbor: Press of Case Western Reserve University.
- Fitting H. 1872. *Das Peculium castrense*. Halle: s. n.
- Flinders Petrie V. M. 1917. *Tools and Weapons: Illustrated by the Egyptian Collection in University College, London, and 2,000 outlines from other sources*. London: British School of Archaeology in Egypt UCL.
- Florescu F. 1969. *Die Trajanussäule, Grundfragen und Tafeln*. Bonn: [s. n.].
- Forbes R. J. 1958. *Metallurgy in Antiquity; a Notebook for Archaeologists and Technologists*. Leiden: Brill.
- Foss C. 1979. The Fabricenses Ducenarii of Sardis. *ZPE* 35, 279—283.
- Franks A. W. 1858. On bosses of roman shields found in Northumberland and Lancashire. *The Archaeological Journal* XV, 55—58.
- Frere S. S., St. Joseph J. K. 1974. The Roman fortress at Longthorpe. *Britannia* (5), 1—129.
- Frere S. S., Wilkes J. J. 1989. *Strageath: Excavations Within the Roman Fort 1973—86*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Freshfield E. H. 1922. Notes on a Vellum Album containing some original sketches of public buildings and monuments, drawn by a German artist who visited Constantinople in 1574. *Archaeologia or miscellaneous tracts relating to antiquity* 72, 87—104.
- Fulford M. 2000. The organization of legionary supply: the Claudian invasion of Britain. In: Brewer R. J. (ed.). *Roman Fortresses and their Legions*. London: Society of Antiquaries of London.
- Fulford et al. 2005: Fulford M., Sim D., Doig A., Painter J. 2005. In defence of Rome: a metallographic investigation of Roman ferrous armour from Northern Britain. *Journal of archaeological science* 32: 2, 241—250.
- Funari P. P. A. 2002. The consumption of olive oil in Roman Britain and the role of the army. In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 235—263.
- Gaitzsch W. 1980. *Eiserne römische Werkzeuge. Studien zur römischen Werkzeugkunde in Italien und den nördlichen provinzen des Imperiums Romanum*. BAR International Series 78. Oxford: BAR.
- Gansser-Burckhardt A. 1942. *Das Leder und seine Verarbeitung im römischen Legionslager Vindonissa*. Basel: Gesellschaft Pro Vindonissa.
- Garbsch J. 1978. *Römische Paraderüstungen*. München: Beck, 1978.
- Garlick M. 1992. The development of the curved legionary scutum. *Exercitus* 9 (2), 160—161.
- Garnsey P. 1976. Economy and Society of Mediolanum under the Principate. *Papers of the British School at Rome* XLIV, 13—27.
- Gelli J., Moretti G. 1903. *Gli armaroli milanesi. I Missaglia e la loro casa. Notizie, documenti, ricordi. 56 tavole e 12 incisioni nel testo*. Milano: Ulrico Hoepli.
- Gentilis A. 1599. *De Armis Romanis Libri Duo*. Hanouiae: Apud Guilielmum Antonium.
- Gilliam J. F. 1967. The deposita of an auxiliary soldier (P. Columbia inv. 325). *BJ* 167, 233—243.
- Gilliam J. F. 1981. Notes on a new Latin text: P. Vindob. L135. *ZPE* 41, 277—280.
- Giordani N. 2001. Allevamento, lana, tessuti: aspetti dell'economia nella colonia romana di Mutina. In: Corti C., Giordani N. (ed.). *Tessuti, colori e vestiti del mondo antico: momenti di archeologia sperimentale*. Catalogo della Mostra (Finale Emilia — Castello delle Rocche, 21 aprile/10 giugno 2001). Finale Emilia: Baraldini.
- Goguy R. 2008. Légionnaires romains chez les Lingons: la VIIIème Augusta à Mirebeau (Côte-d'Or). *Revue archéologique de l'Est* 57, 227—252.
- Goldsmith R. W. 1984. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire. *Journal of the International Association for Research in Income and Wealth Series* 30, 263—288.
- Graczkowski A. 2009. *Armia rzymska w okresie schyłku republiki: organizacja, uzbrojenie, taktyka*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Grant R. M., Mitchell M. M. 1990. *Augustus to Constantine (The Rise and Triumph of Christianity in the Roman World)*. San Francisco: Westminster John Knox Press.
- Greep S. 1983. Approaches to the study of bone, antler and ivory military equipment. In: Bishop M. C. (ed.). *Roman Military Equipment*. Proceedings of a seminar held in the Department of Ancient History and Classical Archaeology at the University of Sheffield, 21st March 1983. Sheffield [s. n.], 16—21.
- Groller M. von. 1901. Römische Waffen. *Der Römische Limes in Österreich* 2. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 85—132.
- Grünwald T. 2004. *Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality*. London: Routledge.
- Haalebos J. K. 1977. *Zwammerdam — Nigrum Pullum. Ein Auxiliarkastell am Niedergermanischen Limes*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, Subfaculteit der Preen Protohistorie.
- Hanel N. 1995. Vetera I. Die Funde aus den römischen Lagern auf dem Fürstenberg bei Xanten. *Rheinische Ausgrabungen* 35.
- Hanel N. 2007. Military Camps, canabae and vici. The archaeological evidence. In: Erdkamp P. (ed.). *A Companion to the Roman Army*. Oxford: Blackwell Publishing, 395—416.
- Hanel et al. 2000: Hanel N., Peltz U., Willer F. 2000. Untersuchungen zu römischen Reiterhelmmasken aus der Germania inferior. *Bonner Jahrbücher* 200, 243—274.
- Hanson et al. 2007: Hanson W. S., Speller K., Yeoman P. A., Terry J. 2007. *Elginhaugh: A Flavian Fort and its Annexe*. London: The Society for the Promotion of Roman Studies.
- Harrauer H., Seider R. 1979. Ein neuer lateinischer Schulschein: P. Vindob. L 135. *ZPE* 36, 109—120.
- Healy J. E. 1978. *Mining and metallurgy in the Greek and Roman world*. London: Thames & Hudson.
- Heising A. 2003. Eine wechselvolle Geschichte Bäckerei, fabrica und Baracken des Mainzer Legionslagers. *Archäologie in Rheinland-Pfalz* IX. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 68—70.
- Hermann F.-R. 1969. Der Eisenfundhort aus dem Kastell Künzing. *Saalburg Jahrbuch* 26, 129—141.
- Herz P. 2002. Die Logistik der kaiserzeitlichen Armee. Strukturelle Überlegungen. In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 19—46.
- Hirt A. M. 2010. *Imperial Mines and Quarries in the Roman World. Organizational Aspects 27 BC — AD 235*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Hoffiler V. 1911. Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva. *Viestnik Hrvatskoga arheološkoga društva* 12, 16—123.
- Hong et al. 1996: Hong S., Candelone J.-P., Boutron C. 1996. Changes in natural lead, copper, zinc and cadmium concentrations in central Greenland ice from 8250 to 149,100 years ago: their association with climatic changes and resultant variations of dominant source

- contributions. *Earth and Planetary Science Letters* 143, 233—244.
- Hopewell et al. 2005: Hopewell D., Burman J., Evans J., Ward M., Williams D. 2005. Roman Fort Environs in North-West Wales. *Britannia* 36, 225—269.
- Hom H. G. 1987. *Die Römer in Nordrhein-Westfalen*. Stuttgart: Theiss.
- Horsley J. 1732. *Britannia Romana; or, The Roman antiquities of Britain*. London: J. Osborn and T. Longman.
- Hough W. 1893. Primitive American Armor. *Annual reports of United States National Museum* 7, 627—651.
- Ilkjær J., Lønstrup J. 1982. Interpretation of the Great Votive Deposits of Iron Age Weapons. *Journal of Danish Archaeology* (1), 95—103.
- Ilkjær J., Lønstrup J. 1983. Der Moorfund im Tal der Ille-rup-Å bei Skanderborg in Ostjütland (Dänemark). Vorbericht. *Germania* 61, 95—116.
- Ivanov R. 1990. Lixa Legionis V Macedonicae aus Oescus. *ZPE* 80, 131—136.
- Jackson R. 1990. A Roman metalworking die from Oulton, Staffordshire. *Antiquaries Journal* 70, 456—458.
- James S. 1988. The fabricae: state arms factories of the Late Roman Empire. In: Coulston J. C. (ed.). *Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference*. Oxford: BAR, 257—331.
- Johnson A. 1983. *Roman Forts of the First and Second Centuries AD in Britain and the German Provinces*. London: A. & C. Black.
- Jones R. F. L. 1990. Natives and the Roman army: three model relationships. In: Vetters H., Kandler M. (Hrsg.). *Akten des 14. Internationalen Limeskongresses*. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 99—110.
- Jullian C. 1896. *Fabrica*. In: Daremberg Ch., Saglio E. (ed.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. II. P. 2. Paris: Hachette, 959—961.
- Junkelmann M. 1986. *Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Junkelmann M. 1996. *Reiter wie Statuen aus Erz*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Junkelmann M. 1999. Roman helmets in the Axel Guttman-Collection, Berlin. *JRMES* 10, 81—85.
- Junkelmann M. 2000. *Das Spiel mit dem Tod*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Junkelmann M. 2000. *Römische Helme*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Kaminski J., Sim D. 2011. *Roman Imperial Armour: The Production of Early Imperial Military Armour*. Oxford: Oxbow Books.
- Katsari C. 2002. The military orientation of the Roman emperors, Septimius Severus to Gallienus. *Anistoriton Journal* (6), 1—6.
- Kehne P. 2007. Warand Peacetime Logistics: Supplying Imperial Armies in East and West. In: Erdkamp P. (ed.). *A Companion to the Roman Army*. Oxford: Blackwell Publishing, 323—338.
- Keim J., Klumbach H. 1951. Der Römische Schatzfund von Straubing. *Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte* 3. München: C. H. Beck.
- Kellner H. J., Zahlhaas G. 1984. *Der römische Schatzfund von Weißenburg*. München; Zürich: Schnell u. Steiner.
- Kemkes M. 2006. *Der Limes: Grenze Roms zu den Barba-ren*. Ostfildern: Thorbecke.
- Keppie L. 1984. *The Making of the Roman Army*. London: Batsford.
- Keppie et al. 2001: Keppie L. J. F., Fitzpatrick A. P., Hassall M. W. C., Tomlin R. S. O., Burnham B. C. 2001. Roman Britain in 2000. *Britannia* 32, 311—400.
- Kiechle F. 1965. Die „Taktik“ des Flavius Arrianus. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 45, 87—129.
- Kissel Th. K. 1995. Untersuchungen zur Logistik des römischen Heeres in den Provinzen des griechischen Ostens (27 v. Chr. — 235 n. Chr.). *Pharos Studien zur griechisch-römischen Antike* 6. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag.
- Klumbach H. 1973. *Spätromische Gardehelme*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Klumbach H. 1974. *Römische Helme aus Niedergermanien. Katalog einer Ausstellung in Rheinischen Landes-museums Bonn, 1974*. Köln: Rheinland-Verlag.
- Klumbach H. 1977. Ein Paradeschildbuckel aus Brige-tio. In: Haupt D., Hom H. G. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms II*. Köln: Böhlau Verlag, 199—206.
- Klumbach H., Baatz D. 1970. Eine römische Parade-Ge-sichtsmaske aus dem Kastell Echzell Kr. Büdingen (Hessen). *Saalburg Jahrbuch* 27, 73—83.
- Kolb A. 2000. *Transport und Nachrichtentransfer im Römi-schen Reich*. Berlin: Akademie Verlag.
- Koster A., Swinkels L. 2007. Technische Untersuchungen an römischen Gesichtshelmen aus Nijmegen. In: Meijers R., Willer F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silber-nen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungs-technik römischer Reiterhelme)*. Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 5—8.
- Kropatscheck G. 1909. Ausgrabungen bei Haltern. Die Fundstücke der Jahre 1905—1907. *Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen* 5, 323—358.
- Kurzmann R. 2005. Soldier, Civilian and Military Brick Production. *Oxford Journal of Archaeology* 24 (4), 405—414.
- La Niece S. 1983. Niello: an historical and technical survey. *Antiquaries Journal* 63, 279—297.
- Lang J. 1988. Study of the Metallography of Some Roman Swords. *Britannia* 19, 199—216.
- Lantier R. 1950. Recherches archéologiques en Gaule en 1949. *Gallia* 8 (8), 181—246.
- Latte K. 1967. Römische Religionsgeschichte. *Handbuch der Altertumswissenschaft* 5 (4). München: C. H. Beck.
- Laufer B. 1914. Chinese Clay Figures. Part I. Prolegomena on the History of Defensive Armor. In: *Field Mu-seum of Natural History. Publ. 177. Anthropological Series XIII* (2). Chicago: Field Museum of Natural History, 73—315.
- Le Bohec Y. 1989. *La troisième légion Auguste*. Paris: Edi-tion du CNRS.
- Lee A. D. 1996. Morale and the Roman Experience of Battle. In: Lloyd A. B. (ed.). *Battle in Antiquity*. London: Duckworth, Classical Press of Wales, 199—217.
- Letki P. 2009. The state factories (fabricae) during the time of tetrarchy. In: Rostropowicz J. (red.). *Studia nad Kulturą Antyczna* V. Opole: s. n., 63—78.
- Lietz C. 1999. *Die Logistik des römischen Heeres im Westen, vor allem die des Nachschubs, untersucht an ausge-wählten Fällen*. Köln: Grin Verlag.
- Lillico J. W. 1930. *The Blacksmith's Manual Illustrated: A Practical Treatise on Modern Methods of Produc-*

- tion for Blacksmiths, *Apprentice Blacksmiths, Engineers and Others*. London: Crosby Lockwood.
- Lindenschmit L. 1882. *Tracht und Bewaffnung des römischen Heeres während der Kaiserzeit*. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.
- Lindenschmit L. 1900. *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit IV*. Mainz: Victor von Zabern Verlag.
- Lindenschmit L. 1911. *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit, nach den in öffentlichen und Privatsammlungen befindlichen Originalien zusammengestellt und herausgegeben von dem Römisch-Germanischen Centralmuseum in Mainz durch Ludwig Lindenschmit V*. Mainz: Victor von Zabern Verlag.
- Ling R. 1991. *Roman Painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Lipsius J. 1614. *De Militia Romana Libri Quinque. Commentarius ad Polybium*. Antverpiae: ex officina Plantiniana, apud viduam & filios Ioannis Moreti.
- Lo Cascio E. 2007. L'approvvigionamento dell'esercito romano: mercato libero o «commercio amministrato»? In: de Blois L., Lo Cascio E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. — A.D. 476), Capri, Italy, March 29 — April 2, 2005. Leiden: Brill Academic Publishers, 195—206.
- Luschan F. von. 1899. Zusammengesetzte und verstärkte Bögen. *Zeitschrift für Ethnologie* XXXI, 221—239.
- MacMullen R. 1960. Inscriptions on armor and the supply of arms in the Roman Empire. *AJA* 64 (1), 23—40.
- MacMullen R. 1976. *Roman Government's Response to Crisis, AD 235—337*. Yale: Yale University Press.
- MacMullen R. 1980. How Big was the Roman Imperial Army? *Klio* 62, 451—460.
- MacMullen R. 1984a. The Legion as a Society. *Historia* 33: 4, 440—456.
- MacMullen R. 1984b. The Roman emperor's army cost. *Latomus* 43, 571—580.
- Mann J.C. 1963. The Raising of New Legions During the Principate. *Hermes* 91, 483—489.
- Manning W.H. 1972. Ironwork hoards in Iron Age and Roman Britain. *Britannia* 3, 224—250.
- Manning W.H. 1985. *Catalogue of the Romano-British iron tools, fittings and weapons in the British Museum*. London: Published for the Trustees of the British Museum by British Museum Publications.
- Mapelli et al. 2009: Mapelli C., Nicodemi W., Riva R.F., Vedani M., Gariboldi E. 2009. Updating of analysis on the nails from the Roman legionary at Inchtuthil. *La Metallurgia Italiana*. Gennaio 2009, 51—58.
- Marichal R. 1992. *Les ostraca de Bu Njem*. Tripoli: Grand Jamahari arabe, libyenne, populaire et socialiste département des antiquités.
- Marsden E.W. 1969—1971. *Greek and Roman Artillery: Historical Development and Technical Treatises*. Oxford: Clarendon Press.
- Martino S. 2007. Dinamiche di interscambio fra tecnologia meccanica militare e civile a Roma. In: de Blois L., Lo Cascio E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. — A.D. 476) Capri, March 29 — April 2, 2005. Leiden; Boston: Brill, 261—281.
- Maryon H. 1912. *Metalwork and Enameling: A Practical Treatise on Gold and Silversmith's Work and Their Allied Crafts*. London: Chapman and Hall Ltd.
- Maryon H. 1960. Pattern-welding and Damascening of sword-blades, Parts 1—2. *Studies in Conservation* 5, 25—60.
- Mason D.J.P. 1988. "Prata legionis" in Britain. *Britannia* 19, 163—190.
- Masquelez M. 1873. *Armorum custos*. In: Daremberg Ch., Saglio E. (ed.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T.I. P.1. Paris: Firmin Didot, 438.
- Maxfield V.A. 1981. *The Military Decorations of the Roman Army*. London: Batsford.
- Maxfield V.A., Reed A. 1975. Excavations at Ebchester Roman Fort 1972—1973. *Archaeologia Aeliana* 3, 43—104.
- Maxwell G.S. 1971—1972. Excavations at the Roman fort of Crawford, Lanarkshire. *PSAS* 104, 147—200.
- Maxwell G.S. 1983. Recent Aerial Discoveries in Roman Scotland: Drumquhassle, Elginhaugh and Woodhead. *Britannia* 14, 67—181.
- McCarthy M. 2002. *Roman Carlisle & the lands of the Solway*. Stroud: Tempus.
- McCarthy et al. 2001: McCarthy M.R., Bishop M., Richardson T. 2001. Roman armour and metalworking at Carlisle, Cumbria, England. *Antiquity* 75, 507—508.
- Meijers R., Willer F. 2007. Herstellungstechnische Untersuchungen der eisernen Gesichtshelme aus Nijmegen. In: Meijers R., Willer F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)*. Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 31—50.
- Meijers et al. 2007: Meijers R., Schalles H.-J., Willer F. 2007. Schusseperimente mit einer rekonstruierten römischen Torsionswaffe auf definierte Metallbleiche. In: Meijers R., Willer F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)*. Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 69—76.
- Middleton P. 1979. Army supply in Roman Gaul: an hypothesis for Roman Britain. In: Burnham B.C., Johnson H.B. (eds.). *Invasion and Response: the case of Roman Britain*. Oxford: BAR, 81—97.
- Miks Ch. 2007. *Studien zur Römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung*. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Miks Ch. 2008. Vom Prunkstück zum Altmittel. Ein Depot spätrömischer Helmteile aus Koblenz. Begleitbuch zur Ausstellung im Römisch-Germanischen Zentralmuseum 26 Mosaisksteine. *Forschungen am Römisch-Germanischen Zentralmuseum* 4. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2008.
- Millar F. 1977. *The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337)*. Ithaca; New York: Cornell University Press.
- Mitschke S. 2007. Die organischen Auflagerungen an den Reiterhelmen aus Nijmegen und Xanten-Wardt. In: Meijers R., Willer F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren*

- Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)*. Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 81—100.
- Mitthof F. 2001. *Annona Militaris. Die Heeresversorgung im spätantiken Ägypten: ein Beitrag zur Verwaltungs- und Heeresgeschichte des Römischen Reiches im 3. bis 6. Jh. n. Chr.* Firenze: Papyrologica Florentina.
- Mócsy A. 1953. Das Territorium legionis und die canabae in Pannonien. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* III, 179—199.
- Mócsy A. 1967. Zu den “prata legionis”. *Studien zu den Militärgrenzen Roms: Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland*. Köln: Böhlau Verlag, 211—214.
- Mócsy A. 1972. Das Problem der militärischen Territorien im Donauraum. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* XX, 133—167.
- Muñoz Villarejo F.A., Aurecochea J. 2002. A legionary workshop of the 3rd century AD specialising in loricae segmentatae from the Roman fortress in León (Spain). *JRMES* 12/13, 15—28.
- Nabbefeld A. 2008. Römische Schilde Studien zu Funden und bildlichen Überlieferungen vom Ende der Republik bis in die späte Kaiserzeit. *Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen* 10. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Nash-Williams V.E. 1931. The Roman legionary fortress at Caerleon in Monmouthshire: Report on the excavations carried out in the Prysog Field 1927—1929. *P. I. Archaeologia Cambrensis* 86, 99—157.
- Negin A.E. 1998. Sarmatian cataphracts as prototypes for Roman equites cataphractarii. *JRMES* 9, 65—75.
- Newall F. 1953. Whitemoss Farm. *DES*, 14—15.
- Niblett R. 1985. Sheepen: an early Roman industrial site at Camulodunum. *Council for British Archaeology Research Report* 57. London: Council for British Archaeology.
- Obmann J. 2000. Studien zu römischen Dolchscheiden des 1. Jahrhunderts n.Chr. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung. *Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen* 4. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Oldenstein J. 1985. Manufacture and Supply of the Roman Army with Bronze Fittings. In: Bishop M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR IS, 275. Oxford: BAR, 82—94.
- Oldenstein J. 1990. Two Roman helmets from Eich, Alzey-Worms district. *JRMES* 1, 27—37.
- Onken B. 2003. *Wirtschaft an der Grenze Studien zum Wirtschaftsleben in den römischen Militärlagern im Norden Britanniens*. PhD Diss. Kassel.
- Ørsnes M. 1988. Ejsbøl I. Waffenopferfunde des. 4.—5. Jahrh. nach Chr. *Nordiske Fortidsminder Serie B* 11. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Paddock J. 1985. Some changes in the manufacture and supply of Roman bronze helmets under the Late Republic and Early Empire. In: Bishop M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR Series 275. Oxford: BAR, 142—159.
- Paddock J. 1993. *The Bronze Italian Helmet: The development of the Cassis from the last quarter of the sixth century B.C. to the third quarter of the first century AD*. PhD Diss. London.
- Parker H.M.D. 1928. *The Roman Legions*. Oxford: Clarendon Press.
- Parker H.M.D. 1932. The “Antiqua Legio” of Vegetius. *Classical Quarterly* 26, 137—149.
- Peretz D. 2005. Military Burial and the Identification of the Roman Fallen Soldiers. *Klio* 87 (1), 123—138.
- Petrikovits H. von. 1974a. Römisches Militärhandwerk. Archäologische Forschungen der letzten Jahre. *Anzeiger der österreichischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse* 111, 1—23.
- Petrikovits H. von. 1974b. Militärische Fabricae der Römer. In: Pippidi D.M. (ed.). *Actes du IXe congrès international d'études sur les frontières romaines*. Bucharest: Editura Academiei, 399—407.
- Petrikovits H. von. 1975. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. *Abhandlungen der Rheinischer Westfälischen Akademie der Wissenschaften* 56. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Petrikovits H. von. 1976. *Beiträge zur römischen Geschichte und Archäologie. 1931 bis 1974*. Bonn: Rheinland-Verlag; in Kommission R. Habelt.
- Petrikovits H. von. 1981a. Die Spezialisierung des römischen Handwerks II (Spätantike). *ZPE* 43, 285—306.
- Petrikovits H. von. 1981b. Die Spezialisierung des römischen Handwerks I. In: Jankuhn H., Janssen W., Schmidt-Wiegand R., Tiefenbach H. (Hrsg.). *Das Handwerk in vor- und frühgeschichtlicher Zeit: Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1977 bis 1980*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 63—132.
- Petrikovits H., von. 1970. Die Spezialgebäude römischer Legionslager. In: Viñayo González A. (Hrsg.). *Legio VII Gemina*. León: Excma, 229—252.
- Pfaffenbichler M. 1992. *Medieval Craftsman Armourers*. London: British Museum Press.
- Phang S.E. 2008. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Picard G.C. 1957. *Les trophées romains: Contribution à l'histoire de la religion et de l'art triomphal de Rome*. Paris: Boccard.
- Piggott S. 1952—1953. Three Metal-Work Hoards of the Roman Period from Southern Scotland. *PSAS* 87, 1—50.
- Pitts L., St. Joseph J.K.S. 1985. *Inchtuthil: the Roman legionary fortress excavations 1952—1965*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Premerestein A. von. 1903. Die Buchführung einer ägyptischen Legionsabteilung. *Klio* 3, 1—46.
- Price P. 1983. An interesting Find of Lorica Plumata from the Roman Fortress at Usk. In: Bishop M.C. (ed.). *Roman Military Equipment: Proceedings of a Seminar held in the Department of Ancient History and Classical Archaeology at the University of Sheffield, 21th of March 1983*. Sheffield: s.n., 12—13.
- Prittwitz und Gaffron H.H. 1991. Der Reiterhelm des Torikollis. *BJ* 191, 225—241.
- Rae A., Rae V. 1974. The Roman Fort at Cramond, Edinburgh: Excavations 1954—1966. *Britannia* (5), 163—223.
- Rald U. 1996. The Roman swords from Danish bog finds. *JRMES* 5, 227—241.
- Rathbone D. 2007. Military finance and supply. In: Sabin Ph., Wees H. van, Whitby M. (eds.). *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare* 2. Cambridge: Cambridge University Press, 158—175.

- Ratsdorf H. 2009. Neue Gedanken zur Rekonstruktion römischer Schilde. In: Busch A. W., Schalles H. J. (Hrsg.). *Waffen in Aktion*. Akten der 16. Internationalen Roman Military Equipment Conference (ROMECC). Xanten, 13. —16. Juni 2007. Mainz am Rhein: von Zabern, 343—351.
- Rausing G. 1967. The Bow. Some notes on its origin and development. *Acta archaeologica lundensia*. Series 8 (6). Lund: CWK Gleerups Förlag.
- Rebuffat R. 2000. L'armée romaine à Gholiaia. In: Alföldy G., Dobson B., Eck W. (Hrsg.). *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 227—259.
- Reinach S. 1896. Galea. In: Daremberg Ch., Saglio E. (ed.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T.II. P.2. Paris: Hachette, 1429—1451.
- Remesal Rodríguez J. 1986. Die Organisation des Nahrungsmittelimportes am Limes. In: Unz. C. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. 13. internationaler Limeskongress Aalen 1983. Stuttgart: Theiss, 760—767.
- Remesal Rodríguez J. 1986. *La annona militaris y la exportación de aceite bético a Germania*. Madrid: Universidad Complutense de Madrid.
- Remesal Rodríguez J. 2002. Military Supply during War-time. In: de Blois L., Rich J. (eds.). *The transformation of economic life under the Roman Empire*. Proceedings of the second workshop of the International network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 BC — AD 476). Nottingham, July 4—7, 2001. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 77—92.
- Richmond I. A. 1938—1939. The Agricolan Fort at Fendoch. *PSAS* 73, 110—154.
- Rickman G. 1971. *Roman Granaries and Store Buildings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rihl T. 2007. *The Catapult. A History*. Yardley: Westholme Publishing.
- Robertson A. 1964. *The Roman Fort at Castledykes*. Edinburgh: Oliver & Boyd.
- Robertson A. 1972. Cardean Meigle. *DES* 2.
- Robinson H. R. 1975. *The Armour of Imperial Rome*. London: Arms and Armour Press.
- Rose W. 1906. Römisch-germanische Panzerhemden. *Zeitschrift für historische Waffenkunde* IV (1—2, 1—8), 40—55.
- Rosman et al 1997: Rosman K. J. R., Chisholm W., Hong S., Candelone J.-P., Boutron C. F. 1997. Lead from Carthaginian and Roman Spanish mines isotopically identified in Greenland ice dated from 600 B.C. to 300 A.D. *Environment, Science and Technology* 31 (12), 3413—3416.
- Roth J. 1998. *The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. — A.D. 235)*. Leiden: Brill Academic Publishers.
- Royal Commission, 1962: *Royal Commission on Historical Monuments. An Inventory of the Historical Monuments in the City of York I: Eboracum*. London: H. M. S. O.
- Rüpke J. 1990. *Domi militiae. Die Religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Saglio E. 1900. Lorica. In: Daremberg Ch., Saglio E. (eds.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. III. P. 2. Paris: Hachette, 1302—1316.
- Salamon A. 1976. Archäologische Angaben zur spätrömischen Geschichte des pannonischen Limes Geweihsmanufaktur in Intercisa. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 6, 47—54.
- Saller R. P., Shaw B. D. 1984. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves. *JRS* 74, 124—156.
- Sander E. 1929. Frontin als Quelle für Vegetius. *Philologische Wöchenschrift* 49, 1230—1231.
- Sander E. 1932. Die Hauptquellen der Bücher I—III der epitoma rei militaris des Vegetius. *Philologus* 87, 369—375.
- Sander E. 1962. Der praefectus fabrum und die Legionsfabriken. *BJ* 162, 139—161.
- Sarnowski T. 1985. Bronzefunde aus dem Stabsgebäude in Novae und Altmitteldepots in den römischen Kastellen und Legionslagern. *Germania* 63, 521—540.
- Sauer S. 1996. Ein fabrica-Bau in der Neusser canabae legionis. *Archäologie im Rheinland 1995*. Köln; Bonn: Rheinland Verlag, 86—87.
- Sauer E. 2001. Alchester Roman fortress. *Current Archaeology* 173, 189—191.
- Sauer et al. 2000: Sauer E., Cooper N. J., Dannell G. B., Dickinson B., Erwin P., Grant A., Henig M., McDonald A. W., Robinson M. 2000. Alchester: a Claudian "vexillation fortress" near the western boundary of the Catuvellauni, new light on the Roman invasion of Britain. *Archaeological Journal* 157, 1—78.
- Schalles H.-J., Schreiter C. 1993. Geschichte aus dem Kies. Neue Funde aus dem Alten Rhein bei Xanten. *Xantener Berichte* 3. Köln; Bonn: Rheinland Verlag.
- Scheidel W. 1996. Measuring sex, age and death in the Roman empire: explorations in ancient demography. *JRA, Supplement* 21. Ann Arbor: MI.
- Schenk D. 1930. Flavius Vegetius Renatus: die Quellen der Epitoma rei militaris. *Klio* 22. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung.
- Schmidts T. 2000. Die „fabrica“ des Legionslagers. In: Codreanu-Windauer S. (Hrsg.). *Römerforschung in Regensburg an der Jahrtausendwende*. Regensburg: Kt. Regensburger Kolloquien zur Archäologie, 21—22.
- Schnurbein S. von. 1971. Ein Bleibanen der 19. Legion aus dem Hauptlager von Haltern. *Germania* 49, 132—136.
- Schoff W. H. 1915. The Eastern Iron Trade of the Roman Empire. *Journal of the American Oriental Society* 35, 224—239.
- Schönberger H. 1979. Valkenburg Z. H.: Praetorium oder Fabrica. *Germania* 57, 135—141.
- Schramm E. 1918. *Die antiken Geschütze der Saalburg. Bemerkungen zu ihrer Rekonstruktion*. Berlin: Weidmann.
- Schulten A. 1894. Das Territorium legionis. *Hermes* XXIX, 481—516.
- Schulten A. 1929. *Numantia IV: Die Lager bei Renieblas*. München: Bruckmann.
- Scott I. R. 1985. First century military daggers and the manufacture and supply of weapons for the Roman army. In: Bishop M. C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment*. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar. BAR Series 275. Oxford: BAR, 160—213.

- Seeck O. 1909. *Fabricenses*. RE VI (2). Stuttgart: J.B. Metzler, 1925—1930.
- Shirley E.A.M. 1996. The Building of the Legionary Fortress at Inchtuthil. *Britannia* 27, 111—128.
- Sim D. 1992. The manufacture of disposable weapons for the Roman army. *JRMES* 3, 105—119.
- Sim D. 1997. Roman chain mail: experiments to reproduce the techniques of manufacture. *Britannia* 28, 359—371.
- Sim D., Ridge I. 2002. *Iron for the Eagles: the Iron Industry in Roman Britain*. Stroud: Tempus.
- Sim D., Kaminski J. 2012. *Roman imperial armour: the production of early imperial military armour*. Oxford: Oxbow Books.
- Simkins M. 1990. The manica lamminata. *Arma* 2 (2), 23—26.
- Simpson F.G., Richmond I.A. 1941. The Roman fort on Hadrian's Wall at Benwell. *Archaeologia Aeliana* 19, 1—43.
- Smith W. 1875. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London: John Murray.
- Southern P., Dixon K.R. 1996. *The Late Roman Army*. London: Batsford.
- Speidel M. 1973. The pay of the Auxilia. *JRS* 63, 141—147.
- Speidel M.P. 1983. Zum Aufbau der Legion und zum Handwerk in Vindonissa (Neulesung zweier Briefadressen auf Holztafelchen aus dem Schutthügel). *Gesellschaft pro Vindonissa. Jahresbericht*, 29—34.
- Speidel M.P. 1992. *Roman Army Studies*. Vol. 2. Stuttgart: Franz Steiner.
- Speidel M.A. 1996. Die römischen Schreibtafeln von Vindonissa. Lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. *Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa* XII. Brugg: Baden Dättwil.
- Speidel M.P. 2007. The Missing Weapons at Carlisle. *Britannia* 38, 237—239.
- Speidel M.P., Dimitrova-Milceva A. 1978. The cult of the Genii in the Roman army and a new military deity. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II: 16 (2). Berlin; New York: Walter de Gruyter & Co., 1542—1555.
- Sperl G. 2003. The Use of Metallography in Archaeological Studies. *Microscopy and Microanalysis* (9), 554—555.
- Stade K. 1926. *Der Politiker Diocletian und die letzte Christenverfolgung*. Wiesbaden: Diss. Frankfurt.
- Stadter Ph.A. 1978. The Ars Tactica of Arrian: Tradition and Originality. *Classical Philology* 73 (2), 117—128.
- Stadter Ph.A. 1980. *Arrian of Nicomedia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Steyert A. 1895. *Nouvelle histoire de Lyon* I. Lyon: Bernoux et Cumin.
- Stoll O. 2001. Der Transfer von Technologie in der römischen Antike. In: Stoll O. (Hrsg.). *Römisches Heer und Gesellschaft. Gesammelte Beiträge 1991—1999*. Stuttgart: Steiner, 395—420.
- Sumner G. 2003. *Roman Military Clothing: AD 200—400*. Oxford: Osprey Publishing.
- Sumner G. 2009. *Roman military dress*. Stroud: The History Press.
- The Roman Army and the Economy*. 2002. Erdkamp P. (ed.). Amsterdam: Brill Academic Publishers.
- The Roman Gask Project University of Liverpool*. URL: <http://www.theromangaskproject.org.uk/Pages/Papers/Bertha.html>. Accessed 23.03.2014 r.
- Thomas C.F. 2004. *Feeding the frontiers: logistical limitations of Roman imperialism in the West*. PhD Diss. Auckland.
- Todd M. 1992. Rome and the Germans: The Frontier and Beyond. *Britannia* 23, 325—330.
- Tomlin R. 1998. Roman manuscripts from Carlisle: the ink-written tablets. *Britannia* 29, 34—84.
- Towneley Ch. 1800. Account of Antiquities discovered at Ribchester. *Vetusta Monumenta* 4. London: Society of Antiquaries of London, 11—12.
- Toynbee J.M.C., Clarke R.R. 1948. A Roman decorated helmet and other objects from Norfolk. *JRS* 38, 20—27.
- Travis H., Travis J.R. 2011. *Roman body armour*. Stroud: Amberley.
- Truckell A. 1955. Carzield Roman Fort. *DES*, 10—11.
- Truckell A. 1956. Broomholm Knowe. *DES*, 13—14.
- Tylecote R.F. 1962. *Metallurgy in Archaeology: a Prehistory of Metallurgy in the British Isles*. London: Arnold.
- Tylecote R.F. 1987. *The early history of metallurgy in Europe*. London: Longman.
- Tylecote R.-F., Gilmore B.J.J. 1986. *The metallography of early ferrous edge tools and edged weapons*. BAR BS 155. Oxford: BAR.
- Ulbert G. 1969. Das frühromische Kastell Rheingönheim. Die Funde aus den Jahren 1912 und 1913. *Limesforschungen* 9. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
- Ulbert G. 1971. Gaius Antonius: der Meister des silbertauschierten Dolches von Oberammergau. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 36, 44—49.
- Ulbert G. 2006. Der Auerberg. *Akademie aktuell* 18 (3). München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 32—37.
- Ulbert G., Zanier W. 1997. Der Auerberg II. Besiedlung innerhalb der Wälle. *Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte* 46. München: Beck.
- Velkov V. 1980. *Roman cities in Bulgaria: collected studies*. Amsterdam: Hakkert.
- Verboven K. 2006. Ce que negotiari et ses dérivés veulent dire. In: Andreau J., France J., Chankowski V. (eds.). *Vocabulaire et expression de l'économie antique*. Bordeaux: Ausonius Editions, 1—25.
- Verboven K. 2007. Good for business. The roman army and the emergence of a "business class" in the northwestern provinces of the roman empire (1st century BCE — 3rd century CE). In: de Blois L., Lo Cascio E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. — A.D. 476), Capri, Italy, March 29 — April 2, 2005. Leiden: Brill Academic Publishers, 295—314.
- Vetters H. 1996. Ferrum Noricum. *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philologische-Historische Klasse* 103, 167—185.
- Vogel L. 1973. *The Column of Antoninus Pius*. Cambridge: Cambridge Mass.
- Vorbeck E. 1954. *Militärschriften aus Carnuntum*. Wien: Kulturreferat der Niederösterreichischen Landesregierung.
- Wahl J. 1993. Très Minas. Vorbericht über die archäologischen Ausgrabungen im Bereich der Römischen Goldbergwerke 1986/87. In: Steuer H., Zimmermann U. (Hrsg.). *Montanarchäologie in Europa. Berichte zum Internationalen Kolloquium „Frühe Erzgewinnung und Verhüttung in Europa“ in Freiburg im Breisgau vom 4. bis 7. Oktober 1990 = Archäologie und Geschichte Freiburger Forschungen zum ersten Jahrtausend in Südwestdeutschland* 4. Sigmaringen: Jan Thorbecke, 123—152.

- Watson G.R. 1969. *The Roman Soldier*. New York; Ithaca: Cornell University Press.
- Waurick G. 1994. Römischer Eisenhelm aus Windisch, Kt. Aargau/Schweiz (1. Jahrhundert n. Chr.). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums* 41, 645.
- Webster G. 1979. *The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D.* 2nd ed. London: A. and C. Black.
- Webster G. 1989. Deities and religious scenes on Romano-British pottery. *Journal of Roman Pottery Studies* 2, 1—28.
- Welles et al. 1959: Welles C.B., Fink R.O., Gilliam J.F. 1959. *The excavation at Dura-Europos, Final report. Vol. 1. The Parchments and Papyri*. New Haven: Yale University Press.
- Wesch-Klein G. 1998. *Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit*. Stuttgart: F. Steiner Verlag.
- Whittaker C.R. 2002. Supplying the army. Evidence from Vindolanda. In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 204—234.
- Wierschowski L. 1982. Soldaten und Veteranen der Prinzipatszeit im Handel und Transportgewerbe. *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 1. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 31—48.
- Wierschowski L. 1984. *Heer und Wirtschaft. Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor*. Bonn: Rudolf Habelt.
- Wilkes J.J. 2005. The Roman Danube: An Archaeological Survey. *JRS* 95, 124—225.
- Wilkins A. 2003. *Roman artillery*. Princes Risborough: Shire.
- Willems W.J.H. 1992. Roman Face Masks from the Kops Plateau, Nijmegen, The Netherlands. *JRMES* 3, 57—66.
- Williams A.R. 1977. Roman arms and armour: a technical note. *Journal of Archaeological Science* 4, 77—87.
- Wilson A.I. 2002. Machines, power and the ancient economy. *JRS* 92, 1—32.
- Wilson D.R., Wright R.P. 1968. Roman Britain in 1967. *JRS* 58, 176—206.
- Wilson et al. 1974: Wilson D.R., Wright R.P., Hasall M.W.C., Bowman A.K., Thomas J.D. 1974. Roman Britain in 1973. *Britannia* 5, 397—480.
- Winkelmann F., Jacobs F. 1914. Das Kastell Pfünz. In: Hettner F., Fabricius E., Sarwey Th.A. *Der Obergermanische-Raetische Limes des Römerreiches. Die Kastelle No. 71—75. Abteilung B. VII*. Heidelberg: Verlag von O. Petters.
- Wright R.P. 1947. Roman Britain in 1946. *JRS* 37, 165—182.
- Zienkiewicz J.D. 1993. Excavations in the scamnum tribunorum at Caerleon: the Legionary Museum site 1983—1985. *Britannia* 24, 27—140.
- Zschietzschmann W. 1959. *Hellas and Rome*. London: A Zwemmer Ltd.

References

Antique literary and juridical sources

- Aen. Tact. — Aeneas Tacticus. *Siege Defense*.
- Amm. Marc. — Ammian. *The History*.
- Anon. De reb. Bell. — *A Roman Reformer and Inventor, or De Rebus Bellicis*.
- App. B. C. — Appian. *The Civil Wars*.
- Arr. Tact. — Arrian's *Tactical handbook*.
- Aul. Gel. NA. — Aulus Gellius. *The Attic nights*.
- [Aur. Vict.]. Epit. — Sextus Aurelius Victor. *A booklet about the style of life and the manners of the imperatores. On the Origin of the Roman People. Liber de Viris Illustribus Urbis Romae*.
- Caes. B. civ. — Julius Caesar. *The Civil Wars*.
- Cic. In Piso. — Cicero. *Against Piso*.
- Cic. Phil. — Cicero. *Philippicae*.
- Cic. Tusc. Disp. — Cicero. *Tusculan Disputations*.
- STh. — *Codex Theodosianus (Theodosian Code)*.
- D. — *The Digest of Justinian*.
- Dio Cass. — Dio Cassius. *Roman History*.
- Dio. Chrys. Or. — Dio Chrysostom. *Discourses*.
- Dion. Hal. Ant. Rom. — *The Roman antiquities of Dionysius of Halicarnassus*.
- Edictum Diocletiani de pretiis rerum venalium — *A text and translation of the Edict of Diocletian*.
- Ex Ruffo leg. mil. — *Military laws from Ruffus*.
- Flor. — Florus. *Epitome of the Histories of Titus Livy*.
- Heron. Bel. — Hero of Alexandria. *Bellopoetica*.
- Hesiod. Aspis. — Hesiod. *Shield of Heracles*.
- Hom. Il. — Homer. *Iliad*.
- Joh. Mal. Chron. — John Malalas. *Chronographia*.
- Ios. B. Iud. — Josephus. *The Jewish War*.
- Isid. Etym. — Isidore of Seville. *The Etymologies or Origines*.
- Iuv. Sat. — Juvenal. *The Satires*.
- Lact. De mort. pers. — Lactantius. *On the Deaths of the Persecutors*.
- Liban. Or. — *Selected Letters of Libanius*.
- Liv. — Titus Livius (Livy). *The History of Rome*.
- N. D. — *Notitia Dignitatum*.
- Non. Marc. — Nonius Marcellus. *De compendiosa doctrina*.
- Ovid. Ar. Am. — Ovid. *The Art of Love*.
- Paus. — Pausanias. *Description of Greece*.
- Philon. Bel. — Philo of Byzantium. *On artillery*.
- Plin. Ep. — Pliny the Younger. *Letters*.
- Plin. HN. — Pliny the Elder. *Natural History*.
- Plut. Ant. — Plutarch. *Life of Mark Antony*.
- Plut. Brut. — Plutarch. *Life of Brutus*.
- Plut. Q. R. — Plutarch. *Roman questions*.
- Polyaen. — Polyaeus. *Stratagems*.
- Polyb. — Polybius. *The histories*.
- Prop. — Propertius. *Poetry*.
- Ps.-Hyg. De munit. cast. — Pseudo-Hyginus. *The de munitionibus castrorum*.
- RgdA. — *Life and deeds of Augustus*.
- Sall. B. Iug. — Sallust. *Jugurthine war*.
- SHA — *Scriptores Historiae Augustae*.
- SHA. Alex. Sev. — *Augustan History. Life of Alexander Severus*.
- SHA. Claud. — *Augustan History. Life of Claudius*.
- SHA. Hadr. — *Augustan History. Life of Hadrian*.
- SHA. Prob. — *Augustan History. Life of probus*.
- SHA. Tyr. Trig. — *Augustan History. Thirty tyrants*.
- Sil. Ital. — Silius Italicus. *Punica*.
- Stat. Silv. — Statius. *Silvae*.
- Strab. — *The geography of Strabo*.
- Suet. Div. Iul. — Suetonius. *Divus Iulius*.
- Suet. Aug. — Suetonius. *Divus Augustus*.
- Suet. Calig. — Suetonius. *Caligula*.
- Suet. Claud. — Suetonius. *Claudius*.
- Suet. Nero. — Suetonius. *Nero*.
- Tac. Agr. — Tacitus. *Agricola*.
- Tac. Ann. — Tacitus. *The Annals*.
- Tac. Hist. — Tacitus. *The History*.
- Tert. Apol. — Tertullian. *Apologeticus*.
- Val. Max. — Valerius Maximus. *Memorable Deeds and Sayings*.
- Varro. L. L. — Varro. *On the Latin language*.
- Veget. — Vegetius. *Epitome of military science*.
- Verg. Aen. — Virgil. *The Aeneid*.

Translations of antique literary and juridical sources in the Russian language

- Aulus Gellius. 2007—2008. In *Atticheskie nochii* (*The Attic nights*). Vol. I, II. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiiia (in Russian).
- Sextus Aurelius Victor. 1997. In *Rimskie istoriki IV veka* (*Roman historians from IV century*). Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia, 77—224 (in Russian).
- Ammian. 1996. *Rimskaia istoriia* (*The History*). Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Appian. 1994. *Rimskie voyny* (*The Civil Wars*). Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Valerius Maximus. 2007. *Dostopamiatnye deianiia i izrecheniia* (*Memorable Deeds and Sayings*). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Virgil. 1979. *Bukoliki. Georgiki. Eneida* (*The Eclogues. The Georgics. The Aeneid*). Moscow: Khudozhestvennaia literatura (in Russian).
- Vlasteliny Rima. *Biografii rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana* (*Augustan History*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Hesiod. 1985. In *Vestnik drevnei istorii* (*Journal of Ancient History*) (3), 200—220 (in Russian).
- Homer. 1949. *Iliada* (*Iliad*). Transl. by V. Veresaev. Moscow; Leningrad: Goslitizdat (in Russian).
- Grecheskie poliorketiki. Flavii Vegetsii Renat* (*Greek Poliorketics. Flavius Vegetius Renatus*). 1996. Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Deianiia bozhestvennogo Avgusta (Life and deeds of Augustus). 1987. In *Khrestomatiia po istorii Drevnego Rima: uchebnoe posobie* (*Chrestomathy on the history of Ancient Rome: a study guide*). Moscow: Vysshiaia shkola, 166—176 (in Russian).
- Digesty Iustiniana* (*The Digest of Justinian*). 2002—2006. Vol. I—VII. Moscow: Statut (in Russian).
- Dionysius of Halicarnassus. 2005. *Rimskie drevnosti* (*The Roman antiquities*). Vol. I—III. Moscow: ID Rubezhi XXI (in Russian).
- Josephus. 1993. *Iudeiskaia voina* (*The Jewish War*). Moscow: Evreiskii universitet (in Russian).
- Kuchma V. V. 2001. In *Voennaia organizatsiia Vizantiiskoi imperii* (*Military organization of Byzantine Empire*). Saint Petersburg: Aleteia, 243—258. (in Russian).
- Lactantius. 1998. *O smertiakh presledovatelei* (*On the Deaths of the Persecutors*). Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Libanius. 1914—1916. *Rechii* (*Selected Letters*). Vol. I—II. Kazan' (in Russian).
- Titus Livius (Livy). 1989—1993. *Istoriia Rima ot osnovaniia Goroda* (*The History of Rome*). Vol. 1 (1989); Vol. 2 (1991); Vol. 3 (1993). Moscow: Nauka (in Russian).
- Malye rimskie istoriki. Vellei Paterkul. Rimskaia istoriia. Annei Flor. Dve knigi Rimskikh voyn. Lutsii Ampelii. Pamiatnaia knizhitsa* (*Minor Roman historians. Velleus Paterculus. Roman history. Anneus Florus. Two books on Roman wars. Lucius Ampelius. Liber Memorialis*). Moscow: Ladomir, 1995.
- Ovid. 1994. *Sobranie sochinenii* (*Collected writings*). Vol. I—II. Saint Petersburg: Studia biographica (in Russian).
- Pausanias. 1938—1940. *Opisanie Ellady* (*Description of Greece*). Vol. I—II. Moscow: Iskustvo (in Russian).
- Pliny the Younger. 1984. *Pis'ma Plinii Mladshego* (*Letters of Pliny the Younger*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Plutarch. 1999. *Moralii: Sochineniia* (*Moralia*). Moscow; Khar'kov: EKSMO-Press; Folio (in Russian).
- Plutarch. 1994. *Sravnitel'nye zhizneopisaniia* (*Parallel Lives*). Vol. I—II. Moscow: Nauka (in Russian).
- Polybius. 1994—1995. *Vseobshchaia istoriia* (*The histories*). Vol. I—III. Saint Petersburg: Nauka; Iuvanta (in Russian).
- Polyaenus. 2002. *Strategemy* (*Stratagems*). Saint Petersburg: Eurasia (in Russian).
- Propertius. 2004. *Elegii v chetyrekh knigakh* (*The Elegies*). Moscow: Greko-latinskii kabinet (in Russian).
- Pseudo-Hyginus. 2002. In *Drevnost' i srednevekov'e Evropy* (*European Antiquity and Middle Ages*). Perm: Permskii universitet, 108—130 (in Russian).
- Sallust. 1981. *Sochineniia* (*The text*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Suetonius. 1993. *Zhizn' dvenadsati tsezarei* (*The Lives of the Twelve Caesars*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Strabo. 1964. *Geografiia* (*The geography of Strabo*). Moscow: Nauka (in Russian).
- Takticheskoe traktaty Flavii Arriana: Takticheskoe iskustvo; Dispozitsiia protiv alanov* (*Arrian's Tactical handbook and Expedition against the Alans*). 2010. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli (in Russian).
- Tacitus. 1993. *Sochineniia v dvukh tomakh* (*Writings in two volumes*). Vol. I. *Annaly. Malye proizvedeniia* (*The Annals. Minor writings*). Vol. II. *Istoriia* (*The History*). Moscow: Ladomir (in Russian).
- Tertullian. 1994. *Izbrannye sochineniia* (*Selected works*). Moscow: «Progress», «Kul'tura» (in Russian).
- Traktat Anonimnogo reformatora «O voennom dele» (*A Roman Reformer and Inventor, or De Rebus Bellicis*). 1999. In *Urzhumka* (*Urzhumka*) 1 (5). Chelyabinsk, 102—117 (in Russian).
- Ukaz Diokletiana o taksakh (*A text and translation of the Edict of Diocletian*). 1928. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Julius Caesar. 1948. *Zapiski* (*The Gallic Wars. The Civil Wars*). Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Cicero. 2000. *Izbrannye sochineniia* (*Selected writings*). Moscow: AST (in Russian).
- Cicero. 1901. *Polnoe sobranie rechei v russkom perevode* (*otchasti V. A. Alekseeva, otchasti F. F. Zelinskogo*) (*Full collection of speeches in Russian translation (translated partly by V. A. Alekseev, partly by F. F. Zelinski)*). Vol. I—II. Saint Petersburg: Izdanie A. Ia. Libermana (in Russian).
- Aeneas Tacticus. 2003. In *Voennoe iskustvo antichnosti* (*Military art of Antiquity*). Moscow: Eksmo, 38—106 (in Russian).
- Juvenal. 1994. *Satiry* (*The Satires*). Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).

Literature

- Aibabin, A. I. 2003. In *Materialy po arkhologii, istorii i etnografi i Tavrii* (*Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria*) IX, 37—52 (in Russian).
- Arkhangelsky, S. I. 1928. In *Izvestiia Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Bulletin of Nizhni Novgorod State university*) 2, 365—401 (in Russian).
- Bannikov, A. V. 2002. In *Antichnoe gosudarstvo. Politicheskie ot-nosheniia i gosudarstvennye formy v antichnom mire* (*Ancient state. Political relations and state types in the Ancient world*). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 169—182 (in Russian).
- Bannikov, A. V. 2002. In *Mnemon. Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira* (*Mnemon. Researches and publications on the history of Ancient world*). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 333—344 (in Russian).
- Belova, N. N. 1972. In *Antichnaia drevnost' i srednie veka* (*Antiquity and Middle Ages*) 8, 56—72 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 2003. *Oruzhie Drevnego Vostoka* (*IV tysiacheletie IV v. do n. e.*) (*Armament of the Ancient East (IV millennium BC — 4th century BC)*). Saint Petersburg: TPG «Atlant» (in Russian).
- Grecheskie poliorketiki. Flavii Vegetsii Renat* (*Greek Poliorketics. Flavius Vegetius Renatus*). 1996. Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Dementieva, V. V. 2007. In *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta imeni P. G. Demidova* (*Bulletin of „P. G. Demidov“ Yaroslav State University*) 4, 5—11 (in Russian).
- Doroshko, V. V. 2005. In *Sugdeiskii sbornik* (*Sugdei compilation*) II, 447—453 (in Russian).
- Drča, S. 1983. *Naissus — Sirmijum, obrada metala* (*Naissus — Sirmium, metalworking*). Niš: Narodni muzej (in Serbian).
- Kolobov, A. V. 1990. In *Oblastnaia otchetnaia studencheskaia nauchnaia konferentsiia* (*Regional reporting student scientific conference*). Perm: Perm State University, 41—44 (in Russian).
- Kolobov, A. V. 1996. In *Antichnost' i srednevekov'e Evropy* (*European Antiquity and Middle Ages*). Perm: Perm State Uni-

- versity, 273—277 (in Russian).
- Kolobov, A. V. 2000. In *Ius antiquum. Drevnee pravo (Ius antiquum. Ancient law)* 6 (1), 43—50 (in Russian).
- Kolosovskaya, Yu. K. 1988. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (4), 20—37 (in Russian).
- Kostromichev, D. A. 2005. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografi i Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* XI, 94—118 (in Russian).
- Kostromichev, D. A. 2008. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografi i Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* XII (1), 43—128 (in Russian).
- Koshelenko, G. A. 1977. *Rodina parfiyan (Homeland of Parthians)*. Moscow: Sovetskii khudozhnik (in Russian).
- Lazarev, S. A. 1999. In *Urzhumka (Urzhumka)* (1), 102—117 (in Russian).
- Le Bohec, Yann 2001. *Rimskaia armii epokhi Rannei Imperii (L'armee romaine sous le Haut-empire)*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaya entsiklopediia (in Russian).
- Makhlayuk, A. V. 2000. In *Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsii mira (mezhdistsiplinarnyi podkhod) (Comparative study of World civilizations (interdisciplinary approach))*. Moscow: Institut Vseobshchei istorii RAN, 259—272 (in Russian).
- Makhlayuk, A. V. 2006. *Soldaty Rimskoi imperii. Traditsii voennoi sluzhby i voinskaia mental'nost' (Soldiers of the Roman Empire. Traditions of military service and soldierly mentality)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Akra (in Russian).
- Makhlayuk, A. V. 2007. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (1), 130—142 (in Russian).
- Negin, A. E. 2004. In *IX Chteniia pamiati professora Nikolaia Petrovicha Sokolova (IX Readings to the memory of the Professor Nikolai Petrovich Sokolov)*. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 45—49 (in Russian).
- Negin, A. E. 2005. In *Aktual'nye problemy istoricheskoi nauki i tvorcheskoe nasledie S. I. Arkhangel'skogo (Actual problems of historical science and creative heritage of S. I. Arkhangel'skii)*. P. 1. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 60—63 (in Russian).
- Negin, A. E. 2007. In *Antiquitas Aeterna. Povolzhskii antikovedcheskii zhurnal (Antiquitas Aeterna. Povolzhskii journal of Antiquity researchers)* (2). *Voyna, armii i voennoe delo v antichnom mire (War, army and warfare in Ancient world)*. Saratov: Saratov university, 335—359 (in Russian).
- Negin, A. E. 2008. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod)* (6), 171—177 (in Russian).
- Negin, A. E. 2009. In *Vremia, sobytie, istoricheskii opyt v diskurse sovremennogo istorika (Time, event, historical experience in the discourse of the modern historian)*. Nizhny Novgorod: Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, 119—123 (in Russian).
- Negin, A. E. 2010. In *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta (Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod)* (3), 239—244 (in Russian).
- Negin, A. E. 2010. *Rimskoe tseremonial'noe i turnirnoe vooruzhenie (Roman ceremonial and tournament armament)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; Nestor-Istoriia (in Russian).
- Negin, A. E., Dimitrov, S. 2008. In *Iz istorii antichnogo obshchestva (From the history of ancient society)* 11, 116—125 (in Russian).
- Novichenkova, N. G. 1998. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (2), 51—67 (in Russian).
- Perevalov, S. M. 2010. *Takticheskie traktaty Flaviia Arriana: Takticheskoe iskustvo; Dispozitsiia protiv alanov (Tactical treatises of Flavius Arrianus: Ars Tactica; Acies contra Alanos)*. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli (in Russian).
- Radjush, O. A. 2007. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3), 52—56 (in Russian).
- Smyshlyaev, A. L. 1975. In *Pravovedenie (Jurisprudence)* (5), 62—69 (in Russian).
- Smyshlyaev, A. L. 1979. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* (3), 60—81 (in Russian).
- Treister, M. Ju. 2000. In *Rossiiskaia arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 156—163 (in Russian).
- Achter het Zilveren Masker 2007. *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)*. Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland.
- Adams, J. P. 1976. *The Logistics of the Roman Imperial Army: Major Campaigns on the Eastern Front in the First Three Centuries AD*. PhD Diss. New Haven: Yale University.
- Adams, C. E. P. 1995. Supplying the Roman Army: O. Petr. 245. *ZPE* 109, 119—124.
- Adams, C. E. P. 1999. Supplying the Roman army: bureaucracy in Roman Egypt. In: Goldsworthy A. K., Haynes I. (eds.). *The Roman Army as a Community*. Portsmouth: Journal of Roman Archaeology, 119—126.
- Adams, C. E. P. 2001. Feeding the wolf: logistics and the Roman army. *JRA* 14, 465—472.
- Al-Baklamishi Al-Yunani Taybugha 1970. *Saracen archery: an English version and exposition of a Mameluke work on archery (ca. A. D. 1368)*. London: Holland Press.
- Alföldi, A. 1932. The helmet of Constantine with the Christian monogram. *JRS* 22, 8—16.
- Allason-Jones, L., Miket, R. 1984. *The Catalogue of Small Finds from South Shields Roman Fort*. Newcastle: Society of Antiquaries of Newcastle upon Tyne.
- Allen, J. R. L., Fulford, M. G. 1999. Fort building and military supply: late second and third centuries. *Britannia* 30, 163—184.
- Anderson, J. D. 1992. *Roman Military Supply in North-East England. An analysis and an alternative to the Piercebridge Formula*. Oxford: BAR 224.
- Angelone, R. 1986. *L'Officina coactiliaria di M. Vecilio Verecundo a Pompei*. Napoli: Arte Tipografica.
- Angus et al. 1962: Angus, N. S., Brown, G. T., Cleere, H. F. 1962. The iron nails from the legionary fortress at Inchtuthil, Perthshire. *Journal of Iron and Steel Institute* 200, 956—968.
- Art of the Armourer 1963. *Art of the Armourer*. Exh. cat. Victoria & Albert Museum. 19 April 5 May 1963. London: Arms and Armour Society.
- Avvisati, C. 2003. *Pompei, mestieri e botteghe 2000 anni fa*. Rome: Bardi.
- Baatz, D. 1994a. *Bauten und Katapulte des römischen Heeres*. Stuttgart: F. Steiner.
- Baatz, D. 1994b. Katapult-Spannbuchsen vom Auerberg. In: Ulbert G. (Hrsg.). *Der Auerberg I. Topographie, Forschungsgeschichte und Wallgrabungen*. München: Beck, 173—187.
- Bailey, F. W. J. 1967. *Fundamentals of Engineering Metallurgy*. London: Cassell.
- Bailey, G. B. 1994. The provision of fort — annexes on the Antonine Wall. *PSAS* 124, 299—314.
- Barrauol, G., Sauzade, G. 1969. Une tombe de guerrier à Saint-Laurent-des-Arbres (Gard). Contribution à l'étude des sépultures du 1er siècle av. J.-C. dans la basse vallée du Rhone. *RSL* 35, 15—89.
- Bechert, T. 1982. *Römisches Germanien zwischen Rhein und Maas. Die Provinz Germania Inferior*. München: Hirmer.
- Beck, F., Chew, H. 1991. *Masques de fer. Un officier romain du temps de Caligula*. Musée des Antiquités Nationales, St. Germain en Laye, Paris, 6 nov. 1991, 4 février 1992. Paris: Editions de la Réunion des musées nationaux.
- Bemmann, G., Bemmann, J. 1998. *Der Opferplatz von Nydam. Die Funde aus älteren Grabungen: Nydam-I und Nydam-II*. Bd. 2. *Katalog und Tafeln*. Neumünster: Wachholtz Verlag.
- Benea, D. 2008. Ateliere militare în Dacia Romană (106—271). In: Benea D. (ed.). *Dacia în sistemul socio-economic roman. Cu privire la atelierele meșteșugărești locale*. Timișoara: Excelsior Art, 376—388.
- Benndorf, O. 1878. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. *DAW* 28.

№4. 2014

References

- Berchem, D. van. 1937. L'annone militaire dans l'empire romain au IIIe siècle. *Mémoires de la Société nationale des antiquaires de France* 8 serie X, 117—202.
- Bianchi Bandinelli, R. 1971. *Rome. The late empire. Roman art, A.D. 200—400*. London: Thames & Hudson.
- Biborski, M. 1993. Die Schwerter des 1. und 2. Jahrhunderts n. Chr. aus dem römischen Imperium und dem Barbaricum. *Specimina Nova* 9, 91—130.
- Biborski, M. 1994. Römische Schwerter im Gebiet des europäischen Barbaricum. *JRMES* 5, 169—197.
- Birley, A.R. 1981. The economic effects of Roman frontier policy. In: King A., Henig M. (eds.). *The Roman West in the Third Century: Contributions from Archaeology and History*. BAR 109. Oxford: BAR, 39—53.
- Birley, R. 1994. *Vindolanda Research Reports: the excavations of 1973—1976 and 1985—1989, with some additional details from the excavations of 1991—1993*. Hexham: Roman Army Museum Publications for the Vindolanda Trust.
- Bishop, M.C. 1985. The military fabrica and the production of arms in the early principate. In: Bishop M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR International Series 275. Oxford: BAR, 1—42.
- Bishop, M.C. 1986. The distribution of military equipment within Roman forts of the first century A.D. In: Unz C. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. 13. internationaler Limeskongress Aalen 1983. Stuttgart: Theiss, 717—723.
- Bishop, M.C. 1995. Aketon, Thoracomachus, and Lorica Segmentata. *Exercitus: the Bulletin of the Ermine Street Guard* 3 (1), 1—3.
- Bishop, M.C. 2002. *Lorica Segmentata*. Vol. I. *A Handbook of Articulated Roman Plate Armour*. Chimside: The Armatura Press.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 1993. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. London: Batsford.
- Bishop, M.C., Coulston, J.C.N. 2006. *Roman Military Equipment from the Punic Wars to the Fall of Rome*. 2nd ed. Oxford: Oxbow.
- Boenheim, W. 1897. *Meister der Waffenschmiedekunst vom XIV. bis ins XVIII. Jhd*. Berlin: Moeser.
- Bonis, E.B. 1986. Das Militärhandwerk der Legio I Adiutrix in Brigetio. In: Unz C. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. Stuttgart: Das Amt, 301—307.
- Borhy, L. 1996. Zur Tätigkeit einer Fabrica Falsaria in Brigetio (Komárom/Szőny, Ungarn). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 26, 311—321.
- Born, H. 1989. Antike Herstellungstechniken: Gegossene Brustpanzer und Helme aus Italien. *APA* 21, 99—115.
- Born, H., Junkelmann, M. 1997. *Römische Kampf- und Turnierrüstungen*. Mainz am Rhein: Von Zabern.
- Bowman, A.K., Thomas, J.D. 1983. *Vindolanda: The Latin Writing Tablets. Britannia Monograph Series 4*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Brailsford, J.W. 1962. *Hod Hill*. Vol. 1. *Antiquities from Hod Hill in the Durden collection*. London: British Museum.
- Braund, D. 1993. Piracy under the principate and the ideology of imperial eradication. In: Rich J., Shipley G. (eds.). *War and Society in the Roman World*. London: Routledge, 195—212.
- Breeze, D.J. 1993. Demand and supply on the northern frontier. In: Dobson B., Breeze D. (eds.). *Roman Officers and Frontiers (Mavors X)*. Stuttgart: Mavors.
- Breeze, D.J. 2000. Supplying the army. In: Alföldy, G., Dobson, B., Eck, W. (Hrsg.). *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 59—64.
- Breeze et al. 1976: Breeze, D.J., Close-Brooks, J., Ritchie, J.N.G., Scott, I.R., Young, A. 1976. Soldiers' Burials at Camelon, Stirlingshire, 1922 and 1975. *Britannia* (7), 73—95.
- Brewer, C.W. 1981. Metallographic examination of Medieval and Post-Medieval Iron Armour. *Journal of the Historical Metallurgy Society* 15, 1—8.
- Bronson, B. 1986. The Making and Selling of Wootz, a crucible steel of India. *Archeomaterials* (1), 13—52.
- Brown, D. 1976. Bronze and Pewter. In: Strong D.E., Brown D. (eds.). *Roman Crafts*. London: Duckworth, 25—41.
- Brunnow, R., Domaszewski, A.von. 1909. *Die Provincia Arabia. Aufgrund zweier in den Jahren 1897 und 1898 unternommenen Reisen und der Berichte früherer Reisender*. Bd. II. *Der äußere Limes und die Römerstrassen von El Maan bis Bosra*. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner.
- Burgess, E.M. 1953a. Further Research into the Construction of Mail Garments. *The Antiquaries Journal* 33, 193—202.
- Burgess, E.M. 1953b. The Mail-Maker's Technique. *The Antiquaries Journal* 33, 28—55.
- Bumand, Y. 1980. Circonscriptions de Lorraine. *Gallia* 38: 2, 432—433.
- Buxton, K., Howard-Davis, C.L.E. 2000. *Bremetenacum: Excavations at Roman Ribchester, 1980, 1989—1990*. Lancaster: Lancaster University Archaeological Unit.
- Cagnat, R. 1908. *Les deux Camps de la Légion IIIe Auguste à Lambèse d'après les fouilles récentes*. Paris: C. Klincksieck.
- Cagnat, R. 1913. *L'Armée romaine d'Afrique et l'occupation militaire de l'Afrique sous les Empereurs*. Paris: Ministère de l'Instruction Publique.
- Campbell, B. 2002. *War and society in Imperial Rome, 31 BC — AD 284*. London: Routledge.
- Campbell, D.B. 2003. *Greek and Roman Artillery 399 BC — AD 363*. Oxford: Osprey.
- Carreras Monfort, C. 2002. The Roman military supply during the Principate. Transportation and staples. In: Erdkamp P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 70—89.
- Chapman, E.M. 2002. Evidence of armamentarium at Carleon? The Prysg Field rampart buildings. In: Aldhouse-Green M., Webster P. (eds.). *Artefacts and Archaeology. Aspects of the Celtic and Roman World*. Cardiff, 33—43.
- Christison, D., Cunningham, J.H. 1898. An Account of the Excavation of the Roman Station at Ardoch, Perthshire. *PSAS* 32, 399—476.
- Clough, R. 1989. The iron billets. In: Frere S.S., Wilkes J.J. (eds.). *Strageath. Excavations within the Roman fort 1973—1986, Society for the Promotion of Roman Studies*. Britannia Monograph Series 9, 176.
- Collingwood, R.G., Richmond I. 1969. *The Archaeology of Roman Britain*. London: Methuen.
- Connolly, P. 1988. *The Legionary*. Oxford: Oxford University Press.
- Connolly, P. 1991. *The Roman Fort*. Oxford: Oxford University Press.
- Cool, H. 2002. Craft and industry in Roman York. In: Wilson, P., Price, J. (eds.). *Aspects of industry in Roman Yorkshire and the north*. Oxford: Oxbow, 1—13.
- Cornwallis-Neville, R. 1856. Description of a remarkable deposit of Roman Antiquities of iron, discovered at Great Chesterford, Essex in 1854. *The Archaeological Journal* XII, 1—13.
- Cosme, P. 2007. Les fourmitures d'armes aux soldats romains. In: de Blois, L., Lo Cascio, E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C.A.D. 476), Capri, Italy, March 29 — April 2, 2005. Leiden: Brill Academic Publishers, 239—260.
- Couissin, P. 1926. *Les Armes Romaines. Essai sur les origines et l'évolution des armes individuelles du légionnaire romain*. Paris: H. Champion.
- Coulston, J.C. 1985. Roman Archery Equipment. In: Bishop, M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR IS 275. Oxford: BAR, 220—336.
- Coulston, J.C.N. 1989. The Value of Trajan's Column as a source for military equipment. In: Driel-Murray, C. van (ed.). *Roman Military Equipment: The Sources of Evidence*. Ox-

- ford: BAR, 33—34.
- Coulston, J.C.N. 1998. How to arm a Roman Soldier. In: Austin, M.N., Harries, J.D., Smith, C.J. (eds.). *Modus Operandi. How the Ancient World Worked. Papers Presented to Geoffrey Rickman*. London: Institute of Classical Studies, School of Advanced Study, University of London, 167—190.
- Cowan, R. 2003. *Roman Legionary 58 BC — AD 69*. Oxford: Osprey publishing.
- Craddock, P.T. 1977. The composition of the copper alloys used by the Greek, Etruscan and Roman civilisations II. *Journal of Archaeological Science* (4), 103—123.
- Craddock, P.T. 1984. The Metallurgy and Composition of Etruscan Bronze. *Studi Etruschi* 52, 211—271.
- Craddock, P.T. 1995. *Early metal mining and production*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Curle, J. 1911. *A Roman frontier post and its people*. Glasgow: Maclehose.
- Curle, J. 1915. On a Roman visor helmet recently discovered near Nijmegen, Holland. *JRS* (5), 81—86.
- D'Amato, R., Sumner, G. 2009. *Arms and Armour of the Imperial Roman Soldier: From Marius to Commodus, 112 BC — AD 192*. London: Frontline Books.
- Daele, B. van. 1999. The Military Fabricae in Germania Inferior from Augustus to A.D. 260/270. *JRMES* 10, 125—136.
- Daniels, Ch.M. 1968. A hoard of iron and other materials from Corbridge. *Archaeologia Aeliana* 46, 115—126.
- Daremberg, Ch., Saglio, E. (eds.). 1873—1919. *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. I—V. Paris: Hachette.
- Dark, K. 2001. Proto-industrialization and the Economy of the Roman Empire. In: Polfer, M. (dir.). *L'artisanat romain: évolutions, continuités et ruptures (Italie et provinces occidentales)*. Actes du 2e colloque d'Erpeldange, 26—28 octobre 2001. Monographies Instrumentum 20. Montagnac: Editions Monique Mergoïl, 19—30.
- Das Römerlager in Oberaden 1938. Das Römerlager in Oberaden und das Uferkastell in Beckinghausen a.d. Lippe. In: Albrecht, Chr. (Hrsg.). *Veröffentlichungen aus dem Städtischen Museum für Vor- und Frühgeschichte Dortmund*. 2. Heft 1: *Bodenbefund, Münzen, Sigillaten, Inschriften, bearbeitet*. Dortmund: Verlag Fr. Wilh. Ruhfus.
- Davies, J.L. 2002. Soldiers, peasants, industry and towns. The Roman army in Britain. A Welsh perspective. In: Erdkamp, P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 169—203.
- Der Limes 2009 (3), 18—20. URL: <http://www.deutsche-limeskommission.de/index.php?id=368&L=1>
- Die römische Reichsgrenze... 1995: Bechert, T., Willems, W.J.H. (Hrsg.). *Die römische Reichsgrenze zwischen Mosel und Nordseeküste*. Stuttgart: Theiss Verlag.
- Domaszewski, A. von. 1967. Die Rangordnung des römischen Heeres. Einführung, Berichtigungen und Nachträge von Brian Dobson. 2. Durchgesehene Aufl. *Bonner Jahrbücher* 14. Köln: Bohlau.
- Drescher, H. 1994. Römische Gießereifunde vom Auerberg. In: Ulbert, G. (Hrsg.). *Der Auerberg I. Topographie, Forschungsgeschichte und Wallgrabungen*. München: Beck, 113—171.
- Drexel, F. 1924. Römische Paraderüstung. In: Abramić, M., Hoffiller, V. (Hrsg.). *Strena Buliciana*. Zagreb: Štampala Zaklada tiskare Narodnih novina, 55—72.
- Driel-Murray, C. van. 1985 The Production and Supply of Military Leatherwork in the First and Second Centuries A.D. In: Bishop, M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment*. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar. BAR IS 275. Oxford: BAR, 43—75.
- Driel-Murray, C. van. 1999. A rectangular shield cover of the Coh. XV Voluntariorum C.R. *JRMES* 10, 45—54.
- Driel-Murray, C. van, Gechter, M. 1983. Funde aus der Fabrika der legio I Minervia aus Bonner Berg. *Rheinische Ausgrabungen* 23, 1—83.
- Duncan-Jones, R. 1994. *Money and government in the Roman Empire*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dušanić, S. 2004. Roman mining in Illyricum: Historical aspects. In: Urso, G. (ed.). *Dall'Adriatico al Danubio. L'Illyrico nell'età greca e romana*. Atti del convegno internazionale Cividale del Friuli, 25—27 settembre 2003. Pisa: ETS, 247—270.
- Egger, R. 1951. Bemerkungen zum Territorium pannonischer Festungen. *Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften* 88, 206—232.
- Eichberg, M. 1987. *Scutum. Die Entwicklung einer italisch-etruskischen Schildform von den Anfängen bis zur Zeit Caesars*. Frankfurt: Peter Lang.
- Engelhardt, C. 1863. *Thorsbjerg Mosefund. Sønderjyske og fynske mosefund*. København: Kbh.
- Engelhardt, C. 1865. *Nydam Mosefund*. København: Kbh.
- Engelhardt, C. 1867. *Kragehul Mosefund*. København: Kbh.
- Engelhardt, C. 1869. *Viemose Fundet. Sønderjyske og fynske mosefund 2*. København: Kbh.
- Erdkamp, P. 1998. *Hunger and the Sword: Warfare and Food Supply in Roman Republican Wars (264—30 BC)*. Amsterdam: Brill Academic Publishers.
- Erdkamp, P. 2002. The corn supply of the Roman armies during the principate (27 BC — 235 AD). In: Erdkamp, P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Gieben, 49—69.
- Erdrich, M. 1994. Waffen in mitteleuropäischen Barbaricum: Handel oder Politik? *JRMES* 5, 199—209.
- Ettlinger, E., Hartmann, M. 1984. Fragmente einer Schwertscheide aus Vindonissa und ihre Gegenstücke vom Grossen St. Bernhard. *Gesellschaft pro Vindonissa. Jahresbericht*, 5—46.
- Evans, J. 1894. Some iron tools and other articles formed of iron found at Silchester in the year 1890. *Archaeologia* 54, 139—156.
- Ferris, I.M., Jones, R.F. 1991. Binchester a northern fort and vicus. In: Jones, R.F. (ed.). *Roman Britain: Recent Trends*. Sheffield: Collis, 103—113.
- Feugère, M. 1994. *Les casques antiques: Visages de la guerre de Mycènes à l'Antiquité tardive*. Paris: Editions Errance.
- Feugère, M. 2002. *The Weapons of the Romans*. Stroud: The History Press Ltd.
- Ffoulkes, Ch. 1912. *The Armourer and his Craft: From the XIth to the XVIth Century*. London: Methuen.
- Fingerlin, G. 1999. Römische und keltische Reiter im Lager der XIX. Legion von Dangstetten am Hochrhein. *Archäologische Nachrichten aus Baden, Forderkreis Archäologie in Baden* 60, 3—18.
- Fink, R.O. 1971. *Roman military records on papyrus*. Ann Arbor: Press of Case Western Reserve University.
- Fitting, H. 1872. *Das Peculium castrense*. Halle: s.n.
- Flinders Petrie, V.M. 1917. *Tools and Weapons: Illustrated by the Egyptian Collection in University College, London, and 2,000 outlines from other sources*. London: British School of Archaeology in Egypt UCL.
- Florescu, F. 1969. *Die Trajanssäule, Grundfragen und Tafeln*. Bonn: [s.n.].
- Forbes, R.J. 1958. *Metallurgy in Antiquity; a Notebook for Archaeologists and Technologists*. Leiden: Brill.
- Foss, C. 1979. The Fabricenses Ducenarii of Sardinia. *ZPE* 35, 279—283.
- Franks, A.W. 1858. On bosses of roman shields found in Northumberland and Lancashire. *The Archaeological Journal* XV, 55—58.
- Frere, S.S., St. Joseph, J.K. 1974. The Roman fortress at Longthorpe. *Britannia* (5), 1—129.
- Frere, S.S., Wilkes, J.J. 1989. *Strageath: Excavations Within the Roman Fort 1973—86*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Freshfield, E.H. 1922. Notes on a Vellum Album containing some original sketches of public buildings and monuments, drawn by a German artist who visited Constantinople in

№4. 2014

References

1574. *Archaeologia or miscellaneous tracts relating to antiquity* 72, 87—104.
- Fulford, M. 2000. The organization of legionary supply: the Claudian invasion of Britain. In: Brewer, R. J. (ed.). *Roman Fortresses and their Legions*. London: Society of Antiquaries of London.
- Fulford et al. 2005: Fulford, M., Sim, D., Doig, A., Painter, J. 2005. In defence of Rome: a metallographic investigation of Roman ferrous armour from Northern Britain. *Journal of archaeological science* 32: 2, 241—250.
- Funari, P. A. 2002. The consumption of olive oil in Roman Britain and the role of the army. In: Erdkamp, P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 235—263.
- Gaitzsch, W. 1980. *Eiserne römische Werkzeuge. Studien zur römischen Werkzeugkunde in Italien und den nördlichen provinzen des Imperiums Romanum*. BAR International Series 78. Oxford: BAR.
- Gansser-Burckhardt, A. 1942. *Das Leder und seine Verarbeitung im römischen Legionslager Vindonissa*. Basel: Gesellschaft Pro Vindonissa.
- Garbsch, J. 1978. *Römische Paraderüstungen*. München: Beck, 1978.
- Garlick, M. 1992. The development of the curved legionary scutum. *Exercitus* 9 (2), 160—161.
- Garnsey, P. 1976. Economy and Society of Mediolanum under the Principate. *Papers of the British School at Rome* XLIV, 13—27.
- Gelli, J., Moretti, G. 1903. *Gli armatori milanesi. I Missaglia e la loro casa. Notizie, documenti, ricordi. 56 tavole e 12 incisioni nel testo*. Milano: Ulrico Hoepli.
- Gentilis, A. 1599. *De Armis Romanis Libri Duo*. Hanouiae: Apud Guiljelmum Antonium.
- Gilliam, J. F. 1967. The deposita of an auxiliary soldier (P. Columbia inv. 325). *BJ* 167, 233—243.
- Gilliam, J. F. 1981. Notes on a new Latin text: P. Vindob. L135. *ZPE* 41, 277—280.
- Giordani, N. 2001. Allevamento, lana, tessuti: aspetti dell'economia nella colonia romana di Mutina. In: Corti, C., Giordani, N. (ed.). *Tessuti, colori e vestiti del mondo antico: momenti di archeologia sperimentale*. Catalogo della Mostra (Finale Emilia — Castello delle Rocche, 21 aprile/10 giugno 2001). Finale Emilia: Baraldini.
- Goguy, R. 2008. Légionnaires romains chez les Lingons: la VIIIème Augusta à Mirebeau (Côte-d'Or). *Revue archéologique de l'Est* 57, 227—252.
- Goldsmith, R. W. 1984. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire. *Journal of the International Association for Research in Income and Wealth Series* 30, 263—288.
- Graczkowski, A. 2009. *Armia rzymska w okresie schyłku republiki: organizacja, uzbrojenie, taktyka*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek.
- Grant, R. M., Mitchell, M. M. 1990. *Augustus to Constantine (The Rise and Triumph of Christianity in the Roman World)*. San Francisco: Westminster John Knox Press.
- Greep, S. 1983. Approaches to the study of bone, antler and ivory military equipment. In: Bishop, M. C. (ed.). *Roman Military Equipment*. Proceedings of a seminar held in the Department of Ancient History and Classical Archaeology at the University of Sheffield, 21st March 1983. Sheffield [s.n.], 16—21.
- Groller, M. von. 1901. Römische Waffen. *Der Römische Limes in Österreich* 2. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 85—132.
- Grünwald, T. 2004. *Bandits in the Roman Empire: Myth and Reality*. London: Routledge.
- Haalebos, J. K. 1977. *Zwammerdam — Nigrum Pullum. Ein Auxiliarkastell am Niedergermanischen Limes*. Amsterdam: Universiteit van Amsterdam, Subfaculteit der Preen Protohistorie.
- Hanel, N. 1995. Vetera I. Die Funde aus den römischen Lagern auf dem Fürstenberg bei Xanten. *Rheinische Ausgrabungen* 35.
- Hanel, N. 2007. Military Camps, canabae and vici. The archaeological evidence. In: Erdkamp, P. (ed.). *A Companion to the Roman Army*. Oxford: Blackwell Publishing, 395—416.
- Hanel et al. 2000: Hanel, N., Peltz, U., Willer, F. 2000. Untersuchungen zu römischen Reiterhelmmasken aus der Germania inferior. *Bonner Jahrbücher* 200, 243—274.
- Hanson et al. 2007: Hanson, W. S., Speller, K., Yeoman, P. A., Terry, J. 2007. *Elginhaugh: A Flavian Fort and its Annexe*. London: The Society for the Promotion of Roman Studies.
- Harrauer, H., Seider, R. 1979. Ein neuer lateinischer Schulschein: P. Vindob. L 135. *ZPE* 36, 109—120.
- Healy J. E. 1978. *Mining and metallurgy in the Greek and Roman world*. London: Thames & Hudson.
- Heising, A. 2003. Eine wechselvolle Geschichte Bäckerei, fabrica und Baracken des Mainzer Legionslagers. *Archäologie in Rheinland-Pfalz IX*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 68—70.
- Hermann, F.-R. 1969. Der Eisenfundhort aus dem Kastell Künzing. *Saalburg Jahrbuch* 26, 129—141.
- Herz, P. 2002. Die Logistik der kaiserzeitlichen Armee. Strukturelle Überlegungen. In: Erdkamp, P. (ed.). *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 19—46.
- Hirt, A. M. 2010. *Imperial Mines and Quarries in the Roman World. Organizational Aspects 27 BC — AD 235*. New York; Oxford: Oxford University Press.
- Hoffler, V. 1911. Oprema rimskoga vojnika u prvo doba carstva. *Viestnik Hrvatskoga arheološkoga društva* 12, 16—123.
- Hong et al. 1996: Hong, S., Candelone, J.-P., Boutron, C. 1996. Changes in natural lead, copper, zinc and cadmium concentrations in central Greenland ice from 8250 to 149,100 years ago: their association with climatic changes and resultant variations of dominant source contributions. *Earth and Planetary Science Letters* 143, 233—244.
- Hopewell et al. 2005: Hopewell, D., Burman, J., Evans, J., Ward, M., Williams, D. 2005. Roman Fort Environs in North-West Wales. *Britannia* 36, 225—269.
- Horn, H. G. 1987. *Die Römer in Nordrhein-Westfalen*. Stuttgart: Theiss.
- Horsley, J. 1732. *Britannia Romana; or, The Roman antiquities of Britain*. London: J. Osborn and T. Longman.
- Hough, W. 1893. Primitive American Armor. *Annual reports of United States National Museum* 7, 627—651.
- Ilkjær, J., Lønstrup, J. 1982. Interpretation of the Great Votive Deposits of Iron Age Weapons. *Journal of Danish Archaeology* (1), 95—103.
- Ilkjær, J., Lønstrup, J. 1983. Der Moorfund im Tal der Illerup-Å bei Skanderborg in Ostjütland (Dänemark). Vorbericht. *Germania* 61, 95—116.
- Ivanov, R. 1990. Lixa Legionis V Macedonicae aus Oescus. *ZPE* 80, 131—136.
- Jackson, R. 1990. A Roman metalworking die from Oulton, Staffordshire. *Antiquaries Journal* 70, 456—458.
- James, S. 1988. The fabricae: state arms factories of the Late Roman Empire. In: Coulston, J. C. (ed.). *Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference*. Oxford: BAR, 257—331.
- Johnson, A. 1983. *Roman Forts of the First and Second Centuries AD in Britain and the German Provinces*. London: A. & C. Black.
- Jones, R. F. L. 1990. Natives and the Roman army: three model relationships. In: Vetters, H., Kandler, M. (Hrsg.). *Akten des 14. Internationalen Limeskongresses*. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 99—110.
- Jullian, C. 1896. Fabrica. In: Daremberg, Ch., Saglio, E. (eds.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. II. P. 2. Paris: Hachette, 959—961.
- Junkelmann, M. 1986. *Die Legionen des Augustus. Der römische Soldat im archäologischen Experiment*. Mainz am Rhein:

- Phillip von Zabern.
- Junkelmann, M. 1996. *Reiter wie Statuen aus Erz*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Junkelmann, M. 1999. Roman helmets in the Axel Guttman-Collection, Berlin. *JRMES* 10, 81—85.
- Junkelmann, M. 2000. *Das Spiel mit dem Tod*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Junkelmann, M. 2000. *Römische Helme*. Mainz am Rhein: Phillip von Zabern.
- Kaminski, J., Sim, D. 2011. *Roman Imperial Armour: The Production of Early Imperial Military Armour*. Oxford: Oxbow Books.
- Katsari, C. 2002. The military orientation of the Roman emperors, Septimius Severus to Gallienus. *Anistoriton Journal* (6), 1—6.
- Kehne, P. 2007. Warand Peacetime Logistics: Supplying Imperial Armies in East and West. In: Erdkamp, P. (ed.). *A Companion to the Roman Army*. Oxford: Blackwell Publishing, 323—338.
- Keim, J., Klumbach, H. 1951. Der Römische Schatzfund von Straubing. *Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte* 3. München: C. H. Beck.
- Kellner, H. J., Zahlhaas, G. 1984. *Der römische Schatzfund von Weißenburg*. München; Zürich: Schnell u. Steiner.
- Kemkes, M. 2006. *Der Limes: Grenze Roms zu den Barbaren*. Ostfildern: Thorbecke.
- Keppie, L. 1984. *The Making of the Roman Army*. London: Batsford.
- Keppie, L. J. F., Fitzpatrick, A. P., Hassall, M. W. C., Tomlin, R. S. O., Burnham, B. C. 2001. Roman Britain in 2000. *Britannia* 32, 311—400.
- Kiechle, F. 1965. Die „Taktik“ des Flavius Arrianus. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 45, 87—129.
- Kissel, Th. K. 1995. Untersuchungen zur Logistik des römischen Heeres in den Provinzen des griechischen Ostens (27 v. Chr. — 235 n. Chr.). *Pharos Studien zur griechisch-römischen Antike* 6. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag.
- Klumbach, H. 1973. *Spät-römische Gardehelme*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.
- Klumbach, H. 1974. *Römische Helme aus Niedergermanien. Katalog einer Ausstellung in Rheinischen Landesmuseums Bonn*, 1974. Köln: Rheinland-Verlag.
- Klumbach, H. 1977. Ein Paradeschildbuckel aus Brigetio. In: Haupt, D., Horn, H. G. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms II*. Köln: Böhlau Verlag, 199—206.
- Klumbach, H., Baatz, D. 1970. Eine römische Parade-Gesichtsmaske aus dem Kastell Echzell Kr. Büdingen (Hessen). *Saalebürg Jahrbuch* 27, 73—83.
- Kolb, A. 2000. *Transport und Nachrichtentransfer im Römischen Reich*. Berlin: Akademie Verlag.
- Koster, A., Swinkels, L. 2007. Technische Untersuchungen an römischen Gesichtshelmen aus Nijmegen. In: Meijers, R., Wille, F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen (= Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme)*. Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 5—8.
- Kropatscheck, G. 1909. Ausgrabungen bei Haltern. Die Fundstücke der Jahre 1905—1907. *Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen* 5, 323—358.
- Kurzmann, R. 2005. Soldier, Civilian and Military Brick Production. *Oxford Journal of Archaeology* 24 (4), 405—414.
- La Niece, S. 1983. Niello: an historical and technical survey. *Antiquaries Journal* 63, 279—297.
- Lang, J. 1988. Study of the Metallography of Some Roman Swords. *Britannia* 19, 199—216.
- Lantier, R. 1950. Recherches archéologiques en Gaule en 1949. *Gallia* 8 (8), 181—246.
- Latte, K. 1967. Römische Religionsgeschichte. *Handbuch der Altertumswissenschaft* 5 (4). München: C. H. Beck.
- Laufer, B. 1914. Chinese Clay Figures. Part I. Prolegomena on the History of Defensive Armor. In: *Field Museum of Natural History. Publ. 177. Anthropological Series XIII* (2). Chicago: Field Museum of Natural History, 73—315.
- Le Bohec, Y. 1989. *La troisième légion Auguste*. Paris: Edition du CNRS.
- Lee, A. D. 1996. Morale and the Roman Experience of Battle. In: Lloyd, A. B. (ed.). *Battle in Antiquity*. London: Duckworth, Classical Press of Wales, 199—217.
- Letki, P. 2009. The state factories (fabricae) during the time of tetrarchy. In: Rostropowicz, J. (red.). *Studia nad Kulturą Antycznej V. Opole: s. n.*, 63—78.
- Lietz, C. 1999. *Die Logistik des römischen Heeres im Westen, vor allem die des Nachschubs, untersucht an ausgewählten Fällen*. Köln: Grin Verlag.
- Lillico, J. W. 1930. *The Blacksmith's Manual Illustrated: A Practical Treatise on Modern Methods of Production for Blacksmiths, Apprentice Blacksmiths, Engineers and Others*. London: Crosby Lockwood.
- Lindenschmit, L. 1882. *Tracht und Bewaffnung des römischen Heeres während der Kaiserzeit*. Braunschweig: F. Vieweg und Sohn.
- Lindenschmit, L. 1900. *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit IV*. Mainz: Victor von Zabern Verlag.
- Lindenschmit, L. 1911. *Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit, nach den in öffentlichen und Privatsammlungen befindlichen Originalien zusammengestellt und herausgegeben von dem Römisch-Germanischen Centralmuseum in Mainz durch Ludwig Lindenschmit V*. Mainz: Victor von Zabern Verlag.
- Ling, R. 1991. *Roman Painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
- Lipsius, J. 1614. *De Militia Romana Libri Quinque. Commentarius ad Polybium*. Antverpiae: ex officina Plantiniana, apud viduam & filios Ioannis Moreti.
- Lo Cascio, E. 2007. L'approvvigionamento dell'esercito romano: mercato libero o «commercio amministrato»? In: de Blois, L., Lo Cascio, E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. — A.D. 476), Capri, Italy, March 29 — April 2, 2005. Leiden: Brill Academic Publishers, 195—206.
- Luschan, F. von. 1899. Zusammengesetzte und verstärkte Bogen. *Zeitschrift für Ethnologie* XXXI, 221—239.
- MacMullen, R. 1960. Inscriptions on armor and the supply of arms in the Roman Empire. *AJA* 64 (1), 23—40.
- MacMullen, R. 1976. *Roman Government's Response to Crisis, AD 235—337*. Yale: Yale University Press.
- MacMullen, R. 1980. How Big was the Roman Imperial Army? *Klio* 62, 451—460.
- MacMullen, R. 1984a. The Legion as a Society. *Historia* 33: 4, 440—456.
- MacMullen, R. 1984b. The Roman emperor's army cost. *Latomus* 43, 571—580.
- Mann, J. C. 1963. The Raising of New Legions During the Principate. *Hermes* 91, 483—489.
- Manning, W. H. 1972. Ironwork hoards in Iron Age and Roman Britain. *Britannia* 3, 224—250.
- Manning, W. H. 1985. *Catalogue of the Romano-British iron tools, fittings and weapons in the British Museum*. London: Published for the Trustees of the British Museum by British Museum Publications.
- Mapelli et al. 2009: Mapelli, C., Nicodemi, W., Riva, R. F., Vedani, M., Gariboldi, E. 2009. Updating of analysis on the nails from the Roman legionary at Inchtuthil. *La Metallurgia Italiana*. Gennaio 2009, 51—58.
- Marichal, R. 1992. *Les ostraca de Bu Njem*. Tripoli: Grand Jamahari arabe, libyenne, populaire et socialiste département des antiquités.
- Marsden, E. W. 1969—1971. *Greek and Roman Artillery: Historical Development and Technical Treatises*. Oxford: Clarendon Press.
- Martino, S. 2007. Dinamiche di interscambio fra tecnologia meccanica militare e civile a Roma. In: de Blois, L., Lo Cascio, E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC AD*

№4. 2014

References

- 476). *Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. — A.D. 476) Capri, March 29 — April 2, 2005. Leiden; Boston: Brill, 261—281.
- Maryon, H. 1912. *Metalwork and Enameling: A Practical Treatise on Gold and Silversmith's Work and Their Allied Crafts*. London: Chapman and Hall Ltd.
- Maryon, H. 1960. Pattern-welding and Damascening of sword-blades, Parts 1—2. *Studies in Conservation* 5, 25—60.
- Mason, D.J.P. 1988. "Prata legionis" in Britain. *Britannia* 19, 163—190.
- Masquelez, M. 1873. *Armorum custos*. In: Daremberg, Ch., Saglio, E. (ed.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T.I. P. I. Paris: Firmin Didot, 438.
- Maxfield, V.A. 1981. *The Military Decorations of the Roman Army*. London: Batsford.
- Maxfield, V.A., Reed, A. 1975. Excavations at Ebchester Roman Fort 1972—1973. *Archaeologia Aeliana* 3, 43—104.
- Maxwell, G.S. 1971—1972. Excavations at the Roman fort of Crawford, Lanarkshire. *PSAS* 104, 147—200.
- Maxwell, G. S. 1983. Recent Aerial Discoveries in Roman Scotland: Drumquhassle, Elginhaugh and Woodhead. *Britannia* 14, 67—181.
- McCarthy, M. 2002. *Roman Carlisle & the lands of the Solway*. Stroud: Tempus.
- McCarthy et al. 2001: McCarthy, M.R., Bishop, M., Richardson, T. 2001. Roman armour and metalworking at Carlisle, Cumbria, England. *Antiquity* 75, 507—508.
- Meijers, R., Willer, F. 2007. Herstellungstechnische Untersuchungen der eisernen Gesichtshelme aus Nijmegen. In: Meijers, R., Willer, F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen* (= *Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme*). Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 31—50.
- Meijers et al. 2007: Meijers, R., Schalles, H.-J., Willer, F. 2007. Schussexperimente mit einer rekonstruierten römischen Torsionswaffe auf definierte Metallbleiche. In: Meijers, R., Willer, F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen* (= *Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme*). Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 69—76.
- Middleton, P. 1979. Army supply in Roman Gaul: an hypothesis for Roman Britain. In: Burnham, B.C., Johnson, H.B. (eds.). *Invasion and Response: the case of Roman Britain*. Oxford: BAR, 81—97.
- Miks, Ch. 2007. *Studien zur Römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit*. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Miks, Ch. 2008. Vom Prunkstück zum Altmittel. Ein Depot spätrömischer Helmenteile aus Koblenz. Begleitbuch zur Ausstellung im Römisch-Germanischen Zentralmuseum 26 Mosaische. *Forschungen am Römisch-Germanischen Zentralmuseum* 4. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2008.
- Millar, F. 1977. *The Emperor in the Roman World (31 BC — AD 337)*. Ithaca; New York: Cornell University Press.
- Mitschke, S. 2007. Die organischen Auflagerungen an den Reiterhelmen aus Nijmegen und Xanten-Wardt. In: Meijers, R., Willer, F. (Hrsg.). *Achter het Zilveren Masker: nieuw onderzoek naar de productietechnieken van Romeinse ruitershelmen* (= *Hinter der silbernen Maske: neue Untersuchungen zur Herstellungstechnik römischer Reiterhelme*). Nijmegen: Museum het Valkhof; Bonn: Rheinisches Landesmuseum des Landschaftsverbandes Rheinland, 81—100.
- Mitthof, F. 2001. *Annona Militaris. Die Heeresversorgung im spätantiken Ägypten: ein Beitrag zur Verwaltungs- und Heeresgeschichte des Römischen Reiches im 3. bis 6. Jh. n. Chr.* Firenze: Papyrologica Florentina.
- Mócsy, A. 1953. Das Territorium legionis und die canabae in Pannonien. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* III, 179—199.
- Mócsy, A. 1967. Zu den "prata legionis". *Studien zu den Militärgrenzen Roms: Vorträge des 6. Internationalen Limeskongresses in Süddeutschland*. Köln: Böhlau Verlag, 211—214.
- Mócsy, A. 1972. Das Problem der militärischen Territorien im Donauraum. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* XX, 133—167.
- Muñoz Villarejo, F.A., Aurecochea, J. 2002. A legionary workshop of the 3rd century AD specialising in loricae segmentatae from the Roman fortress in León (Spain). *JRMES* 12/13, 15—28.
- Nabbefeld, A. 2008. Römische Schilde Studien zu Funden und bildlichen Überlieferungen vom Ende der Republik bis in die späte Kaiserzeit. *Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen* 10. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Nash-Williams, V.E. 1931. The Roman legionary fortress at Caerleon in Monmouthshire: Report on the excavations carried out in the Prysg Field 1927—1929. P. I. *Archaeologia Cambrensis* 86, 99—157.
- Negin, A.E. 1998. Sarmatian cataphracts as prototypes for Roman equites cataphractarii. *JRMES* 9, 65—75.
- Newall, F. 1953. Whitemoss Farm. *DES*, 14—15.
- Niblett, R. 1985. Sheepen: an early Roman industrial site at Camulodunum. *Council for British Archaeology Research Report* 57. London: Council for British Archaeology.
- Obmann, J. 2000. Studien zu römischen Dolchscheiden des 1. Jahrhunderts n. Chr. Archäologische Zeugnisse und bildliche Überlieferung. *Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen* 4. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Oldenstein, J. 1985. Manufacture and Supply of the Roman Army with Bronze Fittings. In: Bishop, M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR IS, 275. Oxford: BAR, 82—94.
- Oldenstein, J. 1990. Two Roman helmets from Eich, Alzey-Worms district. *JRMES* 1, 27—37.
- Onken, B. 2003. *Wirtschaft an der Grenze Studien zum Wirtschaftsleben in den römischen Militärlagern im Norden Britanniens*. PhD Diss. Kassel.
- Ørsnes, M. 1988. Ejsbøl I. Waffenopferfunde des. 4.—5. Jahrh. nach Chr. *Nordiske Fortidsminder Serie B* 11. København: Det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab.
- Paddock, J. 1985. Some changes in the manufacture and supply of Roman bronze helmets under the Late Republic and Early Empire. In: Bishop, M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar*. BAR Series 275. Oxford: BAR, 142—159.
- Paddock, J. 1993. *The Bronze Italian Helmet: The development of the Cassis from the last quarter of the sixth century B.C. to the third quarter of the first century AD*. PhD Diss. London.
- Parker, H.M.D. 1928. *The Roman Legions*. Oxford: Clarendon Press.
- Parker, H.M.D. 1932. The "Antiqua Legio" of Vegetius. *Classical Quarterly* 26, 137—149.
- Peretz, D. 2005. Military Burial and the Identification of the Roman Fallen Soldiers. *Klio* 87 (1), 123—138.
- Petrokovits, H. von. 1974a. Römisches Militärhandwerk. Archäologische Forschungen der letzten Jahre. *Anzeiger der österreichischen Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse* 111, 1—23.
- Petrokovits, H. von. 1974b. Militärische Fabricae der Römer. In: Pippidi, D.M. (ed.). *Actes du IXe congrès international d'études sur les frontières romaines*. Bucharest: Editura

- Academiei, 399—407.
- Petrikovits, H. von. 1975. Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. *Abhandlungen der Rheinischer Westfälischen Akademie der Wissenschaften* 56. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Petrikovits, H. von. 1976. *Beiträge zur römischen Geschichte und Archäologie. 1931 bis 1974*. Bonn: Rheinland-Verlag: in Kommission R. Habelt.
- Petrikovits, H. von. 1981a. Die Spezialisierung des römischen Handwerks II (Spätantike). *ZPE* 43, 285—306.
- Petrikovits, H. von. 1981b. Die Spezialisierung des römischen Handwerks I. In: Jankuhn, H., Janssen, W., Schmidt-Wiegand, R., Tiefenbach, H. (Hrsg.). *Das Handwerk in vor- und frühgeschichtlicher Zeit: Bericht über die Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nord-europas in den Jahren 1977 bis 1980*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 63—132.
- Petrikovits, H. von. 1970. Die Spezialgebäude römischer Legionslager. In: Viñayo González, A. (Hrsg.). *Legio VII Gemina*. León: Excma, 229—252.
- Pfaffenbichler, M. 1992. *Medieval Craftsman Armourers*. London: British Museum Press.
- Phang, S.E. 2008. *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Picard, G.C. 1957. *Les trophées romains: Contribution à l'histoire de la religion et de l'art triomphal de Rome*. Paris: Boccard.
- Piggott, S. 1952—1953. Three Metal-Work Hoards of the Roman Period from Southern Scotland. *PSAS* 87, 1—50.
- Pitts, L., St. Joseph, J.K.S. 1985. *Inchtuthil: the Roman legionary fortress excavations 1952—1965*. London: Society for the Promotion of Roman Studies.
- Premmerstein, A. von. 1903. Die Buchführung einer ägyptischen Legionsabteilung. *Klio* 3, 1—46.
- Price, P. 1983. An interesting Find of Lorica Plumata from the Roman Fortress at Usk. In: Bishop, M.C. (ed.). *Roman Military Equipment: Proceedings of a Seminar held in the Department of Ancient History and Classical Archaeology at the University of Sheffield, 21st of March 1983*. Sheffield: s.n., 12—13.
- Prittitz, G. and Gaffron, H.H. 1991. Der Reiterhelm des Tortikollis. *BJ* 191, 225—241.
- Rae, A., Rae, V. 1974. The Roman Fort at Cramond, Edinburgh: Excavations 1954—1966. *Britannia* 5, 163—223.
- Rald, U. 1996. The Roman swords from Danish bog finds. *JRMES* 5, 227—241.
- Rathbone, D. 2007. Military finance and supply. In: Sabin, Ph., Wees, H. van, Whitby, M. (eds.). *The Cambridge History of Greek and Roman Warfare* 2. Cambridge: Cambridge University Press, 158—175.
- Ratsdorf, H. 2009. Neue Gedanken zur Rekonstruktion römischer Schilde. In: Busch, A.W., Schalles, H.J. (Hrsg.). *Waffen in Aktion*. Akten der 16. Internationalen Roman Military Equipment Conference (ROMECON). Xanten, 13.—16. Juni 2007. Mainz am Rhein: von Zabern, 343—351.
- Rausing, G. 1967. The Bow. Some notes on its origin and development. *Acta archaeologica lundensia*. Series 8 (6). Lund: CWK Gleerups Förlag.
- Rebuffat, R. 2000. L'armée romaine à Gholiaia. In: Alföldy, G., Dobson, B., Eck, W. (Hrsg.). *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 227—259.
- Reinach, S. 1896. Galea. In: Daremberg, Ch., Saglio, E. (ed.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. II. P.2. Paris: Hachette, 1429—1451.
- Remesal Rodríguez, J. 1986. Die Organisation des Nahrungsmittelimportes am Limes. In: Unz, C. (Hrsg.). *Studien zu den Militärgrenzen Roms III*. 13. internationaler Limeskongress Aalen 1983. Stuttgart: Theiss, 760—767.
- Remesal Rodríguez, J. 1986. *La annona militaris y la exportación de aceite bético a Germania*. Madrid: Universidad Complutense de Madrid.
- Remesal Rodríguez, J. 2002. Military Supply during Wartime. In: de Blois, L., Rich, J. (eds.). *The transformation of economic life under the Roman Empire*. Proceedings of the second workshop of the International network Impact of Empire (Roman Empire, c. 200 BC — AD 476). Nottingham, July 4—7, 2001. Amsterdam: Brill Academic Publishers, 77—92.
- Richmond, I.A. 1938—1939. The Agricolan Fort at Fendoch. *PSAS* 73, 110—154.
- Rickman, G. 1971. *Roman Granaries and Store Buildings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Rihl, T. 2007. *The Catapult. A History*. Yardley: Westholme Publishing.
- Robertson, A. 1964. *The Roman Fort at Castledykes*. Edinburgh: Oliver & Boyd.
- Robertson, A. 1972. Cardean Meigle. *DES*, 2.
- Robinson, H.R. 1975. *The Armour of Imperial Rome*. London: Arms and Armour Press.
- Rose, W. 1906. Römisch-germanische Panzerhemden. *Zeitschrift für historische Waffenkunde* IV (1—2, 1—8), 40—55.
- Rosman et al 1997: Rosman, K.J.R., Chisholm, W., Hong, S., Candelone, J.-P., Boutron, C.F. 1997. Lead from Carthaginian and Roman Spanish mines isotopically identified in Greenland ice dated from 600 B.C. to 300 A.D. *Environment, Science and Technology* 31 (12), 3413—3416.
- Roth, J. 1998. *The Logistics of the Roman Army at War (264 B.C. — A.D. 235)*. Leiden: Brill Academic Publishers.
- Royal Commission, 1962: *Royal Commission on Historical Monuments. An Inventory of the Historical Monuments in the City of York I: Eboracum*. London: H.M.S.O.
- Rüpke, J. 1990. *Domi militiae. Die Religiöse Konstruktion des Krieges in Rom*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Saglio, E. 1900. Lorica. In: Daremberg, Ch., Saglio, E. (eds.). *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, d'après les textes et les monuments, contenant l'explication des termes qui se rapportent aux mœurs, aux institutions, à la religion, et en général à la vie publique et privée des anciens*. T. III. P. 2. Paris: Hachette, 1302—1316.
- Salamon, A. 1976. Archäologische Angaben zur spätromischen Geschichte des pannonischen Limes Geweihmanufaktur in Intercisa. *Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften* 6, 47—54.
- Saller, R.P., Shaw, B.D. 1984. Tombstones and Roman Family Relations in the Principate: Civilians, Soldiers and Slaves. *JRS* 74, 124—156.
- Sander, E. 1929. Frontin als Quelle für Vegetius. *Philologische Wochenschrift* 49, 1230—1231.
- Sander, E. 1932. Die Hauptquellen der Bücher I—III der epitoma rei militaris des Vegetius. *Philologus* 87, 369—375.
- Sander, E. 1962. Der praefectus fabrum und die Legionsfabriken. *BJ* 162, 139—161.
- Sarnowski, T. 1985. Bronzefunde aus dem Stabsgebäude in Novae und Altmitteldepots in den römischen Kastellen und Legionslagern. *Germania* 63, 521—540.
- Sauer, S. 1996. Ein fabrica-Bau in der Neusser canabae legionis. *Archäologie im Rheinland 1995*. Köln; Bonn: Rheinland Verlag, 86—87.
- Sauer, E. 2001. Alchester Roman fortress. *Current Archaeology* 173, 189—191.
- Sauer et al. 2000: Sauer, E., Cooper, N.J., Dannell, G.B., Dickinson, B., Erwin, P., Grant, A., Henig, M., McDonald, A.W., Robinson, M. 2000. Alchester: a Claudian “vexillation fortress” near the western boundary of the Catuvellauni, new light on the Roman invasion of Britain. *Archaeological Journal* 157, 1—78.
- Schalles, H.-J., Schreiter, C. 1993. Geschichte aus dem Kies. Neue Funde aus dem Alten Rhein bei Xanten. *Xantener Berichte* 3. Köln; Bonn: Rheinland Verlag.
- Scheidel, W. 1996. Measuring sex, age and death in the Roman empire: explorations in ancient demography. *JRA, Supplement* 21. Ann Arbor: MI.

№4. 2014

References

- Schenk, D. 1930. Flavius Vegetius Renatus: die Quellen der Epitoma rei militaris. *Klio* 22. Leipzig: Dieterich'sche Verlagsbuchhandlung.
- Schmidts, T. 2000. Die „fabrica“ des Legionslagers. In: Codreanu-Windauer, S. (Hrsg.). *Römerforschung in Regensburg an der Jahrtausendwende*. Regensburg: Kt. Regensburger Kolloquien zur Archäologie, 21—22.
- Schnurbein, S. von. 1971. Ein Bleibanen der 19. Legion aus dem Hauptlager von Haltern. *Germania* 49, 132—136.
- Schoff, W.H. 1915. The Eastern Iron Trade of the Roman Empire. *Journal of the American Oriental Society* 35, 224—239.
- Schönberger, H. 1979. Valkenburg Z.H.: Praetorium oder Fabrica. *Germania* 57, 135—141.
- Schramm, E. 1918. *Die antiken Geschütze der Saalburg. Bemerkungen zu ihrer Rekonstruktion*. Berlin: Weidmann.
- Schulten, A. 1894. Das Territorium legionis. *Hermes* XXIX, 481—516.
- Schulten, A. 1929. *Numantia IV: Die Lager bei Renieblas*. München: Bruckmann.
- Scott, I.R. 1985. First century military daggers and the manufacture and supply of weapons for the Roman army. In: Bishop, M.C. (ed.). *The Production and Distribution of Roman Military Equipment*. Proceedings of the Second Roman Military Equipment Research Seminar. BAR Series 275. Oxford: BAR, 160—213.
- Seeck, O. 1909. Fabricenses. *RE* VI (2). Stuttgart: J.B. Metzler, 1925—1930.
- Shirley, E.A.M. 1996. The Building of the Legionary Fortress at Inchtuthil. *Britannia* 27, 111—128.
- Sim, D. 1992. The manufacture of disposable weapons for the Roman army. *JRMES* 3, 105—119.
- Sim, D. 1997. Roman chain mail: experiments to reproduce the techniques of manufacture. *Britannia* 28, 359—371.
- Sim, D., Ridge, I. 2002. *Iron for the Eagles: the Iron Industry in Roman Britain*. Stroud: Tempus.
- Sim, D., Kaminski, J. 2012. *Roman imperial armour: the production of early imperial military armour*. Oxford: Oxbow Books.
- Simkins, M. 1990. The manica laminata. *Arma* 2 (2), 23—26.
- Simpson, F.G., Richmond, I.A. 1941. The Roman fort on Hadrian's Wall at Benwell. *Archaeologia Aeliana* 19, 1—43.
- Smith, W. 1875. *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. London: John Murray.
- Southern, P., Dixon, K.R. 1996. *The Late Roman Army*. London: Batsford.
- Speidel, M. 1973. The pay of the Auxilia. *JRS* 63, 141—147.
- Speidel, M.P. 1983. Zum Aufbau der Legion und zum Handwerk in Vindonissa (Neulesung zweier Briefadressen auf Holztäfelchen aus dem Schutthügel). *Gesellschaft pro Vindonissa. Jahresbericht*, 29—34.
- Speidel, M.P. 1992. *Roman Army Studies*. Vol. 2. Stuttgart: Franz Steiner.
- Speidel, M.A. 1996. Die römischen Schreibtäfelchen von Vindonissa. Lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. *Veröffentlichungen der Gesellschaft pro Vindonissa* XII. Brugg: Baden Dättwil.
- Speidel, M.P. 2007. The Missing Weapons at Carlisle. *Britannia* 38, 237—239.
- Speidel, M.P., Dimitrova-Milceva, A. 1978. The cult of the Genii in the Roman army and a new military deity. *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II: 16 (2). Berlin; New York: Walter de Gruyter & Co., 1542—1555.
- Sperl, G. 2003. The Use of Metallography in Archaeological Studies. *Microscopy and Microanalysis* (9), 554—555.
- Stade, K. 1926. *Der Politiker Diocletian und die letzte Christenverfolgung*. Wiesbaden: Diss. Frankfurt.
- Stadter, Ph.A. 1978. The Ars Tactica of Arrian: Tradition and Originality. *Classical Philology* 73 (2), 117—128.
- Stadter, Ph.A. 1980. *Arrian of Nicomedia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Steyert, A. 1895. *Nouvelle histoire de Lyon* I. Lyon: Bernoux et Cumin.
- Stoll, O. 2001. Der Transfer von Technologie in der römischen Antike. In: Stoll, O. (Hrsg.). *Römisches Heer und Gesellschaft. Gesammelte Beiträge 1991—1999*. Stuttgart: Steiner, 395—420.
- Sumner, G. 2003. *Roman Military Clothing: AD 200—400*. Oxford: Osprey Publishing.
- Sumner, G. 2009. *Roman military dress*. Stroud: The History Press.
- The Roman Army and the Economy*. 2002. Erdkamp, P. (ed.). Amsterdam: Brill Academic Publishers.
- The Roman Gask Project University of Liverpool*. URL: <http://www.theromangaskproject.org.uk/Pages/Papers/Bertha.html>. Accessed 23.03.2014 r.
- Thomas, C.F. 2004. *Feeding the frontiers: logistical limitations of Roman imperialism in the West*. PhD Diss. Auckland.
- Todd, M. 1992. Rome and the Germans: The Frontier and Beyond. *Britannia* 23, 325—330.
- Tomlin, R. 1998. Roman manuscripts from Carlisle: the ink-written tablets. *Britannia* 29, 34—84.
- Towneley, Ch. 1800. Account of Antiquities discovered at Ribchester. *Vetusta Monumenta* 4. London: Society of Antiquaries of London, 11—12.
- Toynbee, J.M.C., Clarke, R.R. 1948. A Roman decorated helmet and other objects from Norfolk. *JRS* 38, 20—27.
- Travis, H., Travis, J.R. 2011. *Roman body armour*. Stroud: Amberley.
- Truckell, A. 1955. Carzield Roman Fort. *DES*, 10—11.
- Truckell, A. 1956. Broomholm Knowe. *DES*, 13—14.
- Tylecote, R.F. 1962. *Metallurgy in Archaeology: a Prehistory of Metallurgy in the British Isles*. London: Arnold.
- Tylecote, R.F. 1987. *The early history of metallurgy in Europe*. London: Longman.
- Tylecote, R.-F., Gilmore, B.J.J. 1986. *The metallography of early ferrous edge tools and edged weapons*. BAR BS 155. Oxford: BAR.
- Ulbert, G. 1969. Das frühromische Kastell Rheingönheim. Die Funde aus den Jahren 1912 und 1913. *Limesforschungen* 9. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
- Ulbert, G. 1971. Gaius Antonius: der Meister des silbertauschierten Dolches von Oberammergau. *Bayerische Vorgeschichtsblätter* 36, 44—49.
- Ulbert, G. 2006. Der Auerberg. *Akademie aktuell* 18 (3). München: Bayerische Akademie der Wissenschaften, 32—37.
- Ulbert, G., Zanier, W. 1997. Der Auerberg II. Besiedlung innerhalb der Wälle. *Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte* 46. München: Beck.
- Velkov, V. 1980. *Roman cities in Bulgaria: collected studies*. Amsterdam: Hakkert.
- Verboven, K. 2006. Ce que negotiari et ses dérivés veulent dire. In: Andreau, J., France, J., Chankowski, V. (eds.). *Vocabulaire et expression de l'économie antique*. Bordeaux: Ausonius Editions, 1—25.
- Verboven, K. 2007. Good for business. The roman army and the emergence of a “business class” in the northwestern provinces of the roman empire (1st century BCE — 3rd century CE). In: de Blois, L., Lo Cascio, E. (eds.). *The Impact of the Roman Army (200 BC — AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire (Roman Empire, 200 B.C. — A.D. 476), Capri, Italy, March 29 — April 2, 2005. Leiden: Brill Academic Publishers, 295—314.
- Vetters, H. 1996. Ferrum Noricum. *Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften in Wien, Philosophisch-Historische Klasse* 103, 167—185.
- Vogel, L. 1973. *The Column of Antoninus Pius*. Cambridge: Cambridge Mass.
- Vorbeck, E. 1954. *Militärschriften aus Carnuntum*. Wien: Kulturreferat der Niederösterreichischen Landesregierung.
- Wahl, J. 1993. Trés Minas. Vorbericht über die archäologischen Ausgrabungen im Bereich der Römischen Goldbergwerke 1986/87. In: Steuer, H., Zimmermann, U. (Hrsg.). *Montanarchäologie in Europa. Berichte zum Internationalen Kolloquium „Frühe Erzgewinnung und Verhüttung in Europa“ in Freiburg im Breisgau vom 4. bis 7. Oktober 1990 = Archäologie und Geschichte Freiburger Forschungen zum ersten Jahrtausend in Südwestdeutschland* 4. Sigmaringen: Jan Thorbecke, 123—152.
- Watson, G.R. 1969. *The Roman Soldier*. New York; Ithaka: Cornell University Press.
- Waurick, G. 1994. Römischer Eisenhelm aus Windisch, Kt. Aargau/Schweiz (1. Jahrhundert n. Chr.). *Jahrbuch des Rö-*

- misch-Germanischen Zentralmuseums* 41, 645.
- Webster, G. 1979. *The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D.* 2nd ed. London: A. and C. Black.
- Webster, G. 1989. Deities and religious scenes on Romano-British pottery. *Journal of Roman Pottery Studies* 2, 1—28.
- Welles et al. 1959: Welles, C.B., Fink, R.O., Gilliam, J.F. 1959. *The excavation at Dura-Europos, Final report. Vol. 1. The Parchments and Papyri.* New Haven: Yale University Press.
- Wesch-Klein, G. 1998. *Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit.* Stuttgart: F. Steiner Verlag.
- Whittaker, C.R. 2002. Supplying the army. Evidence from Vindolanda. In: Erdkamp, P. (ed.). *The Roman Army and the Economy.* Amsterdam: Brill Academic Publishers, 204—234.
- Wierschowski, L. 1982. Soldaten und Veteranen der Prinzipatszeit im Handel und Transportgewerbe. *Münstersche Beiträge zur Antiken Handelsgeschichte* 1. St. Katharinen: Scripta Mercaturae Verlag, 31—48.
- Wierschowski, L. 1984. *Heer und Wirtschaft. Das römische Heer der Prinzipatszeit als Wirtschaftsfaktor.* Bonn: Rudolf Habelt.
- Wilkes, J.J. 2005. *The Roman Danube: An Archaeological Survey.* JRS 95, 124—225.
- Wilkins, A. 2003. *Roman artillery.* Princes Risborough: Shire.
- Willems, W.J.H. 1992. Roman Face Masks from the Kops Plateau, Nijmegen, The Netherlands. *JRMES* 3, 57—66.
- Williams, A.R. 1977. Roman arms and armour: a technical note. *Journal of Archaeological Science* 4, 77—87.
- Wilson, A.I. 2002. Machines, power and the ancient economy. *JRS* 92, 1—32.
- Wilson, D.R., Wright, R.P. 1968. Roman Britain in 1967. *JRS* 58, 176—206.
- Wilson et al. 1974: Wilson, D.R., Wright, R.P., Hassall, M.W.C., Bowman, A.K., Thomas, J.D. 1974. Roman Britain in 1973. *Britannia* 5, 397—480.
- Winkelmann, F., Jacobs, F. 1914. Das Kastell Pfünz. In: Hettner, F., Fabricius, E., Sarwey, Th.A. *Der Obergermanische-Raetische Limes des Römerreiches. Die Kastelle No. 71—75. Abteilung B. VII.* Heidelberg: Verlag von O. Petters.
- Wright, R.P. 1947. Roman Britain in 1946. *JRS* 37, 165—182.
- Zienkiewicz, J.D. 1993. Excavations in the scamnum tribunorum at Caerleon: the Legionary Museum site 1983—1985. *Britannia* 24, 27—140.
- Zschietzschmann, W. 1959. *Hellas and Rome.* London: A Zwemmer Ltd.

Монография поступила в номер 30 марта 2014 г.

Andrey Negin (Nizhny Novgorod, Russia). Candidate of Historical Sciences. Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky ¹.

Andrey Negin (Nijni Novgorod, Rusia). Candidat în științe istorice. Universitatea de Stat „N. I. Lobachevski” din Nijni Novgorod.

Негин Андрей Евгеньевич (Нижний Новгород, Россия). Кандидат исторических наук. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

E-mail: aenegin@mail.ru

Address: ¹ Rimsky-Korsakov St., 42, Nizhny Novgorod, 603054, Russia

Миры. Культуры. Хронология

Worlds. Cultures. Chronology
Civilizații. Culturi. Cronologie

М. К. Сейткалиев

Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане

Keywords: South Ural Region, Central Asia, China, Great Silk Way, Late Sarmatian Culture, square grave, west orientation, bimetallic knife.

Cuvinte cheie: Uralul de Sud, Asia Centrală, China, Drumul mătăsi, cultura sarmatică târzie, mormânt de formă pătrată, orientare vestică, cuțit bimetalic.

Ключевые слова: Южное Приуралье, Средняя Азия, Китай, Великий шелковый путь, позднесарматская культура, квадратная могила, западная ориентировка, биметаллический нож.

M. K. Seitkaliyev

Extraordinary Burial Complex from Karatobe Burial Ground in West Kazakhstan

This article is devoted to the analysis of extraordinary Late Sarmatian burial complex investigated in Karatobe burial ground. By a number of elements of this burial complex, Karatobe burial is similar with the circle of elite Late Sarmatian burials of the first half — middle 3rd century, found in South Ural Region. However, in spite of some common features, the funerary ritual has some peculiar features distinguishing it from the Late Sarmatian elite warrior graves. First of all, west orientation of the body is an extraordinary phenomenon for the sites of the Late Sarmatian time. Composition of grave goods also draws one's attention: some imported items were found along with typical artefacts of the Late Sarmatian Culture, which confirms contacts between the nomads of the South Ural Region and the population of Central Asia and areas farther to the east.

M. K. Seitkaliyev

Un complex funerar spectaculos din necropola Karatobe din Kazahstanul de Vest

Articolul reprezintă analiza unui complex funerar spectaculos, sarmatic târziu, cercetat în necropola Karatobe. Unii parametri ai complexului prezintă elemente comune cu cercul de înmormântări al elitelor sarmatice târzii, care apar în Uralul de Sud în prima jumătate — mijlocul sec. III. Cu toate acestea, necătând la aceste similitudini, ritul funerar posedă niște trăsături specifice, care îl evidențiază față de mormintele războinicilor din perioada sarmatică târzie. Putem aminti aici, în primul rând, orientarea vestică a defunctului — excepțională pentru complexele funerare sarmatice târzii. De asemenea, atrage atenție asupra sa compoziția inventarului funerar: alături de piese tipice pentru cultura sarmatică târzie, în mormânt au mai fost găsite obiecte de import, care ilustrează existența legăturilor nomazilor de la Uralul de Sud cu populația Asiei Centrale și a regiunilor, aflate și mai departe spre est.

M. K. Сейткалиев

Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане

Статья посвящена анализу неординарного позднесарматского погребального комплекса, исследованного в могильнике Каратобе. Ряд элементов погребального комплекса сближает каратобинское погребение с кругом элитарных позднесарматских захоронений, встречающихся в Южном Приуралье в первой половине — середине III в. Однако, несмотря на определенное сходство, погребальный обряд имеет своеобразные черты, выделяющие его среди позднесарматских воинских погребений. Это, в первую очередь, западная ориентировка погребенного — явление исключительное для памятников позднесарматского времени. Также обращает на себя внимание состав сопровождающего инвентаря: наряду с типичными предметами позднесарматской культуры, в погребении найдены импорты, свидетельствующие о контактах кочевников Южного Приуралья с населением Средней Азии и более восточных регионов.

В 2005 г. в ходе спасательных работ на памятниках археологии, расположенных в коридоре строительства нефтепровода Каратобе-Лыктыбай, был исследован курганный могильник Каратобе, находящийся в Байганинском районе Актюбинской области, в 3,2 км к юго-востоку от пос. Жаркамыс (рис. 1). Могильник занимал вершину естественной возвышенности, расположенной на третьей надпойменной террасе р. Эмба. Курганный могильник состоял из четырех

земляных курганов, вытянутых цепочкой по линии север-юг. Среди раскопанных курганов в могильнике было исследовано захоронение, которое резко выделялось среди погребений позднесарматского времени Южного Приуралья¹.

¹ Автор приносит благодарность канд. ист. наук Ж.Е. Смаилову за возможность опубликовать комплекс.

Рис. 1. Местоположение могильника Каратобе.

Fig. 1. Location of Karatobe burial ground.

Исследованный курган №4 представлял собой небольшую, округлую в плане, сильно оплывшую земляную насыпь диаметром около 17 м и высотой не более 0,5 м. Насыпь раскапывалась вручную, на снос. После снятия насыпи в центре кургана была обнаружена единственная могильная яма подквадратной в плане формы с сильно закругленными углами (рис. 2: 1). Её размеры: $4,3 \times 4 \times 1,55$ м. В ходе выборки заполнения могильной ямы на глубине 0,8 м от дневной поверхности расшищено просевшее деревянное перекрытие, сложенное из плотно подогнанных друг к другу жердей. На деревянном перекрытии было обнаружено халцедоновое навершие меча с бронзовым штифтом. После снятия перекрытия на дне могильной ямы, в ее центральной части, был расшищен не потревоженный грабителями костяк. Погребенный был уложен на спину в вытянутом положении и ориентирован головой на запад, руки вытянуты вдоль тела, ноги практически прямые. Кисти рук и фаланги ног отсутствовали (рис. 2: 2). Вероятно, погребенный был уложен на носилки, следы от которых фиксировались на дне могильной ямы в виде обильного органического тлена.

Возле погребенного найден многочисленный инвентарь. У правого предплечья обнаружены четыре нашивные бляшки полусферической формы, изготовленные из желтого металла. У правой руки лежал железный меч без перекрестия. Линзовидный в сечении клинок имел параллельные лезвия с заостренным

концом и отделялся двумя прямоугольными уступами от длинного черенка. Вероятно, на черенок насаживалась деревянная рукоять, к которой посредством бронзового штифта прикреплялось халцедоновое навершие дисковидной формы (рис. 2: 11, 12). На клинке сохранились остатки деревянных ножен, покрытых красной краской. Общая длина меча 95 см (рис. 2: 13).

В области левой кисти обнаружены остатки деревянной рукояти нагайки. Плеть нагайки крепилась к рукояти посредством бронзовой прямоугольно-овальной обоймы и двух массивных заклепок (рис. 2: 14).

Под левой лопаткой погребенного найден однолезвийный железный нож с бронзовой рукоятью и инкрустацией из кости. Бронзовая рукоять ножа двухсоставная, шестигранная в сечении, с кнопочным круглым навершием. Половинки рукояти скреплены тремя железными заклепками. Нижняя часть рукояти имеет полукруглый вырез. Лезвие ножа закреплено между половинками рукояти. Размеры ножа: общая длина 16,5 см; длина рукояти 7 см, ширина — 1,3 см; длина лезвия 9,5 см, ширина — 1,5 см (рис. 2: 8).

С внутренней стороны левой бедренной кости погребенного обнаружены сильно коррозированные железные кинжалы. В процессе снятия кинжалов были утрачены перекрестия, но морфология клинков четко определяется. Оба кинжала имели прямое перекрестие, переходящее под тупым углом в черенок, квадратный в сечении. Ручка в виде черенка откована вместе с клинком. Длина кинжалов 25 см (рис. 2: 9, 10).

Между ребрами и левой лучевой костью обнаружен лепной горшок с бомбовидным туловом, плавно переходящим в прямую шейку. Венчик слегка отогнут наружу. Поверхность сосуда шероховатая, темно-коричневого цвета, в изломе глина темно-серая. Высота сосуда 16,5 см (рис. 2: 3).

Возле костей левой руки отмечен тлен от деревянного блюда, но, в силу плохой сохранности древесины, точную форму предмета установить не удалось.

На деревянное блюдо был поставлен лепной кувшин с шаровидным туловом и воронковидным венчиком. Плечо обозначено вдавленной линией. Поверхность сосуда шероховатая, цвет темно-коричневый, в изломе темно-серый. Высота сосуда 18 см (рис. 2: 4).

Под блюдом обнаружен миниатюрный медный котелок — курильница на трех ножках, забитая обугленными растительными остатками. Сосуд имеет сферическое тулово со слегка сужающимися к устью стенками.

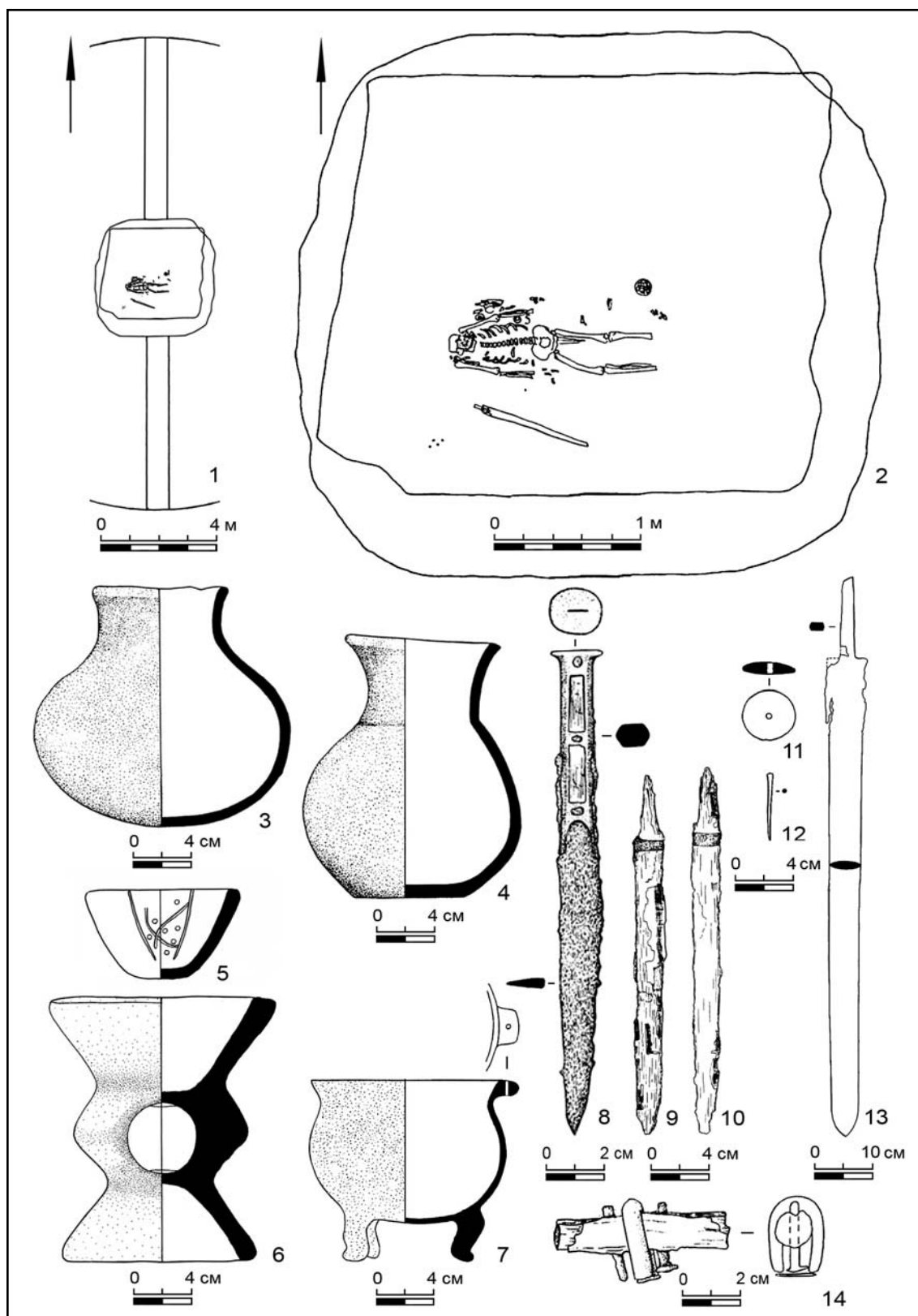

Рис. 2. Погребение кургана №4 могильника Каратобе в Западном Казахстане. 1 — план кургана; 2 — план погребения; 3—6 — керамические сосуды; 7 — медная курильница; 8 — биметаллический нож (бронза, железо); 9, 10 — железные кинжалы; 11 — халцедоновое навершие; 12 — бронзовый штифт; 13 — железный меч; 14 — фрагмент рукояти нагайки.

Fig. 2. Burial in barrow no.4 of Karatobe burial ground in West Kazakhstan. 1 — plan of barrow; 2 — plan of burial; 3—6 — ceramic vessels; 7 — copper incense; 8 — bimetallic knife (bronze, iron); 9, 10 — iron daggers; 11 — chalcidonic pommel; 12 — bronze pin; 13 — iron sword; 14 — rawhide hilt fragment.

Венчик отогнут наружу, к его внешнему краю припаяно горизонтальное ушко со сквозным отверстием. К нижней части дна курильницы припаяны три коленчатые ножки. Внешняя поверхность сосуда неровная, шероховатая, со следами копоти, внутренняя — гладкая. От венчика курильницы к верхней части тулова проходит трещина, сужающаяся книзу, а под ней у дна — небольшая вмятина. По краю трещины имеются сквозные отверстия, свидетельствующие о ремонте. Высота сосуда 12,5 см (рис. 2: 7).

У левой ступни обнаружена двухсоставная лепная курильница — сосуд катушкообразной формы, составленный из двух чаш пирамидальной формы, соединенных между собой четырьмя коленчатыми ручками. Внешняя поверхность темно-серого цвета, тщательно заглажена, со следами лощения (рис. 2: 6). Внутри одной из чаш сосуда лежала миниатюрная чашечка пирамидальной формы. Чашечка, в отличие от сосуда, изготовлена небрежно, из плохо отмученного теста. Поверхность светло-коричневого цвета, на одной из сторон нанесено изображение из нескольких косых линий и точечных вдавлений (рис. 2: 5). Внутри чашечки имеются следы нагара и копоти от горения каких-то растений, обугленные остатки которых были зафиксированы тут же.

Как уже отмечалось выше, каратобинское погребение выделяется среди захоронений позднесарматского времени как погребальным обрядом, так и сопровождающим инвентарем.

В первую очередь, обращает на себя внимание квадратная форма ямы. Заметим, что для позднесарматской культуры Южного Приуралья характерно господство подбойных могил, которые составляют здесь почти половину всех погребений (Мошкова 2009: 92). Следующим по распространённости типом могил являются прямоугольные ямы различных вариантов. Квадратные ямы, как в нашем случае, представлены незначительной серией в Южном Приуралье в позднесарматское время (Мошкова 2009: 92). В настоящее время исследованы всего четыре позднесарматских захоронения, совершенных в квадратных или широких прямоугольных ямах: в курганах 1 и 2 Лебедевского могильника, в кургане 9 могильника Покровка 2 и в кургане 6 Бердянского V могильника. Показательно, что погребения в квадратных могилах известны лишь в Южном Приуралье и относятся к достаточно узкому хронологическому диапазону: первой половине — середине III в. Исследователи указывали на эли-

тарный характер этих погребений (Малашев, Яблонский 2008: 83).

Следующим отличительным признаком рассматриваемого захоронения является ориентировка погребенного. В позднесарматских захоронениях Южного Приуралья господствует меридиональная ориентировка (Железчиков 1994: 93). Западная ориентировка в них не была зафиксирована ни разу. Не фиксируется она и в предшествующее время, за исключением среднесарматских памятников Прикубанья (Сергацков 2002: 94). Такая ориентировка известна в раннесарматских памятниках, но и там она составляет не более 6,5% от общего числа (Железчиков 1997: 82).

Для понимания хронологической позиции захоронения обратимся к анализу сопровождающего инвентаря. Лепные горшок и кувшин из Каратобе являются типичными формами посуды для позднесарматской культуры Южного Приуралья. Близкие аналогии этим сосудам, в частности, происходят из кургана 72 могильника Покровка 10 II—III вв. (Малашев, Яблонский 2008: рис. 173: 5) и позднесарматского кургана №20 могильника Старица в Поволжье (Скрипкин 1984: рис. 9: 11).

Уникальным можно назвать двухсоставный лепной культовый (?) сосуд. Автору не известны даже близкие аналогии этой находке.

Длинный меч из погребения относится, по классификации А. М. Хазанова, к 3 типу, распространение которого приходится на II—IV вв. (Хазанов 1971: 17, 20). Аналогичный клинок обнаружен в погребении 1 кургана 13 могильника Кузин Хутор в Нижнем Поволжье (Хазанов 1971: табл. XII: 1). Похожий меч найден в позднесарматском погребении в кургане 6 могильника Целинный I в Южном Приуралье (Боталов, Гуцалов 2000: рис. 33: 1). Из сооружения 13 того же могильника происходит близкая по морфологии находка, но, в отличие от каратобинского, этот клинок из Целинного имеет плавно сужающиеся к острию лезвия (Боталов, Гуцалов 2000: рис. 30: 6). Известны находки мечей данного типа и на ряде памятников Степного Крыма (Симоненко 2009: 51, рис. 32).

Железные кинжалы принадлежат ко 2 типу вышеуказанной классификации (Хазанов 1971: 17). Клинки данного типа сформировались уже в прохоровское время и продолжали бытовать в позднесарматскую эпоху. Подобные мечи и кинжалы широко представлены как на сарматской территории, так и за её пределами (Хазанов 1971: 19—20).

Конструкция нагайки из Каратобе практически тождественна аналогичной наход-

ке из воинского погребения кургана 37 Лебедёвского могильника первой половины — середины III в. (Мошкова, Демиденко 2010: 256). Наибольшее распространение нагайки получили в II—III вв.н.э. (Мошкова 1989: 198).

Особый интерес вызывает находка уникальной медной курильницы. По целому ряду признаков каратобинский сосуд не имеет ничего общего с позднесарматскими котлами. Можно однозначно говорить о производстве курильницы из Каратобе в восточных от Южного Приуралья регионах. Морфология сосуда (профиль тулова, наличие ножек и их форма) сближает его с котлами из Семиречья и ряда других районов (Спасская 1956: 156). Однако, в отличие от последних, медная курильница из Каратобе имеет меньшие размеры, у неё отсутствуют ручки, хотя есть горизонтальная петля с отверстием для подвешивания. Вполне вероятно, что прототипом этого сосуда послужили ритуальные и статусные триподы 鼎 «дин» периода среднего и позднего Чжаньго из Китая (Комиссаров, Хачатурян 2010: рис. 20) или более ранние образцы периода Западного Чжоу. Здесь следует оговорить особо, что мы не имеем в виду китайское происхождение каратобинской курильницы, а лишь предполагаем возникновение этой формы и дальнейшую ее эволюцию под влиянием китайских традиций в среде кочевников, живших у границ Китая и испытывавших определенное культурное влияние со стороны соседа. В частности, появление бронзовых котелков из Восточного Чжоу в южном Китае связывается с культурным влиянием северного Китая, в котором успешно совмещаются китайские традиции с мотивами, рожденными в среде северных кочевников (Psaltas 1998—1999: 1—88). По нашему мнению, находка медной курильницы в каратобинском погребении свидетельствует о связях между сарматами и кочевниками отдаленных восточных регионов, непосредственно контактирующих с Китаем. Появление ряда предметов в сарматской культуре уже связывалось с влиянием Китая на кочевников (Симоненко 2009: 56). Предполагалось также, что определенные категории восточных вещей могли попасть в Южное Приуралье по северному ответвлению Великого шелкового пути (Скрипкин 2010: 188).

Биметаллический нож также является одним из примечательных элементов рассматриваемого комплекса. Ножи подобного типа, по мнению М.Г. Мошковой, характерны для восточных районов распространения позднесарматской культуры (Мошкова 1989: 199).

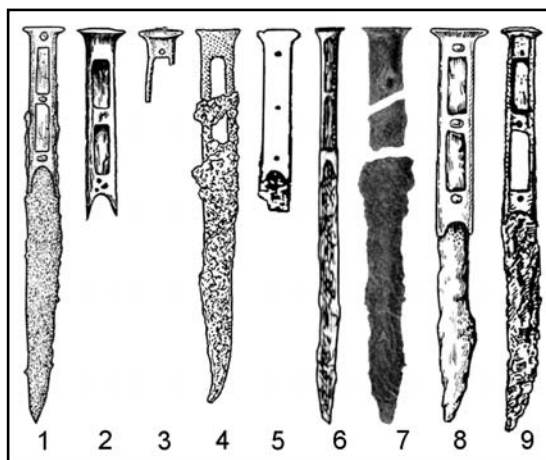

Рис. 3. Биметаллические ножи из Южного Приуралья, Нижнего Поволжья и Средней Азии. 1 — Каратобе; 2 — Агаповский (по Сальников 1950: рис. 34); 3 — Темясовский (по Пшеничнюк, Рязанов 1976: рис. 1: 7); 4 — Целинный I (по Боталов, Гуцалов 2000: рис. 33: 18); 5 — Нижнее Поволжье (по Рау 1927: рис. 25); 6 — Старица (по Шилов 1968); 7 — Бельбек III (по Гущина 1970: рис. 16: 4); 8 — Ворухское ущелье (по Литвинский 1978, рис. 4: 1); 9 — Урюкзор (по Горбунова 1983: рис. 5: 14).

Fig. 3. Bimetallic knives from South Ural Region, Lower Volga Region and Central Asia. 1 — Karatobe; 2 — Agapovsky (after Сальников 1950: рис. 34); 3 — Temyasovsky (after Пшеничнюк, Рязанов 1976: рис. 1: 7); 4 — Tselinny I (after Боталов, Гуцалов 2000: рис. 33: 18); 5 — Lower Volga Region (after Рау 1927: рис. 25); 6 — Staritsa (after Шилов 1968); 7 — Belbek III (after Гущина 1970: рис. 16: 4); 8 — Voruch Gorge (after Литвинский 1978, рис. 4: 1); 9 — Uryukzor (after Горбунова 1983: рис. 5: 14).

Точная аналогия каратобинскому ножу происходит из кургана №1 Агаповского могильника в Южном Приуралье (рис. 3: 2), который датирован II—IV вв. В этом захоронении нож лежал у левого плеча погребённого (Сальников 1950: 117, рис. 34). Фрагмент бронзовой рукояти подобного ножа найден в кургане №5 Темясовского могильника в Южном Приуралье (рис. 3: 3), также относящегося к позднему периоду позднесарматского времени (Пшеничнюк, Рязанов 1976: 141, 148, рис. 1: 7). Этот нож был обнаружен с бронзовыми перстнями, распространение которых приходится на III—IV вв. (Горбунова 1992: 191). Близкий аналог ножу из Каратобе обнаружен в кургане №6 могильника Целинный I в Южном Приуралье (рис. 3: 4) (Боталов, Гуцалов 2000: 101, рис. 33: 18). Также аналогичные находки известны и в сарматских памятниках Нижнего Поволжья (рис. 3: 5) (Рау 1927: 24, рис. 25) и междуречья Волги и Дона (рис. 3: 6) (Шилов 1968: 315—324). Далее на запад, за пределами распространения позднесарматской культуры, известен лишь один нож, обнаруженный в погребении конца II —

первой половины III в. могильника Бельбек III в Юго-Западном Крыму (рис. 3: 7) (Гущина 1970: 40, рис. 16: 4).

Помимо позднесарматских памятников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья, небольшая серия аналогичных ножей встречается только на территории Ферганы в Средней Азии. Это целый нож из могильника Ворухское ущелье (рис. 3: 8), который был обнаружен между левым плечом и рёбрами погребённого (Литвинский 1972: 28), и фрагмент рукояти ножа из могильника Сурх II (Литвинский 1978: 14). Нож с подобной рукоятью также найден в могильнике Урюкзор (рис. 3: 9) (Горбунова 1983: 32, рис. 5: 14). Ферганские ножи образуют компактную в хронологическом отношении группу, четко укладывающуюся в II—IV вв. (Горбунова 1983: 40).

Совокупный анализ материалов позволяет относить время совершения захоронения кургана №4 могильника Каратобе к III в., возможно, даже к первой половине этого столетия.

Наибольший интерес, однако, вызывают социальный статус и этническая принадлежность погребённого. Их специфика фиксируется формой ямы и ориентировкой умершего, а также набором сопровождающего инвентаря.

В своё время Б. Ф. Железчиков связывал погребения в квадратных могилах, совершённых в «савроматское» время, с захоронениями жриц (Железчиков 1994: 130). Однако для подтверждения подобной интерпретации у нас нет антропологических определений.

Бляшки полусферической формы из могил Ферганы, аналогичные обнаруженным в каратобинском захоронении, Н. Г. Горбуновой атрибутируются как нашивные украшения налобных повязок женщин особого социального статуса (Горбунова 1992: 192). Однако в погребении кургана №4 могильника Каратобе эти бляшки были обнаружены у правого предплечья, и их связь с налобными повязками выглядит неубедительной. При этом заметим, что данный тип бляшек имел широкое территориальное и хронологическое распространение (Мошкова 2009: 112).

Также Н. Г. Горбунова считает, что захоронения с ритуальными ножами следует считать погребениями «ферганских женщин, занимавших особое место в обществе» и попавших в Южное Приуралье «в результате личных контактов» (Горбунова 1992: 192). При этом исследовательница сама указывает, что речь идёт о «тех случаях, когда установлен пол погребённых» (Горбунова 1992: 191). Поддерживая мнение Н. Г. Горбуновой о происхождении биметаллических ножей в Юж-

ное Приуралье из Средней Азии (Ферганы), мы считаем, что у нас нет оснований считать каратобинское погребение женским.

Находка медной курильницы, содержимое которой, по всей видимости, было аналогичным найденному в медных сосудах из второго Пазырыкского кургана (Руденко 1952: 243), свидетельствует о совершении определённых ритуалов (окуривания погребального сооружения?). В полной мере это относится и к лепной двухсоставной курильнице, внутри которой также были обнаружены следы горевшей органики.

Таким образом, у нас нет никаких оснований, во-первых, констатировать факт погребения женщины в каратобинском захоронении, а во-вторых, предполагать её жреческий статус.

По нашему мнению, более уместно предполагать, что в кургане №4 могильника Каратобе был погребён знатный воин. Об этом свидетельствуют представительный набор вооружения: железный меч с халцедоновым навершием, пара железных кинжалов, биметаллический боевой нож, а также нагайка — предмет, который одновременно является и видом оружия, и знаком власти у кочевых народов². Косвенным подтверждением высокого социального статуса погребённого в кургане №4 являются полусферические (золотые?) бляшки, которые считаются инвентарём элитарных погребений Южного Приуралья: они происходят из курганов 1 и 2 могильника Лебедёвка (Багриков, Сенигова 1968: 74, 85, рис. 3: 3, 4), из кургана 9 могильника Покровка 1 (Яблонский, Дэвис-Кимболл, Демиденко 1995: 44). Также крайне важен тот факт, что медный котелок из каратобинского захоронения имеет следы ремонта, свидетельствующие не только о его длительном использовании, но и о бережном отношении к предмету, что могло иметь место только в «семье» аристократа.

Этнокультурная принадлежность погребённого в кургане №4 могильника Каратобе определяется нами как сарматская. Квадратная форма ямы, хотя и редко, но всё же встречается в аристократических погребениях позднесарматской культуры Южного Приуралья, как мы уже указывали. Широкая, а точнее, западная ориентировка погребённого, хотя и не имеет аналогов в настоящее время, по нашему мнению, никак не исключает его принадлежность к сарматской культуре. Лепные сосуды (гор-

² Об использовании нагаек в скифское время см., например: Мозолевский, Полин 2005: 335—340, рис. 136—138; табл. 14: 4.

шок и кувшин) ничем не отличаются от форм, известных в это время в Южном Приуралье. В этом регионе известны аналогии железным кинжалам, мечам, нагайкам и золотым полусферическим бляшкам. Безусловными импортами в каратобинском погребении являются медная курильница и биметаллический нож, которые в очередной раз фиксируют культурные и торгово-экономические свя-

зи населения Южного Приуралья и Средней Азии в позднесарматское время (Багриков, Сенигова 1968: 86, Кожомбердиев 1969: 56—57). Помимо собственно наличия контактов между регионами, исследователи указывают на миграционный характер позднесарматской культуры и формирование ее под влиянием выходцев из Средней Азии (Скрипкин 1984: 114).

Литература

- Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане. *Известия АН КазССР* (2), 71—88.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей*. Челябинск: Рифей.
- Горбунова И.Г. 1983. Кугайско-карабулакская культура Ферганы. СА (3), 23—46.
- Горбунова Н.Г. 1992. К вопросу о связях древних ферганцев с сарматами Южного Приуралья. В: Мас-сон В.М. (отв. ред.). *Северная Евразия от древности до средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК, 191—192.
- Гущина И.И. 1970. Раскопки могильника Бельбек III в Крыму. КСИИМК 124, 39—47.
- Железчиков Б.Ф. 1994. Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии I. Савроматская эпоха (VI—IV вв. до н. э.)*. Москва: Восточная литература, 127—153.
- Железчиков Б.Ф. 1997. Анализ сарматских погребальных памятников IV—III вв. до н. э. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии II. Раннесарматская культура*. Москва: Восточная литература, 46—130.
- Кожомбердиев И. 1969. К вопросу историко-культурных связей Тянь-Шаня с Поволжьем-Приуральем (I—V вв.). В: Смирнов А.П. (отв. ред.). *Научная сессия по этногенезу башкир*. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 56—57.
- Комиссаров С.А., Хачатурян О.А. 2010. *Мавзолей императора Цинь Шихуанди*. Учебное пособие для студентов отделения востоковедения. Тр. ГФ НГУ. Серия V. Новосибирск.
- Литвинский Б.А. 1972. *Курганы и курумы Западной Ферганы*. Москва: Восточная литература.
- Литвинский Б.А. 1978. *Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы*. Москва: Восточная литература.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10*. Москва: Восточная литература.
- Мозолевский Б.Н., Полин С.В. 2005. *Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы)*. Киев: Стило.
- Мошкова М.Г. 2009. Анализ сарматских погребальных памятников II—IV вв. н. э. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии IV. Позднесарматская культура*. Москва: Восточная литература, 21—149.
- Мошкова М.Г. 1989. Позднесарматская культура. В: Ларгин Н.Г. (ред.). *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. Археология СССР. Москва: Наука, 191—202.
- Мошкова М.Г. 2009. Женское погребение в кургане 2 Лебедевского могильного комплекса (Раскопки Г.И. Багрикова). В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 99—113.
- Мошкова М.Г., Демиденко С.В. 2010. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильника. В: Мошкова М.Г. (отв. ред.). *Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий*. Москва: Таус, 254—261.
- Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. 1976. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии. В: Кузеев Р.Г., Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. (отв. ред.). *Древности Южного Урала*. Уфа: Академия наук СССР, 132—149.
- Рау П. 1927. *Курганные погребения римского времени в Нижнем Поволжье*. Покровск.
- Руденко С.И. 1952. *Горноалтайские находки и скифы*. Москва; Ленинград: Академия наук СССР.
- Сальников К.В. 1950. Сарматские погребения в районе Магнитогорска. КСИИМК XXXIV, 115—121.
- Сергацков И.В. 2002. Анализ сарматских погребальных памятников I—II вв. н. э. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии III. Среднесарматская культура*. Москва: Восточная литература, 22—130.
- Симоненко А.В. 2009. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ.
- Скрипкин А.С. 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры*. Саратов: Саратовский университет.
- Скрипкин А.С. 2010. Между Китаем и Римом. В: Коробкова Е.А., Белицкий А.В. (сост.). *Сарматы и Восток*. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 182—189.
- Спасская Е.Ю. 1956. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии. *Ученые записки АГПИ* XI, 155—169.
- Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.
- Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица. В: Гайдукевич В.Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 310—324.
- Яблонский Л.Т., Дэвис-Кимболл Дж., Демиденко Ю.В. 1995. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1994 году. *Курганы левобережного Илека* 3, 9—47.
- Psarras S. 1998—1999. Shared imagery: Eastern Zhou decors and iconographies. *Early China* 23/24, 1—88.

References

- Bagrikov, G. I., Senigova, T. N. 1968. In *Izvestiia Akademii nauk Kazakhskoi SSR (Reports of the Academy of Sciences of Kazakh SSR)* (2), 71—88 (in Russian).
- Botalov, S. G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Hunns and Sarmathians of the Ural – Kazakhstan steppes)*. Chelyabinsk: Rifei (in Russian).
- Gorbunova, I. G. 1983. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 23—46 (in Russian).
- Gorbunova, N. G. 1992. In *Severnaia Evraziia ot drevnosti do srednevekov'ia (Northern Eurasia from Antiquity to Middle Ages)*. Saint Petersburg: IIMK, 191—192 (in Russian).
- Gushchina, I. I. 1970. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 124, 39—47 (in Russian).
- Zhelezchikov, B. F. 1994. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* I. Savromatskaia epokha (VI—IV vv. do n. e.) (*Sauromatian epoch (VI—IV centuries BC)*). Moscow: Vostochnaia literatura, 127—153 (in Russian).
- Zhelezchikov, B. F. 1997. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* II. Rannesarmatskaia kul'tura (*Early Sarmatian culture*). Moscow: Vostochnaia literatura, 46—130 (in Russian).
- Kozhombierdiev, I. 1969. In *Nauchnaia sessiia po etnogenezu bashkir (Scientific session on the Bashkir ethnogenesis)*. Ufa: Bashkirskii filial AN SSSR, 56—57 (in Russian).
- Komissarov, S. A., Khachatryan, O. A. 2010. *Mavzolei imperatora Ts'in' Shikhuandi (The mausoleum of Emperor Ts'in' Shikhuandi)*. Trudy gumanitarnogo fakul'teta Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Works of the Humanities faculty of the Novosibirsk State university). Series V. Novosibirsk (in Russian).
- Litvinsky, B. A. 1972. *Kurgany i kurums Zapadnoi Fergany (Kurgans and kurums of Western Fergana)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Litvinsky, B. A. 1978. *Orudiia truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Tools and implements from the necropolises of Western Fergana)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Malashev, V. Yu., Yablonsky, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie Iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia. Po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (Steppe population of Southern Ural region in the late Sarmatian time. Basing on the materials of the Pokrovka 10 necropolis)*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
- Mozolevskiy, B. N., Polin, S. V. 2005. *Kurgany skifskogo Gerrosa IV v. do n. e. (Babina, Vodiana i Soboleva mogily) (Barrows of the Scythian Gerros from the 4th century BC (Babina, Vodiana and Soboleva mogila))*. Kiev: Stilos (in Russian).
- Moshkova, M. G. 2009. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* IV. Pozdnesarmatskaia kul'tura (*Late Sarmatian culture*). Moscow: Vostochnaia literatura, 21—149 (in Russian).
- Moshkova, M. G. 1989. In *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifosarmatskoe vremia (Steppes of the European part of USSR in Scythian-Sarmatian time)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR). Moscow: Nauka, 191—202 (in Russian).
- Moshkova, M. G. 2009. In *Gunny, goty i sarmaty mezhd Volgoi i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, 99—113 (in Russian).
- Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In *Arkheologiya i paleoantropologiya evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and paleoanthropology of Eurasian steppes and adjacent territories)*. Moscow: Taus, 254—261 (in Russian).
- Pshenichnyuk, A. Kh., Ryazapov, M. Sh. 1976. In *Drevnosti Iuzhnogo Urala (Antiquities of Southern Ural)*. Ufa: Akademiia nauk SSSR, 132—149 (in Russian).
- Rau, P. 1927. *Kurgany pogrebeniia rimskogo vremeni v Nizhnem Povolzh'e (Roman time barrow graves in Lower Volga region)*. Pokrovsk (in Russian).
- Rudenko, S. I. 1952. *Gornoaltaiskie nakhodki i skify (Finds from Altay mountains and the Scythians)*. Moscow; Leningrad: Akademiia nauk SSSR (in Russian).
- Salnikov, K. V. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* XXXIV, 115—121 (in Russian).
- Sergatskov, I. V. 2002. In *Statisticheskaya obrabotka pogrebal'nykh pamiatnikov Aziatskoi Sarmatii (Statistical processing of funerary sites of Asian Sarmatia)* III. Srednesarmatskaia kul'tura (*Middle Sarmatian culture*). Moscow: Vostochnaia literatura, 22—130 (in Russian).
- Simonenko, A. V. 2009. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian riders of the Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU (in Russian).
- Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (Lower Volga region in first centuries AD)*. Saratov: Saratovskii universitet (in Russian).
- Skripkin, A. S. 2010. In *Sarmaty i Vostok (Sarmatians and East)*. Volgograd: Volgogradskii gosudarstvennyi universitet, 182—189 (in Russian).
- Spasskaya, E. Yu. 1956. In *Uchenye zapiski Alma-Atinskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni Abai (Scientific writings of the „Abai“ Alma-Ata State pedagogical Institute)* XI, 155—169 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian warfare)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Shilov, V. P. 1968. In *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia (Ancient history and culture of the Mediterranean and Northern Pontic regions)*. Leningrad: Nauka, 310—324 (in Russian).
- Yablonsky, L. T., Davis-Kimball, J., Demidenko, Yu. V. 1995. In *Kurgany levoberezhnogo Iлека (Barrows of the left-Bank Ilek)* 3, 9—47 (in Russian).
- Psarras, S. 1998—1999. Shared imagery: Eastern Zhou decors and iconographies. *Early China* 23/24, 1—88.

Статья поступила в номер 31 декабря 2013 г.

Meiram Seitkaliyev (Almaty, Kazakhstan). Archaeological Expertise LLC¹.

Meiram Seitkaliyev (Almaty, Kazakhstan). SRL „Expertiza arheologică”.

Сейткалиев Мейрам Казиевич (Алматы, Казахстан). ТОО «Археологическая экспертиза».

E-mail: m.sarmat@mail.ru

Address: ¹ Baisheshkek St., 52, Almaty, 050050, Kazakhstan

А. А. Егорейченко

Браславское Поозерье в первых веках н. э.

Keywords: Braslav Lake District, Late Hatched Pottery Culture, hill forts, tableware, axes, knives, details of clothes, jewelry, clay spindle whorls, clay sinkers, chronology.

Cuvinte cheie: regiunea lacustră Brăslav, cultura ceramicii striate târzii, cetățui, vase, piese metalice, piese din lut, cronologie.

Ключевые слова: Браславское Поозерье, культура поздней штрихованной керамики, холмовые городища, посуда, топоры, ножи, детали одежды, украшения, пряслица, грузила, хронология.

A. A. Yegoreichenko

Braslav Lake District in the First Centuries AD

Braslav Lake District is located in the north-west of Belarus. The Late Hatched Pottery Culture was spread on this territory during the first centuries AD. Hill forts were a significant feature of this culture. Pottery is represented by carinated pots without any ornamentation. Artifacts made of metal are not numerous. Sickles, fragments of axes, awls, knives, fish hooks, razor, pins, buckles are among them. Reel shaped pommel pins, belt top, plaques, spirals, trapezoidal suspensions are examples of bronze finds. Clay products are represented by spinners without any ornament, and fishing sinkers.

Late Hatched Pottery Culture sites in Braslav Poozerye form a common area with hill forts of North-Eastern Lithuania and South-Eastern Latvia. It is possible to distinguish them as a particular form of the Late Hatched Pottery Culture.

A. A. Yegoreichenko

Regiunea lacustră Brăslav în primele secole d. Hr.

Regiunea lacustră Brăslav este localizată în nord-vestul Belarusului. În primele secole d. Hr., în acest teritoriu era răspândită cultura ceramicii striate târzii, pentru care erau tipice așezările fortificate. Ceramica este reprezentată prin recipiente cu corpul tronconic, fără ornamentație. Descoperirile din fier nu sunt foarte numeroase, fiind cunoscute seceri, fragmente de topoare, sule, cuțite, cârlige pentru pescuit, brice, ace, cataramе. Printre piesele din bronz putem aminti vârfuri de la ace în formă de mosor, vârful unei centuri, aplică, pandantive cilindrice, pandantive trapezoidale. Din lut erau executate fusaiole fără decor și greutate pentru plasa de pescuit.

Siturile culturii ceramicii striate târzii din regiunea lacustră Brăslav reprezintă un spațiu cultural comun cu cetățuile din Lituania de nord-est și Letonia de sud-est. În același timp, în baza mai multor parametri, acestea pot constitui o variantă particulară a culturii ceramicii striate târzii.

A. A. Егорейченко

Браславское Поозерье в первых веках н. э.

Браславское Поозерье занимает северо-западную часть Беларуси. В первых веках н. э. на этой территории была распространена культура поздней штрихованной керамики. Для нее были характерны холмовые городища. Посуда представлена ребристыми горшками без орнамента. Находки из железа немногочисленны. Они характеризуются серпами, обломками топоров, шильями, ножами, рыболовными крючками, бритвой, посоховидными булавами, пряжками. Среди изделий из бронзы — катушкообразные навершия булавок, наконечник пояса, бляшка, пронизки, трапециевидные подвески. Изделия из глины представлены пряслицами, лишенными орнамента, рыболовными грузилами.

Памятники культуры поздней штрихованной керамики Браславского Поозерья составляют единую область с городищами северо-восточной Литвы и юго-восточной Латвии. По ряду признаков их можно выделить в самостоятельный вариант культуры поздней штрихованной керамики.

Браславское Поозерье занимает северо-западную часть Беларуси. Оно характеризуется густой сетью озер (свыше 200) и преимущественно небольших рек. Начиная с последней четверти II тыс. до н. э. в этом регионе получили распространение укрепленные поселения в основном холмового типа, реже — расположенные на озовых грядах. Их максимальная концентрация наблюдается в северной и северо-восточной части исследуемой тер-

ритории, где преобладает холмистый рельеф местности (рис. 1).

На протяжении конца II — начала I тыс. до н. э. большинство городищ было основано носителями днепро-двинской археологической культуры (ДДК), однако вскоре они переходят под контроль племен культуры ранней штрихованной керамики (КРШК). Примерно с рубежа н. э. эта территория становится ареалом обитания носителей культуры поздней

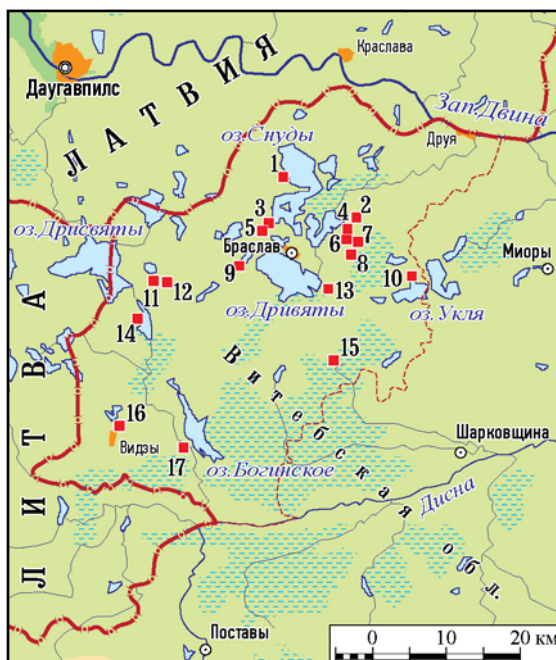

Рис. 1. Локализация городищ в Браславском Поозерье. 1 — Лукши; 2 — Слободна; 3 — Пустошка; 4 — Масковичи; 5 — Зазоны; 6 — Шавуры; 7 — Ратюнки; 8 — Татаровщина; 9 — Майшули; 10 — Тарилово (Укля); 11 — Едагали; 12 — Жвирбли; 13 — Ахремовцы (Гурка); 14 — Нурвяны; 15 — Замошье; 16 — Подваринка; 17 — Богино.

Fig. 1. Localization of settlements in Braslav Lake District. 1 — Lukshi; 2 — Slobodka; 3 — Pustoshka; 4 — Maskovich; 5 — Zazony; 6 — Shavury; 7 — Ratjunki; 8 — Tatarovshchina; 9 — Maishuli; 10 — Tarilovo (Uklia); 11 — Edagali; 12 — Zhvirbli; 13 — Akhremovtsy (Gurka); 14 — Nurvjany; 15 — Zamoshye; 16 — Podvarinka; 17 — Bogino.

штрихованной керамики (КПШК). Они продолжают жить на основанных ранее городищах, однако стратиграфические слои с материалами КПШК на исследуемых памятниках не вычлениваются. Вследствие интенсивности и продолжительности жизни на укрепленных поселениях находки первых веков н.э. встречались во всей толще культурного слоя. Каких-либо закрытых комплексов этого времени не обнаружено. Единственное, что удалось установить с помощью статистического анализа, это преобладание посуды КПШК в отдельных исследуемых пластах.

Для КПШК были характерны исключительно горшки ребристых форм с горизонтально срезанным краем венчика. В свое время автором было выделено три типа этих сосудов: 1) с прямым склоненным внутрь венчиком; 2) с вертикально поставленным венчиком; 3) с отклоненным наружу венчиком (Егорейченко 2006: 75). Для городищ Браславского Поозерья доминирующим является второй тип. По оформлению окон-

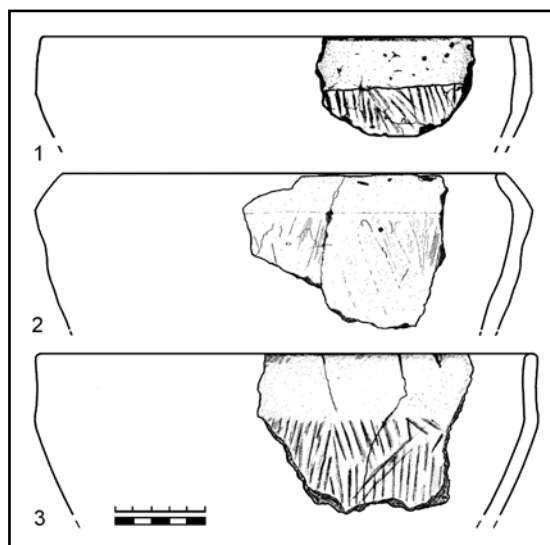

Рис. 2. Ребристые горшки КПШК. 1 — Подваринка; 2, 3 — Ратюнки.

Fig. 2. Carinated vessels of the Late Hatched Pottery Culture. 1 — Podvarinka; 2, 3 — Ratjunki.

чания венчика были выделены 4 варианта: 1) вариант А — венчики равномерной толщины; 2) вариант Б — утолщающийся к срезу венчик; 3) вариант В — плоский венчик с Г-образным выступом; 4) вариант Д — канелированный венчик (Егорейченко 2006: 75, рис. 21). Для Браславского Поозерья характерны преимущественно сосуды варианта А (рис. 2; 3: 3—9). Изредка встречаются горшки варианта Б (рис. 3: 1, 2). Прочие варианты отсутствуют.

В изучаемом регионе встречаются сосуды как с отчетливо выраженным, так и сглаженным ребром. Штриховка на них обычно правильная, вертикальная или диагональная, нанесенная ниже ребра до дна. В отличие от более южных регионов КПШК, где посуда имеет довольно высокий процент различных видов и способов нанесения орнамента, на территории, где прежде была распространена КРШК, в том числе и в Браславском Поозерье, горшки, как правило, не имеют декоративных элементов, за исключением штриховки. Только изредка встречаются пальцевые защипы и ямочные вдавления, нанесенные на ребре. Впервые эта тенденция была отмечена Е. Данилайте (Григалавичене) для северо-восточной Литвы и уточнена автором (Danilaitė 1968: 56, 57; Егорейченко 2006: 79).

В отличие от основного ареала КПШК, который приходился на Восточную Литву и Центральную Беларусь, с обилием металлических вещей, в Северо-Западной Беларуси подобные находки немногочислен-

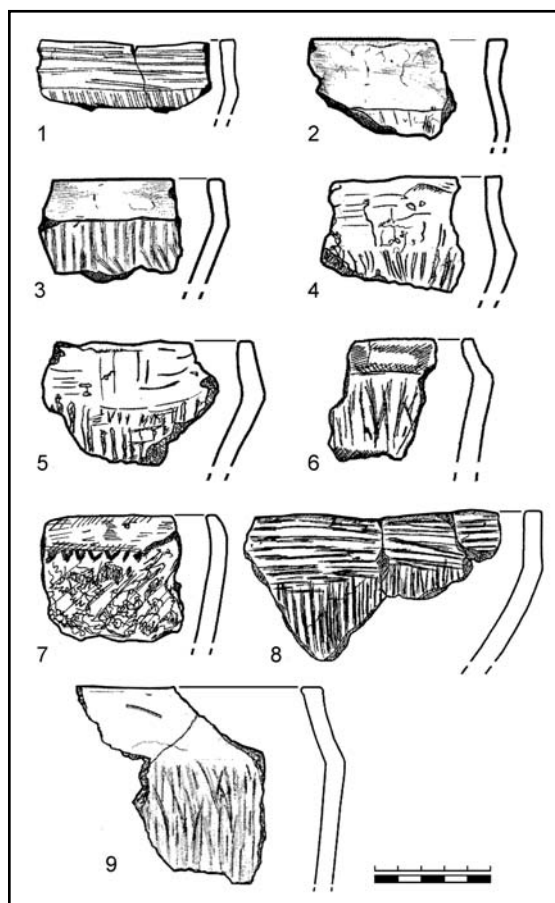

Рис. 3. Ребристые горшки КПШК. 1, 8, 9 — Ратюнки; 2, 3 — Подваринка; 4, 5 — Тарилово; 6, 7 — Зазоны.

Fig. 3. Carinated vessels of the Late Hatched Pottery Culture. 1, 8, 9 — Ratjunki; 2, 3 — Podvarinka; 4, 5 — Tarilovo; 6, 7 — Zazony.

ны, но характеризуют практически все стороны жизнедеятельности людей. Среди находок из железа встречаются главным образом орудия труда, представленные изделиями различного назначения. Целых топоров в изучаемом регионе не обнаружено. Однако на городище Ратюнки выявлена серия обломков лезвий (рис. 4: 1—5). Судя по форме, они могли принадлежать топорам так называемого южноприбалтийского типа. Как считает М. Михельбертас, такие изделия появляются в Литве не ранее 150 г. н. э., но повсеместное распространение получают позднее, с 300 г. н. э. (Michelbertas 1986: 162).

Незначительную группу составляют серпы и жатвенные ножи. Все они относятся к типу черешковых. По форме их можно подразделить на два типа. 1). Экземпляры со слегка отогнутым лезвием, переходящим в черенок под углом 120—165° (рис. 4: 6—9). Три находки обнаружены в Ратюнках, одна —

в Нурвянах. Размеры целого ножа из Ратюнок (рис. 4: 8) составляли: высота от кончика лезвия до окончания черешка — 13 см, ширина лезвия — 1,5 см. Подобные экземпляры широко представлены на укрепленных поселениях Центральной Беларуси (Митрофанов 1978: рис. 20: 6—8; 21: 1—11, 13—17; 22: 4; Егорейченко 2006: табл. 46: 2—7, 9). Ножи с практически прямым лезвием, конец которого загнут под тупым углом (130°) вовнутрь. Единственный экземпляр подобного типа обнаружен на разрушенном городище Нурвяны (рис. 4: 9). У него черешок также отделен от лезвия с внутренней стороны уступом. По классификации Р. С. Минасяна, он относится к варианту В первой группы (Минасян 1978: 78, рис. 2: 17—20). Изделия такого типа характерны для ДДК и датированы Р. С. Минасяном последними веками до н. э. — первыми веками н. э., хотя правильнее их относить к первым векам н. э. Следует отметить, что жатвенные орудия труда в Северо-Западной Беларуси составляют незначительную группу находок, в то время как в Центральной Беларуси они составляют одну из основных находок этой категории. Для сравнения в Ивани найдено 42 экземпляра, в Лабенщине — 18 (Егорейченко 2006: 81).

Среди орудий труда представительную группу составляют ножи. Все они имеют прямую спинку. С внутренней стороны, при переходе в черенок, как правило, имеется уступ (рис. 5: 1—3, 5—9). Большая их часть обнаружена в Ратюнках. Длина целых экземпляров колеблется от 11 до 14 см, ширина лезвия составляла от 1 до 1,5 см.

Редкой находкой является железное долото, обнаруженное в Зазонах (рис. 5: 4). Его высота составляла 5,2 см, ширина рабочей части — 13 см. Аналогии ему не известны.

Наиболее многочисленную группу железных орудий труда составляли шилья, обнаруженные практически на каждом поселении (рис. 6: 5—14). Они представляли собой стержни, имеющие круглую в сечении рабочую часть, заостренную к концу, и четырехгранный черешок, на который насаживалась костяная или деревянная рукоять. Длина целых экземпляров достигала 7,8—11,1 см.

Индивидуальные средства рыбной ловли представлены железными рыболовными крючками, обнаруженными на городище Ратюнки (рис. 6: 1—4). Все они относятся к группе с кольцевидным цевьем. Близкие по форме орудия рыбной ловли представлены как в основном ареале КПШК, так и в других культурах лесной полосы

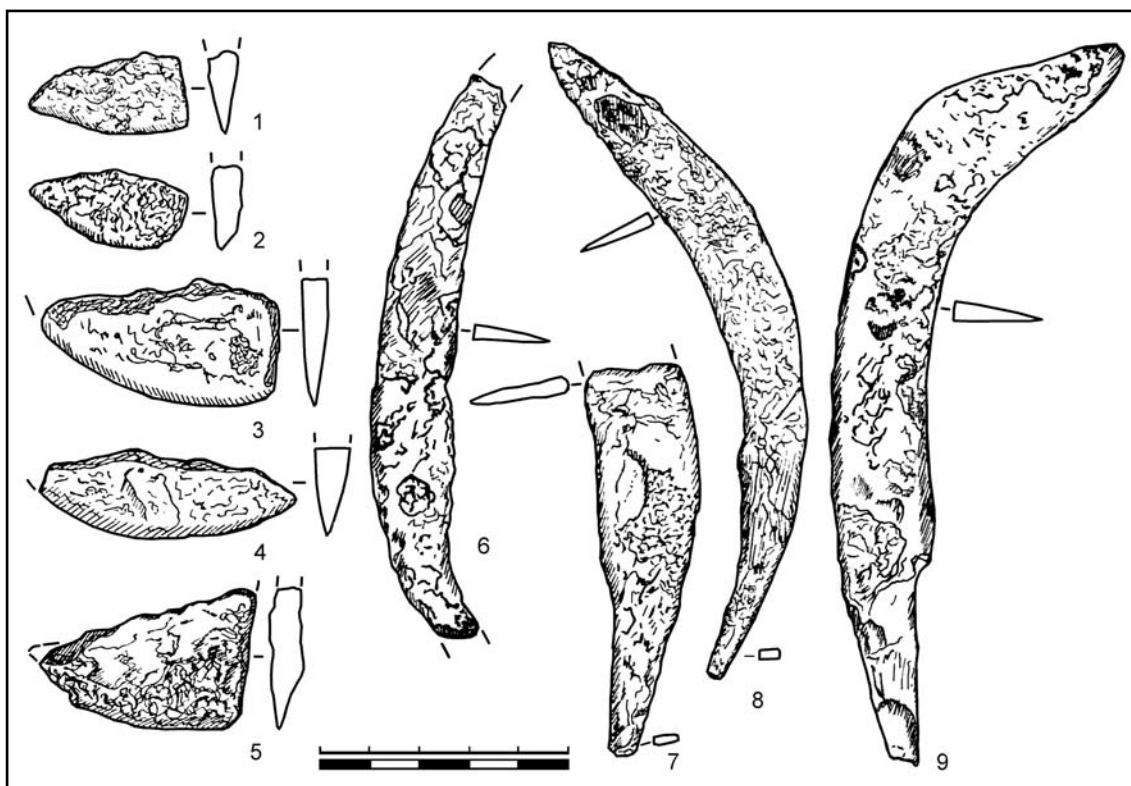

Рис. 4. Орудия труда. 1—5 — фрагменты лезвий топоров; 6—9 — серпы и жатвенные ножи. 1—5, 7, 8 — Ратюнки; 6, 9 — Нурвяны.

Fig. 4. Iron tools. 1—5 — edges of axe-heads (fragments); 6—9 — sickles and harvest knives. 1—5, 7, 8 — Ratjunki; 6, 9 — Nurvjany.

Восточной Европы (Егорейченко 2006: 81, табл. 53: 2, 7, 10, 13).

Достаточно представительную группу составляют бытовые вещи и украшения. Единственным экземпляром в этом ареале является железная бритва необычной формы, обнаруженная в Ратюнках. У нее практически прямая спинка, переходящая в черенок. Лезвие — выпуклое, сегментовидное (рис. 7: 12). Типологически ей близка находка из городища Барсуки ДДК (Шадыро 1885: рис. 40: 8). Хронология этих бритв из-за отсутствия точных параллелей не ясна, однако не исключено, что их прототипами были центральноевропейские бритвы позднего предримского времени (Dąbrowska 1977: Taf. CLXXX: 4).

Достаточно разнообразны детали одежды. Это — булавки и детали поясного набора. Булавки представлены двумя видами: 1) железные посоховидные булавки (рис. 7: 13—15); 2) биметаллические булавки с катушкообразным навершием (рис. 7: 6, 8, 10). Первый вид был широко распространен у различных племен и народов, начиная с эпохи бронзы. В период железного века посоховидные булавки становятся непременным атри-

бутом костюма обитателей лесной и лесостепной полосы Восточной Европы. Нет нужды детально рассматривать их характеристику, поскольку им целиком или частично посвящен ряд работ, в которых затронуты вопросы типологии, происхождения, этнической принадлежности и функционального назначения (Седов 1967: 129—145; Поболь 1990: 69, 70; Медведев 1995: 172—201). Второй вид булавок с катушкообразным навершием на территории Северо-Западной Беларуси представлен всего тремя экземплярами (Нурвяны, Подваринка, Ратюнки). Впрочем, до наших исследований они на территории Беларуси вообще не были известны. Все они имеют бронзовую головку и железную иглу. У двух булавок в верхней части имеются бронзовые кольца, у третьей — цепочка. Булавки с катушкообразным навершием в большей степени характерны для территории Восточной Литвы. М. Михельбергас выделял 4 варианта и датировал их II—III вв. н. э. (Lietuvos... 1978: 69—71, 41 pav.).

Несколькими экземплярами представлен и поясной набор. В ареале Браславского Поозерья известны две пряжки. Одна из них, круглой формы, открыта на городище

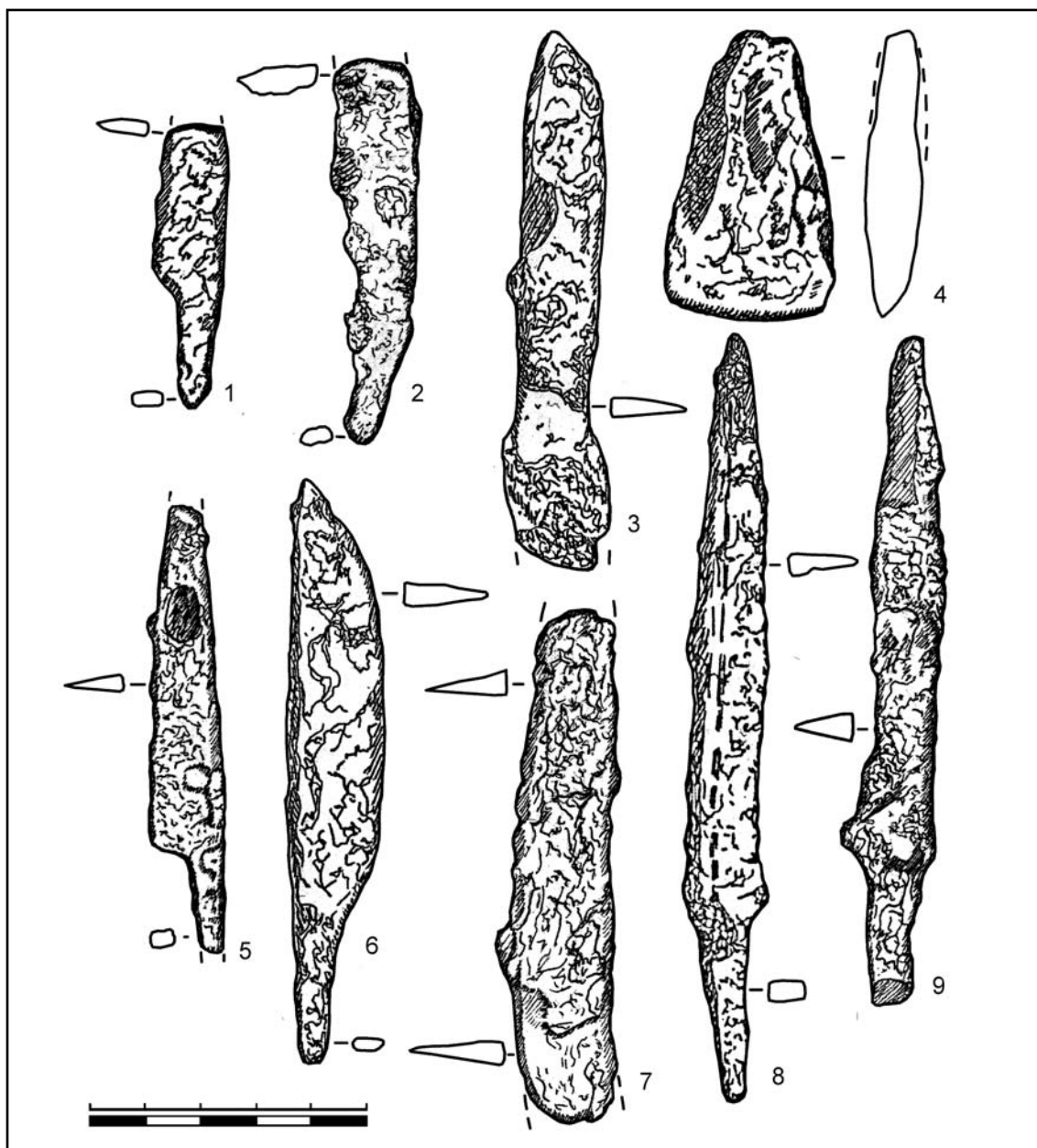

Рис. 5. Железные ножи (1—3, 5—9) и долото (4). 1 — Зазоны; 4—9 — Ратюнки.

Fig. 5. Iron knives (1—3, 5—9) and adze (4). 1 — Zazony; 4—9 — Ratjunki.

Тарилово (рис. 7: 11). Такие изделия были распространены в центральноевропейских культурах в фазе B2 (Madyda-Legutko 1983: tabl. 1: 3). Вторая находка обнаружена на городище Ратюнки. Она относится к числу овальных с утолщенной передней частью (рис. 7: 7). Подобные экземпляры известны на территории Польши в фазе D (Prahistoria... 1981: tabl. XVIII: 13, 16; Jaskanis 1996: Taf. LIX, LXI, LXIV; Nowakowski 1996: Taf. 15: 2, 7, 11, Taf. 16: 5). Впрочем, нельзя исключать того, что эта находка диагностирует более позднее время, чем период КПШК. Подобная пряжка была обнаружена на селище Зазоны, на кото-

ром не было отложений этой культуры. Самый ранний период этого поселения относится к балтским древностям конца IV—VII вв.

Среди деталей поясного гарнитура имеется уникальный бронзовый наконечник пояса, происходящий с городища Зазоны. Близкие находки достаточно широко представлены в культурах провинциально-романского круга польской территории в фазах B2—C1a (Madyda 1977: 383; Pietrzak 1997: Taf. LXXI: 5, Taf. LXXVII: 2; Nowakowski 1998: Taf. 33: 714; Godłowski 1992: Abb. 7: 18; Domański 1992: Abb. 5: j, k; Abb. 6: h; Domański 2002: tab. III: 5; Skorupka 2001: tab. 65). Однако зазонский на-

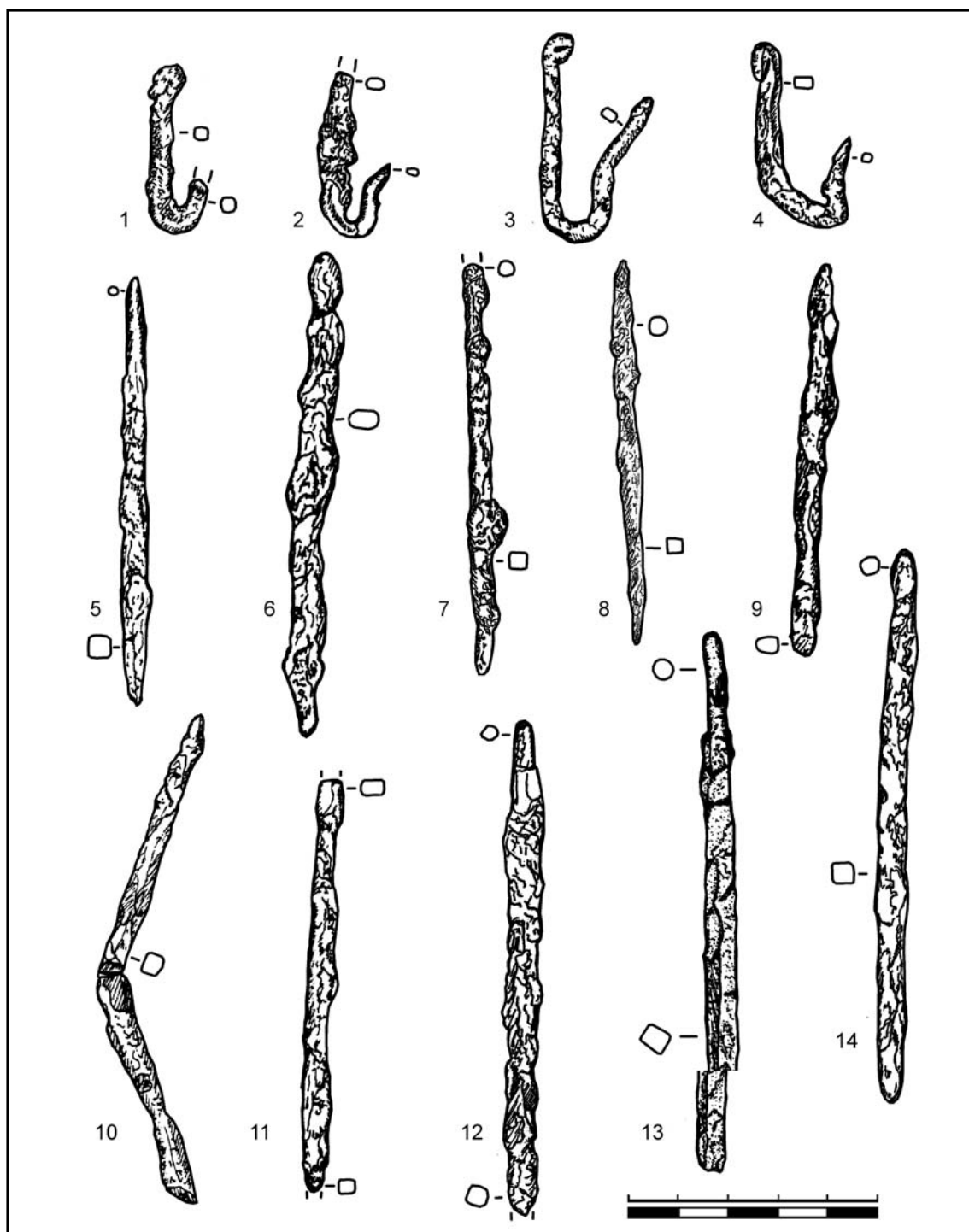

Рис. 6. Рыболовные крючки (1—4) и шилья (5—14). 1—7, 9—12, 14 — Ратюнки; 8 — Тарилово; 13 — Подваринка.

Fig. 6. Fishhooks (1—4) and awls (5—14). 1—7, 9—12, 14 — Ratjunki; 8 — Tarilovo; 13 — Podvarinka.

конечник отличается тем, что имеет в дисковидной части углубление в виде креста, концы которого завершаются окружностями. В этом крестовидном углублении прослеживались остатки красной эмали (рис. 7: 9). Точных аналогий этой находке нет. Тем не менее, извест-

но, что изделия с крестовидными углублениями, заполненные эмалью (подковообразные фибулы) были характерны для балтийской культуры в фазе С1 поздне римского периода.

Еще одна находка, по-видимому, связанная с поясным набором, — это бронзовая ум-

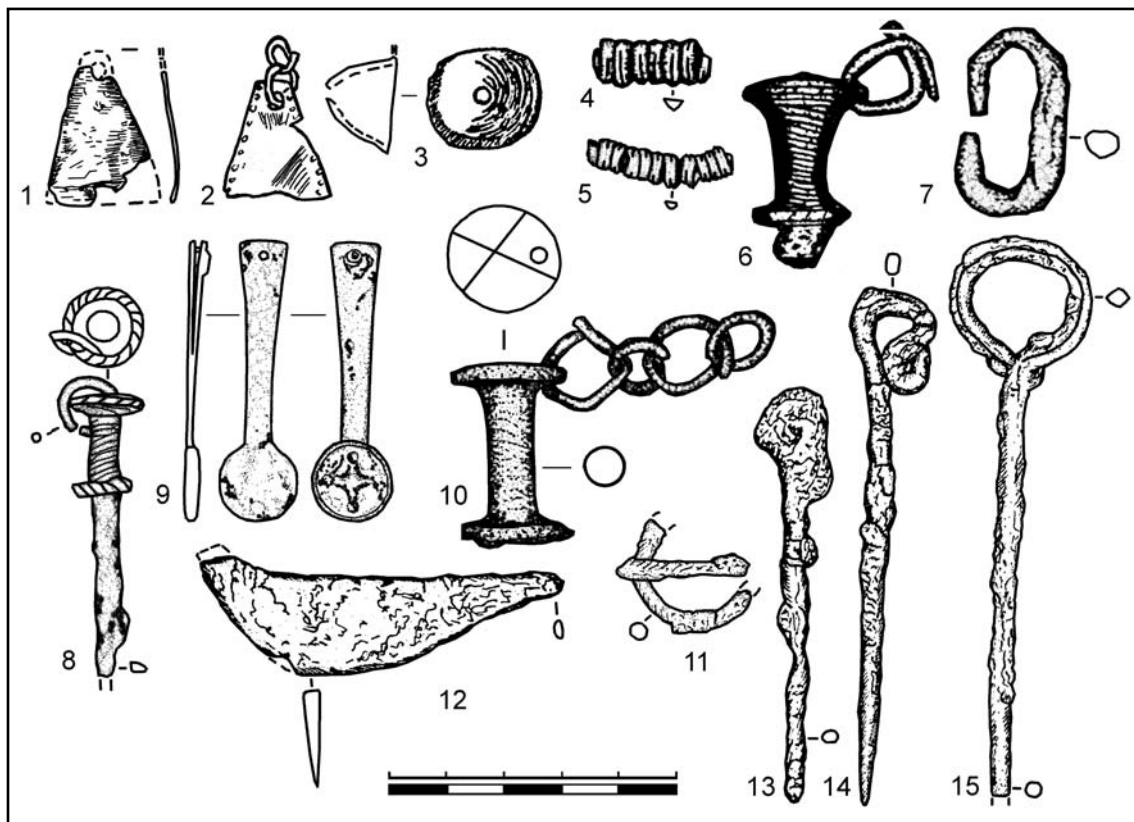

Рис. 7. Предметы быта, детали одежды и украшения. 1, 2 — подвески; 3 — бляшка; 4, 5 — пронизки; 6, 8, 10 — булавки с катушкообразным навершием; 7, 11 — пряжки; 9 — наконечник пояса; 12 — бритва; 13—15 — посоховидные булавки. 1, 3—5, 7, 10, 12—15 — Ратюнки; 2, 11 — Тарилово; 6 — Подваринка; 8 — Нурвяны; 9 — Зазоны.

Fig. 7. Domestic items, clothes elements and jewelry. 1, 2 — pendants; 3 — badge; 4, 5 — beads; 6, 8, 10 — pins with reel-heads; 7, 11 — buckles; 9 — belt type; 12 — razor; 13—15 — pins with staff-heads. 1, 3—5, 7, 10, 12—15 — Ratjunki; 2, 11 — Tarilovo; 6 — Podvarinka; 8 — Nurvjany; 9 — Zazony.

боновидная бляшка, которая была найдена на городище Зазоны. В ее центральной части имелось отверстие (рис. 7: 3). Ее датировка не определена.

Украшения, как, впрочем, и другие металлические изделия, немногочисленны. В состав ожерелий нередко включались бронзовые пронизки. Два экземпляра подобных изделий были открыты на городище Ратюнки. Они сделаны из спирально скрученных пластинок треугольного или полуовального сечения (рис. 7: 4, 5). Аналогичные пронизки были популярны во всей лесной полосе Восточной Европы в латенское и римское время (Мельниковская 1967: рис. 31: 20, 21; Поболь 1973: рис. 46: 10, 17, 18, 24; 51: 8, 9; 52: 15—17 и др.; Шадыро 1985: рис. 42: 19—21; Шмидт 1992: табл. 15: 14—16; Dąbrowska 1997: Taf. XXVI: gr. 54; Taf. LXVIII: gr. 129; Taf. LXXVII: gr. 145; Taf. CI: gr. 182, etc.).

Собственно украшения представлены двумя бронзовыми трапецевидными подвеска-

ми. Обе сделаны из тонких листовых пластинок. Одна из них обнаружена на городище Ратюнки. Ее высота 3 см. Подвеска не орнаментирована (рис. 7: 1). Вторая, высотой 2,2 см, происходит из городища Тарилово. На ней нанесен орнамент в виде точечных вдавлений по краям, в отверстие вставлено двойное колечко (рис. 7: 2). Украшения трапецевидной формы появляются в эпоху поздней бронзы (PZP 1979: tabl. XXXVII: 9). Пик их популярности приходится на конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. (Никольская 1959: рис. 20: 6, 7; Мельниковская 1967: рис. 36: 17—24; Лошенко 2011: рис. 66: 7—13; Смирнов 1974: табл. V: 27—29; VI: 9, 12, 17; Дубынин 1974: табл. XI: 8, 24; XIII: 11; Кренке 2011: рис. 146: 1432—87, 1404—87, 342—81, 377—81, 59—83, 75—83 и др.; Шадыро 1985: рис. 42: 9, Шмидт 1992: табл. 14: 17; Гавритухин 1997: 43—58; и др.). Самые поздние подвески такого типа, по-видимому, доживают до середины XIII в. (Седова 1981: 35, 36, рис. 10:

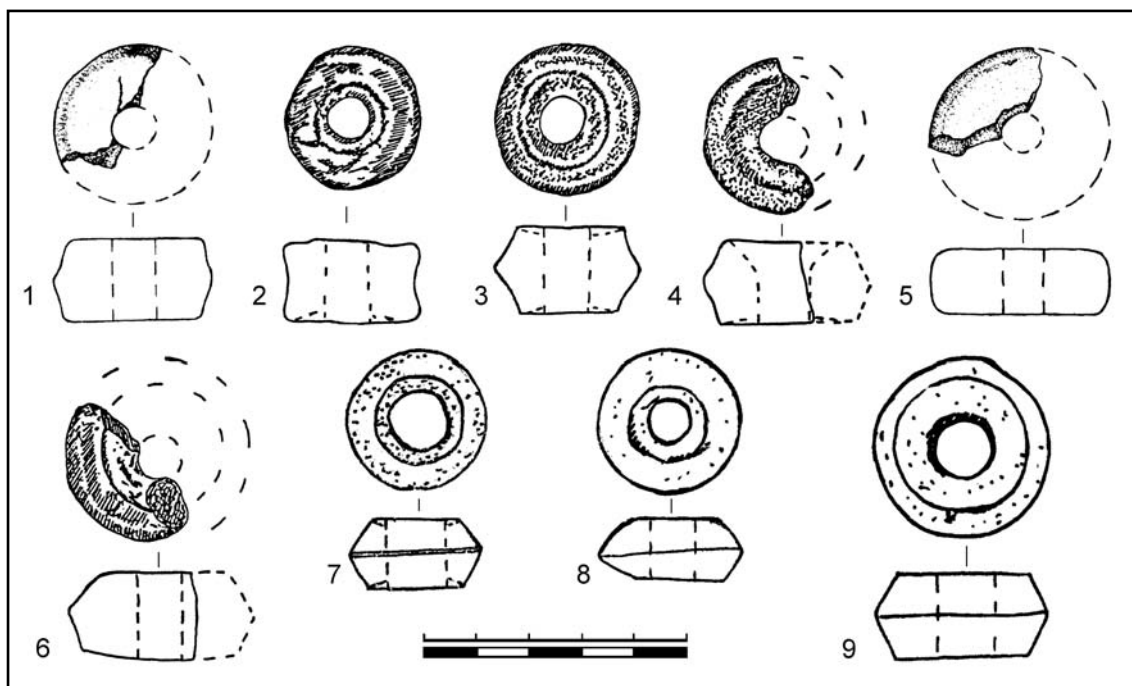

Рис. 8. Глиняные пряслица. 1, 5 — Ратюнки; 2—4, 6—9 — Зазоны.

Fig. 8. Clay spindle whorls. 1, 5 — Ratjunki; 2—4, 6—9 — Zazony.

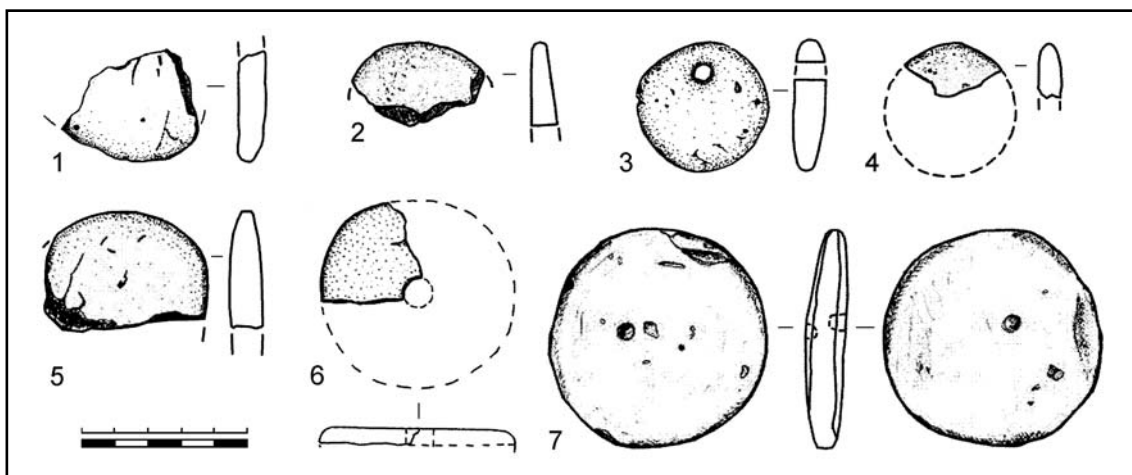

Рис. 9. Глиняные грузила. 1—5, 7 — Подваринка; 6 — Ратюнки.

Fig. 9. Clay sinkers. 1—5, 7 — Podvarinka; 6 — Ratjunki.

7—10). Что касается трапециевидных подвесок КПШК, то их связь по таким критериям, как форма, пропорции и орнаментация, с аналогичными украшениями зарубинецкой культуры очевидна (Кухаренко 1964; Каспарова 1969: рис. 16: 2, 3; Поболь 1971: рис. 20: 26, 27, рис. 68: 3, 44; 1973: рис. 11: 15—17, 20, 21; Максимов 1972: табл. XXIX: 15).

Среди изделий из глины наиболее представительную группу составляли пряслица (рис. 8). Как правило, они имели плоскую верхнюю и нижнюю поверхности. Сечение

их разнообразное: ребристое, овальное, вогнутое. Орнаментация, столь характерная для пряслиц Центральной Беларуси, отсутствует.

На городищах Ратюнки и Подваринка обнаружены глиняные грузила от рыболовных сетей. Все они относятся к одному типу — дисковидные с отверстием, расположенным ближе к краю (рис. 9). Подобные изделия широко представлены во всем ареале культуры (Егорейченко 2006: 97), но максимальное их количество обнаружено в Центральной Беларуси (Мальшки — 68 экз.).

Подводя итоги, необходимо отметить следующее. Памятники КПШК Браславского Поозерья имеют максимальное сходство с городищами северо-восточной Литвы и юго-восточной Латвии. Все они составляют единую область, в которой ранее была распространена КРШК. Материальная культура этих поселений имеет ряд отличительных черт от более южных районов КПШК, распространенных в Восточной Литве и Центральной Беларуси. Это выражается в следующем. Во-первых, горшки в изучаемом регионе имеют слабо выраженное ребро. Во-вторых, здесь практически отсутствует орнаментированная керамика, столь популярная особенно в Восточной

Литве. Высок ее процент и в Центральной Беларуси. В-третьих, ассортимент и количество железных изделий весьма ограничен. Не исключено, что и в первых веках н. э. племена этой территории продолжали использовать костяные и каменные орудия труда. В-четвертых, в изучаемом регионе в начале н. э. также появляются глиняные пряслица, однако их количество невелико и у них, в отличие от более южных территорий, совершенно отсутствует орнаментация. Все вышесказанное позволяет поставить вопрос о выделении памятников северо-восточной Литвы, северо-западной Беларуси и юго-восточной Латвии в самостоятельный вариант КПШК.

Литература

- Гавритухин И. О. 1997. Маленькие трапезиевидные подвески с полоской из прессованных точек по нижнему краю. *ГАЗ* 12, 43—58.
- Дубынин А. Ф. 1974. Щербинское городище. *Дьяковская культура*. Москва, 198—281.
- Егорейченко А. А. 2006. *Культуры штрихованной керамики*. Минск: БГУ.
- Каспарова К. В. 1969. Могильник и поселение у д. Отвержики. *МИА* 160, 131—168.
- Кренке Н. А. 2011. *Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.* Москва: ИА РАН.
- Кухаренко Ю. В. 1964. *Зарубинецкая культура*. САИ Д1—19.
- Лошенко М. И. 2011. *Городища милоградской культуры на территории Беларуси*. Минск: Минская фабрика цветной печати.
- Максимов Е. В. 1972. *Среднее Поднепровье на рубеже эр*. Киев: Наукова думка.
- Медведев А. М. 1995. Посоховидные булавки. *ГАЗ* 7, 172—201.
- Мельниковская О. Н. 1967. *Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке*. Москва: Наука.
- Минасян Р. С. 1978. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья. *АСГЭ* 19, 74—85.
- Митрофанов А. Г. 1978. *Железный век Средней Белоруссии*. Минск: Наука и техника.
- Никольская Т. Н. 1959. *Культура племен верхней Оки в I тыс. н. э.* МИА СССР 72.
- Поболь Л. Д. 1971. *Славянские древности Белоруссии (ранний этап зарубинецкой культуры)*. Минск: Наука и техника.
- Поболь Л. Д. 1973. *Славянские древности Белоруссии (могильники раннего этапа зарубинецкой культуры)*. Минск: Наука и техника.
- Поболь Л. Д. 1990. Индоевропейские черты в древностях археологических культур железного века Белоруссии (к проблеме этногенеза славян). *VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов советской делегации*. Москва, 68—71.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода*. Москва: Наука.
- Седов В. В. 1967. Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа. *Acta Baltico-Slavica* 5, 129—145.
- Смирнов К. А. 1974. *Дьяковская культура (материальная культура городищ междуречья Оки и Волги)*. *Дьяковская культура*. Москва, 7—89.
- Шадыро В. И. 1985. *Ранний железный век Северной Белоруссии*. Минск: Наука и техника.
- Шмидт Е. А. 1992. *Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства*. Москва: Прометей.
- Dąbrowska T. 1997. *Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien*. Kraków: Secesja.
- Danilaitė E. 1968. Lietuvos brūkšniuotosios keramikos ornamentas. *Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai A serija* 1, 41—57.
- Domański G. 1992. Die Frage des Zeithorizonts der Markomannenkriege in Barbaricum. *Problem der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, 129—140.
- Godłowski K. 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. *Problem der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, 23—54.
- Jaskanis J. 1996. *Cecelė. Ein Gräberfeld der Vielbark-Kultur in Ostpolen*. Kraków: Secesja.
- Lietuvos TSR Archeologijos Atlas*. 1978. Vilnius.
- Madyda R. 1977. Sprązki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim. *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne* IV, 351—412.
- Madyda-Legutko R. 1983. Metalowe części pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich. *Wiadomości Archeologiczne* XI—XIII (1), 21—36.
- Michelbertas M. 1986. *Senasis geležies amžius Lietuvoje*. Vilnius.
- Nowakowski W. 1998. *Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Mazuren*. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte.
- Pietrzak M. 1997. Pruszc Gdański. Fundstelle 10. *Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern*. Kraków: Secesja.
- Prahistoria ziem polskich*. 1981, V. *Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Skorupka T. 2001. Kowalewko 12. Cmentarzysko brytualne ludności kultury wielbarkskiej (od połowy I w. n. e. do początku III w. n. e.). *Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż trasy gazociąg tranzytowego II*. Poznań: EuRoPol GAZ s. a.

References

- Gavritukhin, I. O. 1997. In *Histarychna-arkhealohichny zbornik (Historical-archaeological compilation)* 12. Minsk, 43—58 (in Belarusian).
- Dubinin, A. F. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (Diakovo culture)*. Moscow, 198—281 (in Russian).
- Yegoreichenko, A. A. 2006. *Kul'tury shtrykhovannoy keramyky (Cultures with stroke ornamented pottery)*. Minsk: BHU (in Belarusian).
- Kasparova, K. V. 1969. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 160, 131—168 (in Russian).
- Krenke, N. A. 2011. *D'iakovo gorodishche: kul'tura naseleniia basseina Moskvy-reki v I tys. do n. e. — I tys. n. e. (D'iakovo fortified settlement: the culture of the population of Moskva River basin the I millennium BC — I millennium AD)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1964. *Zarubinskaya kul'tura (Zarubinsk culture)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—19 (in Russian).
- Loshenkov, M. I. 2011. *Gorodishcha milogradskoi kul'tury na territorii Belarusi (Fortified settlements of Milogradskaya culture on the territory of Belarus)*. Minsk: Minskaya fabrika tsvetnoi pečati (in Russian).
- Maksimov, E. V. 1972. *Srednee Podneprov'e na rubezhe er (Middle Dnieper region at the turning of eras)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Medvedev, A. M. 1995. In *Histarychna-arkhealohichny zbornik (Historical-archaeological compilation)* 7. Minsk, 172—201 (in Belarusian).
- Melnikovskaya, O. N. 1967. *Plemena Iuzhnoi Belorussii v rannem zheleznom veke (Tribes of Southern Belarus in the Early Iron Age)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Minasyan, R. S. 1978. In *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological bulletin of the State Hermitage Museum)* 19. Saint Petersburg, 74—85 (in Russian).
- Mitrofanov, A. G. 1978. *Zheleznyi vek Srednei Belorussii (Iron Age of Middle Belarus)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Nikolskaya, T. N. 1959. *Kul'tura plemen verkhnei Oki v I tys. n. e. (Culture of tribes of Upper Oka region in the I millennium AD)*. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 72 (in Russian).
- Pobol, L. D. 1971. *Slavianskie drevnosti Belorussii (rannii etap zarubinskoi kul'tury) (Slavic antiquities of Belarus (early stage of Zarubinsk culture))*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Pobol, L. D. 1973. *Slavianskie drevnosti Belorussii (mogil'niki rannego etapa zarubinskoi kul'tury) (Slavic antiquities of Belarus (necropolises of the early stage of Zarubinsk culture))*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Pobol, L. D. 1990. In *VI Mezhdunarodnyi kongress slavianskoi arkheologii (6th International Congress on Slavic archaeology)*. Moscow, 68—71 (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (Jewelry of ancient Novgorod)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedov, V. V. 1967. In *Acta Baltico-Slavica* 5, 129—145 (in Russian).
- Smirnov, K. A. 1974. In *D'iakovskaia kul'tura (Diakovo culture)*. Moscow, 7—89 (in Russian).
- Shadyro, V. I. 1985. *Rannii zheleznyi vek Severnoi Belorussii (Early Iron Age of Northern Belarus)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Schmidt, E. A. 1992. *Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva (Tribes of upper Dnieper region before formation of Old Russian State)*. Moscow: Prometei (in Russian).
- Dąbrowska, T. 1997. *Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien*. Kraków: Secesja.
- Danilaitė, E. 1968. Lietuvos brūkšniuotosios keramikos ornamentas. *Lietuvos TSR mokslų akademijos darbai A serija* 1, 41—57.
- Domański, G. 1992. Die Frage des Zeithorizonts der Markomannenkriege in Barbaricum. *Problem der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, 129—140.
- Godłowski, K. 1992. Die Chronologie der jüngeren und späten Kaiserzeit in den Gebieten südlich der Sudeten und Karpaten. *Problem der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*, 23—54.
- Jaskanis, J. 1996. *Cecele. Ein Gräberfeld der Vielbark-Kultur in Ostpolen*. Kraków: Secesja.
- Lietuvos TSR Archeologijos Atlasas. 1978. Vilnius.
- Madyda, R. 1977. Sprązki i okucia pasa na ziemiach polskich w okresie rzymskim. *Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne* IV, 351—412.
- Madyda-Legutko, R. 1983. Metalowe części pasów na obszarze kultury zachodniobałtyjskiej w okresie wpływów rzymskich. *Wiadomości Archeologiczne* XI—XIII (1), 21—36.
- Michelbertas, M. 1986. *Senasis geležies amžius Lietuvoje*. Vilnius.
- Nowakowski, W. 1998. *Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Mazuren*. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte.
- Pietrzak, M. 1997. Pruszc Gdański. Fundstelle 10. *Ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern*. Kraków: Secesja.
- Prahistoria ziem polskich*. 1981, V. *Późny okres lateński i okres rzymski*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum.
- Skorupka, T. 2001. Kowalewko 12. Cmentarzysko brytualne ludności kultury wielbarskiej (od połowy I w. n. e. do początku III w. n. e.). *Archeologiczne badania ratownicze wzdłuż trasy gazociąg tranzytowego II*. Poznań: EuRoPol GAZ s. a.

Статья поступила в номер 8 мая 2014 г.

Alexander Yegoreichenko (Minsk, Belarus). Doctor of Historical Sciences. Belarusian State University¹.

Alexander Yegoreichenko (Minsk, Belarus). Doctor în științe istorice. Universitatea de Stat din Belarus.

Егорейченко Александр Андреевич (Минск, Беларусь). Доктор исторических наук. Белорусский государственный университет.

E-mail: yegor_alex@mail.ru

Address:¹ Krasnoarmejskaya St., 6, Minsk, 220024, Belarus

Г. В. Белевец

О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь

Keywords: Early Roman Time, eye fibulae O. Almgren Group III.

Cuvinte cheie: perioada romană timpurie, fibule „cu ochi” din grupul III după Almgren.

Ключевые слова: раннеримский период, глазчатые фибулы III группы О. Альмгрена.

V. G. Beliaevets

On Finds of Eye Fibulae of O. Almgren Group III on the Territory of the Republic of Belarus

Fibulae of O. Almgren Group III, known in Belarus, form solid typological series, primarily characteristic of cultures of Central European Barbaricum. This indicates their stable and dynamic inflow.

Eye fibulae of main series — basic forms of phase B1—B2a of the Early Roman Time — appears in the west of Belarus in materials of Przeworsk, Late Hatched Pottery Cultures and sites of Post Zarubintsy horizon. They were distributed mainly from the west as a result of contacts with population of Przeworsk Culture and the Baltic circle. Within the period synchronous with B2 phase, eye fibulae of Prussian series are not registered among the finds of the Late Hatched Pottery Culture and Dnieper-Dvina Culture in Belarus, but are rather well represented along their periphery between the Western Bug, Neman and Pripyat Rivers and are also known in the upper Berezina River. In the Polesie, finds of these fibulae should be correlated with the population of Post Zarubintsy horizon. In the Podlachia, eye fibulae of the Prussian series are presented in the materials of Przeworsk Culture and sites of Post Zarubintsy horizon.

In the end of the 1st — middle of the 2^d cc. on the Belarusian land, as well as in neighboring central European cultures of Barbaricum, Baltic region and sites of Post Zarubintsy circle on the Middle Dnieper, eye fibulae of O. Almgren Group III are an element of dress, already fully integrated into the local traditions.

V. G. Beliaevets

Despre descoperirile de fibule „cu ochi” din grupul III după Almgren de pe teritoriul Republicii Belarus

Fibulele din grupul III după Almgren, cunoscute în Belarus, formează un șir tipologic integral, caracteristic, înainte de toate, pentru culturile din cadrul *Barbaricumului* central-european. Acest fapt indică o pătrundere constantă și dinamică a acestor piese pe teritoriul actual al Belarusului.

Fibulele „cu ochi” din cadrul seriei principale — formele de bază ale fazelor B1—B2a din perioada romană timpurie — apar în vestul Belarusului printre materialele culturii Pșevorsk, ale culturii ceramicii striate tardive și în siturile orizontului post-Zarubinețk. Majoritatea lor pătrundeau din vest ca urmare a contactelor cu populația Pșevorsk și a culturilor cercului baltic. În perioada corespunzătoare fazei B2, fibulele „cu ochi” din seria prusacă nu sunt prezente în materialele culturilor ceramicii striate tardive și Nipru-Dvina, însă sunt cunoscute într-un număr destul de mare de-a lungul periferiei acestora — în interfluviul Bugului de Vest, Neman și Pripeat, fiind semnalate și pe cursul superior al râului Berezina. În Polesie, descoperirile acestor fibule pot fi puse în legătură cu populația orizontului post-Zarubinețk. În Podliașie, fibulele „cu ochi” din seria prusacă sunt prezente atât în materialele culturii Pșevorsk, cât și în siturile orizontului post-Zarubinețk.

La sfârșitul sec. I — jumătatea sec. II d.Hr., fibulele „cu ochi” din grupul III după Almgren reprezentau un element al costumului, deja destul de bine integrat în tradițiile locale atât în Belarus, cât și în culturile vecine ale *Barbaricumului* central-european, regiunea circumbaltică și în siturile din cercul târziu Zarubinețk de pe Niprul de Mijloc.

Г. В. Белевец

О находках глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на территории Республики Беларусь

Известные на территории Беларуси фибулы III группы О. Альмгрена образуют цельный типологический ряд, характерный для культур, прежде всего, центральноевропейского Барбарикума. Это указывает на их стабильное и динамичное поступление.

Глазчатые фибулы главной серии — основные формы фаз B1—B2a раннеримского периода — выступают на западе Беларуси в материалах пшеворской, поздней штрихованной керамики культур и памятников постзарубинецкого горизонта. Они распространялись преимущественно с запада в результате контактов с населением пшеворской и балтийского круга культур. В период, сопоставимый с фазой B2, глазчатые фибулы прусской серии в Республике Беларусь не отмечены в материалах культуры поздней штрихованной керамики и днепро-двинской культуры, но достаточно широко представлены вдоль их периферии — в междуречье Западного Буга, Немана и Припяти, известны также

в верхнем течении Березины. В Полесье находки этих фибул следует соотносить с населением постзарубинецкого горизонта. На Подляшье глазчатые фибулы прусской серии представлены в материалах как пшеворской культуры, так и памятников постзарубинецкого горизонта.

В конце I — середине II вв. на землях Беларуси, как и в соседних культурах центральноевропейского Барбарикума, циркумбалтийского региона, памятниках позднезарубинецкого круга в среднем течении Днепра, глазчатые фибулы III-й группы О. Альмгрена являлись элементом костюма, уже вполне интегрированным в местные традиции.

Глазчатые фибулы III группы О. Альмгрена являются одним из важных источников изучения процессов историко-культурного развития Европейского Барбарикума эпохи ранних провинциально-римских влияний: хронологии культурных образований, исследования межплеменных контактов и связей его населения с Римской империей. В обобщающих работах, посвященных данным застежкам, находки с территории Беларуси представлены единично (см. Kunow 1998; 1999; Pfeiffer-Frobnert 1998; Mączyńska 2011: 23—27, Abb. 7, 8). Данная статья призвана заполнить эту лакуну вводом в научный оборот комплекса информации по находкам глазчатых фибул, известным в настоящее время на территории Республики Беларусь, а также опытом их анализа в контексте процессов историко-культурного развития рассматриваемого региона в I—II вв.

В ходе подготовки этой статьи мне удалось собрать информацию о 21 глазчатой фибуле, которые происходят с 19 памятников и местонахождений¹. Из них 8 выявлены в ходе археологических работ, проводившихся с конца XIX в. по 2012 г., оставшиеся 13 — случайные находки, большая часть из которых была обнаружена за последние годы, преимущественно кладоискателями. Приведенные в этой статье находки хранятся в настоящее время в музейных фондах и собраниях научных учреждений Беларуси и Польши². Все известные на территории Республики Беларусь глазчатые фибулы выполнены из сплавов меди. Для части из них, — застежек, хранящихся в собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске, — выполнен анализ химического состава. Результаты этого исследования

представлены ниже в виде приложения к статье (см. приложение 1).

Фибулы основной серии III группы О. Альмгрена. На территории Республики Беларусь известны находки 5 таких застежек. Стилистически наиболее ранними из них являются две фибулы типа А.46: найденная у д. Очки в белорусской части Подляшья³ и выявленная в культурном пласте городища культуры поздней штрихованной керамики⁴ Ивань на северной окраине Припятского Полесья (карта 1: 2, 5; рис. 1: 1, 2). На площади могильника Скорбичи в восточной части Прибужской равнины обнаружен фрагмент фибулы типа А.51—52 (карта 1: 1; рис. 1: 4). Две застежки основной серии известны также в Центральном Полесье: типа А.50 с селища Курадово и А.53, найденная у д. Площево (карта 1: 3, 4; рис. 1: 3, 5).

Среди фибул основной серии III группы может рассматриваться еще одна — происходящая из культурного слоя раннесредневекового городища Турийск над Неманом (карта 1: 6; рис. 2: 1). Ее головка украшена парой отпечатков глазчатого штампа, на основании чего эта застежка может соотноситься с типами А.51—52. Однако она сильно затерта и трудно быть уверенным в том, что глазчатый орнамент первоначально не украшал также ножку этой фибулы; общая же её профилировка аналогична застежкам прусской серии.

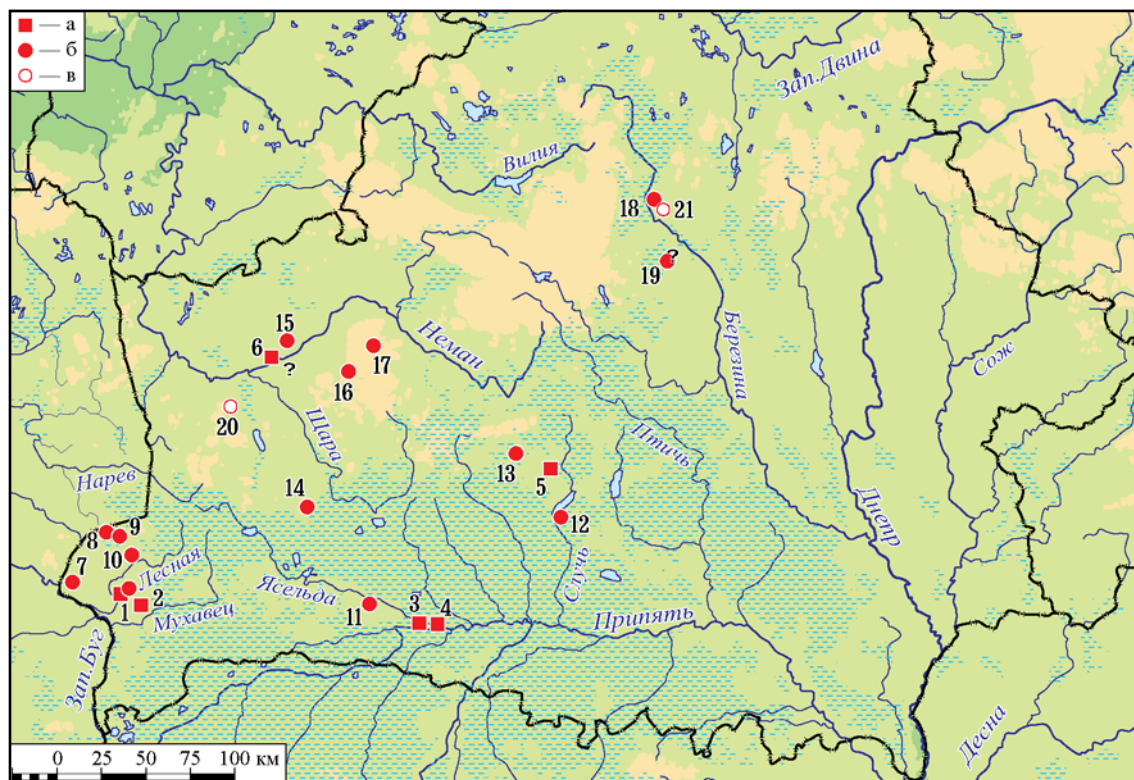
Глазчатые фибулы основной серии обязаны своим происхождением римско-германской культурной среде, они были широко распространены и, вероятнее всего, также производились по обе стороны Рейнско-Дунайского лимеса. На пограничных землях Римской империи фибулы А.45—50 выступают в горизонте от позднего правления Августа до Тиберия включительно, типы же А.51—53 связаны с эпохой Октавиана и Нерона (Godłowski 1994: 481; Kunow 1998: 105—106, Abb. 4). Застежки типов А.45—46 стали стилистически наибо-

¹ См. каталог в конце статьи.

² Я хотел бы высказать слова искренней благодарности коллегам, оказавшим мне помощь в сборе материалов и подготовке этой публикации: К. Чарнецкой и Я. Анджеевскому (Государственный археологический музей в Варшаве); В. М. Сидоровичу (Белорусский государственный университет); В. И. Кошману и П. М. Кенько (Институт истории НАН Беларуси); А. С. Арабей (Национальный исторический музей Беларуси); Ю. В. Юрковец (Гродненский государственный историко-археологический музей).

³ Топоним, которым в белорусской этнографии и исторической науке определяются земли в среднем течении Западного Буга (Алексянюк 1975).

⁴ Ниже название этой культуры дается в аббревиатурном сокращении: КПШК. О критериях ее выделения из ранее не разделявшейся хронологически культуры штрихованной керамики см.: Егорейченко 2006.

Карта 1. Пункты выявления фибул III группы О. Альмгрена на территории Беларуси. Условные обозначения: а — фибулы основной серии III группы; б — фибулы прусской серии III группы; в — щитковые фибулы, упоминаемые в статье. Номера 1—19 на карте соответствуют нумерации памятников в каталоге: 1 — Скорбичи (Дружба); 2 — Очки; 3 — Курадово; 4 — Площево; 5 — Ивань; 6 — Турийск; 7 — Волчин; 8 — Бобинка; 9 — Ст. Чвирки; 10 — Дмитровичи; 11 — Мерчицы; 12 — Метявичи; 13 — Ст. Копыль; 14 — Озерница; 15 — Желудок; 16 — Новоселки; 17 — Воробьевичи; 18 — Студенка; 19 — Слободка; 20 — Красносельский; 21 — Бытча.

Map 1. Distribution of fibulae of O. Almgren Group III in Belarus. Legend: a — fibulae of the main series of Group III; б — fibulae of Prussian series of Group III; в — gabled fibulae mentioned in the article. Numbers 1—19 on the map correspond to the numbers in the catalog: 1 — Skorbichi (Druzhba); 2 — Ochki; 3 — Kuradovo; 4 — Ploshchevo; 5 — Ivan'; 6 — Turiysk; 7 — Volchin; 8 — Bobinka; 9 — St. Chvirk; 10 — Dmitrovichi; 11 — Merchitsy; 12 — Metyavichi; 13 — St. Kopyl'; 14 — Ozernitsa; 15 — Zheludok; 16 — Novoselki; 17 — Vorobyevichi; 18 — Studenka; 19 — Slobodka; 20 — Krasnoselskiy; 21 — Bytcha.

лее ранними глазчатыми фибулами, распространенными во всем центральноевропейском Барбарикуме: между Дунаем и Южной Скандинавией, Рейном и Вислой (Kunow 1998: Abb. 6; 1999: Abb. 2; 3; Mączyńska 2011: 23—25, Abb. 7). Среди ближайших к землям Беларуси регионов их распространения следует отметить, прежде всего, земли Мазовии, где фибулы типов А.45—46 представлены в материалах пшеворской культуры; отдельные их находки известны в культуре могильников с каменными оградками на территории Латвии и Эстонии; при этом застежки А.45—46 не отмечены в культурах западнобалтийского круга, как и на землях Литвы (Шмидехельм 1955: 64, рис. 13: 4; 14: 8; Kunow 1998: 105—106, Abb. 4; Michelbertas 1998; Lang 2007: 206—207, fig. 125: 1; Шаров, Сорокин 2008: 162—166; Mączyńska 2011: 23—25). Таким образом, на сегодня городище в Иване является одним

из крайних восточных пунктов выявления фибул типов А.45—46.

К востоку от Вислы гораздо шире представлены стилистически более поздние фибулы основной серии III группы — типов А.49/50—53. Они были популярны у населения вельбаркской и пшеворской культур, выступают на памятниках западнобалтийского культурного круга и далее к востоку вдоль практически всего побережья Балтийского моря: на территории Литвы, Латвии, Эстонии, а также Ижорского плато (Nowakowski 1996: 49; 1998: 25; Kunow 1998: Abb. 7; 1999: Abb. 7—10; Michelbertas 1998: 427; Jurga-Szymańska 2011: 42, Karte 3; Шаров, Сорокин 2008: 162—166). Не менее трех застежек, близких к типу А.53, выявлено на памятниках позднестаробалтийского круга в верховьях Южного Буга и в Подесенье (Обломский 2010а: 26, рис. 21: 3; 23: 1; 2010б: 49, рис. 142: 9).

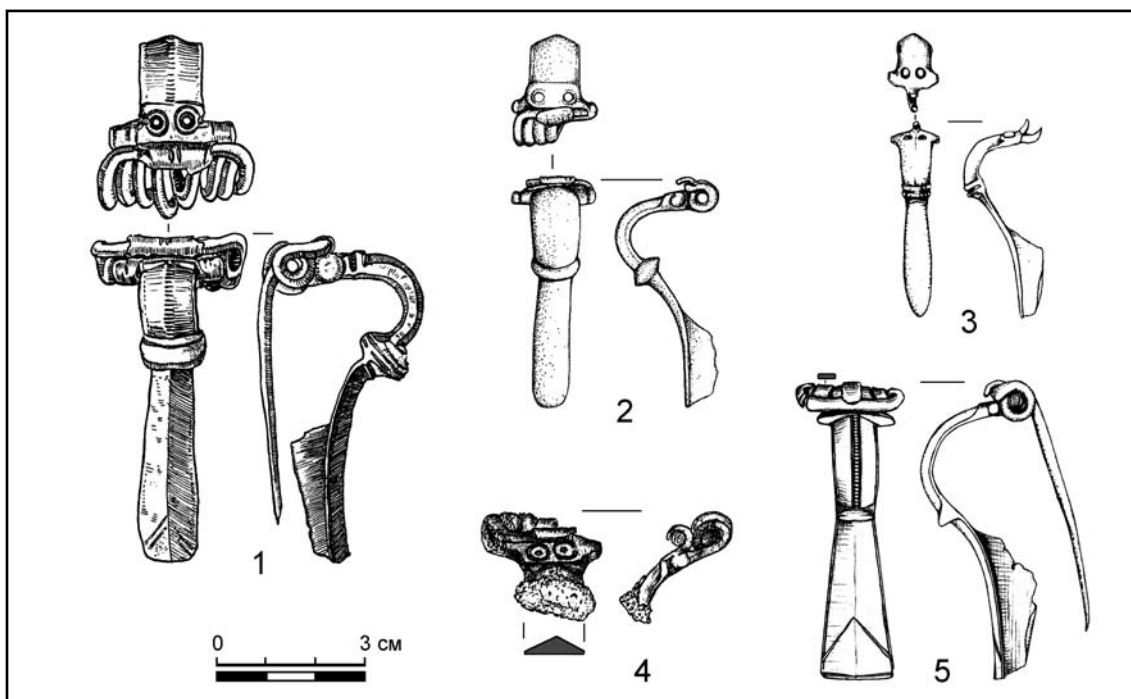

Рис. 1. Глазчатые фибулы основной серии III группы О. Альмгрена с территории Республики Беларусь. 1 — Ивань; 2 — Очки; 3 — Курадово; 4 — Скорбичи (Дружба); 5 — Площево. Все из сплава меди (1 — по Егорейченко 2006: табл. 57; 3; остальные — рисунки автора).

Fig. 1. Eye fibulae of the main series of O. Almgren Group III from the territory of the Republic of Belarus. 1 — Ivan'; 2 — Ochki; 3 — Kuradovo; 4 — Skorbichi (Druzhba); 5 — Ploshchevo. All of copper alloy (1 — after Egorейченко 2006: таб. 57; 3; others — drawings by the author).

В относительной хронологии центрально-европейского Барбарикума фибулы основной серии III группы О. Альмгрена являются одной из ведущих форм раннего этапа ранне-римского периода — фазы B₁ (Godłowski 1994: 481). В отношении материалов вельбаркской культуры принимается широкая их датировка — в рамках всей фазы B₁ (Wołagiewicz 1981: 166; 1993: 24, гус. 1). В пшеворской культуре фибулы A.45—49 признаются индикаторами подфаз B_{1a} и B_{1b}, типы же A.50—53 рассматриваются преимущественно в контексте подфазы B_{1c} (Godłowski 1985: 41—42). Сходная датировка фибул типов A.52—53 — рамками B_{1c}, установлена для богачевской культуры, в то время как в материалах культуры Долбайм-Коврово глазчатые фибулы этих типов демонстрируют тенденцию к более продолжительному использованию, выступая также в подфазе B_{2a} (Nowakowski 1998: 46). В отношении памятников позднезарубинецкого круга датировка застёжек типа A.53 устанавливается в рамках, близких к принятым в центрально-европейских культурах (Обломский 2010a: 26).

Фибулы прусской серии получили на землях Беларуси значительно более широкое распространение: известно 16 их находок

в 15 пунктах. Они демонстрируют полный эволюционный ряд форм глазчатых застёжек прусской серии, характерный для культур центрально-европейского Барбарикума. Стилистически наиболее ранний тип A.57 представляют фибулы из Озерницы (рис. 2: 2) и, вероятно, также Турийска (рис. 2: 1). Застёжки из Слободки и Скорбич сочетают черты типов A.58 и A.59 (рис. 2: 3, 5). Одна из фибул, найденных у Бобинки, относится к типу A.59 (рис. 2: 4), вторая — A.60 (рис. 2: 7). Фибула типа A.60 обнаружена также у д. Воробьевичи (рис. 2: 6). Сохранность четырех других не позволяет уверенно говорить об их типологической принадлежности, и они могут рассматриваться лишь в рамках типов A.57—60 (рис. 2: 8—11). Фрагмент из Студенки демонстрирует смешение черт фибул A.60 и A.61: валик, размещенный в месте перехода спинки в ножку, здесь не рельефный, а лишь имитируется двумя поперечными бороздками (рис. 2: 12). Четырьмя находками представлен стилистически наиболее поздний тип застёжек прусской серии — A.61 (рис. 2: 13—16).

Предполагается, что генезис глазчатых фибул прусской серии связан с регионом наибольшей концентрации их нахо-

№4. 2014

док — скоплением памятников вельбаркской культуры в низовьях Вислы; они производились также населением западнобалтийского культурного круга и восточного варианта пшеворской культуры (Godłowski 1994: 481; Andrzejowski, Cieśliński 2007: 282; Mączyńska 2011: 26). Вероятно, локальный центр изготовления фибул данной серии действовал на территории Литвы (Michelbertas 1998: 427). Наконец, Я. Анджеевский приводит наблюдения в пользу того, что подражания «настоящим» глазчатым фибулам прусской серии могли возникнуть и у населения постзарубинецкого горизонта (Andrzejowski 1999: 33). Находки фибул А.57—61 известны также на территории Римской империи, но в провинциально-римской среде эти застёжки не были популярны: они sporadически выступают вдоль рейнского лимеса в горизонте от позднего правления Флавия до эпохи Траяна включительно (Godłowski 1994: 481; Mączyńska 2011: 27). Тем не менее, существуют веские основания полагать, что действовавшие здесь специализированные мастерские производили крупные партии типологически поздних глазчатых фибул III группы О. Альмгрена для обеспечения торговли с Барбарикумом (Andrzejowski, Cieśliński 2007: 283; Mączyńska 2011: 27).

В конце I — первой половине II вв. глазчатые фибулы прусской серии являлись типичным элементом костюма населения Центральной Европы и всего Циркумбалтийского региона (Pfeiffer-Frobnert 1998: Abb. 1; Mączyńska 2011: Abb. 8). Наибольшей популярностью они пользовались у носителей вельбаркской и восточной части пшеворской культур, а также в культурах западнобалтийского круга (Godłowski 1994: 481; Nowakowski 1998: 25—26; Andrzejowski, Cieśliński 2007: 282—286, rys. 4; Mączyńska 2011: 26). Застёжки типов А.57—61 широко использовало население культурных групп, формировавшихся в раннеримское время на территории Литвы и Латвии, а также культуры каменных могильников Латвии, Эстонии и Ижорского плато (Michelbertas 1998: 427, Abb. 2; Yushkova, Kulešov 2011: 107). Фибулы прусской серии выступают в горизонте формирования позднесарматской культуры (Кропотов 2011: 87, рис. 4). В восточноевропейской лесной зоне они редки, обнаруживаются преимущественно на южных ее окраинах в материалах памятников позднезарубинецкого круга на территории Среднего Поднепровья и в верховьях Южного Буга, где известно не менее 6 находок фибул типов А.60 и А.61 (Амброз 1966: 35—36, таб. 21/4; Обломский 2010а: 26,

рис. 21: 2; 24: 16; 26: 4; 2010в: 62, рис. 146: 14; Башкатов, Терпиловский 2010: 38, рис. 86: 16). Единичные находки глазчатых фибул прусской серии представлены и в более отдалённых регионах лесной зоны: застёжка типа А.61 найдена на городище Церковище, где она связывается с горизонтом материалов типа среднего слоя Тушемли (Амброз 1966: 36; Шмидт 1992: 119, таб. 45: 8; Furasiev 2003: 390, fig. 1: 6; Лопатин, Фурасьев 2007: 85).

В относительной хронологии культур центральноевропейского Барбарикума фибулы типов А.57—61 являются индикаторами подфаз B_{2a} и B_{2b} (Godłowski 1982: 62, rys. 3; 1994: 481; Dąbrowska 1997: 82; Andrzejowski 2001: 61; Mączyńska 2011: 25). Я. Анджеевский выделяет стилистически наиболее позднюю их форму — откованные из пластинчатой заготовки экземпляры фибул А.61 с характерным коленчатым изгибом спинки (рис. 2: 14—16), которыми население восточного варианта пшеворской культуры пользовалось до конца фазы B_2 (Andrzejowski 2001: 62). Тенденцию к ещё более длительному использованию глазчатых фибул прусской серии демонстрируют материалы западнобалтийского культурного круга и территории Литвы, где эти застёжки продолжают бытовать также в фазе B_2/C_1 (Nowakowski 1998: 46; Michelbertas 1998: 427; Хомякова 2012: 259, рис. 9: 2).

В заключение представленного обзора находок следует отметить, что известные на территории Республики Беларусь фибулы III группы О. Альмгрена образуют типологический ряд, характерный для культур, прежде всего, Центральной Европы. Цельность и репрезентативность этого набора застёжек указывает на их стабильное и динамичное поступление в рассматриваемый регион. Таким образом, находки глазчатых фибул, известные на территории Республики Беларусь, следует датировать в рамках, сопоставимых с принятыми в относительной хронологии историко-культурных образований Центральной Европы и Прибалтики.

К вопросу об источниках и путях поступления фибул III группы О. Альмгрена на земли Беларуси

При картографировании мест обнаружения глазчатых фибул на территории Республики Беларусь возникает достаточно выразительная картина: их находки концентрируются, прежде всего, на юго-западе и западе страны (карта 1). Рассмотрим формирование ареала их распространения в хронологической последовательности.

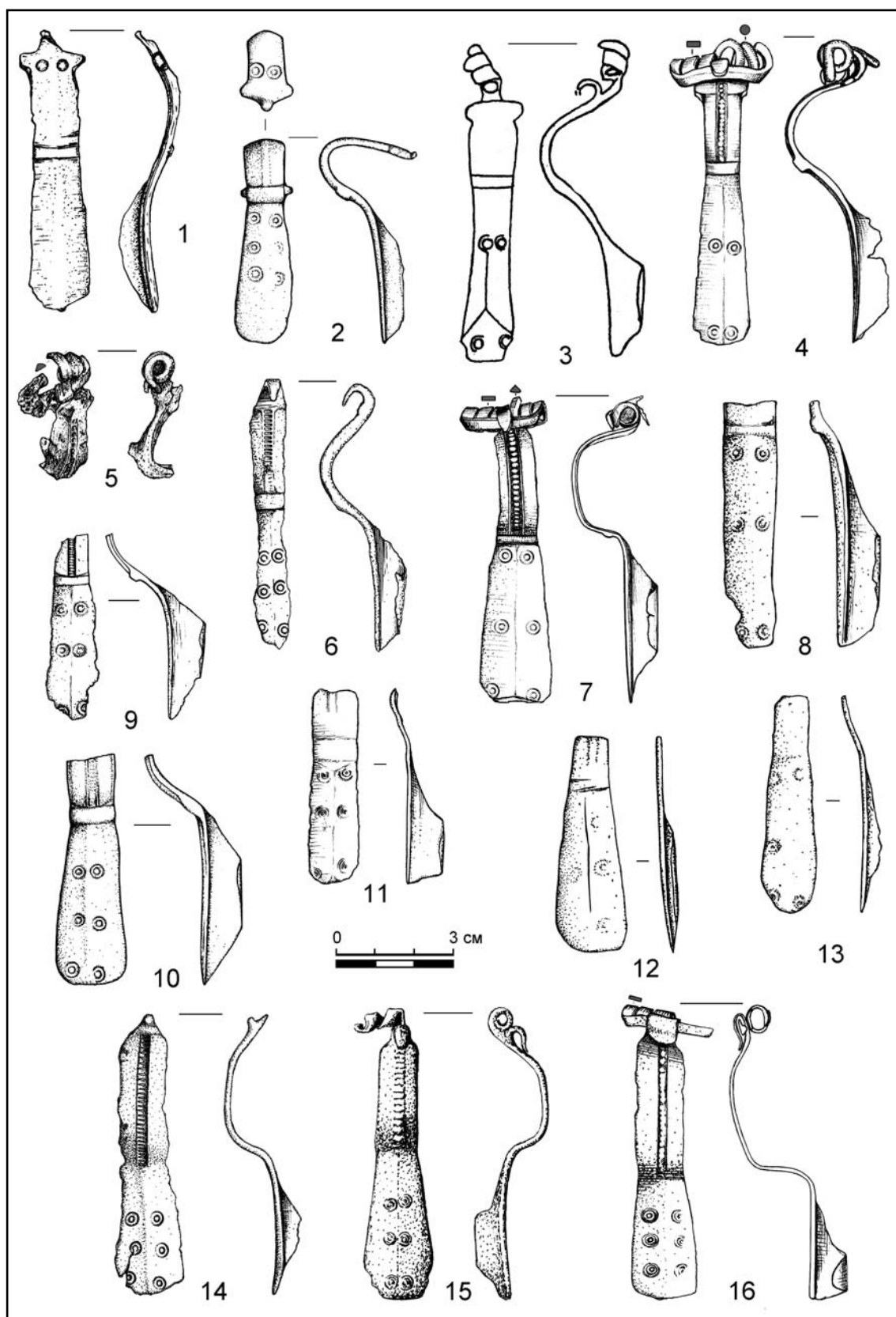

Рис. 2. Глазчатые фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена с территории Республики Беларусь: 1 — Турыйск; 2 — Озерница; 3 — Слободка; 4, 7 — Бобинка; 5 — Скорбичи (Дружба); 6 — Воробьевичи; 8 — Желудок; 9 — Новоселки; 10 — Дмитриовичи; 11 — Мерчицы; 12 — Студенка; 13 — Ст. Копыль; 14 — Ст. Чвирки; 15 — Волчин; 16 — Метявичи. Все из сплава меди (1 — по Звяруга, Юрناвец 2006: мал. 6: 1; 3 — по Егорейченко 1995: рис. 1: 2; 15 — по Башкоў 2009, остальные — рисунки автора).

Fig. 2. Eye fibulae of Prussian series of O. Almgren Group III from the territory of the Republic of Belarus: 1 — Turiysk; 2 — Ozernitsa; 3 — Slobodka; 4, 7 — Bobinka; 5 — Skorbichi (Druzhba); 6 — Vorobyevichi; 8 — Zheludok; 9 — Novoselki; 10 — Dmitrovichi; 11 — Merchitsy; 12 — Studenka; 13 — St. Kopyl; 14 — St. Chvirk; 15 — Volchin; 16 — Metyavichi. All of copper alloy (1 — after Звяруга, Юркавец 2006: мал. 6: 1); 3 — after Егорейченко 1995: рис. 1: 2; 15 — after Башкоў 2009), others — drawings by the author).

Наиболее ранние из них — фибулы типов А.46, 50—53 основной серии, — служащие в относительной хронологии культур европейского Барбарикума маркерами фазы В₁, имеют римско-германское происхождение (см.: Kunow 1998: 106—107). На территории Республики Беларусь они выступают в восточной части Прибужской равнины (карта 1: 1, 2), а также в Центральном Полесье и на северных его окраинных (карта 1: 3, 4, 5). Учитывая приведенные выше общие данные о регионах наиболее широкого распространения глазчатых фибул основной серии в соседних регионах, следует полагать, что они проникали на земли Беларуси, прежде всего, с запада — при посредничестве населения пшеворской культуры.

В период, который мы можем синхронизировать с фазой В₂ в относительной хронологии культур Центральной Европы, ареал распространения фибул прусской серии на землях Беларуси перекрывается с уже обозначенным ранее находками глазчатых застёжек основной серии: он охватывает, прежде всего, земли в междуречье Западного Буга, Немана и Припяти (карта 1: 7—17). В конце I — первой половине II вв. проявляется и новый регион распространения фибул III группы О. Альмгрена — в верхнем течении Березины, где отмечены два пункта их находок (карта 1: 18, 19). Одна из этих фибул, типа А.58/59 (рис. 2: 3), известна по коллекции, собранной на рубеже XIX—XX вв. местным помещиком С. Богушевским и переданной им затем в Краковский археологический музей. Застежка связывается с неидентифицированным памятником, расположенным у д. Слободка (в оригинале сопроводительной записки: «Słobodówka»⁵) бывшего Борисовского уезда Минской губернии. Наиболее полное на сегодня опи-

сание коллекции С. Богушевского представлено А.А. Егорейченко (Егорейченко 1995). Несмотря на обоснованные сомнения о возможности происхождения содержащихся в ней материалов из одного комплекса и даже памятника (Егорейченко 1995: 55; 2005: 482; 2006: 106)⁶, недавнее открытие фибулы прусской серии типа А.60/61 у д. Студенка (рис. 2: 12; карта 1: 19) свидетельствует в пользу того, что эта коллекция действительно была собрана на одном или нескольких памятниках, расположенных в верхнем течении Березины.

Поскольку глазчатые фибулы прусской серии очень широко распространены и производились в разных регионах европейского Барбарикума, определить конкретные источники их поступления зачастую невозможно. Исходя из общих данных о регионах распространения этих застёжек, следует полагать, что на западные земли Беларуси они должны были проникать по-прежнему преимущественно в результате контактов с носителями пшеворской культуры, но вероятно также — благодаря связям с населением культур западнобалтийского круга и культурных групп, формировавшихся в этот период на территории Литвы. Пункты же выявления глазчатых фибул прусской серии в верхнем течении Березины свидетельствуют о том, что в конце I — II вв. эта водная артерия, расположенная в пограничье КППШК и днепро-двинской культуры, играла исключительно важную роль в системе связей населения восточноевропейской лесной зоны, пронизывавших пространство между Прибалтикой и Средним Поднепровьем. Находки глазчатых фибул в этом регионе могут рассматриваться в контексте начала тех бурных и во многом ещё неясных историко-культурных процессов, которые в археологических источниках находят

⁵ На картах конца XIX в. в границах Борисовского уезда не отмечено деревни с этим названием. Топониму «Слободувка» наиболее созвучно название д. Сувободка. Помимо того, в административных границах данного уезда существовало не менее 4-х деревень с названием «Слободка». Происхождение коллекции С. Богушевского связывалось Л.Д. Поболем с дореволюционными раскопками на городище КППШК Слободка в современном Борисовском районе Минской области (Поболь 1979: 108).

⁶ Я солидарен с мнением А.А. Егорейченко относительно того, что в бассейне Березины подобный комплекс вещей, скорее всего, не мог быть получен на городище КППШК (Егорейченко 1995: 54—55) — ни один из исследованных до настоящего времени памятников этой культуры не принес настолько богатого комплекса вещей, связанных, в том числе, с традициями центральноевропейских культур. Но, на мой взгляд, такая коллекция, или ее часть, может происходить из поврежденной части грунтового могильника.

наиболее яркое отражение в образовании горизонта восточноевропейско-прибалтийских выемчатых эмалей.

Культурный контекст фибул III группы О. Альмгрена на землях Беларуси

Вопрос культурной интерпретации глазчатых застёжек, известных на территории Республики Беларусь, далеко не всегда может быть решен однозначно. Прежде всего потому, что ни одна из них не происходит из закрытого комплекса. Более половины этих фибул выявлено на памятниках, известных лишь по поверхностным сборам, или являются случайными находками. Пример же глазчатой застёжки из Метявичей, обнаруженной в ходе широкоплощадных раскопок, которые, тем не менее, не открыли здесь других материалов железного века (Крывальцэвіч 2011), свидетельствует, что следует считаться с действительно случайным характером выпадения какой-то части рассматриваемых нами застёжек. В данной ситуации определение их культурного контекста может опираться, прежде всего, на сведения о развитии историко-культурной ситуации на землях Беларуси в раннеримское время. Однако, при наложении пунктов обнаружения фибул III группы О. Альмгрена на карту, отражающую современное состояние исследований памятников I—II вв. на территории Республики Беларусь, возникает несколько неожиданная картина (карта 1; карта 2): они выступают преимущественно на юго-западе и западе страны в границах «неманско-полесского белого пятна» — в междуречье Западного Буга, Немана и Припяти. Этот регион остается одним из наименее исследованных в Республике Беларусь — до настоящего времени здесь в минимальной степени изучены памятники не только раннеримского времени, но, собственно, и железного века в целом (см.: Медведев 2011: 7—9; Белевец 2012: 283—285). В последнее десятилетие в этом направлении произошли определенные подвижки, к которым мы вернемся позже. Начнем же с моментов, не вызывающих сомнений.

Прежде всего, абсолютно четкий культурный контекст имеет фибула типа А.46, выявленная на городище КПШК в Ивани (карта 1: 5; карта 2). На территории Республики Беларусь в контексте этой культуры известна еще одна застёжка, которую следует относить к кругу провинциально-римских импортов или их имитаций, возникших на территории Барбарикума: сильно профилированная фи-

була IV группы О. Альмгрена типа А.68, найденная в культурном слое городища Кощеличи в Понеманье (Медведев 1996: 63, рис. 41: 1; 2010: 189, рис. 1: 2; 2011: 50—51, 72, рис. 2.34: 1; Егорейченко 2006: 109—110, рис. 57: 2). Эти памятники находятся на южной и западной периферийных зонах культуры и отражают контакты ее носителей с непосредственными соседями в середине — второй половине I в. Следует отметить, что до настоящего времени на городищах КПШК не выявлены типологически более поздние фибулы III и IV групп О. Альмгрена (см.: Егорейченко 2006: 85—87, табл. 57, 58; Медведев 2010; 2011: 72—75, рис. 2.34; 2.47—2.49).

Не вызывает также сомнений культурный контекст вещей, собранных в 1880-х гг. на площади грунтового могильника Скорбичи в белорусском Подляшье (карта 1: 1). Среди прочих находок здесь были обнаружены фрагменты двух глазчатых фибул III группы — типов А.51/52, и А.60 (рис. 1: 4; 2: 5). В начале 2000-х гг. анализ «раннеримской» части этой коллекции, содержащей практически полный типологический ряд фибул восточного варианта пшеворской культуры, послужил основанием для выделения памятников последней в белорусском Побужье (Andrzejowski 2001: rys. 1; 2; 5; 2005: 22—24, tab. 3; Белявец 2004: 229). Круг памятников и местонахождений с материалами этой культуры постепенно пополняется, и сегодня можно полагать, что в раннеримское время пшеворское население занимало на территории Республики Беларусь земли по течению Западного Буга и нижним участкам его правых притоков — Пульве и Лесной (см. карту 2). В Волчине в контексте сильно поврежденного памятника, вероятнее всего, пшеворской культуры выступает глазчатая фибула типа А.61 (карта 1: 10; рис. 2: 15) (Башкоў 2009).

Однако, по обсуждению представленных выше находок, остается основная масса (16 из 19-ти) пунктов обнаружения фибул III группы О. Альмгрена на территории Беларуси. Они выступают вдоль периферии и в пограничье круга «городищенских» культур лесной зоны: КПШК и днепро-двинской (карта 1: 2—4, 6, 8—19). В изучении археологии римского времени этой обширной малоизученной зоны в последние 10—15 лет был сделан существенный шаг: в ряде ее регионов выделены памятники и материалы постзарубинецкого горизонта⁷.

⁷ В этой статье термины «постзарубинецкий горизонт» и «постзарубинецкий период» используются преимущественно в хронологическом аспекте: для

В Центральном Полесье они были описаны в 2000-х гг. на примере селищ Курадово и Давыд-Городок (карта 2: 1, 2) (Белявец, Вяргей 2002; 2005; Вергей 2008: 240—243; Бяліцкая 2007; 2011; 2012; Белевец 2008; 2012: 285—291). Одним из оснований для определения ранней даты этих памятников явилась находка на селище в Курадово глазчатой фибулы основной серии — типа А.50 (рис. 1: 3); общая же их датировка устанавливается в рамках, приблизительно соответствующих в относительной хронологии культур Центральной Европы фазам V_1 — V_2/C_{1a} (Белявец, Вяргей 2002: 9; 2005: 98—100; Белявец 2004: 231; 2008: 216—217; 2012: 286—287; Бяліцкая 2007: 116; Вергей 2008: 242—243). Результаты полевых работ последних лет свидетельствуют, что в Припятском Полесье и на Загородье⁸ памятники с родственной материальной культурой выявляются практически везде, где ведутся археологические работы. Таким образом, известные в Припятском Полесье и на Загородье глазчатые фибулы в настоящее время могут достаточно уверенно соотноситься с населением постзарубинецкого горизонта (ср.: карта 1: 3, 4, 11, 12 и карта 2; также: Белевец 2012: 288—289).

В белорусской части Прибужской равнины древности постзарубинецкого горизонта были выделены на примере материалов

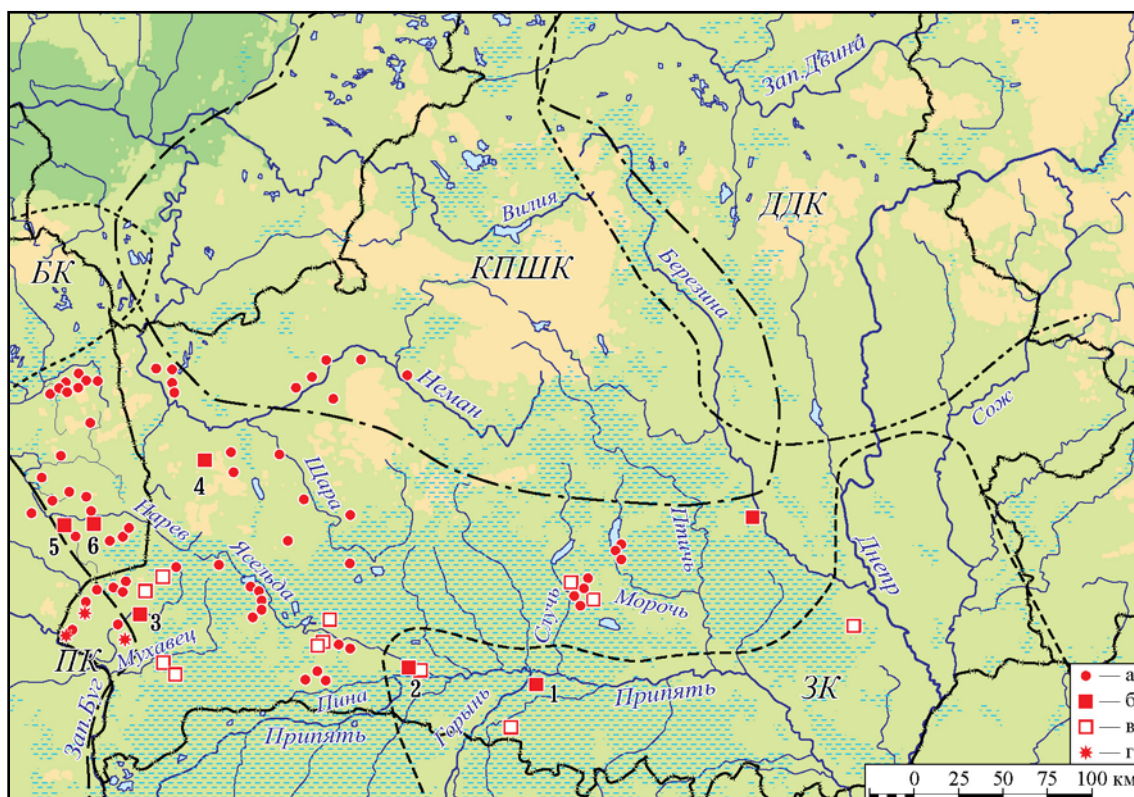
грунтового могильника Радость на р. Лесная (карта 2: 3) (Белявец 2004: 244—254). Керамический материал из его объектов близок к представленному на территории польского Понаровья могильниками Гриневиче Вельке, а также многослойными памятниками Кутова-1, 2 (карта 2: 5, 6) (Andrzejowski 1999; Jaskanis 2012: 126—194). В настоящее время данные памятники восточной части Прибужской равнины большинством исследователей соотносятся с памятниками постзарубинецкого горизонта и/или раннего этапа развития киевской культуры (Andrzejowski 1999: 47—48; Dąbrowska 2004: 215—219; Обломский 2005: 151; Белявец 2004: 233—235, 251—257; 2008: 210—213; Белявец, Вяргей 2005: 104; Вергей 2008: 240—242; Бяліцкая 2007: 121; Гавритухин 2009: 20; Терпиловский 2010: 10). В течении последних лет в белорусском Подляшье открыт ряд новых памятников и местонахождений с материалами данного типа (см. карту 2). В I—II вв. этот регион был охвачен очень динамичными историко-культурными процессами, связанными с миграциями, контактами и взаимовлияниями групп населения различных культурных традиций: центральноевропейского Барбарикума, восточноевропейской лесной зоны и широко понимаемого балтийского круга (см.: Andrzejowski 1999: 41—48; Белявец 2004: 244—257). В этой связи определение культурного контекста случайно выявленных здесь фибул III группы О. Альмгрена невозможно: практически с равной долей вероятности можно предполагать их принадлежность населению как пшеворской культуры, так и постзарубинецкого горизонта (ср. карта 1: 2, 11—13, 23 и карта 2).

Очень сложна культурная интерпретация горизонта памятников и местонахождений с материалами римского периода, все более выразительно проступающего в Понеманье западнее и юго-западнее ареала, занятого городищами КПШК. Четыре из пяти известных здесь глазчатых фибул происходят с не обследованных археологами памятников (карта 1: 14—17; рис. 2: 2, 6, 8, 9). Отсутствуют также данные о материалах железного века, с которыми могла бы соотноситься фибула, выявленная в культурном пласте городища Турыйск (карта 1: 6) (см.: Зверуга 1989: 73—75, рис. 40: 4; Звяруга, Юрковец 2006: мал. 6: 1). До недавних лет исследования в этом регионе носили ограниченный характер⁹.

определения временного отрезка между финалом зарубинецкой культуры и прочным освоением земель на юго-западе Республики Беларусь носителями вельбаркской культуры в начале III в. Таким образом, он в целом соответствует понятиям раннеримского периода и фазы V_2/C_1 в хронологической системе культур Центральной Европы. На мой взгляд, использование этих определений оправдано и в культурном аспекте, прежде всего — для характеристики связей с Римской империей. Они используются в отношении групп населения, культурный облик которого в данный период формировали два основных компонента: наследие зарубинецкой культуры и традиции круга культур восточноевропейской лесной зоны. Провинциально-римские же влияния, слабые и опосредованные многими передаточными звеньями, хотя и играли в процессе их развития известную интегрирующую роль, не определяли их общий культурный облик (в отношении земель Беларуси см.: Beljavec 2009). Оставаясь в рамках, заданных темой данной статьи, я хотел бы дистанцироваться здесь от многолетней дискуссии о роли в сложении материальной и духовной культуры этих групп населения потомков носителей «классической» зарубинецкой культуры (см.: Обломский 2010г; Шукин 2011; там же более ранняя литература; см. также: Белевец 2012: 281—283).

⁸ Этнографический и географический регион Западного Полесья, границы которого определяются верхним течением Припяти, Ясельдой и Мухавцом (Дзяменцьеў 1971; Климчук 1999).

⁹ Об истории исследований памятников железного века в этой части Верхнего Понеманья см.: Медведев 2011: 8; там же более ранняя литература.

Карта 2. Культурная ситуация на землях Беларуси и соседних регионов в I — первой половине II вв.

Условные обозначения: ПК — пшеворская культура; БК — богачевская культура; ЗК — зарубинецкая культура; КППШК — культура поздней штрихованной керамики; ДДК — днепро-двинская культура; а — селища и могильники со штрихованной керамикой; б — исследовавшиеся памятники постзарубинецкого горизонта; в — памятники с керамикой постзарубинецкого горизонта и круга киевской культуры (типа Абидни), известные по разведкам; г — памятники с материалами пшеворской культуры на территории Республики Беларусь. Номера обозначены: 1 — Курадово; 2 — Площево; 3 — Радость; 4 — Красносельский; 5 — Гриневици Вельке; 6 — Кутова.

Map 2. Cultural situation in the lands of Belarus and neighboring regions in the 1st — first half of the 2nd cc. Legend: ПК — Przeworsk Culture; БК — Bogaczewo Culture; ЗК — Zarubintsy Culture; КППШК — Late Hatched Pottery Cultures; ДДК — Dnieper-Dvina Culture; а — villages and burial grounds with hatched pottery; б — explored sites of Post Zarubintsy horizon; в — sites with ceramics of Post Zarubintsy horizon circle and Kiev Culture (type Abidnia) known by the explorations; г — sites with materials of Przeworsk Culture on the territory of the Republic of Belarus. Numbers designate: 1 — Kuradovo; 2 — Ploshchevo; 3 — Radost'; 4 — Krasnoselskiy; 5 — Grinevichi Velke; 6 — Kutova.

С 1950-х гг. здесь известны селища с фрагментами посуды, близкой традициям культур штрихованной керамики (Гуревич 1962: 23—41, рис. 12; Медведев 2011: 27). В середине 1990-х гг. достаточно оживленную дискуссию вызвали вопросы культурной интерпретации и датировки погребений могильника Красносельский-5 на р. Рось (Чарняўскі и др. 1996: 56—61; Медведев 1996: 53—54, рис. 92: 3—5, 7; 2004; 2011: 155—157; Andrzejowski 1999: 34—36). В 1990—2000-х гг. выявленные в Красносельске объекты, как и могильник Гриневици Вельке (см.: Kostrzewski 1948: 344; Кухаренко 1961: 18; 1964: 13, 54, 58, рис. 1; Dąbrowska 1973, 194—195, 203—204; Каспарова 1986: 16; 1989: 265; 1992: 300; Andrzejowski 1999), рассматривались в контексте миграций групп населения

зарубинецкой культуры, начавшихся после ее распада в Припятском Полесье (Медведев 1996: 53—54, 63—64, рис. 95; Егарэйчанка 1999а: 266; 2005: 480—481). В 2000-х гг. А.М. Медведев постепенно пересматривал свое первоначальное культурное определение этого памятника¹⁰. На страницах монографии 2011 г., рассматривая его материалы в широком контексте историко-культурного развития образований балтийского круга культур, исследователь предложил выделять в междуречье Немана и Буга группу «западнобалтской культуры», в рамках которой А.М. Медведев, помимо могильника в Красносельске-5, рас-

¹⁰ См.: Медведев 2004: 118, также на стр. 123—124 — в дискуссии.

смаатривае такжэ памятнікі в Грыневічах Велькіх, Радості і Тростяніцы (Медведэв 2011: 155—161, 292—295).

Ісследованне памятнікаў жалезнага века в этом регионе находится все еще на начальных стадиях и требует, прежде всего, проведения целенаправленных работ по их поиску и изучению. В пользу перспективности таких исследований свидетельствуют результаты спасательных раскопок в зоне строительства Неманской ГЭС¹¹, в ходе которых на 15-километровом участке по берегам Немана на юг от Гродно был выявлен и изучался ряд памятных объектов с материалами жалезнага века, родственными представленным на Подляшье в Грыневічах Велькіх, Кутовой и Радості (см.: Плавінскі 2012: 358, мал. 1).

Горизонт древностей римского времени в левобережье Немана все более выразительно проявляется также в других случайных находках, прежде всего — вещей горизонта выемчатых эмалей (Харитонович 2011: рис. 1: 16, 21, 25; 2: 2, 7, 9; Зайкоўскі 2011: мал. 1). К их числу здесь я хотел бы добавить фрагмент подковообразной фибулы, обнаруженной у д. Новоселки (рис. 3: 5; карта 1: 17). Данная находка имеет непосредственное отношение к теме статьи, поскольку с этого же местонахождения происходит упоминавшийся выше фрагмент глазчатой фибулы прусской серии (рис. 2: 8). Подковообразная фибула из Новоселок относится к VI (балтийско-днепровско-окской) серии по Е.Л. Гороховскому и соответствует также характеристикам типа II по классификации А. Яблоньской (Гороховский 1982: 28—32, рис. 6: VI; Jabłońska 1992: 125—128). Комплекс погребения 81 могильника богачевской культуры Нэтта позволяет датировать фибулы данной серии фазами B_{2b}—B₂/C₁ — в рамках II в. (Bittner-Wróblewska 2007: 26, pl. XLII). Следует отметить, что аналогичная комбинация находок отмечается и на другом упоминавшемся выше памятнике — в Старых Чвирках на территории белорусского Подляшья (карта 1: 12): здесь вместе с глазчатой фибулой типа A.61 (рис. 2: 14) была обнаружена типологически ранняя подковообразная фибула с эмальями серии IV по Е.Л. Гороховскому (рис. 3: 4), или типа по А. Яблоньской¹². Оба автора относят нача-

ло использования таких застежек ко второй половине II — началу III в. (Гороховский 1982: 28—32, рис. 6: IV; Jabłońska 1992: 125; также: Обломский, Терпиловский 2007: 120—124). Таким образом, датировки представленных вещей круга выемчатых эмалей частично перекрываются или стыкуются с установленными для глазчатых фибул прусской серии. В целом, типологически поздние застежки III группы О. Альмгрена и подковообразные фибулы горизонта выемчатых эмалей, выявленные на этих же местонахождениях, несомненно, принадлежат к одному хронологическому горизонту и свидетельствуют о том, что во II в. в costume населения Неманско-Бужского междуречья органически сочетались традиции центральноевропейского Барбарикума и восточноевропейско-прибалтийской зоны.

В этой связи имеет смысл рассмотреть еще один сюжет: о влиянии стиля и технических решений, использованных в глазчатых фибулах III группы О. Альмгрена, на эволюцию типов застежек населения восточноевропейского «лесного» Барбарикума. На мой взгляд, они достаточно выразительно прослеживаются на примере щитковых фибул типов V и VI¹³. В поздних вариациях щитковых фибул зарубинецкого типа эти влияния наиболее ярко проявляются в их орнаментации глазчатым штампом — аналогично фибулам III группы: такие двойные и тройные глазки украшают щитки фибул из Красносельска-5¹⁴ и ножку застежки из Бытчи (рис. 4: 1, 3; карта 1: 32, 34). На щитке последней также помещены три рельефные, отчеканенные с внутренней стороны, окружности, повторяющие в свойственной для зарубинецкой культуры технике все тот же мотив глазчатого орнамента. Еще одна, скорее технического плана деталь, которая объединяет эти вещи: у фибул из Красносельска-Пискоши (рис. 4: 2) и уже упоминавшейся бытченской витки пружин имеют треугольное сечение. Такое сечение пружинных витков не отмечается у «классических» щитковых фибул зарубинецкой культуры I—IV типов, но использовалось в глазчатых фибулах, в том числе известных на территории Беларуси (рис. 2: 5, 7). Вероятно, в придании пружинным виткам

¹¹ Работы в рамках этого проекта проводились в 2007—2009 гг. под общим руководством В.Л. Лакисы.

¹² По мнению Е.Л. Гороховского типологически ранними чертами для подковообразных фибул следует считать тонкую, чаще всего круглую в сечении дужку,

а также обводку из «жемчужных» выступов по периметру дисков (Гороховский 1982: 28—32, Рис. 6: IV; см. также: Jabłońska: 123—125).

¹³ По типологии А.К. Амброза (Амброз 1966) с дополнениями М.Б. Щукина (Щукин 2002: 13).

¹⁴ Эта деталь орнаментации красносельских щитковых фибул отмечалась также Я. Анджеевским: Andrzejowski 1999: 34.

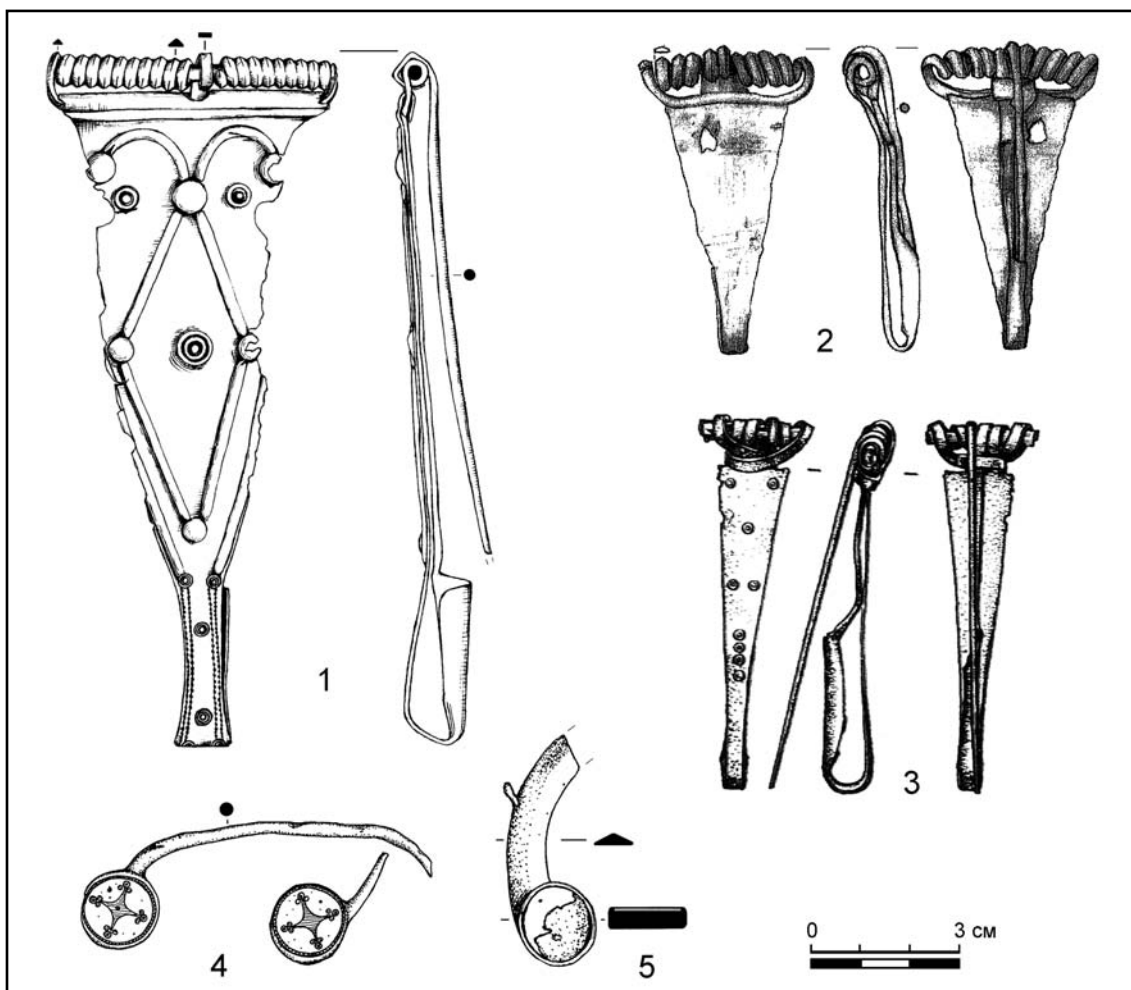

Рис. 3. Находки, упоминаемые в тексте. 1, 3 — из сплава меди (1 — в пружину вмонтирована деревянная ось, 3 — в пружине ось (?) из отточенных позвонков рыбы; 2 — сплав меди; 4, 5 — сплав меди, гнезда с эмалью. 1 — Бытча; 2 — Красносельский-Пискош; 3 — Красносельский-5; 4 — Ст. Чвирки; 5 — Новоселки (2 — по Andrzejowski 2005: tabl. 1: j; 3 — по Чарняўскі і др. 1996: мал. 34: 1; остальные — рисунки автора).

Fig. 3. Finds mentioned in the text. 1, 3 — of copper alloy (1 — there is a wooden axis mounted inside the spring, 3 — there is an axis (?) of turned fish vertebrae in the spring); 2 — copper alloy; 4, 5 — copper alloy, sockets with enamels. 1 — Bytcha; 2 — Krasnoselskiy-Piskosh; 3 — Krasnoselskiy-5; 4 — St. Chvirki; 5 — Novoselki (2 — after Andrzejowski 2005: tabl. 1: j; 3 — after Чарняўскі і др. 1996: мал. 34: 1; others — drawings by the author).

треугольного сечения отразились эмпирические попытки ремесленников в поиске технического решения, которое увеличило бы сопротивление многократному сгибанию и общую износостойкость пружинного аппарата фибул. Нельзя исключить, что здесь могли найти отражение и определенные эстетические предпочтения: подобная проволока треугольного сечения в раннеримский период использовалась населением Прибалтики и постзарубинецкого горизонта также для изготовления ряда мелких изделий: цепочек, витых пронизок и т.д. (см.: Andrzejowski 1999: рис. 3/11: 4; 8/28: 1; Michelbertas 1997: 39 pav.; 40 pav.; 2006, 41 pav.: 3; 44 pav.: 4). Эти наблюдения могут быть подкреплены результатами полевых исследований. Так,

в погребении №13 грунтового могильника Гриневичи Вельке пара щитковых фибул типа Амброз-V выступала вместе с глазчатыми типов A.52/53 и A.58/59 (Andrzejowski 1999: 20—21, рис. 3: 13). Данный комплекс с очевидностью свидетельствует о том, что на Подляшье население постзарубинецкого горизонта использовало в своем костюме застёжки обеих групп. Сходный набор вещей известен также в верхнем течении Южного Буга по погребению 4 могильника Рахны, в котором фрагмент щитковой фибулы типов IV/V сочетался с парой глазчатых фибул прусской серии (Обломский 2010а: 26, 115, рис. 21: 2—4).

Таким образом, в конце I — середине II вв. на землях Беларуси, как и в соседних культу-

рах центральноевропейского Барбарикума, циркумбалтийского региона, а также на памятниках позднезарубинецкого круга в среднем течении Днепра и Подесенье, глазчатые фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена являлись элементом костюма, уже вполне интегрированным в местные традиции. Представленные выше замечания о влиянии стиля орнаментации и оформления конструктивных деталей глазчатых фибул III группы О. Альмгрена на развитие наиболее поздних вариаций щитковых застежек зарубинецкого типа иллюстрируют одну из сторон эволюции культурного облика групп населения постзарубинецкого горизонта на территории Полесья и в прилегаю-

щих регионах. В I—II вв. жители земель центральной и северной Беларуси — поздней штрихованной керамики и днепро-двинской культур — еще в значительной мере сохраняли архаичные традиции «городищенских» культур восточноевропейской лесной зоны, уходящие корнями в эпоху раннего железного века. Население же новых историко-культурных образований, формировавшихся на окраинах «лесного» Барбарикума, активно заимствовало и трансформировало культурные элементы Центральной Европы и Прибалтики, делая их органичной составляющей собственной, открытой для новаций, динамично развивающейся материальной и духовной культуры.

Каталог находок фибул III и IV групп О. Альмгрена на территории Республики Беларусь*

1. Скорбичи (Skorbichi; бел. Скорбічы, с 1963 г. — Дружба, Брестский район, Брестская обл.).

а) Головка глазчатой фибулы основной серии III группы О. Альмгрена, тип А.51—52 (рис. 1: 4), из сплава меди, оплавленная.

б) Головка глазчатой фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, тип А. 58/59 (рис. 2: 5), из сплава меди, сильно оплавленная и деформированная.

Находки с площади грунтового могильника пшеворской и вельбаркской культур. Работы на памятнике проводил К. Ягмин в 1880 г. и, вероятно, также З. Глогер в 1882 г.

В фондах Государственного Археологического музея в Варшаве.

Литература: Andrzejowski 2005: 23—24.

2. Очки (Ochki; бел.: Ачкі, Брестский район, Брестская обл.).

Фибула глазчатая основной серии III группы О. Альмгрена из сплава меди, тип 46 (рис. 1: 2). Случайная находка.

В фондах Брестского областного краеведческого музея.

3. Курадово (Kuradovo; бел.: Курадава, Пинский район, Брестская обл.).

Фибула глазчатая основной серии III группы О. Альмгрена, тип 50 (рис. 1: 3), из сплава меди, на гребешке следы насечек. Найдена на площади многослойного селища с материалами постзарубинецкого периода. Памятник открыт в 1981 г., исследовался в 1982 г. В. С. Вергей.

В собраниях Института истории НАН Беларуси.

Литература: Белявец, Вяргей 2002: 9, мал. 4: 1; 2005: 89, 98, мал. 3: 1; Вергей 2008: 243, рис. 7: 1; Белевец 2012: 286, рис. 2/А: 1.

4. Площево (Ploshchevo; бел.: Плошчава, Пинский район, Брестская обл.).

Фибула глазчатая основной серии III группы О. Альмгрена, тип 53 (рис. 1: 5), из сплава меди. С этого же памятника происходит миниатюрная фибула IV группы О. Альмгрена типа А.67/68 из сплава меди, с железной осью в пружине. Случайные находки с многослойного памятника.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

Литература: Белевец 2012: 288, рис. 5: 1, 2.

5. Ивань (Ivan'; бел.: Івань, Слуцкий район, Минская обл.).

Фибула глазчатая основной серии, тип А.46 (рис. 1: 1), из сплава меди. Обнаружена в культурном слое городища КПШК.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

Литература: Егорейченко 1996: 44, рис. 35: 10; 1999б: мал. 49: 26; 2006: 109, таб. 57: 3.

6. Турийск (Turiysk; бел.: Турыйск, Щучинский район, Гродненская обл.).

Фибула глазчатая III группы О. Альмгрена (рис. 2: 1), из сплава меди. Тип 52 основной или тип 57 прусской серии. Выявлена в 1969 г. при раскопках раннесредневекового городища.

В фондах Гродненского государственного историко-археологического музея.

Литература: Зверуга 1989: рис. 40: 4; Звяруга, Юркавец 2006: мал. 6: 1.

7. Волчин (Volchin; бел.: Воўчын, Каменецкий район, Брестская обл.).

* Номера памятников и местонахождений соответствуют нумерации на Карте 1.

Фибула глазчатая серии прусской III группы О. Альмгрена, тип 61 (рис. 2: 15), из сплава меди.

В собраниях Музея истории д. Волчин.

Литература: Башкоў 2009: 194, мал. Воўчын: 4.

8. Бобинка (Bobinka; бел.: Бобінка, Каменецкий район, Брестская обл.).

а) Фибула глазчатая прусской серии III группы О. Альмгрена, тип 59 (рис. 2: 4), из сплава меди.

б) Фибула глазчатая прусской серии III группы О. Альмгрена, тип 60 (рис. 2: 7), из сплава меди.

Случайные находки.

В фондах Музея Национального парка «Беловежская пуща» в г/п Каменюки.

9. Урочище Ст. Чвирки (St. Chvirki; бел.: Чвiркі, Каменецкий район, Брестская обл.).

Фибула глазчатая прусской серии III группы О. Альмгрена, тип 61 (рис. 2: 14), из сплава меди. Случайная находка. С площади этого же памятника происходит фрагментированная подкововидная фибула с эмалью красного цвета, серии IVA по Е. Л. Гороховскому (рис. 3: 5).

В фондах Музея Национального парка «Беловежская пуща» в г/п Каменюки.

10. Дмитриовичи (Dmitrovichi; бел.: Дзмітравічы, Каменецкий район, Брестская обл.).

Фрагмент глазчатой фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, типов 57, 59, 60 (рис. 2: 10), из сплава меди. Случайная находка.

В фондах Музея Национального парка «Беловежская пуща» в г/п Каменюки.

11. Мерчицы (Merchitsy; бел.: Мерчыцы, Пинский район, Брестская обл.).

Фрагмент фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, типов 57—60 (рис. 2: 11), из сплава меди. Случайная находка.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

Литература: Белевец 2012: рис. 5: 21.

12. Метявичи (Metyavichi; бел.: Мяцявічы, Солигорский район, Минская обл.).

Фибула глазчатая прусской серии III группы О. Альмгрена, тип 61 (рис. 2: 16), из сплава меди. Утрачена часть пружины и иголка.

Выявлена при исследовании многослойного памятника. Раскопки производились под руководством Н. Н. Кривальцевича в 2008 г.

В собраниях Института истории НАН Беларуси.

Литература: Кривальцэвіч 2010: 114; Белевец 2012: 288, рис. 5: 4.

13. Старый Копыль (St. Kopyl'; бел.: Стары Капыль, Копыльский район, Минская обл.).

Фрагмент глазчатой фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, тип 61 (рис. 2: 13), из сплава меди. Случайная находка.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического

факультета Белорусского государственного университета в Минске.

14. Озерница (Ozernitsa; бел.: Азярніца, Слонимский район, Гродненская обл.).

Фибула глазчатая прусской серии III группы О. Альмгрена, тип А.57 (рис. 2: 2), из сплава меди. Случайная находка.

В фондах Слонимского районного краеведческого музея им И. И. Стобровского.

15. Желудок (Zheludok; бел.: Жалудок, Щучинский район, Гродненская обл.).

Фрагмент глазчатой фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, типов А.57, 59, 60 (рис. 2: 9), из сплава меди. Случайная находка.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

16. Новоселки (Novoselki; бел.: Навасёлкі, Новогрудский район, Гродненская обл.).

Фрагмент глазчатой фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, типов А.57, 59, 60 (рис. 2: 9), из сплава меди. С этого же памятника происходит фрагмент подкововидной фибулы с гнездами красной эмали (рис. 3: 4), VI серии по Е. Л. Гороховскому. Случайные находки.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

17. Воробьевичи (Vorob'yevichi; бел.: Вераб'ёвічы, Новогрудский район, Гродненская обл.).

Глазчатая фибула прусской серии III группы О. Альмгрена, тип А.60 (рис. 2: 6), из сплава меди. Случайная находка.

В собраниях кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске.

18. Студенка (Studenka; бел.: Студзёнка, Борисовский район, Минская обл.).

Фрагмент фибулы прусской серии III группы О. Альмгрена, тип А.60/61 (рис. 2: 12). Случайная находка. Обнаружена в 2012 г. в ходе работ, проводившихся под руководством В. И. Кошмана.

В собраниях Института истории НАН Беларуси.

19. Слободка (Slobodka; бел.: Слабодка — в оригинале метрических данных «Słobodówka», быв. Минская губерния).

Фибула прусской серии III группы О. Альмгрена, тип 58/59 (рис. 2: 3), из сплава меди. Находка из коллекции С. Богусевского. Обнаружена между 1880 и 1905 гг. на неидентифицированном памятнике в быв. Борисовском уезде Минской губернии.

В фондах Краковского археологического музея.

Литература: Kostrzewski 1939/1948: 334; Поболь 1979: 108, рис. 67; Егорейченко 1995; Pfeiffer-Frobnert 1998: Abb. 1.

Приложение 1

Ермалицкая К. Ф.

Исследования химического состава металла фибул III группы О. Альмгрена из собраний кафедры археологии и вспомогательных исторических дисциплин исторического факультета Белорусского государственного университета в Минске

На кафедре лазерной физики и спектроскопии физического факультета БГУ были изучены 6 фибул (объекты Ф1-Ф6). При исследовании образцов использован лазерный микроанализ — малодеструктивный метод определения содержания элементов в образцах, при котором малые количества вещества (10^{-10} г) испаряются лазерным импульсом. Работы велись на лазерном спектрометре LSS-1, производства совместного белорусско-японского предприятия «LOTIS-TII» (Минск). В качестве источника испарения вещества образца и возбуждения спектров атомов использовался двухимпульс-

ный Nd: YAG-лазер с активной модуляцией добротности. Основные параметры лазерного излучения: длина волны — 1064 нм; частота следования импульсов — 10 Гц; длительность на полувывсоте — 15 нс; энергия $10 \div 75$ мДж. Все эксперименты проводились в атмосфере воздуха при нормальном давлении без предварительной химической и механической подготовки поверхности образца к анализу. Деструкция поверхности образца после воздействия лазерного излучения определялась с помощью микроинтерферометра Линника МИИ-4. Результаты анализа фибул приведены в таблице.

элемент, % образец	медь Cu	цинк Zn	олово Sn	свинец Pb	серебро Ag	№ рис.
(Ф6) Ивань А.46	87,39	10,81	1,11	0,02	0,67	рис. 1: 1
(Ф5) Мерчицы А.57—60	61,08	10,93	23,94	1,10	2,94	рис. 2: 11
(Ф1) Площево А.53	80,60	8,49	9,47	0,06	1,37	рис. 1: 5
(Ф4) Новоселки А.57, 59, 60	86,76	1,97	9,87	0,10	1,29	рис. 2: 8
(Ф3) Воробьевичи А.60	86,20	2,46	8,12	0,15	3,07	рис. 2: 6
(Ф2) Старый Копыль А.61	88,18	0,65	8,79	0,11	2,26	рис. 2: 13

Полученные данные позволяют утверждать, что 4 из 6-ти фибул (Ф1—Ф4) изготовлены из оловянистых бронз — сплавов, два основных компонента которых образуют медь (содержание в исследованных образцах: 80,6—88,18%) и олово (содержание в исследованных образцах: 8,12—9,87%). Образцы Ф5, Ф6 характеризуются сравнительно высо-

кой концентрацией цинка по сравнению с содержанием олова и могут быть отнесены к латунам. Содержание меди в последних составило 61—87%, цинка — порядка 11%. В объекте Ф5 отмечена низкая концентрация меди, что, скорее всего, указывает на неоднородность затвердевания расплава из-за несовершенства технологии.

Литература

- Алексянюк М.І. 1975. Падляшша. В: *Беларуская Савецкая Энцыклапедыя* VIII. Мінск, 9.
- Амброз А.К. 1966. *Фибулы юга европейской части СССР*. САИ Д1—30.
- Башкоў А.А. 2009. Воўчын. У: Бялова Т.У. (гал. рэд.). *Археалогія Беларусі* 1. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя ім. П. Броўкі, 194.
- Башкатов Ю.Ю., Терпиловский Р.В. 2010. Позднеларубинские памятники Среднего Поднепровья. В: Гавритухин И.О. и др. (ред.). *Позднеларубинские памятники на территории Украины*. РСМ 12. Москва: ИА РАН, 36—44.
- Белевец В.Г. 2008. Контакты населения вельбарской культуры и носителей традиций лесной зоны в Белоруссии: постановка проблемы. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов* 1. Тула: ГМЗ КП, 209—237.
- Белевец В.Г. 2012. Проблема выделения памятников позднеларубинского круга в Белорусском Припятском Полесье. В: Воронцов А.М., Гавритухин И.О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов* 3. Тула: ГМЗ КП, 281—305.
- Белявец В.Г. 2004. Беларускія Заходняе Палесся ў перыяд правінцыйна-рымскіх уплываў — стан і перспектывы даследаванняў. В: Koško A., Kalešyc A. (red.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem*

- Białorusi i Polski*. Warszawa: Deka, 227—265.
- Белявец В., Вяргей В. 2002. Курадава-1 — шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Полесся. *МAB* 5, 5—24.
- Белявец В., Вяргей В. 2005. Матэрыялы перыяду рымскіх уплываў з паселішча Курадава-I. *ГАЗ* 20, 87—106.
- Бяліцкая Г. 2007. Помнік перыяду рымскіх уплываў у нізоўях р. Гарынь. *ГАЗ* 21, 107—123.
- Бяліцкая Г. М. 2011. Аб зарубінецкім кампаненце ў левабярэжжы Прыпяці. *МAB* 20, 126—142.
- Бяліцкая Г. М. 2012. Даследаванні ва ўрочышчы Хабішча ў 2010 г. *МAB* 23, 177—179.
- Вергей В. С. 2008. Белорусское Полесье в римский период и в начале эпохи Великого переселения народов. В: Воронцов А. М., Гавритухин И. О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов* 1. Тула: ГМЗ КП, 238—256.
- Гавритухин И. О. 2009. Понятие пражской культуры. *ТГЭ XLIX*, 7—25.
- Гороховский Е. Л. 1982. Підковоподібні фібули Середнього Подніпров'я з виїмчастою емаллю. *Археологія* 38, 16—35.
- Гуревич Ф. Д. 1962. *Древности Белорусского Поманья*. Москва; Ленинград: ИА АН СССР.
- Дзяменцёў В. А. 1971. Загароддзе. В: *Беларуская Савецкая Энцыклапедыя* IV, 467—468.
- Егарэйчанка А. А. 1999а. Зарубінецкая культура. В: Егарэйчанка А. А. і інш. (ред.). *Археалогія Беларусі 2 Жалезны век і раньняе сярэднявечча*. Мінск: Беларуская навука, 232—289.
- Егарэйчанка А. А. 1999б. Культура штрыхаванай керамікі. В: Егарэйчанка А. А. і інш. (ред.). *Археалогія Беларусі 2. Жалезны век і раньняе сярэднявечча*. Мінск: Беларуская навука, 113—173.
- Егорейченко А. А. 1995. Находки римского времени из Слободки. *ГАЗ* 6, 52—56.
- Егорейченко А. А. 2005. Историческая ситуация в белорусском Полесье и прилегающих регионах в первой половине I тыс. н. э. В: Kaczanowski P., Parczewski M. (red.). *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademyczna, 479—486.
- Егорейченко А. А. 2006. *Культуры штрихованной керамики*. Минск: БГУ.
- Зайкоўскі Э. М. 2011. Новыя знаходкі бронзавых рэчаў з выемчатымі эмалямі. *МAB* 20, 165—172.
- Зверуга Я. Г. 1989. *Верхнее Поманье в IX—XIII вв.* Минск: Навука і тэхніка.
- Звяруга Я. Г., Юркавец Ю. В. 2006. Матэрыялы старажытнага Турыйска з раскопак 1969—1970 гг. *МAB* 12, 138—141.
- Каспарова К. В. 1986. Поздняя фаза зарубинецких могильников. В: Кобытов В. С. и др. (ред. кол.). *Культура Восточной Европы I тыс.* Куйбышев: КГУ, 5—26.
- Каспарова К. В. 1989. Соотношение вельбарской и зарубинецкой культур в Припятском Полесье. В: Gurba J., Kokowski A. (red.). *Kultura wielbarska w młodszym okresie rzymskim* 2. Lublin: UMCSL, 263—282.
- Каспарова К. В. 1992. О хронологии и связях зарубинецкой культуры. В: Czopek S. (red.). *Ziemia polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami*. Rzeszów: Muzeum okręgowe w Rzeszowie, 289—302.
- Климчук Ф. Д. 1999. Полесский топоним Загароддзе. *Загароддзе* 1, 10—23.
- Кропотов В. В. 2011. Значение фибул в комплексном изучении погребального обряда сарматов. В: Яблонский Л. Т. (ред.). *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 86—91.
- Крывальцэвіч М. М. 2011. Мяцвявічы. У: Бялова Т. У. (гал. рэд.). *Археалогія Беларусі 1*. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя ім. П. Броўкі, 113—114.
- Кухаренко Ю. В. 1961. *Памятники железного века на территории Полесья*. САИ Д1—29.
- Кухаренко Ю. В. 1964. *Зарубинецкая культура*. САИ Д1—19.
- Лопатин Н. В., Фурасев А. Г. 2007. *Северные рубежи раннеславянского мира в III—V веках н. э.* РСМ 8.
- Медведев А. М. 1996. *Белорусское Поманье в раннем железном веке (I тысячелетие до н. э. — V в. н. э.)*. Минск: ИИ АН Беларуси.
- Медведев А. М. 2004. Материалы так называемой «позднезарубинецкой культуры» в Белорусском Поманье. В: Karczewska M., Karczewski M. (red.). *Ceramika zachodniebałtyjska: nowe źródła i interpretacje*. Białystok: IHUB, 115—121.
- Медведев А. М. 2010. Некоторые вопросы хронологии древностей железного века (по материалам культуры штрихованной керамики в I—V вв. н. э.). *МAB* 19, 187—201.
- Медведев А. М. 2011. *Верхнее Поманье в железном веке и раннем средневековье*. Минск: Беларуская навука.
- Обломский А. М. 2005. Новая концепция киевской культуры Верхнего Поднепровья. В: Kaczanowski P., Parczewski M. (red.). *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademyczna, 137—156.
- Обломский А. М. 2010а. Памятники типа Марьяновка бассейна Южного Буга. *РСМ* 12, 16—35.
- Обломский А. М. 2010б. Памятники типа Почеп. *РСМ* 12, 54—66.
- Обломский А. М. 2010в. Памятники типа Картамышев-2 и Терновки-2. *РСМ* 12, 45—53.
- Обломский А. М. 2010г. Введение. *РСМ* 12, 5—7.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 2007. Предметы убора круга выемчатых эмалей на территории лесостепной зоны Восточной Европы (дополнение сводов Г. Ф. Корзухиной, И. К. Фролова и Е. Л. Гороховского). *РСМ* 10, 113—315.
- Плавінскі А. М. 2012. Раскопки паселішча Кавальчы-4-ЭС у 2009 г. *МAB* 23, 356—358.
- Поболь Л. Д. 1979. *Древности Белоруссии в музеях Польши*. Минск: Наука и техника.
- Терпиловский Р. В. 2010. Историография древностей позднезарубинецкого периода. *РСМ* 12, 8—15.
- Харитонович З. А. 2011. Предметы убора с выемчатыми эмалями на территории Белоруссии (новые находки). *МAB* 20, 195—199.
- Хомякова О. А. 2012. Хронология комплексов женского убора самбийско-натангийской культуры В: Воронцов А. М., Гавритухин И. О. (ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов* 3. Тула: ГМЗ КП, 254—280.
- Чарняўскі М. М., Кудрашоў В. Я., Ліпніцкая В. Л. 1996. *Старажытныя шахцёры на Росі*. Мінск: Навука і тэхніка.
- Шаров О. В., Сорокин П. Е. 2008. Комплекс находок римского времени у д. Удосоново Ленинградской области. *Вестник Санкт-Петербургского университета* 4 (1), 162—169.
- Шмидехельм М. Х. 1955. *Археологические памятники*

№4. 2014

- периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н.э. — V в. н.э.). Талин: ЭГИ.
- Шмидт Е. А. 1992. Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Т. I. Днепро-двинские племена (VIII в. до н.э. — III в. н.э.). Москва: Прометей.
- Щукин М. Б. 2002. Об одной интересной находке из могильника на склоне Чатыр-Дага. В: Рудницкая В. Г., Тесленко И. Б. (сост.). *Алушта и Алуштинский регион с древнейших времён до наших дней*. Киев: Стило, 7—15.
- Щукин М. Б. 2011. Реплика по поводу киевской культуры. В: Мачинский Д. А. (ред.). *Европейская Сарматия: Сборник, посвящённый Марку Борисовичу Щукину*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 239—244.
- Almgren O. 1923. *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch.
- Andrzejowski J. 1999. Hryniewiczze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów. W: J. Andrzejowski (red.). *Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin*. Warszawa: DPC, 17—60.
- Andrzejowski J. 2001. Wschodnia strefa kultury przeworskiej — próba definicji, WA LIV, 59—87.
- Andrzejowski J. 2005. Wykaz stanowisk z okresu rzymskiego. W: Piotrowski A. (red.). *Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Dek, 17—31.
- Andrzejowski J., Cieśliński A. 2007. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? W: Bitner-Wróblewska A., Brzeziński W. (red.). *Kultura bogaczewska: 20 lat później. Seminarium Bałtyjskie I*. Warszawa: J. Bieszczad, 279—317.
- Bitner-Wróblewska A. 2007. *Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland*. MAB XII.
- Beljavec V. 2009. Die römischen Importe des südlichen Weissrussland. Eine Untersuchung vor dem Hintergrund der kulturellen Entwicklungen des 1—4 Jahrhunderts. JRGZ 56, 1—29.
- Dąbrowska T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. MSW II, 127—248.
- Dąbrowska T. 2004. Materiały kultury zarubinięckiej z ziem polskich. W: Koško A., Kalečyc A. (red.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Dek, 209—222.
- Dąbrowska T. 1997. *Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien*. MAB III.
- Furasiev A. 2003. The chronology of cultural transformation in the basins of upper Dnieper and Western Dwina in the 1st—5th centuries AD. *Ancient West and East* 4 (2). Leiden; Boston, 388—407.
- Godłowski K. 1982. Północni barbarzyńcy i wojny Markomańskie w świetle archeologii. SA II, 48—80.
- Godłowski K. 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim*. PKA, 23.
- Godłowski K. 1994. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit in östlichen Mitteleuropa und Osteuropa. In: Müller R. (red.). *Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunden*. Berlin; New York: de Gruyter, 478—496.
- Jabłońska A. 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-wschodniej w okresie wpływów rzymskich. ABS 21, 115—165.
- Jaskanis J. 2012. *Wodzowskie kurhany kultury wielbarskiej na Podlasiu*. Białystok: Biały Kruk.
- Juga-Szymańska A. 2011. Die Fibel aus Lattenwalde. Die Fibeln A. 67—68 aus dem westbaltischen Kulturkreis. AL 12, 36—47.
- Kostrzewski J. 1939/1948. Od mezolitu do wędrówek ludów. W: Krukowski S., Kostrzewski J., Jakimowicz R. *Prehistoria ziem Polskich*. Encyklopedia Polska PAU. T. IV/1. Kraków, 118—360.
- Kunow J. 1998. Die Hauptserie Augenfibeln: Gruppe III, Fig. 45—54. FALB 5, 93—118.
- Kunow J. 1999. Katalog und Kartierungen zur Hauptserie der Augenfibeln: Almgren Gruppe III, Figuren 44, 45—54. VBLUF 33, 65—105.
- Lang V. 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. *Estonian Archaeology* 3.
- Maćczyńska M. 2011. Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Łubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). BRGK 90.
- Michelbertas M. 1986. *Senasis geležies amžius Lietuvoje. I—IV amžius*. Vilnius: Mokslas.
- Michelbertas M. 1998. Die römerzeitlichen Fibeln in den baltischen Staaten. FALB 5, 425—432.
- Michelbertas M. 1997. *Paragaudžio Pilkapynas*. Vilnius: Vilniaus universitetas.
- Michelbertas M. 2006. *Akmenių ir Perkūnišės pilkapei*. Archeologia Litwana, A seria №2. Vilnius: Vilnius Universiteto leidykla.
- Nowakowski W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. *Voröffentlichung des Vorgesichtlichen Seminars Marburg* Sonderband 10.
- Nowakowski W. 1998. *Die Funde der römischer Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Mazuren*. MVFB 6.
- Pfeiffer-Frobnert U. 1998. „Mit Augen am Fuß und mit Wulst statt Scheibe“. Verbreitung und Zeitstellung der preußischen Nebenserie A 57—61 und ihrer Varianten. FALB 5, 125—134.
- Riha E. 1979. Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiser-augst. FA 3.
- Wołagiewicz R. 1981. Kultury wielbarska i oksywska. W: Hensel W. (red.) *Prahistoria ziem polskich* 5. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 135—178.
- Wołagiewicz R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym*. Szczecin: MNS.
- Yushkova M. A., Kulešov V. S. 2011. Kyorstovo 1: a new burial ground of the period of Roman influences in North-Western Russia. AL 12, 99—121.

References

- Aleksyayuk, M. I. 1975. In *Belaruskaya Savetskaya Ėntsyklopedyya (Belarus Soviet Encyclopedia)* VIII. Minsk, 9 (in Belorussian).
- Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly iuga evropeiskoi chasti SSSR (Fibulae of the South of European part of USSR)*. Svod arheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—30 (in Russian).
- Bashkov, A. A. 2009. In *Arkhealohiya Belarusi (Archaeology of Belarus)* 1. Minsk: Belaruskaya Ėntsyklopedyya im. P. Broŭki, 194 (in Belorussian).
- Bashkatov, Yu. Yu., Terpilovskii, R. V. 2010. In *Pozdnezarubinietskie pamiatniki na territorii Ukrainy (Late Zarubinec sites*

- on the territora of Ukraine). Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 12. Moscow: IA RAN, 36—44 (in Russian).
- Beliaevs, V. G. 2008. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations) 1. Tula: GMZ KP, 209—237 (in Russian).
- Beleviats, V. G. 2012. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations) 3. Tula: GMZ KP, 281—305 (in Russian).
- Beliaevs, V. G. 2004. In *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Deka, 227—265 (in Belorussian).
- Beliaevs, V., Vergei, V. 2002. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 5, 5—24 (in Belorussian).
- Beliaevs, V., Vergei, V. 2005. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik* (Historico-archaeological compilation) 20, 87—106 (in Belorussian).
- Byalitskaya, H. 2007. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik* (Historico-archaeological compilation) 21, 107—123 (in Belorussian).
- Byalitskaya, H. M. 2011. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 20, 126—142 (in Belorussian).
- Byalitskaya, H. M. 2012. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 23, 177—179 (in Belorussian).
- Vergei, V. S. 2008. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations) 1. Tula: GMZ KP, 238—256 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 2009. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha* (Proceedings of the State Hermitage Museum) XLIX, 7—25 (in Russian).
- Gorokhovskiy, E. L. 1982. In *Arkheolohiya* (Archaeology) 38, 16—35 (in Ukrainian).
- Gurevich, F. D. 1962. *Drevnosti Belorusskogo Poneman'ia* (Antiquities of Belarus Neman region). Moscow; Leningrad: IA AN SSSR (in Russian).
- Dzyamentsev, V. A. 1971. In *Belaruskaya Savetskaya Éntsyklopedyya* (Byelorussian Soviet Encyclopedia) IV, 467—468 (in Belorussian).
- Yegoreichenko, A. A. 1999. In *Arkhealohiya Belarusi* ((Archaeology of Belarus) 2 *Zhalezny vek i rannyye syarèdnyavechcha* (Iron Age and Early Middle Age). Minsk: Belaruskaya navuka, 232—289 (in Belorussian).
- Yegoreichenko, A. A. 1999. In *Arkhealohiya Belarusi* (Archaeology of Belarus) 2. *Zhalezny vek i rannyye syarèdnyavechcha* (Iron Age and Early Middle Age). Minsk: Belaruskaya navuka, 113—173 (in Belorussian).
- Yegoreichenko, A. A. 1995. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik* (Historico-archaeological compilation) 6, 52—56 (in Russian).
- Yegoreichenko, A. A. 2005. In *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademyczna, 479—486 (in Russian).
- Yegoreichenko, A. A. 2006. *Kul'tury shtrikhovannoi keramiki* (Cultures with stroke ornamented pottery). Minsk: BGU (in Russian).
- Zaikovskii, E. M. 2011. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 20, 165—172 (in Belorussian).
- Zveruga, Ya. G. 1989. *Verkhnee Poneman'e v IX—XIII vv.* Minsk: Navuka i tekhnika (in Russian).
- Zveruga, Ya. G., Yurkovets, Yu. V. 2006. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 12, 138—141 (in Belorussian).
- Kasparova, K. V. 1986. In *Kul'tura Vostochnoi Evropy I tys.* (Culture of Eastern Europe of the 1 millennium AD). Kuybyshev: KGU, 5—26 (in Russian).
- Kasparova, K. V. 1989. In *Kultura wielbarska w młodszy okresie rzymskim* 2. Lublin: UMCSL, 263—282 (in Russian).
- Kasparova, K. V. 1992. In *Ziemie polskie we wczesnej epoce żelaza i ich powiązania z innymi terenami*. Rzeszów: Muzeum okręgowe w Rzeszowie, 289—302 (in Russian).
- Klimchuk, F. D. 1999. In *Zagoroddze* (Zagoroddze) 1, 10—23 (in Russian).
- Kropotov, V. V. 2011. In *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii* (Burial rites of early Eurasian nomads). Rostov-on-Don: IuNTs RAN, 86—91 (in Russian).
- Kryvaltsevich, M. M. 2011. In *Arkhealohiya Belarusi* ((Archaeology of Belarus) 1. Minsk: Belaruskaya Éntsyklopedyya im. P. Broŭki, 113—114 (in Belorussian).
- Kukhareno, Yu. V. 1961. *Pamiatniki zheleznoogo veka na territorii Poles'ia* (Iron Age sites of the Poles'e region). Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—29 (in Russian).
- Kukhareno, Yu. V. 1964. *Zarubinskaya kul'tura* (Zarubinsk Culture). Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—19 (in Russian).
- Lopatin, N. V., Furasiev, A. G. 2007. *Severnye rubezhi ranneslavianskogo mira v III—V vekakh n. e.* (Northern frontiers of the Early Slavic world in the 3rd—5th centuries AD). Ranneslavianskii mir (Early Slavic world) 8.
- Medvedev, A. M. 1996. *Belorusskoe Poneman'e v rannem zheleznom veke* (I tysiacheletie do n. e. — V v. n. e.) (Belarus Neman region in Early Iron Age (I millennium BC — V century AD)). Minsk: II AN Belorussii (in Russian).
- Medvedev, A. M. 2004. In *Ceramika zachodniebałtyjska: nowe źródła i interpretacje*. Białystok: IHUB, 115—121 (in Russian).
- Medvedev, A. M. 2010. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 19, 187—201 (in Russian).
- Medvedev, A. M. 2011. *Verkhnee Poneman'e v zheleznom veke i rannem srednevekov'e* (Upper Neman region in Early Iron Age and Early Middle Age). Minsk: Belaruskaya navuka (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2005. In *Archeologia o początkach Słowian*. Kraków: Księgarnia Akademyczna, 137—156 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2010. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 12, 16—35 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2010. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 12, 54—66 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2010. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 12, 45—53 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2010. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 12, 5—7 (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Terpilovskii, R. V. 2007. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 10, 113—315 (in Russian).
- Plavinskii, A. N. 2012. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 23, 356—358 (in Belorussian).
- Pobol, L. D. 1979. *Drevnosti Belorussii v muzeiakh Pol'shi* (Antiquities of Belarus in Polish museums). Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Terpilovskii, R. V. 2010. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 12, 8—15 (in Russian).
- Kharitonovich, Z. A. 2011. In *Matèryyaly pa arkhealohii Belarusi* (Materials on archaeology of Belarus) 20, 195—199 (in Russian).
- Khomiakova, O. A. 2012. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations) 3. Tula: GMZ KP, 254—280 (in Russian).
- Charnyavskii, M. M., Kudrashov, V. Ya., Lipnitskaya, V. L. 1996. *Starazhytnyya shakhtsery na Rosi* (Ancient miners on Ros river). Minsk: Navuka i tekhnika (in Belorussian).
- Sharov, O. V., Sorokin, P. E. 2008. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* (Bulletin of the Sankt-Petersburg university) 4 (1), 162—169 (in Russian).
- Schmidehelm, M. X. 1955. *Arkheologicheskie pamiatniki perioda razlozheniia rodovogo stroia na severo-vostoke Estonii* (V v. do n. e. — V v. n. e.) (Archaeological sites from the period of disintegration of the clan system in the Northeast of Estonia (5th century BC — 5th century AD)). Tallinn: EGI (in Russian).
- Schmidt, E. A. 1992. *Plemena verkhov'ev Dnepra do obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva* (Upper Dnieper tribes prior

№4. 2014

- to the formation of Old Russian state). Vol. I. Dneprodvinsk plemena (VIII v. do n. e. — III v. n. e.) (Dnieper – Dvina tribes (8th century BC — 3rd century AD)). Moscow: Prometei (in Russian).
- Shchukin, M. B. 2002. In *Alushta i Alushtinskii region s drevneishikh vremen do nashikh dnei (Alushta and Alushta region from the most ancient times to present days)*. Kiev: Stilos, 7—15 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 2011. In *Evropejskaia Sarmatiia: Sbornik, posviashchennyi Marku Borisovichu Shchukinu (European Sarmatia: a compilation of works dedicated to Mark Borisovich Shchukin)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 239—244 (in Russian).
- Almgren O. 1923. *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der erstennachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch.
- Almgren, O. 1923. *Studien über nordeuropäischen Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinzialrömischen und südrussischen Formen*. Leipzig: Verlag von Curt Kabitzsch.
- Andrzejowski, J. 1999. Hryniewiczze Wielkie — cmentarzysko z pogranicza dwóch światów. W: J. Andrzejowski (red.). *Comhlan: studia z archeologii okresu przedrzymskiego i rzymskiego w Europie Środkowej dedykowane T. Dąbrowskiej w 65 rocznicę urodzin*. Warszawa: DPC, 17—60.
- Andrzejowski, J. 2001. Wschodnia strefa kultury przeworskiej — próba definicji, WA LIV, 59—87.
- Andrzejowski, J. 2005. Wykaz stanowisk z okresu rzymskiego. W: Piotrowski A. (red.). *Zabytki z okresu wpływów rzymskich, średniowiecza i czasów nowożytnych z Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Deka, 17—31.
- Andrzejowski, J., Cieśliński, A. 2007. Germanie i Bałtowie u schyłku starożytności. Przyjazne związki czy wrogie sąsiedztwo? W: Bitner-Wróblewska, A., Brzeziński, W. (red.). *Kultura bogaczewska: 20 lat później. Seminarium Bałtyckie I*. Warszawa: J. Bieszczad, 279—317.
- Bitner-Wróblewska, A. 2007. *Netta. A Balt Cemetery in Northeastern Poland*. MAB XII.
- Beljavec, V. 2009. Die römischen Importe des südlichen Weissrussland. Eine Untersuchung vor dem Hintergrund der kulturellen Entwicklungen des 1—4 Jahrhunderts. JRGZ 56, 1—29.
- Dąbrowska, T. 1973. Wschodnia granica kultury przeworskiej w późnym okresie lateńskim i wczesnym okresie rzymskim. MSW II, 127—248.
- Dąbrowska, T. 2004. Materiały kultury zarubinięckiej z ziem polskich. W: Koško, A., Kalečyc, A. (red.). *Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski*. Warszawa: Deka, 209—222.
- Dąbrowska, T. 1997. *Kamieńczyk. Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur in Ostmasowien*. MAB III.
- Furasiev, A. 2003. The chronology of cultural transformation in the basins of upper Dnieper and Western Dwina in the 1st—5th centuries AD. *Ancient West and East* 4 (2). Leiden; Boston, 388—407.
- Godłowski, K. 1982. Północni barbarzyńcy i wojny Markomańskie w świetle archeologii. SA II, 48—80.
- Godłowski, K. 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszy okresie przedrzymskim i okresie rzymskim*. PKA, 23.
- Godłowski, K. 1994. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit in östlichen Mitteleuropa und Osteuropa. In: Müller R. (red.). *Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunden*. Berlin; New York: de Gruyter, 478—496.
- Jabłońska, A. 1992. Zapinki podkowiaste z emalią w Europie Północno-wschodniej w okresie wpływów rzymskich. ABS 21, 115—165.
- Jaskanis, J. 2012. *Wodzowskie kurhany kultury wielbarskiej na Podlasiu*. Białystok: Biały Kruk.
- Juga-Szymańska, A. 2011. Die Fibel aus Lattenwalde. Die Fibeln A. 67—68 aus dem westbaltischen Kulturkreis. AL 12, 36—47.
- Kostrzewski, J. 1939/1948. Od mezolitu do wędrówek ludów. W: Krukowski S., Kostrzewski J., Jakimowicz R. *Prehistoria ziem polskich*. Encyklopedia Polska PAU. T. IV/1. Kraków, 118—360.
- Kunow, J. 1998. Die Hauptserie Augenfibeln: Gruppe III, Fig. 45—54. FALB 5, 93—118.
- Kunow, J. 1999. Katalog und Kartierungen zur Hauptserie der Augenfibeln: Almgren Gruppe III, Figuren 44, 45—54. VBLUF 33, 65—105.
- Lang, V. 2007. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia. *Estonian Archaeology* 3.
- Mączyńska, M. 2011. Der frühvölkerwanderungszeitliche Hortfund aus Lubiana, Kreis Kościerzyna (Pommern). BRGK 90.
- Michelbertas, M. 1986. *Senasis geležies amžius Lietuvoje. I—IV amžius*. Vilnius: Moksas.
- Michelbertas, M. 1998. Die römischen Fibeln in den baltischen Staaten. FALB 5, 425—432.
- Michelbertas, M. 1997. *Paragaudžio Pilkapynas*. Vilnius: Vilniaus universitetas.
- Michelbertas, M. 2006. *Akmenių ir Perkūnišės pilkapei*. Archeologia Lituana, A seria №2. Vilnius: Vilnius Universiteto leidykla.
- Nowakowski, W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. *Voröffentlichung des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg* Sonderband 10.
- Nowakowski, W. 1998. *Die Funde der römischen Kaiserzeit und Völkerwanderungszeit aus Mazuren*. MVFB 6.
- Pfeiffer-Frohnert, U. 1998. „Mit Augen am Fuß und mit Wulst statt Scheibe“. Verbreitung und Zeitstellung der preußischen Nebenserie A 57—61 und ihrer Varianten. FALB 5, 125—134.
- Riha, E. 1979. Die Römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. FA 3.
- Wołagiewicz, R. 1981. Kultury wielbarska i oksywska. W: Hensel W. (red.) *Prahistoria ziem polskich* 5. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Ossolineum, 135—178.
- Wołagiewicz, R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morzem Czarnym*. Szczecin: MNS.
- Yushkova, M.A., Kulešov, V.S. 2011. Kyorstovo 1: a new burial ground of the period of Roman influences in North-Western Russia. AL 12, 99—121.

Статья поступила в номер 27 февраля 2014 г.

Vadzim Beliaevets (Minsk, Belarus). Candidate of Historical Sciences. Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus¹.

Vadzim Beliaevets (Minsk, Belarus). Candidat în științe istorice. Institutul de istorie al Academiei Naționale de Științe a Belarusiei.

Белевец Вадим Георгиевич (Минск, Беларусь). Кандидат исторических наук. Институт истории Национальной Академии наук Беларуси.

E-mail: vbeliavec@gmail.com

Address: ¹ Academitsheskaya St., 1, Minsk, 220072, Belarus

Ю. В. Ширин

К атрибуции одной случайной находки из коллекции Национального археологического музея в Варшаве

Keywords: Western Siberia, Sarmatians, dagger hilt.

Cuvinte cheie: Siberia de Vest, sarmați, pumnal, mâner.

Ключевые слова: Западная Сибирь, сарматы, кинжал, рукоять.

Yu. V. Shirin

Towards Attribution of a Random Find from the Collection of the National Museum of Archaeology in Warsaw

The author proposes an attribution of a bronze dagger hilt from the collection of Scythian time in the National Museum of Archaeology in Warsaw. Daggers with similar hilts are well-known from the later sites in Western Siberia dated about the second quarter of the 1 st millennium AD. This is consistent with the information of a probable location of the find published by Z. Podkowińska in 1933, but it was put much debated. Weapons of the first half of the I Millennium AD found on archaeological sites in Western Siberian forests have a strong resemblance to the weapons of the middle and late Sarmatian burials, but at the same time bear traits of distinctive decoration, which survived to the early Middle Ages.

Yu. V. Shirin

Despre atribuirea cultural-cronologică a unei descoperiri fortuite din colecția Muzeului Național de Arheologie din Varșovia

În prezentul articol este propusă analiza unui mâner de bronz din colecția scitică a Muzeului Național de Arheologie din Varșovia, Polonia. Pumnale executate similar sunt cunoscute în complexe mai târzii din Siberia de vest, datate cu al doilea sfert al mileniului I î.Hr. Proveniența siberiană a piesei este confirmată și de informația (inițial considerată dubioasă) privind locul probabil de descoperire, publicată în 1933 de către Z. Podkovinskaia. Armamentul din siturile forestiere din Siberia de vest, din prima jumătate a mileniului I î.Hr., are multiple analogii în mormintele culturii sarmatice mijlocii și târzii, însă prezintă și unele elemente locale de ornamentare care persistă până în Evul Mediu timpuriu.

Ю. В. Ширин

К атрибуции одной случайной находки из коллекции Национального археологического музея в Варшаве

В статье предложена атрибуция бронзовой рукояти кинжала из коллекции скифского времени Национального археологического музея в Варшаве. Кинжалы с таким оформлением известны в комплексах Западной Сибири более позднего времени — второй четверти I тыс. н.э. Это согласуется с информацией о вероятном месте находки рукояти, которая опубликована в 1933 г. З. Подковинской, но подвергалась сомнению. Оружие западносибирских лесных памятников первой половины I тыс. н.э. имеет многочисленные аналогии в средне- и позднесарматских погребениях, но одновременно носит черты самобытного декоративного оформления, которые сохраняет вплоть до раннего средневековья.

В фондах Национального археологического музея в Варшаве, созданного в 1923 г., находятся коллекции самого разного происхождения. Большая часть их получена в ходе археологических раскопок, но есть и случайные находки, в том числе поступившие из плохо документированных частных собраний. В послевоенные годы к музею был присоединен Археологический музей научного общества Эразма Маевского. Среди случайных

находок из его собрания наше внимание привлекла цельнолитая полая бронзовая рукоять кинжала размерами 9,7×3,9×2,6 см (МЕМ №195756) (рис. 1), изготовленная в двусторонней форме с сердечником. У рукояти ажурное навстречу друг другу завитков, и прямое узкое перекрестье. С одной плоскости рукоять украшена рельефным орнаментом в виде отрезков зигзага (с изломами под прямым углом),

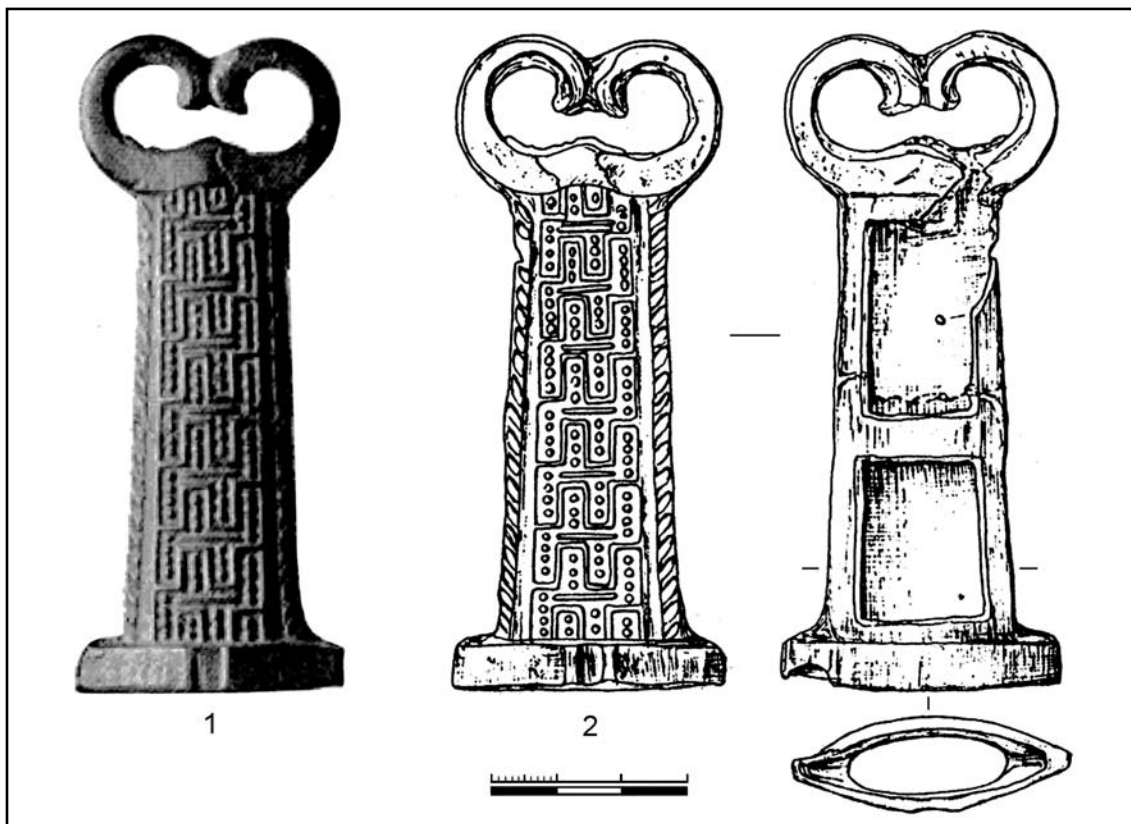

Рис. 1. Бронзовая рукоять кинжала из НАМБ (1 — по Podkowińska 1933: rys. 35; 2 — по Węgrzynowicz 2001: rys. 52: f).

Fig. 1. Bronze dagger hilt from NMA (1 — after Podkowińska 1933: rys. 35, 2 — after Węgrzynowicz 2001: rys. 52: f).

петли которых заполнены строчками псевдозерни. Вдоль краев рукояти нанесены косые насечки. С противоположной плоскости рукоять не декорирована, а почти во всю ее длину имеет прямоугольное отверстие, разделенное в средней части узкой перемычкой. Дефект недоливки деформировал это отверстие, образовав разрыв при сочленении с навершием, не повлиявший на целостность изделия. Признаки недоливки имеют и кончики завитков навершия. Рукоять покрыта ровной блестящей патиной, цвет которой позволяет предполагать, что изделие отлито из высокооловянистой бронзы. Характер исполнения рукояти показывает, что она служила для оформления малофункционального, парадного кинжала.

Изделие поступило в музейное собрание Э. Маевского от частного лица (Ст. Обрем-пальского). Впервые эта рукоять была опубликована в 1933 г. (Podkowińska 1933: 148, rys. 35). Ссылаясь на некую музейную запись, С. Подковинская указала, что рукоять найдена на р. Печоре. При определении хронологии и культурной принадлежности изделия она осторожно предположила, что рукоять может быть близка восточно-российским

древностям скифского времени (ананьинским и сибирским). В дальнейшем, при повторных публикациях этой рукояти кинжала, сведения о месте находки изменились. Так, в работе Л. Д. Побоя, который также опирался на музейные записи, но более позднего времени, указано, что находка сделана в 1898 г., а местом находки назван Витебск (Поболь 1979: 88, рис. 71). Сам предмет был по-прежнему отнесен к скифскому периоду. В перечне памятников скифского времени эту рукоять кинжала под условным названием «Витебск» мы находим и в каталоге Т. Венгжинович (рис. 1, 2). Следует отметить, что у Т. Венгжинович указан другой год передачи рукояти в фонды музея Э. Маевского — 1901 г. При этом, упоминая о месте находки, автор делает замечание: «С. Подковинская обсуждает этот памятник как найденный в верховьях Печоры и включает его в типы сибирских кинжалов. Запись в инвентарной книге МЭМ доказывает, что автор сделала ошибку с местом находки, а вслед за тем, вероятно, и с определением культурной принадлежности этого памятника» (Węgrzynowicz 2001: 61, rys. 52: f).

Но могла ли так ошибиться С. Подковинская? С не меньшим основанием мы можем

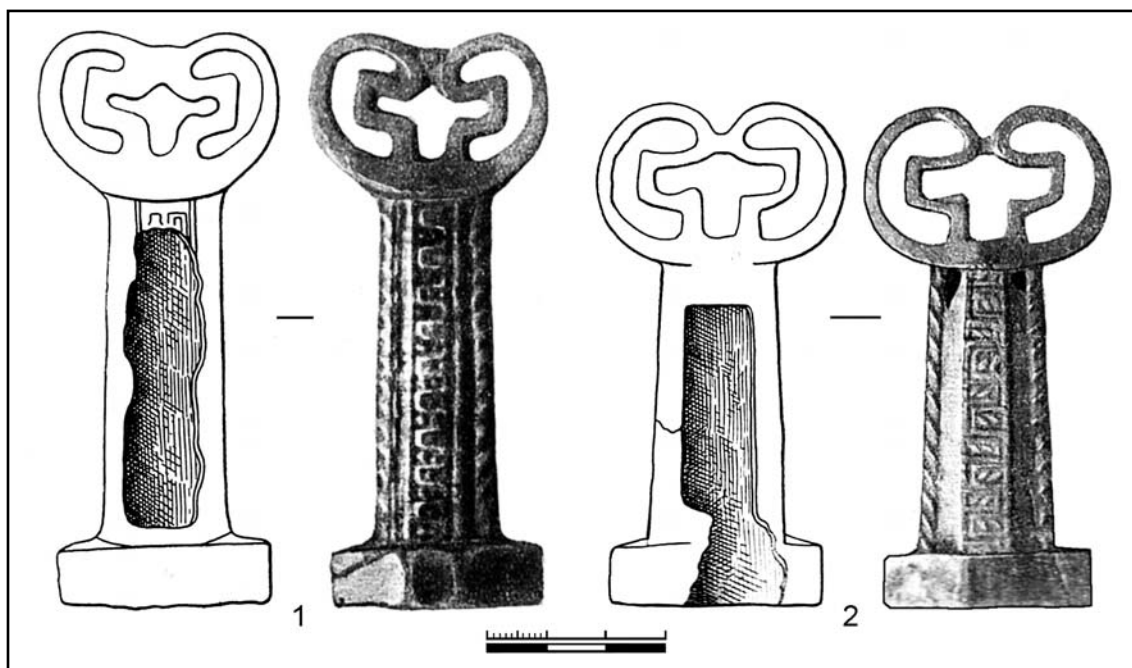

Рис. 2. Бронзовые рукояти кинжалов из Лозьвинского «клада» (по Чернецов 1953: табл. XVII).

Fig. 2. Bronze dagger hilts from Lozovinskoe "hoard" (after Чернецов 1953: табл. XVII).

предполагать, что при атрибуции предмета она пользовалась музейными записями, которые не дошли до нас, будучи утраченными в годы войны или при передаче коллекций. К упоминанию р. Печоры в качестве места находки коллеги могли бы отнестись менее скептически, если бы им были известны две бронзовые рукояти кинжалов, которые несколько ранее, чем «витебская» находка в МЭМ, поступили в фонды Императорского Российского исторического музея в г. Москве.

В 1881 г. в только что созданный Императорский Российский исторический музей (ныне ГИМ) из Императорской Археологической Комиссии (ИАК) была передана коллекция древностей Северного Зауралья (Императорский... 1893: 344, 345). В их числе были две рукояти кинжалов, аналогичные «витебской», отлитые из высокооловянистой бронзы. Эти предметы были подарены ИАК уральским купцом И.С. Шаньгиным, а приобретены им у местных жителей, которые выкопали «клад» на берегу одной из сибирских рек. Краткое словесное описание этих рукоятей, без рисунка, опубликованное в каталоге музея в 1893 г., вряд ли в те годы, когда С. Подковинская готовила свою статью, могло помочь установить, что они аналогичны рукояти из польского музея. Так что С. Подковинская должна была иметь свой независимый источник, чтобы опубликовать вполне правдоподобную информацию о североуральском происхождении описываемой рукояти.

Изображение рукоятей из собрания ГИМ впервые были опубликованы в 1953 г. В.Н. Чернецовым (рис. 2). С этих пор они известны как составная часть коллекции, получившей название «Лозьвинский клад» — по месту их покупки И.С. Шаньгиным (точное место находки «клада» так и не было установлено) (Чернецов 1953: 156—162). Лозьвинские рукояти, при общем конструктивном и декоративном сходстве с «витебской», имеют с ней и заметные отличия, которые, прежде всего, выражаются в ином оформлении ажурного навершия. Усложненные завитки создают в центре наверший обеих рукоятей крестообразную фигуру, в которой при желании можно разглядеть контур птицы с распахнутыми крыльями.

В.Н. Чернецов посчитал возможным датировать Лозьвинский «клад» III—II вв. до н.э. Определяя культурно-исторический этап, к которому следует отнести лозьвинские рукояти, В.Н. Чернецов привел не только известные ему аналогии наверший кинжалов (Ишимская коллекция (рис. 3: 3), Усть-Полуй (рис. 3: 1, 2)), но и те западносибирские комплексы, в которых были найдены предметы с аналогичным орнаментом (Айдашинская пещера (Молодин и др. 1980: табл. VI: 5), могильник Ближние Елбаны-VII (Грязнов 1956: табл. LI: 14)). Логика аргументации В.Н. Чернецова привела его к утверждению, что петлистозерновой орнамент, украшающий лозьвинские рукояти, совершенно не известен на бронзовых издели-

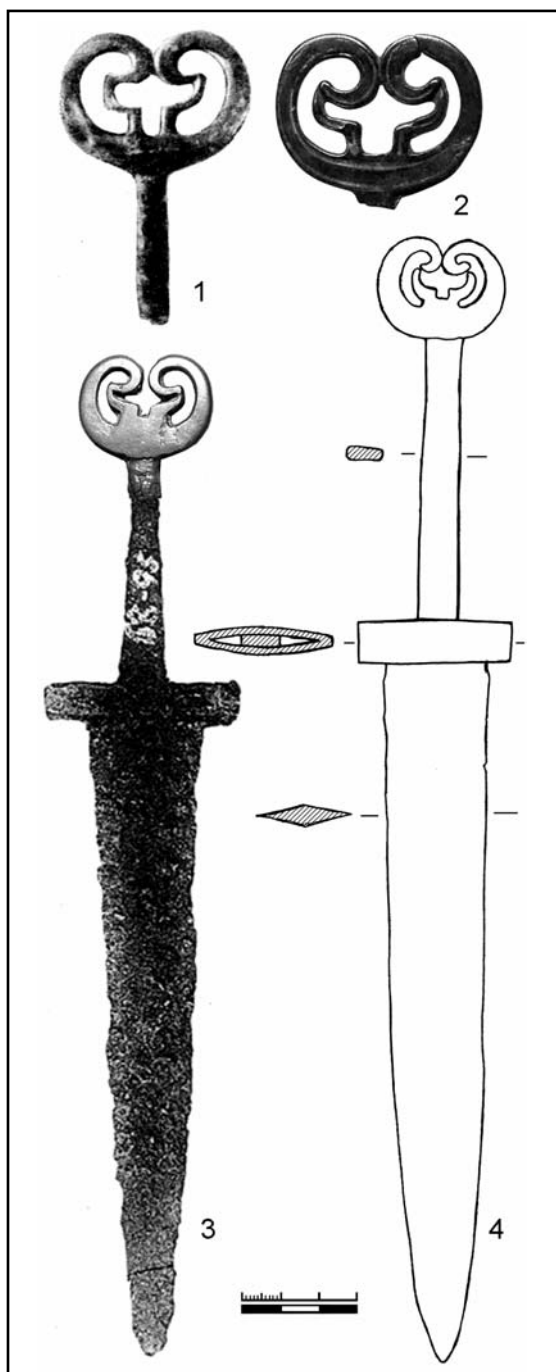

Рис. 3. Кинжалы с навершиями лозьвинского типа: 1, 2 — Усть-Полуй (по Чернецов 1953: табл. I: 2, 3); 3 — Ишимский «клад» (по Ермолаев 1914: табл. I: 4); 4 — Елыкаевский «клад» (по Зиняков 1997: рис. 13, ан. 910).

Fig. 3. Lozvinское type dagger hilts: 1, 2 — Ust'-Polui (after Чернецов 1953: табл. I: 2, 3); 3 — Ishimskoe "hoard" (after Ермолаев 1914: табл. I: 4); 4 — Elykaevo "hoard" (after Зиняков 1997: рис. 13, ан. 910).

ях на юге Сибири начиная с I—II вв. н. э. (Чернецов 1953: 227). Но впоследствии датировка комплексов, на которые опирался В. Н. Чернецов, была значительно омоложена. Они были отнесены к разным периодам первой полови-

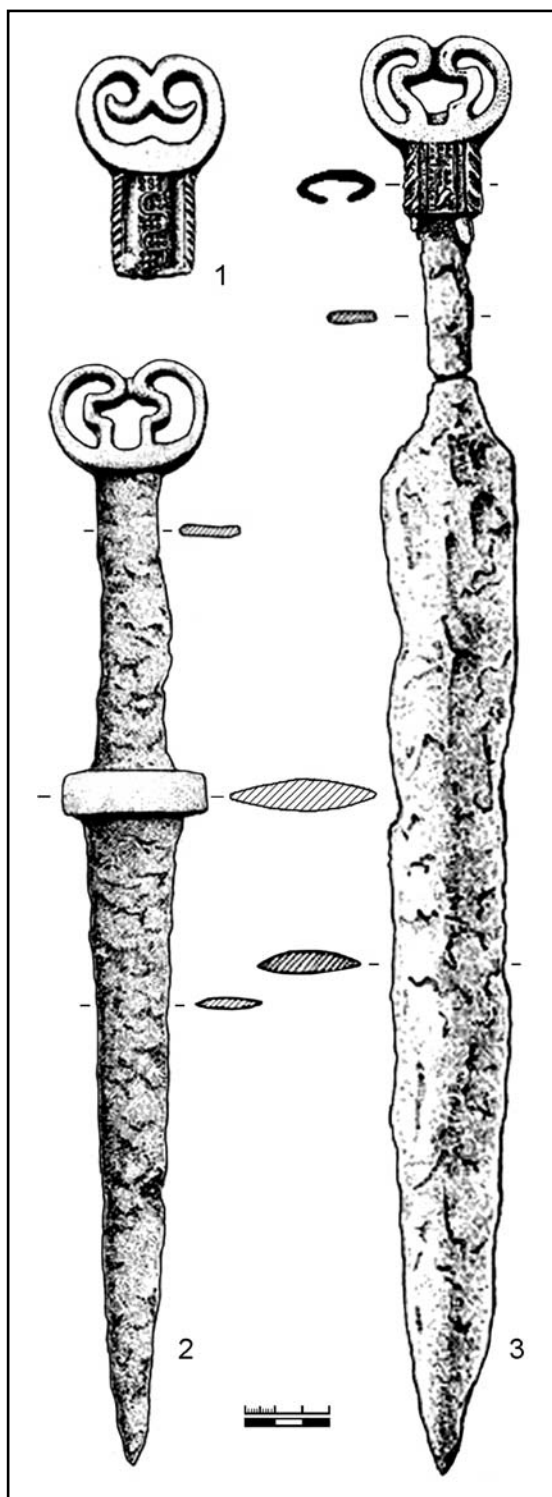

Рис. 4. Кинжалы и фрагменты рукоятей из Холмогорского «клада» (по Зыков, Федорова 2001: 115—117).

Fig. 4. Daggers and fragments of hilts from Kholmogory "hoard" (after Зыков, Федорова 2001: 115—117).

ны I тыс. н. э. (Ширин 2003: 12—15). Сейчас мы знаем, что петлисто-зерновой орнамент известен и в комплексах раннего средневековья (Чиндина 1991: рис. 22: 6) (рис. 6). В лесостепной зоне наиболее ранние изделия с таким

орнаментом найдены в погребениях фоминской культуры, датировать которые ранее рубежа II—III вв. нет оснований (Ширин 2010). Тем не менее, продолжают попытки датировать изделия с петлито-зерневым орнаментом, известные в материалах Усть-Полуя, более ранним временем. О критическом отношении к этому мы уже писали (Ширин 2009).

В настоящее время известно уже более десятка рукоятей кинжалов лозьвинского типа и типологически сходных с ними бронзовых наконечников из разных мест Западной Сибири¹. В литературе имеется информация и о наконечнике, искусно выкованном из железа, на рукояти кинжала с прямым напускным перекрестьем (рис. 3: 4). Происхождение этого кинжала не совсем ясно. В публикации указано, что это кинжал из Елыкаевского «клада» (Зиняков 1997: 154), но его нет в более ранних публикациях материалов этого культурного места (Могильников 1968), в том числе и в посвященных специально изучению оружия из состава этого комплекса (Зиняков 1976), нет его и в Елыкаевской коллекции МАЭС ТГУ.

Обломки трех рукоятей лозьвинского типа найдены в Холмогорском культовом месте (рис. 4). Комплекс датирован концом III — началом IV вв. н.э. (Зыков, Федорова 2001: 145). Обломки еще двух рукоятей с уникальным дополнением — ножами кинжалов — найдены в могильнике Агрнъёган-1 (рис. 5). По многочисленным аналогиям с изделиями Холмогорского «клада» комплекс могильника Агрнъёган-1 датирован тем же временем (Перевалова, Карачаров 2006: 71).

Косвенным указанием на то, что рукояти лозьвинского типа, как и сопряженные с ними типы кинжалов, не случайно включаются в круг древностей второй четверти I тыс. н.э., могут служить особенности ножен из могильника Агрнъёган-1. Они относятся к наиболее поздним вариантам ножен с четырьмя боковыми выступами, верхняя пара лопастей которых имеет горизонтальный верхний срез, а сами они узкие, а не округлые, как у ранних экземпляров (Сарианиди 1989: рис. 33). Наиболее ранний комплекс с ножнами такого типа датирован II в. н.э. (Болтунова, Еремян 1956: 473). В дальнейшем они широко представлены в раннесасанидских матери-

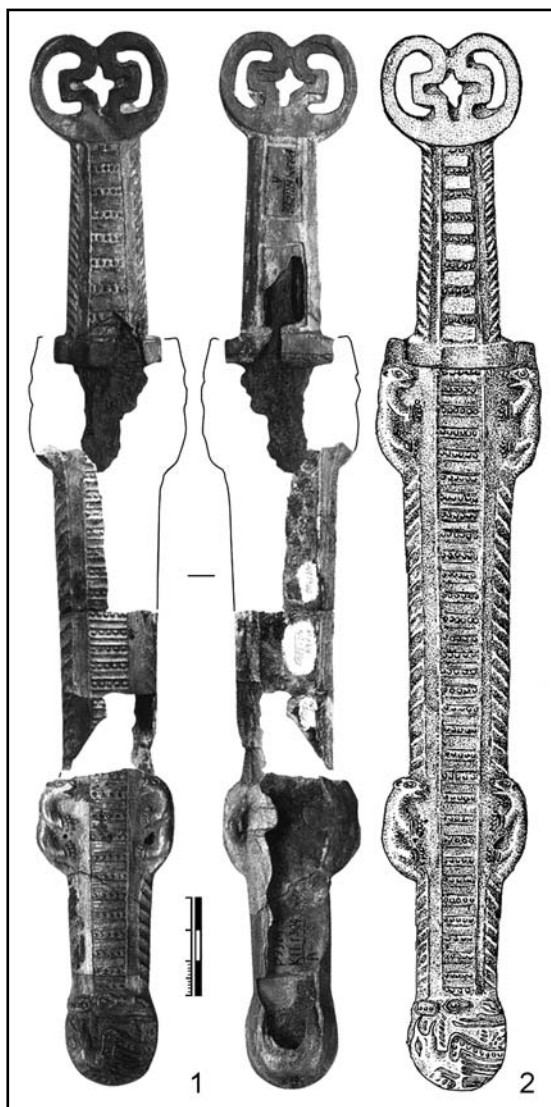

Рис. 5. Обломки бронзовых рукоятей и ножен из могильника Агрнъёган-1 и их графическая реконструкция (по Перевалова, Карачаров 2006: 68, 69).

Fig. 5. Fragments of bronze dagger hilts and scabbards from the Agriyogan I graveyard and their graphic reconstruction (after Перевалова, Карачаров 2006: 68, 69).

алах и из иранской культурной среды периодически проникают на север. Ножны такой конструкции известны в комплексах цебельдинской культуры конца IV — первой половины V вв. (Казанский, Мастыкова 2011: рис. 9: 3). В регионах, близких к местам находок рукоятей лозьвинского типа, они (вернее, их деревянные модели) известны в материалах грунтовых таштыкских могил (Вадецкая 1999: табл. 52: 2). Дата этих комплексов укладывается в интервал III—IV вв. с тенденцией омоложения (Pankova et al. 2010: 50—55). Декоративное оформление нижней части ножен из могильника Агрнъёган-1 имеет сходство с бутеролью из могильника

¹ Из-за участвовавшего за последние годы разграбления археологических памятников Западной Сибири не менее четырех таких изделий из лесного Зауралья и Нижнего Приобья, к сожалению, попали в частные коллекции. В лучшем случае их ждет судьба бронзовой рукояти из собрания Э. Маевского.

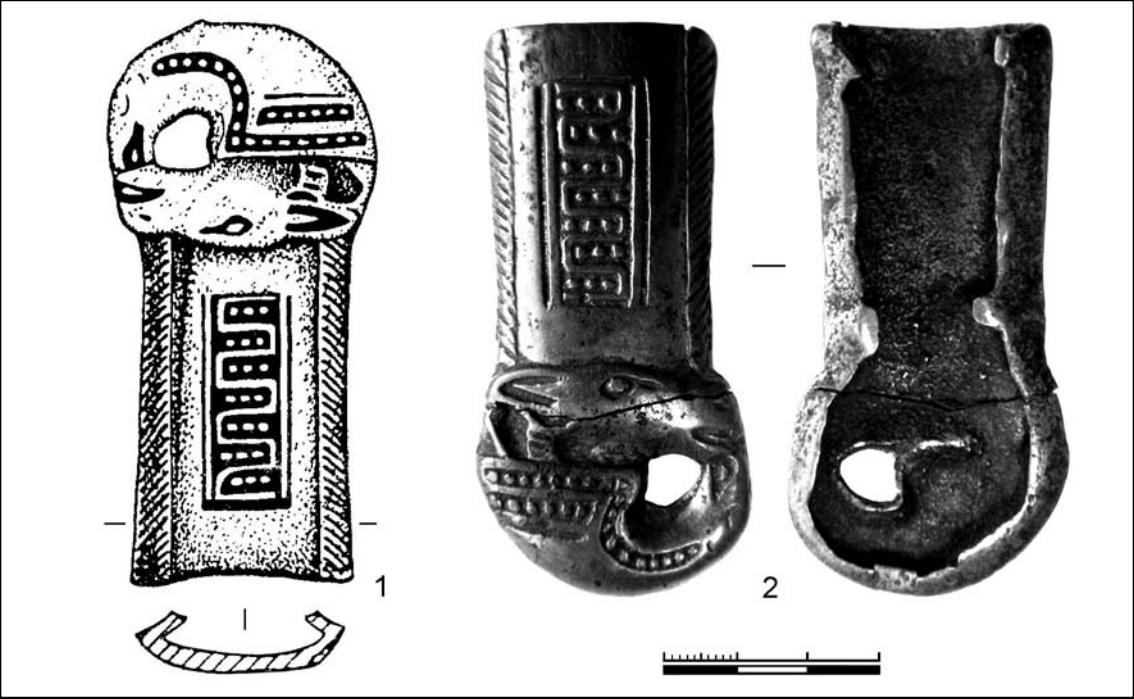

Рис. 6. Бронзовая бутероль из могильника Высокий Борок (1 — по Троицкая, Адамов 1991: рис. 1: 1; 2 — фонды Музея НГПУ, №577, фото автора).

Fig. 6. Bronze scabbard tip from Vysokiy Borok graveyard (1 — after Троицкая, Адамов 1991: рис. 1: 1; 2 — funds NSPU Museum, no.577, photo by the author).

Высокий Борок верхнеобской культуры (рис. 6), где она датирована VI—VII вв. (Троицкая, Адамов 1991: 140, рис. 1, 1; Троицкая, Новиков 1998: 58).

Анализ металла некоторых из бронзовых наконечников и фрагментов рукоятей показал, что для их изготовления использованы те же типы высокооловянистых сплавов (табл. 1; 2), ко-

торые представлены в основных комплексах первой половины I тыс. н. э. Западной Сибири (Кузьминых 2001; Кузьминых, Чемякин 2005). Одной из их особенностей является относительно высокий процент железа в составе примесей.

Проблемы датировки западносибирских памятников первой половины I тыс. н.э.

Таблица 1.
Результаты рентгено-флуоресцентного анализа наконечников кинжалов из Усть-Полуя и Ишимского «клада»²

Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
Рис. 3: 1	Основа	<0,5	5—7	2—3	Следы	Fe, Ni, Ag
Рис. 3: 2	Основа	<0,6	3—4	3—6	<0,4	Fe, Ni, Ag
Рис. 3: 3	Основа	Следы	14—20	1—3	Следы	Fe, Ni

Таблица 2.
Результаты спектроаналитического изучения изделий Холмогорского клада³

Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Прочие
Рис. 4: 1	Основа	0,1	>10,0	0,75	0,05	Fe, Bi, Ni, Co
Рис. 4: 2	Основа	0,08	>10,0	0,5	0,01	Fe, Bi, Ni, Co
Рис. 4: 3	Основа	0,02	>10,0	0,04	-	Fe, Bi, Ni, Co

² Работа проведена С.В. Хавриным на спектрометре ArtTAX. Данные приведены в процентах. Нижний порог обнаружения для большинства элементов составляет 0,05—0,1 %, для цинка и никеля — 0,1—0,4 %.

³ Данные по: Кузьминых 2001: табл. 1.

во многом сходны и уже нами рассматривались (Ширин 2006; Ширин, Хаврин 2012: 241). Не избежали их и комплексы с рукоятками лозьвинского типа. Остается надеяться, что кроме предложенных эволюционно типологических схем развития кинжалов (Зыков 1993: рис. 3), в дальнейшем для оригинальных западносибирских типов этого оружия появятся и независимые способы датирования. Пока же все приводимые для них аналогии — прототипы накладных рукояток (Сарианиди 1989: рис. 33), подражания им в железе с золотыми аппликациями (Kouznetsov, Lebedinsky 2005: 39), кинжалы с волютообразными и кольцевыми навершиями из южных кочевнических комплексов Европы и Азии (Шаповалов 1973:

рис. 4: 1; Скрипкин, Мамонтов 1977: 286, 287, рис. 2; Обельченко 1978: 22, рис. 4; Погодин 1998: рис. 2: 2; Соёнов 1999: 135—136, рис. 13: 6; Горбунов, Тишкин 2006: 83, рис. 5: 6; Кривошеев 2013), а также стилистические и функционально-технологические параллели в пьяноборских и родственных им комплексах (Гришаков, Зубов 2009: рис. 40; Голдина, Красноперов. 2012: табл. 224) — скорее, занижают хронологические рамки, предполагаемые для оружейных «кладов» Западной Сибири.

Благодарности. Автор благодарен Я. Анджеевскому, М. Казанскому, О. Митько, В. Сидорович за помощь и консультации, оказанные при подготовке материала для данной статьи.

Литература

- Болтунова А. И., Еремян С. Т. 1956. Рабовладельческие государства Закавказья в последние века до нашей эры и их борьба с экспансией Рима. В: Третьяков П. Н., Монгайт А. Л. (ред.). *Очерки истории СССР. Первобытнообщинный строй и древнейшие государства на территории СССР*. Москва: Изд-во АН СССР, 420—485.
- Голдина Р. Д., Красноперов А. А. 2012. *Нырғындынський I моги́льник II—III вв. на Средней Каме*. Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции 22. Ижевск: Удмуртский университет.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А. 2006. Комплекс вооружения кочевников Горного Алтая хуннской эпохи. *АЭАЕ* 28 (4), 79—85.
- Гришаков В. В., Зубов С. Э. 2009. *Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы*. Казань; Самара: Институт истории АН РТ.
- Грязнов М. П. 1956. *История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка*. МИА 48.
- Ермолаев А. П. 1914. *Ишимская коллекция. Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический*. Вып. 1. Красноярск.
- Зиняков Н. М. 1976. Технология производства железных предметов Елыкаевской коллекции. В: Мартынов А. И. (отв. ред.). *Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху*. Кемерово: Кемеровский университет, 106—114.
- Зиняков Н. М. 1997. *Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири*. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Зыков А. П. 1993. Железные кинжалы Северо-Западной Сибири. В: Корякова Л. Н. (отв. ред.). *Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье*. Екатеринбург: УИФ «Наука», 144—161.
- Зыков А. П., Федорова Н. В. 2001. *Холмогорский клад: коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея*. Екатеринбург: Сократ.
- Императорский... 1893: *Императорский Российский исторический музей. Указатель памятников*. 1893. Москва.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. 2011. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II—VII вв.). В: Авидзба В. Ш. и др. (ред.). *Вторая Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа*. Материалы. Сухум: АБИГИ, 102—116.
- Кривошеев М. В. 2013. Наборы клинкового вооружения из позднесарматских погребений. В: Лопатин В. А. (ред.). *Археология Восточно-Европейской степи* 10. Саратов: Типография ИП Беглакова Е. С., 245—250.
- Кузьминых С. В. 2001. Цветной металл Холмогорской коллекции. В: Зыков А. П., Федорова Н. В. *Холмогорский клад: коллекция древностей III—IV веков из собрания Сургутского художественного музея*. Екатеринбург: Сократ, 146—150.
- Кузьминых С. В., Чемякин Ю. П. 2005. Цветной металл памятников Барсовой Горы I тысячелетия до н. э. (предварительные результаты). В: Ожередов Ю. И. (отв. ред.). *Культуры и народы Западной Сибири в контексте междисциплинарного изучения* 1. Томск: МАЭС ТГУ, 123—134.
- Могильников В. А. 1968. Елыкаевская коллекция Томского университета. *СА* (1), 263—268.
- Молодин В. И., Бобров В. В., Равнушкин В. Н. 1980. *Айдашинская пещера*. Новосибирск: Наука.
- Обельченко О. В. 1978. Мечи и кинжалы из курганов Согда. *СА* (4), 115—127.
- Перевалова Е. В., Карачаров К. Г. 2006. *Река Аган и ее обитатели*. Екатеринбург; Нижневартовск: УРО РАН; Студия «ГРАФО».
- Поболь Л. Д. 1979. *Древности Белоруссии в музеях Польши*. Минск: Наука и техника.
- Погодин Л. И. 1998. *Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века*. Омск: Омский гос. ун-т.
- Сарианиди В. И. 1989. *Храм и некрополь Тилля-Тепе*. Москва: Наука.
- Скрипкин А. С., Мамонтов В. И. 1977. Об одном новом типе позднесарматских кинжалов. *СА* (4), 285—287.
- Соёнов В. И. 1999. Раскопки на могильнике Сары-Бел. В: Соёнов В. И. (отв. ред.). *Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии* 4. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 134—152.

- Троицкая Т.Н., Адамов А.А. 1991. Новые памятники верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье. В: Матвеева Н.П. (отв. ред.). *Источники этнокультурной истории Западной Сибири*. Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 140—148.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В. 1998. *Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье*. Новосибирск: ИАЭ СО РАН.
- Чиндина Л.А. 1991. *История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура)*. Томск: Изд-во Томского ун-та.
- Шаповалов Т.О. 1973. Сарматски поховання поблизу с. Новолуганське. *Археологія* 8, 85—87.
- Ширин Ю.В. 2003. *Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры)*. Новокузнецк: Кузнецкая крепость.
- Ширин Ю.В. 2006. Хронологические аспекты концепции Обь-Иртышской историко-культурной общности эпохи раннего железа. В: Корякова Л.Н. и др. (ред.). *II Северный археологический конгресс. Доклады*. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 420—441.
- Ширин Ю.В. 2009. О некоторых южных аналогиях древностям Нижней Оби эпохи раннего железа. В: Багашев А.Н. (отв. ред.). *Человек и Север. Антропология, археология, экология* 1. Тюмень: ИПОС СО РАН, 126—129.
- Ширин Ю.В. 2010. Нижняя дата для фоминских памятников и проблемы, с нею связанные. В: Молодин В.И. (отв. ред.). *Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой)*. Новосибирск: НГПУ, 190—195.
- Ширин Ю.В., Хаврин С.В. 2012. Комплексы второй четверти I тыс. н. э. из Томского могильника. *Stratum plus* (4), 239—255.
- Kouznetsov V., Lebedinsky I. 2005. *Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier — XV siècles apr. J.-C.* Paris.
- Pankova S.V., Vasiliev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I. 2010. Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method. *AEAE* 38 (2), 46—56.
- Podkowińska Z. 1933. *Miecze brązowe z Wojciechow w pow. Jędrzejowskim w woj. Kieleckim*. In: Antoniewicz W. (red.). *Światowit XV*. Warszawa, 116—168.
- Węgrzynowicz T. 2001. *Zabytki z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z Ukrainy i Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie.

References

- Boltunova, A. I., Eremyan, S. T. 1956. In *Ocherki istorii SSSR. Pervobytnoobshchinniyi stroi i drevneishie gosudarstva na territorii SSSR (Essays on history of USSR. Primitive communal order and the most ancient states on the territory of USSR)*. Moscow: AN SSSR, 420—485 (in Russian).
- Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II—III vv. na Srednei Kame (Nyrgyndinskii I necropolis from 2nd—3rd centuries AD on Middle Kama river)*. Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Materials and researches of Kamsko-Viatskaia archaeological expedition) 22. Izhevsk: Udmurtskii universitet (in Russian).
- Gorburonov, V. V., Tishkin, A. A. 2006. In *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia)* 28 (4), 79—85 (in Russian).
- Grishakov, V. V., Zubov, S. E. 2009. *Andreevskii kurgan v sisteme arkheologicheskikh kul'tur rannego zheleznoogo veka Vostochnoi Evropy (Andreevskii barrow in the system of archaeological cultures from the Early Iron Age of Eastern Europe)*. Kazan; Samara: Institut istorii AN RT (in Russian).
- Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriia drevnikh plemen Verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaia Rechka (History of ancient tribes from Upper Ob region basing on the excavation near the village of Bol'shaia Rechka)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 48 (in Russian).
- Ermolaev, A. P. 1914. *Ishimskaia kolleksiia. Opisanie kolleksii Krasnoarskogo muzeia. Otdel arkheologicheskii (Ishimsk collection. A description of the collection of Krasnoyarsk museum. Archaeological section)*. Issue 1. Krasnoyarsk (in Russian).
- Zinyakov, N. M. 1976. In *Iuzhnaia Sibir' v skifo-sarmatskuiu epokhu (Southern Siberia in the Scythian and Sarmatian epoch)*. Kemerovo: Kemerovskii universitet, 106—114 (in Russian).
- Zinyakov, N. M. 1997. *Chernaia metallurgii i kuznechnoe remeslo Zapadnoi Sibiri (Ferrous metallurgy and smithcraft of Western Siberia)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat (in Russian).
- Zykov, A. P. 1993. In *Znaniia i navyki ural'skogo naseleniia v drevnosti i srednevekov'e (Knowledge and skills of Ural population in Antiquity and Middle Ages)*. Ekaterinburg: Nauka, 144—161 (in Russian).
- Zykov, A. P., Fedorova, N. V. 2001. *Kholmogorskii klad: kolleksiia drevnostei III—IV vekov iz sobraniia Surgut'skogo khudozhestvennogo muzeia (Kholmogorsk treasure: a collection of antiquities from 3rd—4th centuries AD from the Surgut Art Museum)*. Ekaterinburg: Sokrat (in Russian).
- Imperatorskii Rossiiskii istoricheskii muzei. *Ukazatel' pamiatnikov (Imperial Russian History museum. Index of monuments)*. 1893. Moscow (in Russian).
- Kazanski, M. M., Mastikova, A. V. 2011. In *Vtoraia Abkhazskaia mezhdunarodnaia arkheologicheskaiia konferentsiia: Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (Second Abkhazian international archaeological conference: Problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus)*. Sukhum: AbIGI, 102—116 (in Russian).
- Krivoshchev, M. V. 2013. In *Arkheologiya Vostochno-Evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European steppe)* 10. Saratov: Tipografiia IP Beglako E. S., 245—250 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V. 2001. In *Zykov, A. P., Fedorova, N. V. Kholmogorskii klad: kolleksiia drevnostei III—IV vekov iz sobraniia Surgut'skogo khudozhestvennogo muzeia (Kholmogorsk treasure: a collection of antiquities from 3rd—4th centuries AD from the Surgut Art Museum)*. Ekaterinburg: Sokrat, 146—150 (in Russian).
- Kuzminykh, S. V., Chemyakin, Yu. P. 2005. In *Kul'tury i narody Zapadnoi Sibiri v kontekste mezhdistseplinarnogo izucheniia (Cultures and people of Western Siberia in the context of interdisciplinary research)* 1. Tomsk: MAES TGU, 123—134 (in Russian).
- Mogilnikov, V. A. 1968. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 263—268 (in Russian).
- Molodin, V. I., Bobrov, V. V., Ravnushkin, V. N. 1980. *Aidashinskaiia peshchera (Aidashinsk cave)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).
- Obelchenko, O. V. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 115—127 (in Russian).
- Perevalova, E. V., Karacharov, K. G. 2006. *Reka Agan i ee obitateli (Agan river and its inhabitants)*. Ekaterinburg: Nizhnevar-tovsk: UrO RAN; Studia «GRAFO» (in Russian).
- Pobol, L. D. 1979. *Drevnosti Belorussii v muzeiakh Pol'shi (Antiquities of Belorussia in Polish museums)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Pogodin, L. I. 1998. *Vooruzhenie naseleniia Zapadnoi Sibiri rannego zheleznoogo veka (Armament of Western Siberian population from Early Iron age)*. Omsk: Omskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).

№4. 2014

- Sarianidi, V. I. 1989. *Khram i nekropol' Tillya-Tepe (Temple and necropolis of Tillya-Tepe)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Skripkin, A. S., Mamontov, V. I. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 285—287 (in Russian).
- Soenov, V. I. 1999. In *Drevnosti Altaia (Antiquities of Altai)*. *Izvestiia Laboratorii arkheologii (News of the archaeological lab)* 4. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskii gosudarstvennyi universitet, 134—152 (in Russian).
- Troitskaya, T. N., Adamov, A. A. 1991. In *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri (Sources for the ethno-cultural history of Western Siberia)*. Tyumen: Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, 140—148 (in Russian).
- Troitskaya, T. N., Novikov, A. V. 1998. *Verkhneobskaia kul'tura v Novosibirskom Priob'e (Verkhneobskaia culture in the Novosibirsk Ob region)*. Novosibirsk: IAE SO RAN (in Russian).
- Chindina, L. A. 1991. *Istoriia Srednego Priob'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (relkinskaia kul'tura) (History of Middle Ob region in early Middle Age (relkinskaia culture))*. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet (in Russian).
- Shapovalov, T. O. 1973. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 8, 85—87 (in Ukrainian).
- Shirin, Yu. V. 2003. *Verkhnee Priob'e i predgor'ia Kuznetskogo Alatau v nachale I tys. n. e. (pogrebal'nye pamiatniki fominskoi kul'tury) (Upper Ob region and the foothills of Kuznetsk Alatau at the beginning of I millennium AD (funerary sites of Fominsk culture))*. Novokuznetsk: Kuznetskaia krepost' (in Russian).
- Shirin, Yu. V. 2006. In *II Severnyi Arkheologicheskii Kongress. Doklady (II Northern Archaeological Congress. Reports)*. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Charoid, 420—441 (in Russian).
- Shirin, Yu. V. 2009. In *Chelovek i Sever. Antropologiya, arkheologiya, ekologiya (Man and North. Anthropology, archaeology, ecology)* 1. Tyumen: IPOS SO RAN, 126—129 (in Russian).
- Shirin, Yu. V. 2010. In *Arkheologicheskie izyskaniia v Zapadnoi Sibiri: proshloe, nastoiashchee, budushchee (k iubileiu professora T. N. Troitskoi) (Archaeological investigations in Western Siberia: past, present, future (to the jubilee of professor T. N. Troitskaia))*. Novosibirsk: NGPU, 190—195 (in Russian).
- Shirin, Yu. V., Khavrin, S. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 239—255 (in Russian).
- Kouznetsov, V., Lebedinsky, Ya. 2005. *Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase Ier — XV siècles apr.J.-C.* Paris.
- Pankova, S. V., Vasiliev, S. S., Dergachev, V. A., Zaitseva, G. I. 2010. Radiocarbon dating of Oglakhty grave using a wiggle matching method. *AEAE* 38 (2), 46—56.
- Podkowińska, Z. 1933. *Miecze brązowe z Wojciechowic w pow. Jędrzejowskim w woj. Kieleckim*. In: Antoniewicz, W. (red.). *Światowit XV*. Warszawa, 116—168.
- Węgrzynowicz, T. 2001. *Zabytki z epoki brązu i wczesnej epoki żelaza z Ukrainy i Białorusi w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego w Warszawie*. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne w Warszawie.

Статья поступила в номер 15 февраля 2014 г.

Yuriy Shirin (Novokuznetsk, Russia). Candidate of Historical Sciences. Municipal Museum-Reserve “Kuznetsk Fortress”¹.

Yuriy Shirin (Novokuznețk, Rusia). Candidat în științe istorice. Muzeul-rezervație municipală „Cetatea Kuznețk”.

Ширин Юрий Викторович (Новокузнецк, Россия). Кандидат исторических наук. Муниципальное бюджетное учреждение культуры Музей-заповедник «Кузнецкая крепость».

E-mail: shirin_a@mail.ru

Address: ¹ Krepostnoy Proezd, 1, Novokuznetsk, 654032, Russia

А. С. Милашевский

Сосуды типа IA по классификации Р. Волонгевича в черняховской культуре

Keywords: Eastern Europe, Roman Time, Chernyakhov Culture, Przeworsk Culture, Wielbark Culture, Germanic tribes, Goths, hand-made pottery.

Cuvinte cheie: Europa de Est, epoca romană, cultura Cerneahov, cultura Przeworsk, cultura Wielbark, triburi germanice, goți, ceramică lucrată cu mâna.

Ключевые слова: Восточная Европа, римское время, черняховская культура, пшеворская культура, вельбаркская культура, германские племена, лепная керамика.

A. S. Mylashevskiy

Vessels of IA Type after R. Wołągiewicz in the Chernyakhov Culture

The article deals with baggy pots (so called kumpfs), which are regarded as cultural-ethnic indicators. A separate type was distinguished among these vessels: it has some morphological features that distinguish it from Wielbark vessels and that are identical to the Przeworsk pots. Vessels of IAp1 type, variants IAp2a and IAp2b have been attributed as Przeworsk items. Subtype IAp1 was used within the initial phases of the Chernyakhov Culture. Rib and bottom flange, maximum diameter in the top third of the vessel's height, higher indicators of the maximum height of the vessels, decoration with finger tucks - these were identified as distinctive morphological features of Przeworsk vessels. Another main distinction is related to technology: clay Wielbark pots were shaped spirally, while Przeworsk pots were shaped as monolithic vessels. The article analyzes burial sites and settlements that yielded pots of the mentioned types. Time span of IA, IAp2a and IAp2b vessels shows that they were used by the Germanic population of the Chernyakhov Culture throughout its lifetime. The earliest complexes with kumpfs of all types also contain Central European wheel pottery, which is indicative of relations with the population of the Oder-Rhein basin at the early stage of the Chernyakhov Culture.

A. S. Mylashevskiy

Vasele de tip I A după R. Wołągiewicz în cultura Cerneahov

Prezentul articol este dedicat chiupurilor cu buza invazată, așa-numitele vase „Kumpf”, abordate în calitate de indicatori cultural-etnici. Printre aceste vase a fost evidențiat un tip separat, ale cărui trăsăturile morfologice sunt diferite de ceramica Wielbark și sunt caracteristice pentru vasele culturii Przeworsk. Astfel, culturii Przeworsk i-au fost atribuite vasele de tip IAp1, variantele IAp2a și IAp2b. Subtipul IAp1 a fost utilizat în limitele fazelor incipiente ale culturii Cerneahov. Printre parametrii morfologici distinctivi ai vaselor Przeworsk pot fi numiți următorii: profil tronconic, baza evidențiată, diametrul maxim al vasului amplasat în treimea superioară a înălțimii, înălțimea maximă a vaselor este mai mare, prezența decorului din ciupituri, realizate cu unghiile. Important este și aspectul tehnologic: corpul vaselor de tip Wielbark era modelat prin metoda spiralată; corpul vaselor de tip Przeworsk – prin metoda monolită. În articol sunt analizate complexe funerare și așezările cu vase de aceste tipuri. Cronologia vaselor de tipul IA, variante IAp2a și IAp2b, arată, că ele erau utilizate de populația germanică a culturii Cerneahov pe întreg parcursul al evoluției acesteia. Cele mai timpurii complexe cu vase „Kumpf” de toate tipurile includ și ceramică lucrată la roată, de model central-european, indicând existența unor legături cu populația interfluviului Oder-Rhein în etapa timpurie de evoluție a culturii Cerneahov.

A. С. Милашевский

Сосуды типа IA по классификации Р. Волонгевича в черняховской культуре

Данная статья посвящена горшкам с загнутым внутрь венчиком, так называемым кумфам, которые рассматриваются в качестве культурно-этнических индикаторов. Среди этих сосудов был выделен отдельный тип, имеющий морфологические признаки, отличные от вельбаркских и характерные для горшков пшеворской культуры. К пшеворским были отнесены сосуды типа IAp1, вариантов IAp2a и IAp2b. Подтип IAp1 используется в пределах начальных фаз черняховской культуры. Среди отличительных морфологических черт пшеворских сосудов были выделены наличие ребра и придонной закраины, расположение максимального диаметра в верхней трети высоты, более высокие показатели максимальной высоты посуды, орнаментация ногтевыми защипами. Также одним из основных различий является технологический аспект: глиняные начини горшков вельбаркского типа формировались спиральным способом, пшеворского — монолитным. В статье проанализированы погребальные и поселенческие комплексы, в которых присутствуют горшки данных типов. Хронология бытования сосудов типов IA, IAp2a и IAp2b показывает, что они использовались германским населением черняховской культуры на протяжении всего времени ее существования. Наиболее ранние комплексы с кумфами всех типов содержат также и гончарную керамику центральноевропейского образца, что указывает на связи с населением междуречья Одера и Рейна на раннем этапе существования черняховской культуры.

...а что же такое прекрасный горшок? Разве не прекрасное? ... если горшок вылеплен хорошим гончаром, если он гладок, кругл и хорошо обожжен, как некоторые..., что обычно вмещают шесть кружек, — если спрашивают о таком горшке, надо признать, что он прекрасен. Как можно не назвать прекрасным то, что прекрасно?

Платон. Гиппий Большой

Черняховская культура — одно из самых ярких явлений в археологии второй четверти I тыс. н. э. на территории Юго-Восточной Европы. И хоть ее полиэтничность сейчас общепризнана исследователями позднеримского времени, остается дискуссионным вопрос количественного соотношения доли различных этнических компонентов, прежде всего, германского населения. Наиболее информативными этническими показателями здесь выступают черты погребального обряда, домостроение и лепная керамика (Славяне 1990: 138).

Горшки группы IA по классификации Р. Волонгевича, так называемые «кумпы», или «эльбские горшки» — наиболее распространенный тип лепных горшков северо-западного происхождения в черняховской культуре. Традиционно такая форма лепных горшков считалась бесспорным показателем германского этнокультурного компонента в черняховской культуре. Данные сосуды встречаются в археологических культурах, которые связываются с различными германскими племенами Центральной и Северной Европы. Они присутствуют среди материалов густовской (Prahistoria 1981: rys. 80: 122) и любешской (Prahistoria 1981: tab. XXIX: 5) групп, в любошицкой культуре (Domański 1979: rys. 16a), в древностях лангобардов (Bona 1956: Tab. XLI: 8; XLII: 1), свевов (Zeman 2008: obr. 20: 6), германцев Центральной Европы (Schulz 1953: t. XXI: 4; XXX: 2; Hegewisch 2007: Abb. 95—100) и в скандинавских материалах позднеримского времени (Mackeprang 1943: tab. 17: 7).

Ареал германских древностей в канун формирования черняховской культуры располагался между Рейном и Вислой. Как следует из письменных источников и данных археологии, основной их импульс в юго-восточном направлении шел с территории Повисленья. Работы последних лет не исключают, что в этом потоке участвовали также племена междуручья Рейна и Одера (Левада 2006; Шаров 2009: 13). Учитывая это, а также данные письменных источников, где перечисляется целая группа германских племен, шедших с готами в Ойум, логично поставить вопрос о выделении из общего массива «северо-западного» компонента черняховской культуры особых признаков, характерных для тех или иных гер-

манских групп. В этом отношении действенной, на наш взгляд, может быть попытка выделить специфические особенности лепных сосудов с загнутым внутрь венчиком, характерных для пшеворской, вельбаркской культур и культур центральноевропейских германцев, с последующим анализом их в черняховской культуре.

Горшки группы IA по классификации Р. Волонгевича — это груболепные, овоидной формы сосуды с загнутым внутрь венчиком, с невыделенной (сглаженной) придонной частью и поверхностью под венчиком. В керамическом тесте таких горшков, как правило, присутствуют примеси крупнозернистой дресвы. Профилирование корпуса, как правило, несимметричное. Тулово может быть хроповатым (намеренно ошершавленным), иногда орнаментированным пальцевыми расчесами или ногтевыми вдавлениями (Wolagiewicz 1993: 12). Р. Волонгевич сосуды таких форм дифференцирует по высоте: от 12 до 30 см — это собственно горшки типа IA, сосуды от 6 до 11 см относятся к кубкам (группа IA/a), а ниже 6 см — к чаркам (группа XII) (Wolagiewicz 1993: 12).

На данном этапе развития черняховистики, при рассмотрении материалов могильников или поселений, большинство исследователей практически все лепные сосуды с загнутыми к середине венчиками относит к типу IA вельбаркской керамики по классификации Р. Волонгевича. Эта классификация была создана в основном на материалах польских могильников II—III вв. н. э., и поэтому вполне логично, что она не могла охватить более широкие хронологические и территориальные рамки материалов черняховской культуры. Среди горшков с загнутыми внутрь венчиками существуют различия, указанные в работах исследователей древностей римского времени, которые не позволяют рассматривать их в пределах одного типа и могут свидетельствовать о различной этнокультурной подоснове этих сосудов.

Историография

М. Ю. Смишко при анализе материалов пшеворской культуры отмечал сосуды с загнутым к середине венчиком, широким горлом и максимальным расширением в верх-

ней части тулова. Как заметил исследователь, такие горшки одинаково распространены как на могильниках в качестве кремационных урн, так и на поселениях в качестве кухонных горшков. М.Ю. Смишко датировал такие горшки по материалам Гринева и поселения Таккенберг I—II вв.н.э. (Smiszko 1932: 74—75).

В классификации Р. Шиндлера горшки с загнутым внутрь венчиком (яйцевидные) относятся к типу А группы I широкогорлых посуды с гладкой или шероховатой поверхностью. Начало бытования этих сосудов относится к периоду гальштата D и продолжается до конца III в.н.э. (Schindler 1940: 15—16).

В классификации Г.Ф. Никитиной данные сосуды относятся к группе «в» (горшков с вогнутыми краями), которые делятся на три типа — открытые горшки приземистых пропорций (тип 1), с шаровидным туловом и широким дном (тип 2) и горшки вытянутых пропорций (тип 3). Основным принципом выделения типов служило отношение максимального диаметра к высоте (Никитина 1966: 78—80). По подсчетам исследовательницы, данный тип горшков присутствует на большинстве памятников черняховской культуры, а на некоторых составляет не менее трети (Никитина 1966: рис. 5).

Э.А. Рикман, анализируя лепную керамику населения Поднестровья и прилегающего к нему Подунавья, относит лепные горшки с невыделенными и загнутыми к середине венчиками к типу II варианта Б с указанием их наличия в Будештах (Рикман 1975: 184).

Ю.В. Кухаренко, анализируя материалы могильника Брест-Тришин, отнес данные горшки с загнутыми к варианту «а», типу I. Ближайшие аналогии автор находит на памятниках вельбаркской культуры и германских племен приэльбских районов, отмечая, что, по мере расселения германцев, эти горшки появляются и в других регионах Европы. Сосуд из пог. 44 мог. Брест-Тришин (рис. 5: 15), более стройных пропорций, с выраженной придонной частью и вертикальными расчетами по тулову, Ю.В. Кухаренко относит к материалам пшеворской культуры (Кухаренко 1980: 31).

Э.А. Сымонович, рассматривая черняховские горшки Поднепровья, относит данные сосуды к банкоподобно-яйцевидным горшкам. Исследователь разделяет их на 3 типа по особенностям профилирования и степени наклона плеча сосудов:

1) открытые горшки с почти вертикальными или конически раскрытыми плечами;

2) закрытые, с невыделенным венчиком и наклонными плечиками;

3) закрытые, с невыделенным венчиком и крутыми плечиками.

Ближайшие аналогии этим горшкам автор находит в ареале пшеворской культуры, отмечая их проникновение в Среднее Поднепровье еще с зарубинецкого времени. Происхождение этих сосудов Э.А. Сымонович связывает с лужицкой культурой. Их существование продолжается и в послечерняховское, славянское время, но постепенно они выходят из употребления (Сымонович 1981: 46—47). Рассматривая лепную керамику черняховских памятников Днепровского Левобережья, в частности, Букреевского поселения, Э.А. Сымонович находит аналогии горшкам с загнутыми к середине венчиками и ошершавленной поверхностью среди материалов других памятников черняховской культуры (Черняхов, Леськи) и славянских древностей Подесенья, подчеркивая этим «славянскость» черняховской культуры (Сымонович 1984: 76).

М.А. Тиханова при анализе посуды из Лепесовки отмечала яйцевидные горшки с загнутым к середине венчиком как ведущий тип лепной керамики на поселении. Данный тип керамики исследовательница определяет как ведущий тип лепной посуды черняховской культуры (Тиханова 1970: 90).

В.Д. Баран в своей типологии лепной керамики черняховских памятников Верхнего Днестра и Западного Буга относит данные горшки к шестому типу и находит им аналогии среди материалов пшеворской и вельбаркской культур (Баран 1981: 81).

И.П. Хавлюк, анализируя материалы северо-западного происхождения Южного Побужья, горшок с загнутым к середине венчиком определил как «пшеворский» (Хавлюк 1988: 137).

Д.Н. Козак в классификации горшков вельбаркской культуры относит данные сосуды ко второму типу и указывает на их наличие в пшеворской культуре, где они отличаются от вельбаркских относительной стройностью пропорций (Козак 1991: 90). В пшеворской культуре горшки с загнутыми внутрь венчиками на территории Верхнего Поднестровья и Западного Побужья были распространены, в основном, в позднелатенское время (Козак 1984: рис. 19: 3).

Также к пшеворским сосудам относит высокий горшок с загнутым внутрь венчиком из могильника Компанийцы Б.В. Магомедов (Магомедов 2001: 119).

Р. Волонгевич в своей классификации вельбаркской керамики отмечает, что данные со-

суды наиболее многочисленны среди других форм северо-западного происхождения и зафиксированы им на более чем 30 памятниках. Он также указывает на различие горшков-кумпфов вельбаркского и пшеворского происхождения. К отличительным признакам пшеворских сосудов он, как и Ю. В. Кухаренко и Д. Н. Козак, относит вытянутость пропорций, более высокие показатели средней высоты (20—30 см) и расположение максимального диаметра на 2/3 или 3/4 высоты (Wołagiewicz 1993: 54—55).

В. Ворник, анализируя лепную керамику из Будешт, горшки с загнутым внутрь венчиком относит к четвертому типу своей классификации и разделяет на три варианта в зависимости от расположения максимального диаметра и профилировки сосуда. Аналогии этим горшкам он находит в материалах вельбаркской и пшеворской культур. Также исследователь отмечает локализацию горшков данного типа в центральной и западной части могильника (Vornic 2006: 218—219).

Таким образом, мы видим, что большинство исследователей связывает горшки группы IA по классификации Р. Волонгевича с различными археологическими культурами — вельбаркской, пшеворской, культурой прильбских германцев, отмечая при этом различия этих сосудов.

Сложность разделения культурных элементов по материалам лепной керамики в составе черняховской культуры заключается, во-первых, в том, что синтез культурных признаков лепной черняховской керамики северо-западного происхождения состоялся вне черняховского ареала (Козак 1985: 73). Во-вторых, в том, что более чем за два века существования черняховской культуры некоторые формы керамики изменялись под влиянием инокультурного (не германского) населения (Букреева II, Дмитриев III) (Башкатов 2010: 177; Милашевский 2011: 157).

Таким образом, большинство исследователей среди дифференцирующих признаков этой группы посуды выделяли: отношение максимального диаметра к высоте, наличие/отсутствие плеча, степень наклона плеча сосуда, расположение максимального диаметра по отношению к высоте.

Исходя из вышеприведенного, нами была предпринята попытка выделения отдельных признаков вельбаркских и пшеворских горшков с загнутым к середине венчиком в первую очередь на материалах археологических памятников Польши — территории, где происходил как генезис, так и синтез этих археологических культур.

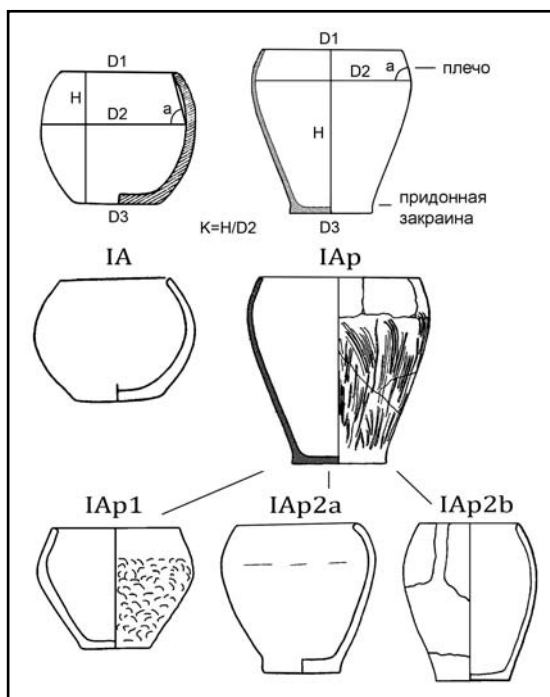

Рис. 1. Типология сосудов с загнутым внутрь венчиком.

Fig. 1. Typology of vessels with inverted rim.

К горшкам были отнесены сосуды, которые имеют общую пропорцию — отношение высоты к максимальному диаметру — в пределах от 0,4 до 1,7 (Генинг 1992: 54).

Горшки были проанализированы по следующим признакам:

- 1). Наличие/отсутствие плеча/ребра.
- 2). Наличие/отсутствие придонной закраины.
- 3). Расположение максимального диаметра относительно высоты.
- 4). Угол наклона венчика (α).
- 5). Максимальный диаметр (D2).
- 6). Высота сосуда (H).
- 7). Отношение высоты к максимальному диаметру ($H/D2 = K$).
- 8). Отношение диаметра венчика к диаметру дна ($D1/D3$).

В результате проведенного анализа, к пшеворским признакам, отличным от вельбаркских, были отнесены:

- наличие плеча/ребра;
- наличие придонной закраины;
- расположение максимального расширения в верхней трети высоты;
- отношение высоты к максимальному диаметру, близкое к единице;
- близкий к прямому ($70\text{—}80^\circ$) угол наклона венчика;
- отношение диаметра венчика к диаметру дна, близкое к 2;

— орнаментация ногтевыми защипами или вертикальными расчесами

В результате анализа сосудов с загнутым к середине венчиком из черняховских памятников, с учетом вышеупомянутых пшеворских признаков и специфики местных черняховских форм, предлагаем несколько расширить типологию лепной керамики Р. Волонгевича. Вместе с типом IA было бы уместно выделить тип IAp (пшеворский), который, в свою очередь, можно разделить на 2 подтипа: IAp1 (приземистые) и IAp2 (стройные), который, в свою очередь, делился на 2 варианта: IAp2a — с ярко выраженным плечом и IApb) — с плавным профилем тулова (рис. 1).

Типология

Горшки типа IA (рис. 2):

- приземистые формы, $K = 0,7—0,75$;
- D2 — посередине;
- $D1/D3 = 1$;
- $\alpha = 45—65^\circ$;
- плечо отсутствует, плавный профиль тулова.

Горшки данного типа наиболее многочисленны в черняховской культуре. Они присутствуют в материалах 24 могильников и 75 поселений. Происхождение горшков этого типа может быть связано с оксывской культурой раннего железного века. В последующее время эта форма сосудов распространяется по всей территории, занимаемой различными германскими племенами.

Горшки подтипа IAp1 (рис. 4):

- приземистые формы — $K = 0,7—0,6$;
- D2 — посередине высоты или в верхней трети высоты;
- $D1/D3 = 2$;
- $\alpha = 60—65^\circ$;
- ярко выраженное плечо.

Такие горшки достаточно немногочисленны на территории Украины. Они присутствуют в 7 погребальных комплексах черняховских могильников и на двух поселениях. Также они встречаются в материалах вельбаркских могильников Дытыничи и Брест-Тришин и пшеворского могильника Гринев. В большом количестве серии таких сосудов представлены в материалах липицкой культуры (рис. 4: 10) (Свешников: 1957: рис. 25: 6; Вакуленко 1989: рис. 2: 2а, 4а; рис. 3: 2а, 2г, 3а), где эти горшки считаются одним из проявлений пшеворских этнографических черт, наличие которых — особенность липицких древностей территории Украины (Вакуленко 1989: 31).

Сосуды варианта IAp2a (рис. 5):

- вытянутые формы — $K \geq 0,8—1$;
- D2 — в верхней трети;
- $D1/D3 = 2$;
- $\alpha = 60—70^\circ$;
- ярко выраженное плечо.

Эти горшки могут соответствовать типу «b» широкогорлых яйцевидных горшков пшеворской культуры Верхней Силезии по классификации К. Годловского (Godłowski 1977: 125) (рис. 5: 1). Несмотря на то, что сосуды, близкие к горшкам данного типа, представлены в таблицах Р. Волонгевича как тип IA вельбаркской керамики (Wołagiewicz 1993: tabl. I: 1), данные горшки весьма немногочисленны в материалах вельбаркских памятников Польши и рассматриваются нами как влияние пшеворской культуры. В черняховской культуре они присутствуют в материалах 17 могильников и 10 поселений

Сосуды варианта IAp2b (рис. 6):

- вытянутые формы — $K \geq 0,8—1$;
- D2 — в верхней трети;
- $D1/D2 = 1$;
- $\alpha = 60—70^\circ$;
- плечо — отсутствует, плавный профиль тулова (овальной формы).

Они соответствуют типу «a» широкогорлых яйцевидных горшков пшеворской культуры Верхней Силезии по классификации К. Годловского (Godłowski 1977: 113) (рис. 6: 10). Немногочисленны в пшеворской культуре, более широко представлены в материалах центральноевропейских германцев.

Технология

При визуальном осмотре было замечено технологическое отличие горшков пшеворских типов от вельбаркских. Горшки типа IA сформированы спирально-жгутовым способом, а пшеворские — вылеплены из полого (цельного) глиняного тела. На изломе вельбаркских сосудов сохраняются хорошо ощутимые на ощупь следы жгутов (рис. 7: 3, 4). Отличается также и состав глиняного теста: сосуды пшеворских типов содержат в качестве основного отощителя фракции шамота, размером 4—6 мм и концентрацией 5—6 фракций на 1 см² (рис. 7: 7—8), в тесте же вельбаркских сосудов преобладают фракции дресвы толщиной от 2 до 5 мм на 1 см² (рис. 7: 5—6).

Орнаментация. Среди орнаментов кумпфов выделяются два способа украшения внешней поверхности — ногтевыми защипами по тулову (рис. 9: 1—2, 6—8) и пальцевыми расчесами (рис. 9: 3—5, 9). И тот и другой

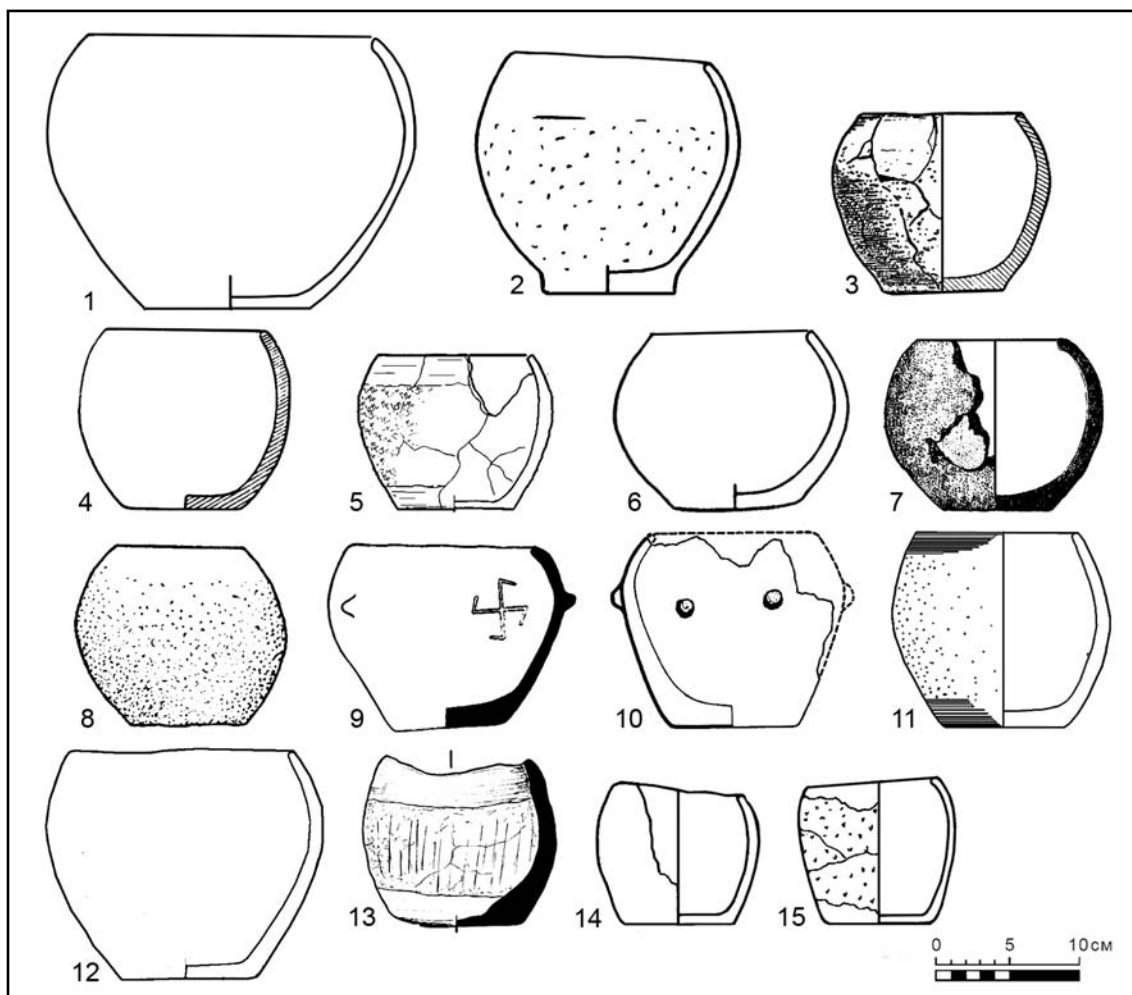

Рис. 2. Сосуды типа 1А в черняховской культуре (в скобках указаны номера на карте). 1 — Гребинки (по Магомедов 1992: рис. 4: 28) (№46); 2, 6 — Компанийцы (по Некрасова 2006: рис. 63: 7; 72: 12) (№13); 3 — Гавриловка (по Сымонович 1960: табл. II: 2) (№7); 4 — Бакота (по Винокур, Горишний 1994: рис. 24) (№104); 5 — Завадовка 2 (по Петраускас, Петраускас 2008: рис. 12: 16) (№10); 7 — Данчены (по Рафалович 1986: табл. LI: 8) (№8); 8 — Заячевка (по Хавлюк 1974: рис. 8: 2) (№11); 9 — Бельное (по Росохаций 1991: рис. 51: 3) (№3); 10 — Бырлад-Валя Сякз (по Palade 2004: fig. 145: 4) (№4); 11 — Токи (№21); 12 — Вишенька 1 (по Магомедов, Левада 1993: рис. 8: 10) (№40); 13 — Великая Бугаевка (по Петраускас, Шишкин 2013: рис. 101: 2) (№5); 14—15 — Михэлэ-шень (по Şovan 2009: pl. 285 A: 106, 107) (№16).

Fig. 2. Type 1A vessels in the Chernyakhov Culture (numbers on the map are shown in brackets). 1 — Grebinki (after Magomedov 1992: рис. 4: 28) (№46); 2, 6 — Kompanyicy (after Некрасова 2006: рис. 63: 7; 72: 12) (№13); 3 — Gavrilovka (after Сымонович 1960: табл. II: 2) (№7); 4 — Bakota (after Винокур, Горишний 1994: рис. 24) (№104); 5 — Zavadovka 2 (after Петраускас, Петраускас 2008: рис. 12: 16) (№10); 7 — Dănceni (after Рафалович 1986: табл. LI: 8) (№8); 8 — Zajachevka (after Хавлюк 1974: рис. 8: 2) (№11); 9 — Belenkoye (after Росохаций 1991: рис. 51: 3) (№3); 10 — Bîrlad-Valea-Seacă (after Palade 2004: fig. 145: 4) (№4); 11 — Toki (№21); 12 — Vishen'ka 1 (after Магомедов, Левада 1993: рис. 8: 10) (№40); 13 — Velikaja Bugaevka (after Петраускас, Шишкин 2013: рис. 101: 2) (№5); 14—15 — Mihălăşeni (after Şovan 2009: pl. 285 A: 106, 107) (№16).

приемы характерны для керамики пшеворской культуры, хотя, в виде исключения, они могут присутствовать и на горшках вельбаркского облика.

Хронология

В работе используются следующие классификационные схемы вещей: Е.Л. Гороховского (Гороховский 1988а) — для фибул и пряжек (также используется его периоди-

зация черняховской культуры), Р. Мадыды-Легутко (Madyda-Legutko 1986) — для пряжек, О.В. Гопкало (Гопкало 2008) — для бус и подвесок, Р.Г. Шишкина и Е. Цнотливы (Шишкин 1999; Cnotliwy 2010) — для роговых гребней, О.В. Петраускаса — для гончарных кувшинов (Петраускас 2008) и «воинских» фибул (Петраускас 2010), также использовались его хронологические схемы могильников Косаново и Гавриловка (Petrauskas 2003) и хронологические выводы

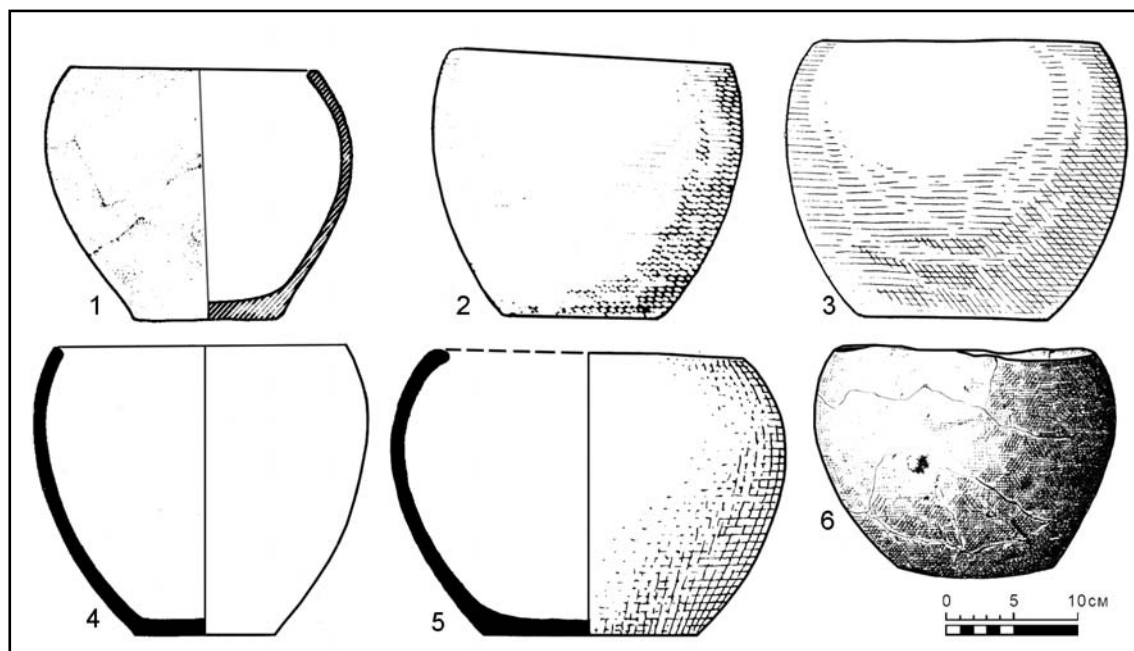

Рис. 3. Сосуды типа IA Центральноевропейского региона. 1 — Подвеск, оксывская культура (по Bokinić 2005: Taf. LI: 1); 2, 3 — Каарсен (по Schach-Dorges 1970: Taf. 25: 6; 26: 4); 4 — Кухбир (по Schach-Dorges 1970: Taf. 110: 5); 5 — Абрахам (по Kolnik 1973: tab. V: 1); 6 — Каннавурф (по Schmidt 1984: Abb. 4: 6).

Fig. 3. Type IA vessels in the Central European region. 1 — Podwiesiek, Oksywie Culture (after Bokinić 2005: Taf. LI: 1); 2—3 — Kaarßen (after Schach-Dorges 1970: Taf. 25: 6; 26: 4); 4 — Kuhlbiel (after Schach-Dorges 1970: Taf. 110: 5); 5 — Abraham (after Kolnik 1973: tab. V: 1); 6 — Kannawurf (Schmidt 1984: Abb. 4: 6).

по морфологическим особенностям гончарных горшков Поднепровья (Петраускас А., Петраускас О. 2008), Д.Б. Шелова (Шелов 1978) — для амфор, В. Ворника и Л. Чобану (Vornic, Ciobanu 2005) — для ойнохой, хронологические схемы автора — для могильников Рыжевка, Заячивка, Раковец (Милашевский, в печати).

Горшки типа IA

Р. Шиндлер горшки группы I вельбаркской культуры датирует со II в. н. э. (Schindler 1940: tab. 21). По Р. Волонгевичу, они появляются на фазе B_2 (2 экз.), бытуют в фазе B_2/C_1 (11 экз.), и исчезают в фазе C_2 (1 экз.) центральноевропейской хронологии. В комплексах черняховской культуры они не присутствуют в материалах наиболее ранней фазы. **Бережанскую фазу** черняховской культуры, которая синхронна фазе C_2 центральноевропейской хронологии, представляют 4 комплекса: погр. 43 мог. Ромашки, погр. 47 мог. Романковцы, погр. 2 мог. Рыжевка, погр. 7 мог. Токи. Погр. 43 мог. Ромашки содержит биовальную двойную пряжку типа Ромашки — Птуя по Е.Л. Гороховскому (Гороховский 1988б: 308—309). Погр. 2 мог. Рыжевка относится к первой фазе мо-

гильника (Милашевский в печати). Погр. 47 мог. Романковцы содержит фрагмент пряжки типа G1 по Р. Мадьде-Легутко. Такие изделия в пшеворской и вельбаркской культурах бытуют с фазы B_2 до раннего этапа позднееримского времени (Madyda-Legutko 1986: 46). **Промежуточную** и начало **Косановской фазы** (C_2/C_3 или C_{2b})¹ представляют следующие комплексы: погр. 1 мог. Башмачка (С) — в состав его инвентаря входят: горло и ножка амфоры типа Шелов F, гончарная ваза с двумя валиками по шейке, фрагмент дна гончарного сосуда на кольцевом поддоне. Ваза с такими же морфологическими характеристиками (что важно, с таким же подквадратным сечением венчика) найдена в пог. 67 мог. Данчены вместе с орнаментированными фибулами типа B26 по Е.Л. Гороховскому. Датируется этот комплекс 4 фазой могильника (Шаров 1992: 189; Бажан, Гей 1992: рис. 9), так что ваза такого типа может быть синхронизирована с фазой C_3 . Погр. 10, 26 и 44 мог. Михэлэшень относятся к первой фазе могильника и име-

¹ Эту фазу маркируют вещи, которые начали функционировать с фазы C_2 и получили типологическое развитие в дальнейшее время (Шаров 2009: 37)

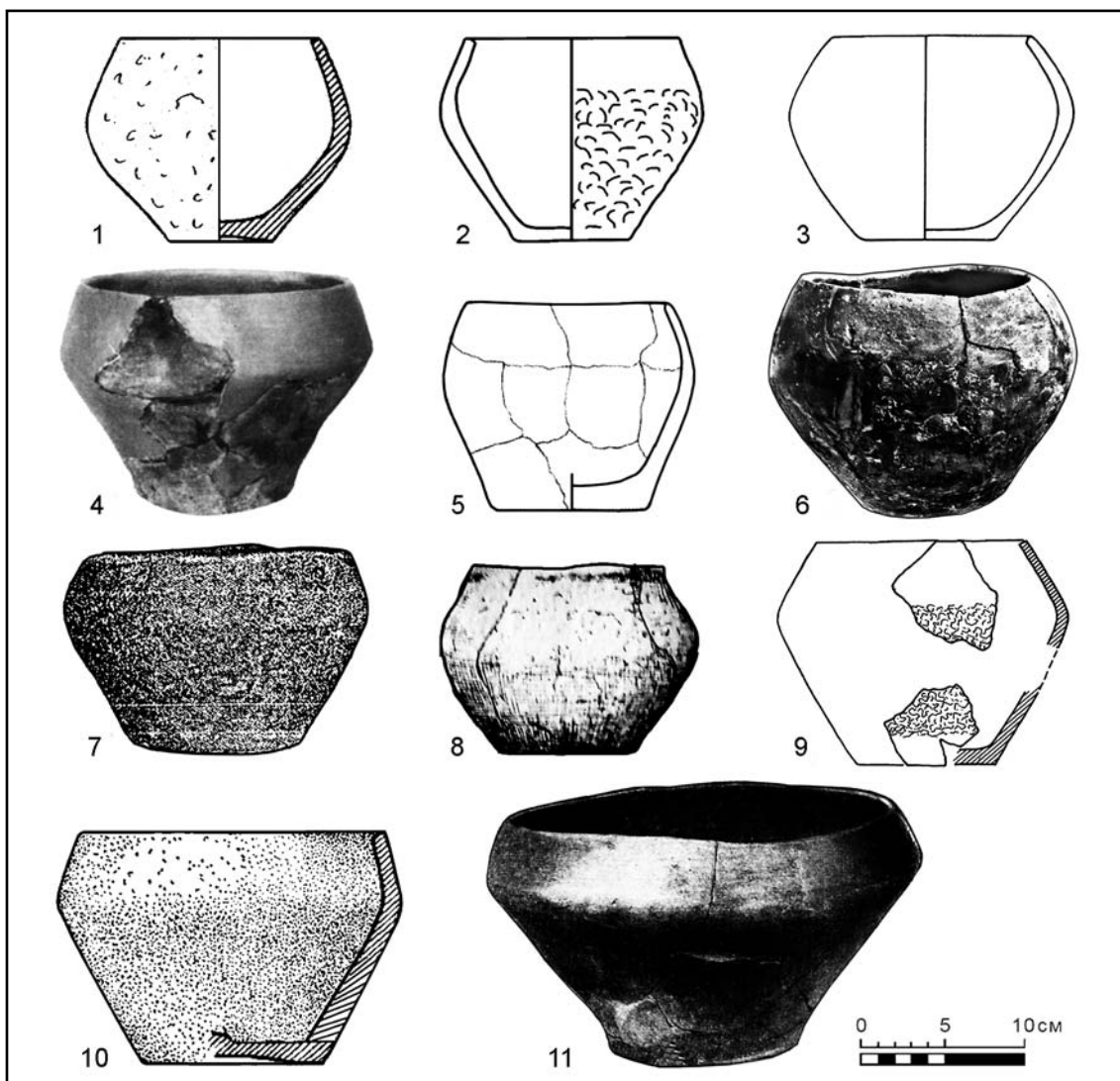

Рис. 4. Сосуды подтипа 1Ap. 1—6, 11 — черняховская культура; 7 — пшеворская культура; 8—9 — вельбаркская культура; 10 — липицкая культура. 1 — Черняхов (по Сымонович 1967: рис. 5: 1); 2 — Чернелив-Русский (Тилищак 2011: рис. 1: 1); 3 — Михэлэшень (по Şovan 2009: pl. 4 M1 A: 2); 4 — Авдеево (по Алихова 1951: рис. 47: 2); 5 — Будешть (по Vornic 2006: fig. 75: 5); 6 — Рыжевка (по Кропоткин 1966: рис. 18); 7 — Гринев (по Śmiszko 1932: tabl. I: 4); 8 — Дитиничи (по Смішко, Свешніков 1961: рис. 6: 9); 9 — Брест-Тришин (по Кухаренко 1980: табл. XX: 67); 10 — Завалье (по Вакуленко 1989: рис. 3: в 2); 11 — Лепесовка (по Щукин 1989: рис. 5: 1).

Fig. 4. Subtype 1Ap vessels. 1—6, 11 — Chernyakhov Culture; 7 — Przeworsk Culture; 8—9 — Wielbark Culture; 10 — Lipica Culture. 1 — Chernyakhov (after Сымонович 1967: рис. 5: 1); 2 — Cherneliv-Ruskyi (after Тилищак 2011: рис. 1: 1); 3 — Mihălăşeni (after Şovan 2009: pl. 4 M1 A: 2); 4 — Avdeev (after Алихова 1951: рис. 47: 2); 5 — Budeşti (after Vornic 2006: fig. 75: 5); 6 — Ryževka (after Алихова 1951: рис. 47: 2); 7 — Hrinew (after Śmiszko 1932: tabl. I: 4); 8 — Ditinichi (after Смішко, Свешніков 1961: рис. 6: 9); 9 — Brest-Trishin (after Кухаренко 1980: табл. XX: 67); 10 — Zavalye (after Вакуленко 1989: рис. 3: в 2); 11 — Lepesovka (after Щукин 1989: рис. 5: 1).

ют такие хроноиндикаторы, как фибулы с трехгранным сечением спинки типа АЗ по Е. Л. Гороховскому, пряжка III группы типа Деревьяна-Данчены по Е. Л. Гороховскому, гребни II и III классов по Р. Г. Шишкину, гребень IV/B/2 по Е. Цнотливы (Cnotliwy 2010: гус. 37: 11) — подобный гребень присутствует в пог. 3 мог. Петриковцы вместе с фибулой типа Б1 по Е. Л. Гороховскому (Гопкало 2008: рис. 11). Стоит отметить, что гребни этого типа происходят с острова Борнхольм (Cnotliwy

2010: гус. 39). Также диагностами первой фазы могильника выступают туалетные ножи типа 1 и гончарные липицкие чаши на ножках (Şovan 2009: 185—189). Погр. 210 мог. Беленькое содержало фибулы типа Б16 по Е. Л. Гороховскому, пряжку с утолщенной передней частью рамки, гончарный кувшин, аналогичный кувшину из пог. 21-1961 мог. Косаново (вторая фаза развития могильника). Следует отметить, что гребни, аналогичные найденному в этом погребении, появ-

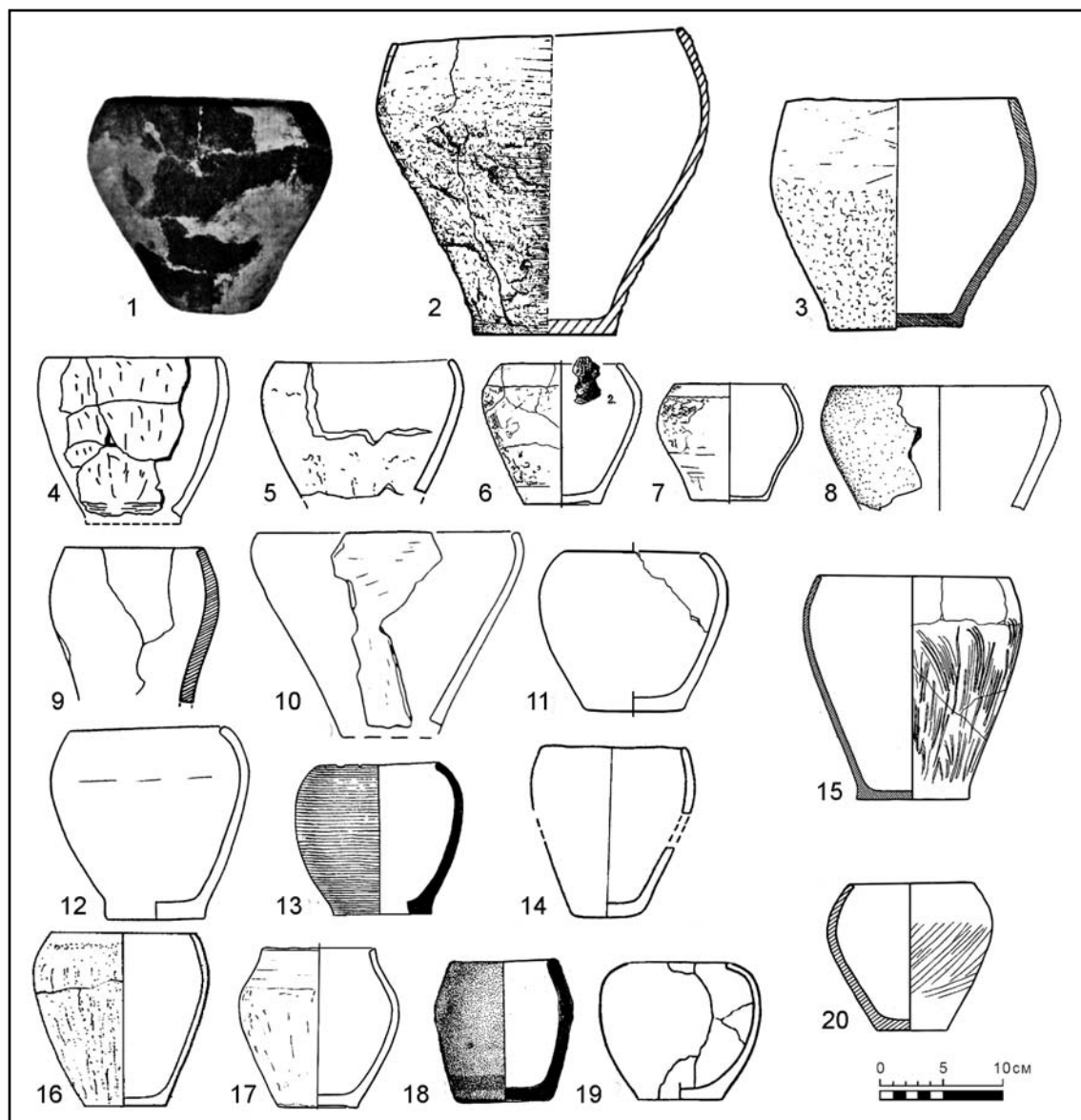

Рис. 5. Сосуды варианта ІА2а. 1—3 — пшеворская культура; 4—14, 16—19 — черняховская культура; 15, 20 — вельбарская культура. 1 — Ополе (по Godłowski 1972: tabl. XXVII: 3); 2 — Надколе (по Andrzejowski 1998: pl. XLI: 1); 3 — Хмильов Пясковий (по Godłowski, Wichman 1998: taf. XXXVI: 1); 4 — Чернелив-Русский (по Тилищак 2011: рис. 1: 3); 5 — Глеваха (по Терпиловский 1989: рис. 4: 20); 6—7, 17 — Косаново (по Petruskas 2003: abb. 43 c. 1; 66:2; 73: 3); 8 — Кобылля (по Строць 2008: рис. 39: 2); 9 — Бакота (по Винокур, Горишній 1994: рис. 25); 10 — Боромля (по Некрасова 2006: рис. 30: 6); 11 — Черкасы-Центр (по Куштан, Петраускас 2011: рис. 8: 9); 12 — Компанийцы (по Некрасова 2006: рис. 66: 6); 13, 18 — Данчаны — (по Рафалович 1986: табл. XXIII: 6; XL: 1); 14 — Сокол (по Вакуленко, Приходнюк 1984: рис. 17: 4); 15 — Брест-Тришин (по Кухаренко 1980: табл. XV: 44а); 16 — Михэлэшень (по Şovan 2009: pl. 285 A: 104); 19 — Будешть (по Vornic 2006: fig. 95: 1); 20 — Деревянное (по Кухаренко 1980: табл. XXIX: 1).

Fig. 5. Variant ІА2а vessels. 1—3 — Przeworsk Culture; 4—14, 16 — Chernyakhov Culture; 15, 20 — Wielbark Culture. 1 — Opole (after Godłowski 1972: tabl. XXVII: 3); 2 — Nadkole (after Godłowski 1972: tabl. XXVII: 3); 3 — Chmielów Piaskowy (after Godłowski, Wichman 1998: taf. XXXVI: 1); 4 — Cherneliv-Ruskyi (after Тилищак 2011: рис. 1: 3); 5 — Glevakha (after Терпиловский 1989: рис. 4: 20); 6—7, 17 — Kosanovo (after Petruskas 2003: abb. 43 c. 1; 66:2; 73: 3); 8 — Kobyllye (after Строць 2008: рис. 39: 2); 9 — Bakota (after Винокур, Горишній 1994: рис. 25); 10 — Boromlya (after Некрасова 2006: рис. 30: 6); 11 — Cherkasy-Centr (after Куштан, Петраускас 2011: рис. 8: 9); 12 — Kompaniycy (after Некрасова 2006: рис. 66: 6); 13, 18 — Danceni (after Рафалович 1986: табл. XXIII: 6; XL: 1); 14 — Sokol (after Вакуленко, Приходнюк 1984: рис. 17: 4); 15 — Brest-Trishin (after Кухаренко 1980: табл. XV: 44а); 16 — Mihălăşeni (after Şovan 2009: pl. 285 A: 104); 19 — Budeşti (after Vornic 2006: fig. 95: 1); 20 — Derevyannoe (after Кухаренко 1980: табл. XXIX: 1).

ляются в материалах Масломенчской группы начиная с фазы C_2 (Kokowski 1995: 47—48). **Косановскую** фазу (C_3) представляют

12 комплексов: погр. 66 мог. Будешты с фибулой типа Б2 по Е.Л. Гороховскому и гончарным горшком с развитым «каплевидным»

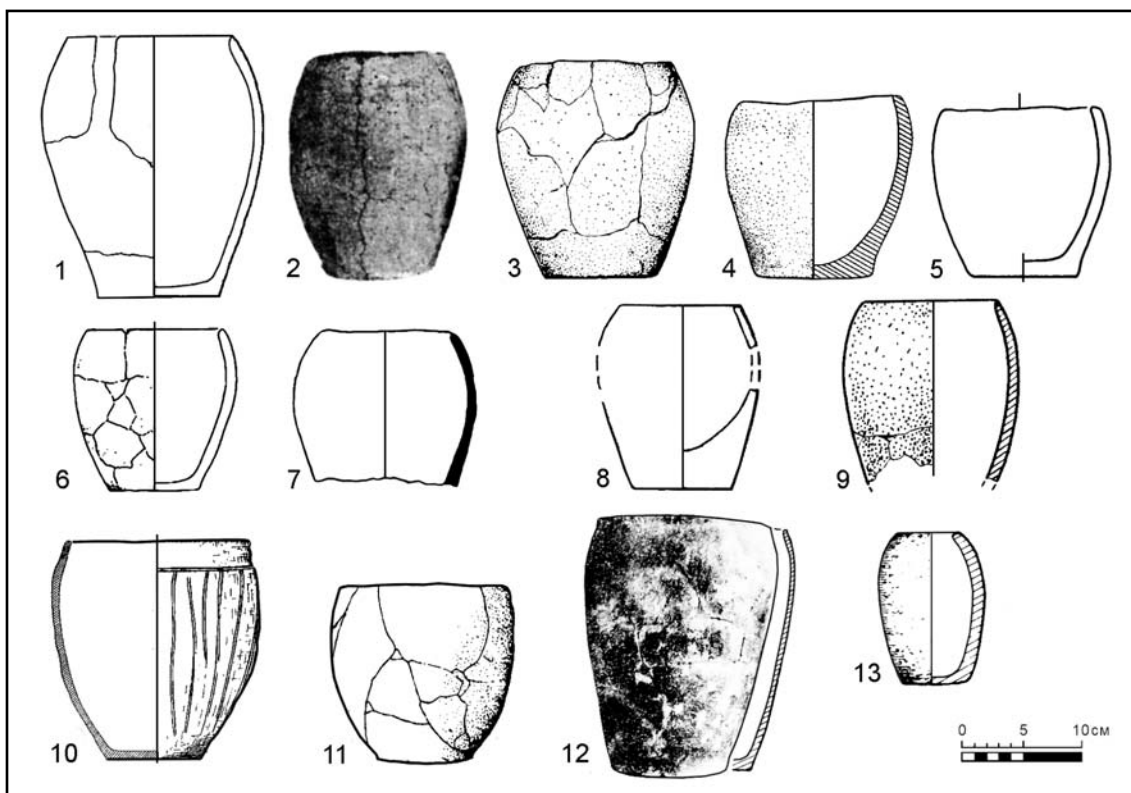

Рис. 6. Сосуды варианта IAp2b: 1—9 — черняховская культура; 11 — вельбаркская культура (Викныны Великие); 10, 12—13 — пшеворская культура (Тарнов, Специмеж, Каменьчик). 1 — Михэлэшень (по Şovan 2009: pl. 8 M6: 1); 2 — Волосское (по Брайчевская 1960: таб. IV: 14); 3 — Рыжевка (по Кропоткин 1972: рис. 1: 1); 4 — Успенка (по Кропоткин 1964: рис. 22: 6); 5 — Черкассы-Центр (по Куштан, Петраускас 2011: рис. 9: 12); 6 — Бернашовка (по Винокур 1997: рис. 6: 4); 7 — Беленькое (по Гудкова 1987: рис. 1: 14); 8 — Бырлад-Валя Сякэ (по Palade 2004: fig. 130:1); 9 — Башмачка (по Смиленко 1992: рис. 20:1); 10 — Тарнов (по Godłowski 1977: XLVIII: 3); 11 — Викныны Великие (по Смішко 1947: табл. I: 7); 12 — Специмеж (по Kietlińska, Piętka-Dąbrowska 1963: tabl. 10: 4); 13 — Каменьчик (по Dąbrowska 1997: taf. CXXIX: 6)

Fig. 6. Variant IAp2b vessels. 1—9 — Chernyakhov Culture; 11 — Wielbark Culture (Viknyny Velykiye); 10, 12—13 — Przeworsk Culture (Tarnów, Spicymierz, Kamieńczyk). 1 — Mihălăşeni (after Şovan 2009: pl. 8 M6: 1); 2 — Volosskoe (after Брайчевская 1960: таб. IV: 14); 3 — Ryževka (after Кропоткин 1972: рис. 1: 1); 4 — Uspenka (after Кропоткин 1964: рис. 22: 6); 5 — Cherkasy-Centr (after Куштан, Петраускас 2011: рис. 9: 12); 6 — Bernashovka (after Винокур 1997: рис. 6: 4); 7 — Belenkoye (after Гудкова 1987: рис. 1: 14); 8 — Birlad-Valea-Seacă (after Palade 2004: fig. 130:1); 9 — Bashmachka (after Смиленко 1992: рис. 20:1); 10 — Tarnów (after Godłowski 1977: XLVIII: 3); 11 — Viknyny Velykiye (after Смішко 1947: табл. I: 7); 12 — Spicymierz (after Kietlińska, Piętka-Dąbrowska 1963: tabl. 10: 4); 13 — Kamieńczyk (after Dąbrowska 1997: taf. CXXIX: 6).

венчиком; погр. 45 мог. Великая Бугаевка, где в состав комплекса входит закрытая биконическая миска с прушком ниже шейки — такие сосуды встречаются в комплексах с многогранными пряжками, фибулами типа Б2б по Е.Л. Гороховскому, орнаментированными гребнями с высокой спинкой могильника Компанийцы (погребения 1, 122, 71) (Некрасова 2006: рис. 57, 74, 68) пряжкой с утолщенной передней частью рамки из погр. 14-1961 мог. Косаново (Petrauskas 2003: Abb. 39); погр. 67, 68 мог. Гавриловка относится к первой фазе могильника (синхронны второй фазе могильника Косаново и фазе C₃) (Petrauskas 2003: 295); погр. 29 мог. Деревьяна содержит фибула типа Б2 по Е.Л. Гороховскому, бусы из монохромного стекла типа I/1/6 по О.В. Гопкало; погр. 4 мог. Заячівка —

закрытую биконическую миску с валиком ниже шейки, гребень с высокой спинкой и расклеванными краями; погр. 23, 59, 115, 171 мог. Компанийцы содержат закрытые биконические миски с валиком ниже шейки, кувшины типа 2/1 по О.В. Петраускасу; погр. 21-1961 мог. Косаново относится к второй фазе развития могильника (Petrauskas 2003: 265); погр. 18 мог. Романковцы — с гребнем типа III/В/1 по Р.Г. Шишкину. **Масловскую** фазу черняховской культуры (поздний этап C₃ — начало D₁) представляют 2 комплекса: погр. 48, 387 мог. Бырлад-Валя Сякэ с подвеской-кулоном из кости в виде полумесяца (Orgeanu 1995: 231—232, 252), орнаментированными фибулами типа Б3е по Е.Л. Гороховскому, гребнем типа III/7/С по Р.Г. Шишкину, ойнохоей варианта А

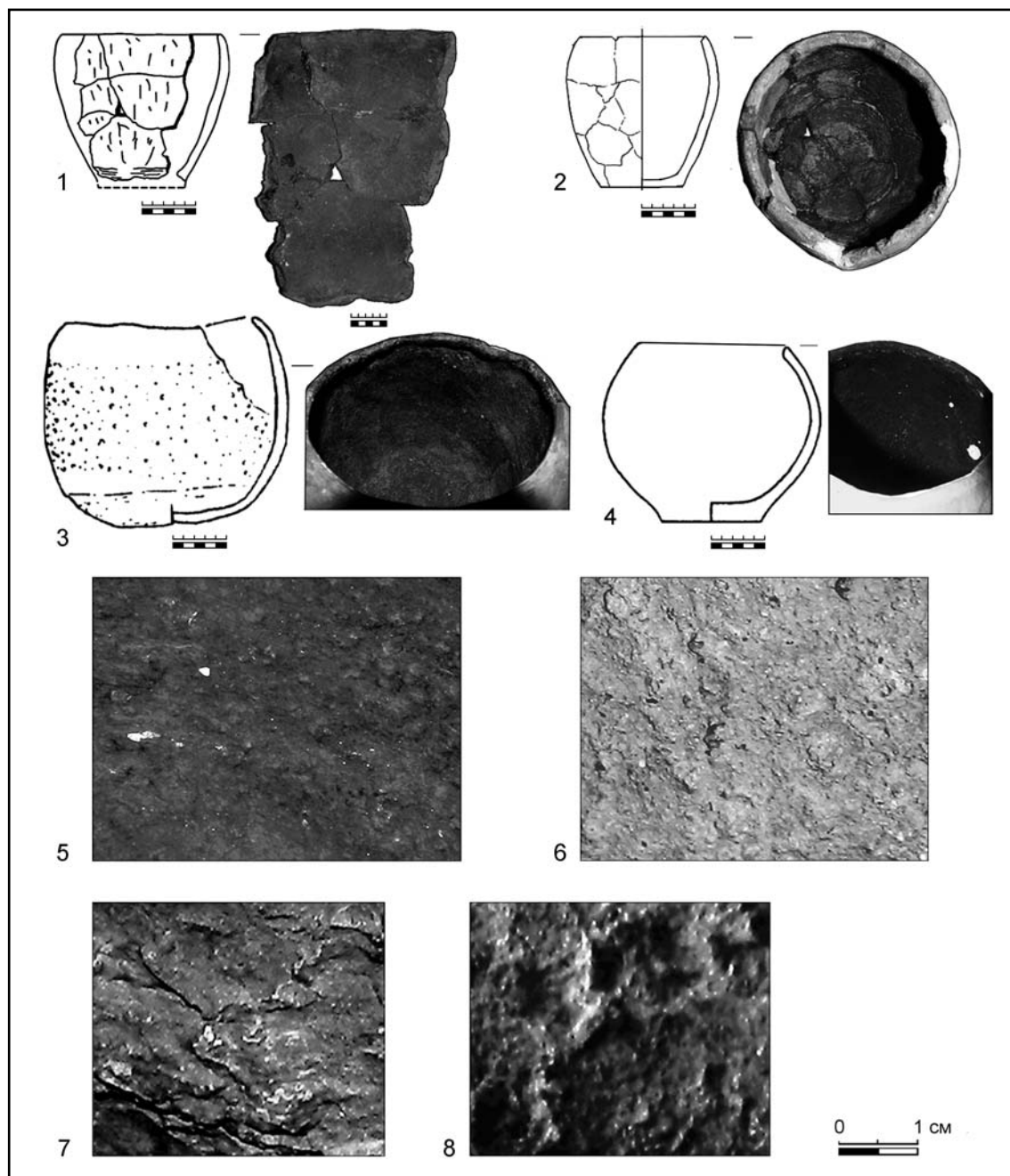

Рис. 7. Технологические аспекты лепки сосудов пшеворских и вельбаркских типов: 1, 2, 7, 8 — пшеворские сосуды; 3—6 — вельбаркские сосуды.

Fig. 7. Technological aspects of production of Przeworsk and Wielbark vessels: 1, 2, 7, 8 — Przeworsk vessels; 3—6 — Wielbark vessels.

по В. Ворник и Л. Чобану (Vornic, Ciobanu 2005).

Горшки подтипа IAp1

Эти сосуды типичны для пшеворской культуры и встречаются в погребальных комплексах с I в.н.э.: погр. 9, 22, 45 мог. Неданово, погр. 10 мог. Белый Груд, Гринев, погр. 145 мог. Цебловице Дуже,

погр. 168, 178а мог. Каменьчик (Ziemlińska-Odojowa 1999: tab. 3: 24; VII: 12; 13: 1; Шевченко 1997: рис. 5: 2; Smiszko 1932: tab. 1: 4; Dziegielewska, Kulczyńska 2008: tab. LXXXVI; Dąbrowska 1997: tab. LXXXIX: 4; XCIV: 8) и существуют до IV в.н.э. (Dąbrowska 1997: tab. CXX: 5). В материалах черняховской культуры данные сосуды не присутствуют в комплексах с надежными датировочными вещами. Но, исходя из кор-

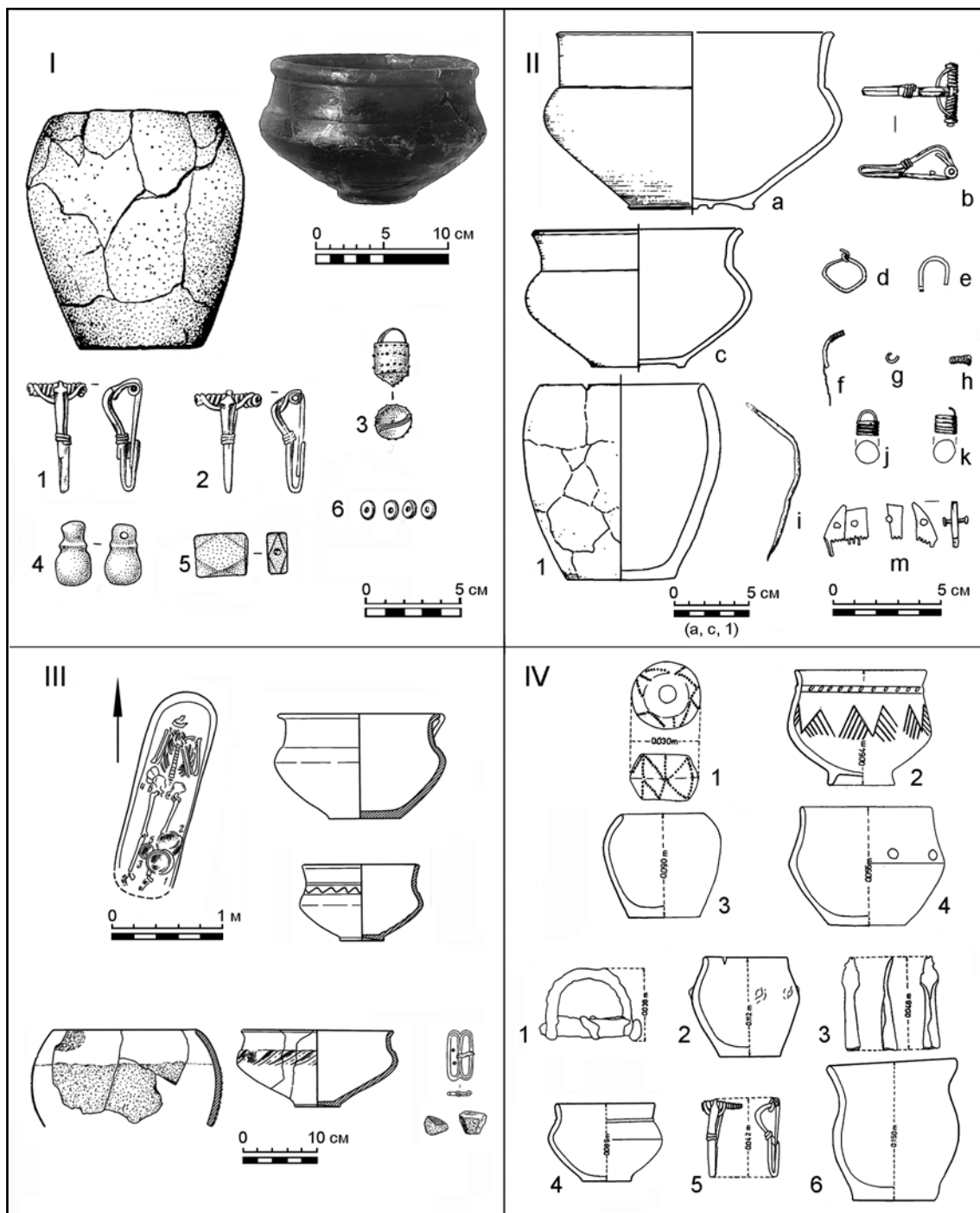

Рис. 8. Комплексы черняховской культуры, синхронные фазе C2 центральноевропейской хронологии, содержащие горшки с загнутым внутрь венчиком: I — погр. 43 мог. Рыжевка (по Кропоткин 1972: рис. 1—3); II — погр. 1 мог. Бернашовка (по Kokowski 2000: Abb. 1); III — погр. 43 мог. Ромашки (по Сымонович 1979: рис. 5: 5; 6: 12, 15, 16; 7: 2, 4, 6, 7); IV — мог. Козия-Яссы (по Ioniță 1982: fig. 28; 29).

Fig. 8. Chernyakhov complexes with kumpfs synchronous with phase C2 of the Central European chronology: I — burial 43 of the Ryževka cemetery (after Кропоткин 1972: рис. 1—3); II — burial 1 of the Bernashovka cemetery (after Kokowski 2000: Abb. 1); III — burial 43 of the Romaški cemetery (after Сымонович 1979: рис. 5: 5; 6: 12, 15, 16; 7: 2, 4, 6, 7); IV — Cozia-Iași cemetery (after Ioniță 1982: fig. 28; 29).

реляционных схем, исследователи относят горшки данного типа к наиболее ранним фазам могильников Будешть, Михэлэшень, Рыжевка (Vornic 2006: 237—238; Șovan 2009: 185; Милашевский, в печати).

Сосуды варианта IAp2a

Бережанская фаза (C₂): погр. 261 мог. Чернелив-Русский — в состав комплекса входят фибула группы A.VII городницкой серии

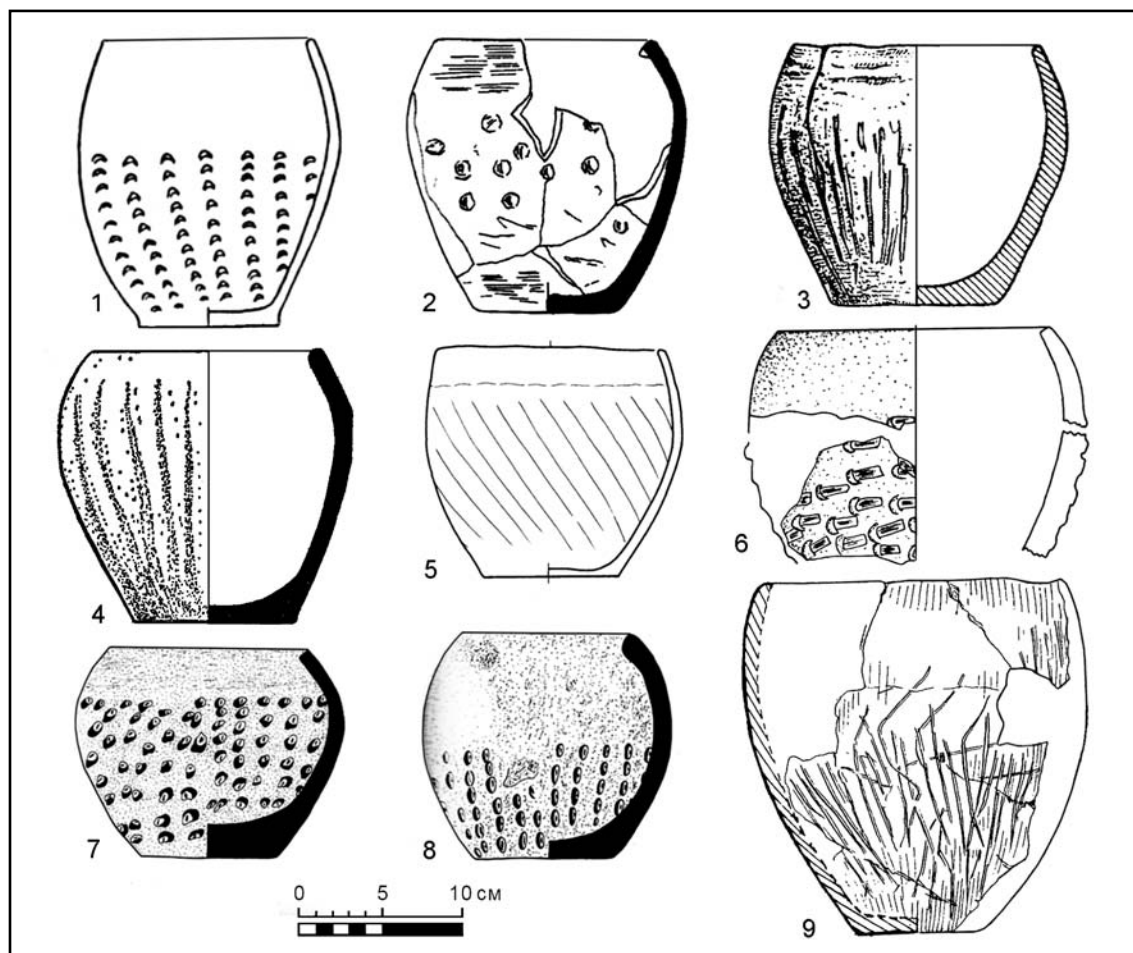

Рис. 9. Орнаментированные горшки с загнутым внутрь венчиком: 1 — погр. 164 мог. Компанийцы (по Некрасова 2006: рис. 79: 14); 2 — Белополье (по Обломский 2003: рис. 52: 1); 3 — погр. 67 мог. Гавриловка (по Симонович 1960: таб. 2: 1); 4 — погр. 3 мог. Чубовка (по Гребенников, Гребенников, Магомедов 1982: рис. 4: 4); 5 — погр. 55 мог. Черкассы-Центр (по Куштан, Петраускас 2011: рис. 9: 12); 6 — Кобылля (по Строць 2008: рис. 43: 2); 7, 8 — Васильев (по Войнаровский 1999: рис. 15: 1, 3); 9 — Ботошань (по Ioniță 1966: fig. 16: 1)

Fig. 9. Ornamented kumfys: 1 — burial 164 of the Kompanyicy cemetery (after Некрасова 2006: рис. 79: 14); 2 — Belopolye (after Обломский 2003: рис. 52: 1); 3 — burial 67 of the Gavrilovka cemetery (after Симонович 1960: таб. 2: 1); 4 — burial 3 of the Chubovka cemetery (after Гребенников, Гребенников, Магомедов 1982: рис. 4: 4); 5 — burial 55 of the Cherkasy-Centr cemetery (after Куштан, Петраускас 2011: рис. 9: 12); 6 — Kobylye (after Строць 2008: рис. 43: 2); 7, 8 — Vasilyev (after Войнаровский 1999: рис. 15: 1, 3); 9 — Botoșani (after Ioniță 1966: fig. 16: 1).

по Е.Л. Гороховскому и О.В. Гопкало, гребень с треугольной спинкой; мог. Козия-Яссы — фибула, вероятно, типа А по Е.Л. Гороховскому и тонкорамчатая пряжка (Баран, Гороховский, Магомедов 1990: 51)

Промежуточная и начало Косановской фазы (C₂/C₃): погр. 234 мог. Данчены — вторая фаза развития могильника, где, наряду с лепной вельбаркской керамикой, присутствует и черняховская гончарная (Шаров 2011: рис. 10, 12); погр. 54 мог. Черкассы-Центр — гончарный горшок с развитым «каплевидным» венчиком и кольцевым поддоном, миска-блюдо (такие керамические формы не характерны для начальных фаз черняховской культуры). **Косановская фаза (C₃):** погр. 67 мог. Гавриловка относится

к первой фазе могильника (Petrauskas 2003: 295); погр. 88 мог. Данчены содержит кувшин типа 1 по О.В. Петраускасу (Петраускас 2008: 90); погр. 56 мог. Компанийцы — закрытая биконическая миска с пружком ниже шейки, горшки сарматской традиции I типа по Б.В. Магомедову (данные сосуды характерны для наиболее поздней фазы могильника и встречаются вместе с калачиковидными пряжками и «воинскими» фибулами 7 типа по О.В. Петраускасу); погр. 1-1964, 7-1963, 21-1961 мог. Косаново относится к второй фазе развития могильника (Petrauskas 2003: 265).

Масловская фаза (C₃/D₁) — погр. 24 мог. Лецкань — фибула типа БЗ по Е.Л. Гороховскому, гребень типа III/9/C по Р.Г. Шишкину.

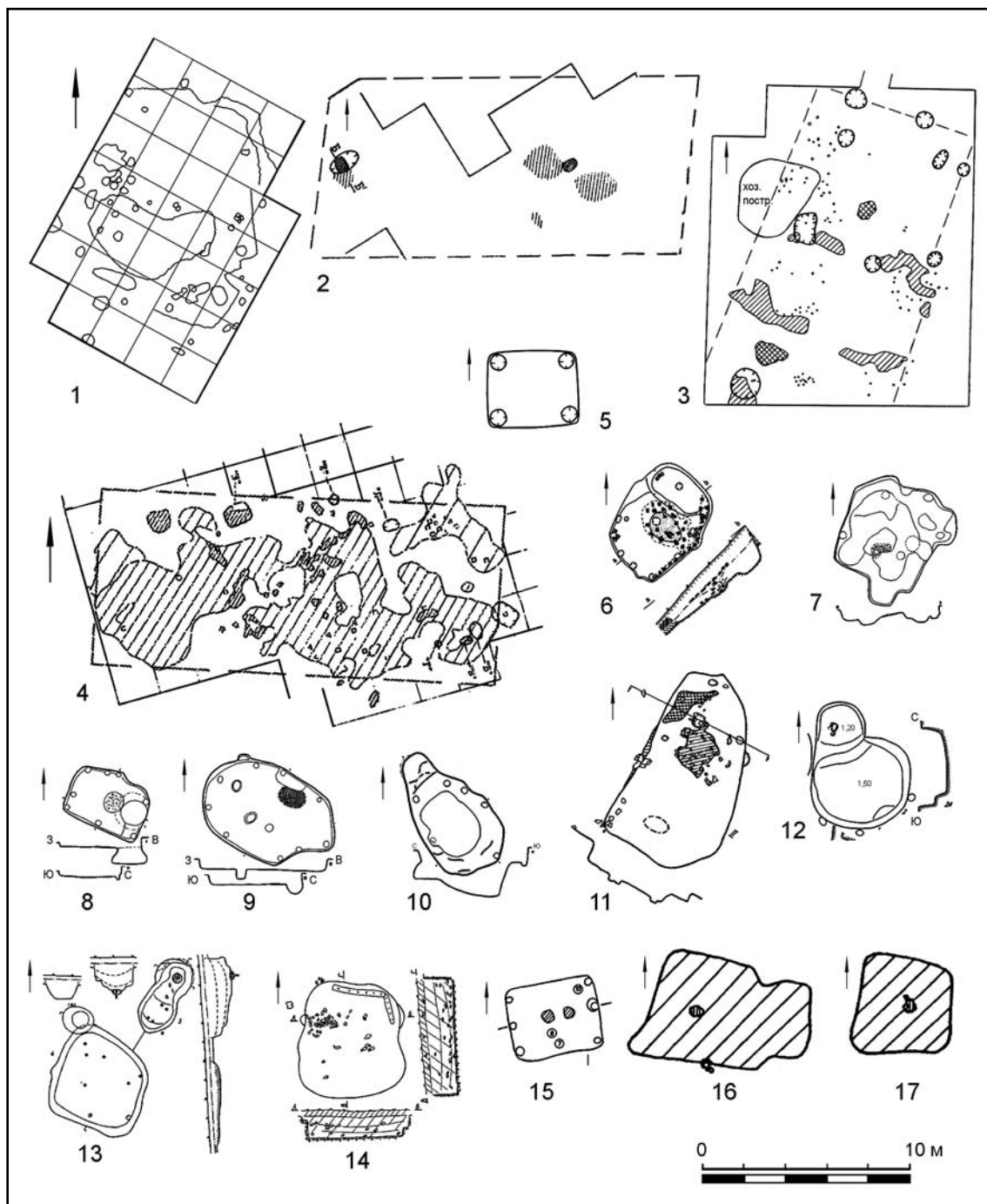

Рис. 10. Поселенческие комплексы (жилища) с горшками с загнутым внутрь венчиком. 1 — Барбара I, постр. 1 (по Башкатов 2010: рис. 3); 2 — Гребинки, постр. 1-А (по Магомедов 1992: рис. 2); 3 — Курники, жил. 1 (по Магомедов, Гудим-Левкович 1991: рис. 6); 4 — Вишенька 1, жил. 1 (по Магомедов, Левада 1993: рис. 3); 5 — Бърлад-Валя Сяж, жил. 20 (по Palade 2004: fig. 20: 1); 6 — Боромля, жил. 7 (по Некрасова 2006: рис. 30: 1); 7—10 — Журавка, жил. 3, 17, 21, 25 (по Обломский 2011: рис. 9, 28, 32, 37); 11 — Башмачка, жил. 3 (по Смиленко 1992: рис. 15: 2); 12 — Бургунка, полузем. 4 (по Сымонович 1980: рис. 1); 13 — Глеваха, жил. 4 (по Терпиловский 1989: рис. 1); 14 — Добрыновцы, полузем. 6 (по Войнаровский 1999: рис. 11: 1); 15 — Козлов, полузем. 1 (по Магомедов 1998: рис. 3); 16, 17 — Новоліповское, жил. 1, 2 (по Абашина, Обломский, Терпиловский 1999: рис. 9: 1—2).

Fig. 10. Settlement complexes (dwellings) with kumpfs. 1 — Barbara I, dw. 1 (after Башкатов 2010: рис. 3); 2 — Grebinki, dw. 1-A (after Магомедов 1992: рис. 2); 3 — Kurniki, dw. 1 (after Магомедов, Гудим-Левкович 1991: рис. 6); 4 — Vishenka 1, dw. 1 (after Магомедов, Левада 1993: рис. 3); 5 — Birlad-Valea-Seacă, dw. 20 (after Palade 2004: fig. 20: 1); 6 — Boromlya, dw. 7 (after Некрасова 2006: рис. 30: 1); 7—10 — Zhuravka-Olshanskaya, dw. 3, 17, 21, 25 (after Обломский 2011: рис. 9, 28, 32, 37); 11 — Bashmachka, dw. 3 (after Смиленко 1992: рис. 15: 2); 12 — Burgunka, dw. 4 (after Сымонович 1980: рис. 1); 13 — Glevakha, dw. 4 (after Терпиловский 1989: рис. 1); 14 — Dobrinovtsy, dw. 6 (after Войнаровский 1999: рис. 11: 1); 15 — Kozlow, dw. 1 (after Магомедов 1998: рис. 3); 16, 17 — Novolipovskoe, dw. 1, 2 (after Абашина, Обломский, Терпиловский 1999: рис. 9: 1—2).

Сосуды варианта IAr2b

Бережанская фаза (C₂): погр. 1 мог. Бернатовка — пара фибул типа Б1 по Е.Л. Гороховскому, фрагмент гребня без плечиков типа I по Р.Г. Шишкину с низкой спинкой; погр. 43 мог. Рыжевка — пара фибул типа Б1 по Е.Л. Гороховскому, золотая «ведерковидная» подвеска типа 2 по О.В. Гопкало. **Промежуточную** и начало **Косановской фазы (C₂/C₃)** представляют комплексы: погр. 6, 9 мог. Михэлэшень (Şovan 2009: 185—189); погр. 55 мог. Черкасы-Центр — фибула типа Гороховский Б2, миска центральноевропейского образца с отогнутым венчиком и пружком в месте максимального диаметра. Такая морфологическая особенность характерна для посуды памятников региона Майн — Франка (Шаров 2011: 337). Аналогичная миска присутствует в комплексе погр. 47 мог. Романковцы (Никитина 1996: табл. 23: 1) вместе с фрагментом пряжки типа G1 по Р. Мадыде-Легутко. В более поздних комплексах фазы C₃ сосуды данного типа не встречаются.

Косановская фаза (C₃): погр. 2 мог. Башмачка (Ю) — закрытая биконическая миска с пружком ниже шейки; погр. 122, 164 мог. Компанийцы — пряжка типа Б и фибула типа Б2 по Е.Л. Гороховскому, закрытая биконическая миска с пружком ниже шейки, трехручная ваза с развитым Т-образным венчиком.

Погребальный обряд

Представители германских общин в черняховском обществе, которые использовали горшки типа IА, хоронили своих умерших как по обряду кремации, так и ингумации. В данной работе использовались типологии О.В. Петраускаса для кремационных (Petrauskas 2002) и ингумационных погребений (Petrauskas 2003: 233, 269—270). Кремации: тип I — погр. 59, 171 мог. Компанийцы, погр. 57 мог. Спанцов; тип II — погр. 10 мог. Михэлэшень; тип IV — погр. 400 мог. Бырлад-Валя Сякэ, погр. 44 мог. Михэлэшень; тип V — погр. 2 мог. Завадовка 2; тип VI — погр. 2 мог. Рыжевка (в кремациях типа III по О.В. Петраускасу кумпы не зафиксированы). Горшки данного типа в погребальных комплексах выступали как урны, крышки, и как сопроводительный инвентарь. Комплексы с ингумациями: тип I/1 (трупоположения неразрушенные, ориентированные головой на север, захороненные в простой яме) — погр. 210 мог. Бельное, погр. 356 мог. Данчены, погр. 21—1961 мог. Косаново, погр. 26 мог. Михэлэшень,

погр. 43 мог. Ромашки; тип I/4 (разрушенные) — погр. 68 мог. Гавриловка, погр. 48 мог. Бырлад-Валя Сякэ, погр. 45 мог. Великая Бугаевка, погр. 66 мог. Будешть, погр. 186 мог. Данчены, погр. 4 мог. Заячівка, погр. 115 мог. Компанийцы, погр. 18, 47 мог. Романковцы, погр. 7 мог. Токи, погр. 55 мог. Черкасы-Центр. Разрушенные погребения преимущественно детские.

Сосуды типа IAr1 присутствуют в таких типах комплексов: кремации типа I — п. 38 мог. Каменка, тип V — погр. 24 мог. Рыжевка. Ингумации типа I/4 — погр. 66 мог. Будешть, погр. 258 мог. Черняхов.

Сосуды типа IAr2a присутствуют в следующих погребальных комплексах: кремации, тип I — погр. 234 мог. Данчены, погр. 6 мог. Малиновцы, погр. 17 мог. Одая, погр. 31 мог. Оселивка, погр. 3 мог. Рыжевка; тип II — погр. 6, 227 мог. Будешть; тип III — погр. 214 мог. Бырлад-Валя Сякэ; тип IV — погр. 313 мог. Будешть; тип V — погр. 67 мог. Гавриловка, погр. 6 мог. Лецкань, погр. 12 мог. Раковец; тип VIII — погр. 56 мог. Компанийцы; ингумации: тип I — погр. 21-1961, 7-1963 мог. Косаново, погр. 24 мог. Лецкань; тип I/4 — погр. 88 мог. Данчены, погр. 1-1964 мог. Косаново, погр. 261 мог. Чернелив-Русский, погр. 56 мог. Черкасы-Центр.

Сосуды типа IAr2b присутствуют в следующих погребальных комплексах: кремации типа I — погр. 2 мог. Башмачка (Ю), погр. 19 мог. Бельное, погр. 122 мог. Компанийцы, погр. 132 мог. Будешть; тип III — погр. 249 мог. Бырлад-Валя Сякэ; тип IV — погр. 6 мог. Михэлэшень; тип V — погр. 9 мог. Михэлэшень; ингумации, тип I/1 — погр. 43 мог. Рыжевка.

Разделение вельбаркских и пшеворских признаков погребального обряда выглядит достаточно проблематичным. По О.В. Петраускасу, для вельбаркской культуры характерны упрощенные типы кремаций — ямные (тип VI, VIII) и урновые (тип I, II) (Петраускас 2002: 61). В.Г. Белевец, анализируя материалы могильника Брест-Тришин, к пшеворскому обряду кремации относил ямные и урновые погребения без солитов включений (Белевец 2007: 66, 67). Следует отметить, что комплекс с «чистой» кремацией — погр. 44 мог. Брест-Тришин — содержит горшок типа IAr2a.

Погребальные комплексы дают также информацию и о поле погребенных. Восемь комплексов кремаций имеют инвентарь с признаками, выделенными О.В. Гопкало (Гопкало 2011), которые могут указывать на пол погре-

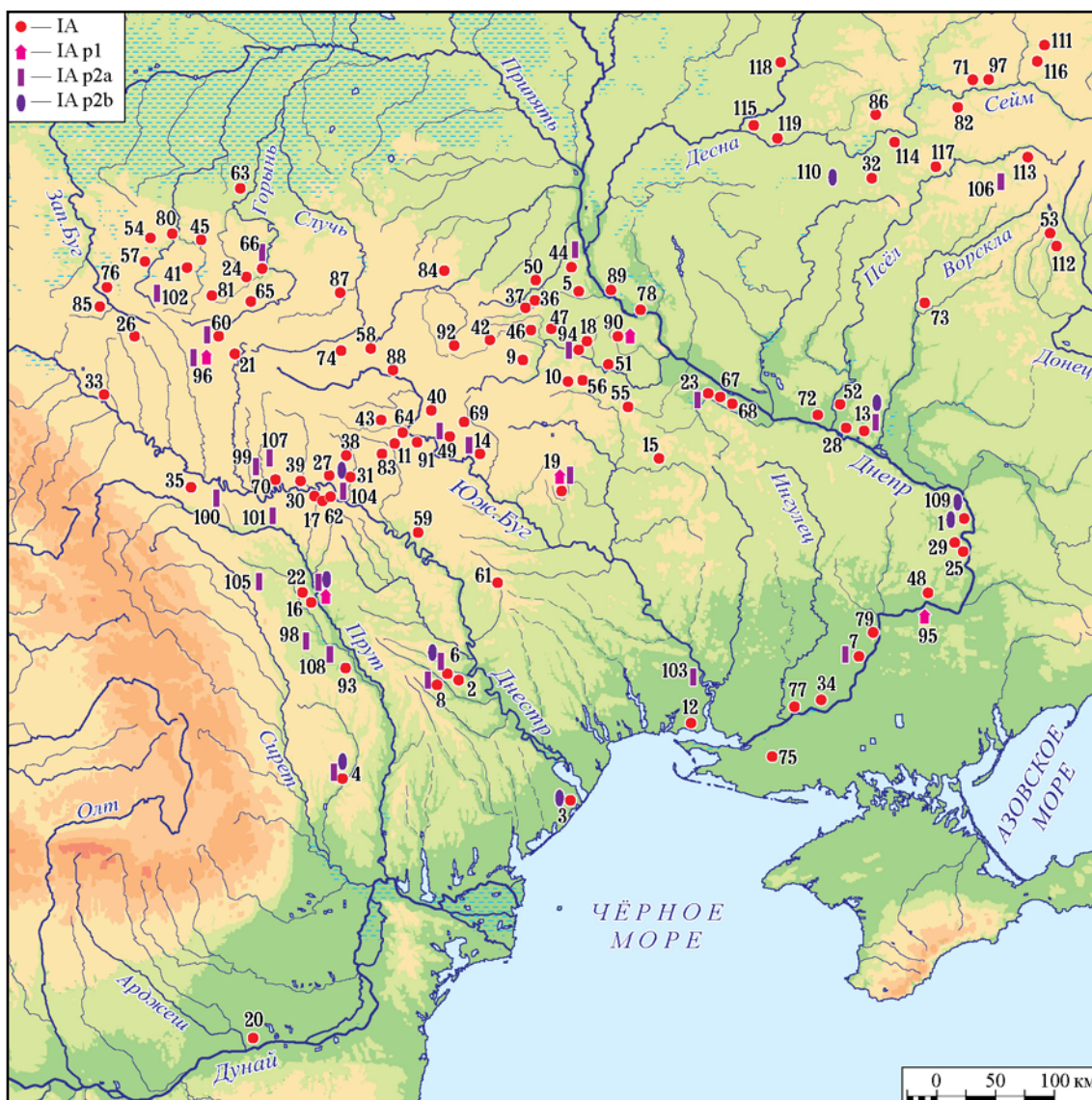

Рис. 11. Карта распространения сосудов с загнутым внутрь венчиком в ареале черняховской и киевской культур: 1 — Башмачка (С); 2 — Бэлцата; 3 — Бельняное; 4 — Бырлад-Валя Сякэ; 5 — Великая Бугаевка; 6 — Будешть; 7 — Гавриловка; 8 — Данчени; 9 — Деревьяна; 10 — Завадовка 2; 11 — Заячевка; 12 — Каборга; 13 — Компанийцы; 14 — Косаново; 15 — Маслово; 16 — Михэлэшень; 17 — Романковцы; 18 — Ромашки; 19 — Рыжевка; 20 — Спанцов; 21 — Токи; 22 — Хэнешть; 23 — Черкассы-Центр; 24 — Шумск; 25 — Августиньовка; 26 — Андреевка VIII; 27 — Бакота; 28 — Барбара I; 29 — Башмачка (поселение); 30 — Байоровы Дубы; 31 — Бернашовка; 32 — Белополье; 33 — Бовшев II; 34 — Бургунка; 35 — Васильев; 36 — Великая Мотовилова; 37 — Великая Снитынка 2; 38 — Верхняя Долина; 39 — Великая Слободка; 40 — Вишенька 1; 41 — устье Вилии; 42 — Волиця 2; 43 — Гайове; 44 — Глеваха; 45 — Горинка; 46 — Гребинки 1; 47 — Григоровка; 48 — Грушевка; 49 — Гунька; 50 — Дедовщина; 51 — Дыбенцы 1а; 52 — Дмитровка 3; 53 — Дубовое 1; 54 — Дудин; 55 — Журавка Ольшанская; 56 — Завадовка 4; 57 — Йосиповка; 58 — Иванковцы; 59 — Козлов; 60 — Кобылля; 61 — Кодима IV; 62 — Комаров; 63 — Костянец; 64 — Курники; 65 — Лановцы IV; 66 — Лепесовка; 67 — Леськи; 68 — Ломоватое; 69 — Луговая; 70 — Лука-Врублевская; 71 — Любимовка; 72 — Максимовка; 73 — Мамрои; 74 — Маркуши; 75 — Михайловка; 76 — Накваша; 77 — Никольское; 78 — Новолиповское; 79 — Осокоровка; 80 — Остров; 81 — Остров-Варковецкий; 82 — Пены; 83 — Примощаница; 84 — Пряжев; 85 — Репнев; 86 — Самсоновка; 87 — Слободище; 88 — Слободка; 89 — Цибли; 90 — Черняхов; 91 — Шершни; 92 — Ягнятин; 93 — Яссы-Николина; 94 — Малополовецкое 2; 95 — Каменка-Днепровская; 96 — Чернелив-Русский; 97 — Авдеево; 98 — Лецкань; 99 — Малиновцы; 100 — Одая; 101 — Оселивка; 102 — Раковец; 103 — Чубовка; 104 — Бакота; 105 — Ботошань; 106 — Боромля; 107 — Сокол; 108 — Козия-Яссы; 109 — Волосское; 110 — Успенка; 111 — Букреевка 2; 112 — Головино 1; 113 — Гочево 3; 114 — Званное 1; 115 — Красное 4; 116 — Лебяжье 1; 117 — Песчаное; 118 — Форостовичи; 119 — Пересыпки 1.

Fig. 11. Distribution of kumpfs in the area of Chernyakhov and Kiev Cultures. 1 — Bashmachka (N); 2 — Bălțata; 3 — Belenkoe; 4 — Bîrlad-Valea-Seacă; 5 — Velykaja Bugaevka; 6 — Budești; 7 — Gavrilovka; 8 — Dănceni; 9 — Derevjana; 10 — Zavadvka;

№4. 2014

11 — Zajachevka; 12 — Kaborga; 13 — Kompanyicy; 14 — Kosanovo; 15 — Maslovo; 16 — Mihălășeni; 17 — Romankivcy; 18 — Romaški; 19 — Ryževka; 20 — Spanțov; 21 — Toki; 22 — Hănești; 23 — Cherkasy-Centr; 24 — Shumsk; 25 — Avgustinovka; 26 — Andreevka VII; 27 — Bakota; 28 — Barbara I; 29 — Bashmachka (settlement); 30 — Bajorovy Duby; 31 — Bernashovka; 32 — Belopolye; 33 — Bovshev II; 34 — Burgunka; 35 — Vasilyev; 36 — Velikaya Motovilovka; 37 — Velikaya Snetinka; 38 — Verhnyaya Dolina; 39 — Velikaya Slobodka; 40 — Vishenka 1; 41 — Vilija; 42 — Volitsa; 43 — Gajove; 44 — Glevakha; 45 — Gorinka; 46 — Grebenki 1; 47 — Grigorovka; 48 — Grushevka; 49 — Gunka; 50 — Dedovshchina; 51 — Dybentsy 1a; 52 — Dmitrovka; 53 — Dubovoe 1; 54 — Dudyn; 55 — Zhuravka-Olshanskaya; 56 — Zavadovka; 57 — Yosypovka; 58 — Ivankovtsy; 59 — Kozlov; 60 — Kobyl'e; 61 — Kodyma IV; 62 — Komarov; 63 — Kostyanets; 64 — Kurniki; 65 — Lanovtsy IV; 66 — Lepesovka; 67 — Leski; 68 — Lomovatoe; 69 — Lugovaya; 70 — Luka-Vrublevetskaya; 71 — Ljubimovka; 72 — Maksimovka; 73 — Mamroi; 74 — Markushy; 75 — Mykhaylovka; 76 — Nakvasha; 77 — Nikolskoe; 78 — Novolipovskoe; 79 — Osokorovka; 80 — Ostrov; 81 — Ostrov-Varkovetskiy; 82 — Peny; 83 — Primoschanytsa; 84 — Pryazhev; 85 — Ripnev; 86 — Samsonovka; 87 — Slobodishche; 88 — Slobodka; 89 — Tsybli; 90 — Chernyakhov; 91 — Shershni; 92 — Yagnyatin; 93 — Iași-Nicolina; 94 — Malo-Polovetskoe; 95 — Kamenka-Dneprovskaya; 96 — Cherneliv-Ruskyi; 97 — Avdeev; 98 — Lețcani; 99 — Malynovtsy; 100 — Odaya; 101 — Oselivka; 102 — Rakovec; 103 — Chubovka; 104 — Bakota; 105 — Botoșani; 106 — Boromlya; 107 — Sokol; 108 — Cozia-Iași; 109 — Volosskoe; 110 — Uspenka; 111 — Bukreevka 2; 112 — Golovino 1; 113 — Gochevo 3; 114 — Zvanoe 1; 115 — Krasnoe 4; 116 — Lebyazhye 1; 117 — Peschanoe; 118 — Forostovichy; 119 — Peresypyk 1.

бенных. В трех случаях это мужчины, в погребениях которых присутствуют горшки типа IA, другую группу составляют женские захоронения (пять случаев), в которых присутствуют сосуды вариантов IAr2a и IAr2b.

Принадлежность горшков типа IA к мужским комплексам подтверждает также факт нахождения такого сосуда в составе клада кузнеца из Сармизегетузы (Glodariu и др. 1996: fig. 16). Интересным случаем является погр. 6 мог. Михэлэшень, где присутствуют формы IA и IAr2 b, что является нехарактерным явлением, так как обычно сосуды типов IA и IAr в одних комплексах сочетаются очень редко.

Все ингумации имеют северную ориентировку, некоторые с небольшим, не более 20°, отклонением на запад, что может иметь сезонный характер (Никитина 1985: 37). Средняя глубина погребений — 1 м (от 0,65 м — погр. 186 мог. Данчены, до 2,1 м — погр. 181 мог. Чернелив-Русский). Из них 80% ритуально разрушены. Положение горшков в ингумациях может свидетельствовать о наличии двух зон наибольшей концентрации — около головы и у левой ноги. Тринадцать комплексов имеют антропологические определения или погребальный инвентарь, который может помочь в установлении пола погребенных. Семь из них имеют признаки, которые указывают на женский пол. В этих комплексах присутствуют сосуды вариантов IAr2a и IAr2b. Шесть комплексов имеют признаки, характерные для мужских погребений. В их составе присутствуют горшки типа IA. Исключениями являются погр. 21-1961 мог. Косаново, где сочетались горшки типов IA и IAr2a и погр. 68 мог. Гавриловка, где вместе с двумя фибулами на ключице — характерным женским признаком — в комплексе присутствовал горшок типа IA.

Таким образом, мы видим, что на этапе C₂ наблюдается исчезновение сосудов

данного типа в ареале вельбаркской культуры и появление их среди материалов культуры черняховской. Похожая ситуация наблюдается и с другими типами вельбаркской керамики (Шаров 2011: 325—333). Скорее всего, это связано с передвижением населения из ареала вельбаркской культуры на юго-восток. Наибольшее распространение сосуды с загнутыми внутрь краями в черняховской культуре получили в конце фазы C₂ — C₃, то есть на протяжении первой половины IV в. н. э. — во время стабилизации и демографического роста населения черняховской культуры. Сосуды типа IA присутствуют, преимущественно, в мужских погребениях, IAr2a и IAr2b — в женских. Сосуды всех типов присутствуют в ингумациях с северной ориентировкой (разрушенных и неразрушенных) и, практически, во всех типах кремаций, выделенных О. В. Петраускасом.

Поселения

Сосуды с загнутым в середину венчиком присутствуют в материалах 92 поселений черняховской культуры, как в жилых, так и в хозяйственных постройках. На большинстве поселений черняховской культуры с северо-западным культурным компонентом, в частности, на территории Среднего Поднепровья, данные горшки являются самыми многочисленными среди форм лепной керамики (Милашевский 2011: 133—136). Это же явление наблюдается и на материалах вельбаркской культуры (Козак и др. 2004: 97). Керамика северо-западной традиции, как правило, выступает как этноопределяющий признак в постройках (Добрыновцы, Вишеньки 1, Курники, Козлов и др.), хотя существуют комплексы (жилище 7 из Боромли), где присутствуют материалы и восточноевропейской керамической традиции.

Жилые постройки представлены жилищами следующих типов:²

— длинными домами типа «Stallhaus» в Вишенках, Гребенках, Курниках, на поселении Барбара-1 (рис. 10: 1—4);

— полуземлянками каркасно-столбовой конструкции — ж. 20 Бырлад-Валя Сякэ, ж. 7 из Боромли, ж. 3, 17, 21, 25 Журавки, ж. 3 Башмачки (рис. 10: 5—11);

— полуземлянкой каркасно-столбовой конструкции №4 со стенами над котлованом с Бургунки (рис. 10: 12);

— полуземлянкой каркасно-плетневой конструкции — ж. 4 из Глевахи (рис. 10: 13);

— полуземлянкой срубной конструкции — ж. 6 из Добрынищев (рис. 10: 14);

— землянкой каркасно-столбовой конструкции — ж. 1 из Козлова (рис. 10: 15);

— наземными жилищами каркасно-плетневой конструкции 1 и 2 из Новолиповского (рис. 10: 16—17).

Таким образом, заметно, что носители северо-западной керамической традиции в черняховской культуре не имели унифицированного типа домостроительства. Такое разнообразие типов жилых сооружений характерно также для вельбаркской культуры территории Украины (Козак 1991: 73—79).

Горшки с загнутыми к середине венчиками присутствуют и среди материалов киевской культуры на 9 поселениях (Букреевка 2, Головино 1, Гочево 3, Званное 1, Красное 4, Лебяжье 1, Песчаное, Форостовичи, Хлопков 1), как правило, во фрагментированном виде. На поселениях Букреевка 2, Гочево 1, Родной Край 3, Боромля 2 известны постройки со следами каркасно-столбовой конструкции, которые также являются характерной чертой северо-западного этнического компонента (Башкатов 2013). Скорее всего, они являются еще одним свидетельством тесных контактов между киевским и черняховским населением, носителем северо-западной традиции. Германо-славянские контакты киевской и пшеворской культур известны еще с раннеримского времени (Обломский, Терпиловский 1994; 1998: 85).

Горшки с пшеворскими чертами концентрируются на правом берегу Днепра,

в Попруттье, между Днепром и Бугом, практически отсутствуя на Левобережье Днепра (рис. 11). Горшки же типа IАравномерно присутствуют на всей территории черняховской культуры.

Выводы

Сосуды с загнутым внутрь венчиком в черняховской культуре маркируют северо-западный этнический компонент, который можно связывать с вельбаркским (тип IА), пшеворским (типы IА p1, IА p2a, IАp 2b) и центральноевропейским (тип IАp2b) населением. Данные типы сосудов в черняховской культуре производились с использованием разных технологических приемов (спирально-жгутовым и способом вытягивания из полого глиняного тела) и примесей керамического теста, что подтверждает их разную культурную подоснову.

Функционирование сосудов с загнутым внутрь венчиком начинается в черняховской культуре с Бережанской фазы (C₂). Следует отметить, что все вышеописанные типы, кроме IАp1, в наиболее ранних комплексах (рис. 8) присутствуют вместе с гончарной керамикой типа Schaleurnen — высокими гончарными мисками с практически прямым венчиком и полусферическим туловом. Эти сосуды соответствуют типу В2 гончарной керамики Масломенчской группы по А. Коковскому и датируются фазой C₂ (Kokowski 1995: 17, 44—46). Происхождение этих сосудов связывается с районом *Germania Libera* между Рейном и Эльбой (Шаров 2011: 333). Появление этих сосудов О. В. Шаров связывает с притоком населения, оставившего памятники типа Лейна-Хасслебен (Шаров 2011: 337). Таким образом, эти данные еще раз подтверждают, что на начальном этапе черняховской культуры имеет место приток населения не только с более северных территорий Польши и Прибалтики, но также из Центральноевропейского региона. Наличие горшков германской традиции на поселениях киевской культуры может свидетельствовать о межкультурных контактах, скорее всего — браках, между представителями разнотнических общин.

Литература

Абашина Н. С., Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1999. К вопросу о раннеславянских элементах культуры на черняховских памятниках Среднего Поднепровья. *РА* (4), 78—98.

Алихова А. Е. 1951. Авдеевское селище. *КСИИМК* 38, 106—113.

Баран В. Д. 1981. *Черняхівська культура: за матеріалами верхнього Дністра і Західного Бугу*. Київ: Наукова думка.

Башкатов Ю. Ю. 2008. Типология жилищ славянской линии развития (по материалам I—V вв. н. э.). В: Наумов А. Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная*

² Типология жилищ дается по Ю. Ю. Башкатову (Башкатов 2008).

№4. 2014

- зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов 1, 326—340.
- Башкатов Ю.Ю. 2010. Памятники черняховской культуры юга Среднего Поднепровья. *Germania-Sarmatia* 2, 161—181.
- Башкатов Ю.Ю. 2013. К вопросу о формировании славянской домостроительной традиции на территории Днепровского Лесостепного Левобережья. *Stratum plus* (4), 301—315.
- Бажан И.А., Гей О.А. 1992. Относительная хронология могильников черняховской культуры. *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*. Санкт-Петербург, 122—158.
- Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. 1990. Черняховская культура и готская проблема. В: *Славяне и Русь (в зарубежной историографии)*. Киев: Наукова думка, 30—78.
- Брайчевская А.Т. 1960. Черняховские памятники Надпорожья (по материалам раскопок и разведок И.М. Фещенко, А.В. Бодянского и автора). *МИА* 82, 148—191.
- Белевец В.Г. 2007. Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончании раскопок. *Acta Archaeologica Albaruthenica* 1. Минск, 49—85.
- Вакуленко Л.В. 1989. Этнокультурная ситуация в Верхнем Поднестровье в III в.н.э. В: Толочко П.П. (отв. ред.). *Древние славяне и Древняя Русь*. Киев: Наукова думка, 22—34.
- Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. 1984. *Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре*. Киев: Наукова думка.
- Винокур І.С. 1997. Пшеворські елементи у пам'ятках черняхівської культури Волино-Подільського пограниччя. *Kultura przeworska* III, 50—66.
- Винокур І.С., Горішній П.А. 1994. *Бакота. Столиця давньоруського Пониззя. Кам'янець-Подільський: Центр Поділлєзнавства*.
- Войнаровский В.М. 1999. Нові пам'ятки ранньоримського часу в Буковинському Прикарпатті (до підґрунтя черняхівської культури в регіоні). *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* 20, 189—215.
- Генинг В.Ф. 1992. *Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии*. Киев: Наукова думка.
- Гопкало О.В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев: ФОП Корвін-Піотровський.
- Гопкало О.В. 2011. Мужской и женский черняховский костюм (по данным погребений с антропологическими определениями). *Stratum plus* (4), 179—210.
- Гороховский Е.Л. 1988а. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины. *Труды V Международного конгресса археологов-славистов*. Киев, 34—46.
- Гороховский Е.Л. 1988б. *Хронология ювелирных изделий первой половины I тыс. н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*. Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Гребенников Ю.С., Гребенников В.Б., Магомедов Б.В. 1982. Черняховские могильники западного побережья Бугского Лимана. В: Гудкова А.В. (отв. ред.). *Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье*. Киев: Наукова думка, 136—149.
- Гудкова А.В. 1987. Могильник IV в.н.э. в с. Беленькое. В: Самойлова Т.Л. (отв. ред.). *Новые исследования по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 56—66.
- Козак Д.Н. 1984. *Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї і Західному Побужжі*. Київ: Наукова думка.
- Козак Д.Н. 1985. Вельбарская культура. В: *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э.* Киев: Наукова думка, 17—25.
- Козак Д.Н. 1991. *Етнокультурна історія Волині (I ст. н.е. — IV ст. н.е.)*. Київ: Наукова думка.
- Козак та ін. 2004: Козак Д.Н., Прищеп Б.А., Шкоропад В.В. *Давні землероби Волині (пам'ятки археології на Хрінницькому водоймищі)*. Київ: Корвін прес.
- Кропоткин В.В. 1964. Археологические раскопки в Кировоградской области в 1961 г. *КСИА* 102, 57—63.
- Кропоткин В.В. 1972. Золотая подвеска из Рыжевки. *СА* (1), 264—269.
- Кухаренко Ю.В. 1980. *Могильник Брест-Тришин*. Москва: Наука.
- Куштан Д.П., Петраускас О.В. 2011. Могильник черняхівської культури Черкаси-Центр (за матеріалами розкопок 2000—2003 рр.). *Oikum 1. Черняхівська культура*. Київ: Волинські старожитності, 178—231.
- Левада М.Е. 2006. «Другие германцы» в Северном Причерноморье римского времени. *Боспорские исследования* 11. Симферополь; Керчь, 194—226.
- Магомедов Б.В. 1992. Черняхівське поселення біля с. Гребінки. В: Паньков С.В. (отв. ред.). *Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки*. Київ, 21—33.
- Магомедов Б.В. 1998. Черняховское поселение у села Козлов на Среднем Днестре. *Studia Gothica* 2, 163—187.
- Магомедов Б.В. 2001. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin.
- Магомедов Б.В., Гудим-Левкович А.Н. 1991. Черняховские поселения Шершни и Курники на Южном Буге. В: Ткачук М.Е. (отв. ред.). *Древности Юго-запада СССР*. Кишинёв: Штиинца, 84—106.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1993. Черняхівське поселення Вишенька-1 у м. Вінниця. В: Казьмирчук В.Г. (відп. ред.). *Подільська старовина*. Вінниця, 131—145.
- Милашевський О.С. 2011. Ліпна кераміка північно-західної традиції межиріччя Дніпра та Псла. *Археологія і давня історія України* 5, 152—159.
- Милашевський О.С. Хронологія черняхівських могильників Заходу України, в печати.
- Некрасова А.Н. 2006. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья. В: Левада М.Е. (ред.). *Готы и Рим*. Киев, 87—201.
- Никитина Г.Ф. 1966. Классификация лепной керамики черняховской культуры. *СА* (4), 70—85.
- Никитина Г.Ф. 1985. *Систематика погребального обряда племен черняховской культуры*. Москва: Наука.
- Никитина Г.Ф. 1996. *Могильники черняховской культуры в Северной Буковине и Бессарабии*. Москва: Наука.
- Обломский А.М. 2003. *Днепровское лесостепное Левобережье в позднеримское и гуннское время (середина III — первая половина V в.н.э.)*. Москва: Наука.
- Обломский А.М. 2010. Материалы поселения Журавка Ольшанская. *Раннеславянский мир* 13. Москва, 144—261.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 1994. О связях населения Центральной Европы и востока Дне-

- провского Левобережья в латенское и раннеримское время. *Kultura przeworska* 1, 159—181.
- Обломский А. М., Терпиловский Р. В. 1998. Поселение Попово-Лежачи-4 и его место среди памятников киевской культуры. *Folia archaeologica* 22, 53—89.
- Петраускас О. В. 2002. Типи археологічних комплексів трупоспалень черняхівської культури (територія поширення, етнокультурні особливості та хронологія). *Археологія* (3), 40—65.
- Петраускас О. В. 2008. Хронология некоторых типов гончарных кувшинов черняховской культуры лесостепной Украины. *Germania-Sarmatia* 1. Калининград, 88—103.
- Петраускас О. В. 2010. Фібули «воїнського типу» черняхівської культури (за матеріалами пам'яток України). *Археологія і давня історія України* 2, 191—207.
- Петраускас А. В., Петраускас О. В. 2008. Про деякі особливості технології та хронології гончарних горщиків черняхівських пам'яток Постугняння. *Археологічні студії* 3. Київ; Чернівці, 53—97.
- Петраускас О. В., Шишкин Р. Г. 2013. Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугайовка (археологический источник). *Oium* 2. Киев: Аграр Медіа Груп.
- Рикман Э. А. 1975. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. Москва: Наука.
- Росохацкий А. А. Отчет о полевых исследованиях Шаболатского отряда Одесского охранного археологического центра в 1991 г. Науковий архів ІА НАН України. № 1991/237.
- Свешников И. К. 1957. Новые могильники липицкой культуры в Львовской области. *КСИИМК* 68, 63—74.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. 1990. Баран В. Д. (отв. ред.). Киев. Наукова думка.
- Смиленко А. Т. 1992. *Городище Башмачка III—IV в. н. э.* Киев: Наукова думка.
- Смішко М. Ю. 1947. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. *Археологія* (1), 111—123.
- Смішко М. Ю., Свешніков І. К. 1961. Могильник III—IV ст. н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. *МДАПВ* 3, 89—114.
- Сорокун А. А., Милашевський О. С., в друці Нові пам'ятки черняхівської культури на Богуславщині.
- Строценъ Б. С. 2008. *Черняхівська культура Західного Поділля*. Тернопіль: Астон.
- Сымонович Э. А. 1960. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днепре. *МИА* 82, 192—239.
- Сымонович Э. А. 1964. Северная граница памятников черняховской культуры. *МИА* 116, 7—52.
- Сымонович Э. А. 1967. Новые работы в Черняхове. *МИА* 139, 5—27.
- Сымонович Э. А. 1979. Ромашковский могильник — первый черняховский памятник Поднепровья. *СА* (3), 156—170.
- Сымонович Э. А. 1980. Черняховское селище Бургунка на Нижнем Днепре. *КСИА* 162, 104—109.
- Сымонович Е. О. 1981. Черняхівські горщики Подніпров'я. *Археологія* 36, 41—54.
- Сымонович Э. А. 1984. Развитие культуры Черняховских племен Левобережья Днепра. *КСИА* 178, 73—81.
- Терпиловский Р. В. 1984. *Ранние славяне Подесенья III—V вв.* Киев: Наукова думка.
- Тилищак В. С. 2011. Ліпна кераміка Чернелево-Русського могильника. *Oium* 1. Черняхівська культура. Київ: Волинські старожитності, 111—123.
- Тиханова М. А. 1970. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры. *КСИА* 121, 89—94.
- Федоров Г. Б. 1960. Два черняховских могильника в Молдавии. *Материалы и исследования по археологии юго-запада СССР и РНР*. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 221—239.
- Хавлюк П. І. 1974. Заячівський могильник на Вінничині. *Археологія* 14, 62—72.
- Хавлюк П. І. 1988. Вельбарские памятники на Южном Буге. *Kultura wielbarska w młodszy okresie rzymskim* 1, 137—144.
- Шаров О. В. 1992. Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчени и проблема датировки черняховской керамики. *Проблемы хронологии латена и римского времени*. Санкт-Петербург, 158—207.
- Шаров О. В. 2009. *Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV вв. н. э.)*. Автореф. ... дисс. д-ра ист. наук. Санкт-Петербург.
- Шаров О. В. 2011. Ранняя фаза черняховской культуры. *Stratum plus* (4), 321—340.
- Шевченко Ю. Ю. 1997. Высокий (Белый) Груд на рубеже нашей эры. *Stratum + ПАВ*. Санкт-Петербург; Кишинев, 121—137.
- Шелов Д. Б. 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. *КСИА* 156, 16—21.
- Шишкин Р. Г. 1999. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры. *Сто років вивчення культури полів поховань на Україні*. Тези доповідей семінару (Київ, 14—16 грудня 1999 р.). Київ, 43—47.
- Щукин М. Б. 1989. Поселение Лепесовка: Вельбарк или Черняхов? *Kultura wielbarska w młodszy okresie rzymskim* 2, 195—215.
- Andrzejowski J. 1998. Nadkole 2: A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland. Kraków: Secesja.
- Bona I. 1956. Die Langobarden in Ungarn. Die Gräberfelder von Várpálotá und Bezenye. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* (7). Budapest, 183—242.
- Bokinić E. 2005. Podwiesiek. Ein Gräberfeld der Oksywie-Kultur im Kulmer Land. Warszawa; Toruń.
- Cnotliwy E. 2010. Grzebień dzwonowatego typu w Europie. *Acta Archaeologica Pomoronica* IV. Szczecin, 1—240.
- Glodariu I., Iaroslavschi E., Rusu-Pescaru A., Costea F. 1996. Sarmizegetusa Regia, capitala Daciei preromane. *Acta Musei Devensis*. Deva.
- Godłowski K. 1972. Materiały kultury przeworskiej z obszaru Górnego Śląska (część I). *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* IV. Warszawa, 255—382.
- Godłowski K. 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku (część II). *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* (4). Warszawa.
- Godłowski K., Wichman T. 1998. Chmielów Piaskowy: Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebirge. Kraków: Secesja.
- Dąbrowska T. 1997. Kamieńczyk: ein Gräberfeld der Przeworsk-kultur in Ostmasowien. Kraków: Secesja.
- Domański G. 1979. *Kultura luboszycka między Łabą a Odrą w II—IV wieku*. Wrocław: PAN IHKM.
- Dzięgielewska M., Kulczyńska M. 1998. Cieblowice Duże: ein Gräberfeld der Przeworsk-kultur im südwestlichen Masowien. Warszawa.
- Hegewisch M. 2007. Planitz, ein kaiser- und völkerwande-

- rungszeitliches Gräberfeld im Kreis Ostprignitz-Ruppin; zugleich eine Studie zur Entwicklung der spätkaiserzeitlichen elbgermanischen Keramik. *Bonner Beiträge zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie* (7). Bonn.
- Ioniță I. 1966. Contribuții cu privire la cultura Sântana de Mureș-Cerneahov. *Arheologia Moldovei* (IV), 189—259.
- Ioniță I. 1982. *Din istoria și Civilizația Dacilor Liberi*. Iași: Editura Junimea.
- Kokowski A. 1995. *Grupa Masłomecka z badań nad przełamaniami kultury gotów w młodszym okresie rzymskim*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Kietlińska A., Piętka-Dąbrowska T. 1963. Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w wsi Spicymierz, pow. Turek. *Materiały Starożytne* 9. Wrocław; Warszawa, 7—99.
- Kokowski A. 2000. Zu Geheimnisvollen Tonknöpfen von typ „Bernašivka“. *Sborník Národního Muzea v Praze* LIV (1—4). Praha, 65—70.
- Kolnik T. 1973. Pohrebisko z doby sťahovania národov v Abraháme. *Slovenská Archeológia* 21, 359—399.
- Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford.
- Mackeprang M.B. 1943. *Kulturbedingungen im Nordischen Raum des 3—5. Jh.*: Keramische Studien. Leipzig: Barth.
- Opreanu C. 1995. Creștinismul și neamurile germanice în secolele IV—V în Transilvania. *Ephemeris Napocensis* (5). Cluj-Napoca, 227—255.
- Palade V. 2004. *Așezarea și necropola de la Bârlad — Valea Seacă (sfârșitul sec. al III-lea — a două jumătate a sec. V-lea)*. București: Editura ARC 2000.
- Petrauskas O.V. 2003. *Die Gräberfelder der Cernjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten*. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission (83), 224—351.
- Prahistoria ziem polskich*. 1981. T. V: *Późny okres lateński i okres rzymski*. J. Wielowiejski (red.). Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Schindler R. 1940. *Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe*. Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte 6. Leipzig: Rabitzsch. C. Kabitzsch.
- Schach-Dörge H. 1970. *Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhunderts nach Chr. Zwischen unteren Elbe und Oder*. Offa-Bücher 23. Neumünster: K. Wachholtz.
- Schmidt B. 1984. Drehscheibekeramik der spätrömischen Kaiserzeit und frühen Völkerwanderungszeit im Mittelbe-Saale-Gebiet. *Römerzeitliche drehscheibenware im Barbaricum*. Weimarer Monogr. Ur- und Frühgesch 11, 21—29.
- Śmiszko M. 1932. *Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Małopolsce Wschodniej*. Lwów: nakł. Towarzystwa Naukowego.
- Șovan O. 2009. *Necropola de tip Sântana de Mureș — Cernjachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani)*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Schulz W. 1953. *Leuna: ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit*. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte 1. Berlin: Akademie-Verlag.
- Vornic V. 2006. *Așezarea și Necropola de tip Sântana de Mureș-Cernjachov de la Budești*. Chișinău.
- Vornic V., Ciobanu L.V. 2005. Căni-oenochoe de lut romane descoperite în complexele culturii Sântana de Mureș-Cernjachov din spațiul pruto-nistean. *Analele ANTIM* 6. Chișinău, 25—40.
- Wołagiewicz R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Baltykiem a Morem Czarnym*. Szczecin: Recto.
- Zeman T. 2008. *Zlehov. Sídliště ze závěru doby římské a počáteční fáze stěhování národů a jeho postavení v rámci pozdního svěbského osídlení Moravy*. Disertační práce. Brno.
- Ziemlińska-Odojowa W. 1999. *Niedanowo: Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasuren*. Kraków: Secesja.

References

- Abashina, N.S., Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 1999. In *Rossiiskaia arheologiya (Russian Archaeology)* (4), 78—98 (in Russian).
- Alikhova, A.E. 1951. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* 38, 106—113 (in Russian).
- Baran, V.D. 1981. *Chernyakhivs'ka kul'tura: za materialamy verkh'n'oho Dnistra i Zakhidnoho Buhu (Cerneahov culture: basing on the materials from Upper Dniester and Souther Bug regions)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Bashkatov, Yu. Yu. 2008. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations)* 1, 326—340 (in Russian).
- Bashkatov, Yu. Yu. 2010. In *Germania-Sarmatia* 2, 161—181 (in Russian).
- Bashkatov, Yu. Yu. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 301—315 (in Russian).
- Bazhan, I.A., Gaj, O.A. 1992. In *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Problems of chronology of La Tene and Roman period)*. Saint Petersburg, 122—158 (in Russian).
- Baran, V.D., Gorokhovskii, E.L., Magomedov, B.V. 1990. In *Slaviane i Rus' (v zarubezhnoi istoriografii) (Slavs and Russia (in the foreign historiography))*. Kiev: Naukova dumka, 30—78 (in Russian).
- Braichevskaya, A.T. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 82, 148—191 (in Russian).
- Belavets, V.G. 2007. In *Acta Archaeologica Albaruthenica* I. Minsk, 49—85 (in Russian).
- Vakulenko, L.V. 1989. In *Drevnie slaviane i Drevniaia Rus' (Ancient Slavs and Old Russia)*. Kiev: Naukova dumka, 22—34 (in Russian).
- Vakulenko, L.V., Prihodniuk, O.M. 1984. *Slavianskie poseleniia I tys. n. e. u. s. Sokol na Srednem Dnestre (Slavic settlements from I millennium AD near the village of Sokol in Middle Dniester region)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Vinokur, I.S. 1997. In *Kultura przeworska* III, 50—66 (in Ukrainian).
- Vinokur, I.S., Horishnij, P.A. 1994. *Bakota. Stolytsya davn'orus'koho Ponyzzya (Bakota. The capital of Old Russian Ponyzzye)*. Kamenets-Podolskyi: Tsentri Podillyeznavstva (in Ukrainian).
- Voinarovskii, V.M. 1999. In *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego* 20, 189—215 (in Ukrainian).

- Gening, V.F. 1992. *Drevniaia keramika: metody i programy issledovaniia v arkhologii* (Ancient pottery: methods and programs of research in archaeology). Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Gopkalo, O.V. 2008. *Busy i podveski cherniakhovskoi kul'tury* (Beads and pendants of Cerneahov culture). Kiev: FOP Korvin-Piotrovs'kii (in Russian).
- Gopkalo, O.V. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiia i kul'turnaia antropologiia* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (4), 179—210 (in Russian).
- Gorokhovskii, E.L. 1988a. In *Trudy V Mezhdunarodnogo kongressa arkhologov-slavistov* (Works of the 5th International Congress of archaeologists-slavists). Kiev, 34—46 (in Russian).
- Gorokhovskii, E.L. 1988b. *Khronologiia iuvelirnykh izdelii pervoi poloviny I tys. n. e. Lesostepnogo Podneprov'ia i Iuzhnogo Pobuzh'ia* (Chronology of jewelry of the first half of I millennium AD from forest-steppe Dnieper region and Southern Bug region). PhD Diss. Kiev (in Russian).
- Grebennikov, Yu. S., Grebennikov, V.B., Magomedov, B.V. 1982. In *Pamiatniki rimskogo i srednevekovogo vremeni v Severo-Zapadnom Prichernomor'e* (Sites of Roman and Middle Age in the North-West Pontic region). Kiev: Naukova dumka, 136—149 (in Russian).
- Gudkova, A.V. 1987. In *Novye issledovaniia po arkhologii Severnogo Prichernomoria* (New investigations into the archaeology of Northern Pontic region). Kiev: Naukova dumka, 56—66 (in Russian).
- Kozak, D.N. 1984. *Pshevors'ka kul'tura u Verkhn'omu Podnistrov'i i Zakhidnomu Pobuzhzhii* (Przeworsk culture in Upper Dniester and Southern Bug regions). Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Kozak, D.N. 1985. In *Etnokul'turnaia karta territorii Ukrainiskoi SSR v I tys. n. e.* (Ethno-cultural map of the territory of Ukrainian SSR in the I millennium AD). Kiev: Naukova dumka, 17—25 (in Russian).
- Kozak, D.N. 1991. *Etnokul'turna istoriia Volyni (I st. n. e. — IV st. n. e.)* (Ethno-cultural history of Volyn (1st century AD — 4th century AD)). Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Kozak, D.N., Prishchepa, B.A., Shkoropad, V.V. *Davni zemleroby Volyni (pam'yatky arkhelohii na Khrinnyts'komu vodojmyshchi)* (Ancient farmers of Volyn (archaeological sites on Khrinnytsk reservoir)). Kiev: Korvin pres (in Ukrainian).
- Kropotkin, V.V. 1964. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 102, 57—63 (in Russian).
- Kropotkin, V.V. 1972. In *Sovetskaia arkhologiia* (Soviet Archaeology) (1), 264—269 (in Russian).
- Kukhareenko, Yu.V. 1980. *Mogil'nik Brest-Trishin* (Brest-Trishin necropolis). Moscow: Nauka (in Russian).
- Kushtan, D.P., Petrauskas, O.V. 2011. In *Oium 1. Chernyakhivs'ka kul'tura* (Cerneahov culture). Kiev: Volyns'ki starozhytnosti, 178—231 (in Ukrainian).
- Levada, M.E. 2006. In *Bosporskie issledovaniia* (Bosporan studies) 11. Simferopol; Kerch, 194—226 (in Russian).
- Magomedov, B.V. 1992. In *Arkheolohichni doslidzhennia, provedeni na terytorii Ukrainy protyhom 80-kh rokiv derzhavnyim orhanamy okhorony pam'yatok ta muzeyamy respubliki* (Archaeological investigations, carried on the territory of Ukraine in the 1980's by the state institutions of protection of sites and by the museums of the republic). Kiev, 21—33 (in Ukrainian).
- Magomedov, B.V. 1998. In *Studia Gothica* 2, 163—187 (in Russian).
- Magomedov, B.V. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa* (Cerneahov culture. The problem of ethnos). Lublin (in Russian).
- Magomedov, B.V., Gudim-Levkovich, A.N. 1991. In *Drevnosti Iugo-zapada SSSR* (Antiquities of Southwest of USSR). Kishinev: Shtiintsa, 84—106 (in Russian).
- Magomedov, B.V., Levada, M.E. 1993. In *Podil's'ka starovyna* (Podolia antiquities). Vinnitsa, 131—145 (in Ukrainian).
- Mylashevskiy, A.S. 2011. In *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy* (Archaeology and ancient history of Ukraine) 5, 152—159 (in Ukrainian).
- Mylashevskiy, A.S. *Khronolohiia cherniakhivs'kykh mohyl'nykh Zakhodu Ukrainy* (Chronology of Cerneahov necropolises of Western Ukraine), v pechaty (in Ukrainian).
- Magomedov, B.V., Levada, M.E. 1993. In *Podil's'ka starovyna* (Podolia antiquities). Vinnitsa, 131—145 (in Ukrainian).
- Mylashevskiy, A.S., in print. *Khronolohiia cherniakhivs'kykh mohyl'nykh Zakhodu Ukrainy* (Chronology of Cerneahov necropolises of Western Ukraine). (in Ukrainian).
- Nekrasova, A.N. 2006. In *Goty i Rim* (Goths and Rome). Kiev, 87—201 (in Russian).
- Nikitina, G.F. 1966. In *Sovetskaia arkhologiia* (Soviet Archaeology) (4), 70—85 (in Russian).
- Nikitina, G.F. 1985. *Sistematika pogrebal'nogo obriada plemen cherniakhovskoi kul'tury* (Systematics of funerary rite of the Cerneahov culture tribes). Moscow: Nauka (in Russian).
- Nikitina, G.F. 1996. *Mogil'niki cherniakhovskoi kul'tury v Severnoi Bukovine i Bessarabii* (Necropolises of Cerneahov culture in Northern Bukovina and Bessarabia). Moscow: Nauka (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2003. *Dneprovskoe lesostepnoe Levoberezh'e v pozdnerimskoe i gunnskoe vremia (seredina III — pervaiia polovina V v.n. e.)* (The forest-steppe of the left bank of Dnieper in Late Roman and Hun times (middle of 3rd — first half of 5th century AD)). Moscow: Nauka (in Russian).
- Oblomskii, A.M. 2010. In *Ranneslavianskii mir* (Early Slavic world) 13. Moscow, 144—261 (in Russian).
- Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 1994. In *Kultura przeworska* 1, 159—181 (in Russian).
- Oblomskii, A.M., Terpilovskii, R.V. 1998. In *Folia archaeologica* 22, 53—89 (in Russian).
- Petrauskas, O.V. 2002. In *Arkheolohiia* (Archaeology) (3), 40—65 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O.V. 2008. In *Germania-Sarmatia* 1. Kaliningrad, 88—103 (in Russian).
- Petrauskas, O.V. 2010. In *Arkheolohiia i davnia istoriia Ukrainy* (Archaeology and ancient history of Ukraine) 2, 191—207 (in Ukrainian).
- Petrauskas, A.V., Petrauskas, O.V. 2008. In *Arkheolohichni studii* (Archaeological studies) 3. Kiev; Chernovtsy, 53—97 (in Ukrainian).
- Petrauskas, O.V., Shishkin, R.G. 2013. In *Oium* 2. Kiev: Agrar Media Grup (in Russian).
- Rikman, E.A. 1975. *Etnicheskaia istoriia naseleniia Podnestrov'ia i prilegaiushchego Podunav'ia v pervykh vekakh nashei ery* (Ethnic history of Dniester region and nearest Danube region in the first centuries AD). Moscow: Nauka (in Russian).
- Rosokhatskii, A.A. *Otchet o polevykh issledovaniakh Shabolatskogo otriada Odesskogo okhrannogo arkhelohicheskogo tsentra v 1991 g.* (Report on the field investigations of the Shabolat crew of the Odesa rescue archaeological center in 1991) Naukovii arkhiv Institutu arkhelohii Natsional'noi Akademii nauk Ukraini (Scientific archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine). № 1991/237 (in Russian).
- Sveshnikov, I.K. 1957. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury* (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture) 68, 63—74 (in Russian).
- Slaviane Iugo-Vostochnoi Evropy v predgosudarstvennyi period (Slavs of South-Eastern Europe in the pre-State period). 1990. Kiev. Naukova dumka (in Russian).
- Smilenko, A.T. 1992. *Gorodishche Bashmachka III—IV v.n. e.* (Bashmachka fortified settlement from 3rd—4th centuries AD) Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Smishko, M. Yu. 1947. In *Arkheolohiia* (Archaeology) (1), 111—123 (in Ukrainian).
- Smishko, M. Yu., Sveshnikov, I.K. 1961. In *Materialy i doslidzhennia z arkhelohii Prykarpattia i Volyni* (Materials and researches from the archaeology of Prykarpattia and Volyn) 3, 89—114 (in Ukrainian).
- Sorokun, A.A., Mylashevskiy, A.S. *Novi pam'yatky chernyakhivs'koï*

- kul'tury na Bohuslavshchyni (New sites of Cerneahov culture in Bohuslavshchyna)*, in print (in Ukrainian).
- Strotsen, B. S. 2008. *Chernyakhivs'ka kul'tura Zakhidnoho Podillya (Cerneahov culture in Western Podolia)*. Ternopol: Aston (in Ukrainian).
- Symonovich, E. A. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 82, 192—239 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1964. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 116, 7—52 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1967. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 139, 5—27 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1979. In *Sovetskaia arkeologiya (Soviet Archaeology)* (3), 156—170 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1980. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 162, 104—109 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1981. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 36, 41—54 (in Ukrainian).
- Symonovich, E. A. 1984. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 178, 73—81 (in Russian).
- Terpilovskii, R. V. 1984. *Rannie slaviane Podesen'ia III—V vv. (Early Slavs from Desna region in 3rd—5th centuries AD)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Tilishchak, V. S. 2011. In *Oium 1. Chernyakhivs'ka kul'tura (Chernyakhivs'ka kul'tura)*. Kiev: Volyns'ki starozhytnosti, 111—123 (in Ukrainian).
- Tikhanova, M. A. 1970. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 121, 89—94 (in Russian).
- Fedorov, G. B. 1960. In *Materialy i issledovaniia po arkeologii iugo-zapada SSSR i RNR (Materials and researches in the archaeology of South-Western USSR and RNR)*. Kishinev: Kartia Moldoveniaske, 221—239 (in Russian).
- Khavlyuk, P. I. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 14, 62—72 (in Ukrainian).
- Khavlyuk, P. I. 1988. In *Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim 1*, 137—144 (in Russian).
- Sharov, O. V. 1992. In *Problemy khronologii latena i rimskogo vremeni (Problems of chronology of La Tene and Roman period)*. Saint Petersburg, 158—207 (in Russian).
- Sharov, O. V. 2009. *Bospor i varvarkii mir Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy v pozdnerimskuiu epokhu (seredina II — seredina IV vv. n. e.) (Bosporus and barbarian world of Central and Eastern Europe in Late Roman time (middle of 2nd — middle of 4th centuries AD))*. Doctor diss. thesis. Saint Petersburg (in Russian).
- Sharov, O. V. 2011. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and cultural anthropology)* (4), 321—340 (in Russian).
- Shevchenko, Yu. Yu. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arkeologicheskii vestnik (Stratum + St.-Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Petersburg; Kishinev, 121—137 (in Russian).
- Shelov, D. B. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkeologii AN SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 156, 16—21 (in Russian).
- Shishkin, R. G. 1999. In *Sto rokov vivchennia kul'turi poliv pokhovan' na Ukraini. (One hundred years of research of the Urnfield culture in Ukraine)*. Kiev, 43—47 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 1989. In *Kultura wielbarska w mlodszym okresie rzymskim 2*, 195—215 (in Russian).
- Andrzejowski J. 1998. *Nadkole 2: A Cemetery of the Przeworsk Culture in Eastern Poland*. Kraków: Secesja.
- Bona I. 1956. Die Langobarden in Ungarn. Die Gräberfelder von Várpáloca und Bezenye. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* (7). Budapest, 183—242.
- Bokiniec E. 2005. *Podwiesiek. Ein Gräberfeld der Oksywie-Kultur im Kulmer Land*. Warszawa; Toruń.
- Cnotliwy E. 2010. Grzebień dzwonowatego typu w Europie. *Acta Archaeologica Pomorania* IV. Szczecin, 1—240.
- Glodariu I., Iaroslavschi E., Rusu-Pescaru A., Costea F. 1996. *Sarmizegetusa Regia, capitala Daciei preromane. Acta Musei Devensis*. Deva.
- Godłowski K. 1972. Materiały kultury przeworskiej z obszaru Górnego Śląska (część I). *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* IV. Warszawa, 255—382.
- Godłowski K. 1977. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku (część II). *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne* (4). Warszawa.
- Godłowski K., Wichman T. 1998. *Chmielów Piaskowy: Ein Gräberfeld der Przeworsk-Kultur im Świętokrzyskie-Gebirge*. Kraków: Secesja.
- Dąbrowska T. 1997. *Kamieńczyk: ein Gräberfeld der Przeworsk-kultur in Ostmasowien*. Kraków: Secesja.
- Domański G. 1979. *Kultura luboszycka między Łabą a Odry w II—IV wieku*. Wrocław: PAN IHKM.
- Dzięgielewska M., Kulczyńska M. 1998. *Cieblowice Duże: ein Gräberfeld der Przeworsk-kultur im südwestlichen Masowien*. Warszawa.
- Hegewisch M. 2007. Planitz, ein kaiser- und völkerwanderungszeitliches Gräberfeld im Kreis Ostprignitz-Ruppin: zugleich eine Studie zur Entwicklung der spätkaiserzeitlichen elbgermanischen Keramik. *Bonner Beiträge zur vor- und frühgeschichtlichen Archäologie* (7). Bonn.
- Ioniță I. 1966. Contribuții cu privire la cultura Sântana de Mureș-Cerneahov. *Arheologia Moldovei* (IV), 189—259.
- Ioniță I. 1982. *Din istoria și Civilizația Dacilor Liberi*. Iași: Editura Junimea.
- Kokowski A. 1995. *Grupa Masłomecka z badań nad przemianami kultury gotów w młodszy okresie rzymskim*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej.
- Kietlińska A., Piętko-Dąbrowska T. 1963. *Cmentarzysko z okresu wpływów rzymskich w wsi Spiczew, pow. Turek. Materiały starożytne* 9. Wrocław; Warszawa, 7—99.
- Kokowski A. 2000. Zu Geheimnisvollen Tonknöpfen von typ „Bernasivka“. *Sborník Národního Muzea v Praze* LIV (1—4). Praha, 65—70.
- Kolník T. 1973. Pohrebisko z doby sťahovania národov v Abraháme. *Slovenská Archeológia* 21, 359—399.
- Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnalle der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit in mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford.
- Mackeprang M. B. 1943. *Kulturbeziehungen im Nordischen Raum des 3—5. Jh.: Keramische Studien*. Leipzig: Barth.
- Opreanu C. 1995. Creștinismul și neamurile germanice în secolele IV—V în Transilvania. *Ephemeris Napocensis* (5). Cluj-Napoca, 227—255.
- Palade V. 2004. *Așezarea și necropola de la Bârlad — Valea Seacă (sfârșitul sec. al III-lea — a două jumătate a sec. V-lea)*. București: Editura ARC 2000.
- Petrauskas O. V. 2003. *Die Gräberfelder der Cernjachov-Kultur von Kosanovo und Gavrilovka — eine vergleichende Studie zu Chronologie, Bestattungssitten und ethnokulturellen Besonderheiten*. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission (83), 224—351.
- Prahistoria ziem polskich*. 1981. T. V: *Późny okres lateński i okres rzymski*. J. Wielowiejski (red.). Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk.
- Schindler R. 1940. *Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum auf Grund der Tongefässe. Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte* 6. Leipzig: Rabitzsch. C. Kabitzsch.
- Schach-Dörries H. 1970. *Die Bodenfunde des 3. bis 6. Jahrhundert nach Chr. Zwischen unteren Elbe und Oder*. Offa-Bücher 23. Neumünster: K. Wachholtz.
- Schmidt B. 1984. Drehscheibekeramik der spätrömischen Kaiserzeit und frühen Völkerwanderungszeit im Mittelbe-Saale-Gebiet. *Römerzeitliche drehscheibenware im Barbaricum. Weimarer Monogr. Ur- und Frühgesch* 11, 21—29.
- Śmiszko M. 1932. *Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzym-*

- skiego w Małopolsce Wschodniej. Lwów: nakł. Towarzystwa Naukowego.
- Șovan O. 2009. *Necropola de tip Sântana de Mureș — Černjachov de la Mihălășeni (jud. Botoșani)*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Schulz W. 1953. *Leuna: ein germanischer Bestattungsplatz der spätrömischen Kaiserzeit*. Schriften der Sektion für Vor- und Frühgeschichte 1. Berlin: Akademie-Verlag.
- Vornic V. 2006. *Așezarea și Necropola de tip Sântana de Mureș-Černjachov de la Budești*. Chișinău.
- Vornic V., Ciobanu L. V. 2005. Căni-oenochoe de lut romane descoperite în complexele culturii Sântana de Mureș-Černjachov din spațiul pruto-nistrean. *Analele ANTIM* 6. Chișinău, 25—40.
- Wołagiewicz R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a Morem Czarnym*. Szczecin: Recto.
- Zeman T. 2008. *Zlehov. Sídliště ze závěru doby římské a počáteční fáze stěhování národů a jeho postavení v rámci pozdního svěbského osídlení Moravy*. Disertační práce. Brno.
- Ziemlińska-Odojowa W. 1999. *Niedanowo: Ein Gräberfeld der Przeworsk- und Wielbark-Kultur in Nordmasowien*. Kraków: Secesja.

Статья поступила в номер 2 апреля 2013 г.

Alexandr Mylashevskyi (Kiev, Ukraine). Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Alexandr Mylashevskyi (Kiev, Ucraina). Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Милашевский Александр Степанович (Киев, Украина). Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: milan_1@ukr.net

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

К. Н. Скворцов

Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году

Keywords: Pregolya River valley, Roman Time, Great Migration Period, Sambian-Natangian culture, amber trade.

Cuvinte cheie: valea râului Pregolya, epoca romană, epoca migrațiilor, cultura Sambia-Natangia, comerțul cu chihlimbar.

Ключевые слова: долина реки Преголя, римское время, эпоха Великого переселения народов, самбийско-натангийская культура, янтарная торговля.

K. N. Skvorzov

Excavations of the Early Zone of Berezovka Burial Ground (2nd—12th Cent.) (Kaliningradskaya Oblast, Russia) in 2004

This article is aimed to introduce into scientific discourse the results of the research of burial ground Berezovka/Gross Ottenhagen dated to the 2nd—12th cc. conducted in 2004. According to the results of work in the eastern and western parts of the Berezovka burial ground, we can make preliminary conclusion that originally this burial ground contained more than 500 burials. According to data of geophysical investigations in the neighborhood, we can conclude that there may be more than 100 undisturbed burial complexes. Burials dated to the Roman Time, that were investigated at Berezovka burial ground in season 2004, give us a wealth of material for study. Along with the burials that are traditional for certain stages of development of Sambian-Natangian Culture in the Roman Time, some new elements of the funeral rite occur on Berezovka burial ground, clearly indicating contacts with other synchronous cultures. These findings allow to clarify and to a certain degree to reconstruct the processes of social and cultural transformation that took place in the territories of the Pregolya River valley in the Roman Time.

K. N. Skvorzov

Cercetările sectorului timpuriu al necropolei din sec. II—XII de la Beriozovka (regiunea Kalinigrad, Rusia) din anul 2004

Prezentul articol introduce în circuitul științific rezultatele cercetărilor din necropola plană de sec. II—XII de la Beriozovka (Gross Ottenhagen) din anul 2004. Rezultatele săpăturilor din sectoarele de vest și est ale sitului permit o evaluare preliminară a numărului de morminte din necropolă, care poate fi mai mare de 500. Conform rezultatelor cercetărilor geofizice, pe teritoriul învecinat se mai pot situa nu mai puțin de 100 morminte intacte. Complexele funerare din perioada romană, cercetate în Beriozovka în campania anului 2004, ne oferă un material bogat pentru studiu. Împreună cu complexele, care pot fi considerate tradiționale pentru anumite etape de evoluție a culturii Sambia-Natangia, în cadrul necropolei se mai întâlnesc și morminte cu elemente absolut noi ale ritului funerar, care prezintă indicii clare pentru existența contactelor cu alte culturi sincrone. Materialele cercetărilor ne permit să clarificăm, și într-o oarecare măsură, să reconstruim, acele procese de transformare socială și culturală, care aveau loc în valea râului Pregolya în perioada romană.

К. Н. Скворцов

Исследования ранней зоны могильника II—XII вв. Березовка (Калининградская область, Россия) в 2004 году

Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов исследований грунтового могильника II—XII вв. Березовка/Gross Ottenhagen в 2004 году. По результатам работ в восточной и западной частях памятника можно сделать предварительные выводы о том, что первоначально на данном могильнике могло насчитываться более 500 погребений. Согласно данным геофизических исследований, на прилегающей территории может находиться еще не менее 100 непогребенных захоронений. Погребальные комплексы римского времени, исследованные на могильнике Березовка в сезоне 2004 г., дают нам богатый материал для изучения. Наряду с традиционными для определенных этапов развития самбийско-натангийской культуры римского времени комплексами, на могильнике встречаются и погребения с совершенно новыми элементами погребального обряда, явно свидетельствующие о контактах с другими синхронными культурами. Материалы данных исследований позволяют прояснить и в некоторой степени реконструировать процессы социальной и культурной трансформации, происходившие на территориях в долине реки Преголя в римский период.

Исследования грунтового могильника Березовка (бывший Гросс Оттенхаген, округ Кенигсберг¹, нем. Gross Ottenhagen, Kr. Königsberg) проводились Самбийско-Натангийской экспедицией Калининградского областного историко-художественного музея под руководством автора настоящей статьи совместно с Кильским университетом (Германия), при технической поддержке Археологического музея земли Шлезвиг-Гольштейн, (замок Готторф, Германия) на протяжении полевых сезонов 2003—2004 гг. Финансирование работ осуществлялось на средства исследовательского гранта Фонда Цайт Штифтунг (нем. Zeit Stiftung) (Германия). В работах принимали участие студенты исторического факультета Калининградского государственного университета и Института праистории Университета Христиана Альбрехта в городе Киль. Руководителем раскопок с германской стороны выступал аспирант Кильского университета Тимо Ибсен².

Грунтовый могильник Березовка располагается на восточной пологой части мощной моренной возвышенности, занимающей левый берег безымянного ручья у левого притока реки Преголя, в 95 м к северо-востоку от восточной окраины поселка Березовка, в 100 м от автостреды Калининград-Знаменск (рис. 1).

Данный памятник был вновь выявлен в конце XX века, в послевоенное время его местоположение известно не было. Согласно довоенной документации, первые древние погребения были обнаружены в 1928 г., в ходе разработки одного из гравийных карьеров, располагавшегося северо-восточнее деревни Гросс Оттенхаген (нынешний пос. Березовка). В этом же году, а также в 1930 г., на могильнике были проведены раскопки. Руководил работами оба сезона немецкий археолог Герберт Янкун. Согласно изученным материалам из архива Г. Янкуна³, в ходе проведенных им работ было обследовано 91 погребение, с датами в интервале от II по VIII вв. н. э. Большая часть обнаруженных погребений относилась к фазе В по О. Тышлеру и была представлена трупоположениями северной ориентировки под каменными кладками,

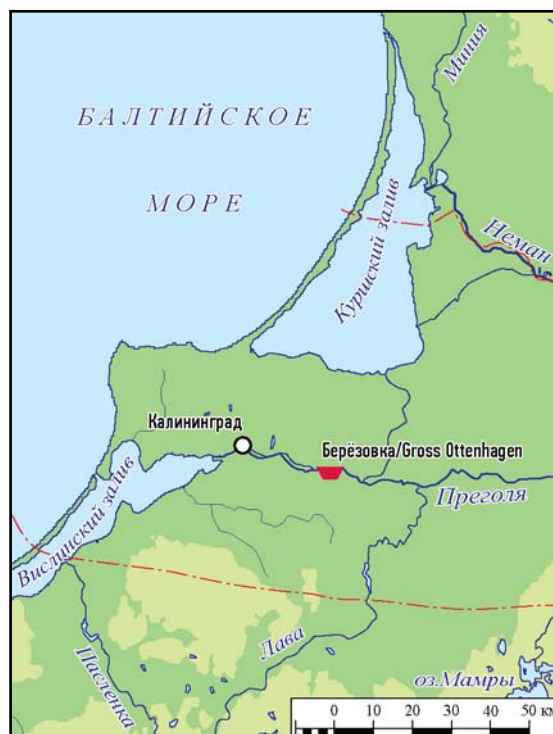

Рис. 1. Местоположение могильника Березовка.

Fig. 1. Location of Berezovka burial ground.

мужские погребения выступали зачастую в сопровождении захоронений лошадей, располагавшихся с запада от могил всадников. Кроме этого, были обнаружены 20 погребений, совершенных по обряду кремации и датированных по сопровождавшему их инвентарю фазой Е западнобалтской хронологии (450/475—650/675 гг.) по Е. Окуличу (Okulicz 1988: 107—109), из них около 8 мужских комплексов выступали в сопровождении лошадей (Ibsen 2003: 7—10; Ibsen, Skvorzov 2004).

Находки, обнаруженные в ходе двух полевых сезонов 1928 и 1930 годов, за исключением двух комплексов, опубликованы не были. Они поступили на хранение в «Музей Пруссия» в Кёнигсберге и, вероятнее всего, были уничтожены в 1945 году. После изучения полевой документации Г. Янкуна, находящейся вместе с его личным архивом в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн с 1991 г., удалось реконструировать общую ситуацию на исследованном Г. Янкуном участке могильника и привязать ее к современному данным. Местоположение раскопок 1928 и 1930 гг. приходится на центральную часть ныне заброшенного гравийного карьера, который эксплуатировался в послевоенное время вплоть до 70-х годов XX века, а в настоящее время используется как стихийная свалка (рис. 2). К 2013 году площадь карьера составила более 2000 кв. м. Его дно и борта в значительной сте-

¹ С 1939 года — округ Замланд.

² В настоящее время доктор Тимо Ибсен является научным сотрудником центра Балтийской и Скандинавской археологии в г. Шлезвиг, Германия.

³ На сегодняшний день хранящегося в Археологическом музее земли Шлезвиг-Гольштейн.

№4. 2014

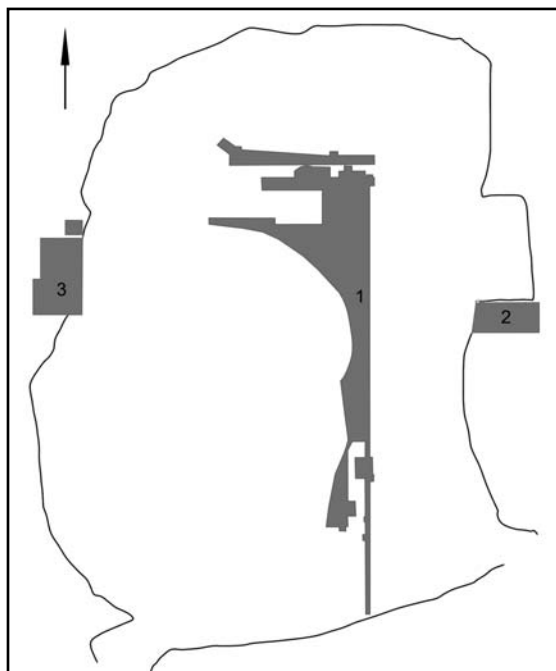

Рис. 2. План раскопов, исследованных на могильнике Березовка: 1 — раскоп 1928 и 1930 гг.; 2 — раскоп 2003 г.; 3 — раскоп 2004 г.

Fig. 2. Plan of excavations on Berezovka burial ground: 1 — seasons 1928, 1930; 2 — season 2003; 3 — season 2004.

пени задернованы и поросли деревьями и кустарником.

Необходимо также отметить, что в течение последних лет требования к методике раскопок значительно повысились, и в ходе изучения могильника Березовка были использованы новейшие методы исследования. Так, например, на начальном этапе работ вся территория, прилегающая к карьере, была разбита на квадраты 10×10 м для проведения геомагнитного обследования территории могильника. Работы выполнялись специалистами из Геттингенского университета. Подобного рода геомагнитные исследования памятника археологии на территории Калининградской области проводились впервые.

В общей сложности в ходе полевых сезонов 2003—2004 гг.⁴ на могильнике была вскрыта площадь в 328,2 кв. м, в границах которой изучены 16 погребальных комплексов, совершенных по обряду кремации, и 3 трупоположения. Среди погребений наиболее ранними комплексами являются трупоположения фазы B_2/C_1 т. е. 150—200 гг. по К. Годловскому⁵, а самый позд-

⁴ Краткая информация о предварительных результатах данных исследований была опубликована в 2004 г. (Ibsen, Skvorzov 2004).

⁵ Для датировки погребальных комплексов могильника Березовка римского времени использована

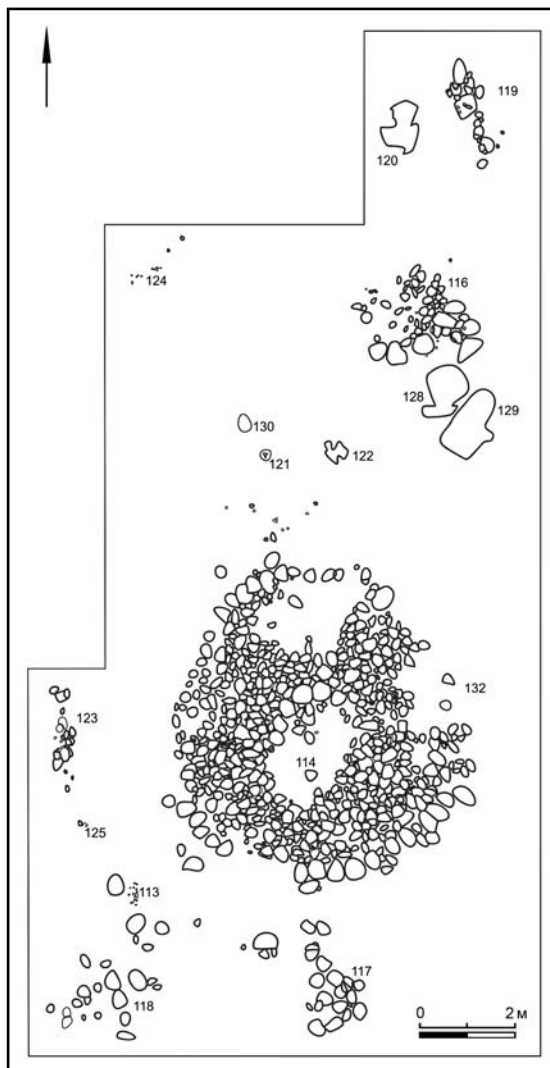

Рис. 3. План раскопа № III.

Fig. 3. Plan of excavation no. III.

ний материал представлен двухярусными безурновыми трупосождениями, выступавшими в сопровождении конских захоронений, первоначально датированными X — началом XI вв. н. э.⁶ (Ibsen, Skvorzov 2004).

В 2003 году был исследован раскоп II⁷ на восточном срезе карьера. В раскопе было обнаружено 9 двухярусных захоронений XI—XII/XIII вв. и 4 ямы.

Данная статья посвящена исследованиям 2004 г., которые проводились в ранней

хронологическая система, разработанная К. Годловским (Godłowski 1970; 1985; 1988).

⁶ Впоследствии на основании детального анализа результатов исследований, первоначальная датировка поздних погребальных комплексов была уточнена: XI—XII/XIII вв. н. э.

⁷ Нумерация раскопов в 2003—2004 гг. велась с учетом нумерации раскопов Х. Янкуна.

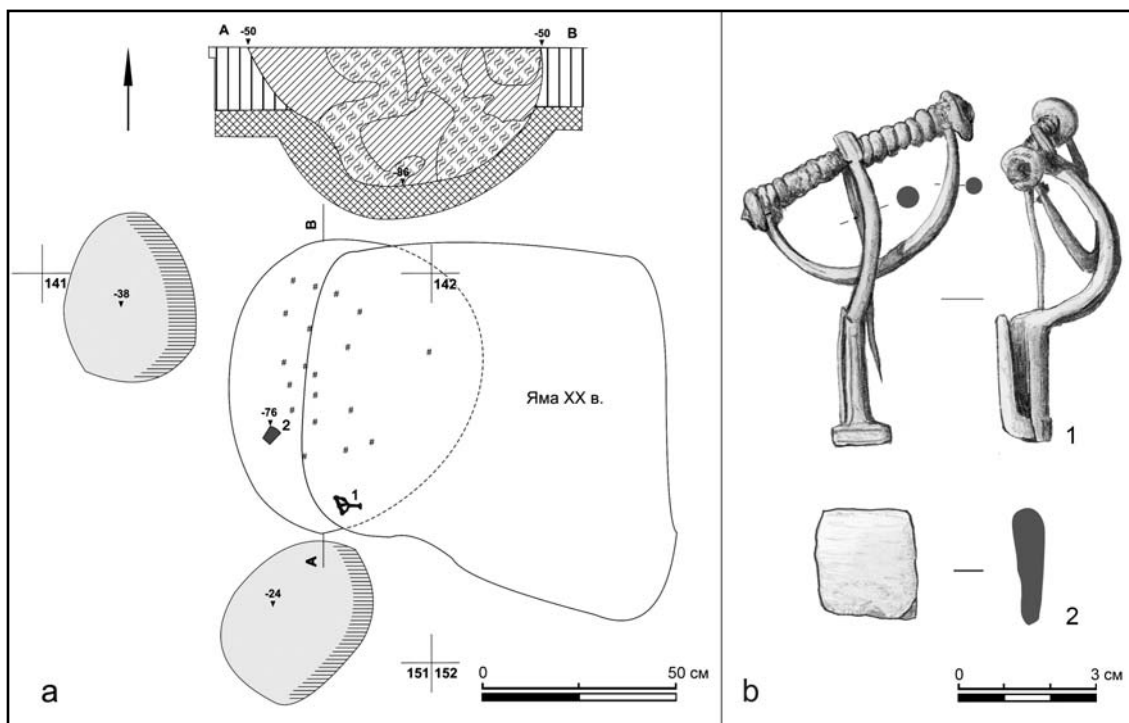

Рис. 4. Погребальный комплекс Gr.Ott.-113: а — план и профиль Gr.Ott.-113; б — находки из Gr.Ott.-113: 1 — фибула бронзовая; 2 — фрагмент сосуда.

Fig. 4. Burial complex Gr.Ott.-113: а — plan and profile Gr.Ott.-113; б — finds from Gr.Ott.-113: 1 — bronze fibula; 2 — fragment of ceramic pot.

зоне могильника в границах раскопа III, в западной части карьера. В пределах этого раскопа было исследовано 3 труположения фазы B_2/C_1 и 7 трупосожжений фаз B_2/C_1 -Е. (т.е. 150—200 и 450/475—650/675 гг.) (рис. 3).

В целом на могильнике выделяется три типа погребений: ингумации с северной ориентировкой (или близкой к северной), урновые и безурновые кремации. Наиболее ранними комплексами, выявленными на могильнике в ходе сезона 2004 г., являются ингумации и кремации, датированные временем около второй половины II в. н.э., т.е. фазой B_2/C_1 .

Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов исследований 2004 года, для чего перейдем к описанию погребальных комплексов, обнаруженных в этом сезоне.

В рамках раскопа III, находившегося в западной части карьера, ориентированного по оси север-юг, на площади 203,2 кв. м. было обнаружено семь погребальных комплексов⁸. Одним из них являлась разрушенная безурновая кремация **Gr.Ott.-113** (рис. 4), в составе инвентаря которой были обнаружены фрагмент стенки лепного керамического сосуда

(№ 523) неравномерного серо-коричневого цвета, с подлощенной внешней поверхностью (рис. 4б: 2) и бронзовая арбалетовидная фибула (№ 113.1) с крестовидным окончанием ножки (рис. 4б: 1). Судя по форме спинки фибулы, она относится к наиболее ранним экземплярам фибул с крестовидным окончанием ножки.

По типу фибулы данный разрушенный комплекс датируется началом VI в. н.э., или фазой 6 для культуры Доллькайм-Коврово⁹ по В. Новаковскому (Nowakowski 1996: Taf. 107; Скворцов 2010: 41—46).

Под крупной каменной кладкой¹⁰ была обнаружена частично разрушенная кремация всадника **Gr.Ott.-114**¹¹, совершенная на месте,

⁸ Объекты, не связанные непосредственно с функционированием некрополя, в данном тексте не учитываются.

⁹ Так в Европе принято называть культуру римского времени и эпохи Великого переселения народов с центром на Самбийском полуострове. В публикациях российских ученых, как правило, используется название «самбийско-натангийская культура».

¹⁰ Кладка состояла из 595 валунов средних и крупных размеров (до 0,45 м) и имела диаметр сохранившейся части около 7 м. Ее высота достигала 0,5 м от древней дневной поверхности.

¹¹ В первоначальной полевой документации данный комплекс имел номер 110, под которым был опубликован в одной из первых работ (Ibsen, Skvortsov 2004).

которую сопровождало захоронение двух коней **Gr.Ott.-114 A** (рис. 5).

В пользу того, что кремация была совершена на месте, свидетельствует массив прокаленного песка красноватого цвета, занимавший практически всю площадь под кладкой. Подобный окрас песка мог возникнуть при термическом воздействии на него с доступом кислорода. Также характерно то, что данный песок содержал следы горения (мелкий древесный уголь и золу). Непосредственно на дне ямы были обнаружены крупный позвонок, обломки ребер и крупные кальцинированные кости черепа. Стоит отметить тот факт, что к юго-западу от кремации всадника было обнаружено еще одно скопление кальцинированных костей в линзе прокаленного песка с включениями кусочков древесного угля (рис. 5a).

В центре ямы, там же, где выявлено большое количество средних и крупных кальцинированных костей, были обнаружены многочисленные фрагменты лепных керамических сосудов, большая часть из которых сохранила следы пребывания на погребальном костре. Впоследствии, при камеральной обработке, из них удалось собрать шесть фрагментированных сосудов-приставок:

— лепной сосуд серо-охристого цвета, со следами вторичного обжига, частично ошлакованный и деформированный, в примеси мелкая дрсва, слюда, кварц, органика, внешняя поверхность первоначально лощеная, украшен валиком под шейкой, с двухчастной ручкой, закрепленной на шпонке (рис. 5b: 13);

— лепной сосуд серо-коричневого цвета, неравномерного обжига, в примеси мелкая слюда, дрсва и органика, внешняя поверхность лощеная, изнутри заглажен (рис. 5b: 14);

— лепной сосуд серо-охристого цвета, со следами вторичного пребывания в огне, частично ошлакованный и деформированный, в примеси мелкие и средние фракции дресвы, органика, первоначально внешняя поверхность лощеная, украшен выше перелома прорезным орнаментом состоящим из заполненных треугольников и зигзагов (рис. 5b: 16);

— лепной сосуд серо-коричнево-охристого цвета, равномерного обжига, в примеси дрсва различных фракций, органика, слюда, внешняя поверхность лощеная, изнутри затирка, украшен под шейкой прорезным орнаментом, под шейкой находится ручка, закрепленная на шпонках (рис. 5b: 15);

— лепной сосуд серо-коричнево-желтого цвета, неравномерного обжига, в примеси мел-

кая дрсва, органика, песок, внешняя поверхность лощеная (рис. 5b: 18);

— крупные фрагменты лепного сосуда серо-охристого цвета, равномерного обжига, в примеси мелкая дрсва, органика, внешняя поверхность лощеная (рис. 5b: 17).

Кроме этого, в составе кремации Gr.Ott.114 также были обнаружены фрагменты некомплектных лепных сосудов: фрагмент венчика сосуда серо-охристого цвета (№26); фрагмент венчика чернолощеного сосуда (№502); фрагмент стенки чернолощеного сосуда (№685); фрагмент стенки серо-охристого груболепного сосуда (№594).

В центральной части ямы в переотложенном состоянии были обнаружены многочисленные мелкие фрагменты изделий из металла, из которых стоит упомянуть, те фрагменты, которые удалось идентифицировать. К ним относились: железная заклепка умбона щита (№641; рис. 5b: 6); мелкие фрагменты поля железного умбона щита с остатками ткани, пропитанной солями железа (№654—655); фрагмент железного ножа (№19; рис. 5b: 10); фрагмент рукояти второго ножа с остатками дерева (№720; рис. 5b: 11); фрагмент втулки наконечника железного копья (№678; рис. 5b: 4); фрагмент бронзового кольца группы I по К. Бекманну. (№8; рис. 5b: 5), бронзовый наконечник ремня, относящийся к группе Раддатц J IV 4, с датировкой B2/C1 и C1, т.е. 150—260 гг. (Raddatz 1957: 89, Abb.2.1, 103) (№58; рис. 5b: 7).

К юго-западу от основного скопления находок, в линзе прокаленного песка с включением кусочков древесного угля и кальцинированных костей, была обнаружена *in situ* пара бронзовых фибул (№861, 837) со следами пребывания на погребальном костре, близких фибулам типа Альмгрен III, 62—64, являющихся самыми поздними, дегенеративными вариантами застежек так называемой «прусской серии», получившими распространение в регионе Нижней Вислы и на Самбийском полуострове и бытовавшими вплоть до фаз B2/C1-C1a (Jamka 1964: 66—67) (рис. 5b: 2, 3).

На основании того, что наличие парных фибул является характерным признаком женских погребений римского времени в ареале самбийско-натангийской культуры, а также судя по отдельному скоплению кальцинированных костей, мы можем заключить, что всадническая кремация Gr.Ott.-114 сопровождалась женским захоронением.

Рядом с кремацией Gr.Ott.-114 была обнаружена сильно профилированная бронзовая фибула (№728) типа A IV,93 (рис. 5c: 12), ко-

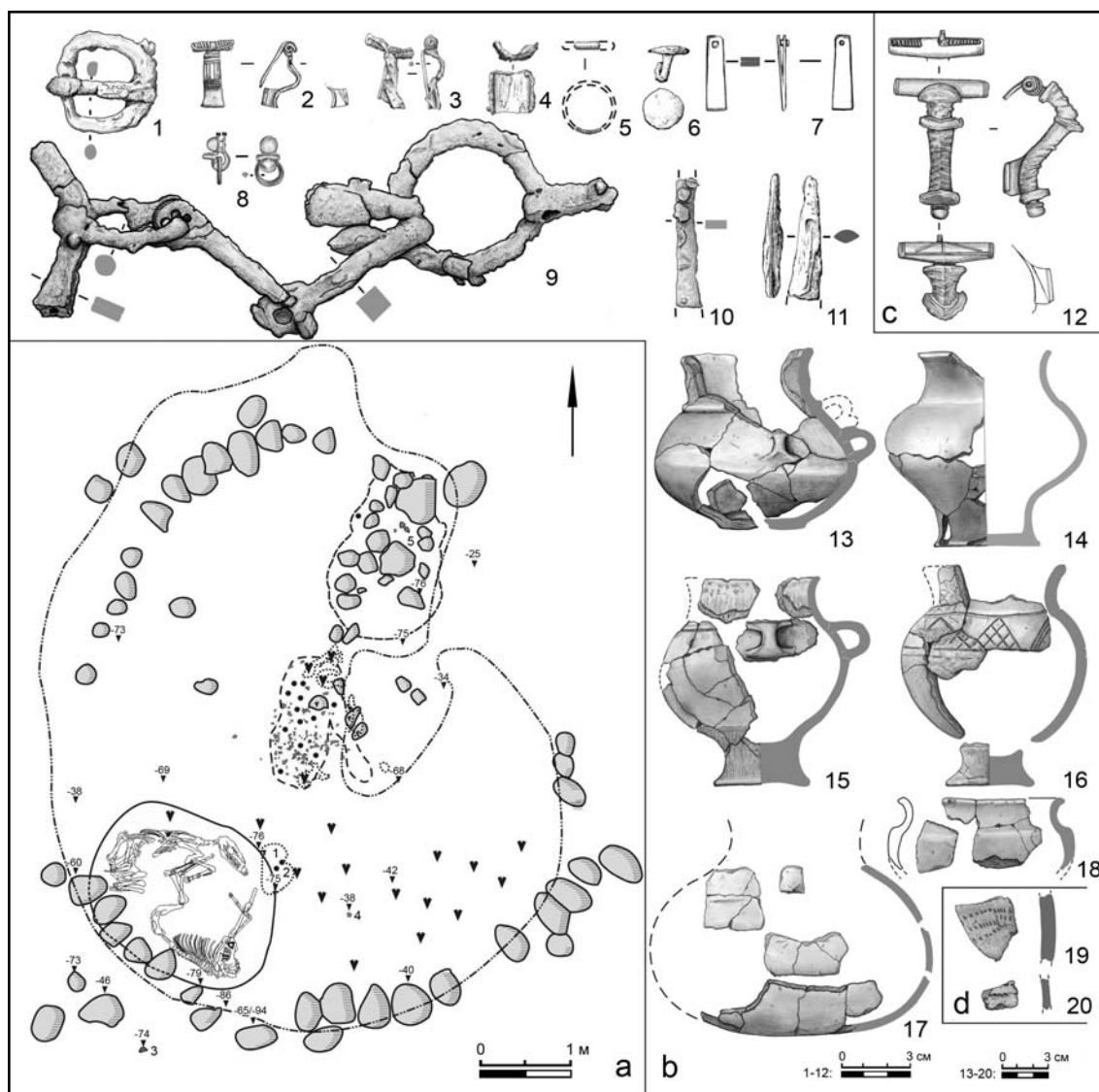

Рис. 5. Погребальный комплекс Gr.Ott.-114 и Gr.Ott.-114A: а — план комплекса Gr.Ott.-114 и Gr.Ott.-114A, нижний горизонт; б — погребальный инвентарь комплекса Gr.Ott.-114 и Gr.Ott.-114A (инвентарь конского захоронения Gr.Ott.-114A: 1 — пряжка подпружная железная; 8 — обоймица бронзовая с серебряной обтяжкой заклепки; 9 — удила железные; инвентарь захоронения Gr.Ott.-114: 2, 3 — фибулы бронзовые; 4 — фрагмент втулки наконечника копья железного; 5 — фрагмент кольца бронзового; 6 — заклепка железная от умбона; 7 — наконечник ремня бронзовый; 10 — фрагмент черенка ножа железного; 11 — фрагмент черенка ножа железного с остатками деревянной рукояти; 13—16, 18 — сосуды-приставки; 17 — фрагменты лепного сосуда); с — бронзовая фибула, обнаруженная рядом с комплексом Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A; д — фрагменты лепных орнаментированных сосудов, обнаруженные рядом с Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A.

Fig. 5. Burial complex Gr.Ott. -114 and Gr.Ott.-114A: a — plan of Gr.Ott.-114 and Gr.Ott.114A, bottom level; b — finds from Gr.Ott.-114 and Gr.Ott.-114A (finds from horse burial Gr.Ott.-114A: 1 — iron girth buckle; 8 — silver-plated bronze detail of harness; 9 — iron bit; finds from burial Gr.Ott.-114: 2, 3 — bronze fibulae; 4 — fragment of bush of iron spearhead; 5 — fragment of bronze ring; 6 — iron rivet; 7 — bronze belt tip; 10 — stem of an iron knife; 11 — fragment of stem of an iron knife with remains of a wooden haft; 13—18 — ceramic pots); c — bronze fibula found near Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A; d — fragments of ceramic pots with ornamental pattern, found near Gr.Ott.-114, Gr.Ott.-114A.

торая также могла изначально входить в состав данного комплекса. Подобная застежка входила в состав инвентаря кремации № 19, датированной фазой B2, грунтового могильника Карьерное (быв. Имтен, округ Велау) (Jankuhn Archiv). Данный памятник, так же, как и могильник Березовка, расположен неда-

леко от левого берега реки Преголя на территории исторической Натангии.

Также рядом с кремацией, на северной границе каменной кладки, были обнаружены два фрагмента лепных сосудов неолитического облика: фрагмент стенки сосуда (№ 583), серого цвета, со следами вторичного обжига, укра-

шенный штампованным орнаментом, и фрагмент стенки сосуда (№614) серо-охристого цвета, неравномерного обжига, украшенный оттисками шнура (рис. 5d). Подобного рода декор присущ традициям культуры западно-балтийских курганов эпохи раннего железа (Hoffmann 1999: Tab. VI: 6; XIII; XIX: 13).

Захоронение двух коней **Gr.Ott.-114A** было совершено раньше, чем кремация всадника, так как оно находилось непосредственно под слоем прокаленного песка. Два конских костяка располагались на дне овальной ямы размерами 1,6×1,3 м и глубиной около 0,84 м. Конский костяк, расположенный в северной части ямы, лежал на боку, головой на юго-восток, ноги были подогнуты под тело. По определению док. биол. наук А.В. Зиновьева, он принадлежал коренному самцу в возрасте 3,5—4 лет, ростом 126—128 см в холке (Zinoviev 2009: 50—55). В районе брюха конского костяка была обнаружена железная подпружная пряжка (№889) (рис. 5b: 1).

Второй костяк располагался в южной части ямы, также головой на юг. Согласно заключению А.В. Зиновьева, он принадлежал более грацильному, тонконогому самцу в возрасте 3,5—4 лет, ростом в холке 129—131 см (Zinoviev 2009: 50—55). Непосредственно в зубах черепа конского костяка находились железные кольчатые удила (№882) (рис. 5b: 9).

Рядом с конским захоронением, у края кладки была найдена бронзовая обоймица заклепки (№616) с серебряной обтяжкой, по гребню украшенная вбитой серебряной проволокой (рис. 5b: 8). Не исключено, что она изначально также могла входить в состав комплекса **Gr.Ott.-114**. В ареале самбийско-натангийской культуры схожие обоймицы зачастую обнаруживаются в составе конских захоронений, отнесенных В. Новаковским к I фазе (B2) ее существования, и в ряде случаев выступают как крепежные элементы для цепей поводий (La Baume 1944: 4—6, Abb. 5: f, k; 7: a, b; Nowakowski 1996: 56). Также подобные обоймицы не являются редкостью и в скандинавских материалах, например, в находках с острова Готланд, однако, там они выступают в качестве крепежных элементов для питьевых рогов (Almgren, Nerman 1923: Taf. 18: 278; 19: 285, 289, 290). Подобная обоймица происходит из ареала пшеворской культуры, из местечка Чеканов, воеводство Калиш, где она также входила в состав конского гарнитура вместе с удилами типа Vimose, датированными фазой C1 (Wilbers-Rost 1990: 120—122, 188, 219, Taf. 5: A). Появление таких удил в ареале пшеворской культуры С. Вильбер-

Рост, вслед за другими исследователями, связывает с функционированием Янтарного пути (Jazdzewski 1980: Abb. 2; Wilbers-Rost 1990: 122).

Подкурганное захоронение **Gr.Ott.-114** представляет собой весьма специфический погребальный комплекс, сочетающий в себе как черты, свойственные самбийско-натангийской культуре раннеримского времени, так и черты, характерные для других культур¹², и по фибулам Альмгрен III, 62 датируется периодом B2/C1.

Еще один погребальный комплекс, обнаруженный в ходе исследований ранней зоны могильника Березовка, состоял из двух кремаций **Gr.Ott.-116A**, **Gr.Ott.-116B** и разрушенной ингумации **Gr.Ott.-116C** (рис. 6), имел общие размеры около 2,8×1,6 м, и также был перекрыт каменной кладкой, хотя и куда более скромной, чем описанный выше (рис. 6е).

Ингумация Gr.Ott.-116C являлась наиболее ранним погребением комплекса, и в южной и центральной части была разрушена более поздними кремациями **Gr.Ott.-116A** и **Gr.Ott.-116B** (рис. 6d). Относившийся к ингумации фрагмент человеческой берцовой кости был обнаружен на камнях, в юго-восточной части кладки. Также в верхней части заполнения могилы были обнаружены немногочисленные мелкие кальцинированные кости. К погребальному инвентарю захоронения относились:

— две золотостеклянные бусины (№564, 565), одна из которых сохранилась вместе с фрагментом нити (рис. 6а: 1, 2). Данные бусины относятся к типу ТМ387а, они возникают в период B1, время их наибольшего бытования приходится на период B2, а заканчивается в период C1b (Tempelmann-Maczyńska 1985: 94, Tab. 8);

— одна мозаичная бусина (№511) типа ТМ291b (рис. 6а: 3), максимальное их распространение приходится на период B2—B2/C1-C1a;

— фрагменты серолощеного лепного сосуда-приставки (№840), равномерного обжига, украшенного прорезным орнаментом (рис. 6а: 4—9). Такого рода отделка и орнаментация характерна для ряда форм керамических сосудов местной культуры раннеримского времени.

Предварительная датировка данной ингумации, судя по остаткам погребального ин-

¹² Подробное описание и интерпретация данного комплекса представлены в отдельной статье (Скворцов, Ибсен 2010).

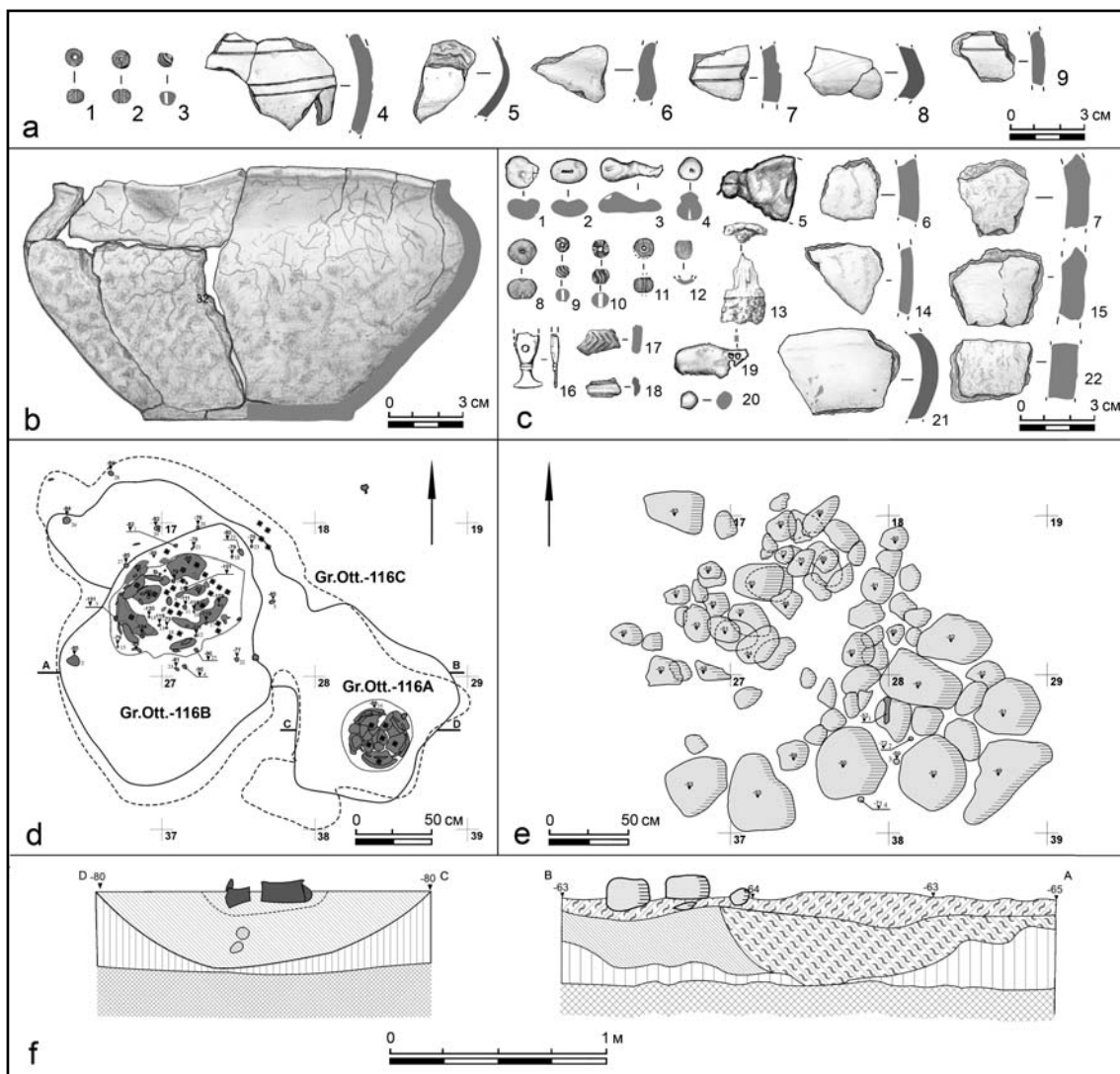

Рис. 6. Погребальный комплекс Gr.Ott.-116: а — находки из комплекса Gr.Ott.-116C (1, 2 — бусины золото-стеклянные; 3 — бусина мозаичная; 4—9 — фрагменты сосуда-приставки); б — находки из Gr.Ott.-116A (урна погребальная керамическая лепная); в — находки из Gr.Ott.-116B (1 — бусина стеклянная; 2 — бусина глухого стекла; 3—5 — бусины стеклянные оплавленные; 6, 7, 14, 15, 17, 21, 22 — фрагменты сосудов керамических лепных; 8, 11, 12 — бусины золото-стеклянные; 9, 10 — бусины мозаичные; 13 — фрагмент предмета железного (ножа?) с остатками дерева; 16 — фрагмент накладки бронзовой; 18 — фрагмент браслета бронзового; 19 — оплавок изделия бронзового; 20 — оплавок бронзовый); д — план комплекса Gr.Ott.-116; е — план каменной кладки комплекса Gr.Ott.-116; ф — профили объектов Gr.Ott.-116A, 116B, 116C.

Fig. 6. Burial complex Gr.Ott.-116: a — finds from Gr.Ott.-116C (1—3 — beads; 4—9 — fragments of ceramic pot with ornamental pattern); b — finds from Gr.Ott.-116A (handmade ceramic urn); c — finds from Gr.Ott.-116B (1—5 — glass beads; 6, 7, 14, 15, 17, 21, 22 — fragments of ceramic pots; 8—12 — beads; 13 — fragment of iron object (knife?) with remains of wood; 16 — fragment of bronze flange sheet; 18 — fragment of bronze bracelet; 19 — fritted fragment of bronze object; 20 — fritted fragment of bronze object); d — plan of Gr.Ott.-116; e — plan of stone masonry on Gr.Ott.-116; f — profiles of Gr.Ott.-116A, 116B, 116C.

вентаря, являвшейся женской — период В2/С1 (ок. 150—200 гг.).

Еще одним погребением комплекса Gr.Ott.-116 является кремация в деревянной емкости **Gr.Ott.-116B**. Покрытое обожженной глиной, деревянное вместилище овальной формы, размерами 0,8 × 0,4 м, содержало кальцинированные кости мелких и средних размеров, и находилось на дне на дне ямы с размерами 1,98 × 1,10 м. (рис. 6: d). Среди заполнения емкости и непосредственно рядом с ней

были обнаружены многочисленные фрагменты некомплектных керамических сосудов (№843, 530, 830a¹³, 626, 869, 519, 830в, 570,

¹³ Фрагмент стенки светло-охристого сосуда с заглаженной внешней поверхностью №830a был украшен прорезным орнаментом в виде елочки. По заключению специалиста по позднему неолиту Прибалтики, канд. ист. наук Э.Б. Зальцмана, подобного рода декор на керамике на данной территории датируется серединой — второй половиной III тыс. до н.э. и относится

580, 578, 588). Также были обнаружены многочисленные стеклянные бусины, часть из которых имела следы пребывания на погребальном костре, к ним относились:

— бусина стеклянная оплавленная, полупрозрачная, тип не определим (№751) (рис. 6с: 1);

— золото-стеклянные бусины типа TM387a (№747, 800, 801) (рис. 6с: 8, 11, 12);

— мозаичная бусина, типа TM291b с наибольшим периодом бытования B2 — B2/C1-C1a (№807) (рис. 6с: 9);

— оплавленная стеклянная бусина, цвет не определим, тип не определим (№811) (рис. 6с: 5);

— оплавок бусины прозрачной, тип не определим (№822) (рис. 6с: 3);

— оплавок бусины неопределимого цвета, тип не определим (№766) (рис. 6с: 4);

— бусина глухого стекла, оплавленная красная, тип не определим (№823) (рис. 6с: 2);

Находки из металла были представлены следующими фрагментами изделий из железа и бронзы:

— оплавок неопределенного бронзового предмета (№810) (рис. 6с: 20);

— фрагмент бронзового браслета с профилированными концами, относящегося к т.н. «самбийским змееголовым браслетам» — местному ювелирному феномену, восходящему своими формами к скандинавским и вельбаркским змееголовым браслетам (Raddatz 1957: Taf. 19; Anderson 1995: 80—82, fig. 47; Wolagiewicz 1995: Taf. III, 10: 4.5; Taf. IV. 12: 4.5; Taf. VII. 22; Pietrzak 1997: Taf. XI: 1; XXIV: 13—14) (№745) (рис. 6с: 18);

— фрагмент оплавленной поясной накладки в ажурном стиле, вероятно, от т.н. «самбийского пояса» (№735) (рис. 6с: 19);

— фрагмент железного предмета с остатками дерева (возможно, рукоять ножа?) (№746) (рис. 6с: 13).

Также рядом с погребением был обнаружен фрагмент обожженной поясной бронзовой ладьевидной накладки (№633), типичной для гарнитуров т.н. «самбийских поясов» с датировкой в пределах фаз B2-B2/C1-C1a, которая, скорее всего, изначально входила в состав инвентаря кремации 116-B (Chilińska-Drapella 2010: 9—11) (рис. 6с: 3).

Данное погребение, выделяющееся необычностью погребального обряда, сохранившего некоторые черты ингумации, но уже

совершенного по обряду кремации, судя по характерному составу погребального инвентаря, является захоронением женщины и предварительно датируется этапом B2/C1 (ок. 150—200 гг.).

Последнее захоронение комплекса Gr.Ott.-116 было представлено урной кремацией **Gr.Ott.-116A** (рис. 6d). В центре ямы диаметром около 0,5 м и глубиной около 0,32 м располагалась груболепная керамическая урна (№844) (рис. 6b). В заполнении урны находилось плотное скопление промытых кальцинированных костей крупных и средних размеров. Предметов погребального инвентаря в урне выявлено не было. Судя по всему, она побывала на погребальном костре. Подобное отношение к керамике в погребении, в частности, не только к сосудам-приставкам, но и к погребальным урнам, и погребальному инвентарю, характерно для погребальных традиций самбийско-натангийской культуры во второй половине — конце II века. К этому времени относится смена типа погребального обряда. Обряд ингумации с северной ориентировкой, возникший в самбийско-натангийской культуре, в конце I — первой половине II вв., за сравнительно небольшой отрезок времени, начиная с середины II в., практически полностью исчезает к началу III в., сменяясь урновыми и безурновыми кремациями, с редкими исключениями. Смена типа погребального обряда, как и большинство других инноваций, возникших в самбийско-натангийской культуре в данный период, связана своим происхождением с континентальными культурами германского круга, прежде всего с пшеворской, а также со Скандинавией.

Судя по тому, что данное погребение содержало только погребальную урну, мы можем заключить, что оно могло принадлежать представителю общины, находившемуся в зависимом положении (рабу, ребенку или старику) (Skvorzov 2013: 178). Судя по форме урны и характеру погребального обряда, данный комплекс, вероятно, датируется в пределах фаз B2/C1-C1a.

Погребальный комплекс **Gr.Ott.-119**¹⁴ (рис. 7) представлял собой ингумацию, частично сохранившую остатки костяка в могиле, перекрытую небольшой каменной клад-

к культурам позднего неолита (прибалтийской периодизации). Соответственно, скорее всего, этот фрагмент попал в комплекс случайно, с древней дневной поверхности, в ходе засыпки погребения.

¹⁴ Первично информация о данном комплексе была опубликована в 2004 году, затем более подробно он был рассмотрен в работе 2010 года (Ibsen, Skvorzov 2004; Сковрцов, Ибсен 2010). Данное погребение рассматривалось в контексте работы Агаты Хелинской-Драпеллы, посвященной самбийским поясам (Chilińska-Drapella 2010: 3—79).

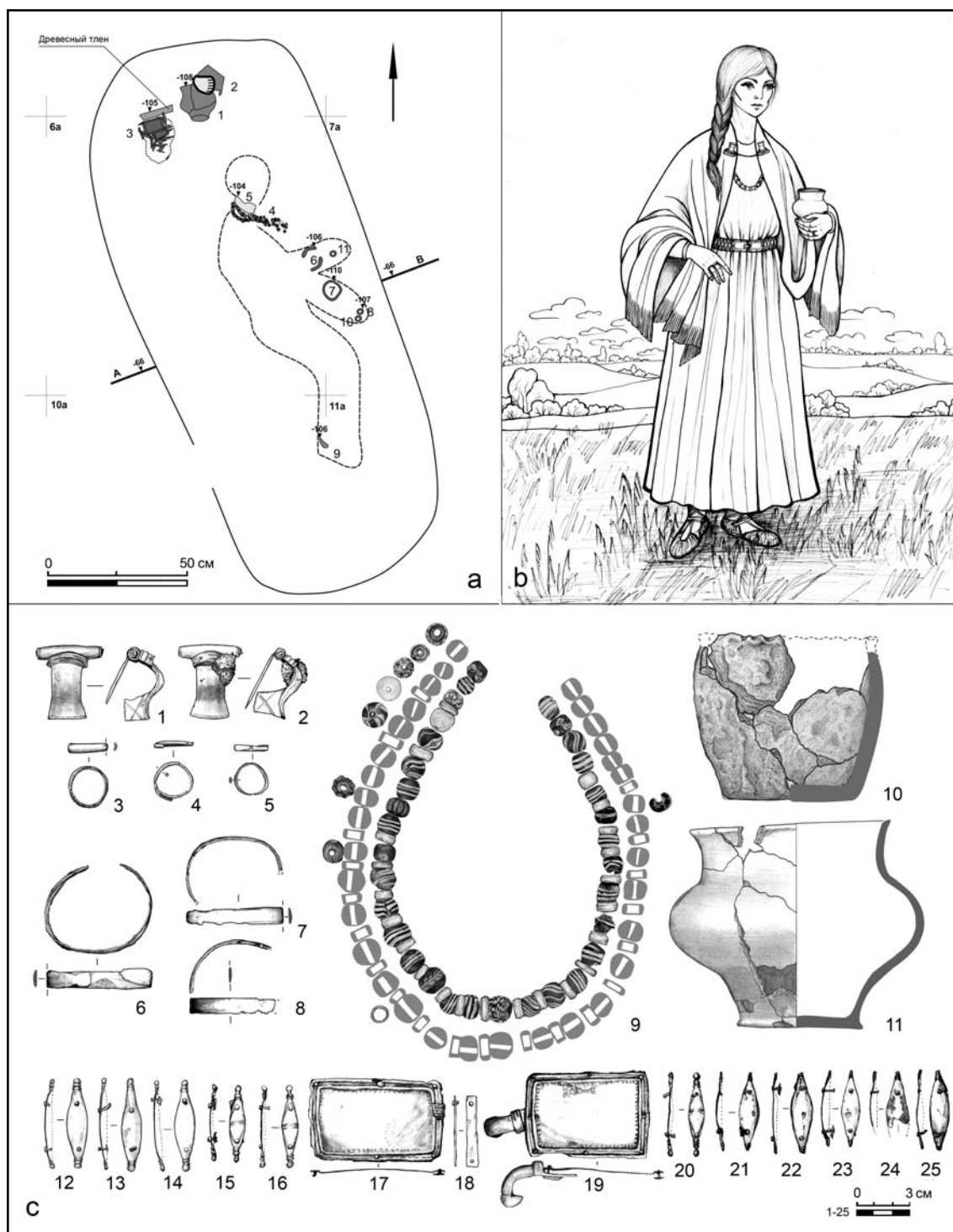

Рис. 7. Погребальный комплекс Gr.Ott.-119: а — план донной части Gr.Ott.-119; б — реконструкция женского убора из Gr.Ott.-119; в — находки из Gr.Ott.-119: 1, 2 — фибулы бронзовые; 3—5 — кольца бронзовые; 6 — браслет бронзовый; 7, 8 — фрагменты браслетов бронзовых; 9 — ожерелье из мозаичных, стеклянных, бронзовых бусин и бронзовых колец; 10 — сосуд груболепной керамический; 11 — сосуд лепной керамический лощеный; 12—25 — реконструкция положения бронзовых деталей гарнитура самбийского пояса: 12—16, 20—25 — накладки бронзовые лодочковидные; 17 — накладка поясная бронзовая с пуансонным орнаментом; 18 — накладка поясная бронзовая с пуансонным орнаментом, украшенной пуансонным орнаментом; 19 — накладка поясная бронзовая (ограничитель крючка).

Fig. 7. Burial complex Gr.Ott.-119: а — plan of bottom level of Gr.Ott.-119; б — reconstruction of female attire from Gr.Ott.-119; в — finds from Gr.Ott.-119: 1, 2 — bronze fibulae; 3—5 — bronze rings; 6 — bronze bracelet; 7, 8 — fragments of bronze bracelets; 9 — necklace of mosaic, glass and bronze beads and bronze rings; 10 — coarse ceramic pot; 11 — handmade glossy ceramic pot; 12—25 — reconstruction of arrangement of bronze details of «Sambian» girdle: 12—16, 20—25 — bronze boat-shaped flange sheet; 17 — bronze flange sheet with puncheon ornament; 18 — bronze flange sheet with puncheon ornament, with a hook; 19 — bronze flange sheet (hook's limiter).

кой. На дне прямоугольной ямы размерами 2,05 × 0,86 м, и глубиной, в пределах предмета и материка равной 0,37 м, в слое серого песка с большим содержанием органики (тлен домовины и тела погребенного) был выявлен фрагмент основания свода черепа (рис. 7а). Там же были обнаружены следующие предметы погребального инвентаря:

— два лепных сосуда-приставки, расположенных в северной части ямы: серолощенный сосуд на ножке (№ 786; рис. 7с: 11) и груболепной сосуд (№ 787) светло-охристого цвета, неравномерного обжига, украшенный по венчику пальцевыми защипами (рис. 7с: 10);

— слой с включениями фрагментов древесного тлена и мелких фрагментов древесной коры размерами 0,19 × 0,11 м, который, вероятнее всего, представлял собой остатки берестяной (деревянной?) шкатулки. На Самбии известно еще две находки подобного рода шкатулок, использовавшихся, судя по всему, для заупокойных подношений, — в погребениях римского времени на могильниках Траузиттен и Викау (Jankehn 1933: 195). Находки подобных емкостей известны в римское время и на территории соседней Литвы, например, в погребении № 1 могильника Местеляй/Bagwen, датированном после 244 года (Tamulynas 2002: 130—131).

В слое, содержавшем остатки шкатулки, были обнаружены:

— бронзовый гарнитур позднего варианта т.н. «самбийского» пояса, состоящий из двух массивных накладок с крючком (№ 765, 773) украшенных по краю пуансонным орнаментом (т.н. «волчий зуб»), и ладьевидных накладок двух типов (№ 769, 770, 772, 774, 775, 778, 777, 779, 785, 780, 784) (рис. 7с: 12—17, 19—25). Пряжка данного пояса относится к типу 3с по типологии рамок Р. Мадыды-Легутко (Madyda-Legutko 1986: 157—180);

— накладка прямоугольной формы (№ 781с) с двумя заклепками, служившая ограничителем крючку (рис. 7с: 18);

— непосредственно от ремня сохранился рыхлый массив органики темно-коричневого цвета, затем, в процессе препарирования, удалось реконструировать точное расположение деталей пояса на ремне (рис. 7б);

— под поясом находилась пара бронзовых фибул (№ 783, 776) типа AV, 126, украшенных прорезными косыми крестами на иглоприемниках (рис. 7с: 1, 2). На игле одной фибулы (№ 783) сохранился фрагмент нити, соединявший эти две фибулы (?). Близкие по форме фибулы известны на южном побережье Балтийского моря с периода В2b по В2/С1 (Machajewski 1998: 193);

— на дне ямы, рядом с фрагментом основания свода черепа, находилось ожерелье (№ 729), состоящее из мозаичных, стеклянных и бронзовых бусин и бронзовых колец, основная масса которых относилась к следующим типам бусин по М. Темпельманн-Мачинской: ТМ1, ТМ163, ТМ223g, ТМ287b, ТМ291, ТМ291b, ТМ291e, ТМ35, ТМ366 и другим типам, характерным для ожерелий периода В2/С1-С1а в самбийско-натангийской культуре (рис. 7с: 9);

— в центральной части могилы, также в слое с органикой, находились три бронзовых т.н. самбийских браслета с профилированными концами поздней, дегенеративной формы (№ 789, 791, 812) (рис. 7с: 6—8);

— вдоль восточного борта ямы были найдены три бронзовых кольца, одно из которых (№ 788) можно отнести к кольцам группы I по К. Бекманну, широко представленным в европейских древностях римского времени, второе (№ 824а) относилось к типу В3 по К. Бекманну, а третье (№ 824) — к типу В33 по К. Бекманну (Beckmann 1969: 26—29) (рис. 7с: 3—5);

— в донной части ямы, в районе местонахождения ног погребенной, был выявлен фрагмент стенки лепного керамического сосуда (№ 825).

Исходя из имеющихся у нас на сегодняшний день знаний о социальном устройстве общества эстиев в раннеримское время, можно с определенной уверенностью утверждать, что данное погребение, судя по составу погребального инвентаря, могло принадлежать зажиточной замужней женщине и датируется началом периода В2/С1 (ок. 150—200 гг.) (Skvorzov 2013).

Погребение **Gr.Ott.-121** (рис. 8) представляло собой безурновую кремацию в округлой яме, в центре которой располагалось плотное скопление промытых кальцинированных костей средних и крупных размеров. Кости черепа располагались сверху (рис. 8а).

Находки, относившиеся к инвентарю кремации, были представлены тремя фрагментами стенок лепного чернолощеного орнаментированного сосуда (№ 754, 758, 758а), фрагментом стенки светло-охристого сосуда (№ 758в) (рис. 8б: 3—6), куском стекло-видного шлака (оплавок бусины?) (№ 798) (рис. 8б: 1) и сильно оплавленной бронзовой фибулой (№ 744), скорее всего, типа AV, 126. Вероятно, все эти находки были сдвинуты с места первоначального расположения в ходе сельхозработ на данной территории (рис. 8б: 2).

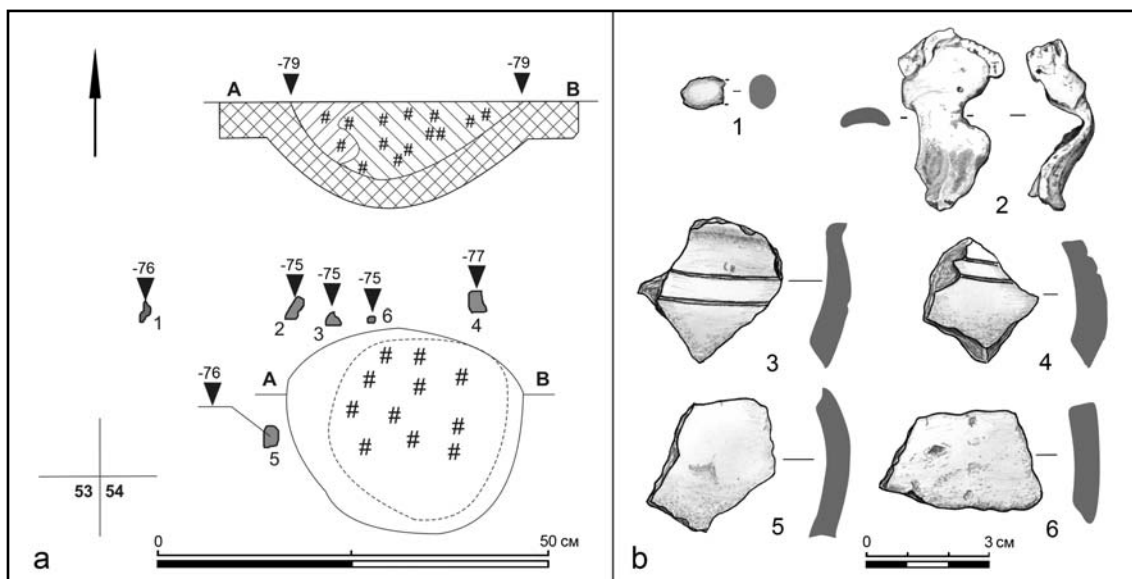

Рис. 8. Погребальный комплекс Gr.Ott.-121: а — план и профиль Gr.Ott.-121; б — находки из погребения Gr.Ott.-121: 1 — кусочек стекловидного шлака (бусина?); 2 — фибула бронзовая; 3—5 — фрагменты стенок лепного керамического чернолощеного сосуда-приставки; 6 — фрагмент лепного керамического сосуда с заглаженной внешней поверхностью.

Fig. 8. Burial Gr.Ott.-121: а — plan and profile of Gr.Ott.-121; б — finds from Gr.Ott.-121: 1 — glass fragment (bead?); 2 — bronze fibula; 3—5 — fragments of walls of a handmade ceramic black glossy pot; 6 — fragments of a handmade ceramic pot with smooth external surface.

Предварительная датировка данного комплекса по фибуле — период B2b-B2/C1 (Machajewski 1998: 193).

Еще одна ингумация ранней зоны могильника Березовка представлена комплексом **Gr.Ott.-123** (рис. 9). Погребение было перекрыто нерегулярной каменной кладкой. На дне ямы размерами 2,43 × 0,36 м в слое песка серого цвета с органикой, представляющий собой остатки тлена домовины и тела, находился раздавленный грунтом, заполнявшим могильную яму, череп (сохранившийся на 45%), лежавший на боку (рис. 9: б). В составе погребального инвентаря ингумации были обнаружены развал лепного чернолощеного сосуда-приставки (№ 836) на ножке т.н. типа Викау (нем. Тур Wiekau), украшенного прорезными линиями под шейкой (рис. 9а: 11). Сосуды типа Викау встречаются в погребальных комплексах I и II фаз самбийско-нотангской культуры по В. Новаковскому (Nowakowski 1996: 59). Данный тип сосудов находит параллели в керамике вельбарской культуры, где подобные сосуды принадлежат к группе VIII, датированной от фазы B2 до C1 (Schindler 1940: Taf. 12: 10; 16: 6, 7; Wołagiewicz 1987: 197, Abb. 8; Wołagiewicz 1993: Tab. 70). Также подобно-го типа сосуды в раннеримское время известны в Поморье, на островах Балтийского моря и в Скандинавии (Almgren, Nerman 1923: Taf. 12: 191, 192; Ardvisson 1941: 12, Bild 4;

Wołagiewicz 1981: 203, Рис. 80.5; Nowakowski 2008: 56—57, 81, Рис. 3). Рядом с сосудом были обнаружены лежавшие вместе:

— огниво из кварцита овальной формы (№ 838), на одной из сторон видны следы сработанности. Огнива подобного типа широко распространены в римское время в Скандинавии (Ilkjær 1996b: taf. 129—153) (рис. 9а: 2);

— точильный камень из песчаника средних размеров (№ 841) (рис. 9а: 3);

— бронзовая фибула (№ 837), близкая фибулам типа A148, 9 серии, V группы по Альмгрену, датирующимся по материалам пшеворской культуры фазой B2 (Dąbrowska 1997: Tab. XL: 78.3)¹⁵ (рис. 9а: 4);

— железное кресало (№ 839) (рис. 9а: 6). Кресала подобного типа широко распространены в римское время в Скандинавии (Ilkjær 1996b: taf. 155—180).

Вероятно, все эти предметы изначально находились в футляре из органического материала (поясной сумке из кожи или ткани?), в пользу чего может свидетельствовать обнаруженный вместе с ними бронзовый элемент застежки (№ 840). (рис. 9а: 5). Подобные набо-

¹⁵ Хотелось бы выразить искреннюю благодарность коллеге Агате Хелинской-Драпелле за участие в дискуссии по определению типовой принадлежности данной фибулы, а также за поддержку в проводившейся работе.

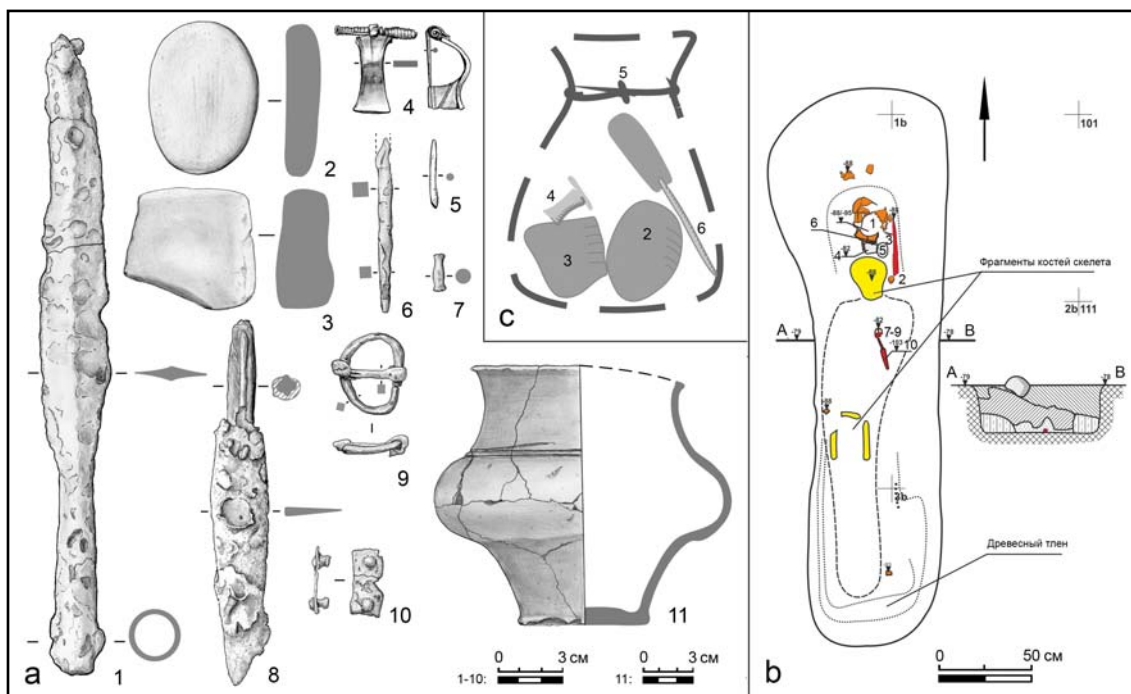

Рис. 9. Погребальный комплекс Gr.Ott.-123: а — находки из Gr.Ott.-123 (1 — наконечник копья железный; 2 — огниво (кварцит); 3 — оселок (песчаник?); 4 — фибула бронзовая; 5 — изделие бронзовое; 6 — кресало железное; 7 — заклепка железная; 8 — нож железный с остатками деревянной рукояти; 9 — пряжка железная; 10 — накладка поясная железная; 11 — сосуд-приставка); б — план донной части и профиль Gr.Ott.-123; в — реконструкция положения предметов из Gr.Ott.-123, возможно, находившихся в поясной сумке.

Fig. 9. Burial complex Gr.Ott.-123: а — finds from Gr.Ott.-123 (1 — iron spearhead; 2 — flint; 3 — whetstone; 4 — bronze fibula; 5 — bronze item; 6 — iron cap; 7 — iron rivet; 8 — iron knife with wooden details; 9 — iron buckle; 10 — iron flange sheet; 11 — ceramic pot); б — plan of bottom level and profile of Gr.Ott.-123; в — reconstruction of arrangement of items from Gr.Ott.-123, probably contained in a bumbag.

ры предметов, помещавшиеся в поясные сумки, часто находят среди болотных жертвоприношений в Скандинавии римского времени, таких, например, как Иллеруп (Шкјæг 1996а: 25—60) (рис. 9: в).

Также в инвентаре Gr.Ott.-123 был обнаружен наконечник железного копья (№835), относящийся к типу V по В.К. Казакивичусу (рис. 9а: 1). На территории соседней Литвы подобные наконечники копий наиболее широко распространены со II по VII вв. Как предполагал В.К. Казакивичус — это общебалтская форма наконечников копий, и они известны на большом пространстве Латвии, Литвы и бывшей Восточной Пруссии (Казакивичус 1988: 48—52).

В районе грудной клетки погребенного находилась железная пряжка (№872), относящаяся к группе D, типу I по Р. Мадыде-Легутко (рис. 9а: 9). Основное время бытования пряжек данного типа в западнобалтской культуре приходится на фазы B2 — B2/C1 (Madyda-Legutko 1986: taf. 7, tab. 9). Непосредственно под пряжкой находились железная поясная накладка (№872а; рис. 9а: 7), железная заклепка (№872в; рис. 9а: 10)

и железный нож с остатками деревянной рукояти (№871; рис. 9а: 8).

Данное погребение принадлежало мужчине-воину и по инвентарю датируется периодом B2/C1 (ок. 150—200 гг.).

В составе безурновой кремации **Gr.Ott.-124** было выявлено небольшое скопление кальцинированных костей (рис. 10с). Датировка данного комплекса не представляется возможной, так как датирующих находок в нем выявлено не было. В погребении был обнаружен только фрагмент стенки керамического лепного сосуда светло-охристого цвета (№819; рис. 10: а).

Не поддается датировке еще одна безурновая кремация **Gr.Ott.-125**, так как в ее составе отсутствовали какие-либо находки (рис. 10d). На дне погребения было выявлено плотное скопление кальцинированных костей круглой в плане формы. Скопление состояло из промытых мелких кальцинированных костей и отдельных костей крупных размеров, среди которых находились кости черепа и фрагменты позвонков. Возможно, останки изначально были помещены в погребение в футляре из органических материалов: в пользу этого

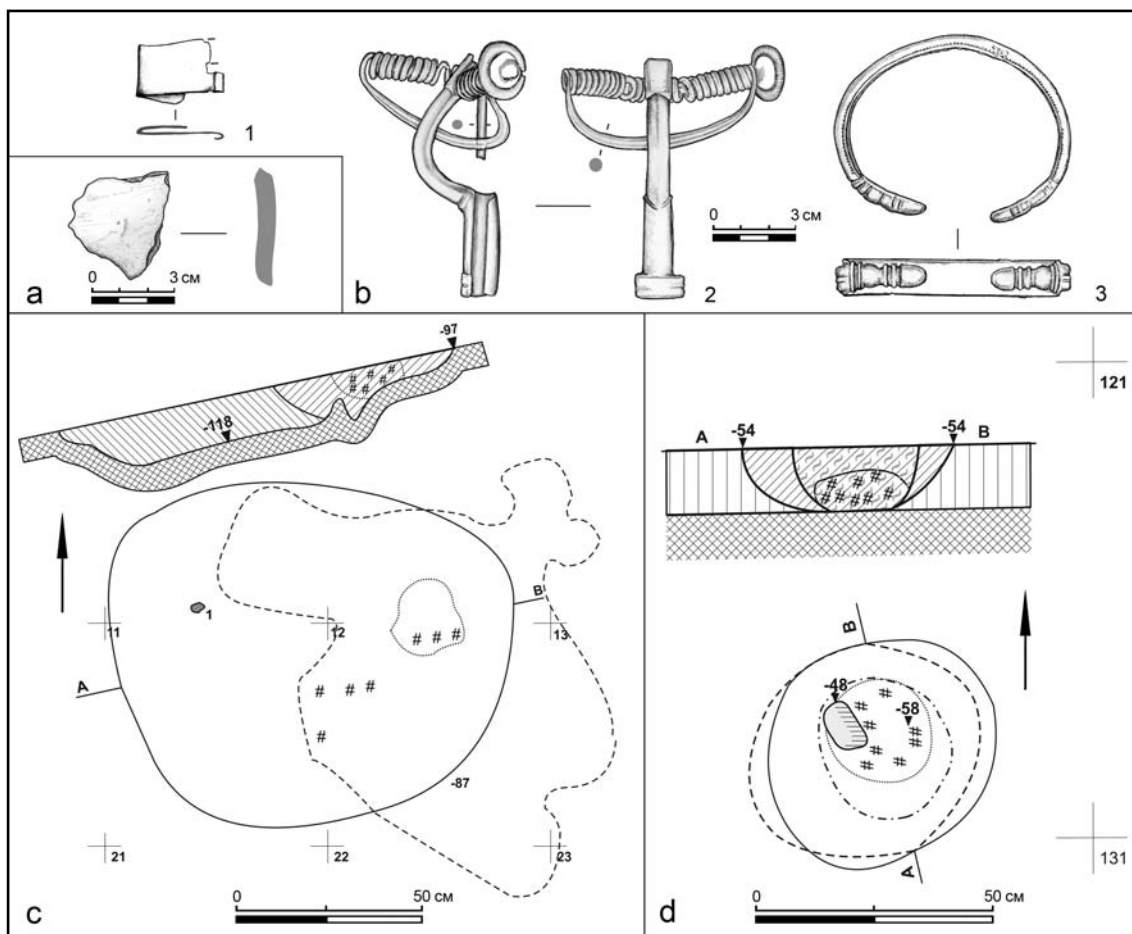

Рис. 10. а — фрагмент стенки толстостенного сосуда керамического лощеного серо-коричневого из погребения Gr. Ott.-124; б — подъемный материал из раскопа №3 могильника Березовка (1 — обоймица бронзовая; 2 — фибула бронзовая; 3 — браслет бронзовый); в — план и профиль объекта Gr.Ott.-124; д — план и профиль объекта Gr.Ott.-125.

Fig. 10. а — fragment of a ceramic glossy grey-brown ceramic pot from Gr. Ott.-124; б — accidental finds from excavation no.3 at Berезovka burial ground (1 — bronze hoop; 2 — bronze fibula; 3 — bronze bracelet); в — plan and profile of Gr.Ott.-124; д — plan and profile of Gr.Ott.-125.

свидетельствуют плотность и четкость границ скопления.

Также в ходе исследований ранней зоны могильника Березовка было обнаружено несколько случайных находок. К ним относились: бронзовый браслет с профилированными концами (№589; рис. 10b: 3), датированный II в.н.э.; бронзовая фибула с крестовидным окончанием ножки (№794; рис. 10b: 2); бронзовая обоймица, по форме похожая на обоймицы позднего этапа Великого переселения народов (№816; рис. 10b: 1).

Заключение

Грунтовый могильник Березовка представляет собой одно из крупнейших полей погребений в микрорегионе, функционировавшее непрерывно на протяжении более 1000 лет, и сравним с самыми известными на сегодняшний день в самбийско-натангийской

культуре полями погребений, такими, как Гребиттен, Доллькайм и т.д., что делает его весьма актуальным объектом для изучения.

По результатам работ в восточной и западной частях памятника можно сделать предварительные выводы о том, что первоначально на данном могильнике могло насчитываться более 500 погребений, при этом практически вся площадь памятника была освоена уже в раннеримское время, по крайней мере, с первой половины II в.н.э., и продолжала использоваться вплоть до позднесредневекового времени (фаза Н — ок. 1050/75 включительно по 1250 гг. — по К. Энгелю с дополнениями и уточнениями Х. Хейма и Й. Хоффмана (Engel 1931: 314; Neum 1938: 102—106; Hoffmann 1941: 123—125)). Согласно данным геофизических исследований, на прилегающей территории может находиться еще не менее 100 непо потревоженных погребальных комплексов.

Данный памятник имеет большое значение для понимания процессов, происходивших в регионе долины реки Преголи во II—XI вв. н.э. Погребальные комплексы римского времени, исследованные на могильнике Березовка в 2004 г., дают нам богатый материал для изучения. Наряду с традиционными для определенных этапов развития самбийско-натангийской культуры римского времени комплексами, на могильнике встречаются и погребения с совершенно новыми элементами погребального обряда, явно свидетельствующие о контактах с другими синхронными культурами. Особенно показательным в данном контексте является погребальный комплекс Gr.Ott.-114.

Исходя из анализа структуры погребения и состава погребального инвентаря комплекса Gr.Ott.-114, а также ряда находок, имеющих аналогии в соседних культурах, из других комплексов могильника Березовка, мы можем сделать вывод о возможном влиянии восточных германцев на местное население, как, впрочем, и на самбийско-натангийскую культуру в целом. Появление новых элементов погребального обряда и погребального инвентаря, как на могильнике Березовка, так и на других могильниках, по нашему мнению, является отражением подобных культурных влияний, возникших в результате функционирования участка торгового пути по Преголе¹⁶ в конце II — начале III вв. н.э. Рассмотрим эту гипотезу подробнее.

Вполне вероятным представляется предположение о том, что подобного рода погребальные комплексы могли возникнуть под влиянием носителей пшеворской культуры, вытесненных в результате экспансии вельбаркской культуры и влившихся в состав соседних культур, таких, как богачевская и самбийско-натангийская. Контакты зарождающейся самбийско-натангийской культуры с пшеворской известны и в более ранние периоды, тогда как контакты с вельбаркской культурой прослеживаются только начиная с фазы B2 (Nowakowski 1996: 98—101; Andrzejowski, Cieśliński 2007: рис. 2). Скорее всего, в период развития наивысшего спроса на янтарь в Риме, приходящийся на время правления Нерона и некоторое время позже, провинциальные римские торговцы в своих контактах ограничивались ареалом пшеворской культуры и не затрагивали территорий западных балтов. Судя по всему, носители пше-

ворской культуры контролировали янтарную торговлю вплоть до Маркоманнских войн, начавшихся в 167 г. н.э., в которых принимали участие в том числе и ее представители. Война носила затяжной характер, в 175 г. был заключен мир, по которому варвары признали римский протекторат, и на их территориях разместились римские гарнизоны (Машкин 1956: 452—456). Пшеворская общность, как представляется, была значительно ослаблена затяжным военным противостоянием, и из-за этого ее вытеснили со своих территорий представители соседней вельбаркской культуры. Ее носители в период B2/C1 переселяются на часть пшеворских территорий из «зон В и С» и, по всей вероятности, продвигаются на восток, заселяя «зону Е» — правобережную Мазовию и Подлясье, междуречье Вислы и Буга, поречья Вкры и Нарева (Wołagiewicz 1981: 83, 84, t. 1; Щукин 1994: 247). Этот факт подкрепляется археологическими данными, так как практически половина памятников в «зоне Е», заложенных изначально как пшеворские, продолжает функционировать как вельбаркские, при этом на данных территориях появляется ряд новых могильников, возникших уже исключительно как вельбаркские (Щукин 1994: 247; Белевец 2007). Представляется вполне вероятным, что небольшая часть племен пшеворской культуры, смещенная волной вельбаркских переселенцев, могла влиться в состав соседних культур, таких, как богачевская и самбийско-натангийская. В пользу этого свидетельствует большая часть металлических находок из ареала этих культур, имеющая многочисленные аналогии в материалах пшеворской культуры периода Маркоманнских войн и несколько позднее.

Итак, после того, как контроль над первым участком торгового Янтарного пути, проходившим от Самбии по побережью Вислинского залива к дельте р. Висла, после Маркоманнских войн перешел к представителям вельбаркской культуры, занявшим пшеворские территории, вполне логичным представляется, что носители пшеворской культуры, являвшиеся до этого активными участниками янтарной торговли, переселившись, искали новые пути для доставки янтаря к римским провинциям. В процессы поиска и освоения носителями пшеворской культуры новых маршрутов янтарной торговли, соответственно, вовлекались и представители богачевской и самбийско-натангийской культур, на территории которых они переселились, что не могло не сказаться положительно на развитии данных культур. Все эти

¹⁶ Речь идет о древней субречной системе Преголя-Неман в раннеримское время (Żulkus 2006: 17 ff.).

факторы способствовали развитию в конце II в. н. э. второго участка Янтарного пути к истокам Преголи и далее в ареал богачевской культуры. Одним из важнейших последствий данных процессов является появление в долине реки Преголи целого ряда новых могильников (Okulicz 1973: 367). Многочисленные находки редких римских импортов на данных территориях, появляющиеся наряду с традиционными категориями римских импортов, также очевидно свидетельствуют в пользу активного функционирования второго участка Янтарного пути. В качестве примера таких находок можно привести кинжал-*pugio* из Альт-Илишкена, фрагментированную чашу *terra sigillata* из погребения у Кляйн Флисс, *tintinnabulum* из Фридрихсталя, бронзовый римский умбон, который входил в состав клада вместе с 32 римскими медными монетами, и т. д. (Brinkmann 1900: Abb. 1; Heydeck 1900: 57—60; Bolin 1926: 209; Gaerte 1929: Abb. 159: c, e-g; Raddatz 1993: Abb. 8; Nowakowski 1996: Taf. 92: 1, 99: 8; 102: 2). Как представляется, возникновение в римское время подобных Березовке обширных полей погребений в бассейне реки Преголя, с комплексами, содержащими большое количество инвентаря, несомненно, связано с функционированием одного из участков торгового Янтарного пути, проходившего по этой реке и наиболее активно использовавшегося именно в римское время.

Следует отметить, что все вышеизложенные построения, несмотря на имеющиеся в нашем распоряжении факты, носят в некоторой степени гипотетический характер, так как для окончательных заключений требуются дополнительные серьезные исследования и привлечение всей имеющейся на сегодняшний день информации по данному вопросу. Это является одним из аргументов в пользу проведения дальнейших полноценных исследований могильника Березовка и введения в научный оборот уже имеющейся о нем информации, включая и сохранившиеся архивные материалы, которые до сих пор не были опубликованы. Дальнейшее изучение могильника Березовка представляется тем более актуальным на фоне того факта, что количество современных публикаций, посвященных памятникам римского времени в долине реки Преголи на территории Калининградской области, весьма незначительно. Материалы многочисленных раскопок первой половины XX века в большинстве случаев остались неопубликованными. Большая часть довоенных находок и полевой документации пропала в конце Второй мировой войны, в связи с чем изучение и последующая публикация сохранившихся архивных материалов по довоенным исследованиям, равно как и новые археологические исследования, внесли бы значительный вклад в изучение местных древностей римского времени.

Литература

- Белевец В. 2007. Могильник Брест-Тришин: 30 лет по окончании раскопок. *Acta archaeologica Albaruthenica* 1. Мінск, 49—86.
- Казакевичус В. К. 1988. *Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы*. Вильнюс: Мокслас.
- Машкин Н. А. 1956. *История древнего Рима*. 2-е изд. Москва: Политиздат.
- Скворцов К. Н. 2004. *Отчет по раскопкам грунтового могильника Березовка — Гросс Оттенхаген Самбийско-Натангийской археологической экспедицией в 2003 году*. Архив ИА РАН. Р-1.
- Скворцов К. Н. 2010. Могильник Митино V—XIX вв. (Калининградская область). *Материалы охраняемых археологических исследований* 15. Москва: Тверская областная типография.
- Скворцов К. Н., Ибсен Т. 2010. Подкурганное захоронение всадника конца II в. н. э. из могильника Березовка/Гросс Оттенхаген. *Germania-Sarmatia* II. Калининград; Курск, 247—267.
- Шукин М. Б. 1994. *На рубеже эр*. Санкт-Петербург: Фарт.
- Almgren O., Nerman B. 1923. *Die ältere Eisenzeit Gotlands: Nach den in Statens historiska Museum, Stockholm, aufbewahrten Funden und Ausgrabungsberichten ... dargestellt*. Stockholm: Stockh.
- Andersson K. 1995. *Romartida guldsmide i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper*. Aun 21. Thesis (doctoral). Uppsala: Societas Archaeologica Upsaliensis.
- Ardwisson G. 1941. *Brillingefyndet*. Uppland. Uppsala.
- Beckmann C. 1969. Metallfingerringe der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *Saalburg Jahrbuch*. Berlin, 5—106.
- Bolin S. 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen. *Prussia* 26. Königsberg, 203—240.
- Brinkmann A. 1900. Fund von Terra Sigillata in Ostpreussen. *Prussia* 21. Vereinsjahre 1896—1900. Königsberg, 71—77.
- Chilińska-Drapella A. 2010. Próba nowego spojrzenia na „pasy sambijskie”. *Wiadomości Archeologiczne* LXI. Warszawa, 9—11.
- Engel C. 1931. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae*, 19.—23. VIII 1930. Rigae, 313—336.
- Gaerte W. 1929. *Urgeschichte Ostpreußens*. Königsberg: Gräfe und Unzer.
- Godłowski K. 1970. *The chronology of the Late Roman and early migration periods in Central Europe*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Godłowski K. 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim*. Wrocław.
- Godłowski K. 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. *Scripta Archaeologica*. Varia UJ. T. 231. Kraków, 27—49.
- Heym H. 1938. *Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des nördlichen ost-*

№4. 2014

- preußischen Binnenlandes von 400 n. Ztrw. Bis zur Ordenszeit. Diss. Bibliotheka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. №9177.
- Heydeck J. 1900. Eine Kultur- und Graberstelle in Forsterei Kl. Fließ, Kreis Labiau. *Prussia* 21. Königsberg, 57—60.
- Hoffmann J. 1941. *Die spätheidnische Kultur des Memellandes (10.—12. Jahrh. N. d. Zw.)*. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.
- Hoffmann M.J. 1999. *Źródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e.* Rozprawy i materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, nr. 177. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.
- Ibsen T. 2003. *Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M.A.) der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel.
- Ibsen T., Skvorzov K. 2004. Das Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen — Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 85. Mainz.
- Ilkjær J. 1996a. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (3). Aarhus.
- Ilkjær J. 1996b. Illerup Ådal Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (4). Aarhus.
- Jankuhn Archiv. Archäologischen Landesmuseum, Schleswig.
- Jamka R. 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich. *Materiały Starożytne* X. Warszawa, 61—19.
- Jankuhn H. 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande. *Prussia* 30. Königsberg, 166—201.
- Jazdzewski K. 1980. Die frühesten Staatsgebilde im Oder-Weichsel-Gebiet. *Die vorrömische Eisenzeit im Katttegatgebiet und in Polen*. Göteborg.
- La Baume W. 1944. Altpreußische Zaumzeug. *Alt Preußen* 9 (1/2). Königsberg, 2—19.
- Machajewski H. 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg* 5. 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Wünsdorf, 187—196.
- Madyda-Legutko R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford.
- Nowakowski W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. In: Carnap-Bornheim C., von (ed.). *Veröffentlichungen des Vorgesellschaftlichen Seminars Marburg* 10. Marburg: Vorgesellschaftliches Seminar der Philipps-Univ.
- Nowakowski W. 2008. Die frühesten Steibügel aus Preußen. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland. *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin, 189—211.
- Okulicz J. 1988. Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI—VII w.n.e.) *Pomorania Antiqua* XIII, 103—133.
- Okulicz J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Monografie dziejów społecznych i politycznych Warmii i Mazur, 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Pietrzak M. 1997. *Pruszcz Gdański: Fundstelle 10, ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern*. Monumenta archaeologica barbarica 4. Kraków: Secesja.
- Raddatz K. 1957. *Der Thorsberger Moorfund; gürtelteile und körperschmuck*. Offa-Bücher 13. Neumünster: K. Wachholtz.
- Raddatz K. 1993. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen. *Offa* 49/50. Neumünster, 127—187.
- Schindler R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. *Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 6. Leipzig, 576—578.
- Skvorzov K.N. 2013. The formation of patrimonial elite of Sambian-Natangian culture in Roman Period in the context of amber trade. *Archaeologia Baltica* 18 (2), 167—191.
- Tamulynas L. 2002. Miestelių kapinynas. *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2001 m.* Vilnius, 130—131.
- Tempelmann-Maczyńska M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Römisch-Germanische Forschungen 43. Mainz.
- Wilbers-Rost S. 1990. *Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera: Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des „Zaumzeugs mit Zugelketen“*. Veröffentlichungen der urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums zu Hannover 44. Oldenburg.
- Wołagiewicz R. 1981. Kultura wielbarska: problemy interpretacji etnicznej. In: *Problemy kultury wielbarskiej*. Skupsk, 79—106.
- Wołagiewicz R. 1987. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań. *Archaeologia Polski* XXXII (1). Warszawa, 169—208.
- Wołagiewicz R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym = Die Tongefäße der Wielbark-Kultur im Raum zwischen Ostsee und Schwarzen Meer*. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie.
- Wołagiewicz R. 1995. *Lubowidz: Ein birituelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr.* Monumenta archaeologica barbarica 1. Kraków: Secesja.
- Zinoviev A.V. 2009. Horses from two burials in Samland and Natangen (Second century, Kaliningradskaya Province, Russia). *Archaeologia Baltica* 11. Klaipėda, 50—55.
- Žulkus V. 2006. The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Prieglius (Pregel). *The Settlement Situation at the Lower Reaches in the 6th—11th Centuries*. M. Bertašius ed. *Transformatio Mundi. The Transitions from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, Department of Philosophy and Cultural Science, 17—24.

References

- Beliaevs, V. 2007. In *Acta archaeologica Albaruthenica* 1. Minsk, 49—86 (in Russian).
- Kazakiavichus, V. K. 1988. *Oruzhie baltskikh plemen II—VIII vekov na territorii Litvy (Armament of Baltic tribes from 2nd—8th centuries on the territory of Lithuania)*. Vilnius: Mokslas (in Russian).
- Mashkin, N. A. 1956. *Istoriia drevnego Rima (History of Ancient Rome)*. 2-e izd. Moscow: Politizdat (in Russian).
- Skvorzov, K. N. 2004. *Otchet po raskopkam gruntovogo mogil'nika Berezovka — Gross Ottenkhagen Sambiisko-Natangiiskoi arkeologicheskoi ekspeditsiei v 2003 godu (Report on the excavations of the ground necropolis Berezovka — Groß Ottenhagen by the Sambian-Natangian archaeological expedition in 2003)*. Arkhiv Instituta arkeologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1 (in Russian).
- Skvorzov, K. N. 2010. In *Materialy okhrannykh arkeologicheskikh issledovaniy (Materials of rescue archaeological investigations)* 15. Moscow: Tverskaia oblastnaia tipografiia (in Russian).

- Skvorzov, K. N., Ibsen, T. 2010. In *Germania-Sarmatia* II. Kaliningrad; Kursk, 247—267 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er (On the Turn of Erae)*. Saint Petersburg: Farn (in Russian).
- Almgren, O., Nerman, B. 1923. *Die ältere Eisenzeit Gotlands: Nach den in Statens historiska Museum, Stockholm, aufbewahrten Funden und Ausgrabungsberichten ... dargestellt*. Stockholm: Stockh.
- Andersson, K. 1995. *Romartida guldsmede i Norden III. Övriga smycken, teknisk analys och verkstadsgrupper*. Aun 21. Thesis (doctoral). Uppsala: Societas Archaeologica Upsalensis.
- Ardwisson, G. 1941. *Brillingefyndet*. Uppland. Uppsala.
- Beckmann, C. 1969. Metallfingerringe der Römischen Kaiserzeit im freien Germanien. *Saalburg Jahrbuch*. Berlin, 5—106.
- Bolin, S. 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreussen. *Prussia* 26. Königsberg, 203—240.
- Brinkmann, A. 1900. Fund von Terra Sigillata in Ostpreussen. *Prussia* 21. Vereinsjahre 1896—1900. Königsberg, 71—77.
- Chilińska-Drapella, A. 2010. Próba nowego spojrzenia na „pasy sambijskie”. *Wiadomości Archeologiczne* LXI. Warszawa, 9—11.
- Engel, C. 1931. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreussen. *Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum Rigae*, 19.—23. VIII 1930. Rigae, 313—336.
- Gaerte, W. 1929. *Urgeschichte Ostpreußens*. Königsberg: Gräfe und Unzer.
- Godłowski, K. 1970. *The chronology of the Late Roman and early migration periods in Central Europe*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński.
- Godłowski, K. 1985. *Przemiany kulturowe i osadnicze w południowej i środkowej Polsce w młodszym okresie przedrzymskim i okresie rzymskim*. Wrocław.
- Godłowski, K. 1988. Problemy chronologii okresu rzymskiego. *Scripta Archaeologica*. Varia UJ. T. 231. Kraków, 27—49.
- Heym, H. 1938. *Das Gräberfeld Zohpen. Ein Beitrag zur Volks- und Kulturgeschichte des nördlichen ostpreußischen Binnenlandes von 400 n. Ztrw. Bis zur Ordenszeit*. Diss. Bibliotheka Muzeum Archeologicznego w Poznaniu. №9177.
- Heydeck, J. 1900. Eine Kultur- und Graberstelle in Forsterei Kl. Fließ, Kreis Labiau. *Prussia* 21. Königsberg, 57—60.
- Hoffmann, J. 1941. *Die spätheidnische Kultur des Memellandes (10.—12. Jahrh. N. d. Zw.)*. Königsberg; Berlin: Ost-Europa-Verlag.
- Hoffmann, M. J. 1999. *Źródła do kultury i osadnictwa południowo-wschodniej strefy nadbałtyckiej w I tysiącleciu p.n.e.* Rozprawy i materiały Ośrodka Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie, nr. 177. Olsztyn: Ośrodek Badań Naukowych im. Wojciecha Kętrzyńskiego w Olsztynie.
- Ibsen, T. 2003. *Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen im Kaliningrader Gebiet*. Schriftliche Hausarbeit zur Erlangung des Grades eines Magister Artium (M.A.) der Philosophischen Fakultät der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. Kiel.
- Ibsen, T., Skvorzov, K. 2004. Das Gräberfeld von Berezovka/Groß Ottenhagen — Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission*. Bd. 85. Mainz.
- Ilkjær, J. 1996. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (3). Aarhus.
- Ilkjær, J. 1996. Illerup Ådal. Die Prachtausrüstungen. *Jutland Arch. Soc. Publ.* 25 (4). Aarhus.
- Jankuhn Archiv*. Archäologischen Landesmuseum, Schleswig.
- Jamka, R. 1964. Fibule typu oczkowatego w Europie Środkowej ze szczególnym uwzględnieniem ziem polskich. *Materiały Starożytne* X. Warszawa, 61—19.
- Jankuhn, H. 1933. Gürtelgarnituren der älteren römischen Kaiserzeit im Samlande. *Prussia* 30. Königsberg, 166—201.
- Jazdzewski, K. 1980. Die frühesten Staatsgebilde im Oder-Weichsel-Gebiet. *Die vorrömische Eisenzeit im Kattegatgebiet und in Polen*. Göteborg.
- La Baume, W. 1944. Altpreußische Zaumzeug. *Alt Preußen* 9 (1/2). Königsberg, 2—19.
- Machajewski, H. 1998. Die Fibeln der Gruppe V, Serie 8, im östlichen Teil Mitteleuropas. In: *Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg* 5. 100 Jahre Fibelformen nach Oscar Almgren. Wünsdorf, 187—196.
- Madyda-Legutko, R. 1986. *Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. BAR International Series 360. Oxford.
- Nowakowski, W. 1996. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. In: Carnap-Bornheim C., von (ed.). *Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg* 10. Marburg: Vorgeschichtliches Seminar der Philipps-Universität.
- Nowakowski, W. 2008. Die frühesten Steibügel aus Preußen. Funde vom Gräberfeld Widitten II im Samland. *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period II*. Lublin, 189—211.
- Okulicz, J. 1988. Problem ceramiki typu praskiego w grupie olsztyńskiej kultury zachodniobałtyjskiej (VI—VII w.n.e.) *Pomorania Antiqua* XIII, 103—133.
- Okulicz, J. 1973. *Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w.n.e.* Monografie dziejów społecznych i politycznych Warmii i Mazur, 1. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Pietrzak, M. 1997. *Pruszcz Gdański: Fundstelle 10, ein Gräberfeld der Oksywie- und Wielbark-Kultur in Ostpommern*. Monumenta archaeologica barbarica 4. Kraków: Secesja.
- Raddatz, K. 1957. *Der Thorsberger Moorfund; gürtelteile und körperschmuck*. Offa-Bücher 13. Neumünster: K. Wachholtz.
- Raddatz, K. 1993. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen. *Offa* 49/50. Neumünster, 127—187.
- Schindler, R. 1940. Die Besiedlungsgeschichte der Goten und Gepiden im unteren Weichselraum. *Quellenschriften zur ostdeutschen Vor- und Frühgeschichte*. Bd. 6. Leipzig, 576—578.
- Skvorzov, K. N. 2013. The formation of patrimonial elite of Sambian-Natangaian culture in Roman Period in the context of amber trade. *Archaeologia Baltica* 18 (2), 167—191.
- Tamulynas, L. 2002. Miestelių kapinynas. *Archeologiniai tyrinėjimai Lietuvoje 2001 m.* Vilnius, 130—131.
- Tempelmann-Maczyńska, M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Römisch-Germanische Forschungen 43. Mainz.
- Wilbers-Rost, S. 1990. *Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera: Zur Entstehung, Entwicklung und Ausbreitung des „Zaumzeugs mit Zugketten“*. Veröffentlichungen der urgeschichtlichen Sammlungen des Landesmuseums zu Hannover 44. Oldenburg.
- Wołagiewicz, R. 1981. Kultura wielbarska: problemy interpretacji etnicznej. In: *Problemy kultury wielbarskiej*. Słupsk, 79—106.
- Wołagiewicz, R. 1987. Chronologia ceramiki kultury wielbarskiej w świetle dotychczasowego stanu badań. *Archeologia Polski* XXXII (1). Warszawa, 169—208.
- Wołagiewicz, R. 1993. *Ceramika kultury wielbarskiej między Bałtykiem a morzem Czarnym = Die Tongefäße der Wielbark-Kultur im Raum zwischen Ostsee und Schwarzen Meer*. Szczecin: Muzeum Narodowe w Szczecinie.
- Wołagiewicz, R. 1995. *Lubowidz: Ein birtuelles Gräberfeld der Wielbark-Kultur aus der Zeit vom Ende des 1. Jhs. v. Chr. bis zum Anfang des 3. Jhs. n. Chr.* Monumenta archaeologica barbarica 1. Kraków: Secesja.
- Zinoviev, A. V. 2009. Horses from two burials in Samland and Natangen (Second century, Kaliningradskaia Province, Russia). *Archaeologia Baltica* 11. Klaipeda, 50—55.
- Žulkus, V. 2006. The Lower Reaches of the Nemunas (Memel) and Prieglius (Pregel). *The Settlement Situation at the Lower Reaches in the 6th—11th Centuries*. M. Bertašius ed. *Transformatio Mundi. The Transitions from the Late Migration Period to the Early Viking Age in the East Baltic*. Kaunas: Kaunas University of Technology, Department of Philosophy and Cultural Science, 17—24.

Статья поступила в номер 22 февраля 2013 г.

Konstantin Skvorzov (Kaliningrad, Russia). Master. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Konstantin Skvorzov (Kaliningrad, Rusia). Magistru. Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

Скворцов Константин Николаевич (Калининград, Россия). Магистр. Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: sn_arch_exp@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia

О. А. Радюш

О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами»

Keywords: Upper Sejm region, Late Roman Time, Migration Period, Chernyakhov Culture, arms, “daggers with cutouts”.

Cuvinte cheie: regiunea Seimului Superior, perioada romană târzie, epoca migrațiilor, cultura Cerneahov, armament, „pumnale cu șlițuri”.

Ключевые слова: Верхнее Посеймье, позднеримское время, переселение народов, черняховская культура, вооружение, кинжалы с вырезами.

O. A. Radjush

On the Northern Extremity of So-Called Daggers with Cutouts

The author presents finds of the so-called “daggers with cutouts” found along Desna, Sejm and Upper Don Rivers. The main area of distribution of such blades is bound to the Caucasus and the Crimea. The earliest finds can be dated by the middle — second half of 3rd c. In 4th c. similar blades appear on Chernyakhov sites in the basins of the Dnieper and the Dniester, while in late 4th — early 5th c. they spread in the Carpathian depression. Their appearance on the border between the forest and forest-steppe zones may be explained by participation of the Alans in the events of the late 4th c. Seemingly, the finds of the daggers with cutouts outside the Alan area are connected with warriors' rituals.

O. A. Radjush

Despre limita nordică de răspândire a așa-numitelor „pumnale cu șlițuri”

În prezentul articol este realizată o trecere în revistă a așa-numitelor „pumnale cu șlițuri” din regiunile Desna, Seim și Donul Superior. Arealul de bază al răspândirii acestor arme este legat de Caucaz și Crimeea. Cele mai timpurii descoperiri pot fi datate la jumătatea — sfârșitul sec. III d. Hr. În sec. IV, piese similare apar în siturile culturii Cerneahov de pe Nipru și Nistru, iar la sf. sec. IV — înc. sec. V ele pătrund și în bazinul Carpatic. Apariția acestor arme la hotarul dintre zonele de pădure și silvostepă, este probabil legată de participarea alanilor la evenimentele de la finalul sec. IV. Este posibil ca descoperirile de „pumnale cu șlițuri” din afara regiunii populate de alani să fie puse în legătură cu unele ritualuri militare.

O. A. Радюш

О северной границе распространения так называемых «кинжалов с вырезами»

В статье собраны сведения о находках так называемых «кинжалов с вырезами» в Подесенье, Посеймье, на Верхнем Дону. Основной ареал распространения таких клинков связан с Кавказом и Крымом. Самые ранние находки могут быть датированы серединой — второй половиной III в. В IV в. подобные клинки появляются на памятниках черняховской культуры в Поднепровье и Поднестровье, а в конце IV — начале V в. — в Карпатской котловине. Появление их на границе лесной и лесостепной зон, вероятно, связано с участием алан в событиях финала IV в. Возможно, что находки «кинжалов с вырезами» за пределами аланского расселения связаны с воинскими ритуалами.

В последние годы находки клинков с вырезами у основания рукояти неоднократно привлекали внимание исследователей (Порох, Пьянков 1999; Схатум 2004; Контны, Савеля 2006; Левада 2006; 2013; Garnier, Lebedynsky, Daynes 2006—2007; Дідик 2008; Симоненко 2008; Иштванович, Кульчар 2009; Barat, Soulat, Gauduchon 2009; Храпунов 2010; Саидов 2012). Как разновидность короткого клинкового оружия эпохи переселения народов они известны достаточно давно. В работе Н. И. Сокольского, посвященной бо-

спорским мечам, подобные клинки были названы мечами-кинжалами (Сокольский 1954: 159) и датированы II—III вв., при том, что учтено было четыре экземпляра (из Керчи, Феодосии и округа Туапсе). Одним из первых за пределами бывшего СССР на данный тип обратил внимание венгерский исследователь М. Пардуц, который учел пятнадцать изделий (Párducz 1959: 367—368). В монографии А. М. Хазанова находки клинков с вырезами отнесены к типу V (Хазанов 1971: 17) и связаны с поздне- и послесарматскими

древностями IV—VII вв. Им учтено двадцать находок с юга СССР, в основном из Крыма и Северного Кавказа. Румынский исследователь Р. Хархою зафиксировал лишь девятнадцать мест их находок и именовал данную категорию по названию одноименной римской крепости короткими мечами типа «Миция» (Harhoiu 1988: 80, Abb. 2). Между тем большинством западных исследователей до сих пор используется другое название — «мечи и кинжалы с вырезами», данное им В. Супо, которая каталогизировала находки из 38 пунктов от Карпатской котловины до Восточного Прикаспия, а также с более северных территорий, включая верховья Дона и Среднее Поволжье (Souprault 1996: 60, 486, Karte 1). Венгерские исследовательницы Э. Иштванович и В. Кульчар в своей работе, посвященной находкам подобных клинков в Карпатской котловине, использовали термин «мечи/кинжалы с боковыми вырезами» и учли 97 находок из 46 пунктов на территории Европы (Иштванович, Кульчар 2009: рис. 3). В настоящее время наиболее подробное картирование находок проведено М. Е. Левадой (Левада 2013: рис. 2—4), им учтено более 69 пунктов находок, наибольшее количество которых происходит с Северного Кавказа и из Крыма, ряд — с территории черняховской культуры и Карпатской котловины. Наиболее западные находки известны в Европе — в совр. Словении и Франции (Аквитания и Нормандия), наиболее восточные — в Кемеровской области в составе Елцаевского клада.

Относительно происхождения клинков высказывались несколько мнений: Р. Хархою связывал их появление с Боспорским царством (Harhoiu 1988: 86), В. Н. Каминский — с Крымом (Каминский, Каминская-Цокур 1997: 61), А. М. Хазанов — с Северным Кавказом (Хазанов 1971: 24), эта теория была поддержана позднее и В. Супо (Souprault 1996: 72). В данный момент ее придерживается большинство исследователей, связывая их появление с воинским делом аланов. М. Е. Левада, между тем, не исключает, что эта категория могла возникнуть в Западном Прикаспии на рубеже III—IV вв. (Левада 2013: 174).

Продолжается и дискуссия по поводу функционального назначения оружия. Высказывались предположения об использовании их в качестве особого вида вооружения, предназначенного для парирования ударов (Šćukin 1993: 327; Мыщ и др. 2006: 117), или — как древкового оружия (Гавритухин, Пьянков 2003: 192; Схатум 2004), основанием для чего считалось отсутствие перекрестия

и нахождение их в крымских погребениях на месте наконечника копья у головы. На данный момент более распространенным остается мнение об их традиционном использовании в качестве кинжала или короткого меча (Контны, Савеля 2006: 145—147; Симоненко 2010: 51—52; Левада 2013: 172).

Распространение клинков по южным территориям, таким образом, достаточно хорошо изучено. Однако на севере, за пределами зоны черняховской культуры, их находки известны достаточно мало. Было известно о трех единичных экземплярах: из полы кургана XII в. в Седневе (Черниговская обл., низовья р. Сновы) (Левада 2006: 195), Ефремовского района Тульской области (бассейн р. Красивая Меча) (Разуваев 1993: 111—115; Обломский 2001: 130, рис. 6: 1), и наиболее удаленная находка в погребении 75 могильника Рождественский V (Старостин 1981: рис. 2: 14; Старостин 2009: 57, рис. 16: 6).

В последние несколько лет стали известны три новые находки, уточняющие северную границу распространения подобного вооружения. Две из них входят в ареал черняховской культуры, одна расположена вблизи нее, но уже практически в лесной зоне.

Первая находка была сделана на границе лесной зоны в Седневе (Черниговский р-н Черниговской области) в поле кургана XII в. (Левада 2006: 195). На его поверхности прослеживаются две продольные канавки, характерные для позднеримских спат (рис. 1: 5).

В 2011 году во время раскопок поселения Пены 1 (Курчатовский р-н Курской области), вблизи от завала глинобитных стен наземной постройки на усадьбе 2, был найден короткий клинок с вырезами (рис. 1: 1). Длина клинка — 250 мм, ширина — 32 мм, толщина — 3 мм, длина хвостовика — 60 мм. В верхней части хвостовик сильно сужается. Сечение клинка после реставрации — шестигранное уплощенное. В нижней части лезвия сделаны симметричные вырезы глубиной 7—8 мм. Сужение к острию плавное, начинается в нижней трети. Сохранность достаточно высокая. Поверхность клинка ровная, следов дамаскированной стали визуально не прослеживалось. Также не отмечены следы от рукояти. В первой публикации его изображение и описание давались по состоянию до реставрации (Радюш 2012: рис. 2: 3), после её проведения уточнилось сечение клинка. Материалы раскопа позволяют датировать разрушение постройки последней четвертью IV в.

В 2012 году в фонды Курского Государственного областного музея археологии поступил клинок с вырезами, переданный местным

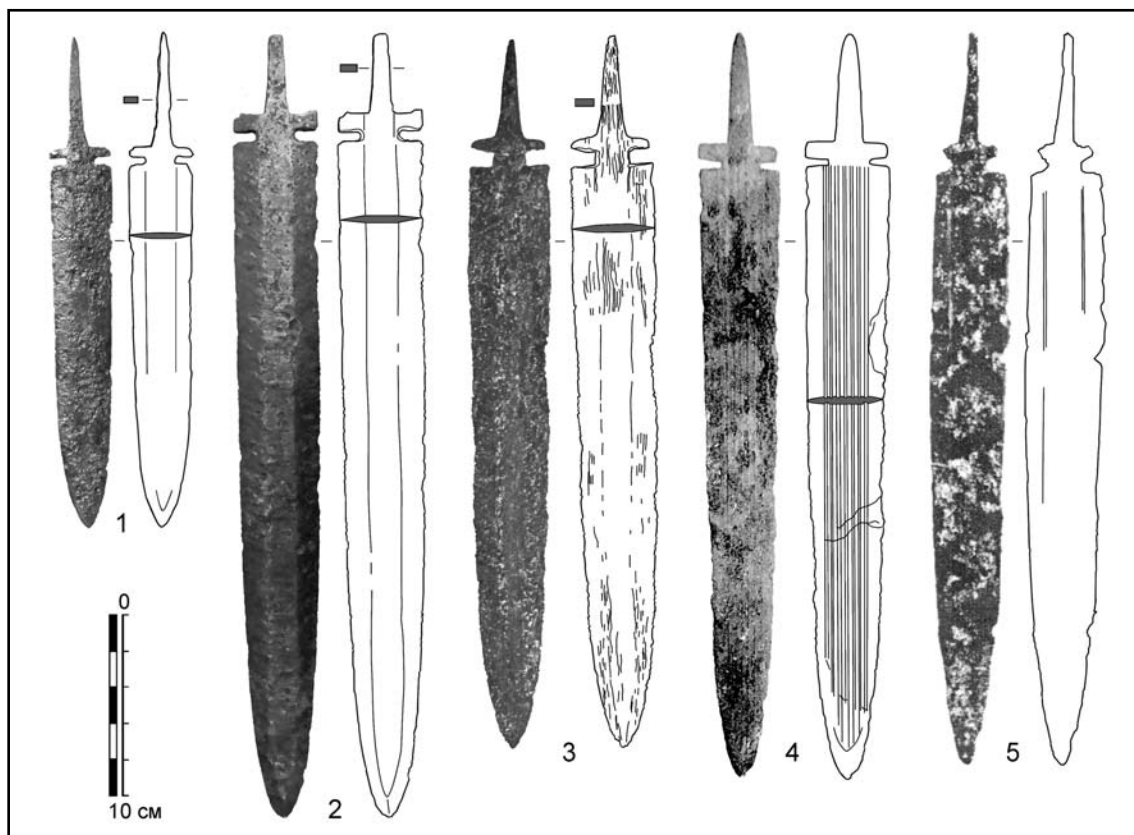

Рис. 1. Кинжалы с вырезами с территории Курской и Брянской областей: 1 — Пены-1; 2 — Картамышево/Каменка; 3 — Севск; 4 — Ефремовский район; 5 — Седнев (1—3 — фото автора; 4 — фото Ю.Д. Разуваева; 5 — по Левада 2006: 195).

Fig. 1. Daggers with cutouts from Kursk and Bryansk Oblasts: 1 — Peny-1; 2 — Kartamyshevo/Kamenka; 3 — Sevska; 4 — Efremov district; 5 — Sednev (1—3 — photo by the author; 4 — photo by Yu. D. Razuvayev; 5 — after Левада 2006: 195).

жителем (рис. 1: 2). Первоначально местом находки было названо село Каменка, но затем было сообщено, что находка была сделана ближе к селу Картамышево (оба села относятся к Беловскому р-ну). Таким образом, точное место обнаружения осталось неизвестным. В микрорегионе, обозначенном находчиком, известны многочисленные поселения позднеримского времени и эпохи переселения народов (АКР Курской обл. 2000: рис. 22). Между тем, материалы раннего этапа Переселения народов (IV—V вв.) известны на ряде памятников в качестве единичных находок. Клинок имеет значительно большие размеры, чем находка из Пен: его длина — 428 мм, ширина — 46 мм, сечение шестигранное, толщина лезвия — 4,5 мм, ширина центральной части — 18 мм. Глубина вырезов — 14 мм, ширина — 6 мм. Сужение плавное, начинается в нижней трети. Хвостовик короткий, длиной 44 мм, сечение в верхней части 14×4 мм, в нижней — 8×4 мм, к верхней части несколько сужается. Поверхность клинка ровная, следов дамаскированной стали визуально не прослеживалось.

Еще один клинок с вырезами был атрибутирован нами в 2013 году на юго-востоке Брянской области в Севском районном краеведческом музее на экспозиции позднесредневекового вооружения (рис. 1: 3)¹. Как удалось выяснить, находка была принята в музей ещё в 1957 году, от местного жителя Проскурина Семена Ильича. Никаких описаний обстоятельств находки клинка в музейной документации нет. Фамилия Проскурин распространена среди жителей нескольких деревень вблизи Севска, Пушкарной и Стрелецкой слобод, с. Косицы и самого города Севска. Таким образом, локализация находки вполне возможна в ближайшей округе Севска в пределах бассейна р. Сев. Размеры клинка: длина — 388 мм, ширина лезвия — 46 мм. У основания черена сделаны парные вырезы неправильной формы глубиной 15—16 мм, шириной 10—12 мм.

¹ Выражаю искреннюю благодарность дирекции Севского краеведческого музея за возможность ознакомиться с находкой, выставленной на экспозиции.

Длина хвостовика — 54 мм, к верхней части плавно сужается. Сечение клинка шестигранное уплощённое, толщина 4—5 мм, лезвие плавно сужается. Визуальный осмотр клинка показал, что он изготовлен из качественной стали, а судя по волнообразному рисунку на поверхности, возможно, из дамаскированной стали.

Следует отметить, что никаких находок позднеримского времени на территории Севского района до последнего времени не было известно. Лишь в последние годы как в Севском, так и в соседних районах Брянской и Курской областей выявлены многочисленные находки круга варварских эмалей, большинство из которых относится к ранним этапам их развития, традиционно датируемым II—III вв. Рассматриваемые же клинки, как уже отмечалось, датируются от рубежа III—IV вв. Их распространение на территории черняховской культуры обычно относится к IV в., вероятнее всего, к его второй половине. В Сумском Подесенье выявлено несколько памятников киевской культуры со слоями позднеримского времени и начала эпохи переселения народов, ближайшие из них находятся в 50—80 км к юго-западу от Севска (Перемога — Глуховский р-н Сумской обл.; Червоный Ранок и Кролевец — Кролевецкий р-н; Лушники 1а — Шосткинский р-н) (Обломский, Терпиловский 2010: рис. 1). На этих памятниках встречены отдельные находки черняховской керамики. С. В. Воронятовым в Погарском районе, в глубине лесной зоны Подесенья был выявлен памятник киевского типа с черняховской круговой посудой Синин 8 (Воронятов, Горячев 2014, в печати). В Посеймье значительный массив памятников, датируемых концом IV — нач. V вв., выявлен к северу от Сейма и к западу от Тускаря на Льговско-Фатежской гряде (Радюш 2012б). В целом, районы на северо-западе Курской области, и на юге Брянской остаются слабо обследованными, но отдельные памятники и находки указывают на заселённость этих территорий. Исследование памятников конца IV — начала V вв. на этой территории только предстоит.

Наиболее удалёнными от основного ареала находок являются клинки из Тульской области и Татарстана. Упомянутый клинок с Верхнего Дона происходит из Ефремовского р-на Тульской области, бассейна р. Красивая Меча. Неизвестны как обстоятельства его находки, так и его наличие в настоящее время в коллекции Ефремовского музея после пожара в 1990-х гг. Его длина — 290 мм, ширина —

32 мм, длина хвостовика — 40 мм². Сечение клинка многодольное, в центральной части расположены ряды желобков.

Надёжно датированные памятники эпохи Переселения народов в этом районе отсутствуют, а поселения типа Каширка-Седелки датируются второй третью III — началом IV вв., хотя верхняя дата их не установлена (Обломский 2007: 75). Что касается региона Красивой Мечи, самого северного для этой группы древностей, то исследованные там памятники дали крайне малое количество надёжных хроноиндикаторов (Обломский 2004; Кренке и др. 2010: 131—144). Между тем, по данным радиоуглеродных анализов поселения Новокрасивое и Благодать датируются серединой — второй половиной III в., исключая IV в. (Кренке и др. 2010: 137). Памятников группы Чертовицкое-Замятино, относящихся к более позднему этапу заселения региона (V—VI вв.), на Красивой Мече не выявлено, все они расположены намного южнее.

Уникальной находкой остаётся клинок из Рождественского могильника азелинской культуры, найденный в мужском погребении 75, совершенном по обряду трупоположения, с северо-западной ориентировкой (Старостин 2009: 12, 57, рис. 16: 6). Вместе с ним были найдены останки лошади. В инвентаре погребения был зафиксирован набор черешковых наконечников стрел — шесть костяных и один железный, нож-коса. Найденный у бедра короткий железный меч имел длину 430 мм, шестигранное уплощённое сечение лезвия и прямоугольные вырезы у основания (рис. 2: 5). На поверхности клинка были зафиксированы следы дерева, возможно, от ножен. Здесь же обнаружены железные двухзвенные кольчатые удила. В области пояса также располагались обломки бронзового поясного набора с кожей красноватого цвета, кольцо (портупейное?), нож и шило, железная пряжка с овальной рамкой, на пальце руки — бронзовый пластинчатый перстень (Старостин 2009: 12, рис. 16).

Помимо зафиксированных в литературе и музеях находок, следует отметить и ряд слабо документированных свидетельств о грабительских находках на электронных ресурсах. Находки клинков с вырезами были отмечены в Сумской, Полтавской, Харьковской областях Украины, значительное их количество фикси-

² По описанию, фото и чертежу Ю. Д. Разуваева, впервые опубликовавшего находку, которому я выражаю искреннюю благодарность за предоставление сохранившихся материалов.

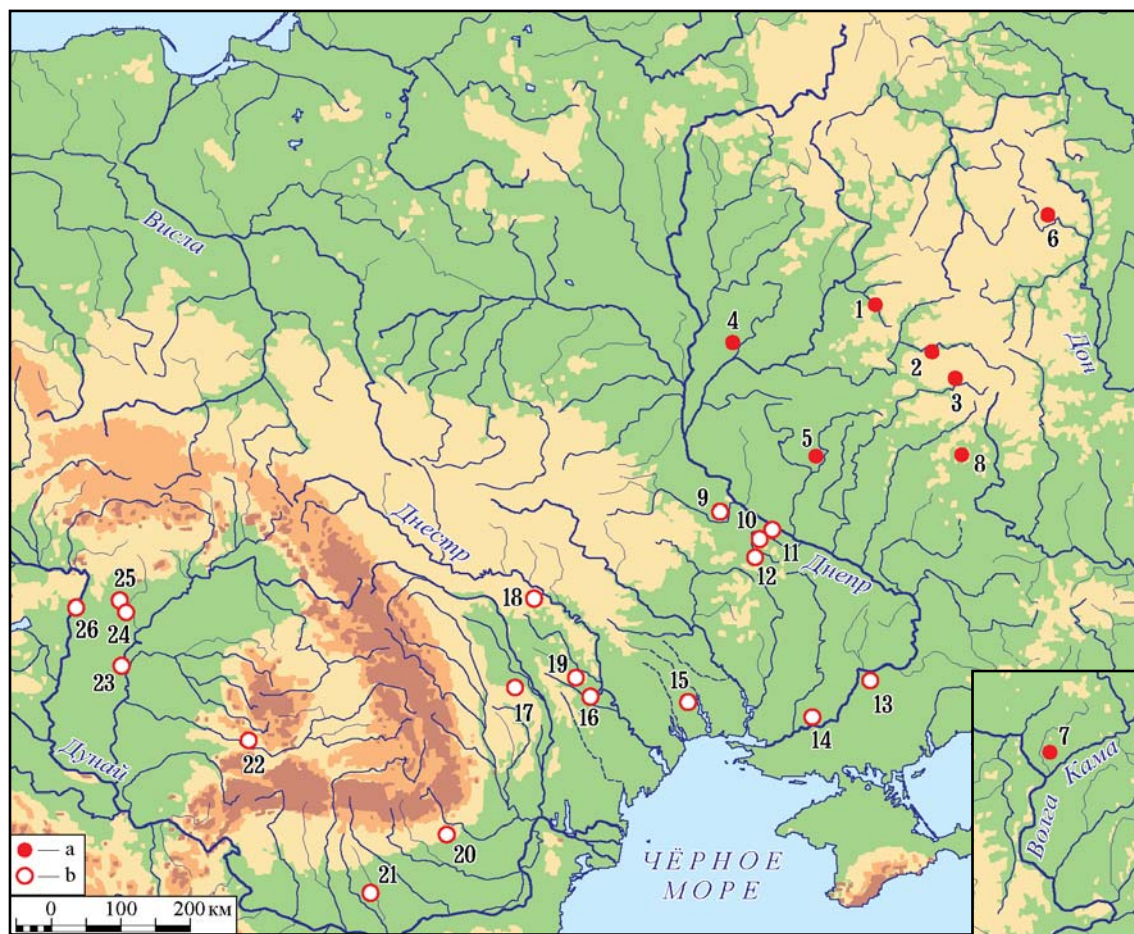

Рис. 2. Распространение кинжалов с вырезами (без учета находок в Крыму, на Северном Кавказе, в Прикубанье и Нижнем Дону) (по Левада 2013, с дополнениями автора). а — находки, описываемые в статье; б — остальные находки клинков на территории черняховской культуры и Карпатской котловины. 1 — Севск; 2 — Пены; 3 — Картамышево/Каменка; 4 — Седнев; 5 — Сенча; 6 — Ефремовский район/Красивая Меча; 7 — Рождественский; 8 — Сквородиновка; 9 — Карашина; 10 — Флярковка; 11 — Матронинское; 12 — Пастырское; 13 — Каменские Кучугуры; 14 — Николаевка; 15 — Калиновка; 16 — Будешть; 17 — Яссы-Николина; 18 — Руды; 19 — Курки; 20 — Петроаселе; 21 — Дрэгэнешть; 22 — Миция; 23 — Чонград-Кендерсфелдек; 24 — Ясберень; 25 — Ясберень-Сёлёдюль; 26 — русло Дуная.

Fig. 2. Distribution of daggers with cutouts (without finds in the Crimea, in the North Caucasus, Kuban basin and the Lower Don). (after Levada 2013, with additions of the author). a — finds described in the article; b — other finds of blades on the territory of the Chernyakhov Culture and Carpathian depression. 1 — Sevs; 2 — Peny; 3 — Kartamyshevo/Kamenka; 4 — Sednev; 5 — Sencha; 6 — Efremov district/Krasivaya Mecha; 7 — Rozhdstvenskij; 8 — Skovorodinovka; 9 — Karashina; 10 — Flyarkovka; 11 — Matroninskoye; 12 — Pastyrskoe; 13 — Kamenskie Kuchugury; 14 — Nikolaevka; 15 — Kalinovka; 16 — Budești; 17 — Iași-Nicolina; 18 — Rudi; 19 — Curchi; 20 — Petroasele; 21 — Drăgănești; 22 — Micia; 23 — Csongrád-Kenderföld; 24 — Jászberény; 25 — Jászberény-Szölő-dűlő; 26 — riverbed of the Danube.

ровалось в Одесской и Николаевской областях. Таким образом, имеющиеся на данный момент сведения указывают на то, что находки клинков с вырезами были распространены практически на всей территории черняховской культуры, как на правом, так и на левом берегу Днепра, за исключением Западной Украины, где они совершенно неизвестны (рис. 2). Находка из Севска располагается вблизи позднечерняховского ареала, находка из Пен — на его границе. Клинок из Рождественского связан с совершенно иным культурным кругом поволжских культур.

К сожалению, большая часть находок, известных по публикациям, приводится в рисунках крайне плохого качества, при этом сечение клинков либо искажается ввиду отсутствия реставрации, либо вовсе не передается. Впрочем, отсутствие качественной реставрации — это общая проблема, касающаяся не только данной категории находок. Натурное изучение новых находок, которые имеют высокую степень сохранности, позволило получить дополнительные сведения о данном типе клинкового оружия. Среди известных нам клинков с выре-

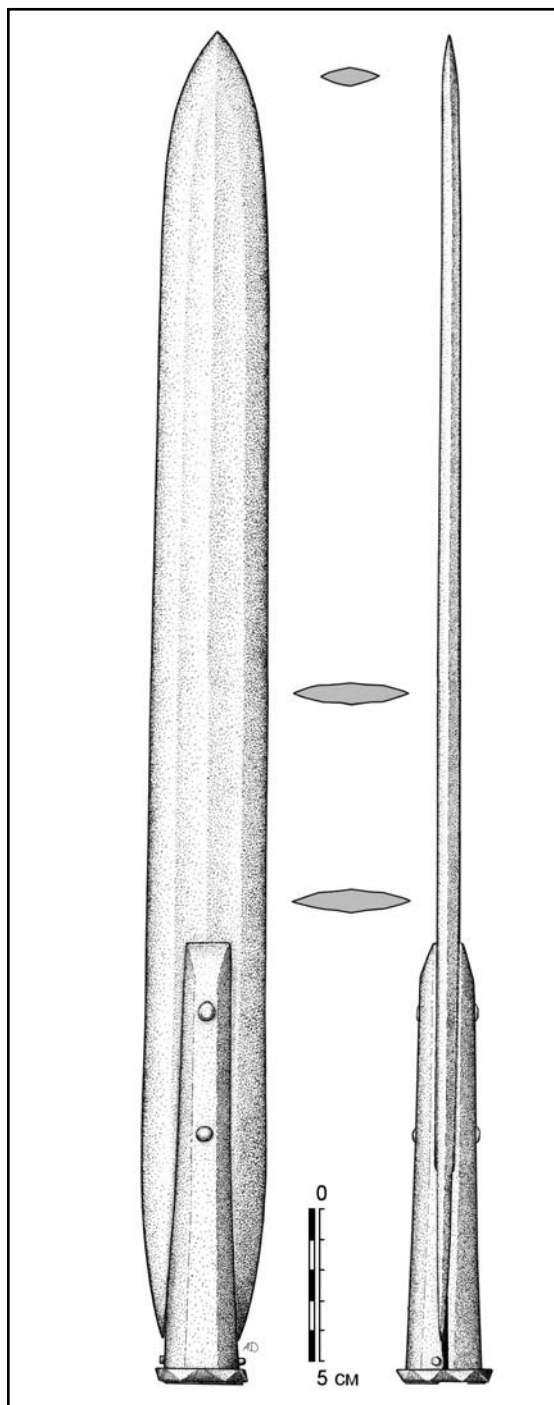

Рис. 3. Копье-меч из Белгородской области (рис. А. Дементьевой).

Fig. 3. Spear-sword from Belgorod Oblast (drawing by A. Dementieva).

зами, в целом, выделяется основная группа длиной от 30 до 45 см, однако есть и миниатюрные экземпляры длиной до 25 см, и крупные экземпляры длиной 60—70 см. находка из Пен относится к коротким экземплярам, а находки из Каменки/Картамышева, Севска, Красивой Мечи и Рождественского — к сред-

ним. Осмотренные нами экземпляры находок с территории Поднепровья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа позволяют заключить, что все они изготавливались из обломков длинных мечей. По всей видимости, хвостовик и зубья вырубались уже из обломка меча, на что указывает сохранение заточки на зубьях и разнообразие сечений (встречаются шестигранные, четырехгранные, однодольные, многодольные), размеров и пропорций. В связи с этим, кажется, нет необходимости выделять типы этих клинков, кроме, как на основании их длины и количества вырезов. Конечно, для более обстоятельных выводов необходимо металлографическое и технологическое изучение статистической серии находок из разных регионов.

На известных экземплярах кинжалов обычно сохраняется след от узкой полоски дерева, на 3—4 см выступающей на лезвие клинка, но следы какого бы то ни было перекрестия и заклепок ни разу не были отмечены. Исключение составляет находка из Словении, где две заклепки находились в нижней части хвостовика и в верхней части лезвия. Таким образом, верхняя часть лезвия на рассматриваемых клинках никак не закрывалась. Эксперименты на модели клинка показали, что при колющих и режущих ударах ладонь, держащая «кинжал», получает повреждения. Рубящие удары для клинков длиной 20—35 см совершенно неэффективны. В то же время для древкового оружия также неэффективно черешковое крепление при значительной длине лезвия. Среди всей серии находок преобладают изделия длиной от 20 до 40 см, лишь единичные экземпляры достигают 45—60 см. Рассматривая функциональное назначение, также отметим и несколько находок, сопровождавшихся бусинами закрепленными на черене (Лехч-Корт); бусины-навершия были отмечены и погребениях в Чонград-Кендерфелдек, погр. 136, и в могильнике Дружное 3. Положение клинков в погребениях также самое разное: помимо широко распространенного положения острием вверх, прослежено на многих могильниках в Крыму, там же известен случай расположения клинка острием к ногам вдоль руки (Лучистое, погр. 88). Вторичное использование оружия в эпоху переселения народов отмечено и для других типов вооружения. Так, например, К. Чарнецкая выделила группу так называемых копий-мечей (Czamecka 2010). В последнее время их находки прослеженные, от Лебедевки в Приуралье до территории пшеворской культуры в Польше, дополнились и находкой из Белгородской области России (рис. 3).

№4. 2014

Подобные предметы вооружения обычно довольно массивны, в их конструкции используется крупная втулка, зачастую богато декорированная, лезвие закрепляется в ней глубоко при помощи заклепок. Очевидно, что для надежного крепления длинного лезвия на древке используется именно втульчатая конструкция, на которой в некоторых случаях закрепляется обломок меча.

Вторичное использование клинков в разных вариациях известно как в так называемом германском Барбарикуме, так и на территории Сарматии. Обломанные спаты могли затачиваться на конце (Хрустальное, Зеленоградский район Калининградской обл.; Четук, Теучежский район Адыгеи), ремонтироваться в случае облома рукояти — они приклепывались либо приваривались (Ягнятин, Ружинский район Житомирской обл.; Федоровка, бывш. Бузулукский район Куйбышевской обл.). Отдельно следует отметить случаи изготовления из обломков спат наконечников копий. От деревянных рукоятей обычно сохраняются деревянные пластины, сильно выступающие на лезвие. Только на находке из клада в Словении (Лимберк над Велико Рачно) в хвостовике имелось отверстие для закрепления рукояти, второе отверстие находилось в 3—4 см ниже перекрестия уже на лезвии, как раз там, где оканчивались деревянные планки у находок из крымских погребений (Храпунов 2010: рис. 4—7; Контны, Савеля 2006: рис. 2: 1; 3: 6; 7:1), — нигде в других местах отверстия на таких клинках не известны. В то же время, на мечах этого периода рукояти обычно не настолько примитивны. И хотя хорошо сохранившихся рукоятей крайне мало, их следов на «кинжалах с вырезами» неизвестно.

Интересно отметить, что в двух случаях подобные клинки известны в составе кладов с хозяйственным инвентарем — Лимберк (Словения) и Калиновка (Одесская обл.). Отдельные погребения являются исключениями, а часть из них относится к скифо-сарматской традиции (Николаевка, Петроаселе). Исключение составляют кремации из Ханешт и Дрэгэнешть.

Вторичное использование длинноклинкового оружия известно как на германских территориях (Miks 2007: Taf. 115, 116), так и на территории черняховской культуры (Магомедов, Левада 1996: рис. 2: 8). И если копья, сделанные из обломков мечей, и мечи с приклепанными (ремонтированными) рукоятями вполне пригодны к использованию в бою, то короткие клинки с вырезами, судя по имеющимся находкам, имели крайне неудоб-

ные примитивные рукояти. Конструктивные аналогии «кинжалам с вырезами» известны в этнографических материалах более позднего периода — так, они использовались в XVIII—XIX вв. компанией Гудзонова залива (Hudson's Bay Company, HBC), которая в промышленных масштабах изготавливала короткие кинжалы с вырезами, предназначенные для продажи североамериканским аборигенам. Для качественного закрепления подобной рукояти там использовались заклепки, однако известны и рукояти, обмотанные кожаными шнурками (Garnier, Lebedynsky, Daynes 2006—2007: 164, fig. 3). Использование большинства клинков рассматриваемого типа возможно только в ближнем бою, в рукопашной схватке, учитывая их небольшую длину. Использование их в кавалерийском бою, ввиду этого факта, представляется маловероятным. Использование трофейных мечей европейской римско-германской традиции на Северном Кавказе фиксируется и в более ранний период. Так, III в. н.э. может датироваться погребение с обломком многодольной спаты из кургана Четук. Надежно датированной серии клинков с вырезами, относящихся к III в., все нет. Наиболее ранними М.Е. Левада считает находки рубежа III—IV вв. из Западного Прикаспия (Левада 2013: 174). В то же время Ю.П. Зайцев упоминает о находке подобного кинжала в Крыму, в яме 7 на городище Алма-Кермен (Заветное) с заполнением из узкогорлых светлоглиняных амфор типа D, относящейся к горизонту А, датирующемуся первой половиной-серединой III в. н.э. (Зайцев и др. 2006). По-видимому, традиция использования таких клинков появляется локально и широко распространяется по Кавказу и на других территориях только в IV в. За пределами Северного Кавказа она прекращается не позднее V века, однако на ряде могильников в районе Туапсе фиксируется вплоть до VII в., где известны находки в комплексах с геральдической garniturой (Левада 2007: 194).

Версия о том, что кинжалы с вырезами были древковым оружием, учитывая вышеописанные факты, представляется малодоказательной — скорее, их следует считать клинковым оружием. При этом более тщательные исследования в дальнейшем, на наш взгляд, могут подтвердить, было ли изготовление клинков из обломков длинных мечей широко распространенным явлением, или это лишь единичные случаи.

Попадание кинжалов с вырезами далеко на север может быть связано с ситуацией конца IV — начала V вв., когда письменные источники фиксируют тесный контакт аланов

Таблица 1.
Каталог находок клинков с вырезами на территории черняховской культуры и в пограничных северных областях

№	Памятник, регион	Тип памятника	Культурная принадлежность	Категория вооружения	Размеры	Обстоятельства находки	Датировка	Хранение	Публикация
Россия									
1	Картамышево/Каменка (Курская обл., Обоянский р-н)	неизвестно	вероятно, черняховская культура	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	длина 42,8 см, ширина 4,6 см, длина хвостовика 4,4 см, сечение шестигранное	случайная (2011 г.)	2-я пол. IV — 1-я пол. V вв.	Курский государственный областной археологический музей	ранее не опубликован, катрирован: Левада 2013: рис. 2
2	Красивая Меча (Тульская обл., Ефремовский р-н)	неизвестно	неизвестно	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	длина 40,7 см, ширина 4,6 см, длина хвостовика 6 см, сечение шестигранное многоугольное: с одной стороны две узкие канавки, с другой семь в центральной части	случайная (конец XX в.)	2-я пол. IV — 1-я пол. V вв.	Фонды Ефремовского краеведческого музея (утерян до 2003 г.)	Разуваев 1993: 111—115; Обломский 2001: 130, рис. 6: 1 (в данной публикации рисунок полностью не соотносится с реальной вещью)
3	Пены (Курская обл., Курчатовский р-н)	поселение (раскопки автора 2007 — по н.в.)	черняховская культура	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	длина 26,5 см, ширина 3,4 см, длина хвостовика 6,1 см, сечение шестигранное	раскопки усадьбы 2, возле постройки 1 под дёрном (2011 г.)	3-я четверть — конец IV в.	Фонды Курчатовский городской краеведческий музей	Радюш 2012: рис. 4; Радюш, Щеглова 2013: 36
4	Рондественский V Рондественский (Татарстан, Лаишевский р-н)	грунтовый могильник (раскопки П.Н. Старостина 1971—1976)*	азелинская культура	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	длина 43 см, ширина ок. 4 см, длина хвостовика ок. 5,5 см, сечение (?). На лезвии прослежены остатки дерева.	в погребении располагался острием вниз, возле правого бедра	конец IV — начало V в.	Музей археологии республики Татарстан при институте археологии Республики Татарстан, г. Казань	Старостин 1981: рис. 2: 14; Старостин 2009: 57, рис. 16: 6
5	Савск (Брянская обл., Севский р-н)	неизвестно	неизвестно	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	длина 38,7 см, ширина 4,6 см, длина хвостовика 5,5 см, сечение шестигранное (на поверхности визуально заметна волнообразная структура металла — вероятно, клинок дамаскированный)	случайная (1959 г.)	IV — начало V вв.	Фонды Севского районного краеведческого музея (на экспозиции позднего средневекового вооружения). Шифр СКМ-22	ранее не опубликован

* Погр. № 75, труположение с северо-западной ориентировкой. Сопровожающий инвентарь: семь костяных наконечников стрел, удила, поясной набор.

№4. 2014

Таблица 1 (продолжение).

№	Памятник, регион	Тип памятника	Культурная принадлежность	Категория вооружения	Размеры	Обстоятельства находки	Датировка	Хранение	Публикация
Украина									
6	Городок-Николаевка/Хозацкое (Херсонская обл., Бериславский р-н)	могильник (раскопки: М. Эберт в 1912 г., Э.А. Симонович в 1966)**	позднекиевский (8 погребений)	короткий клинок с остатками дерева от ножен (вырезы не проследены вследствие сильных окислов, положение в могиле аналогично кинжалам с вырезами острием вверх возле руки)	длина ок. 38 см, ширина ок. 4,4 см, длина хвостовика ок. 6 см, сечение (?)	могила с заплечиками, ориентирован на север	2-я пол. IV в.	ГИМ (?)	Симонович 1969: 74—80
7	Калиновка (Одесская обл., Коминтерновский р-н)	неизвестно	черняховская культура (?)	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	нет данных	клад ремесленных и сельскохозяйственных орудий (серп, тесла, топоры, зубило)	2-я пол. IV — V вв.	Фонды Одесского археологического музея (экспозиция)	не опубликовано, сообщение А.В. Васильева, картирован Левада 2013: рис. 2
8	Каменские Кучугуры (Запорожская обл., Каменско-Днепровский р-н)	неизвестно	неизвестно	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	неизвестно	случайная	IV — начало V вв.	место хранения не установлено	Хазанов 1970: 116; Souffault 1996: 69
9	Карашина (Черкасская обл., Корсунь-Шевченковский р-н)	не установлен	неизвестно	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	длина 23 см, ширина 3 см, длина хвостовика ок. 4 см, сечение шестигранное	случайная	IV — начало V вв.	Корсунь-Шевченковский музей	Левада 2007: рис. 3: 6
10	Курчи (Одесская обл., Болградский р-н)	могильник***	поздне-сарматский	клинок с двумя вырезами у основания рукояти	нет данных	подкурганное захоронение?	IV в.	Одесский археологический музей	Симонович 2010: 51, 60

** Погр. № 20, труположение. Сопровождающий инвентарь: у головы — большой каменный точильный брусок, железный нож, удила, шильце, костяной гребень, скрепленный железными гвоздиками, с полукруглым выступом на спинке. Второй железный нож лежал у бедра. В ногах — железный наконечник ногайки овальной формы со следами древесного тлена. Около груди было золотое кольцо с незамкнутыми концами. Кроме того, найдены две бронзовые пряжки и круглая бусина из синего стекла у запястья левой руки. Под поясницей сохранились чешуйки железа, возможно, от панцирной пряжки.

*** Курган 16 (?), подкурганное труположение. Сопровождающий инвентарь: вместе с мечом 3-го типа по А.М. Хазанову и амфорами типа F по Д.Б. Шелову.

Таблица 1 (продолжение).

№	Памятник, регион	Тип памятника	Культурная принадлежность	Категория вооружения	Размеры	Обстоятельства находки	Датировка	Хранение	Публикация
11	Матронинское (Черкасская обл., Чигиринский р-н)	поселение	неизвестно	три клинка с вырезами у основания рукоятки	1) длина 23 см, ширина 3 см, длина хвостовика 5 см, сечение (?); 2) длина 28 см, ширина 4 см, длина хвостовика 6 см, сечение (?); 3) длина 26 см, ширина 4,5 см, длина хвостовика 6,5 см, сечение шестигранное (?)	случайные находки, подземный материал экспедиции 1995 г. с поверхности поля		Черкасский краеведческий музей (?)	Магомедов, Левада 1996 рис.3, 8 (по сообщению С. С. Бессоновой и С. А. Скорого); Левада 2007: рис. 3: 1—3
12	Пастырское (Черкасской обл., Смелянский р-н)	поселение	неизвестно	клинок с двумя вырезами у основания рукоятки	длина 44 см, ширина 3,4 см, длина хвостовика 6 см, сечение шестигранное (?)	случайная находка, до 1917 г.	IV—V вв.	Фонды НМИУ, археологический каталог, т. 1, книга 2, шифр в.4574	Древности Приднепровья, 1899: табл. II: 58; Магомедов, Левада 1996: рис. 3: 3
13	Седнев (Черниговская обл., Черниговский р-н)	не установлено	неизвестно	клинок с двумя вырезами у основания рукоятки	длина ок. 35 см, ширина ок. 4 см, длина хвостовика ок. 6 см, сечение шестигранное с двумя узкими долами (?)	случайная находка в поле кургана XIII в.	IV—V вв.	нет данных	Левада 2007: рис. 3: 9
14	Сенна (Полтавская обл., Лохвицкий р-н)	не установлено	неизвестна	клинок с двумя вырезами у основания рукоятки	длина ок. 35 см, ширина ок. 4 см, длина хвостовика ок. 6 см, сечение шестигранное	случайная находка, при установке буровой вышки на одном из островов Сулы	IV—V вв.	нет данных	Левада 2007: рис. 3: 7
15	Сквородиновка (Харьковская обл., Золочевский р-н)	поселение	черняховская культура	клинок с двумя вырезами у основания рукоятки	длина 21,6 см, ширина 3,7 см, длина хвостовика 5,5 см, сечение линзовидное (?)	сборы с поверхности, 2008 г.	2-я пол. IV — начало V вв.	школьный музей г. Харьков (?)	Дідик 2008: 79—82
16	Флёрковка (Черкасская обл., Наменский р-н)	неизвестно	неизвестно	два клинка с парными вырезами у основания рукоятки	1) длина 33,5 см, ширина ок. 4,5 см, длина хвостовика ок. 6 см, сечение шестигранное; 2) длина ок. 26 см (острие обломано), ширина ок. 4,3 см, длина хвостовика 3,5 см, сечение шестигранное	случайная находка, из коллекции Б. Н. и В. И. Ханенко	IV—V вв.	НМИУ (3-1608)	Древности Поднепровья 1901: 26, таб.1: 6, 7; Левада 2007: рис. 3: 4, 5

Таблица 1 (окончание).

№	Памятник, регион	Тип памятника	Культурная принадлежность	Категория вооружения	Размеры	Обстоятельства находки	Датировка	Хранение	Публикация
Молдова									
17	Будешть/ Budești (муниципий Кишинев, сектор Чеканы; бывш. Кривулянский р-н)	поселение	черняховская культура	кинжол с двумя вырезами у основания рукоятки	длина 34,5 см	слой поселения	2-я пол. IV — начало V вв.	Национальный музей истории Молдовы	Рикман 1960: 129, рис.19: 2, 3; Шербанова, Чеботаренко 1974: 98—99, рис. 3: 1
18	Рудь/ Rudi (Сорокский р-н)	ранне-средневековое славянское поселение VIII—IX вв.		кинжол с двумя вырезами у основания рукоятки	длина 39 см, ширина ок. 4 см, длина хвостовика ок. 5 см, сечение ромбическое (?)	постройка 8	(?)	нет данных	Бейлекчи 1986: 105, рис. 2: 8
Румыния									
19	Дрэгэнешть/ Drăgănești-Olt (уезд Олт)	могильник (13 труположений)****	черняховская культура	кинжол с двумя вырезами у основания рукоятки, сохранились следы деревянных ножен	длина 33,5 см, ширина ок. 4 см, длина хвостовика ок. 5,5 см, сечение (?)		конец III — начало IV вв.	нет данных	Trohani, Zorziolu 1983: 214, 216, fig. 5: 1
20	Петроаселе/ Pietroasele (уезд Васлуй)	биприальный могильник (22 ТП, 2 ТС) 1973, 1999—2002)*****	черняховская культура	кинжол с двумя вырезами у основания рукоятки	длина — ок. 27 см, ширина — ок. 4,3 см, длина хвостовика — 1,5 см (обломан), сечение — (?)	Погребение 9 грунтового могильника, (трупоположение с южной ориентировкой)	3-я четверть IV в.	нет данных	Diacoli, Tzolu, Constantinescu, Drambocianu 1977: fig. 24: 2
21	Яссы-Николина/ Iași-Nicolina (г. Яссы)	поселение	черняховская культура	кинжол с двумя вырезами у основания рукоятки	длина 34,7 см, ширина ок. 4 см, длина хвостовика ок. 6 см (в распрямленном состоянии) сечение однодольное симметричное, дол широкий	слой поселения, сектор С	2-я пол. IV — 1-я пол. V вв.	нет данных	Ionita 1985: fig. 12: 2

**** Погр. 9, трупоположение, северная ориентировка. Сопровождающий инвентарь: миска лепная, гончарный кувшин с обломанной ручкой и верхом, пряслице, железный игольник, обломки железных и бронзовых изделий — вероятно, пряжки и фибулы. Язычок трапезцевидной формы.

***** Погр. 9, трупоположение, могила с южной ориентировкой. Сопровождающий инвентарь: на груди находился сильно коррозированный железный предмет, на правой стороне таза пряжка, возле левой руки в районе таза железный нож. На костях таза серебряная монета Констанция II. Среди костей обломки сероглиняного высокогорлого кувшина.

и германцев. В соответствии с данными письменных источников, внука Германариха воспитывали вожди с характерными именами Алатей и Сафрак, а аланская конница в решающий момент пришла на подмогу и решила судьбу битвы при Адрианополе. Для раннего этапа Переселения народов (фазы D2) маркерами проникновения кочевников на север могут быть т.н. «княжеские погребения» с характерным набором вещей и вооружения: Большой Каменец («Старосуджанские» клады), Паники (Обоянский клад), Поршино, — явно выпадающие из контекста местных культур позднеримского времени. Вместе с ними клинки с вырезами могут свидетельствовать и о проникновении алан глубоко на север именно в форме дружин, сопровождающих своих предводителей. Северная граница их распространения, судя по имеющимся данным: линия, проходящая по северу Черниговской, юго-востоку Брянской, центру Курской, юго-востоку Тульской области. Все изученные находки — это обломки длинных мечей-спат, часть из которых — характерные для европейской оружейной традиции многодольные. И если на территориях, заселенных выходцами с Кавказа, они попадают в качестве приношений в погребения, то на остальных территориях они связаны с проводимыми ритуалами и демонстрируют направления походов аланов.

Конструкция рукояти, судя по имеющимся археологическим данным, была достаточно простой и не предполагала защиты руки. Также сомнительно именно функциональное предназначение вырезов, если они не использовались для крепления рукояти. Вырезы име-

ют разные размеры, а в ряде случаев лишь обозначены. Вполне вероятно, что клинки совершенно не предназначались для боя. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что подобная модель меча, изготовленная из трофейного оружия, могла быть неким элементом воинских культов каких-то группировок, связанных с аланской традицией, поэтому они попадали в погребения. За пределами кавказского и крымского ареалов эти находки могли быть связаны с жертвоприношениями и отправлением этого культа — в этом мы согласимся с венгерскими коллегами (см. Иштванович, Кульчар 2009: 150). Возможно, они символизировали меч, и не исключено, что производились для ритуальных целей из добытого в бою трофея (во всяком случае, это можно предположить для находок с территории Поднепровья и Подонья). Распространились они с выходцами из Северо-Восточного Кавказа на запад в Причерноморье и Крым, и далее — на территорию Карпатской котловины и Приднепровья. В качестве наблюдения отметим, что в Причерноморье и на Кавказе эти находки в основном связаны с погребениями, тогда как в черняховском ареале, в Прикарпатье, во Франции они в большинстве случайные. Так, в трех случаях они были найдены на дне реки или озера, и это также может указывать на их ритуальный характер. Применяемый в отношении подобных клинков термин «кинжалы» или «короткие мечи», так же как и отнесение этой категории к боевому оружию, представляется весьма условным, но возможным вплоть до появления более надежных свидетельств об их функциональном назначении.

Литература

- АКР Курской обл. 2000: *Археологическая карта России. Курская область 2*. 2000. Москва: ИА РАН.
- Бейлекчи В.С. 1986. Раскопки славянского поселения Рудь в 1981—1982 гг. *Археологические исследования в Молдавии в 1982 г.* Кишинёв, 96—115.
- Воронятов С.В., Горячев И.О. 2014. Первые находки черняховской керамики в Брянской области. В: Демиденко О.М. (отв. ред.). *Археологические исследования 2013 г. в еврорегионе «Днепр»*. Брянск, в печати.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Таманский полуостров и Северо-Восточное Причерноморье. Раннесредневековые древности побережья. *Древности V—VII веков*. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века. Археология*. Москва: Наука. 191—193, 240—245.
- Дідик В.В. 2008. Знахідка кинджала «меотського» типу на Харківщині. В: *Слобожанське культурне надбання: зб. ст. молодих учених* (1). Харків, 79—82.
- Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. В: *Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков*. Москва: Наука, 69—106.
- Зайцев Ю.П., Волошинов А.А., Масякин В.В. 2006. *Отчет о раскопках городища Алма Кермен у с. Заветное в Бахчисарайском районе АРК в 2005 г.* Симферополь: Крымский филиал ИА НАНУ.
- Иштванович Э., Кульчар В. 2009. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне. В: Фурасев А.Г. (науч. ред.). *Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 143—151.
- Каминский В.Н., Каминская-Цокур И.В. 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье. *Историко-археологический альманах 3*, 61—69.
- Контны Б., Савеля Д.Ю. 2006. Вооружение из могильника в Килен-Балке. *МАИЭТ XII* (1), 129—160.
- Кренке и др. 2010: Кренке Н.А., Ершов И.Н., Зайдов О.Н., Козмирчук И.А. 2010. Раскопки селищ второй четверти I тыс.н.э. Благодать и Ново-Красивое на р. Красивая Меча. В: Гавритухин И.О., Воронцов А.М. (ред.). *Лесная и лесо-*

№4. 2014

- степная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2. Ч. 1. Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле», 131—144.
- Левада М.Е. 2006. Кинжалы типа Хазанов-V в Среднем Поднепровье. *Боспорские чтения VII. Боспор Киммерийский и варварский мир в античности и средневековье. Окоф. Керчь: Керченский государственный историко-культурный заповедник*, 192—199.
- Левада М.Е. 2013. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы. В: Храпунов И.Н. (науч. ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)*. 1. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 171—187.
- Магомедов Б.В., Левада М.Е. 1996. Оружие черняховской культуры. *МАИЭТ V*, 304—323, 558—566.
- Мыц и др. 2006: Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. 2006. *Чатыр-Даг — некрополь римской эпохи в Крыму*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Обломский А.М. 1999. О ритмах развития лесостепного Поднепровья и Подонья в позднееримское и гуннское время. В: Бессуднов А.Н. (ред.). *Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий*. Липецк, 127—133.
- Обломский А.М. 2001. О памятниках лесостепного Подонья позднееримского времени. В: *Верхнедонской археологический сборник 2*. Липецк: Успехинфо, 122—140.
- Обломский А.М. 2004. Раскопки поселения позднееримского времени на реке Красивая Меча (бассейн Дона). *КСИА 217*. Москва, 79—94.
- Обломский А.М. 2007. Лесостепное Подонье. *Раннеславянский мир 9. Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э.* Москва, 73—132.
- Обломский А.М., Терпиловский Р.В. 2010. Новые памятники киевской культуры на территории Украины (каталог). В: Исланова И.В. (ред.) *Раннеславянский мир 13. Археология Восточной Европы в I тысячелетии н.э.: проблемы и материалы*. Москва, 301—374.
- Порох А.Н., Пьянков А.В. 1999. Кинжалы с вырезами у рукояти из могильника Бжид-1 (хронологический и технологический аспекты изучения). *Донская археология (3—4)*, 115—121.
- Радюш О.А. 2012а. Вооружение III — нач. V вв. н.э. с черняховских поселений Курского Посемья. *Stratum plus (4)*, 139—155.
- Радюш О.А. 2012б. Новые данные о культурных трансформациях конца IV—V вв. на границе лесостепи и леса на Днепровском Левобережье. В: Щеглова О.А. (ред.). *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 188—193.
- Радюш О.А., Щеглова О.А. 2013. *Волниковский «клад»*. Курск: КГОМА.
- Разуваев Ю.Д. 1993. Случайные археологические находки в бассейне Красивой Мечи. В: Мамонтов В.И. (ред.). *Древности Волго-Донских степей 3*. Волгоград: ВГУ, 111—115.
- Розанова Л.С., Терехова Н.М. 2004. Технология изготовления железного оружия из раннесредневекового могильника на реке Дюрсо возле Новороссийска. *КСИА 216*, 47—59.
- Саидов В.А. 2012. Кинжалы с боковыми вырезами у основания клинка из Дагестана. В: Гаджиев М.С. (отв. ред.). *Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации (XXVII Крупновские чтения)*. Махачкала: Мавраевъ, 378—380.
- Симоненко А.В. 2008. Тридцать пять лет спустя. Послесловие-комментарий. В: Хазанов А.М. *Избранные труды: очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 238—286.
- Симоненко А.В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. *МИА 33*, 123—196.
- Старостин П.И. 1981. Памятники предболгарского типа. В: *Плиска-Преслав 2*. София: БАН, 82—91.
- Старостин П.Н. 2009. Рождественский V могильник. В: Бугров Д.Г. (отв. ред.). *Археология Евразийских степей 9*. Казань: Институт истории АН РТ.
- Схатум Р.Б. 2004. О назначении вырезов у рукояти на кинжалах V—VII вв. *Магистеріум 2*. Краснодар: КГУКИ, 40—47.
- Сымонович Э.А. 1969. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днепре. *КСИА 119*, 74—80.
- Хазанов А.М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1899. *Древности Приднепровья*. Вып. II. *Эпоха, предшествующая великому переселению народов*. Киев: С.В. Кульженко.
- Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1902. *Древности Приднепровья*. Вып. V. *Эпоха славянская (VI—XIII вв.)*. Киев: С.В. Кульженко.
- Храпунов И.Н. 2002. *Могильник Дружное (III—IV вв. нашей эры)*. Lublin: UMCS-press.
- Храпунов И.Н. 2010. Оружие из могильника Нейзац. В: Urbaniak A., Prochowicz R. (red.). *Terra Barbarica (Studia ofiarowane Magdalenie Mączynskiej w 65. rocznicę urodzin)*. Łódź; Warszawa, 535—555.
- Barat Y., Soulat J., Gauduchon S. 2009. La présence d'un établissement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? *Antiquités nationales 40*, 183—192.
- Czamecka K. 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich. *Wiadomości Archeologiczne LXI*, 111—132.
- Diaconu G., Tzony M., Constantinescu M., Drămbocianu V. 1977. L'ensemble arcéologique de Pietroasele. *Dacia XXI (1—2)*. Bucarest, 199—220.
- Garnier J-F., Lebedynsky I., Daynes M. 2006—2007. Deux poignards Sarmato-Alains en Lot-et-Garonne. *Antiquités nationales 38*, 161—168.
- Ioniță I. 1985. Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul RS România. *Arheologia Moldovei 4*.
- Miks C. 2007. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. In: Fischer T. (Hrsg.). *Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen 8*. Katalog und Tafeln. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Párducz M. 1959. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 11*. Budapest, 309—398.
- Ščukin M.B. 1993 A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains a l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Rouen, 323—333.
- Soupault V. 1996. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et epees à encoches (IV—VIIe s.). *МАИЭТ 5*, 60—76, 486—492.
- Trohani G., Zorzoliu T. 1983. O necropolă din sec. al IV-lea e.n. descoperită la Drăgănești-Olt. *Cercetari arheologice VI*. București, 209—223.

References

- Arkheologicheskaya karta Rossii. Kurskaia oblast' (Archaeological map of Russia. Kursk region) 2. 2000. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Beilekchi, V. S. 1986. In *Arkheologicheskie issledovaniia v Moldavii v 1982 g.* (Archaeological researches in Moldova in 1982). Kishinev, 96—115 (in Russian).
- Voronyatov, S. V., Goryachev, I. O. 2014. In *Arkheologicheskie issledovaniia 2013 g. v evroregione «Dnepr»* (Archaeological investigations of 2013 in the euroregion "Dnieper"). Bryansk, in print (in Russian).
- Gavritukhin, I. O., Pyankov, A. V. 2003. In *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia. IV—XIII veka. Arkheologiya (Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages, 4th—13th centuries)*. Moscow: Nauka. 191—193, 240—245 (in Russian).
- Didyk, V. V. 2008. In *Slobozhans'ke kul'turne nadbannya: zb. st. molodykh uchenykh (Slobodjanian cultural heritage: a compilation of articles of young scientists)* (1). Kharkiv, 79—82 (in Ukrainian).
- Dmitriev, A. V. 1982. In *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V—VIII vekov (Antiquities of the Great Migrations epoch in the 5th—8th centuries AD)*. Moscow: Nauka, 69—106 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P., Voloshinov, A. A., Masyakin, V. V. 2006. *Otchet o raskopkakh gorodishcha Alma Kermen u s. Zavetnoe v Bakhchisaraiskom raione ARK v 2005 g.* (Report on the excavations of the Alma Kermen fortified settlement near the village of Zavetnoe in the Bakhchisarai district of Crimea Autonomous Republic in 2005). Simferopol: Crimea Branch of History Institute, Ukraine National Academy of Sciences (in Russian).
- Istvánovits, E., Kulcsár, V. 2009. In *Gunny, goty, sarmaty mezdu Volgoi i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between Volga and Danube)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 143—151 (in Russian).
- Kaminsky, V. N., Kaminskaya-Tsokur, I. V. 1997. In *Istoriko-arkheologicheskii al'manakh (Historical-archaeological almanac)* 3, 61—69 (in Russian).
- Kontny, B., Savelya, D. Yu. 2006. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii i Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* XII (I), 129—160 (in Russian).
- Krenke, N. A., Ershov, I. N., Zaidov, O. N., Kozmichuk, I. A. 2010. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliianii i Velikogo pereseleniia narodov (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations)* 2 (1). Tula: GVI-PMZ «Kulikovo pole», 131—144 (in Russian).
- Levada, M. E. 2006. In *Bosporskie chteniia (Bosporan readings) VII. Bospor Kimmeriyskiy i varvarkiy mir v antichnosti i srednevekov'e (Cimmerian Bosporus and barbarian world in Antiquity and Middle Ages)*. Oukoc. Kerch: Kerchenskii gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi zapovednik, 192—199 (in Russian).
- Levada, M. E. 2013. In *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. — IV v. n. e.) (Crimea in the Sarmatian time (2nd century BC — 4th century AD))* 1. Simferopol; Bakhchysarai: Dolia, 171—187 (in Russian).
- Magomedov, B. V., Levada, M. E. 1996. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii i Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* V, 304—323, 558—566 (in Russian).
- Myts, V. L., Lysenko, A. V., Shchukin, M. B., Sharov, O. V. 2006. *Chatyr-Dag — nekropol' rimskoi epokhi v Krymu (Chatyr-Dag — a necropolis from Roman time in Crimea)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 1999. In *Arkheologiya Tsentral'nogo Chernozem'ia i sopredel'nykh territorii (Archaeology of the Central black earth region and the adjacent territories)*. Lipetsk, 127—133 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2001. In *Verkhnedonskoi arkheologicheskii sbornik (Upper Don archaeological compilation)* 2. Lipetsk: Uspekh-info, 122—140 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2004. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk USSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 217. Moscow, 79—94 (in Russian).
- Oblomskii, A. M. 2007. In *Ranneslavianskii mir (Early Slavic world)* 9. Moscow, 73—132 (in Russian).
- Oblomskii, A. M., Terpilovskii, R. V. 2010. In *Ranneslavianskii mir (Early Slavic world)* 13. Moscow, 301—374 (in Russian).
- Porokh, A. N., Pyankov, A. V. 1999. In *Donskaia arkheologiya (Don archaeology)* (3—4), 115—121 (in Russian).
- Radjush, O. A. 2012. In *Stratum plus Archaeology and Cultural Anthropology* (4), 139—155 (in Russian).
- Radjush, O. A. 2012. In *Slaviane Vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva (Slavs of Eastern Europe before the formation of Ancient Russian state)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 188—193 (in Russian).
- Radjush, O. A., Shcheglova, O. A. 2013. *Volnikovskii «klad» (Volnikovka "treasure")*. Kursk: Kursk State Regional Museum of Archaeology (in Russian).
- Razuvaev, Yu. D. 1993. In *Drevnosti Volgo-Donskikh stepei (Antiquities of the Volga-Don steppes)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 111—115 (in Russian).
- Roanova, L. S., Terekhova, N. M. 2004. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk USSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 216, 47—59 (in Russian).
- Saidov, V. A. 2012. In *Noveishie otkrytiia v arkheologii Severnogo Kavkaza: Issledovaniia i interpretatsii (XXVII Krupnovskie chteniia) (The latest archaeological discoveries in the Northern Caucasus: researches and interpretations. The XXVIIth Krupnov's readings. Proceedings of the international scientific conference)*. Makhachkala: "Mavraev", 378—380 (in Russian).
- Simonenko, A. V. 2008. In *Khazanov A. M. Izbrannye trudy: ocherki voennogo dela sarmatov (Selected works: essays on Sarmatian warfare)*. Saint Petersburg: SPSU, 238—286 (in Russian).
- Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian riders of the Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: SPSU (in Russian).
- Sokolskii, N. I. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR)* 33, 123—196 (in Russian).
- Starostin, P. I. 1981. In *Pliska-Preslav (Pliska-Preslav)* 2. Sofia: BAN, 82—91 (in Russian).
- Starostin, P. N. 2009. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian steppes)* 9. Kazan: Institut istorii AN RT (in Russian).
- Skhatum, R. B. 2004. In *Magisterium (Magisterium)* 2. Krasnodar: KGUKI, 40—47 (in Russian).
- Symonovich, E. A. 1969. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk USSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 119, 74—80 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian warfare)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1899. *Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of Dnieper region) (II). Epokha, predshestvuiushchaia velikomu pereseleniiu narodov (The epoch before the Great Migrations)*. Kiev: S. V. Kul'zhenko (in Russian).
- Khanenko, B. N., Khanenko, V. I. 1902. *Drevnosti Pridneprov'ia (Antiquities of Dnieper region)*. Vol. V. *Epokha slavianskaia (VI—XIII vv.) (Slavic epoch (6th—13th centuries))*. Kiev: S. V. Kul'zhenko (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III—IV vv. nashey ery) (Druzhnoe necropolis (3rd—4th centuries AD))*. Lublin: UMCS-press (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2010. In *Terra Barbarica (Studia ofiarowane Magdalenie Mączyńskiej w 65. rocznicę urodzin)*. Łódź: Warszawa, 535—555 (in Russian).
- Barat, Y., Soulat, J., Gauduchon, S. 2009. La présence d'un établis-

№4. 2014

- sement germanique au début du Ve siècle à Flins-sur-Seine (Yvelines)? *Antiquités nationales* 40, 183—192.
- Czarnecka, K. 2010. Nietypowe groty włóczni ze schyłku starożytności z ziem polskich. *Wiadomości Archeologiczne* LXI, 111—132.
- Diaconu, G., Tzony, M., Constantinescu, M., Drămbocianu, V. 1977. L'ensemble arcéologique de Pietroasele. *Dacia* XXI (1—2). Bucarest, 199—220.
- Garnier, J-F., Lebedynsky, I., Daynes, M. 2006—2007. Deux poignards Sarmato-Alains en Lot-et-Garonne. *Antiquités nationales* 38, 161—168.
- Ioniță, I. 1985. Contribuții cu privire la cultura Sîntana de Mureș-Cerneahov pe teritoriul RS România. *Arheologia Moldovei* 4.
- Miks, C. 2007. Studien zur römischen Schwertbewaffnung in der Kaiserzeit. In: Fischer T. (Hrsg.). *Kölner Studien zur Archäologie der römischen Provinzen* 8. Katalog und Tafeln. Rahden: Marie Leidorf GmbH.
- Párducz, M. 1959. Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae* 11. Budapest, 309—398.
- Ščukin, M.B. 1993 A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Rouen, 323—333.
- Soupault, V. 1996. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IV—VIIe s.). *МАИЭТ* 5, 60—76, 486—492.
- Trohani, G., Zorzolliu, T. 1983. O necropolă din sec. al IV-lea e.n. descoperită la Drăgănești-Olt. *Cercetări arheologice* VI. București, 209—223.

Статья поступила в номер 8 мая 2014 г.

Oleg Radjush (Moscow, Russia). Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences¹.

Oleg Radjush (Moscow, Russia). Institutul de arheologie al Academiei de Științe a Rusiei.

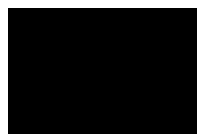
Радюш Олег Александрович (Москва, Россия). Институт археологии Российской Академии наук.

E-mail: radjush@mail.ru

Address: ¹ Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russia

Рим и варвары

Rome and Barbarians
Roma și barbarii

А. В. Симоненко

Шлемы сарматского времени из Восточной Европы

Keywords: East Europe, Sarmatian Age, helmet, calotte, cheek-piece, pseudo-Attic, Montefortino, Pilos, pseudo-Illyric, frame helmet, chronology.

Cuvinte cheie: Europa de Est, epoca sarmatică, coif, calotă, obrăzar, tip pseudo-atic, Montefortino, Pilos, pseudo-iliric, coif pe carcasă, cronologie.

Ключевые слова: Восточная Европа, сарматское время, шлем, тулья, нащечник, псевдоаттический тип, Монтефортино, тип Пилос, псевдоилирийский тип, каркасный шлем, хронология.

O. V. Symonenko

Sarmatian Age Helmets from Eastern Europe

The author studies metal helmets found on barbarian (Sarmatian, late Scythian, Meotic) and antique sites of Sarmatian time (3rd c. BC — 4th c. AD) from South-Eastern Europe. He uses existing typologies of helmets and suggests names for the earlier not distinguished types. The following types of helmets are considered: pseudo-Attic, Montefortino, Pilos, eastern Celtic, antique (Chalkidike, Attic, Weisenau), pseudo-Illyric, conical, frame helmets. Their morphology and origins, chronology of types and finds, ethnic belonging of sites with helmets, contacts and historical context of finds are studied. The author's special attention focuses on debates with opponents regarding the issues of chronology and cultural attribution of sites with helmets.

O. V. Symonenko

Coifurile din epoca sarmatică din Europa de Est

Prezentul articol reprezintă studiul coifurilor metalice din epoca sarmatică (sec. III î.Hr. — sec. IV d.Hr.) din siturile barbare (sarmați, sciți târzii, meoți) și greco-romane din sudul Europei de Est. Autorul utilizează tipologia contemporană a coifurilor, clasificând și unele piese inedite. Sunt discutate următoarele tipuri: pseudo-atic, Montefortino, Pilos, celtic de est, clasic (Chalkis, attic, Weizenau), pseudo-iliric, conic, coifuri pe carcasă. În cadrul studiului, sunt analizate mai multe probleme: morfologia și geneza coifurilor, apartenența etnică a descoperirilor, problemele contactelor și contextului istoric. O atenție specială merită discuția cu oponenții autorului privitor la istoria și afilierea culturală a siturilor cu descoperiri de coifuri.

А. В. Симоненко

Шлемы сарматского времени из Восточной Европы

В статье рассматриваются металлические шлемы из варварских (сарматских, позднескифских, меотских) и античных памятников сарматского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.) юга Восточной Европы. Используются существующие типологии шлемов и предложены названия для ранее не выделявшихся типов. Рассматриваются шлемы таких типов: псевдоаттические, Монтефортино, Пилос, восточно-кельтские, античные (халкидские, аттические, Вайзенау), псевдоилирийские, конические, каркасные. Исследуется морфология и происхождение шлемов, хронология типов и находок, этническая принадлежность памятников со шлемами, вопросы контактов и исторический контекст находок. Немало места уделено дискуссии с оппонентами по вопросам хронологии и культурной принадлежности памятников со шлемами.

Шлемы сарматского времени с территории Восточной Европы рассматривались в работах Б.З. Рабиновича, М.В. Горелика, Е.В. Черненко, В.П. Шилова, Б.А. Раева, М.Ю. Трейстера, А.В. Симоненко, И.И. Марченко, В.Р. Эрлиха и многих других авторов (см. каталог). По происхождению их можно разделить на две основные группы: импортные (с подра-

жаниями) и местные. Шлемы найдены в памятниках сарматов, поздних скифов и меотов или на территориях обитания этих племен; часть находок происходит из античных памятников. Большинство их укладывается в типологические схемы Рассела Робинсона (Robinson), Гётца Ваурика (Waurick), Филиппо Коарелли (Coarelli), Ульриха Шаафа (Schaaff) и др.

Импортные шлемы

Псевдоаттические шлемы¹ имеют следующие типологические признаки: полусферическая тулья с козырьком и назатыльником, иногда с гребнем; рельефный «венец»² по низу фронтальной части, оканчивающийся волютами по бокам тульи; подвижные нащечники с лицевым и подбородочным выступами. Шлемы бронзовые, один железный. В варварских и античных памятниках Восточной Европы найдено 10 экземпляров (см. каталог).

Эти шлемы были известны как «фракийские» (Schröder 1912: 327; Рабинович 1941: 149; Черненко 1968: 88,89). М. В. Горелик предложил именовать их «юногреческими» (Горелик 1983: 25). Гётц Ваурик назвал их «Attischer typ mit Stirnschirm» (аттический тип с козырьком) (Waurick 1988: 169), а Петрос Динцис — «Pseudoattischen Helme» (псевдоаттические) (Dintsis 1986: 113). Действительно, выступающая «стефана» или «венец» на их тулье является как бы негативом вдавленной нижней части аттических и халкидских шлемов IV в. до н. э.

Два таких шлема были найдены на о-ве Мелос (Waurick 1988: 170, Kat. 52, Abb. 47), два — в погребении у Продроми в Эпире (Waurick 1988: 170, Abb. 48,49). Шлемы этого типа, однако с определенными особенностями, происходят из Пергама, района Охридского озера в юго-западной Македонии и Вергины (Waurick 1988: 174, Kat. 51,53, Abb. 64).

Подобные шлемы изображены на Пергамском алтаре (после 180 г. до н. э.), фризе Эмилия Павла в Дельфах (168 г. до н. э.), монете Селевка II Калиника (246—226 гг. до н. э.) (Waurick 1988: 172, Abb. 47—49, 56—58), на глиняных скульптурах воинов из Старой Нисы (Пилипко 1989: 168 сл., рис. 1—8)³.

Г. Ваурик разделил известные ему псевдоаттические шлемы на две группы: склепанные из нескольких элементов и откованные из цельного листа (Waurick 1988: 170). Экземпляры из Восточной Европы (кроме керченского) он включил во вторую группу своей классификации. П. Динцис выделил две

группы на основании разных окончаний «стефана» — литые рельефные детали или волюты (Dintsis 1986: 121 ff.; 125 ff.; Beil. 9). Мы (Раев, Симоненко 2014) предлагаем выделять два типа по конструктивным особенностям: тип 1 — шлемы с гребнем, тип 2 — без него.

Tun 1 объединяет экземпляры из Бубуечь (рис. 1: 1), Керчи (рис. 1: 2), Апостолиди (рис. 1: 3). Предположительно к этому типу отнесены шлемы с разрушенной теменной частью из Каменки-Днепровской (рис. 1: 4) и Краснодарского края (рис. 1: 5), а также фрагмент с Чокракского поселения (рис. 1: 6). Судя по заклепкам вдоль верхнего края, он является частью составного шлема первой группы по Г. Ваурику, а все шлемы этой группы имеют гребень. Из средиземноморских находок к 1 типу относятся шлемы из Продроми (рис. 2: 1, 2), с о-ва Мелос (рис. 2: 3, 4), Охридского озера (рис. 2: 5) и из Вергины (рис. 2: 6).

При общности формы эти шлемы различаются в деталях. У посеребренного шлема из Продроми — «беотийские» складки на тулье; на некоторых экземплярах «стефана» образована выбитыми изнутри верхней и нижней кромками, а у трех (Апостолиди, Каменка-Днепровская и Краснодарский край) ее формируют также выбитые изнутри два валика; у шлемов из Каменки-Днепровской и Краснодара — углубленный П-образный назатыльник, у шлемов с о-ва Мелос, из Продроми, Бубуечь, Апостолиди — «аттический». Нащечники у этих шлемов с двумя округлыми выступами — лицевым и подбородочным; на шлеме из Керчи — с рельефными изображениями. Подобные нащечники найдены в Краснодарском крае (Пьянков, Пономарев 2004: 243, рис. 4: 4; Раев 2007: 375 сл., рис. 1: 2, 3; 3: 1, 2) и изображены на скульптуре из Старой Нисы (Пилипко 1989: 168 сл., рис. 1—8).

Tun 2 — шлемы без гребня. Их немного: Мезмай (рис. 3: 1, 2), Грушевская (рис. 3: 3), Гэвань (рис. 3: 4), Владикавказ (рис. 3: 5). Все шлемы второго типа происходят из Восточной Европы, лишь один (рис. 3: 6) найден близ Бергамы (Пергам).

Тулья этих шлемов полусферическая, гладкая. «Стефаны» их неоднородны: на экземплярах из Гэвань, Грушевской и Бергамы они классической формы — с рельефными кромками, сходящимися в волюты. На шлемах из Мезмая и Владикавказа «стефана» сформирована двумя подтреугольными в сечении валиками и заканчивается неразработанными волютами. На последнем она особой формы — нижний валик повторяет изгиб верхнего.

¹ В этом разделе использованы материалы статьи (Раев, Симоненко 2014).

² П. Динцис аналогичную деталь шлемов типа Пилос называет «стефаной» (Dintsis 1986: 59).

³ Подробная подборка древней иконографии псевдоаттических шлемов приведена Д. П. Алексинским (Алексинский 2008а: 48). К ней можно добавить изображение военного флейтиста в таком шлеме на костяной пластинке из скифского кургана Близна-2 (Ромашко, Скорый 2009: 197, рис. 16, 20).

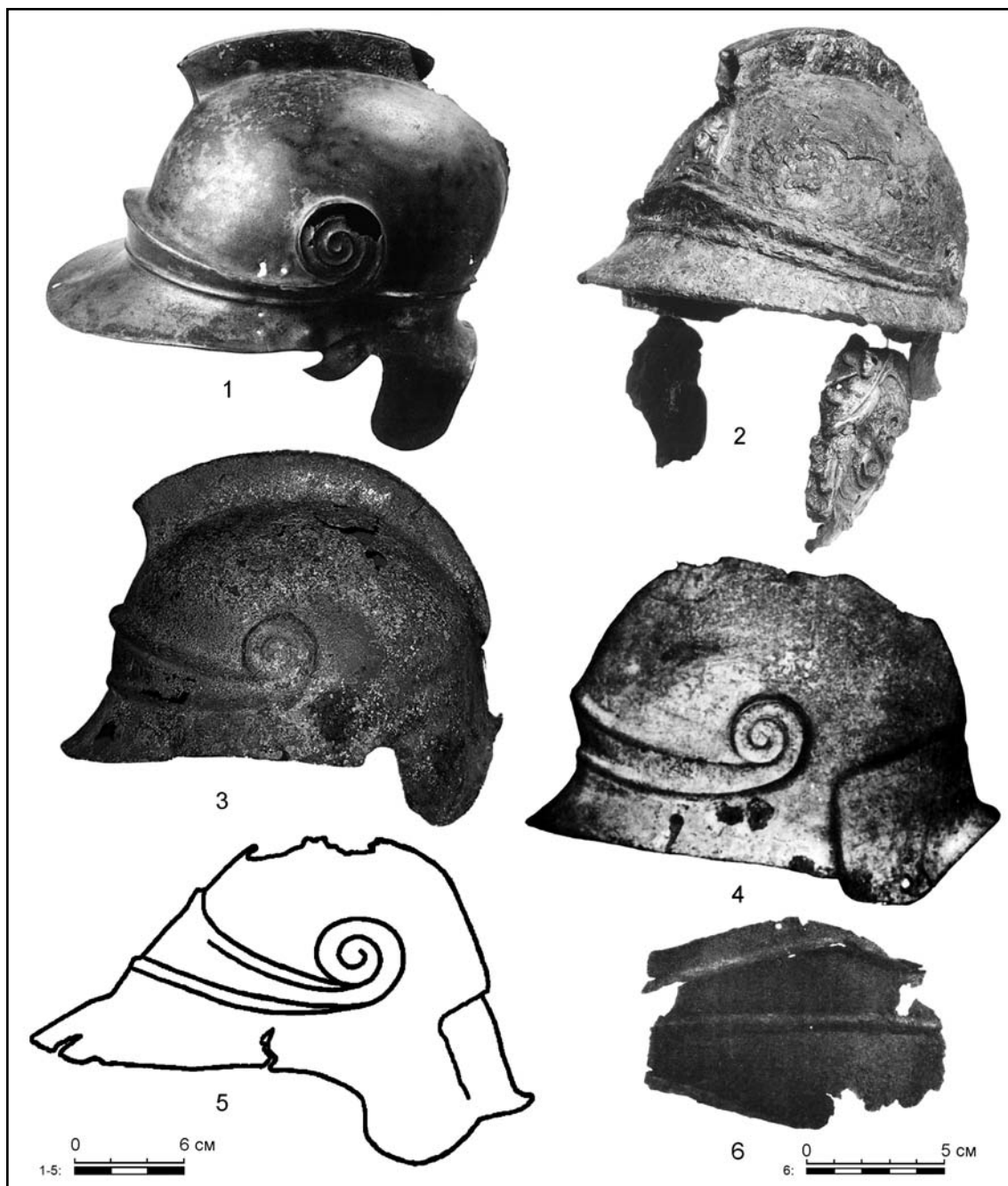

Рис. 1. Псевдоаттические шлемы 1 типа из Северного Причерноморья. 1 — Бубуечи (фото автора); 2 — Керчь (по Алексинский, Гуляева 2007: 108, кат. 60); 3 — Апостолиди (фото Б.А. Раева); 4 — Каменка-Днепровская (по Рабинович 1941: рис. 26); 5 — Краснодарский край (по Анфимов 1981: рис. 5; 6); 6 — Чокракское поселение (по Масленников, Трейстер 1997: рис. 3).

Fig. 1. Pseudo-Attic helmets of the 1st type from the North Pontic region: 1 — Bubueci (photo by author); 2 — Kerch (after Алексинский, Гуляева 2007: 108, кат. 60); 3 — Apostolids (photo by B. A. Raev); 4 — Kamyanka-Dniprovskaya (after Рабинович 1941: рис. 26); 5 — Krasnodar region (after Анфимов 1981: рис. 5; 6); 6 — Tchokrak Cape settlement (after Масленников, Трейстер 1997: рис. 3).

Назатыльники также двух видов — вогнутый П-образный у шлемов из Гэвань, Грушевской и Мезмая и отогнутый «аттический» — у экземпляров из Бергамы и Владикавказа (последний деформирован и частично уничтожен, но характерный отгиб хорошо заметен). У первых двух шлемов — короткий ко-

зырек, у мезмайского и бергамского он едва намечен. В целом, для шлемов этого типа характерен короткий козырек.

На двух шлемах типа 2 сохранились нащечники. Они единого вида: «угловатые», лицевой и подбородочный выступы равной величины. Нашечники шлема из Гэвань «родные»,

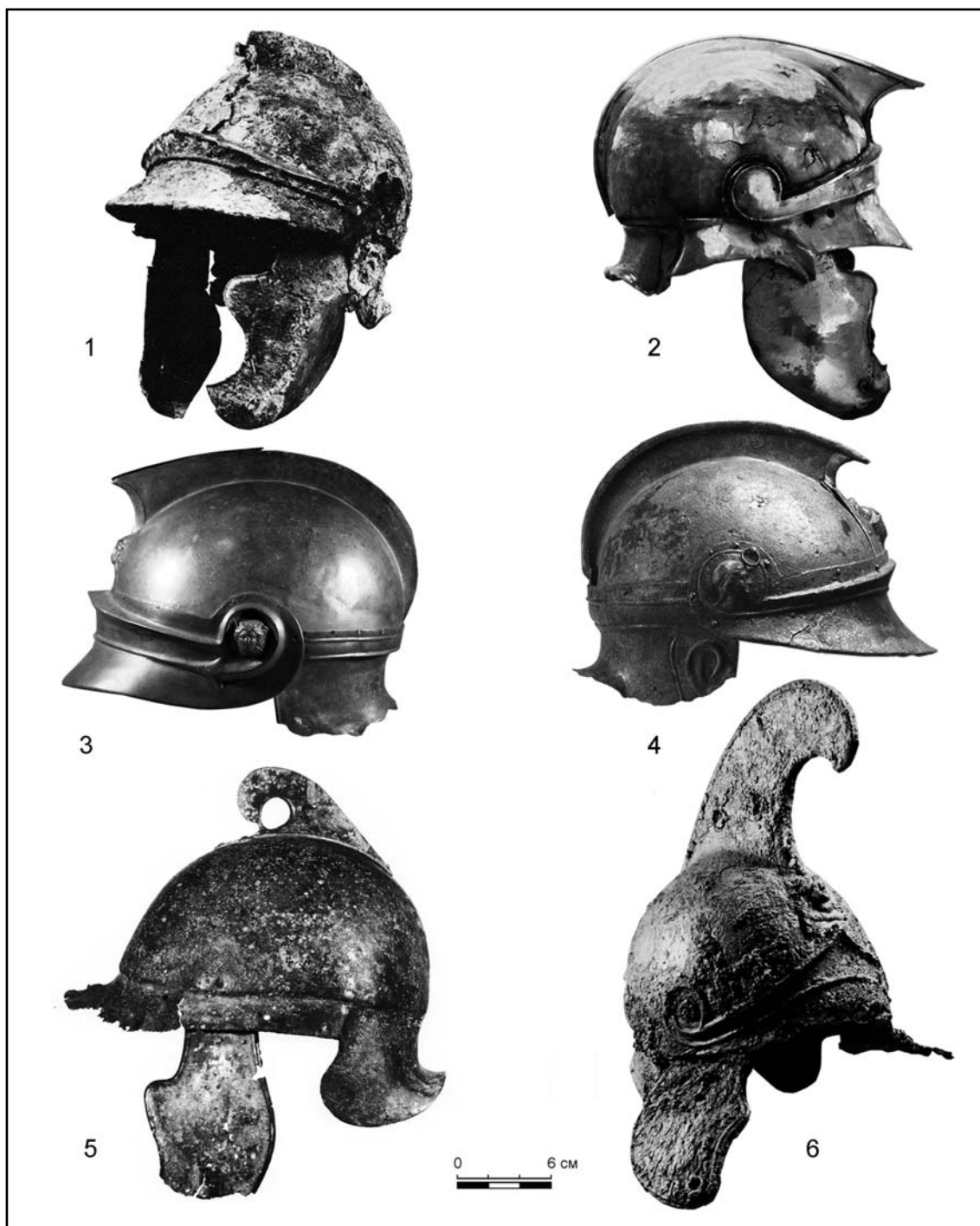

Рис. 2. Псевдоаттические шлемы 1 типа из Средиземноморья: 1—2 — Продроми (по Waurick 1988: 170, Abb. 48, 49); 3—4 — Мелос (по Waurick 1988: 170, Kat. 52, Abb. 47); 5 — Охридское озеро (по Waurick 1988: 174, Kat. 51); 6 — Вергина (по Waurick 1988: Abb. 64).

Fig. 2. Pseudo-Attic helmets of the 1st type from the Mediterranean: 1—2 — Prodrumi (after Waurick 1988: 170, Abb. 48, 49); 3—4 — Melos (after Waurick 1988: 170, Kat. 52, Abb. 47); 5 — Ochrid Lake (after Waurick 1988: 174, Kat. 51); 6 — Vergina (after Waurick 1988: Abb. 64).

на мезмайском они, скорее всего, от другого шлема. Нашечники из Гэвань тождественны находкам из Новолабинской (погребения 1 и 10) и хут. Эриванского.

Хронология и происхождение. Процесс генезиса псевдоаттического шлема просле-

жен П. Динцисом и Г. Вауриком (Dintsis 1986: Beil. 9; Waurick 1988: 173). В формировании этого типа участвовали халкидские, беотийские и фригийские шлемы. Их характерные детали (гребень, «стефана», назатыльник) встречаются на псевдоаттических шлемах

Рис. 3. Псевдоаттические шлемы 2 типа: 1 — Мезмай, п. 3 (до реставрации); 2 — то же, после реставрации (фото М. И. Смагляка); 3 — Грушевская, к. 18 (фото Б. А. Раева); 4 — Гэвань (фото В. Сырбу); 5 — Владикавказ (по Алексинский, Гуляева 2007: 110, кат. 63); 6 — Бергама (по Waurick 1988: 174, Kat. 53).

Fig. 3. Pseudo-Attic helmets of the 2nd type: 1 — Mezmai, grave 3 (before restoration); 2 — the same, restored (photo by M. Smagliuk); 3 — Grushevskaya, barrow 18 (photo by B. Raev); 4 — Gävani (photo by V. Sîrbu); 5 — Vladikavkaz (after Алексинский, Гуляева 2007: 110, кат. 63); 6 — Bergama (after Waurick 1988: 174, Kat. 53).

в самых разных сочетаниях. При небольшом количестве находок каждая из них индивидуальна и мало что дает для понимания деталей генезиса этого типа. С уверенностью можно говорить только о том, что **псевдоаттический тип развивался вне Агтики.**

По мнению Г. Ваурика, эти шлемы бытовали с конца IV до середины II в. до н. э. (Waurick 1988: 173). Так датируется большинство изо-

бражений и находок в Средиземноморье⁴. Датировка восточноевропейских комплек-

⁴ Два изображения (гребень из Солохи и пластинка из кургана Близнац-2) найдены в достаточно раннем хронологическом контексте рубежа V—IV и первой половины IV в. до н. э. Однако изображенные шлемы несколько отличаются от исследуемых и, скорее, являются одним из прототипов.

сов с псевдоаттическими шлемами не всегда определяется с приемлемой точностью.

Гробницу у Карантинного шоссе со шлемом 1 типа Ю. А. Виноградов датировал ближе к середине III в. до н. э. (Виноградов 1997: 75). Шлем типа 2 из Владикавказа датирован III—II в. до н. э. (Алексинский, Гуляева 2007: 111), т. е., в целом временем существования типа. Фрагмент с Чокракского поселения найден в слое с датой между 12 и 8 гг. до н. э. (Масленников, Трейстер 1997: 145, 148). Археологический контекст шлемов из Каменки-Днепровской и Краснодарского края неизвестен.

Ближих аналогов шлему из Бубуечь (тип 1) нет, но по общему облику он сопоставим с экземплярами из Продроми и с Мелоса. Г. Ваурик датировал последние концом III — началом II в. до н. э. (Waurick 1988: Bei. 1: 24), а наиболее вероятная дата гробницы из Продроми — первая треть III в. до н. э. (Виноградов 1997: 76). Комплекс из Бубуечь датировался в диапазоне конца III — I вв. до н. э. (Симоненко 1982: 242; Полин 1992: 53; Шукин 1994: 98; Arnăuț, Ursu Naniu 2000: 355; Мордвинцева 2001: 112).

В. Сырбу и Н. Арцухе датировали Гэвань (тип 2) IV — началом III в. до н. э., Ю. П. Зайцев — III в. до н. э. (Sirbu, Harțușe 2000: 141; Зайцев 2007: 265). Но в этом комплексе найдены полихромные бусины-амулеты типа Алексеева 358 II в. до н. э. и близкая типу Алексеева 368 I в. н. э. (Дзনেладзе, Симоненко 2010: 23). Их наличие не исключает датировку комплекса II — I в. до н. э. (Симоненко 2010: 137), хотя подобные бусины появляются в Средиземноморье раньше. К поздней датировке склоняет и вток копья или дротики, подобный найденному в «странном комплексе» конца II—I вв. до н. э. из Веселой Долины (Редина, Симоненко, 2002: 89, рис. 1: 5).

Комплекс из к. 18 у ст. Грушевской (шлем типа 2) вряд ли монолитен и может состоять из двух одновременных ритуальных депозитов: керамики и амфор III в. до н. э. и набора оружия и узды более позднего времени (Раев, Симоненко 2014; ср. Дедюлькин 2012: 43—44). Шлем из Апостолиды (тип 2) найден вне комплекса, но на территории могильника конца II — I в. до н. э. Шлем 2 типа из Мезмая найден в п. 3, датированном со второй половины III по первую половину II в. до н. э. (Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 149). Однако заведомо поздние вещи (напр., удила с крестовидными насадками и глазчатая бусина-амулет) склоняют к предпочтению второй даты.

Несколько слов об изготовлении наших шлемов. Полые гребни экземпляров из Бубуечь (рис. 4: 1) и Апостолиды (рис. 4: 2), составляющие одно целое с тульей, убедительно демонстрируют, что шлемы были «выколоты» на болванке из листа бронзы. Об этом говорит и толщина (точнее, тонкость) металла.

Шлемы типа Монтефортино. В Восточной Европе известно 18 находок таких шлемов, двух гибридов с элементами Монтефортино и двух подражаний им (см. каталог).

Существует несколько классификаций шлемов Монтефортино: общие типологии предложены Расселом Робинсоном (Robinson 1975: 13—25) и Филиппо Коарелли (Coarelli 1976: 163—169), а шлемы этого типа с Иберийского п-ова систематизировал Хоакин Гарсия-Мауриньо (Garcia-Mauriño Múzquiz 1993). Вполне обоснованные поправки в его схему внес Фернандо Кесада (Quesada Sanz 1997; 1999).

Однако в этих схемах полных соответствий нашим шлемам **по всем признакам** нет. Навершия и орнаментация их характерны для типа В-Робинсон (D-Коарелли). Форма тульи — нечто среднее между А и В-Робинсон и С и D-Коарелли (рис. 5).

В свое время я считал их принадлежащими типу В-Робинсон (Симоненко 1987: 109), а Б. А. Раев назвал типом А/В (Raev 1986: 85). Последнее определение вошло в совместные статьи (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 119; Raev, Simonenko, Treister 1991: 469). Там наши шлемы были разделены на две типолого-хронологические группы по орнаментации тульи: раннюю второй половиной IV — первых годов III в. до н. э. (назатыльник украшен заштрихованными треугольниками) и позднюю первой половины III в. до н. э. (назатыльник украшен «бегущей волной» и растительными мотивами).

Сейчас стало понятно, что такая классификация была ошибочной, о чем мне уже приходилось писать (Симоненко 2008: 266; 2010: 145). По форме тульи, кнопки навершия и декору я предложил объединить шлемы Монтефортино из Восточной Европы в четыре группы (Симоненко 2008: 265—266).

Группа 1 (рис. 6): Марьевка, Беленькое, Токмак-Могила (Украина), Новопрохоровка, Новочеркасск (Нижний Дон), Сергиевская, Роговская (Прикубанье), Заманкул (Сев. Осетия), Новоалександровск (Ставрополье). Типологические признаки этой группы таковы:

— колоколовидная, иногда сужающаяся книзу тулья переходит в узкую шейку на вер-

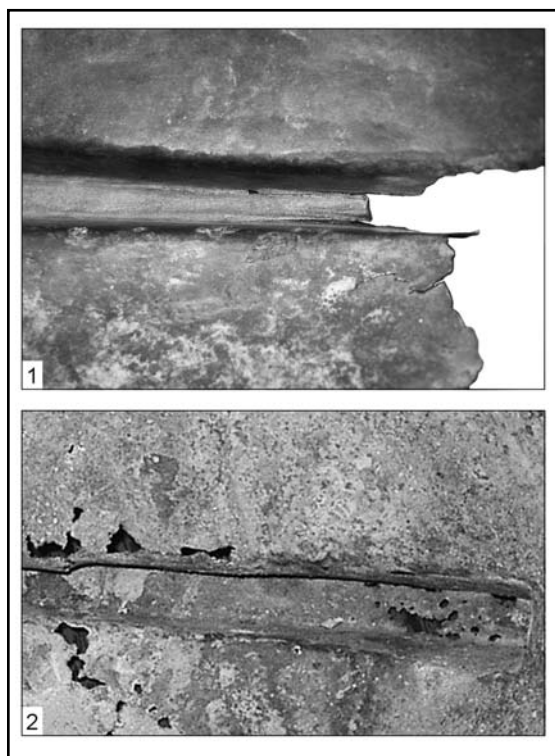

Рис. 4. Гребни псевдоаттических шлемов (вид изнутри). 1. Бубуечь (фото автора); 2. Апостолиди (фото Б. А. Раева).

Fig. 4. Crests of pseudo-Attic helmets (inside). 1. Bubueci (photo by author); 2. Apostolidi (photo by B. Raev).

шая, увенчанного усеченно-конической поллой кнопкой;

— назатыльник неширокий, в центре — отверстие для крепления подбородных ремней;

— кнопка наверху орнаментирована одним-двумя рядами гравированных арок;

— околыш украшен пояском из двух врезных линий, пространство между которыми заполнено шевронным орнаментом, иногда с линией точек над ним;

— край тульи утолщен и оформлен косыми насечками, имитирующими шнур. По краю назатыльника их нет, а в центре фронтальной части насечки разорваны сложной растительной или геометрической композицией;

— на назатыльнике — фриз из гравированных треугольников вершинами вверх (Марьевка, Новочеркасск, Сергиевская, Заманкул, Токмак-Могилы) либо «бегущей волны» (Роговская, Новопрохоровка, Беленькое, Новоалександровск), заполненных точечным орнаментом.

Восемь экземпляров этой группы (рис. 6: 1—8) практически идентичны по форме тульи, кнопки и декору и соответству-

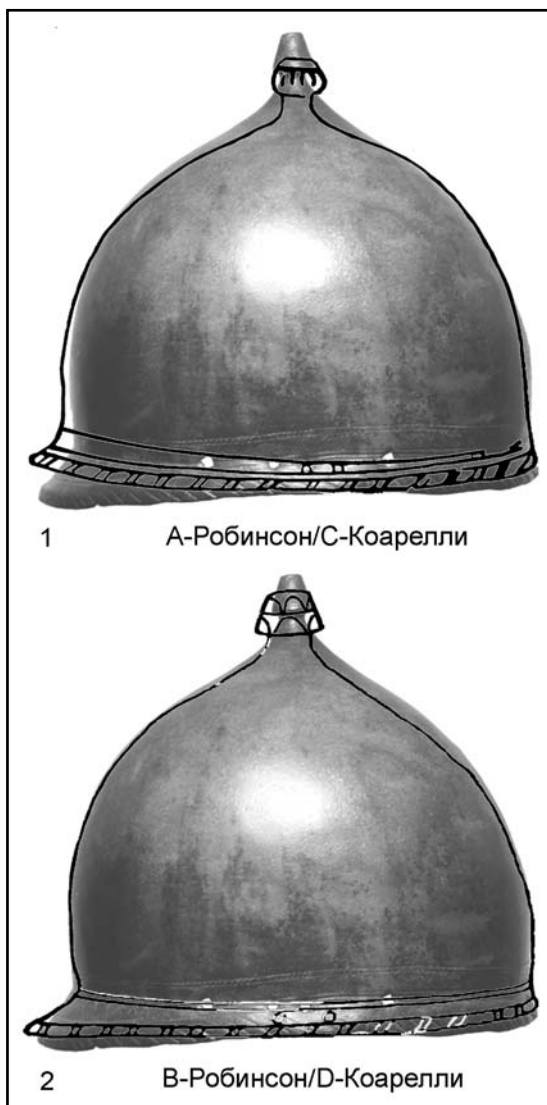

Рис. 5. Типы шлемов Монтефортино по Г.Р. Робинсону и Ф. Коарелли (фон — шлем из Сергиевской).

Fig. 5. Montefortino helmet types according to H.R. Robinson and Filippo Coarelli (the background is the helmet from Sergievskaya).

ют типу В-Робинсон. Шлем из Новоалександровска несколько отличается от них: кнопка без арок, контур «бегущей волны» выполнен точками, а ее внутреннее поле не заполнено (рис. 6: 9).

Признаки 1-й группы сочетаются на шлемах, найденных в Южной Франции (Barroul, Sauzade 1969: 23—25), Северной Италии (Schaaff 1988: 318 ff.) и на Пиренейском полуострове (Garcia-Mauriño Múzquiz 1993: 97—123; Quesada Sanz 1997: 554 ff.). По Х. Гарсия-Мауриньо это подтип Ia типа I (Garcia-Mauriño Múzquiz 1993: 125, fig. 36), по Ф. Кесаде — группа 3.a, соответствующая типу В-Робинсон (Quesada Sanz 1997: 555, fig. 317).

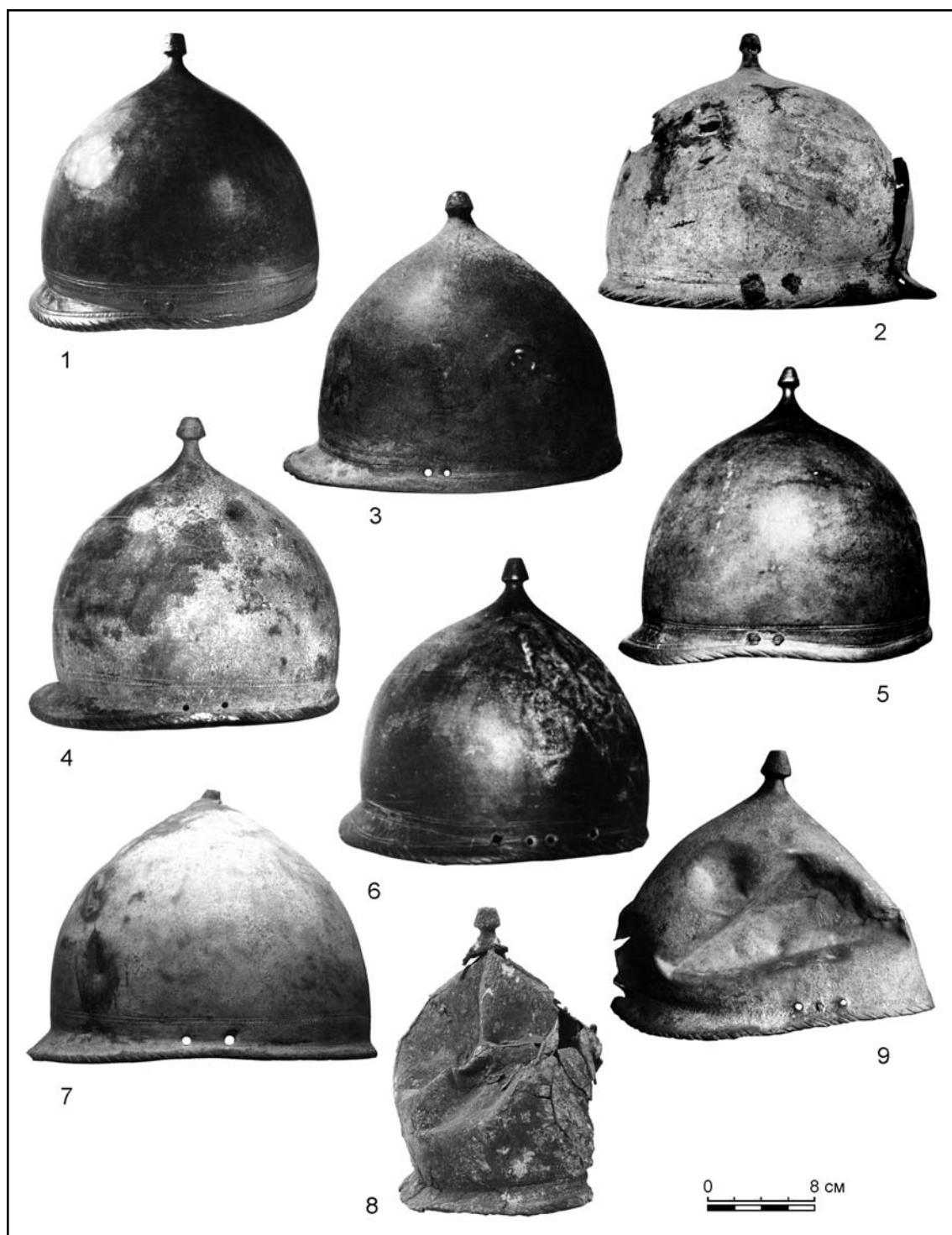

Рис. 6. Шлемы Монтефортино 1 группы (1, 2, 4—7 — фото автора): 1 — Марьевка; 2 — Беленькое; 3 — Токмак-Могила (по Reinecke 1948: 91—96); 4 — Новопрохоровка; 5 — Новочеркасс; 6 — Сергиевская; 7 — Роговская; 8 — Заманкул (фото Л. Габоевой); 9 — Новоалександровск (www.molotok.ru).

Fig. 6. Helmets of Montefortino type, 1st group (1, 2, 4—7 — photo by author): 1 — Mariivka; 2 — Bilenke; 3 — Tokmak-Mogyla (after Reinecke 1948: 91—96); 4 — Novoprokhorovka; 5 — Novocherkassk; 6 — Sergievskaya; 7 — Rogovskaya; 8 — Zamankul (photo by L. Gaboeva); 9 — Novoaleksandrovsk (www.molotok.ru).

Группа 2 (рис. 7: 1, 2): Веселая Долина, Привилия (Украина). Тулья почти той же формы, что и у шлемов группы 1. Отличие состоит в орнаментации — у шлемов этой группы она

проще и выполнена грубее; шевроны крупные, прямые, расположенные реже, небрежно нанесены резцом, как и редкие косые насечки по валику (деградированный «витой

Рис. 7. Шлемы Монтефортино 2 и 3 групп: 1 — Веселая Долина (фото автора); 2 — Привилля (фото Е.Г. Карнаука); 3 — Антиповка (по Гущина 1962: 241, рис. 1); 4 — Ездочное (по Ворошилов 2010: рис. 3: 1); 5 — Веселый (по Алексинский 2008: илл. 5: 1); 6 — Приморское (по Попандопуло 2009: рис. 2); 7 — Черем (фото Б.А. Раева); 8 — Мариенталь (рисунок Б.А. Раева).

Fig. 7. Helmets of Montefortino type, 2nd and 3rd groups: 1 — Vesela Dolyna (photo by author); 2 — Pryvillya (photo by E. Karnaukh); 3 — Antipovka (after Гущина 1962: 241, рис. 1); 4 — Ezdochnoe (after Ворошилов 2010: рис. 3: 1); 5 — Veselyi (after Алексинский 2008: илл. 5: 1); 6 — Primorske (after Попандопуло 2009: рис. 2); 7 — Tchegem (photo by B. Raev); 8 — Mariental (drawing by B. Raev).

шнур»). Кнопка навершия сохранилась только на шлеме из Привилля. Она сплошная, округло-коническая, украшена одним рядом гравированных арок. Утраченная кнопка шле-

ма из Веселой Долины крепилась к шишаку сложной системой пазов и шипов (рис. 8).

Группа 3: Антиповка, Ездочное (Средний Дон), Мариенталь (Заволжье), хут. Веселый

Рис. 8. Навершие шлема из Веселой Долины (фото автора).

Fig 8. Crest knob of the helmet from Vesela Dolyna (photo by the author).

(Нижний Дон), Приморское (Украина), Чегем (Кабардино-Балкария). Ее составляют экземпляры с признаками 1 и 2 групп, но с заметными индивидуальными чертами.

Шишаки шлемов из Антиповки (рис. 7: 3) и Ездочного (рис. 7: 4) широкие, трубчатые, с полыми грибовидными кнопками. Отогнутый (но не утолщенный) край тульи антиповского шлема широкий, насечки на нем частые, неровные и неглубокие. Низ тульи опоясан двумя двойными линиями, но без шевронного орнамента. Назатыльник и фронтальная часть края тульи украшены сложными композициями из побегов и стилизованных змеиных головок в окружении косых насечек. Назатыльник шлема из Ездочного орнаментирован «бегущей волной» вполне в стиле шлемов 1 группы. Оба шлема похожи на шлемы 1 группы, с несколько видоизмененными деталями и декором.

На шлеме из Веселого (рис. 7: 5), как уже отмечалось (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 121; Алексинский 2008: 25), сочетаются чер-

ты шлемов Монтефортино (форма тульи, назатыльник, навершие) и псевдоаттического (козырек, рельефные «венцы» по низу тульи с неразработанными волютами на боках). Аналогов этому шлему нет, но похожий изображен на фризе Пергамского алтаря (Климов 2010: 336, рис. 43). Шлем из Веселого, безусловно, позднеэллинистического времени, и совместная находка этого шлема и прохоровского меча (как принято считать) вполне возможна.

Возможно, репликами шлемов 1 группы являются экземпляры из Приморского (рис. 7: 6) и могильника Чегем-2 (рис. 7: 7). На них нанесен орнамент «бегущая волна». На первом он, как и на шлеме из Новоалександровска, не заполнен, на втором — показан на прорисовке в публикации Б.М. Керефова (оригинала в Нальчикском музее отыскать не удалось). Тулья и навершие шлема из Приморского также не характерны для 1 группы. Нестандартные детали этого шлема имеются на испанских находках подтипа Ib классификации Гарсия-Мауриньо (García-Mauriño Múzquiz 1993: 127, fig. 37: 31, 32, 51). Похоже, что такие отклонения от «стандарта 1 группы» говорят о попытках кузнецов различных мастерских подражать каноническим образцам.

Сделанный по схеме 1-й группы шлем из Мариенталя (рис. 7: 8) напоминает тип Буггенум по Г. Ваурику и в этом случае должен датироваться августовским временем (напомню, что он был найден с типичным для этого времени мечом с кольцевым навершием).

Похоже, что шлемы 2 и 3 групп изготовлены в подражание экземплярам 1 группы кузнецами других школ и стран (возможно, иберами). К такому выводу приводят элементы конструкции и декора, характерные для шлемов 1 группы, но повторенные на изделиях 2 и 3 групп небрежно, неумело или с изменениями.

Группа 4: могильник Серегинский, Кисловодск. Два однотипных шлема с колоколообразной тульей, широким шишаком и полкой асимметрично-биконической кнопкой. Край тульи отогнут под прямым углом, образуя неширокие поля, переходящие в назатыльник (рис. 9: 1, 2). На нем одно (Кисловодск) и три (Серегинский) отверстия. На последнем экземпляре сохранились петли шарнира нащечников, приклепанные двумя заклепками по бокам тульи.

Шлемы 4 группы имеют признаки типа С-Робинсон (у последних, при аналогичной тулье, нет полей) или типа Буггенум (Buggenum) по Ваурику (Waurick 1988: 328;

Рис. 9. Шлемы Монтефортино: 1 — Серегинская (фото автора); 2 — Кисловодск (фото С.Н. Савенко); 3 — Колхоз им. Мичурина (по Raev, Simonenko, Treister 1991: Taf. 34); 4 — Ингушетия (фото У.Б. Гадиева); 5 — Владимирская (фото автора); 6 — Тилкили-Чай (по Bittel 1985: Abb. 22c).

Fig. 9. Helmets of Montefortino type: 1 — Sereginskaya (photo by author); 2 — Kislovodsk (photo by S. Savenko); 3 — Michurin collective farm (after Raev, Simonenko, Treister 1991: Taf. 34); 4 — Ingushetia (photo by U. Gadiev); 5 — Vladimirskaya (photo by the author); 6 — Tilkili-Chai (after Bittel 1985: Abb. 22c).

1990: 26). Такие шлемы уже собственно римские, поступили на вооружение легионеров во времена поздней Республики и бытовали до середины I в. н. э. (Waurick 1988: 329). Наши экземпляры могли попасть к сарматам во время операций конницы Фарнака Боспорского в Закавказье в 40-х гг. до н. э.

Известно две местных реплики шлемов Монтефортино (колхоз им. Мичурина на Кубани и Ингушетия, точнее неизвестно). Первый грубо повторяет черты оригинала (рис. 9: 3), второй (рис. 9: 4), судя по всему, является гибридом трех позднеэллинистических типов: Монтефортино, псевдоаттического и Пилоса.

Необычен шлем из ст. Владимирской в Закубанье (рис. 9: 5). Прежде всего, у него нет назатыльника и шишака. Кнопка навершия закреплена на коротком стержне в отверстии на макушке тульи. По низу тульи с утолщенным краем проходит широкий, слегка углубленный «околыш», подчеркнутый сверху тремя, а снизу — одной гравированной линией. В верхней части «околыша» с двух сторон пробито по паре отверстий для петли шарнира нащечника, но не по центральной оси строго друг напротив друга, а несколько сбоку.

Туля с «околышем», отсутствие шишака, орнаментация, а главное — асимметричные отверстия не вызывают сомнений в принадлежности тульи этого шлема раннему (V—III вв. до н. э.) варианту греческого типа Пилос (Waurick 1988: 151—157, Abb. 4, Kat. 48). Их нащечники крепились не по центральной оси тульи, а были смещены вперед, к фронтальной части. А вот кнопка навершия типична для ранних шлемов Монтефортино А (по Робинсону) или С (по Коарелли) конца IV — первой четверти III в. до н. э. Неизвестный умелец соединил эти части разных шлемов, создав любопытный гибрид, оказавшийся в сарматской могиле на Северном Кавказе.

Хронология и происхождение. Определяя время изготовления наших шлемов, следует учитывать, что большинство аналогов им — беспаспортные экземпляры из музейных и частных коллекций. Впрочем, некоторые параллели (особенно испанские) найдены в археологическом контексте.

Для нас важно не столько время изготовления, сколько время бытования этих шлемов в Восточной Европе и, в конце концов, попадания их в землю. В свое время мы с Б. А. Раевым независимо друг от друга датировали экземпляры из Марьевки, Новочеркасского музея и подобные им шлемы 1 группы концом III — I вв. до н. э. (Raev 1986: 85; Симоненко 1987: 110). Тем не ме-

нее, в совместной статье они датированы концом V — первой половиной III в. до н. э., как предлагал М. Ю. Трейстер (Трейстер 1987: 4) — тогда эта дата показалась нам более обоснованной. Не принимая ее, Ю. П. Зайцев отнес наши шлемы к позднему III — II вв. до н. э., напомнив, что когда-то эту дату предпочитали и мы (Зайцев 2008: 11, сноска 3).

Датировка ближайших аналогов нашим шлемам из Юго-Западной Европы определяет время их бытования в пределах конца III — I вв. до н. э. Так датируются экземпляры, найденные в археологическом контексте на Иберийском полуострове (Garsia Mauriño Múzquiz 1993: 124, fig. 35). Шлемы с назатыльниками, украшенными «бегущей волной» из Южной Франции и Северной Италии, по мнению У. Шаафа, бытовали во II—I вв. до н. э. (Schaaff 1988: 318). Экземпляр из Форум Новум близ Риети с латинской надписью и полностью аналогичным нашим шлемам орнаментом, но чуть более вытянутой тулей, датируется первыми десятилетиями II в. до н. э. (Schaaff 1988: 322, Abb. 4—5)⁵. Декор из треугольников встречается реже; ближайшие параллели нашим — фризы из треугольников, заполненных точечным или штриховым орнаментом на назатыльниках шлема из Беникарло (Benicarló), найденного с вещами III—I вв. до н. э. (Garsia Mauriño Múzquiz 1993: 101, fig. 5) и шлема того же времени из Сес Паисес (Ses Païses) на о-ве Майорка (Bartuol, Sauzade 1969: 31 ff., Fig. 16; 19e).

Таким образом, шлемы 1 группы, украшенные «бегущей волной» и штрихованными треугольниками, должны датироваться II—I вв. до н. э. Судя по условиям находки, одновременны им шлемы 2 и 3 групп (за исключением экземпляра из Мариенталя). Шлемы 4 группы (С-Робинсон или Бугтенум) из Кисловодска и Серегинского относятся к августовскому времени.

В печати возникла дискуссия о датировке, происхождении и изготовлении шлемов Монтефортино из Восточной Европы (Зайцев 2007а; 2008; Казакевич 2009; Попандопуло 2009; Бруяко 2005—2009). Вслед за Ю. П. Зайцевым (Зайцев 2007; 2008) некоторые исследователи усомнились в нашей версии (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 124; Щукин 1994: 143) малоазийского происхождения этих шлемов (Ворошилов, Золотарев 2009: 155; Прокопенко 2010: 295—296; Бруяко

⁵ В свое время он был неверно датирован Ф. фон Липперхайде III в. до н. э. (von Lipperheide 1896: 12), и эта датировка послужила мне основанием для нижней даты наших шлемов (Симоненко 1987: 110).

2005—2009: 343). Однако Ю.П. Зайцев лишь показал, что в тексте К. Биттеля, на который мы ссылались, нет упоминания о находке шлема в Богазкёе вместе с фибулой и мечом. В последних работах (Симоненко 2008: 267—268; 2010: 147) я разъяснил истоки ошибки, совершенной нами в совместной статье (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 124).

В 2009 г. вышла статья Г.М. Казакевича с его версией исторического контекста появления шлемов Монтефортино в Восточной Европе. В статье впервые в отечественной литературе был воспроизведен пресловутый шлем «из Богазкёя», найденный на реке Тилкили Чай (рис. 9: 6) **близ Богазкёя** вместе с бронзовым киафом и фрагментами гончарного кувшина (Bittel 1985: 16—18, Abb. 43—46).

Подход Г.М. Казакевича к вопросу о появлении таких шлемов в Причерноморье и Приазовье вызывает возражения. Автор предполагает возможность проникновения «ранних» Монтефортино (Беленькое) в свете данных декрета в честь Протогена, поддерживая гипотезу И.В. Бруяко и А.А. Россохацкого (Казакевич 2009: 23). Эти авторы опирались на нашу с М.Ю. Трейстером и Б.А. Раевым датировку таких шлемов концом IV — первой половиной III в. до н.э. (Бруяко, Россохацкий 1993: 78). Но если шлем из Беленького датировать II — I вв. до н.э., как я сейчас предлагаю, то вряд ли он имеет отношение к легендарным галатам Протогенова декрета.

Г.М. Казакевич считает, что некоторые шлемы Монтефортино попали в Северное Причерноморье от кельтов-бритолагов (Казакевич 2009: 22—23), но на предполагаемых землях этого кельтского племени — севернее певкинов, по Птолемею — находок таких шлемов нет. Они сосредоточены в Испании, Южной Франции и Северной Италии; единичные экземпляры найдены в Словении и Греции.

Активное участие в дискуссии принял И.В. Бруяко, подробно анализируя старые и новые статьи (Бруяко 2005—2009: 341 сл.). Он позиционировал себя сторонником «кельтской» версии проникновения шлемов Монтефортино в Северное Причерноморье, напоминая о том, что ее в свое время высказал я (Бруяко 2005—2009: 344). Как автор этой старой гипотезы, я не считая ее плодотворной. Эти шлемы не кельто-италийские (Бруяко 2005—2009: 341), а этрусско-италийские; шлемы с орнаментом «бегущая волна», аналогичные нашим, У. Шааф вообще называет этрусскими (Schaaff 1988: 320). Но эти названия говорят всего лишь об истоках традиции изготовления таких шлемов,

а не об их многочисленных и разноплеменных хозяевах.

Рассуждая о датировке шлемов, И.В. Бруяко, сам того не желая, «скатывается в мрачную бездну агностицизма», по цитируемому им выражению Ю.В. Андреева. Напрасно мой уважаемый оппонент не доверяет Ф. Кесаде, приводящему примеры запаздывания чернолаковой керамики в иберийских могильниках — это именно объяснение, а не «отсылка к подобным же парадоксам» (Бруяко 2005—2009: 342). Почему отсылка к прецеденту не может быть объяснением? Если несколько шлемов найдено в хорошем контексте II в. до н.э., а один — с керамикой на 200 лет старше, то мы не имеем права удревнять остальные, а должны признать факт «запаздывания» керамики. Ничем не объяснимая **обязательная** экстраполяция **даты античного импортного изделия на дату варварского комплекса** неоднократно критиковалась и методологически ошибочна (Раев 2002: 136; 2006а: 92, 98—99; 2006б: 88—89).

Я полагаю, что приводимые испанскими исследователями даты шлемов, аналогичных найденным на нашей территории, обоснованы и верны. Более того, они являются хорошей опорой при датировке наших комплексов с такими шлемами, возможности которой, как почему-то считает И.В. Бруяко, сведены к нулю.

Терминологическая и типологическая путаница, в которую угодил И.В. Бруяко из-за ошибочного признания шлемов Монтефортино кельтскими (пусть кельто-италийскими), сделала дискуссионными все его дальнейшие рассуждения. Синхронное появление шлемов типа Бугтенум (С-Робинсон) в Риме и провинциях объясняется не наличием некоего кельтского центра, «генерировавшего идеи модернизации защитных головных уборов» (Бруяко 2005—2009: 342), а походами Цезаря в Галлию и Испанию — шлемы типа Бугтенум находились на вооружении римской армии.

Я не знаю, почему И.В. Бруяко так «заманчиво» (Бруяко 2005—2009: 343) связать появление в Северном Причерноморье шлемов Монтефортино именно с кельтами. Однако для реализации этого желания резонным было бы найти подобные шлемы в ближайших к нашему региону кельтских памятниках. Ими являются экземпляры из малоазийской Галатии (пока там их известно три), но мой уважаемый оппонент, опираясь на «расследование» Ю.П. Зайцевым «процесса мифологизации этого сюжета» (Бруяко 2005—2009: 343), считает, что шлемов Монтефортино

на территории Турции нет. Не совсем понятно, почему наши выводы И. В. Бруяко проверяет и перепроверяет, а выводы наших критиков принимает без малейшего сомнения, даже не допуская, что они могут ошибаться. Это доверие к ревизорам и «разоблачителям» наших ошибок в конце концов увело И. В. Бруяко в сторону абсолютно бесперспективного, как показали многолетние исследования, поиска периода «реального, а не эпизодического присутствия кельтов в северопонтийской области» (Бруяко 2005—2009: 345) — такого периода не было никогда.

Мне кажется, что большинство шлемов Монтефортино из Восточной Европы связано с Митридатовыми войнами. М. Б. Шукин высказал не лишнее интереса предположение о том, что эти шлемы могли попасть к сарматам после перевооружения армии Митридата VI накануне второй войны. «Морально устаревшее», как писал М. Б. Шукин, вооружение могло быть передано союзникам. Возможно и еще одно объяснение. Оно подсказано однотипностью наших шлемов и близостью их испанским. Известно, что армию Митридата перевооружали офицеры, присланные из Испании Серторием, поднявшим там мятеж против Помпея (Шукин 1994: 143). Не исключено, что найденные у нас шлемы Монтефортино могли принадлежать приехавшим серторианцам и были проданы (отданы, выменяны — мы никогда не узнаем истины) сарматам. Безусловно, это одна из версий, не стопроцентно верная.

Технология изготовления. Ссылаясь на точки зрения авторов публикаций и рассуждения типа «опытный археолог сразу отличит литье отковки», З. Х. Попандопуло усомнилась в правильности определения шлемов Монтефортино как кованых изделий (Попандопуло 2009: 52). Однако авторы публикаций (вероятно, полагаясь на опыт) никак не аргументировали свою точку зрения, просто декларируя то, что шлем литой и отнюдь не описывая технику его изготовления. С другой стороны, не менее опытные эксперты высказывали хорошо аргументированное мнение о том, что шлемы именно кованые. Так считал не только Рассел Робинсон, но и Пол Креддок, изучивший большое количество античных шлемов (Craddock 1984: 232). Б. З. Рабинович считал литыми только раннескифские шлемы «кубанского типа» толщиной от 3 до 4 мм (Рабинович 1941: 116—117), а уже ранние коринфские и более поздние античные шлемы он справедливо называл коваными (Рабинович 1941: 120—121).

В публикации шлема из Приморского З. Х. Попандопуло со слов ее консультанта Г. Л. Ушакова утверждает, что этот шлем «литой с последующей проковкой» (Попандопуло 2009: 53). Техника литья с последующей проковкой часто упоминается в археологической литературе, но никто толком не объясняет, в чем она состоит. И по логике, и по нормам русского языка понятие «литье с последующей проковкой» обозначает проковку отлитого **готового** изделия. Такая операция применялась к плоским предметам, которые обрабатывались на плоской наковальне молотком с плоским бойком — например, клинковое оружие, где необходимо было сформировать и упрочить рабочий край. Полые изделия (например, сосуды, шлемы и др.) проще ковать не из листа или слитка, а из литой полой заготовки. И здесь правильнее использовать термин «**формирующая ковка**» или «**выколотка**».

Полые кнопки наверший шлемов Монтефортино являются литыми. Они подсказывают процесс изготовления шлема: сначала в форму с плоскими краями отливались кнопка и шишак, а затем образовавшийся вокруг них слиток металла расковывался в тулью.

По данным металлографического анализа, проделанного к. и. н. Т. Н. Гошко в лаборатории Института археологии НАН Украины, шлемы из Беленького (рис. 10: 1), Привилля (рис. 10: 2) и Веселой Долины (рис. 10: 3) изготовлены формирующей ковкой с большой степенью обжатия (до 100%) при невысокой температуре (Симоненко 2011: 139—144). Остальные шлемы Монтефортино не анализировались на предмет технологии изготовления, но я не сомневаюсь в том, что и они откованы из литой заготовки.

Восточнокельтский (Shaaff 1988a: 304) железный шлем найден в погребении II—I вв. до н. э. у хут. Бойко-Понура на Кубани⁶. К полусферической тулье заклепками прикреплены короткий рифленый козырек и широкий вертикальный назатыльник с рельефным декором. Нащечники оконтурены бронзовой проволокой, в центре нащечника — рельефный букраний (рис. 11: 1—3).

Бойко-понурский шлем относится к немногочисленной группе, получившей название шлемы типа Ново Место (Mihaljević, Dizdar 2007: 125—126, 128). Все шлемы этого типа имеют индивидуальные черты. Весьма близок нашему шлем из п. 2 кельтского могиль-

⁶ Возможно, еще один такой шлем недавно найден в насыпи кургана близ Танаиса (раскопки И. В. Гордина).

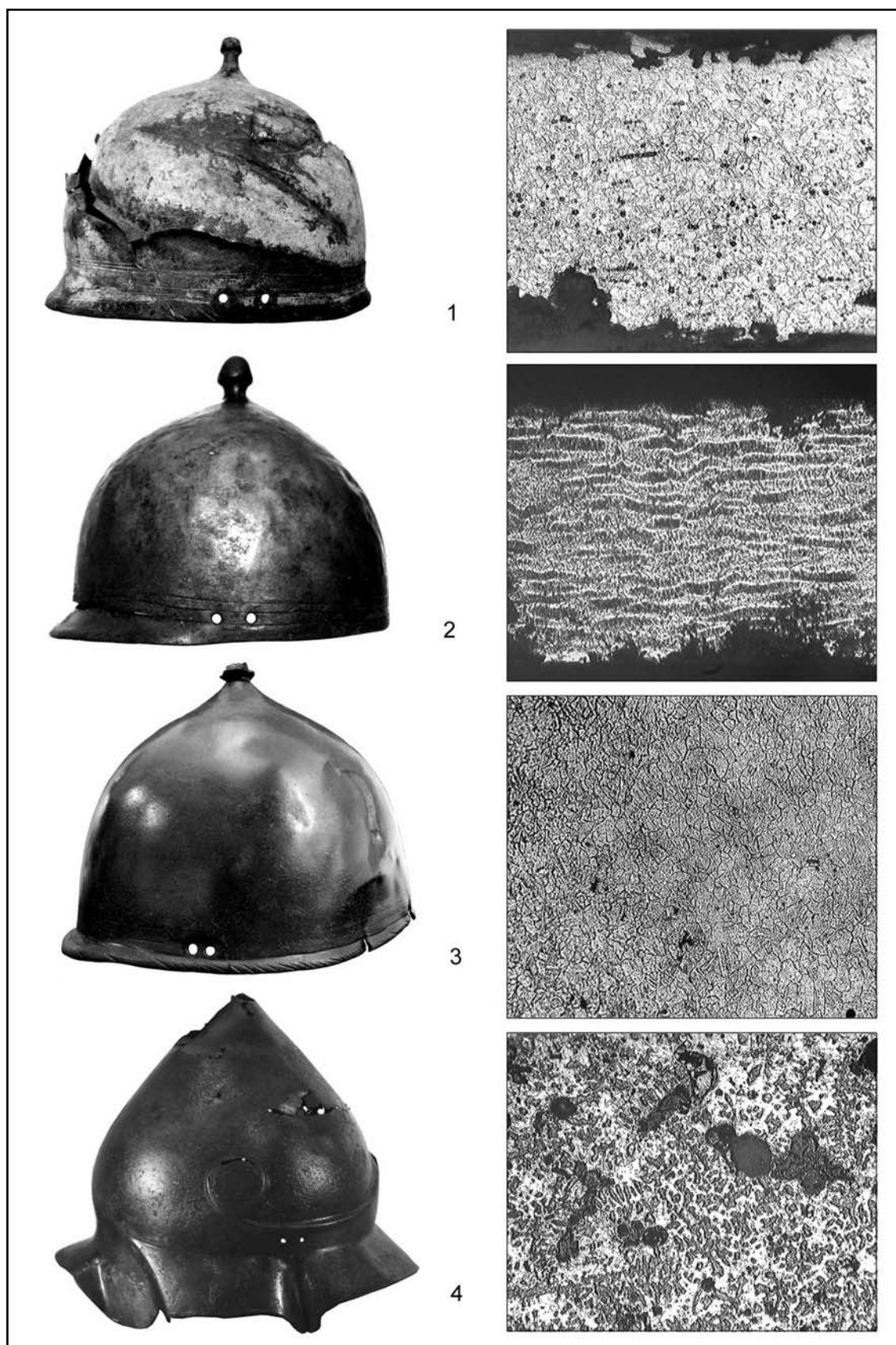

Рис. 10. Металлография шлемов Монтефортино и Пилос (по Симоненко 2011а: рис. 2; 3: 1): 1 — Бельное; 2 — Привилля; 3 — Веселая Долина; 4 — Ореховка.

Fig. 10. Metallography of Montefortino and Pilos helmets (after Симоненко 2011а: рис. 2; 3: 1): 1 — Belenkoe; 2 — Pryvilla; 3 — Vesela Dolyna; 4 — Orekhovka.

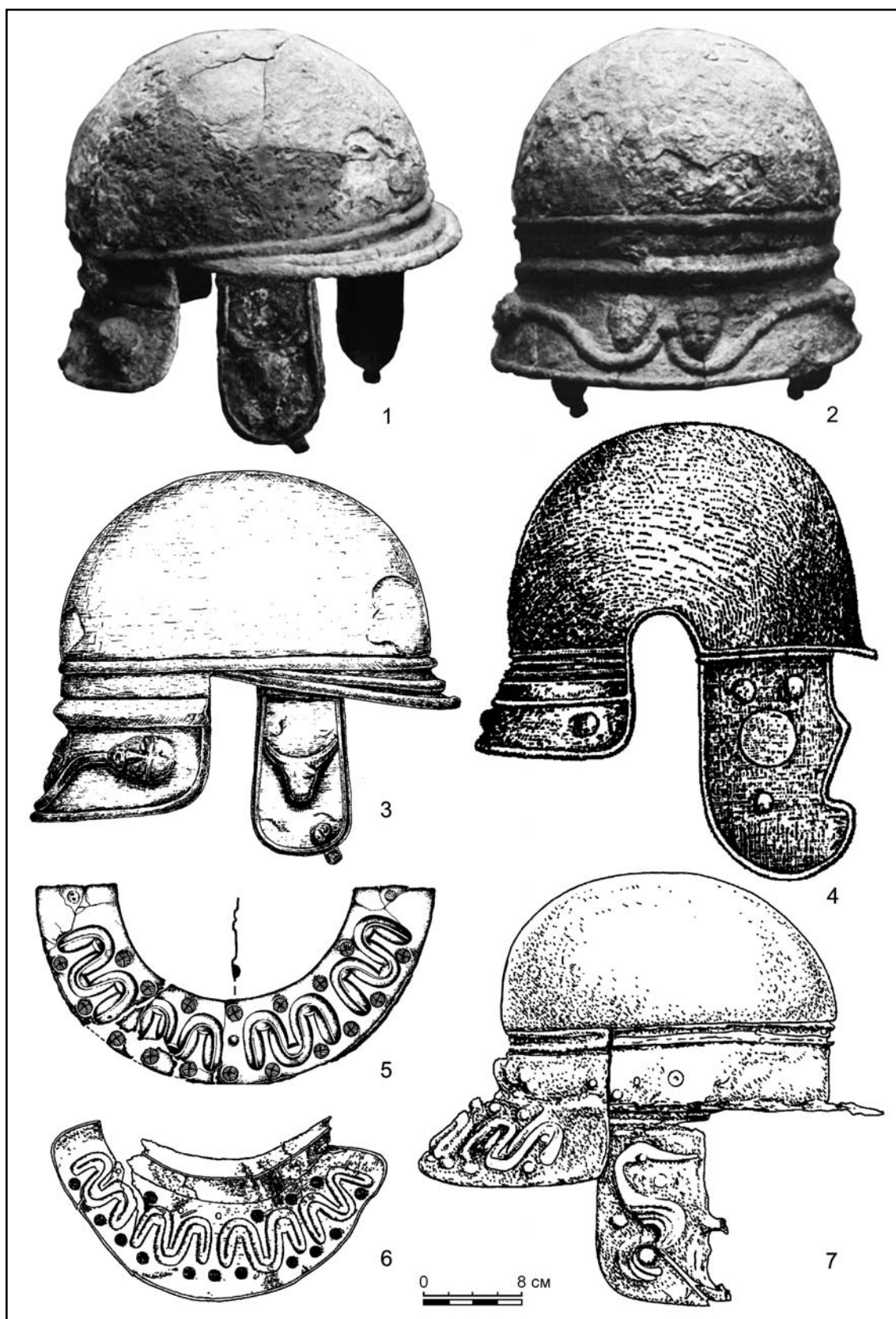

Рис. 11. Восточнокельтские шлемы: 1—3 — Бойко-Понура (фото автора; по Raev, Simonenko, Treister 1991: fig. 10); 4 — Куджир (по Sîrbu 2004: Abb. 16); 5 — Яшкуль; 6, 7 — Словения (по Otchir-Goriaeva 2002: Abb. 10).

Fig. 11. Eastern Celtic helmets: 1—3 — Boiko-Ponura (photo by author; after Raev, Simonenko, Treister 1991: fig. 10); 4 — Cugir (after Sîrbu 2004: Abb. 16); 5 — Yashkul; 6, 7 — Slovenia (after Otchir-Goriaeva 2002: Abb. 10).

ника Куджир (Cugir) (рис. 11: 4) в Румынии (Sîrbu 2004: Abb. 16). Комплекс датируется ЛтД1, т.е. 160—110 гг. до н.э. (Łuczkiwicz, Schönfelder 2008: 179). Восточнокельтские шлемы типа Ново Место (рис. 11: 6, 7) найдены в Словении, один экземпляр — в Польше. Все шлемы этого типа происходят из погребений конца II — I в. до н.э. (Schaaff 1988a: 304, 307, Abb. 1: 24). В Калмыкии найдена серебряная пластина назатыльника такого шлема (рис. 11: 5), вторично использованная как центральная бляха подперся (Otchir-Goriaeva 2002: 363, 370—371, Abb. 8; 9: 4; Симоненко, 2010: 219—220).

И.И. Марченко считал, что бойко-понурийский шлем отражает события начала II в. до н.э., связанные с деятельностью сарматского царя Гатала (Марченко 1994: 59—61). Я полагаю, что комплекс более поздний, поэтому попадание в него шлема, скорее, связано с участием сарматов в Митридатовых войнах (Симоненко 2008: 268).

Еще один *кельтский* (?) шлем найден в п. 1 к. 3 могильника Заманкул. А.А. Туаллагов считает, что шлем принадлежит типу Манхайм (Manheim) (Туаллагов 2002: 101).

Шлемы типа Пилос (Г. Ваурик) или **Конос** (П. Динцис) — 7 экз.: ст. Ахтанизовская, курган Буерова Могила (Тамань), могильник Греки II (Прикубанье), Мерджаны, 2 экз. (Адыгея), Ореховка (Ставрополье), мавзоль Неаполя Скифского (Крым).

Почти все шлемы типа Пилос бронзовые (неапольский — железный), кованые. Основные типологические признаки: коническая тулья с козырьком и рельефной «стефаной»; концы ее — в виде неразработанных волют по бокам тульи. Нащечники овальные, с округлым выступом в центре переднего края, крепились на шарнирах.

Представлены двумя разновидностями. К первой относятся экземпляры из ст. Ахтанизовской (рис. 12: 1), возможно, Буеровой Могилы (рис. 12: 2), могильника Греки II (рис. 12: 3), Мерджан (рис. 12: 4, 5). Шлемы второй разновидности из Ореховки (рис. 12: 6) и Неаполя Скифского (рис. 12: 7) отличаются «беотийские» складки по бокам тульи.

Хронология и происхождение. Шлемы типа Пилос, скорее всего, сформировались в селевкидской паноплии как гибрид ближневосточных (коническая тулья) и греческих («стефана» с волутами, нащечники) элементов (Симоненко 2008: 262—263). Такие шлемы изображены на монетах македонских царей Филиппа V и Персея, чеканенных в 185—168 гг. до н.э. (Waurick 1988: 157, Abb.

13: 10—12), на рельефе третьей четверти II в. до н.э. из Эфеса (Dintsis 1986: 81, Taf. 33: 6). Изображения шлемов типа Пилос среди галатских трофеев на пергамских рельефах и находка такого шлема в галатской гробнице конца III—II вв. до н.э. в Калново, Болгария (Атанасов 1992: 5, табл. XI) показывают, что их носили и кельты. Шлем с «беотийскими» складками из Ореховки аналогичен экземплярам из Ашмолеан-музея (Ashmolean Museum) и Александрии (Waurick 1988: 157, Abb. 14; 15). Г. Ваурик датирует разновидность Пилоса, к которой относятся наши шлемы, II—I вв. до н.э. (Waurick 1988: 158).

Концом II, возможно, началом I в. до н.э. датируются находка в ст. Ахтанизовской и Буерова Могила (Власова 2009: 78), погребение могильника Греки II (раскопки А.Н. Гей в 1981 г.) синхронно им. К этому же времени (возможно, чуть позже) относится погребение в Ореховке (Павлович 1995: 204). Комплекс из Мерджан был отнесен к III в. до н.э. (Ростовцев 1913: 137), затем к его концу (Рабинович 1941: 162). Датировке мерджанского комплекса посвятил специальную работу Ю.А. Виноградов (Виноградов 1998: 62—68), и я солидарен с его выводом — этот комплекс еще позднее (исследователь отнес его ближе к середине II в. до н.э.). Скорее всего, мерджанская находка синхронна ахтанизовской (ср. Виноградов 1998: 66; Власова 2009: 78).

Показательна концентрация шлемов типа Пилос/Конос на Кубани и в Ставрополье. В сочетании с датами комплексов она подсказывает наиболее вероятный исторический контекст их попадания к сарматам — события времени Митридатовых войн.

Д.П. Алексинский определил технику изготовления шлемов из ст. Ахтанизовской, Мерджан, Буеровой Могилы и хут. Веселый как ковку (выколотку) (Алексинский 2008: 20). Т.Н. Гошко с помощью металлографического анализа (рис. 10: 4) установила, что шлем из Ореховки был изготовлен путем формирующейковки литой заготовки при невысокой температуре (Симоненко 2011: 121, рис. 3: 1).

Халкидский шлем (рис. 13: 3) найден в могильнике Мезмай вместе с псевдоаттическим шлемом, кольчугой, мечами с «псевдосерповидными» навершиями и многочисленными украшениями и посудой. Шлемы с такими тульями и нащечниками позднеэллинистического типа (с лицевым и подбородным выступами) найдены в святилище у Казачьего Брода на р. Мзымте (рис. 13: 1), в разрушенном кургане могильника Мезмай (рис. 13: 2), при рас-

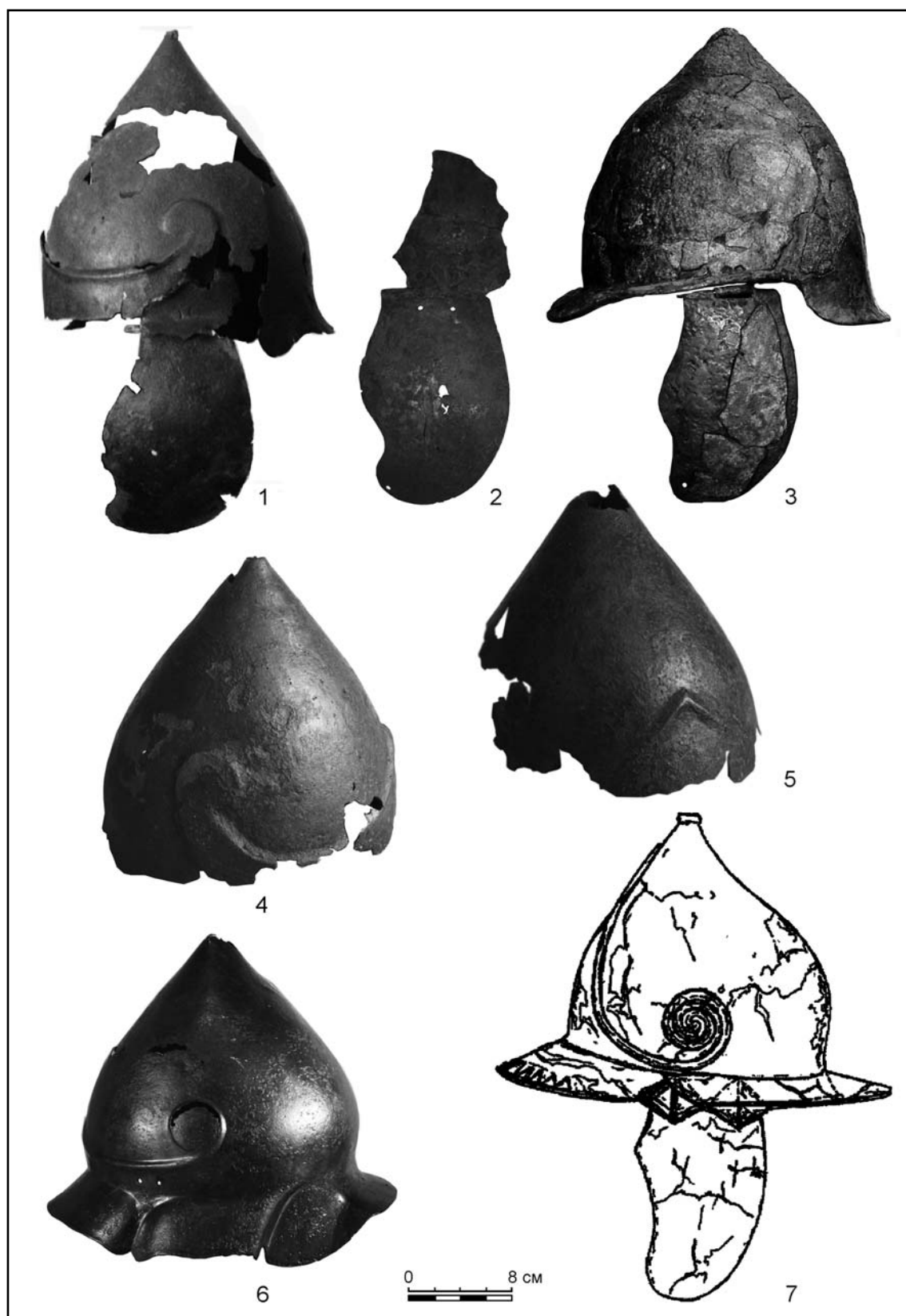

Рис. 12. Шлемы типа Пилос (1, 2, 4, 5 — фото Д. П. Алексинского): 1 — ст. Ахтанизовская; 2 — Буерова Могила; 3 — Могильник Греки II (фото Б. А. Раева); 4, 5 — Мерджаны; 6 — Ореховка (фото автора); 7 — Неаполь Скифский (по Зайцев 2003: рис. 78: 2).

Fig. 12. Pilos type helmets (1, 2, 4, 5 — photo by D. Aleksinski): 1 — Akhtanizovskaya; 2 — Buerova Mogila barrow; 3 — Greki 2 burial ground (photo by B. Raev); 4, 5 — Merdzhany; 6 — Orekhovka (photo by the author); 7 — Scythian Neapolis (after Зайцев 2003: рис. 78: 2).

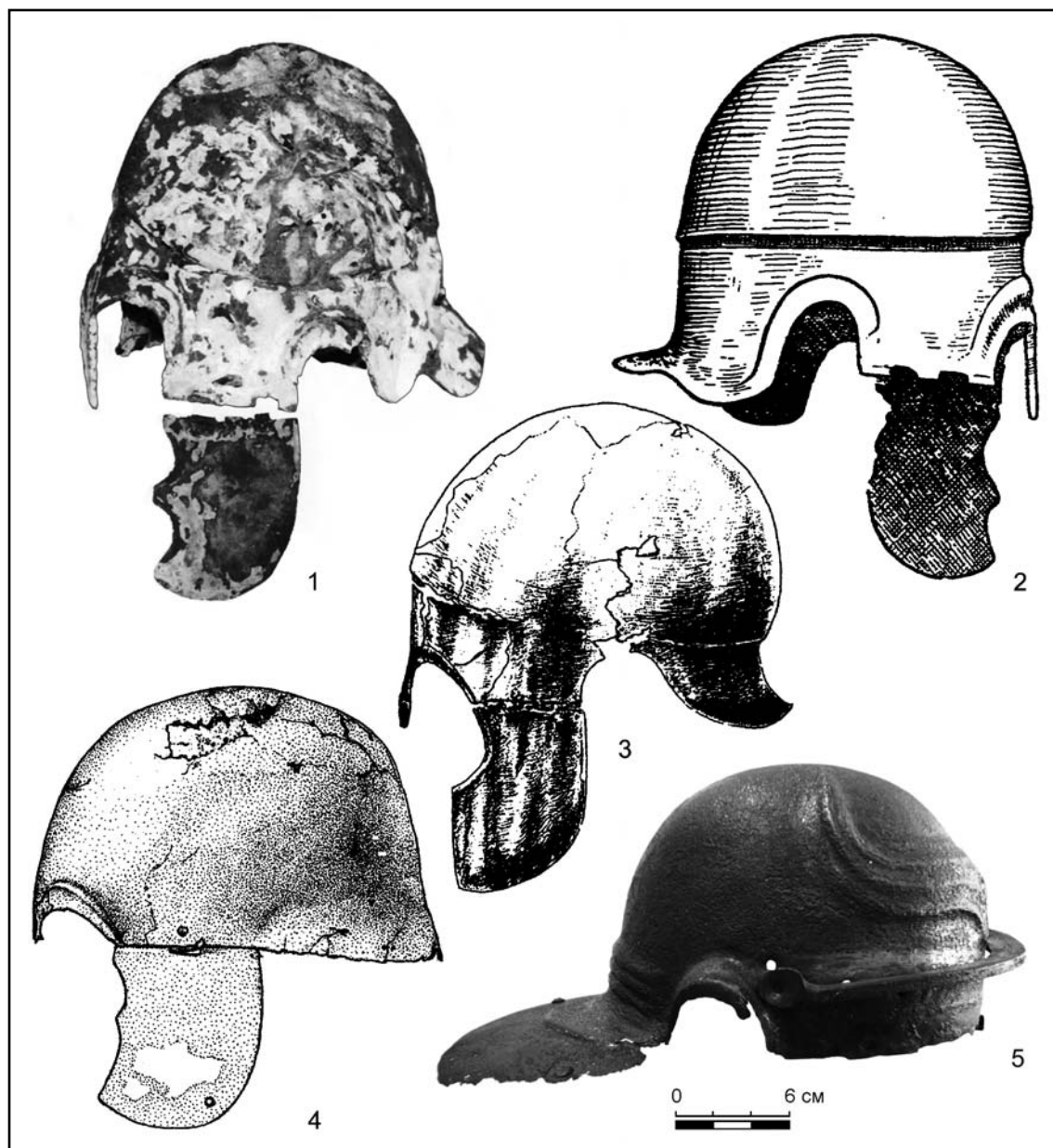

Рис. 13. Античные шлемы: 1 — Казачий Брод (по Хрисанова 2005: 7, фото); 2 — Мезмай, разрушенный курган (по Рабинович 1941: рис. 17); 3 — Мезмай, п. 3 (по Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: рис. 6: 2); 4 — хут. Ленина (с любезного разрешения И.И. Марченко); 5 — Район Сочи (фото автора).

Fig. 13. Greek helmets: 1 — Kazachii Brod (after Хрисанова 2005: 7, фото); 2 — Mezmai, robbed barrow (after Рабинович 1941: рис. 17); 3 — Mezmai, grave 3 (after Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: рис. 6: 2); 4 — Lenin khutor (courtesy of I. Marchenko); 5 — Sochi region (photo by the author).

копках И.И. Марченко в 1981 г. в меотском могильнике у хутора Ленина (рис. 13: 4)⁷.

Б.З. Рабинович определил шлем из Мезмая как **аттический**. Н.Ф. Шевченко и его соавторы полагают, что опубликованный ими шлем из этого могильника, как и все перечисленные выше, относится к халкидскому типу

(Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 143). Разница между аттическим и халкидским шлемами состоит в том, что нащечники последнего выкованы вместе с тульей, составляя с ней одно целое, и лишь шлемы V типа по Х. Пфлугу (группы VII по Э. Кунце) имеют подвижные нащечники на шарнире (Pflug 1988: 138, Abb. 2). У аттических шлемов они иной формы — округлые, с когтевидным выступом, направленным вверх. Представительное количество таких шле-

⁷ Благодарю И.И. Марченко за разрешение опубликовать находку.

мов происходит из скифских и античных памятников юга Восточной Европы (Черненко 1968: 83—86). Питер Конноли называл аттическими шлемы халкидского типа с нащечниками на петлях и без наносника (Connolly 1981: 63).

Судя по форме нащечников, халкидским является лишь шлем из п. 3 могильника Мезмай. Он относится к IV в. до н.э., хотя комплекс погребения должен датироваться II—I вв. до н.э. (ср. датировку Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 149). Экземпляры из хут. Ленина, Казачьего Брода и разрушенного кургана в Мезмае — вероятнее всего, аттические, с приделанными позже нащечниками. Это — еще одно подтверждение долгого бытования античных шлемов у причерноморских варваров.

Тип Вайзену (Weisenau) (Г. Ваурик) или «**имперско-галльский**» (Г. Робинсон). Бронзовый легионерский шлем этого типа (рис. 13: 5) найден при вспашке поля близ Сочи. Это вариант D-Робинсон, датирующийся второй четвертью I в. н. э. Скорее всего, шлем из Сочи связан с событиями римско-боспорской войны 45—49 гг. н. э.

Варварские шлемы

Название этой группы достаточно условно и имеет целью подчеркнуть **не античное** происхождение объединенных в нее шлемов. Типы в этой группе выделены по форме тульи и некоторым конструктивным особенностям.

Псевдоиллирийские шлемы с полусферической тульей, украшенной двумя рельефными ребрами⁸. Достоверно известно 9 целых и фрагментированных экземпляров (см. каталог)⁹. Все шлемы этого типа найдены на Северо-Западном Кавказе (в Адыгее). Общей чертой их является, помимо формы, технология — тулья склепана из двух половинок внахлест по «сагиттальному шву». Конструктивные детали и орнаментация ту-

льи различны и позволяют выделить несколько вариантов таких шлемов¹⁰.

Вариант 1. Найдены в Курганинске (рис. 14: 1), могильниках Серегинском (рис. 14: 2) и Четук (2 экз.; рис. 14: 3, 4), в святилище на р. Псенафа. Шлем этого варианта из коллекции С. В. Караковского, хранящийся в ГМИИ, по мнению В. Р. Эрлиха, происходит из Мезмая.

Тулья полусферическая, сжата с боков. Ее нижний край завернут наружу и прокован, образуя невысокий валик. Несколько выше по околышу тульи проходит такой же валик, поворачивающийся на фронтальной части вверх и образующий двойное ребро по «сагиттальному шву», которое на тыльной части смыкается с валиком.

Экземпляры из Четука и Серегинского декорированы штампованной деградированной «стефаной» с волутами по концам; один из четукских шлемов, кроме того, оформлен несколькими вертикальными ребрами на фронтальной и теменной частях тульи. В этом декоре чувствуются мотивы синхронных псевдоаттических шлемов, вероятно, знаковых мастерам, делавшим псевдоиллирийские.

Вариант 2. Паспортизованный экземпляр происходит из могильника Мезмай; два таких шлема с коллекционерских сайтов якобы найдены в Краснодарском крае.

Тулья полусферическая, сжата с боков, с выделенными надбровными дугами и острым наносником. По низу тульи — рельефный валик, образованный завернутым наружу и прокованным краем. Назатыльник — «аттический». Нащечники прямоугольные, с закругленным нижним краем, с отверстиями для крепления подкладки, крепились на шарнирах. «Иллирийское ребро» тройное, в низком рельефе. Тулья декорирована тройными или одинарными вертикальными ребрами, околыш — рельефным зигзагом. Нащечники украшены в едином с тулей стилие: рельефная окантовка края и вертикальные ребра в центре (рис. 15: 1).

В форме и конструкции шлемов этого варианта просматриваются черты аттических и халкидских шлемов IV в. до н.э. (надбров-

⁸ Название подсказано двойным ребром по теменной части тульи, характерным для т. н. инсультно-иллирийских шлемов. Хронологический разрыв в бытовании тех и других не позволяет видеть какое-либо влияние иллирийских шлемов на генезис псевдоиллирийских, хотя находка в некрополе Нимфея (Черненко 1968: 92—93, рис. 51) не исключает знакомства местного населения Северо-Западного Кавказа с иллирийскими шлемами.

⁹ Еще три были вывешены на коллекционерских сайтах; два шлема этого типа я видел в частной коллекции в США и в музее частного Сафари-парка в Геленджике.

¹⁰ Независимо от меня, но практически одновременно со мной эти шлемы объединил в три такие же группы А. В. Дедюлькин (Дедюлькин 2013а: 50). Он считает такие шлемы изделиями меотского производства, конструкция которых была разработана под влиянием позднеэллинистических античных шлемов (псевдоаттических и халкидских). А. В. Дедюлькин предлагает называть эти шлемы «серия Даховская-Мезмай» (Дедюлькин 2013а: 52).

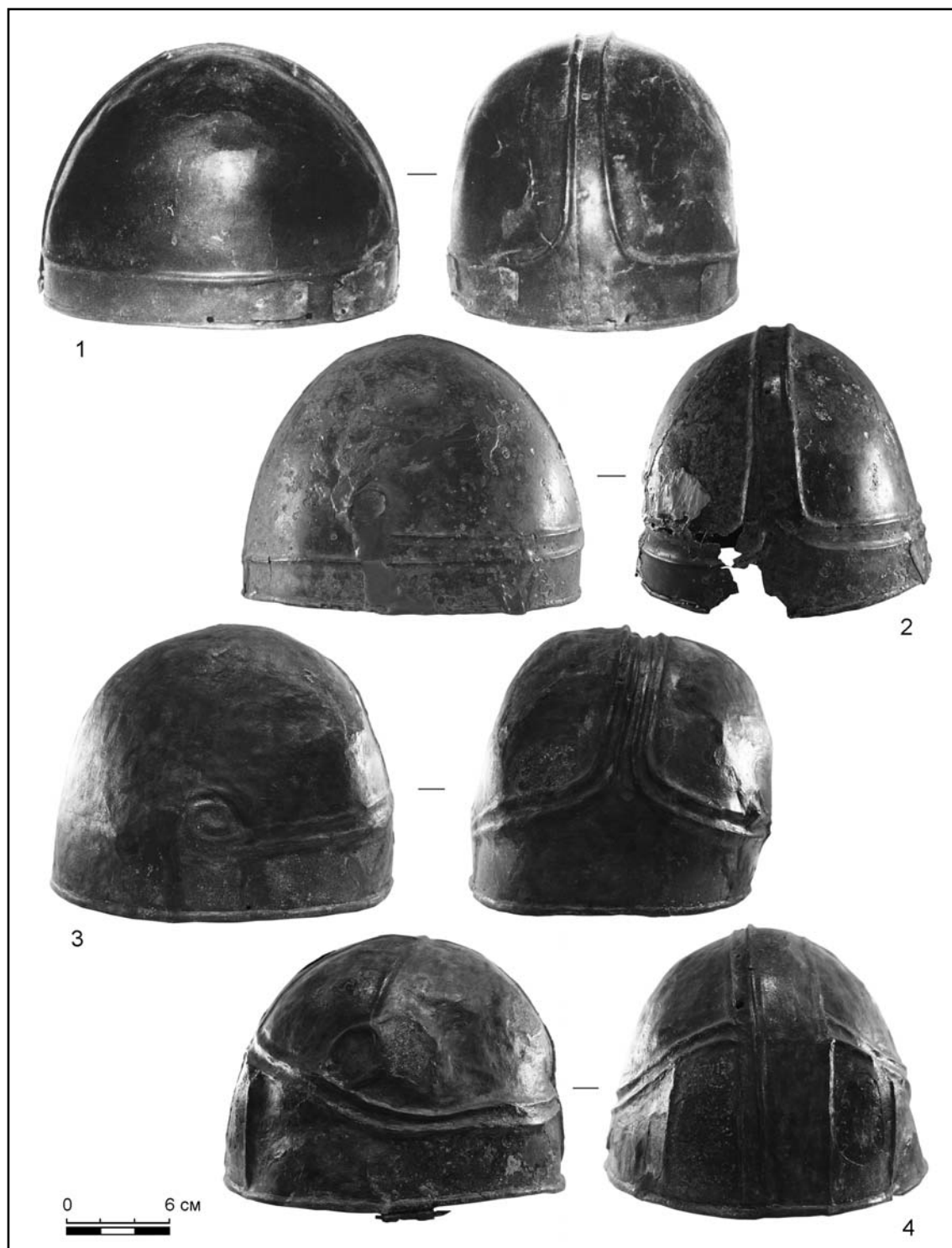

Рис. 14. Псевдоиллирийские шлемы 1 варианта (фото автора): 1 — Курганинск; 2 — Серегинский могильник, п. 138; 3, 4 — Четук, 3/3.

Fig. 14. Pseudo-Illyric helmets of the 1st variant (photo by author): 1 — Kurganinsk; 2 — Sereginskii cemetery, grave 138; 3, 4 — Cetuk burial ground, barrow 3, grave 3.

ные дуги, наносник, назатыльник). Судя по находкам (см. выше), переделанные шлемы этих типов были в ходу у варваров Северного Кавказа в эпоху позднего эллинизма и могли послужить образцом для местных кузнецов.

Вариант 3. Найдены в могильнике Мезмай (рис. 15: 2) и в кургане у станицы Даховской (рис. 15: 3). Тулья полусферическая, сжата с боков, с коротким наносником и валиком по краю. «Иллирийское ребро» на тыльной

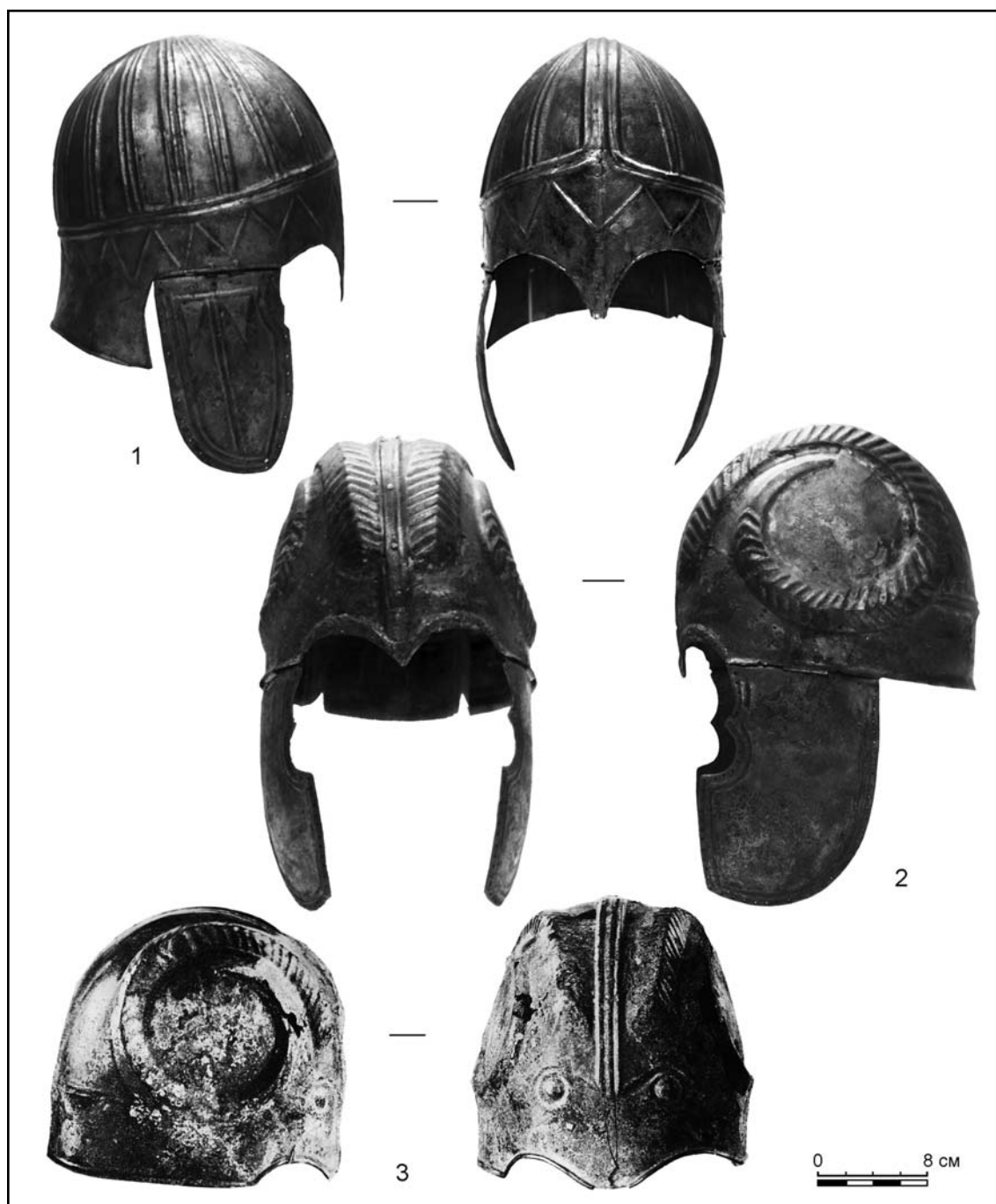

Рис. 15. Псевдоиллирийские шлемы 2 и 3 вариантов (1, 2 — фото М.И. Смагляка): 1 — Мезмай, погр. 3; 2 — Мезмай, территория могильника; 3 — Даховская (по Рабинович 1941: табл. XXV).

Fig. 15. Pseudo-Illyric helmets of the 2nd and 3rd variants (1, 2 — photo by M. Smagliuk): 1 — Mezmai, grave 3; 2 — Mezmai, stray find; 3 — Dakhovskaya (after Рабинович 1941: табл. XXV).

части переходит в двойной валик, образующий «стефану». По бокам тульи в высоком рельефе откованы два бараньих рога, покрытых поперечными насечками, треугольных в сечении. На фронтальной части шлема из Даховской промоделированы глаза. Шлем из Мезмая сохранил нащечники с лицевым и подбородным выступами, окантованные невысоким валиком. Часто расположенные отверстия по краю

нащечника служили для прикрепления подкладки из толстой кожи¹¹.

Как и в предыдущем варианте, наносник и надбровные дуги шлемов из Мезмая и Даховской демонстрируют влияние атти-

¹¹ Шлем реконструирован из мелких фрагментов реставратором КГИАМЗ М. И. Смагляком. Однако нащечники, на мой взгляд, непропорционально велики.

ческой и халкидской оружейных традиций. Оформление тульи бараными рогами указывают на индо-иранские корни этого декора: баран — одна из инкарнаций фарна.

Хронология и происхождение. Погребения могильников Четук и Серегинского со шлемами датируются II—I вв. до н. э. (Эрлих 1996: 178; Кожухов 1999: 164). К этому же времени, скорее всего, относятся шлемы 3 варианта из Мезмая и Даховской, хотя в литературе они датированы IV—III (Рабинович 1941: 165—166; Черненко 1968: 95) или III—I вв. до н. э. (Эрлих 1996: 179; Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 143). Ритуальный депозит в Курганинске относится к I в. до н. э. (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 127—128).

В свое время за неимением лучшего мы предположили, что экземпляр из Курганинска является репликой шлемов тессинского типа (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 121). В. Р. Эрлих справедливо счел эту параллель далекой и вряд ли обоснованной (Эрлих 1996: 178). Он считает, что такие шлемы — местного производства. Отсутствие аналогий на других территориях и в памятниках других культур делает эту гипотезу убедительной. С. П. Кожухов обратил внимание на сходство исследуемых шлемов со шлемом богини на большом фаларе из Северского кургана (Кожухов 1999: 165). Опираясь на мнение К. Ф. Смирнова о среднеазиатском происхождении северского фалара, С. П. Кожухов считает такие шлемы «местным подражанием эллинистическим или восточным образцам» (Кожухов 1999: 165).

Конические шлемы с составной тульей — 8 (?) экз. Найдены в курганах Золотого кладбища¹², у ст. Ярославской и Старотитаровской. В распоряжении исследователей есть лишь изображение такого шлема из к. 40 между Казанской и Тифлисской (рис. 16: 1, 2). По ряду признаков (коническая тулья, длинный наносник) А. М. Хазанов предложил его восточное происхождение (Хазанов 1971: 62). Не исключено, что в некоторых ограбленных погребениях найдены остатки шлемов такого же типа. Это крупные изогнутые фрагменты железа, некоторые с отогнутым краем.

Ближайшим аналогом доспеху из к. 40 остаются два шлема из т. н. Истяцкого клада в Западной Сибири (рис. 16: 3, 4), на которые указывал еще Э. фон Ленц (Ленц 1902: 122—123). Судя по условиям наход-

ки, это ритуальный депозит I—II вв. н. э. (Соловьев 2003: 112, 117). В частном музее Сафари-парка в Геленджике хранится подобный шлем из грабительских раскопок. Шлем якобы найден вместе с котелком типа Ровное (II—III вв. н. э.). Реставрировавший его А. В. Дмитриев убежден в аутентичности шлема. Похоже, что железные конические шлемы появились у сарматов не раньше рубежа н. э. Возможно, они кушанского (Горелик 1982: 100) или парфянского (Негин 2007: 344) происхождения.

Каркасные шлемы — 6 экз. Найдены в к. 6 у ст. Тбилисской, к. 13 у с. Кишпек и в могильнике у хут. Городского в бассейне Кубани (см. каталог). Шлем из Тбилисской бронзовый, с полусферической ажурной тульей, состоящей из склепанных между собой в два яруса 32 полос с арочными окончаниями. К задней части обруча приклепаны три петли, в которых подвижно закреплен проволоочный каркас бармицы (рис. 17: 1, 2).

Три аналогичных железных шлема происходят из погребений Суворовского могильника (рис. 17: 4) азелинской и Нивского могильника мазунинской культур (Генинг 1963: 70, рис. 37: 2, табл. XX: 1; Останина 1978: 111, табл. VIII: 3; Бажан, Гей 1992: 116—117). Шлем из ст. Тбилисской датируется второй половиной II в. н. э. (Ждановский 1984: 81), экземпляры из Прикамья более поздние — III (Бажан, Гей 1992: 121) или IV—V (Голдина, Волков 2000: 102) вв. н. э. Они несколько отличаются от тбилисского (рис. 17: 3а-в): каркас составляют не три, а две арки, а сектора заполнены тремя (а не двумя, как на тбилисском шлеме) ярусами пластин с раздвоенными концами.

У сарматов прототипов такой конструкции нет. Е. В. Лурье считает эти шлемы (она называет их каркасно-ламинарными) сяньбийскими по происхождению, проделавшими сложный путь через воинов саргатской культуры к сарматам (Лурье 2012: 167). Плохо то, что ни в памятниках саргатской культуры, ни у самих сяньби подобных шлемов нет, а типологически близкие все же отличаются от рассматриваемых.

В этом же типологическом ряду стоит шлем из Кишпека, датирующийся около 300 г. н. э. Его нынешнее местонахождение неизвестно, а из описания следует, что шлем был набран из железных, плакированных серебром пластин, а его фронтальная часть украшена золотой пластиной над наносником и вставками 4 сердоликов в золотых казах. Текст сопровождается рисунком шлема (рис. 18: 1) и прорисовкой его теменной части

¹² Раскопки А. М. Ждановского у ст. Тбилисской 1977—1978 гг. (Ждановский 1984: 74, 77, 88, 89).

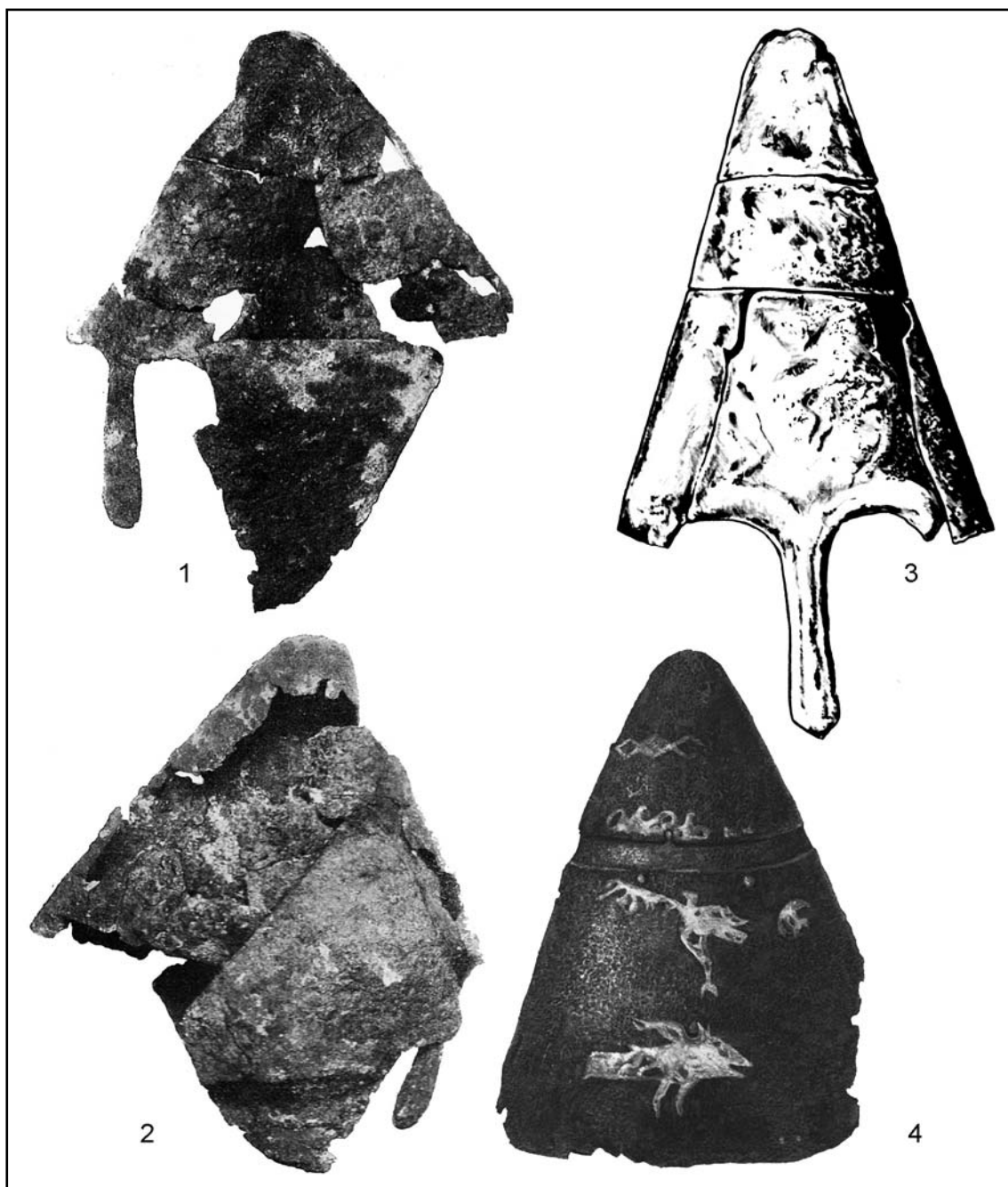

Рис. 16. Конические шлемы: 1, 2 — между ст. Казанской и Тифлисской, к. 40 (масштаб 2/9) (по Ленц 1902: рис. 1; 2); 3, 4 — Истяцкий клад (по Соловьев 2009: рис. 33).

Fig. 16. Conical helmets: 1, 2 — between Kazanskaya and Tiflisskaya stations, barrow 40 (scale 2/9) (after Ленц 1902: рис. 1; 2); 3, 4 — Istyatski hoard (after Соловьев 2009: рис. 33).

(рис. 18: 1а) с «тремя железными пластинчатыми кольцами» (Бетров 1987: 34, рис. III: 1). Е. В. Лурье, исходя из описания, называет этот элемент «плоским навершием-розеткой» (Лурье 2013а: 274), не объясняя конструктивных особенностей такого завершения тульи. Внимательно проанализировав рисунок кишпекского шлема и фото аналогичного шлема из грабительских раскопок близ Минвод (рис. 18: 3), я пришел к следующим выводам.

Несмотря на неясности рисунка (например, вместо описанных 32 пластин на рисунке изображена 31), на нем отчетливо видно, что основу тульи составляют две склепанные крест-накрест арки и что «пластинчатые кольца» на самом деле являются продолжением пластин, из которых набран шлем. Вероятно, конец каждой пластины, из которых была набрана тулья, раздваивался в виде дуги; при соединении дуги формировали «кольцо» —

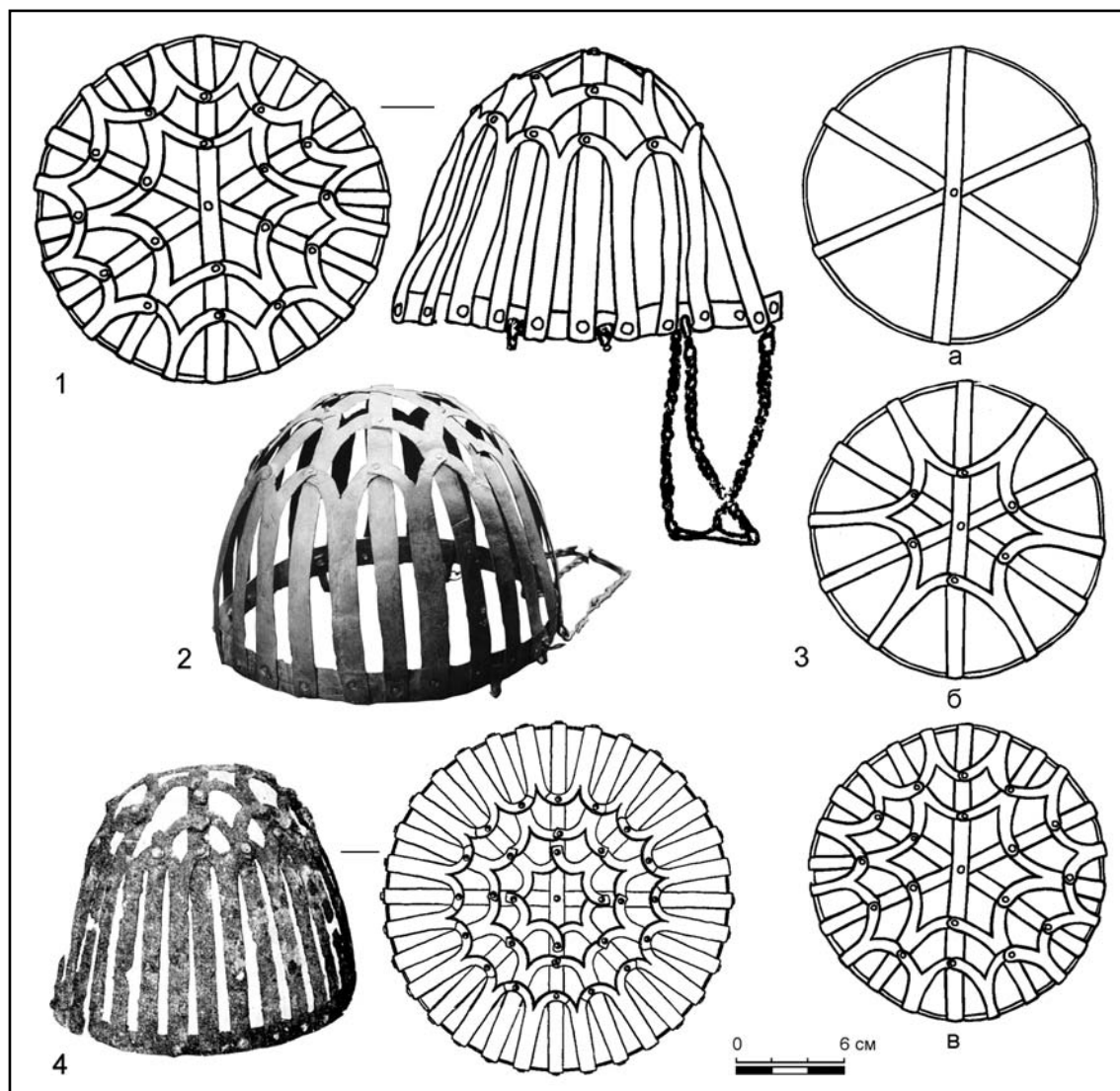

Рис. 17. Каркасные шлемы: 1—2 — Тбилисская, к. 6 (по L'or 2001: 248, cat. 285; Ждановский 1984: рис. 1: 41); 3 — этапы изготовления шлема; 4 — Суворовский могильник (по Генинг 1963: рис. 37: 2, табл. XX: 1; Голдина, Волков 2000: рис. 18: 1).

Fig. 17. Frame helmets: 1—2 — Tbilisskaya, barrow 6 (after L'or 2001: 248, cat. 285; Ждановский 1984: рис. 1: 41); 3 — stages in helmet manufacturing; 4 — Suvorovski cemetery (after Генинг 1963: рис. 37: 2, табл. XX: 1; Голдина, Волков 2000: рис. 18: 1).

подтверждением этому могут быть заклепки, необходимые в местах соединения дуг, но излишние в таком количестве на сплошном кольце. Таким образом, пластины каждого яруса скреплялись между собой, с пластинами соседнего яруса и с арочным каркасом. Видимо, автор рисунка не увидел этого и показал «кольца» сплошными. По низу тульи концы всех пластин схватывались обручем на заклепках.

При этом сами пластины были трех размеров: концы самых длинных образовывали внутреннее «кольцо» (рис. 18: 2а), концы более коротких — следующее «кольцо» вокруг первого (рис. 18: 2б), и концы самых коротких образовывали внешнее «кольцо» (рис. 18:

2в). Расположение «колец» в три яруса (одно выше другого) хорошо видно на рисунке.

Если такая реконструкция верна, то мы видим эволюцию ажурного шлема: три арки каркаса (Тбилисская) превратились в две (Суворовский и Нивский могильники, Кишпек); редко расположенные два яруса пластин (Тбилисская) стали плотнее в конструкции с тремя ярусами (Суворовский и Нивский могильники), затем пластины начали набирать встык, а Y-видные окончания выгнули в противоположную сторону, образовав «кольца» (Кишпек). «Тбилисскую» и «кишпекскую» схемы сближает и конструкция бармицы из цепочек с длинными звеньями. Примечательно, что начальное и конеч-

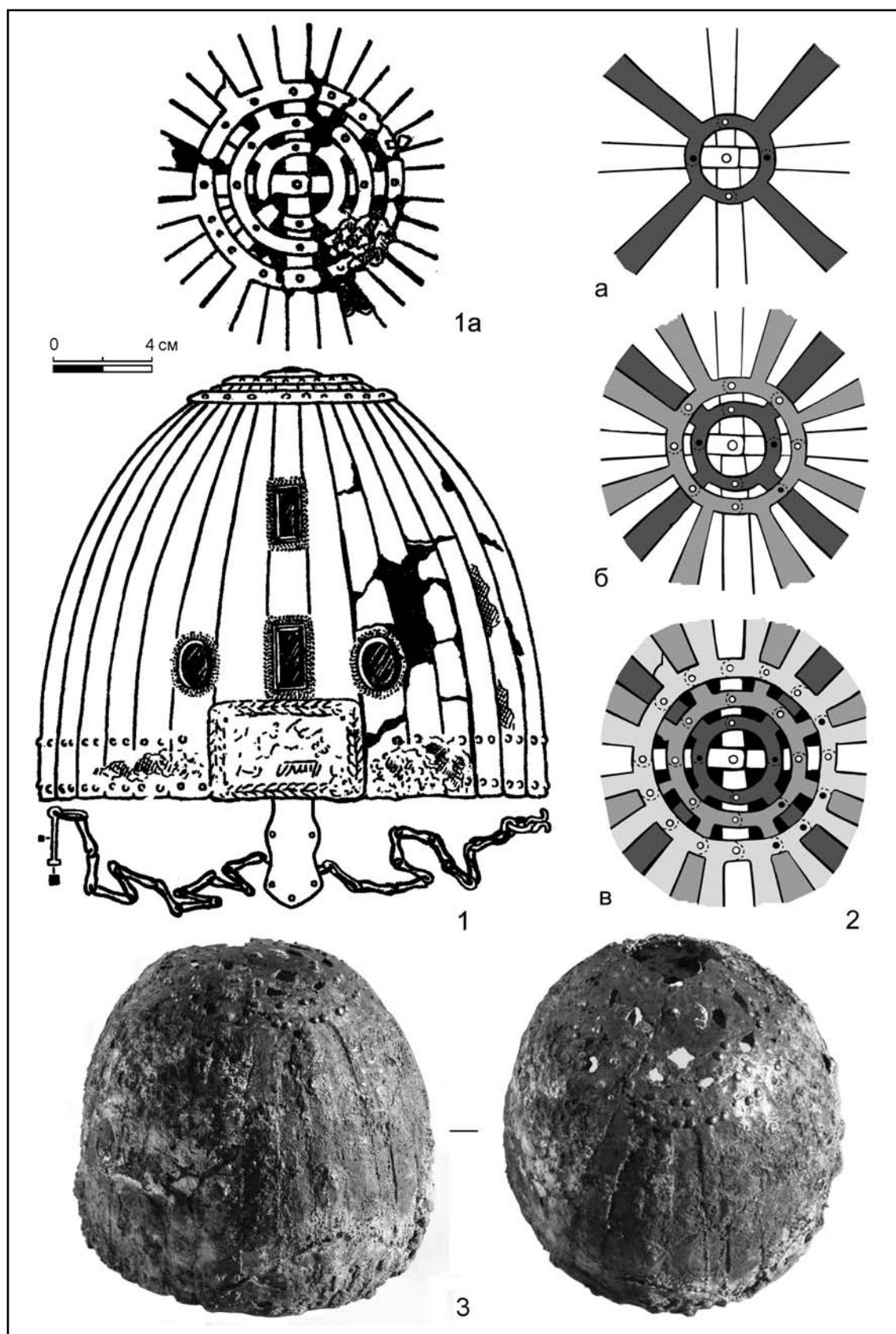

Рис. 18. Шлем из Кишпека: 1, 1а — прорисовка (по Бетрозов 1987: рис. III: 1); 2а-в — этапы изготовления шлема; 3 — шлем из Минвод.

Fig. 18. Helmet from Kishpek: 1, 1а — drawing (after Бетрозов 1987: рис. III: 1); 2а-в — stages in helmet manufacturing; 3 — helmet from Mineralnye Vody.

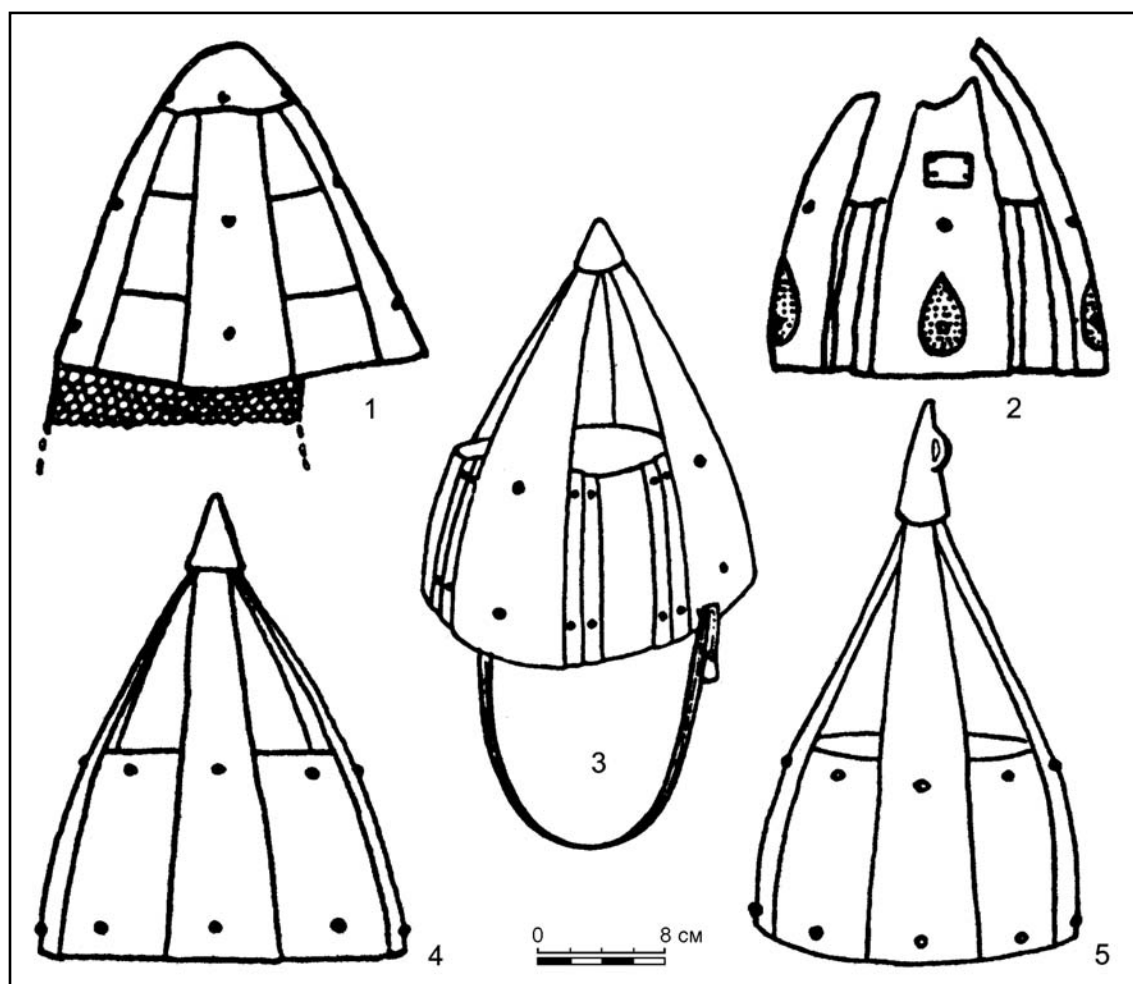

Рис. 19. Каркасные шлемы из могильника у хут. Городского: 1 — погр. 6 (реконструкция); 2 — погр. 1; 3 — погр. 1 (реконструкция); 4 — погр. 8 (реконструкция); 5 — погр. 10 (реконструкция) (по Сазонов 1992: рис. 2: 11; 7: 3; 9: 5; 11: 4; 15: 1).

Fig. 19. Frame helmets from cemetery at Gorodskoi farm: 1 — Grave 6 (reconstruction); 2 — Grave 1; 3 — The same, reconstruction; 4 — Grave 8 (reconstruction); 5 — Grave 10 (reconstruction) (after Сазонов 1992: рис. 2: 11; 7: 3; 9: 5; 11: 4; 15: 1).

ное звенья этого ряда найдены на Северном Кавказе.

Наличие у сарматов каркасных шлемов впервые предположил М.И. Ростовцев (Ростовцев 1914: 329) на основе иконографических источников (пантикапейские скелеты, колонна Траяна и др.). Его идею принял А.М. Хазанов (Хазанов 1971: 61—62). Странно, что таких шлемов почти нет среди сарматского археологического материала. Тем не менее, в могильнике у хут. Городского в Адыгее¹³ в шести погребениях были найдены железные каркасные шлемы. Они двух вариантов: из склепанных между собой вна-

хлест треугольных пластин (пп. 4 и 6) и каркасные, нижняя часть тульи которых также обшита пластинами (пп. 1, 8, 10). Перед нами едва ли не единственные достоверные экземпляры каркасных шлемов собственно сарматского изготовления (рис. 19), а отсутствие аналогий на других территориях лишь подтверждает это.

А.В. Сазонов «растянул» датировку могильника на 100 лет — с конца I по конец II в.н.э. (Сазонов 1992: 257). Между тем, в нем нет среднесарматского культурного комплекса (мечи с кольцевым навершием, зеркала-подвески Хазанов-IX с умбоном, египетский фаянс и т.п.). Напротив, в могильнике найдены яркие индикаторы позднесарматской культуры — длинные мечи без наверший, удила с колесовидными псалиями, зеркала-подвески Хазанов-IX с орнаменти-

¹³ По мнению исследователей, могильник оставлен меото-сарматским (Сазонов 1992: 246) либо сарматским или сарматизированным (Кожухов 1999: 173) населением.

рованной обратной стороной. Подвязные фибулы 4 варианта I серии с длинной обмоткой спинки, профилированные фибулы с бусинами на спинке формы 3а II серии, эмалевые броши форм 29 и 70 датируют могильник у хут. Городского концом II — первой половиной III в. н. э. (Кропотов 2010: 80, 231, 308, 314).

Таким образом, у сарматов и их соседей-варваров бытовали как античные шлемы, так и шлемы собственного изготовления. Достаточно представительная выборка (72 целых и фрагментированных экземпляра, без учета грабительских находок) свидетельствует о популярности и относительной доступности шлемов у воинов сарматского времени.

Каталог.

Шлемы сарматского времени из Восточной Европы

Псевдоаттические

1. Гэвань, Румыния (Harŭche 1986: 26 ff., fig. 2—8; Sîrbu, Harŭche 2000: 141, fig. 8: 4; Зайцев 2007: 258, рис. 2: 1; Simonenko 2001: 251, Abb. 30: 5; Симоненко 2008: 200, рис. 5: 1; 2010: 137, рис. 109: 4).

2. Бубуечь, Молдова (Отчет 1909: 14; Рабинович 1941: 152—154, рис. 23; Черненко 1968: 88—89, рис. 47; Simonenko 2001: 249, Abb. 30: 1; Симоненко 2008: 259, рис. 4: 1; 2010: 134, рис. 105; 106).

3. Каменка-Днепровская, Украина (Рабинович 1941: 157—158, рис. 26; Черненко 1968: 92; Simonenko 2001: 249—250, Abb. 30: 6; Симоненко 2008: 259; 2010: 134, рис. 107).

4. хутор Апостолиды, Адыгея (Симоненко 2010: 134, рис. 108: 3; Раев, Симоненко 2014).

5. Краснодарский край (Анфимов 1981: 94—100, рис. 5: 6; Simonenko 2001: 250, Abb. 30: 2; Симоненко 2008: 259; 2010: 134, рис. 108: 4).

6. ст. Грушевская, Нижний Дон (Крайсветный 1980: №8764, 8764а; Раев 1981: кат. №388, табл. 12; Simonenko 2001: 250, Abb. 30: 3; Симоненко 2008: 259, рис. 4: 2; 2010: 134, рис. 108: 1; Дедюлькин 2012: 39—40, рис. 4: 1).

7. Владикавказ (Рабинович 1941: 159—160, табл. 23; Simonenko 2001: 250, Abb. 30: 4; Симоненко 2008: 259; 2010: 134, рис. 108: 2; Алексинский, Гуляева 2007: кат. №63).

8. Мезмай, Адыгея (Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 122, рис. 6: 1; 7: 4).

9. Керчь, Крым (ДБК 1854: 62, 146 сл., 190 сл., табл. XXVIII; Виноградов 1997: 73—74, рис. 1: 3; Алексинский, Гуляева 2007: 108, кат. №60; Алексинский 2008а: 31—70).

10. Чокракский мыс, Крым (Масленников, Трейстер 1997: 145—147, рис. 3: 4).

Монтефортино

1. Марьевка, Украина (Jakounina-Ivanova 1927: 100—103, fig. 8; Симоненко 1986: 80—82, рис. 1: 1; 1987: 105—106, рис. 2: 1; 2008: 264; 2010: 137, рис. 110—112: 1; 2011: 9, 218, рис. 2; 2013: 9, рис. 1; Трейстер 1987: 13; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 128, рис. 39: 1, 2; Raev, Simonenko, Treister 1991: 483, fig. 20; Simonenko 2001: 252, Abb. 31: 1; 2008: 39, 55, Abb. 31; Taf. 4: 1).

2. Беленькое, Украина (Бруяко, Россохацкий 1993: 78, рис. 2; Raev, Simonenko, Treister 1991: 483, fig. 20; Simonenko 2001: 252, Abb. 31: 2; 2008: 39, 56, Abb. 32; Taf. 5: 2; Симоненко, 2008: 264; 2010: 139, рис. 113; 2011: 9, 232, рис. 3; 2011а: 121, рис. 2: 1; 2013: 9, рис. 2).

3. Токмак-Могила, Украина (Reinecke 1951: 37—44; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 129, рис. 40: 3; Raev, Simonenko, Treister 1991: 488, fig. 25; Simonenko 2001: 253, Abb. 31: 4; Симоненко 2010: 144, рис. 119; 2011: 9, 173, рис. 1: 1; 2013: 9, рис. 6: 3).

4. Веселая Долина, Украина (Редина, Симоненко 2002: 78, рис. 1: 1; Simonenko 2001: 254, Abb. 31: 3; 2008: 29—40, 56; Abb. 33; Taf. 6: 1; Симоненко 2010: 141, рис. 115; 116: 1; 2011: 11—13, 232, рис. 5: 1—3; 2011а: 121, рис. 2: 3; 2013: 18, рис. 7: 3).

5. Привилля, Украина (Simonenko 2001: 254, Abb. 31: 5; 2008: 55, Taf. 3: 3; Симоненко 2010: 141, 144, рис. 116: 2, 117, 118; 2011: 11, 167, рис. 6; 2011а: 121, рис. 2: 2; 2013: 18, рис. 7: 4).

6. Приморское, Украина (Попандопуло 2009: 52—54, рис. 1—4; Симоненко 2011а: 119, рис. 1: 2; 2013: 19, рис. 7: 7).

7. Новопрохоровка, Нижний Дон (Косяненко, Лукьяшко, Максименко 1978: 266—267, рис. 2; Максименко 1983: 109; Смирнов 1984: 70, рис. 27; Симоненко 1987: 104—105, рис. 1: 3; 2010: 146; 2011: 9, рис. 4: 1; 2013: 15, рис. 6: 4; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 130, рис. 39: 3; Raev, Simonenko, Treister 1991: 491, fig. 28, Taf. 36; Simonenko 2001: 254, Abb. 32: 2).

8. Новочеркасск, Нижний Дон (Raev 1986: 85—86, pl. 79; Симоненко 1987: 106—107, рис. 1: 2; 2010: 145; 2011: 9, рис. 4: 2; 2013а: 15, рис. 6: 6; Раев 1988: 37—39; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 131, рис. 40: 2; Raev, Simonenko, Treister 1991: 489, fig. 27, Taf. 35; Simonenko 2001: 254, Abb. 32: 3).

9. хут. Веселый, Нижний Дон (Археологические исследования 1941: 209; Шилов 1975: 147 сл.; 1978: 109 сл.; Симоненко 1987: 108—109, рис. 2: 5; 2008: 265, рис. 7: 2; 2013: 19, рис. 7: 6; Раев 1988: 37—39; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 127, рис. 38: 1; Raev, Simonenko, Treister 1991: 494, fig. 31: 1—4; Simonenko 2001: 257, Abb. 34: 1; Алексинский 2008: 24—25, илл. 5).

№4. 2014

10. Антиповка, Средний Дон (Гущина 1961: 241—246, рис. 1; Шилов 1978: 110; Симоненко 1987: 108, рис. 2: 6; 2013: 18, рис. 7: 2; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 125, рис. 37: 1; Raev, Simonenko, Treister 1991: 472, fig. 3, Taf. 27; Simonenko 2001: 257, Abb. 34: 2;).

11. Ездочное, Средний Дон (Ворошилов, Золотарев 2009: 152—161, рис. 3; 4; Ворошилов 2010: 265—270, рис. 2: 1—4; Симоненко 2013: 19, рис. 7: 5).

12. Сергиевская, Прикубанье (Смирнов 1984: 71; Симоненко 1987: 106, рис. 1: 1; 2: 3; 2010: 143, рис. 120; 2011: 9, рис. 4: 3; 2013: 15, рис. 6: 5; Раев 1988: 37—39; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 131, рис. 38: 2; Raev, Simonenko, Treister 1991: 492, fig. 30: 1—3, Taf. 38; Simonenko 2001: 254, Abb. 32: 1).

13. Роговская, Прикубанье (Шевченко 2005: 131, рис. 5: 2; Симоненко 2010: 145; 2011: 9, рис. 4: 4; 2013a: 15, рис. 6: 7).

14. Колхоз им. Мичурина, Прикубанье (подражание) (Аптекарев 1986: 7—8; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 121, рис. 41: 2; Raev, Simonenko, Treister 1991: 488, fig. 26: 1—2, Taf. 33—34; Simonenko 2001: 260, Abb. 35: 3).

15. Владимирская, Закубанье (Цокур 1998: 127—128; Simonenko 2001: 256, Abb. 33: 1; Редина, Симоненко 2002: 81, рис. 4; Симоненко 2013: 23, рис. 8: 4).

16. Могильник Серегинский, Адыгея (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 132, рис. 37: 3; Raev, Simonenko, Treister 1991: 491, fig. 29, Taf. 37; Simonenko 2001: 258, Abb. 34: 3; Симоненко 2008: 264, рис. 7: 4; 2013: 21, рис. 8: 3).

17. Кисловодск, Сев. Кавказ (Савенко 1998: 46—47, рис. 1; Simonenko 2001: 256, Abb. 33: 2; Симоненко 2008: 266; 2011a: 117, рис. 1: 1; 2013: 21, рис. 8: 2).

18. Чегем-2, Сев. Кавказ (Керефов 1985: 198, рис. 6: 1; Симоненко 1987: 108, рис. 2: 8; 2013: 19, рис. 7: 1; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 132, рис. 40: 1; Raev, Simonenko, Treister 1991: 480, fig. 14; Simonenko 2001: 260, Abb. 35: 1).

19. Заманкул, Сев. Кавказ (Туаллагов 2002: 100, рис. 1: 1; Симоненко 2010: 145; 2011: 10; 2013a: 15, рис. 6: 8).

20. Ингушетия (подражание) (Гадиев, Бурков 2002: 48—57, рис. 1: 1).

21. Новоалександровск, Ставрополье (Прокopenko 2010: 292—296; Симоненко 2013a: 15, рис. 6: 9).

22. Мариенталь, Поволжье (Rau 1927: 53—55; Шилов 1978: 109; Симоненко 1987: 109, рис. 2: 7; 2013: 20—21, рис. 8: 1; Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 128, рис. 40: 4; Raev, Simonenko, Treister 1991: 483, fig. 19; Simonenko 2001: 260, Abb. 35: 2).

Восточнокельтский

1. Хут. Бойко-Понура, Прикубанье (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 126, рис. 41: 1; Raev, Simonenko, Treister 1991: 476, fig. 10; Марченко 1996: 67, рис. 105: 2; Simonenko 2001: 259, Abb. 38: 1;

Mihaljevic, Dizdar 2007: 125—126, 128; Дедюлькин 2013: 36—42).

Манхайм

1. Заманкул, Сев. Кавказ (Туаллагов 2002: 100—103, рис. 1: 2).

Пилос/Конос

1. Неаполь Скифский, Крым (Зайцев 1994: 94—100; Зайцев 2003: 55, рис. 78: 2; Simonenko 2001: 261, Abb. 36: 2; Симоненко 2008: 263).

2. ст. Ахтанизовская, Тамань (Спицын 1909: 23, рис. 1: 2; Рабинович 1941: 160—164, табл. XXIV; Waurick 1988: 137, Amm. 37; Simonenko 2001: 261, Abb. 36: 3; Алексинский 2008: 19—22, илл. 1; Власова 2009: 73—74, табл. IV: 1; Симоненко 2008: 262, рис. 6: 1).

3—4. Мерджаны, Адыгея, 2 экз. (Рабинович 1941: 162, табл. XXV; Виноградов 1998: 66, рис. 1: 6; Simonenko 2001: 261, Abb. 37: 2; Алексинский 2008: 22, илл. 3; Симоненко 2008: 263).

5. Буерова Могила, Тамань (Рабинович 1941: 164, рис. 28a, б; Алексинский 2008: 22—23, илл. 4; Симоненко 2008: 262, рис. 6: 3).

6. могильник Греки II, Прикубанье (Simonenko 2001: 261, Abb. 36: 1; Симоненко 2008: 263, рис. 6: 2).

7. Ореховка, Ставрополье (Павлович 1995: 200, рис. 1; Simonenko 2001: 261, Abb. 37: 1; Симоненко 2008: 263, рис. 6: 4).

Халкидский

1. Мезмай, Адыгея (Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 122, рис. 6: 2).

Аттический

1. Хут. Ленина, Прикубанье, не опубликован, раскопки И. И. Марченко 1981 г.

2. Казачий Брод, Адыгея (Хрисанова 2005: 7, фото).

3. Мезмай, Адыгея (Рабинович 1941: 147, рис. 17).

Вайзенау

1. Район Сочи, Сев. Кавказ (Сударев 1991: 143—145, рис. 1).

Псевдоиллирийские

1. Курганинск, Закубанье (Раев, Симоненко, Трейстер 1990: 124, рис. 36: 2; Raev, Simonenko, Treister 1991: 480, fig. 16, Taf. 30—31; Эрлих 1996: 178, рис. 2: 2; Simonenko 2001: 259, Abb. 35: 4).

2. Могильник Серегинский, Адыгея (Эрлих 1996: 176, рис. 1: 3).

3—4. Могильник Четук (2 экз.), Адыгея (Лесков 1985: 129; Эрлих 1996: 178, рис. 1: 2; 2: 1).

5. Могильник Псенафа, Адыгея (Эрлих 2013: 478, рис. 1: 8).

6—8. Мезмай (3 экз.), Адыгея (Шевченко, Зайцев, Мордвинцева 2011: 124, рис. 7: 1—4).

9. Даховская, Адыгея (Рабинович 1941: 165—166, табл. XXV; Черненко 1968: 95, рис. 53; Горелик 1985: 91—94; Эрлих 1996: 176, рис. 1: 1).

Конические

1. Хут. Кривой Лиман, Нижний Дон (Раскопки Е. И. Савченко в 1981 г.).
2. Ст. Ярославская, Закубанье (ОАК за 1896 г.: 57).
3. Ст. Старотитаровская, Прикубанье (Десятичиков 1973: 77).
4. между ст. Казанской и Тифлисской, Прикубанье (Ленц 1902: 120—123; Хазанов 1971: 62).
5. Ст. Ладожская, Прикубанье (ОАК за 1902 г.: 77).

6—9. Ст. Тбилисская, Прикубанье (Ждановский 1984: 74, 77, 88, 89).

Каркасные

1. Ст. Тбилисская, Прикубанье (Ждановский 1984: 80, рис. 1: 41; Лурье 2013а: 268—278).
2. Кишпек, Сев. Кавказ (Бетров 1987: 34, рис. III: 1; Васильев, Кармов 2008: 238—246; Лурье 2013а: 268—278).
- 3—8. Могильник Городской, Адыгея (Сазонов 1992: 248—249, рис. 2: 11; 7: 3; 9: 5; 11: 4; Сазонов и др. 1995: 118, рис. 5: 1; Кожухов 1999: 165—166, рис. 6: 1—4; Лурье 2013: 260—266).

Литература

- Алексинский Д. П. 2008. Античные сфероконические шлемы в собрании Эрмитажа. *СГЭ* LXVI, 18—27.
- Алексинский Д. П. 2008а. Античный железный шлем из погребения воина у Карантинного шоссе близ Керчи. *Труды ГЭ* XLI, 31—70.
- Алексинский Д. П., Гуляева Н. П. 2007. Кат. 63. Бронзовый эллинистический шлем. В: Трофимова А. А. (ред.). *Александр Великий. Путь на Восток*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: ГЭ, 111.
- Анфимов И. Н. 1981. Новые находки бронзовых античных шлемов IV—III вв. до н.э. на северо-западном Кавказе. В: Магомедов А. Х. (отв. ред.). *Античные государства и варварский мир*. Орджоникидзе: б. и., 94—100.
- Аптекарев А. З. 1986. Шлем-подражание из Прикубанья. В: Марченко И. И., Хачатурова Е. А. (ред.). *Древности Кубани (Материалы к семинару)*. Краснодар: б. и., 7—8.
- Археологические исследования 1941: *Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. Краткие отчеты и сведения*. 1941. Москва; Ленинград.
- Атанасов Г. 1992. Сьоржения от III — II в. пр. н.э. от околноте на с. Кълново, Шуменско. *Известия на Исторически музей Шумен* VII, 5—43.
- Бажан И. А., Гей О. А. 1992. К вопросу о датировке прикамских «ажурных» шлемов. В: Щукин М. Б., Гей О. А. (ред.). *Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени*. Санкт-Петербург: б. и., 115—122.
- Бетров Р. Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек. В: Кузнецов В. А. (отв. ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. 3. Памятники средневековья (IV—XVIII вв.)*. Нальчик: Эльбрус, 11—139.
- Брумяко И. В. 2005—2009. От Скифии к Сарматии: десять лет спустя. *Stratum plus* (3), 329—370.
- Брумяко И. В., Россохацкий А. А. 1993. Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея. *ПАВ* 7, 78—81.
- Васильев А. А., Кармов Т. М. 2008. Шлем из княжеского погребения у с. Кишпек. *НАВ* 9, 238—246.
- Виноградов Ю. А. 1997. О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью. В: *Stratum + Петербургский археологический вестник*. Санкт-Петербург; Кишинев: Бизнес-Элита, 73—80.
- Виноградов Ю. А. 1998. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. *Таманская старина* 1, 62—68.
- Власова Е. В. 2009. Ахтанизовский клад. *ВДИ* (3), 63—78.
- Ворошилов А. Н. 2010. Находки античных шлемов на северной периферии сарматского мира. В: Радаева Н. Д. (ред.). *Συμβολα 1. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия*. Москва; Киев: Триумф принт, 265—270.
- Ворошилов А. Н., Золотарев П. М. 2009. Бронзовый шлем с территории Среднего Дона. В: Гуляев В. И. (отв. ред.). *Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004—2008 г.* Москва: ИА РАН, 152—161.
- Гадиев У. Б., Бурков С. Б. 2002. Предметы эпохи раннего железа из Ингушского государственного музея краеведения и его филиала в г. Малгобек. В: Мальсагов Б. Ж. (ред.). *Вестник археологического центра* II. Назрань, 48—57.
- Генинг В. Ф. 1963. *Азелинская культура III—V вв. н.э.* ВАУ 5.
- Голдина Р. Д., Волков С. Р. 2000. Шлемы Тарасовского могильника. *УАВ* 2, 98—121.
- Горелик М. В. 1982. Кушанский доспех. В: Бонгард-Левин Г. М. (отв. ред.). *Древняя Индия. Историко-культурные связи*. Москва: Наука, 82—112.
- Горелик М. В. 1983. Про «фракийські» шоломи. *Археологія* 44, 14—28.
- Гущина И. И. 1961. Случайная находка в Воронежской области. *СА* (2), 241—246.
- ДБК 1854: *Древности Боспора Киммерийского*. 1854. Санкт-Петербург.
- Дедюлькин А. В. 2012. Ритуальный комплекс из кургана 18 Грушевого могильника. Проблемы хронологии. В: Тельнов Н. П. (отв. ред.). *Северное Причерноморье в III—II вв. до н.э.* Тирасполь: ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 34—45.
- Дедюлькин А. В. 2013. Комплекс из Бойко-Понур и проблемы генезиса позднелатенских шлемов. В: Павленко Т. А., Схатум Р. Б., Улитин В. В. (ред.). *Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья*. Мат. межд. археол. конф. (г. Краснодар, 30—31 мая 2012 г.). Краснодар: Вика-Принт, 26—42.
- Дедюлькин А. В. 2013а. Меотские шлемы эпохи эллинизма. Проблемы генезиса. В: Павленко Т. А., Схатум Р. Б., Улитин В. В. (ред.). *Третьи «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Памятники раннего христианства на Западном Кавказе. К 1025-летию крещения Руси*. Мат. межд. археол. конф. (г. Краснодар, 27—29 мая 2013 г.). Краснодар: Вика-Принт, 48—55.

- Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полуострове. СА (4), 69—80.
- Дзюнеладзе О.С., Симоненко О.В. 2010. Намистини — войнські амулети III — II ст. до н.е. *Археологія* (3), 22—34.
- Ждановский А.М. 1984. Подкурганнные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры. В: Кирей Н.И. (отв. ред.). *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар: КубГУ, 72—99.
- Зайцев Ю.П. 1994. Верховная знать Неаполя Скифского (новое исследование захоронения в каменной гробнице мавзолея). В: Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Марсадолов Л.С., Семенов Вл. А. (ред.). *Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 94—100.
- Зайцев Ю.П. 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н.э.). В: Зуев В.Ю. (отв. ред.). *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок*. Санкт-Петербург: ГЭ, 258—268.
- Зайцев Ю.П. 2007а. Шоломи типу Монтефортино і галатський некрополь у Богазкеї: один казус вітчизняної археології. *Археологія* (3), 101—108.
- Зайцев Ю.П. 2008. Шлемы типа Монтефортино и один несуществующий комплекс галатского некрополя в Богазкее. РА (2), 5—12.
- Зайцев Ю.П. 2003. *Неаполь Скифский (II в. до н. э. — III в. н. э.)*. Симферополь: Универсум.
- Казакевич Г.М. 2009. Про етруссько-італійські та кельтські шоломи у північному Причорномор'ї. *Археологія* (3), 19—25.
- Керефов Б.М. 1985. Чегемский курган-кладбище сарматского времени. В: Абрамова М.П., Козенкова Н.И. (ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг.* Нальчик: Эльбрус, 135—259.
- Климов О.Ю. 2010. *Пергамское царство. Проблемы политической истории и государственного устройства*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Кожухов С.П. 1999. Закубанские катафрактары. В: Носкова Л.М. (наук. ред.). *Материальная культура Востока*. Москва: Государственный музей Востока, 159—189.
- Косяненко В.М., Лукьяшко С.И., Максименко В.Е. 1978. Два шлема из фондов Ростовского областного музея краеведения. СА (2), 265—268.
- Крайсветный М.И. 1980. *Отчет о работах Новочеркасской археологической экспедиции Музея истории донского казачества за 1980 г. по Открытому листу № 426*. Архив ИА РАН. Р-1, № 8764, 8764а.
- Кропотов В.В. 2010. *Фибулы сарматской эпохи*. Киев: АДЕФ-Украина.
- Ленц Э., фон 1902. Описание оружия, найденного в 1901 г. в Кубанской области. ИАК 4, 120—131.
- Лесков А.Н. (ред.). 1985. *Сокровища курганов Адыгеи*. Каталог выставки. Москва: Советский художник.
- Лурье Е.В. 2012. Генезис ламинарных шлемов I—III вв. н. э. *Stratum plus* (4), 157—169.
- Лурье Е.В. 2013. Шлемы из могильника у хутора Городской: поиск аналогий. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Шестая Кубанская международная археологическая конференция. Материалы конференции*. Краснодар: Экоинвест, 260—266.
- Лурье Е.В. 2013а. Шлем из могильника у с. Кишпек и классификация шлемов с составным куполом римского времени. В: Кашуба М.Т., Скаков А.Ю. (отв. ред.). *Третья Абхазская международная археологическая конференция: Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы*. Сухум: Дом печати, 268—278.
- Максименко В.Е. 1983. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону*. Ростов-на-Дону: РГУ.
- Марченко И.И. 1984. Впускные сарматские погребения Правобережья Кубани: Калининская курганная группа. В: Кирей Н.И. (отв. ред.). *Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар: КубГУ, 37—71.
- Марченко И.И. 1994. Царь Гатал и Прикубанье. В: Кирей Н.И. *Археологические и этнографические исследования Северного Кавказа*. Краснодар: КубГУ, 52—67.
- Масленников А.А., Трейстер М.Ю. 1997. Фрагмент аттического шлема из раскопок поселения на Чокракском мысу. *Археологія* (1), 144—149.
- Мордвинцева В.И. 2001. Декоративные пластины из Бобуча. РА (2), 108—114.
- Негин А.Е. 2007. Позднеримские шлемы. Проблемы генезиса. В: Махлаюк А.В. (отв. ред.). *Antiquitas Aeternae: Поволжский антиковедческий журнал* 2. Саратов: Саратовский ун-т, 335—359.
- Останина Т.И. 1978. Нивский могильник III—V вв. В: Иванова М.Г. (ред.). *Материалы к ранней истории населения Удмуртии*. Ижевск: НИИ при СМ Удм. АССР, 87—124.
- ОАК за 1896 г.: *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1896 год*. 1898. Санкт-Петербург.
- ОАК за 1902 г.: *Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1902 год*. 1904. Санкт-Петербург.
- Отчет 1909: *Отчет Императорского Российского исторического музея имени императора Александра III в Москве за 1908 г.* 1909. Москва.
- Павлович Г.А. 1995. Греческий шлем эллинистического времени из Ставропольского края. СА (3), 200—205.
- Пилипко В.Н. 1989. Голова в шлеме из Старой Нисы. ВДИ (3), 167—177.
- Полин С.В. 1992. *От Скифии к Сарматии*. Киев: ИА НАНУ.
- Попандопуло З.Х. 2009. Еще об одном шлеме типа Монтефортино. *Музейний вісник* 9, 51—55.
- Прокопенко Ю.А. 2010. Находки этрусско-италийских шлемов в Центральном Предкавказье. В: Мужухов М.Б. (отв. ред.). *Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа*. Магас: Пилигрим, 292—296.
- Пьянков А.В., Пономарев В.П. 2004. Комплекс импортных предметов римского времени из окрестностей хут. Эриванского (Западное Закубанье). МИАК 4, 242—248.
- Рабинович Б.З. 1941. Шлемы скифского периода. *Труды ОИПК ГЭ* I, 99—171.
- Раев Б.А. (сост.) 1981. *Каталог выставки новых поступлений отдела археологии (1970—1980 гг.)*. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества.
- Раев Б.А. 1988. Бронзовый шлем из коллекции Новочеркасского музея. *КСИА АН СССР* 194, 37—39.
- Раев Б.А. 2002. О характере и путях проникновения италийских и восточно-эллинистических импортных изделий в северные районы Евразии. В: Головнев А.В. (отв. ред.). *Северный археологический конгресс*. Тез. док. Екатеринбург; Ханты-

- Мансийск: Академкнига, 135—137.
- Раев Б. А. 2006а. О новых датировках и старых проблемах, спорных моментах, и бесспорных истинах. В: Клепиков В. М. (отв. ред.). *Раннесарматская и среднесарматская культуры. Проблемы соотношения* I. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 91—100.
- Раев Б. А. 2006б. К абсолютной хронологии римского импорта в Азиатской Сарматии. В: Деревянко А. И., Молодин В. И. (отв. ред.). *Современные проблемы археологии России* II. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 88—90.
- Раев Б. А. 2007. Вторичное использование элементов античного доспеха варварами Прикубанья. В: Махлаюк А. В. (отв. ред.). *Antiquitas Aeternae: Поволжский антиковедческий журнал* 2. Саратов: Саратовский ун-т, 375—389.
- Раев Б. А., Симоненко А. В. 2014. Шлем из хутора Апостолиди (Адыгея) и псевдоаттические шлемы в Восточной Европе. В: *KOINON ΔΡΟΝ. Исследования и эссе в честь 60-летнего юбилея Валерия Павловича Никонорова от друзей и коллег*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Раев Б. А., Симоненко А. В., Трейстер М. Ю. 1990. Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе. В: Ждановский А. М., Марченко И. И. (ред.). *Древние памятники Кубани*. Краснодар: б. и., 117—135.
- Редина Е. Ф., Симоненко А. В. 2002. «Клад» конца II — I вв. до н. э. из Веселой Долины в кругу аналогичных древностей Восточной Европы. *МИАК* 2, 8—96.
- Ромашко В. А., Скорый С. А. 2009. *Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском Правобережном Надпорожье*. Днепропетровск: Пороги.
- Савенко С. Н. 1998. Бронзовый шлем типа «Монтефортино» из фондов Кисловодского музея. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир* 1. Краснодар, 46—50.
- Савченко Е. И., Казакова Л. М. 1981. Раскопки курганов у хутора Кривой Лиман. *АО 1980*. Москва: Наука, 117—119.
- Сазонов А. А. 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. В: Аутлев П. У. (ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: б/и, 244—274.
- Сазонов и др. 1995: Сазонов А. А., Спасовский Ю. Н., Сахтарьек З. Н., Тов А. А. 1995. Новые материалы могильника первых веков нашей эры близ хутора Городского. В: Дитлер П. А. (отв. ред.). *Археология Адыгеи*. Майкоп: Меоты, 113—137.
- Симоненко А. В. 1982. О позднескифских налобниках. В: Тереножкин А. И. (отв. ред.). *Древности Степной Скифии*. Киев: Наукова думка, 237—245.
- Симоненко О. В. 1986. Пізнньоскіфський комплекс з Мар'ївки Миколаївської області. *Археологія* 55, 80—88.
- Симоненко А. В. 1987. Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы. В: Ковалева И. Ф. (отв. ред.). *Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 104—113.
- Симоненко А. В. 2008. Тридцать пять лет спустя: послесловие-комментарий. В: Никоноров В. П., Симоненко А. В. (ред.). *Хазанов А. М. Избранные научные труды. Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 238—289.
- Симоненко А. В. 2010. *Сарматские всадники Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История.
- Симоненко А. В. 2011. *Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: СПбГУ; Нестор-История.
- Симоненко А. В. 2011а. Об изготовлении шлемов типа Монтефортино. В: Мачинский Д. А. (отв. ред.). *Европейская Сарматия. Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 116—124.
- Симоненко А. В. 2013. Полыхромные сбруйные наборы позднеримского времени из Сарматии и Пантикапея. В: Смынтына Е. В. (отв. ред.). *Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху*. Сб. ст. к 60-летию А. Н. Дзиговского. Киев: «Олег Філюк», 223—241.
- Симоненко А. В. 2013а. *Римский и провинциальный импорт у сарматов Северного Причерноморья. Типология и хронология*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing.
- Смирнов К. Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии*. Москва: Наука.
- Соловьев А. И. 2003. *Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья*. Новосибирск.
- Спицын А. А. 1909. Фалары Южной России. *ИАК* 29, 18—53.
- Сударев Н. И. 1991. Две находки римского времени из г. Сочи. В: Абрамов А. П. (отв. ред.). *Древности Северного Кавказа и Причерноморья*. Москва: Гос. музей искусства народов Востока, 143—145.
- Трейстер М. Ю. 1987. Этрусский импорт в Северном Причерноморье и пути его проникновения. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье*. Новочеркасск: б. и., 4—6.
- Туаллагов А. А. 2002. Две новые находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья. В: Раев Б. А. (отв. ред.). *Античная цивилизация и варварский мир*. Мат-лы 8-го археол. сем. Краснодар, 13—15 июня 2001 г. Краснодар: б/и, 100—103.
- Хазанов А. М. 1971. *Очерки военного дела сарматов*. Москва: Наука.
- Хрисанова О. П. 2005. *Греческий клад в Сочи*. Сочи: А. Б. студия.
- Цокур И. В. 1998. Новые находки итальянских шлемов в Краснодарском крае. В: Доде З. В., Лычагин А. В. (отв. ред.). *XX Юбилейные международные Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. Тез. докл. Железноводск, 1998 г. Ставрополь: Наследие, 127—128.
- Черненко Е. В. 1968. *Скифский доспех*. Киев: Наукова думка.
- Шевченко Н. Ф. 2005. Новые данные о сарматском погребальном комплексе из ст. Новоджерелиевской. *МИАК* 5, 126—138.
- Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И. 2011. Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ). *ВДИ* (1), 115—152.
- Шилов В. П. 1975. *Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья*. Ленинград: Наука.
- Шилов В. П. 1978. Кельтские шлемы на территории Восточной Европы. В: Кропоткин В. В., Матюшин Г. Н., Петерс Б. Г. (ред.). *Проблемы советской археологии*. Москва: Наука, 111—117.
- Щукин М. Б. 1994. *На рубеже эр. Опыт историко-*

№4. 2014

- археологической реконструкции политических событий III в. до н.э. — I в.н. э. в Восточной и Центральной Европе. Санкт-Петербург: Фарн.
- Эрлих В.Р. 1996. Об одной серии шлемов из Закубанья. *РА* (3), 176—179.
- Эрлих В.Р. 2013. Археологический комплекс Псенафа. К проблеме хронологии. В: Марченко И.И. (отв. ред.). *Шестая Кубанская международная археологическая конференция*. Мат-лы конфер. Краснодар: Экоинвест, 476—480.
- Arnăuț T., Ursu Naniu R. 2000. Considérations sur une découverte faite aux alentours du village Bubuieci (République de Moldova). *Studia Antiqua et Archaeologica* VII, 351—362.
- Barruol G., Sauzade G. 1969. Une tombe de guerrier à Saint-Laurent-des-Arbes (Gard). Contribution à l'étude des sépultures du Ier siècle av.J. C. dans la basse vallée du Rhône. *Rivista di Studi Liguri* XXXV (1—3), 14—89.
- Bittel K. 1985. *Beobachtungen an und bei einer römischen Straße im östlichen Galatien*. Heidenheim: Privatdr.
- Coarelli F. 1976. Un elmo con iscrizione latina arcaica al Museo di Cremona. In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine: mélanges offerts à Jacques Heurgon (Collection de l'École française de Rome 27 (I))*. Roma: École française de Rome, 157—179.
- Connolly P. 1981. *Greece and Rome at war*. London: Greenhill Books.
- Dintsis P. 1986. *Hellenistische Helme*. Roma: G. Bretschneider.
- Garsia-Mauriño Múzquiz J. 1993. Los cascos de tipo Montefortino en la península Iberica. *Complutum* 4, 95—146.
- Harțușe N. 1986. Mormântul princiar traco-getic de la Găvani județul Brăila. *Istros* IV, 25—70.
- Jakounina-Ivanova L. 1927. Une Trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie meridionale. *ESA* 1, 101—106.
- Lipperheide F., von. 1896. *Antike Helme*. München.
- L'or des amazones: peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av.J.-C. — IVe siècle apr.J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars — 15 juillet 2001*. 2001. Paris: Paris-Musées; Suilly-la-Tour: Éditions Fındakly.
- Łuczakiewicz P., Schönfelder M. 2008. Untersuchungen zur Ausstattung eines Späteisenzeitlichen Reiterkriegers aus dem südlichen Karpaten- oder Balkanraum. *JahrRGZM* 55 (1), 159—210.
- Mihaljević M., Dizdar M. 2007. Late La Tène bronze helmet from the river Sava near Stara Gradiska. *Vjesnik Arheoloskog muzejau Zagrebu* 3.s. XL, 117—146.
- Otchir-Goriaeva M. 2002. Das Sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua* 8, 353—387.
- Pflug H. 1988. Chalkidische Helme. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischennak Zentralmuseum, 137—150.
- Quesada Sanz F. 1997. *El armamento Ibérico. Estudio tipológico, geográfico, funcional, social I simbólico de las armas en la Cultura Ibérica (siglos VI—I a. C.)*. Monogr. Instrumentum 3. Montagnac.
- Quesada Sanz F. 1999. Montefortino-type and Related Helms in the Iberian Peninsula: A Study in Archaeological Context. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 8, 151—166.
- Raev B.A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don basin*. BAR International Series 278. Oxford.
- Raev B.A., Simonenko A.V., Treister M.Ju. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helms in Eastern Europe. *JahrRGZM* 38 (2), 465—496.
- Rau P. 1927. *Prahistorische Ausgrabungen auf der Stepenseite des deutschen Wolgagebiets in Jahre 1926*. Pokrowsk.
- Reinecke P. 1948. Ein neuer Bronzehelm italischer Form aus der Ukraine. In: *Festschrift für Otto Tschumi*. Frauenfeld: Verlag Huber & Co Aktiengesellschaft, 93—98.
- Schaaff U. 1988. Etruskisch-Römische Helme. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischennak Zentralmuseum, 318—326.
- Schaaff U. 1988a. Keltische Helme. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischennak Zentralmuseum, 293—317.
- Schroder B. 1912. Thrakische Helm. *JahrDAI* 27, 317 ff.
- Simonenko A.V. 2001. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Eurasia Antiqua* 7, 187—327.
- Sîrbu V. 2004. *Les Traces entre les Carpates, les Balkans et la Mer Noire et leurs relations avec les populations voisines (Ve siècle avant J.-C. — Ier siècle après J.-C.)*. Brăila: Editura Istros.
- Sîrbu V., Harțușe N. 2000. Remarques sur le tumulus aristocratique de Găvani, département de Brăila. In: *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe* 1. Tulcea, 139—153.
- Waurick G. 1988. Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 151—180.

References

- Aleksinsky, D. P. 2008. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha (Reports of the State Hermitage Museum)* LXVI, 18—27 (in Russian).
- Aleksinsky, D. P. 2008. In *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* XLI, 31—70 (in Russian).
- Aleksinsky, D. P., Gulyaeva, N. P. 2007. In *Aleksandr Velikii. Put' na Vostok (Alexander the Great. Path to the East)*. Katalog vystavki (Exhibition catalogue). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 111 (in Russian).
- Anfimov, I. N. 1981. In *Antichnye gosudarstva i varvarskii mir (Ancient states and the Barbarian world)*. Ordzhonikidze: s.a., 94—100 (in Russian).
- Aptekarev, A. Z. 1986. In *Drevnosti Kubani. Materialy k seminaru (Antiquities of Kuban. Materials for the seminar)*. Krasnodar: s.a., 7—8 (in Russian).
- Arkheologicheskie issledovaniia v RSFSR 1934—1936 gg. Kratkie otchety i svedeniia (Archaeological investigations in RSF-SR in 1934—1936. Brief reports and informations)*. 1941. Moscow; Leningrad (in Russian).
- Atanasov, G. 1992. In *Izvestiya na Istoricheskiya muzej Shumen (Reports of the Shumen Historical Museum)* VII, 5—43 (in Bulgarian).
- Bazhan, I. A., Gaj, O. A. 1992. In *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Problems of chronology of La Tène and Roman period)*. Saint Petersburg: s.a., 115—122 (in Russian).
- Betrozov, R. Zh. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg. (Salvage archaeological investigations in Kabardino-Balkaria) 3. Pamiatniki srednevekov'ia (IV—XVIII vv.) (Medieval sites (4th—18th centuries))*. Nalchik: Elbrus, 11—139 (in Russian).
- Bruyako, I. V. 2005—2009. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (3), 329—370.

- Bruyako, I. V., Rossokhatskii, A. A. 1993. In *Peterburgskii arheologicheskii vestnik (St.-Petersburg Archaeological Bulletin)* 7, 78—81 (in Russian).
- Vasiliev, A. A., Karmov, T. M. 2008. In *Nizhnevolzhskii arheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 238—246 (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arheologicheskii vestnik (Stratum + St.-Petersburg Archaeological Bulletin)*. Saint Petersburg; Kishinev: Biznes-Elita, 73—80 (in Russian).
- Vinogradov, Yu. A. 1998. In *Tamanskaia starina (Taman antiquities)* 1, 62—68 (in Russian).
- Vlasova, E. V. 2009. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 63—78 (in Russian).
- Voroshilov, A. N. 2010. In *Συμβολα 1. Antichnyi mir Severnogo Prichernomor'ia. Noveishie nakhodki i otkrytiia (Ancient world of Northern Pontic region. Recent finds and discoveries)*. Moscow; Kiev: Triumf print, 265—270 (in Russian).
- Voroshilov, A. N., Zolotarev, P. M. 2009. In *Arkheologiya Srednego Dona v skifskuiu epokhu. Trudy Donskoi arheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk, 2004—2008 g. (Archaeology of Middle Don region in the Scythian epoch. Works of the Don archaeological expedition of the Russian Academy of Sciences, 2004—2008)*. Moscow: IA RAN, 152—161 (in Russian).
- Gadiev, U. B., Burkov, S. B. 2002. In *Vestnik arheologicheskogo tsentra (Vestnik arheologicheskogo tsentra)* II. Nazran, 48—57 (in Russian).
- Gening, V. F. 1963. *Azelinskaia kul'tura III—V vv. n. e. (Azelinskaia culture of the 3rd—5th centuries AD)*. Voprosy arkheologii Urala (Problems of archaeology of Ural) 5 (in Russian).
- Goldina, R. D., Volkov, S. R. 2000. In *Ufmskii arheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Bulletin)* 2, 98—121 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1982. In *Drevniaia Indii. Istoriko-kul'turnye svyazi (Ancient India. Historical and cultural connections)*. Moscow: Nauka, 82—112 (in Russian).
- Gorelik, M. V. 1983. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 44, 14—28 (in Ukrainian).
- Gushchina, I. I. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 241—246 (in Russian).
- Drevnosti Bospora Kimmeriiskogo (Antiquities of Cimmerian Bosphorus)*. 1854. Saint Petersburg (in Russian).
- Dedjulkina, A. V. 2012. In *Severnoe Prichernomor'e v III—II vv. do n. e. (Northern Pontic region in the III—II centuries BC)*. Tiraspol: PGU, 34—45 (in Russian).
- Dedjulkina, A. V. 2013. In *Vtorye «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Problemy khronologii arheologicheskikh pamiatnikov epokhi drevnosti i srednevekov'ia (II Anfimov readings on the archaeology of Western Caucasus. Problems of chronology of archaeological sites from Antiquity and Middle Ages)*. Krasnodar: Vika-Print, 26—42 (in Russian).
- Dedjulkina, A. V. 2013. In *Tret'i «Anfimovskie chteniia» po arkheologii Zapadnogo Kavkaza. Pamiatniki rannego khristianstva na Zapadnom Kavkaze. K 1025-letiiu kreshcheniia Rusi (Early Christian sites in Western Caucasus. 3rd Anfimov readings on the archaeology of Western Caucasus. To the anniversary of 1025 years from the Christianization of Rus')*. Krasnodar: Vika-Print, 48—55 (in Russian).
- Desyatchikov, Yu. M. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 69—80 (in Russian).
- Dzneladze, O. S., Symonenko, O. V. 2010. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 22—34 (in Ukrainian).
- Zhdanovskii, A. M. 1984. In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and ethnographical researches in Northern Caucasus)*. Krasnodar: KubGU, 72—99 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P. 1994. In *Elitnye kurgany stepei Evrazii v skifo-sarmatskuiu epokhu (Elite barrows of Eurasian steppes in the Scythian-Sarmatian epoch)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 94—100 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P. 2007. In *Bosporskii fenomen: sakral'nyi smysl regiona, pamiatnikov, nakhodok (The Bosphoran phenomenon: the sacred meaning of the region, sites and finds)*. Saint Petersburg: GE, 258—268 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P. 2007. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 101—108 (in Ukrainian).
- Zaitsev, Yu. P. 2008. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 5—12 (in Russian).
- Zaitsev, Yu. P. 2003. *Neapol' Skifskii (II v. do n. e. — III v. n. e.) (Scythian Neapolis (2nd century BC — 3rd century AD))*. Simferopol: Universum (in Russian).
- Kazakevich, H. M. 2009. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3), 19—25 (in Ukrainian).
- Kerefov, B. M. 1985. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii v 1972—1979 gg. (Salvage archaeological investigations in Kabardino-Balkaria in 1972—1979)*. Nalchik: Elbrus, 135—259 (in Russian).
- Klimov, O. Yu. 2010. *Pergamskoe tsarstvo. Problemy politicheskoi istorii i gosudarstvennogo ustroistva (Pergam kingdom. Problems of political history and state organization)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Kozhukhov, S. P. 1999. In *Material'naia kul'tura Vostoka (Material culture of the East)*. Moscow: Gosudarstvennyi muzei Vostoka, 159—189 (in Russian).
- Kosyanenko, V. M., Lukyashko, S. I., Maksimenko, V. E. 1978. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 265—268 (in Russian).
- Kraisvetnyi, M. I. 1980. *Otchet o rabotakh Novocherkasskoi arheologicheskoi ekspeditsii Muzeia istorii donskogo kazachestva za 1980 g. po Otkrytomu listu № 426 (Report on the works of Novocherkassk archaeological expedition of the Museum of history of Don Cossacks in 1980 according to authorization nr. 426)*. Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R-1, № 8764, 8764a (in Russian).
- Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of Sarmatian epoch)*. Kiev: ADEF-Ukraine (in Russian).
- Lenz, E., von 1902. In *Izvestiia Imperatorskoi arheologicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 4, 120—131 (in Russian).
- Leskov, A. M. (ed.). 1985. *Sokrovishcha kurganov Adygei (Treasures of Adygean barrows)*. Katalog vystavki (Exhibition catalogue). Moscow: Sovetskii khudozhnik (in Russian).
- Lurie, E. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (4), 157—169 (in Russian).
- Lurie, E. V. 2013. In *Shestaia Kubanskaia mezhdunarodnaia arheologicheskaiia konferentsiia. (6th Kuban international archaeological conference)*. Krasnodar: Ekoinvest, 260—266 (in Russian).
- Lurie, E. V. 2013. In *Tret'ia Abkhazskaia mezhdunarodnaia arheologicheskaiia konferentsiia: Problemy drevnei i srednevekovoi arkheologii Kavkaza (Third Abkhazian international archaeological conference: problems of ancient and medieval archaeology of Caucasus)*. Sukhum: Dom pečhati, 268—278 (in Russian).
- Maksimenko, V. E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (Sauromatians and Sarmatians of the Lower Don region)*. Rostov-on-Don: RGU (in Russian).
- Marchenko, I. I. 1984. In *Arkheologo-etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and ethnographical researches in Northern Caucasus)*. Krasnodar: KubGU, 37—71 (in Russian).
- Marchenko, I. I. 1994. In *Kirei, N. I. Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniia Severnogo Kavkaza (Archaeological and ethnographical researches in Northern Caucasus)*. Krasnodar: KubGU, 52—67 (in Russian).
- Maslennikov, A. A., Treister, M. Ju. 1997. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (1), 144—149 (in Russian).
- Mordvintseva V. I. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 108—114 (in Russian).
- Negin, A. E. 2007. In *Antiquitas Aeterna: Povolzhskii antikovedchskii zhurnal (Antiquitas Aeterna: Journal of Antiquity studies of Volga region)* 2. Saratov: Saratovskii universitet, 335—359 (in Russian).
- Ostanina, T. I. 1978. In *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials to the early history of the population of Udmurtia)*. Izhevsk: NII pri SM Udm.ASSR, 87—124 (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1896 god*

- (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1896). 1898. Saint Petersburg.
- Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii za 1902 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1902). 1904. Saint Petersburg.
- Otchet Imperatorskogo Rossiiskogo istoricheskogo muzeia imeni imperatora Aleksandra III v Moskve za 1908 g. (Report of the Russian Imperial "Emperor Alexander III" Museum in Moscow for the year 1908). 1909. Moscow (in Russian).
- Pavlovich, G. A. 1995. In *Sovetskaiia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 200—205 (in Russian).
- Pilipko, V. N. 1989. In *Vestnik drevnei istorii (Bulletin of Ancient History)* (3), 167—177 (in Russian).
- Polin, S. V. 1992. *Ot Skifii k Sarmatii (From Scythia to Sarmatia)*. Kiev: IA NANU (in Russian).
- Popandopulo, Z. Kh. 2009. In *Muzeyinyi visnyk (Museum bulletin)* 9, 51—55 (in Russian).
- Prokopenko, Yu. A. 2010. In *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamiatnikov i kul'tur Severnogo Kavkaza. XXVI «Krupnovskie chteniia» po arkheologii Severnogo Kavkaza (Problems of chronology and periodization of archaeological sites and cultures of Northern Caucasus. The 25th Krupnov's readings on the archaeology of Northern Caucasus)*. Magas: Pilgrim, 292—296 (in Russian).
- Pyankov, A. V., Ponomarev, V. P. 2004. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researches on the archaeology of Kuban)* 4, 242—248 (in Russian).
- Rabinovich, B. Z. 1941. In *Trudy Otdela istorii pervobytnoi kul'tury Gosudarstvennogo Ermitazha (Works of the Department of history of prehistoric culture of the State Hermitage)* I, 99—171.
- Raev, B. A. (ed.). 1981. *Katalog vystavki novykh postuplenii otdela arkheologii (1970—1980 gg.) (Catalogue of the exhibition of new entries of the Department of Archaeology (1970—1980))*. Novocherkassk: Novocherkasskii muzei istorii donsokogo kazachestva (in Russian).
- Raev, B. A. 1988. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 194, 37—39 (in Russian).
- Raev, B. A. 2002. In *Severnii arkheologicheskii kongress (Northern archaeological congress)*. Ekaterinburg: Khanty-Mansiysk: Akademkniga, 135—137 (in Russian).
- Raev, B. A. 2006. In *Rannesarmatskaia i srednesarmatskaia kul'tury. Problemy sootnosheniia (Early and middle Sarmatian cultures. Problems of correlation)* I. Volgograd: Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 91—100 (in Russian).
- Raev, B. A. 2006. In *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Actual problems of archaeology of Russia)* II. Novosibirsk: IAE SO RAN, 88—90 (in Russian).
- Raev, B. A. 2007. In *Antiquitas Aeterna: Povolzhskii antikovedcheskii zhurnal (Antiquitas Aeterna: Journal of Antiquity studies of Volga region)* 2. Saratov: Saratovskii universitet, 375—389 (in Russian).
- Raev, B. A., Simonenko, A. V. 2014. In *KOINON ΔΩPON. Issledovaniia i esse v chest' 60-letnego iubileia Valerii Pavlovicha Nikonorova ot družei i kolleg (KOINON ΔΩPON. Researches and essays in the honour of anniversary of 60 years from the birth of Valerii Pavlovich Nikonorov from friends and colleagues)*. Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).
- Raev, B. A., Simonenko, A. V., Treister, M. Ju. 1990. In *Drevnie pamiatniki Kubani (Ancient sites of Kuban)*. Krasnodar: s.a., 117—135 (in Russian).
- Redina, E. F., Simonenko, A. V. 2002. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Kubani (Materials and researches on the archaeology of Kuban)* 2, 8—96 (in Russian).
- Romashko, V. A., Skory, S. A. 2009. *Bliznets-2: skifskii aristokraticeskii kurgan v Dneprovskom Pravoberezhnom Nadporozh'e (Bliznets-2: a Scythian aristocratic barrow in the Dnieper right-bank Nadporozh'e region)*. Dnepropetrovsk: Porogi (in Russian).
- Savenko, S. N. 1998. In *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarkii mir (Ancient civilization and Barbarian world)* 1. Krasnodar, 46—50 (in Russian).
- Savchenko, E. I., Kazakova, L. M. 1981. In *Arkheologicheskie ot-krytiia (Archaeological researches)* 1980. Moscow: Nauka, 117—119 (in Russian).
- Sazonov, A. A. 1992. In *Voprosy arkheologii Adygei (Problems of archaeology of Adygea)*. Maykop, 244—274 (in Russian).
- Sazonov, A. A., Spasovsky, Yu. N., Sakhtariet, Z. N., Tov, A. A. 1995. In *Arkheologiia Adygei (Archaeology of Adygea)*. Maykop: Meoty, 113—137 (in Russian).
- Symonenko, A. V. 1982. In *Drevnosti Stepoi Skifii (Antiquities of Steppe Scythia)*. Kiev: Naukova dumka, 237—245 (in Russian).
- Symonenko, O. V. 1986. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 55, 80—88 (in Ukrainian).
- Symonenko, A. V. 1987. In *Pamiatniki bronzovogo i rannego zheznogo vekov Podneprov'ia (Bronze and Early Iron Age sites from the Dnieper region)*. Dnepropetrovsk: DGU, 104—113 (in Russian).
- Symonenko, A. V. 2008. In *Khazanov, A. M. Izbrannye nauchnye trudy. Ocherki voennogo dela sarmatov (Selected scientific works. Essays on Sarmatian warfare)*. Saint Petersburg: SPbGU, 238—289 (in Russian).
- Symonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian riders of the Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: SPbGU; Nestor-Istoriia (in Russian).
- Symonenko, A. V. 2011. *Rimskii import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia (Roman import in the Sarmatian milieu of Northern Pontic region)*. Saint Petersburg: SPbGU; Nestor-Istoriia (in Russian).
- Symonenko, A. V. 2011. In *Evropeiskaia Sarmatiia. Sbornik, posviashchennyi Marku Borisovichu Shchukinu (European Sarmatia. Compilation of studies in honour of Mark Borisovich Shchukin)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 116—124 (in Russian).
- Symonenko, A. V. 2013. In *Varvarkii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuiu epokhu. (Barbarian world of Northern Pontic lands in Sarmatian epoch)*. Kiev: «Oleg Filiuk», 223—241 (in Russian).
- Symonenko, A. V. 2013. *Rimskii i provintsial'nyi import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ia. Tipologiia i khronologiia (Roman and provincial import in Sarmatian tribes of Northern Pontic region. Typology and chronology)*. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing (in Russian).
- Smimov, K. F. 1984. *Sarmaty i utverzhenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii (Sarmatians and consolidation of their political domination in Scythia)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Solovyov, A. I. 2003. *Oruzhie i dospekhi. Sibirskoe vooruzhenie: ot kamennogo veka do srednevekov'ia (Armament and armour. Syberian armament: from Stone to Middle Age)*. Novosibirsk (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 29, 18—53 (in Russian).
- Sudarev, N. I. 1991. In *Drevnosti Severnogo Kavkaza i Prichernomor'ia (Antiquities of Northern Caucasus and Northern Pontic region)*. Moscow: Gosudarstvennyi muzei iskusstva narodov Vostoka, 143—145 (in Russian).
- Treister, M. Ju. 1987. In *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarkii mir v Podon'e-Priazov'e (Ancient civilization and barbarian world in Don and Azov regions)*. Novocherkassk: s.a., 4—6 (in Russian).
- Tuallagov, A. A. 2002. In *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarkii mir (Ancient civilization and barbarian world)*. Krasnodar: s.a., 100—103 (in Russian).
- Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian warfare)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Khrisanova, O. P. 2005. *Grecheskii klad v Sochi (Grecheskii klad v Sochi)*. Sochi: A. B. studiia.
- Tsokur, I. V. 1998. In *XX Iubileinye mezhdunarodnye Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (20th jubilee Krupnov's readings into the archaeology of Northern Caucasus)*. Stavropol: Nasledie, 127—128 (in Russian).
- Chernenko, E. V. 1968. *Skifskii dospekhi (Scythian armour)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Shevchenko, N. F. 2005. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and researches on the archaeology of North Caucasus)* 5, 126—138 (in Russian).

- Shevchenko, N. F., Zaitsev, Yu. P., Mordvintseva V. I. 2011. In *Vestnik drevnei istorii* (Bulletin of Ancient History) (1), 115—152 (in Russian).
- Shilov, V. P. 1975. *Ocherki po istorii drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia* (Essays on the history of ancient tribes of Lower Volga region). Leningrad: Nauka (in Russian).
- Shilov, V. P. 1978. In *Problemy sovetskoi arkheologii* (Problems of Soviet archaeology). Moscow: Nauka, 111—117 (in Russian).
- Shchukin, M. B. 1994. *Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoi rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n. e. — I v. n. e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope* (At the turning of ages. An attempt of historical and archaeological reconstruction of the political events of III century BC — I century AD in Eastern and Central Europe). Saint Petersburg: Farn (in Russian).
- Erlikh, V. R. 1996. In *Rossiiskaia Arkheologiya* (Russian Archaeology) (3), 176—179 (in Russian).
- Erlikh, V. R. 2013. In *Shestaia Kubanskaia mezhdunarodnaia arkheologicheskaya konferentsiia. Materialy konferentsii* (6th Kuban international archaeological conference). Krasnodar: Ekoinvest, 476—480 (in Russian).
- Arnăut, T., Ursu Naniu, R. 2000. Considérations sur une découverte faite aux alentours du village Bubuieci (République de Moldova). *Studia Antiqua et Archaeologica* VII, 351—362.
- Barruol, G., Sauzade, G. 1969. Une tombe de guerrier à Saint-Laurent-des-Arbes (Gard). Contribution à l'étude des sépultures du Ier siècle av. J.C. dans la basse vallée du Rhône. *Rivista di Studi Liguri* XXXV (1—3), 14—89.
- Bittel, K. 1985. *Beobachtungen an und bei einer römischen Straße im östlichen Galatien*. Heidenheim: Privatdr.
- Coarelli, F. 1976. Un elmo con iscrizione latina arcaica al Museo di Cremona. In: *L'Italie préromaine et la Rome républicaine: mélanges offerts à Jacques Heurgon* (Collection de l'École française de Rome 27 (I). Roma: École française de Rome, 157—179.
- Connolly, P. 1981. *Greece and Rome at war*. London: Greenhill Books.
- Dintsis, P. 1986. *Hellenistische Helme*. Roma: G. Bretschneider.
- Garsia-Mauriño Múzquiz, J. 1993. Los cascos de tipo Montefortino en la península Iberica. *Complutum* 4, 95—146.
- Hartuche, N. 1986. Mormântul princiar traco-getic de la Găvani județul Brăila. *Istros* IV, 25—70.
- Jakounina-Ivanova, L. 1927. Une Trouvaille de l'âge de La Tène dans la Russie meridionale. *ESA* 1, 101—106.
- Lipperheide, F., von. 1896. *Antike Helme*. München.
- L'or des amazones: peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars — 15 juillet 2001*. 2001. Paris: Paris-Musées; Suilly-la-Tour: Éditions Fındakly.
- Łuczkiwicz, P., Schönfelder, M. 2008. Untersuchungen zur Ausstattung eines Späteisenzeitlichen Reiterkriegers aus dem südlichen Karpaten- oder Balkanraum. *JahrRGZM* 55 (1), 159—210.
- Mihaljević, M., Dizdar, M. 2007. Late La Tène bronze helmet from the river Sava near Stara Gradiska. *Vjesnik Arheoloskog muzejau Zagrebu* 3.s. XL, 117—146.
- Otchir-Goriaeva, M. 2002. Das Sarmatische Grab von Jaškul', Kalmykien. *Eurasia Antiqua* 8, 353—387.
- Pflug, H. 1988. Chalkidische Helme. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischennak Zentralmuseum, 137—150.
- Quesada Sanz, F. 1997. *El armamento Ibérico. Estudio tipológico, geográfico, funcional, social I simbólico de las armas en la Cultura Ibérica (siglos VI—I a. C.)*. Monogr. Instrumentum 3. Montagnac.
- Quesada Sanz, F. 1999. Montefortino-type and Related Helmets in the Iberian Peninsula: A Study in Archaeological Context. *Journal of Roman Military Equipment Studies* 8, 151—166.
- Raev, B. A. 1986. *Roman Imports in the Lower Don basin*. BAR International Series 278. Oxford.
- Raev, B. A., Simonenko, A. V., Treister, M. Ju. 1991. Etrusco-Italic and Celtic Helmets in Eastern Europe. *JahrRGZM* 38 (2), 465—496.
- Rau, P. 1927. *Prahistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets in Jahre 1926*. Pokrowsk.
- Reinecke, P. 1948. Ein neuer Bronzehelm italischer Form aus der Ukraine. In: *Festschrift für Otto Tschumi*. Frauenfeld: Verlag Huber & Co Aktiengesellschaft, 93—98.
- Schaaff, U. 1988. Etruskisch-Römische Helme. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischennak Zentralmuseum, 318—326.
- Schaaff, U. 1988a. Keltische Helme. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischennak Zentralmuseum, 293—317.
- Schroder, B. 1912. Thrakische Helm. *JahrDAI* 27, 317 ff.
- Simonenko, A. V. 2001. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet. *Eurasia Antiqua* 7, 187—327.
- Șirbu, V. 2004. *Les Traces entre les Carpates, les Balkans et la Mer Noire et leurs relations avec les populations voisines (Ve siècle avant J.-C. — Ier siècle après J.-C.)*. Brăila: Editura Istros.
- Șirbu, V., Hartuche, N. 2000. Remarques sur le tumulus aristocratique de Găvani, département de Brăila. In: *Tombes tumulaires de l'Âge du Fer dans le Sud-Est de l'Europe* 1. Tulcea, 139—153.
- Waurick, G. 1988. Helme der Hellenistischen Zeit und ihre Vorläufer. In: *Antike Helme*. RGZM Monographien 14. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseum, 151—180.

Статья поступила в номер 15 марта 2014 г.

Oleksandr Symonenko (Kiev, Ukraine). Doctor of Historical Sciences. Archaeology Institute, National Academy of Sciences of Ukraine¹.

Oleksandr Symonenko (Kiev, Ucraina). Doctor în științe istorice. Institutul de arheologie al Academiei Naționale de Științe a Ucrainei.

Симоненко Александр Владимирович (Киев, Украина). Доктор исторических наук. Институт археологии Национальной Академии наук Украины.

E-mail: simonal@ukr.net

Address: ¹ Geroev Stalingrada Pr., 12, Kiev, 04210, Ukraine

К. Г. Варачёва

К вопросу о распространении глиняных кубков усеченно-конической формы в черняховской культуре (погребение 125 могильника Войтенки)

Keywords: Kharkov region, Voitenki, Chernyakhov culture, truncated conical clay beakers.

Cuvinte cheie: regiunea Harkov, Voitenki, cultura Cerneahov, cupe din lut de formă conică redusă.

Ключевые слова: Харьковская область, Войтенки, черняховская культура, глиняные кубки усеченно-конической формы.

K. G. Varachova

On Distribution of Truncated Conical Clay Beakers in Chernyakhov Culture (burial 125 of Voitenki cemetery)

Clay cups of truncated conical shape are a small group of ceramics found on Chernyakhov sites. This group includes 33 whole and 4 fragments of beakers, found on the territory of this culture. Therefore, it is important to publish new finds of such beakers, especially in the context of burials. This publication examines burial 125 of Voitenki cemetery whose inventory includes three buckles, a horn comb, a striker, an iron knife, meat food remnants, ceramic "set" with a truncated conical clay cup. It has some similarities in form and ornament with glass vessels (Eggers 233, Shtraume IV, Rau: Dybeck). The burial is dated by the end of the 4th century (stage C3/D1, D1).

K. G. Varachova

Despre răspândirea cupelor din lut de formă conică în cultura Cerneahov (mormântul nr. 125 din necropola de la Voitenki)

Cupele din lut de formă conică reprezintă un tip ceramic nu foarte numeros în siturile culturii Cerneahov. Astfel, în întreg arealul culturii s-au putut identifica 33 cupe întregi și 4 fragmente. Considerăm, că introducerea în circuitul științific a unor descoperiri noi de cupe de acest tip este importantă, mai ales cele provenite din context funerar. În prezentul articol este analizat mormântul nr. 125 din necropola de la Voitenki, al cărui inventarul include trei cataramе, un pieptene din corn, un amnar, un cuțit de fier, resturi de ofrande de carne și o „garnitură” ceramică cu o cupă din lut de formă conică. Cupa prezintă unele analogii ale formei și decorului cu recipientele din sticlă (Eggers 233, Shtraume IV, Rau: Dybeck). Mormântul se datează la sfârșitul sec. IV (etapele C3/D1, D1).

К. Г. Варачёва

К вопросу о распространении глиняных кубков усеченно-конической формы в черняховской культуре (погребение 125 могильника Войтенки)

Глиняные кубки усеченно-конической формы являются немногочисленной группой керамики на памятниках черняховской культуры. К этой группе можно отнести 33 целых и 4 фрагмента кубков, обнаруженных в ареале культуры. Представляется важной публикация новых находок таких кубков, особенно в контексте погребений. В данной публикации рассматривается погребение 125 могильника Войтенки, в инвентарь которого входят три пряжки, роговой гребень, кресало, железный нож, остатки мясной пищи, керамический «сервиз» с глиняным кубком усеченно-конической формы. Кубок имеет некоторые аналогии по форме и орнаменту со стеклянными сосудами (Эггерс 233, Штрауме IV, Рау: Дибек). Погребение датируется концом IV в. (ступени C3/D1, D1).

Среди различных составляющих керамического набора черняховской культуры наибольшим своеобразием, пожалуй, отличаются кубки — тонкостенные сосуды малых размеров, в большинстве случаев с обильно орнаментированной поверхностью, предназначенные для питья. Чаще всего такие глиняные кубки рассматриваются как подражание стеклянным изделиям из мастерских Восточного Средиземноморья (Магомедов 2001: 54).

На основании нашей выборки (297 целых форм и 72 фрагмента) выделено 8 типов кубков: полусферические (I), усеченно-полусферические (II), конические (III), усеченно-конические (IV), округлобокие (V), биконические (VI), цилиндрические (VII) и редкие формы, которые не относятся ни к одному из этих типов (VIII) (Варачева 2013: 168). В отличие от типов I, II, V, VI, тип IV (усеченно-конические кубки) пред-

Рис. 1. Карта распространения глиняных кубков усеченно-конической формы на могильниках черняховской культуры: 1 — Войтенки; 2 — Родной Край 1; 3 — Кантемировка; 4 — Компанийцы; 5 — Шушваловка; 6 — Черкаassy-Центр; 7 — Жовнино/Биленьковы Бурты; 8 — Журавка Ольшанская; 9 — Каборга IV; 10 — Чубовка; 11 — Коблево; 12 — Нагорное II; 13 — Косаново; 14 — Великая Бугаевка; 15 — Соснова; 16 — Черняхов; 17 — Гавриловка; 18 — Дитиничи; 19 — Бережанка; 20 — Островец; 21 — Оселивка; 22 — Будешты; 23 — Данченцы; 24 — Малаешты; 25 — Чокылтены; 26 — Замощанская Дюна.

Fig. 1. Distribution map of truncated conical clay beakers on the cemeteries of Chernyakhov culture. 1 — Voitenki; 2 — Rodnoi Kray 1; 3 — Kantemirovka; 4 — Kompaniitsy; 5 — Shushvalovka; 6 — Cherkasy-Centr; 7 — Zhovnino/Bilenkovy Burty; 8 — Zhuravka Olshanskaya; 9 — Kaborga IV; 10 — Chubovka; 11 — Koblevo; 12 — Nagornoe II; 13 — Kosanovo; 14 — Velikaya Bugaevka; 15 — Sosnova; 16 — Chernyakhov; 17 — Gavrillovka; 18 — Ditinichi; 19 — Berezhanka; 20 — Ostrovets; 21 — Oselivka; 22 — Budești; 23 — Dănceni; 24 — Mălăiești; 25 — Ciocâltești; 26 — Zamoshchanskaya Dyuna.

ставлен сравнительно небольшим количеством изделий (33 целые формы и 4 фрагмента), которые распространены по всему ареалу черняховской культуры (рис. 1).

Каждая новая находка таких кубков представляет большую ценность и требует введения в научный оборот. Данная работа посвящена публикации усеченно-конического кубка в контексте погребения 125 могильника черняховской культуры Войтенки¹ (рис. 2). Исходя

из планиграфии ещё не до конца исследованного могильника, мы полагаем, что погребение 125 расположено в его северной части, где преобладают погребения-ингумации с большим количеством инвентаря (рис. 3: I).

Яма погребения углублена в материк, имеет неправильную овальную форму, вытянута по линии север-юг, с отклонением в 10 граду-

¹ Могильник исследуется с 2005 г. Германско-Славянской археологической экспедицией Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина. Памятник расположен на южном склоне мокрой балки безымянного притока реки шестого порядка днепров-

ской системы (Мокрый Мерчик — Мерчик — Мерла — Ворскла — Днепр) (Украина, Харьковская область, Валковский район) (Любичев 2008: 257—258). Погребение 125 было открыто в 2010 году, к этому времени на могильнике было исследовано 132 комплекса (62 ингумации, 63 кремации, 1 кенотаф, 3 пустых ямы, 3 тризны) (Любичев и др. 2011).

Таблица 1.

Параметры погребения 125 могильника Войтенки

№	Объект		Длина (м)	Ширина (м)	Глубина (м)
1	Погребальная яма		2,78	1,55—2,23	0,74—0,91 / 1,53—1,62
2	Заплевичики	западный	1,60	0,26	1,43—1,47
3		восточный	2,24	0,65	1,35—1,38

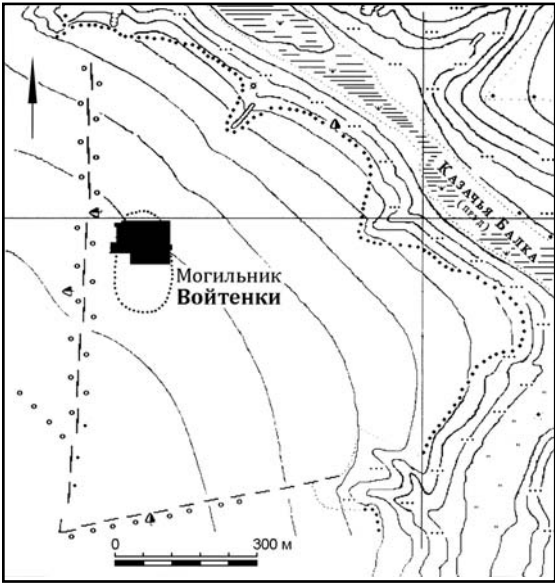

Рис. 2. Топографическое положение могильника Войтенки.

Fig. 2. Topographic position of Voitenki cemetery.

сов к западу. В её западной и восточной частях сделаны заплевичики. Дно ямы ровное с небольшим возвышением в южной части. На одной глубине с заплевичиками, в северной и юго-восточной частях ямы зафиксированы остатки перегоревших деревянных плах, направленных волокнами по линии север — юг (рис. 3: II).

По большим размерам погребальной ямы это погребение попадает в разряд так называемых «крупноформатных» (см. табл. 1). Ямы с заплевичиками присутствуют на черняховских могильниках во всем ареале культуры, в том числе и в днепро-донецкой лесостепи (Магомедов 2001: 26—27; Любичев 2011: табл. 2). Наличие остатков перегоревших деревянных плах в погребениях не является показателем социальных и гендерных различий (Никитина 1985: 54).

Кости скелета расположены *in situ* ближе к южному краю ямы. Погребение принадлежало мужчине в возрасте 35—55 лет². Костяк

Таблица 2.

Глубины залегания костей скелета и напутственной пищи (в виде остатков костей животных и скорлупы яиц) в погребении 125 могильника Войтенки

№	Название кости		Глубина (м)
1	Череп		1,52—1,61
2	Позвоночник		1,54
3	Таз		1,44—1,57
4	Верхние конечности	Правая	1,56—1,57
5		Левая	1,53—1,56
6	Нижние конечности	Правая	1,52—1,53
7		Левая	1,53—1,55
8	Напутственная пища		1,60—1,62

залегал вытянуто на спине, был ориентирован головой на север с отклонением к западу в 10 градусов. Череп повернут глазницами на запад, позвоночник имел незначительное искривление, а верхние конечности вытянуты вдоль позвоночника. Правое плечо приподнято к нижней челюсти, локоть прижат к ребрам. Правая ладонь направлена вверх, а левая повернута вниз. Нижние конечности вытянуты по линии погребения и параллельно друг другу, ступни развернуты носками врозь. Общая длина костяка — 1,55 м (глубины залегания костей — см. табл. 2). По расположению костей в погребении можно предположить, что конечности усопшего не связывали между собой и тело не заворачивали в саван.

Погребение является инвентарным, оно сопровождалось вещами двух категорий: «личные» (рис. 4: I) и «приношения» (рис. 4: II)³. К личным вещам относится роговой трехслойный многочастный гребень (рис. 5: 1), залегающий 0,14 м к СЗ от черепа и повернутый к нему зубьями. По классификации Г.Ф. Никитиной, данный гребень относится к трехслойным гребням типа III.1 и датируется в целом IV в.н.э. (Никитина 1969: 159).

им. М.В. Ломоносова С.В. Дробышевскому за определение костных остатков.

³ Подробное описание вещей см. в приложении «Каталог».

² Автор выражает благодарность канд. биол. наук, доценту кафедры антропологии биологического факультета Московского государственного университета

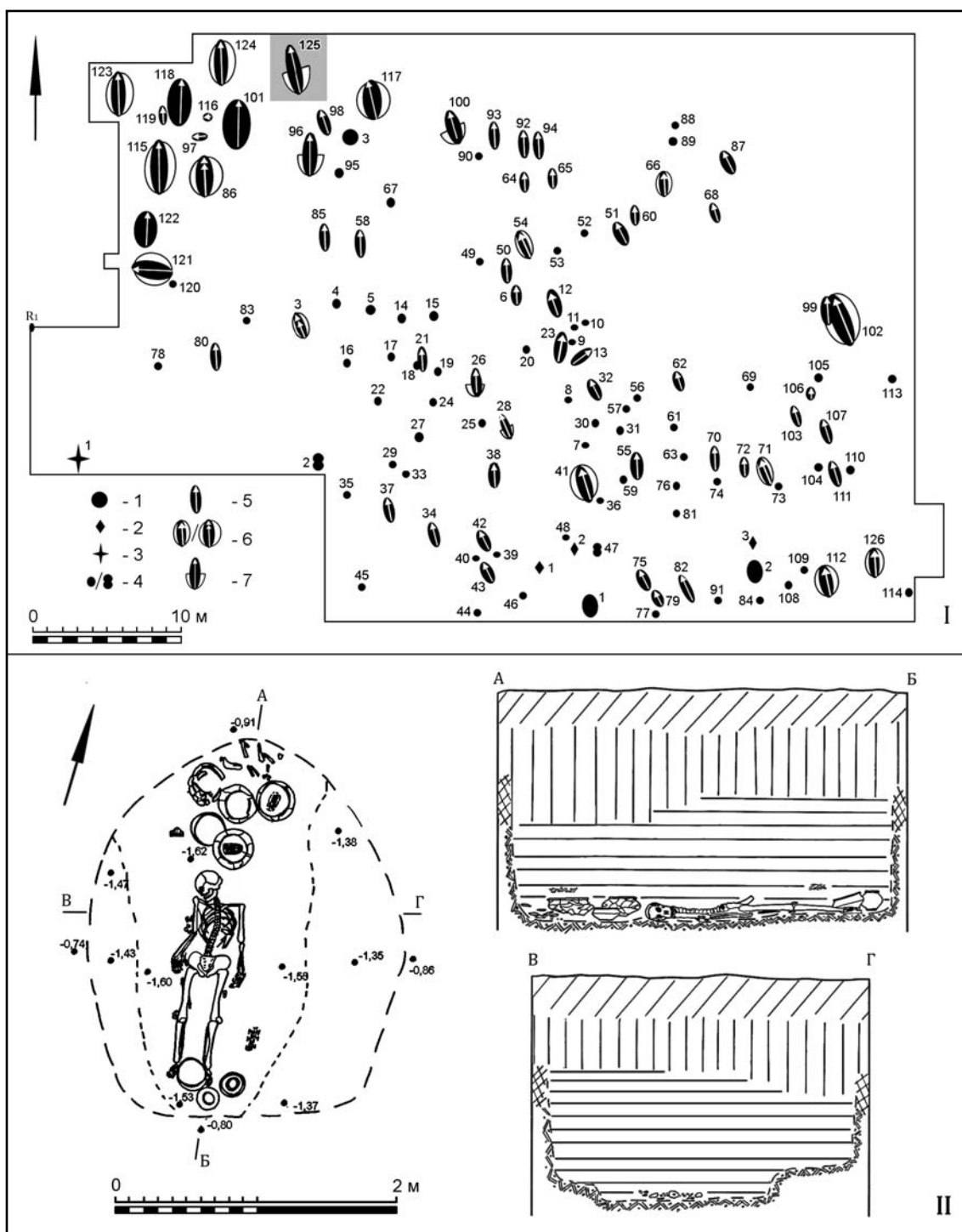

Рис. 3. I — положение погребения 125 на могильнике Войтенки (1 — яма; 2 — тризна; 3 — кенотаф; 4 — кремация/парная кремация; 5 — ингумация в простой яме; 6 — ингумация в яме с подбоем/парная ингумация; 7 — ингумация в яме с заплечиками); II — план и профиль погребения 125.

Fig. 3. I — burial 125 of Voitenki cemetery (1 — hole; 2 — trizna; 3 — cenotaph; 4 — cremation/paired cremation; 5 — inhumation in a simple pit; 6 — inhumation in a pit with chamber/paired inhumation; 7 — inhumation in a pit with shoulders); II — plan and profile of burial 125.

По классификации Р.Г. Шишкина, гребень относится к типу III2B1b. Появление таких гребней на территории черняховской культуры автор относит ко времени не ранее IV в. (Шишкин 1999: 45).

Между правой лучевой и тазовой костями находился набор предметов для разведения огня: железное стержневое кресало в виде бруска, с одной стороны загнутого в петлю для подвешивания (рис. 5: 7), два отщепы серо-

№4. 2014

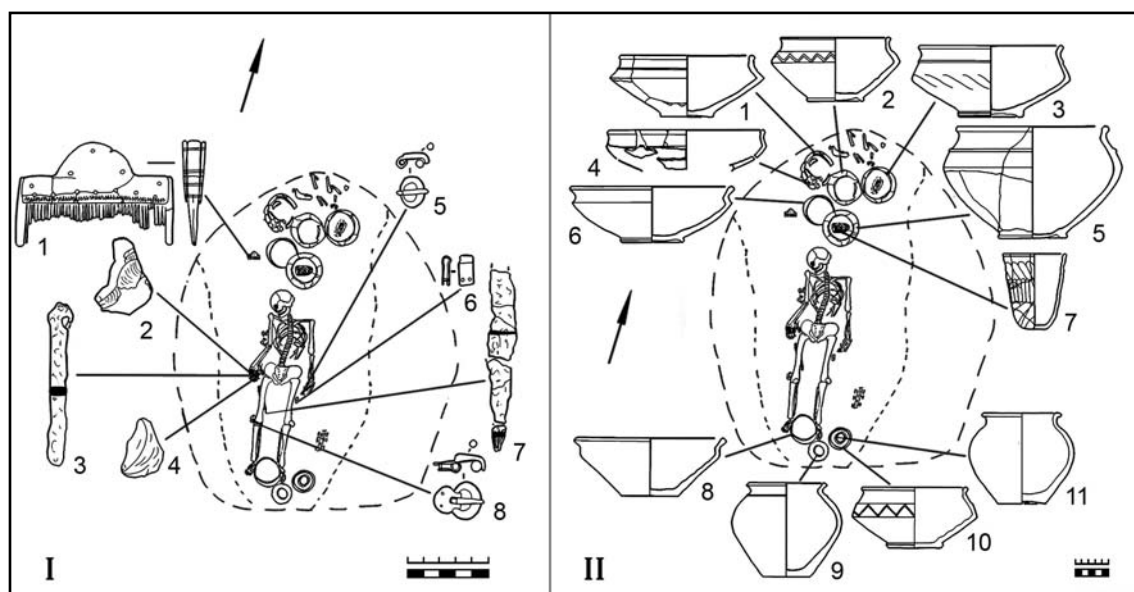

Рис. 4. Расположение вещей в погребении 125: I — группа «личные»; II — группа «приношение».

Fig. 4. Arrangement of items in burial 125: I — group "personal"; II — group "offering".

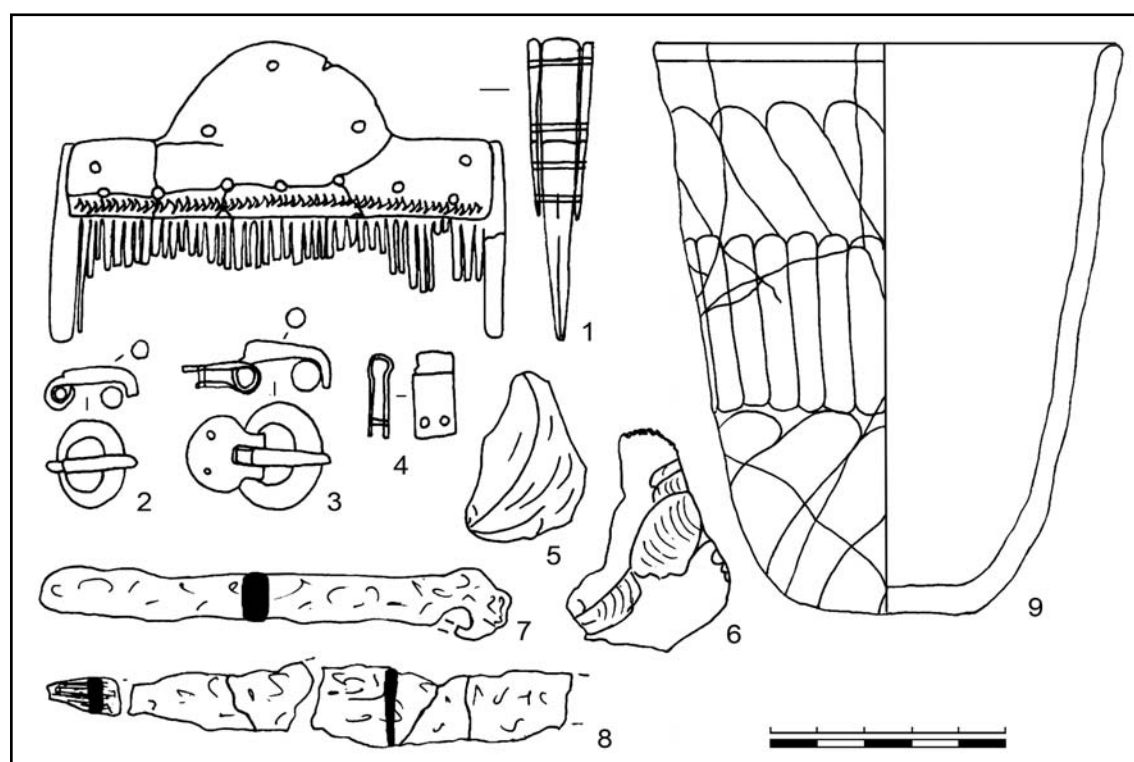

Рис. 5. Вещи из погребения 125: 1 — гребень; 2 — пряжка; 3 — пряжка с обоймой; 4 — пластина; 5, 6 — отщепы кремня; 7 — кресало; 8 — нож; 9 — кубок (1 — кость; 2—4 — бронза; 5, 6 — кремень; 7, 8 — железо; 9 — глина).

Fig. 5. Inventory from burial 125: 1 — comb; 2 — buckle; 3 — buckle collar; 4 — plate; 5, 6 — flakes of flint; 7 — steel (fire striker); 8 — knife; 9 — beaker (1 — bone; 2—4 — bronze; 5, 6 — flint; 7, 8 — iron; 9 — clay).

го и черного кремня (рис. 5: 5, 6). По классификации А. Коковского, данное кресало относится к типу IA2a. Такие изделия встречаются в западной части ареала пшеворской культу-

ры и датируются промежутком времени между ступенями B2 и C1 (Kokowski 1985: 124). Стержневые кресала являются достаточно редкой находкой на памятниках черняховской

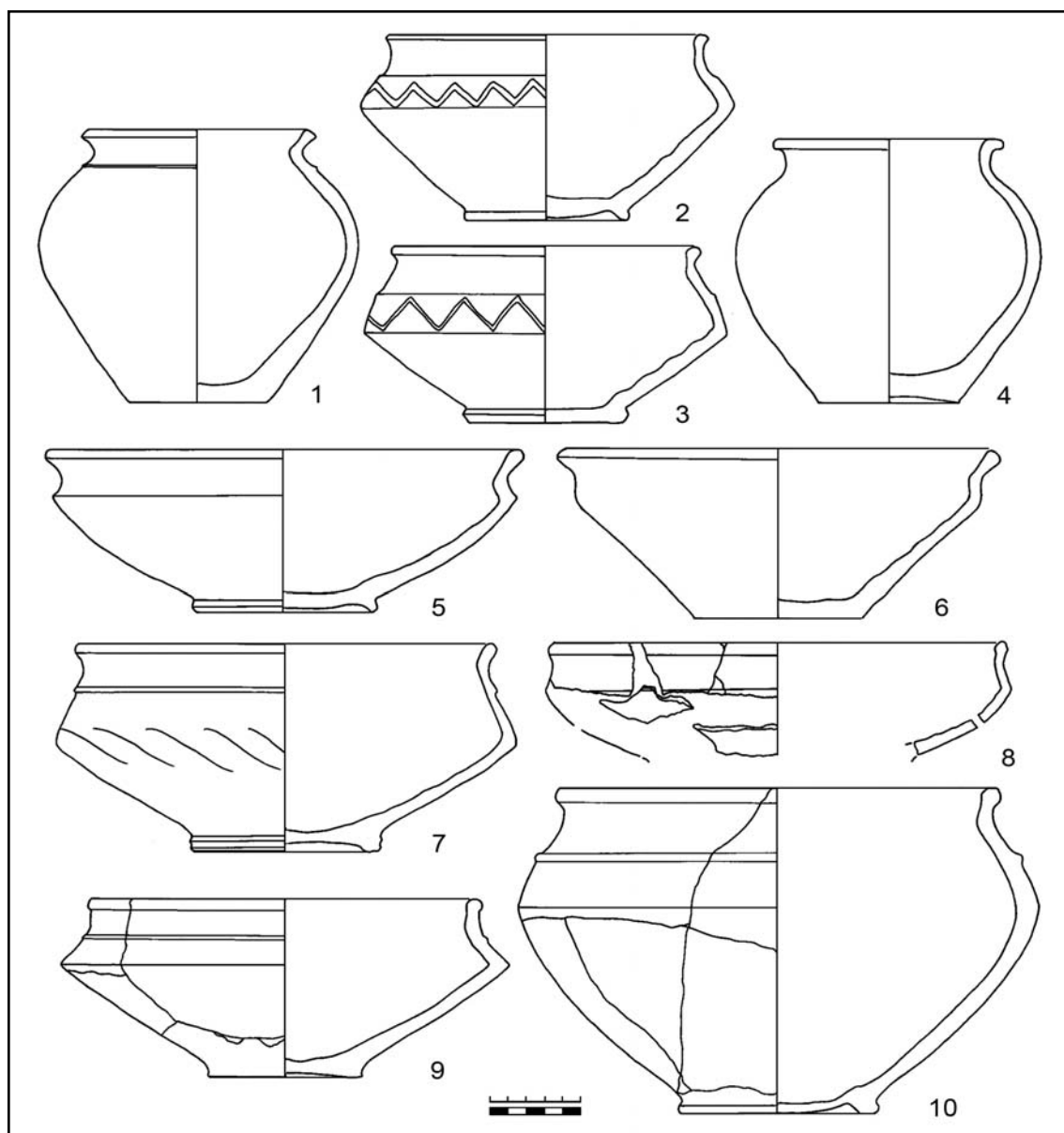

Рис. 6. Керамика из погребения 125.

Fig. 6. Ceramics from burial 125.

культуры (культуры Сынтана-де-Муреш). Они найдены на поселениях Великая Снетинка (Магомедов 1992: 112), Бэичень, Мэтэсару, Яссы (Магомедов 2001: 281), на могильниках Тыргшор (погребение 264) (Diaconu 1965: 70—71), Могошань (погребение 15) (Diaconu 1970: 23), Раковец (погребение 19) (Гей 1990: 111). В последнем случае кресало датируется IV в. н. э. (Магомедов 2001: 86). Подобное кресало имеется в монетно-вещевом кладе, обнаруженном возле г. Чутово Полтавской области (Мызгин 2010: 48) (рис. 7). Несмотря на то, что кресало и кремь должны применяться вместе, данное сочетание в одном комплексе встречается крайне редко. Одним из таких

комплексов является упомянутый монетно-вещевой клад римского времени, найденный возле г. Чутово (Мызгин 2010: 44—64).

Среди личных вещей сохранились детали поясного набора. Выше таза на позвонках находилось сильно коррозированное железное изделие, возможно, пряжка. Возле левой кисти найдена бронзовая пряжка с рамкой овальной формы и загнутым язычком (рис. 5: 2). По классификации Е. Л. Гороховского, пряжка относится к изделиям серии В3а, которые получили наибольшее распространение в IV фазе развития черняховских могильников Украинской лесостепи, которая соответствует фазе С3/D1 (Гороховский 1988: 15). Ниже пряж-

№4. 2014

ки, ближе к бедренной кости, находилась согнутая бронзовая пластинка, соединенная бронзовыми заклепками, возможно, служившая деталью пояса (его окончанием) (рис. 5: 4). Западнее правого коленного сустава располагалась бронзовая пряжка с рамкой овальной формы, загнутым язычком и овальной обоймой (рис. 5: 3). По классификации Е.Л. Гороховского, пряжка также относится к серии В3а. Под правой бедренной костью находился сильно коррозированный железный нож, направленный рукоятью на север (рис. 5: 8).

К категории «приношения» относятся остатки напутственной пищи и керамический «сервиз» из 11 гончарных сосудов качественной работы. В комплексе «сервиз» разделен на две группы и занимает 1/3 северной и 1/8 южной частей погребальной ямы. В районе правой плечевой кости находилось несколько фрагментов гончарного сосуда.

В «северную» группу вошли остатки напутственной пищи, расположенные между северной стенкой и группой сосудов. Набор состоит из семи сосудов: четыре миски закрытого типа (сосуды 1 (рис. 6: 7), 2 (рис. 6: 2), 3 (рис. 6: 9), 4 (рис. 6: 8)), миска открытого типа (сосуд 5) (рис. 6: 5), миска-ваза (сосуд 6) (рис. 6: 10), кубок (сосуд 7) (рис. 5: 9), который находился внутри сосуда 6. Обычай класть в погребение напутственную пищу в виде мяса мелкого рогатого животного является довольно характерным для ингумаций с северной ориентировкой на черняховских могильниках (Никитина 1985: 57—58), что связывают с влиянием сарматов и поздних скифов (Седов 1978: 103; Любичев 2011: 33).

К «южной» группе относятся четыре сосуда: миска открытого типа (сосуд 8) (рис. 6: 6), миска закрытого типа с бракованным дном (сосуд 11) (рис. 6: 3), два горшка (сосуды 9 (рис. 6: 1), 10 (рис. 6: 4)). Над сосудом 11 был установлен сосуд 10.

Отсутствие кувшина в погребении нетипично для керамических «сервизов» днепродонецкой лесостепи, так как они являлись характерной чертой «питейных» наборов (Варачева 2011: 62—63). Следовательно, в погребении представлен «сокращенный» набор в виде вазы (сосуд 6) и кубка (сосуд 7). Несмотря на бытующее мнение об использовании ваз (крупных сосудов без ручек) в качестве погребальных урн (Магомедов 2001: 49), мы считаем, что данная миска — ваза являлась частью «питейного» набора, ибо внутри неё находился кубок. Известно, что трех-

Рис. 7. I — карта находок железных кресал на памятниках черняховской культуры: 1 — Великая Снетинка; 2 — Бэичень; 3 — Мэтэсару; 4 — Яссы; 5 — Тыргшор; 6 — Могошань; 7 — Раковец; 8 — Войтенки; 9 — Чутово). II — кресала из памятников черняховской культуры: 1 — Войтенки; 2 — Великая Снетинка; 3 — Тыргшор; 4 — Могошань; 5 — Раковец; 6 — Чутово. Условные обозначения: а — поселение; б — могильник; в — клад.

Fig. 7. I — finds of iron strikers on Chernyakhov sites: 1 — Velyka Snetynka; 2 — Băiceni; 3 — Mătăsaru; 4 — Iași; 5 — Târgșor; 6 — Mogoșani; 7 — Rakovets'; 8 — Voitenki; 9 — Chutovo). II — strikers from Chernyakhov sites: 1 — Voitenki; 2 — Velyka Snetynka; 3 — Târgșor; 4 — Mogoșani; 5 — Rakovets; 6 — Chutovo. Legend: а — settlement; б — burial; в — treasure.

ручные вазы среди населения черняховской культуры являлись подражанием бронзовым тазам для разбавления вина, используемых в «питейных» наборах римской аристократией (Магомедов 2001: 60), что нашло отражение в обычае устанавливать как стеклянный, так и глиняный кубок в середину вазы.

Кубок из погребения 125 отличается эксклюзивным исполнением, но он находит некоторые аналогии по форме и частично орна-

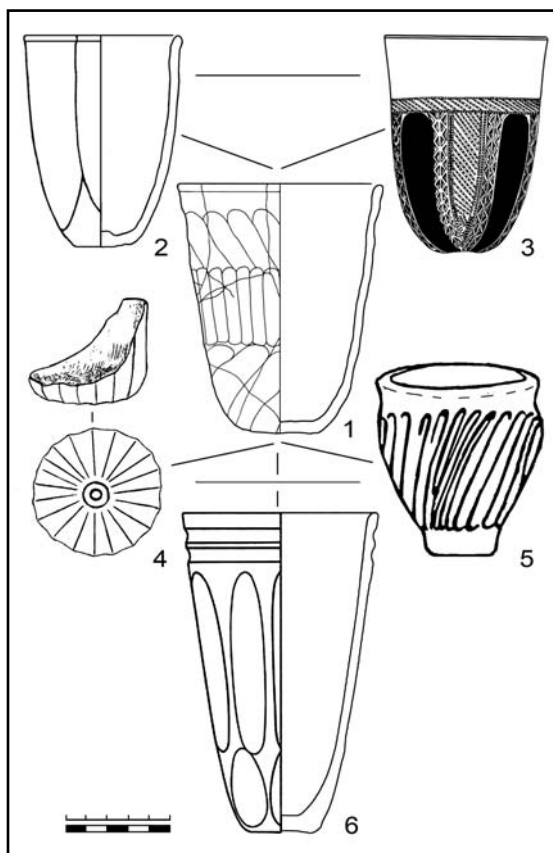

Рис. 8. Аналогии кубка из погребения 125 из могильников позднеримского времени: 1 — Войтенки; 2 — Островец; 3 — Рыжевка; 4 — Шушваловка; 5 — Дитиничи; 6 — Дюбек.

Fig. 8. Analogies of the beaker from burial 125 from Late Roman Time burials: 1 — Voitenki; 2 — Ostrovets; 3 — Ryzhevka; 4 — Shushvalovka; 5 — Ditinichi; 6 — Dybeck.

менту, среди некоторых из известных нам сегодня 37 экземпляров кубков этого типа, происходящих из ареала черняховской культуры с территории Украины, России и частично Молдовы. К ним следует отнести гончарный кубок из погребения 15 могильника Островец (Иваковский 1995: 178, рис. 4: 15) (рис. 8: 2) и погребения 33 могильника Рыжевка (Кропоткин 1973: 241) (рис. 8: 3). Прямых аналогий орнаменту нами не найдено. Известны случаи, когда вертикальными или косонаправленными пролощенными линиями украшалась вся поверхность сосуда, о чем свидетельствуют фрагмент гончарного кубка из культового слоя могильника Шушваловка (Кракало 2011: рис. 2: 11) (рис. 8: 4) и лепной кубок из погребения 5 вельбаркского могильника Дитиничи (Смішко и др. 1961: 94, рис. 4) (рис. 8: 5). Наш кубок также находит некоторые аналогии среди стеклянных сосудов: Эггерс 233 (Eggers 1951: 97), Штрауме IV (Straume 1987: Taf. 5: 60), Рай: Дюбек (Rau

2008: Abb. 6: 7) (рис. 8: 6). Их бытование относится к фазам СЗ, СЗ/Д1 (Straume 1987: 34), или ко второй половине IV в. (Rau 2008: 223). Ареалом их распространения является южная часть Скандинавского полуострова (Straume 1987: Karte 3).

Учитывая хронологию обнаруженных в погребении рогового гребня, бронзовых пряжек, кресала, кубка, комплекс может быть датирован концом IV в. (ступени СЗ/Д1, Д1).

Возникает вполне логичный вопрос о социальном статусе погребенного. Погребение не относится к «знатым» захоронениям типа Ib по Ф. Бирбрауэру, так как в нем нет соответствующих им признаков (Bierbrauer 1989: 71), но имеет неполный керамический сервиз с уникальным глиняным кубком и мясной пищей. Используя выборку из 62 ингумаций могильника (раскопки 2005—2010 гг.) (табл. 3), предварительно можно говорить о выделении трех групп (1—3), возможно, соответствующих социальным слоям «верхнему», «среднему», «низшему». К последней группе отнесены погребения в простых ямах, безинвентарные или же с минимальным набором вещей (1—2 глиняных сосуда, 1 личная вещь) (погребения №21, 34, 37, 43, 51, 60, 62, 71, 72, 75, 79, 82, 85, 87, 98, 103, 106, 116). Для группы 2 характерно наличие элементов костюма (1—2 фибулы, пряжка, низка бус, подвески), роговой гребень, железный нож, глиняное пряслице, керамический «сервиз» с неполным набором для напитков (ваза и кубок/кувшин и кубок/ваза и кувшин/1 кувшин/1 кубок) или без него, мясная пища (погребения №23, 41, 42, 54, 55, 58, 107, 111, 121, 124, 125, 126). Погребения, принадлежавшие «верхнему» слою, выполнены в больших ямах, иногда со сложной конструкцией. Они содержат элементы костюма (2—3 фибулы из цветного металла, 1—3 пряжки из цветного металла, низки бус, подвески), роговой гребень, железный нож, предметы быта (пряслица, иглы, шилья и т.п.), остатки шкатулки, керамический «сервиз» с упрощенным питейным набором (1—2 вазы, 1—3 кувшина, стеклянный кубок, 1—2 глиняных кубка), напутственную пищу (мясо, яйца) (погребения №86, 96, 101, 102, 117).

Погребение 125 выполнено в яме с заплечиками, среди инвентаря находились три пряжки, роговой гребень, кресало, железный нож, мясная пища, но керамический «сервиз» содержал неполный питейный набор (ваза, глиняный кубок). Следуя нашей классификации, этот погребенный мог относиться к группе 2 — «среднему» слою.

Таблица 3.
Информация о погребениях-ингумнациях могильника Войтенки для выделения социальных групп

№№ п/п	№ погр.	Погребальная яма			Нап. пища		К-во сосудов	«Питейный» набор				Фибулы		Пряжки		Подв.	Бус.	Греб.	Быт			Примечания
		Пр.	Под.	Зап.	М.	Я.		Ваза	Кув.	Куб.	Ст. куб.	Жел.	Цв. мет.	Жел.	Цв. мет.				Ткач.	Рем.	Нож	
1	3		+				фр.				фр.		фр.									парная, разруш.
2	6	+					5						1									
3	12	+					2					2										
4	13	+			+		фр.							1					2		1	столб. ямни, разруш.
5	21	+					1															
6	23	+			+		3					2					50	1				
7	26			+			7–8 (фр.)	фр.	фр.			1				2			1			
8	28			+			2 (фр.)	фр.			фр.							1				
9	32	+					5					1						фр.				
10	34	+					1												1			
11	37	+					1															
12	38	+					2		фр.		фр.		1			1				1		
13	41		+		++		11	1	1	1		1	3		1	3	15 / 107	1	1			
14	42	+			+		4			1		2				3	14		2			
15	43	+					1													1		
16	50	+					4		1					1		2						
17	51	+					2											1				

Пояснение к сокращениям: Бр. — бронза; Бус. — бусина; Греб. — гребень; Жел. — железо; Зап. — яма с заплечиками; К-во сосуд. — количество сосудов; Кув. — кувшин; Куб. — кубок; М. — мясная пища; Ост. шкат. — остатки шкатулки; Прим. — примичание; Пр. — простая яма; Под. — яма с подбоем; Подв. — подвеска; Разруш. — разрушенное; Рем. — ремесло (шилья, кресало, кремль, скобы); Ст. куб. — стеклянный кубок; Столб. — столбовые; Ткач. — ткачество (пряслица, клюковидные булавы, иглы, костяные игольники, «стилось»); Цв. мет. — цветной металл; Фр. — фрагмент/ы; Я. — скорлупа яиц.

Таблица 3 (продолжение).

№№ п/п	№№ погр.	Погребальная яма			Нап. пища		К-во сосуд.	«Питейный» набор				Фибулы		Пряжки		Подв.	Бус.	Греб.	Быт			Примечания
		Пр.	Под.	Зап.	М.	Я.		Ваза	Кув.	Куб.	Ст. куб.	Жел.	Цв. мет.	Жел.	Цв. мет.				Ткач.	Рем.	Нож	
18	54		+		+		8	1	1	2			2				11	1	1			
19	55	+					5	1		1				1				1		1		
20	58	+			+		5			1				1	1		10	1	1		1	
21	60	+					1							1								
22	62	+					фр.															
23	64	+					1		1				фр.	1	1	1					1	
24	65	+					4	1						1		2					1	
25	66		+				5			1												
26	68	+			+		2						1			11	7	1				
27	70	+					3							1			1	1				
28	71		+		+		2														1	
29	72	+																				
30	75	+											1									
31	79	+																				
32	80	+					4								1							
33	82	+											1 / фр.									
34	85		+				фр.					фр.										разруш.
35	86		+		+	+	10 / 6.	1	2		1		2 / 2.		1	1	15 / 130	2	5			парная
36	87	+					2								1							
37	92	+					5		1				1	1			32					
38	93	+					3 (фр.)							2							1	
39	94	+			+		6					2					43					
40	96			+	++		16	4	2	2	1		1	1	2	3	3	1	1	1	1	ост. шкат.

№4. 2014

Таблица 3 (окончание).

№№ п/п	№ погр.	Погребальная яма			Нап. пища		К-во сосуд.	«Питейный» набор				Фибулы		Пряжки		Подв.	Бус.	Греб.	Быт			Примечания
		Пр.	Под.	Зап.	М.	Я.		Ваза	Кув.	Куб.	Ст. куб.	Жел.	Цв. мет.	Жел.	Цв. мет.				Ткач.	Рем.	Нож	
41	97	+					4		1								2					
42	98	+											1									
43	99	+			+		6			1								1				
44	100			+			5											2	1			разруш.
45	101	+			++		16	2		1	1		2					1	1			
46	102		+		+	+	6	1			1 / 1 (фр.)		1				20	фр.	1			разруш.
47	103	+					1															
48	106	+					1 / 1 (фр.)															
49	107	+							1	2		1						1				бр. пинцет
50	111	+			+		9	2	1	1			2			3	6		1			
51	112		+				6 (фр.)								1	1	40	фр.	1			бр. пинцет, разруш.
52	115		+				7	3		1	фр.							фр.	1			
53	116	+																				
54	117		+		+		13	2	1	1	1		1		1 / 1		1					
55	118	+			+		4	1					2									
56	119	+			+		4						2									
57	121		+				1		1		1		1 / ?		1		7	1	2			
58	122	+			+		6	1					2				23	1			1	
59	123		+				4							1				1		4		
60	124		+		++	+	13	2	1	1			2		1		103	фр.	6		1	ост. шкат., ладан
61	125			+	+		11	1		1				1	2 / 1			1		3	1	
62	126		+		+	+	14	1	1	1			2			3	17				1	

Каталог инвентаря из погребения 125 могильника Войтенки

1. Роговой трехслойный многочастный гребень (10 пластин: 2 внешние, 1 верхняя внутренняя, 7 нижних внутренних), с 12 бронзовыми заклепками (№102 инд/м⁴). Поверхность с двух сторон орнаментирована зигзагом. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,54 м. Размеры: длина 9,3 см, высота 5,7 см, высота плечиков 2,3 см, высота спинки 1,5 см, толщина 0,6 см (рис. 5: 1).

2. Бронзовая пряжка с рамкой овальной формы, утолщенной в передней части, круглой в сечении (№100 инд/м). Язычок круглый в сечении, его край загнут за рамку, в задней части сделан уступ. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,56 м. Размеры: рамка 1,8×1,5×0,4 см, язычок 2,0×0,3 см (рис. 5: 2).

3. Бронзовая пряжка с обоймой (№92 инд/м). Имеет рамку овальной формы, круглую в сечении. Язычок круглый в сечении, утолщен к основанию, имеет уступ, край загнут за рамку. Обойма овальная с двумя заклепками. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,57 м. Размеры: общая длина 3,0 см, рамка 2,2×1,7×0,6 см, обойма 1,6×1,5×0,5 см, язычок 2,1×0,4 см (рис. 5: 3).

4. Бронзовое изделие в виде согнутой пластинки, соединенной двумя заклепками (№101 инд/м). Пластина имеет прямоугольную форму. Состояние плохое (имеются трещины, отсутствует одна заклепка). Глубина залегания 1,55 м. Размеры пластины: длина 1,8 см, ширина 0,8 см, толщина 0,1 см, размеры заклепки: 0,4×0,1 см (рис. 5: 4).

5. Железный нож (№104 инд/м). Имеет клиновидное лезвие, прямоугольную в сечении рукоять. Состояние плохое (сильно корродирован, состоит из 6 фрагментов, конец лезвия не сохранился). Глубина залегания 1,57 м. Размеры: 3,9×1,2 см (рис. 5: 8).

6. Железное стержневое кресало (№99 инд/м). Представляет собой прямоугольный в сечении брусок, с одной стороны загнутый в петлю для подвешивания к поясу. Состояние плохое (сильно корродировано, часть петли не сохранилось). Глубина залегания 1,59 м. Размеры: длина 9,9 см, ширина 0,9 см, петля 1,7×1,8 см (рис. 5: 7).

7. Железное изделие (№103 инд/м). Сильно деформировано коррозией, возможно — пряжка (?). Состояние плохое (сильно корродировано). Глубина залегания 1,55 м. Размеры: 1,0×1,5 см. Рисунок отсутствует.

8. Отщеп кремня черного цвета (№116 инд/м). Трапециевидной формы, имеет следы обработки. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,59 м. Размеры: 3,2×2,3 см (рис. 5: 6).

9. Отщеп кремня серого цвета (№105 инд/м). Трапециевидной формы, имеет следы обработки. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,59 м. Размеры: 4,7×3,2 см (рис. 5: 5).

10. Гончарная миска-ваза закрытого типа (со-

суд 1, №179 м⁵), со сглаженными ребрами, кольцевым дном. Поверхность лощеная, темно-серого и черного цветов. Орнамент: на плече — валик, по ребру нанесены каннелюры. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,52—1,62 м. Размеры: высота 11 см, диаметр венчика 22 см, диаметр ребра 24 см, диаметр днища 10 см (рис. 6: 7).

11. Гончарная миска закрытого типа (сосуд 2, №178 м), с острым ребром, кольцевым дном. Поверхность лощеная, серого цвета. На плече сделана площадка шириной 1,6 см, на которой нанесен орнамент — лощеный зигзаг. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,50—1,57 м. Размеры: высота 10 см, диаметр венчика 17,2 см, диаметр ребра 20 см, диаметр днища 8,8 см (рис. 6: 2).

12. Гончарная миска закрытого типа (сосуд 3, №201 м), с острым ребром, кольцевым дном. Поверхность заглажена, серого цвета. На плече имеется валик. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,49—1,56 м. Размеры: высота 9,5 см, диаметр венчика 20,6 см, диаметр ребра 23,5 см, диаметр днища 8 см (рис. 6: 9).

13. Гончарная миска закрытого типа (сосуд 4, №227 м), с острым ребром. Поверхность лощеная, серого и темно-серого цвета. Состояние плохое (слабый обжиг, сосуд сохранился лишь частично). Глубина залегания 1,53—1,58 м. Размеры сохранившейся части: высота 6 см, диаметр венчика 24 см, диаметр ребра 24 см (рис. 6: 8).

14. Гончарная миска открытого типа (сосуд 5, №176 м), с острым ребром и кольцевым дном. Поверхность лощеная, серого цвета. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,54—1,62 м. Размеры: высота 8,4 см, диаметр венчика 24,6 см, диаметр ребра 24 см, диаметр днища 9,5 см (рис. 6: 5).

15. Гончарная миска-ваза закрытого типа (сосуд 6, №228 м), с острым ребром и кольцевым дном. Поверхность лощеная, темно-серого и черного цвета. На плече имеется валик. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,47—1,57 м. Размеры: высота 17 см, диаметр венчика 23 см, диаметр ребра 26,8 см, диаметр днища 10,4 см (рис. 6: 10).

16. Гончарный кубок (сосуд 7, №202 м). Корпус имеет форму усеченного конуса, венчик ровный, дно сплошное. Поверхность лощеная, черного цвета, полностью покрыта орнаментом в виде каннелюр, расположенных в три ряда. Верхний и нижний ряд — косонаправленные, средний — вертикальные. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,51—1,55 м. Размеры: высота 12,5 см, диаметр венчика 10,1 см, диаметр днища 3,2 см (рис. 5: 9).

17. Гончарная миска открытого типа (сосуд 8, №180 м), с гладким ребром и сплошным дном. Поверхность лощеная, серого цвета. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,43—1,51 м. Размеры: высота 8,8 см, диаметр венчика 22,8 см, диаметр ребра 20,8 см, диаметр днища 8,8 см (рис. 6: 6).

⁴ Номер по индивидуальной описи могильника.

⁵ Номер по массовой описи могильника.

№4. 2014

18. Гончарный округлобокий горшок (сосуд 9, №196 м). Дно сплошное, со следами брака. Поверхность шероховатая, серого и темно-серого цвета. На плечике имеется валик. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,41—1,55 м. Размеры: высота 14,5 см, диаметр венчика 11,2 см, диаметр ребра 16,7 см, диаметр днища 7,2 см (рис. 6: 1).

19. Гончарный округлобокий горшок (сосуд 10, №198 м). Дно сплошное, поверхность шероховатая, серого и темно-серого цвета. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,41—1,51 м. Размеры:

высота 14 см, диаметр венчика 12 см, диаметр ребра 16 см, диаметр днища 7,5 см (рис. 6: 4).

20. Гончарная миска закрытого типа (сосуд 11, №181 м), с острым ребром и плитчатым дном. Поверхность лощеная, серого цвета. На плече выполнена площадка, шириной 2 см, на которой нанесен орнамент — лощеный зигзаг. Состояние хорошее. Глубина залегания 1,48—1,57 м. Размеры: высота 9,3 см, диаметр венчика 16,2 см, диаметр ребра 19 см, диаметр днища 8,5 см (рис. 6: 3).

Литература

- Бейдин Г.В., Мызгин К.В. 2010. Монетно-вещевой клад римского времени из среднего течения бассейна р. Ворскла. В: Брумяк И.В. (отв. ред.). *Записки отдела нумизматики и торевики Одесского археологического музея*. I. Одесса: СМІЛ, 44—64.
- Варачёва К.Г. 2011. Место стеклянных и глиняных кубков в «сервизе» погребений на могильниках черняховской культуры Днепро-Донецкой лесостепи. В: Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. (від. ред.). *Oium 1*. Київ, Луцьк: ІА НАН України; ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова, 61—65.
- Варачева К.Г. 2013. Глиняные кубки конической формы на памятниках черняховской культуры. В: Вдовченков Е.В. (отв. ред.). *Проблемы археологии Восточной Европы. VIII Международная археологическая конференция студентов и аспирантов*. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет, 168—172.
- Гей О.А. 1990. Могильник у с. Раковец (раскопки 1985 года). В: Плетнева С.А., Русанова И.П. (отв. ред.). *Раннеславянский мир 1*. Москва: Наука, 109—118.
- Гей О.А. 1993. История изучения. В: Рыбаков Б.А. (отв. ред.). *Археология СССР 17 (Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. — первой половине I тыс. н.э.)*. Москва: Наука, 123—130.
- Гороховский Е.Л. 1988. *Хронология ювелирных изделий первой половины I тысячелетия н.э. Лесостепного Поднепровья и Южного Побужья*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев.
- Іваковський В.І., Цигилик В.М. 1995. Черняхівський могильник поблизу с. Острівця на Івано-Франківщині. *МДАПВ* 6, 169—184.
- Кракало І.В. 2011. Про поховальні пам'ятки черняхівської культури в придніпровській зоні Кременчуцького та Глобинського районів Полтавщини. В: Козак Д.Н. (від. ред.). *АДІУ* 5. Київ: Інститут археології НАН України, 144—151.
- Любичев М.В. 2008. Об этнокультурных процессах позднеримского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследования археологического комплекса Войтенки). В: Наумов А.Н. (отв. ред.). *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов 1*. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово Поле», 257—290.
- Любичев М.В. 2011. Погребения с позднескифскими/сарматскими признаками на могильниках черняховской культуры в днепро-донецкой лесостепи. В: Петраускас О.В., Шишкін Р.Г. (від. ред.). *Oium 1*. Київ; Луцьк: ІА НАН України; ІО НПУ ім. М.П. Драгоманова, 33—52.
- Любичев М.В., Мызгин К.В., Варачева К.Г. 2011. *Отчет о работе Германно-Славянской археологической экспедиции Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в 2010 году*. НА ІА НАН України.
- Магомедов Б.В. 1992. Велика Снітинка 2 — поселення гребінників III—IV ст.н.е. В: Паньков С.В. (від. ред.). *Стародавнє виробництво на території України*. Київ: Наукова думка, 94—116.
- Магомедов Б.В. 2001. *Черняховская культура. Проблема этноса*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.
- Никитина Г.Ф. 1969. Гребни черняховской культуры. *СА* (1), 147—159.
- Седов В.В. 1978. Скифо-сарматские элементы в погребальном обряде черняховской культуры. В: Козенкова В.И., Краснов Ю.А., Розенфельдт И.Г. (отв. ред.). *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука, 99—107.
- Смішко М.Ю., Свешніков І.К. 1961. Могильник III—IV ст.н.е. у с. Дитиничі Ровенської області. *МДАПВ* 3. Київ, 89—114.
- Шишкін Р.Г. 1999. Классификация и типология трехслойных гребней черняховской культуры. *Сто років вивчення культур полів поховань на Україні*. Київ: ІА НАН України, 43—48.
- Bierbrauer V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica* AB VIII, 36—106.
- Diaconu G. 1965. *Țirgșor: necropola din secolele III—IV e.n.* București: Editura Academiei Republicii Populare Române.
- Diaconu G. 1970. *Mogoșani: necropola din secolul IV e.n.* Târgoviște: Muzeul Județean Dâmbovița.
- Eggers H.J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte.
- Kokowski A. 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Przeworsk-Kultur. In: Kokowski A. (Hrsg.). *Memoires Archéologiques*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 109—127.
- Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Instituttet for sammenlignende kulturforskning LXXIII Serie B.
- Rau G. 2008. Spätantike Facettenschliffgläser in Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archeologia* 40, 221—240.

References

- Beidin, G. V., Myzgin, K. V. 2010. In *Zapiski otdela numizmatiki i torevitiki Odesskogo arkeologicheskogo muzeia* (Proceedings of the Department of numismatics and torevitics of Odessa archaeological museum) I. Odessa: SMIL, 44—64 (in Russian).
- Varachova, K. G. 2011. In *Oium (Oium)* 1. Kiev; Lutsk: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, 61—65 (in Russian).
- Varachova, K. G. 2013. In *Problemy arkeologii Vostochnoi Evropy. VIII Mezhdunarodnaia arkeologicheskaia konferentsiia studentov i aspirantov* (Problems of archaeology of Eastern Europe. VIII International archaeological conference of students and PhD students). Rostov-on-Don: Southern Federal University, 168—172 (in Russian).
- Gaj, O. A. 1990. In *Rannoslavianskii mir* (Early Slavic World) 1. Moscow: Nauka, 109—118 (in Russian).
- Gaj, O. A. 1993. In *Arkeologiya SSSR* (Archaeology of USSR) 17 (Slaviane i ikh sosedi v kontse I tys. do n. e. — pervoi poloviny I tys. n. e. (The Slavs and their neighbours in the end of the I millennium BC — first half of the I millennium AD)). Moscow: Nauka, 123—130 (in Russian).
- Gorokhovskii, E. L. 1988. *Khronologiya iuvelirnykh izdelii pervoi poloviny I tysiacheletia n. e. Lesostepnogo Podneprov'ia i Iuzhnogo Pobuzh'ia* (Chronology of jewelry of the first half of I millennium AD from forest-steppe Dnieper region and Southern Bug region). Synopsis of the doctoral thesis. Kiev (in Russian).
- Ivakovskii, V. I., Tsigilik, V. M. 1995. In *Materiali i doslidzhennia z arkeologii Prikarpatia i Volini* (Materials and Studies on Archaeology of Sub-Carpathian and Volhynian Area) 6, 169—184 (in Ukrainian).
- Krakalo, I. V. 2011. In *Arkeolohiia i davnia istoriia Ukraïny* (Archaeology and Ancient History of Ukraine) 5. Kiev: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, 144—151 (in Ukrainian).
- Liubichev, M. V. 2008. In *Lesnaia i lesostepnaia zony Vostochnoi Evropy v epokhi rimskikh vliiani i Velikogo pereseleniia narodov* (Forest and forest-steppe zones of Eastern Europe in the time of Roman influences and Great Migrations) 1. Tula: Gosudarstvennyi muzei-zapovednik «Kulikovo Pole», 257—290 (in Russian).
- Liubichev, M. V. 2011. In *Oium* 1. Kiev; Lutsk: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, 33—52 (in Russian).
- Liubichev, M. V., Myzgin, K. V., Varachova, K. G. 2011. *Otchet o rabote Germano-Slavianskoi arkeologicheskoi ekspeditsii Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta imeni V. N. Karazina v 2010 godu* (Report on the investigations of the German-Slavic archaeological expedition of the Kharkiv „V.N. Karazin“ National University in 2010). Scientific Archive of Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine (in Russian).
- Magomedov, B. V. 1992. In *Starodavnye vyrobnytsvo na terytorii Ukraïny* (Ancient manufacturing on the territory of Ukraine). Kiev: Naukova dumka, 94—116 (in Ukrainian).
- Magomedov, B. V. 2001. *Cherniakhovskaia kul'tura. Problema etnosa* (Cerneahov culture. The problem of ethnos). Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej (in Russian).
- Nikitina, G. F. 1969. In *Sovetskaia arkeologiya* (Soviet Archaeology) (1), 147—159 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1978. In *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkeologii Vostochnoi Evropy* (Questions of Ancient and Medieval archaeology of Eastern Europe). Moscow: Nauka, 99—107 (in Russian).
- Smishko, M. Yu., Sveshnikov I. K. 1961. In *Materialy i doslidzhennia z arkeolohii Prykarpattia i Volyni* (Materials and Studies on Archaeology of Sub-Carpathian and Volhynian Area) 3. Kiev, 89—114 (in Ukrainian).
- Shishkin, R. G. 1999. In *Sto rokov vivchennia kul'tur poliv pokhovan' na Ukraïni* (One hundred years of research of the Urnfield culture in Ukraine). Kiev: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of Ukraine, 43—48 (in Russian).
- Bierbrauer V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und des frühen Mittelalters. *Peregrinatio Gothica* AB VIII, 36—106.
- Diaconu G. 1965. *Tîrgşor: necropola din secolele III—IV e. n.* Bucureşti: Editura Academiei Republicii Populare Române.
- Diaconu G. 1970. *Mogoşani: necropola din secolul IV e. n.* Târgovişte: Muzeul Judeţean Dâmboviţa.
- Eggers H. J. 1951. *Der römische Import im freien Germanien*. Hamburg: Hamburgisches Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte.
- Kokowski A. 1985. Die Feuerstahlwerkzeuge der Przeworsk-Kultur. In: Kokowski A. (Hrsg.). *Memoires Archéologiques*. Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej, 109—127.
- Straume E. 1987. *Gläser mit Facettenschliff aus skandinavischen Gräbern des 4. und 5. Jahrhunderts n. Chr.* Oslo: Instituttet for sammenlignende kulturforskning LXXIII Serie B.
- Rau G. 2008. Spätantike Facettenschliffgläser in Nord- und Osteuropa. *Acta Praehistorica et Archeologia* 40, 221—240.

Статья поступила в номер 11 марта 2014 г.

Kseniia Varachova (Kharkiv, Ukraine). V.N. Karazin Kharkiv National University ¹.

Kseniia Varachova (Harkov, Ucraina). Universitatea Naţională „V.N. Karazin” din Harkov.

Варачёва Ксения Григорьевна (Харьков, Украина). Харьковский Национальный университет имени В. Н. Каразина.

E-mail: xenav@mail.ru

Address:¹ Svobody Place, 6, Kharkiv, 61077, Ukraine

М. М. Казанский

Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция

Keywords: Concești, Migrations, “princely” burials, Goths, Huns.

Cuvinte cheie: Concești, migrații, morminte „princiare”, goți, huni.

Ключевые слова: Концешты, переселение народов, «княжеские» погребения, готы, гунны.

M. M. Kazanski

A Burial of the Migration Period in Concești: Inventory, Dating, Funeral Rites, Social Status and Ethno-Cultural Attribution

The author considers grave goods, dating, social status and ethno-cultural attribution of a “princely” burial at Concești, found on the bank of the Prut River and nowadays kept in the Hermitage in St.-Petersburg. It is supposed to be burial of either a Barbarian leader of the early phase of the Huns’ time, seemingly a leader of the Gothic “Kingdom”, which occupied the northern territory of the Romanian Moldova and Northern Bessarabia, or a Huns’ “regent” who might have controlled the Huns in this region. Some features of the funeral rite connected with the Greek-Roman tradition — such as vault built of slabs and presence of a funeral crown in the grave — are absolutely foreign for the funeral practices of the Eastern and Central European Barbarians at the Huns’ time. No doubt, the people who buried the Concești ruler were well informed about the prestigious rites of the Empire and its satellite kingdoms. Attributing this burial to the Barbarians who advanced into the area of the Low Danube from a place in the Cimmerian Bosphorus seems to be quite promising, specifically to the Huns of Uldis or the Goths whose presence in Bosphorus in around 400 is well documented by written accounts.

M. M. Kazanski

Mormântul din epoca migrațiilor de la Concești: inventarul funerar, datarea, ritul funerar, statutul social și atribuirea etnoculturală

Prezentul articol reprezintă o analiză a inventarului funerar, a datării, a statutului social și a apartenenței etnoculturale a mormântului „princiar” de la Concești, descoperit pe malul râului Prut și actualmente păstrat în Ermitaj. Putem presupune, că aici a fost înmormântat unul dintre șefii sau conducătorii barbarici din faza incipientă a epocii hunice, posibil, un lider al „regatului” gotic, amplasat în partea de nord a Moldovei istorice, sau un „guvernator” hunic, care exercita controlul hunilor asupra regiunii date. Unele trăsături ale ritului funerar, precum edificarea unui cavou funerar și plasarea unei cununi în mormânt, sunt complet străine tradițiilor funerare barbarice din Europa de Est și cea Centrală în epoca hunilor și pot fi puse în legătură cu tradiția greco-romană. Cu siguranță, cei care au realizat mormântul căpeteniei de la Concești cunoșteau bine riturile de prestigiu ale Imperiului și sateliților acestuia. Ne pare foarte tentantă punerea în legătură a acestui mormânt cu barbarii, veniți la Dunărea de Jos de undeva din regiunea Bosporului Cimerian (de exemplu, hunii lui Uldis) sau cu goții, a căror prezență în Bospor, în jurul anului 400 d. Hr., este bine documentată de izvoarele scrise.

М. М. Казанский

Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция

Рассматривается погребальный инвентарь, датировка, социальный статус и этнокультурная принадлежность «княжеского» погребения в Концештах (Concești), обнаруженного на берегу р. Прут и ныне хранящегося в Эрмитаже. Можно предположить, что здесь погребен один из варварских вождей начальной фазы гуннской эпохи, возможно, правитель готского «королевства», занимавшего территорию северной части румынской Молдовы и Северной Бессарабии, или же гуннский «наместник», осуществлявший контроль гуннов в данном регионе. Некоторые черты погребального обряда, связанные с греко-римской традицией, такие, как сооружение плитового склепа и присутствие в могиле погребального венка, являются совершенно чуждыми погребальным обычаям варваров Восточной и Центральной Европы в гуннское время. Несомненно, люди, совершавшие погребение концештского вождя, хорошо знали престижные обряды Империи и ее царств-сателлитов. Представляется очень заманчивым соотнести данное погребение с варварами, продвинувшимися на Нижний Дунай откуда-то из района Боспора Киммерийского, такими, как гунны Ульдиса или готы, присутствие которых на Боспоре около 400 г. хорошо засвидетельствовано письменными источниками.

Обстоятельства находки

Могила в Концештах (Concești) была обнаружена в 1808 г. на территории округа Ботошань, на правом берегу р. Прут (Harhoiu 1998: 172)¹. Погребение было найдено у истоков ручья Подрига (Podriga), кажется, на его левом берегу, как пишет Р. Хархою, «в специально обустроенном месте (?)» (Harhoiu 1998: 172). Вблизи истока ручья дети-пастухи заметили в свежей осыпи берега округлый серебряный предмет и цветные камешки. Владельцы усадьбы, немедленно прибежавшие на место находки, также нашли камешки и фрагменты золотых палочек, являвшиеся, по Л. А. Мацулевичу, остатками золотых аппликаций (Мацулевич 1934: 56). Были начаты раскопки, берег ручья сразу же обрушился, при этом открылся сводчатый склеп, сложенный из тесаного камня и вымощенный плитами. Вода ручья проникала в склеп и вынесла наружу вещи, найденные детьми.

Когда склеп был открыт, в левой части был обнаружен сгнивший деревянный гроб с декором из золота, а в нем скелет. На истлевшей одежде было замечено много золотых нашивных украшений (или, как считает Р. Хархою, человеческие останки находились в златотканой оболочке (одежде?), украшенной драгоценными камнями: Harhoiu 1998: 172), на голове была золотая повязка с камнями. В глубине склепа и возле гроба находились несколько сосудов, оружие и другие вещи. Справа от гроба лежал скелет коня, его сбруя была богато украшена золотом со вставками цветных камней. Захоронение было изолированным, больше на этом месте ничего не находили (Мацулевич 1934: 56, 57; Засецкая 1994: 174; Harhoiu 1998: 172).

Часть вещей находчики продали местному коммерсанту. Затем, благодаря генералу (?) Чичагову², эти вещи попали в Эрмитаж, где и находятся по сей день (Harhoiu 1998: 172). Погребальный инвентарь Концешт впервые был опубликован Л. А. Мацулевичем (Matzulevich 1929), затем другими исследователями (наиболее полные описания и иллюстрации: Alföldi 1932: 77, 78, Taf. XX, XXI; Засецкая 1994: 174: табл. 19—21; Harhoiu 1998: 172, Taf. I—XX).

¹ По К. М. Скалон, И. П. Засецкой и В. Н. Залесской, находка была совершена в 1812 г. (Skalon 1973: 91; Засецкая 1994: 174; Залесская 2006: № 4—9), на территории округа Сучава, в районе Дарабань.

² Возможно, Р. Хархою имеет в виду адмирала Павла Васильевича Чичагова, назначенного в 1812 году командующим Дунайской армией.

Погребальный инвентарь

Три золотых листка от погребального венка (рис. 1: 8—10; 2: 3—5) (Alföldi 1932: Taf. XX; Засецкая 1994: табл. 19: 7—9; Harhoiu 1998: 59, Taf. XIX: 2—4). Длина около 3,2 см³. Иногда определяемые как листья сельдерея, золотые листки из погребения Концешты имеют подтреугольную форму с тремя зубцами. Они явно относятся к погребальному венку (диадеме) из золотого листа. Скорее всего, именно её находчики и описывают как золотую повязку с камнями. Погребальные венки из золотого листа хорошо известны в греко-римской погребальной традиции (см. ниже), но общая типология этой категории материала для позднеантичного времени не разработана.

Тем не менее, параллели листкам от диадемы достаточно многочисленны, в первую очередь на Боспоре Киммерийском и в меньшей степени в Закавказье, однако они почти всегда декорированы. Похожие по форме листки присутствуют на диадемах, например, в следующих боспорских погребениях: могила Юлия Каллисфена в Керчи (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: fig. 7: 2); Глинище-Карантинная Слободка 1910 г. (Šarov 2003: Abb. 23; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: fig. 96); Глинище, погребение 1837 г. с Золотой маской (Тайна Золотой маски 2009: № 2), Глинище, 1986 г. (Šarov 2003: Abb. 6: 1); Джург-Оба, склеп 4.2002 и 29.2007 (Ermolin 2012: fig. 3: 1, 2) (рис. 9: 1); Заморское, погребение 4 (Корпусова 1973: рис. 3); Тузла, склеп III.1951, камера 1 (Зеест 1951: лист 38); Керчь, склеп 165.1904, погр. 5 (Засецкая 1993: № 288); склеп 154.1904, погр. 2 (Засецкая 1993: № 221); два склепа, найденных 24.6.1904 г. (Засецкая 1993: № 72—75); склеп 145.1904 (Засецкая 1993: № 21); Керчь-Глинище, погр. 1896 г. (Штерн 1897: рис. 1); Керчь, погребение Мессаксуды 1918 г. (рис. 9: 2) (Beck, Kazanski, Vallet 1988: fig. 2: 1). В Закавказье такие листки известны, например, в Мцхете, в погр. 45.1981 (Апакидзе и др. 1984: табл. LIV: 6). На территории Империи также известны погребальные диадемы с похожими листочками. Приведем в качестве примера находки в Зегма, на Евфрате (Dieudonné-Glad, Feugère, Önal 2013: 45—47, pl. 1: 1—8)⁴.

³ Здесь и далее размеры предметов даны по публикациям Р. Хархою и В. Н. Залесской (Harhoiu 1998; Залесская 2006).

⁴ Авторы также приводят многочисленные находки разных эпох в Греции (Dieudonné-Glad, Feugère, Önal 2013: 4).

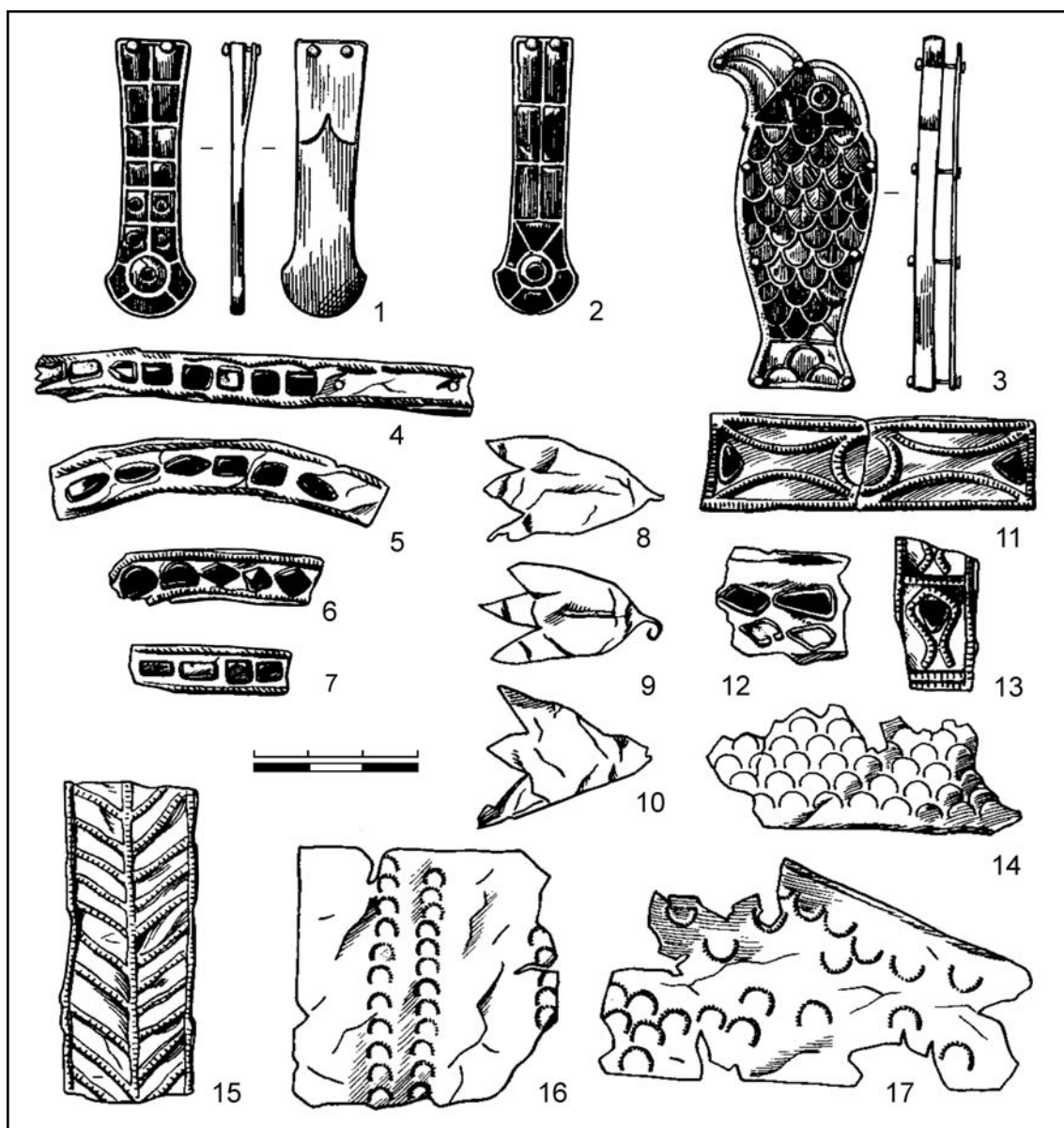

Рис. 1. Вещи из погребения Концешты (по Засецкая 1994: табл. 19).

Fig. 1. Artefacts from Concești burial (after Засецкая 1994: табл. 19).

На территории Барбарикума мне известна лишь одна находка погребального венка с золотыми листиками — в «вождеском» сарматском погребении Косика на Нижней Волге, датированом I в. н. э. (Tesori... 2005: № 79—82).

Золотая гривна (рис. 3: 1) (Alföldi 1932: Taf. XXI; Засецкая 1994: 77: табл. 20: 3; Năghoiu 1998: 64, 65, Taf. XIX: 1). Диаметр около 20 см. Гривна витая из трех проволок — рубчатой и двух гладких с рубчатыми концами. Один конец заканчивается петлей, другой — крючком. В целом золотые гривны разных типов в эпоху переселения народов встречаются чаще всего в мужских погребениях, хотя и не только в них, как у кочевников, так и у оседлых варваров (Tejral 2011: 195—199;

Loskotová 2012, 192—194). При этом золотые гривны попадают только в захоронения высокого социального ранга, как правило, с парадными мечами, а зачастую и с предметами конского убора. В качестве примеров назовем находки золотых гривен из погребений «воинских предводителей» в могильниках Муслумово, Новая Маячка, Алешки-Кучугуры, Совхоз Калинина (Засецкая 1994: табл. 43: 1; 10: 1; 15: 9; 22: 16), Бржизе (Břiza), Унтерзибенбрунне (Untersiebenbrunn), Вольфсхайме (Wolfsheim), Пуан (Pouan) (напр., L'Or des princes barbares 2000: № 8: 1; № 9: 1; № 15: 1; № 27: 1), Сегед-Надьсекшош (Szeged-Nagyszéksós) (Alföldi 1932: Taf. XVII: 20).

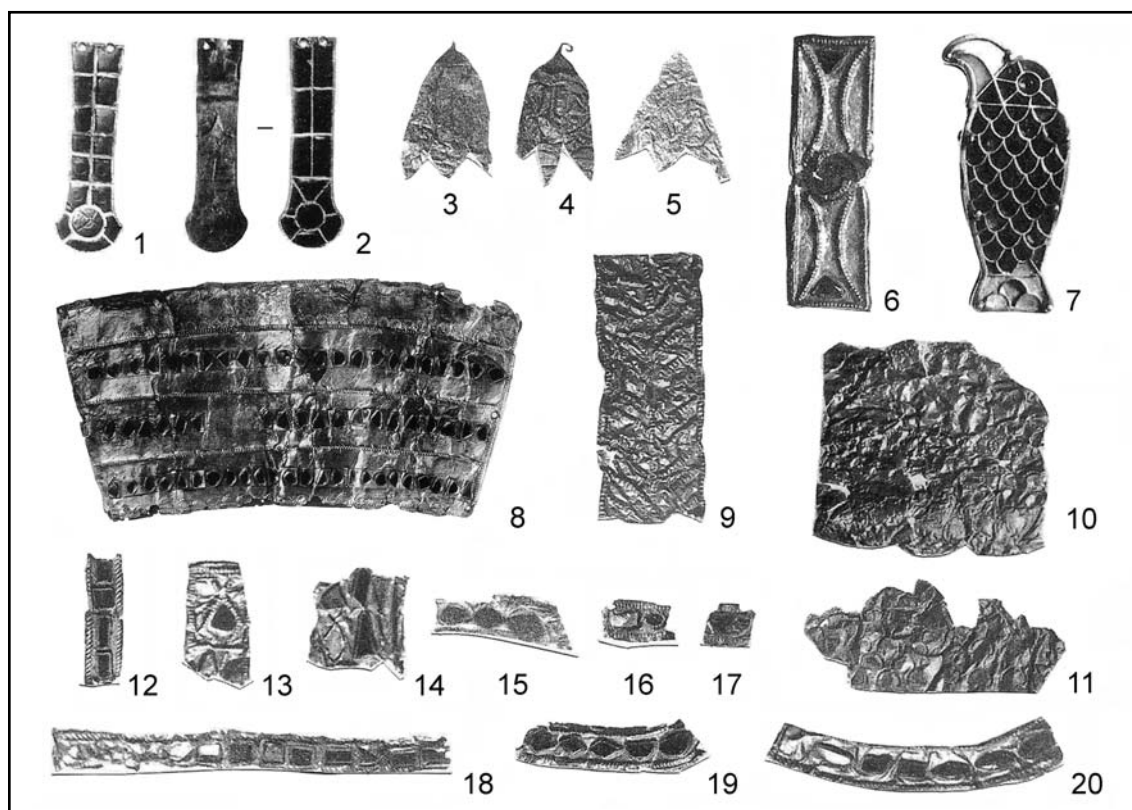

Рис. 2. Вещи из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: Taf. XIX; XX).

Fig. 2. Artefacts from Concești burial Concești (after Harhoiu 1998: Taf. XIX; XX).

Витые из проволоки гривны с замком в виде крючка и петли известны уже в поздне-римское время, например, в составе погребального инвентаря «княжеской» могилы Закшув/Сакрау (Zakrzów/Sackrau) III в. в Силезии (Grenpler 1888: Taf. 7: 10; Quast 2009: Abb. 67: 3). Захоронение датировано концом периода С2 или периодом С3 «варварской» хронологии, то есть первой половиной — серединой IV в. (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: V, VI). Можно привести также гривну из золотой витой проволоки из римскогоклада III века в Чаушево, найденного в Болгарии (Welkow 1938: Taf. 24: 2). Витые гривны известны в погребении 3 крымского могильника Беляус, относящегося к гуннскому времени (Дашевская 2003: рис. 2: 1), а также в Киевском кладе середины — второй половины V в. Последняя сделана из трех проволок с крючком и петлей (Ахмедов, Казанский 2004: 169, рис. 1: 3).

Л. А. Мацулевич обратил внимание на прием устройства застежки, когда «три дрота, из которых свита эта гривна, на концах спаяны между собой таким образом, что две (sic) из них лежат внизу рядом, а третья (sic) между ними сверху. Концы всех обрублены прямо. Согнутые из отдельной проволоки крю-

чок и петля припаяны длинными концами по сторонам витого дрота. Места, где они заканчиваются, трижды обвиты рубчатым ободком» (Мацулевич 1934: 84). Такая конструкция напоминает, по Л. А. Мацулевичу, гривну из «княжеского» разрушенного погребения в с. Паники под Обоянью («обоянская находка» 1849 г., ее идентификацию см.: Шпилев 2004) и гривны из двух склепов 24 июня 1904 г. в Керчи (Мацулевич 1934: 82, 83), хотя все эти торки сделаны не из витой проволоки, а из круглых в сечении стержней (рис. 10). И. П. Засецкая также отмечает сходство гривны из Паник с концештской (Засецкая 1994: 77). По Р. Хархою, также наиболее близкими параллелями являются гривны из Керчи, из катомб 24 июня 1904. Концештская гривна и в самом деле напоминает керченские, но они либо сделаны не из проволоки, а из сплошного тордированного стержня, кольцо замка сделано отдельно и напаяно на гривну (Засецкая 1993: № 78: а, б), либо свернуты из двух, а не из трех проволок (Засецкая 1993: № 80: б). Похожую гривну Р. Хархою отмечает и в погребении Майнц-Костхейм (Mainz-Kostheim), но там она также сделана, по-видимому, из двух проволок и имеет замок в виде пластины, а не петли (Harhoiu 1998: 64, 65).

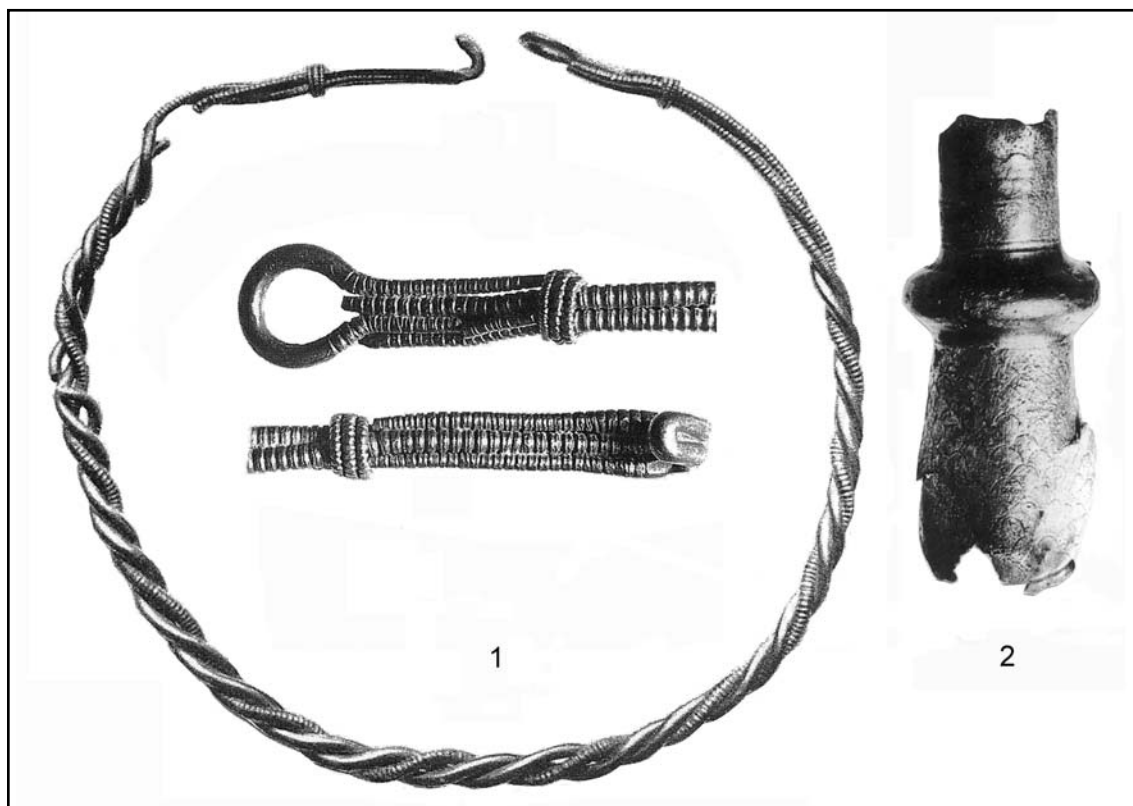

Рис. 3. Вещи из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: Taf. XIX).

Fig. 3. Artefacts from Concești burial (after Harhoiu 1998: Taf. XIX).

Два золотых ременных наконечника (рис. 1: 1, 2; 2: 1, 2) (Alföldi 1932: Taf. XX; Засецкая 1994: табл. 19: 1; Harhoiu 1998: 55, 56, Taf. XIX: 7, 8). Длина — около 5,2 см. Они имеют веерообразные окончания и прорезь для крепления к ремням, их поверхность инкрустирована гранатами в перегородчатых гнездах. По Р. Хархою — это наконечники от конского убора, в качестве параллелей приводятся находки инкрустированных наконечников с веерообразным окончанием из Муслумова и Сегеда-Надсекешош (Harhoiu 1998: 55, 56).

Наконечники ремней этого типа специально изучались В.Ю. Малашевым (2000). По его типологии сарматской ременной гарнитуры — это тип Н8, включающий предметы как инкрустированные, так и без инкрустации (Малашев 2000: 197, рис. 12: И3, Л2, Л3; 13: А1, Б1, 2, Г14, 15). Такие наконечники, по В.Ю. Малашеву, типичны для его группы IV ременной гарнитуры конца позднесарматского и гуннского времени, то есть для последней трети IV и V вв. (Малашев 2000: 200, 203—205, рис. 2). Особенно близкими представляются неинкрустированные наконечники из Салиховского могильника в Башкирии, погр. 35 (Васюткин 1986: рис. 6: 19), и находка из сырдарьинского некрополя Кос-Асар 2,

кург. 36 (Малашев 2000: рис. 12: И3). Среди инкрустированных надо назвать экземпляры из разрушенного погребения в Муслумово (рис. 11: 8, 9) в Приуралье (Малашев 2000: рис. 13: Г14, 15).

Погребение в Муслумово (рис. 11) традиционно причисляется к начальной стадии гуннского времени, второй половине — последней трети IV в., то есть к концу периода С3 (300/320—350/370 гг.) и к периоду D1 (360/370—400/410 гг.) по хронологии европейского Барбарикума, как и близкие находки в Брюхановском выселке, Казаклии и Тугозвново (Казанский 1994: 243; Малашев 2000: 204; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: 65). Пряжки из этих погребений (рис. 11: 2—6, 10, 14) выглядят более архаично, чем в типичных могилах гуннского времени, отражающих материальную культуру, в основном, первой половины V в. (периоды D2 и D2/D3 «варварской» хронологии, то есть, соответственно, 380/400—440/450 и 430/440—460/470 гг.). Действительно, их язычки незначительно выступают за кольцо (Засецкая 1994: 81: табл. 43: 3; 44: 2—4, 8, 9; 45: 3; 47: 15, 17), что более типично для позднесарматского (позднеримского) времени (см., например: Казанский 1994; Малашев 2000). Погребение в Кос-Асар так-

же содержит пряжки с язычками, слабо выступающими за кольцо (Малашев 2000: рис. 12: И1, 2, 4).

Похожий по форме на Концешты, но неорнаментированный наконечник происходит из тайника керченского погр. 145.1904 (Засецкая 1993: табл. 18, №56: а). Склеп был ограблен: в тайник попали вещи, иногда их обломки (например, дорогая рукоятка от меча), очевидно, собранные из разных захоронений. Вещи из склепа в целом укладываются в хронологические рамки от периода С3 (например, пряжка: см. Засецкая 1993: №26) до периодов D1 и D2 (основная масса вещей), то есть от середины IV до середины V вв.

Уже упоминавшийся комплекс (жертвоприношение, поминальник?) гуннского времени в Сегед-Надьсекшош, на Тисе, содержал похожие инкрустированные наконечники, но с окончанием в форме рыбьего хвоста. Эта находка всеми исследователями причисляется к времени Аттилы (см. напр. Tejral 1988: 265). Такие же неорнаментированные наконечники с окончаниями в виде рыбьего хвоста есть и в смешанном материале керченских склепов 24.06.1904 (Засецкая 1993: №162). Вещи из них занимают хронологическую позицию от периода С3 (пряжки: Засецкая 1993: №103) до хорошо представленного периода D2, то есть от середины IV до первой половины V вв.

Накладка в виде фигурки птицы (рис. 1: 3; 2: 7) (Alföldi 1932: Taf. XX; Засецкая 1994: табл. 19: 2; Harhoiu 1998: 47, Taf. XIX: 9). Длина — 6,6 см. Накладка представляет собой фигурку птицы со сложенными крыльями, мощным, высоко поднятым клювом и трапезиевидным хвостом. Она инкрустирована гранатом и перламутром в перегородчатых гнездах, гранаты гравированы и составляют чешуйчатый орнамент на корпусе птицы, видимо, имитирующий перья. По мнению Р. Хархою, это украшение бутероли меча (Harhoiu 1998: 47). Он сопоставляет концештскую пластину с находками в Роммерсхейме (Rommersheim) (Thiry 1939: Abb. 6: 52), Керчи (Thiry 1939: Abb. 6: 27), Тамани (Böhner 1948: Abb. 37: 4). Однако декор таманского меча, с двумя птичьими головками из металла, приведенного К. Бёнером, мало напоминает пластину из Концешт. Вслед за Р. Хархою, поздние параллели для данной накладки предлагает и И. О. Гавритухин, который даже относит погребение в Концештах к постгуннскому горизонту Блучина-Апахиды-Турнэ (Гавритухин 2000: 295).

Наиболее близкими аналогиями пластине из Концешт являются, помимо указанной

Р. Хархою фибулы из Керчи (рис. 12: 1), с клювом, декорированным белым камнем (Thiry 1939: Abb. 6: 27), также птицевидные фибулы из Южной России, с чешуйчатым декором (рис. 12: 3) (Thiry 1939: Abb. 6: 29), а также фибула из Лавиньи (рис. 12: 4) (Lavigny, Швейцария: Thiry 1939: Abb. 6: 30). К сожалению, археологический контекст этих трех вещей неизвестен. Изделия из Мартере (Marthéray, кантон Женева в Швейцарии) (рис. 12: 5), Чивидале (Cividale) (рис. 12: 7) и «вождеского» погребения раннемеровингского времени в Роммерсхейме (рис. 12: 7) (Thiry 1939: Abb. 6: 31, 51, 52) также напоминают пластину из Концешт. Однако они имеют другой декор и несколько отличаются по общей морфологии. Видимо, птицевидные украшения из Керчи, Концешт и Южной России образуют отдельный понтийский (?) вариант птицевидных украшений с чешуйчатым декором. Это подтверждает мнение Л. А. Мацулевича о местном, причерноморском происхождении концештской накладки (Мацулевич 1934: 101). Дата этого варианта птицевидных украшений устанавливается, собственно, только по находке в Концештах. В целом же мода на украшения в виде фигурок птиц засвидетельствована у варваров уже в первой половине V в. (Böhme 1974: Taf. 2: 16, 17; Harhoiu 1998: Taf. XXVI; XXVII). В гуннском контексте накладка в виде инкрустированной головки птицы с поднятым клювом была засвидетельствована в уже упоминавшейся находке в Сегед-Надьсекшош (Alföldi 1932: Taf. XV: 42; Werner 1956: Taf. 29: 2).

Необходимо отметить сложную технику изготовления декора данной пластины. По мнению Б. Аррениус, концештская пластина была изготовлена в одном из ателье-сателлитов, работавших в традициях центральных константинопольских мастерских (Arrhenius 1986: 119, Distribution map 1). Напомним, что изображения птиц широко применялись в императорской символике поздней античности. Изображения орлов или орлиных голов имеются на рукоятках императорских и консульских позднеримских мечей, а также на консульских жезлах, щитах позднеримской армии и пр. Птичьи головы хорошо известны и на средиземноморских изделиях стиля «клуазонне», например, на брошках, пряжках и конской упряжи. Считается, что орел связан, в первую очередь, с консульской символикой. Изображения хищных птиц известны и у находившихся в контакте с Империей варваров, например, у северокавказских алан, гуннов, германцев (Засецкая и др. 2007: 62). Так что в случае Концешт

вполне возможен и хорошо известный у варваров феномен *imitatio imperii*.

Что же касается назначения этой накладки, то здесь интерпретация будет носить гадательный характер. Пластины в виде хищных птиц использовались и как декор бутеролой мечей, например, в Ромерсхейме (рис. 12: 7), и как накладки на луку седла, в частности, в Апахиде (Apathida, см., напр.: Harhoiu 1998: Taf. LXIII: 1, 2; реконструкция: L'Or des princes barbares 2000: 63), и как основной элемент перечисленных выше брошей, возможны и другие интерпретации.

Узкие бронзовые пластинки полихромного стиля (рис. 1: 4—7; 2: 12, 15—20) (Alföldi 1932: Taf. XXI: 5e-f; Засецкая 1994: табл. 19: 3—6; Harhoiu 1998: 55, Taf. XIX: 11—13, 16—19). Длина самых крупных — до 11 см. Пластинки обтянуты золотым листом со вставками сердолика в напаянных гнездах, штампованных орнаментом, имитирующим «веревочку» и «рубчик» по краю, возможно, от конского убора. У И.П. Засецкой приведено 4 экз., у Р. Хархою, вместе с фрагментами — 7. Те же 7 предметов фигурируют и в публикации А. Алфёльди (Alföldi 1932: Taf. XXI: 5e, f).

Как показала И.П. Засецкая, такие пластины являются элементами сбруи, они наиболее типичны для кочевнических погребений гуннского времени (Засецкая 1994: 42—44). Эту точку зрения разделяет и Р. Хархою, также подчеркивающий их широкое распространение в гуннское время, вплоть до Южной Польши, где они найдены в Енджыховице (Jędrzychowice), и Среднего Дуная, в Батасеке (Bátaszék), Сегеде-Надьсекшош и Печ-Юсёге (Pécs-Üszög) (Harhoiu 1998: 55). Подобные пластинки могут быть декором не только конской упряжи, но и оружия. Прямоугольные скобы полихромного стиля из погр. VIII в Новогригорьевке (Засецкая 1994: табл. 5: 13, 14), скорее всего, являются украшением, например, бутероли или устья ножен кинжала. Об этом свидетельствует находка кинжала с подобными скобами на ножнах в тайнике кургана 2 могильника Брут в Северной Осетии (рис. 13) (Gabuev 2000: №18: 5). Вне кочевнического контекста такие полихромные пластины встречаются редко. Такие накладки типичны для классических памятников гуннского времени, относящихся в основном к периодам D2 и D2/3. В ранних комплексах, таких, как Муслюмово, Брюхановский, Тугозвонovo, вопреки утверждению Р. Хархою, подобных вещей нет.

Все накладки в Концештах без зерни, что более характерно для западной половины гуннского ареала. Они относятся к третьей

стилистической группе украшений полихромного стиля по классификации И.П. Засецкой (Засецкая 1982: 18—20). Изделия этой группы типичны для древностей кочевников гуннского времени на огромном пространстве евразийских степей, от Семиречья до Дуная (Засецкая 1982: 25, 28, 29). Среди территориально близких находок следует назвать полихромную диадему из кочевнического женского погребения в Бухэнь (Buhăeni) в румынской Молдове (Засецкая 1982: 29; Harhoiu 1998: Taf. LXXVI: E).

Обломок бронзовой накладки (рис. 1: 12; 2: 14) (Alföldi 1932: Taf. XXI: 5d; Засецкая 1994: табл. 19: 11; Harhoiu 1998: 55, Taf. XIX: 15). Пластина обтянута золотым листом с четырьмя напаянными гнездами, в двух сохранились вставки граната неправильной формы. Идентификация предмета по имеющемуся фрагменту не представляется возможной. Накладка также принадлежит к третьей стилистической группе полихромного стиля (см. выше).

Обломок бронзовой накладки (рис. 1: 13; 2: 13) (Alföldi 1932: Taf. XXI: 5c; Засецкая 1994: табл. 19: 12; Harhoiu 1998: 55, Taf. XIX: 14). Накладка украшена ромбовидной фигурой с расходящимися концами — усиками и вставкой сердолика в напаянном гнезде, по краю рубчатый ободок. Она разделена поперечной линией на две части, орнамент штампованный. Как и предыдущие вещи, накладка принадлежит третьей стилистической группе и характерна для степных древностей гуннского времени. По-видимому, она являлась частью декора уздечных ремней. Похожие пластины найдены в Здвиженском (Воздвиженская), Нижней Добринке, Паннонхалме (Pannonhalma) и Шипово, погр. 3, но без камней. Однако во всех случаях, кроме Здвиженского, инкрустация камнями отсутствует (Засецкая 1994: 44; Harhoiu 1998: 55). Пластина из Шипова свидетельствует о существовании этого элемента декора и в постгуннское время.

Бронзовая прямоугольная накладка (рис. 1: 11; 2: 6) (Alföldi 1932: Taf. XXI; Засецкая 1994: табл. 19: 10; Harhoiu 1998: 55, Taf. XIX: 6). Длина — около 6,3 см. Пластина орнаментирована кружком и расходящимися от него дуговидными линиями, двумя сердоликовыми вставками и рубчатым ободком по краю. Орнамент штампованный, вставки в напаянных гнездах. Это также, скорее всего, один из элементов декора конской сбруи, принадлежащий, как и предыдущие накладки, к третьей стилистической группе гуннского времени.

Обломки золотой обкладки (рис. 1: 15; 2: 9) (Alföldi 1932: Taf. XX; Засецкая 1994: табл. 19: 14; Harhoiu 1998: 56, Taf. XIX: 10). Размеры — 6,2×2,4 см. Пластина имеет штампованный орнамент, имитирующий рубчатую проволоку, в виде продольной оси с расходящимися от нее в обе стороны косыми линиями, по краю ободок. Разного рода обкладки и другие изделия из золотой фольги со штампованным орнаментом, без полихромного декора, чрезвычайно часто встречаются в степных находках гуннского времени. Очень близкий декор, в виде продольной оси с расходящимися от нее в обе стороны косыми линиями, известен на пятиугольных бляхах-подвесках из уже упоминавшегося гуннского комплекса (погребение или жертвоприношение?) Печ-Юсёг в Юго-Западной Венгрии (Alföldi 1932: Taf. V: 1, 4; Anke 1998: Taf. 118: 6—8).

Обрывок золотой обкладки (рис. 1: 16; 2: 10) (Alföldi 1932: Taf. XX: b; Засецкая 1994: табл. 19: 15; Harhoiu 1998: 57, Taf. XIX: 20). Размеры — 4,8×5 см. Это прямоугольная пластина с вертикальными рядами из дуговидных фигур, нанесенных пунсоном. По мнению Р. Хархою, пластина представляет собой фрагмент обкладки седла. Такая интерпретация возможна, хотя и недоказуема.

Обломок золотой обкладки с чешуйчатым штампованным орнаментом (рис. 1: 14; 2: 11) (Alföldi 1932: Taf. XX: a; Засецкая 1994: табл. 19: 13; Harhoiu 1998: 57, Taf. XIX: 21). Размеры — 5,8×2,3 см. По Р. Хархою, данная обкладка принадлежит также декору седла (Harhoiu 1998: 57). Седла, украшенные металлическими пластинами с чешуйчатым декором, действительно хорошо известны в гуннское и постгуннское время (см. ниже). Надо, однако, иметь в виду, что золотые обкладки с чешуйчатым декором очень широко распространены в эпоху переселения народов, как в степи, так и у оседлых варваров. При этом такие обкладки украшали не только седла. Так, чешуйчатый декор на металлическом листе отмечен на ножнах меча в погребении Якушовице (Jakuszowice) в Южной Польше (Werner 1956: Taf. 16: 3a; Anke 1998: Taf. 103: 3). Такой же декор имеется на ножнах кинжалов или другого клинкового оружия, например, в погр. 17 могильника Байтал-Чапкан на верхней Кубани (Минаева 1971: рис. 35: 4), в Кишкунхалаш (Kiskúnhalas) в Венгрии (Alföldi 1932: Taf. XXXIII; Werner 1956: Taf. 24: 1, 2), а также в Шипово, курган 3 (Засецкая 1994: табл. 41: 14; Werner 1956: Taf. 7: 2). В том же шиповском кургане 3 подобной пластиной с чешуйчатым декором был украшен и некий объемный предмет (Засецкая 1994: табл. 41:

4; Werner 1956: Taf. 7: 3). Невыразительность фрагмента из Концешт не позволяет дать ему надежную атрибуцию.

Обрывок золотого листа (рис. 1: 17) (Засецкая 1994: табл. 19: 16)⁵. Лист украшен дуговидными фигурами, нанесенными пунсоном. Судя по форме, речь идет о накладке ленчика седла. Седла жесткой конструкции с металлическими обкладками хорошо известны в Европе в гуннское и постгуннское время, как у степных кочевников, так и у оседлых народов — готов, алан, франков. Золотые обкладки ленчиков седла впервые фиксируются в степных памятниках в гуннскую эпоху и в постгуннское время: Новогригорьевка, Мелитополь, Кубей, Солончанка I, Лева/Левице (Léva/Levice), Сегед-Надьзекшош, Печ-Юсёг, Шипово, Владимирский и т.д. Иногда они считаются с декоративными обкладками от луки седла. Кроме того, пластины от ленчиков встречены в ряде захоронений V — начала VI вв. на территории Боспора, Ольвии, Северного Кавказа, меровингского и остроготского королевств. Время бытования металлических накладок ленчиков указанных типов ограничивается первой половиной V — первой половиной VI в. (Засецкая 1994: 45—50, 200, 201; Засецкая и др. 2007: 142—146; Кульчар, Иштванович 2013).

О принадлежности пластин к декоративным деталям седла свидетельствует находка из шиповского погребения, где она была обнаружена с остатками деревянного седла и скреплена с ним бронзовыми штифтами. Окончательно их назначение было подтверждено после исследования грунтового могильника на р. Дюрсо близ Новороссийска, в котором зафиксировано 16 конских захоронений. На четырех костяках коней, на их спинах, лежали по две симметрично расположенные сегментовидные пластины. Как убедительно показал автор раскопок А. В. Дмитриев, парные металлические обкладки служили облицовкой выступающих впереди ленчиков седла (Дмитриев 1979: 212—229, рис. 5). К деревянной основе седла они крепились при помощи узких металлических полос и штифтов, о чем свидетельствуют равномерно расположенные по краям накладок небольшие отверстия.

Несмотря на определенное визуальное сходство этих функционально идентичных пластин, они различаются по форме, размерам, пропорциям и деталям орнамента. Среди них выделяются золотые обкладки тре-

⁵ Предмет отсутствует в цитированных выше публикациях А. Альфельди и Р. Хархою.

Рис. 4. Шлем из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: 50, Taf. I).

Fig. 4. Helmet from Concesti burial (after Harhoiu 1998: 50, Taf. I).

угольные, подтреугольные, полусферические и сегментовидные. Различия в форме, а также в пропорциях, т.е. в соотношении высоты и длины основания пластины, позволили разделить их на несколько типов, вариантов и разновидностей (рис. 15). В основу выделения типа положены особенности формы, варианты определялись по отношению длины к высоте, разновидности выявлены по размерам вещей (Засецкая и др. 2007: 142—146). К сожалению, сохранившийся фрагмент обкладки, вопреки мнению И. О. Гавритухина (Гавритухин 2000: 295), не настолько выразителен, чтобы его можно было уверенно отнести к какому-то одному типу. По размеру и пропорциям он может принадлежать как к типу I, варианты а и б, так и к типу IV, вариант в (Засецкая и др. 2007: рис. 55). К типу I, варианты а и б относятся находки из памятников гуннского времени Дуная и Рейна: Печ-Юсёг, Серед-Надьсекшош, Мундольсхейм (Mundolsheim) (Засецкая 1994: прил. 3, № 1, 2, 4). Тип IV, вариант в представлен находками постгуннского времени, точнее, второй половины V — первой половины VI вв. из Дюрсо, Керчи, Крефельд-Геллепа (Krefeld-Geller), погр. 1782 и Равенны (Засецкая 1994: прил. 3, № 15, 17—19). Учитывая датировки других вещей, найденных в погребении в Концештах, пластина относится скорее к гуннскому времени.

Бронзовая трапециевидная пластина (рис. 2: 8) (Alföldi 1932: Taf. XX; Засецкая 1994: табл. 20: 1; Harhoiu 1998: 59, Taf. XX). Пластина обтянута золотым листом, ее верхний край выгнут наружу, нижний — вогнут. С лицевой стороны она разделена поперечными рубчатыми штампованными линиями на четыре полосы. Верхняя полоса украшена

дуговидными фигурами, нанесенными пунсоном, каждая из трех нижних полос украшена рядом вставок граната в напаянных на узкую ленту гнездах; ленты прикреплены к пластине посредством штифтов. По верхнему и нижнему краям располагается ряд дуговидных штампованных фигур. Края пластины обрамляет рубчатый ободок, хорошо сохранившийся лишь с правой стороны. В ее углах и на боковых сторонах в средней части имеются небольшие отверстия, в одном из них сохранился бронзовый штифт. Назначение пластины непонятно. Формально, по Р. Хархою, она может быть причислена к диадемам (Harhoiu 1998: 59), хотя такое заключение представляется ему сугубо предварительным. Она несколько напоминает по форме пластину из Никополя (Засецкая 1994: табл. 2: 9), отнесение которой к диадемам также условно.

Шлем железный (рис. 4) (Skalon 1973, там же подробная библиография за 1821—1968 гг.; Засецкая 1994: табл. 20: 3; Harhoiu 1998: 50, Taf. I, II; Залесская 2006: № 7). Высота — 22,2 см, ширина — 16,5 см. Шлем изготовлен из двух железных «ракушек», соединенных продольным гребнем. Он имеет серебряные нащечники и покрыт листовым серебром со штампованным ленточным орнаментом в виде крестиков и выпуклостей. Шлем из Концешт принадлежит к довольно заметной группе позднеимперских касок, известных в Римской империи в IV в., начиная от эпохи Константина (Skalon 1973: 91—94; Harhoiu 1998: 50; Glad 2009: 42, 43). Все они сделаны из двух «ракушек», имеют соединительный гребень, часто сохраняются нащечники-парагнатиды и подвижная пластина, защищающая затылок и шею. Известны

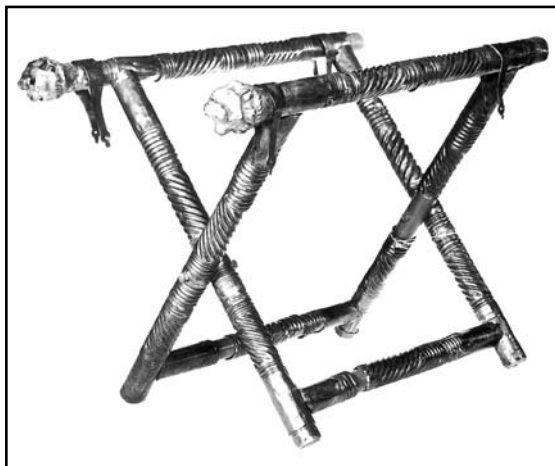

Рис. 5. Складной стул из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: Taf. XVIII).

Fig. 5. Folding chair from Concești burial Concesti (after Harhoiu 1998: Taf. XVIII).

как простые, так и «парадные», «гвардейские» каски, последние украшены тисненым и полихромным декором. Назовем находки из таких памятников, как Огст (Augst), Вормс (Worms), Интерциза (Intercisa), Беркасово, Дёрн (Deurne), Будапешт, Бург Кестл (Burgh Castle) (James 1986: 109—113).

Шлем из Концешт своей высокой уплощенной формой особенно близок находке из Дура-Европос (Dura Europos), на Евфрате (рис. 17) (Glad 2009: 39), обнаруженной в подкопе, который персы сделали под стены этой римской крепости во время осады в 256 г. (James 1986: 117—128; James 2004: 101, 104, fig. 47, 48; Leriche 1993: 87, fig. 14). Подкоп был совершен под башню 19, около главных, так называемых Пальмирских ворот крепости. Здесь был обнаружен скелет сасанидского солдата, которому и принадлежал шлем (Leriche 1993: 84, fig. 4). Предполагается, что шлем из Дура-Европос отражает центральноазиатскую военную традицию (Leriche 1993: 84). К сожалению, известные на сегодняшний день сасанидские каски точно не датируются (о них см. Grancsay 1963; Overlaet 1982). Археологически пока не известны и их возможные центральноазиатские предшественники. С другой стороны, нельзя упускать из виду давнюю греко-римскую традицию использования касок с продольным гребнем, которая, возможно, и объясняет довольно широкое распространение в поздней Римской империи шлемов типов Беркасово, Интерциза и Концешты (Glad 2009: 59, fig. 13).

Как бы там ни было, есть основания выделить шлемы из Дура-Европос и Концешт в отдельный тип касок из двух железных «ра-

кушек», соединенных продольным гребнем, существовавший в позднеантичное время наряду с типами Беркасово и Интерциза (Glad 2009: 42, fig. 1); остальные каски позднеримского времени более приземистые.

Серебряные детали складного стула (рис. 5) (Скалон 1966; Засецкая 1994: табл. 21: 3; Harhoiu 1998: 139, 140, Taf. XVII, XVIII; Залесская 2006: №8). Высота — 54 см, ширина — 53 см (согласно В. Н. Залесской). Стул представлял собой две соединенные прямоугольные рамы из металлических цилиндров с рельефным декором. Верхние перекладины украшены головами львов.

По Р. Хархою, складной стул, как и вышеописанный шлем, составляли часть подарочного набора или добычи римского происхождения, попавших единовременно в руки варваров (Harhoiu 1998: 139, 140). Так это или нет — сказать трудно, впрочем, римское происхождение стула сомнений ни у кого не вызывает (Wilson 1958: 45, 46; Kiss 1996: 270), хотя точные параллели концештскому стулу мне неизвестны.

Римские складные стулья хорошо известны (Mráv 2013: Abb. 21, Appendix 1), например, в Помпеях, Остии и Геркулануме (Wilson 1958: 45, 46; Mráv 2013: Abb. 2.1), а равно и в восточной части империи, на Евфрате, в Зевгме (Dieudonné-Glad, Feugère, Onal 2013: 141—143), имеются их многочисленные изображения (см., напр., рис. 18), а также известный текст Синезия о варварских рабах, отражающий ситуацию 397—400 гг., приведенный Л. А. Мацулевичем: «...и в свите, носящие на плечах низкие складные стулики, чтобы господам можно было садиться на улице, — все скифы...» (цит. по Мацулевич 1934: 90⁶). Археологически представлены складные стулья и в ранневизантийском контексте. Назовем, например, находку из города Сарды в Малой Азии (Waldbaum 1983: 79, №423, 424, Pl. 26, 27). Складные стулья хорошо известны и в средневековой Европе (рис. 19).

Большая часть найденных в погребениях стульев — железные, часто таушированные, и поэтому не могут считаться параллелями концештской находке. Однако стоит привести стул из погребения B95 в «царском» некрополе Баллана (Ballana) в Нубии (рис. 20). Это металлический складной стул ранневизантийского происхождения, несколько иной конструкции, чем в Концештах, но тоже украшенный декором в виде львиных голов. Примерная

⁶ Там же дан греческий оригинальный текст по Migne 1859: 1093.

дата гробницы — 470/480 гг. (Török 1988: 146, pl. 111: 23).

Обломок горла серебряного кувшина (рис. 3: 2) (Скалон 1968; Засецкая 1994: табл. 20: 2; Harhoiu 1998: 124—127, Taf. XIX: 5; Залесская 2006: №9). Высота — 12 см. Фрагмент принадлежит сосуду с узким горлом, он имеет рельефный горизонтальный валик и чешуйчатый декор ниже валика.

Кувшин явно позднеримского/ранневизантийского происхождения, конца IV — начала V вв. Параллели ему известны в Барбарикуме. Это находки в «княжеском» погребении гуннского времени Большой Каменец 1918 г. на Днепровском Левобережье, а также в кладках V в. Трапрейн (Traigrain Law) в Шотландии, Борочицы на Волини, где также найден медальон Иовиана (363—364 гг.), Жигайловка на Днепровском Левобережье, Петроаса (Pietroasa) в Мунтении и Таутень (Tauteni) в Трансильвании. Кроме того, такие кувшины известны по коллекции Кливлендского музея и по находкам в керченских гробницах 24.06.1904 г. (Скалон 1968; Harhoiu 1998: 124—127). По мнению М. Мунделл-Манго, подобные кувшины, но с ручками, существуют как в западноримской, так в восточноримской традиции (Mundell Mango 1990: 76, 77, 83, 84).

Серебряная ваза-амфора (рис. 6) (Засецкая 1994: табл. 21: 1; Harhoiu 1998: 122—124, Taf. III—VIII; Залесская 2006: №4). Высота — 42,5 см, диаметр тулова — 29 см. Ваза имеет две ручки в виде кентавров, выделенную широкою ножку. Овоидное тулово украшено тремя рельефными фризами со сценами охоты, амазономехии и плывущих на дельфинах нереид. Горло вазы декорировано рельефным валиком и чешуйчатым орнаментом. Поперек тулова вазы также идут два рельефных декорированных валика, разделяющих фризы. На ножке сосуда — окантовка в виде «жемчужного декора».

Параллели узкогорлой вазе с овоидным туловом имеются в знаменитом кладе Севсо (Seuso) среднедунайского происхождения, в Борочицком кладе на Волини, похожий сосуд происходит из Порто Баратти (Porto Baratti) в Тоскане (Baratte 1991). Ряд элементов декора вазы представлен также на металлической позднеримской посуде из Трапрейн, Таутени, Гроссбодунген (Grossbodungen), Милденхолл (Mildenhall). Форма вазы очень похожа на рейнскую стеклянную и глиняную посуду IV в. (Harhoiu 1998: 122—124). Впрочем, подобные керамические формы существовали и в восточной половине империи, об этом свидетельствует находка на чер-

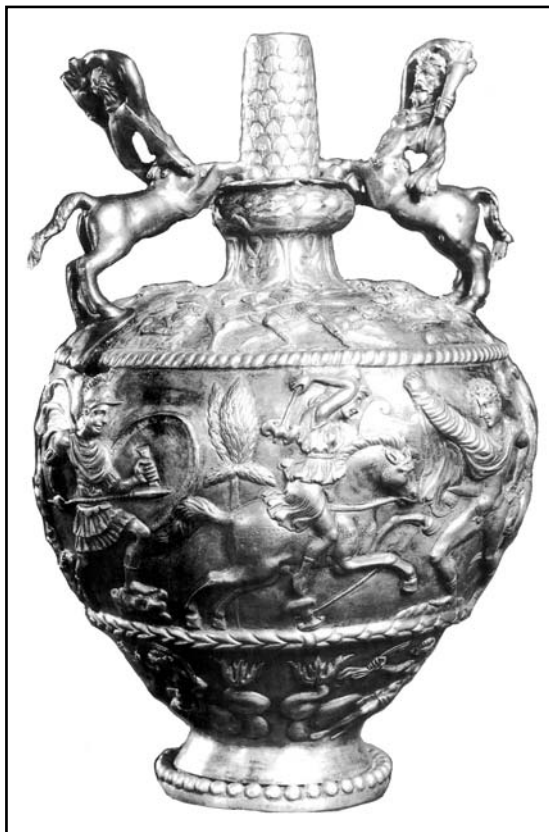

Рис. 6. Амфора из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: Taf. III).

Fig. 6. Amphora from Concești burial. (after Harhoiu 1998: Taf. III).

няховском могильнике Николае Бэлческу (Nicolae Bălcescu) в Мунтении (Mitrea, Preda 1966: fig. 246: 4), а также в Северной Африке (Hayes 1972: 197, Form 173). Сцены охоты, вроде представленных на одном из фризов, хорошо известны на металлической посуде конца IV — начала V вв., например, на сосудах из Жигайловки, Таутень, из клада Севсо (Seuso) и на ранневизантийском кувшине, попавшем в аварскую могилу Будакалас (Budakalász) (Vida 2008: 381).

Мнения исследователей по поводу происхождения амфоры — западноримское или константинопольское — разделились. Как полагает М. Мунделл-Манго, изучившая этот тип посуды в связи с кладом Севсо, такие амфоры скорее отражают всё же восточноримскую традицию, как в свое время и предполагал Л. А. Мацулевич (Mundell Mango 1990: 80, 81). Кувшин с охотничьими сценами из аварского контекста, найденный в Будакалас, также, видимо, происходит из восточноримских-ранневизантийских мастерских (Vida 2008: 387).

Серебряное ведро-ситула (рис. 7) (Засецкая 1994: табл. 21: 2; Harhoiu 1998: 122,

Рис. 7. Ситула из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: Taf. IX).

Fig. 7. Situla from Concești burial (after Harhoiu 1998: Taf. IX).

Taf. IX—XIV; Залесская 2006: № 5). Высота — 22,5 см, диаметр — 16,7 см. Ведро имеет усеченно-коническую форму, высокую ручку из стержня, имитирующего «жемчужный» декор. На тулове сосуда центральный фриз с рельефными мифологическими сценами обрамлен двумя широкими бордюрами с растительным орнаментом. На ведре имеется надпись по-гречески, указывающая вес сосуда, равный 3 кг 949 г.

По Р. Хархою, похожие ситулы есть в Цезарее и в ранее упомянутом кладе Гроссбодунген. Стилистически декор сосуда, по его мнению, ближе всего к посуде из Гроссбодунген. Хронологически ведро относится, самое позднее, к 370—400 гг. (со ссылкой на Grünhagen 1954: 50). Р. Хархою склоняется к мнению, что, судя по стилю, ситула происходит скорее из западной половины империи (Harhoiu 1998: 122). Отметим, что для гуннского времени Концешты — не единственное «княжеское» погребение, где представлена ситула. Фрагмент ведра также был найден в одном из «княжеских» погребений в Большом Каменце в верховьях Суджи (Мацулевич 1934: 47—49.).

Серебряное блюдо (lanx) (рис. 8) (Harhoiu 1998: 120, 121, Taf. XV, XVI; Залесская 2006: № 6). Диаметр — 55,3 см. Блюдо имеет медальон в центре с геометрическим и растительным декором и широкий бордюр по краю

Рис. 8. Блюдо из погребения Концешты (по Harhoiu 1998: Taf. XV).

Fig. 8. Dish from Concești burial (after Harhoiu 1998: Taf. XV).

с растительным декором, изображениями животных и портретами в медальонах.

Помимо Концешт, широкое блюдо известно в уже упоминавшемся кладе гуннского времени в Петроасе, где Р. Хархою подчеркивает символический характер блюда как возможного признака власти. Скорее, видимо, надо говорить о маркирующем характере не только блюда, но и всего пиршественного набора. Такие наборы хорошо известны в Барбарикуме начиная с римского времени (см. ниже), а также в царствах-сателлитах Империи (напр., Армазисхеви в Иберии). Параллели медальону Р. Хархою отмечает на блюде из клада гуннского времени в Хаммерсдорфе (Hammersdorf/Młoteczno), в Восточной Пруссии (клад «В», о нем см. Bott 1982; Кулаков 1998: рис. 3, 4; 2003: 99; Cieśliński 2008: 124—127), а также на керченской металлической посуде (Harhoiu 1998: 120, 121).

Обряд погребения

По Л. А. Мацулевичу, топография концештского погребения напоминает «княжеские» захоронения гуннского времени в Большом Каменце, принадлежавшие, на наш взгляд, готской знати гуннского времени (Казанский 1997). В обоих случаях для могил выбрано место, связанное с рекой (в Концештах вода источника проникала в погребение), на момент находки ничем не выделяющееся среди окружающего ландшафта. В обоих случаях в погребальном инвентаре отмечены набор посуды и нашивные

Рис. 9. Диадемы из погребений Боспора Киммерийского: 1 — Джурга-Оба, склеп 4.2002 г. (по Ermolin 2012: fig. 3: 1); 2 — Керчь, Митридат, погребение 1918 г., т.н. Мессаксуди (фото Musée d'archéologie nationale).

Fig. 9. Tiaras from burials in Cimmerian Bosphorus: 1 — Djurga-Oba, crypt 4.2002 (after Ermolin 2012: fig. 3: 1); 2 — Kerch, Mithridates, burial of 1918, the so-called Messaksudi (photo from Musée d'archéologie nationale).

золотые украшения, последнее, впрочем, для Концешт не доказано (Мацулевич 1934: 57). Л. А. Мацулевич сравнил эти приречные захоронения с тайными могилами варварских вождей, о которых пишет Иордан, в частности, с погребением визиготского предводителя Алариха, похороненного в Южной Италии (Мацулевич 1934: 58). Итак, согласно Л. А. Мацулевичу, речь идет об интернациональном обряде, связанном с высоким социальным статусом погребенного и имевшем широкое распространение в варварской среде (Мацулевич 1934: 92, 93).

Не отрицая выводов Л. А. Мацулевича, стараемся всё же определить некоторые параллели погребальному обряду концештского захоронения и приблизиться, таким образом, к вопросу о статусе и этнокультурной принадлежности погребенного, насколько вообще такая постановка вопроса возможна для варварской аристократии гуннского времени. Сразу же уточним, что такие детали погребального обряда, как присутствие парадного оружия, «статусной» золотой гривны, элементов конской узды, украшений полихромного стиля, типичны как для относительно романизированного Барбарикума, так и для варваризированной военной знати Империи и ее сателлитов. Они имеют настолько широкое географическое распространение, что подбор аналогий теряет всякий смысл и их привлечение для изучения происхождения погребенного в Концештах непродуктивно. Точно так же

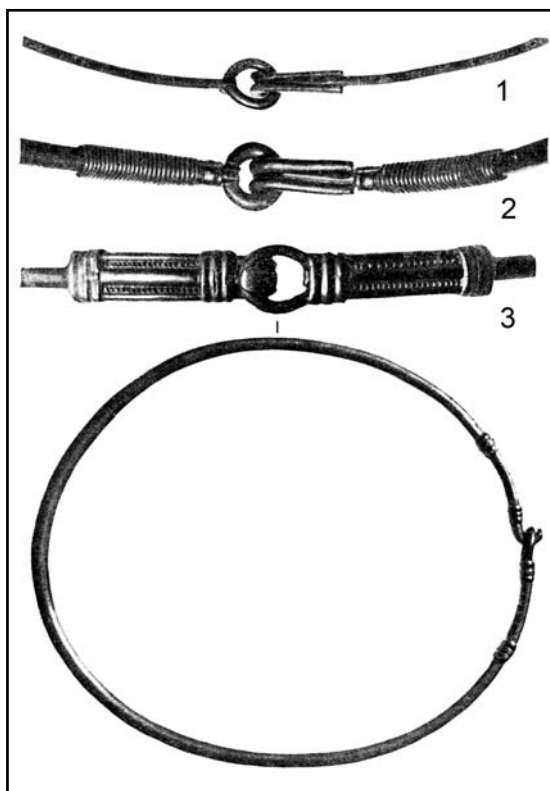

Рис. 10. Замки гривен эпохи переселения народов. 1, 2 — Керчь, погребения 24.06.1904 г.; 3 — Паники («Обоянская находка 1849 г.») (по Мацулевич 1934: рис. 15, 16).

Fig. 10. Locks of grivnas of the Migration Period: 1, 2 — Kerch, burial of 24.6.1904; 3 — Paniki ("Find of Obojan of 1849") (after Мацулевич 1934: рис. 15, 16).

распределение вещей в погребальной камере, когда значительная часть инвентаря находится на некотором удалении от костяка, известно как у варваров, в частности, в «княжеском» погребении в Кишпеке (Бетров 1987: 13—19), так и у сателлитов Империи, например, на Боспоре, в сирийском Хомсе (Homs), управлявшемся местной династией арабского происхождения, подчиненной Риму, или в пост-мероитской Нубии, где существовало царство блеммиев. Последние также являлись сателлитами Империи. Их «аристократическая» культура известна в первую очередь по находкам в некрополях Кустул (Qustul) и Баллана (Ballana). Это захоронения аристократии в каменных гробницах, сопровождавшиеся принесенными в жертву животными и слугами, содержащими богатый инвентарь (Török 1988).

Вообще аристократические могилы на восточной и южной перифериях Римской империи, несмотря на географическую удаленность, некоторый хронологический разрыв и совершенно иную этнокультурную среду, напоминают захоронения знати на Боспоре

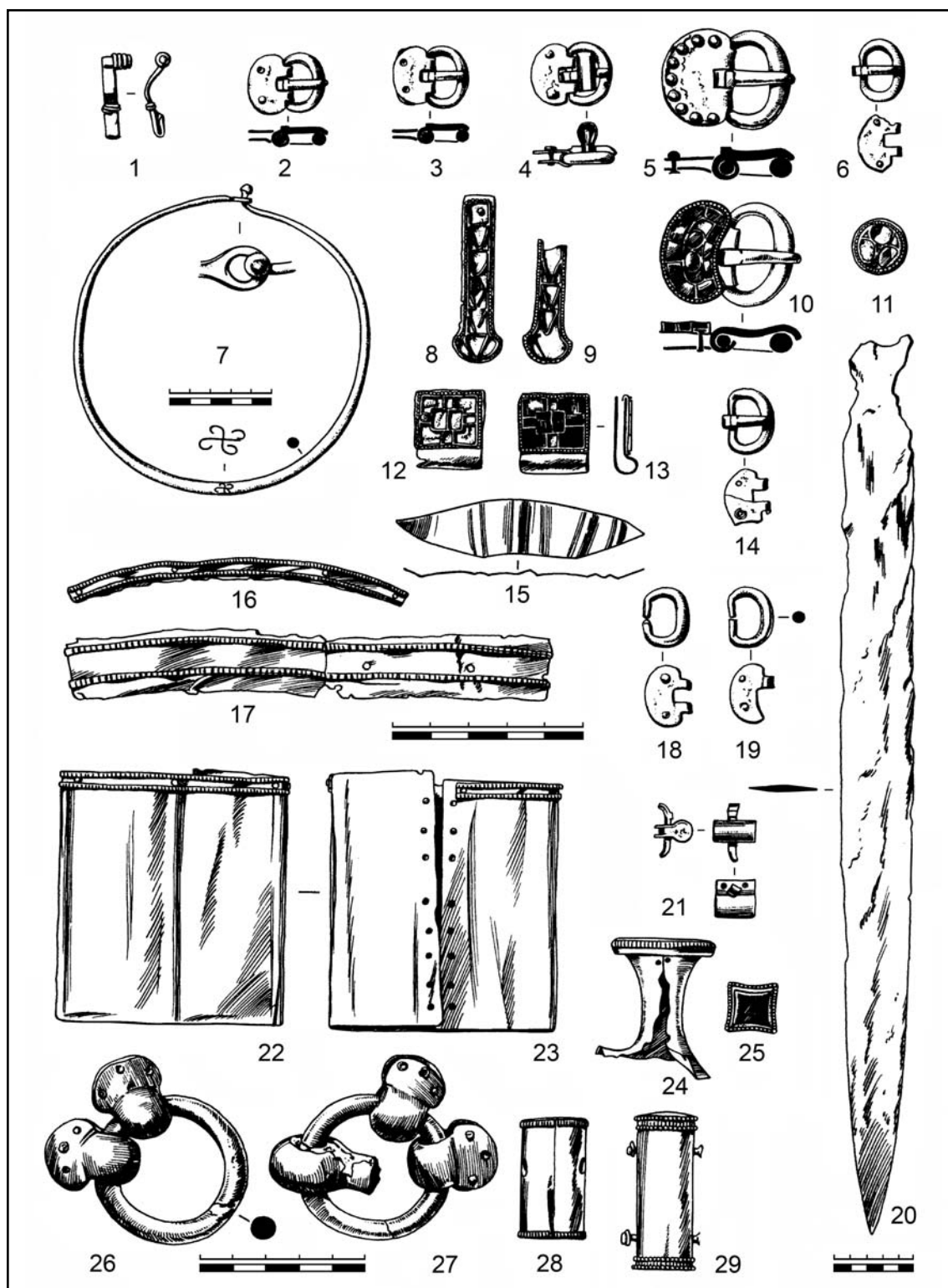

Рис. 11. Вещи из погребения в Муслимово (по Засецкая 1994: табл. 44).

Fig. 11. Artefacts from Muslyumovo burial (after Засецкая 1994: табл. 44).

и в Закавказье. Здесь погребения также совершались в каменных гробницах, сопровождались многочисленными предметами роскоши, в том числе украшениями полихромного стиля, оружием, погребальными металлическими масками (Хомс, погр. 1),

а в Нубии, как мы увидим далее, даже захоронениями коней. В целом, можно утверждать, что вдоль восточной границы Римской империи, от Боспора до Нубии, формируется цепь вассальных государственных образований, аристократическая культура которых

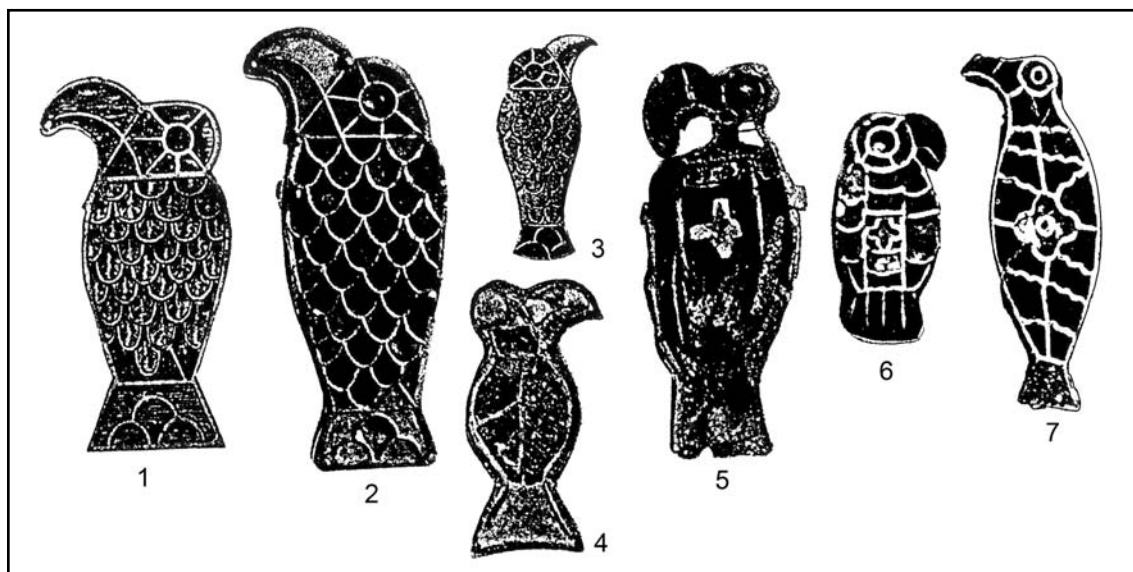

Рис. 12. Некоторые птицевидные украшения с декором в виде перегородчатой инкрустации: 1 — Керчь; 2 — Концешты; 3 — «Южная Россия»; 4 — Лавиньи; 5 — Мартере; 6 — Чивидале; 7 — Роммерсхейм (по Thiry 1939: Abb. 27—31, 51, 52).

Fig. 12. Some bird-shaped attires decorated with cloisonne incrustation. 1 — Kerch; 2 — Concesti; 3 — “South Russia”; 4 — Lavigny; 5 — Marthéray; 6 — Cividale; 7 — Rommersheim (after Thiry 1939: Abb. 27—31, 51, 52).

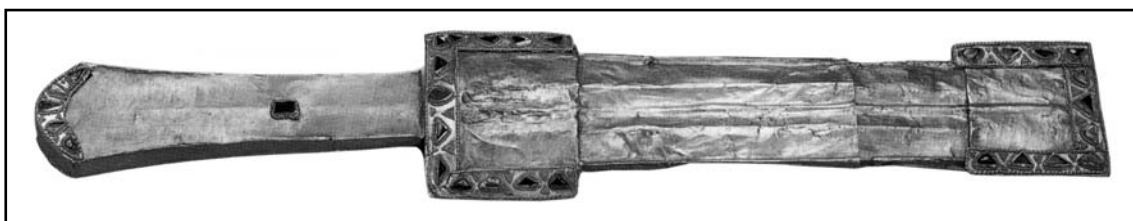

Рис. 13. Кинжал из кургана 2 могильника Брут (по Gabuev 2000: fig. 18: 5).

Fig. 13. Dagger from barrow 2 of Brut burial ground (after Gabuev 2000: fig. 18: 5).

в I—V вв., видимо, под влиянием Рима, приобретает ряд общих черт.

Погребения в каменном склепе. При изучении концештской находки, и в частности, деталей погребального обряда, сразу бросаются в глаза его черты, связанные по происхождению с античной, греко-римской традицией. Одной из таких черт является совершение погребения в каменном плитовом склепе. Такой обряд хорошо известен в Римской империи, в том числе у греческого населения Северного Причерноморья, а равно и в балкано-дунайских римских провинциях. Зато он практически полностью отсутствует у варваров Восточной и Центральной Европы позднеримского и гуннского времени.

У гуннов известно вторичное использование античных склепов в Марфовке и Беяусе (Засецкая 1993: 177, 178), однако сами гунны таких склепов никогда не сооружали. Возможно, для них каменные склепы, оставленные в Причерноморье греками, ассоци-

ировались с каменными гротами, где также известны захоронения кочевников гуннского времени — Кызыл-Адыр, Каменная Могила (Засецкая 1993: рис. 2; Михайлов 1994: 109, 110). Примечательно, что Аммиан Марцеллин подчеркивает неприязнь гуннов к пребыванию в строениях, которые им напоминают могилы: «Они никогда не прикрываются никакими строениями и питают к ним отвращение как к гробницам, отрешенным от обычного людского обихода»⁷ (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2.4). Тем не менее, использование каменных склепов кочевниками, судя по данным археологии, носило эпизодический характер. У германцев, и вообще оседлых варваров, каменные склепы являют-

⁷ Близкий перевод дают Ю. А. Кулаковский и А. И. Сонни: «Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей» (Аммиан Марцеллин 2000: 491).

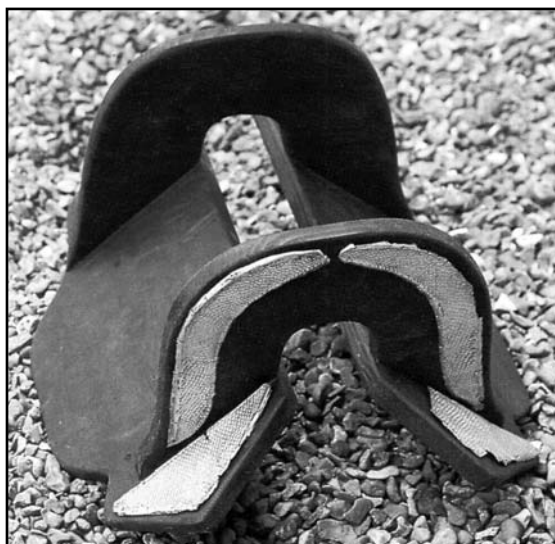

Рис. 14. Мундольсхейм, возможная реконструкция седла с золотыми накладками (по Kazanski 1990: 53).

Fig. 14. Mundolsheim, possible reconstruction of saddle with gold lining (after Kazanski 1990: 53).

ся крайне редкими. Пожалуй, можно привести лишь погребальную камеру 1 в небольшом «княжеском» некрополе Закшув (рис. 16) (Quast 2009: 15, 16, Abb. 24). Наличие каменной обкладки камеры в «княжеских» погребениях у варваров гуннского времени предполагается для находки 1918—1919 г. в Большом Каменце (Мацулевич 1934: 55, 56). Чаще же всего в привилегированных погребениях европейских варваров римского и гуннского времени зафиксированы деревянные конструкции (Quast 2009: 13—15). Однако некоторые из них имеют каменную обкладку (см., напр., Czarneska 2003: Abb. 6), что, возможно, и объясняет информацию о наличии камней в Большом Каменце. Не исключено, что подобная конструкция погребального сооружения имела место и в Закшуве. Что же касается Концешт, то здесь, судя по описаниям находчиков, речь идет скорее о настоящем каменном склепе.

Погребения с диадемами из золотой фольги. Вторым несомненным элементом греко-римской античной традиции является присутствие на погребенном диадемы из золотой фольги, украшенной листьями. Согласно Р. Хархою, эта традиция связана прежде всего с греко-боспорской средой (Harhoiu 1998: 59), но в действительности она была распространена гораздо шире, как в Римской империи, так и у населения царств-сателлитов Рима.

Погребальные венки и диадемы с листьями хорошо известны как в археологических находках, так и в иконографическом материале римского (ранневизантийского) вре-

мени в Восточном Средиземноморье, в частности, в Египте (погребальные изображения, см.: Doxiadis 1995: 234, pl. 9—12, 15, 16, 55, 56 и др.), в Месопотамии (Dieudonné-Glad, Feugère, Ōnal 2013: 45—47, pl. 1), в Пергаме, на Кипре (Dieudonné-Glad, Feugère, Ōnal 2013: 46), а также на территории балкано-дунайских провинций, в Западном Причерноморье. В качестве примера назовем находку в Каллатисе (Callatis), в погребении середины II в. (Goldhelm 1994: 203, №80: 1). В некрополе города Томи (Tomis), в погребении I — начала II вв., были обнаружены золотые листики у черепа, но металлическая лента не зафиксирована (Goldhelm 1994: 184, №63: 1). Известны и венки из живых растений, например, в раннесредневековых погребениях Марселя (Boyer et al. 1987: 89, fig. 86).

Для царств-«клиентов» Рима подобные погребальные диадемы нам известны на Боспоре Киммерийском и в Иберии. Для Пантикапея римского времени особенно типичны диадемы в виде ленты из золотого листа с укрепленными на ней листьями (см. выше). Можно назвать следующие, отчасти уже упомянутые находки: погр. Юлия Каллисфена; Царский Курган, погр. 1910 г.; Глинище, погр. с Золотой маской 1837 г.; Аджимушкой, погр. 1841 г.; Глинище-Карантинная Слободка, погр. 1910 г. (Šarov 2003: Abb. 6: 1, 9, 11, 23, 25; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: fig. 7: 2, 9, 80, 92, 96; Тайна Золотой маски 2009: №2), а также погр. на территории завода Херхарулидзева 1841 г. (Reinach 1892: 43, pl. III: 1, 2) и 1842 г. (Reinach 1892: 44, pl. IV: 1); Митридат, погр. 1869 г. (Stephani 1875: 24, №16); список может быть продолжен. Особую форму диадемы представляет находка в Аджимушке, погр. 1873 г., где листья были соединены тонкими ленточками с медальоном в центре, изображавшим какой-то «восточный» персонаж. За пределами Пантикапея диадемы с листьями представлены, в частности, на могильнике Джург-Оба, склеп 4.2002 г. (Ермолин 2003: рис. 11: 58), и на могильнике Заморское, погр. 4 (Корпусова 1973: рис. 3).

Для эпохи переселения народов погребальные диадемы с листьями известны, например, в следующих боспорских погребениях: Пантикапей/Боспорос, Глинище 1896 (Штерн 1897, рис. 1), склеп 145.1904 г. (Засецкая 1993: №21), склеп 154.1904 г., погр. 2 (Засецкая 1993: №221), склеп 165.1904 г., погр. 5 (Засецкая 1993: №288), два склепа 24.6.1904 г. (Засецкая 1993: №72—75), погр. 83.1910 г. (Шкорпил 1913: 69), так называемое погребение Мессаксуды 1918 г. (Beck, Kazanski, Vallet 1988: fig. 2.1) (рис. 9: 2); Джурга-Оба,

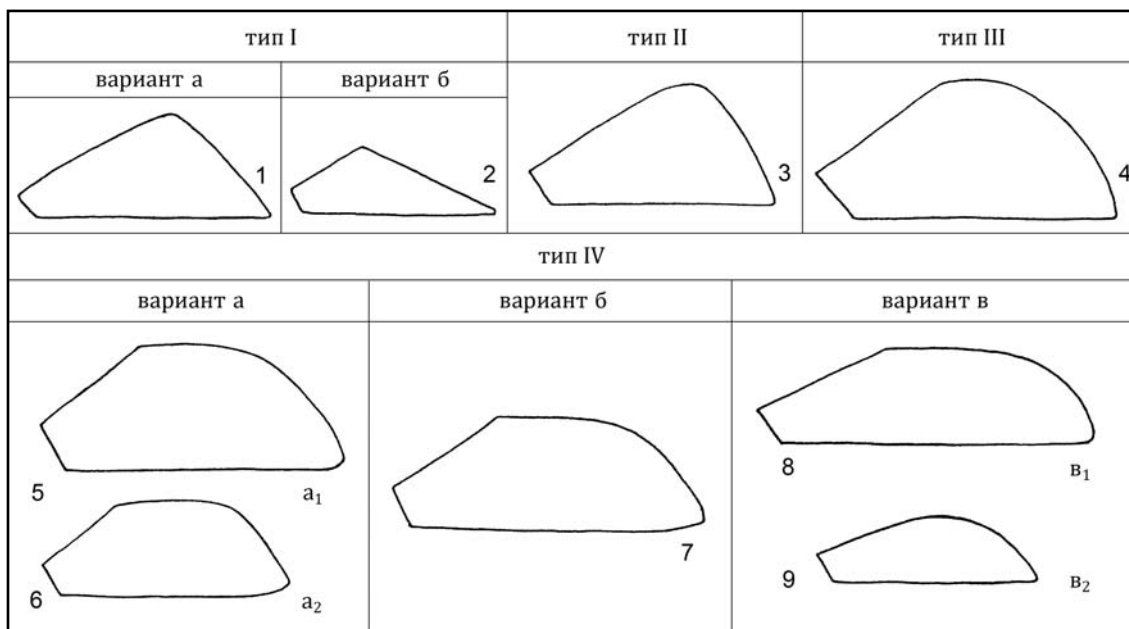

Рис. 15. Типология металлических накладок седел эпохи переселения народов (по Засецкая и др. 2007: рис. 55).

Fig. 15. Typology of the Migration Period metal saddles (after Засецкая и др. 2007: рис. 55).

погр. 29.2007 (рис. 9: 1) (Ermolin 2012: fig. 3: 1, 2), возможно, к тому же времени относится и находка в Тузле, склеп III.1951, камера 1 (Зеест 1951, лист 38). Похоже, что обычай погребения с диадемами сохраняется и в постгуннское время. Об этом, кажется, свидетельствует находка в могиле 3.1986 г. (Засецкая 1998: табл. 10: 3), с пальчатыми фибулами VI в.

В Закавказье помещение диадем греко-римского облика отмечено в ряде аристократических погребений в Иберии. Назовем такие находки, как Мцхета, погр. 45.1981 г. (Апакидзе и др. 1984: табл. LIV: 6), Самтавро, погр. 905 (Apakidze, Nikolaishvili 1994: 44, №38).

В то же время такой погребальный обычай практически полностью отсутствует у варваров. Находка в Концештах является, насколько нам известно, единственной в европейском Барбарикуме эпохи переселения народов. Для более раннего времени можно указать, пожалуй, лишь уже упоминавшуюся находку в сарматском вождеском погребении Косика на Нижней Волге (Tesori... 2005: №79—82).

Погребения с пиришественными наборами металлической посуды. Наборы металлической посуды позднеримского/ранне-византийского происхождения хорошо известны в могилах европейских варваров, а также в захоронениях аристократии царств-сателлитов. Однако они практически полностью отсутствуют в степном контексте эпохи переселения народов. В позднесармат-

ское время погребения кочевников с римской металлической посудой единичны. Пожалуй, можно назвать лишь «вождеское» погребение в Кишпеке в Кабардино-Балкарии, датированное временем около 300 г. (Бетрозов 1987: рис. IV: 4). Столь же редки и находки металлической римской посуды в степных могилах гуннского времени. Один серебряный тазик с горошчатым орнаментом по краю был найден на Дону, в Павловке-Сулин (Кропоткин 1970: №733). Можно также привести металлический кубок с греческой надписью и фрагмент чаши с перегородчатой инкрустацией из Сегеда-Надьсекшош (L'Or des princes barbares 2000: №19: 12, 13) или бронзовую миску из Енджиховице (Alföldi 1932: Taf. XIX: 10)⁸.

Зато пиришественные наборы металлической посуды хорошо известны у оседлых варваров, в первую очередь германцев (рис. 21). Они представлены в «вождеских» погребениях позднеримского времени, типа Хасслебен-Лейна (Hassleben-Leuna) и Островяны (Ostrovany/Osztrópataka) (см., напр., Schulz 1953: Taf. V: 1, VI, VII: 1, XVI, XXII—XXV; Schmidt 1982: Blatt DDR 5: 3 (1): 4—6, DDR 6: 4 (1): 4, 5, DDR 6: 4 (2): 6—8, DDR 9: 4 (1): 4, 5,

⁸ Разумеется, это не означает, что у кочевников позднеримского и гуннского времени вообще не было серебряной и золотой посуды, она упоминается в рассказе Приска о ставке Атиллы (Приск 1890: фр. 8). Однако из погребального инвентаря она была по каким-то причинам исключена.

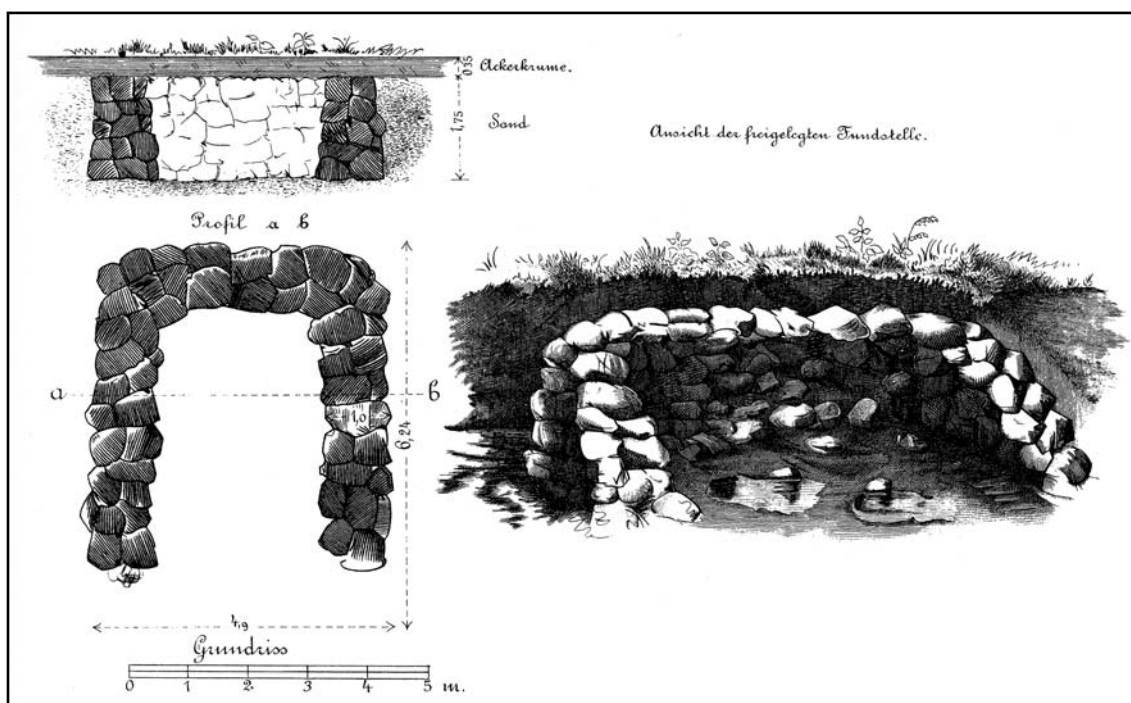

Рис. 16. Каменная конструкция в погр. I могильника Закшув (по Quast 2009: Abb. 24).

Fig. 16. Stone structure in burial I of Zakrzów/Sackrau (after Quast 2009: Abb. 24).

DDR 9; 4 (3): 18, DDR 10: 11, DDR 11: 6 (3): 38, DDR 11: 6 (6): 111, 113—115, 118; Prohászka 2006: Taf. 11: 6, 13; Quast 2009: 18—27). В гуннское время наборы металлических сосудов известны в германских «княжеских погребениях», таких, как Большой Камень (Мацулевич 1934: табл. I—VI, рис. 4, 6). Встречаются и отдельные металлические сосуды, как на вельбаркском могильнике в Пруц Гданьский (Praust/Pruszcz Gdański) (La Baume 1934: 154, Taf. 75: g). В постгуннское время позднеримская металлическая посуда тоже попадает в «княжеские» могилы, такие, как Апахида (Arahida), погр. 1, в Трансильвании (Harhoiu 1998: Taf. LX).

Присутствие дорогой металлической посуды также засвидетельствовано для аристократических погребений в царствах-сателлитах Империи. Вспомним хотя бы известное боспорское погребение на Глинище, 1837 г., с Золотой маской (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: fig. 85—87, 89—91; Тайна Золотой маски 2009: № 32—36, 41, 42, 44). В гуннское время серебряная посуда представлена в ряде боспорских склепов, таких, как, например, Гордиковский 1891 г. (Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: fig. 97: 3, 98); склеп 145.1904 г., тайник (Засецкая 1993: № 38); два склепа 24.06.1904 (Засецкая 1993: № 182, 184).

Помимо Боспора, дорогая металлическая посуда известна в погребениях иберийской

знати, например, в Армазисхеви (Лордкипанидзе 1985: 90), Самтавро, погр. 905 (Apakidze, Nikolaishvili 1994: № 6—15), Згудери (Немсадзе 1977: 111, 112), Арагвиспири, погр. 13 (Рамишвили 1977: 117—120). Серебряная посуда встречается и в «княжеской» гробнице № 1, датированной I в., некрополя Хомса в Сирии (Seyrig 1952: 246, 247, fig. 27). Наконец ранневизантийская посуда очень многочисленна в «королевских» некрополях Нубии Куштул (Qustul) и Баллана (Ballana) (многочисленные примеры см.: Török 1988).

Погребения со шлемами. Погребения, содержащие шлем в инвентаре, редко встречаются на территории Восточной и Центральной Европы в позднеримское и гуннское время⁹. Столь же экзотичны они и для территории

⁹ Для более раннего времени так называемые каркасные шлемы известны на рубеже н.э. у сарматов (Хазанов 2008: 143). В I—III вв. серия каркасных (или каркасно-ламеллярных) шлемов известна на Кубани и в Прикамье (Лурье 2012). Это находки в кургане 6 станицы Тбилисская (Бажан, Гей 2000: 117—119; Гущина, Засецкая 1994: 11), в погр. 1, 4, 6, 8, 10 могильника Городской (Сазонов 1992: 248, 249, рис. 2: 11; 7: 3; 9: 5; 11: 4; 15: 1), в погр. 27 Суворовского могильника (Голдина, Волков 2000: рис. 18: 1; о датировке см. Бажан, Гей 2000: 117—119), в погр. 782 Тарасовского могильника (Голдина 2003: табл. 342) и в погр. 10 и 80 Нивского могильника (Бажан, Гей 2000: 116, 117). К тому же времени относится и шлем с заостренной полусферической калоттой из погр. 30 Суворовского

№4. 2014

Римской империи и её царств-сателлитов. Приведем в качестве примера уже упоминавшуюся аристократическую гробницу №1 в некрополе Хомса, относящуюся, правда, к более раннему времени, I в.н.э. Шлем, по рассказам находчиков, был поставлен около головы погребенного (Seyrig 1952: 208, 210—227, pl. XXI—XXV). В публикации материалов Хомса цитируются также довоенные находки в аристократическом фракийском погребении Бизие (Bizué), где шлем также находился около головы погребенного (Seyrig 1952: 217, pl. XXI—XXV). Еще одна ингуляция с железным римским шлемом и краснолаковой посудой, датирующей, по сочетанию форм в данном закрытом комплексе, примерно 350—420 гг., была обнаружена на могильнике эль-Хадифа (el-Haditha) на восточном берегу Мертвого моря, на территории Иордании. По данным *Notitia Dignitatum*, в этом районе в конце IV — начале V вв. размещались *equites Mauri Illyriciani*, *equites indigenae sagittarii* и, наконец, *legio IV Martia*. Скорее всего, погребение принадлежит военному служащему или ветерану одной из этих воинских частей. Калотта шлема изготовлена из двух частей, соединенных металлической лентой, он относится к так называемому «Ridge Type», известному по находкам вдоль римского лимеса в Интерцизе, Кайзерогсте и Вормсе (Parker 1994). По времени на территории Империи эта находка, пожалуй, наиболее близка погребению в Концештах.

Стоит подчеркнуть, что присутствие шлема в могилах, как в Барбарикуме, так и на римской территории как правило, связано с высоким социальным статусом погребенного, о чем свидетельствует богатый инвентарь и наличие престижных предметов¹⁰. Высокий статус погребенных со шлемами характерен и для королевств раннего средневековья, например, для франков и аламаннов меровингского Запада, островных англо-саксов, гепидов Дуная, лангобардов Италии, свеев Средней Швеции.

Однако вернемся в европейский Барбарикум позднеримского времени и эпохи переселения народов. Кроме Концешт, находки шлемов в погребениях для этого времени отмече-

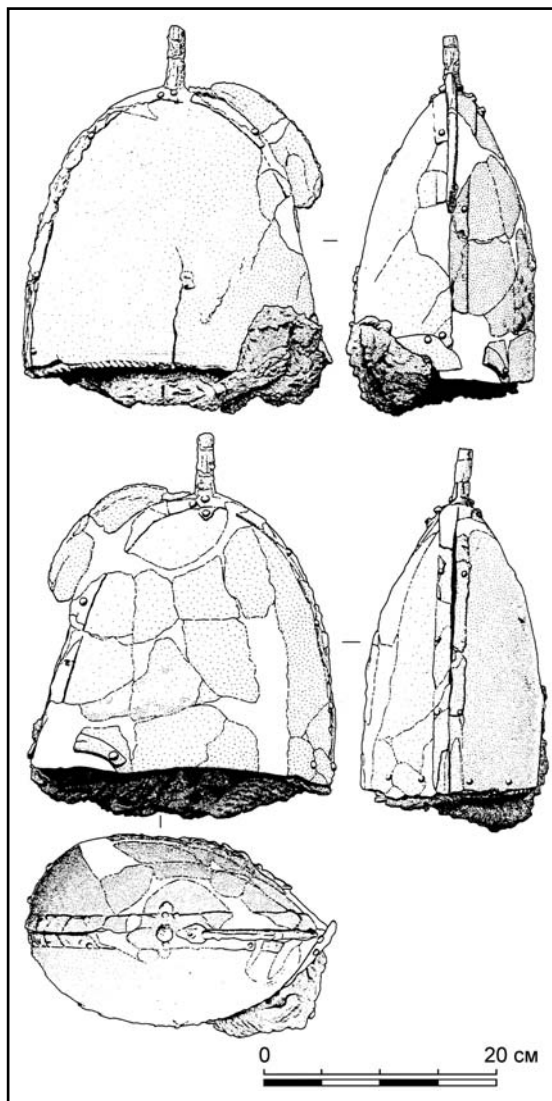

Рис. 17. Шлем из Дура-Европос (по Leriche 1993: fig. 14).

Fig. 17. Helmet from Dura-Europos (after Leriche 1993: fig. 14).

ны на Северном Кавказе и в Волго-Уральском регионе.

На Северном Кавказе для позднеримского времени и эпохи переселения народов нам известны два таких погребения. Наиболее ранним является «вождское» погребение в деревянной подкурганной камере на могильнике Кишпек, в Кабардино-Балкарии (рис. 22). Погребение содержало богатый инвентарь, в частности, шлем, набранный из узких вертикальных пластин, соединенных шпикаком и украшенный сердоликом (Бетров 1987: рис. III: 1). По совокупности инвентаря погребение датируется временем около 300 г., то есть концом периода С2 или самым началом периода С3 хронологии европейского Барбарикума (соответственно

могильника (Голдина, Волков 2000: рис. 18: 2; о датировке см. Бажан, Васкул 1988: 80, рис. 3: 100). По иконографическим данным можно предполагать бытование таких шлемов в это время и на Ближнем Востоке (подробнее см.: Kazanski 1993: 59, 60, pl. 40).

¹⁰ Впрочем, встречаются и исключения, как, например, вышеуказанная могила из эль-Хадифа, сопровождавшаяся вполне ординарным погребальным инвентарем.

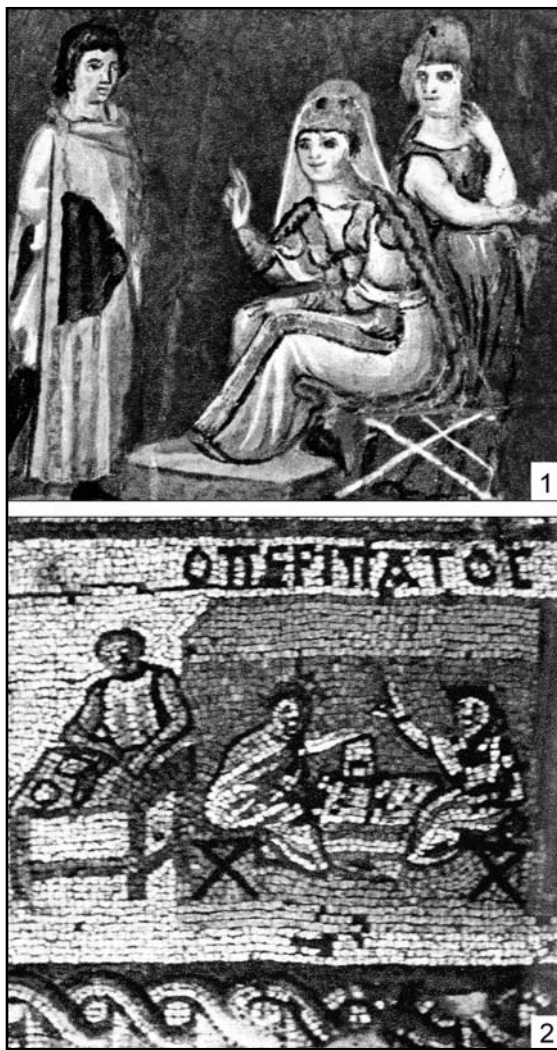

Рис. 18. Изображения ранневизантийских складных стульев: 1 — манускрипт начала VI в.; 2 — Антиохия, V в. (по Grabar 1966: fig. 110, 222).

Fig. 18. Pictures of early Byzantine folding chairs: 1 — a manuscript of the early 6th c.; 2 — Antiocheia, 5th c. (after Grabar 1966: fig. 110, 222).

250/260—300/320 и 300/320—350/370 гг.) (подробнее см.: Казанский 1994). Второй шлем подобной конструкции (рис. 23: 17—22), но без полихромного декора, зато с наушниками, выполненными в античной традиции, был найден в Южном Дагестане, в некрополе Калкни, в каменной гробнице №3 (Салихов 1985: 168, 172, 173, рис. V). Погребение содержало круглую пряжку с длинным хоботовидным язычком, суженным к концу, и кольцом, расширенным в передней части (рис. 23: 13), что в целом позволяет отнести ее к периоду D1 (360/370—400/410 гг.) или, с меньшей долей вероятности, к периоду D2 (380/400—440/450 гг.), поскольку для D2 всё же более типичны круглые пряжки с равномерно расширенным кольцом и более массив-

ным концом язычка (см., напр., Tejral 1987: Abb. 6: 3; 10: 2, 8, 12; 1992: Abb. 2: 17; 3: 18, 28, 26)¹¹.

В Волго-Уральском регионе шлемы известны для конца позднеримского периода и начала эпохи переселения народов в погребениях «военачальников». Это, прежде всего, находки на могильнике Тураево, в курганах V и VII/1a (Gening 1995: 282, 286, 313, Abb. 25: 11; 28: 1). Погребения содержали пряжки с относительно коротким язычком, что типично для периода С3 и начала D1, и в то же время ременные наконечники, более типичные для периодов D1 и D2 (о них см.: Kazanski, Akhmedov 2007: 255—258). Тураевские погребения по времени могут быть сопоставлены с такими находками, как Муслумово, Брюхановский, Утамыш, относящимися в целом ко второй половине IV в. (Казанский 1994: 239, 240, 243; Малашев 2000: 204).

Три шлема позднеримского времени или начала эпохи переселения народов найдены на Тарасовском могильнике в Прикамье, в погр. 6, 1685 и 1784 (Голдина 2003: табл. 4: 17, 620, 668). Судя по сопровождающим все три погребения характерным пряжкам с кольцом, утолщенным в передней части, коротким загнутым язычком с прямоугольной площадкой у основания, а также по наконечнику, близкому к стреловидному, в погр. 1784, данные погребения Тарасовского могильника соотносятся с периодом С3 варварской европейской хронологии (300/320—350/370 гг.) и датируются концом позднеримского времени или начальной фазой эпохи переселения народов¹².

Отметим, что в обоих случаях речь идет о периферийных по отношению к степи регионах. В кочевническом же контексте шлемы в погребениях не известны ни в поздне-

¹¹ Оба северокавказских шлема принадлежат единому типу, бытовавшему в течение долгого времени и широко распространенному от Средиземноморья до, по крайней мере, Центральной Азии. В римской армии они засвидетельствованы уже в конце III в., как показывают изображения на арке Галерия 298 г., в Фессалониках. Известны также находки на Боспоре Киммерийском, в Керчи, в постгуннском контексте (см. ниже) и в крепости Ильичевка на Тамани. Наконец, подобные шлемы отмечены у лангобардов в Италии в конце VI и начале VII вв. и у аламанных в Южной Германии в VII в. (Kazanski 1993: 59, 60, pl. 40).

¹² Найденные в Волго-Уральском бассейне шлемы могут быть отнесены к большой группе так называемых *Spangenhelme*, у которых части калотты соединены широкими металлическими лентами на заклепках. Группа очень широко распространена как в Европе, так и в Азии, в течение очень долгого времени (см. последние работы: Pfaffenbichler 2007; Glad 2009).

Рис. 19. Средневековые складные стулья (по Wilson 1958: fig. 14).

Fig. 19. Medieval folding chairs (after Wilson 1958: fig. 14).

сарматское, ни в гуннское время. Точно так же их нет для этого времени и в европейском Барбарикуме, занятом оседлыми варварами.

Зато обычай помещения шлемов в погребения известен в постгуннское время и в раннем средневековье. Он засвидетельствован в Керчи/Боспороге, в так называемой катакомбе 1891 г. («катакомба Ю. Кулаковского») (Кубарев, Ахмедов, Журавлев 2003). Вещи в ней были перемешаны, отсюда происходят монета Льва I (457—474) и поясная гарнитура геральдического стиля (ОАК 1891: 59, 60; Кубарев, Ахмедов, Журавлев 2003: рис. 7: 1, 2), а также два шлема (Post 1951—1953: Abb. 6, 23). Упомянем серию погребений позднего V — VI вв. со шлемами типа Балденхейм, принадлежавших франкским, аламаниским, тюрингским и гепидским предводителям (см. список Quast 1993: 131, 132), более поздние лангобардские погребения в Италии, относящиеся к концу VI — началу VII вв., а также аламаниские погребения VII в. в Южной Германии (см. список: Quast 1993: 133) и, наконец, хорошо известные скандинавские и англо-саксонские погребения VII в. со шлемами.

Погребения со стулом. Погребения, содержавшие в своем инвентаре стул, также крайне редки в Барбарикуме и на территории империи. Присутствие металлического складного стула в варварских захоронениях обычно связано с высоким статусом погребенных. Для позднеримского времени можно уверенно назвать одну находку. Это стул из железа, найденный в «княжеском» погребении 1942 г. в Уреки, в Лазике, содержащем монету 275—276 гг. (сначала стул приняли за остатки некоего погребального ложа: Хоштария 1955: 56, 57; Леквинадзе 1975: 195, 196).

Но большая часть находок складных стульев в погребениях принадлежит уже к постгуннскому времени (Kiss 1996: 275, 276; Kazanski 2002: 48, 49). Это чаще всего железные таушированные изделия. В Западной Европе стулья в погребениях известны, в частности, у франков, лангобардов, англо-саксов. Для меровингского Запада можно назвать находку в женском погребении 363 могильника Брени (Breny) в Пикардии. Здесь железный таушированный стул входил в состав погребального инвентаря, где, среди прочего, представлена булава, типичная для первой фазы ранне-

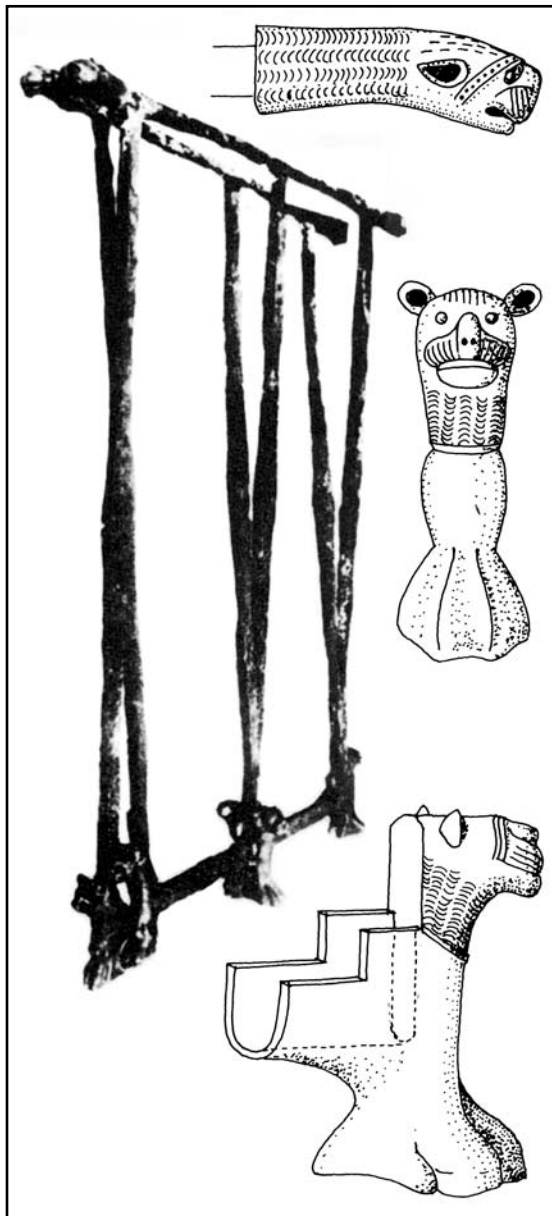

Рис. 20. Складной стул из погр. 95 нубийского могильника Баллана (по Török 1988: pl. 111).

Fig. 20. Folding chair from burial 95 of the Nubian burial ground at Ballana (after Török 1988: pl. 111).

меровингского периода, 470/480—520/530 гг. (Kazanski 2002: 48, 49). Стулья из железа с серебряной инкрустацией также известны у лангобардов, в могильнике в Ночера-Умбра (Nocera-Umbra), в погр. 1, 5, 17, 60, 67 и 100, конца VI и начала VII вв. (Wilson 1958: 47; Kiss 1996: 271—274; публикация памятника: Rupp 2005). Назовем также складной железный таушированный стул из Англии, возможно, из Эссекса, вне всякого сомнения, происходящий из англосаксонского погребального контекста (Wilson 1958: 40—45). Металлические складные стулья известны в аварских погребениях

Кёлкед-Фекетекапу (Kölked-Feketekapu), могильник А, погр. 108 и могильник Б, погр. 119, а также в аварском могильнике Замарди (Zamárdi) (Kiss 1996: 270—276; 2001: 334). Наконец, стоит назвать и сасанидский стул из Дайлемана (Overlaet 1995).

Особое внимание привлекает уже упоминавшийся «королевский» некрополь Баллана в Нубии (рис. 20). Здесь, как уже говорилось, в гробнице B95 был найден металлический складной стул ранневизантийского происхождения, тоже украшенный, как и в Концештах, декором в виде львиных голов. Примерная дата гробницы — 470/480 гг. (Török 1988: 146, pl. 111: 23). Еще один складной стул был найден в гробнице B118, дата которой — 490/500 гг. (Török 1988: 152, pl. 130: 35). Однако все эти находки, как в Европе, так и за ее пределами, принадлежат времени более позднему, чем погребение в Концештах.

Погребения с конем. В концештском захоронении зафиксировано присутствие коня. Элементы конского снаряжения имеются и в сохранившейся части инвентаря. Захоронения с конем для позднеримского и гуннского времени известны в европейском Барбарикуме, как у кочевых, так и у оседлых народов. При этом многочисленные конские погребения зафиксированы у оседлых варваров, не имевших в римское время и эпоху переселения народов тесных контактов с кочевым миром, таких, например, как западные балты (см., напр.: Jaskanis 1966; Кулаков 2003: 31, 54, 55) или восточные балты Литвы (Вайткунскене 1986; 1990). Данные погребения коней у балтов изначально явно связаны с престижным, социально значимым погребальным обрядом, позднее этот обычай «демократизируется» и становится повсеместным на западнобалтских могильниках V—VII вв.

Захоронения коней или частей конской туши характерны в первую очередь для кочевников. Для позднесарматского времени в Северном Причерноморье зафиксировано присутствие в степных погребениях как целых скелетов лошадей, например, в Моспинской (Podobed, Simonenko 1998: 99), так и отдельных костей, как в Казаклии (Agulnikov, Simonenko 1993: 91) или Усть-Каменке (Махно 1960: 27). Возможно, в ряде случаев речь идет о разрушенных погребениях.

Имеются степные захоронения с конями и в гуннское время. Целые скелеты лошадей встречаются не часто, они найдены в погребениях Зеленокумск на Северном Кавказе (Засецкая 1993: 198) и Солончанка на Южном Урале (Любчанский, Таиров 1999:

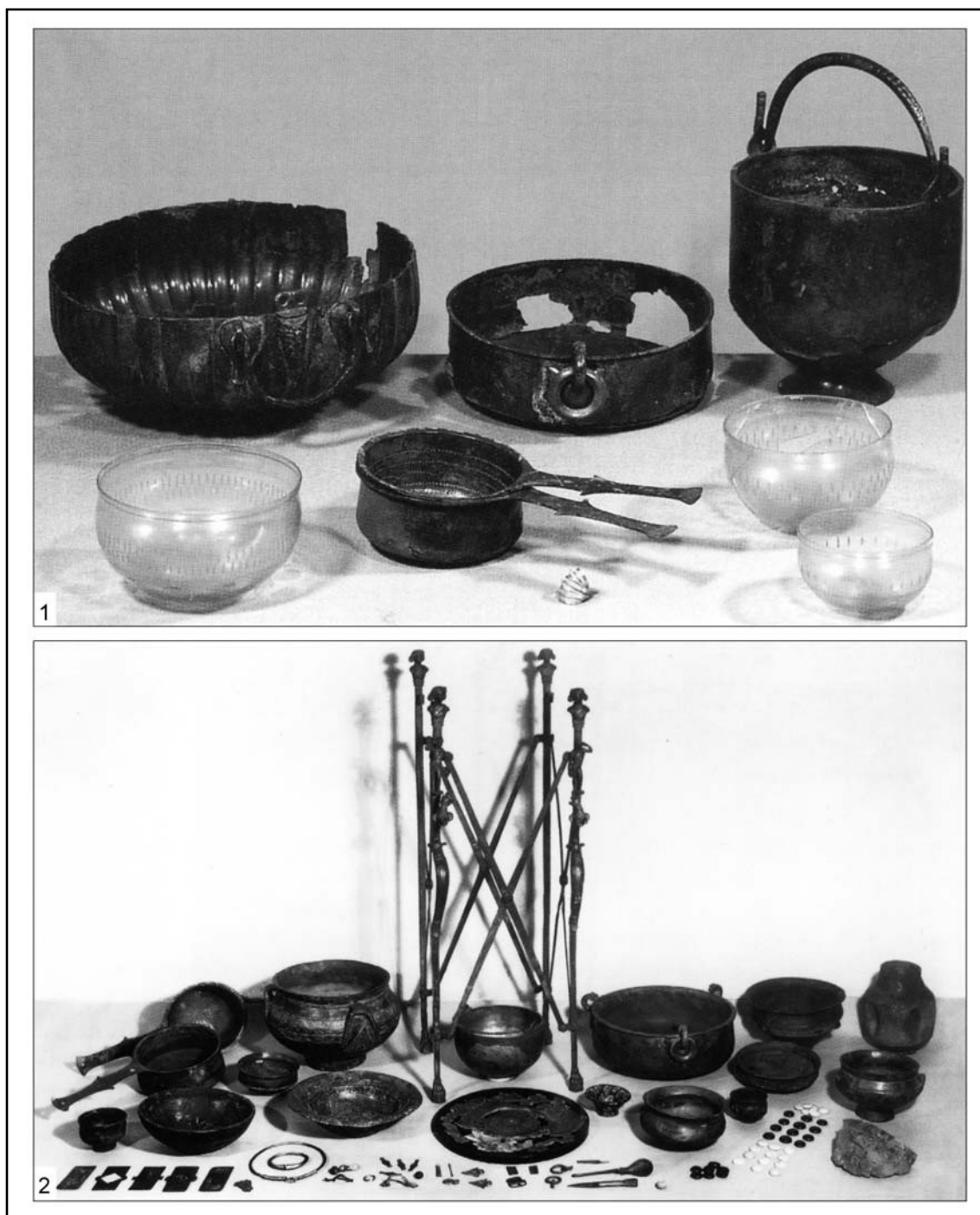

Рис. 21. Пиршественные наборы из германских привилегированных погребений позднеримского времени: 1 — Химлинггей; 2 — Закшув, погр. I (по Quast 2009: Abb. 7).

Fig. 21. Banquet sets from the elite German burials of the Late Roman Time: 1 — Himlingøje; 2 — Zakrzów, b. I (after Quast 2009: Abb. 7).

13). Шкура лошади, от которой сохранились череп и конечности, присутствовала в погребениях Беляус 1, в Крыму, Покровск/Энгельс, курган E25, и Верхне-Погромное на Волге. Черепа и зубы лошадей, возможно, также свидетельствующие о помещении в могилу шкуры, были найдены в погребениях Страже (Stráže) в Словакии, Алешки-1902 г. и Старая

Игрень в степном Поднепровье, Павловка-Сулин на Дону, Совхоз Калинина в Степном Крыму и Воздвиженская/Здвиженское в северокавказских степях. Известен этот обряд и у кочевников казахстанских степей, в Канатгас и Кара-Агач. Наконец, кости лошади (без уточнения) были найдены в погребениях Будапешт-Зугло (Zugló), в Венгрии,

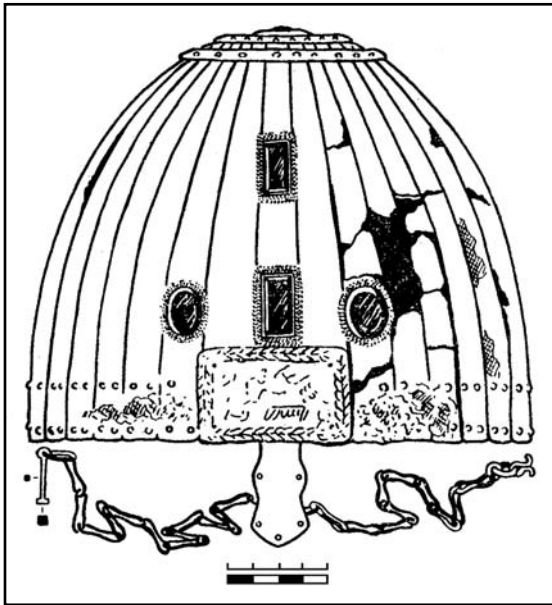

Рис. 22. Шлем из «вождеского» погребения в Кишпек (по Бетров 1987: рис. III: 1).

Fig. 22. Helmet from a "chieftain's" burial from Kishpek (after Бетров 1987: рис. III: 1).

Алешки-Саги и Пролетарка на Нижнем Днепре, Мелитополь-Кизиярская Балка в Приазовье, Богачевка в степном Крыму, Кызыл-Адыр на Южном Урале (Засецкая 1994: 17, 18; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: 122). Для пост-гуннского времени целый скелет лошади представлен в приазовском кочевническом погребении Дмитриевка-Вольная Вода (Засецкая и др. 2007: 110). Итак, можно отметить, что захоронения с целыми тушами коней хотя и имеются в гуннской степи, но не являются здесь доминирующими. Более распространены захоронения со шкурой или головой лошади.

У оседлых варваров Северного Причерноморья и Кавказа погребения целых туш коней представлены, пожалуй, лучше, чем у кочевников. В римское время они известны на Нижней и Средней Кубани (Масленников 1990: 38, 39; Сазонов 1992: 131, рис. 4: 4, 6—11; Гущина, Засецкая 1994: 8), на Черноморском побережье Северного Кавказа (Гавритухин, Пьянков 2003: 187, 189, 190; 2003а: 194; Мальшев 2008: 132, 133; 2011: 233), в Центральном Предкавказье (Абрамова 1997: 27, рис. 16: 1), в Юго-Западном Крыму (Храпунов 2004: 101, 134, 150, рис. 29, 30).

Известны конские погребения у оседлых варваров и в гуннское время. На Северном Кавказе, в аланском некрополе Зарагидж, в погр. 118, лошадь была захоронена в дромосе (Atabiev 2002). В Силезии, в погребении Луги (Lugi/Königsbruch), также гуннского време-

ни, скелет находился непосредственно в камере (рис. 24) (Kazanski, Périn 2005: 295). Также в гуннское время, как особый вид погребения, известны захоронения лошади около погребальной камеры или ямы в кургане Журань (Žurán) в Южной Моравии (Müller-Wille 1997: 250, 251, fig. 6; о датировке ранних погребений в Журани см. Kazanski, Périn 2005: 288, 289; Мاستыкова 2013).

Захоронения коней под курганом около погребальной камеры известны и в постгуннское время, в той же Журани, около погребальной камеры, соседствующей с упомянутой ранее (Müller-Wille 1997: 250, 251, fig. 6), или в погребении франкского короля Хильдерика в Турнэ (Tournai). Возможно, что в последнем случае конь также был захоронен и в камере (Kazanski, Périn 2005: 295). Погребения коней сопровождают могилы предводителей второй половины V в. и в некрополе Дюрсо под Новороссийском (Дмитриев 1979). Важно отметить, что в гуннское и постгуннское время у оседлых варваров погребения коней четко соотносятся с привилегированными погребениями.

В царствах-сателлитах Империи захоронения с конем хорошо известны на Боспоре уже в римское время, в Пантикапее, Нимфее, Илурате, Горгииппии, Фанагории. Туши коней помещались в дромосах погребальных камер или около них (Масленников 1990: 38, 39, 58). Особо надо отметить находку конского захоронения с богатой сбруей в привилегированном погребении Аджимушкой 1841 г. Здесь конские останки находились в коридоре, ведущем в погребальную камеру (Ростовцев 1925: 245, 246; Шаров 2012: 202). На могильнике Сиреневая Бухта в Восточном Крыму разрозненные кости лошади с удилами перед спуском в дромос и целый скелет в яме с восточной стороны спуска, снаружи, были найдены в склепе 14/2 позднеримского времени или эпохи переселения народов (Масленников 1997: 16, рис. 30).

Похоже, что в Пантикапее/Боспоросе в гуннское время конские погребения не совершались в «семейных» склепах с многочисленными захоронениями. Зато они известны в склепах, принадлежавших персонам высокого ранга, с малочисленными погребениями, но богатым инвентарём. Назовем погребение 1896 г. на могильнике Глинице в Керчи. Также в гуннское время, как особый вид погребения, отмечено захоронение коней около погребальной камеры или ямы на могильнике Сиреневая Бухта, в склепе 23/11, относящемся к периоду D2/D3, то есть к 430/440—470/480 гг. (Масленников 1997: рис. 30, 50).

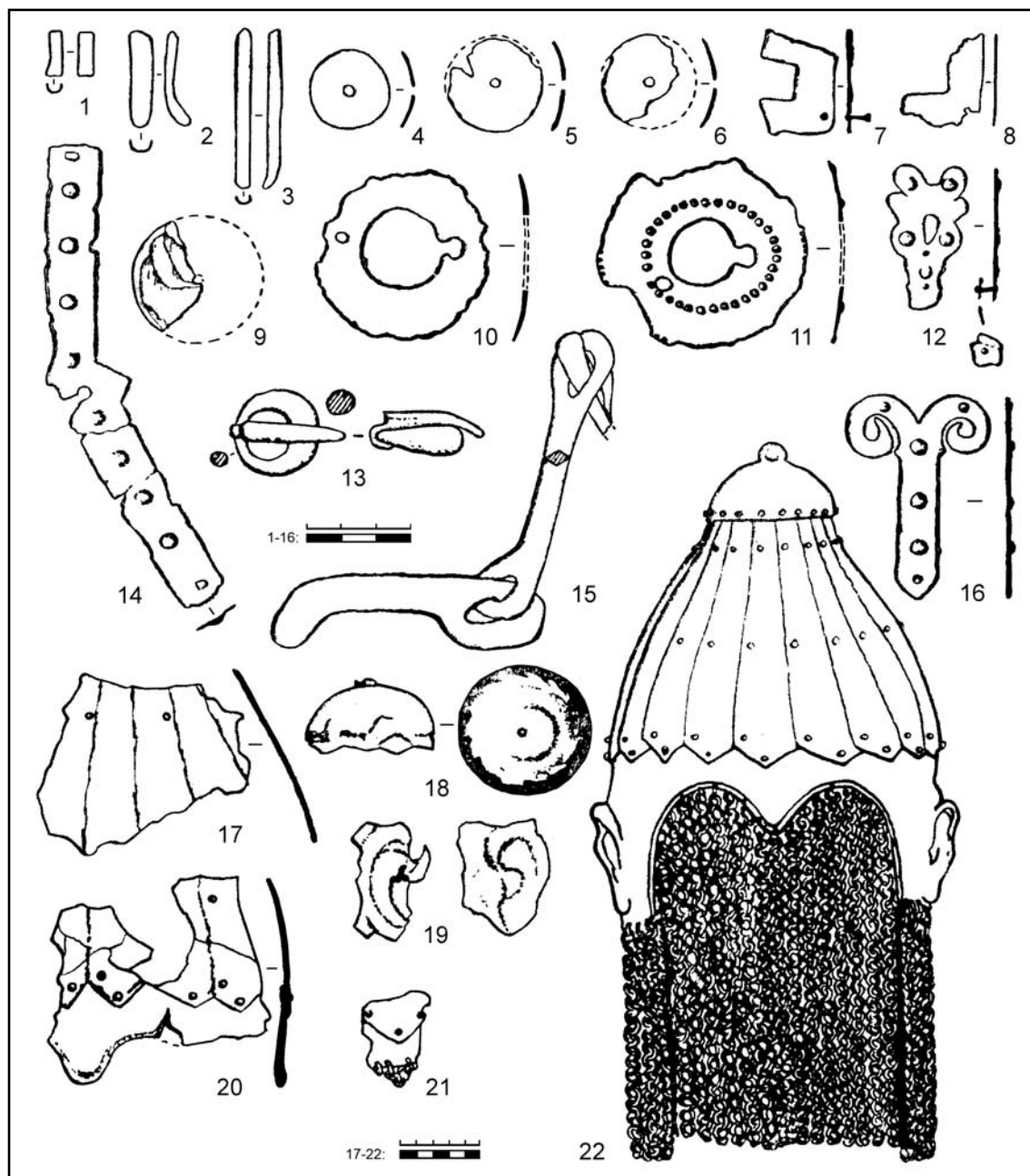

Рис. 23. Инвентарь «воинского» погребения в Калкни, каменная гробница 3 (по Салихов 1985: рис. V, VI).

Fig. 23. Inventory from the "military" burial in Kalkni, stone tomb 3 (after Салихов 1985: рис. V, VI).

В Иберии для позднеримского времени можно назвать находку в Згудери, погр. 3, где два конских скелета были обнаружены около деревянного саркофага (Немсадзе 1977: 110).

На восточном побережье Черного моря захоронения коней известны у апсилов, также являвшихся «клиентами» Империи. Появление захоронений с конями у апсилов считается одним из археологических проявлений возникновения воинских погребальных культов. Всего в Абхазии известно 14 погребений коней. Они сосредоточены на двух самых

больших некрополях — Шапка и Цибилуи. Погребения коней, которые не удается соотнести с конкретными воинскими могилами, очень часто находятся на «привилегированных» участках этих некрополей. Однако есть случаи, когда захоронения коней сопровождаются и погребения с обычным набором оружия (копье, топор, стрелы) (Kazanski, Mastykova 2007: 55—60; 2010; Казанский, Мастыкова 2009b).

Наконец, на другом конце римского/ранневизантийского мира погребения коней засвидетельствованы в нубийских «цар-

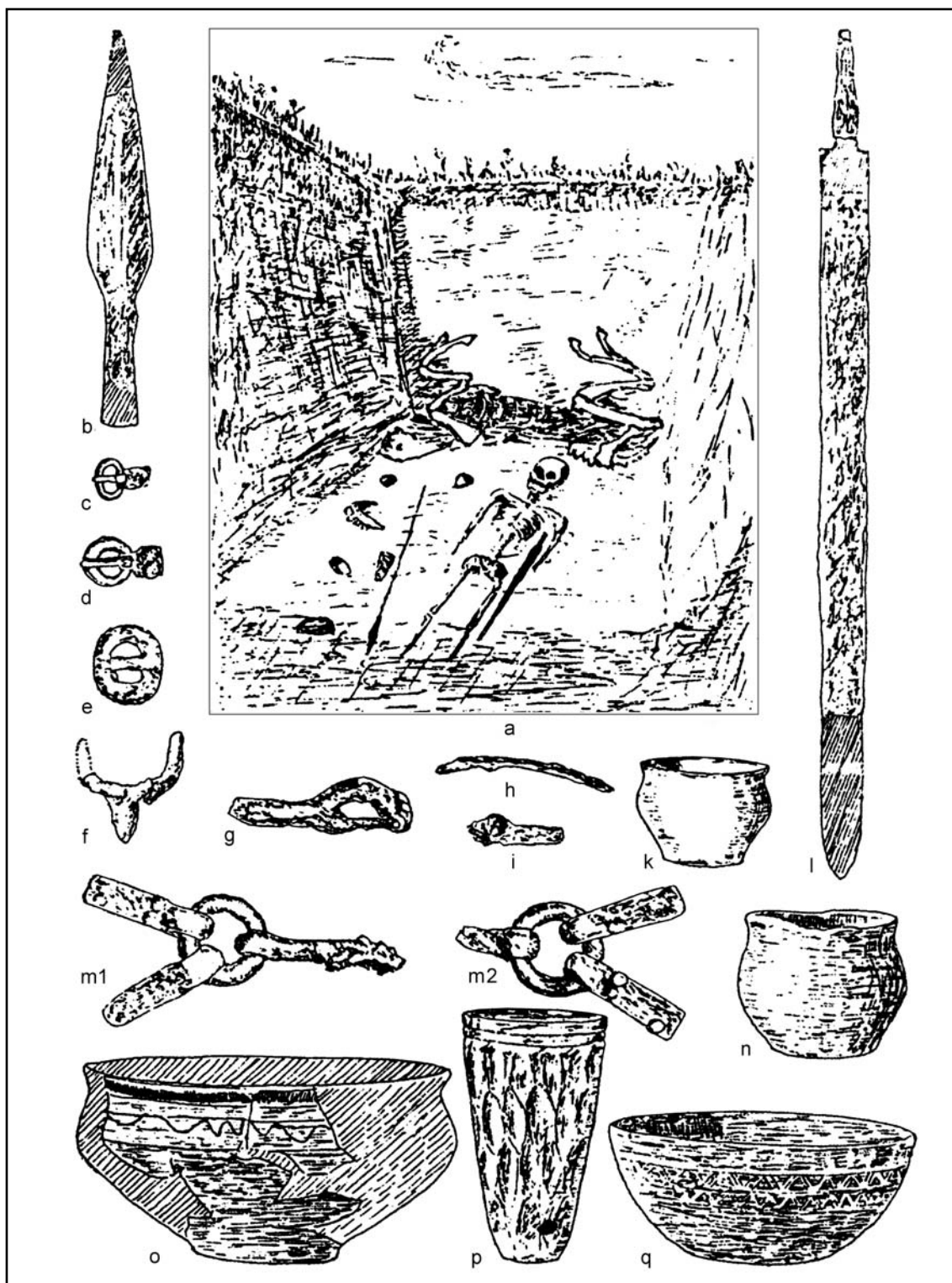

Рис. 24. Погребение с конем Луги/Кёнигсбрух (по La Baume 1934: Bild 66).

Fig. 24. Burial with horse Lugi/Königsbruch (after La Baume 1934: Bild 66).

ских» некрополях Кустул и Баллана. Здесь скелеты лошадей, наряду с другими животными (верблюды, коровы, собаки и пр.) находились, как правило, при входе в гробницу: погр. Q2; Q3; Q17; Q31; Q36; B2; B3; B9; B10; B47; B3 (Török 1988: 108, pl. 57; 99,

pl. 43; 104, pl. 50; 106, pl. 54; 107, pl. 56; 114; 134; 125; 132; 119, pl. 73; 145). Датируются эти гробницы с 380 по 470/480 гг.

Погребения с седлами. Седла в привилегированных погребениях появляются у варваров понто-кавказских степей, видимо, ещё

в позднеримское время. Так, в уже упоминавшемся «вождеском» погребении Кишпек на территории Кабардино-Балкарии, датированном самым началом IV в., были обнаружены остатки плохо сохранившегося деревянного седла (Бетров 1987: 15). В гуннское время погребения с жесткими седлами хорошо известны у кочевников (Засецкая 1994: 45—50).

Кроме того, в ряде случаев они присутствуют и в могилах оседлой аристократии гуннского времени. Так, в Керчи, в некрополе улицы Госпитальная, седло было найдено в коллективном «фамильном» склепе 165.1904 г., в погр. 5. Седло здесь деревянное, с серебряными украшениями и гвоздиками с позолоченными шляпками (Шкорпил 1907: 49). В другом керченском склепе, 6.1905 г., был обнаружен смешанный материал (Шкорпил 1909: 3, 4), типичный для гуннского (см., напр.: Засецкая 1993: табл. 3: 37) и постгуннского времени (см., напр.: Шкорпил 1909: рис. 1). Здесь также были найдены остатки седла (Засецкая 1993: прилож. 3, № 17).

На позднеримском Западе погребения с седлами связаны с военной варваризированной средой. Это погребение воинского предводителя в Мундольсхейм в Эльзасе, в районе Страсбурга (рис. 14). Здесь были найдены меч и топор (не сохранились), предметы поясной и/или обувной гарнитуры, предметы конского убора. Погребение датируется периодами D2 или D2/3. Исследование его инвентаря позволило предположить североприморское происхождение захороненного здесь офицера, скорее всего связанного с оседлой понтийской средой (Kazanski, Akhmedov 2007). Стоит также упомянуть погребение конца IV в. в Сарри (Sarry) в Северной Галлии (деп. Марна), содержавшее в своем инвентаре, помимо прочего, меч, кольчугу и металлические детали седла (рис. 25) (Chew 1993).

Примыкает по времени к гуннской эпохе и катакомба 10 могильника Лермонтовская Скала-2 в Пятигорье. Это аланское коллективное (семейное) погребение в катакомбе. Здесь были захоронены женщина и молодой человек с инвентарем гуннского времени и мужчина с вещами постгуннской эпохи. Седло, а также другие предметы конского убора, обнаруженные в камере, относятся к одному из мужских погребений, гуннскому или постгуннскому (Рунин 1976; Засецкая и др. 2007: 124—136).

Остатки деревянного седла были обнаружены в погр. 3 нубийского некрополя Баллана (Török 1988: 134—144, pl. 94: 286). Погребение относится ко времени около 450/460 гг. Это камерное аристократическое погребение взрос-

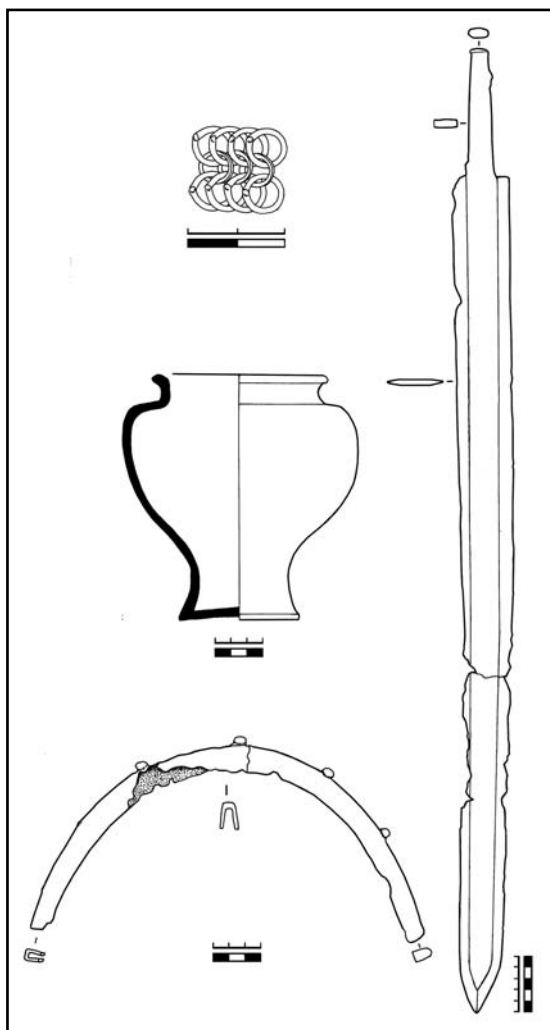
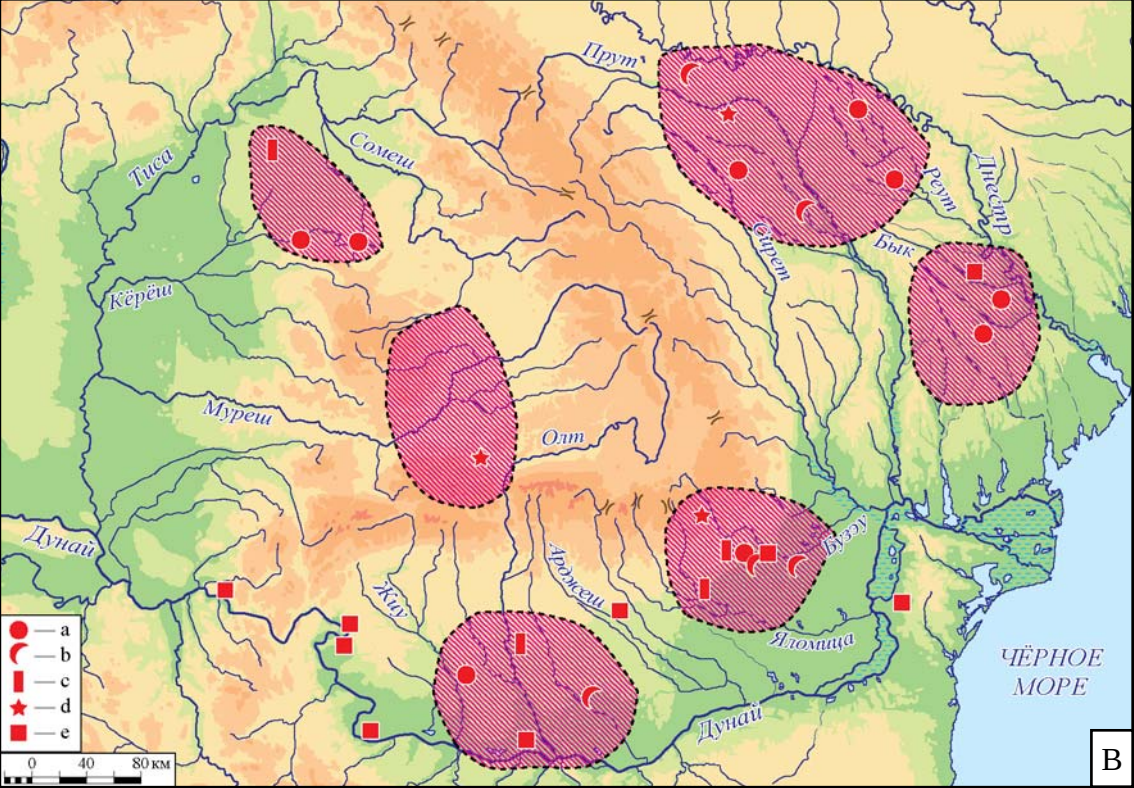
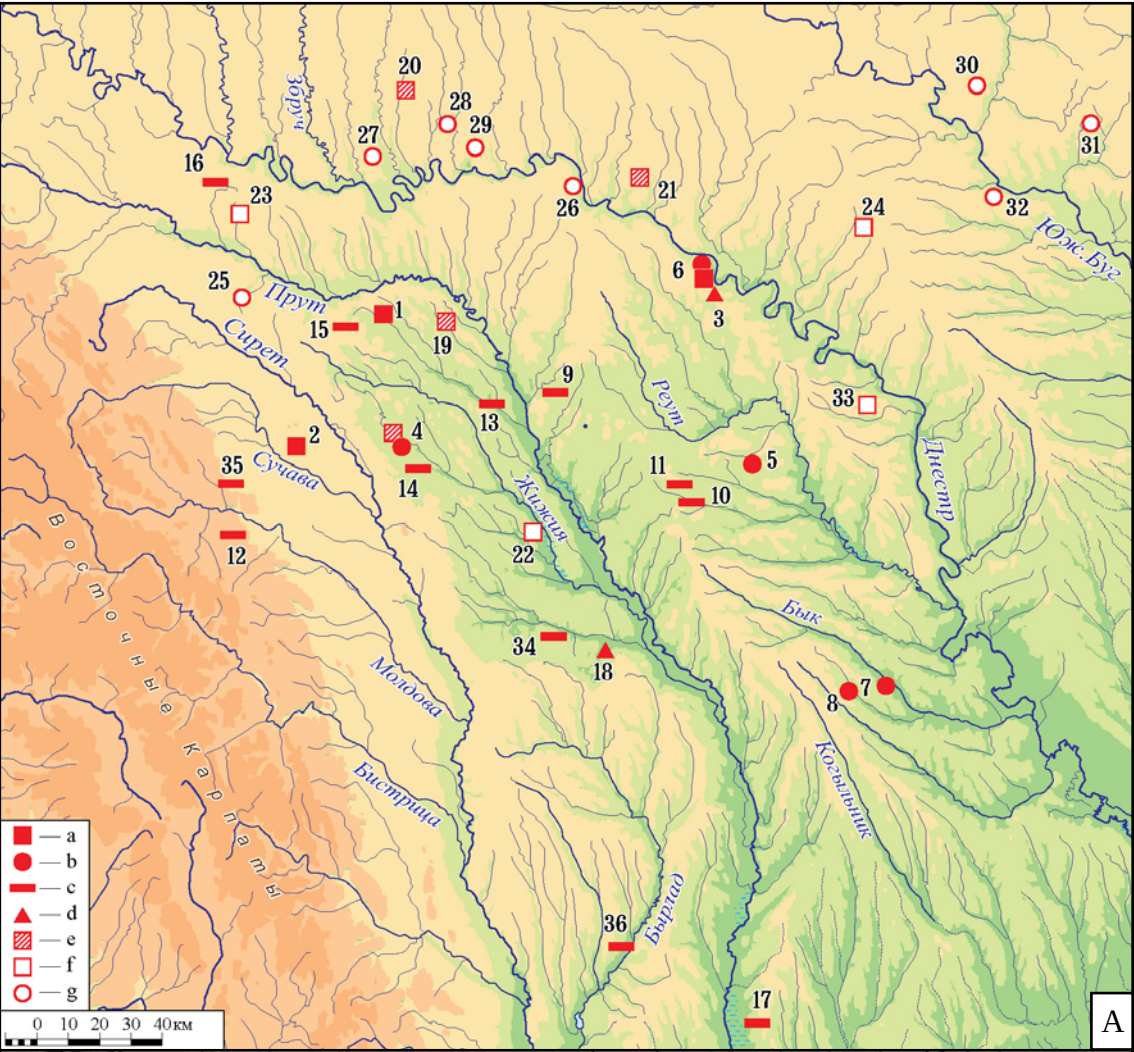

Рис. 25. Воинское погребение в Сарри (по Chew 1993: pl. 4).

Fig. 25. Military burial in Sarri (after Chew 1993: pl. 4).

лой женщины, сопровождавшееся, в частности, конскими жертвоприношениями.

Наконец, целая серия «вождеских» погребений с жесткими седлами известна для постгуннского времени в Европе, от Северного Кавказа до Скандинавии и Италии. Это знаменитые «княжеские» захоронения дунайских германцев, такие, как Апахида в Трансильвании (Harhoiu 1998: Taf. LXIII: 1, 2) и Блущина (Blučina) в Южной Моравии (Tihelka 1963: 489), подкурганное «вождеское» захоронение 2 на могильнике Хегом (Högom) в Швеции (Норрланд, Медельпад) (Ramqvist 1992: 78—86), уже упоминавшееся погребение франкского «воинского предводителя» 1782 на рейнском могильнике Крефельд-Геллеп (Die Franken... 1996: 899, 900, Abb. 192), находка на городском могильнике в Равенне (Bierbrauer 1975: Taf. XXX), находка в Галайты, в Чечне (Багаев 2008: рис. 215: 1)

№4. 2014

Рис. 26. Днестро-Дунайский регион в эпоху переселения народов.

А. Карта памятников эпохи переселения народов в Северной Молдове и прилегающих регионах: а — «княжеские» находки; b — клады золотых монет; с — черняховские могильники; d — черняховские поселения; e — постчерняховские памятники и находки германского облика; f — находки кочевнического облика; g — раннеславянские памятники (пражская и пенковская культуры).

1 — Концешты; 2 — Марицея; 3 — Собарь; 4 — Ботошань; 5 — Кирилены; 6 — Кременчуг; 7 — Кишинев II; 8 — Малкоц; 9 — Малаешты; 10 — Лазо/Слободзия-Кишкэрень; 11 — Николаевка; 12 — Извоаре; 13 — Михэлэшень; 14 — Точилень; 15 — Миоркань; 16 — Горошевы; 17 — Кокоара II; 18 — Яссы-Николина; 19 — Никитень; 20 — Вербычка; 21 — Григоровка; 22 — Бухэнь; 23 — Шурбанец; 24 — Рубани; 25 — Кодын; 26 — Бернашевка; 27 — Лука-Каветчинская; 28 — Зеленый Гай; 29 — Бакота; 30 — Куня; 31 — Кочубеевка; 32 — Пархомовка; 33 — Шестачи; 34 — Лецкань; 35 — Сэбэоань; 36 — Бырлад-Валя-Сяжэ (по Казанский 2014: рис. 6).

В. Центры власти гуннского времени в бассейне Нижнего Дуная и Днестра (по Ciupercă, Măgureanu 2008: fig. 3): а — клады; b — погребения с диадемами; с — погребения с мечами; d — богатые погребения; e — котлы.

Fig. 26. Danube and Dniester Region during the Migration Period.

A. Sites of the Migration Period in Northern Moldova and neighboring regions: a — “princely” finds; b — hoards of gold coins; c — Chernyakhov burial grounds; d — Chernyakhov settlements; e — post-Chernyakhov sites and German-like artefacts; f — nomadic-like artefacts; g — early Slavic sites (Prague-Penkovka).

1 — Concești; 2 — Mariștea; 3 — Sobari; 4 — Botoșani; 5 — Chirileni; 6 — Kremenchug; 7 — Chișinău II; 8 — Mălcoci; 9 — Mălaești; 10 — Lazo/Slobozia-Chișcăreni; 11 — Nikolaevka; 12 — Izvoare; 13 — Mihălășeni; 14 — Tocileni; 15 — Miorcani; 16 — Goroshevtsy; 17 — Cocoara II; 18 — Iași-Nicolina; 19 — Nichiteni; 20 — Verbychka; 21 — Grigorovka; 22 — Buhăeni; 23 — Shurbanets; 24 — Ruban; 25 — Kodyn; 26 — Bernashevka; 27 — Luka Kavetchinskaya; 28 — Zelenyj Gaj; 29 — Bakota; 30 — Kun; 31 — Kochubeevka; 32 — Parkhomovka; 33 — Șestaci; 34 — Lețcani; 35 — Săbăoani; 36 — Bîrlad-Valea-Seacă (according to Казанский 2014: рис. 6).

B. Centers of power of the Huns' time in the basin of the Lower Danube and Dniester Rivers (after Ciupercă, Măgureanu 2008: fig. 3): a — hoards; b — graves with diadems; c — graves with swords; d — rich graves; e — cauldrons.

и хорошо известные погребения коней с седлами, сопровождавшие захоронения готских предводителей на могильнике Дюрсо под Новороссийском (Дмитриев 1979).

Погребения с золотыми нашивными аппликациями. Отмечалось, что в концештском погребении были найдены фрагменты золотых палочек, являвшиеся, по Л. А. Мацулевичу, остатками золотых аппликаций (Мацулевич 1934: 56). Такие аппликации в виде зигзагообразных золотых палочек, действительно широко распространены в гуннское время в богатых погребениях оседлых варваров и сателлитов Империи от Нормандии до Дона и Восточного Крыма. Они, в частности, отмечены в таких погребениях и могильниках, как Лебень (Lébény), Унтерзибенбрунн, Регей (Regöly), Эран (Airan), Керчь, Большой Каменец, Папкеси (Papkeszi), Мухино, Лучистое (Mastykova, Kazanski 2006: 291; Мастыкова 2014). Практически все данные находки относятся к периоду D2, то есть 380/400—440/450 гг. Чаще всего они принадлежат женскому убору, как об этом свидетельствуют, например, находки в Мухино, Эране, Регей, Лучистом. В то же время такие накладки попадают и в мужские погребения, например, в Лебень. Здесь, в погребении с мечом и портупейным набором, в песке заполнения могильной ямы, была найдена зигзагообразная накладка (Pusztai 1966: 3: 5. ábra). Отметим, впрочем, что полной уверенности в присутствии таких накладок в концештском погребении нет. Речь идет лишь о вполне правдоподобном предположении Л. А. Мацулевича.

Датировка

«Вожделское» погребение из Концешт практически всеми исследователями относится к гуннскому времени, то есть к последней трети IV — началу/первой половине V вв. В правоте такой даты убеждают как вышеприведенные параллели гривне, ремненным наконечникам и накладкам с полихромным и тисненым декором, так и принадлежность импортной металлической посуды к конкретному кругу позднеримских (ранневизантийских) изделий конца IV — начала V вв. Другие вещи, в силу их фрагментарности (накладки на седло, листки от погребальной короны) или редкости (птицевидная пластина, фрагменты складного стула) не могут дать достаточно узкой надежной даты.

Два предмета из концештского погребения позволяют утверждать, что эта находка отражает, скорее всего, аристократическую культуру Барбарикума начальной фазы эпохи переселения народов, конца IV и начала V в., соответствующего периоду D1 или началу периода D2, по хронологии европейского Барбарикума. Это, во-первых, шлем (рис. 4), все более или менее близкие аналоги которому датируются серединой III (Дура-Европос) и, в основном, IV в. (римские «гвардейские» шлемы эпохи Константина-Констанция). Вторым ранним элементом являются ремненные наконечники с веерообразным окончанием (рис. 1: 1, 2; 2: 1, 2). Судя по приведенным выше параллелям, они характерны для второй половины IV — самого нача-

ла V вв., как об этом свидетельствуют, в частности, находки в Муслюмово и Кос-Асар (см. выше). Всё вышесказанное позволяет нам датировать погребение в Концештах начальной фазой гуннского времени, или периодом D1 (360/370—400/410 гг.) согласно европейской варварской хронологии.

Статус погребения и его этнокультурная атрибуция

Итак, по особенностям погребального обряда, комплекс из Концешт напоминает как «вождейские» погребения оседлых варваров эпохи переселения народов, так и аристократические погребения царств-сателлитов Римской империи (захоронение коня, оружия, украшений полихромного стиля, конского снаряжения, присутствие в погребальном инвентаре пиршественного набора, стула). Эти элементы отражают интернациональный характер престижной культуры как варварских предводителей, так и пограничной римской (или греко-римской) аристократии. Некоторые предметы из концештского погребения, а именно бляшки-накладки с тисненым узором и полихромным декором, более всего характерны для степных кочевников гуннского времени и практически не встречаются в захоронениях оседлых варваров. В то же время в степных могилах практически полностью отсутствуют пиршественные наборы, вроде того, что происходит из Концешт. Другие черты погребального обряда, такие, как сооружение плитового склепа или присутствие металлической погребальной диадемы, украшенной листьями, совершенно не типичны для варваров, зато хорошо известны на территории Империи и ее сателлитов.

Представляется очень заманчивым соотносить данное погребение с варварами, продвинувшимися на Нижний Дунай откуда-то из района Боспора Киммерийского, такими, как гунны Ульдиса или готы, присутствие которых на Боспоре около 400 г. хорошо засвидетельствовано письменными источниками (см. подробнее Shchukin, Kazanski, Sharov 2006: 86, 87, 108, 111, 186).

В целом концештское погребение по богатству отличается от типичных «вождейских» погребений гуннского времени центрально- и восточноевропейского Барбарикума. Мы имеем в виду как погребения горизонтов Виллафонтана (Villafontana) (период D1, 360/370—400/410 гг.), так и захоронения «княжеских» горизонтов Унтерзибенбрунн (период D2, 380/400—440/450 гг.) и Смолин (Smolin) (период D2/D3, 430/440—460/470 гг.).

«Вождейские» могилы оседлых варваров этого времени, как правило, сопровождаются набором оружия, предметами конского снаряжения, поясной и портупейной гарнитурой, иногда торком (см. выше) и небольшим столовым сервизом, чаще всего кувшином и стеклянным кубком (см. о них подробнее: Tejral 1997; 1999; Kazanski 1996; 1999)¹³, в них нет шлемов, стульев, пиршественного серебра.

Не достигают такого уровня богатства, как в Концештах, и «вождейские» кочевнические захоронения гуннов и алан (о «вождейских» погребениях последних в гуннское время см.: Gabuev 2000; Габуев 2005: 33—42). У гуннов, кстати, наибольшая концентрация захороненных богатств наблюдается не в погребениях, а в жертвенных (коммеморативных?) комплексах. Судя по обряду погребения и богатому инвентарю, мы имеем дело с погребением варварского предводителя высшего ранга, видимо, «королевского» достоинства. К числу «статусных» элементов, несомненно, относятся парадное оружие, пиршественный столовый набор, складной стул, захоронение коня. По классификации мужских погребений дунайских германцев эпохи переселения народов, предложенной Ф. Бирбрауером, захоронение в Концештах попадает в самую высокую категорию Ia (Bierbrauer 1989: 77—81).

Этнокультурная принадлежность погребенного на основании погребального инвентаря и особенностей обряда, в силу интернационального характера престижной «вождейской» культуры, надежно не определяются (см. подробнее: Казанский 2014: 30, 31). Однако, благодаря картографированию находок гуннского времени в Нижнедунайском

¹³ При этом по набору вооружения, представленному в могилах, выделяются две традиции. Первая связана по происхождению с германо-кельтским оседлым варварским миром. Такие наборы включают меч, щит с металлическими элементами, копье, часто топор, иногда предметы конского снаряжения. Подобные погребения в позднеримское время и в эпоху переселения народов известны у германцев, в меньшей степени у балтов, прибалтийских финнов, ираноязычного населения Крыма, римских федератов в Абхазии, видимо, под влиянием римской варваризованной армии, а также на Боспоре Киммерийском. В то же время у степных народов и их соседей отмечен обычай помещения в могилу ограниченного набора оружия — меча, иногда кинжала, лука со стрелами и конского снаряжения. В первой половине V в. такой погребальный набор вооружения распространяется, видимо, под влиянием гуннов и алан, и у оседлых варваров Центральной и Восточной Европы, при этом погребальная паноплия «кельто-германской» традиции сохраняется на римско-германском Западе, в Северной Европе, в Прибалтике, на Боспоре и в Абхазии (Kazanski 1999; Казанский 2010).

№4. 2014

бассейне (рис. 26: А) можно заключить, что, скорее всего, концештский вождь был связан не с гуннами, а с оседлыми готами, вне всякого сомнения, находившимися под властью гуннов. Этим готам принадлежат памятники финальной фазы черняховской культуры в Северной Молдавии (подробнее см.: Казанский 2011: 27; 2014: 32—39; Kazanski 2012. Об отношениях готов и гуннов см., в частности: Казанский, Мастыкова 2009а).

На территории Нижнего Подунавья румынские археологи по концентрации «престижных» и «воинских» находок реконструируют несколько центров власти гуннского времени (рис. 26: В) (Ciupercă, Măgureanu 2008; о готских центрах власти гуннского времени см. Казанский 1997). Есть все основания присоединиться к мнению румынских коллег, что один из таких центров находился на территории Северной Молдавии и Буковины.

Литература

- Абрамова М.П. 1997. *Ранние аланы Северного Кавказа III—V вв. н.э.* Москва: Институт археологии РАН.
- Аммиан Марцеллин. 1906. История. Перевод и комментарии В.В. Латышева. В: Латышев В.В. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе II*. Санкт-Петербург, 323—345.
- Аммиан Марцеллин. 2000. *Римская история*. Перевод Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Апакидзе и др. 1984: Апакидзе А.М., Николайшвили В.В., Сихарулидзе А.Н., Садрадзе В.Г., Хедуриани Л.Г., Гиунашвили Г.Д., Иремашвили Ш.А. 1984. Результаты полевых изысканий в Мцхета. В: *Полевые археологические исследования в 1981 году*. Тбилиси: Мецниереба, 45—50.
- Ахмедов И.Р., Казанский М.М. 2004. После Атиллы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст. В: Горюнова В.М., Щеглова Л.А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 168—202.
- Багаев М.Х. 2008. *Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. — XII в. н.э.* Москва: Наука.
- Бажан И.А., Васкул И.О. 1988. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. *Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Материалы по археологии Северо-Востока* 11, 76—89.
- Бажан И.А., Гей О.А. 2000. К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов. В: Щукин М.Б., Гей О.А. (отв. ред.). *Проблемы хронологии латена и римского времени*. Санкт-Петербург: Ойум, 115—122.
- Бетров Р.Ж. 1987. Курганы гуннского времени у селения Кишпек. В: Кузнецов В.А. (отв. ред.). *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии* 3. Нальчик: Эльбрус, 11—39.
- Вайткунскене Л. 1986. К изучению культа коня в Литве V—VI вв. СА (2), 100—109.
- Вайткунскене Л. 1990. К вопросу о роли коня в древнелитовском погребальном обряде (V—XIII вв.). В: Иванов В.В. (отв. ред.). *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд*. Москва: Наука, 201—206.
- Васюткин С.М. 1985. Салиховский курганный могильник конца IV — V вв. в Башкирии. СА (2), 180—197.
- Габуев Т.А. 2005. *Аланский всадник. Сокровища князей I—XII веков*. Москва: ГМИНВ.
- Гавритухин И.О. 2000. Финал традиций культур римского времени в восточном Прикарпатье. In: Mączyńska M., Grabarczyk T. (Hrsg.). *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 261—324.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003. Могильники III—IV веков. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV—XIII века*. Москва: Наука, 187—191.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В. 2003а. Раннесредневековые древности побережья. В: Макарова Т.И., Плетнева С.А. (отв. ред.). *Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья, IV—XIII века*. Москва: Наука, 186—195.
- Голдина Р.Д. 2003. *Тарасовский могильник I—V вв. на Средней Каме*. Ижевск: Удмуртия.
- Голдина Р.Д., Волков С.Р. 2000. Шлемы Тарасовского могильника. *Уфимский археологический сборник* 2, 98—122.
- Гуцдина И.И., Засецкая И.П. 1994. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. *Российская археологическая библиотека* 1. Санкт-Петербург: Фарн.
- Дашевская О.Д. 2003. Третье захоронение гуннского времени на Беляусе. РА (1), 160—163.
- Дмитриев А.В. 1979. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска. СА (4), 212—247.
- Ермолин О. 2003. Археологічні дослідження античного некрополя Джург-Оба (Керч) в 2002 р. *Дрогобицький краєзнавчий збірник* 7, 8—42.
- Залесская В.Н. 2006. *Памятники прикладного византийского искусства IV—VII веков. Каталог коллекции*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Засецкая И.П. 1982. Классификация полихромных изделий гуннской эпохи по стилистическим данным. В: Амброс А.К., Эрдели И. (отв. ред.). *Древности эпохи великого переселения народов V—VII веков*. Москва: Наука, 14—30.
- Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V вв. МАИЭТ 3, 23—105.
- Засецкая И.П. 1994. *Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV—V вв.)*. Санкт-Петербург: Эллипс.
- Засецкая И.П., 1998. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода. МАИЭТ 6, 394—478.
- Засецкая и др. 2007: Засецкая И.П., Казанский М.М., Ахмедов И.Р., Минасян Р.С. 2007. *Морской Чулек. Погребения знати из Приазовья и их место в истории племен Северного Причерноморья*

- в постгуннскую эпоху. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа.
- Зеест И. Б. 1951. *Синдская экспедиция 1951 года. Дневник*. Архив ИА РАН, Р1—582а.
- Казанский М. М. 1994. Могилы алано-сарматских вождей IV в. в понтийских степях. *МАИЭТ* 4, 238—256.
- Казанский М. М. 1997. Остроготские королевства в гуннскую эпоху: рассказ Иордана и археологические данные. *Stratum + Петербургский археологический вестник*, 181—193.
- Казанский М. М. 2010. Вождеские погребения гуннского времени с мечами. В: Носов Е. Н., Белецкий С. В. (отв. ред.). *Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран* I. Москва: «Ломоносовъ», 307—320.
- Казанский М. М. 2011. Радагайс и конец черняховской культуры. *Oium* 1, 22—33.
- Казанский М. М. 2014. Вождеское захоронение гуннского времени в Концештах и его культурно-исторический контекст. *Tractus Aevorum* (1), 28—51. URL: <http://belsu-tractus-aevorum.ru/images/stories/1/03.pdf>.
- Казанский М. М., Мاستыкова А. В. 2009а. Кочевые и оседлые варвары в Восточной Европе в гуннскую эпоху. *Дивногорский сборник* 1, 225—251.
- Казанский М. М., Мастыкова А. В. 2009b. Погребения коней в Абхазии в позднеримское время и в эпоху Великого переселения народов. В: Марченко И. И. (отв. ред.). *Пятая Кубанская археологическая конференция*. Краснодар: Кубанский государственный университет, 150—155.
- Корпусова В. М. 1973. Сильские населения пизноантичного Боспора. *Археология* 8, 27—45.
- Кропоткин В. В. 1970. *Римские импортные изделия в Восточной Европе*. САИ Д1—27. Москва: Наука.
- Кубарев Г. В., Ахмедов И. Р., Журавлев Д. В. 2003. Катакомбное погребение с доспехом с Госпитальной улицы г. Керчи (предварительное сообщение). *Боспорские исследования* III, 204—221.
- Кулаков В. И. 1998. *Нолібо*. Междуречье Ильфинг и Фришинг в V в. н. э. *Гістарычна-археалагічны зборнік* 13, 98—119.
- Кулаков В. И. 2003. *История Пруссии до 1283 года*. Москва: Индрик.
- Кульчар В., Иштванович Э. 2013. Новая находка серебряных блях гуннского времени из Северо-Восточной Венгрии. *Stratum plus* (4), 117—122.
- Леквинадзе В. А. 1975. Богатое погребение IV в. из Уреки (Грузия). *СА* (4), 193—208.
- Лордкипанидзе О. Д. 1985. Иберия. В: Кошеленко Г. А. (отв. ред.). *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. Москва: Наука, 79—93.
- Лурье Е. В. 2012. Генезис ламеллярных шлемов I—III вв. *Stratum plus* (4), 157—170.
- Любчанский И. Э., Таиров А. Д. 1999. Археологическое исследование комплекса Курган с «усами» Солончанка I. В: Таиров А. Д. (отв. ред.). *Курган с «усами» Солончанка I*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 5—62.
- Малашев В. Ю. 2000. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени. В: Гугуев Ю. К. (отв. ред.). *Сарматы и их соседи на Дону*. Ростов-на-Дону: Терра, 194—232.
- Мальшев А. А. (отв. ред.). 2008. *Аспургинане на юго-востоке Азиатского Боспора. По материалам Цемдолинского некрополя*. Некрополи Черноморья II. Москва: Институт археологии РАН.
- Мальшев А. А. (отв. ред.). 2011. *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке*. Москва: Институт археологии РАН.
- Масленников А. А. 1990. *Население Боспорского государства в первых веках н. э.* Москва: Наука.
- Масленников А. А. 1997. *Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора*. Москва: Институт археологии РАН.
- Мастыкова А. В. 2013. Бусы эпохи Великого переселения народов из «королевского» кургана Журань в Южной Моравии. *КСИА* 228: 46—57.
- Мастыкова А. В. 2014. «Княжеский» костюм с золотыми аппликациями в эпоху Великого переселения народов. *КСИА* 232: 135—149.
- Махно Е. В. 1960. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці. *Археологічні пам'ятки УРСР* 9, 14—38.
- Мацулевич Л. А. 1934. *Погребение варварского князя в Восточной Европе. Новые находки в верховье реки Суджи*. Москва; Ленинград: ОГИЗ.
- Минаева Т. М. 1971. *К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным*. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство.
- Михайлов Б. Д. 1993. Погребение гуннского времени на Каменной Балке в Северной Таврии. *МАИЭТ* 3, 109—111.
- Немсадзе Г. М. 1977. Погребения иберийской знати из Згудери. *КСИА* 151, 108—114.
- ОАК 1891: *Отчет Императорской Археологической комиссии за 1891 год*. Санкт-Петербург.
- Приск Панийский. 1890. Готская история. Греческий, перевод и комментарии В. В. Латышева. В: Латышев В. В. *Известия древних писателей о Скифии и Кавказе* I. Санкт-Петербург, 787—818.
- Рамишвили Р. М. 1977. Новые открытия на новостройках Арагвского ущелья. *КСИА* 151, 114—122.
- Ростовцев М. И. 1925. *Скифия и Боспор*. Ленинград: Гублит.
- Рунич А. П. 1976. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины. *СА* (3), 256—266.
- Сазонов А. А. 1992. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. В: Мекулов Д. Х. (отв. ред.). *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 244—274.
- Салихов Б. М. 1985. Калкнийский могильник. В: Маммаев М. М. (отв. ред.). *Древние культуры Северо-Восточного Кавказа*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 167—187.
- Скалон К. М. 1966. Складной стул из погребения в с. Концешты в Молдавии. *Сообщения Государственного Эрмитажа* 27, 55.
- Скалон К. М. 1968. Об одном ранневизантийском серебряном кувшине из Молдавии. В: Гайдукевич В. Ф. (отв. ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Ленинград: Наука, 257—264.
- Тайна Золотой маски 2009; Бутягин А. М. (науч. ред.). 2009. *Тайна Золотой маски*. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Хазанов А. М. 2008. *Очерки военного дела сарматов*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.
- Хоштария Н. В. 1955. Археологическое исследование Уреки. *Материалы по археологии Грузии и Кавказа* 1, 25—78.
- Храпунов И. Н. 2004. *Этническая история Крыма в раннем железном веке*. Боспорские исследования 6, специальный номер.
- Шаров О. В. 2012. Пирамидальный склеп №1 по дороге к Царскому кургану, или склеп №1, открытый в 1841 году в кургане у дороги на Аджимушкайские каменоломни в Керчи. Историкографическое

№4. 2014

- исследование. *Stratum plus* (4), 201—238.
- Шкорпил В. В. 1907. Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. *ИАК* 25, 1—66.
- Шкорпил В. В. 1909. Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. *ИАК* 30, 1—50.
- Шкорпил В. В. 1913. Отчет о раскопках в Керчи и в станице Таманской в 1910 г. *ИАК* 47, 42—72.
- Шпилев А. Г. 2004. К уточнению происхождения «обо-янского клада» 1849 г. В: Горюнова В. М., Щеглова Л. А. (отв. ред.). *Культурные трансформации и взаимовлияния в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 203—204.
- Штерн Э. 1897. К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства. *ЗООИД* 20, 1—15.
- Agulnikov S. M., Simonenko A. V. 1993. A Late Roman Bridle Set from Moldova. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, 91—97.
- Alföldi A. 1932. *Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung*. Acta Archaeologica Musei Nationalis Hungarici IX. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Anke B. 1998. *Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts*. Weissbach: Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur.
- Apakidze A., Nikolaishvili V. 1994. An Aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta, Georgia. *The Antiquaries Journal* 74, 16—54.
- Arrhenius B. 1886. *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Atabiev B. 2002. La riche tombe de Zaragij dans le Caucase du Nord. *Dossiers d'archéologie* 270, 7—79.
- Baratte F. 1991. Remarques à propos de deux objets en argent de l'antiquité tardive. *Römische Österreich* 17/18, 31—36.
- Beck F., Kazanski M., Vallet F. 1988. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales. *Antiquités Nationales* 20, 63—81.
- Bierbrauer V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schützfunde in Italien*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo.
- Bierbrauer V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters. In: *Peregrinatio Gothica*. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 39—106.
- Böhme H. W. 1974. *Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire*. München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung.
- Böhner K. 1948. Das Langschwert der Frankenkönig Childerich. *Bonner Jahrbücher* 48, 218—248.
- Bott H. 1982. Zur Datierung der Funde aus Hammersdorf (Ostpreussen). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 23—24, 139—153.
- Boyer R. et al. 1987. *Vie et mort à Marseille à la fin de l'Antiquité. Inhumations habillées des Ve et VIe siècles et sarcophage reliquaire trouvés à l'abbaye de Saint-Victor*. Marseille: Ville de Marseille/Atelier du patrimoine.
- Czarnecka K. 2003. Zum Totenritual der Bevölkerung der Przeworsk-Kultur. In: Kokowski A., Leiber Chr. (Bearb.). *Die Vandalen*. Nordstemmen: Trigena, 273—294.
- Chew H. 1993. Une sépulture militaire de l'époque romaine tardive à Sary (Marne). In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 313—321.
- Cieśliński A. 2008. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka. In: Niezabitowska-Wisniewska B. et al. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period*. I. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 113—131.
- Ciupercă B., Măgureanu A. 2008. Huns and Other Peoples — Archaeological Evidence in Present-day Romania. In: Anke B. (Hrsg.). *Hunnen zwischen Asien und Europa*. Weissbach: Beier & Beran, 119—130.
- Die Franken... 1996: *Die Franken Vëgbereiter Europas*. 1996. Mainz: Philipp von Zabern.
- Dieudonné-Glad N., Feugère M., Ōnal M. 2013. *Zeugma V. Les objets*. Paris: Maison de l'Orient et de la Méditerranée.
- Doxiadis E. 1995. *The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt*. London: Thames & Hudson.
- Ermolin A. 2012. Džurga-Oba — a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosphorus. In: Ivanišević V., Kazanski M. (eds.). *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*. Paris; Beograd: ACHCByz, 339—348.
- Gabuev T. 2000. Mobilier d'une tombe de cavalier. Brut, Ossetie du Nord, Russie. In: *L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. ap. J.-C.* Paris: Réunion des musées nationaux, 138—141.
- Gening V. F. 1995. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. *Eurasia Antiqua* 1, 265—325.
- Glad D. 2009. *Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe—VIIIe s.)*. BAR International Series — S1921. Oxford: John and Erica Ltd.
- Goldhelm, Schwert und Silberhüte. *Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit*. 1994. Frankfurt-am-Main: Museum für Vor- und Frühgeschichte; Archäologisches Museum — Frankfurt a. M.
- Grabar A. 1966. *L'âge d'or de Justinien*. Paris: Gallimard.
- Grancsay S. V. 1963. A Sasanian Cheftain's Helmet. *Bulletin of Metropolitan Museum of Art*, 253—262.
- Grempler W. 1888. *Der II. und III. Fund von Sackrau*. Berlin.
- Grünhagen W. 1954. *Der Schatzfund von Grossbodungen (Römisch-Germanische Forschungen 21)*. Berlin: Philipp von Zabern GmbH.
- Harhoiu R. 1998. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest: Editura Enciclopedică.
- Hayes J. W. 1972. *Late Roman Pottery*. London: The British School at Rome.
- Jaskanis J. 1966. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millenium of Our Era. *Acta Baltico-Slavica* 4, 29—66.
- James S. 1986. Evidence from Dura Europos for the origins of the Late Roman helmets. *Syria* 63, 107—134.
- James S. 2004. *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Lettres 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armor and other Military Equipment*. London: British Museum Press.
- Kazanski M. 1990. Les influences danubiennes en Gaule à la fin du IVe et au Ve s. In: Marin J.-Y. (dir.). *Attila. Les influences danubiennes dans l'Ouest de l'Europe au Ve siècle*. Caen: Publications du Musée de Normandie. Caen, 45—53.
- Kazanski M. 1993. Les armes de wādī Dura'. In: Breton J.-F., 'Abd al-Qādir Bāfaqih M. *Trésors du Wādī Dura' (République de Yémen)*. Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar-am-Dhaybiyya. Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique CXLI. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 10—51.
- Kazanski M. 1996. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique. L'identité des populations archéologiques.

- In: *Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Sophia Antipolis: Editions APDCA, 109—126.
- Kazanski M. 1999. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique. In: Fischer T., Precht G., Tejral J. (Hrsg.). *Germanen beiderseits des Spätantiken Limes*. Köln; Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 293—316.
- Kazanski M. 2002. *La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne)*. Europe médiévale 4. Montagnac: Éditions Monique Mergoïl.
- Kazanski M. 2012. Radagaïs et la fin de la civilisation de Černjahov. In: Ivanišević V., Kazanski M. (dir.). *The Pontic-Danubien Realm in the Period of the Great Migration*. Monographies 36. Paris; Belgrade: ACHCByz, 381—403.
- Kazanski M., Akhmedov I. 2007. La tombe de Mundolsheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome. In: Tejral J. (Hrsg.). *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 173—197.
- Kazanski M., Mastykova A. 2007. *Tsibilium*. Vol. 2. *La nécropole apside de Tsibilium (Caucase, Abkhazie). Étude du site*. BAR International Series S1721. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.
- Kazanski M., Mastykova A. 2010. Les tombes de chevaux chez les fédérés de l'Empire d'Orient sur la côte est de la mer Noire (IIe—VIe s.). In: Urbaniak A., Prochowicz R. (red.). *Terra Barbarica*. Monumenta Archaeologica Barbarica Series Gemina II. Łódź; Warszawa, 57—71.
- Kazanski M., Périn P. 2005. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? *Travaux et Mémoires* 15, 287—298.
- Kiss A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A*. Innsbruck: Wagner.
- Kiss A. 2001. *Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B*. Monumenta avarorum Archaeologica 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; Magyar Tudományos Akadémia Régészeti.
- La Baume W. 1934. *Urgeschichte der Ostgermanen*. Danzig.
- Leriche P. 1993. Techniques de guerre sassanides et romaines à Doura-Europos. In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 83—100.
- L'Or des princes barbares 2000: *L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C.* 2000. Paris: Réunion des musées nationaux.
- Loscotová Z. 2012. An early 5th-century skeleton grave from with gold neck-ring from Charváty (Moravia). In: Ivanišević V., Kazanski M. (dir.). *The Pontic-Danubien Realm in the Period of the Great Migration*. Monographies 36. Paris; Belgrade: ACHCByz, 189—206.
- Mastykova A., Kazanski M. 2006. À propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or. In: López Quiroga J., Martínez Tejera A.M., Morín de Pablos J. (eds.). *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica'* (ss. V—VII). *Balance y Perspectivas*. BAR International Series 1534. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 291—305.
- Matzulevich L.A. 1929. *Byzantinische Antike*. Berlin; Leipzig: de Gruyter.
- Migne J.-P. 1859. *Patrologiae, cursus completus, Patres Ecclesiae, series Graeca*. Vol. LXVI. Paris: Migne.
- Mitreă B., Preda C. 1966. *Necropole din secolul al IV-lea e.n. în Muntenia*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Mráv Z. 2013. Eiserner Klappstuhl aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wagengräber. *Archaeologiai Értesítő* 138, 105—144.
- Müller-Wille M. 1997. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli. *Antiquités Nationales* 29, 245—257.
- Mundell Mango M. 1990. Der Seuso-Schatzfund. Ein Ensemble westlichen und östlichen Kunstschaffens. *Antike Welt* 21—2, 70—88.
- Overlaet B.J. 1982. Contribution to Sasanian armament in connection with a decorated helmet. *Iranica Antiqua* 7, 189—206.
- Overlaet B. 1995. A chieftain's folding stool and the Cheragh Ali Tepe problem. *Iranica Antiqua* 30, 93—122.
- Parker S.T. 1994. A late Roman soldiers's grave by the Dead Sea. *Annual of the Department of antiquities of Jordan* 38, 385—394.
- Pfaffenbichler M. 2007. Spangenhelme. In: *Attila und die Hunnen*. Speyer: Historisches Museum der Pfalz Speyer — Theiss, 245—251.
- Podobed V.A., Simonenko A.V. 1998. A late Sarmatian Burial in the Central Donetsk Basin. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, 99—108.
- Post P. 1951—1953. Der kupferne Spangenhelm. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 34, 115—150.
- Prohászka P. 2006. *Das vandalische Königsgrab von Osztropataka (Ostrovany, Sk)*. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungaricae 3. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Pusztai R. 1966. A lébényi germán fejedelmi sír. *Arrabona* 8, 99—118.
- Quast D. 1993. *Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen*. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag.
- Quast D. 2009. „Wanderer zwischen den Welten”. *Die germanischen Prunkgräber von Stráže und Zakrzów*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Ramqvist P.H. 1992. *Högom. The excavations 1949—1984*. Archaeology and Environment 13. Neumünster: University of Umeå, Department of Archaeology — University of Kiel, Department of Pre- and Protohistory.
- Reinach S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris.
- Rupp C. 2005. *Das langobardische Gräberfeld von Nocera Umbra*. Borgio S. Lorenzo: All'Insegna del giglio.
- Šarov O. 2003. Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus*. Neumünster: Wachholtz Verlag, 35—64.
- Schmidt B. 1982. Die münzdatierten Grabfunde der Spätromischen Kaiserzeit im Mittelbe-Saale-Gebiet. *Inventaria Archaeologica. Deutsche Demokratische Republik*. Heft 1. Berlin.
- Schulz W. 1953. *Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der Spätromischen Kaiserzeit*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Seyrig H. 1952. Antiquités syriennes. Antiquités de la nécropole d'Emese. *Syria* 29, 204—250.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006. *Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations*. BAR International Series 1535. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.
- Skalon K.M. 1973. Der Helm von Concești, Rumänien. In: Klumbach H. (Hrsg.). *Spätromische Gardenhelme*. München: C.H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 91—94.
- Stephani L. 1875. Erklärung einiger im Jahre 1874 im südliche Russland gefundener Kunstwerke. *Отчет Императорской Археологической комиссии 1875*, 5—91.

№4. 2014

- Tejral J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas. *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums*, 11—46.
- Tejral J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 223—304.
- Tejral J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godlowski K., Madyda-Letutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński; Instytut Archeologii, 227—248.
- Tejral J. 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques. *Antiquités Nationales* 29, 137—166.
- Tejral J. 1999. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde. In: Fischer T., Precht G., Tejral J. (Hrsg.). *Germanen beiderseits des Spätantiken Limes*. Köln; Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 217—292.
- Tejral J. 2011: *Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno: Archäologische Institut AV ČR Brno.
- Tesori... 2005: *Tesori della steppa di Astrakhan*. 2005. Milano: Electa.
- Thiry G. 1939. *Die Vogelfibel der Germanischen Völkerwanderungszeit*. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag.
- Tihelka K. 1963. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov. *Památky Archeologické* 65/2, 467—498.
- Török L. 1988. *Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th—6th c.A.D.* Antaeus 16. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences.
- Vida T. 2008. Komposition und Stil der Jagddarstellungen der Budakalász Messingkanne. *Acta Archaeologica Academiae Scinetarum Hungaricae* 59, 373—390.
- Waldbaum J.C. 1983. *Metalwork from Sardis: the Finds through 1974*. Archaeologica Exploration of Sardis 8. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press.
- Welkow I. 1938. Ein Silberschatz des 3. Jahrhunderts aus Tchauchewo. *Germania* 22, 105—107.
- Werner J. 1956. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Wilson D.M. 1958. An Inlaid Iron Folding Stool in the British Museum. *Medieval Archaeology* 1, 39—56.

References

- Abramova, M. P. 1997. *Rannie alany Severnogo Kavkaza III—V vv. n. e. (Early Alans of Northern Caucasus in 3rd—5th centuries AD)*. Moscow: Institut arkheologii RAN (in Russian).
- Ammianus Marcellinus. 1906. In Latyshev V. V. *Izvestia drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze (Informations from ancient writers on Scythia and Caucasus)* II. Saint Petersburg, 323—345 (in Russian).
- Ammianus Marcellinus. 2000. *Rimskaia istoriia (Roman history)*. Saint Petersburg: Aleteia (in Russian).
- Apakidze, A. M., Nikolaishvili, V. V., Sikharulidze, A. N., Sadradze, V. G., Khetsuriani, L. G., Giunashvili, G. D., Iremashvili, Sh. A. 1984. In *Polevyie arkheologicheskie issledovaniia v 1981 godu (Field archaeological investigations in 1981)*. Tbilisi: Metsniereba, 45—50 (in Russian).
- Akhmedov, I. R., Kazanski, M. M. 2004. In *Kul'turnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e (Cultural transformations and mutual influences in the Dnieper region at the end of Roman era and in the Early Middle Age)*. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 168—202 (in Russian).
- Bagaev, M. Kh. 2008. *Kul'tura gornoi Chechni i Dagestana v drevnosti i srednevekov'e. VI v. do n. e. — XII v. n. e. (Culture of montate Chechnya and Dagestan in Antiquity and Middle Age. 6th century BC — 12th century AD)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Bazhan, I. A., Vaskul, I. O. 1988. In *Pamiatniki epokhi kamnia i metalla Severnogo Priural'ia. Materialy po arkheologii Severo-Vostoka (Stone and Metal Age sites from Northern ural region. Materials on the archaeology of Northeast)* 11, 76—89 (in Russian).
- Bazhan, I. A., Gaj, O. A. 2000. In *Problemy khronologii latena i rimskogo vremeni (Problems of chronology of La Tene and Roman periods)*. Saint Petersburg: Oium, 115—122 (in Russian).
- Betrozov, R. Zh. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii (Salvage archaeological investigations in Kabardino-Balkaria)* 3. Nalchik: Elbrus, 11—39 (in Russian).
- Vaitkunskene, L. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 100—109 (in Russian).
- Vaitkunskene, L. 1990. In *Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad (Issledovaniia v oblasti balto-slavianskoi dukhovnoi kul'tury. Pogrebal'nyi obriad)*. Moscow: Nauka, 201—206 (in Russian).
- Vasyutkin, S. M. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 180—197 (in Russian).
- Gabuev, T. A. 2005. *Alanskii vsadnik. Sokrovishcha kniazei I-XII vekov (The Alan rider. Treasures of the knights from I-XII centuries)*. Moscow: GMINV (in Russian).
- Gavritukhin, I. O. 2000. In *Die spätromische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 261—324 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O., Pyankov, A. V. 2003. In *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia, IV—XIII veka (Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages, 4th—13th centuries)*. Moscow: Nauka, 187—191 (in Russian).
- Gavritukhin, I. O., Pyankov, A. V. 2003. In *Krym, Severo-Vostochnoe Prichernomor'e i Zakavkaz'e v epokhu srednevekov'ia, IV—XIII veka (Crimea, North-Eastern Black Sea region and Transcaucasia in the Middle Ages, 4th—13th centuries)*. Moscow: Nauka, 186—195 (in Russian).
- Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I—V vv. na Srednei Kame (Tarasovsk necropolis from I-V centuries on Middle Kama)*. Izhevsk: Udmurtiia (in Russian).
- Goldina, R. D., Volkov, S. R. 2000. In *Ufimskii arkheologicheskii sbornik (Ufa archaeological bulletin)* 2, 98—122 (in Russian).
- Gushchina, I. I., Zasetskaya, I. P. 1994. «Zolotoe kladbishche» rimskoi epokhi v Priuban'e («Golden necropolis» from the Roman time in Kuban region). *Rossiiskaia arkheologicheskaiia biblioteka (Russian archaeological library)* 1. Saint Petersburg: Fam (in Russian).
- Dashevskaya, O. D. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 160—163 (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (4), 212—247 (in Russian).
- Ermolin, O. 2003. In *Drohobyt's'kyj kraeznavchyy zbirnyk (Drohobyt'sch regional ethnographical compilation)* 7, 8—42 (in Ukrainian).
- Zalesskaya, V. N. 2006. *Pamiatniki prikladnogo vizantijskogo iskusstva IV—VII vekov. Katalog kolekcii (Monuments of Byzantine ornamental art from 4th—7th centuries. Catalogue of the collection)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Zasetskaya I. P. 1982. In *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V—VII vekov (Migration Period Antiquities of 5th—7th cc.)*. Moscow: Nauka, 14—30 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 1993. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria)* 3, 23—105 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 1994. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuii epokhu (konets IV—V vv.) (The culture of the nomads from the steppes of Southern Russia in the Hun epoch (end of 4th — 5th century AD))*. Saint Petersburg: EL-

- lips (in Russian).
- Zasetskaya, I. P. 1998. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria) 6, 394—478 (in Russian).
- Zasetskaya, I. P., Kazanski, M. M., Akhmedov, I. R., Minasyan, R. S. 2007. *Morskoi Chulek. Pogrebeniia znati iz Priazov'ia i ikh mesto v istorii plemen Severnogo Prichernomor'ia v postgunnskuiu epokhu* (Morskoi Chulek. Burials of noblemen from the Azov region and their place in the history of the tribes of Northern Black Sea region in the post-Hun epoch). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Zeest, I. B. 1951. *Sindskaia ekspeditsiia 1951 goda. Dnevnik* (Sind expedition of 1951. Diary). Arkhiv Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences). R1—582a (in Russian).
- Kazanski, M. M. 1994. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria) 4, 238—256 (in Russian).
- Kazanski, M. M. 1997. In *Stratum + Peterburgskii arkheologicheskii vestnik* (Stratum + St.-Petersburg archaeological bulletin), 181—193 (in Russian).
- Kazanski M. M. 2010. In *Kraeugol'nyi kamen'*. Arkheologiya, istoriya, iskusstvo, kul'tura Rossii i sopredel'nykh stran (Cornerstone. Archaeology, history, art and culture of Russia and neighboring countries) I. Moscow: "Lomonosov", 307—320 (in Russian).
- Kazanski, M. M. 2011. In *Oium* 1, 22—33 (in Russian).
- Kazanski, M. M. 2014. In *Tractus Aevorum* (1), 28—51. URL: <http://belsu-tractus-aevorum.ru/images/stories/1/03.pdf> (in Russian).
- Kazanski, M. M., Mastikova, A. V. 2009. In *Divnogorskii sbornik* (Divnogorie compilation) 1, 225—251 (in Russian).
- Kazanski, M. M., Mastikova, A. V. 2009. In *Piatia Kubanskaia arkheologicheskaya konferentsiia* (5th Kuban archaeological conference). Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi universitet, 150—155 (in Russian).
- Korpusova, V. M. 1973. In *Arkheolohiya* (Archaeology) 8, 27—45 (in Ukrainian).
- Kropotkin, V. V. 1970. *Rimskie importnye izdeliia v Vostochnoi Evrope* (Rimskie importnye izdeliia v Vostochnoi Evrope). Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) D1—27. Moscow: Nauka (in Russian).
- Kubarev, G. V., Akhmedov, I. R., Zhuravlev, D. V. 2003. In *Bosporskie issledovaniia* (Bosporan studies) III, 204—221 (in Russian).
- Kulakov, V. Y. 1998. Holibo. In *Historychna-arkhealohichnyi zbornik* (Historico-archaeological compilation) 13, 98—119 (in Russian).
- Kulakov, V. I. 2003. *Istoriia Prussii do 1283 goda* (History of Prussia before 1283). Moscow: Indrik (in Russian).
- Kulcsár, V., Istvánovits, E. 2013. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (4), 117—122 (in Russian).
- Lekvinadze, V. A. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (4), 193—208 (in Russian).
- Lordkipanidze, O. D. 1985. In *Drevneishie gosudarstva Kavkaza i Srednei Azii* (The most ancient states of the Caucasus and Central Asia). Moscow: Nauka, 79—93 (in Russian).
- Lurie, E. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (4), 157—170 (in Russian).
- Lyubchansky, I. E., Tairov, A. D. 1999. In *Kurgan s «usami» Solonchanka I* ("Moustached" barrow Solonchanka I). Chelyabinsk: Cheliabinskii gosudarstvennyi universitet, 5—62 (in Russian).
- Malashev, V. Yu. 2000. In *Sarmaty i ikh sosedi na Donu* (Sarmatians and their neighbors on Don). Rostov-na-Donu: Terra, 194—232 (in Russian).
- Malyshev, A. A. (ed.). 2008. *Aspurgiane na iugo-vostoke Aziatskogo Bospora. Po materialam Tsemolinskogo nekropolia* (Aspurgiani in the Southeast of Asian Bosphorus. Basing on the materials of Tsemolinsk necropolis). Nekropoli Chernomor'ia (Black Sea Region necropolises) II. Moscow: Institut arkheologii RAN (in Russian).
- Malyshev, A. A. (ed.). 2011. *Naselenie predgorii Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuiu epokhu. Po materialam nekropolia v Shirokoi Balke* (Population of the foothills of North-Western Caucasus in Roman time. Basing on the materials from the necropolis in Shirokaia Balka). Moscow: Institut arkheologii RAN (in Russian).
- Maslennikov, A. A. 1990. *Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervykh vekakh n. e. (Population of the Bosphorus State in the first centuries AD)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Maslennikov, A. A. 1997. *Semeinye sklepy sel'skogo naseleniia pozdneantichnogo Bospora* (Family chambers of the rural population of Bosphorus in Late Antiquity). Moscow: Institut arkheologii RAN (in Russian).
- Mastikova, A. V. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 228, 46—57 (in Russian).
- Mastikova, A. V. 2014. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 232, 135—149 (in Russian).
- Makhno, E. V. 1960. In *Arkheolohichni pam'yatky URSR* (Archaeological sites of the Ukrainian SSR) 9, 14—38 (in Ukrainian).
- Matsulevich, L. A. 1934. *Pogrebenie varvarskogo kniazia v Vostochnoi Evrope. Novye nakhodki v verkhov'e reki Sudzhi* (Burial of a Barbarian duke from Eastern Europe. New finds from the Upper Sudzha region). Moscow; Leningrad: OGIZ (in Russian).
- Minaeva, T. M. 1971. *K istorii alan Verkhnego Prikuban'ia po arkheologicheskim dannym* (To the history of Alans from Upper Kuban region basing on archaeological data). Stavropol: Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian).
- Mikhailov, B. D. 1993. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* (Materials on the archaeology, history and ethnography of Tavria) 3, 109—111 (in Russian).
- Nemsadze, G. M. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 151, 108—114 (in Russian).
- Otchet Imperatorskoi Arkheologicheskii komissii za 1891 god (Report of the Imperial Archaeological Commission for 1891). 1891. Saint Petersburg (in Russian).
- Priscus of Panium. 1890. In *Latyshev V. V. Izvestiia drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze* (Informations from ancient writers on Scythia and Caucasus) I. Saint Petersburg, 787—818 (in Russian).
- Ramishvili, R. M. 1977. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR* (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR) 151, 114—122 (in Russian).
- Rostovtsev, M. I. 1925. *Skifia i Bospor* (Scythia and Bosphorus). Leningrad: Gublit (in Russian).
- Runich, A. P. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya* (Soviet Archaeology) (3), 256—266 (in Russian).
- Sazonov, A. A. 1992. In *Voprosy arkheologii Adygei* (Problems of archaeology of Adygea). Maykop: Adygeiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 244—274 (in Russian).
- Salikhov, B. M. 1985. In *Drevnie kul'tury Severo-Vostochnogo Kavkaza* (Ancient cultures of North-Eastern Caucasus). Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, 167—187 (in Russian).
- Skalon, K. M. 1966. In *Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha* (Reports of the State Hermitage Museum) 27, 55 (in Russian).
- Skalon, K. M. 1968. In *Antichnaia istoriia i kul'tura Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia* (Ancient history and culture of the Mediterranean and Northern Pontic regions). Leningrad: Nauka, 257—264 (in Russian).
- Taina Zolotoi maski (Mystery of the Golden Mask). 2009. Katalog vystavki (Exhibition catalogue). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Khazanov, A. M. 2008. *Ocherki voennogo dela sarmatov* (Essays on Sarmatian warfare). Saint Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SPbGU (in Russian).
- Khoshtaria, N. V. 1955. In *Materialy po arkheologii Gruzii i Kavkaza* (Materials on archaeology of Georgia and Caucasus) 1, 25—78 (in Russian).
- Khrapunov, I. N. 2004. *Etnicheskaia istoriia Kryma v rannem zheleznom veke* (Ethnic history of Crimea in Early Iron age). Bosporskie issledovaniia (Bosporan studies) 6 (in Russian).
- Sharov, O. V. 2012. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (4), 201—238 (in Russian).
- Škorpil, V. V. 1907. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii* (Reports of the Imperial Archaeological Commission) 25, 1—66 (in Russian).
- Škorpil, V. V. 1909. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi*

- komissii (Reports of the Imperial Archaeological Commission) 30, 1—50 (in Russian).
- Škorpil, V. V. 1913. In *Izvestiia Imperatorskoi arheologicheskoi komissii* (Reports of the Imperial Archaeological Commission) 47, 42—72 (in Russian).
- Shpilev, A. G. 2004. In *Kulturnye transformatsii i vzaimovliianiia v Dneprovskom regione na iskhode rimskogo vremeni i v rannem srednevekov'e* (Cultural transformations and mutual influences in the Dnieper region at the end of the Roman era and in Early Middle Age). Saint Petersburg: Peterburgskoe vostoковедение, 203—204 (in Russian).
- Stern, E. 1897. In *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostei* (Writings of the Odessa Society for History and Antiquities) 20, 1—15 (in Russian).
- Agulnikov, S. M., Simonenko, A. V. 1993. A Late Roman Briddle Set from Moldova. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, 91—97.
- Alföldi, A. 1932. *Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung*. Acta Archaeologica Musei Nationalis Hungarici IX. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Anke, B. 1998. *Studien zur Reiternomadischen Kultur des 4. bis 5. Jahrhunderts*. Weissbach: Beier & Beran. Archäologische Fachliteratur.
- Apakidze, A., Nikolaishvili, V. 1994. An Aristocratic Tomb of the Roman Period from Mtskheta, Georgia. *The Antiquaries Journal* 74, 16—54.
- Arrhenius, B. 1986. *Merovingian Garnet Jewellery*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Atabiev, B. 2002. La riche tombe de Zaragij dans le Caucase du Nord. *Dossiers d'archéologie* 270, 7—79.
- Baratte, F. 1991. Remarques à propos de deux objets en argent de l'antiquité tardive. *Römische Österreich* 17/18, 31—36.
- Beck, F., Kazanski, M., Vallet, F. 1988. La riche tombe de Kerch du Musée des Antiquités Nationales. *Antiquités Nationales* 20, 63—81.
- Bierbrauer, V. 1975. *Die ostgotischen Grab- und Schützfunde in Italien*. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto medioevo.
- Bierbrauer, V. 1989. Ostgermanische Oberschichtgräber der römischen Kaiserzeit und der frühen Mittelalters. In: *Peregrinatio Gothica*. Łódź: Katedra Archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 39—106.
- Böhme, H. W. 1974. *Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire*. München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung.
- Böhner, K. 1948. Das Langschwert der Frankenkönig Childerich. *Bonner Jahrbücher* 48, 218—248.
- Bott, H. 1982. Zur Datierung der Funde aus Hammersdorf (Ostpreussen). *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz* 23—24, 139—153.
- Boyer, R. et al. 1987. *Vie et mort à Marseille à la fin de l'Antiquité. Inhumations habillées des Ve et VIe siècles et sarcophage reliquaire trouvés à l'abbaye de Saint-Victor*. Marseille: Ville de Marseille/Atelier du patrimoine.
- Czamecka, K. 2003. Zum Totenritual der Bevölkerung der Przeworsk-Kultur. In: Kokowski A., Leiber Chr. (Bearb.). *Die Vandalen*. Nordstemmen: Trigena, 273—294.
- Chew, H. 1993. Une sépulture militaire de l'époque romaine tardive à Sarry (Mame). In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 313—321.
- Cieśliński, A. 2008. Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit an der Passarge/Pasłęka. In: Niezabitowska-Wiśniewska B. et al. (eds.). *The Turbulent Epoch. New materials from the Late Roman Period and the Migration Period I*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 113—131.
- Ciupercă, B., Măgureanu, A. 2008. Huns and Other Peoples — Archaeological Evidence in Present-day Romania. In: Anke B. (Hrsg.). *Hunnen zwischen Asien und Europa*. Weissbach: Beier & Beran, 119—130.
- Die Franken Végberer Europas*. 1996. Mainz: Philipp von Zabern.
- Dieudonné-Glad, N., Feugère, M., Ōnal, M. 2013. *Zeugma V. Les objets*. Paris: Maison de l'Orient et de la Méditerranée.
- Doxiadis, E. 1995. *The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt*. London: Thames & Hudson.
- Ermolin, A. 2012. Džurga-Oba — a cemetery of the Great Migration period in the Cimmerian Bosphorus. In: Ivanišević V., Kazanski M. (eds.). *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*. Paris; Beograd: ACHCByz, 339—348.
- Gabuev, T. 2000. Mobilier d'une tombe de cavalier. Brut, Ossetie du Nord, Russie. In: *L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve s. ap. J.-C.* Paris: Réunion des musées nationaux, 138—141.
- Gening, V. F. 1995. Völkerwanderungszeitliche Kriegergräber aus Turaevo im Uralvorland. *Eurasia Antiqua* 1, 265—325.
- Glad, D. 2009. *Origine et diffusion de l'équipement défensif corporel en Méditerranée orientale (IVe—VIIIe s.)*. BAR International Series — S1921. Oxford: John and Erica Ltd.
- Goldhelm, Schwert und Silberchätze. *Reichtümer aus 6000 Jahren rumänischer Vergangenheit*. 1994. Frankfurt-am-Main: Museum für Vor- und Frühgeschichte; Archäologisches Museum — Frankfurt a. M.
- Grabar, A. 1966. *L'âge d'or de Justinien*. Paris: Gallimard.
- Grancsay, S. V. 1963. A Sasanian Cheftain's Helmet. *Bulletin of Metropolitan Museum of Art*, 253—262.
- Grempler, W. 1888. *Der II. und III. Fund von Sackrau*. Berlin.
- Grünhagen, W. 1954. *Der Schatzfund von Grossbodungen* (Römisch-Germanische Forschungen 21). Berlin: Philipp von Zabern GmbH.
- Harhoiu, R. 1998. *Die frühe Völkerwanderungszeit in Rumänien*. Bukarest: Editura Enciclopedică.
- Hayes, J. W. 1972. *Late Roman Pottery*. London: The British School at Rome.
- Jaskanis, J. 1966. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the First Millenium of Our Era. *Acta Baltico-Slavica* 4, 29—66.
- James, S. 1986. Evidence from Dura Europos for the origins of the Late Roman helmets. *Syria* 63, 107—134.
- James, S. 2004. *The Excavations at Dura-Europos conducted by Yale University and the French Academy of Inscriptions and Lettres 1928 to 1937. Final Report VII. The Arms and Armor and other Military Equipment*. London: British Museum Press.
- Kazanski, M. 1990. Les influences danubiennes en Gaule à la fin du IVe et au Ve s. In: Marin J.-Y. (dir.). *Attila. Les influences danubiennes dans l'Ouest de l'Europe au Ve siècle*. Caen: Publications du Musée de Normandie. Caen, 45—53.
- Kazanski, M. 1993. Les armes de wādi Dura'. In: Breton J.-F., 'Abd al-Qādir Bāfaqlh M. *Trésors du Wādi Dura' (République de Yémen)*. Fouille franco-yéménite de la nécropole de Hajar-am-Dhaybiyya. Institut français d'archéologie du Proche-Orient. Bibliothèque archéologique et historique CXLII. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 10—51.
- Kazanski, M. 1996. Les tombes «princières» de l'horizon Untersiebenbrunn, le problème de l'identification ethnique. L'identité des populations archéologiques. In: *Actes des XVIe rencontres internationales d'archéologie et d'histoire d'Antibes*. Sophia Antipolis: Editions APDCA, 109—126.
- Kazanski, M. 1999. Les tombes des chefs militaires de l'époque hunnique. In: Fischer T., Precht G., Tejral J. (Hrsg.). *Germanen beiderseits des Spätantiken Limes*. Köln; Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 293—316.
- Kazanski, M. 2002. *La nécropole gallo-romaine et mérovingienne de Breny (Aisne)*. Europe médiévale 4. Montagnac: Éditions Monique Mergoil.
- Kazanski, M. 2012. Radagaïs et la fin de la civilisation de Černjahov. In: Ivanišević V., Kazanski M. (dir.). *The Pontic-Danubian Realm in the Period of the Great Migration*. Monographies 36. Paris; Belgrade: ACHCByz, 381—403.
- Kazanski, M., Akhmedov, I. 2007. La tombe de Mundolsheim (Bas-Rhin): un chef militaire nomade au service de Rome. In: Tejral J. (Hrsg.). *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit*. Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 173—197.
- Kazanski, M., Mastykova, A. 2007. *Tsibilium*. Vol. 2. *La nécropole apside de Tsibilium (Caucase, Abkhazie)*. Étude du site. BAR International Series S1721. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.
- Kazanski, M., Mastykova, A. 2010. Les tombes de chevaux chez les fédérés de l'Empire d'Orient sur la côte est de la mer Noire (IIe—VIe s.). In: Urbaniak A., Prochowicz R. (red.). *Terra Barbarica*. Monumenta Archaeologica Barbarica Series Gemina II. Łódź; Warszawa, 57—71.
- Kazanski, M., Périn, P. 2005. La tombe de Childéric: un tumulus oriental? *Travaux et Mémoires* 15, 287—298.
- Kiss, A. 1996. *Das awarenzeitlich gepidische Gräberfeld von Kölked-Feketekapu A*. Innsbruck: Wagner.
- Kiss, A. 2001. *Das awarenzeitliche Gräberfeld in Kölked-Feketekapu B*. Monumenta avarorum Archaeologica 6. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum; Magyar Tudományos Akadémia Régészeti.
- La Baume, W. 1934. *Urgeschichte der Ostgermanen*. Danzig.

- Leriche, P. 1993. Techniques de guerre sassanides et romaines à Doura-Europos. In: Vallet F., Kazanski M. (dir.). *L'armée romaine et les barbares du IIIe au VIIe siècle*. Saint-Germain-en-Laye: AFAM, 83—100.
- L'Or des princes barbares. *Du Caucase à la Gaule, Ve siècle après J.-C.* 2000. Paris: Réunion des musées nationaux.
- Loscová, Z. 2012. An early 5th-century skeleton grave from with gold neck-ring from Charvátý (Moravia). In: Ivanišević V., Kazanski M. (dir.). *The Pontic-Danubien Realm in the Period of the Great Migration*. Monographies 36. Paris; Belgrade: ACHCByz, 189—206.
- Mastykova, A., Kazanski, M. 2006. À propos des Alains en Occident à l'époque des Grandes Migrations: le costume à appliques en or. In: López Quiroga J., Martínez Tejera A. M., Morín de Pablos J. (eds.). *Gallia e Hispania en el contexto de la presencia 'germánica'* (ss. V—VII). *Balance y Perspectivas*. BAR International Series 1534. Oxford: John and Erica Hedges Ltd., 291—305.
- Matzulevich, L. A. 1929. *Byzantinische Antike*. Berlin; Leipzig: de Gruyter.
- Migne, J.-P. 1859. *Patrologiae, cursus completus, Patres Ecclesiae, series Graeca*. Vol. LXVI. Paris: Migne.
- Mitrea, B., Preda, C. 1966. *Necropole din secolul al IV-lea e.n. în Muntenia*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România.
- Mráv, Z. 2013. Eisener Klappstühle aus Kaiserzeitlichen Bestattungen der einheimischen Elite in Pannonien. Zu den Beigaben der Bade- und Reinigungsgarnitur pannonischer Wangengräber. *Archaeologiai Értesítő* 138, 105—144.
- Müller-Wille, M. 1997. Les tombes royales et aristocratiques à tumuli. *Antiquités Nationales* 29, 245—257.
- Mundell Mango, M. 1990. Der Seuso-Schatzfund. Ein Ensemble westlichen und östlichen Kunstschaffens. *Antike Welt* 21—2, 70—88.
- Overlaet, B. J. 1982. Contribution to Sasanian armament in connection with a decorated helmet. *Iranica Antiqua* 7, 189—206.
- Overlaet, B. 1995. A chieftain's folding stool and the Cheragh Ali Tepe problem. *Iranica Antiqua* 30, 93—122.
- Parker, S. T. 1994. A late Roman soldiers's grave by the Dead Sea. *Annual of the Department of antiquities of Jordan* 38, 385—394.
- Pfaffenbichler, M. 2007. Spangenhelme. In: *Attila und die Hunnen*. Speyer: Historisches Museum der Pfalz Speyer — Theiss, 245—251.
- Podobed, V. A., Simonenko, A. V. 1998. A late Sarmatian Burial in the Central Donetsk Basin. *Communicationes Archaeologicae Hungaricae*, 99—108.
- Post, P. 1951—1953. Der kupferne Spangenhelm. *Bericht der Römisch-Germanischen Kommission* 34, 115—150.
- Prohászka, P. 2006. *Das vandalische Königsgrab von Osztrópataka (Ostrovany, Sk)*. Monumenta Germanorum Archaeologica Hungaricae 3. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum.
- Pusztai, R. 1966. A lébenyi germán fejedelmi sír. *Arrabona* 8, 99—118.
- Quast, D. 1993. *Die merowingerzeitlichen Grabfunde aus Gültlingen*. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag.
- Quast, D. 2009. „Wanderer zwischen den Welten”. *Die germanischen Prunkgräber von Stráze und Zakrzów*. Mainz: Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums.
- Ramqvist, P. H. 1992. *Högom. The excavations 1949—1984*. Archaeology and Environnement 13. Neumünster: University of Umeå, Department of Archaeology — University of Kiel, Department of Pre- and Protohistory.
- Reinach, S. 1892. *Antiquités du Bosphore Cimmérien*. Paris.
- Rupp, C. 2005. *Das langobardische Gräberfeld von Nocera Umbra*. Giorgio S. Lorenzo: All'Insegna del giglio.
- Šarov, O. 2003. Die Gräber des sarmatischen Hochadels von Bospor. In: von Carnap-Bornheim C. (Hrsg.). *Kontakt — Kooperation — Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus*. Neumünster: Wachholtz Verlag, 35—64.
- Schmidt, B. 1982. Die münzdatierten Grabfunde der Spätromischen Kaiserzeit im Mittelbe-Saale-Gebiet. *Inventaria Archaeologica. Deutsche Demokratische Republik*. Heft 1. Berlin.
- Schulz, W. 1953. *Leuna. Ein germanischer Bestattungsplatz der Spätromischen Kaiserzeit*. Berlin: Akademie-Verlag.
- Seyrig, H. 1952. Antiquités syriennes. Antiquités de la nécropole d'Emese. *Syria* 29, 204—250.
- Shchukin, M., Kazanski, M., Sharov, O. 2006. *Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations*. BAR International Series 1535. Oxford: John and Erica Hedges Ltd.
- Skalon, K. M. 1973. Der Helm von Concești, Rumänien. In: Klumbach H. (Hrsg.). *Spätromische Gardenhelme*. München: C. H. Beck'sche Verlagbuchhandlung, 91—94.
- Stephani, L. 1875. Erklärung einiger im Jahre 1874 im südliche Russland gefundener Kunstwerke. *Отчет Императорской Археологической комиссии* 1875, 5—91.
- Tejral, J. 1987. Zur Chronologie und Deutung der südöstlichen Kulturelemente in der frühen Völkerwanderungszeit Mitteleuropas. *Anzeiger des Germanischen Nationalmuseums*, 11—46.
- Tejral, J. 1988. Zur Chronologie der frühen Völkerwanderungszeit im mittleren Donauraum. *Archaeologia Austriaca* 72, 223—304.
- Tejral, J. 1992. Einige Bemerkungen zur Chronologie der späten römischen Kaiserzeit in Mitteleuropa. In: Godlowski K., Madyda-Letutko R. (Hrsg.). *Probleme der relativen und absoluten Chronologie ab Latènezeit bis zum Frühmittelalter*. Kraków: Uniwersytet Jagielloński; Instytut Archeologii, 227—248.
- Tejral, J. 1997. Les fédérés de l'Empire et la formation des royaumes barbares dans la région du Danube moyen à la lumière des données archéologiques. *Antiquités Nationales* 29, 137—166.
- Tejral, J. 1999. Die spätantiken militärischen Eliten beiderseits der norisch-pannonischen Grenze aus der Sicht der Grabfunde. In: Fischer T., Precht G., Tejral J. (Hrsg.). *Germanen beiderseits des Spätantiken Limes*. Köln; Brno: Archeologický ústav AV ČR Brno, 217—292.
- Tejral, J. 2011. *Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung*. Brno: Archäologische Institut AV ČR Brno.
- Tesori della steppa di Astrakhan*. 2005. Milano: Electa.
- Thiry, G. 1939. *Die Vogelfibeln der Germanischen Völkerwanderungszeit*. Bonn: Ludwig Röhrscheid Verlag.
- Tihelka, K. 1963. Knížecí hrob z období stěhování národů u Blučiny, okr. Brno-Venkov. *Památky Archeologické* 65/2, 467—498.
- Török, L. 1988. *Late antique Nubia. History and archaeology of the southern neighbour of Egypt in the 4th—6th c. A.D.* Antaeus 16. Budapest: Archaeological Institute of the Hungarian Academy of Sciences.
- Vida, T. 2008. Komposition und Stil der Jagddarstellungen der Budakalász Messingkanne. *Acta Archaeologica Academiae Scinetarum Hungaricae* 59, 373—390.
- Waldbaum, J. C. 1983. *Metalwork from Sardis: the Finds through 1974*. Archaeologica Exploration of Sardis 8. Cambridge (Massachusetts); London: Harvard University Press.
- Welkow, I. 1938. Ein Silberschatz des 3. Jahrhunderts aus Tchauchewo. *Germania* 22, 105—107.
- Werner, J. 1956. *Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches*. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften.
- Wilson, D. M. 1958. An Inlaid Iron Folding Stool in the British Museum. *Medieval Archaeology* 1, 39—56.

Статья поступила в номер 4 марта 2014 г.

Michel Kazanski (Paris, France). Doctor Habilitat. National Center for Scientific Research ¹.

Michel Kazanski (Paris, Franța). Doctor habilitat. Centrul național de cercetări științifice.

Казанский Михаил Михайлович (Париж, Франция). Доктор хабилитат. Национальный научно-исследовательский центр (CNRS).

E-mail: michel.kazanski53@gmail.com

Address: ¹ Rue du Cardinal Lemoine, 52, Paris, 75005, France

Презентации

Presentations

Prezentări

Л. А. Мосионжник

Rausch S. 2013. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Eurasien-Abteilung des Deutschen Archäologisches Institut: Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH. — VIII, 444 S. ISBN 978-3-8053-4658-0

В 2013 г. Евразийское отделение Германского археологического института (DAI) выпустило в издательстве «Philipp von Zabern» монографию Свена Рауша «Bilder des Nordens» — «Картины Севера», или, точнее, «Образы Севера». Написанная на основе докторской диссертации, она составила 28-й том серии «Археология в Евразии». Как замечает в предисловии сам автор (Rausch 2013: VIII), несколько необычно, что филологическая работа выходит в археологической серии, но это объясняется её междисциплинарным характером, а также длительным сотрудничеством автора с археологами в многолетних исследованиях, в том числе и на землях древней Скифии.

Нельзя сказать, чтобы северные страны были для эллинов изначально «землёй неведомой». По крайней мере, для Причерноморья есть археологические свидетельства торговли с эгейским миром ещё в бронзовом веке. Тем более странны фантастические представления греков об отдалённых северных странах. Как издатель (Свенд Ханзен) в предисловии, так и сам автор во введении (Rausch 2013: VII, 1—5) упоминают о том, какие это породило спекуляции в националистической науке XIX—XX веков. Эти спекуляции достигли пика в эпоху нацизма, а сейчас, увы, возрождаются в Восточной Европе. Мне уже доводилось затрагивать этот вопрос (см.: Мосионжник 2012: 41, 81—86, 217—218 и др.). Здесь же заметим лишь, что гиперборейский миф эксплуатировал и А. Розенберг — «официальный философ» Третьего рейха, и Г. Вирт — создатель института «Наследия предков» (Ahnenerbe) под патронатом СС, а в наши дни — В.Н. Дёмин, идеи которого довольно

известны широкой публике, хотя и не котируются в научных кругах, и философ А. Г. Дугин. Аргументы о том, что греки верили в существование «нордического» народа высокой культуры, сводятся лишь к нескольким утверждениям: миф о гипербореях, их физическое и моральное совершенство (вегетарианцы, мирны, не знают болезней, живут до тысячи лет); образ Аполлона Гиперборейского, прилетающего в этот блаженный край на лебедях; священные посольства из этих загадочных краёв в Дельфы. Плюс, конечно, нередкие в греческой литературе упоминания севера и северного ветра с положительной коннотацией. Да ещё облик германцев в описании римских авторов: «высокие, стройные, белокурые...» — и, конечно же, воинственные.

Нельзя сказать, чтобы такие построения встречались только у мистиков и лжеучёных. Так, петербургский археолог Д. А. Мачинский (1997: 85—87, там же ссылки на его более ранние труды) старался доказать, что гипербореев следует искать в Минусинской котловине, а Рипейские горы — это Алтай. Собственно, такое допущение никаким фактам не противоречит. Но сомнительно утверждение уважаемого археолога: «Другая локализация гипербореев, восходящая к сведениям VIII—VI вв. до н.э. (и ранее), неразрывно соотносит их с Рипеями...» (Мачинский (1997: 85) — следует ссылка на Аристеев из Проконнеса, Геродота и более поздних авторов.

Слабое место всех этих рассуждений (как относящихся к серьёзной науке, так и не имеющих к ней касательства) заключается в том, что представления эллинов о Севере принимаются за неизменные в течение всей античности. «Древние греки верили...» —

понимается как: верили все греки, от Гомера до средних веков. Недоставало глубокого анализа этих представлений, их изменчивости во времени, причин появления и исчезновения тех или иных мотивов.

Эту задачу и взял на себя Свен Рауш. Почти половину объёмистого тома (Rausch 2013: 247—428) составляет выборка всех дошедших до нас отрывков из греческой литературы, в которых упоминается север или его синонимы (Борей, сторона Большой Медведицы и пр.). При этом, однако, с самого начала автор подчёркивает, что ключ к греческой картине Севера — не географические познания греков, а их представления о пространстве и об оппозиции «мы — другие». Таким образом, позиция исследователя — не столько историческая, сколько культурологическая.

Уже Эрнст Кассирер показал (на психологическом и антропологическом материале), что человек не представляет себе пространство по Евклиду, но лишь как расчленённое и иерархизированное. Его наблюдения развил Жан Пиаже, идеи которого особенно прижились в грецистике. На этой основе можно обосновать, что греки представляли себе Север в виде концентрических зон от центра к периферии (Rausch 2013: 14—15). И в этих представлениях умопостигаемая Скифия, которую греки себе представляли, и реальная Скифия (в том числе известная нам по данным археологии) могли не иметь между собой ничего общего, кроме названия (Rausch 2013: 14). Приходится подозревать, что во многих скифских сюжетах греческой литературы найдётся немало «развесистой клюквы».

Так, у Лукиана есть рассказ «Токсарид, или Дружба». Два собеседника — грек и скиф — рассказывают истории о прочности дружбы у своих народов. Иногда этот рассказ принимают за источник по истории Скифии — и совершенно зря. Так, в этом рассказе одна семья откочёвывает от своего племени — и при этом ей не грозит неминуемая гибель: «В данном случае Лукиан был заинтересован вовсе не в том, чтобы хоть сколько-нибудь точно охарактеризовать реальные семейные отношения в скифской среде, а хотел представить Абавах в кругу семьи, самой обычной (по составу) для бедных италийцев или греков из числа городских жителей своего времени. Мало того, что с такой семьёй скиф, пребывающий в нормальных для него условиях, был бы лишён возможности прокормиться, он был бы совершенно незащищён в случае посягательств с чьей бы то ни было стороны» (Ельницкий 1977: 203, сн. 79). В этой «Скифии» водятся

львы (Токсарид, 43), на Боспоре правит царь Левканор и его преемник и брат Эвбиот (44, 50, 54), не известные ни по каким другим источникам; скифы господствуют над синдами, реально подчинявшимися Боспору (55), и живут в одно время с аланами (51)... В них ли дело? Но ведь Вольтер написал философскую повесть о Задиге, принце Вавилонском, вообще не веря в реальное существование Вавилона. Точно так же и Лукиан («Вольтер классической древности» — Энгельс 1962: 469), разделяя в какой-то мере идеалы киников, описывал киническую утопию, где варвары дают образцы добродетели, а дружба превыше всего. Реальной же Скифии, в его время уже не существовавшей в прежнем виде, Лукиан не знал и знать не хотел.

Более того, как считает С. Рауш, говорить об эпохе, когда мифопоэтический (иррациональный в широком смысле) взгляд на мир у эллинов сменяется рациональным, вообще нет смысла: эти взгляды сосуществуют в любую эпоху, включая нашу. Так, у Гомера скифы не упоминаются, и это считается доказательством того, что гомеровская картина мира — ещё мифологическая (Rausch 2013: 17). Однако автор допускает возможность того, что поэт, известный нам как Гомер, мог жить где-то в пределах первой половины VII в. до н. э. (Rausch 2013: 18), когда греки уже явно обладали реальными знаниями о Чёрном море (мы не будем вдаваться в вопрос о достоверности этой датировки, поскольку наша задача сейчас не в этом). На самом же деле мифологическая (воображаемая) и научная картина мира не отменяют друг друга, а сосуществуют. По едкому замечанию автора: «Если бы волею случая в отдалённом будущем из всей литературы XX века сохранился только “Властелин Колец”, из этого произведения и из описания Средиземья вряд ли можно было бы многое узнать о пространственных представлениях XX века» (Rausch 2013: 19, сноска 97). Знаменитый рисунок, изображающий картину мира современного жителя Нью-Йорка (Rausch 2013: 18), как нельзя лучше показывает, что представления греков о структурированном, иерархическом пространстве не наименее нынешних.

Вместо этого автор ссылается на идею Ю. М. Лотмана о хронотопе, а также на идеи Мишеля де Серто (de Certeau, работа 1980 г.), различающего точки зрения *flâneur* и *voyeur* (условно переведём как «гуляки» и «созерцателя»). Фланёр («гуляка») непосредственно перемещается в пространстве и представляет его себе как пройденный или предстоящий

путь, относится к нему буднично-практически и феноменологически, опираясь на собственный телесный опыт. Созерцатель же обозревает пространство как бы с высокой башни, видя его целиком, но непосредственно в нём не действуя. Его восприятие — абстрактное, геометрическое, более детальное, но пассивное. Древние греки в этом отношении были «фланёрами», поэтому их непосредственное ощущение пространства было не таким, как у современного географа. Их периплы — это картины мира с точки зрения «гуляки», очень практичные и почти физически ощутимые. Позиция же «созерцателя» уже у Гомера представлена богами, обозревающими весь мир с Олимпа. Поэтому изобретение карты Анаксимандром и Гекатеем означало новый взгляд на мир, но способ мировосприятия, лежащий в основе их карт, не приходится считать новым (Rausch 2013: 20).

Откуда, например, взялись на этих картах Рипейские горы? Представление о том, что грекам было что-то известно об Урале, довольно позднее: само это отождествление вошло в массовое сознание лишь в XVIII веке (например, у Г. Р. Державина в «Памятнике»: «где Волга, Дон, Нева, с Рифея льёт Урал»). Со своей стороны, Р. Рамсей (1982: 186), считает, что «Рифейские горы — это пример географического мифа, родившегося из литературного каприза»: они появляются в одной из поздних — IV в. н. э. — версий «Аргонавтики» исключительно для украшения сюжета. Д. А. Мачинский же, как мы видели, относит их появление к самому началу архаики. Автор же с подобными мнениями не соглашается (Rausch 2013: 22—25): «Однако текстовые источники об этом появляются в основном начиная с императорского времени» (Rausch 2013: 22). До V в. до н. э. упоминания о Рипейских горах крайне скудны и неопределённые, да и в дальнейшем греки не слишком интересовались краями, столь далёкими от района своей активной деятельности. У Гомера и Гесиода взгляд Зевса, обращённый к северу, не упирается в горы (Rausch 2013: 22). По данным С. Рауша, лишь около 400 г. до н. э. Гелланик Лесбосский (от которого не сохранилось ни одного фрагмента: сведения о нём имеются у нас из рук Климента Александрийского) поместил на северном краю мира Рипейские горы и связал их с гиперборейями. У Эсхила в «Освобождённом Прометее», правда, гипербореи и Рипейские горы тоже связаны между собой, но, по мнению автора, подлинность этого текста сомнительна: Аполлоний (по утверждению схолиа-

ста, ссылающийся в этом вопросе на Эсхила) о гиперборейях не упоминает (Rausch 2013: 24). Со своей стороны, Геродот говорит о гиперборейях, но не о Рипейских горах. Аристотель упоминает неких «прежних метеорологов» (Rausch 2013: 23), полагавших, что солнце проходит свой путь не в вертикальной плоскости (точка восхода — зенит — точка захода), а в почти горизонтальной. В таком случае ночью оно должно находиться на севере, а не видно его потому, что его заслоняют какие-то огромные горы. Но непонятно, каких «метеорологов» имеет в виду Аристотель: в сохранившихся текстах такого утверждения нет, как нет и связи между ночью и севером вообще (Rausch 2013: 23).

Как объясняет эту ситуацию сам автор, Рипейские горы не были значимой частью раннегреческой картины мира. В «Илиаде» есть выражение: «ὕπὸ ῥίπης αἰθρηγενέος Βορέαο»¹ (Hom. II. XV, 171). Это позволяло счесть «ῥίπη» эпитетом Борея. Так как собственное значение этого слова — бросание, удар, порыв, натиск, дуновение ветра и пр. (Вейсман 1991: 1115), то «Рипейские» горы можно перевести как Шквалистые или Буранные горы. При этом греки полагали, что ветер, приносящий в их страну холод, рождается в ущельях Фракийских гор — впрочем, «фракийским» этот ветер называли и на Сицилии (Rausch 2013: 25, со ссылкой на «Киклопа» Эсхила). А поскольку Скифия ещё холоднее, чем Фракия, но лежит за нею, так что «фракийский» Борей в её сторону дуть не может, оставалось допустить одно: за Скифией лежат горы ещё выше и суровее, чем Фракийские, и с них-то и дует ветер, выхолаживающий Скифию (Rausch 2013: 25). Их-то условно и называли Рипеем — «горами буранов». А уж дальше можно было предположить, что между этим хребтом и берегом Океана лежит ветровая тень, климат которой может быть и тёплым (раз уж холод связан с горами, а не с широтой), и там-то и найдётся место для блаженных, «живущих за северным ветром» (ὑπὲρ-βόρειοι). Напомним, что вплоть до XVIII века географы допускали возможность умеренного климата у самого полюса. Что же касается поисков «Открытого полярного моря» на севере (свободного ото льда и пригодного для мореплавания), то лишь

¹ Приблизительно можно перевести: «от порыва рождённого эфиром Борея». Однако вряд ли случайно, что и Н. И. Гнедич, и В. В. Вересаев в своих переводах «Илиады» предпочли передать это место не буквально.

Ф. Нансен в 1893—1896 гг. по итогам дрейфа на «Фраме» смог доказать, что такого моря не существует (Рамсей 1982: 139).

Что касается диахронии, то в книге чётко выделяются три периода: а) с древнейших времён до рубежа V—IV вв. до н. э. (глава II); б) IV век до н. э. (глава III); в) эпоха эллинизма (глава IV). В первый период господствует «традиционное» представление о севере, во второй — оно постепенно сменяется «новым» представлением. Решающим шагом в этой смене были три события: походы Александра Македонского; плавание Пифея, датируемое примерно концом IV в. (Rausch 2013: 7, сн.63); и (главное) вторжение кельтов на Балканы. Причём в первый период Север состоит из нескольких регионов, в третий — начинает восприниматься как нечто единое. Что касается поздней античности (эпохи Римской империи), она оставлена за рамками исследования, так как пришлось бы учесть слишком много дополнительных факторов.

Раннему представлению о Севере посвящена глава II. Автор чётко показывает на огромном фактическом материале, что никаких представлений, которые можно хоть как-нибудь принять за нордизм, у греков в то время не было. Больше того, север они понимали как сторону, откуда дует Борей (πρὸς Βορέας), а сам Борей определялся не по стороне, а по свойствам: холодный, порывистый, со снегом и градом (летом — с дождём). Если ветер обладал этими свойствами — он назывался Бореем, откуда бы на самом деле ни дул. Так, в «Илиаде» (IX,5) упоминаются «Шумный Борей и Зефир, кои, из Фракии дуют...» — то есть два ветра дуют в одном и том же направлении. Лишь с V в. до н. э. входят в употребление более конкретные обозначения севера как πρὸς ἄρκτον (направление на Большую Медведицу), а юга — как μεσημβρία (μέσος + ἡμέρα, полуденная сторона) (Rausch 2013: 9).

Кроме того, для «традиционного» представления Север не только размыт, но и не един. Он чётко делится на три зоны с неодинаковыми характеристиками: «ближний север» (Фракия), «дальний Север» (Скифия) и «мифический Север», населённый лестригонами, таврами и гиперборейцами (которые получают разные характеристики). При этом ощущение от Фракии, отложившееся в художественной литературе, и реальное знание о ней — не одно и то же (Rausch 2013: 26—31). Так, в пеане фракийской колонии Абдере Пиндар говорит о Фракии как об «обильной лозами и плодородной», Алкей прославляет Гебр (Марицу) как лучшую из рек, Гесиод зна-

ет качества фракийского вина (Rausch 2013: 27). Но всё это написано по особым поводам. Обычно же Фракию представляли как вечно холодные горы, на одной из которых — Пангее (близ нынешнего города Кавала) — живёт сам Борей (Rausch 2013: 26, со ссылкой на 4-ю пифийскую оду Пиндара)². Постоянные коннотации к понятию «Фракия» — холод, снег, бедствия. Самых же фракийцев греки в то время воспринимали как воинственных, жестоких, но недисциплинированных (вспомним «одомантов рать» в «Ахарнях» Аристофана), дикарей, готовых стрелять в небо, чтобы сопротивляться грозе. Им приписывалась безграмотность, хотя известно, что уже в VI в. до н. э. фракийцы пользовались греческим письмом (Rausch 2013: 29, сн. 214). При этом они трудолюбивы и гиперсексуальны: часто упоминается их многожёнство (в отношении гетов см.: Левинский 2010: 22—23, с указанием, что археологическим материалом это представление не подтверждается). Эти клише использовались в политических и судебных речах — например, в речи Демосфена против Пасиона, фракийца, ставшего трапезитом (банкиром) в Афинах (Rausch 2013: 28). Но как соотносились эти гетеростереотипы с реальным характером фракийцев — вопрос спорный (Rausch 2013: 26—31).

Что касается Скифии, то самое подробное её описание для этого периода мы находим, конечно, в IV книге Геродота. Сам Геродот бывал на скифском берегу (в Ольвии), тем не менее, он рисует картину края, где восемь месяцев в году стоит зима, так что замерзает даже Боспор (Керченский пролив), а в остальные четыре месяца идут дожди (Herod. Hist. IV, 28). Это чересчур не только для Крыма (Rausch 2013: 38—39), но даже для Южного Урала, где хотя бы июль обычно жаркий (личное наблюдение). К тому же этот экстремальный климат никак не упоминается в описании войны скифов с персами: нигде не сказано, чтобы войско Дария страдало от холода во время скифского похода. С другой стороны, в описании скифов собраны все шаблон-

² Иными словами, гипербореи («живущие за Бореем») — это любые народы к северу от этой горы. Ср. мнение Страбона: «Старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов. Однако ещё более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом, Истром и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами» (Strabo XI, VI, 2 — Страбон 1964: 480). Судя по этим словам, Страбон считал, что «гипербореи» — всего лишь устаревшее обозначение каких-то племён Центральной Европы к северу от Дуная.

ные черты дикарей: они скальпируют врагов, пьют из черепов неразбавленное вино, окуриваются дымом конопли и тому подобное.

В этом отношении весьма интересен небольшой трактат «О воздухе, водах и местностях» («Περὶ ἀέρων ὑδάτων τόπων» = «De aere, aquis, locis», в немецком варианте — «Umweltschrift»), к которому С. Рауш обращается достаточно часто. Авторство этого труда неизвестно, обычно его приписывают Гиппократу и включают в собрания его трудов (Гиппократ 1936: 275—306); ясно лишь, что автор был врачом. В этом описании «скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы», тела их красно-жёлтые от холода, и как мужчины, так и женщины на одно лицо — из-за монотонного климата. По той же причине (удивляйтесь, поклонники скифов!) «они не могут вследствие влажности и слабосилия натянуть лук, ни бросить плечом дротик», если не лечатся прижиганиями³ (De aër.19 = Гиппократ 1936: 299). На целых трёх страницах Псевдо-Гиппократ рассуждает о «немужественности» скифов, об их крайне низкой плодovitости и о случаях евнухоидизма у них (Гиппократ 1936: 299—302). Его слова подтверждаются и Геродотом — в рассказе, как Афродита Урания покарала скифов за разграбление её храма в Аскалоне (Herod. Hist. I, 105). Эта «женская болезнь» (θήλεια νοῦσος) скифов породила целую медицинскую литературу. Нетрудно понять, как должны были воспринимать такие рассказы греки, сами в Скифии не бывавшие: для них полигамия фракийцев и бессилие скифов должны были казаться бинарной оппозицией, и С. Рауш на это не раз указывает. Однако вряд ли такое противопоставление объясняет происхождение самой информации. Комментарий Псевдо-Гиппократа, профессор В.И. Карпов, ссылаясь на Штарка («De νοσῶν θηλείᾳ, ἀπὸ Ἠπποκράτη προλυσίο», Iena, 1827), указывает, что путешественники XVIII — начала XIX вв. отмечали подобные же явления у ногайских татар, камчадалов и некоторых племён североамериканских индейцев. Поскольку далеко не все эти племена были всадниками, причина этого явления — не верховая езда сама по себе,

как полагал Псевдо-Гиппократ. По мнению В.И. Карпова, речь скорее может идти не о болезни, а об обычае (Гиппократ 1936: 306, примеч. 18): широко известен, например, шаманский трансвеститизм. Ясно лишь, что само явление не вымышлено ради противопоставления нравов фракийцев и скифов.

Однако С. Рауш исследует не реальность, стоявшую за греческими сведениями о других народах, а то кривое зеркало, в котором эта реальность отражалась. А свойства этого зеркала куда как любопытны. Так, вплоть до конца V в. до н.э. «столь же важным, как конструирование содержательной противоположности между фракийцами и скифами, было, однако, представление об устойчивой, практически непреодолимой границе между ними — Истре» (Rausch 2013: 56): каждый, кто её пересечёт, обречён на гибель, как Анахарсис. Поэтому греки не замечали не только реальных контактов между скифами и фракийцами: в литературе вплоть до V века нет никаких упоминаний даже о греческих колониях в Северном Причерноморье (Rausch 2013: 56). Одни греки уже всю осваивали скифские берега — другие же старались не замечать этого, по их мнению, невозможного и в любом случае «shocking» факта. У Геродота Дарий, пересекая Истр, губит своё войско, греки же благоразумно остаются на «своём» берегу.

В целом образы фракийцев и скифов составляют бинарную оппозицию с устойчивыми коннотациями (Rausch 2013: 56, 59, 214). Так, любовная ненасытность стойко ассоциируется с фракийцами, так что этот этноним постоянно используется, чтобы уколоть Алкивиада за его похождения. Но при этом северных варваров роднит общая черта: на поле битвы они куда не годятся. В войнах с персами греки побеждают в открытом бою лицом к лицу. Между тем даже «самые храбрые и честные среди фракийцев» — геты — покороны Дарием при первом же столкновении (Herod. IV, 93, перевод Г.А. Стратановского). А скифы хотя и побеждают персов, но сама их кочевая тактика (заставить противника искать себя по всей степи, а потом добивать его при отступлении) казалась тогдашним грекам трусостью (Rausch 2013: 57). Где в такой войне место для Ахилла или Гектора? К концу V в. до н.э. Фукидид дополняет эту картину: царь одрисов Ситалк собирает армию чудовищных размеров, но всё, что этой армии удаётся, — приграничный грабёж (Thuc. Hist. II, 98—101). Лишь где-то после 400 г. до н.э. скифы предстают в описании эллинов как действительно опасное племя.

³ Что это за прижигания, свидетельствующие о «влажности природы и слабости» (ὕλῃ ὑγρότητος καὶ ἀτονείας) скифов — вопрос неясный. В. Капелле видел в них следы ожогов, но У. Бэкхаус в работе, специально посвящённой греко-варварским отношениям по данным Псевдо-Гиппократа, считал их попросту татуировкой (Rausch 2013: 42, сн.406). Впрочем, мне кажется сомнительным, чтобы грек (а тем более врач) мог спутать татуировку со следами ожогов.

Что же касается «блаженных гиперборцев», то для греков этого периода они, похоже, были народом не просто мифическим, а именно сказочным. Капитан пиратского судна, захватившего в плен Диониса, в ответ на просьбу штурмана освободить бога и доставить его на родину, говорит, что для этого нужно плыть «в Египет, на Кипр, а то даже к гиперборцам или того дальше» — в смысле: на край света (Rausch 2013: 51). А.Д. Вейсман (1991: 1279) упоминает поговорку: Ὑπερβόρειος τύχη («гиперборейское счастье», то есть неземное блаженство). Хорошо известно, что Геродот свой рассказ о них кончает словами: «в существование гиперборцев я вообще не верю» (Herod. Hist. IV, 36). Позже с ним солидаризируется и Страбон, обнаруживший упоминания о гиперборцах лишь в малоавторитетных источниках: «Переходя затем в область чистой фантастики..., относительно тысячелетних гиперборейцев Мегасфен сообщает то же, что Симонид и Пиндар и другие рассказчики мифов» — то есть помещает рассказ о них рядом с повествованием об одноглазых людях и о людях с ушами до земли (Strabo XV, I, 7 — Страбон 1964: 661).

Самый же распространённый поэтический текст на эту тему — 10-я пифийская ода Пиндара, сочинённая для праздника в честь Аполлона. Поэтому в его оде, естественно, Аполлон упоминается. Но при автор (Rausch 2013: 52) обнаруживает в ней целый ряд мест, которые должны были казаться несуразными уже первым слушателям. Так, на пир к гиперборцам попадает почему-то Персей, которого мифы нигде не связывают с Севером (сам он — родоначальник персов, его жена Андромеда — царевна эфиопская). Причём попадает лишь потому, что сам он — мифический герой, смертным этот путь заказан (Rausch 2013: 52), о чём Пиндар говорит прямо: «Но ни вплавь, ни впешь / Никто не вымерил дивного пути / К сходу гиперборцев...» (перевод М.Л.Гаспарова). Путь Персея на этот пир описан так, что вся карта мира (и современная, и древнегреческая) словно бы выворачивается наизнанку. Для пира гиперборцы приносят в жертву сотню ослов, причём обстоятельства этой гекатомбы для грека немыслимы. Собрались ли они кормить бога ослиятиной? К тому же ни у одного известного нам народа осёл не был жертвенным животным. Кроме того, у греков считалось аксиомой, что на Севере ослы не живут — это животные теплолюбивые. И, наконец, гиперборцы обычно считаются вегетарианцами. По мнению С. Рауша (Rausch 2013: 52), все эти нелепости — сигналы, преднамеренно расстав-

ленные Пиндаром, о том, что весь этот рассказ не следует воспринимать буквально. Допустим, в знаменитой песне о Генрихе IV есть слова: «Que Dieu maintienne / En paix ses descendants / Jusqu'à ce qu'on prenne / La Lune avec les dents» («Пусть Бог хранит в мире его потомков до тех пор, пока кто-нибудь не достанет зубами до луны»). Значит ли это, что французы допускали в отдалённом будущем такую возможность? Образно говоря: кто сумеет нанести на карту молочную реку с кисельными берегами и разыскать славный город Шильду, кто установит точные даты правления царя Гороха и найдёт ту бабушку, у которой жил-был серенький козлик, — тот пусть и занимается поисками реальных гиперборцев.

Все эти представления начинают меняться лишь после Пелопоннесской войны, когда вера греков в своё превосходство была поколеблена, а центр греческого мира начал смещаться на север — в Фессалию, а затем и в Македонию. Помимо всего, в это время исчезает деление Севера на «ближнюю» и «дальнюю» зоны, что повышает роль оставшихся частей картины мира. Причём какое-то время оба представления сосуществовали (глава III). Так, ещё в IV в. до н. э. Эсхин постоянно подчёркивал, что его политический противник Демосфен — не настоящий афинский гражданин (его дед по матери женился на Боспоре), а потому и не заслуживает доверия «настоящих» граждан (Rausch 2013: 117). Для этой цели было очень удобно клише «скифа», но употреблять его слишком часто не приходилось: его лживость была бы слишком очевидна. Оставалось прибегать к коннотациям — но не из «нового» образа скифов (храбрые, воинственные — это было бы похвалой), а из традиционного: немужественный (ἄνανδρος), женоподобный (ἀνδρόγυνος), мягкотелый (μαλακός), «импотентнее всех людей» (ἐννουχαιδέτατοι ἀνθρώπων) и прочее (Rausch 2013: 118). И всё это затем, чтобы, не утверждая ничего прямо, заставить слушателей самих воскликнуть: «Да это скиф! Как же смеет он выступать в Афинах против афинского гражданина?» Демосфена эти нападки очень злили, и он попытался обратить их против своего противника, обвинив того в другом «скифском» пороке — пьянстве, но успеха не добился (Rausch 2013: 118—119).

С другой стороны, сам Демосфен не мог пользоваться стереотипами северян против своего главного врага — Филиппа Македонского. Ведь «чужаки с юга, запада и как раз севера изначально рассматривались не как “Другие”, а скорее как “неведомые”, и инте-

рес к ним скорее можно оценить как “любопытство” без более глубоких переживаний» (Rausch 2013: 121). Подлинно «Другими» для греков были народы востока, особенно персы. И Демосфену не оставалось ничего иного, как переносить на Филиппа шаблоны, связанные с персидскими царями.

Окончательно же переход к известным нам взглядам на северян происходит после нашествия кельтов в начале III в. до н.э. В этот пе-

риод, как показано в главе IV, различие между «ближними» и «дальними» регионами утрачивает значение. На его место выдвигаются различия между сторонами света, а также универсальная противоположность «греки — варвары». Впрочем, не будем подробно пересказывать отличную книгу. Нам остаётся лишь отметить её чрезвычайно высокий научный уровень и рекомендовать вниманию читателей.

Литература

- Вейсман А. Д. 1991. *Греческо-русский словарь*. Репринт 5-го издания 1899 г. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина.
- Гиппократ. 1936. *Избранные книги*. Пер. с греч. В. И. Руднева. Ред., вст. ст. и примеч. В. И. Карпова. Москва: Гос. изд-во биологической и медицинской литературы.
- Ельницкий Л. А. 1977. *Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк*. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение.
- Левинский А. Н. 2010. История гетов в лесостепи Юго-Восточной Европы (конец VI — вторая половина IV вв. до н.э.). *Stratum plus* (3), 15—127.
- Мачинский Д. А. 1997. Сакральные центры Скифии близ Кавказа и Алтая и их взаимосвязи в конце IV — середине I тыс. до н.э. *Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории*. Санкт-Петербург: Нестор, 73—94.
- Мосионжнич Л. А. 2012. *Технология исторического мифа*. Санкт-Петербург: Нестор-История.
- Рамсей Р. 1982. *Открытия, которых никогда не было*. Пер. с англ. Г. М. Улицкой. Москва: Прогресс.
- Страбон. 1964. *География: В 17 книгах*. Пер., ст. и коммент. Г. А. Стратановского; общ. ред. С. Л. Утченко. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение.
- Энгельс Ф. 1962. К истории первоначального христианства. В: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 22. Москва: Гос. изд. полит. лит-ры, 465—492.
- Rausch S. 2013. *Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Archäologie im Eurasien, Bd. 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH.

References

- Weisman, A. D. 1991. *Grechesko-russkii slovar'* (Greek-Russian dictionary). Reprint 5-go izdaniia 1899 g. Moscow: Greko-latinskii kabinet Iu. A. Shichalina (in Russian).
- Hippocrates. 1936. *Izbrannye knigi* (Selected books). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo biologicheskoi i meditsinskoi literatury (in Russian).
- Elnitsky, L. A. 1977. *Skifiia evraziiskikh stepei. Istoriko-arkheologicheskii ocherk* (Scythia of Eurasian steppes. Historical-archaeological essays). Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie (in Russian).
- Levinschi, A. N. 2010. In *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaia antropologiya* (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology) (3), 15—127 (in Russian).
- Machinski, D. A. 1997. In *Stratum: struktury i katastrofy. Sbornik simvolicheskoi indoeuropeiskoi istorii* (Stratum. Structures and catastrophes). Saint Peterburg: Nestor, 73—94 (in Russian).
- Mosionjnic, L. A. 2012. *Tekhnologiya istoricheskogo mifa* (Technology of historical myth). Saint Peterburg: Nestor-Istoriia (in Russian).
- Ramsay, R. H. 1982. *Otkrytiia, kotorykh nikogda ne bylo* (No Longer on the Map: Discovering places that never were). Moscow: Progress (in Russian).
- Strabo. 1964. *Geografiia* (Geography). Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie (in Russian).
- Engels, F. 1962. In Marx K., Engels F. *Sochineniya* (Works). 2nd ed. Vol. 22. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 465—492.
- Rausch, S. 2013. *Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus*. Archäologie im Eurasien 28. Berlin: Philipp von Zabern GmbH.

Статья поступила в номер 7 июля 2014 г.

Leonid Mosionjnic (Kishinev, Moldova). Doctor of History. High Anthropological School University¹.

Leonid Mosionjnic (Chişinău, Moldova). Doctor în istorie. Universitatea „Şcoala Antropologică Superioară”.

Мосионжнич Леонид Авраамович (Кишинев, Молдова). Доктор истории. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: mosionjnic@mail.ru

Address: ¹ Zimbrului St., 10a, Kishinev, MD-2024, Moldova

Список сокращений

АБИГИ	— Абхазский институт гуманитарных исследований. Сухум.
АГПИ	— Алма-Атинский государственный педагогический институт имени Абая.
АДГУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АН РТ	— Академия наук Республики Татарстан. Казань.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АП УРСР	— Археологічні пам'ятки Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
АЭАЕ	— Археология, этнология и антропология Евразии. Новосибирск.
БАН	— Болгарская Академия наук. София.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВГУ	— Волгоградский государственный университет.
ВДИ	— Вестник древней истории. Москва.
ГАЗ	— Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск.
ГИМ	— Государственный исторический музей. Москва.
ГМЗ КП	— Государственный музей-заповедник «Куликово Поле». Тула.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской Академии наук. Москва.
ИАК	— Известия Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ИАЭ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск.
ИИ АН Беларуси	— Институт истории Академии наук Беларуси. Минск.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской Академии наук. Тюмень.
КГОМА	— Курский государственный областной музей археологии.
КГУ	— Куйбышевский государственный университет.
КГУКИ	— Краснодарский государственный университет культуры и искусств.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
МАБ	— Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мінск.
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
МАЭС ТГУ	— Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МИА СССР	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИАК	— Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар.
МИАСК	— Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир.
МЭМ	— Музей Эразма Маевского (Археологический музей Варшавского научного общества им. Эразма Маевского). Варшава.
НА ИА НАНУ	— Национальный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НАВ	— Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
НАМВ	— Национальный археологический музей в Варшаве.
НГПУ	— Новосибирский государственный педагогический университет.
ОАК	— Отчет Императорской Археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
РА	— Российская археология. Москва.
РАН	— Российская Академия наук. Москва.
РСМ	— Раннеславянский мир. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
СО	— Сибирское отделение Российской Академии наук. Новосибирск.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет.
ТГУ	— Томский государственный университет.

ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Ленинград / Санкт-Петербург.
Тр. ГФ НГУ	— Труды гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. Новосибирск.
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет.
УАВ	— Уфимский археологический вестник. Уфа.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
AAA	— Acta Archaeologica Albaruthenica. Мінск.
ABS	— Acta Baltico-Slavica. Warszawa.
AE	— L'année épigraphique. Paris.
AEAE	— Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Novosibirsk; [Amsterdam].
AJA	— American Journal of Archaeology. New York.
AL	— Arhaeologia Litwana. Vilnius.
BAR	— British Archaeology Reports. London.
BAR IS	— British Archaeology Reports, International Series. London.
BEN	— Bibliotheca Ephemeris Napocensis. Cluj-Napoca.
BJ	— Bonner Jahrbücher. Bonn.
BRGK	— Bericht der Römisch-Germanische Kommission. Frankfurt am Main.
Britannia	— Britannia: a Journal of Romano-British and Kindred Studies. London.
CAH	— Communicationes Archaeologicae Hungariae. Budapest.
CSIR	— Corpus Signorum Imperii Romani. Oxford.
DES	— Discovery and Excavation in Scotland. Musselburgh.
EN	— Ephemeris Napolensis. Cluj-Napoca.
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki.
FA	— Forschungen in Augst. Augst.
FALB	— Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg. Potsdam; Wünsdorf.
FAP	— Fontes Archaeologici Pragenses. Praga.
Germania	— Germania: Anzeiger der Römisch-Germanische Kommission des Deutsche Archäologische Institut. Mainz; [Berlin].
IHUB	— Instytut Historii Uniwersytetu w Białymstoku.
IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Pontus Euxinus.
JahrDAI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institut. Berlin.
JahrRGZM, JRGZ	— Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. Bonn.
JRA	— Journal of Roman Archaeology. Portsmouth.
JRMES	— Journal of Roman Military Equipment Studies. Oxford.
JRS	— Journal of Roman Studies. London.
Jutland Arch. Soc. Publ.	— Jutland Archaeological Society publications. Aarhus.
MAB	— Monumenta Archaeologica Barbarica. Warszawa; Łódź.
MAG	— Muzeum archeologiczne w Gdańsku.
MAKW	— Mitteilungen der Altertumskommission für Westfalen. Münster.
MEM	— Muzeum Erasm Majewski. Warsaw.
MSW	— Materiały Starożytne i Wczesnośredniowieczne. Warszawa.
MVFB	— Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge. Berlin.
NMA	— National Museum of Archaeology. Warsaw.
NSPU	— Novosibirsk State Pedagogical University.
ORL	— Der Obergermanisch-rätische Limes des Römerreiches. Heidelberg.
PA	— Przegląd Archeologiczny. Wrocław.
PKA	— Prace Komisji Archeologicznej. Poznań.
PSAS	— Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. Edinburgh.
RE	— Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.
RÖ	— Römisches Österreich: Jahresschrift der Österreichischen Gesellschaft für Archäologie. Wien.
SA	— Scripta Archeologia. Warszawa ; Kraków.
SHM	— State Historical Museum. Moscow.
SJ	— Saalburg Jahrbuch. Darmstadt.
Stratum plus	— Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.
UMCSL	— Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie.
VBLUF	— Veröffentlichungen des Brandenburgischen Landesmuseums für Ur- und Frühgeschichte. Brandenburg an der Havel.
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn.